

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА



«На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»

Сборник статей памяти Светланы Рябцевой

*Под редакцией
Р. А. Рабиновича и Н. П. Тельнова*

Библиотека



КИШИНЕВ
2020

902/904 (082)=111=161.1

H 120

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Составители и ответственные редакторы:

доктор истории Р.А. Рабинович,
доктор истории Н.П. Тельнов

Редколлегия:

доктор истории Л.В. Дергачева,
кандидат педагогических наук А.Э. Жабрева,
доктор культурологии Н.М. Калашникова,
кандидат исторических наук А.А. Пескова,
магистр антропологии А.А. Романчук,
доктор истории Д.А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

«На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой = "One her wing is silver, The other one is made of gold..." Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva / составители и ответственные редакторы: Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов; обложка: Д.А. Топал; Университет Высшая антропологическая школа. — Кишинэу: Stratum Plus, 2020. — 508 p.: fig., fot., fig., fot. color, 35 p. il. color. — (Библиотека «Stratum» = Library «Stratum»), ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Tit., cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. — Texte: lb. engl., rusă. — Referințe bibliogr. la sfârșitul art.

ISBN 978-9975-3343-6-5.

902/904 (082)=111=161.1

H 120

Этот сборник научных статей посвящён памяти учёного, археолога, видного исследователя истории средневекового ювелирного дела, костюма и ювелирного убора Восточной и Юго-Восточной Европы — Светланы Станиславовны Рябцевой (1966—2019 гг.). С.С. Рябцева занимала в науке уникальное место: её изыскания стали своеобразным «мостом между Востоком и Западом» — исследованиями Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Светлана Станиславовна прожила короткую жизнь, но оставила о себе добрую память. Это её замечательные научные работы и то позитивное вдохновение, которое исходило от неё к близким людям, друзьям и коллегам. Сборник объединяет работы исследователей из Молдовы, России, Украины, Румынии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Словакии, Польши, Франции и Великобритании.

ISBN 978-9975-3343-6-5.

© Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов, 2020.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" Р.Р.

© Обложка: Д.А. Топал, 2020.

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина

Технический координатор: Ж.Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник, Г.В. Засыпкина

Редактор карт: Л.А. Мосионжник

Корректор: Г.В. Засыпкина

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY



‘ONE HER WING IS SILVER, THE OTHER ONE IS MADE OF GOLD...’

Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva

*Edited by
R.A. Rabinovich and N.P. Telnov*



KISHINEV
2020

Памяти
Светланы Станиславовны Рябцевой
посвящается



In memory of Svetlana Ryabtseva

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов (<i>Кишинёв, Молдова</i>). «Мои глаза ласкают твой портрет». Несколько штрихов к образу исследователя Светланы Рябцевой	15
Список научных публикаций С. С. Рябцевой	33
Фотоальбом	43
Некоторые графические работы Светланы Рябцевой	44

АРХЕОЛОГИЯ КОСТЮМА

М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму.	47
С. Дончева (<i>Шумен, Болгария</i>). О форме и декоре ременных бляшек в раннесредневековой Болгарии	55
С. В. Томсинский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Накладка на сумку первой половины X в. из Углича.	69
К. А. Лавыш (<i>Минск, Беларусь</i>). Восточные и византийские традиции в комплексе украшений женского костюма Руси (по материалам средневековых городов Беларуси)	77
А. Э. Жабрева (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). О некоторых изобразительных источниках по средневековому костюму сербской знати	89
Н. В. Жилина (<i>Москва, Россия</i>). Фибула как инсигния в западноевропейском костюме	99
К. Тэтару, Т. А. Мартин (<i>Бухарест, Румыния</i>). Булавки из клада начала XVII века из Влэдичаска, жудец Калараш.	107
Л. В. Дергачева (<i>Бухарест, Румыния</i>). Средневековый женский аксессуар головного убора из Республики Молдова	119
Н. М. Калашникова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Об использовании украшений-реплик при реконструкции костюмных комплексов	125

СОВЕРШЕНСТВО ИЗЫСКАННЫХ УКРАШЕНИЙ

- О. В. Гопкало** (*Киев, Украина*). Кольца, височные кольца, браслеты, серьги, гривны — редкие аксессуары погребального убора культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш 135
- В. Йотов** (*Варна, Болгария*). Золотая пластина с монограммой из поздне-античной крепости на мысе Св. Атанас 147
- И. Р. Ахмедов** (*Санкт-Петербург, Россия*). «Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э. 151
- В. Е. Родинкова** (*Москва, Россия*). История изучения женского металлического убора круга «древностей антов». 163
- А. В. Мастыкова** (*Москва, Россия*). Средневековые перстни с пентаграммой в Юго-Западном Крыму: происхождение, распространение, датировка. 171
- С. Оца** (*Бухарест, Румыния*). Серьги, украшенные ажурными сферическими подвесками, происходящие с территории Румынии, Молдовы и Сербского Баната 181
- Ю. В. Степанова** (*Тверь, Россия*). Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI—XIII вв. 191
- А. И. Болдуряну** (*Кишинёв, Молдова*). Браслет с арабской надписью и львиной личиной с городища Костешть XIV в. (Молдова) 201
- С. И. Валиулина** (*Казань, Россия*). Некоторые украшения и детали костюма Торецкого городского поселения. 207

СОКРОВИЩА ФОНДОВ

- Л. В. Строкова** (*Киев, Украина*). Древнерусский клад из с. Новые Безрадици Киевской области. 221
- Ю. В. Мысько** (*Киев, Украина*). Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника 227
- А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков** (*Самара, Россия*). Ювелирные изделия эпохи Волжской Болгарии из фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина 237

КРАСОТА САКРАЛЬНОГО

- М. П. Крук** (*Краков, Польша*). Двусторонний энколпион с изображениями Богородицы с младенцем Иисусом и Трех Святых из коллекции князя Чарторыйского в Кракове 251

- А. А. Пескова, А. Ю. Кононович (Санкт-Петербург, Россия). Фрагменты серебряных окладов богослужебных предметов из раскопок Большого Шепетовского городища 265**
- И. А. Стерлигова (Москва, Россия). Драгоценные украшения на древнерусских иконах по «свидетельству» резных и литых образков XIII века . . 277**
- Л. В. Пекарская (Лондон, Великобритания). Золотые колты с изображениями святых: манера исполнения и неизвестные особенности стиля . . 285**
- И. Тентюк, В. Бубулич (Кишинёв, Молдова). Раннесредневековые миниатюрные топоры Карпато-Днестровского региона. Вопросы датировки происхождения и функциональности 299**

ЛИЧНОСТИ И ЗНАКИ ЭПОХ

- С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия). Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова 311**
- Б. Лесак (Братислава, Словакия), Н. В. Хамайко (Киев, Украина), Е. Е. Черненко (Чернигов, Украина). Печати княгини Марины 315**
- Л. П. Заболотная (Кишинёв, Молдова). Загадка одного портрета: Мария Владимировна Старицкая или Мария (Лупу) Радзивилл? 331**

«СУММА ТЕХНОЛОГИЙ»

- К. С. Чугунова (Санкт-Петербург, Россия). Информативность химического состава средневекового металла на примере двух групп украшений из медных сплавов 341**
- И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, К. М. Подурец, М. М. Мурашев (Москва, Россия). Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации 353**
- И. А. Сапрыкина (Москва, Россия). Украшения из легкоплавких сплавов в городском ювелирном наборе XII—XIII вв. (по материалам из раскопок Твери) 363**
- М. И. Гоняный, Т. Г. Сарачева (Москва, Россия). Химический состав металла нательных крестов из поселений Устье 2, 3 на Куликовом поле . . 369**
- Е. В. Салмина, С. А. Салмин (Псков, Россия). Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016—2019 гг.) 381**
- Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о древней технологии смолотварения 389**

ЗАВОЕВАТЕЛИ РОДИНЫ

- А. В. Комар** (*Киев, Украина*). Поясные украшения IX в. из погребений древних мадьяр Днестро-Дунайского региона 397
- Э. Галл** (*Бухарест, Румыния*). Предполагаемое погребение «венгерского воина периода Обретения родины», обнаруженное в 1959 году у озера Тей возле Бухареста 407
- М. В. Квитницкий** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*), **В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*), **С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **А. Тюрк** (*Будапешт, Венгрия*). Погребение из Владычень с украшением венгерского облика. 415

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- С. Н. Травкин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Некоторые особенности использования монет в ювелирном искусстве в средние века 427
- Е. Р. Михайлова** (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусские курганы могильника Которск IX 433
- В. Ю. Соболев** (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа. 447
- А. В. Курбатов** (*Санкт-Петербург, Россия*). О редкой находке в Березове на севере Западной Сибири 453
- Н. Д. Руссев** (*Кишинёв, Молдова*). От разноцветных ниточек до косточек и ножинок: к истории этнографических предметов давнего детства 461

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

- Д. А. Топал** (*Кишинёв, Молдова*). Ювелирные изделия клада из Феттерсфельде: в поисках нарратива, автора и адресата 469
- А. А. Романчук** (*Кишинёв, Молдова*). Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы 479
- А. Е. Мусин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси 487
- Ф. Ницу** (*Бухарест, Румыния*). Потребление ювелирных изделий в Мунтении и Молдове в XVII—XVIII вв. 499
- Список сокращений.** 505

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

R.A. Rabinovich, N.P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). ‘My eyes are fondling your portrait’. A few touches to the portrait of researcher Svetlana Ryabtseva . . .	15
List of works by Svetlana Ryabtseva	33
Photoalbum	43
A few graphic works by Svetlana Ryabtseva	44

ARCHAEOLOGY OF COSTUME

M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). Fingered Fibulae of Archar-Histria Type on the Danube and in the Crimea.	47
S. Doncheva (<i>Shumen, Bulgaria</i>). On the Shape and Decoration of Belt Mounts in the Early Medieval Bulgaria	55
S. V. Tomsinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). An Applique for a Bag of 900—950 from the Town of Uglich.. . . .	69
K.A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Oriental and Byzantine Traditions in a Complex of Ornaments for Women’s Costume in Rus’ (by Materials of Medieval Towns of Belarus).	77
A. E. Zhabreva (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). About Some Graphic Sources on the Medieval Costume of the Serbian Nobility	89
N. V. Zhilina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Fibula as Insignia in a Western-European Costume.	99
C. Tătaru, T.A. Martin (<i>Bucharest, Romania</i>). Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county	107
L. V. Dergaciova (<i>Bucharest, Romania</i>). Medieval Female Headpiece Found in the Republic of Moldova	119
N.M. Kalashnikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). On Using Jewellery Replicas during Reconstruction of the Historical Dresses.	125

PERFECTION OF FINE JEWELRY

- O. V. Gopkalo** (*Kyiv, Ukraine*). **Finger Rings, Temple Rings, Bracelets, Earrings, Torcs: rare accessories of burial dress of the Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture** 135
- V. Yotov** (*Varna, Bulgaria*). **Gold Plate with Monogram of the Late-Antique Fortress at Cape of St. Atanas** 147
- I. R. Akhmedov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **“Relic” Forms of Jewelry from Elshino Hoard of the 7th Century AD** 15
- V. E. Rodinkova** (*Moscow, Russian Federation*). **History of Study of Women’s Metal Attire from the “Antiquities of the Antae” Circle** 163
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Medieval Finger Rings with Pentagram in the South-Western Crimea: Origin, Distribution, Dating** 171
- S. Oța** (*Bucharest, Romania*). **Earrings Decorated with Hemstitched Spherical Pendants Found on the Territory of Romania, Moldavia and the Serbian Banat** 181
- Yu. V. Stepanova** (*Tver, Russian Federation*). **Finger-rings from the Rural Burial Sites of the Tver Upper Volga of 11th—13th Centuries** 191
- A. Boldureanu** (*Kishinev, Moldova*). **Bracelet with Arabic Inscription and Leonine Mask Found in Costești Town of the 14th Century (Moldova)** 201
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **Some Jewelry and Costume Details of the Toretskoe Urban Settlement** 207

TREASURES FROM COLLECTIONS

- L. V. Strokova** (*Kyiv, Ukraine*). **Ancient Russian Treasure Hoard from Novi Bezradychi of Kyiv Oblast** 221
- Yu. V. Mysko** (*Kyiv, Ukraine*). **Objects of the Old Rus Head and Neck Jewelry Dress in the Depositary Collection of the National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Reserve** 227
- A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Jewelry of the Volga Bulgaria Era from the Funds of the Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P. V. Alabin** 237

BEAUTY OF THE SACRED

- M. P. Kruk** (*Krakow, Poland*). **Double-Sided Encolpion with the Virgin and Child and Three Saints in the Collection of the Princes Czartoryski in Krakow** 251

A.A. Peskova, A. Yu. Kononovich (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Fragments of the Silver Frames of Liturgical Items from the Excavation of a Large Fortified Settlement near Shepetovka	265
I.A. Sterligova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Precious Ornaments on Old Russian Icons: Evidence of Carved and Cast Images from the Thirteenth Century	277
L. V. Pekarska (<i>London, Great Britain</i>). Gold Cloisonné Kolty with Images of Saints: their Manufacturing Manner and Unknown Style Features.	285
I. Tentiuc, V. Bubulici (<i>Kishinev, Moldova</i>). Early medieval miniature axes in Carpathian-Dniester region. The issues of dating, origin and functionality . .	299

PERSONALITIES AND SYMBOLS OF EPOCHS

S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Axe with the Image of an Ancient Russian Ducal Sign from the Outskirts of Chernigov	311
B. Lesák (<i>Bratislava, Slovakia</i>), N. V. Khamaiiko (<i>Kyiv, Ukraine</i>), O. Ye. Chernenko (<i>Chernihiv, Ukraine</i>). Seals of Princess Marina.	315
L. P. Zabolotnaia (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Mystery of One Portrait: Maria Vladimirovna Staritskaya or Maria (Lupu) Radziwill?	331

‘SUMMA TECHNOLOGIAE’

K. S. Chugunova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Informational Value of Medieval Metal’s Chemical Composition Based on Two Groups of Copper-Alloy Jewelry	341
I. E. Zaytseva, E. S. Kovalenko, K. M. Podurets, M. M. Murashev (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Medieval Russian Cross Pendants: Neutron and Synchrotron Imaging Experience	353
I.A. Saprykina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Pewter Jewelry in the Urban Jewelry Set in 12th—13th cc. (According to the Materials from Excavations in Tver)	363
M. I. Gonyanyi, T. G. Saracheva (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Chemical Composition of Metal Used in Breast Crosses from Ustye 2, 3 Settlements on the Kulikovo Field.	369
E. V. Salmina, S. A. Salmin (<i>Pskov, Russian Federation</i>). Metallurgical Furnaces on the Burial Mounds (discovery of the medieval metallurgy district in Pskov during excavations in 2016—2019)	381
T. B. Senichenkova, S. O. Uriupov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Revisiting the Ancient Technique of Tar-making.	389

CONQUERORS OF THEIR OWN HOMELAND

- O. V. Komar** (*Kyiv, Ukraine*). **Belt Fittings of the 9th Century from the Early Magyar Burials of the Dniester-Danube Region** 397
- E. Gáll** (*Bucharest, Romania*). **The Grave of an Allegedly “Conquest Period Hungarian Warrior” Found in 1959, at Tei Lake near Bucharest** 407
- M. V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*), **S. D. Lysenko** (*Kyiv, Ukraine*), **A. Türk** (*Budapest, Hungary*). **Grave from Vladycheni with Adornment of the Hungarian Type.** 415

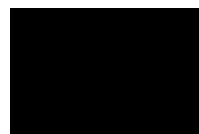
RESEARCH AND PUBLICATIONS

- S. N. Travkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Some Features of the Use of Coins in Jewelry in the Middle Ages** 427
- E. R. Mikhaylova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Barrows with Inhumations from the Medieval Cemetery Kotorsk IX** 433
- V. Yu. Sobolev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Ancient Russian Funeral Culture of the Novgorod Land. Chronological Indicators of Early Stage** . . . 447
- A. V. Kurbatov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A Rare Find from Berezov in the North of Western Siberia** 453
- N. D. Russev** (*Kishinev, Moldova*). **From Multi-Colored Threads to Bones and Small Knives: towards history of ethnographic objects from remote childhood** . . 461

POLEMIC ETUDES

- D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*). **Jewellery from Vetttersfelde Hoard: in search of the narrative, its author and recipient** 469
- A. A. Romanchuk** (*Kishinev, Moldova*). **Women’s Jewelry and the Origin of Old Russian State: Some Remarks in the Margins of the Issue.** 479
- A. E. Musin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Paradoxes of the Reception of Byzantine Culture in Medieval Rus’** 487
- F. Nițu** (*Bucharest, Romania*). **Jewellery consumption in Wallachia and Moldova, 17th—18th centuries** 499
- Abbreviations** 505

Ad memoriam



«Мои глаза ласкают твой портрет». Несколько штрихов к образу исследователя Светланы Рябцевой

... Что бы ни случилось,
Уйти не сможешь — мыслию одной
Мы связаны надежней всякой силы.

Уильям Шекспир

* * *

Кажется, это Пьер Буаст когда-то заметил, что многие выдающиеся люди, подобно звездам, устаиваются должного внимания только тогда, когда они затмились. Наверное, в полной мере эти слова можно было бы отнести к Светлане Рябцевой — человеку хотя очень скромному, но при этом ярко проявившему себя и в своей профессии, и в разных сторонах жизни. После того как сообщили об её безвременной кончине 21 июня 2019 года, слова «светлый», «светлый человек», «светлая Светочка» были самыми употребляемыми эпитетами в многочисленных откликах, комментариях на это трагическое известие. Конечно же, для большинства людей, знающих о Светлане Станиславовне Рябцевой — она прежде всего профессиональный ученый, археолог, видный исследователь истории средневекового ювелирного дела, костюма и ювелирного убора Восточной и Юго-Восточной Европы. Но мы хотели бы рассказать о Ней не только как об ученом, но и как о личности, человеке, друге, художнике...

Пусть это будут те штрихи к портрету Исследователя, которые сделают более близким и узнаваемым образ Светланы. Мы не сомневаемся, что еще многие годы к ее научным трудам будут обращаться специалисты-археологи. Но если после прочтения этого текста они хотя бы отчасти увидят за строками научных публикаций не только ученого, но и человека во всем многообразии его судьбы и душевных качеств, то мы посчитаем свою задачу выполненной.

Светлана Рябцева (до замужества Козина) родилась 7 декабря 1966 г. в городе Ленинграде. И гордилась этим. Как и многие люди ее поколения, она неоднозначно воспринимала возвращение родному городу прежнего исторического названия. Видимо, на это повлияли услышанные в детстве от очевидцев рассказы о ленинградской блокаде. Не случайно много лет на ее страничке в социальной сети в качестве статуса фигурировали слова припева песни из фильма «Мы из блокады»: «Ведь мы же с тобой ленинградцы».

Светлана была единственным ребенком в семье Станислава Васильевича Козина и Галины Моисеевны Полевой. И отец, и мама всю трудовую жизнь преподавали в Санкт-Петербургском университете телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (до 1993 г. Ленинградский электротехнический институт связи — знаменитый «Бонч»). Станислав Васильевич с юности был страстно увлечен поэзией, Галина Моисеевна прекрасно рисовала и брала Свету еще маленькой девочкой на пленэр. Сами родители Светланы были кореными ленинградцами, но родители ее мамы были из Ельца, а корни отца — с Рязанщины. И бабушка, и дед, и прадед Светы по материнской линии работали учителями в Ельце, дед по отцовской — служил почтальоном. Война забрала обоих дедов. Дед Моисей погиб/пропал без вести уже в августе 1941 года. Дед Василий вернулся с войны, но с тяжелым ранением, и вскоре умер.

Родители Светы жили скромно, чтобы не сказать — бедно. К моменту рождения дочери молодая семья, с которой вместе уже проживала и бабушка по материнской линии — Анастасия Кузьминична, обладала комнатой в коммуналке на Литейном проспекте.

Из воспоминаний Светланы Рябцевой:

«...Помню, как с наступлением ночи меня укладывали спать, выключали в нашей комнате свет, а папа садился у самой входной двери лицом к освещенному коридору и на каком-то ящичке писал диссертацию.»

С самого раннего возраста Света вместе с мамой уезжали на всё лето в Елец. Позднее, уже подростком, и до конца 90-х годов их семья много лет снимала на лето дачу в Луге.

«Есть в России город Луга

Петербургского округа;

Хуже не было б сего

Городишки на примете...»

(А. С. Пушкин, 1817 г.).

Света, несмотря на всю любовь к «солнцу русской поэзии», всегда с легкой иронией относилась к этому мнению. Парадоксально, но после Луги судьба свяжет ее с Кишиневом, которому от «солнца» тоже досталось: *«...Тебя бранить язык устанет...»* (А. С. Пушкин, 1823 г.). Света обожала Лугу, уютную, тихую, прогулки босиком по местным песчаным дорогам, сосновый бор, который начинался чуть ли не сразу за калиткой дачи.

Ирина Минаева:

«...Незадолго до 21 июня мне по адвокатским делам пришлось ездить в Лугу. С Лугой связаны Светины годы детства и юности. Много лет ее родители выезжали на природу летом именно в Лугу, снимали домик. Там у Светы были друзья, много светлых воспоминаний, она рассказывала о летних каникулах в Луге, описывала в школьных сочинениях свои беззаботные дни. Я делала фотки и пересылала Свете, чтобы она ещё раз мысленно вернулась к своим детским забавам, надеждам и мечтам. Я рада, что она успела заглянуть в своё прошлое перед завершением земного пути.»

Видимо, оттуда, из Ельца и Луги — родом из детства и юности, и появилась на всю жизнь огромная любовь Светланы к древним русским городам. Псков, Новгород, Архангельск, Старая Русса, Ярославль, Ростов, Владимир, Суздаль — этот список можно было бы продолжить — до конца жизни любимые места для ее поездок, командировок, отпусков... а еще потом к ним прибавились любимые Киев и особенно Краков.

В начале 1970-х семья Козиных путем нехитрых обменов с доплатами получила

двухкомнатную квартиру в новом городском районе на правом берегу Невы, месте, известном старожилам как Веселый поселок. Точная этимология этого названия до сих пор неизвестна, как и непонятно, что в этом районе было веселого, но Свете здесь нравилось — можно было совершать одной или с друзьями любимые ею прогулки в лесопарковой зоне — по берегу протекающей здесь речки с загадочным названием Оккервиль. Здесь же Света пошла в школу под номером 13. Школа эта была особая, как говорили тогда, экспериментальная, с английским уклоном.

Ирина Минаева:

«Мои первые воспоминания о Свете уносят меня в далёкое детство. Это 1 сентября 1974 года, праздничная линейка в честь начала учебного года во дворе школы №13. Среди нарядных и немного взволнованных первоклашек помню отчетливо — Света Козина (она была такая хрупкая, с пушистыми, светлыми, выгоревшими за лето на солнце, почти белыми, волосами до плеч и с огромным белым бантом на макушке). В школе она была достаточно раскрепощенной (в хорошем смысле), имела всегда своё мнение и не скрывала его, даже если оно шло вразрез с мнением большинства. Думаю, что формировалось это качество в семье. Родители у Светы вели жизнь, немного отличающуюся от быта большинства семей в то время. Они были преподаватели, занимались точными науками, семья математиков, были увлечены своим делом и... искусством. Привили и своей дочери интерес к познанию, поэзии...»

Помню, что были некомфортные моменты у Светы в классе, когда учитель задавал подготовить работу по материалам телепрограммы. А родители Светы были убеждены, что телевизора в доме быть не должно. Его и не было. Немуно возникали ситуации, когда над Светой посмеивались и упрекали, было и непонимание учителей, и записи в дневник, и слезы, и пр. ... Но она мужественно отстаивала точку зрения своих родителей.

Училась Света всегда выше среднего уровня. Была бы и первой по успеваемости в классе, если бы не ее избыточная эмоциональность. Она порой заикалась. Света, похоже, просто не успевала за своим вдохновением, поэтому некогда ей обращать внимание на орфографию и пунктуацию. Какие могут быть правила, когда надо успеть поделиться своими мыслями, всё донести и записать? Какие были сочинения у Светы?! Лучшие! За содержание и раскрытие темы у Светы всегда были «отлично» или «отлично с +». Она всегда имела своё видение, красиво его излагала, удивляла, порой, даже учителей. Обяза-

тельно находила оригинальные изгибы мыслей, новые формы, нестандартные цитаты. Было интересно! Частенько ее сочинения зачитывали перед классом...».

Света еще в школьном возрасте всегда была готова на неординарный и, если нужно, мужественный поступок.

Ирина Минаева:

«...Нам в восьмом классе на уроке труда дали задание приготовить торт, но только по своему, не известному никому рецепту. Нас поделили на бригады. И мы договорились, что наша бригада будет заниматься кондитерскими упражнениями у меня дома. В компании у нас, кроме Светы и меня, было ещё человек пять. Придумали мы испечь медовый блинный торт. Опыта большого у нас не было. В процессе выпекания блинов для торта у нас вспыхнуло масло на сковородке. Видимо, слишком много мы его налили. Огромное пламя и дым коромыслом. Все завизжали. Кто-то выронил эту раскаленную с горящим маслом сковородку на пол. Девчонки с криками разбежались из кухни. И только мы со Светой остались спасать сковородку, пол, блины и пр... Мы погасили огонь и Света всё с тем же с завидным спокойствием продолжала помогать мне навести порядок после происшествия. Пол в квартире был из линолеума, и пока я жила в той квартире — огромный расплавленный след напоминал о нашем торте. И о нашей со Светой собранности и отсутствии паники в критические мгновения, а мы были еще, практически, дети...».

Света уже тогда, в школьные годы, отличалась огромной работоспособностью и самодисциплиной. Можно только удивляться, как она столько успевала, совмещала обучение в школе (в старших классах здесь преподавали и ряд предметов — биологию, химию и др. — на английском языке) с занятиями музыкой — игра на фортепиано (она занималась индивидуально с учительницей музыки дома), обучением в художественной школе и посещением кружка-студии в Государственном Эрмитаже. Собственно, два последних занятия и заложили выбор ее двух главных любимых дел в будущем.

В рамках деятельности кружка в Эрмитаже осуществлялись поездки ребят по памятникам архитектуры под руководством известного археолога Т.А. Чуковой, читали лекции такие корифеи науки, как М.Б. Пиотровский, Д.А. Мачинский, М.Б. Шукин и другие известные исследователи. Света только на дорожку в Эрмитаж, наземным транспортом — ближайшие станции метро появились позже, тратила по несколько часов в день. Это было сложно, часто ее сопровождал на обрат-

ном пути отец после окончания своих лекций. В дальнейшем этот эрмитажный кружок преопределил выбор профессии.

Но не сразу...

* * *

В 1984 г., после окончания десятого класса, все прочили Светлане Козиной, исходя из ее способностей, деятельность в области литературоведения или искусствоведения, в крайнем случае журналистики. Но, уже имея за плечами «художку», совершенно неожиданно для всех (но не для родителей) Светлана стала поступать в знаменитую «Муху» (Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухиной, после 1994 г. переименованное в «Санкт-Петербургскую художественно-промышленную академию имени А.Л. Штиглица»). В эпоху так называемого застоя, когда в советском обществе, особенно в больших городах, прочно сформировалась модель «ты — мне, я — тебе» и стали цениться «полезность» и «умение что-то достать», многим ее друзьям этот выбор показался «несерьезным». Трудно сказать, как всё могло бы сложиться в дальнейшем, но Света не прошла по конкурсу. Не тратя времени на слёзы, раскачку и обдумывания, уже в сентябре этого же года Светлана Козина меняет вектор своей судьбы — устраивается на работу в «Горьковку» — Научную библиотеку им. Горького Ленинградского государственного университета. И работает там год — до следующего поступления, но уже не в «Муху», а в этот же, ставший родным еще до поступления, университет.

В 1985 г. Светлана поступила на исторический факультет Ленинградского университета. Вопрос о выборе специализации перед ней 1 сентября не стоял, после блистательных лекций эрмитажников, услышанных ею еще во время обучения в школе, это могла быть только археология. Так она оказалась на Кафедре археологии ЛГУ.

Светлана Рябцева:

«Свет, доброта, благорасположение, уважение к людям, ну и, конечно, исконная питерская интеллигентность — это было первое, что видели мы, новоиспеченные студенты, еще не пришедшие в себя от баталий и переживаний вступительных экзаменов, когда переступили порог ставшей потом родной Кафедры археологии ЛГУ/СПбГУ. И одним из источников этого света был Василий Александрович Булкин» (Рябцева 2018: 27).

На Кафедре археологии ЛГУ было много прекрасных преподавателей, читавших вели-

колепные лекции, но В. А. Булкин был не только отличным лектором, но и замечательным научным руководителем курсовых и дипломных работ для Светланы и ее сокурсников. Он не жалел своего времени и сил для работы и общения со студентами, таскал для них редкие книги из дому.

Светлана Рябцева:

«Без усталости и терпеливо вел нас через разные этапы исследования, показывая различные методы и подходы», «Василий Александрович всегда был полон научных идей, которыми он щедро делился, поэтому темы, которые он предлагал в качестве курсовых работ, были всегда очень интересны» (Рябцева 2018: 27).

Под влиянием и руководством В. А. Булкина Светлана начала разрабатывать темы по древнерусским украшениям, то есть те темы в археологии, которые были наиболее близки к изобразительному искусству. Любовь к рисованию, сохранявшаяся на протяжении всей жизни, и полученные навыки очень ейгодились при скрупулёзном анализе предметов ювелирного искусства.

Светлана Рябцева:

«...На первом курсе у меня была работа “теоретическая” — по топографии распространения и специфике составов и находок древнерусских денежно-вещевых кладов. А вот на втором курсе В. А. Булкин сказал. “А теперь тебе надо перейти на другой берег Невы. Там, в Эрмитаже — Шалаховский клад, его хранит Злата Александровна Львова. Это очень важный комплекс, а про него практически ничего не написано. Пора тебе работать с подлинными вещами, рисовать их”. Потом, узнав, что я общаюсь и учусь не только у Златы Александровны, но и у Рафаэля Сергеевича Минасяна, очень обрадовался и хитро улыбнулся: “Рафаэль Сергеевич занимается с тобой? Как хорошо! Но мы об этом никому не скажем... Вот тебе и замечательный оппонент на диплом”! У него действительно был план на всю работу вперед, так как на следующем курсе был еще один “более дальний” поход по Дворцовой — до Института истории материальной культуры и рукописного фонда Гали Федоровны Корзухиной. Думаю, и другим студентам он также демонстрировал все практические и теоретические моменты специфики исследовательской работы... А еще Василий Александрович очень любил точность во всем и четкость изложения. Свои первые односторонние тезисы под его руководством я переделывала раза четыре и очень благодарна за то терпение, с которым он вновь и вновь возвращался к вычитке. Это была та школа, плоды которой я пожинаю до сих пор» (Рябцева 2018: 27—28).

С годами обучения в университете связано и участие в 1986—1988 гг. в первых экспедициях — археологических раскопках средневековых памятников, причем очень известных — Городище на р. Сясь под Тихвином (под руководством В. А. Булкина) и Тимерево (под руководством В. Н. Седых). Были и раскопки в Сибири — Кош-коли, Красноярский край (под руководством Э. Б. Вадецкой). В 1989 г. Светлана участвовала в археологических исследованиях комплекса Соловецкого монастыря (в частности, построенной в конце XVI в. т. н. Корожной тюрьмы, располагавшейся в башне крепостной стены), которыми руководил Андрей Николаевич Рябцев — ее муж (к сожалению, брак оказался недолгим).

Светлана Рябцева окончила университет в 1990 г., но из-за «разгулявшейся» в стране перестройки не получила распределения на работу. На протяжении ряда лет она работала в составе постоянно действующей Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа — участвовала в раскопках средневековых Пскова (1991, руководитель С. В. Белецкий) и Новгорода (1992, рук. О. М. Иоаннисян), церкви св. Бориса и Глеба и др. в Ростове Великом (1992—1995, рук. О. М. Иоаннисян).

Именно в тех «иоаннисяновских» экспедициях развились и окрепли на долгие годы зародившиеся еще в детстве, в «походах с Т. А. Чуковой», интерес и любовь Светы к русской церковной архитектуре, после переезда в Молдову включившие в свою орбиту и карпато-балканское храмовое зодчество. В университетские годы она продолжала много рисовать, и если проанализировать ее творчество, то увидим, что кроме любимых ею цветов и природы, в центре сюжетов часто выступают храмы. А рисовала Света беспрерывно, все свободное от работы и сна время.

Яна Соловьева:

«Мы познакомились со Светочкой в экспедиции Олега Михайловича Иоаннисяна в Ростове Великом. Как-то сразу подружались. Жили в Кремле, спали в большом бескомнатном зале коммунальной, чуждой атмосферы, если погода позволяла. Там же на столе, после работы, всегда разложен лист ватмана... Отчетливо врезалось в память, как Света рисует жар-птицу, она как Светин почерк жемчужный, само изящество! Еще один завиток и готово! Будет наша экспедиционная жизнь украшать!»

* * *

Начиная с 1993 года и по 2000 г. Светлана работала научным сотрудником Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, где являлась ответственным за хранение археологических материалов из раскопок древнерусских городов. Это была действительно чрезвычайно ответственная работа (нужно было хорошо знать и обрабатывать коллекции). А порой и нервная. Вспомним период в конце 1990-х (в 2000-х, правда, ситуация в этом отношении стала еще хуже), когда Эрмитаж оказался в поле «грязной» информационной войны, развязанной на одном из этапов губернаторских выборов. Желтая пресса, жадная до сенсаций настолько, что эти сенсации «о воровстве» искусственно добывались из пальца, злобными «предположениями» буквально терроризировала коллектив сотрудников Эрмитажа.

Света очень переживала эту ситуацию, она была влюблена в Эрмитаж и эрмитажников, здесь была ее родная стихия, здесь был её второй дом.

Ирина Минаева:

«Она чувствовала себя в Эрмитаже как дома. Легко ориентировалась в многочисленных залах, экспонатах, выставках. Она знала массу уникальной информации и готова была со всеми делиться ею. Она записывала меня и моих родственников, друзей на выставки, в кладовые, приглашала на редкие экскурсии, она дружила и общалась со многими выдающимися сотрудниками главного нашего музея, ее все очень любили, всегда были приветливы и доброжелательны не только со Светой, но и с ее гостями. Мы со Светой после прогулки по залам или экскурсии заруливали в эрмитажный буфет попить чайку, а потом долго сидели на красных бархатных диванчиках под мрачными изваяниями и болтали от души о своей жизни, обо всем подряд...»

Как известно, Эрмитаж — это особый мир. Здесь совершенно неразрывно живут археологические объекты, произведения искусства, здания и люди. Сотрудники ежедневно видят тысячи шедевров, общение с произведениями искусства не может не отразиться на человеке, его мировосприятии. Светлана Рябцева работала не только в хранении, она участвовала во многих мероприятиях, помогала готовить выставки, с некоторыми выставками Эрмитажа выезжала за пределы Петербурга, как, например, в 1996 г. в Японию.



Рис. 1. Рисунок на оборотной стороне листа из письма Светланы Рябцевой, присланного из Японии. 1996 г.

Fig. 1. A drawing from the letter sent by Svetlana Ryabtseva from Japan. 1996.

Роман Рабинович:

«Света любила рассказывать о своих впечатлениях об Японии. Страна детей и цветов, как говорила она. Традиционная японская вежливость, бумажные фонари, сады камней, вкус настоящего «суши» (в Петербурге в середине 90-х суши — еще экзотика) и т.д., и т.п., как обычно, в то время впечатляло всех. Одно из ярких воспоминаний — о случае в ресторане, где угощали ужином вместе российских гостей и их японских коллег. В многолюдном заведении гостей развлекали на сцене живой музыкой, пением и номерами женщин-танцовщиц. Надо сказать, что в этот период (потом в Кишиневе это продолжится) Света очень увлекалась занятиями восточными танцами. Музыканты обратили внимание на русскую гостью за столом «музейщиков», которая, внимательно следила за танцовщицей, и не вставая со своего стула, сама совершала движения в такт музыке, и неожиданно для нее... пригласили на сцену, хотя местная плясунья еще продолжала свой номер. Света не знала японских обычаев (вдруг отказ обидит музыкантов или других гостей), приняла приглашение и станцевала прямо рядом с «профессионалкой» на сцене нечто «восточное». — Вот теперь могу подрабатывать

ресторанной танцовщицей, — шутила она после этой памятной поездки».

В период работы в Эрмитаже у Светланы окончательно формируется сфера научных интересов — история ювелирного искусства и костюма Восточной и Юго-Восточной Европы.

Причем если в первые годы она в своих исследованиях концентрировалась исключительно на древностях Восточной Европы — Киев, Древняя Русь в целом, отчасти Волжская Болгария, то со временем первоначальный простой поиск аналогий для местных изделий художественной металлообработки за пределами этих территорий перерос в глубокий интерес к истокам происхождения и особенностям бытования тех или иных типов украшений в степном мире Евразии, Карпато-Балканском и Среднедунайском регионах.

В 1996 г. Светлана Рябцева оформила соискательство в аспирантуре Государственного Эрмитажа и стала готовить кандидатскую диссертацию. Научным руководителем ее работы был Рафаэль Сергеевич Минасян — ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа, признанный специалист в области исследования металлообработки для эпох древности и средневековья.

Руководство Р. С. Минасяна было очень полезным для профессионального роста Светланы, особенно, конечно же, в плане выработки навыков технологического анализа, но она, возможно, не всегда была самым «послушным учеником» — она увлекалась, ее, что называется, частенько «сносило» с чистой технологии в область морфологического и стилистического анализов, то есть в те области исследования, где наиболее проявлялась художественная эстетика, зримо сказывалось влияние межрегиональных культурных связей и присутствовал широкий географический охват. К тому же, начиная с 1998 года, контакты соискателя и научного руководителя заметно ослабли и стали нерегулярными: с 1998 по 2000 г. Светлана проходила стажировку в Институте археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова в г. Кишиневе и поэтому не так уж много времени находилась в Санкт-Петербурге.

В конце 2000 года диссертация С. С. Рябцевой по теме «Древнерусский женский ювелирный убор IX—XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (Основные тенденции формирования)» была представлена для защиты в Специализированный совет по спе-

циальности «Археология» в Институте истории материальной культуры (ИИМК РАН), так как Специализированный совет в Эрмитаже не было, и 30 мая 2001 г. успешно защищена.

Эта диссертация в дополненном виде стала основой монографии Светланы Рябцевой «Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования», вышедшей в 2005 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Нестор-История» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и дружеском содействии директора издательства Сергея Эрлиха. Рецензентами книги стали очень ответственные и дотошные ученые Анна Анисимовна Пескова и Юрий Михайлович Лесман («*Прекрасным моментом ученичества было для меня обсуждение замечаний, высказанных Юрием Михайловичем, ставшим очень внимательным рецензентом моей книги*» — позднее писала в одной из своих статей Светлана Рябцева). Выразительная обложка, талантливо сделанная молдавским археологом и дизайнером Денисом Топалом, была легко узнаваемой, запоминавшейся и стала «визитной карточкой» Светланы как специалиста по древнерусскому убору. Не маленький для подобных специализированных научных изданий в начале 2000-х гг. тираж (1000 экз.) был раскуплен в течение менее двух лет, книга стала библиографической редкостью.

Николай Тельнов:

«Первая монография Светланы посвящена исследованию процесса формирования комплексов украшений, составляющих парадные женские головные уборы в Древней Руси. В ювелирных уборах ранних славян и соседних народов выделяются типы украшений, получившие развитие и в более позднее время. Формирование древнерусского ювелирного убора изучается на фоне широкого круга аналогий из других регионов, позволяющих выявить исторический контекст включения в него изначально народных украшений. В монографии рассматривается процесс смены парадных ювелирных уборов древнерусского времени как отражение этнических и культурных контактов Древней Руси, изменений ценностных приоритетов ее населения. Работа является важным фундаментальным исследованием, нужным и востребованным специалистами...» (Тельнов 2019: 195).

Надо сказать, что на момент защиты кандидатской диссертации Светлана Рябцева формально уже не работала в Эрмитаже. В 2000 г., в связи с семейными обстоятельствами, она переехала на постоянное место жительства

в г. Кишинев и была принята на работу в Институт археологии и этнографии АН РМ, в отдел античной и средневековой археологии.

Роман Рабинович:

«Только начался 1996 год — третий заключительный год моей аспирантуры в ИИМКЕ. На конец января на очередное заседание Отдела славяно-финской археологии был назначен мой доклад по теме “Серебряные тисненные украшения с зернью Карпато-Днестровского региона в IX—XI вв.”. Выступление носило отчетный характер — подводило итог второго года аспирантуры. Мой замечательный научный руководитель Анна Анисимовна Пескова предупредила меня, что она пригласит на доклад “одну даму из Эрмитажа”, которая занимается древнерусским ювелирным убором и которая интересуется серьгами “екимауцкого типа”, то есть той категорией украшений, которая должна была быть “коньком” моего выступления. Надо сказать, что на тот момент (2 года стажировки и 2 года аспирантуры) пребывания в археологическом Питере у меня сложилось впечатление, что в “Северной Пальмире” особенно глубоко нашу “ювелирку” из столь отдаленной археологической провинции не могут знать (ювелирными украшениями и в самой Молдове тогда специализированно никто не занимался).

Впечатление было, но и сомнения, когда услышал о “даме”, у меня появились. Поэтому, зайдя перед началом заседания в наш Отдел и окинув взором всех присутствующих, я отметил для себя с некоторым облегчением: кроме наших — сотрудников Отдела, было только двое гостей — очень молодых по возрасту. Одного я до этого уже видел в ИИМКЕ и даже знал, как его зовут студенты — Бруно (позднее узнал настоящее имя — Игорь Попов). Он был студентом истфака. С ним рядом сидела тоненькая изящная со светлыми волосами очень питерская (южане меня поймут) девушка в джинсах и джинсовой куртке — по виду, ну абсолютно студентка. “Дамой из Эрмитажа” она никак быть не могла.

“Ну всё — не пришла моя ‘дама’...” Я расслабился и уверенно прочитал свой доклад. Начались вопросы. К моему удивлению девушка-гостья вдруг поднимает руку и, застенчиво опустив глаза, задает вопрос. Причем не просто по теме, а очень точный, пронзительно правильный и полезный для дела вопрос. Я ответил, но как мне потом показалось, излишне самоуверенно. Девушка явно еще хотела что-то спросить, но видимо из-за апломба моего ответа передумала это делать. Заседание после этого быстро закончилось, ко мне подходят Анна Анисимовна и “обиженная” мною студентка:

— Роман, вот хочу вас познакомить. Это Светлана Рябцева, она из Отдела истории русской культуры Эрмитажа, занимается древнерусским ювелирным убором...

После этого было много бесед со Светланой об екимауцких сережках, о раннесредневековой Молдове, о ключевом, с точки зрения ювелирных исследований, месте Карпато-Подунавья в системе культурно-исторических связей Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Долгое общение в коридорах ИИМКА и возле входа в читальный зал. Походы “на кофе” в Дом ученых по соседству со зданием ИИМКА и беседы по дороге в метро после совместных посещений домашнего семинара Марка Борисовича Щукина.

Я не раз потом возвращал Свету к теме моего «наглого» ответа тогда на моем докладе — она со смехом меня уверяла, что мне показалось, вполне дружелюбный был ответ. Не знаю, может, Света с присущей ей деликатностью не хотела, чтобы я переживал.

Началось наше многолетнее плодотворное научное сотрудничество. И не только в плане совместных публикаций и каких-то обсуждений, “обкатки” идей. Света стала моим очень близким другом и научным единомышленником».

Александр Мусин и Ольга Щеглова:

«...Руководителем Анна (Анна Анисимовна Пескова. — прим. ред.) была очень тонким, деликатным, внимательным, все время “была в курсе”, снабжала литературой... Анна старалась расширить контакты своего аспиранта, познакомив с нужными специалистами... Так она познакомила его со специалистом “по екимауцким сережкам” из Эрмитажа, которую ученик увёз потом в Молдавию» (Мусин, Щеглова 2017: 32).

* * *

Открытие Молдовы для Светланы Рябцевой состоялось за два года до начала ее стажировки в кишиневском институте — летом 1996 года. После участия в раскопках в России на р. Сясь под Тихвином (под руководством О.И. Богуславского) она оказалась на севере Молдовы, проживала в лесном лагере в ущелье на берегу Днестра, в составе экспедиции (под руководством М.Е. Ткачука), исследующей памятники разных эпох в микроразоне Рудь-Арионешты. И последующие полевые сезоны она работала в этой же экспедиции.

Переезд в Молдову на постоянное место жительства вызвал неоднозначную оценку и питерских, и молдавских друзей и коллег Светланы. Действительно, в то время как наиболее образованное и квалифицированное

в профессиональном отношении русскоязычное население Молдовы стремительно и активно (кто на восток, кто на запад) покидало страну, переживавшую с конца перестроечных 1980-х гг. бум «национального возрождения», особенно усилившегося вследствие «свалившегося ниоткуда» суверенитета Молдовы после распада СССР, это решение Светланы вызывало удивление и даже недоумение. Кое-кто из знакомых назвал ее «декабристкой», отправившейся по собственной воле, в отличие от Овидия и Пушкина, в южную бессарабскую ссылку. Но сама Светлана Рябцева подвижницей и героиней себя не считала.

Очень открытая всему свежему, позитивному, красочному, с огромным и неподдельным интересом она впитывала любую новую информацию и искала её. Она как будто осваивала «культурную целину», влюбились в новую родину — в ее живописную разнообразную природу, людей, местные обычаи, культурное многообразие, язык. Света быстро и, можно даже сказать, с каким-то нетерпением и очень свойственным ей упорством осваивала молдавский/румынский язык.

Не нам, не носителям языка, конечно, компетентно судить об уровне владения ею румынским, но в любом случае этого уровня оказывалось достаточно, чтобы эффективно прорабатывать научную литературу, а в письмах и устно, в том числе во время ее многочисленных командировок в Румынию, вполне полноценно изъясняться с румынскими коллегами. Что здесь особенно удивительного? Да речь идет о Молдове — толерантной стране, где традиционно многие представители русскоязычного населения старшего и среднего возраста, даже родившиеся здесь, государственный язык на таком уровне так и не освоили.

Светлана с особым трепетом относилась и к народной молдавской культуре, и к культуре Балкан в целом. Музыка «Здоб ши Здуб» и Горана Бреговича, фильмы Эмира Кустурицы и Эмиля Лотяну стали для нее органичными и любимыми. Света с удовольствием носила «этнографические» блузки, юбки, косынки, часто посещала кишиневский Музей природы и этнографии и так называемый «молдавский Арбат» в центре Кишинева, где приобретала поделки в народном стиле, никогда не оставляла без внимания народные празднества — День города, День вина и ежегодный фестиваль национальных общин Молдовы в центральном парке. Она с удовольствием носила сама и ежегодно в начале весны привозила в Петербург целыми горстями традиционные

молдавские мэришоры, щедро одаривая ими друзей и коллег.

Анна Жабрева и Наталья Калашникова:

«...Будучи коренной ленинградкой, Светлана Станиславовна нашла свою счастливую судьбу в Кишиневе... Она была принята на работу в Институт археологии и этнографии АН Республики Молдова. С.С. Рябцева по мере возможности приезжала в Петербург к родителям в отпуск или на конференции. Это позволяло ей поработать в фондах Эрмитажа, подобрать литературу в Библиотеке РАН, пообщаться с коллегами и друзьями. На каждую из таких, в общем-то, редких встреч Светлана Станиславовна приезжала с собственными рисунками — пейзажами и натюрмортами, с конфетами, сувенирами и изделиями народных умельцев из Молдовы... Так, коллекцию этнографических кукол А.Э. Жабревой дополнили оригинальные тряпичные куколки в традиционных молдавских костюмах, открытки с изображениями кукол разных регионов. Эти милые сердцу сувениры, научные работы, рисунки С.С. Рябцевой всегда будут напоминать об этом замечательном человеке» (Жабрева, Калашникова 2020).

Света всей душой полюбила молдавские ландшафты, как очень экзотичные, вроде Рудьского каньона или Старого Орхея, куда она выезжала десятки раз, так и более «минорные», но не менее живописные поднестриевские долины. Любимым местом летнего отдыха и уединения от городской жизни на много лет стал крошечный «пансионат» в селе Оксентия, где Света жила в маленьком (состоявшем из одного помещения), деревянном домике, располагавшемся прямо на берегу Днестра, часами просиживала на небольшом прогулочном пирсе, по вечерам смотря на лунную дорожку и отражения звезд в реке... и конечно, как всегда, много рисовала...

Вячеслав Золотарев:

«Мы с моей женой Ириной и Романом со Светой как-то на выходные поехали к нашему другу Игорю Чебанюку в село Кошица — порыбачить на Днестре. Там очень живописные места. Света много рисовала, причем находя объекты (старая развесистая груша, розовый куст и т.д.) даже во дворе, и удивительное дело — смотря на ее рисунки, мы сами начинали по-другому видеть красоту вроде бы в обычных неприметных вещах.

Но та поездка запомнилась мне не только рисунками Светы, но и ее самообладанием, проявленным в сложной ситуации. В первый же день мы все вместе пошли на Днестр. Игорь отошел подальше и забросил удочки. Мы с Ромой пошли купаться. Я вышел раньше и присел на берегу

рядом со Светой. Рома находился в воде вроде бы всего в нескольких метрах от берега, именно находился, потому что плавать он, деликатно говоря, не очень умел. Но известно, Днестр река быстрая и коварная. Видимо Рома попал в водоворот, его несколько раз захлестнуло водой, а потом быстрым течением начало сносить к середине реки. Рома не закричал, прося помощи (как он потом признался из-за какого-то нелепого в этой ситуации чувства гордости), и только пытался противостоять течению. Света увидела его взгляд, но не вскочила в панике с криком, а тронула меня за локоть и тихо, но твердо сказала:

— Слава, Рома тонет...

Я прыгнул в воду, быстро доплыл до Романа и помог ему выбраться на берег».

Отношение к Молдове, ее природе, культуре, ее народам и людям у Светланы Рябцевой было органично связано, неотделимо от ее научной работы. Это была та среда, на фоне которой и в которой реализовывались ее исследовательские задачи. А задач оказалось много.

Своеобразие молдавской археологии в конце XX века заключалось не только в ее относительной молодости как науки, но и, соответственно, в том, что при огромной насыщенности и богатстве древностей в регионе, археологов было относительно мало, и поэтому специализировались они в основном по историческим эпохам и археологическим культурам (пожалуй, единственное в какой-то мере исключение — нумизматы). Естественно, что, когда археолог вынужден заниматься целой эпохой, в лучшем случае одной-двумя синхронными культурами, он редко в состоянии концентрироваться глубоко на какой-то одной категории материальной культуры.

Как тут не вспомнить П. А. Флоренского: «В борьбе с узостью взглядов, со специализацией, приходится волей-неволей быть поверхностным» (Флоренский 1994: 71). Поэтому местные археологи, и в частности археологи-медиевисты, только публиковали (и то далеко не все) находимые ювелирные изделия, в лучшем случае приводя какие-то относительно точные аналогии в других регионах. Их прежде всего интересовала хронология предметов (для уточнения датировки комплексов, памятников и культур в Молдове) и иногда этнокультурная атрибуция, а о специализированном исследовании таких находок речи вообще быть не могло.

Светлана Рябцева, уже приехав в Молдову, обладала достаточно хорошей подготовкой для молодого исследователя истории ювелир-

ного дела и потому оказалась востребованной в местной археологии.

Николай Руссев:

«Незабвенная С. С. Рябцева более двух десятилетий работала рядом с исследователями древней и средневековой Молдавии. Она незаметно, но прочно вошла в пеструю археологическую среду. Светлана не выпячивала своих знаний, в которых сплелись питерские интеллигентность и выучка, глубокие познания в истории и искусстве, а также собственное женское умение быть скромной и полезной. Как-то за совокупность всех качеств ее охарактеризовали одним, но весьма многозначительным эпитетом — “цепкая...”

Честно говоря, меня мало интересовали особенности костюмов, ювелирных изделий, детали отделки и пр. Лишь после долгих лет исследовательской работы становилась все более ясной глубина мысли великого Микеланджело: “Внимание к мелочам рождает совершенство, а вот совершенство уже не мелочь”. На мой взгляд, Светлана поняла это значительно раньше и лучше множества коллег еще по причине особой подготовки, которой у большинства исследователей юго-запада бывшего СССР не было и не могло быть. У нее многому и многим можно было бы научиться... Что касается творческого наследия Светланы, то его, на мой взгляд, более всего отличает неповторимое сочетание легкой изящности и научной пытливости» (Руссев 2020).

Так рождался метод Рябцевой. Не новый в европейской науке об украшениях, но впервые примененный и пока являющийся уникальным в археологической Молдове. Бог или дьявол кроется в деталях? (появление второго персонажа, сменившего первого, в этом идиоматическом выражении имеет относительно недавнее происхождение). Искусствовед В. А. Куллэ отвечает на этот вопрос так: «Гений кроется в деталях — одна из наиболее бесспорных аксиом искусствоведения. Отличие подлинного шедевра от преходящих конкurentов заключается в убедительности зафиксированного им мира. А она напрямую зависит от выпуклости и символичности деталей» (Куллэ 2019). Применительно к исследованию предметов ювелирного искусства это означало пристальное внимание ко всем малозаметным, или вообще, как правило, не заметным для неспециалистов деталям, так как они составляют их суть.

Светлана Станиславовна при изучении ювелирных украшений сочетала разные направления, одновременно и плодотворно оперируя данными технологического, морфологического, стилистического и искусствовед-

ческого характера. Но, будучи исследователем ювелирного дела в археологии, она была прежде всего историком, помещающим предмет своего исследования в контекст существовавших региональных и межрегиональных культурно-исторических связей, а часто, благодаря своим открытиям в сфере украшений, и обнаруживающим эти культурно-исторические связи.

Николай Тельнов:

«Светлана Станиславовна обладала редкой интуицией и способностью определять значение разрозненных и случайных находок и вписывать их в систему известных культур. Увлечение своей работой, любовь к ней и приобретенный опыт и знания позволяли ей при изучении источников делать обоснованные заключения и из массы ювелирных изделий надежно выделять те, которые имеют более выраженную этнокультурную специфику, которую, в значительной степени, можно было отнести к определенному этносу. Особенно ярко это проявилось в выделении материалов, соотносенных с древними венграми» (Тельнов 2019: 195).

Максим Квитницкий, Николай Тельнов, Виталий Синика, Сергей Лысенко, Аттила Тюрк:

«Светлана Станиславовна Рябцева внесла важный вклад в изучение пребывания ранних венгерских племен в Северо-Западном Причерноморье. По существу, её научные статьи положили начало решению одной из сложнейших проблем истории дунай-днестровских земель — венгерского присутствия в период Этелькёз... Особенно пристальное внимание исследователь уделяла украшениям и аксессуарам костюма венгерского облика, найденным на археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья... Было фундаментально обосновано присутствие древних венгров в Дунай-Днестровском междуречье» (Квитницкий и др. 2020).

Еще работая в Эрмитаже, но находясь на стажировке в кишиневском Институте археологии, Светлана Рябцева начала методично обрабатывать фонды находок всех музеев и археологических центров Молдовы и соседних регионов. Хронологический диапазон ее исследовательских интересов был широк (она изучала ювелирные древности от ранней античности до позднего средневековья), равно как и территориальный, охватывающий всю Восточную, Юго-Восточную и Центральную Европу. Поэтому С. С. Рябцева постоянно ездила в научные командировки, где работала в библиотеках и вживую знакомилась (рисовала, фотографировала) с коллекциями — и в отдаленных российских городах,

в Пермском крае, Поволжье, но особенно часто в Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польше. Местоположение Кишинева и наличие у Светланы, помимо российского, еще молдавского гражданства с его безвизовым режимом посещения стран ЕС — оказалось стратегически удобным в плане быстрой организации частых командировок.

Со временем научные изыскания Светланы Рябцевой стали своеобразным «мостом между Востоком и Западом» — исследованиями Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Не случайно чешские коллеги именно ее пригласили написать раздел «Contacts between Eastern Europe and Great Moravia» в изданной в Брно в 2014 году монументальной коллективной монографии «Great Moravia and the beginnings of Christianity», собравшей известных ученых из Чехии, Словакии, Венгрии, Польши, Германии, Австрии и Великобритании.

В том же 2014 году в Румынии, благодаря поддержке директора издательства «Istros» и Музея Брэилы, профессора Ионела Кындя и директора бухарестского Института археологии АН Румынии, профессора Еуджена Николае, вышла вторая индивидуальная монография Светланы Рябцевой «Pieșe de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextual relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII) [= Jewelry and costume decorations from the Moldavian and Wallachian principalities in the context of the cultural and historical contacts (XIV—XVII centuries)], посвященная исследованию ювелирных украшений, характерных для населения Молдавского и Валашского княжеств. Эта книга получила позитивные отзывы специалистов, в том числе и в рецензиях, вышедших в Молдове и Румынии (Barbu 2014; Bacumenco-Pîmău 2015).

Еуджен Николае, Николай Тельнов, Анна Болдуряну:

«В этом исследовании ювелирные украшения и аксессуары одежды, характерные для Молдовы и Валахии, рассматриваются в широком контексте с находками с территории Болгарии, Венгрии, Сербии, Македонии, Хорватии, Украины и России. Работа была очень хорошо встречена специалистами, но ее заслугой являлось также и то, что она существенно обогатила румынскую терминологию исследований ювелирных украшений: крайне внимательная и щепетильная в этом отношении, автор консультировалась для уточнения терминов с сотрудниками Института археологии „Vasile Pârvan” Академии наук Румынии, докторами Георге Кантакузину, Оана Дамиан, Адриан Ионицэ, Еуджен Николае» (Nicolae și al. 2019: 391).

* * *

Переехав в Молдову и «осваивая» Карпато-Балканский регион, Светлана Рябцева не выключилась из активной научной жизни России. Например, она время от времени пребывала в археологических экспедициях на ее территории, например, в Пушкинских Горах на Псковщине в 2001 г. (руководитель С. В. Белецкий), или в 2006 и 2009 гг. в Старой Руссе (руководитель Е. В. Торопова). Но особо тесные научные связи, конечно же, сохранялись с Петербургом. Здесь она была неперенным участником ежегодных научных конференций по ювелирному делу и истории костюма, проводимых Государственным Эрмитажем (ежегодно участвовала с 1996 года) и Русским этнографическим музеем (ежегодно участвовала с 2005 г.).

Анна Жабрева и Наталья Калашникова:

«С. С. Рябцева принимала участие в престижных российских и зарубежных конференциях с многолетней историей: “Ювелирное искусство и материальная культура” (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург), “Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии” и “Санкт-Петербургские этнографические чтения” (Российский этнографический музей, С.-Петербург), “Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время” (Тверской государственный университет), “Simpozion de numismatică” и другие научные конференции Национального музея истории Молдовы (Кишинев), “International Congress of Byzantine Studies” (София) и др. ... Ее доклады, посвященные как отдельным типам средневековых украшений, так и общим проблемам развития ювелирного дела в эпоху средневековья, неизменно отличались новизной и качеством подачи материала. Тщательно подготовленные, с презентацией, они одинаково хорошо воспринимались на слух и читались» (Жабрева, Калашникова 2020).

Светлана Рябцева очень активно участвовала в многочисленных научных конференциях в Молдове, России, Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польше. Большая часть ее докладов была опубликована в виде тезисов или материалов конференций. Все же ее научное наследие насчитывает почти 230 подготовленных и опубликованных научных работ. География мест издания журналов и сборников материалов и статей, в которых публиковались работы Светланы, необычайно широка: Архангельск, Белград, Брно, Брэила, Будапешт, Бухарест, Велико Тырново, Вологда, Жешув, Иркутск, Казань, Киев, Кишинев,

Крайова, Краков, Люблин, Москва, Одесса, Омск, Орел, Плоешть, Пятра-Нямц, Самара, Санкт-Петербург, Севастополь, Силистра, София, Сучава, Тверь, Тюмень, Уфа, Харьков, Черновцы, Яссы.

Еуджен Николае и его коллеги отмечали «необычайный командный дух Светланы Рябцевой, который объясняет многочисленность исследований, проведенных совместно с другими учеными» (Nicolae și al. 2019: 391). Перечень таких авторов из разных стран также широк: Е. Н. Абызова, С. А. Беляева, А. И. Болдуяну, И. Г. Власенко, Л. В. Дергачева, Н. М. Калашникова, А. И. Корниенко, О. Г. Левицкий, Ю. М. Лесман, А. Е. Мусин, А. А. Пескова, А. В. Петраускас, Н. А. Плавинский, Р. А. Рабинович, Т. Ф. Рябой, О. К. Савельев, В. М. Сидорович, Н. П. Тельнов, Я. В. Френкель, В. П. Хахей, М. М. Чокану и др.

Николай Тельнов:

«У Светланы Станиславовны всегда были добрые отношения к коллегам. Человек благородной и щедрой души, она не только уделяла много внимания воспитанию молодых кадров, но и оказывала необходимую помощь коллегам, которые обращались к ней в различных ситуациях за консультациями и советом. Она не только могла помочь, но способна была увлечь коллегу интересной темой, которую он сам не всегда мог выделить и определить ее перспективы» (Тельнов 2019: 195—196).

В многочисленных публикациях Светланы Рябцевой в полной мере отразилась сфера ее научных интересов:

- Исследование различных элементов женского парадного и повседневного ювелирного убора, украшений и аксессуаров женского и мужского костюма, а также декорированных предметов мужской воинской субкультуры, деталей ремной и сумочной гарнитуры и т. д.

- Происхождение и выявление прототипов для целого ряда элементов из состава ювелирных уборов и украшений для одежды населения Карпато-Дунайского региона на протяжении всей эпохи Средневековья. Античное наследие в средневековом ювелирном уборе. Византийское, западнославянское, великоморавское, восточное (Иран, Сирия, Арабский Восток), золотоордынское влияния в ювелирном искусстве Восточной Европы.

- Хронология, этнокультурные интерпретации (включая этническую атрибуцию) уборов и отдельных украшений, проблема соотношения «племенных» и «территориальных» уборов, ювелирных «провинций» Восточной Европы.

• Проблема источников сырья для ремесленного производства и инструментарий ювелиров на территории Карпато-Дунайских земель в различные периоды средневековой эпохи.

• Античные реминисценции в христианской изобразительной традиции. Кресты-энколпионы и другие предметы личного благочестия в системе христианской культуры Карпато-Днестровского региона в XI—XVI вв. Сложение образов святых покровителей Карпато-Балканских земель и соотношение христианского и языческого (на основании находок предметов мелкой пластики).

Светлана Рябцева внесла весомый, а в ряде случаев фундаментальный вклад в исследование украшений, найденных в составе целого ряда представительных кладов средневекового времени на территории Молдовы, Румынии, Польши, Украины, Белоруссии: Алчедарского, Войнешть, Рэдукэнень, Буруенешть, Фурчень, Дегтянского и клада, найденного вблизи летописного Возвягеля, кладов, найденных в Черемно и при раскопках в усадьбе Десятинной церкви в Киеве, и др.

С. С. Рябцевой были кропотливо проанализированы богатые коллекции предметов ювелирного искусства, происходящих из таких имеющих важное научное значение памятников, как города золотоордынского и молдавского средневекового времени Старый Орхей, Костешты, Белгород-Днестровский, недавно открытый памятник Тарасова; протогородские поселения Алчедар, Екимауцы, Германарие; давшие неординарный ювелирный материал погребения в Джурджулешть, Бучумень, Бранештском могильнике на территории Молдовы и захоронение знатной половчанки в Балотапушта (Венгрия).

Достаточно часто значение результатов исследований С. С. Рябцевой выходило за пределы собственно «науки об украшениях».

**Еуджен Николае, Николай Тельнов,
Анна Болдуряну:**

«...Некоторые из ее публикаций о находках на таких поселениях, как Старый Орхей, Костешты или Четатя Албэ (Белгород-Днестровский) выходят за рамки исследовательской проблематики украшений, они важны для более детальной оценки результатов археологических исследований и изучения истории малого искусства в средневековой Молдове. В первом контексте упомянем анализ остатков одежды из погребений в развалинах нартекса каменной церкви Старого Орхея, ко-

торый предоставляет дополнительные аргументы для датировки церкви концом XVI — началом XVII века, как и предлагал когда-то Павел Бырня. Это вмешательство приветствовалось, учитывая, что гораздо более ранняя дата — вторая половина XIV века, казалось, уже и не оспариваемая, приводила к странным историческим и археологическим соображениям.

В качестве примера второго аспекта мы можем привести увлекательные результаты исследования предметов в форме лотоса или арабского цветка, обнаруженных на территории средневековой Молдовы... Светлана Рябцева заслуживает того, чтобы ее отметили и в связи с тем, что она публикацией в сотрудничестве с коллекционером Михаем Чокану целой серии богатых находок привлекла внимание к очень важному, но до этого не известному археологическому памятнику, расположенному в Тарасова» (Nicolae și al. 2019: 391).

Среди новаторских в организационном плане работ Светланы Рябцевой следует упомянуть и о том, что она в сотрудничестве с программистами из Санкт-Петербургского университета Е. О. Феофановой и А. Борисовой стояла у истоков создания первой в России информационной системы «Ювелирный убор Древней Руси», представленной в Интернете в начале 2000-х гг. Для электронной коллекции «Ювелирный убор Древней Руси» все цветные прорисовки украшений и графические реконструкции уборов она делала сама, впрочем, как и вообще для всех своих публикаций.

С. С. Рябцева, работая в Институте археологии и этнографии АН РМ (позднее переименованном в Институт культурного наследия АН РМ), прошла путь от научного сотрудника до ведущего научного сотрудника.

Светлана Станиславовна на протяжении ряда лет являлась членом Ученого совета Института культурного наследия АН РМ, а также Специального семинара по защите докторских диссертаций. Национальный совет по аккредитации РМ присвоил ей ученое звание старшего научного сотрудника. Она неоднократно награждалась почетными грамотами и премиями за выдающиеся успехи руководством Академии наук РМ. К слову сказать, гражданство Молдовы Светлана получила досрочно, внеочередно, как нужной стране высококвалифицированный специалист, по указу Президента РМ В. Н. Воронина. Несмотря на диагностированную в 2013 и прогрессирующую болезнь особенно продуктивно С. С. Рябцева работала в последние годы.

* * *

Всю свою жизнь Светлана Рябцева очень ценила своих учителей и всегда с огромным удовольствием и ответственностью сама «возилась» с молодежью. Она умела заинтересовать, умела вдохновлять.

Яна Соловьева:

«...Раскопки под Волховстроем. День археолога! Песни у костра, палатки в лесу. С нами моя младшая сестра-школьница. Я лишь на два дня, а она осталась на неделю со Светой. О чем уж говорили, да только сестра потом решила, что должна поступить в университет на истфак. Что может быть важнее! Спасибо, Света!»

Будучи в Институте членом Специального семинара по защите докторских диссертаций, она неформально, по много раз вычитывала работы молодых коллег, обсуждала с ними «проблемные места», как сугубо исследовательские, так и недоработки формальных требований, подсказывая ходы, как уйти от некоторых бюрократических рогаток, коих было немало в многостраничных требованиях молдавского ВАКа. Возможно, именно из таких обсуждений с диссертантом Лилией Дергачевой спустя годы родилось и осуществлялось их плодотворное научное сотрудничество, реализовавшееся в многочисленных совместных публикациях, проектах, командировках в научные центры соседних стран.

Важная страница в биографии Светланы Рябцевой — ее многолетняя работа в кишиневском университете «Высшая антропологическая школа» (ВАШ). Она преподавала то, что в первую очередь ей самой было очень интересно и связано с ее собственными научными изысканиями. На 3 курсе базового цикла (в Молдове он называется «лиценциат») она читала спецкурс «История европейского искусства (эпохи и стиль)». На втором цикле «магистратура» (исследовательский мастерат) С. С. Рябцева преподавала спецкурс «Ювелирное искусство и исторический костюм». Эта деятельность среди прочего вылилась в публикацию ряда научно-педагогических работ.

Светлана сама предложила руководству ВАШ включить эти спецкурсы в программы обучения и рьяно и очень старательно взялась за их подготовку. Собственно говоря, их подготовка, даже на второй, третий и т. д. год преподавания, никогда не заканчивалась. Конспекты ее лекций не желтели от времени: она их постоянно совершенствовала, в чемоданах, как всегда, набитых литературой при возвращении из Питера, много места занимали

огромные альбомы по искусству. Все семинары и лекции С. С. Рябцевой, от первой до последней, сопровождались постоянной цифровой презентацией. Надо ли упоминать, что первая вводная лекция по истории искусств традиционно начиналась с показа фильма об Эрмитаже.

Также, почти традиционно, Светлана Станиславовна, перемежая рассказ и «картинки» на экране, читала в ходе лекций стихи. Это были Брюсов, Блок, Волошин, Ахматова, Горюхицкий и другие, но обязательно ее любимая Цветаева.

Яна Соловьева:

«С особым чувством вспоминаю такие моменты, это еще в питерский период Светы. Мы делаем ремонт, клеим обои. Вечером вдруг появляются стихи Цветаевой, их много, мне раньше ближе была Ахматова. Стихи раскладываются в цветаевском ритме, они и от Светы!»

Читая стихи, Светлана как будто отрешалась от реальности, от весенней зелени или белоснежной пелены за окном университета, от режущего глаза луча проектора, от очень задумчивых лиц слушающих ее ребят, будто находилась где-то далеко, прогуливаясь по набережной в компании с гранитным сфинксом, неторопливо приближалась к «стоящим навеки» и «забытым в веках» атлантам... В такие минуты Света, наверное, себя ощущала «в шитой серебром рубашечке...», цветаевской птицей «на одно крыло — серебряной, на другое — золотой...».

На ее лекциях часто присутствовали свободные от своих занятий другие преподаватели ВАШ, а иногда совсем посторонние люди «с улицы». На спецкурсе по костюму не только студентки, но и юноши-студенты с жаром выбирали «модные» темы для семинарских выступлений, причем мода на одеяния прошедших столетий интересовала ребят не меньше, чем мода современная.

Алексей Романчук:

«За двадцать с лишним лет нашего знакомства, постепенно переросшего в дружбу, можно вспомнить множество историй: интересных и глубоких, забавных и не очень, иногда — грустных... Каждая из них что-то расскажет о Свете. Вспоминаю историю, которая показала мне Свету с совершенно неожиданной мной стороны...»

Как-то незаметно и шутиливо у нас сложилась традиция, по которой Света и Рома ежегодно давали мне на день рождения рубашки. И решающее слово в их выборе, конечно же, всегда принадлежало Свете.

Шли годы, у меня собралась немаленькая коллекция этих рубашек. Понятное дело, рубашки мне дарили и другие люди, покупал я их и сам. Но как-то постепенно я вдруг обратил внимание: именно на те рубашки, которые дарила Света, на все из них — почему-то совершенно особенному реагируют женщины. Такое ощущение, что эти рубашки их просто восхищают. Что они видят в них что-то такое, что совершенно недоступно моему грубому, мужскому, взгляду. Я долго пытался понять, что именно так притягивает женщин в этих рубашках... Увы, загадка эта так и осталась мной неразгаданной...»

Как преподаватель ВАША Светлана Рябцева не только читала лекционные курсы, но и руководила характерными в Молдове только для этого вуза тьюторскими проектами. И здесь, на этом поприще, она воспроизводила своего незабвенного Учителя — Василия Александровича Булкина.

Вероника Рацеева:

«В жизни каждого из нас много учителей. Но есть такие из них, которых независимо от хронологии их появления на нашем пути хочется назвать первыми. Это люди, ставшие для нас проводниками в новый мир и пролившие совсем новый свет на вполне привычные горизонты. Светлана Станиславовна Рябцева для меня — именно такой учитель.

Она мой первый научный руководитель и мой “волшебный помощник”. Человек, который открыл для меня целый новый мир и научил в нем ориентироваться. Больше 15 лет прошло с тех пор как наши пути ненадолго пересеклись, но я с уверенностью могу сказать, что та система координат, которую в мое сознание заложила Светлана Станиславовна, со мной и по сей день — и далеко не только на уровне знаний: тут и художественные вкусы, и особый исследовательский стиль, и отношение к искусству как к феномену.

Она определенно умела учить, но что намного важнее — она умела вдохновлять. Она умела так заинтересовать любой темой, что каждый раз хотелось объять необъятное и узнать о ней все — ширишь и вглубь. И в эти моменты очень помогало умение Светланы Станиславовны обновить, вовремя обуздать этот внутренний порыв и направить его в нужное конструктивное и деятельное русло. Тонкая, хрупкая и чуткая натура, но вместе с тем — исключительно грамотный и последовательный методист — вот какой в моей памяти навсегда останется Светлана Станиславовна. Благодаря этому изящному балансу в моей жизни юного исследователя случались чудеса. Казавшееся неподъемным становилось воздушным, и непроходимый лес теории пре-

вращался в аккуратную и, вместе с тем, живую систему.

Трудно переоценить мою благодарность и признательность этой невероятно глубокой и мудрой женщине, воспоминания о которой навсегда в моем сердце. И пусть у каждого в жизни случится такой учитель».

* * *

Всё что было сказано до сих пор — это наша попытка рассказать о Светлане Станиславовне Рябцевой — рассказать как об исследователе и учителе, художнике и человеке, любящем прекрасное — природу, искусство, поэзию, гармонию. Но портрет этого человека для тех, кто близко знал ее, наверняка окажется не полон, если мы не покажем еще одну сторону — очень важную сторону ее жизни, особенно на ее последнем трагическом отрезке.

Так случилось, что Светлана, реализуя себя как профессиональный ученый и при этом стараясь отдавать себя и искусству, познавала мир именно этими двумя способами: в качестве исследователя — с помощью анализа и понятий, как человек искусства — с помощью образов, чувств. Но со временем, как у всякого размышляющего, рефлексирующего человека, а тем более ученого и художника, познание мира и себя привело ее к вопросу, возможно, одному из самых интимных в жизни любого — вопросу о её отношении к Богу. Чтобы глубже узнать и понять Светлану, нужно коснуться и этой темы — вопроса о той большой духовной работе, которую она проделала в своей жизни.

Света родилась и выросла в семье со стойкими атеистическими воззрениями. Что ее заставило в уже не самом юном возрасте принять христианство, она сама не говорила даже очень близким людям, да и они, в свою очередь, деликатно никогда об этом не спрашивали. Можно только догадываться. Возможно, это было влияние перестройки, коренным образом изменившей характер отношений не только государства, но и, главное, общества к религии. Или, что вероятнее, переросшая в Веру давняя Любовь к храмам как архитектурно-историческим объектам, наполненным сакральной силой. Или, что вероятно еще более, Надежда наполнить свою жизнь новым смыслом.

Вряд ли можно сомневаться, что на ее решение повлияла поездка в 1987 г. на известный своими православными святынями остров Валаам с «Обществом добровольной

помощи реставраторам МИР», где она жила и работала в течение 2—3 недель. В 1989 году Светлана, как мы уже упоминали, работала в экспедиции мужа на Соловках. К тому времени там уже был создан церковный приход и была освящена часовня Св. Филиппа — первый возрожденный храм Соловков (монашеская жизнь возобновилась уже в 1990 г.). По рассказам мамы, Г.М. Полевой, Светлана и Андрей Рябцевы даже планировали остаться там жить, присматривали бытовую технику и т.д., но реалии перекроили эти планы, и они вернулись в Ленинград.

В период жизни на Соловках Света была уже беременна. Она признавалась очень близким людям, что незадолго до рождения ребенка ей приснился Иоанн Креститель, и поэтому родившегося в декабре 1989 г. сына они с мужем нарекли Иваном. Света крестила сына в церкви Св. великомученицы Екатерины в Луге, а сама приняла крещение в Спасо-Конюшенной церкви — православном храме на Конюшенной площади Санкт-Петербурга, известном тем, что здесь в 1837 году отпевали Александра Сергеевича Пушкина.

Яна Соловьева:

«В один из последних приездов Светы в Петербург мы встречаемся в центре. “Надо что-то купить тебе — говорит Света, — зайдём на выставку-продажу камней”. Мне нравится гранат, этот кулон на память. Затем пошли в храм Спаса Нерукотворного, что на Мойке. Здесь отпевали А.С. Пушкина. Мы почти одни. Конечно, это просто обмен подарками, мало ли ещё таких будет, ведь всё ещё будет?!!! Я не поняла, она не дала мне понять, что для неё это важный подарок на память!!!»

Приехав в Молдову, Света побывала во всех церквях в исторической части Кишинёва, некоторые со временем стали для неё любимыми. В связи со своими научными занятиями и увлечением изобразительным искусством она познакомилась с С. Кирьяк, П. Гридневой, Ю. Патраковой, И. Сауловой, Е. Манзурой и др., которые входили или были близки к кишинёвскому православному братству во имя прп. Паисия Величковского¹. Это братство является частью Преображенского содружества православных братств² из Петербурга, Москвы, Екатеринбургa, Твери и др., объединяющих христиан, желающих жить вместе по Евангелию в соответствии с православной традицией. Главные направления

служения братства — духовное просвещение и помощь в воцерковлении.

Светлана Кирьяк:

«Я познакомилась со Светланой в Национальном музее искусств в период, когда я писала работу для журнала “Аналекта” о коллекции икон, хранящихся в Католическом костеле Кишинёва... Я поделилась с ней мыслями о своей работе, она рассказала о своей научной деятельности. Так завязалось наше знакомство. ...Потом встречались ещё несколько раз. До сих пор у меня хранятся два ее маленьких подарочка — открытка с видом Петербурга и брошь, изготовленная самой Светой — роспись по черному лаку. Светлана была ещё и настоящим художником с тонким вкусом. К тому времени прошло 5 лет, как я воцерковилась в православии, и мне, конечно, хотелось поделиться со Светой своей верой. Наверное, я это делала слишком напористо, и Свету это оттолкнуло. Мы перестали общаться... Прошло несколько лет, и вот однажды в маленьком храме во имя св. Василия, на Ботанике, я увидела Светлану. Я была несказанно рада. Мы продолжали иногда видаться на богослужениях, и вот однажды Света пришла на оглашение. Это была настоящая победа! То, с чем работала Светлана, археология украшений, часто ее источниками были средневековые фресковые изображения, — это же были образы духовные, это были святые жёны. Изучала она и средневековые предметы личного благочестия. Как человек тонко чувствующий и как исследователь, докапывающийся до всего, она пришла к тому, что у нее стали появляться вопросы духовного плана. Ей нужно было разбираться, она нуждалась в духовном просвещении, и это было сродни тому, чем она до этого занималась³. Она не относилась к этому как обрядовому — тебя окрестили и ты уже верующий человек, нет. Если она шла к вере, то ей нужна была просвещенная вера. Света воцерковилась и вошла в братство. Помню, как мы все радовались, что рядом с нами появился такой интересный, творческий человек».

Елена Манзура:

«...У нее был свой путь к Богу — очень сложный и какой-то очень самостоятельный. Она сама дошла до какой-то глубины, до какого-то определенного этапа — она смогла разделить эту традицию в обрядовом смысле и глубокую христи-

¹ www.sfpaisei.blogspot.com

² www.psmb.ru

³ К вышесказанному позволим себе процитировать, что «и в религии, и в науке исследование проблемы “вера-знание” представляет собой одну из значительных гносеологических потребностей» (Никитина 2002) — прим. редакторов.

анскую традицию, и когда ей стало не хватать, она обратилась ко мне, и я стала ее приглашать на наши встречи... Что важно — она сумела найти путь качественной молитвы. Она через смысл, через дух, через традицию смогла дойти до глубины — это не всем дается... И когда ей опять стало не хватать — чего-то не складывалось, не хватало знаний, понимания чего-то, она сказала: я пойду на оглашение. А ей это было уже очень сложно физически на тот момент. Но она с таким светом это проходила. Было видно, насколько ей было тяжело физически, но насколько в духовном плане это было нужно. Она читала Писание, переживала его по-своему, для нее это был такой источник, на котором она строила свою жизнь. Это был такой эсхатологический прорыв в церковь...»

Юлия Патракова:

«О Светлане я слышала заочно от дочери Алины, учившейся в ВАШе, где Света преподавала. Лично познакомились мы с ней в поездке в Старый Орхей, в одной из тех, которые совершает наше Паисиевское братство, приглашая друзей и знакомых, и вообще всех желающих — чтобы найти возможность поговорить о Боге и христианской жизни в красивом, полном исторических тайн месте. Тогда Света провела потрясающую экскурсию в местном музее, рассказывала нам про древние женские украшения — открылись ее качества серьезного, увлеченного ученого. Потом вместе с ней ездили в Максимовку к отцу Василию Кулешу в его последние годы, даже месяцы жизни. Помню поездку в Максимовку на Рождество Христово в январе 2015 года, за три месяца до ухода батюшки. Мы тогда после службы посетили его в келье. Несмотря на уже слабеющие силы, 90-летний отец Василий шутил, готов был с нами беседовать, отвечать на трудные вопросы, с которыми к нему обычно приезжали... Продолжилось общение со Светой в 2016—2017 гг., во время огласительных встреч, которые проводились силами Паисиевского братства. Катехизатором была Инна Саулова, я в числе других помогала... С благодарностью вспоминаю, как Света провела экскурсию в Историческом музее по выставке старообрядческих икон из частной коллекции Токмакова. Светочка была какая-то особенная, трогательная в своем переживании и ответственности — чтобы все получилось на высшем уровне, было видно, что она положила много сил на это. Так и запомнились мне прекрасные иконы в светлом Светином сопровождении...»

Светлана проходила длительное, с весны 2016 года, оглашение (катехизацию), которое завершилось воцерковлением весной 2017-го на Светлую седмицу в ее родном и любимом Петербурге. Исповедь за всю жизнь пе-

ред этим проходила в Москве у отца Георгия Кочеткова — духовного попечителя и основателя Преображенского братства и основателя и профессора, ректора Свято-Филаретовского православно-христианского института. Летом этого же года Света поехала с группой Паисиевского братства в паломничество в Румынию, а уже через несколько месяцев она вошла в братство.

Юлия Патракова:

«...Мы вместе поехали в паломничество в Румынию — в Яссы и Нямецкий монастырь. Оно незабываемо. Светочка поехала, несмотря на 40 градусов жары. Главное, что мне в ней тогда запомнилось, — что она никогда не жаловалась, не роптала. Какая-то внутренняя радость, исходящая из спокойно принятого решения. Еще меня покорила Светина мудрость и милосердное понимание разных людей, даже с противоположными точками зрения. В одной спорной ситуации, о которой мы все очень переживали, Светлана сумела какие-то вещи так сказать, так высказать сочувствие всем одинаково, что это очень помогло успокоиться и принять произошедшее в мире».

Татьяна Кармазина:

«Несколько лет назад вместе с нами в паломничество по святым местам Румынии отправилась недавно прошедшая оглашение, воцерковленная сестра Светлана. Когда мы пересекли границу с соседней страной, кто-то предложил передать микрофон Светлане. И тут она преобразилась: ее выразительные, немного грустные глаза стали ярче, веселее. Света с профессиональным знанием дела рассказывала нам о тех местах, где мы проезжали, об истории края. И делала это как настоящий гид, только говорила она гораздо глубже и интереснее. Знакомила нас Светлана и с Яссами, где она, казалось, знала всё. В Румынии нас приютил Нямецкий монастырь, в котором более двухсот лет назад настоятелем был прп. Паисий Величковский. Однажды после трапезы, когда все отдыхали, я увидела Светлану, она сидела и что-то рисовала. Подойдя к ней, я взглянула на рисунок и была поражена. Света была еще и замечательным, тонко чувствующим красоту художником. Церковь, стоявшая напротив, как будто оживала на листе бумаги. Светлана с увлечением рассказывала мне об исторической и архитектурной ценности этого храма. И глаза ее лучились светом и добрым теплом».

Чем позже, тем всё труднее было Светлане посещать церковь и встречи Братства. В последних, когда ей позволяло ее состояние, она участвовала только по скайпу. Она уже была вынуждена экономить силы. Для молит-

вы и для работы... Она лихорадочно доделывала уже начатые статьи в журнал «Stratum plus» и в сборник в честь профессора Н.Д. Руссева. Чувство ответственности... Она же обещала...

Ирина Минаева:

«Света работала почти до последнего дня, почти до последнего дня была на связи. Вот последние слова, которые я получила от нее в сообщении в Интернете 16 июня 2019 года вечером, в 19:30 — «С ТРОИЦЕЙ,» я сразу поняла, что это последнее письмо от моей Светочки. Она всегда находила хоть несколько слов, со смыслом и для души, запоминающихся навсегда..., а тут... с троичей, ...Свете сил не хватило даже имя набрать... Значит, ...»

* * *

Вышло уже несколько мемориальных статей о Светлане Станиславовне Рябцевой. И помимо оценки ее научных работ, во всех из них обязательно отмечалось, каким другом, каким искренним и позитивным, каким светлым и вдохновляющим человеком она была, о том, что о Ней в наших сердцах останется только добрая память. Научные труды, даже гуманитарные, часто обезличены. И ведь мы, на-

верное, немало теряем, когда совсем не видим за ними автора и его жизнь со всей ее символичностью, метафоричностью, образностью.

Когда мы уже почти заканчивали работу над этой статьей, одному из нас пришло письмо от Яны Соловьевой, давнего петербургского друга Светы Рябцевой:

«...Ты будешь писать и появится образ, который мы все любили. В нем много женственности, хрупкости и лиризма. Светик сильная, гордая, талантливая, это то, что она хотела, а не то, что дала природа и видно невооруженным глазом... совсем другое, и, наверное, не надо быть сдержанным... И не надо стесняться тёплых слез...»

**«И вот тогда — из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова».**

P.S. Авторы приносят свою искреннюю и глубокую благодарность всем причастным к созданию этой книги: исследователям, призвавшим свои статьи; родственникам, друзьям, коллегам, ученикам, сестрам по вере, поделившимся своими воспоминаниями; коллективу издательства «Stratum plus», который бескорыстно и в труднейших условиях нынешнего кризиса подготовил это издание к печати.

Роман Рабинович,
Николай Тельнов

Литература

- Жабрева А.Э., Калашникова Н.М. 2020. Светлана Станиславовна Рябцева (7 декабря 1966 — 21 июня 2019) — ученый, друг, человек. В: *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XXIII междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 28—31 мая 2020 г. Санкт-Петербург, в печати.
- Квитницкий и др. 2020: Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Синика В.С., Лысенко С.Д., Тюрк А. 2020. Погребение из Владычень с украшением венгерского облика. В: Рабинович Р.А., Тельнов Н.П. (отв. ред.). «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Библиотека Stratum. Кишинев: Stratum Plus P.P., 413—421.
- Куллэ В.А. 2019. Бог или дьявол кроется в деталях? Кольцо «А» 123. URL: <https://litinstitut.ru/content/bog-ili-dyavol-kroetsya-v-detalyah> (дата обращения 03.06.2020).
- Мусин А.Е., Щеглова О.А. 2017. Анна Пескова: опыт творческой биографии. В: Мусин А.Е. (отв. ред.). *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. Труды ИИМК РАН XLVIII. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 17—36.
- Никитина О.О. 2002. *Соотношение научного и религиозного познания в контексте принципа дополнительности*. Дисс. ... канд. филос. наук. Томск. URL: <https://www.dissercat.com/content/sootnoshenie-nauchnogo-i-religioznogo-poznaniya-v-kontekste-printsipa-dopolnitelnosti> (дата обращения 03.06.2020).
- Руссес Н.Д. 2020. От разноцветных ниточек до косточек и ножинок: к истории этнографических предметов давнего детства. В: Рабинович Р.А., Тельнов Н.П. (отв. ред.). «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Библиотека Stratum. Кишинев: Stratum Plus P.P., 459—464.
- Рябцева С.С. 2018. Спасибо, Учитель [В.А. Булкин]. *Stratum plus* (5), 27—28.
- Тельнов Н.П. 2019. Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой. *Revista Arheologică. Serie nouă* XV (2), 194—196.
- Флоренский П.А. 1994. Об одной предпосылке мировоззрения. В: Флоренский П.А. *Сочинения*. В 4 т. Т. 1. Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. Москва: Мысль, 70—78.
- Bacumenco-Pîmău L. 2015. Recenzie. *Revista Arheologică. Serie nouă* XI (1—2), 327—328.
- Barbu V. 2014. Recenzie. *Studii și materiale de istorie medie* 32, 475—477.
- Nicolae et al. 2019: Nicolae E., Telnov N., Boldureanu A. 2019. Svetlana Reabțeva (1966—2019). *SCIVA* 70 (1—4), 389—408.

References

- Zhabreva, A. E., Kalashnikova, N. M. 2020. In *Moda i dizain: istoricheskii opyt — novye tekhnologii (Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies)* XXIII. Saint Petersburg, in print (in Russian).
- Kvitnitskii, M. V., Telnov, N. P., Sinika, V. S., Lysenko, S. D., Türk, A. 2020. In Rabinovich, R. A., Telnov, N. P. (eds.). «*Na odno krylo — serebrianaia, na drugoe — zolotaia...*» *Sbornik statei pamiati Svetlany Riabtsevoi* ('One her wing is silver, The other one is made of gold...': Selected Papers in Memory of Svetlana Ryabtseva). Series: Stratum Library. Kishinev: Stratum plus P.P., 413—421 (in Russian).
- Kulle, V. A. 2019. In *Kol'tso «A» (Ring "A")* 123. URL: <https://litinstitut.ru/content/bog-ili-dyavol-kroetsya-v-detalyah> (accessed 03.06.2020) (in Russian).
- Musin, A. E., Shcheglova, O. A. 2017. In Musin, A. E. (ed.). *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi (In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 17—36 (in Russian).
- Nikitina, O. O. 2002. *Sootnoshenie nauchnogo i religioznogo poznaniia v kontekste printsipa dopolnitel'nosti (Correlation of Scientific and Religious Knowledge in the Context of the Principle of Complementarity)*. PhD Diss. Tomsk. URL: <https://www.dissercat.com/content/sootnoshenie-nauchnogo-i-religioznogo-poznaniya-v-kontekste-printsipa-dopolnitelnosti> (accessed 03.06.2020) (in Russian).
- Russev, N. D. 2020. In Rabinovich, R. A., Telnov, N. P. (eds.). «*Na odno krylo — serebrianaia, na drugoe — zolotaia...*» *Sbornik statei pamiati Svetlany Riabtsevoi* ('One her wing is silver, The other one is made of gold...': Selected Papers in Memory of Svetlana Ryabtseva). Series: Stratum Library. Kishinev: Stratum Plus P.P., 459—464 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 27—28 (in Russian).
- Telnov, N. P. 2019. In *Revista Arheologică. Serie nouă* XV (2), 194—196 (in Russian).
- Florensky, P. A. 1994. In Florensky, P. A. *Sochineniia (Works in 4 vols.)* 1. Moscow: "Mysl'" Publ., 70—78 (in Russian).
- Bacumenco-Pîrnău, L. 2015. Recenzie. *Revista Arheologică. Serie nouă* XI (1—2), 327—328.
- Barbu, V. 2014. Recenzie. *Studii și materiale de istorie medie* 32, 475—477.
- Nicolae, E., Telnov, N., Boldureanu, A. 2019. Svetlana Reabțeva (1966—2019). *SCIVA* 70 (1—4), 389—408.

Статья поступила в сборник 9 июня 2020 г.

Roman Rabinovich (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Рабинович Роман Аронович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: romanesco@mail.ru

Nikolaj Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova².

Тельнов Николай Петрович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Addresses: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova; ² Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

Список научных публикаций С. С. Рябцевой

1995

1. Об одном кладе древнерусских ювелирных украшений. В: Комелова Г. Н., Принцева Г. А. (науч. ред.). *Конференция, посвященная памяти Татьяны Михайловны Соколовой (к 100-летию со дня рожд.)*. Тез. докл. Санкт-Петербург: ГЭ, 10—12.

1996

2. Знахідки з розкопок Десятинної церкви у колекції Державного Ермітажу (Санкт-Петербург). В: Павлова В., Панченко М. (упоряд.), Толочко П. (науч. ред.). *Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення = The Desiatynna Virgin church (Kiev): on the millenary of dedication*. Київ: Міжнародний фонд «Відродження»; НМІУ, 192—201, ил.
3. К вопросу о серьгах «волинского типа». В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников II коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 62—65.
4. Ювелирные украшения и предметы убора из раскопок Десятинной церкви в собрании Эрмитажа. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников I коллоквиума «Памятники ювелирного искусства и проблемы их изучения и реставрации». Санкт-Петербург: ГЭ, 45—46.

1997

5. К вопросу о происхождении серег «волинского» типа (тип «В»). В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников III коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 62—64.
6. О прототипах древнерусских колтов. В: Уханова И. Н. (науч. ред.). *Страницы истории русской художественной культуры*. Сб. науч. тр. Санкт-Петербург: ГЭ, 6—17, ил.
7. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. *Stratum+ПАВ*. Санкт-Петербург: Кишинев, 236—245, ил., карт. (Соавтор: Рабинович Р. А.).

1998

8. Круглые полусферические подвески к ожерельям. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников VI коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 63—66.
9. Некоторые замечания о древнерусских браслетах из калий-свинцово-силикатного стекла. В:

Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников V коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 69—70. (Соавтор: Френкель Я. В.).

1999

10. «Близнецы» или «двойники». О сходстве и отличии «волинских» и «прикамских» серег. *Stratum plus* (5), 338—356, ил. Рез. англ.
11. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья. *Stratum plus* (3), 228—240. Рез. англ.
12. The Kiev Russian kolts. Their analogs and prototypes. *Studia antiqua et archeologica* VI. Iași, 125—144, il.

2000

13. Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X—XI вв. *Stratum plus* (5), 90—96, ил. (Соавторы: Левицкий О. Г., Хахеев В. П.).
14. Круглые полусферические подвески. В: Сташенков Д. А. (отв. ред.). *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма)*. Тез. докл. III Междунар. археол. конф. Самара: СОИИМ, 121—125.
15. О территории распространения бусинных височных колец. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников VII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 70—74.
16. Трехбусинные кольца от Вислы до Волги. *Stratum plus* (5), 161—182, ил., табл. Рез. англ.

2001

17. *Древнерусский женский ювелирный убор IX—XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (основные тенденции формирования)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (07.00.06). Санкт-Петербург: ГЭ, 24 с.
18. Княжеская диадема из Сахновского клада. *Labirint. Вестник кишиневского клуба коллекционеров* (1). Кишинев, 18—25, il.
19. «Лунные украшения» — античное наследие в средневековом уборе. *Labirint. Вестник кишиневского клуба коллекционеров* (2). Кишинев, 11—14, ил.
20. О двух кладах ювелирных украшений из раскопок Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви в Киеве. В: Захарова Н. А. (сост., науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Сб. ст. Санкт-Петербург: ГЭ, 103—107, ил.
21. Ювелирные украшения из Войнештского клада. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участ-

- ников VIII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 101—109.
22. Ювелирные украшения Молдавии X—XI вв. и европейская мода. *Labirint. Вестник кишиневского клуба коллекционеров* (2). Кишинев, 7—10, ил.
 23. Bijuterii din secolele X—XI de la Giurgiulești, jud. Cahul = Les bijoux de X—XI^e siècle de Guirgiulești, dep. de Cahul. *Memoria antiquitatis: acta musei Petrodavensis* 22. Piatra-Neamț, 309—319, ил. Res. fr. (Coautori: Levițki O., Haheu V.).
- ### 2002
24. Древнерусские диадемы и венцы. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников IX и X коллоквиумов. Санкт-Петербург: ГЭ, 159—161.
 25. Древнерусские женские парадные головные уборы (диадемы и очелия). *Stratum plus* (5), 334—354, ил. Рез. англ.
 26. Клад Рэдукэнь (Румыния) и кольцевые городища Карпато-Поднестровья. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XI коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 83—86.
 27. Tezaurul Răducăneni (România) și cetățile circulare din spațiul Carpato-Nistean [= The Hoard of Răducăneni (Romania) and Ring-shaped Sites of Ancient Settlements of the Carpathian mountains and the Dniester area]. *Tyragetia* XI. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 271—276. Rez. engl.
- ### 2003
28. Лунницы — античное наследие в средневековом уборе. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 105—109.
 29. О появлении на Руси двух типов металлических браслетов. В: Sava E. (red.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic = Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона*. Chișinău, 347—363, ил. Rez. engl., rom.
 30. O piesă de unicat din așezarea medievală Costești [= The unique find from the Costești]. *Tyragetia* XII. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 92—96, ил. Rez. engl. (Coautor: Abâzova E.).
- ### 2004
31. Два ювелирных украшения из раскопок городища Старый Орхей. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XIII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 6—8. (Соавторы: Абызова Е.Н., Рябой Т.Ф.).
 32. Листовидные украшения. Подвески или копоушки? В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XIII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 78—79.
 33. Лотосовидная бляшка с поселения Костешты (Молдова). В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XIII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 8—11. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
 34. О синтезе источников при изучении древнерусского женского ювелирного убора. В: Грусман В.М., Коновалов А.В. (отв. науч. ред.). *Этнографический источник*. Материалы III Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ, 255—262.
 35. О создании информационной системы «Ювелирный убор Древней Руси». В: Борисов Н.В. (пред. редкол.) и др. *Технологии информационного общества — интернет и современное общество*. Труды VII Всероссийской объединенной конф. Санкт-Петербург: СПбГУ, 140—141. (Соавторы: Феофанова Е.О., Борисова А.).
 36. Piese din metale neferoase de la Orheiul Vechi [= Metals from Orheiul Vechi]. *Tyragetia* XIII. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 49—59, ил. Rez. engl. (Coautori: Abâzova E., Reaboi T.).
- ### 2005
37. Древнерусские головные уборы с колтами и ряснами. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XIV коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 74—77.
 38. *Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования*. Прил. 1: Перечень рассматриваемых в работе памятников, содержащих предметы парадного ювелирного убора; Прил. 2: Перечень украшений. Санкт-Петербург: Нестор-История. 384 с., ил., карт. Рез. англ.
 39. Западнославянские элементы в ювелирном уборе восточных славян. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XIV коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 69—73.
 40. Лотос из Костешты и Шапка Мономаха. *Stratum plus* (5), 363—369, ил. Рез. англ. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
 41. Украшения головных уборов XIII—XVI вв. в Карпато-Дунайском регионе. *Stratum plus* (6), 453—472, ил. Рез. англ.
 42. О византийском влиянии в сложении древнерусского женского парадного головного убора. В: Калашникова Н.М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы VII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 60—65.
 43. О листовидных украшениях — подвесках, копоушках и решмах. *Revista arheologică. Serie nouă I* (1), 350—358, ил. Rez. rom., rus., engl.
 44. Пальчатые фибулы Молдовы в контексте древностей сопредельных территорий. *Revista arheologică. Serie nouă I* (2), 360—370, ил. Rez. rom., rus., engl.
 45. Vestimentație de gală din cea de-a doua jumătate a sec. XIV — începutul sec. XVII (Valahia, Moldova) [= Full dress of the 2nd half of the 14th — beginning of the 17th centuries]. *Tyragetia* XIV. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 112—120, ил. Rez. engl. (Coautor: Abâzova E.).
- ### 2006
46. Изделия и инструментарий ювелиров из золотоордынских центров Карпато-Поднестровья В: Кушнир В.Г. (гл. ред.). *Древнее Причерноморье*. Сб. ст., посвящ. 85-летию со дня рожд. проф.

- Петра Осиповича Карышковского. Одесса: ОНУ, 8—13. (Соавтор: Абызова Е. Н.).
47. О некоторых изделиях из цветных металлов в собрании Национального музея истории Молдовы. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XV коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 7—9. (Соавтор: Абызова Е.).
 48. Об источниках сырья для ремесленного производства на средневековом городище Екимэуцы в Молдове. В: *Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения*. Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУ, 117—122, ил. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 49. Об особенностях древнерусских бусинных височных колец и серег. В: Грусман В. М., Коновалов А. В. (отв. науч. ред.). *Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке*. Материалы V Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ, 172—176.
 50. Подвески-лунницы: происхождение и распространение в славянском мире. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Сб. ст. Санкт-Петербург: ГЭ, 128—137, ил.
 51. Раннесредневековые ювелирные украшения Карпато-Дунайского региона. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XV коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 77—80.
 52. Украшения головных уборов XIII — начала XVII вв. в Карпато-Дунайском регионе. В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы IX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 117—122.
 53. Электронная коллекция «Ювелирный убор Древней Руси». В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XV коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 100—101. (Соавтор: Феофанова Е.).
 54. Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X—XI вв. *Revista arheologică. Serie nouă II* (1), 143—168, il. Rez. rom., rus., engl.
 55. Noi piese medievale din metale neferoase din patrimoniul Muzeului Național de Istorie [= Some new examples of medieval non-ferrous artifacts in the collections of the National museum of history of Moldova]. *Tyragetia XV. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei*, 89—95. Rez. engl. (Coautor: Abâzova E.).
 56. Un pandantiv din perioada Hoardei de Aur de la Costești. В: *Simpozion de numismatică: organizat cu ocazia jubileului institutului de arheologie «Vasile Pârvan» (1956—2006)*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău, 8. (Coautor: Abâzova E.).
 57. Диадемы и венцы в памятниках нижнедунайского региона в IX—XIII вв. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XVI коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 79—83.
 58. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X вв. *Revista arheologică. Serie nouă III* (1), 195—230. Rez. rom., rus., engl. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 59. О развитии одного типа поясных застежек в составе населения Карпато-Балканского региона (XIV—XX вв.). В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы X междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 4—8. (Соавтор: Абызова Е. Н.).
 60. Пряжки-пафты из собрания Национального музея археологии и истории Молдовы. *Tyragetia. Serie nouă I* (2), 95—105, il. Rez. rom., engl. (Соавтор: Абызова Е.).
 61. Un pandantiv din epoca Hoardei de Aur descoperit la Costești, raionul Ialoveni, Republica Moldova. In: Nicolae E. (red.). *Simpozion de numismatică: organizat cu ocazia comemorării Sfântului Ștefan cel Mare, domn al Moldovei (1504—2004)*. Comunicări, studii și note. București, 161—167, ил. Rez. fr. (Coautor: Abâzova E.).
- ## 2008
62. Драгоценные височные украшения — колты. *Labirint* (3), 19—28, il.
 63. К вопросу об археологической идентификации и наборе украшений уличей и тиверцев в Карпато-Днестровском регионе. В: Носов Е. Н., Тихонов И. Л. (ред.). *История и практика археологических исследований*. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. члена-корреспондента АН СССР, проф. Александра Андреевича Спицына. Санкт-Петербург: СПбГУ, 347—351. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 64. К юбилею Николая Петровича Тельнова. *Revista arheologică. Serie nouă IV* (1), 242—243, portr.
 65. О византийских лунницевидных серьгах VI—VII вв. *Revista arheologică. Serie nouă IV* (1), 31—39, il. Rez. rom., rus., engl.
 66. О находках деталей и аксессуаров мужского костюма в памятниках Карпато-Днестровского региона X—XIV вв. (наборные пояса и поясные сумки). В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XI междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 4—9. (Соавтор: Абызова Е. Н.).
 67. О находках предметов ременной и сумочной гарнитуры средневекового времени с городища Екимэуцы в Молдове. *Tyragetia. Serie nouă II [XVII]* (2), 311—318, il. Rez. rom., engl. (Соавтор: Абызова Е.).
 68. О ювелирных украшениях с городищ типа Екимэуцы-Алчедар в Молдове. В: Строкова Л. В. и др. (редкол.). *Музейні читання*. Матеріали наукової конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: НМІУ, 116—126, ил. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 69. Парадный костюм населения Молдавии и Валахии второй половины XIV — начала XVII в. В: Грусман В. М., Коновалов А. В. (отв. науч. ред.). *Жилище и одежда как феномен этнической культуры*. Материалы VII Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ, 214—215.
 70. Случайная находка ювелирных украшений из окрестностей с. Погребены (Республика Мол-

- дова). В: Савинов Д. Г. (отв. ред.). *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст*. Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУ, 268—272, ил. (Соавтор: Тельнов Н. П.).
71. Un tezaur cu monede și obiecte de podoabă din raionul Orhei. В: *Al IX-lea Simpozion de Numismatică*. Chișinău, 9. (Coautor: Dergaciovă L. V., Telnov N. P.).
- 2009**
72. Головные венцы из тисненых бляшек в средневековом ювелирном уборе населения Карпато-Днестровского региона. В: Кожолянюк Г. К. (отв. ред.). *650-річчя заснування Молдавської держави*. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Чернівці, 127—134.
73. Два перстня с городища Германарие в Молдове. В: Строкова Л. В. и др. (редкол.). *Музейні читання*. Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» = *Muzeini chytannia: materialy nauk. konf. «Uvelirne mystetstvo — pohliad kriz' viki»*. Київ, 132—144. (Соавторы: Рабинович Р. А., Тельнов Н. П.).
74. Изделия из цветных металлов и инструментарий ювелиров в контексте золотоордынских древностей Пруто-Днестровского междуречья. В: Хакимов Р. С. (шеф ред.), И. М. Миргалеев (гл. ред.). *Золотоордынская цивилизация 2*. Казань ИИ АН РТ, 139—153, ил., карт. (Соавтор: Абызова Е. Н.).
75. Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции). *Stratum plus* (5), 164—198. Рез. англ. (Соавтор: Чокану М. М.).
76. Нашивные украшения для декорирования одежды и «броши» из археологических памятников Карпато-Балканского региона XIV — начала XVII вв. В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 106—112.
77. О византийском и подунайском влиянии на формирование убора населения Восточной Европы в VIII—XI вв. В: Stepanov V. P. (red. resp.). *Conferința științifică internațională «Pastrarea patrimoniului cultural în țările Europei» (Chișinău, 25—26 septembrie 2008) = Международная научная конференция «Сохранение культурного наследия в странах Европы»*. Chișinău, 92—97, il.
78. О кладе средневековых ювелирных украшений с поселения у села Алчедар (Молдова). В: *Тези Міжнародної наукової конференції «Східноєвропейські старожитності в добу середньовіччя», присвяченій 90-річчю з дня народження видатного вітчизняного археолога Б. О. Тимощука*. Чернівці: ІА НАНУ; Буковинський центр археол. досліджень при Чернівецьком нац. ун-ті ім. Юрія Федьковича; Чернівецький обл. краєзнавчий музей, 9. (Соавторы: Болдуряну А., Тельнов Н.).
79. О некоторых украшениях и деталях декора одеяний населения Карпато-Дунайского региона в XIV—XVII вв. В: *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei XIX. Program, rezumatele comunicărilor*. Chișinău: Muzeul Național de arheologie și istorie a Moldovei, 36—37.
80. О новом денежно-вещевом кладе на территории Молдовы. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XVII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 142—145. (Соавторы: Тельнов Н., Дергачева Л.).
81. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: Короткевич Б. С. и др. (редкол.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света = The origins of russian statehood in the context of early mediaeval history of the Old world*. Материалы Междунар. конф. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 292—308, ил. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
82. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII—XI вв. *Stratum plus* (5), 357—380, ил.
83. Despre un tip de podoabe medievale din sec. XII—XVI. In: *l X-lea simpozion de numismatică: programul și rezumatele comunicărilor*. Chișinău: Muzeul Național de arheologie și istorie a Moldovei, 27.
- 2010**
84. Археолог. Учитель. Друг. К юбилею Николая Петровича Тельнова. *Stratum plus* (5), 15—19, фото. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
85. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI вв. *Stratum plus* (5), 285—300, ил. Рез. рус., англ., рум. (Соавтор: Тельнов Н. П.).
86. Головные венцы в системе костюма населения Карпато-Днестровского региона. В: Томилов Н. А. (отв. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Сб. науч. тр. Казань; Омск: АН РТ, 394—397, ил.
87. Итоги раскопок городища Германарие в свете исследования культуры кольцевых городищ в Молдове. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). *Краеугольный камень = Cornerstone: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран*. 80-летию со дня рожд. Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается.: [в 2 т.]. Т. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 200—213, ил. Рез. англ. (Соавторы: Рабинович Р. А., Тельнов Н. П.).
88. Кресты-реликварии в контексте культурно-исторических контактов Пруто-Днестровского региона в XI—XVI вв. *Revista arheologică. Serie nouă VI* (1), 98—107, il. Rez. rom., rus., engl.
89. Кресты-энколпионы на памятниках Карпато-Днестровского региона XI—XVI вв. В: Алексеев Н. А. и др. (редкол.). *Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне*. Тез. докл. и сообщ. XII Междунар. Крымской конф. по религиоведению. (Междунар. проект «Материальная и духовная культура в мировом историческом процессе»). Севастополь: НЗХТ; Краков: Институт религиоведения Ягелонского ун-та, 49—51.
90. О «гроздевидных» украшениях. В: Пескова А. А. и др. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки = Slavic and old russian art of jewelry and its roots*. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Гали Фе-

- доровны Корзухиной. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 273—285, ил.
91. О находках так называемых «готических» поясов в памятниках Карпато-Балканского региона конца XIII—XVI вв. В: Калашникова Н.М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XIII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 80—86.
 92. О находке подвески «гнездовского» типа с поселения X — начала XI века у села Алчедар. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XVIII коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 90—92. (Соавтор: Тельнов Н.П.).
 93. О некоторых украшениях и деталях декора одеяний населения Карпато-Дунайского региона в XIV—XVII веках. *Tyragetia. Serie nouă IV [XIX] (1)*, 249—262, il. Rez. engl.
 94. О некоторых характерных чертах головных уборов населения Карпато-Балканского региона. В: *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei XX*. Program rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de arheologie și istorie a Moldovei, 32—34.
 95. О новых находках с поселения Алчедар (Республика Молдова). В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Археологічні студії 4*. Чернівці: ІА НАНУ; Буковинський центр археол. досліджень при Чернівецькому нац. ун-ті ім.Ю.Федьковича, 157—169, ил. (Соавторы: Болдуряну А., Тельнов Н.).
 96. О специфике набора ювелирных украшений вкладах XVI — начала XVII в. в Пруто-Днестровском междуречье. В: Калашникова Н.М. (отв. ред.). *Пруто-Днестровский регион. Диалог культур*. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 650-летию молдавской государственности и 300-летию со дня рожд. Антиоха Кантемира. Санкт-Петербург: РЭМ; Институт культурного наследия АН Молдовы, 83—84.
 97. Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII—XVI вв. *Revista arheologică. Serie nouă V (1)*, 80—90, il. Rez. rom., rus., engl.
 98. *Coronițele în sistemul costumului din regiunea carpato-nistriană (secolele XIII—XV)*. In: *Al XI-lea Simpozion de Numismatică și Sesiunea Grupării Europene de Cercetare «Descoperiri monetare»*. Réunion du Groupement de Recherche Européen (GDRE) «Trouvailles monétaires». Chișinău, 13—14.
 99. Pectoral Reliquary Crosses in the system of christian antiquities in the Carpathian-Dniester region in the 11th—16th centuries. In: Salamon M. et al. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: archaeological and historical evidence*. Kraków: Rzeszów, 90—91.
- ### 2011
100. Древнерусские подвески-рясна и их аналоги в Карпато-Балканском регионе. В: Строкова Л.В. (отв. ред.). *Музейні читання*. Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, 172—185, ил.
 101. История европейского искусства (эпохи и стиль). В: *Куррикулум. Специальность*. 225.1. *Антропология. Квалификация: Лицензиат гуманитарных наук*. Университет «Высшая антропологическая школа», факультет гуманитарных технологий. Кишинев: ВАИИ, 38—39. — То же: 2012. С. 36—39; 2013; 2014; 2015.
 102. Лучевые кольца и византийская традиция. *Stratum plus (5)*, 165—172, ил. Рез. англ. рум.
 103. О находках деталей оформления наборных ремней и поясных сумок в Карпато-Днестровском регионе. В: Немченко И.В. (гл. ред.). *Древнее Причерноморье 9*. Одесса: ОНУ, 5—12, ил. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
 104. О находках подвесок и накладок в виде фигурок наездников в Карпато-Балканском регионе. В: Захарова Н.А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тез. докл. участников XIX коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 94—97.
 105. О находках «рясен с колоколовидным верхом» в памятниках Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. В: Стрикалов И.Ю. (сост.), Чернецов А.В. (отв. ред.). *Археология древнерусского города XI—XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза*. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва: ИА РАН, 57—59.
 106. О находках украшений византийско-дунайских типов VIII—X вв. на территории Поднепровья и Поднестровья. *Древности Восточной Европы*. Сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко = *Antiquities of the Eastern Europe*. Proceed. by the 90th anniversary of B.A. Shramko. Харьков: ХНУ, 252—262, ил.
 107. О некоторых специфических чертах набора ювелирных изделий из золотоордынских памятников Пруто-Днестровского междуречья. В: Васильев Д.В. и др. (редкол.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 63—70, ил. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
 108. О некоторых специфических чертах набора ювелирных украшений населения Пруто-Днестровского региона в IX—XI вв. В: Степанова Ю.В. (сост.). *Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время*. Материалы междунар. науч.-образоват. семинара. Москва; Санкт-Петербург: РГНФ; Тверской гос. ун-т, 145—150.
 109. О специфических чертах ювелирных уборов древнерусского населения в X—XIII вв. В: Калашникова Н.М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XIV междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 25—32.
 110. О хронологических этапах и характере византийского влияния на сложение средневекового ювелирного убора населения Восточной Европы в VIII—XII вв. В: *Sesiunea științifică a Muzeului Național de arheologie și istorie a Moldovei XXI*. Program rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de arheologie și istorie a Moldovei, 37—38.
 111. Об одном типе византийских украшений VI—VII вв. В: Мачинский Д.А. (отв. ред.). *Европейская Сарматия*. Сб., посвящ. Марку Борисовичу Шукину. По материалам конф., проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 332—339, ил.

112. Парадные головные уборы населения Карпато-Балканского региона X—XV вв.: сложение местных типов на перекрестке традиций и влияний. В: Грусман В.М., Калашникова Н.М. (отв. науч. ред.). *Кирилло-Мефодиевские чтения в Российском этнографическом музее*. Санкт-Петербург: РЭМ, 149—167.
113. Парадные диадемы и венцы X—XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия = [Diademe de gală și coroane din sec. X—XV în monumentele din Europa de Est și Sud-Est. Asemănări și deosebiri]. *Revista arheologică*. Serie nouă VII (1—2), 72—95, il. Rez. rom., engl.
114. Рец. на изд.: *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: вопр. межэтнич. контактов и межкультур. взаимодействия* / ред. А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во ОФОРТ, 2010. 268 с. *Revista arheologică*. Serie nouă VII (1—2), 291—298.
115. Святые Иоанн Сучавский и Петка Тырновская. О сложении образов святых покровителей Карпато-Балканских земель. В: Яшаева Т. (ред.-сост.). *Херсонес — город святого Климента*. VI международная конференция по церковной археологии. Тез. докл. и сообщ. Севастополь: НЗХТ, 28—29.
116. Христианское и языческое (о находках некоторых предметов мелкой пластики с территории Республики Молдова. В: Альбедиль М.Ф., Шевченко Ю.Ю. (отв. ред.). *Христианство в регионах мира (христианская археика)* 3. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 303—318, ил.
117. Ювелирное искусство и исторический костюм. В: *Куррикулум: программа исследовательского мастерата (II цикл): Культуры и цивилизации Европы: Квалификация: Мастер в гуманитар. науках*. Университет «Высшая антропологическая школа». Кишинев, 19—21. — То же: 2013. С. 17—20; 2014. С. 16—19.
118. Ювелирные украшения из клада Алчедар (Молдова). В: Строкова Л.В. (отв. ред.). *Музейні читання*. Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, 217—228, ил. (Соавтор: Тельнов Н.П.).
119. On the specific of dissemination of Pectoral Reliquary Crosses in the Carpathian Dnester Region in the 11th—16th centuries. In: Iliev I. G. (ed.). *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*. [in 3 vol]. Vol. 2: Abstracts of round table communications. Sofia, 175—176.
120. Byzantine-Danube elements in jewelry dress of East-European population in 8th—12th centuries. In: Nikolov A. (red.). *Proceedings of the 22nd International congress of Byzantine Studies*. [in 3 vol.]. Vol. 3: Abstracts of free communications. Sofia: Sofijski Universitet Sv. Kliment Ochridski, 40.
121. Coroane și diademe în decorul prețios al icoanelor medievale. In: *Al XII-lea simpozion de numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de arheologie și istorie a Moldovei, 21—23.
122. Tezaurul descoperit la Furceni, raionul Orhei, Republica Moldova (începutul secolului al XVII-lea). In: *Studii și cercetări de numismatică*. Serie nouă XIII (1). București, 97—112, il. (Coautori: Dergaciova L. V., Telnov N. P.).
123. Диадемы и венцы в системе древнерусского ювелирного убора. В: Степанова Ю.В. (сост., ред.), Жилина Н.В. (науч. ред.). *Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время 2*. Материалы междунар. науч.-образоват. семинара. Москва; Санкт-Петербург: РГНФ; Тверской гос. ун-т., 123—149, ил. Рез. англ.
124. О морфологических и стилистических особенностях декора поясных наборов из Пруто-Днестровского междуречья в контексте древностей евразийского и Карпато-Балканского регионов IX—XI вв. В: Алексин В.А. и др. (ред.-кол.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями = Cultures of the Steppe zone of Eurasia and their interaction with ancient civilizations*. Материалы междунар. науч. конф. посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова: [в 2 кн.]. Кн. 1. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 323—330, ил. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
125. О находках поясных наборов XIII—XVI вв. в Карпато-Балканском регионе. *Tyragetia*. Serie nouă VI [XXI] (1), 269—280, il. Rez. rom., engl.
126. О нескольких поясных наборах из Карпато-Днестровского региона. В: Калашникова Н.М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XV междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 356—361. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
127. О своеобразии древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: Зайцева И.Е. и др. (сост.), Макаров Н.А., Гайдуков П.Г. (отв. ред.). *Русь в IX—X вв.: общество, государство, культура*. Тез. докл. участников междунар. науч. конф. Москва: ИА РАН, 71—72. (Соавтор: Рабинович Р.А.).
128. Проблемы исследования раннесредневековых кольцевых городищ в Пруто-Днестровском междуречье. В: Kurzatowska U. (red.). *Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2011*. Streszczenia referatów XXVIII streszczenia referatów XXVIII konferencji sprawozdawczej. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 24—25. (Соавтор: Рабинович Р.А.).
129. Ювелирные изделия в системе декора костюма знати Карпато-Дунайского региона XIV—XVII вв. *Stratum plus* (5), 297—306, ил. Рез. рус., англ., рум.
130. Coronițele din plăcute imprimate din regiunea carpato-dunăreană în contextual antichităților din Europa de Est și Sud-Est (secolele XII—XV) = [Венцы из тисненых бляшек из Карпато-Дунайского региона в контексте древностей Восточной и Юго-Восточной Европы (XII—XV веков)]. *Revista Arheologică*. Serie nouă VIII (1—2), 93—104, il. Rez.: rom., rus., engl.
131. Despre un detaliu al podoabei de cap medievale târzie la populația din regiunea carpato-balcanică. In: Andrieș-Tabac S., Dănilă A. (ed.). *Conferința științifică cu participare internațională «Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor»*. Rezumatele comunicărilor. Chișinău, 26.
132. Despre un tip de podoabă medievală de cap. din

- secolele XII—XVI. *Suceava: anuarul Muzeului Bucovinei* 39, 135—140, il.
133. Pectoral Reliquary Crosses from the Carpathian-Dniester Region in the 11th—16th centuries = Кресты-реликварии в системе христианской культуры Карпато-Днестровского региона в XI—XVI вв. In: Salamon M. etc. (ed.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: archaeological and historical evidence 2*. Krakow etc., 527—543, il., maps. Res. Russ.
134. Podoabe de tâmplă și cercei de tipul pandantiv — «kolt» din tezaurile carpato-dunărene. In: *Al XIII-lea simpozion de numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de arheologie și istorie a Moldovei, 40—42.
- ### 2013
135. О балканских связях населения Пруто-Днестровского региона: по материалам находок предметов цветной металлообработки. В: Бонев С. (отговорен ред.). *Преслав 7*. Сб. Велико Тырново: Община Велики Преслав; НАИМ БАН — филиал Шумен, 171—183, ил. Рез. англ.
136. О времени бытования, происхождении, функциональном назначении и культурной принадлежности городищ типа Екиматуцы-Алчедар в Молдове. В: Андерсон Д. Дж., Корусенко М. А. (отв. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований = Integrating archaeological and ethnographic research*. Сб. науч. тр. участников XX междунар. симпозиума. В 2 т. Т. 2. Иркутск: Омск: ИАЭТ СО РАН, 269—274. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
137. О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе. *Stratum plus* (5), 309—336, ил. Рез. англ., рус., рум. (Соавтор: Лесман Ю. М.).
138. О мотивах птиц и цветов в позднесредневековом головном уборе населения Карпато-Балканского региона. В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XVI междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 57—61.
139. О специфических чертах византийского ювелирного убора VI—VII вв. В: Немченко И. В. (гл. ред.). *Древнее Причерноморье* 10. Одесса: ОНУ, 536—544.
140. About the Moravian influences in the Eastern Europe. In: Boldureanu A. etc. (com. org.). *Al XIV-lea simpozion de numismatică: Dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 24—26.
141. Garnitura de centură din tumulul de lângă satul Bădragii Vechi, raionul Edineț în contextul constituirii școlii de prelucrare a metalelor neferoase din Europa de Sud-Est. In: Ciobanu L. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională «Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor» (ediția a V-a)*. Rezumatele comunicărilor. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, 30.
142. Pandantive de tâmplă sau cercei în forma de semilună și mărgelați în siturile arheologice din regiunea Carpato-Danubiană (secolele XII—XVII) [= Височные подвески или серьги в форме лунниц и бусинные в археологических памятниках Карпато-Балканского региона (XII—XVII вв.)]. *Revista Arheologică*. Serie nouă IX (2), 111—126, il. Rez. rom., rus., engl.
143. К 65-летию Николая Петровича Тельнова. *Revista Arheologică*. Serie nouă IX (2), 277—278, portr.
- ### 2014
144. К проблеме выделения древностей X—XIII вв. среди материалов из раскопок Белгород-Днестровской крепости. В: Ситдигов А. Г. (отв. ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани* [в 5 т.]. Т. 3. Казань: ИА АН РТ, 144—149, ил. (Соавтор: Савельев О. К.).
145. Некоторые предметы из цветных металлов и ювелирный инструментарий из раскопок Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (5), 157—175, ил. Рез. рус., англ., рум. (Соавтор: Савельев О. К.).
146. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. В: Макаров Н. А., Леонтьева А. Е. (ред.). *Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура = Rus' in the 9th—12th centuries: society, state, culture*. Москва; Вологда: ИА РАН, 263—279, ил. Рез. англ. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
147. О датировке и культурной атрибуции литейной формочки из раскопок 1946 г. в Белгород-Днестровской крепости. В: Vasumenco-Pîmău L. (red.). *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor VI*. Conferința științifică cu participare internațională. Rezumatele comunicărilor. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, 39—40.
148. О находках украшений византийского круга X—XI вв. в Средиземноморском и Понтийском регионе. В: Айбабин А. И. (пред.) и др. (редкол.). *VI Международный Византийский семинар ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и Полис*. Тез. докл. и сообщ. Севастополь: НЗХТ; Крымское отд. Института востоковедения, 34—35.
149. О специфике декора престижных наборных поясов XIII—XV вв. из археологических находок в Болгарии. В: Грусман В. М., Герасименко Е. Е. (отв. науч. ред.). *Богатство и престиж в традиционной культуре*. Материалы XIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ, 201—207.
150. Об одном типе византийских ювелирных украшений X—XI вв. В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XVII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 56—60.
151. Образ сирий в древнерусском и малазийском искусстве. В: Толочко П. П. (наук. ред.). *Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи*. Київ: ІА НАНУ, 140—150, ил. Рез. рус., англ. (Соавтор: Беляева С. А.).
152. Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X—XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. *Revista Arheologică*. Serie nouă X (1—2), 140—164, il. Rez. engl., rom., rus.
153. Сладкогласные девы-птицы. Античные реминисценции в христианской изобразительной традиции. In: *Tradiție și contemporanitate în Arta Vizuală*. În onorarium L. Toma. Chișinău, 245—260. (Соавтор: Беляева С. А.).

154. Kontakty východní Evropy s Velkou Moravou. In: Kouřil P. (ed.). *Velká Morava a počátky křesťanství*. Brno: Archäologisches Institut, Akad. der Wissenschaften der Tschechischen Republik. Brno, 159—166, il.
155. Contacts between Eastern Europe and Great Moravia. In: Kouřil P. (ed.). *Great Moravia and the beginnings of Christianity*. Brno: The Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 170—177, il.
156. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextual relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII)*. Brăila: Muzeul Brăilei, Editura Istros. Rez. engl.
- Recenzie: Bacumenco-Pîmău L. *Revista Arheologică*. Serie nouă XI (1—2), 327—328, il.
- Recenzie: Barbu V. *Studii și materiale de istorie medie* 32, 475—477.
157. Pins in the jewelry headdress of the population of Carpathian-Balkan region. In: *Oltenia. Arheologie-istorie*. Studii și comunicări. Craiova: Muzeul Olteniei Craiova 20—21, 174—180. Rez. rus., rom.

2015

158. Византийские створчатые браслеты XI—XIII вв. В: Майко В.В. и др. (редкол.). *II Свято-Владимирские чтения*. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию представления святого равноапостольного князя Владимира. Севастополь: НЗХТ, 55—56.
159. Дегтянский клад середины XI века: состав и контекст. *Stratum plus* (6), 143—180, ил., кат. Рез. рус., англ., рум. (Соавторы: Сидорович В.М., Плавинский Н.А.).
160. Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX — начала XI вв. В: *II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.»*. Материалы докл. и сообщ./Санкт-Петербург: СИААМЗ, 26—33, ил. (Соавтор: Болдурия А.И.).
161. К вопросу о функциональной принадлежности серии средневековых нашивок и накладок с территории Пруто-Днестровского региона и их возможной связи с одеяниями типа кафтанов. *Revista Arheologică*. Serie nouă XI (1—2), 190—208, il. Rez. rom., rus., engl. (Соавтор: Дергачева Л.).
162. О великоморавском наследии в ювелирном уборе Древней Руси. В: Ванькович С.М. и др. (редкол.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XVIII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 34—37.
163. О древнерусских венцах из пластинчатых бляшек в контексте формирования ювелирных уборов XII—XIV веков. В: Киджи В.В. и др. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Сб. ст. Санкт-Петербург: ГЭ, 236—245, ил.
164. Пруто-Днестровский регион в системе ближней и дальней торговли X—XI вв. В: Грусман В.М., Герасименко Е.Е. (отв. науч. ред.). *Торговля в этнокультурном измерении*. Материалы XIV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ, 62—67.
165. Пряжки-пафты из Костешть и Белгорода-Днестровского в системе женского костюма населения Карпато-Балканского региона. В: Степа-
- нова Ю.В. (сост., ред.), Жилина Н.В. (науч. ред.). *Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время* 3. Материалы Междунар. науч.-образоват. семинара. Тверь: Тверской гос. ун-т, 3—13, ил. Рез. англ. (Соавтор: Абызова Е.Н.).
166. Створчатые браслеты из клада XIV века Буруйенешть (коммуна Должешть, уезд Нямц, Румыния). В: *Al XV-lea simpozion de numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 14—17.
167. Ювелирный убор населения Восточной Европы X—XI вв. в контексте связей между регионами Поднестровья, Поднепровья и Повисленья. В: Zabolotnaia L., Czamańska I. (coord. știin.), Krasowska H. (red.). *Polonezii în Moldova = Polacy w Moldawii = Poles in Moldova: istorie și contemporaneitate*. Culegere de studii și documente. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 25—40, il. Rez. engl., pol., rom., rus.
168. Brățări cu capetele decorate cu granule din regiunea carpato-balcanică (secolele XIII—XV). In: *Sesiunea științifică a Muzeului de Istorie a Moldovei 8—9 octombrie 2015 XXV*. Program, rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de istorie a Moldovei, 38—39.
169. Casting mold with earring in the context of Balkan-Mediterranean and Old Rus' contacts of Belgorod in X—XI centuries. In: Croitoru C., Hănceanu D. (ed.). *Miscellanea Historica et Archaeologica: in Honorem Vasile Ursachi Octogenarii*. Bibliotheca Archaeologica Istros. Seria Honoraria 14. Brăila, 365—372, il. Rez. engl.
170. Centuri «gotice» în regiunea carpato-balcanică. In: Bogataia L. (red.). *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor: conferința științifică internațională VII*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, 37.
171. Despre unele trăsături specifice ale giuvaergeriei bizantine din secolele VI—VII [= О специфических чертах византийских ювелирных украшений VI—VII веков]. *Revista Arheologică*. Serie nouă XI (1—2), 117—122, il. Rez. engl., rom., rus.
172. Masa rotundă: arheologia evului mediu timpuriu în spațiul Europei de Est. *Revista Arheologică*. Serie nouă XI (1—2), 340—341. (Coautor: Dergaciova L.).
173. Piese de podoabă și de vestimentație pe teritoriul Moldovei istorice. *Akados: revistă de știință, inovare, cultură și artă* 38 (3), 128—134, il. Rez. engl., rom.
174. The belts from medieval male burials in the Prut-Dniester region. In: *Sesiunea Internațională de Comunicări Științifice «Arheologia Mileniului I p. Chr.» XIV*. Rezumate/Abstracts. Ploești, 16—17.

2016

175. Бляшки в форме лотоса с территории Молдавского княжества: типология, хронология и преемственность = Findings of lotus-shaped plaques in the Principality of Moldova: typology, chronology and continuity. В: Станкович-Денисова Е.Ю. (отв. ред.). *Актуальные проблемы теории и истории искусства = Actual problems of theory and history of art*. VII Междунар. конф., тез. докл. Санкт-Петербург: СПбГУ, 314—315. Текст парал.: рус., англ. (Соавтор: Дергачева Л.В.).

176. К вопросу о датировке древнерусских украшений с зернью. В: *Al XVI-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor*. Chișinău: Muzeul național de istorie a Moldovei, 23—25.
 177. О некоторых характерных типах позднесредневековых бусинных украшений из Карпато-Балканского региона. В: *Стародавнє Причорномор'я* 11. Одеса, 461—469, ил.
 178. О времени появления и тезаврации древнерусских ювелирных украшений с зернью. В: *Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.* III Междунар. нумизмат. конф. Материалы докл. и сообщ. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 178—204.
 179. О выделении древностей венгерского круга на территории Карпато-Днестровских земель. В: *3. Nemzetközi Korai Magyar történeti és régészeti konferencia = III Международнй Мадьярский симпозиум по археологии*. Budapest, 19. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 180. О ландшафтной приуроченности и функциональном назначении средневековых городищ Пруто-Днестровского междуречья. В: Матвеева Н. П. (ред.). *Экология древних и традиционных обществ*. Вып. 5, ч. 1. Материалы V Междунар. науч. конф. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 217—220. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 181. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екиматуцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе. В: Chudzińska B. (red.). *Od Bachórze do Światowida ze Zbrucza: tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym*. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego. Kraków; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 323—341, ил. Rés. ang. (Соавтор: Рабинович Р. А.).
 182. Одежные застежки с территории Молдовы и их связь с традиционным женским ногойским костюмом. В: Ванькович С. М. и др. (редкол.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XIX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД; РЭМ, 475—480. 479—480. (Соавтор: Дергачева Л. В.).
 183. Восточные орнаментальные мотивы в композиции украшений населения Карпато-Дунайского региона в XIV—XVII вв. В: Грусман В. М., Герасименко Е. Е. (отв. науч. ред.). *Орнаментика в артефактах традиционных культур*. Материалы XV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ, 106—111. (Соавтор: Дергачева Л. В.).
 184. Створчатые браслеты. Традиция до и после Нашествия. *Stratum plus* (5), 269—300, ил. Рез. англ., рум., рус. (Соавторы: Калашникова, Н. М., Корниенко А. И.).
 185. Aplice în formă de «floare arabă» în vestimentația de gală din sec. XIV—XVI. In: Turcanu V. (red.). *Patrimoniul cultural — cercetare, valorificare, promovare* 8. Conferință științifică internațională. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău, 36. (Coautor: Dergaciovă L.).
 186. Aplice în formă de «floare arabă» în vestimentația de gală din sec. XIV—XVI [= Накладки в форме «арабского цветка» в придворном уборе XIV—XVI вв.]. *Revista Arheologică. Serie nouă* XII (1—2), 216—228, ил. (Coautor: Dergaciovă L.).
 187. Diademe în monumentele arheologice din Europa de Est din sec. XII—XIII. In: *Sesiunea Internațională de Comunicări Științifice «Arheologia Mileniului I p. Chr.» XV. Rezumate/Abstracts*. Ploesti, 21—22.
 188. Chronology and periodization of the reception of Byzantine dress accessories and fashion in the Eastern European culture, 8th—14th century. In: Dželebdžić D. (ed.). *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies: thematic sessions of Free Communications*. Belgrade: The Serbian National Committee of AIEB, 525—526. (Coauthor: Musin A.).
 189. Some belt sets and separate plaques of 9th—11th centuries from the Prut-Dniester region. In: *Arheologia milenului I. Chr. Vol. V. Identități și schimburi culturale în mileniul I. Chr.* Brăila: Istros, 267—281, ил. Rez. engl., rom.
- 2017**
190. Древнерусские женские головные уборы с рясами и колтами. В: Мусин А. Е., Щеглова О. А. (ред.). *В камне и в бронзе = In stone and bronze*. Сб. ст. в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН XLVIII. Санкт-Петербург, 499—510, цв. ил.
 191. Древняя Русь — Моравия — Дунай (одно из исследовательских направлений на кафедре археологии ЛГУ). В: Тихонов И. Л. (отв. ред.). *Университетская археология: прошлое и настоящее*. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии. Санкт-Петербург: СПбГУ, 41—48.
 192. К вопросу об этнокультурной принадлежности и датировке группы одежных застежек с территории Пруто-Днестровского междуречья. *Поволжская археология* (4), 190—207, ил. (Соавтор: Дергачева Л. В.).
 193. Материалы из кочевнического захоронения второй половины IX — первой половины X вв. из окрестностей с. Бучумень (р-н Унгень, Республика Молдова). В: *Conferința științifică a Muzeului Național de Istorie a Moldovei* 27. Program., rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de istorie a Moldovei, 39—41. (Соавтор: Власенко И.).
 194. Новый клад древнерусских ювелирных украшений из окрестностей летописного Возвягеля. В: Горбаненко С. А. (відп. ред.). *Возвягель — Звягель — Новгород-Волынский: у часовому зрізі тисячоліть*. Харків: Київ: Краєзнавчий музей міста Новограда-Волинського, 34—47. (Соавтор: Петраускас А. В.).
 195. Рец. на изд.: Дончева С. Кальпи и матрицы от българското средновековие (IX—XIV в.). Veliko Tırnovo: Publ. house «Фабер», 2015. 312 с. *Revista Arheologică. Serie nouă* XIII (1—2), 267—269.
 196. О двух новых находках позднесредневековых кладов ювелирных украшений (в связи с вопросом о присутствии дериватов золотоордынских изделий в памятниках Молдавского княжества). *Stratum plus* (6), 91—116. Рез. англ., рум., рус. (Соавтор: Дергачева Л. В.).
 197. О находках крестов — энколпионов и крестовключенных подвесок с территории Пруто-Днестровского региона = [About the Finds of Encolpion Crosses from Territory of the Prut-Dniester region]. В: *Добруджа* 32. Сборник в чест на 60 години проф. д.и.н. Георги Атанасов = Collected papers in honor of professor Georgi Atanasov on the occasion of his 60th anniversary. Силистра: Регионален исторически музей, 313—324, ил. Рез. англ.

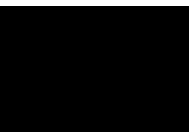
198. О некоторых вариантах древнерусских головных уборов с рясами/рясами и колтами. В: Калашникова Н.М. (отв. ред.). *Проблемы изучения и реставрации головных уборов традиционных костюмов народов России*. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Архангельск: Худож. культура Русского Севера; РЭМ, 92—96.
199. О специфике юго-западной группы древнерусских створчатых браслетов. В: Зайковская Т.В. (отв. ред.). *Patrimoniul spiritual și istorico-cultural al rușilor din Moldova*. Culegere de articole ale conferinței științifice cu participare internațională dedicată a 25-a de la fondarea sectorului «Etnologia rușilor» al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM (Chișinău, 23 martie 2016) = *Духовное и историко-культурное наследие русских Молдовы*. Сб. материалов науч. конф. с междунар. участием, посвященной 25-летию создания сектора «Этнология русских» Центра этнологии Института культур. наследия АНМ (Кишинэу, 23 марта 2016 г.). Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, 81—85.
200. Об одной уникальной находке из окрестностей села Костешть (Яловенского района, Республики Молдова). В: Sava E. (preș. comit. științ.). *Al XVII-lea Simpozion de Numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de istorie a Moldovei, 12—14. (Соавтор: Болдуряну А.).
201. Перстни XIV—XVII вв. с территории княжеств Молдова и Валахия. Основные типы и уникальные находки. В: Ванькович С.М. и др. (редкол.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 51—55. Рез. англ.
202. Перстни, декорированные зернью, как характерный элемент древнерусского парадного ювелирного убора X—XI вв. В: Киджи В.В. и др. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Сб. ст. Санкт-Петербург: ГЭ, 136—153, ил.
203. Рец. на изд.: Жабрева А.Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI—XVII веков/Б-ка РАН; отв. ред. Н.А. Сидоренко. Санкт-Петербург: БАН, 2016. 480 с. *Археологические вести* 23. Санкт-Петербург, 365—374.
204. Этнокультурная атрибуция серии находок из цветных металлов с территории Республики Молдова и Украины. В: Толочко О.П. (відп. ред.). *Культурний шир. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна*. Київ: ІА НАНУ, 362—376, ил. (Соавтор: Дергачева Л.В.).
205. Cheutori duble pentru hainele de tip caftan din regiunea carpato-nistreană. In: Ghilaș V., Vornic V. (ed.). *Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare IX*. Conferința științifică internațională. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, 41—42. (Coauthor: Dergaciova L.).
206. Древности венгерского круга IX—X вв. Пруто-Днестровского региона (предметы торевтики и ювелирные украшения) = A Prut-Dnyeszter régió 9—10. századi magyar jellegű hagyatéka (a fémművesség és az ötvösművészet tárgyai). В: Тюрк А., Зеленков А.С. (ред.). *III Международнй Мадьярский симпозиум* = 3. *Nemzetközi Korai Magyar Történeti És Régészeti Konferencia*. Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia, 429—464, ил. Рез. рус., венг. (Соавтор: Рабинович Р.А.).
207. К вопросу о выделении двух традиций в оформлении позднесредневековых женских головных венцов (на основе материалов погребальных памятников Карпато-Балканского региона). В: Рафиков Я.В. (отв. ред.). *Мужской и женский мир в отражении археологии*. Материалы Всероссийской с междунар. участием науч. конф. Уфа: ИЯЛ УФМЦ РАН, 239—248, ил. Рез. англ.
208. К вопросу об истоках формирования набора ювелирных изделий из захоронения знатной половчанки в Балотапуста (Кишкунхалаш, Венгрия). В: Ситдинов А.Г. (гл. ред.). *Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума*. Археология евразийских степей 6. Казань: ИА АН РТ, 194—201, ил. Рез. рус., англ. (Соавтор: Пескова А.А.).
209. Медальоны с хрустальными вставками в составе социально-престижного убора населения юго-западных регионов Древней Руси. *Stratum plus* (5), 281—298, ил. Рез. англ., рум., рус. (Соавтор: Пескова А.А.).
210. Спасибо, Учитель [В.А. Булкин]. *Stratum plus* (5), 27—28.
211. О Великоморавском и Подунайском влиянии на формирование древнерусского ювелирного убора X — начала XI вв. = [On the Great Moravian and Danube influence on the formation of the Old Rus' jewelry dress of the 10th — the beginning of the 11th c.]. В: Георгиев П., Димитров Я. (ред.). *Плиска-Преслав 13*. В память на професор Тотю Тотев (1930—2015). София: НАИМ БАН, 495—508, ил. Рез. англ.
212. О некоторых специфических чертах головных уборов населения Балканского региона в X—XIV вв. /В: *Стародавнє Причорномор'я* 12. Одеса: ОНУ, 470—480, ил.
213. О специфике древнерусских створчатых браслетов с гравированными изображениями. В: Рыбина Е.А. (гл. ред.), Н.В. Енисосова (отв. ред.). *Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия*. Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Д.А. Авдусина (1918—2018). Москва: МГУ, 46—47.
214. О новой находке медальона провинциально-византийского круга = [On the recent discovery of a medallion in the provincial-Byzantine area]. In: Aparaschivei D., Bilavski G. (ed.). *Studia Romana et mediaevalia Europaensia*. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata. Honoraria 13. Brăila: Institute of Archaeology, Romanian Academy, 61—80, цв. ил. (Соавтор: Болдуряну А.).
215. Об особенностях морфологии и декора «вольных серег» с тисненными подвесками. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы*. Сб. ст. в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Библиотека «Stratum». Кишинев: ВАШ; Тирасполь: ПГУ, 435—444, ил.
216. Поясные сумочки с металлическим декором из восточноевропейских археологических памятников IX — начала XI вв. В: Ванькович С.М. и др. (редкол.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии* = *Fashion and design: historical experience — new technologies*. Материалы

- лы XXI междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 36—40. Рез. англ.
217. «Племенные» или «территориальные» уборы? К вопросу о ювелирных «провинциях» Древней Руси. В: Степанов В. П., Губаненкова С. М. (ред.). *Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляция?* Сб. науч. ст. и докл. по материалам науч.-практ. конф. Орёл: ОГУ, 148—155.
 218. О специфике древнерусского женского парадного ювелирного убора домонгольского времени = On the specifics of the Old Russian women's ceremonial jewellery dress of the pre-Mongolian time. In: Zabolotnaia L. (ed.). *Femeia în istoria universală. Noi abordări metodologice: seminarului metodologic internațional = Woman in Universal History. New methodological approaches.* Intern. methodol. seminar. Program, rezumatele comunicărilor. Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei, 15—16. Текст парал.: рус., англ.
 219. Cercei din mediul Hoardei de Aur, descoperiți în regiunea carpato-nistreană. In: Ghilaș V. (ed.). *Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare* X. Conferința științifică internațională. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, 67—68.
 220. Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextual vestigiilor din secolele IX—X din regiunea carpato-nistreană = [Materials of nomadic burial from Buciumeni (Ungheni district, Republic of Moldova) village in the context of antiquities of the IX—X century in the Carpathian-Dniester region]. *Revista Arheologică. Serie nouă* XIV (2), 108—115, ил. Рез. англ., рум., рус. (Coautor: Vlasenco I.).
 221. Obiecte medievale târzii din metale neferoase provenite din săpăturile de la cetatea Belgorod-Dnistrovski = Пізньосередньовічні вироби з кольорових металів з розкопок у Білгород-Дністровській фортеці. In: Croitoru C., Țiganenco L. (ed.). *Istorie și civilizație de-a lungul Dunării de Jos. Culegere de studii dedicate zilei internaționale a fluviului* — 29 iunie. Vol. 1 = *Історія і цивілізація Нижнього Дунаю. Колективна монографія, присвячена Міжнародному дню Дунаю* — 29 червня. Т. 1. Brăila: Academia Română, Centrul de Studii Dunărene, 107—116, 117—134 ил. (Соавтор: Савельев О.).
- ## 2019
222. Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII—начале XIV вв. *Revista Arheologică. Serie nouă* XV (2), 68—80, ил. Рез. рус., англ., рум.
 223. О находках предметов декорировки головного убора, выполненных в золотоордынских традициях. В: Ванькович С. М. и др. (редкол.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии = Fashion and design: historical experience — new technologies.* Материалы XXII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 38—41. Рез. англ.
 224. О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией. В: Ткачук М. Е., Атанасов Г. Г. (ред.). *В поисках сущности = In search of the essence.* Сб. ст. в честь 60-летия Н. Д. Руссева. Кишинев: Stratum plus, 291—306. Рез. рус, англ.
 225. Три поясных набора IX—XI вв. с территории Пруто-Днестровского региона. В: *Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.* IV Междунар. нумизмат. конф. Сб. ст. Санкт-Петербург, 53—60, ил. Рез. англ.
 226. Шлем или шапка? О находках серебряных конусовидных наверший головных уборов в археологических памятниках X—XIV вв. *Stratum plus* (5), 225—232, ил. Рез. англ., рум., рус.
 227. Ювелирные украшения и предметы торевтики венгерского круга из средневековых памятников Пруто-Днестровского региона. В: Киджи В. В. и др. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура 5 = Jewellery and material culture 5.* Сб. ст. Санкт-Петербург: ГЭ, 187—197, ил.

Составитель: А. Э. Жабрева

Археология костюма

Archaeology of costume



М. М. Казанский

Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму

Keywords: Danube, Balkans, Crimea, Great Migration Period, East Germans, fibulae

Ключевые слова: Дунай, Балканы, Крым, эпоха переселения народов, восточные германцы, фибулы

M. M. Kazanski

Fingered Fibulae of Archar-Histria Type on the Danube and in the Crimea

Big fingered fibulae of the East German tradition, such as Archar-Histria type, are addressed in this article. In the late phase of the Great Migration Period, they spread throughout the East Roman Empire, south of the Danube, as well as in the Crimea. These fibulae belong to the East German tradition of women's costume and date from the second half of the 5th — the beginning of the 6th centuries. Most likely, they spread from the northern part of the Balkan Peninsula along with migrations of the Goths to the West and the East. Perhaps, the finds of such fibulae in the Crimea (Luchistoe, Artek, Kerch) reflect one of the Gothic migrations from the Balkans, not recorded by written sources.

M. M. Казанский

Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму

Рассматриваются большие пальчатые фибулы восточногерманской традиции типа Арчар-Истрия. В поздней фазе эпохи Великого переселения народов они распространяются на территории Восточно-Римской империи, к югу от Дуная, а также в Крыму. Эти фибулы принадлежат восточногерманской традиции женского костюма и датируются второй половиной V — началом VI вв. Скорее всего, они распространяются из северной части Балканского полуострова вместе с миграциями готов на запад и на восток. Возможно, находки таких фибул в Крыму (Лучистое, Артек, Керчь) отражают одну из миграций готов с Балкан, не зафиксированную письменными источниками.

Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия (рис. 1), с полукруглой головкой и ромбической ножкой, пожалуй, впервые стали предметом специального изучения благодаря находке в Истрии (рис. 1: 4, кат. № 7) (Petre 1965; последний обзор: Станев 2008: 188—193)¹. В данной работе хотелось бы охарактеризовать состояние исследований этих фибул и поставить вопрос о механизмах их распространения. Данные фибулы отличаются крупными размерами, они имеют зооморфное окончание ножки, шесть круглых выступов по углам ножки, украшенных вставками камней, растительный декор на головке в виде ленты завитков, и на ножке, с композиционным цен-

тром в её средней части. На некоторых фибулах присутствует чеканка по краю, т. н. волчий зуб. Чеканка из треугольников имеется в ряде случаев и на дужке. Часто пальцы фибул украшены вставными камнями.

Различаются два очень близких между собой варианта. Фибулы первого варианта имеют наибольшее расширение ножки в средней части. Это застежки из Арчара (римск. *Ratiaria*), Гигена (*Ulpia Oescus*), из коллекции Национального исторического музея в Софии, Сингидунума (*Singidunum*), Керчи (кат. № 1, 4—6, 9) (рис. 1: 2, 4, 6—8, 10—14). Вторым вариантом составляют фибулы с наибольшим расширением ножки у основания дужки. К их числу относятся фибулы из Русенски Лом-Красен, Гигена, Ровине-Сремски Карловци, Истрии (*Histria*), одна из фибул из Арчара, дериват из Румынии, фибулы-дериваты из Лучистого, а также фибула-дериват из Артека (рис. 1: 1, 3, 5, 9, 15; 3: 1) (кат. № 2—5, 7, 8, 10, 11). Возможно, речь идет о продукции двух разных ателле, при том, что зоны распространения обоих вариантов очень близки.

¹ А. Хараламбиева выделила эти фибулы в отдельный нижнедунайский вариант восточногерманских фибул типа Аквилея (Хараламбиева 1984: 47; Ковачева, Хараламбиева 1992: 46—48). В свое время Х. Кюн также отнес подобные фибулы к типу Аквилея (Kühn 1974: 615—617, Taf. 243: 24, 25, 28; 244: 31, 39), однако впоследствии типология фибул Аквилея была пересмотрена Ф. Бирбрауером (Bierbrauer 1975: 102—114).

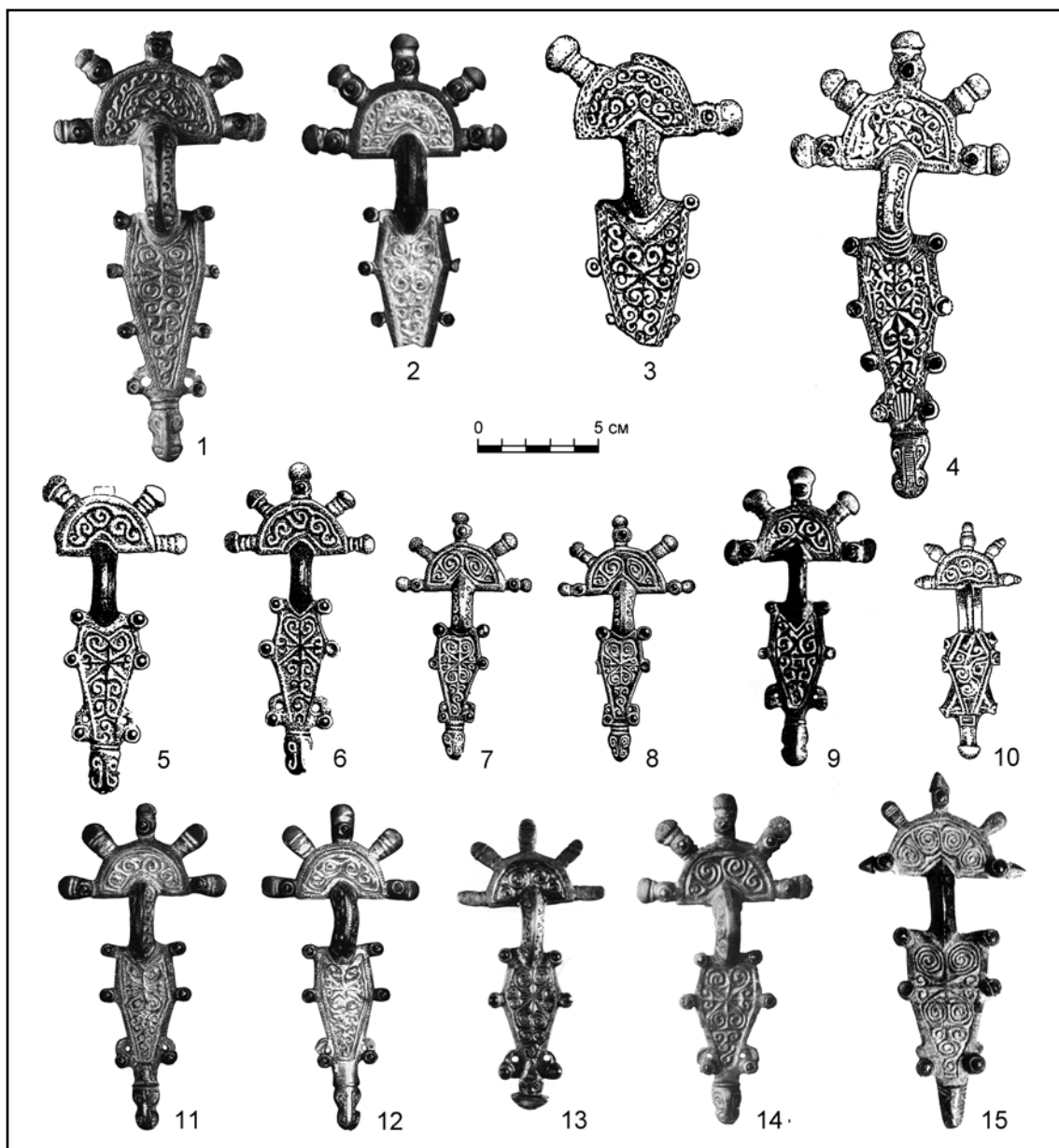


Рис. 1. Фибулы типа Арчар-Истрия и их дериваты: 1 — Ровине-Сремски Карловци; 2, 11, 12 — Гиген; 3 — Русенски Лом-Красен; 4 — Истрия; 5, 6, 10 — Арчар; 7, 8 — Национальный исторический музей, София; 9 — Румыния; 13 — Сингидунум III, погр. 55; 14 — Керчь; 15 — Артек (по: 1 — Bott 1987: Taf. 22; 2, 11, 12 — Милев 2003: рис. на с. 97; 3—8, 10 — Станев 2008: табл. 11: 1, 13: 5, 14: 1—5; 9 — Kühn 1974: Taf. 243: 4, 28; 13 — Ivanišević, Kazanski 2002: Fig. 94; 14 — Kühn 1974: Taf. 244: 4, 39; 15 — Репников 1906: табл. 6: 8).

Fig. 1. Archar-Histria fibulae and their derivatives: 1 — Rovine-Sremski Karlovci; 2, 11, 12 — Gigen; 3 — Rusenski Lom-Krasen; 4 — Histria; 5, 6, 10 — Archar; 7, 8 — National Museum of History, Sofia; 9 — Romania; 13 — Singidunum III, burial 55; 14 — Kerch; 15 — Artek (after: 1 — Bott 1987: Taf. 22; 2, 11, 12 — Милев 2003: рис. на с. 97; 3—8, 10 — Станев 2008: табл. 11: 1, 13: 5, 14: 1—5; 9 — Kühn 1974: Taf. 243: 4, 28; 13 — Ivanišević, Kazanski 2002: Fig. 94; 14 — Kühn 1974: Taf. 244: 4, 39; 15 — Репников 1906: табл. 6: 8).

К сожалению, для большей части этих фибул точный контекст находки неизвестен, либо они происходят из закрытых комплексов, не содержавших других предметов, как напр. захоронение из Истрии (кат. № 7), что крайне затрудняет датировку данного типа застёжек. Исключение составляет фибула из погребения 55 в некрополе Син-

гидунум III (совр. Белград) (кат. № 1) (рис. 2). Здесь помимо фибулы были найдены крупные дисковидные бусы из янтаря (рис. 2: 7, 8), типичные в данном могильнике для V — нач. VI вв. (Ivanišević, Kazanski 2002: 122), а также крупные серьги с ажурной полиэдрической подвеской (рис. 2: 2, 3). Как показал Ф. Бирбрауер, такие серьги распространены

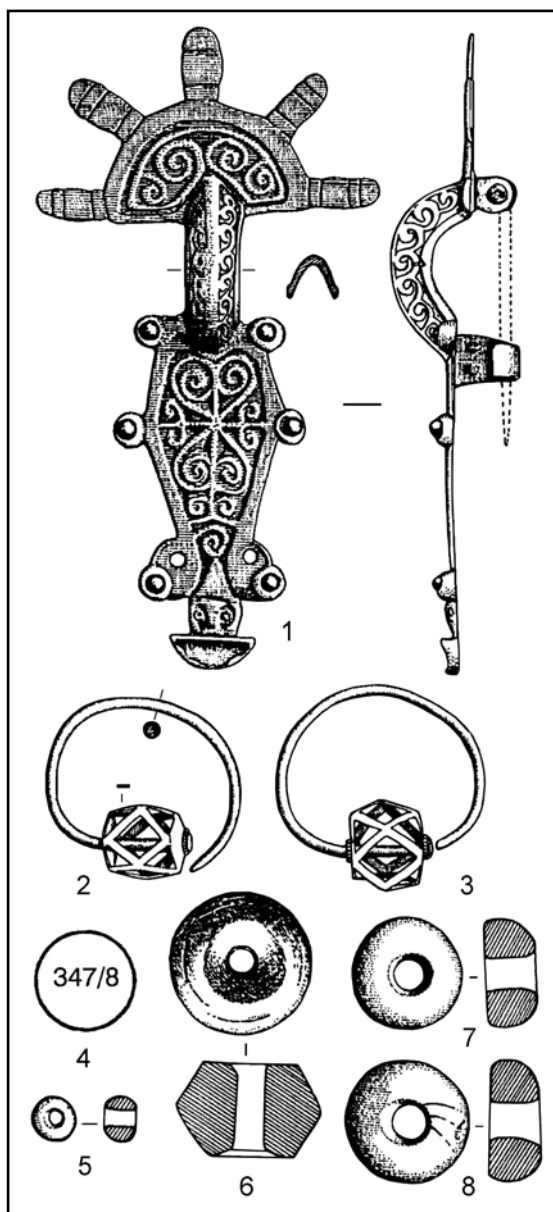


Рис. 2. Инвентарь погребения 55 в Сингидунуме III (по Ivanišević, Kazanski 2002: pl. 5: 55).

Fig. 2. Grave goods of burial 55 in Singidunum III (after Ivanišević, Kazanski 2002: pl. 5: 55).

у восточных германцев на Дунае и в Италии в V — нач. VI вв. (напр. рис. 4: 2), хотя встречаются и в других регионах варварской Европы (Bierbrauer 1975: 162—169). Наиболее ранние находки соответствуют еще периодам D2 (380/400—440/450 гг.) и D2/D3 (430/440—460/470 гг.) хронологии европейского Барбарикума, другие датируются временем варварских королевств постгуннского времени, т.е. 2-й пол. V — 1-й пол. VI вв. (Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006: 29—30, там же библиография). В Северном Причерноморье такие серьги встречены в кладе, происходящем якобы из Ольвии, в наборе

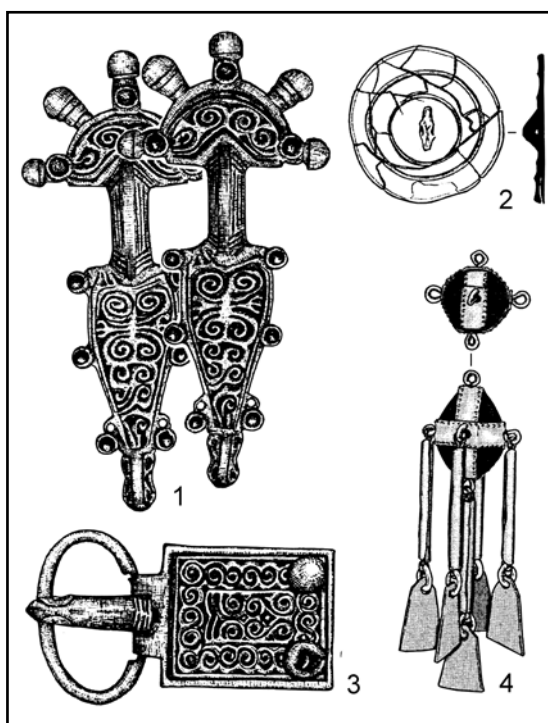


Рис. 3. Вещи из склепа 229 могильника Лучистое (по Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 171: 1—4).

Fig. 3. Items from crypt 229 of Luchistoe cemetery (after Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 171: 1—4).

вещей, типичных для 2-й пол. V в. (Казанский, Мастыкова 2014: рис. 2: 5, 6). На Западе у аламанных подобные серьги характерны для 480/490—510/530-х гг. (Roth, Theune 1988: pl. 7: 19; Koch 2001: 72—75, Abb. 13: X9), примерно в то же время серьги с ажурной полиэдрической подвеской в небольшом количестве представлены и в Галлии, у бургундов и франков, где они считаются занесенными с Дуная или Италии (de Pirey 1995). В целом могила 55 в Сингидунуме относится к группе погребений данного некрополя, совершенных в последней трети V — нач. VI вв. (Ivanišević, Kazanski 2002: 124), что подтверждает дату фибул Арчар-Истрия, предложенную А. Хараламбиевой, — конец V в. (Haralambieva 1990: 83).

Пара фибул происходит из склепа 229 могильника Лучистое, близ Алушты (рис. 3: 1). Материал погребения опубликован лишь частично. Помимо интересующей нас пары фибул, здесь найдены зеркало типа Карповка, более всего распространенного в V—VI вв. (Мастыкова 2016), а также пряжка итало-остrogотской традиции группы A2, видимо, относящейся к последней трети V и раннему VI вв. (Bierbrauer 1975: 130) и бытовавшей в Северном Причерноморье в VI в. (Казанский 2019: 17).

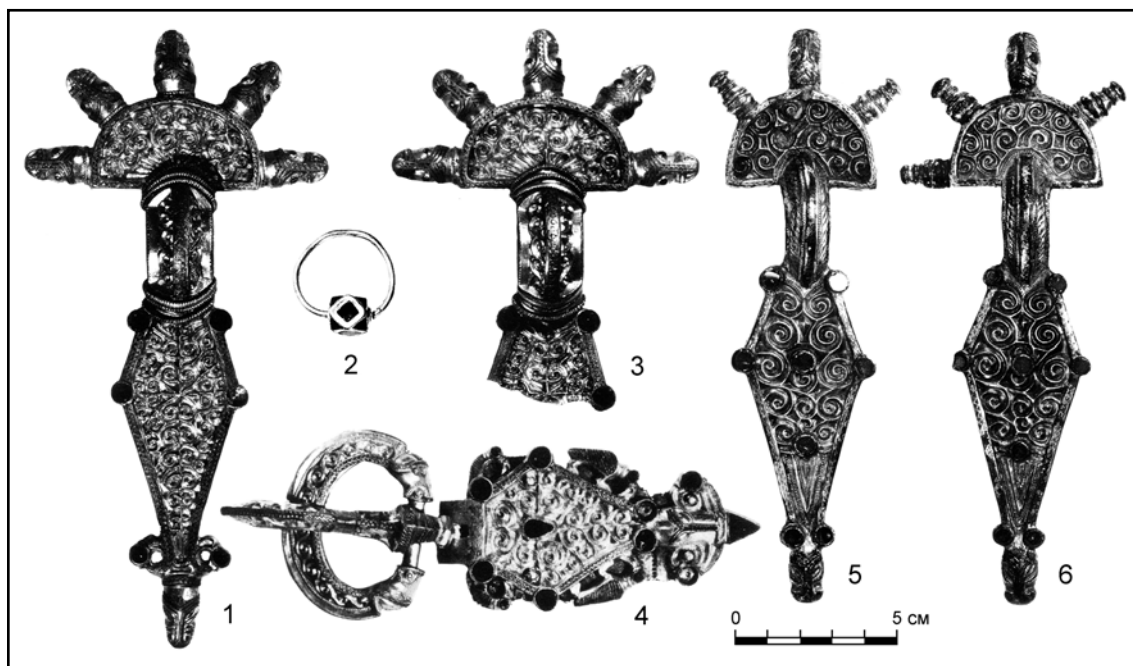


Рис. 4. Находки из Домолошпуста и «Реджио-Эмилия»: 1—4 — Домолошпуста; 5, 6 — «Реджио-Эмилия» (по Bierbrauer 1991: Abb. 19: 1—3, 5; 21: 3, 4).

Fig. 4. Finds from Domolospusztá and “Reggio Emilia”: 1—4 — Domolospusztá; 5, 6 — “Reggio Emilia” (after Bierbrauer 1991: Abb. 19: 1—3, 5; 21: 3, 4).

Надо сказать несколько слов и о возможной дате и принадлежности фибулы из погребения в Истрии (рис. 1: 4) (кат. № 7). Как известно, она происходит из могилы, открытой в городском секторе за крепостной стеной, который был заселен до 600—602 гг. и заброшен из-за славянских и аварских нападений. Крайне маловероятно, чтобы захоронение совершалось непосредственно в жилой части византийского города. Поэтому румынские археологи обоснованно относят это погребение ко времени после 600 г., когда квартал был заброшен. Здесь же имеются и другие погребения с вещами VII в., в частности, с пряжками типа Сиракузы. В укрепленной части города, где жизнь продолжается после 600—602 гг., этому периоду соответствуют городские слои с монетой Ираклия (Petre 1965). Однако ко времени после 600 г. большие пальчатые фибулы уже давно и повсеместно выходят из моды. В это время в Дунайском регионе распространяются иные типы пальчатых фибул (см. напр. Рябцева 2005). Поэтому мне представляется, что в данном случае речь идет о вторичном использовании фибулы.

Из всех фибул типа Арчар-Истрия находки из Ровине-Сремски Карловци, Гигена и Русенски Лом-Красен (рис. 1: 1—3) (кат. № 2—4) выглядят наиболее богато и в то же время наиболее архаично. Поэтому фибулы из Гигена и Ровине-Сремски Карловци считаются наи-

более ранними из застёжек этого типа (Станев 2008: 188). Возможно даже, их следует выделить в отдельную форму, развившуюся из восточногерманских фибул типа Домолошпуста-Бачордаш (Domolospusztá-Bácsordas) (о нем см. Станев 2008: 178—188) и являвшуюся прототипом для остальных фибул Арчар-Истрия (рис. 4: 1, 3). У них растительный декор на головке располагается в два яруса, а не в один, как на остальных фибулах. По этим признакам они сближаются с большими фибулами периода D3 (450/470/480 гг.) (Tejral 1988: 286; 2005: 121—123), хорошо известными в восточногерманской среде. Во II пол. V в. большие пальчатые фибулы с растительным декором распространяются преимущественно на Среднем Дунае, но также появляются в Италии и в Восточном Крыму, несомненно, в результате контактов с Подунавьем, или даже благодаря миграциям отдельных групп дунайских германцев на Запад и Восток (Kazanski, Mastykova 2017: 156, 157). Установить типологию больших пальчатых фибул непросто, поскольку, вне всякого сомнения, они изготавливались по персональным заказам. По общей морфологии и характеру растительного декора ранние фибулы типа Арчар-Истрия (или их прямые прототипы?) из Ровине-Сремски Карловци, Гигена и Русенски Лом-Красен более всего напоминают фибулы из Домолошпуста (Kühn 1974: Taf. 244: 4, 33; Bierbrauer 1975: Taf. 83:



Рис. 5. Карта распространения фибул типа Арчар-Истрия: а — ранние фибулы, переходные от группы Домолошпуста-Бачордаш; б — типичные фибулы Арчар-Истрия; с — дериваты фибул Арчар-Истрия. 1 — Сингидунум; 2 — Ровине-Сремски Карловци; 3 — Русенски Лом-Красен; 4 — Гиген; 5 — Арчар; 6 — Национальный исторический музей, София; 7 — Истрия; 8 — Румыния; 9 — Керчь; 10 — Артек; 11 — Лучистое. Номера на карте соответствуют номерам каталога.

Fig. 5. Distribution of Archar-Histria fibulae: a — early fibulae, transient from the (Domolospusztá-Bácsordas) group; b — typical Archar-Histria fibulae; c — derivatives of Archar-Histria fibulae. 1 — Singidunum; 2 — Rovine-Sremski Karlovci; 3 — Rusenki Lom-Krasen; 4 — Gigen; 5 — Archar; 6 — National Museum of History, Sofia; 7 — Histria; 8 — Romania; 9 — Kerch; 10 — Artek; 11 — Luchistoe. The numbers on the map correspond to the catalog numbers.

1, 2; 1991: Abb. 19: 1, 2) и «Реджио-Эмилия»² (Bierbrauer 1975: Taf. 48: 1, 2; 1991: Abb. 21: 3, 4) (рис. 4: 1, 3, 5, 6). В целом они соответствуют периоду D3 (450—470/480 гг.) или фазе Домолошпуста-Бачордаш по терминологии Ф. Бирбрауера (440/450 — 2-й пол. V в.) (Bierbrauer 1991: 572—581).

Что же касается самых поздних форм, имеющих отношение к типу Арчар-Истрия, то к их числу надо, видимо, отнести одну из фибул, найденных в Арчаре (рис. 1: 10) (кат. № 5). Она имеет меньшие размеры и деградированный декор на ножке³. Пожалуй, наиболее деградированной и, скорее всего, самой поздней выглядит фибула из Артека (рис. 1: 15) (кат. № 10). Зооморфное изображение на окончании ножки практически не читается, сама ножка приняла вытянуто-треугольную форму, растительный декор очень схематичен. Она происходит из могильника в Артеке, где найдены вещи VI—VII вв., к сожалению, точный контекст находки не восстанавливается (Репников 1906: 36—37).

Легко убедиться, что большая часть находок фибул типа Арчар-Истрия происходит

с территории Империи, к югу от нижнего течения Дуная (Станев 2007: 192) (рис. 5). В то же время сама по себе форма пальчатых фибул является, бесспорно, восточногерманской по происхождению. Отсюда можно заключить, что фибулы типа Арчар-Истрия принадлежат какой-то группе германцев, расселившихся на территории Империи и являвшихся, скорее всего, византийскими федератами. По мнению А. Хараламбиевой, эти балканские фибулы принадлежат готам Мезии (Haralambieva 1990: 83; Ковачева, Хараламбиева 1992: 46—48). Готская атрибуция особых сомнений не вызывает, хотя бы потому, что другие германцы на этой территории письменными источниками не зафиксированы. В этом случае наиболее ранние фибулы типа Арчар-Истрия, вроде найденных в Гигене и в Русенски Лом-Красен, могли бы послужить прототипами для некоторых итало-остротогских, поскольку до прихода в Италию остроготы Теодориха занимали Мезию (Вольфрам 2003: 384—395).

Возникает вопрос: как фибулы типа Арчар-Истрия попали в Крым? Вряд ли они могут отражать торгово-экономические связи, поскольку у варваров ведущие элементы женского костюма носят этнографический характер и не являются предметом купли-продажи (подробнее см.: Мастыкова 2009: 7—9). Возможно, распространение данных фибул показывает наличие экзогамных бра-

² Точная локализация находки сомнительна.

³ По мнению А. Станева, к числу дериватов фибул типа Арчар-Истрия относятся и болгарские находки из Ятруса и Тушовицы (Станев 2008: 192, обр. 15: 2, 3), однако сохранившиеся фрагменты фибул, на мой взгляд, не позволяют судить об их типологии.

ков между крымскими и балканскими готами, как это иногда предполагается. Однако, как правило, такие браки в традиционных социумах являются составной частью развитых и устойчивых военно-политических, сакральных и экономических отношений, сведения о которых для рассматриваемых групп готов у нас отсутствуют. Очень распространённой является точка зрения, согласно которой носители, точнее, носительницы дунайских элементов восточногерманского костюма прибыли в Крым в составе экспедиционного корпуса, отправленного в 534 г. Юстинианом на Боспор Киммерийский (Веймарн, Амброс 1984). В его состав достоверно входили готы из Мезии, и более чем вероятно, что они сопровождались их семьями. Не исключена и последующая депортация в Крым восточных германцев — готов и гепидов — захваченных в плен в ходе Гот-

ской войны (Казанский 2019). Однако все эти события имели место в эпоху, когда фибулы Арчар-Истрия уже вышли из моды. Вещи дунайского происхождения 2-й пол. V — нач. VI вв. представлены в Крыму не только фибулами типа Арчар-Истрия, но и, например, большими фибулами с растительным декором из Керчи, имеющими близкие параллели в Подунавье (см. Kazanski 1996: 327, fig. 11: 1, 2). Можно, конечно, предположить, что какие-то готские семьи, отправляясь на Боспор Киммерийский, прихватили и своих бабушек, однако, учитывая средний возраст европейского населения в ту эпоху, такие случаи вряд ли были очень распространенными. Скорее всего, речь может идти о следах миграции какой-то группы восточных германцев с Дуная в Крым во 2-й пол. V в. Это передвижение осталось не замеченным письменными источниками⁴.

Каталог фибул типа Арчар-Истрия

1. Сингидунум (*Singidunum*) III, погр. 55 (г. Белград).

Разрушенное погребение, остатки костяка и вещи погребального инвентаря собраны в кучу в могильной яме.

Погребальный инвентарь: пальчатая фибула из позолоченного серебра типа Арчар-Истрия, дл. 12,9 см; две золотые серьги с полый полиэдрической подвеской, диам. 4,1 и 4 см; две крупные янтарные бусины дисковидной формы и одна стеклянная биконическая; керамическое биконическое пряслице, диам. 2,8 см; монета Констанция II типа VICTORIAE DD AVGG Q NN, чеканеная в Сисции (*Siscia*) в 347/347 гг.

Лит.: Ivanišević, Kazanski 2002: 113, 114, 133, pl. 1: 1; fig. 9.

2. Ровине-Сремски Карловци (Воеводина).

Находка из разрушенного погребения. Серебряная позолоченная фибула с чернью, дл. 17,8 см.

Лит.: Kühn 1974: 616, Taf. 244: 4,31; Bott 1987: 230, kat. V.19, Taf. 22.

3. Русенски Лом — Красен (окр. Русе).

Случайная находка. Бронзовая позолоченная фибула с алмандиновой вставкой, дл. 13,5 см.

Лит.: Хараламбиева 1984: 45—47, обр. 1; Станев 2008: 373, табл. 13: 5.

4. Гиген (*Ulpia Oescus*) (окр. Плевна).

1. Погребение — ингумация в грунтовой яме, ориентированное головой на восток. В нем обнаружены две бронзовые позолоченные фибулы, инкрустированные алмадинами, дл. 14 см.

Лит.: Ковачева, Хараламбиева 1992: 47, табл. II: 2, 3; Станев 2008: 365, 366, табл. 10: 3, 4.

2. Случайная находка. Бронзовая позолоченная фибула, дл. 14,4 см.

Лит.: Ковачева, Хараламбиева 1992: 46—47, табл. II: 1; Станев 2008: 373, табл. 13: 4.

5. Арчар (*Ratiaria*) (окр. Видин).

1. Случайная находка. Две бронзовые позолоченные фибулы, дл. 13,3 и 13,6 см.

Лит.: Kühn 1974: 615, Taf. 243: 4,23, 4,24; Хараламбиева 1984: обр. 2: а, б; Станев 2008: 34, 375, табл. 14: 1, 2.

2. Случайная находка. Бронзовая фибула дл. 10,6 см, видимо, дериват типа Арчар-Истрия.

Лит.: Хараламбиева 1984: обр. 2: с; Станев 2008: 375, табл. 14: 3.

6. Национальный исторический музей, София.

Происхождение неизвестно. Две бронзовые позолоченные фибулы, дл. 10 см.

Лит.: Хараламбиева 1984: 47, обр. 3; Станев 2008: 375, 376, табл. 14: 4, 5.

7. Истрия (*Histria*) (Северная Добруджа).

Погребение по обряду трупосожжения, в нем обнаружена фибула, бронзовая, с позолотой, дл. 19,8 см.

Лит.: Petre 1965: 67—96; fig. 1—3; Станев 2008: 366, табл. 11:1.

8. Румыния.

Точное происхождение неизвестно.

Лит.: Kühn 1974: 615, Taf. 243: 4,28.

9. Керчь (Республика Крым).

Контекст находки неизвестен, покупка. Серебряная позолоченная фибула, дл. 14 см.

Лит.: Kühn 1974: 617, Taf. 244: 4,39.

⁴ Если, конечно, не считать намека Прокопия Кесарийского: «Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию» (перевод С.П. Кондратьева) (Прокопий Кесарийский 1939: 249).

10. Артек (Республика Крым, Ялтинский район).

Некрополь у подножия горы Аю-Даг, где при земледельческих работах обнаружены ингумации с вещами VI—VII вв. Найдены две литые фибулы «из плохого серебра», длиной 15 см, со вставками альмандинов лилового цвета, видимо, дериват типа Арчар-Истрия. Контекст находок не восстанавливается.

Лит.: Репников 1906: 27, 36, 62, табл. 6: 8.

11. Лучистое, склеп 229 (Республика Крым, г. Алушта).

Погребение, сопровождающий инвентарь опубликован частично. Он включал две фибулы типа Арчар-Истрия, большую пряжку с прямоугольным щитком, зеркало типа Карповка и подвеску.

Лит.: Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 171: 1—4.

Литература

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2017. *Крымские готы страны Дори (середина III—VII в.)*. Симферополь: Антиква.
- Веймарн Е. В., Амброз А. К. 1980. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288). СА (3), 247—262.
- Вольфрам Х. 2003. *Готы. От истоков до середины VI века*. Санкт-Петербург: Ювента.
- Казанский М. М. 2019. О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке. В: Алексеенко Н. А. (отв. ред.). *Миры Византии ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ 2*. Симферополь: ИАК РАН, 15—34.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В. 2014. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода. В: Павленко Т. А., Схатум Р. Б., Улитин В. В. (ред.). *IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа*. Краснодар: Традиция, 97—108.
- Ковачева Т., Хараламбиева А. 1992. Фибулы от эпохата на великото переселение на народите в Плевенския музей. *Известия на музеите в Северозападна България* 18, 45—55.
- Мастыкова А. В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI вв.* Москва: ИА РАН.
- Мастыкова А. В. 2016. Зеркала типа Карповка. К вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона. В: Винников А. З. (отв. ред.). *Дивногогорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивноегорье»* 6. Воронеж: Научная книга, 241—254.
- Милев Р. (сост.). 2003. *Готите и старогерманското културно-историческо присъствие по българските земи*. София: Балкан медиа.
- Прокопий Кесарийский. 1939. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева. ВДИ (4), 203—283.
- Рябцева С. 2005. Пальчатые фибулы Молдовы в контексте древностей сопредельных территорий. *Revista Arheologică s. n.* I (2), 360—370.
- Станев А. 2008. *Источногермански паметници от територията на балканските провинции на Източна Римска империя (V—VI век)*. Диссертационен труд за присъждане на образователна и научна степен «доктор». София: Софийски университет.
- Bierbrauer V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro Italiano di studi sull'Alto Medioevo.
- Bierbrauer V. 1991. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) — Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 38, 541—592.
- Bott G. (Hrsg.). 1986. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums.
- Haralambieva A. 1990. Archäologische Spuren der Goten südlich der unteren Donau aus dem 5. Jh. n. Chr. *Archaeologia Austriaca* 74, 79—84.
- Ivanišević V., Kazanski M. 2002. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum. *Singidunum* 3, Belgrade, 101—157.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations*. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et de Civilisation de Byzance.
- Kazanski M. 1996. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du V^e et au VI^e s. *МАИЭТ* 5, 324—337.
- Kazanski M., Mastykova A. 2017. La culture matérielle. VI. Objets en métal. In: Popović I., Kazanski M., Ivanišević V. (dir.). *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 157—181.
- Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Stuttgart: Kommissions Verlag; Konrad Theiss Verlag.
- Kühn H. 1974. *Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt.
- Petre A. 1965. Fibulele „digitate” de la Histria (Partea I). *SCIV* 16 (1), 67—96.
- De Pirey D. 1995. La boucle d'oreille à polyèdre ajouré de Brochon. In: Gaillard de Semainville H. (dir.). *Les Burgondes, apports de l'archéologie*. Dijon: Association pour la connaissance du Patrimoine de Bourgogne, 123—124.
- Roth H., Theune C. 1988. *Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland*. Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Württemberg.
- Tejral J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 223—304.
- Tejral J. 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. In: Pohl W., Erhart P. (Hrsg.). *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 103—200.

References

- Aibabin, A. I., Khairidinova, E. A. 2017. *Krymskie goty strany Dori (ser. III—VII v.) (Crimean Goths in the Land of Dori: Mid-3rd — 7th Centuries AD)*. Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).
- Veimarn, E. V., Ambroz, A. K. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 247—262 (in Russian).
- Wolfram, H. 2003. *Goty. Ot istokov do serediny VI veka (Opyt istoricheskoi etnografii) (Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie)*. Series: Historical Library. Saint Petersburg: "Iuventa" Publ. (in Russian).
- Kazanski, M. M. 2019. In *Alekseenko, N. A. (ed.). Miry Vizantii (Byzantine Worlds). ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ 2*. Simferopol: Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of

- Sciences, 15—34 (in Russian).
- Kazanski, M. M., Mastykova, A. V. 2014. In Pavlenko, T. A., Skhatum, R. B., Ulitin, V. V. (eds.). IV «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. *Zapadni Kavkaz v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii v drevnosti i srednevekov'e* (4th Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. *Western Caucasus in the Context of International Relations in the Antiquity and Middle Ages*). Krasnodar: "Traditsiia" Publ., 97—108 (in Russian).
- Kovacheva, T., Kharalambieva, A. 1992. In *Izvestiya na muzeite v Severozapadna Bălgariya* (North-Western Bulgaria Museums Newsletter) 18, 45—55 (in Bulgarian).
- Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV—seredine VI vv. n. e.* (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th — Middle 6th Century AD). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).
- Mastykova, A. V. 2016. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Divnogorskii sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e»* (Divnogor'e Bulletin: the Papers of the Museum-reservation „Divnogor'e“) 6. Voronezh: "Nauchnaia kniga" Publ., 241—254 (in Russian).
- Milev, R. (comp.). 2003. *Gotite i starogermanskoto kulturno-istoricheskoto prisăstvie po bălgarskite zemi* (The Goths and the Cultural and Historical Presence of Ancient Germans in the Bulgarian Lands). Sofia: "Balkan media" Publ. (in Bulgarian).
- Procopius of Caesarea. 1939. O postroikakh (De Aedificiis). In *Vestnik drevnei istorii* (Bulletin of Ancient History) (4), 203—283 (in Russian).
- Ryabtseva, S. 2005. In *Revista Arheologică*, s. n. I (2), 360—370 (in Russian).
- Stanev, A. 2008. *Iztochnogermanski pametnitsi ot territoriyata na balkanskite provintsii na Iztochna Rimska imperiya (V—VI vek)* (East Germanic Sites in the Balkan Provinces of the Eastern Roman Empire: 5th—6th Centuries). Doct. Diss. Sofia: Sofia University (in Bulgarian).
- Bierbrauer, V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro Italiano di studi sull'Alto Medioevo.
- Bierbrauer, V. 1991. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) — Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 38, 541—592.
- Bott, G. (Hrsg.). 1986. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums.
- Haralambieva, A. 1990. Archäologische Spuren der Goten südlich der unteren Donau aus dem 5. Jh. n. Chr. *Archaeologia Austriaca* 74, 79—84.
- Ivanišević, V., Kazanski, M. 2002. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum. *Singidunum* 3. Belgrade, 101—157.
- Ivanišević, V., Kazanski, M., Mastykova, A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations*. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance.
- Kazanski, M. 1996. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du V^e et au VI^e s. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) 5, 324—337.
- Kazanski, M., Mastykova, A. 2017. La culture matérielle. VI. Objets en métal. In Popović, I., Kazanski, M., Ivanišević, V. (dir.). *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 157—181.
- Koch, U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Stuttgart: Kommissions Verlag; Konrad Theiss Verlag.
- Kühn, H. 1974. *Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt.
- Petre, A. 1965. Fibulele „digitate“ de la Histria (Partea I). *SCIIV* 16 (1), 67—96.
- De Pirey, D. 1995. La boucle d'oreille à polyèdre ajouré de Brochon. In Gaillard de Semainville, H. (dir.). *Les Burgondes, apports de l'archéologie*. Dijon: Association pour la connaissance du Patrimoine de Bourgogne, 123—124.
- Roth, H., Theune, C. 1988. *Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland*. Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Württemberg.
- Tejral, J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 223—304.
- Tejral, J. 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. In Pohl, W., Erhart, P. (Hrsg.). *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 103—200.

Статья поступила в сборник 6 февраля 2020 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat on Archaeology. Centre national de la recherche scientifique, UMR 8167: Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance¹.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат археологии. Национальный центр научных исследований, Центр истории и цивилизации Византии.

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Address: ¹ Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France

С. Дончева

О форме и декоре ременных бляшек в раннесредневековой Болгарии

Keywords: Bulgaria, Preslav, Early Middle Age, art metalwork, production centers, typology

Ключевые слова: Болгария, Преслав, раннее средневековье, художественная металлообработка, производственные центры, типология

S. Doncheva

On the Shape and Decoration of Belt Mounts in the Early Medieval Bulgaria

The production of art metal in the early medieval Bulgaria became known after the discovery of three metal-plating centers in the vicinity of the capital of the First Bulgarian Kingdom — Preslav, from the beginning and middle of the 10th century. Along with technology and jewelry, the origin of raw materials and the chemical composition of the metal, necessary to fully comprehend the extremely numerous material found so far, there are some issues related to the shape, proportions, elements of the ornament and the method of manufacturing individual decorative details. Combination of all these components leads to one exceptionally rich palette of various belt jewelry, at the same time reflecting the fashion trends of the era, the individual approach of the craftsman and traditions in the art of artistic metal.

The original combinations of shapes and ornaments found on the belt adornments of metal-plastic manufacturing centers are nowhere to be found in such a variety during this period, neither in the country nor abroad. In the various settlements and fortresses of medieval Bulgaria in the early period, only a few representatives of certain types are known, and not in such great diversity. A similar picture exists outside the country: numerous finds from various places in Hungary, Serbia, Russia and Southeastern Europe cannot be compare with the richness of shapes and ornaments originating from the one place near Preslav. This is somewhat explainable by the place of production, but it seems to be not the only reason. There are many industries outside the country, which do not show this diversity of products.

С. Дончева

О форме и декоре ременных бляшек в раннесредневековой Болгарии

О производстве изделий художественного металла в раннесредневековой Болгарии стало известно после обнаружения трех центров металлопластики начала и середины X в. в окрестностях столицы Первого Болгарского царства — Преслава. Наряду с технологией ювелирного производства, происхождением сырья и химическим составом металла, для полного осмысления чрезвычайно многочисленного материала необходимо решить вопросы типологии, связанные с формой изделий, их пропорциями, элементами орнамента и способами изготовления отдельных декоративных деталей. Сочетание всех этих компонентов составляет исключительно богатую палитру разнообразных ременных украшений, одновременно отражающих модные тенденции эпохи, индивидуальный подход ремесленника и традиции в искусстве художественного металла.

Оригинальные сочетания форм и орнаментов, присутствующих на ременных украшениях производственных центров у Преслава, в этот период больше нигде не встречаются в таком многообразии, ни в Болгарии, ни за ее пределами. В различных поселениях и крепостях средневековой Болгарии раннего периода известны только единичные находки определенных типов, но нет такого разнообразия. Аналогичная картина наблюдается и за пределами Болгарии: многочисленные находки из разных мест Венгрии, Сербии, Руси и Юго-Восточной Европы несоизмеримы по богатству форм и орнаментов с находками, происходящими из одного места у Преслава. Это отчасти объяснимо местом производства, но это не единственная причина: существует немало производственных центров за пределами Болгарии, где в сходных условиях всё же нет такого разнообразия продукции.

Введение

Об изготовлении изделий художественного металла в раннесредневековой Болгарии стало известно после обнаружения трех производственных центров нач. — сер. X в. в окрестностях столицы — Преслава.

Наряду с вопросами технологии, происхождения сырья и химического состава ме-

талла (их решение необходимо для полного осмысления огромного материала, связанного с ювелирной деятельностью), актуальными являются вопросы, связанные с формой, пропорциями, элементами орнамента и способом изготовления отдельных декоративных деталей. Сочетание всех этих компонентов даёт чрезвычайно богатую палитру ременных украшений, одновременно отражающих мод-

ные тенденции эпохи, индивидуальный подход ремесленника и традиции в искусстве художественного металла.

Оригинальные сочетания форм и орнаментов, встречающихся на ременных украшениях данных производственных центров, в раннесредневековый период нигде не встречаются в таком многообразии — ни в Болгарии, ни за ее пределами. На различных поселениях и в крепостях Болгарии известны только отдельные образцы определенных типов. Аналогична картина и за пределами Болгарии: многочисленные находки из различных мест Венгрии, Сербии, Руси и Юго-Восточной Европы не могут быть соизмеримы с богатством форм и орнаментов находок, происходящих из одного места. Это в какой-то мере объяснимо местом производства, но это не единственная причина. Существует немало производств за пределами Болгарии, где при этом не наблюдается такого разнообразия продукции.

Производственные центры около Преслава служили не только местом воспроизводства утвердившихся типов и форм, но и генератором новых идей и композиционных решений, оригинального сочетания форм и орнаментов. Наравне с этим, композиции представляют некоторые основные элементы декора, встречающиеся в более широком диапазоне памятников по всей стране и за ее пределами. Некоторые элементы, характерные для изделий Преславских комплексов, встречаются на находках за пределами Болгарии. Но, наряду со сходством, заметны также и некоторые отличия.

Все эти варианты находят свое художественное выражение в произведениях металлопластики в различных районах Юго-Восточной Европы. Именно этой миграции форм и орнаментов посвящена настоящая работа в память одного из ведущих специалистов в этой области, коллеги и друга — Светланы Рябцевой.

Ременные украшения

Признаки, выделяемые в элементах рассматриваемых ременных украшений, а именно бляшек, следующие: форма, пропорции (узкая, широкая), декоративные детали формы (основа, верх, стороны), виды орнаментов (рельефная, врезная, ажурная), способ крепления, специфические особенности.

Бляшки по форме делятся на щитовидные, сердцевидные, листовидные, ажурные, геометрические, зооморфные. Такое разделение носит условный характер, так как одна и та же бляшка по разным признакам может быть от-

несена одновременно к нескольким видам. Ведущей при определении типа является форма, за которой следует орнамент и его особенности. Основные две пропорции — узкая и широкая, а их сочетание является определяющим в изготовлении ременных гарнитур. Декор отличается наибольшим разнообразием. Преобладающим среди ременных украшений является растительный орнамент с его многообразием мотивов и композиций. Широко распространена пальметта в различных вариантах — преимущественно трилистная и пятилистная, реже многолистная. К основному мотиву часто добавлены полупальметты, спиралевидные орнаменты и многолистницы, в некоторых случаях оформляющие «пальметное дерево». Успешно применяется и розетка с симметрично расположенными вокруг центра листьями в различном количестве. В большинстве образцов в композиции сочетаются растительные и геометрические мотивы, такие как точка, круг, дуга, квадрат, прямоугольник, треугольник, линии (короткая, длинная, зигзаг), псевдозерненный жгут и др.

I. Сердцевидные бляшки

Одной из самых распространенных и предпочитаемых форм, представленных десятками находок, в том числе и в производственных центрах, являются сердцевидные бляшки. Только среди находок из мастерских в окрестностях Преслава насчитывается 45 различных типов (рис. 1: 1). Среди них бляшки с гладкой поверхностью, с каплей у основы и острым верхом — самые популярные. Гладкая поверхность на них прерывается единственной рельефной линией, проходящей через середину вдоль продольной оси предмета. В трех производственных центрах найдено около ста экземпляров бляшек двух разновидностей этого типа — узких и широких.

За пределами преславских производственных центров подобные бляшки найдены в с. Новаково, Варненской области, и в с. Одырци, Добричской обл. (Плетньов, Павлова 1994—1995: 198, табл. VII: 131—138); возле крепости Адамклиси (Paraschiv-Talmațchi, Talmațchi, Șova 2014: 195, pl. VII: 10—11) и укрепленного раннесредневекового поселения Олтина-«Капул Дялулуй» (Paraschiv-Talmațchi, Paraschiv-Talmațchi, Custurea 2018: 386, pl. I: 10), Констанца (Румыния) и Сврлиград (Восточная Сербия) (Радишић 2015: 24, сл. 1, 1; Radišić 2018: 145, фиг. 6: 4). Несколько таких бляшек присутствует в коллекции Национального исторического музея (далее — НИМ) в Софии (Станилов 1991: 59, таб. V, 24—25). В классификации В. Мураше-

вой, они также составляют наибольшую группу предметов, найденных в различных местах России (Мурашева 2000: 26—28).

Их разновидность, опять же в двух пропорциях — сердцевидная форма с добавлением капли у основы, кроме верха, по распространённости превосходит классическую форму первого типа (рис. 1: 2). В производственных центрах найдено около 130 экз. Их популярность в этот период также подтверждается многочисленными коллекциями музеев Северо-Восточной Болгарии. Кроме с. Златар, подобные бляшки найдены в Варненской обл. (Плетнёв, Павлова 1994—1995: 199, табл. VIII: 145—153), а за пределами Болгарии — в крепости Диногечия в Румынии (Ştefan et al. 1967: 298, fig. 1738).

Далее укажем на два типа сердцевидных бляшек — с острым верхом и с каплей у верха, подобно упомянутой паре типов (рис. 1: 3, 4). Здесь уже есть рельефное украшение на поверхности в виде трилистной пальмы с нижними листьями, изогнутыми к основе, и копьевидному, отделённому среднему листу в середине. По очертанию на обоих видах видна тонкая рельефная рамка, как продолжение нижних пальмовых листьев. Бляшек этих двух типов найдено более 130 экз. в мастерских вблизи Преслава.

Подобные бляшки найдены около г. Суворово и г. Аксаково Варненской обл., с. Церква Добричской обл., есть несколько экземпляров с неизвестным местом нахождения, хранящихся в коллекциях Областного исторического музея РИМ-Варна и НИМ-София (Станилов 1991: 63, таб. IX: 60—61). Такой тип засвидетельствован в средневековых поселениях и крепости (Скала, Средище) и в столице Преславе (Витлянов 2004: 138, фиг. 12: 28). Одна из бляшек с позолотой найдена в Хисаркале, близ Балик, Добричской обл. (Меламед 1993: 163—166, табл. II: 5—6). Подтверждением массового производства этих типов бляшек в 1-й пол. X в. являются находки моделей и бракованных изделий. За пределами Болгарии подобные ременные украшения найдены близ с. Орешац, Банат (Oťa 2016: 456, pl. 6: 17) и крепости Адамклиси (Румыния) (Paraschiv-Talmaţchi, Talmaţchi, Şova 2014: 195, pl. VII: 33, 37—38). Подобные бляшки, происходящие из района Траянов мост (Восточная Сербия), хранятся в музее в Белграде (Bálint 1991: 106, Taf. XXXIII: 7).

Две другие группы находок — сердцевидные бляшки с уменьшенными формами и каплями у основы и верха (рис. 1: 5, 6). Бляшек первого типа найдено более 70 экз., они представлены в двух вариантах — узкий и широ-

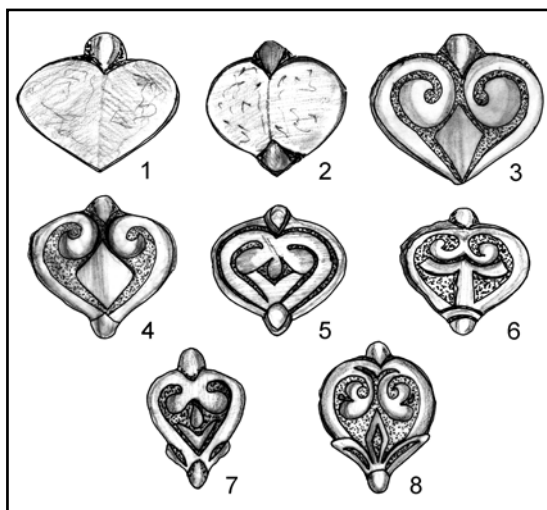


Рис. 1. Сердцевидные бляшки. Масштабы разные.

Fig. 1. Heart-shaped plaques. Scale is different.

кий. На них нанесена рельефная пятилистная пальметта с закругленными нижними листьями, которыми очерчено все изображение, средний отделенный лист в форме трилистника (рис. 1: 5). За пределами мест производства подобные предметы открыты в Преславе и его окрестностях (Витлянов 2004: 138, фиг. 12: 18, 19; Станилов 1991: 63, таб. IX: 56; 1995: 117, обр. 5: 48, 49), в с. Генерал Кантарджиево и Новаково Варненской обл. (Плетнёв, Павлова 1994—1995: 225, табл. XXXIV: 601—607) и крепости Адамклиси, Румыния (Paraschiv-Talmaţchi, Talmaţchi, Şova 2014: 195, pl. VII: 43).

На втором варианте бляшек — изображение пятилистной пальметты, причем нижние листья у основы более мелкие и узкие, связанные кольцом с рамкой по очертанию; листья посередине узкие и горизонтальные, скошенные на конце, а средний лист, расположенный между ними, расширяется кверху (рис. 1: 6). Бляшек такого вида найдено 160 экз. Не вызывает сомнений, что этот тип бляшек был одним из предпочитаемых ременных украшений в мастерских Златара. Большая часть металлических находок — это бракованные изделия, свидетельствующие о массовом и интенсивном производстве. Более 20 экз. этого типа найдены в средневековых крепостях около сел Самогино, Новаково и Изворник Варненской обл., а также около с. Овеч Провадийского района (Плетнёв, Павлова 1994—1995: 228—229, табл. XXXVII: 653—661; XXXVIII: 662—671).

Вариантом этой формы является самостоятельный тип бляшек, где по внешнему контуру под каплей наверху имеются два допол-



Рис. 2. Поясной набор сердцевидных аппликаций. Серебро с позолотой. X век. Некрополь Надькёрю, округ Яс-Хадьрум-Сольнок, Венгрия (по Fodor 1996: 243, fig. 4).

Fig. 2. Belt set of heart-shaped appliques. Silver with gilding. 10th century. Nagykőrű necropolis, Jász-Hagyrum-Szolnok county, Hungary (after Fodor 1996: 243, fig. 4).

нительных листа (рис. 1: 7). Подобные экземпляры найдены только в Златаре — 13 узких и широких форм, 1 бронзовая и 4 свинцовых моделей, свидетельствующие о предпочтении этого типа сердцевидных бляшек.

Здесь мы укажем еще на один тип сердцевидных бляшек в двух разновидностях — узкие и широкие, около 50 экз. которых было найдено в мастерских производственных центров в Златаре и Надарево (рис. 1: 8). Украшение состоит из двух трилистных противоположно перевернутых пальметт, с небольшим и отделенным средним листом у основы, и отдельного рельефного трилистника с выделенными листьями в нижней части. Экземпляры этих двух вариантов найдены в различных средневековых поселениях и крепостях — в Северо-Западной Болгарии (Милчев 1963: 33, обр. 12: 2—4), Преславе (Витлянов 2004: 138, фиг. 12: 25), крепости около г. Суворово Варненской обл. и г. Самуил Разградской обл., довольно много также экземпляров без точного известного их местонахождения (Плетнёв, Павлова 1994—1995: 231—232, табл. XL: 713—715; XLI: 716—725). Из некрополей, датированных X в., за пределами Болгарии найдены серебряные бляшки с позолотой — Надькёрю (Яс-Надькун-Сольнок) и Эчед (Öcsöd, Венгрия), Траянов мост (Сербия) (рис. 2) (Fettich 1937a: Taf. LXIV: 3; Fodor 1996: 243, fig. 4; Bálint 1991: 106, Taf. XXXIII: 6, 12; 240, Taf. LXII: 14).

II. Листовидные бляшки

Большое разнообразие бляшек листовидной формы. Здесь можно выделить около 60 типов, сохраняя при этом всю условность видового разделения. Среди этих бляшек преобладают индивидуальные единичные образцы. Они отмечены самыми оригинальными

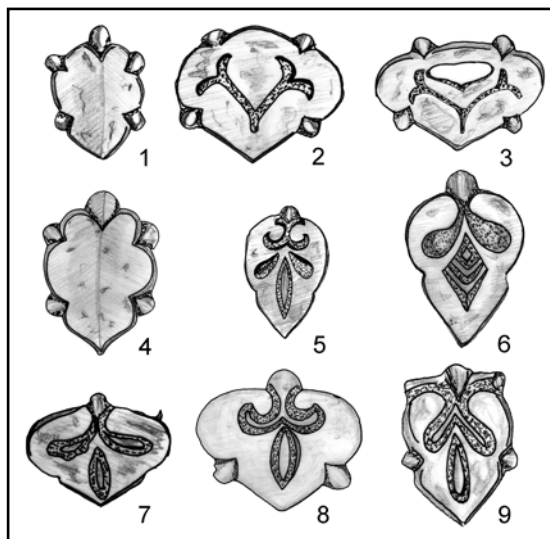


Рис. 3. Листовидные бляшки. Масштабы разные.

Fig. 3. Leafy plaques. Scale is different.

декоративными схемами и сочетаниями различных элементов растительного орнамента, геометрическими элементами — линиями, кривыми линиями, овалами, точками, засечками и др. Некоторые из этих типов представлены только одной разновидностью — узкой или широкой, реже встречаются обе пропорции.

Среди бляшек листовидной формы наиболее популярны, подобно сердцевидным бляшкам, с гладкой лицевой поверхностью и пятью каплями по контуру — по две по сторонам и одной у основы (рис. 3: 1). Найдено более 40 изделий в трех производственных центрах. Подобные бляшки из других памятников до сих пор не были опубликованы.

В отличие от сердцевидных бляшек, бляшки листовидной формы с врезным орнаментом преобладают над бляшками с рельефным орнаментом. В этой связи необходимо отметить несколько видов бляшек с врезной трилистной пальметтой. Первый из них листовидной формы с четырьмя каплями по контуру, округлой основой, острым верхом и врезной пальметтой или, как часто называют этот вид украшения, — «веточкой» (рис. 3: 2). Листья тонкие, прорастают из одного центрального стебля кверху. Каждое разветвление делится на две веточки (листа) в конце, а между ними размещается вытянутый каплевидный лист. Найдено более 30 экз. бляшек этого типа. Этот тип широко распространен не только в Болгарии, но и за ее пределами. Идентичные бляшки найдены в некрополе X в. при Ладаньбене-Бенешпуста (Венгрия) (Fodor 1996: 339, fig. 6; Dienes 1973: 191, Abb. 6: 12—18), также и в крепости Адамклиси (Paraschiv-Talmațchi,

Talmačhi, Şova 2014: 195, pl. VII: 26) и вблизи Олтина — «Капул Дялулуй» (Румыния) (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Custurea 2018: 386, pl. I: 18).

Разновидность этого типа бляшек — с отверстием у основы (рис. 3: 3). Подобный орнамент, но с перевернутой сверху «веточкой» можно увидеть на предметах из венгерского некрополя X в. при Хомокмедь-Халом (медье Бач-Кишкун, Венгрия) (рис. 4) (Fodor 1996: 312, fig. 1).

Далее следует другой популярный тип бляшек с девятилистной пальметтой или «пальметное дерево», который вновь представлен в двух разновидностях — узкой и широкой (рис. 3: 4). Здесь капле по контуру уже пять, одна из которых у основы. Каждое разветвление «пальметного дерева» еще делится на две веточки в середине, на которой расположен копьевидный лист, то есть можно сказать, что композиция состоит из трех трехлистных пальметт. В производственном центре в с. Новосел найдено более 10 таких бляшек, причем большинство — свинцовые и бронзовые. Подобные бляшки найдены в местности Стамбол йолу в Преславе (Тотев 2004: 238, обр. 7: 3, 5), в крепости Хамбарлык около Снежина Провадийского р-на Варненской обл. (Плетньов, Павлова 1994—1995: 61, 215, табл. XXIV: 425—426).

Более 40 находок относятся к другому типу подобных бляшек, которые вполне успешно могут быть причислены к сердцевидным по форме. Но сходство с остальными типами, не имеющими складку у основы (определяющее для отнесения бляшек к сердцевидным почти во всех известных классификациях), и позволило отнести их именно к группе листовидных (рис. 3: 5). Удлиненная форма с каплей у основы, острый верх и врезная пятилистная пальметта, образованная из трех плотных листьев, очерченных тонкой линией и направленных вверх, и двумя загнутыми листьями у основы, переходящими в контур формы. Подобные предметы найдены во многих местах Болгарии — в Преславе, в крепостях около Суворово, Виноцы, Изворник Варненской обл.; в крепостях Венчан, Провадийского р-на и Кус, Шуменской обл. (Плетньов, Павлова 1994—1995: 217, 219, табл. XXVI: 445—452; XXVIII: 483—493), раннесредневекового поселения в м. Кайряка Добричской обл. (Дончева-Петкова 2018: 130, обр. 3: 5). Немало таких объектов сохраняется и в музейных коллекциях (Станилов 1991: 64, табл. X: 65).

Подобен этому типу другой тип бляшек (рис. 3: 6). Форма идентична предыдущей,



Рис. 4. Поясной набор из листовых аппликаций. Серебро. X в. Некрополь Хомокмедь-Халом, медье Бач-Кишкун, Венгрия (по Fodor 1996: 312, fig. 1).

Fig. 4. Belt set of leafy appliques. Silver. 10th c. Homokmégy-Halom necropolis, Bács-Kiskun county, Hungary (after Fodor 1996: 312, fig. 1).

но орнамент отличается. Состоит из трилистной пальметты с нижними глубоко врезанными в поверхность листьями и средним отделенным копьевидным с рельефными насечками листом. Плотные листья покрывают все пространство на основе. Сама форма этих двух типов бляшек напоминает трилистную пальметту с подчеркнутыми складками по внешнему контуру предмета. За пределами Болгарии они наиболее распространены в Траянов мост (Восточная Сербия) и в некрополе X в. около Кунагота (Венгрия) (Bálint 1991: 106, Taf. XXXIII: 4, 5; 235, Taf. LXI: 16). Подобные узкому варианту бляшки найдены в могиле 4 из некрополя Тарцаль-Виннадюлэ 3 вдоль реки Тиса и в Тарчаль (Земплен, Венгрия) (Kovács 2015: 313, fig. 56—74; Fettich 1937a: Taf. XLIII: 1—15; 1937b), а также в крепости Адамклиси (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Şova 2014: 195, pl. VII: 30) и на поселении IX—X вв. Олтин-«Капул Дялулуй» (Румыния) (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Custurea 2018: 386, pl. I: 19, 20). Такие узкие и широкие бляшки являются случайной находкой около Рудницы у р. Ибар (Восточная Сербия) (рис. 5) (Radišić 2018: 144—147, fig. 7).

К указанным группам бляшек могут быть причислены еще десяток разновидностей, представленных несколькими экземплярами, на которых мы не будем останавливаться.

Обратим внимание на другие три типа бляшек, составляющие в общей сложности более 50 экз., найденных только в мастерских художественной металлообработки. Первая из них пара бляшек — узкая и широкая, на которых врезана трилистная пальметта с мясистыми листьями, очерченными тонкой линией по краю (рис. 3: 7). Средний лист отделен, нижние листья у основы также разделены и заканчиваются центральной каплей. За пределами Бол-



Рис. 5. Набор листовых креплений. IX—X вв. Рудница, Сербия. Бронза (по Radišić 2018: 147, fig. 7).

Fig. 5. A set of leafy mounts. 9th—10th cc. Rudnica, Serbia. Bronze (after Radišić 2018: 147, fig. 7).

гании подобные бляшки открыты в некрополе X в. возле Шейтин, Арад (Румыния), а также в Екимэуць (Молдова) (Mărghitan 1965: 582, fig. 2: 1—7; Рябцева 2019: 189, ил. 1: 5).

Другой тип представляет листовидную форму бляшек с трилистной пальметтой с очерченными плотными листьями, но с заостренными кончиками, закрученными к основе (рис. 3: 8). Средний лист отделен. По контуру добавлены две рельефные капли в складках с обеих сторон. И третий тип — это трилистная пальметта с направленными вверх очерченными плотными нижними листьями в узком варианте, а в горизонтальном расположении — в широком (рис. 3: 9). Средний лист отделен и направлен вверх. И здесь размещены по одной капле по сторонам. За пределами Болгарии бляшки, аналогичные этим двум типам, до сих пор не известны.

III. Щитовидные бляшки

Третий вид бляшек, на которых остановим наше внимание, это щитовидные бляшки. Они составляют более 40 типов. Самый многочисленный среди них несколько типов щитовидных бляшек с каплями по контуру, обычно их шесть — по одной у основы и верха и по две по сторонам. На них сочетается как рельефный орнамент, так и резная отделка.

Преобладают бляшки с сердцевидным вырезом у основы, двумя каплями с обеих сторон и тремя спиралевидными орнаментами наверху и по сторонам (рис. 6: 1). В середине расположен сердцевидный рельефный медальон, очерченный тонкой рельефной полоской, на которой нанесено «пальметное дерево» или девятилистная пальметта, но в размере меньшем, чем на листовидных бляшках, о которых упоминалось выше. Вокруг него сделан псевдозерненный жгут, который достигает сердцевидного выреза у основы.

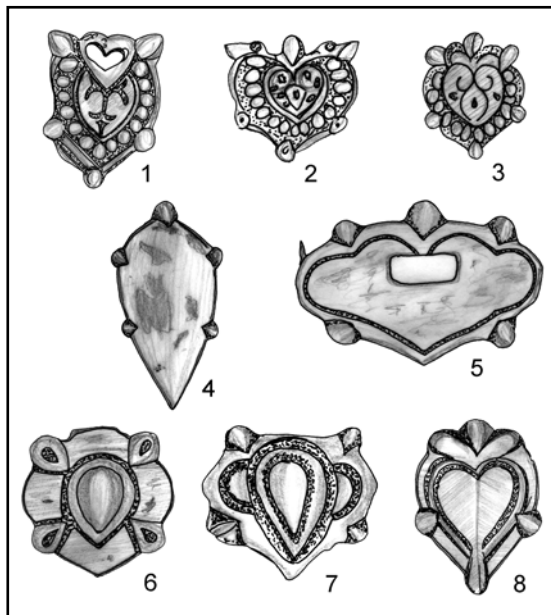


Рис. 6. Щитовидные бляшки. Масштабы разные.

Fig. 6. Thyroid plaques. Scale is different.

Вариант этого типа бляшек без сердцевидного выреза у основы двух видов — узкий и широкий (рис. 6: 2). Здесь основа фестонирована и заканчивается тремя рельефными каплями. Это уже другой тип, в котором основание не разделено и нет сердцевидного выреза (рис. 6: 3). У него основа округленная, и видны три капли: в середине, по сторонам и наверху. Здесь медальон, на котором нанесена врезанная пальметта («веточкой»), достаточно широк за счет зерненного ряда вокруг него, который не подчеркнут внешними и внутренними рельефными линиями.

Широкое распространение этих бляшек в рассматриваемый нами период подтверждается многочисленными находками из Преслава и рядовых поселений и крепостей: Дрыстр, Средиште и Попина, Пэкуял луй Соаре (Румыния) (Diaconu, Vilceanu 1972: 155, fig. 62: 2). Наряду с Болгарией, подобные украшения встречаются в Кадорош (Bálint 1991: 39, Abb. 12), Земплин и Сентеш-Надьхедь (Венгрия) (Budinský-Krička, Fettich 1973: 174, Abb. 18; 175, Abb. 19; Bálint 1991: Taf. 64), Сврлиг-град (Сербия) (Radišić 2018: 145, фиг. 6: 8), крепости Адамклиси (Румыния), в погребении некрополя, принадлежащего поселению Олтина-«Капул Дялулуй» (Paraschiv-Talmațchi, Talmațchi, Custurea 2018: 386, pl. II: 23), Бэдражий-Беке (Молдова) (Paraschiv-Talmațchi, Talmațchi, Șova 2014, 195, pl. VII: 53—54; Reabțeva 2016: 278, fig. 2). Такие бляшки найдены в комплексах в Гнездово и Шокшово Смоленской обл. (Россия) (Мура-



Рис. 7. Полный поясной набор из Ятрус-Кривина, Русе. Бронза (по Gomolka-Fuchs 2002: 494, Abb. 1).

Fig. 7. A whole belt set from Yatrus-Krivina, Ruse. Bronze (after Gomolka-Fuchs 2002: 494, Abb. 1).

шева 2000: 32, рис. 36: а-б, с-1, с-2; Gomolka-Fuchs 2002: 494, Abb. 1). Здесь представлены и два варианта — узкий и широкий в различных типах — с фестонированной и округленной основой, сердцевидным медальоном, без орнамента.

Весь поясной набор из подобных щитовидных бляшек, датированный X в., найден при раскопках ранневизантийского лимеса Ятрус-Кривина (рис. 7) (Gomolka-Fuchs 2002: 494, Abb. 1). Можно сделать вывод, что пояс выполнен в мастерской в Северо-Восточной Болгарии до 971 г., когда поселение было уничтожено вследствие болгаро-русско-византийских войн, приведших к падению Болгарского царства. Изготовление этой ременной гарнитуры синхронно по времени с работой производственных центров в окрестностях Преслава. Можно предположить, что именно в одном из них изготовлен указанный пояс. Это подтверждается и анализами элементного состава избранных образцов, показывающих сходство с результатами анализов изделий, найденных в центрах производства художественного металла. В обеих группах предметов преобладает многокомпонентный сплав (Pb-Sn-Zn), чье многообразие элементов расширяется за счет добавления бронзы или отходов, ранее бракованных изделий к основному сплаву.

В исследовании, посвященном этому типу ременных гарнитур, предложена карта распространения щитовидных бляшек в Карпатском бассейне в современной Венгрии и представлены самые значимые находки, сделанные в регионе (рис. 8) (Langó, Paray-Horváth 2016: 583, fig. 10). Приведенные примеры показывают, что этот тип бляшек — одна из наиболее часто изготавливаемых форм. Это предполагает их широкое распространение по всей Юго-Восточной Европе.

Анализ химического состава находок, сделанных в различных местах, мог бы раскрыть и их особенности, и вероятные пути продвижения некоторых специфических типов ременной гарнитуры, произведенных в центрах производства художественного металла в X веке в Болгарии. В данном случае, как предполагала С. Рябцева, можно говорить о достаточно широком круге распространения подобных изделий в Восточной Европе с территории Балкан и в основном из Болгарии: «Изделия, найденные на территории Молдовы, с большой вероятностью могут относиться к работам мастеров Балканского региона, где изобилие предметов и производственных мастерских, изготавливающих подобные ременные гарнитуры» (Рябцева 2019: 192). Наборные украшения были особенно популярны

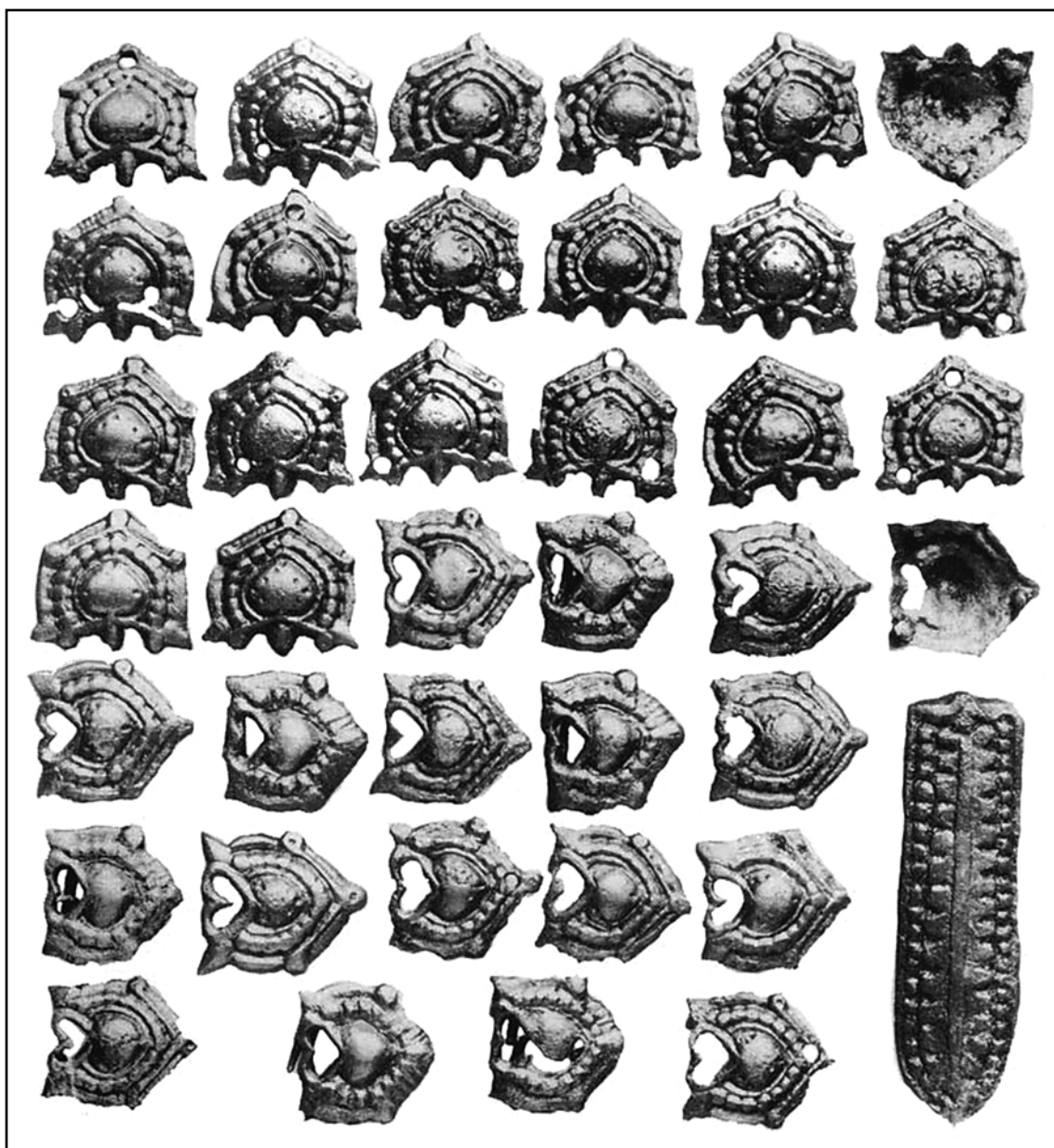


Рис. 8. Набор ремней из Сентеш-Надьхедь, Венгрия (по Bálint 1991: Taf. 64).

Fig. 8. Belt set from Szentes-Nagyhegy, Hungary (after Bálint 1991: Taf. 64).

в различных этнических объединениях на обширной территории от Урала до Балкан (у хазар, венгров, болгар, удмуртов, мари, мордвы, населения Древней Руси) (Рябцева 2019: 190). Это показывает и распространение во многих регионах Европы моды на украшения ремней в период с конца IX до нач. XI в.

Вторая группа щитовидных бляшек, особенно популярных и массово изготавливавшихся, — это бляшки с гладкой лицевой поверхностью, без орнаментов. Их насчитывается 40 экз., они происходят в основном из производственного центра около Златара. Представлены в двух вариантах: удлиненной и широкой формы с пятью каплями по контуру, с располо-

женной центральной каплей в середине дугообразной изогнутой основы, а остальные четыре нанесены парно по обеим сторонам (рис. 6: 4). Разновидностью этого типа является еще один тип бляшек — с отверстием у основы и врезной линией по контуру. Такие представлены только широкой формой, они сохраняют такие же пропорции, как и у широкого варианта предыдущего типа, что доказывает их одновременное использование для ремennых наборов (рис. 6: 5).

Богатая коллекция бронзовых украшений (в количестве 67) за пределами современной Болгарии найдена и изучена в римско-византийской крепости Адамклиси, Кон-

станца (Румыния). Хорошо сохранившийся экземпляр широкого варианта IX—X вв. найден на укрепленном поселении около Олтина-«Капул Дялулуй», (Румыния) (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Custurea 2018: 386, pl. I: 16). Бляшки щитовидной формы без орнамента на лицевой стороне в классификации В. Мурашевой относятся к II классу и в основном происходят из Шестовиц Черниговской обл. (Украина) и Гнездово Смоленской обл. (Россия) (Мурашева 2000: 28—29, рис. 31). Такие же бляшки найдены в Каранаевских курганах на Южном Урале (Мажитов 1981: 128, рис. 60: 25). Датировка всех находок — X в.

К щитовидным бляшкам можно причислить еще десяток подобных в композиционном отношении типов. Здесь представим три из них, наиболее часто изготавливаемых. К первому типу относится более 35 экз., представленных в узком и широком вариантах (рис. 6: 6). Основа изогнута, а верх заострен. С двух сторон расположены по паре рельефных капель, выходящих за контуры формы. Центральную часть занимает каплевидный медальон, подчеркнутый рельефной рамкой. Этот тип гарнитуры хорошо представлен за пределами Болгарии. Несколько подобных узких форм бляшек, отлитых из серебряного сплава с позолотой, является частью ременного набора, найденного в могиле X в. некрополя Ясапати (медье Яс-Надькун-Сольнок, Венгрия) (Fodor 1996: 238, fig. 3).

Подобен ему и другой тип из этой группы бляшек, представленных узкой и широкой формой, найденных в немалом количестве (рис. 6: 7). Основа округленная, верх заострен, капли по контуру больше по размеру, а медальон в середине вытянутый и заключен в двойную рельефную рамку, причем вторая изогнута с двух сторон и, следуя очертанию предмета, напоминает четырехлистник. Такие бляшки найдены около крепостей Скала (Йотов, Атанасов 1998: табл. III: 15) и Балик (Добричской обл.) (Меламед 1993: табл. II: 2); Новаково, Суворово, около Кичево и Климентово (Варненской обл.) (Плетньов, Павлова 1994—1995: 210—211, табл. XIX: 329—340; XX: 341—352); за пределами Болгарии — около крепости Адамкиси (Румыния) (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Şova 2014: 195, pl. VII: 17—18).

Разновидностью этих двух типов является следующий тип, представленный сердцевидной формой и потому причисленный к этой группе бляшек (рис. 6: 8). Большие рельефные капли по контуру — общим числом шесть, а также сходство со щитовидными бляшками определило их место именно

в этой группе. Форма и в узком и широком варианте разьединена объемными каплями — по одной у основы и верха и по паре с обеих сторон. В середине расположен большой сердцевидный медальон, подчеркнутый рельефной чертой. В удлиненной форме три капли у основы оформляют трилистник. Подобные бляшки найдены в крепостях Окорш Дуловского р-на, Самотино и Изворник Варненской обл. (Плетньов, Павлова 1994—1995: 208, табл. XVII, 294—298) и Адамкиси (Румыния) (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Şova 2014: 195, pl. VII: 21).

IV. Ажурные бляшки

Ажурные бляшки насчитывают 22 типа, большинство из них представлены в единичном экземпляре. Среди этой группы бляшек некоторые производились массово и представлены значительным количеством находок в центрах производства художественного металла в окрестностях Преслава. Один такой тип бляшек представляет сердцевидную ажурную форму, в середине которой есть подобный же сердцевидный вырез (рис. 9: 1). Более 20 экз. бляшек этого типа найдено в двух разновидностях — узкой и широкой. Этот тип широко распространен в Болгарии и за ее пределами. Подобные бляшки найдены вблизи Ботево и Суворово Варненской обл. и крепости Дебрене Добричской обл. (Плетньов, Павлова 1994—1995: 201—202, табл. X: 185—194; XI: 195—196), средневековой крепости Ветрен (Атанасов, Йорданов 1994: табл. III: 24). Есть экземпляры и в НИМ—София (Станислов 1991: 65, табл. XI: 73). За пределами Болгарии такие бляшки найдены около крепости Адамкиси (Румыния) (Paraschiv-Talmačhi, Talmačhi, Şova 2014: 195, pl. VII: 14).

Другой популярный тип ажурной круглой формы с круглым вырезом в середине и гладкой лицевой поверхностью, представленный десятком найденных предметов (рис. 9: 2). Несколько подобных находок происходят из крепости Дебрене Добричской обл., и окрестностей Новаково Варненской обл. (Плетньов, Павлова 1994—1995: 194, табл. III: 53—57).

И третий тип, на котором остановим внимание, это ажурная розетка, представленная десятью экземплярами (рис. 9: 3). Цветочная форма состоит из восьми мясистых плотных листьев, симметрично расположенных вокруг круглого отверстия. Отверстие дополнительно подчеркнуто рельефной полоской. Тип представлен свинцовой моделью, найденной в центре около Новосела (Бонев, Дончева 2011: 290, таб. XLVIII: 521) и 7 бронзовыми отливками из центра около Златара. Подобная

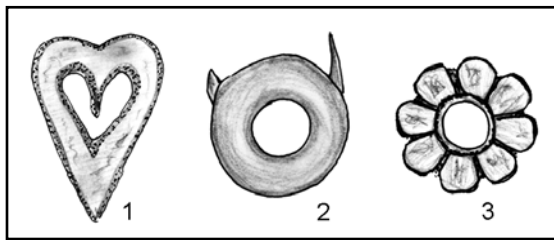


Рис. 9. Ажурные бляшки. Масштабы разные.

Fig. 9. Openwork plaques. Scale is different.

бляшка найдена во время археологических исследований в окрестностях Преслава (Бонев 1993: 73, обр. 12: ж).

V. Геометрические бляшки

К этой группе относятся все бляшки, соответствующие геометрическим фигурам — круг, квадрат, прямоугольник, треугольник, многоугольник и др. Богата разновидностями эта группа бляшек — более 30 типов. Несколько из них представлено наибольшим количеством находок.

Первый тип имеет круглую форму и пятиконечную звезду или розетку, вырезанную на поверхности (рис. 10: 1). Центр подчеркнут рельефным очертанием круга с точкой в середине. Около 70 находок этого типа найдено в производственных центрах около Преслава. Идентичные бляшки за пределами Болгарии происходят из поселения Олтина-«Капул Дялулуй», Констанца (Румыния) (Paraschiv-Talmațchi, Paraschiv-Talmațchi, Custurea 2018: 386, pl. I: 6). Подобные им известны из Тарчаль (Земплен) и Карош (Венгрия) (Fettich 1937: Tab. XLIII: 29—31; Révész 1989: 42, fig. 19). Гарнитур для уздечки, серебряные и с позолотой, найдены в некрополе X в. около Гегень-Моноқдомб (медье Сабољч-Сатмар-Берег, долина Дунай, Венгрия) (рис. 11) (Fodor 1996: 145, fig. 4).

Другой, подобный по форме, тип круглой бляшки, с гладкой лицевой поверхностью имеет такие же пропорции. Найдено более 20 экз. (рис. 10: 2). Крепление обеспечивают один или два шипа на обратной стороне. Некоторые предметы носят следы дополнительного нанесения белого металлического покрытия на гладкую лицевую поверхность. За пределами Болгарии этот тип бляшек был популярен в Среднем Подунавье. Большая группа таких бляшек известна в Карош (Венгрия) (Fettich 1937: Tab. CXXXII: 20—47; Révész 1989: 27, fig. 4). Подобные бляшки открыты в Олтина-«Капул Дялулуй» (Констанца), (Румыния) (Paraschiv-Talmațchi, Talmațchi, Custurea 2018: 386, pl. I: 7).

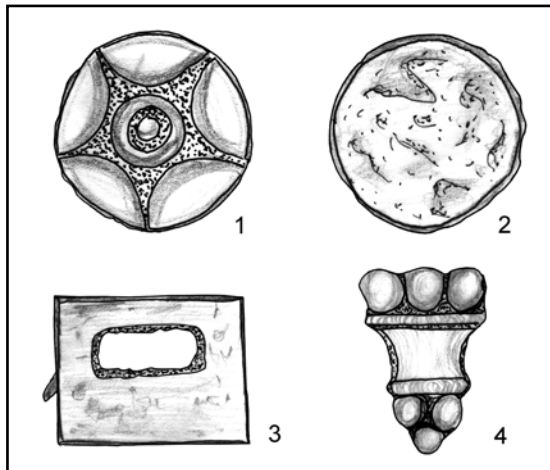


Рис. 10. Бляшки геометрических форм. Масштабы разные.

Fig. 10. Plaques of geometric shapes. Scale is different.

Аналогичное дополнительное покрытие нанесено также и на другой тип геометрических бляшек — прямоугольной формы (рис. 10: 3). Анализы металлического покрытия показывают популярность двух видов сплавов — серебряного и оловянного. У этого типа также ровная поверхность и прямоугольный вырез у одной широкой стороны. Известно более 40 таких находок. Этот тип может быть причислен к бляшкам ажурной формы, но так как вырез имеет не декоративное, а функциональное назначение и служит для подвешивания аксессуаров к ремню, тип отнесен к группе геометрических. К этому типу относится ременный набор с 19 бляшками (Плетньов 2005: 63, обр. 3). Подобные формы найдены в могиле 282 Тимеревского некрополя (Смирнов 1963: 65, рис. 37: 8) и могиле 6 некрополя Карош-Эперьешсег III (Венгрия) (Révész 1996: 339, Abb. 116: 19—20).

Из треугольных форм можем отметить тип с рельефными каплями (зерненный жгут) — в основе четыре и три у верха, похожие на трилистник, подчеркнутые рельефными линиями под ними (рис. 10: 4). Найдено около десятка предметов такого типа в трех производственных центрах.

Заключение

Свобода стилистической трактовки при оформлении форм диктует содержание декоративной системы в составлении ременных деталей. Поэтому при тождественности общепринятых принципов, заложенных в художественных изделиях, их конкретные решения различаются. Непосредственные по-



Рис. 11. Уздечные бляшки. Серебро с позолотой. X в. Некрополь Гегень-Монокдомб, Сабольч-Сатмар-Берег, долина Дуная, Венгрия (по Fodor 1996: 145, fig. 4).

Fig. 11. Bridal mounts. Silver with gilding. 10th c. Gégény-Monokdomb necropolis, Szabolcs-Szatmár-Bereg county, Danube valley, Hungary (after Fodor 1996: 145, fig. 4).



Рис. 12. Крепления от диадемы. Серебро с позолотой. X в. Некрополь в Эгер-Сепашсонвьель, медье Хевеш, Венгрия (по Fodor 1996: 386, fig. 3).

Fig. 12. Mounts of a diadem. Silver with gilding. 10th c. Eger-Szépasszonyvöl necropolis, Heves county, Hungary (after Fodor 1996: 386, fig. 3).

иски средневековых мастеров выражаются в стремлении овладеть именно формой — там, где остается простор для творчества. После формы на второй план выходит орнамент, чтобы подчеркнуть его идею. Суть заключается в повторении основных мотивов в ритмичной растительно-геометрической системе, содержащей конкретное значение и отвечающей определенным функциям художественного образа. Таким образом, все мотивы преобразены, а следы их происхождения удалены.

Орнаменты на ременных гарнитурах того времени одновременно отличаются деталями и стилизацией отдельных элементов, при том, что растительные и геометрические мотивы имеют только декоративное значение и не несут сакрального смысла. Они построены по вертикали повторяющимися элементами, расположенными симметрично вокруг одной центральной оси. Присутствуют геометрические и растительные мотивы, причем вторые преобладают. Украшения ременных гарнитур можно рассматривать как орнамент, так как отдельный мотив не всегда самостоятельный. Последний включен в систему повторения, при которой получается орнамент, основанный на связи всех деталей. Композиция основана на самой распространенной в средневековье восточной теме — бесконечного круговорота природы и жизни или теме вечного возвращения. Наглядно они выражены в интерпретации цветка и плода — двух главных фаз растительного цикла, отождествляемых с всеобщим жизненным круговоротом. Древо жизни воплощает универсальную концепцию мира.

Ведущей темой в декоративной системе бляшек является пальметта в двух вариантах — закрытая и открытая. Воссоздание ее

передается от реалистичного к стилизованному изображению, в котором популярный мотив настолько изменяется в некоторых композициях, что реальные формы в них начинают теряться и растворять в себе элементы геометрической образности. Успешно используются трилистные, семилистные и девятилистные пальметты, и их варианты в образе полупальметт. Особенно характерен для периода IX—XI в. сердцевидный орнамент, переходящий в стилизованную трилистную пальметту. Способ связывания и переход сердцевидной рамки в трилистную пальметту характерен для сасанидского искусства и византийского орнамента (Даркевич 1975: 220, 223). Геометрия дополняет цельную картину и подчеркивает основные ее элементы, принося дополнительный оттенок в образную манеру.

В то же время декоративные элементы, в основном растительные мотивы (пальметты и полупальметты) и геометрическорастительные орнаменты вызывают интерес не столько своим символическим значением в культурном развитии, сколько воздействием, оказываемым на эстетические вкусы общества того времени, воспринимая себя исключительно, как орнамент. Результатом всего этого является оригинальное воссоздание мотивов и форм на основе богатого орнамента и стиля ременных украшений в целом в Юго-Восточной Европе.

Разновидности форм и украшений, засвидетельствованные в изделиях производственных центров около Преслава, и находки с территории соседних стран и более отдаленных районов, показывают полное сходство в большинстве приведенных примеров. Датирование комплексов X в., как и большинство находок за пределами страны, свидетельствуют

о наличии интенсивных связей в течение этого периода. Общие композиционные решения при оформлении ременных гарнитур и популярный в это время стиль в металлопластике демонстрируют множество подобных черт и влияний, представленных в большинстве исследований по этой теме, поэтому не будем повторяться. Однако, следует уточнить, что наряду с этим существует немало особенностей, преимущественно в деталях орнамента и реже в формах.

Формы похожи и даже одинаковы у некоторых типов изделий. Украшения на первый взгляд подобные, но при тщательном изучении элементов, составляющих каждую композицию, обнаруживаются отличия. На фоне всего многообразия ременных украшений есть и полностью идентичные предметы, но в большинстве случаев орнаменты имеют свою специфику и ложатся в основу индивидуального подхода при разработке каждого

популярного и хорошо знакомого мотива. Поэтому часть продукции производственных центров имеет больше или меньше аналогов за пределами территории средневековой Болгарии, а другие — одиночные находки, без аналогов. Подобное положение и в других регионах, где популярна мода на украшенный пояс, да и не только на этот вид изделий. Декоративная программа вносит свои особенности для каждого сообщества ранне-средневековой Европы. Поэтому правильно говорить не о прямых влияниях и передаче готовых схем из одного места в другое, а о параллельном существовании ряда направлений (мы намеренно избегаем понятие «школа») в искусстве художественного металла раннего средневековья, где известные образы, формы и композиции претворяются в изделиях оригинальным и неповторимым образом, привнося атмосферу местных традиций и культурной идентичности своего происхождения.

Литература

- Атанасов Г., Йорданов И. 1994. *Средновековният Ветрен на Дунав*. Шумен: Николов.
- Бонев Ст. 1993. Архитектурен комплекс в Преслав. *Преслав* 4, 56—78.
- Бонев Ст., Дончева С. 2011. *Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско*. Велико Търново: Фабер.
- Витлянов С. 2004. *Военноадминистративни сгради от Двореца във Велики Преслав IX—X в.* София: БАН.
- Даркевич В. 1975. *Светское искусство Византии: произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.* Москва: Искусство.
- Дончева-Петкова Л. 2018. Данни за ново средновековно селище край с. Одръци, Добричко. В: *Приноси към българската археология VIII*. София: БАН, 127—137.
- Йотов В., Атанасов Г. 1998. *Скала. Крепост от X—XI век до с. Кладенци, Тервелско*. София: Pensoft.
- Мажитов Н. 1981. *Курганы Южного Урала VIII—XII вв.* Москва: Наука.
- Меламед К. 1993. Коллекция средновековни предмети (Хисар кале, с. Балик, Добричко). *Годишник на Националния археологически музей IX*. София: БАН, 163—166.
- Милчев Ат. 1963. Ранносредновековни български накити и кръстове енколпиони от Северозападна България. *Археология* (3), 22—36.
- Мурашева В.В. 2000. *Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Плетньов В., Павлова В. 1994—1995. Ранносредновековни ремъчни апликации във Варненския археологически музей. *Известия на Народен музей Варна* 30—31 (45—46), 24—239.
- Плетньов В. 2005. Нови ранносредновековни колани от Североизточна България. В: *Културните текстове на миналото — носители, символи, идеи III*. София: Университет “Св. Климент Охридски”, 58—64.
- Радишић М. 2015. Раносредновековне апликације из Сврљиг-града и осврт на сличне налазе на нашем тлу: о функцији, хронологији и културној припадности. В: Петровић С. (гл. ред.). *Духовна и материјална култура становништва Источне Србије и суседних области*. Етно-културолошки зборник XIX. Сврљиг: Етно-културолошка радионица, 21—34.
- Рябцева С.С. 2019. Ювелирные украшения и предметы торевтики венгерского круга из средневековых памятников Пруто-Днестровского региона. В: Киджи В.В., Поскачёва И.В., Царёв Н.В. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура 5*. Санкт-Петербург: ГЭ, 187—197.
- Смирнов А.П. (ред.). 1963. *Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников*. Москва: ГИМ; Ярославский музей-заповедник.
- Станилов Ст. 1991. Старобългарски ремъчни украси от Националния археологически музей. *Разкопки и проучвания XXII*. София: БАН, 5—70.
- Станилов Ст. 1995. Метални гарнитури за ремъци и облекло от Двореца във Велики Преслав. *Плиска-Преслав* 7, 111—135.
- Тотев Т. 2004. Сондажни проучвания в м. Стамбол йолу край Велики Преслав. *Плиска-Преслав* 10, 229—243.
- Bálint C. 1991. *Südungarn im 10. Jahrhundert*. Budapest: Central European University Press.
- Budinský-Krička V., Fettich N. 1973. *Das altungarische Fürstengrab von Zemplin II*. Bratislava: Slovenska akadémia vied.
- Diaconu P., Vlăceanu D. 1972. *Păciul lui Soare I*. București: Editura Academiei RSR.
- Dienes I. 1973. Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről. *Folia Archaeologica* 24, 182—200.
- Fettich N. 1937a. *A honfoglaló magyarság fémművessége*. Budapest: Magyar Történeti Múzeum.
- Fettich N. 1937b. *Die Metallkunst der Landnehmenden Un-*

- garn. *Archaeologia Hungarica* XXI. Budapest.
- Fodor I. et al. (eds.). 1996. *The Ancient Hungarians*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Gomolka-Fuchs G. 2002. Eine Gürtelgarnitur vom ungarischen Typ aus der frühmittelalterlichen Siedlung von Krivina, Bezirk Ruse, Bulgarien. *Eurasia Antiqua* 8, 493—514.
- Horváth C. 2014. *Győr és moson megyék honfoglalás és kora Árpád-kori temetői és sírleletei*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék.
- Kovács L. 2015. *A taktaköz 10—11. századi sír-és szórványleletei, valamint a Tiszaújlók-Sarkadi 11. századi temető*. Szeged; Budapest: SZTE BTK Régészeti Tanszék.
- Langó P., Paray-Horváth A. 2016. Hungarian belt — Bulgarian belt? Some notes on the distribution of ribbed belt mounts. In: Bálint Cs., Bollók A., Csiky G., Vida T. (eds.). *Between Byzantium and the Steppe*. Archaeological and historical studies in honour of Csanád Bálint on the occasion of his 70th birthday. Budapest: Institute of Archaeology, Hungarian Academy of Sciences, 567—589.
- Mărghitan L. 1965. Morminte din epoca feudală timpurie descoperite la Șeitin. *SCIV* 3, 581—585.
- Oța S. 2016. Elite locale și centre de putere în Banat (Sfârșitul secolului al IX-lea — începutul secolului al XI-lea). *Acta Musei Porolissensis* XXXVIII. Zalău, 433—458.
- Paraschiv-Talmațchi C., Talmațchi G., Șova C. 2014. Repere arheologice medievale-timpurii în zona Adam-clisi (jud. Constanta). *Revista Bistriței* XXVIII, 164—196.
- Paraschiv-Talmațchi C., Talmațchi G., Custurea G. 2018. Ornamente de centură descoperite la Oltina „Capul Dealului”. *Pontica* LI, 365—387.
- Radičević D., Špehar P. 2015. Some remarks on Hungarian Conquest Period Finds in Vojvodina. *Acta Archaeologica Carpatica* L, 137—162.
- Radišić M. 2018. Archaeological testimonies of Bulgarian presence in the Central Balkans during the ninth and tenth centuries. In: Николов А., Кънев Н. (съст.). *Симеонова България в историята на Евронеюския Югоизток: 1100 години от битката при Ахелой*. София: Университет “Св. Климент Охридски”, 134—154.
- Reabteva S. 2016. Some belt sets and separate plaques of IX—XI centuries from the Prut-Dniester region. *Arheologia milenului I p. Chr.* V. Brăila, 267—284.
- Révész L. 1989. Előzetes jelentés a karosi honfoglalás kori temető ásátásáról (1986—1987). *Archaeologiai Értesítő* 116, 22—51.
- Révész L. 1996. *A Karosi hofoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez*. Miskolc: Herman Ottó Múzeum; Magyar Nemzeti Múzeum.
- Ștefan et al. 1967: Ștefan G., Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967. *Dinogetia I. Așezarea feudală timpurie de la Bisericiuța-Garvăn*. București: Editura Academiei RSR.

References

- Atanasov, G., Jordanov, I. 1994. *Srednovekovniyat Vĕtren na Dunav (Medieval Town of Vĕtren on the Danube)*. Shumen: “Nikolov” Publ. (in Bulgarian).
- Bonev, St. 1993. In *Preslav (Preslav)* 4, 56—78 (in Bulgarian).
- Bonev, St., Doncheva, S. 2011. *Starobălgarski proizvodstven tsentăr za khudozhestven metal pri s. Novosel, Shumensko (Ancient Bulgarian Manufacturing Center of Metal Art near the Novosel Village, Shumen District)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ. (in Bulgarian).
- Vitlyanov, S. 2004. *Voennoadministrativni sgradi ot Dvoretza vĕv Veliki Preslav IX—X v. (Military-Administrative Buildings of the Palace in Veliki Preslav, 9th—10th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Darkevich, V.P. 1975. *Svetkoe iskusstvo Vizantii: proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X—XIII vv. (The Secular Art of Byzantium: Byzantine Art Craft Works in Eastern Europe of 10th—13th Centuries)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Bulgarian).
- Doncheva-Petkova, L. 2018. In: *Prinosi kām bălgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology) VIII*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 127—137 (in Bulgarian).
- Yotov, V., Atanasov, G. 1998. *Skala. Krepost ot X—XII v. do s. Kladentsi, Tervelsko (Skala, a Fortress of 10th—12th Centuries near the Kladentsi Village, Tervel District)*. Sofia: Pensoft (in Bulgarian).
- Mazhitov, N. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII—XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th—12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Melamed, K. 1993. In *Godishnik na Natsionalniya arkheologicheski muzej (Yearbook of the National Archaeological Museum) IX*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 163—166 (in Bulgarian).
- Milchev, At. 1963. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 22—36 (in Bulgarian).
- Murasheva, V.V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X—XIII vv.) (Medieval Russian Belt Composite Adornments (10th—13th Centuries))*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).
- Pletni’ov, V., Pavlova, V. 1994—1995. In *Izvestiya na Naroden muzej Varna (Bulletin of the National Museum in Varna)* 30—31 (45—46), 24—239 (in Bulgarian).
- Pletni’ov, V. 2005. In *Kulturnite tekstove na minaloto — nositeli, simboli, idei (Cultural Texts of the Past: Carriers, Symbols, Ideas) III*. Sofia: “St. Kliment Ohridski” University, 58—64 (in Bulgarian).
- Radišić, M. 2015. In Petrović, S. (ed.-in-chief). *Duhovna i materijalna kultura stanovništva Istočne Srbije i susednih oblasti (Spiritual and Material Culture of the Population of Eastern Serbia and Neighboring Areas)*. Series: Etno-kulturološki zbornik (Ethno-Cultural Collected Papers) XIX. Svrlijig: “Etno-kulturološka radionica” Publ., 21—34 (in Serbian).
- Ryabtseva, S.S. 2019. In Kidzhi, V.V., Poskacheva, I.V., Tsarev, N.V. (comp.). *Iuvelirnoe iskusstvo i material’naia kul’tura (Jeweler’s Art and Material Culture) 5*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 187—197 (in Russian).
- Smimov, A.P. (ed.). 1963. *Iaroslavskoe Povolzh’e X—XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil’nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th—11th Centuries By Materials of Timerevo, Mikhailovskoye and Petrovskoye Graveyards)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve (in Russian).
- Stanilov, St. 1991. In *Rozkopki i prouchvaniia (Excavations and Research) XXII*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 5—70 (in Bulgarian).
- Stanilov, St. 1995. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 7, 111—135 (in Bulgarian).
- Totev, T. 2004. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 10, 229—243 (in Bulgarian).
- Bálint, C. 1991. *Südungarn im 10. Jahrhundert*. Budapest: Central European University Press.
- Budinský-Krička, V., Fettich, N. 1973. *Das altungarische Fürstengrab von Zemplin II*. Bratislava: Slovenska akadémia vied.
- Diaconu, P., Vîlceanu, D. 1972. *Păciul lui Soare I*. București: Editura Academiei RSR.
- Dienes, I. 1973. *Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasré-*

- tröl. *Folia Archaeologica* 24, 182—200.
- Fettich, N. 1937. *A honfoglaló magyarság fémművészete*. Budapest: Magyar Történeti Múzeum.
- Fettich, N. 1937. *Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*. *Archaeologia Hungarica* XXI. Budapest.
- Fodor, I., et al. (eds.). 1996. *The Ancient Hungarians*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Gomolka-Fuchs, G. 2002. Eine Gürtelgarnitur vom ungarischen Typ aus der frühmittelalterlichen Siedlung von Krivina, Bezirk Ruse, Bulgarien. *Eurasia Antiqua* 8, 493—514.
- Horváth, C. 2014. *Győr és moson megyék honfoglalás és kora Árpád-kori temetői és sírleletei*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék.
- Kovács, L. 2015. *A taktaköz 10—11. századi sir-és szórványleletei, valamint a Tiszalúc-Sarkadi 11. századi temető*. Szeged: Budapest: SZTE BTK Régészeti Tanszék.
- Langó, P., Paray-Horváth, A. 2016. Hungarian belt — Bulgarian belt? Some notes on the distribution of ribbed belt mounts. In Bálint, Cs., Bollók, A., Csiky, G., Vida, T. (eds.). *Between Byzantium and the Steppe*. Archaeological and historical studies in honour of Csanád Bálint on the occasion of his 70th birthday. Budapest: Institute of Archaeology, Hungarian Academy of Sciences, 567—589.
- Mărghitan, L. 1965. Morminte din epoca feudală timpurie descoperite la Șeitin. *SCIV* 3, 581—585.
- Oța, S. 2016. Elite locale și centre de putere în Banat (Sfârșitul secolului al IX-lea — începutul secolului al XI-lea). *Acta Musei Porolissensis* XXXVIII. Zalău, 433—458.
- Paraschiv-Talmațchi, C., Talmațchi, G., Șova, C. 2014. Repere arheologice medievale-timpurii în zona Adamclisi (jud. Constanța). *Revista Bistriței* XXVIII, 164—196.
- Paraschiv-Talmațchi, C., Talmațchi, G., Custurea, G. 2018. Ornamente de centură descoperite la Oltina „Capul Dealului”. *Pontica* LI, 365—387.
- Radičević, D., Špehar, R. 2015. Some remarks on Hungarian Conquest Period Finds in Vojvodina. *Acta Archaeologica Carpatica* L, 137—162.
- Radišić, M. 2018. Archaeological testimonies of Bulgarian presence in the Central Balkans during the ninth and tenth centuries. In Nikolov, A., Kănev, N. (săst.). *Simeonova Bălgariya v istoriyata na Evropejskiya Yugoiztok: 1100 godini ot bitkata pri Akheloj (Bulgaria of the Tsar Simeon in the History of South-Eastern Europe: 1100 Years Anniversary of the Battle of Achelous)*. Sofia: “Sv. Kliment Okhridski” University, 134—154.
- Reabțeva, S. 2016. Some belt sets and separate plaques of IX—XI centuries from the Prut-Dniester region. *Arheologia milenului I p. Chr.* V. Brăila, 267—284.
- Révész, L. 1989. Előzetes jelentés a karosi honfoglalás kori temető ásatásáról (1986—1987). *Archaeologiai Értesítő* 116, 22—51.
- Révész, L. 1996. *A Karosi hofoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez*. Miskolc: Herman Ottó Múzeum; Magyar Nemzeti Múzeum.
- Ștefan, G., Barnea, I., Comșa, M., Comșa, E. 1967. *Dinogetia I. Așezarea feudală timpurie de la Bisericiuța-Garvăn*. București: Editura Academiei RSR.

Статья поступила в сборник 19 февраля 2020 г.

Stela Doncheva (Shumen, Bulgaria). Doctor of History. National Institute of Archaeology, Shumen Branch¹.

Дончева Стела Милчева (Шумен, България). Доктор истории. Национальный археологический институт, Шуменский филиал.

E-mail: donchevastela@yahoo.com

Address: ¹ General Toshev St., 4, Shumen, 9700, Bulgaria

С. В. Томсинский

Накладка на сумку первой половины X в. из Углича

Keywords: Ancient Russia, Uglich, Middle Dnieper basin, overlay, ornament

Ключевые слова: Древняя Русь, Углич, Среднее Поднепровье, накладка, орнамент

S. V. Tomsinsky

An Applique for a Bag of 900—950 from the Town of Uglich.

A bronze applique depicting flying birds found during excavations in Uglich is dated to the first half — mid-tenth century and finds analogies among the materials from excavations on the Middle Dnieper sites. The applique from Uglich is, in our opinion, of considerable interest for the study of the development of the production of belt set in the period of intensive interaction between different cultural traditions in Eastern Europe and, along with other finds, quite expressively characterizes the special importance of the small town of Ugleche Field, quickly rising at one of the crossroads of migration routes from the neighboring and remote regions in the Volga-Oka interfluve.

С. В. Томсинский

Накладка на сумку первой половины X в. из Углича

Накладка с изображением летящих птиц из раскопок в Угличе датируется первой половиной-серединой X в. и обнаруживает аналогии в материалах раскопок памятников Среднего Поднепровья. Угличская накладка представляет, по нашему мнению, значительный интерес для изучения развития производства поясной гарнитуры в период интенсивного взаимодействия различных культурных традиций на территории Восточной Европы и, наряду с другими находками, достаточно выразительно характеризует особое значение небольшого города Углича Поле, быстро поднимающегося на одном из перекрестков путей проникновения мигрантов из сопредельных и отдаленных регионов в Волго-Окское междуречье.

Крупная ромбическая накладка с растительным орнаментом, обнаруженная в 2001 г. на участке раскопа 17 в Угличском кремле, несомненно, должна быть признана уникальной находкой не только для города Углича, но и для всего Волго-Окского междуречья. Ведь аналогичные накладки отсутствуют в материалах раскопок синхронных памятников, признаваемых наиболее значимыми для изучения эпохи становления древнерусской культуры в этом обширном регионе — в курганных могильниках Ярославского Поволжья, во Владимирских курганах, в муромских грунтовых могильниках, на Сарском городище. Ранее эта накладка уже включалась нами в группу предметов из антропогенных отложений Угличского кремля, принадлежащих культурной традиции населения лесостепной и степной зоны Восточной Европы. (Томсинский 2009: 284—285). Пришло время представить благосклонному читателю конкретизацию этой краткой характеристики.

Стратиграфический статус и датировка находки материалами раскопок. Накладка залегала в слое перекопа, впущенного в частично забутованный глиняный котлован небольшой квадратной постройки №1 (яма №58а). Помимо накладки, в перекопе обнаружены: дирхем без чекана кон. IX — X вв.; половина саманидского дирхема чекана 896/7 гг. (Саманиды. Исмаил ибн Ахмед. Аш-Шаш), фрагмент золотостеклянной бусины-лимонки и желтая бусина-лимонка (в Ростове бытовали до 1-й четв. XI в.), нож с асимметричным расширением в средней части (до 1-й четв. XII в.) и простое браслетообразное несомкнутое височное кольцо, датируемое в достаточно широких пределах: 1-я пол. I тыс. н. э. — нач. XI в. (Самойлович 2006: 379—380; Леонтьев 1996: 163). Особое значение для датирования перекопа, а следовательно, интересующего нас предмета, имеет находка дирхема, который, если исходить из характеристики торговли государства Саманидов с Волжской Болгарией, дан-



Рис. 1. Накладка на сумку. Углич. X в. (фото автора).

Fig. 1. Pad on the bag. Uglich. 10th century (photo by the author).

ной Т. Нунаном, должен был попасть на поселение в первое десятилетие X в. (Нунан 2001: 300—303). Исходя из датировок прочих находок исследованного участка, этот перекоп можно датировать X в., скорее, 1-й пол. — серединой столетия. Этим же периодом приходится датировать и накладку (рис. 1). Нельзя не признать, что такая датировка недостаточно устойчива, но другой у нас нет и не будет.

Технологическая характеристика и назначение предмета. Угличская накладка изготовлена в технике литья в каменной форме из оловянисто-свинцовой бронзы, причем шпένьки для крепления отлиты одновременно с накладкой.

Относительно назначения угличской накладки можно только строить более или менее вероятностные предположения. Судя по размерам сохранившихся шпένьков, она крепилась, скорее всего, к толстой ткани или коже, а в центральное отверстие был пропущен стержень-заклепка, который, независимо от оформления (гладкая или рельефная головка заклепки, каст для крепления вставки из цветного стекла или камня) был дополнительным креплением. Нельзя исключить любые варианты крепления: на головной убор, на предмет одежды и даже на голенище сапога. Однако проще всего представить себе такую накладку на кожаной сумке-ташке — эта кочевническая мода в X в. получила достаточно широкое распространение от лесостепной зоны до Скандинавии. Поскольку отверстие в центре не прямоугольное, в которое удобно было пропускать ремень, а круглое, есть все основания полагать, что это одна из боковых

накладок, украшавших кожаный клапан сумки. Никаких следов позолоты или серебрения на лицевой стороне накладки не обнаруживается.

Композиция на лицевой стороне накладки задумана мастером как строго симметричная, хотя предполагаемая симметрия нарушилась в процессе изготовления литейной формы. От отверстия в центре к четырем углам ромба расходятся четыре растительных побега, между которыми помещены стилизованные изображения четырех птиц с широко раскинутыми крыльями, разделанными вертикальной рельефной штриховкой и веерообразными хвостами из трех петелек. Неправильно-округлые и достаточно небрежно трактованные, но все же вполне узнаваемые головки птиц с большими круглыми глазами и короткими клювами выступают по центру каждой стороны ромба. Стилизованные растительные побеги представляют собой трилистники с ромбовидным верхним листом и петлеобразными боковыми листьями, осложненные двумя расходящимися в стороны и закрученными внутрь и вверх боковыми побегами от утолщенного в нижней части стебля. Вертикальная штриховка крыльев птиц в общем контексте композиции воспринимается как обрамление этих стилизованных растительных побегов. В целом следует признать, что накладка изготовлена опытным мастером, четко построившим композицию, хорошо владевшим линией и явно с максимальной точностью стремившимся воспроизвести некий имевшийся в его распоряжении образец. Разумеется, мы никогда не увидим

этот образец и не сможем однозначно определить его происхождение. Истоки композиции с тремя или четырьмя птицами вокруг солнечного диска и стилизованными побегами при желании можно обнаружить в буддийском искусстве Дальнего Востока.

Изображение подобной присутствует, например, на потолке росписи буддийского храма X в. в урочище Сарын-агыз в Турфанском оазисе, исследованного в 1909 г. С. Ф. Ольденбургом¹, и на других памятниках этой традиции. Эта композиция вполне могла быть либо переосмыслена, либо не понята или соотнесена с какими-то иными представлениями о мироздании при заимствовании в одной из культурных традиций Великой степи, по которой проходили ответвления Шелкового пути.

Круг аналогий. Приступая к поискам аналогий угличской накладке, следует обратить внимание на два важных обстоятельства, определяющие степень достоверности наших выводов.

Представления археологов о развитии тех или иных художественных традиций основаны на анализе сохранившихся до наших дней и оказавшихся в материалах раскопок предметов из неорганических материалов — металла, камня, а также из кости.

При этом, сколь ни представительны наши сводки, остается навсегда неизвестным, сколько предметов, характеризующих ту или иную художественную традицию, навсегда остались вне поля зрения исследователей.

Далее, в общем контексте наших представлений об исторической действительности эпохи становления Древней Руси, художественные традиции разных этносоциумов не могли не быть весьма динамичными, и эта подвижность крайне затрудняет однозначное определение принадлежности как некоторых отдельных предметов, так и целых групп находок: несмотря на любые ухищрения методики, исследователи остаются на поле гипотез и догадок, т. е. недостоверного знания об отдаленном прошлом. Угличская накладка выпала в антропогенные отложения именно в тот период, когда кочевническая ременная гарнитура и подражания изделиям степных мастеров перемещались в лесной зоне Восточной Европы до самого Новгорода и Старой Ладogi (Михайлов 1997; Козлова 2004: 188—189).

Итак, на территории Волго-Окского междуречья в материалах раскопок памятников

VIII—XI вв. аналогий угличской накладке нет. Но и в публикациях материалов раскопок синхронных поселений и могильников на сопредельных территориях данных о подобных накладках не обнаруживается, притом, что близкие по форме накладки различных размеров с изображениями стилизованных побегов (без фигур птиц) хорошо известны исследователям древностей Великой Степи и лесной зоны Восточной Европы.

Польские исследовательницы Л. Йончик и А. Голебиовска-Тобиаш в краткой сводке представили ареал бытования этих накладок (которые они именуют «розетковидными») в эпоху раннего средневековья на огромных территориях от Дальнего Востока до Скандинавии. Польские исследовательницы полагают, что «розетка» была заимствована кочевниками Великой Степи у китайцев не позднее VIII в. и далее распространялась на запад от одного кочевнического социума к другому, т. е. имела место диффузия — правда, механизм первоначального заимствования этого мотива представлялся авторам не совсем ясным (Jończyk, Golebiowska-Tobiasz 2015: 196). Полагаем, что заимствования могли происходить, скорее, спорадически, учитывая интенсивность торговых связей, особенно в IX—X вв., определивших возможность попадания в разные регионы китайских вещей с аналогичными изображениями. Насколько мастера, воспроизводившие китайскую благопожелательную формулу, понимали ее значение, однозначно установить невозможно, однако, учитывая, что Древо Жизни присутствует в мифологии разных народов Евразии, полностью исключить такую возможность наложения разных культурных традиций нельзя. Наиболее вероятным образцом могли послужить, конечно, изображения на бронзовых зеркалах и шелковых тканях, пользовавшихся огромным спросом у представителей верхушки разных этносоциумов Северной Евразии.

Однако среди опубликованных А. Х. Халиковым и польскими исследовательницами предметов обнаруживаются все же хотя и отдаленные композиционно и функционально, но аналогии угличской накладке. Речь идет о матрицах для тиснения поясных накладок из Билляра, нижняя дата которых — X—XI вв. На этих матрицах также присутствуют сильно стилизованные изображения птиц с раскинутыми крыльями, однако трактованы они совершенно иначе, чем на угличской накладке: тела птиц сильно изогнуты и украшены выпуклыми точками, хвосты не модифицированы, головки, выступающие по сторонам ромба, едва обозначены. Кроме того, на бильярских

¹ Автор выражает глубокую признательность Н. Г. Пчелину за возможность ознакомиться с материалами исследований этого памятника.

матрицах нет и намек на штриховку крыльев, присутствующую на угличской накладке, в центре помещена восьмилепестковая розетка, трилистники огрублины геометризированным контуром, но зато в композицию привнесены некий намек на переплетения побегов (Халиков 1985: 99; Jończyk, Golebiowska-Tobiasz 2015: 200). В целом бильярские матрицы вполне созвучны исламской художественной традиции, которая как раз в X — 1-й пол. XI в. начинает формировать культуру болгарской этнической общности (Измайлов 2014: 163—166). Угличская накладка никак не может быть признана принадлежащей этой традиции, в том числе и болгарскому ее ответвлению.

Еще большие отличия в пластическом решении композиции и трактовке деталей от угличской композиции с птицами демонстрируют венгерские накладки и поясная гарнитура. На многократно опубликованных ромбических накладках из венгерских могильников X в. фигурки птиц уже не просматриваются вовсе, а круглые выступы по сторонам ромба воспринимаются как сугубо декоративный элемент композиции, хотя мотив трилистника, как неоднократно отмечали исследователи, в т. ч. и как символа Древа Жизни, очень популярен (Dienes 1972: 59; Халикова 1976: 148). Поиски более близких — хотя также не прямых! — стилистических аналогий угличской накладке уводят нас на юг, в Среднее Поднепровье, и приводят к интересным выводам. Та же композиция из птиц и Деревьев Жизни, но уже даже не сильно стилизованных, а схематизированных, вполне опознается на ромбической накладке на сумку-ташку из погребения кургана 61 Шестовицкого могильника. Здесь трилистники, композиционно аналогичные угличским, трактованы настолько обобщенно, что Р.С. Орлов признал их «сердцевидными узорами», тела птиц не проработаны вообще, головки превратились, как в венгерской традиции, просто в полусферические выступы, а на хвосты мастеру и вовсе не хватило места, поскольку в центре накладки расположено не круглое, а большое прямоугольное отверстие для ремня. Тем не менее, раскинутые крылья птиц образуют и в этой композиции четкое обрамление схематизированных трилистников. Шестовицкая накладка, в отличие от угличской, — не единственная в своем роде: тем же мастером, как установили исследователи, изготовлены центральные накладки на сумку-ташку еще с трех памятников (Орлов 1984: 41). Известны по материалам раскопок в Шестовицах (курган 96) и накладки более простой формы, с геометрическим орна-

ментом, которые не могут быть соотнесены с интересующими нас предметами, но зато находят аналогии далеко на севере, в Новгороде и Бирке (Орлов 1984: 42; Седова 1981: 159—160; Arbmänn 1943: t. 136: 3a).

На другой центральной накладке на сумку из кургана 42 в Шестовице также обнаруживается схематизированный трилистник, очень похожий на трилистник угличской накладки; на той же сумке крепились и еще две бляшки в виде такого же трилистника. Наконец, и еще один трилистник с острым верхним листом и «петельчатыми» боковыми листьями, зафиксирован на одной из поясных бляшек из того же Шестовицкого могильника. Правда, эта бляшка, побывавшая в огне погребального костра, сохранилась плохо, но можно установить, что нижние закрученные побеги от ствола трилистника здесь сильно вытянуты вверх, по периметру бляшки и так же, как на угличской накладке, загнуты внутрь (Бліфельд 1977: 198).

Р.С. Орлов отнес накладки из Шестовицы к произведениям одной из выделенных им «школ» «южнорусского очага металлообработки» литейного мастерства — а именно, к «школе А», формировавшейся под влиянием венгерской художественной традиции (Орлов 1982: 168; 1983: 34—35; 1984: 38—48). В этой «школе А», как отмечает Р.С. Орлов, мотив трилистника, получивший широкое распространение в искусстве Дальнего Востока и кочевников Великой Степи и мира ислама, оказывается весьма популярным, постепенно развиваясь со временем сложными ответвлениями. В таком случае важное значение имеет наличие на угличской накладке штриховки по периметру, которая, как отмечалось выше, представляется нам передачей оперения раскинутых крыльев летящих птиц, но которая стала обрамлением всей композиции с трилистником. Р.С. Орлов, рассуждая о «школах» металлопластики Приднепровья, признал штриховку характерным признаком более поздней (с середины X в.) сравнительно со «школой А» традиции «школы Б», в которой обнаружил сильное воздействие исламского ремесла, причем между двумя «школами» не обнаруживается преемственности (Орлов 1983: 43—44; 1984: 49—50). Однако все прочие элементы растительного орнамента «школы Б» — усложненные побеги со сложными переплетениями — не представляют ничего общего с угличской накладкой. Посему полагаем, что в данном случае этот элемент композиции не опровергает вышесказанного и не противоречит предложенной нами датировке.

Что касается отмеченного выше сходства с билирскими матрицами, то, на наш взгляд, следует вспомнить о неоднородности художественной традиции Волжской Болгарии — полиэтнического социума, формирующегося из различных тюркских, финно-угорских, славянских компонентов и поддерживавшего по налаженной сети торговых путей связи не только с сопредельными, но и весьма удаленными территориями. Общеизвестно, что особое значение для Волжской Болгарии в X в., как и для Поднепровья, должна была иметь художественная традиция Хазарского каганата (сама по себе также *ex officio* неоднородная), в которой, очевидно, и следует искать истоки различных «школ» раннесредневековой металлопластики лесостепной и лесной зон Восточной Европы X—XI вв.

Со своей стороны, мы, не дерзая вдаваться в подробности сложной проблематики развития ремесла южных регионов Древней Руси — для нашей темы эти подробности и не принципиально важны — констатируем только принципиально важное для нас отмеченное выше сходство в трактовке мотива трилистника на угличской накладке именно с произведениями приднепровского ареала, отнесенными Р.С. Орловым к «школе А» — а ничего большего исследуемый предмет нам и не предоставляет. Более того, коль скоро шестовицкие накладки на сумку обнаруживают такую схематизацию композиции из Древ Жизни-трилистников и птиц, которая на угличской накладке представлена *ipso facto*, а шестовицкие комплексы датируются сер. — 2-й пол. X в., мы получаем еще один аргумент в пользу предположения о более ранней — 1-й пол. X в. — датировке угличской накладки. В этом контексте становится понятной и отмеченная выше крайняя схематизация композиции с летящими птицами на некоторых венгерских накладках, хронологически вполне соотносимых с изделиями «школы А», выделенной Р.С. Орловым.

Более того, исходя из данных Р.С. Орлова о составе металла черниговских накладок (Орлов 1984: 47), рискнем предположить, что угличская накладка изготовлена где-то там, не обязательно в округе Чернигова, но в лесостепной зоне Восточной Европы, в 1-й пол. X в., и вполне могла попасть в Волго-Окское междуречье со своим изначальным владельцем или, по крайней мере, с лицом, имевшим контакты с выходцами с этих территорий. Во всяком случае, все прочие изделия из цветного металла, обнаруженные в Угличском кремле, отлиты из сплавов другого состава, и предположения, что какой-то местный мастер перели-

вал какое-то изделие южного происхождения для того, чтобы создать предмет, обнаруживающий южные же аналогии, представляется крайне маловероятным.

Здесь уместно напомнить, что, как нам уже приходилось отмечать, в материалах раскопок в Угличе присутствуют предметы явно южного происхождения, в том числе и предмет женской субкультуры — салтовский костяной ароматник, датируемый тем же X в., который, как и интересующая нас накладка, явно не мог быть предметом торговли, наряду с предметами, принадлежащими местной финно-угорской и скандинавской культурным традициям (Томсинский 2009: 273).

Южные связи социальной верхушки древнерусского города Угличе Поле, а точнее, связи с Поднепровьем и именно с Киевом, как нам уже приходилось отмечать, оставались актуальными для социальной верхушки этого города и в XI в., что вполне можно объяснить изначальным присутствием в этой группе выходцев с юга, видимо, отразившемся в местных легендах об основателе города — «сродственнике» княгини Ольги Яне Плесковиче, действовавшем именно в 1-й пол. — сер. X в., хронологически вполне соотносимыми с материалами наших раскопок (Томсинский 2003: 62—69).

Разумеется, обстоятельства потери накладки предмета навсегда останутся для нас неизвестными. Но, коль скоро владелец не смог подобрать столь ценный предмет, можно не сомневаться, что обстоятельства стали для него экстремальными. И вряд ли это была какая-то обычная для того времени стычка, укладывающаяся в известный перечень «пиршественных казусов» Русской Правды. Стратиграфия антропогенных отложений мысовой площадки Угличского кремля и материалы раскопок, к сожалению, позволяют составить только самое общее представление о начальном периоде существования древнерусского города Угличе Поле. Однако зафиксированные в процессе раскопок угличские прослойки в предматериковых горизонтах определенно свидетельствуют о пожарах, возможно, сопровождавшихся вооруженными столкновениями. Безвозвратная потеря накладки во время одного из таких столкновений представляется вполне вероятной. При этом следует обратить внимание на то, что сама накладка не получила механических повреждений, за исключением утраты центральной заклепки. Возможно — если накладка действительно крепилась на клапан сумки — именно этот клапан и был поврежден? В случае же крепления накладки к дру-

гим элементам костюма, чего, как отмечалось выше, исключить нельзя, потерять этот предмет в схватке было, пожалуй, еще проще.

Таким образом, угличская накладка представляет, по нашему мнению, значительный интерес для изучения развития производства поясной гарнитуры в период интенсивного взаимодействия различных культурных

традиций на территории Восточной Европы и, наряду с другими находками, достаточно выразительно характеризует особое значение небольшого города Угличе Поле, быстро поднимающегося на одном из перекрестков путей проникновения мигрантов из сопредельных и отдаленных регионов в Волго-Окское междуречье.

Литература

- Бліфельд Д. І. 1977. *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*. Київ: Наукова думка.
- Измайлов И. Л. 2014. Археологическая культура и средневековая этническая общность: теоретические и методические проблемы соотношения (на примере средневековой Булгарии). *ПА* 9 (3), 102—138.
- Козлова В. А. 2004. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *ННЗИА* 18. Великий Новгород: НГОМЗ, 188—207.
- Михайлов К. А. 1997. Центральнo-азиатские украшения в материалах раскопок древнерусских памятников X века. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *ННЗИА* 11. Великий Новгород: НГОМЗ, 252—256.
- Нунан Т. С. 2001. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией. В: Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). *Археология. История. Нумизматика*. Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. Санкт-Петербург: СПбГУ, 256—313.
- Орлов Р. С. 1982. Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Новые памятники древней и средневековой культуры*. Киев: Наукова думка, 163—174.
- Орлов Р. С. 1983. Південноруський центр художньої металообробки X ст. *Археологія* 44, 29—47.
- Орлов Р. С. 1984. Средневековая традиция художественной металлообработки в X—XI вв. В: Русанова И. П. (отв. ред.). *Культура и искусство средневекового города*. Москва: Наука, 32—51.
- Самойлович Н. Г. 2006. Стекланные бусы Ростова Великого. В: Кашкин А. В. (ред.). *Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова)*. Москва: ИА РАН, 371—386.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия Новгорода Великого (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Томсинский С. В. 2004. *Угличе Поле в IX—XIII вв.* Санкт-Петербург: ГЭ.
- Томсинский С. В. 2009. Раннесредневековый Углич-Угличе Поле — один из центров древнерусской государственности X — первой четверти XI вв. В: Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред. колл.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург, 276—291.
- Халиков А. Х. 1985. *Культура Биляра*. Москва: Наука.
- Халикова Е. А. 1976. Ранненевгенерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *СА* (3), 141—156.
- Arbman H. 1943. *Birka I. Die Gräber. Tafeln*. Stockholm: Kungliga Vitterhets historie och antikvitets akademien.
- Jończyk L., Golebiowska-Tobiasz A. 2015. Okucie rozetkowe z Szurpil. Import ze świata nomadów w sercu Jaćwieży. In: Kontny B. (red.). *Ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur. Jerzy Okulicz-Kozaryn in memoriam*. Światówit Supplement Series B: Barbaricum 11. Warszawa: Institut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 195—213.
- Dienesh I. 1972. *The Hungarians cross the Carpathians*. Budapest: Archeological Printing House.

References

- Blifel'd, D. I. 1977. *Davnorus'ki pam'yatky Shestovytsi (Early Russian Sites of Shestovytsa)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Izmailov, I. L. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (9), 102—138 (in Russian).
- Kozlova, V. A. 2004. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 18. Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 188—207 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 1997. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 11. Novgorod, 252—256 (in Russian).
- Nunan, T. S. 2001. In Kirpichnikov, A. N., Sedykh, V. N. (eds.). *Arkheologiya. Istoriia. Numizmatika. Sbornik statei pamiati prof. I. V. Dubova (Archaeology. History. Numismatics. Collected Papers in Memory of Professor I. V. Dubov)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 256—313 (in Russian).
- Orlov, R. S. 1982. In Baran, V. D. (ed.). *Novye pamiatniki drevnei i srednevekovoi kul'tury (Recently Discovered Sites of Ancient and Medieval Culture)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 163—174 (in Russian).
- Orlov, R. S. 1983. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 44, 29—47 (in Ukrainian).
- Orlov, R. S. 1984. In Rusanova, I. P. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo srednevekovogo goroda (Culture and Art of Medieval Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32—51 (in Russian).
- Samoilovich, N. G. 2006. In Kashkin, A. V. (ed.). *Arkheologiya Verkhnego Povolzh'ia (k 80-letiiu K. I. Komarova) (Archaeology of the Upper Volga Region (in Honor of the 80th Anniversary of K. I. Komarov))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 371—386 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia Novgoroda Velikogo (X—XV vv.) (Great Novgorod Jewellery: 10th—11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tomsinskii, S. V. 2004. *Ugleche Pole v IX—XIII vv. (Ugleche Pole (the Uglic Town) in 9th—13th Centuries)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Tomsinskii, S. V. 2009. In Korotkevich, B. S., Machinskii, D. A., Senichenkova, T. B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg, 276—291 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia*

- truda i oruzhie X—XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th — 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khalikova, E.A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 141—156 (in Russian).
- Arbman, H. 1943. *Birka I. Die Gräber. Tafeln*. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien.
- Jończyk, L., Gołębiowska-Tobiasz, A. 2015. Okucie rozetkowe z Szurpil. Import ze świata nomadów w sercu Jaćwieży. In Kontny, B. (red.). *Ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur. Jerzy Okulicz-Kozaryn in memoriam*. Światowit Supplement Series B: Barbaricum 11. Warszawa: Institut Archeologii Uniwersitetu Warszawskiego, 195—213.
- Dienes, I. 1972. *The Hungarians cross the Carpatians*. Corvina press. Budapest: Archeological Printing House.

Статья поступила в сборник 10 января 2020 г.

Sergey Tomsinsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Томсинский Сергей Владимирович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation

К. А. Лавыш

Восточные и византийские традиции в комплексе украшений женского костюма Руси (по материалам средневековых городов Беларуси)

Keywords: Rus', Byzantium, women's costume, ornaments, diadems, temple pendants (kolty), suspension chains (ryasny), three-bead temple rings, hinged bracelets (consisting of two semicircular sections), cloisonné enamel, filigree, granulation, niello

Ключевые слова: Русь, Византия, женский костюм, украшения, диадемы, колты, рясны, трехбусинные височные кольца, двустворчатые браслеты, перегородчатая эмаль, скань, зернь, чернь

K. A. Lavysh

Oriental and Byzantine Traditions in a Complex of Ornaments for Women's Costume in Rus' (by Materials of Medieval Towns of Belarus)

The development of a complex of ornaments for women's costume in Rus' in the 11th — 13th centuries was taking place under the significant influence of samples from the Oriental and Byzantine world. Many types of ornaments, the way of wearing them, motifs, as well as the techniques of their manufacturing (cloisonné enamel, filigree, granulation, niello) were borrowed from there. Temple pendants (kolty) with enamel and niello, suspension chains (ryasny), three-bead temple rings, princes' diadems, neckpieces-humerals, hinged bracelets (consisting of two semicircular sections), twisted and plaited bracelets with terminals decorated with filigree and granulation refer to the remaking of the Byzantine samples in the Old Russian ceremonial attire. Archaeological finds from the excavations of medieval towns of Belarus related to the Byzantine and Eastern traditions are not as numerous and diverse as finds from the South Rus', Vladimir-Suzdal and Novgorod lands, but they demonstrate the same process of adaptation and elaboration of the Byzantine and Eastern artistic and cultural traditions. This process can be traced both in the items of ceremonial attire, and in the ordinary ornaments of urban women.

К. А. Лавыш

Восточные и византийские традиции в комплексе украшений женского костюма Руси (по материалам средневековых городов Беларуси)

Формирование комплекса украшений женского костюма Руси XI—XIII вв. происходило под значительным влиянием образцов восточно-византийского мира. Оттуда были заимствованы как многие типы украшений, способ их ношения, изобразительные мотивы, так и техники их изготовления (перегородчатая эмаль, скань, зернь, чернь). К переработке византийских образцов в древнерусском парадном уборе относятся колты с эмалью и чернью, подвески-рясны, трехбусинные височные кольца, княжеские диадемы, оплечья-бармы, двустворчатые браслеты, витые и плетеные браслеты со щитками, декорированными сканью и зернью. Материалы из раскопок средневековых городов на территории Беларуси, связанные с византийской и восточной традицией, не так многочисленны и разнообразны, как материалы из южнорусских, владими́ро-суздальской и новгородской земель, но демонстрируют тот же процесс адаптирования и переработки традиций византийской и восточной художественной культуры. Этот процесс прослеживается как в изделиях, составлявших дорогой парадный убор, так и в рядовых украшениях горожанок.

Формирование комплекса украшений женского костюма Руси XI—XIII вв. происходило под значительным влиянием образцов восточно-византийского мира. Оттуда были заимствованы как многие типы украшений, способ их ношения, изобразительные мотивы (парные птицы по сторонам древа жизни, грифоны, трех- или пятилепестковый цветок-крин, виноградная лоза, процветший крест), так и техники их изготовления (перегородчатая эмаль, скань, зернь, чернь).

Традиция изучения восточных и византийских связей в искусстве Древней Руси была заложена еще в дореволюционной искусствоведческой науке. Н.П. Кондаков провел аналогии некоторых типов древнерусских украшений (шейные витые гривны, кривовидные подвески, колты с перегородчатыми эмальями, некоторые виды фибул, поясные украшения и подвески к поясам) с украшениями народов Востока и Византии, а также кочевой степи (Кондаков 1896: 8, 21—22, 32). Он по-

ставил вопрос о роли восточно-византийского наследия в искусстве Западной Европы и Древней Руси, проанализировал особенности характера зооморфных мотивов в восточном, византийском, западноевропейском и древнерусском искусстве (Кондаков 1896: 18—20). В советской историографии долгое время господствовала теория автохтонности древнерусского искусства, проблемы взаимодействия и связей культур оказались на долгое время под запретом. Постепенно исследователи стали обращаться к изучению отдельных аспектов этой сложной и многогранной проблемы (Б. А. Рыбаков, Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев, Г. К. Вагнер, М. В. Алпатов, Т. И. Макарова), а некоторые уделили ей более пристальное внимание (А. Грабар, Л. А. Лелеков). В современной археологии и искусствоведении эта проблематика находит свое дальнейшее развитие (С. С. Рябцева, В. В. Мурашева, Ю. М. Лесман).

С. С. Рябцева, посвятившая монографию и ряд статей процессу формирования древнерусского ювелирного убора и выявлению в этом процессе нескольких пластов заимствований, а в составе древнерусского убора — нескольких групп вещей, которые характеризуются различными истоками формирования и временем бытования, особое внимание уделяла роли византийских традиций и образцов. По ее мнению, и мнению других исследователей, проблему происхождения многих типов древнерусского городского убора XII—XIII вв. можно решить с помощью византийских материалов, однако крайне ограниченное число последних затрудняет эту задачу. Если в X—XI вв. для парадного ювелирного убора была характерна ориентация на западославянские (подунайские), прибалтийские и скандинавские образцы, то с конца XI в. основным становится византийское влияние. К переработке византийских образцов в древнерусском парадном уборе относятся колты с эмалью и чернью, подвески-рясны, трехбусинные височные кольца, княжеские диадемы — аналоги венцов византийских и европейских правителей, оплечья-бармы, двусторчатые браслеты, витые и плетеные браслеты со щитками, декорированными сканью и зернью (Рябцева 1996: 62—65; 2000: 161; 2005: 272, 300; Даркевич 1975: 273).

В Новогрудке найдены фрагменты одной из десяти находок диадемы на Руси, близким к византийским образцам (Рябцева 2005: 152—159, карта 6). Это две золотые каплевидные подвески от диадемы, одна из которых украшена перегородчатой эмалью, найдены в постройке №10. Подвески, обнаруженные

в Новогрудке, аналогичны подвескам, украшающим киевскую диадему с Деисусом (Макарова 1975: 108, №62, табл. 11, 1—3; Гуревич 1981: 74, 76, рис. 59: 16—17; Рябцева 2005: 159). Вместе с ними в постройке были найдены инструменты ювелира, 8 золотых изделий, кубок Ядвиги, фрагменты византийских стеклянных сосудов, расписанных золотом и эмалью, иранской кашинной керамики с люстровой росписью (Гуревич 1981: 71—81). Весь комплекс находок из этой постройки свидетельствует о чрезвычайно высоком статусе ее обитателей. Кубки Ядвиги являются уникальными и считались в Европе реликвиями, они использовались в качестве дипломатических даров, при коронации, в богослужениях, хранились в ризницах соборов в Европе. На данный момент известно 25 таких кубков, находки во время раскопок единичны.

Форма древнерусских колтов не имеет прототипов в местных украшениях I тыс. до н. э., им нет абсолютных аналогий в древностях других стран, но типы, близкие им, неоднократно встречались среди византийских и ближневосточных ювелирных изделий VI—VII вв. Это серьги, близкие к древнерусским колтам по форме, конструкции из двух спаянных пластин или сюжета с двумя птицами по сторонам древа. В галерее Уолтерс в Балтиморе и Национальной галерее в Будапеште хранятся два тождественных серебряных колта с тисненым изображением двух птиц с переплетенными шеями (Даркевич 1975: 273). Представление об украшениях этого типа и о способе их ношения дает портрет Десиславы, жены севастократора Калояна, в росписях Боянской церкви под Софией (1259), на котором поверх ее головного покрывала изображены колты с каймой из крупных шариков, прикрепленные под висками. Непосредственными прототипами для древнерусских колтов можно считать византийские колты XI—XII вв. К сожалению, их количество крайне ограничено, и они происходят в основном из случайных находок.

На территории Беларуси колты найдены в Минске, Бресте, Вишине, матрицы для изготовления пластин колтов обнаружены в Новогрудке и Вишине (Штыхов 1978: 136, рис. 57; Лысенко 1985: 259, рис. 168; Гуревич 2003: 130, рис. 45: 10; Загорумский 2004: цв. вклейка, рис. 7: 1—3; 35; 36). Самыми роскошными являются два серебряных с позолотой колта, украшенные перегородчатой эмалью из клад, найденного во время раскопок феодальной усадьбы около д. Вищин (Рогачевский район Гомельской обл.). На обеих поверхностях колтов изображена антитетическая композиция двух птиц, расположенных по сто-



Рис. 1. Колты из Вишинского клада (Рогачевский район Гомельской области). Середина — вторая половина XII в. Раскопки Э. М. Загорулского. Минск, Учебный музей исторического факультета БГУ. 1, 2 — серебро, золочение, перегородчатая эмаль; 3 — серебро, штамповка, гравировка, чернь (а — лицевая, b — оборотная сторона) (по Лавыш 2008: рис. 141; 146—148).

Fig. 1. Temple pendants (*kolty*) from the hoard found near Vishchin (Rogachev District of Gomel Region). The middle — second half of the 12th c. Excavations by E. M. Zagorulsky. Minsk, Museum of History Faculty of Belarusian State University. 1, 2 — silver, gilding, cloisonné enamel; 3 — silver, stamping, engraving, niello (a — front, b — reverse) (after Лавыш 2008: рис. 141; 146—148).

ронам древа жизни (рис. 1: 1, 2). Птички расположены спиной друг к другу, их головки повернуты к центральному, сильно стилизо-

ванному сердцевидному изображению древа жизни, хвост и крылья опущены вниз. Подобная композиция украшает еще один колт

из Вищинского клада — серебряный черне- ный с ажурной каймой (рис. 1: 3), и один — из Минска (рис. 2: 3). Птички соединены хвостами и крыльями, их головы обращены друг к другу и древу жизни. Шейки птиц украшены ошейниками. Все названные колты можно датировать примерно 2-й пол. XII в. Эта иконографическая схема имеет очень близкие аналогии в сирийском, иранском и византийском искусстве, причем в разных видах — тканях, рукописях, торевтике, ювелирных изделиях. Этот вариант парных птиц по сторонам древа жизни имеется, например, на византийской чаше XII в., найденной в с. Вильгорт, византийских браслетах XII в. из клада в Салониках, сирийской золотой сереге VIII в. из Национального музея Кувейта, сирийской ткани XIII в. из Эрмитажа, в инициалах византийской рукописи «Григорий Назианзин» XII в. из монастыря Св. Екатерины на горе Синай (Веймарн 1974: 59, ил. 45; Искусство ислама 1990: №16; Даркевич 1975: 32, рис. 33; 204, рис. 320; The Monastery of Saint Catherine 1990: №498, 522). Антитетическая композиционная схема (с парно-симметричным противостоянием) получила широкое распространение в восточной орнаментике, откуда была заимствована искусством Византии и, далее, Западной и Восточной Европы. Эта композиционная схема, вероятно, являлась изобразительной фиксацией идеи вечности и постоянства космогонического порядка вещей, своего рода космологической формулой.

Еще одна популярная группа мотивов, которые украшали колты, найденные на территории Беларуси — растительные. Растительный орнамент отражает мир растительности, связан с идеей плодородия и имеет благожелательный характер. В произведениях, связанных с христианским культом, да и в более широком круге памятников, он показывает не только земной растительный мир, но и существующий наверху, передает символическое видение рая. По наблюдению М. А. Орловой, косвенным подтверждением такого понимания условного растительного орнамента, как обозначения рая, является надпись на одной из заставок болгарской рукописи 1-й пол. XIII в., Евангелия попа Добрейшо (София, НБКМ, №17, л. 121): «се есть рай иже нарицается парадис» (Орлова 2004: 9). На биллоновом колте из Бреста (рубеж XI—XII вв.) крины в сердцевидных контурах совмещены вершинами и основаниями, как бы вставлены друг в друга (рис. 2: 2) (Лысенко 1985: 259, рис. 168). Аналогичный мотив имеется на другом биллоновом колте из Бреста (рис. 2: 1). Изображение занимает всю поверхность пластины кол-

та, в центре пальметты — пятилепестковый цветок, завитки сердцевидного контура сильно развиты и обрамляют центральный мотив по всей высоте (Лавыш 2008: 88, рис. 139). Изображение трехлепесткового цветка округлых очертаний, заключенного в круг, украшает обратную сторону серебряного черненого колта с ажурной каймой из Вищинского клада (рис. 1: 3b) (Загорюльский 2004: 134—135, цв. вклейка, рис. 36: 2). Небольшая круглая матрица с вырезанным в ней сквозным изображением крина или стилизованного древа жизни с двумя парами симметрично изогнутых стеблей была найдена в Вищине (рис. 2: 7). С ее помощью изготавливались вставки в колты, привески или бляшки для рясен, прорезь на матрице предназначалась для создания лунок под цветную эмаль или чернь (Загорюльский 2004: 84, цв. вклейка, рис. 7: 3).

Еще одна группа изобразительных мотивов, которые использовались для украшения колтов — зооморфные. На матрице для колтов из Новогрудка изображены два грифона, расположенных друг к другу спиной, но с повернутой к центру головой (рис. 2: 4). Их хвосты соединяются в центре, образуя плетенку, которая символизирует древо жизни. Эта схема часто встречается в византийском художественном металле (вильгортская чаша XII в.) (Даркевич 1975: 14—15, рис. 1; 2), архитектурном декоре (сербская церковь в Равинице, 1381 г.) (Кашанин 1978: 126) и многократно цитируется в изделиях древнерусских мастеров. Самой известной такой цитатой являются, пожалуй, три пары колтов из Териховского клада (быв. Болховский уезд Орловской губ.) (Русские древности 1897: 114—115, рис. 170). Две матрицы, найденные в Вищине, очень похожи друг на друга по форме, весу и имеющемуся на них изображению, но полностью не совпадают и были отлиты в разных формах. Они предназначались для оттиска колтов. В этом случае иконографическая схема грифона утратила свою отчетливость и на обеих матрицах изображено как бы идущее по кругу фантастическое существо (рис. 2: 5, 6). Э. М. Загорюльский предполагает, что это изображение барса с процветшим хвостом (Загорюльский 2004: 83, цв. вклейка, рис. 7: 1, 2). Однако голова у этого существа определенно не кошачья, скорее всего, собачья. Подобные изображения Т. И. Макарова считает возможным связывать с местной восточнославянской редакцией Сенмурва, несмотря на то, что у этих существ отсутствует птичий хвост и в некоторых случаях крылья. На матрицах из Вищина птичий хвост у изображенных существ,



Рис. 2. Колты и матрицы для изготовления колтов (по Лавыш 2008: рис. 139; 140; 149; 160; 161; Загорюльский 2004: рис. 7: 1—3). 1 — колт. Брест. Конец XII — начало XIII вв. Биллон, штамповка, пайка. Случайная находка 1976 г. Брест, Брестский областной краеведческий музей; 2 — колт. Брест. Начало XIII в. Биллон, литье, штамповка, формовой изгиб, пайка. Раскопки П. Ф. Лысенко. Брест, Брестский областной краеведческий музей; 3 — колт. Минск. Вторая половина XII в. Олово, штамповка, гравировка. Раскопки Э. М. Загорюльского. Минск, Национальный художественный музей Республики Беларусь; 4 — матрица для изготовления колтов. Новогрудок. Вторая половина XII—XIII вв. Раскопки Ф. Д. Гуревич. Новогрудок, Новогрудский историко-краеведческий музей; 5, 6 — матрицы для изготовления колтов. Вишчин. XII — первая половина XIII вв. Раскопки Э. М. Загорюльского. Минск, Учебный музей исторического факультета БГУ; 7 — матрица для изготовления колтов, привесок или бляшек для рясен. Вишчин. XII — первая половина XIII вв. Раскопки Э. М. Загорюльского. Минск, Учебный музей исторического факультета БГУ.

Fig. 2. Temple pendants (kolty) and matrixes for making temple pendants (kolty) (after Лавыш 2008: рис. 139; 140; 149; 160; 161; Загорюльский 2004: рис. 7: 1—3). 1 — temple pendant (kolt). Brest. The second half of the 12th c. — early 13th c. Billon, stamping, soldering. Accidental find of 1976. Brest's Regional Museum of Local Lore; 2 — temple pendant (kolt). Brest. Early 13th c. Billon, casting, stamping, soldering. Excavations by P.F. Lysenko. Brest's Regional Museum of Local Lore; 3 — temple pendant (kolt). Minsk. The second half of the 12th c. Tin, stamping, engraving. Excavations by E. M. Zagorulsky. Minsk, National Art Museum of the Republic of Belarus; 4 — matrix for making temple pendants (kolts). Novogrudok. The second half of the 12th c. — 13th c. Excavations by F.D. Gurevich. Novogrudok' Museum of Local Lore; 5, 6 — matrixes for making temple pendants (kolts). Vishchin. 12th c. — the first half of the 13th c. Excavations by E.M. Zagorulsky. Minsk, Museum of History Faculty of Belarusian State University; 7 — matrix for making temple pendants (kolty), pendants or disks for ryasny. Vishchin. 12th c. — the first half of the 13th c. Excavations by E.M. Zagorulsky. Minsk, Museum of History Faculty of Belarusian State University.



Рис. 3. Колты, рясны, подвески и бусины из вищинского клада. Середина — вторая половина XII в. Раскопки Э.М. Загорульского. Минск, Учебный музей исторического факультета Белгосуниверситета (по Загорульский 2004: рис. 38; 34; 43; 36). 1 — рясны с колоколовидным верхом. Серебро, зернь; 2 — рясны из тисненых колодочек. Серебро, золочение; 3 — криновидные подвески и бусины. Серебро, золочение; 4а, 4б — звездчатый шестиконечный колт (лицевая и оборотная сторона). Серебро, штамповка, гравировка, зернь.

Fig. 3. Temple pendants (kolty), suspension chains (ryasny), necklace pendants and beads from the hoard found near Vishchin. The middle — second half of the 12th c. Excavations by E.M. Zagorulsky. Minsk, Museum of History Faculty of Belarusian State University (after Загорульский 2004: рис. 38; 34; 43; 36). 1 — suspension chains (ryasny) with bell-shaped top. Silver, granulation; 2 — suspension chains (ryasny) made with stamped blocks. Silver, gilding; 3 — necklace pendants and beads. Silver, gilding; 4a, 4b — six-pointed star shaped temple pendant (kolt) (front and reverse). Silver, stamping, granulation, engraving.



Рис. 4. Трехбусинные височные кольца. 1 — Старый Борисов. XII—XIII вв. Золото, чеканка, скань, зернь. Раскопки Г. В. Штыхова. Молодечно, Минский областной краеведческий музей (по Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва... 1984: іл. 3); 2 — курган №7 могильника Звезда Лепельского района Витебской области. Начало XI в. Серебро, зернь. Раскопки А. В. Войцеховича. Лепель, Лепельский районный краеведческий музей; 3, 4 — курган №52 могильника Звезда. Вторая половина XII в. Серебро, позолота, скань, зернь. Раскопки А. В. Войцеховича. Лепельский районный краеведческий музей (2—4 — фото А. В. Войцеховича).

Fig. 4. Three-bead temple rings. 1 — Old Borisov. 12th — 13th cc. Gold, repoussage, filigree, granulation. Excavations by G. V. Shtykhov. Molodyечно, Minsk' Regional Museum of Local Lore (after Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва... 1984: іл. 3); 2 — barrow no. 7 of burial ground Zvezda (Lepel District of Vitebsk Region). The early 11th c. Silver, granulation. Excavations by A. V. Voytsekhovich. Lepel Museum of Local Lore; 3, 4 — barrow no. 52 of burial ground Zvezda. The second half of the 12th c. Silver, gilding, filigree, granulation. Excavations by A. V. Voytsekhovich. Lepel museum of Local Lore (2—4 — photo by A. V. Voytsekhovich).

похоже, присутствует. Аналогичный мотив помещен на матрице для колтов из Киева (2-я пол. XI в.) (Рыбаков 1953: 257).

Птицы и животные, как и растительный орнамент, также были связаны с темой рая и спасения, олицетворяли элементы райской сферы. В произведениях светского характера зооморфные мотивы выражали символические представления об устройстве мира, идею благопожелания и имели охранительное, а также эмблематическое, геральдическое значение. Такое понимание зооморфных мотивов было принято вместе с византийской традицией, которая была как бы перенесена на восточнославянскую почву. Заимствуемые из восточ-

ного и византийского орнаментального репертуара зооморфные образы воспринимались в восточнославянской среде как признак престижа, международной моды, к которым стремились.

Среди других украшений головного убора из Вишчинского клада, которые можно связать с византийской традицией — серебряный звездчатый шестиконечный колт (рис. 3: 4), две рясны, составленные из тисненых колодочек (рис. 3: 2), две рясны с колоколовидным верхом (рис. 3: 1), а также три криновидных подвески (серебряные с позолотой), которые носились в составе ожерелья (рис. 3: 3). По мнению С. С. Рябцевой, появление звезд-



Рис. 5. Двустворчатые браслеты (по Лавыш 2008: рис. 150; 151; 285; 286; 293; 294). 1 — Вишинский клад. Вторая половина XII в. Серебро, позолота, гравировка, чернь. Раскопки Э.М. Загоруйского. Минск, Учебный музей исторического факультета БГУ; 2 — Романово (быв. Горецкий уезд Могилевской губернии). XII в. Серебро, гравировка, чернь. Найден в составе клада 1892—1893 гг. Москва, ГИМ (по Русские древности... 1897: 158); 3 — Полоцк. XII в. Олово, ложная зернь. Раскопки М.К. Каргера. Полоцк, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник; 4, 5 — курган №8 курганного могильника близ д.Абакумы Лоевского района Гомельской обл. Конец XII — начало XIII вв. Оловянисто-свинцовый сплав, литье. Раскопки О.А. Макушников. Гомель, Археологический музей кафедры истории Беларуси Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины; 6 — Гродно (Старый Замок). XII в. Олово, ложная зернь. Раскопки З. Дурчевского. Гродно, Гродненский государственный историко-археологический музей; 7 — Витебск. XII в. Олово, штамповка. Раскопки О.Н. Левко. Витебск, Витебский областной краеведческий музей.

Fig. 5. Hinged bracelets (consisting of two semicircular sections) (after Лавыш 2008: рис. 150; 151; 285; 286; 293; 294). 1 — hoard found near Vishchin. The second half of the 12th c. Silver, gilding, engraving, niello. Excavations by E. M. Zagorulsky. Minsk, Museum of History Faculty of Belarusian State University; 2 — Romanovo (former Goretzky district of Mogilev governorate). 12th c. Silver, engraving, niello. Found in the hoard of 1892—1893. Moscow, State Historical Museum (after Русские древности... 1897: 158); 3 — Polotsk. 12th c. Tin, imitation of granulation. Excavations by M. K. Karger. Polotsk' National Museum-Reserve of History and Culture; 4, 5 — burial mound no. 8 of burial ground near locality Abakumy (Loyev District of Gomel Region). Late 12th c. — early 13th c. Tin-lead alloy, casting. Excavations by O. A. Makushnikov. Gomel, Archaeological Museum of Historical Department of Gomel State University; 6 — Grodno (Old Castle). 12th c. Tin, imitation of granulation. Excavations by Z. Durczewsky. Grodno' State Museum of History and Archaeology; 7 — Vitebsk. 12th c. Stannary, stamping. Excavations by O. N. Levko. Vitebsk' Regional Museum of Local Lore.

чатых колтов на Руси связано не с прямым влиянием византийских образцов, как в случае с другими типами колтов, а с опосредованным влиянием, через передачу западными славянами (Рябцева 2005: 189). По наблюдениям С. С. Рябцевой, «убор с колоколовидными ряснами, вероятно существовал параллельно с убором с колтами, эти украшения зачастую находят в одних комплексах. Из вещей, наиболее часто встречающихся в комплексах с такими ряснами, можно назвать лилевидные подвески и крупные бусины с треугольниками зерни, створчатые браслеты, перстни с quadrifolными щитками» (Рябцева 2005: 209). Эти наблюдения прекрасно подтверждает Вишчинский клад, зарытый в середине XIII в., в котором найдены перечисленные категории вещей.

В контексте общеевразийской моды развивается весьма популярный тип трехбусинных височных украшений и серег. Подобных украшений много в древностях Ирана, причем кроме роскошных золотых сканных и зерненных бусинных серег XI—XIII вв. с территории Ирана происходят и более простые ранние образцы, такие, как золотая серьга IX—X вв. в виде незамкнутого кольца с одной золотой бусиной и второй из сардоникса. Бронзовые аналогии подобным серьгам известны на территории Ирана еще с V—IV вв. до н. э. Таким образом, территория Ирана может оказаться прародиной или одной из прародин для бусинных серег и височных колец (Рябцева 2000: 175). При решении этого вопроса следует помнить о взаимном влиянии ювелирного дела Ирана и Византии. Формы ювелирных украшений не раз приходили в Византию из Ирана, однако на территории собственно Византии трехбусинные украшения неизвестны, что может быть связано с тем, что византийские ювелирные изделия стали в свое время объектом переплавки, а потом и до настоящего времени — объектом частного коллекционирования. Следует отметить, что в IX—XIII вв. происходит всплеск моды на украшения, хорошо известные еще в античности и популярные как у греков, так

и у варваров. К подобным украшениям относятся и трехбусинные серьги.

На территории Беларуси трехбусинные височные кольца найдены в Старом Борисове, Новогрудке, Волковыске, Бресте, памятниках дреговичей, Понеманье, северо-восточном регионе (могильник Звезда Лепельского района Витебской области) (Дэкаратьёна-прыкладное мастацтва... 1984: 3; Археалогія Беларусі 2000: 40, 107, 435, мал. 9; 21: 18, 19, 21; 125: 1—4, 7). Особенно выделяется золотое височное кольцо из Старого Борисова тонкой ювелирной работы, с использованием техники скани и зерни (рис. 4: 1). Поверхность каждой бусины декорирована тремя четырехлепестковыми розетками, заключенными в круглый медальон. Это богатое украшение, скорее всего, относится к киевскому импорту. Серебряное височное кольцо с подобными позолоченными бусинами найдено в кургане №52 могильника Звезда Лепельского района Витебской области (рис. 4: 4). Оно проще по исполнению, поверхность бусин разделена полосками зерни и скани на круглые медальоны, которые, в свою очередь, разделены на четыре сектора, в центре помещен крупный шарик зерни. Также в этом могильнике найдены серебряные трехбусинные височные кольца с узелковыми бусинами, скрученными из нескольких слоев проволоки (рис. 4: 3), с ажурными зерненными бусинами, а также кольца с двумя или одной бусиной (рис. 4: 2) (Вайцяховіч 2005: 150, 155, 156, 160, мал. 13: 1—3; 17: 1—4). В Бресте в слоях XI — сер. XIII вв. обнаружены три бусины от подобных височных колец: ажурная ложнофилигранная (свинцово-оловянистый сплав), серебряная шестигранная, на каждой грани украшенная четырехлепестковыми розетками, выполненными в технике ложной зерни, и крупная ажурная цилиндрическая бусина дреговичского типа (Лысенко 1985: 262, рис. 169: 13; 171; 172). Фрагменты двух трехбусинных височных колец, одно из которых — серебряное, а второе — бронзовое, найдены во время раскопок Новогрудка (Бубенько 1993: 19, рис. 41: 1, 2).

Древнерусские двустворчатые браслеты, мода на которые стала распространяться со 2-й пол. XII в., не имеют прототипов среди местных украшений. Как правило, они изготавливались из серебра, иногда покрывались позолотой, украшались различными зооморфными, антропоморфными и растительными мотивами, выполненными гравировкой и чернью. Существовали и более демократичные варианты, изготовленные из оловянно-свинцовых сплавов, декорированные в технике ложной зерни, тиснения. Византийские серебряные браслеты имеют несомненное отношение к генезису древнерусских образцов: они обладают такой же конструкцией (двустворчатые), близки по материалу (серебро) и технике декора (чернь). Отличия проявляются в стиле зооморфных мотивов, в форме медальонов, в которых помещены изображения (византийские круглые сплетающиеся медальоны и древнерусские прямоугольные клейма или арочки), рельефе (византийские рельефные чеканные изображения, в то время как древнерусские мастера использовали гравировку). Створка византийского браслета с изображениями фантастических животных и птиц, а также человеческих голов и растительных мотивов хранится в Галерее Уолтерс. Три браслета такого же типа находятся в Лувре (из коллекции Г. Шлюмберже) и один — в частном собрании в Париже. Они украшены изображениями фантастических животных, птиц и всадников в круглых медальонах (Даркевич 1975: 274). В заметке Г. Мигоу, посвященной приобретению музея Бенаки в Афинах, говорится о группе «византийских серебряных браслетов с интересным репертуаром орнамента — куфическим письмом, грифонами и розетками — в технике черни на позолоченном фоне, провинциальной греческой работы одиннадцатого столетия» (цит. по Банк 1994: 9). Этот тип украшений появился на основе «сплава эллинистических, персидских и скифских традиций» (Рябцева 2005: 256).

На территории Беларуси двустворчатые браслеты найдены в Вишине, Романове (бывш. Горецкий уезд Могилевской губ.), Полоцке, Витебске, Гродно, Друцке, Пинске (Загорулский 2004: 138—139, цв. вклейка, рис. 44; 45; Русские древности... 1897: 158; Очерки по археологии Белоруссии 1972: 95, рис. 35; Воронин 1954: 67, рис. 32; Археология Беларуси 2000: 250—251, 394, мал. 62: 4; 109: 12). Браслеты из Вищина (рис. 5: 1) и Романова (рис. 5:

2) (2-я пол. XII в.) украшены изображениями птиц, выгравированными в квадратных сводчатых клеймах. При этом на браслете из Вищина они помещены по сторонам от расположенного в центре клейма с трилистником. Головы птиц повернуты назад, к хвосту, шеи украшены ошейниками. Изображения выгравированы техникой мелкого зигзага, поля выбраны резцом и покрыты чернью, остальная поверхность створок украшена зигзагами, придающими ей матовый оттенок. На браслете из Романова птицы показаны в разных позах, но в обоих случаях это один и тот же тип и одна и та же иконографическая черта — двойной хвост. Голова у одной из птиц смотрит вперед, у другой повернута назад, шейки также украшены ошейниками. Оба браслета изготовлены из серебра и позолочены, изображения выполнены тщательно и профессионально. Серебряный браслет с изображением птиц найден также возле Кричева (Дучыч 1995: 36).

Выделяется группа более простых створчатых браслетов, выполненных из олова и украшенных растительными мотивами, которые можно отнести к рядовому ремеслу. Мотив s-образного стебля с полупальметками на концах, исполненный ложной зернью, изображен на оловянных пластинах двустворчатых браслетов XIII в. из Полоцка (рис. 5: 3) и Гродно (рис. 5: 6) (Очерки по археологии Белоруссии 1972: рис. 35; Воронин 1954: 67, рис. 32), а также на браслетах из Витебска (рис. 5: 7) и курганного могильника близ д. Абакумы Лоевского района Гомельской области (курган №8) (рис. 5: 4, 5) (Лавыш 2008: рис. 286; 294). Аналогичный витебскому экземпляру двустворчатый браслет найден в Новгороде, орнаментальная композиция на обоих изделиях очень близка (Седова 1981: рис. 44: 2).

Материалы из раскопок средневековых городов на территории Беларуси, связанные с византийской и восточной традицией, не так многочисленны и разнообразны, как материалы из южнорусских, владимиро-суздальской и новгородской земель. Этот факт может быть связан, кроме объективных факторов, с небольшим объемом выявленных памятников. Но они демонстрируют тот же процесс адаптирования и переработки традиций византийской и восточной художественной культуры. Этот процесс прослеживается как в изделиях, составлявших дорогой парадный убор, так и в рядовых украшениях горожанок.

Литература

- Археалогія Беларусі 2000: Лысенка П.В. (наук. ред.). 2000. *Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 3. Сярэднявекы перыяд (IX—XIII стст.)*. Мінск: Беларуская навука.
- Банк А.В. 1994. Подражание арабским надписям в орнаментике архитектурных памятников средневековой Греции (X—XIII вв.). В: Шандровская В.С. (науч. ред.). *Византия и Ближний Восток*. Сб. науч. трудов памяти А.В.Банк. Санкт-Петербург: ГЭ, 6—19.
- Бубенько Т.С. 1993. *Отчет о полевых исследованиях на Замковой горе в г. Новогрудке Гродненской области в 1992 г.* Мінск. Архив Института истории НАН Беларуси. Дело №1478.
- Вайцяховіч А. 2005. Тры ўзроўні інгумацыі ў курганах Полацкай зямлі (на прыкладзе курганага могільніка Звязда). *ГАЗ* 20, 150—162.
- Веймарн Б.В. 1974. *Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв.* Москва: Искусство.
- Воронин Н.Н. 1954. *Древнее Гродно*. МИА 41. Москва: АН СССР.
- Гуревич Ф.Д. 1981. *Древний Новогрудок. Окольный город*. Ленинград: Наука.
- Гурэвіч Ф.Д. 2003. *Летапісны Наваградак*. Санкт-Петербург; Наваградак: РДК-принт.
- Даркевич В.П. 1975. *Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.* Москва: Искусство.
- Дучыц Л.У. 1995. *Касцюм жыхароў Беларусі X—XIII стст.* Мінск: Навука і тэхніка.
- Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва 1984: Высоцкая Н.Ф. (аўт. і склад.). 1984. *Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII—XVIII стст.: Альбом*. Мінск: Беларусь.
- Загорульский Э.М. 2004. *Вицинский замок XII—XIII вв.* Минск: БГУ.
- Искусство ислама 1990: Иванов А.А. (науч. ред.). 1990. *Искусство ислама. Каталог выставки*. Ленинград: Аврора.
- Кашанин М. 1978. *Камена открића. Студије о уметности Србије у средњем веку*. Београд: Југославија.
- Кондаков Н.П. 1896. *Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода*. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Лавыш К.А. 2008. *Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X—XIV вв.)*. Минск: Белорусская наука.
- Лысенко П.Ф. 1985. *Берестье*. Минск: Наука и техника.
- Макарова Т.И. 1975. *Перегородчатые эмали древней Руси*. Москва: Наука.
- Орлова М.А. 2004. *Орнамент в монументальной живописи Древней Руси. Конец XIII — начало XVI века. В 2-х ч.* Москва: Северный паломник.
- Очерки по археологии Белоруссии 1972: Штыхов Г.В., Поболь Л.Д. (ред.). 1972. *Очерки по археологии Белоруссии 1970—1972. В 2 ч. Ч. 2*. Минск: Наука и техника.
- Русские древности 1897: *Русские древности в памятниках искусства, издаваемые гр. Толстым и Н. Кондаковым*. 1897. Вып. 5. *Курганные древности и клады домонгольского периода*. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке.
- Рыбаков Б.А. 1953. *Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и южнорусских княжеств в XII—XIII вв.* В: Грабарь И.Э. и др. (общ. ред.), Комеч А.И. (отв. ред.). *История русского искусства. В 13 т. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века*. Москва: АН СССР, 233—297.
- Рябцева С.С. 1996. К вопросу о серьгах «волинского типа». В: *Ювелирное искусство и материальная культура II*. Тезисы докладов участников второго colloquium. Санкт-Петербург: ГЭ, 62—65.
- Рябцева С.С. 2000. Трехбусинные серьги от Вислы до Волги. *Stratum plus* (5), 161—182.
- Рябцева С.С. 2005. *Древнерусский ювелирный узор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Штыхов Г.В. 1978. *Города Полоцкой земли*. Минск: Наука и техника.
- The Monastery of Saint Catherine 1990: Weitzmann K., Galavaris G. *The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The illuminated Greek manuscripts. 1990. Vol. I. From the ninth to the twelfth century*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press.

References

- Arkhealohiya Belarusi (Archaeology of Belarus): in 4 vols. Vol. 3. *Syarėdnevyakovy peryiad (IX—XIII stst.) (Middle Ages: 9th—13th Centuries)*. 2000. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ. (in Belorussian).
- Bank, A.V. 1994. In Shandrovskaja, V.S. (ed.). *Vizantiia i Blizhnii Vostok (Byzantium and the Near East)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 6—19 (in Russian).
- Buben'ko, T.S. 1993. *Отчет о полевых исследованиях на Замковой горе в г. Новогрудке Гродненской области в 1992 г. (Report on Field Investigations on the Castle Mount in the Novogrudok Town, Grodno Region, in 1992)*. Minsk, 1993. Archive of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, dossier no. 1478 (in Russian).
- Vajtsyakhovich A. 2005. In *Historychna-arkhealahichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 20, 150—162 (in Belorussian).
- Veimarn, B.V. 1974. *Iskusstvo arabskikh stran i Irana VII—XVII vv. (Arts of Arab Lands and Iran, 7th—17th Centuries)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Voronin, N.N. 1954. *Drevnee Grodno (po materialam arkheologicheskikh raskopok 1932—1949 gg.) (Ancient Grodno (by materials of archaeological excavations in 1932—1949))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 41, Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Gurevich, F.D. 1981. *Drevnii Novogrudok. Okol'nyi gorod (Ancient Novogrudok: Outer City)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Hurėvich, F.D. 2003. *Letapisny Navahradak (Novogrudok Town as Known by Chronicles)*. Saint Petersburg; Novogrudok: "RDK-prynt" Agency (in Belorussian).
- Darkevich, V.P. 1975. *Svetskoe iskusstvo Vizantii: proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X—XIII vv. (The Secular Art of Byzantium: Byzantine Art Craft Works in Eastern Europe of 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Duchyts, L.U. 1995. *Kastyum zhyharoў Беларусі X—XIII stst. (Costume of the Inhabitants of Belarus in 10th—13th centu-*

- ries). Minsk: "Navuka i tèkhnik" Publ. (in Belorussian).
- Vysotskaya, N.F. (auth., comp.). 1984. *Dèkaratyŭna-prykladnoe mastatstva Belarusi XII—XVIII stst.: Al'bom (Decorative Applied Art of Belarus in 12th—18th Centuries: Album)*. Minsk: "Belarus" Publ. (in Beolrussian).
- Zagorul'skii, E.M. 2004. *Vishchinskii zamok XII—XIII vv. (The Vishchin Castle of 12th—13th Centuries)*. Minsk: Belarus State University (in Russian).
- Ivanov, A.A. (ed.). 1990. *Iskusstvo islama. Katalog vystavki (The Art of Islam: Catalogue of Exhibition)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).
- Kašanin, M. 1978. *Kamena otkrića. Studije o umetnosti Srbije u srednjem veku (Stone Discoveries: Studies on the Medieval Serbian Art)*. Belgrade: "Jugoslavija" Publ. (in Serbian).
- Kondakov, N.P. 1896. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda (Russian Hoards. Study of Antiquities of the Grand Princes Period)*. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Lavysh, K.A. 2008. *Khudozhestvennye traditsii vostochnoi i vizantijskoi kul'tury v iskusstve srednevekovykh gorodov Belarusi (X—XIV vv.) (Artistic Traditions of the Oriental and Byzantine Culture in the Art of Medieval Towns of Belarus in 10th—14th Centuries)*. Minsk: "Belorusskaia nauka" Publ. (in Russian).
- Lysenko, P.F. 1985. *Berest'e (Berestye)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Makarova, T.I. 1975. *Peregrodchatye emali Drevnei Rusi (Ancient Russian Pliques-à-jour)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Orlova, M.A. 2004. *Ornament v monumental'noi zhivopisi Drevnei Rusi. Konets XIII — nachalo XVI veka (Ornament in Monumental Painting of Ancient Rus: Late 13th — Early 16th Centuries)*: in 2 parts. Moscow: "Severnyi palomnik" Publ. (in Russian).
- Shtykhov, G.V., Pobol', L.D. (eds.). 1972. *Ocherki po arkheologii Belorussii (Essays on the Archaeology of Belorussia)* 2. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Tolstoi, I., Kondakov, N. 1897. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva, izdavaemye gr. Tolstym i N. Kondakovym (Russian Antiquities in the Monuments of Art Edited by Count Tolstoy and N. Kondakov)* 5. *Kurgannye drevnosti i klady domongol'skogo perioda (Barrow Antiquities and Hoards of the Pre-Mongol Period)*. Saint Petersburg: Typography of A. Benke (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1953. In Grabar', I.E., et al. (general ed.), Komech, A.I. (ed.). *Istoriia russkogo iskusstva (History of Russian Art)*: in 13 vols. Vol. 1. *Iskusstvo Kievskoi Rusi IX — pervoi chetverti XII veka (Art of Kievan Rus, 9th — First Quarter of 12th Century)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 233—297 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 1996. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 62—65 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 161—182 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shtykhov, G.V. 1978. *Goroda Polotskoi zemli (IX—XIII vv.) (Polotsk Land Towns (9th—13th Centuries))*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Weitzmann, K., Galavaris, G. 1990. *The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The illuminated Greek manuscripts. Vol.I. From the ninth to the twelfth century*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Статья поступила в сборник 17 марта 2020 г.

Kristina Lavysh (Minsk, Belarus). Candidate of Arts. The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research, Institute of Arts, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus, Department of Fine and Decorative Arts¹.

Лавыш Кристина Анатольевна (Минск, Беларусь). Кандидат искусствоведения. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной Академии наук Беларуси.

E-mail: klavysh@mail.ru

Address: ¹ Surganov St., 1/2, Minsk, 220072, Belarus

А. Э. Жабрева

О некоторых изобразительных источниках по средневековому костюму сербской знати

Keywords: Serbia, 11th—14th centuries, medieval costume, pictorial sources, monumental painting, costume history

Ключевые слова: Сербия, XI—XIV вв., средневековый костюм, изобразительные источники, монументальная живопись, история костюма

A. E. Zhabreva

About Some Graphic Sources on the Medieval Costume of the Serbian Nobility

The article analyzes several pictorial sources — monuments of medieval Serbia fresco painting, allowing to get some idea of the rulers and nobility costume of the 11th—14th centuries. These are mainly reproductions of clerical compositions from the churches and monasteries paintings, identified in historical and art literature, which are analyzed in detail. The author comes to the conclusion that rich costumes and jewelry, changed several times over a certain period, are reliably captured in explicit monuments. Having taken over a century Slavic, Byzantine, Eastern and European influences, the costumes of the Serbian aristocracy were distinguished by originality and deliberate representativeness.

А. Э. Жабрева

О некоторых изобразительных источниках по средневековому костюму сербской знати

В статье анализируются несколько изобразительных источников — памятников монументальной живописи средневековой Сербии XI—XIV вв., позволяющих составить некоторое представление о костюме правителей и знати. Это преимущественно воспроизведения ктиторских композиций из росписей церквей и монастырей, выявленные в исторической и искусствоведческой литературе, которые подробно анализируются автором с точки зрения отраженных на них одежд и украшений. Автор приходит к выводу, что на рассматриваемых памятниках достоверно запечатлены богатые костюмы и украшения, изменявшиеся несколько раз на протяжении рассматриваемого периода. Вбравшие в течение столетий славянские, византийские, восточные и европейские влияния, костюмы сербской аристократии отличались оригинальностью и нарочитой репрезентативностью.

Светлана Рябцева изучала не только древнерусский ювелирный убор (Рябцева 2005), но и неоднократно обращалась к исследованию средневековых женских украшений Восточной и Юго-Восточной Европы, анализируя общие и частные черты в их конструкциях и декоре (Рябцева 2001; 2005а; 2011). В сфере интересов С. С. Рябцевой входил и костюм Карпато-Дунайского региона, в частности, средневековой Молдавии и Валахии (Дергачева, Рябцева 2015; Рябцева 2008; 2016; 2017). Это позволило исследовать взаимовлияния культур на широком материале славянского и даже евразийского мира, дополнять лакуны в археологических памятниках Древней Руси артефактами с соседних территорий. В предлагаемой статье мы решили обратиться к сербскому костюму XI—XIV вв., который попал в сферу интересов С. С. Рябцевой (Рябцева 2018) и который практически не затрагивался в исследованиях на русском языке.

Несмотря на разрушения, оставленные минувшими столетиями, в современной Сербии сохраняется сравнительно большое количество памятников старины, среди которых и те, что могут служить источниками для изучения истории костюма этой страны. Основное место среди этих памятников занимают чудом сохранившиеся фрески церквей и монастырей, созданные в XI—XIV вв. Несмотря на то, что росписями покрывались церковные сооружения, наряду с религиозными сюжетами в них вводились портреты исторических деятелей — чаще всего ктиторов данного храма, и изображения реальных событий (Джурич 1970: 6). В данной статье предлагается небольшая выборка этих источников, интересных с точки зрения изображенных костюмов. Они выявлены в исторической и искусствоведческой литературе: капитальном издании «История сербского народа», богато проиллюстрированном цветными и черно-белыми фотографиями

сохранившихся памятников архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства (Гавриловић 1980—1993); каталогах, альбомах и исследованиях, посвященных истории, живописи и книжной миниатюре (Благојувић 1989; Джурич 1970; Јовановић 2011; Чиркович 1996; Ћоровић 2006; Ćosović 2009; Millet 1954; Todić 1999)¹.

Основными научными исследованиями, на которые опирался автор данной статьи, стали три фундаментальных труда сербских исследователей XX в. В работе сербского историка искусства Светозара Радојичича (1909—1987) «Портреты сербских правителей в средние века» (Радојичић 1996)² опубликованы цветные и черно-белые фотографии, прорисы и подробное описание изображений правителей, выделен специальный раздел, посвященный анализу изображенных на фресках костюмов и регалий (Радојичић 1996: 80—86). Среди печатных работ важнейшим можно считать капитальное исследование «Средњовековна ношња балканских Словена» Йована Ковачевича (Ковачевић 1953), где на основании глубокого исследования археологических, документальных и изобразительных памятников излагается история средневекового сербского костюма и украшений. Нельзя не упомянуть и работу Божаны Радојкович «Ювелирные украшения Сербии XII — конца XVIII века» (Радојковић 1969), содержащую, помимо прочего, сведения о текстильных частях костюма, а также анализ некоторых интересующих нас иллюстративных источников.

Рассмотрим выбранные изображения в хронологическом порядке. К числу наиболее ранних из сохранившихся до нашего времени изображений, относится портрет зетского короля Михаила³ (Церковь Св. Михаила в Стону, 1080 г.) (рис. 1) (Гавриловић 1980—1993, 1: цв. ил. V; Радојичић 1996: цв. ил. I). Король запечатлен в рост, что позволяет рассмотреть его полный костюм: голубого цвета подпоясанную тунику, обрамленную по подолу, на запястьях и предплечьях узорчатой тесьмой, частично видимое широ-



Рис. 1. Зетский король Михаил. Церковь Св. Михаила в Стону, 1080 г., фреска (по Гавриловић 1980—1993, 1: цв. ил. V).

Fig. 1. King Michael of Zeta. Church of st. Michael at Ston, 1080, fresco (after Гавриловић 1980—1993, 1: color ill. V).

кое оплечье, лежащее вокруг шеи. Представленный накинутым на плечи плащ кажется очень небольшим и жестким: он едва доходит до колен, а его ширины не хватает, чтобы полностью прикрыть хотя бы одну руку. Ткань плаща покрыта геометрическим орнаментом, показанным с помощью пресекающихся линий и точек. Плащ сколот на правом плече крупной фибулой, очертания которой, впрочем, едва угадываются. На ногах короля узкие чулки словно бы из той же ткани, что и плащ.

¹ Рассматриваемые памятники неоднократно публиковались полностью и фрагментами, нашей задачей было выявить наиболее качественное, крупное и, желательно, цветное изображение, что дало бы возможность рассмотреть костюмы.

² Работа была опубликована впервые в 1934 г., для ее переиздания были подготовлены новые фотографии и вспомогательные материалы.

³ Михаил (?—?) — король славянского государства Дукля (или Зета) в 1043/46—1081 гг.

Головной убор, представлен похожим на стемму византийских императоров, но не идентичным ей.

Фрески храмов и монастырей XII—XIII вв. сохранили для нас образы многих сербских правителей — основателей и ктиторов этих духовных обителей. Эти изображения дают представление о костюме того периода, который, как в Византии и на Руси, состоял из надетых друг на друга длинных туники и далматики, а также широкого плаща, скрепленного фибулой на плече и ниспадавшего спереди острым углом. Галерея этих и подобных портретов опубликована в ряде уже названных изданий. Так, в книге о сербской династии Неманичей приведена подборка цветных изображений — фрагментов настенных росписей разной степени сохранности, запечатлевших внешний облик Стефана Первовенчанного, Стефана Владислава, Стефана Радослава⁴ и других великих жупанов, царей и королей Сербского государства. Этот комплект одежд продолжал бытовать и в XIII в., но вероятно, как менее парадный костюм, о чем свидетельствуют фрески из монастыря Сопочаны (1263—1268 гг.), запечатлевшие одетого таким образом юного Милутина⁵, тогда как его отец Урош I⁶ представлен в одеянии византийского покроя (Радойчић 1996: 170).

На рубеже XII—XIII вв. Неманичи вначале стали носить также и одежду византийского образца (Радойчић 1996: 80): белую тунику, узкий длинный дивитисий («багрьница», «чръвьница») из плотной материи с нашитыми по центру, подолу и на предплечьях широкими полосами драгоценной ткани, орнаментированными драгоценными камнями и жемчугом. Лор, первоначально крестообразно обвивавший торс властителя, в XIII в. разделился на широкий воротник («манијак», «колларинь»), вертикальную полосу, за которой сохранилось название «лор» (впоследствии превратившуюся в обшивку полочек) и широкий пояс, с прикрепленным к нему концом из более легкой материи, в Византии называвшийся форакионом (Радойчић 1996: 82). От-



Рис. 2. Царь Душан с женой Еленой и малолетним сыном Урошем. Монастырь Дечаны, 1340 г., фреска (по Благојувић 1989: 146, фрагм.).

Fig. 2. King Dušan with his wife Elena and her young son Urosh. Dečany Monastery, 1340, fresco (after Благојувић 1989: 146, fragment).

личиями царского сана служили перебрахионы — золотые полосы на предплечьях, и нарукавницы — съемные манжеты (Ковачевић 1953: 252). Таков, например, наряд короля Стефана Дечанского⁷ (монастырь Дечаны, 1330-е гг.) (Благојувић 1989: 146). Подобные же наряды надеты на женах правителей. Часто супруги изображались парой или с сыном-наследником (например: изображение царя Душана⁸ с женой Еленой⁹, монастырь Дечаны, 1340 г.) (Благојувић 1989: 167; Радойчић: 189) (рис. 2); князя Лазаря¹⁰ и княгини Милицы¹¹, церковь Успения Богородицы, монастырь Любостиња, 1402—1405 гг. (Гавриловић 1980—1993, 2: ил. X). При этом

⁴ Стефан Первовенчаный (1166—1228) — первый сербский король из династии Неманичей, коронован римским папой в 1217 г., стал равным среди европейских правителей, а Сербия — суверенным государством; его преемники: Стефан Владислав (ок. 1198 — между 1264 и 1281), Стефан Радослав (1192—1234).

⁵ Стефан Урош II Милутин Неманич (ок. 1253—1321), один из самых могущественных сербских королей из династии Неманичей.

⁶ Стефан Урош I (1220-е—1277) — король Сербии в 1243—1276 гг.

⁷ Стефан Урош III Дечанский Неманич (ок. 1276 или после 1284—1331) — король Сербии.

⁸ Стефан Урош IV Душан, или Душан Сильный (?—1355), сербский король (краль) из рода Неманичей, создатель Сербского царства.

⁹ Елена Болгарская (?—1374).

¹⁰ Лазарь Хребелянович (1329—1389), князь — последний независимый правитель Сербии.

¹¹ Милица (1334—1405) из княжеской династии Неманичей.



Рис. 3. Семейство жупана Брайана Ростиславича. Церковь деревни Карану около Ужице, 1340—1342 гг., фреска (по Јовановић 2011: 122).

Fig. 3. The family of župan Brian Rostislavich. Church of the village of Karanu near Uzice, 1340—1342, fresco (after Јовановић 2011: 122).

заметна традиция представлять правителя в темной или даже черной далматике, а королеву — в красной. В документах при описании костюма правителей упоминаются «царска одела» и «појасеве златне» (Благојувић 1989: 190). Подробная характеристика костюмов правителей приведена у С. Радойчића (Радойчић 1996: 80—86). Названия и характеристики различных ювелирных украшений костюма сербских властителей исследованы в книге Б. Радойкович (Радойкович 1969: 27—29 и др.).

Памятники сербской монументальной живописи сохранили много изображений правителей и их жен, однако и некоронованные представители сербской знати стремились продемонстрировать роскошь своих нарядов, что также запечатлели многие изобразительные памятники, прежде всего ктиторские композиции внутреннего убранства храмов и монастырей.

Одна из таких росписей, запечатлевшая семейство жупана¹² Брайана Ростиславича, сохранилась в Белой церкви в Карану (1340—1342 гг.) (Јовановић 2011: 122; Ковачевић 1953: 42—44) (рис. 3). Старого жупана, держащего в руках модель храма, сопровождают супруга и дочери. Костюм вельможи состоит из двух одежд. Нижнее платье полностью скрыто, видны лишь его узкие рукава из светлой ткани, украшенные небольшими кружками, завершающиеся остроуголь-

¹² Жупан — князь, правитель территории.



Рис. 4. Одна из дочерей жупана Брайана Ростиславича. Церковь деревни Карану около Ужице, 1340—1342 гг., фреска, фрагмент (по Благојувић 1989: 189).

Fig. 4. One of the daughters of župan Brian Rostislavich. Church of the Karanu village near Uzice, 1340—1342, fresco, fragment (after Благојувић 1989: 189).

ным выступом на запястье. Верхнее платье Брайана Ростиславича имеет сложный крой: длинные до щиколотки полы глубоко разрезаны спереди и по бокам и отделаны тесьмой, торс же кажется обвитым широким шарфом, окантованным тесьмой желтого цвета. В данном случае изображен, конечно, не шарф, а оригинальный крой лифа, вероятно, с боковой застежкой. Подтверждением этому служит с трудом различимый на фреске откидной рукав того же цвета¹³. Длинный ремень жупана украшен золотыми фигурными накладками и драгоценной пряжкой. За пояс заткнут тонкий белый платок.

Одежды женщин, сопровождающих Брайана Ростиславича, многослойны и чрезвычайно богаты. Они состоят из платьев с глухими вырезами, вертикальными декоративными полосами и планками с пуговицами, расположенными спереди. Ткани одежд пурпурового цвета, с богатым растительным узором. Платья цельнокроенные, не приталенные, с узкими

¹³ Прообразом такого лифа, безусловно, был византийский лор, первоначально обвивавший верхнюю половину туловища. О бытовании лора в Сербии можно судить не только по портретам правителей, но и по изображениям на фамильном древе династии Неманичей (монастырь Дечаны, XIV в.) (Cosović 2009: 9).

длинными рукавами, застегнутыми у запястья на мелкие пуговицы. Накидки из похожих материй еще больше скрывают фигуры. Головными уборами всех взрослых женщин служат высокие венцы, расширяющиеся кверху, украшенные жемчугом и драгоценными камнями¹⁴. На венцы взрослых дочерей наброшены тонкие вуали, свисающие до плеч, а у матери вуалью укутана еще и шея. Примечательны «наушницы» — серьги или подвески, большие круглые диски которых расположены перед ушами (рис. 4). В живописи этой фрески преобладает пурпурный цвет, оттененный золотом орнаментов и белизной вуалей. Эти цвета символизируют богатство и высокий статус семейства.

Костюмы женской половины семейства жупана Брайана Ростиславича отразили византийское влияние в модах: согласно ортодоксальной эстетике, одежды и головные покрывала должны были скрывать греховное тело и соблазнительную красоту волос, оставляя видимым лишь лицо. Драгоценный футляр, образуемый одетыми друг на друга свободными одеждами из плотных, богато орнаментированных восточных тканей, украшенных вышивкой и жемчугом, дополненный ювелирными украшениями крупных размеров и эффектных форм, как нельзя лучше отражал высокое социальное положение женщины независимо от ее возраста и физического состояния. В таком наряде запечатлена знаменитая Симонида¹⁵ (ок. 1320 г., Грачаница) (Благојувић 1989: 112; Cosović 2009: 72; Ковачевић 1953: 231). Жены высородных вельмож не уступали правительницам в роскоши своих нарядов. Например, Анна Мария¹⁶, жена деспота Оливера¹⁷, ктитора монастыря Леснова (1341 г.), запечатлена в богатой далматике с широкими рукавами и в накидке, расшитой жемчугом, с высокой короной на голове и крупными «наушницами» (Благојувић 1989: 157).

¹⁴ Эти венцы, наряду с другими головными уборами, изучались С. С. Рябцевой (Рябцева 2011; 2018).

¹⁵ Симонида Палеолог (ок. 1294 — после 1336) — дочь византийского императора Андроника II Палеолога, жена сербского короля Стефана Уроша II Милутина.

¹⁶ Вероятно, Мария Палеолог (?—?) — племянница византийского императора Андроника II Палеолога, в первом браке жена Стефана Уроша III Дечанского (с 1324 г.).

¹⁷ Йован Оливер Грчини (ок. 1310—1356) — сербский воевода, севастократор, затем деспот (два наивысших после императора придворных титула в поздней Византийской империи) короля Стефана Уроша Душана (правил в 1331—1355).

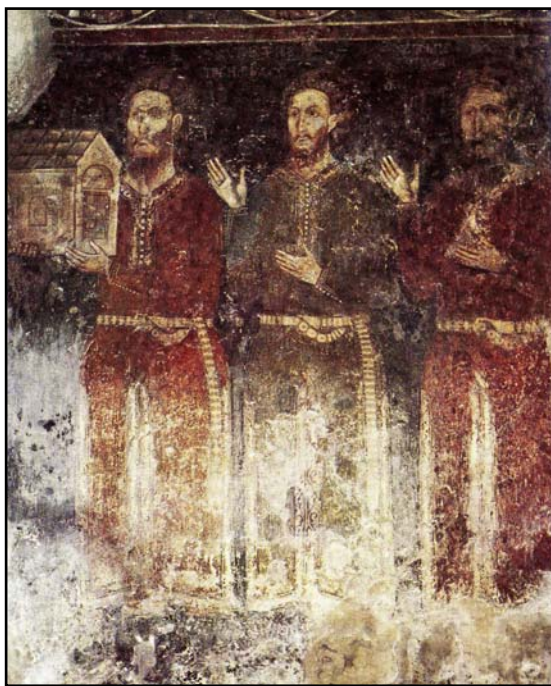


Рис. 5. Групповой портрет жупана Прибила с сыновьями. Монастырь Добрун у Вишеграда, 1343 г., фреска (по Гавриловић 1980—1993, 1: цв. ил. XLIII).

Fig. 5. Group portrait of župan Pribil with sons. Dobrun Monastery near Visegrad, 1343, fresco (after Гавриловић 1980—1993, 1: color ill. XLIII).

Мужской костюм сербской элиты середины XIV в. зафиксирован на нескольких фресках того времени. Остановимся на групповом портрете жупана Прибила¹⁸ с сыновьями (монастырь Добрун у Вишеграда, 1343 г.) (Гавриловић 1980—1993, 1: цв. ил. XLIII; Ковачевић 1953: 58—57) (рис. 5). Как однообразны позы вельмож, так схожи и их костюмы, отличающихся лишь цветом. Краски сохранились не везде в полной мере, но можно рассмотреть изображения однотонных верхних одежд одного фасона: накладных, довольно длинных, с глубокими разрезами спереди и по бокам, которые обрамлены узорчатой тесьмой; с округлыми вырезами и глубокими прямыми разрезами на груди, обшитыми тесьмой, с круглыми пуговицами по центру. Узкие рукава снабжены мелкими, часто посаженными пуговицами. Пояса, украшенные золотыми накладками, нарисованные чуть ниже естественной линии талии, безусловно, были до-

¹⁸ Во времена короля, а затем императора Душана (1331—1345 и 1345—1355) графство Прибиль выполняло обязанность охранять часть западной границы Сербского государства. Прибиль построил Добрунский монастырь в Добруне под Вишеградом как семейную усыпальницу.

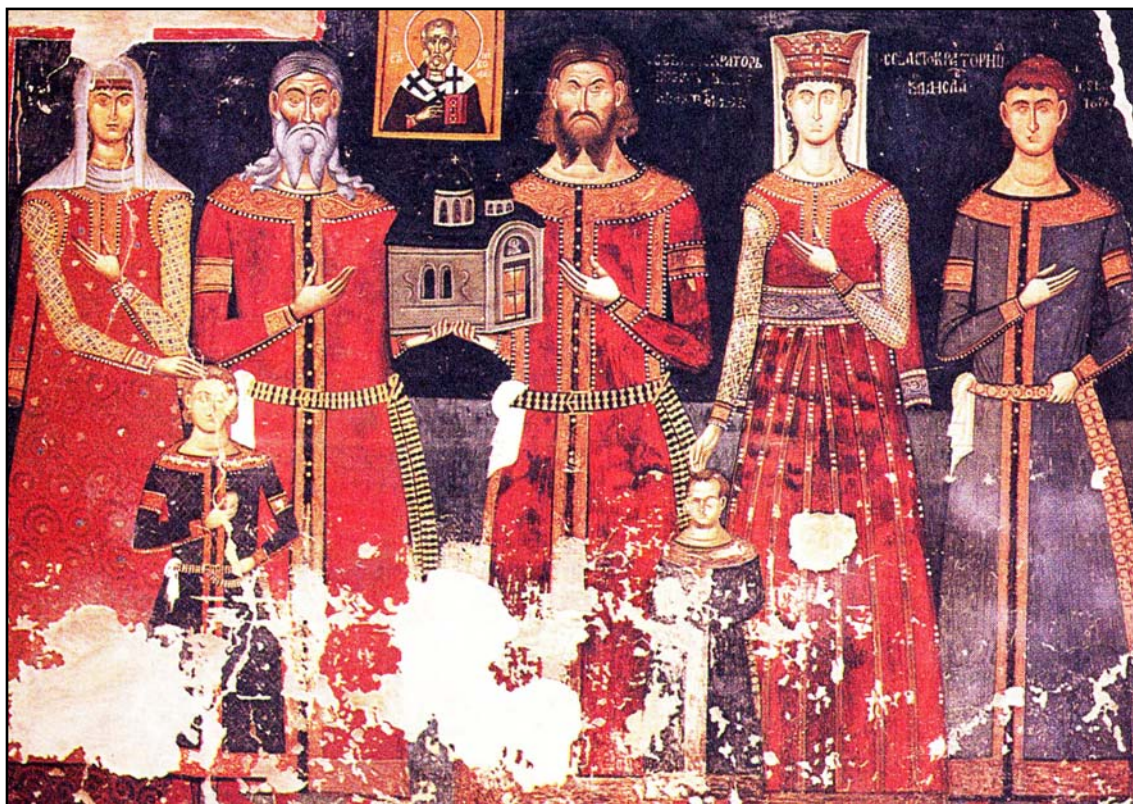


Рис. 6. Ктиторская фреска южной стены монастыря Псачи в Кривом Паланке, 1365—1371 гг. (по Благојувић 1989: 189).

Fig. 6. The painting of the fresco on the south wall of the Psachi Monastery in Krivoy Palanque, 1365—1371 (after Благојувић 1989: 189).

рогими статусными элементами костюма, поэтому и привлекают к себе особое внимание.

Совсем иные костюмы запечатлены на ктиторской фреске южной стены монастыря Псачи в Кривом Паланке (1365—1371) (Гавриловић 1980—1993, 1: цв. ил. XLVIII) (рис. 6). Костюмы князя Паскача, его сына севастократора Влатко¹⁹, их жен (Озры и Владиславы) и сыновей разного возраста — образцы костюмов XIV в., на которых сказалось влияние как восточных, так и европейских готических мод. Длинные до щиколоток, свободные, но приталенные кафтаны мужчин (ярко-красного цвета у старших и темного у молодого человека и детей), застегнутые встык по центру на множество мелких пуговиц, украшены накладками из золотой ткани или вышивкой: узкими полосками по центру вдоль разреза на обеих полочках, широкой каймой по подолу, на предплечьях, запястьях и вокруг шеи. Одежда Влатко дополнительно украшена бо-

ковыми вертикальными вставками. По контурам эти нашивки унизаны жемчугом, обозначенным белыми точками. На каждом из них драгоценные ремни, повязанные довольно низко (ниже, чем на предыдущем изображении), что уравнивает немного вытянутые фигуры и делает их более устойчивыми. Обращают на себя внимание довольно глубокие вырезы мужских кафтанов и отсутствие наметок на любые сорочки, которые, однако, просто обвязаны были на них быть во второй половине XIV в. Чрезвычайно зауженные по готической моде рукава застегнуты от запястья до локтя на множество пуговиц-жемчужин. Любопытной деталью мужского костюма и белыми светлыми пятнами данной росписи являются платки, заткнутые за пояс не только взрослых, но и детей.

Костюмы знатных женщин, запечатленные на фреске монастыря Псачи, не менее любопытны (Ковачевић 1953: 53—54). Они совершенно отличаются от костюмов женской половины семья жупана Брайана Ростиславича. Написанные спустя 25—30 лет, портреты Озры и Владиславы запечатлели изменения в модном костюме. На старшей из них, кня-

¹⁹ Влатко Паскачич (?—?), сын князя Паскача и Озры, сербский феодал XIV века, севастократор при короле Стефане Уроше (1355—1371).

гине Озре, видим цельнокроеное накладное, довольно узкое платье из ярко-красной ткани с густым рисунком в виде завитков. У него округлый вырез с вертикальным разрезом до середины груди и проймы, отделанные «золотой» тесьмой и жемчугом, и откидные рукава. Подол украшен вышивкой в виде крупных завитков. Нижнее платье, лишь рукава которого доступны взору зрителя, кажется сшитым из светлой ткани с мелким геометрическим орнаментом. Узкие рукава застегнуты от локтя до запястья на множество пуговиц-жемчужин и завершены манжетами. Шея вельможной дамы частично прикрыта белым платом. На ее голове небольшая шапочка или обод, скрытый накинутой поверх белой тканью.

На Владиславе, жене севастократора Влатко, также два платья, но юбка верхнего платья украшена вертикальными полосами с рядами белых точек — жемчужин. Немного завышенная талия (находящаяся в полном контрасте с заниженными мужскими) подчеркнута широким поясом. Любопытно, что пояс платья и манжета откидного рукава явно одинаковы по цвету и узору. Эта молодая, но замужняя женщина представлена с открытой шеей и волосами, которые уложены вокруг головы и спускаются темными локонами к плечам. На ее голове высокий зубчатый венец, украшенный вставками из жемчуга и драгоценных камней, в ушах — длинные жемчужные серьги. Венец прикрыт белой вуалью. Фигуры обеих женщин кажутся несколько удлинненными, что соответствует эстетике высокого средневековья — периода готики.

Мужской кафтан, аналогичный костюмам вельмож из Псачи, запечатлен на портрете неизвестного князя конца XIV в. (церковь Введения Богородицы в Велуче) (Гаврилович 1980—1993, 2: ил. 30) (рис. 7). Более крупная, хотя и черно-белая фотография позволяет рассмотреть дополнительные нюансы костюма, прежде всего его ткань, которая оказывается не однотонной, а узорчатой. Застежка кафтана сделана отнюдь не встык, как это показалось на предыдущем, более мелком изображении, а с небольшим перехлестом слева направо. При этом центральная часть вертикальной полосы (более темная) должна быть пришита к левой полочке, что подтверждается линиями рисунка. Соответственно, к правой полочке должна быть пришита сходная по ширине полоса, которая перекрывается и становится невидимой. Ровно по центру средней (темной) полосы нарисованы небольшие цветочки, собран-



Рис. 7. Портрет неизвестного князя конца XIV в. Церковь Введения Богородицы в Велуче, фреска, фрагмент (по Гаврилович 1980—1993, 2: ил. 30).

Fig. 7. Portrait of an unknown prince of the late 14th century. Church of the Introduction of the Virgin in Veluch, fresco, fragment (after Гаврилович 1980—1993, 2: ill. 30).

ные из жемчужин, а ближе к краю на левой полочке — цепочка жемчужин. Тесьма, которой обрамлен ворот и центральная полоса переда, украшена мелкими геометрическими орнаментами.

Увеличение изображения позволяет рассмотреть особенность оформления запястья, которое является не просто округлой тесьмой вокруг руки, но имеет еще с внешней стороны рукава значительный выступ из той же ткани, как бы отогнутый вверх и доходящий почти до середины предплечья. Весь элемент представляется скроенным целиком и нашитым поверх рукава, причем шов обшит жемчугом.

Рассмотренные изображения не исчерпывают всей полноты изобразительных источников и дают, разумеется, лишь некоторое

представление об эволюции костюма средневековой сербской знати, проходившей в труднейших политических условиях, находившейся в XI—XIV вв. в орбите византийской культуры, но испытывавшей также и западноевропейское влияние. Этот процесс зависел как от личных вкусов правителя, так и от политических интересов и связанных с ними браков с византийской, болгарской, венгерской или иной принцессой. При этом в мужском костюме продолжали бытовать и славянские элементы, такие как туники с воротниками-ожерельями и характерными украшениями на предплечьях, с отделкой всех краев и швов тесьмой или вышивкой, широкие плащи и распашные одежды типа кафтанов. Статус-

ными деталями костюма, так же как в других странах этого времени были драгоценные пояса у мужчин и высокие венцы у женщин. Любопытна явно статусная роль платка, присутствующего на мужских портретах XIV в.

Безусловно, посещение исторических объектов и любование оригинальными фресками является наилучшим, но не всегда возможным способом изучения старинных памятников. Точные изображения, сделанные профессиональными фотографами при оптимальном освещении, их качественное воспроизведение в современных изданиях, на наш взгляд, вполне могут рассматриваться в качестве первоисточников и служить авторитетным материалом для исследователя костюма.

Литература

- Благојувић М. 1989. *Србија у доба Немањића: од кнежевине до царства: 1168—1371: илустрована хроника*. Текст уз слике и поглавље Уметност у доба Немањића С. Петковић; предговор С. Ђирковић. (Хронике Српске; књ. прва). Београд: ИРО «Београд».
- Гавриловић С. (ред.). 1980—1993. *Историја српског народа*. 6 книги. Београд: Српска књижна задруга.
- Дергачева Л. В., Рябцева С. С. 2015. К вопросу о функциональной принадлежности серии средневековых нашивок и накладок с территории Пруто-Днестровского региона и их возможной связи с одеяниями типа кафтанов. *Revista Arheologică, Serie nouă* 11 (1—2). Chişinău, 190—208.
- Джурич В. и др. 1970. *Югославские средневековые фрески: Сербия. Македония. Черногория: выставка копий фресок и слепков архитектурных деталей из собрания Галереи фресок в Белграде*. Пер. с серб. М. Д. Семиз. Ленинград: Аврора.
- Јовановић Г. (гл. уред.). 2011. *Средњи век у српској науци, историји, књижевности и уметности II = The Middle Ages in Serbian science, history, literature and arts II. Symposium. Дани Српскога духовног преображења XVIII*. Деспотовац: Народна библиотека «Ресавска школа».
- Ковачевић Ј. 1953. *Средњовековна ношња балканских Словена: студија из историју средњовековне културе Балкана*. Београд: Српска академија наука.
- Радојковић Б. 1969. *Накит код Срба од XII до краја XVIII века = Jewellery with the Serbs (XII—XVIII centuries)*. Београд: Музеј примењене уметности.
- Радојчић С. 1996. *Портрети српских владара у средњем веку*. 2nd ed. Београд: Републички завод за заштиту споменика културе.
- Рябцева С. С. 2001. *Древнерусский женский ювелирный убор IX—XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (основные тенденции формирования)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рябцева С. С. 2005а. Западнославянские элементы в ювелирном уборе восточных славян. В: *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 14-го colloquiuma. Санкт-Петербург: ГЭ, 69—73.
- Рябцева С. С. 2008. Парадный костюм населения Молдавии и Валахии второй половины XIV — начала XVII в. *Жилище и одежда как феномен этнической культуры*. Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: Российский этнографический музей, 209—215.
- Рябцева С. С. 2011. Парадные диадемы и венцы X—XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия. *Revista arheologică. Serie nouă* 7 (1—2). Chişinău, 72—95.
- Рябцева С. С. 2016. Одежные застежки с территории Молдовы и их связь с традиционным женским ногайским костюмом. В: Калашникова Н. М. (ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы 19-й международной науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 475—480.
- Рябцева С. С. 2017. Перстни XIV—XVII вв. с территории княжеств Молдова и Валахия. Основные типы и уникальные находки. В: Калашникова Н. М. (ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы 20-й междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 51—55.
- Рябцева С. С. 2018. О некоторых специфических чертах головных уборов населения балканского региона в X—XIV вв. *Стародавнє Причорномор'я* 12. Одеса, 470—480.
- Ђоровић В. 2006. *Илустрована историја Срба*. Београд: Политика; Народна књига.
- Чиркович С. 1996. *Сербия: средние века*. Москва: Искусство.
- Ćosović T. 2009. *Serbian royal and imperial dynasty Nemanjić*. Belgrade: Rad; Svet knjige.
- Millet G. 1954. *La peinture du Moyen Âge en Yougoslavie (Serbie, Macédoine et Monténégro) 1: Album présenté par A. Frolov*. Paris: Imprimerie Nationale.
- Todić B. 1999. *Serbian medieval painting: the age of king Milutin*. Belgrade: Draganić.

References

- Blagojuvić, M. 1989. *Srbija u doba Nemanjića: od kneževine do carstva: 1168—1371: ilustrovana hronika (Serbia in the Time of the Nemanjić Dynasty: from the Principality to the Empire: 1168—1371: Illustrated Chronicle)*. Tekst uz slike i poglavlje Umetnost u doba Nemanjića S. Petković; predgovor S. Đirković. Series: Hronike Srpske (Serbian Chronicles) I. Belgrade: "IRO «Belgrade»" Publ. (in Serbian).
- Gavrilović, S. (ed.). 1980—1993. *Istorija srpskog naroda: 6 knigi (History of the Serbian People: in 6 vols.)*. Belgrade: "Srpska knjižna zadruga" Publ. (in Serbian).
- Dergaciovă, L., Ryabtseva, S. S. 2015. In *Revista Arheologică, Serie nouă* 11 (1—2). Chişinău, 190—208 (in Russian).
- Dzhurich, V., et al. 1970. *Jugoslavskie srednevekove freski: Serbiia, Makedonii, Chernogoriii (Yugoslav Medieval Frescoes: Serbia, Macedonia, Montenegro)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).
- Jovanović, G. (ed.-in-chief), Pantić, M., et al. (eds.). 2011. *Srednji vek u srpskoj nauci, istoriji, književnosti i umetnosti II: naučni skup, Despotovac — Manasija, 21—22 avg. 2010 = The Middle Ages in Serbian science, history, literature and arts: II: symposium, Despotovac — Manasija, aug. 21—22, 2010*. Series: Dani Srpskoga duhovnog preobraženja (Days of Serbian Spiritual Transfiguration) XVIII. Despotovac: "Resava School" People's Library (in Serbian).
- Kovačević, J. 1953. *Srednjovekovna nošnja balkanskih Slovena: studija iz istoriju srednjovekovne kulture Balkana (The Medieval Costume of the Balkan Slavs: A Study in the History of the Medieval Culture of the Balkans)*. Series: Srpska akad. nauk: Posebna izd. (Special Issues of the Serbian Academy of Sciences) 215; Istorijksi institut (Institute of History) 4. Belgrade: Serbian Academy of Sciences, (in Serbian).
- Radojković, B. 1969. *Nakit kod Srba od XII do kraja XVIII veka = Jewellery with the Serbs (XII—XVIII centuries)*. Belgrade: Museum of Applied Art (in Serbian).
- Radojčić, S. 1996. *Portreti srpskih vladara u srednjem veku (Portraits of Medieval Serbian Rulers)*. 2nd ed. Belgrade: Republican Institute for the Protection of Cultural Monuments (in Serbian).
- Ryabtseva, S. S. 2001. *Drevnerusskii zhenskii iuvelirnyi ubor IX—XIII vv. v kontekste evrazijskikh kul'turnykh svyazei (osnovnye tendentsii formirovaniia) (Early Russian Female Jewelry Set in the Context of Eurasian Cultural Relations: Main Development Trends)*. PhD Thesis. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2005. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 69—73 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2008. In *Zhilishche i odezhdka kak fenomen etnicheskoi kul'tury: materialy Sed'mykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii (Housing and Clothing as a Phenomenon of Ethnic Culture: Proceedings of the 7th Saint Petersburg Ethnographical Readings)*. Saint Petersburg: Russian Museum of Ethnography, 209—215 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2011. In *Revista arheologică. Serie nouă*. Chişinău (7), 1—2, 72—95 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2016. In *Moda i dizain: istoricheskii opyt — novye tekhnologii (Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 475—480 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2017. In *Moda i dizain: istoricheskii opyt — novye tekhnologii (Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 51—55 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2018. In *Starodavnye Prychornomor'ya (The Black Sea Region in Antiquity)* 12. Odessa, 470—480 (in Russian).
- Ćorović, V. 2006. *Ilustrovana istorija Srba (Illustrated History of Serbia)*. Belgrade: "Politika" Publ.; "Narodna knjiga" Publ. (in Serbian).
- Chirkovich, S. 1996. *Serbiia: srednie veka (Serbia in the Middle Ages)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Ćosović, T. 2009. *Serbian royal and imperial dynasty Nemanjić*. Belgrade: Rad; Svet knjige.
- Millet, G. 1954. *La peinture du Moyen Âge en Yougoslavie (Serbie, Macédoine et Monténégro)*. Fasc. 1: *Album présenté par A. Frolov*. Paris: Imprimerie Nationale.
- Todić, B. 1999. *Serbian medieval painting: the age of king Milutin*. Belgrade: Draganić.

Статья поступила в сборник 19 декабря 2019 г.

Anna Zhabreva (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Pedagogical Sciences. The Russian Academy of Sciences Library¹.

Жабрева Анна Эрнестовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат педагогических наук. Библиотека Российской Академии наук.

E-mail: annazhabreva@mail.ru

Address: ¹ Birzhevaya Liniya St., 1, Saint Petersburg, 190034, Russian Federation

Н. В. Жилина

Фибула как инсигния в западноевропейском костюме

Keywords: Western Europe, Byzantium, fibula, insignia, function, brooch, decorativeness

Ключевые слова: Западная Европа, Византия, фибула, инсигния, функция, брошь, декоративность

N. V. Zhilina

Fibula as Insignia in a Western-European Costume

In Byzantium, brooches lost the meaning of insignia because of other regalia in development and of a rational design of clothing. But in Western Europe, the status role of large fibula remained during the developed Middle Ages. This is evidenced by all kinds of sources: written, graphic, material. Large, expensive, luxuriously ornamented brooches had the value of insignia.

In preserving of the role of central brooches as status ones, one can see the striking feature of the ceremonial dress of the rulers and the higher social stratum of Western Europe. But here the brooches shared the fate of this jewelry category: they transit from the function of fastening to the decorative role and transmit their decorative form to large buttons.

Н. В. Жилина

Фибула как инсигния в западноевропейском костюме

В Византии фибулы потеряли значение инсигнии в связи с развитием других регалий и рациональной конструкции одежды. Но в Западной Европе статусная роль крупной фибулы сохранялась на протяжении развитого средневековья. Об этом свидетельствуют все виды источников: письменные, изобразительные, вещественные. Значение инсигний имели крупные, дорогие, роскошно орнаментированные фибулы.

В сохранении роли центральных фибул как статусных можно видеть яркую особенность парадного убора правителей и высшего социального слоя Западной Европы. Но и здесь фибулы разделяют судьбу данной категории украшений: переходят от функции застегивания к декоративной роли брошей, а также передают свою декоративную форму крупным пуговицам.

Способы ношения фибул в основном наследованы от римского мира, роль же крупной фибулы как инсигнии высокого социального статуса связана с Византией. Пурпурный плащ и золотая фибула были инсигниями императора. Торжественное скальвание фибулой плаща императрицы составляло часть церемонии ее императорского венчания. Фибулы входили в костюм и высших чиновников. Яркие примеры — драгоценные фибулы на плащах императора Юстиниана, императрицы Феодоры и других представителей знати, изображенных на мозаиках Равенны VI в. (рис. 1: 1). Такая традиция сохранялась в Византии до X в. Но впоследствии фибулы там потеряли такое значение, вероятно, в связи с развитием других регалий, а также — с изменением конструкции одежды, переходом ее от драпированного вида к кроеной и шитой (Беляев 1929: 50—62; Мاستыкова 2005: рис. 5: 1, 2; Whitfield 2006: 13).

Распространение традиции ношения местными правителями одежд и драгоценных инсигний византийского образца иногда характеризуют как «средиземноморскую моду» (Мастыкова 2005: 28—33). На наш взгляд, данное явление значительно глубже по сути, чем изменение костюма вследствие внешнего подражания. Это стремление осуществить на своей земле идеал власти, характеризующий сильную империю, используя сложившиеся в Византии традиции, это проявление глубокого сущностного воздействия имперской культуры.

В Западной Европе статусная роль фибулы сохранялась значительно дольше, чем в самой Византии, на протяжении всего средневековья. Это стало здесь отличительной особенностью костюма правителей и высшего слоя знати. Об этом свидетельствуют все виды источников: письменные, изобразительные, вещественные.



Рис. 1. Изображения костюма с фибулами VI—IX вв.: 1 — мозаика, Церковь Сант-Аполлинаре Нуово, Равенна, VI в. (по Нессельштраус 2000: ил. 40); 2 — реконструкция изображений раскрашенного рельефа со сценой охоты, Хилтон-оф-Кадболл, Шотландия, VIII—IX вв. (по Foster 2014: pl. 11); 3 — резной камень, воины, Ирландия, VIII—IX вв. (по Whitfield 2006: fig. 1.3); 4 — изображение на англосаксонском ларце, Франция, первая половина VIII в. (по: Marzinik 2013: No 58).

Fig. 1. Images of a costume with brooches of the 6th—9th centuries: 1 — mosaic, Church of Sant-Apollinare Nuovo, Ravenna, the 6th century (after Нессельштраус 2000: ил. 40); 2 — reconstruction of images of a painted relief with a hunting scene, Hilton of Cadboll, Scotland, 8th—9th centuries (after Foster 2014: pl. 11); 3 — carved stone, warriors, Ireland, 8th—9th centuries (after Whitfield 2006: fig. 1.3); 4 — image on the Anglo-Saxon casket, France, the first half of the 8th century (after Marzinik 2013: No 58).

Парчовый плащ с золотой фибулой найден в Турне (Бельгия)¹, в могиле Хильдери-

ка I — короля франков (457/458—481/482 гг.) (Coatsworth 2005: 5). Парные мужские плечевые фибулы из захоронения в корабле в Сэттон-Ху в Саффолке начала VII в., выполненные в стиле перегородчатой инкрустации, возможно, тоже имели значение инсигний (7000 years... 2013: 101).

¹ Турне — центр салических франков и столица королей династии Меровингов. Гробница открыта в 1653 г.

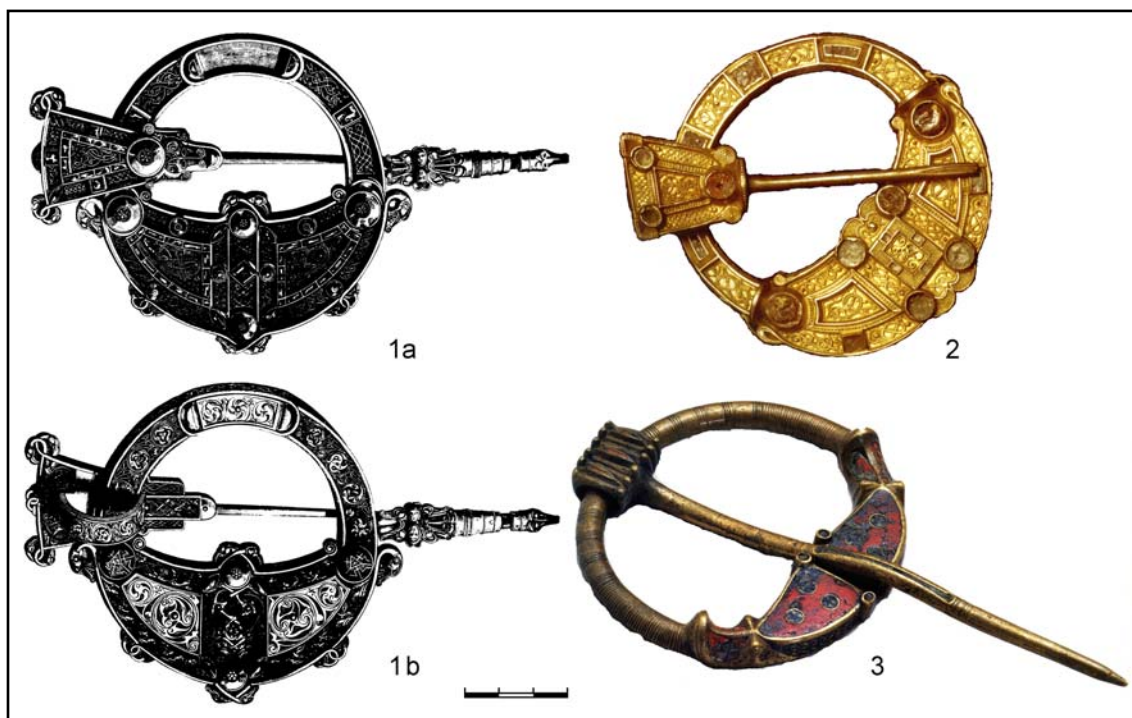


Рис. 2. Фибулы VII—VIII вв.: 1 — «Тара-фибула», Ирландия (по Whitfield 2006: fig. 1.4); 2 — Шотландия, Хантерстон (по Foster 2014: pl. 12); 3 — кельты, Ирландия, начало VII в. (по Marzinzik 2013: No 139).

Fig. 2. Brooches of the 7th—8th centuries: 1 — “Tara-fibula”, Ireland (after Whitfield 2006: fig. 1.4); 2 — Scotland, Hunterston (after Foster 2014: pl. 12); 3 — Celtic, Ireland, beginning of the 7th century (after Marzinzik 2013: No 139).

Согласно ирландским сагам, золотая фибула была частью королевских регалий. Около 1000 г. составлена ирландская сага о Бекфоле, сообщающая сведения о мужских и женских украшениях западноевропейской знати. Священники после сражения приносят металлические украшения, снятые с тел погибших воинов, располагавшиеся под плащами, вокруг шеи, на плечах, на руках и туниках (Whitfield 2006: 33, 34). Это места расположения фибул, гривен и браслетов. К XI—XII вв. относятся сведения других саг о том, что драгоценная фибула на пурпурном плаще была эмблемой королевства. Цвет власти соответствовал фибуле власти, как в Византии. Процесс облачения в пурпурный плащ составлял часть церемонии вступления во власть. Согласно древнему ирландскому закону о воспитании детей разного положения различные по материалу и величине фибулы были инсигниями того или иного ранга внутри иерархии: золотые броши с хрустальной или стеклянной вставкой носили сыновья короля Ирландии и короли провинций, серебряные — сыновья королей меньших территорий (Whitfield 2006: 11—18).

Как инсигнии высокого статуса мужчин и женщин фибулы показаны в рельефе и скульптуре VIII—X вв.: столб на Белом

Острове, графство Фермана, Великобритания; высокие кресты — аббата Муирдаха в Монастербойс графства Лаут, Дурроу и Клонмакнойз в графстве Оффали, Ирландия (рис. 1: 3). На кресте аббата Муирдаха крупная округлая фибула показана на правой стороне в одежде Христа.

В VIII—IX вв. у пиктов ношение статусной фибулы в центре характерно для женщин высокого положения (рис. 1: 2). Знатный мужчина чаще носит фибулу на плече. Такое различие наблюдается по изображениям на резных камнях Ирландии и Шотландии (рис. 1: 3, 4). Иногда плечевая фибула слегка сдвинута назад, чтобы длинная игла не вонзилась в тело (Whitfield 2006: 11—18).

Центральная фибула в женском костюме выполняла две функции: застегивала плащ и фиксировала нижележащие одежды: верхнее хитнообразное и нижнее туникообразное платье. Центральная фибула, как правило, отличалась от плечевых. Даже если все фибулы были одинаковы типологически, центральная имела другой размер или декор. У англосаксов чаще в центре носили квадратно-головые или крестовидные фибулы (Нессельштраус 2000: ил. 55). Если женское платье было сшито на плечах, единственная фибула соединяла верхнее платье с нижним или застегивала лиф



Рис. 3. Фибулы VIII—X вв.: 1 — Ирландия, конец VIII — начало IX в. (по Marzinzik 2013: No 148); 2 — серебряная фибула, клад из Пентни, Норфолк, первая половина IX в. (по 7000 years 2013: fig. 249); 3 — три булавки, соединенные цепью, середина — конец VIII в., Фискертон, Линкольншир (по Webster 2012: il. 95); 4 — Перт-энд-Кинросс, Шотландия, начало IX в. (по Foster 2014: fig. 18); 5 — Гэлвей, Ирландия, конец IX — начало X в. (по Marzinzik 2013: No 113, без масштаба); 6 — Шотландия, пикты, Рогарт, Сутерланд (по Harden 2010: 24).

Fig. 3. Brooches of the 8th—10th centuries: 1 — Ireland, the end of the 8th — the beginning of the 9th century (after Marzinzik 2013: No. 148); 2 — silver brooch, Pentney treasure, Norfolk, first half of the 9th century (after 7000 years 2013: fig. 249); 3 — three pins connected by a chain, the middle — the end of the 8th century, Fiskerton, Lincolnshire (after Webster 2012: il. 95); 4 — Perth and Kinross, Scotland, beginning of the 9th century (after Foster 2014: fig. 18); 5 — Galway, Ireland, the end of the 9th — the beginning of the 10th century (after Marzinzik 2013: No 113, without scale); 6 — Scotland, Picts, Rogart, Sutherland (after Harden 2010: 24).

(Owen-Crocker 2004: 40—48, 55, 56, рис. 29, 31, 34).

Значение инсигний имели крупные дорогие, роскошно орнаментированные фибулы, выполненные в технике филигранны, инкрустации, эмали, украшенные вставками (рис. 2: 3). Наиболее характерна кольцевидная или подковообразная форма с расширенными концами, иногда слитыми, благодаря чему фибула приобретает лунничную форму. Самыми известными примерами являются ирландская

«Тара²-фибула» VIII в. и шотландская фибула из Хантерстона рубежа VII—VIII вв. с длинными иглами (рис. 2: 1, 2).

На базе булавок с иглами вырабатываются сложные конструкции, приспособленные

² Название связано с холмом Тара или «Холмом королей» — местом древней столицы Ирландии и коронаций. Здесь, согласно легенде, фибула была найдена. Но в действительности ее нашли в другом месте, на территории графства Мит.



Рис. 4. Фибулы в западноевропейском костюме XI вв.: 1 — Мария под Крестом, миниатюра Псалтыри из Сен-Жермен-де-Пре, Париж, 1050 г.; фибулы королевы Агнес, XI в.: 2 — круглая, золото, филигрань, вставки; 3 — кольцевидная с изображением орла (по Schulze-Dorlam 1991: Abb. 24, Taf. 8: 1; 9: 1).

Fig. 4. Brooches in a Western European costume of the 11th century: 1 — Mary under the Cross, miniature of Psalter from Saint-Germain-des-Prés, Paris, 1050; Queen Agnes brooches, 11th century: 2 — round, gold, filigree, inserts; 3 — ring-shaped with the image of an eagle (after Schulze-Dorlam 1991: Abb. 24, Taf. 8: 1; 9: 1).

к драпированной одежде. В VIII в. у англосаксов фиксируется использование нескольких булавок с длинными иглами, скрепленных цепями из пластин и колец. Две крайних булавки держали края плаща, а центральная соединяла верхний слой одежды с нижележащей (рис. 3: 3).

Круглая форма фибулы и огромная величина остаются довольно долго характерными для западноевропейского статусного убора (рис. 3: 1). Известны роскошные, художественно оформленные дисковидные фибулы в технике черни, перегородчатой эмали (рис. 3: 2).

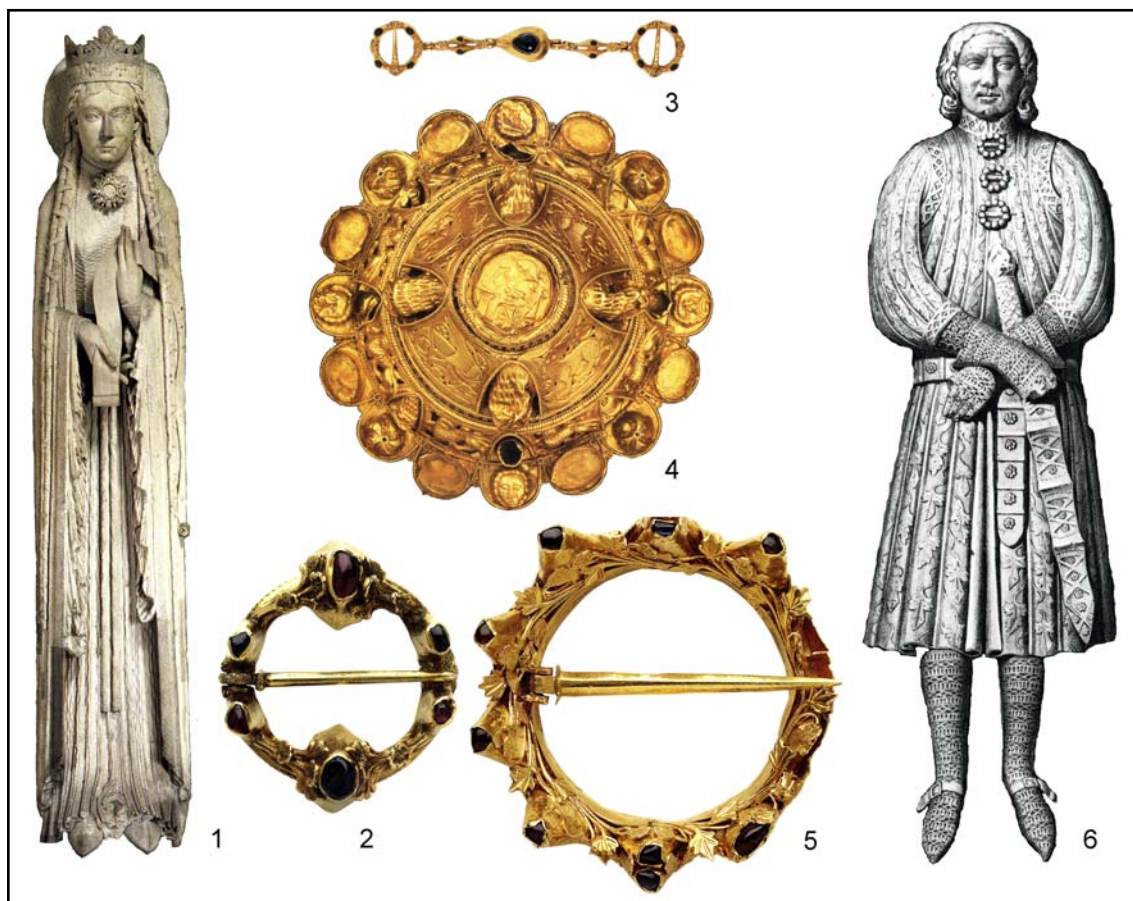


Рис. 5. Фибулы в западноевропейском костюме XII—XIII вв.: 1 — фигура королевы, западный портал собора Нотр-Дам, Корбейл, Франция, 1150—1160-е гг.; 2, 5 — кольцевидные фибулы, Англия или Франция, 1250—1300 гг.; 3 — двойная застежка из кольцевидных фибул, золото; 4 — нашивная брошь, Северная Германия (?), 1150—1200 гг.; 6 — Дон Беренгер де Пугверт, монастырь Поблет, Каталония, Испания, 1300 г. (по Campbell 2009: pl. 33, 30, 59, 58, 60, 38, без масштаба).

Fig. 5. Brooches in a Western European costume of the 12th—13th centuries: 1 — Queen's figure, the western portal of Notre-Dame Cathedral, Corbeil, France, 1150—1160; 2, 5 — ring-shaped brooches, England or France, 1250—1300; 3 — double fastener of ring-shaped brooches, gold; 4 — sewn brooch, Northern Germany (?), 1150—1200; 6 — Don Berenguer de Pugvert, the monastery of Poblet, Catalonia, Spain, 1300 (after Campbell 2009: pl. 33, 30, 59, 58, 60, 38, no scale).

Тип кольцеобразных фибул с расширенными окончаниями известен и в роскошном крупном, и в более простом, миниатюрном или повседневном варианте (рис. 3: 1, 4, 6) (Foster 2014: fig. 18). Для застегивания нижележащих одежд (например, разреза туники) могли использоваться не крупные фибулы других различных форм: дисковидные, крестовидные, фигурные (Marzinzik 2013: No 65, 67, 94).

В IX—X вв. характерные формы украшений сохраняются: ювелирно-оформленные кольцевидные фибулы с расширяющимися концами (рис. 3: 4—6). Используются дисковидные, округло-коробковидные и прямоугольные формы (Marzinzik 2013: No 65, 67, 94, 103, 116).

Среди дисковидных фибул также наблюдается разнообразие размеров и оформле-

ния. Наиболее крупные и роскошные выполнены в технике перегородчатой эмали и черни (Marzinzik 2013: No 65, 67, 72, 94) (рис. 3: 1, 2, 5, 6).

В западноевропейском костюме сохраняются свои характерные типы застежек и в эпоху викингов (Marzinzik 2013: No 150). Скандинавские формы фибул в IX—XI вв. используются, видимо, в тех случаях, когда соответствуют структуре костюма. Для плащей подходят крупные кольцевидные фибулы скандинавского облика с напускными бусинами и очень длинной иглой — более 50 см (Marzinzik 2013: No 115). Известны ажурные фибулы дисковидной и более сложной формы в стиле Урнес или возникшем на его основе (Marzinzik 2013: No 121, 126). Вероятно, в определенных политических обстоя-

тельствах носить скандинавские украшения как статусные было престижно и дипломатически выгодно.

Традицию продолжают и великолепные экземпляры фибул первой половины XI в., связываемых с королевой Агнес, супругой Генриха III (1039—1056 гг.). Они украшены филигранью, эмалью и драгоценными вставками, имеют круглую и кольцевидную, декоративно разработанную форму с включением фигуры распластанного орла, символизирующего власть (рис. 4: 2, 3).

В XI в. изображения показывают функциональное использование круглых фибул как застежек вертикального разреза туникообразной одежды: скульптура королевы Кунигунды на алтаре из Базеля 1020 г. (Schulze-Dorlam 1991: 28—72, Abb. 7: 2) и др. (рис. 4: 1).

Кольцевидные и круглые фибулы XII—XIII вв. изготавливались как из золота и серебра, так и из более дешевых сплавов и металлов. Они украшались по-разному, как драгоценными вставками, так и простыми металлическими розетками (рис. 5: 1, 2, 4, 5). Известны прямоугольные и лепестковые формы (рис. 5: 4). Аналогичные фибулы носили и на протяжении XIV в., пока покроей

одежды не сменился на более рациональный и узкий с использованием пуговичной застежки (Campbell 2009: 40, 42, pl. 30, 59, 61). Сформировались декоративные цепи на основе объединения в одну конструкцию двух фибул (рис. 5: 3). Постепенно крупные дисковидные сплошные фибулы переходили к роли декоративных брошей или нашивных блях, они не имели игл и нашивались на одежду через небольшие отверстия (рис. 5: 4) (Campbell 2009: 36, 57—59, 64).

Есть изображения, иллюстрирующие новое использование кольцевидных фибул в костюме XII—XIV вв.: у расположенных в вертикальный ряд нескольких фибул иглы, возможно, проходят в специальные длинные петли, что создает предпосылку для формирования пуговичной застежки (рис. 5: 6).

В сохранении роли центральных фибул как статусных можно видеть одну из ярких особенностей парадного убора правителей и высшего социального слоя Западной Европы. Но и здесь фибулы разделили судьбу данной категории украшений: перешли от функции застегивания к декоративной роли, а также передали свою декоративную форму крупным пуговицам.

Литература

- Беляев Н.М. 1929. Фибула в Византии. В: *Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова/Seminarium Kondakovianum* III. Прага: Типография «Политика», 49—114.
- Мастыкова А.В. 2005. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе. *РА* (1), 22—36.
- Нессельштраус Ц.Г. 2000. *Искусство раннего Средневековья*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Campbell M. 2009. *Medieval Jewellery in Europe 1100—1500*. London: V&A Publishing.
- Coatsworth E. 2005. Stitches in Time: Establishing a History of Anglo-Saxon Embroidery. In: Netherton R., Owen-Crocker G.R. (eds.). *Medieval Clothing and Textiles* 1. Woodbridge: The Boydell Press, 1—27.
- Foster S.M. 2014. *Pits, Gaels and Scots. Early Historic Scotland*. Edinburgh: Birlinn Limited, West Newington House.
- Harden J. 2010. *The Picts. Including Guides to St. Vigean's Museum and Meigle Museum*. Б.м.
- Marzinzik S. 2013. *Masterpieces. Early Medieval Art*. London: The British Museum press.
- Owen-Crocker G.R. 2004. *Dress in Anglo-Saxon England: Revised and Enlarged Edition*. Woodbridge, UK: Boydell.
- Schulze-Dorlam M. 1991. *Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes*. Monographien 24. Mainz: Thorbecke.
- Webster L. 2012. *Anglo-Saxon Art. A New History*. London: The British Museum Press.
- Whitfield N. 2006. Dress and Accessories in the Early Irish Tale «The Wooing of Becfhola». In: Netherton R., Owen-Crocker G.R. (eds.). *Medieval Clothing and Textiles* 2. Woodbridge: The Boydell Press, 1—34.
- 7000 years... 2013: Tait H. (ed.). 2013. *7000 years of Jewellery*. London: The British Museum Press.

References

- Beliaev, N.M. 1929. I. In *Sbornik statei po arkheologii i vizantino-vedeniiu, izdavaemyi seminarium imeni N.P. Kondakova = Seminarium Kondakovianum* III. Praha: "Politika" Publ., 49—114 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 22—36 (in Russian).
- Nesselshtaus, Ts. G. 2000. *Iskusstvo rannego Srednevekov'ia (Early Medieval Art)*. Series: Novaia istoriia iskusstva (New History of Arts). Saint Petersburg: "Azбука" Publ. (in Russian).
- Campbell, M. 2009. *Medieval Jewellery in Europe 1100—1500*. London: V&A Publishing.
- Coatsworth, E. 2005. Stitches in Time: Establishing a History of Anglo-Saxon Embroidery. In Netherton, R., Owen-Crocker, G.R. (eds.). *Medieval Clothing and Textiles*. Volume 1. Woodbridge: The Boydell Press, 1—27.
- Foster, S.M. 2014. *Pits, Gaels and Scots. Early Historic Scotland*. Edinburgh: Birlinn Limited, West Newington House.
- Harden, J. 2010. *The Picts. Including Guides to St. Vigean's Museum and Meigle Museum*, s.l.
- Marzinzik, S. 2013. *Masterpieces. Early Medieval Art*. London: The British Museum press.
- Owen-Crocker, G.R. 2004. *Dress in Anglo-Saxon England: Revised and Enlarged Edition*. Woodbridge, UK: Boydell.

- Schulze-Dorlam, M. 1991. *Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes*. Monographien. Band 24. Mainz: Thorbecke.
- Webster, L. 2012. *Anglo-Saxon Art. A New History*. London: The British Museum Press.
- Whitfield, N. 2006. *Dress and Accessories in the Early Irish Tale* «The Wooing of Becfhola». In.: Netherton, R., Owen-Crocker, G.R. (ed.). *Medieval Clothing and Textiles*. 2, 1—34.
- Tait, H. (ed.). 2013. *7000 years of Jewellery*. London: The British Museum Press.

Статья поступила в сборник 8 февраля 2020 г.

Natalia Zhilina (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Жилина Наталья Викторовна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: nvzhilina@yandex.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

C. Tătaru, T.A. Martin

Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county

Keywords: Wallachia, Transylvania, 16th—17th century, pin jewelry, veil pin, brooch, hoarding

Ключевые слова: Мунтения, Трансильвания, XVI—XVII вв., декоративные булавки, булавки для вуали, броши, тезаврация

C. Tătaru, T.A. Martin

Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county

This paper examines five jewelry pieces provided with shafts from the Vlădiceasca hoard, Călărași County, Romania. Due to the rarity of iconographical and written sources, as well as the scarcity of this type of jewelry in archeological discoveries, the interpretation of the function of these items is quite difficult to make. In the first part of the article a short description of the hair pins preserved in the Vlădiceasca hoard and the presentation of the most important similar items found in archaeological context in Wallachia and Moldavia are made, in order to gather some function and style characteristics for these pieces. The second part of the paper is dedicated to the catalogue of the five pieces, which are classified according to their stylistic features, while also being compared with similar findings coming especially from the hoards discovered in the Moldavian space. Special attention is paid to the form in which they are published, some of the large pin jewelries being interpreted as brooches or as veil pins.

К. Тэтару, Т.А. Мартин

Булавки из клада начала XVII века из Влэдичаска, жудец Калараш

Рассматриваются пять ювелирных изделий с острыми сужающимися концами, происходящих из клада Влэдичаска, жудец Калараш, Румыния. Вследствие редкости иконографических и письменных источников, а также археологических находок таких изделий, их интерпретация достаточно затруднена. В первой части статьи дается краткое описание булавок для прически из клада Влэдичаска, а также представлены важнейшие аналогии им, происходящие из различных археологических контекстов Мунтении и Молдовы; дается обобщенная функциональная и стилевая характеристика этих изделий. Вторая часть статьи представляет собой каталог рассматриваемых пяти булавок из клада Влэдичаска и их классификацию в соответствии со стилевыми характеристиками. Также они сопоставляются с находками сходного вида, происходящими преимущественно из кладов Молдовы. Особое внимание уделяется тому, в каком виде они опубликованы; некоторые из больших булавок интерпретированы как броши или булавки для вуали.

In the springtime of 2015, a jewelry hoard comprised of more than twenty-five items, some of which are unfortunately broken, while others are preserved only as fragments of more elaborate adornments, was brought to the National History Museum of Romania. The hoard, which is characterized by a quite composite structure, was found near the rural settlement from Vlădiceasca, Călărași County and it seems to have not been entirely recovered, containing fragments of earrings, rings, veil pins, large jewelry with pins, pendants and even a communion spoon. Despite the fact that the communion spoon is marked with a Slavonic inscription bearing the name of a known noble lady from Wallachia, called Kaplea from Periș¹, the context of the finding didn't

reveal much information about the items or about their clear function. The items were found with a metal detector and, according to the description of the finder, they were scattered on a very large surface. Also, the items are quite different in terms of provenance, some of them coming from Transylvanian workshops, while some of the others have an oriental or Balkan origin.

In this paper we will focus on a quite unresearched category of jewelry, which are provided with simple shafts as fastening system. First of all, we have to mention that they caught our attention due to the difficulty of finding a clear explanation for the way these items were worn during the late

¹ Given the fact that different historical sources speak about the existence of at least two noble ladies called

Kaplea from Periș, who lived during the second part of the 16th century and the first part of the 17th century, a different discussion is to be made about the exact lady Kaplea from Periș, whose name is written on the communion spoon from the Vlădiceasca hoard.

16th century and the 17th century. For this reason, through our paper we explore the presence of this type of jewelry in the local findings. Disregarding the fact that the pin jewelry pieces are not an unusual presence in the findings from Wallachia and Moldavia, there are still many questions that have no answers, like how they were worn, how can we identify a link between the shape or the processing technique of the adornments with shafts and the workshop where they were produced, who was supposed to wear them, considering the fact that the pin jewelry doesn't enjoy a large representation in the contemporary portraiture?

In the Vlădiceasca hoard are preserved a number of fifteen items that are provided with shafts or that present on their back the traces of a now lost shaft. Alongside these pieces two other singular shafts that cannot be linked with any of the head adornments from the treasure are preserved (fig. 1: 11, 12), a fact which indicates that in the initial structure of the hoard there were accumulated at least two other jewelry items with shafts. Based on their dimension and weight, the fifteen mentioned pieces can be divided in two main groups: (1) hair pins and (2) a more comprehensive group of pin jewelry pieces.

Firstly, the items we assigned to the hair pins category are light (fig. 1), weighting between 1.29 g up to 9.19 g, with the mention that the two silver shafts from the hoard weights are of 1.93 g and 1.86 g. Only one piece, having the weight of 1.80 g still has attached the original shaft, therefore, in order to have an idea about the original weight of the items illustrated in the figure no. 1 it should be added the medium weight of a silver shaft. Secondly, the diameters of the heads of the hair pins, which are designed more or less as flowers, measure between 19.20 mm and 35.60 mm. The light weight and the small dimensions of the ornamental plaques allow us to deduce that these jewelry pieces are in fact hair pins used to hold the veil on the head. There are not known many similar veil pins found in a precise archeological context. Thus, for the Wallachian space, of great importance is the tomb from the old church of Cătălui-Căscioarele, assigned to lady Maria Corbeanu, who was wearing in the veil that covered her head a number of seventeen veil pins with the heads shaped as stars with a turquoise stone in the middle (Cantacuzino, Trohani 1979: 286; Trohani 2019). These veil pins have a medium weight of 2.60 g and the pieces entirely preserved measure in length almost 66 mm. A veil pin with an eight petals flower made in the same style as the ones from Cătălui-Căscioarele and adorned with a large central turquoise was found in a tomb located in the narthex of the Snagov Monastery church (Rosetti 1935: fig. 50). Around the head of the deceased,

alongside the mentioned jewelry were also found several simple silver veil pins with spherical head and a veil pin with floral shaped plaque, whose petals consist of garnets set in four claw mountings and a central turquoise (Rosetti 1935: 31, fig. 49, 51). The mix between pins with globular heads and flower shaped plaques is also documented in a tomb from the narthex of the Tismana Monastery Church, where four pins with decorative plaques similar with the one with granules and turquoise found from Snagov and two other pins with small globular heads were also found (Cantacuzino 2004: 55).

Another important archaeological research in a necropolis during which veil pins were discovered was the one conducted at the old church from Buda, Buzău County in 1931. Several extremely delicate veil pins made of brass were found in the tomb of lady Anca, mother of lady Neaga who was the wife of the Wallachian Prince Mihnea II (1577—1583/1585—1591) (Drăghiceanu 1931: 172; fig. 24). The veil pin has approximately 60 mm with a pointed tip, while the other end presents a spherical globule. An almost identical veil pin, but made of gold was found in a tomb from the church of Câmpulung Monastery, near the head of the deceased alongside a cloth sewed with golden thread (Drăghiceanu 1964: 320) and another similar veil pin made of gilded silver, with a hemispherical head was found in the tomb of lady Chirana from the Retevoiești church, Argeș county (Popescu, Rosetti 1959: 712—713; Popescu 1970: 21). Unfortunately, for the veil pins from Buda and Retevoiești it is not mentioned their exact position on the body of the ladies, as it was recorded for the ones coming from Cătălui-Căscioarele. Four other gilded silver veil pins, similar in shape, are worth to be mentioned. They were found in the tomb no. 3 from the necropolis of the old Comana Monastery, a tomb that was assigned to lady Ancuța, who was buried around the year 1667 (Milencovici-Bătrâna 1973: 15—16, fig. 10—11). Three of them are simple with globular head, while the fourth one presents an ornamental head shaped as a flower with five petals.

Many veil pins made of copper or brass, presenting the globular head, were found in Piuă Petrii (Orașul de Floci), Ialomița County. Most of them come from the graves excavated in the necropolis found near the „Church nr. 2”, which were dated with the help of the coins found in the graves between the 16th and 18th century (Chițescu et al. 1979: 226; fig. 17:16). Two other veil pins were found in remote places. A copper hair pin with the head made of two welded hemispheres, was found at Piuă Petrii, during the archeological campaign of the year 1980, conducted in the

point called „Monastery”. The piece was recovered from a bone processing workshop (Chițescu et al. 1982: 130, fig. 3: 6). Nevertheless, a more precious veil pin made of gilded silver was recovered from a bone and precious metal processing workshop where, as the findings indicate, were produced different types of jewelry. As the description offered by the authors mentions the veil pin consisted of a flower shaped head with the diameter of 20 mm, presenting in the center a circular cassette surrounded by four wire spiral tubes, while on the edge of the ornamental plaque are attached fourteen circles made of twisted wire (Chițescu et al. 1992: 101; fig. 5: 3). The same situation, characterized by the presence of a large number of bronze veil pins with globular heads, can be seen in the inventories of the medieval graves researched around the Stelea church in Târgoviște, where only one veil pin with an ornamental plaque shaped as a flower with eight petals and that can be dated during the 15th century was found (Diaconescu, Ionescu 1979: 364).

A silver veil pin decorated with a circular open-work plaque bearing a greenish stone fixed in a central cabochon and having a weight of 2.38 g, was worn on the left part of the head by a woman buried in the tomb no. 3 from the narthex of the ancient Plăviceni Monastery, Teleorman County, dated during the 17th century (Cristocea et al. 2001: 153). However, in the necropolis located near Plăviceni monastery several simple veil pins with copper or glass globular heads were found (Țanțăreanu, Mirea 2005: 246—247). Another interesting silver veil pin having a head shaped as a flower with six round petals with jagged edge and a central stone was found in a funerary context in Câmpulung Muscel (Mărtzu 1995: fig. 4/P). Unfortunately, for this quite unique piece there are not mentioned the dimensions.

Nine copper veil pins with spherical heads were found near the skull of a defunct buried in the tomb no. 21 of the Monastery Cernica 17th century necropolis (Cantacuzino, Trohani 1981: 227, fig. 12). Out of the ordinary is an early veil pin which was intentionally deformed in order to obtain a ring, which was found on the hand of a defunct (tomb no. 24) from the princely necropolis of Cetățeni, Argeș County (Chițescu, Păunescu 1992: 54).

Four interesting hair pins were found in the necropolis of the Saint Athanasius Church from Niculițel, Tulcea county (Bătrîna, Bătrîna 1986: fig. 14, 15). Three of the pins are simple and they follow what we can now consider to be the common shape of veil pins, being made of silvered copper and presenting small spherical heads. In the absence of specific characteristics, they seem to be largely dated between the 16th and 18th cen-



Fig. 1. Veil pins from the Vlădiceasca hoard, Călărași County, Romania (photos by Ing. Marius Amarie). Weight: 1 — 4.22 g; 2 — 4.61 g; 3 — 3.48 g; 4 — 3.12 g; 5 — 2.80 g; 6 — 9.19 g; 7 — 6.47 g; 8 — 1.80 g; 9 — 1.29 g; 10 — 5.38 g; 11 — 1.86 g; 12 — 1.93 g.

Рис. 1. Булавки для вуалей из клада Влăдическа, жудец Калараш, Румыния (фото М. Амарие). Вес: 1 — 4,22 г; 2 — 4,61 г; 3 — 3,48 г; 4 — 3,12 г; 5 — 2,80 г; 6 — 9,19 г; 7 — 6,47 г; 8 — 1,80 г; 9 — 1,29 г; 10 — 5,38 г; 11 — 1,86 г; 12 — 1,93 г.

tury, being a common presence in the researched female tombs. Nevertheless, an interesting veil pin is the one found in the tomb M24. Made of silver, the jewelry presents a head shaped as a flying bird and, following the briefly argued opinion of Marin Matei Popescu, the jewelry was ascribed by the authors as belonging to the Balkans tradition of veil pins (Popescu 1967: 55; Bătrîna, Bătrîna 1986: 84). Svetlana Reabțeva opens as well a short discussion about this type of veil pins decorated with miniature birds arguing that

their origin can be traced back in the Eastern settlements from Volga, similar pieces being found also in the Golden Horde area (Reabțeva 2014: 92). Svetlana Reabțeva mentions without many details a resembling miniature bird veil pin with the one found in the necropolis of Saint Athanasius church from Niculițel, which was found in Suceava (Reabțeva 2014: 93; fig. 52:5).

Regarding the Moldavian space, probably some of the most impressive veil pins come from the tombs located in the narthex of the Saint Nicholas Church of Probota Monastery, Suceava County. Thus, in the grave no. 8 attributed to the lady Vasilica Stroici, who died in 1569, four ornamental pins were found, two of them shaped as birds, while the other two present a circular ornamental plaque decorated with stones (turquoise, garnets) (Pușcașu 2013: 56, 137; fig. 41: d-f; 1997: 21; Reabțeva 2014: 91). Another silver veil pin was found in the grave no. 9, of lady Păscălina, wife of Lupu Stroici, who died before 1628 (Pușcașu 2013: 56, 137; 1997: 23), while other two veil pins with circular ornamental heads adorned with pearls come from the graves nos. 5 and 20, where were buried lady Eftimia, wife of Simion Stroici and their daughter Ana, both of them dying in the year 1621 (Pușcașu 2013: 57, 137; fig. 40: e; 1997: 23; Reabțeva 2014: 91).

Another type of veil pins that should be mentioned and which we wanted to present separately, due to the fact that they have a different shape and they are not represented in the Vlădiceasca hoard is the veil pins with large spherical heads. A significant finding consisting of a set of eight silver veil pins was made in the tomb no. 9, dated in the 17th century and located in the sanctuary of the old church from Hălmașiu, Arad County (Căpățînă 1976: 79). Two of the pins present the small globule head, while the other six pins are adorned with polyhedral bulbs of different dimensions, five of them having welded at the top a setting with four claws inside which are fastened red stones, rubies according to the author (Căpățînă 1976: fig. 10). For the Wallachian space, the most relevant finding that contains veil pins with large spherical bulbs is the Brânceni hoard, Teleorman County. The hoard consists of coins issued in the second part of the 17th century and several disparate and fragmentary jewelry, of which one entirely preserved veil pin (10.80 g) and two decorative heads (10.02 g — 6.38 g). The characteristic element of these pins is the head which is shaped as a sphere with the diameter of approximately 25 mm, modeled from two welded hemispheres, the lower one being simple, undecorated, while the upper hemisphere is decorated with filigree circles, silver globules and garnets (Țânțăreanu

2012: 228—229). It is almost certain that these veil pins were produced in a Saxon workshop from Transylvania and it is a unique finding in the extra-Carpathian space, similar pieces being attested in different findings from: Huedin, Baia Mare, Bădăcini — Sălaj County, Șopteriu — Bistrița County (Țânțăreanu 2012: 231; Cipăianu 1973: 662—663; Marianciuc 2008: 612; Velter, Dumitriu 2012: 55, cat. 5—9). This type of veil pins can be associated with the so-called *bockelung*, the pin used for the fastening of the veil by the German origin ladies until the 18th century, as a traditional feature of their costume (Nistor 1973: 230—231). What is specific for these head ornaments is that the decorative plaque was attached perpendicular to the shaft, like a flower on a stem, so that the pins would be inserted in the veil or in a thick ribbon and the decoration still be visible from the front, in contrast to the veil pins preserved in the Vlădiceasca hoard, that naturally would be set in the temple area or on the back of the head, where the hair would be wrapped in a bun, being in this case visible only from the profile. The *bockelung* veil pins were produced in abundant sets, in order to be worn as a crown around the head by Saxon ladies.

The presence of these veil pins with spherical head, datable at the end of 16th century and the beginning of 17th century, was also signaled in Serbia, where similar ones were found in hoards like Tomaševac (Cipăianu 1973: 663; Țeicu 2009: 100, pl. 47) and Ritopek, the same tradition of embellishing the head with a crown made of pins with spherical heads being attested at the populations living in the western part of the Balkans.

Mentionable because they were found in Oltenia are the two silver veil pins found in Șimnic, Dolj County, unique due to their open-work spherical heads (diameters of 10—16 mm), made of twisted wire and whose weights are of 3.90 g and 1.84 g. The heads of the pins somehow recall a simpler model of the large decorative spheres of the temple earrings of 14th—16th century and also the large spherical open-work buttons like the one present in the Coveiu hoard (Dumitriu 2001: taf. 25.15) and some other buttons preserved in the collections of the National Museum of Art of Romania (Popescu 1970: 75, cat. 192), a fact which might suggest that the Șimnic veil pins could be dated later, during the first part of the 16th century. According to the author of the catalogue descriptions, these veil pins were dated in the 14th century (Evoluția podoabelor... 2008: 37). Also, in the late 14th century can be dated the seven silver veil pins from the Jidoștița hoard, which was found before the year 1989 and which, unfortunately was not saved. Some information was gathered by the specialists from the Iron Gates Region Mu-

seum in Drobeta Turnu-Severin and with the help of a photo made by Ion Sîngă, some drawings of the pins were published by Luminița Dumitriu (Dumitriu 2001: 127–128, taf. 95.1–7). The lengths of these veil pins are between 54 mm and 69 mm (Sîngă 2002: 41). The heads of the pins were made of two hemispheres with tear shaped elements made of twisted wire which were decorated in between with grains, recalling even more of the temple earrings spheres of the 14th–16th century. At this point of the research, which should be further investigated, these similarities allow us to suggest that Șimnic and Jidoștița veil pins can be attributed to a south Danube jewelry workshop.

The purpose of the presentation of these veil pins was not to offer an exhaustive repertoire of the pin findings in archaeological context², but to draw a general image of the use of this jewelry. At this point, we can conclude, firstly, that the veil pins are rather isolated findings compared to other types of jewelry such as rings or earrings and secondly, that there are three main categories

of veil pins: the category of simple pins with small spherical heads, with an evidently functional role, generally made of copper, only a few examples being produced of precious metals and which are mainly associated with burials of not so privileged people, as opposed to the second category of decorative veil pins, always made of silver or gilded silver that present an ornamental circular plaque shaped as flowers or rarely as birds and which are found in the rich nobles ladies' tombs, while the third category comprises the veil pins with large spherical head and which seemed to be extremely fashionable in Transylvania, while their presence in Wallachia appears to be rather accidental.

In the second group of pin jewelry pieces we assigned the five items from the Vlădiceasca hoard, which are too large and too heavy to be simply hanged to the delicate veils that were used to cover the heads of the noble ladies, a fact which determined us to believe that we deal with a different category of jewelry than veil pins.

Catalogue

1. Large jewelry with shaft, consisting of a silver shaft with circular section and an elaborated head pin. The gilded head pin is constituted of a silver plaque, shaped as a flower with eight circular petals intercalated by eight smaller leaf-shaped ornaments. The plaque is decorated with granules and wire with circular section stylized with parallel upright notches. The stylized wire was used to mark eight circular areas on the edge and a central, larger, circular area. Each one of the eight circular leaves/areas were adorned with small hemispheres made of thick upright wires. Above the hemisphere was attached a rectangular setting with four claws, inside which were fastened red stones. At the present moment are preserved only six stones of eight. The central area is decorated with seven ornaments of wire shaped as the letter S, all around the central rectangular mounting that has the edges slightly bent, inside which is preserved a rectangular ornament made of transparent glass. The now visible shaft is not the original one, some traces of the old shaft which was welded on the back of the plaque are still visible. The shaft is mobile, the hemisphere through which the shaft is attached to the back of the decorative plaque allowing the spinning of the shaft.

Gilt silver, glass, garnets; Weight: 37.10 g; Maximum diameter: 63.15 mm; Total length: 105.50 mm;

Shaft length: 75.30 mm; Height of the hemisphere with mounting: 9.40 mm. (fig. 2: 1).

2. Large jewelry with shaft, consisting of a silver shaft with circular section and an elaborated head pin. The shaft is crooked in the shape of the U letter. The head pin is shaped as a hemisphere decorated with stylized twisted wire and granules. On the surface of the head pin were attached six small hemispheres made of filigree. At the tip of the hemisphere was set a mounting with four claws in which was fastened a rectangular transparent glass. The shaft is embedded between the circular silver plaque and the hemisphere and in order to be stable it was welded at a high temperature, the decoration around the contact area between the sphere and the pin having a smoothed aspect.

Silver, glass; Weight: 29.21 g; Maximum diameter: 83.5 mm; Total length: 67.55 mm; Estimative length of the shaft: 86 mm; Height of the hemisphere: 19.35 mm; Medium height of the small hemispheres welded on the surface of the pin head: 8.75 mm; Medium diameter of the small hemispheres welded on the surface of the pin head: 8.35 mm; Length and width of the glass ornament: 8.85 x 8.35 mm. (fig. 2: 2)

3. Large jewelry with shaft, consisting of a silver shaft with circular section and an elaborated head pin. The gilded head pin is constituted of a silver plaque, decorated on the edge with 28 round concave petals that have a small semicircular cut on the edge. On the edge, over the petals are welded six rectangular mountings, each one with four claws, preserving three transparent white glass and two opaque white stones. In the center, an open-work hemisphere set on a circular frame, surrounded at the base by a decorative wire. The hemisphere is empty on the inside and the upper part is made of stylized leaves welded between them. Twelve stone mountings similar

² Veil pins were also found in: the medieval necropolis of the Church „Precista” from Galați (Matei et al. 1983: 527), the necropolis of the village Bârzești-București (Panait, Ștefănescu 1983: 533), in the necropolis of the Ester village, Constanța County (Custurea 1981: 550), the necropolis of the church Saint Demeter of the Drăgănești monastery, Teleorman County (Țânțoreanu 2010: 138), in the narthex of the church of the Radu Vodă Monastery in Bucharest (Cantacuzino 2001–2005: 60) etc.

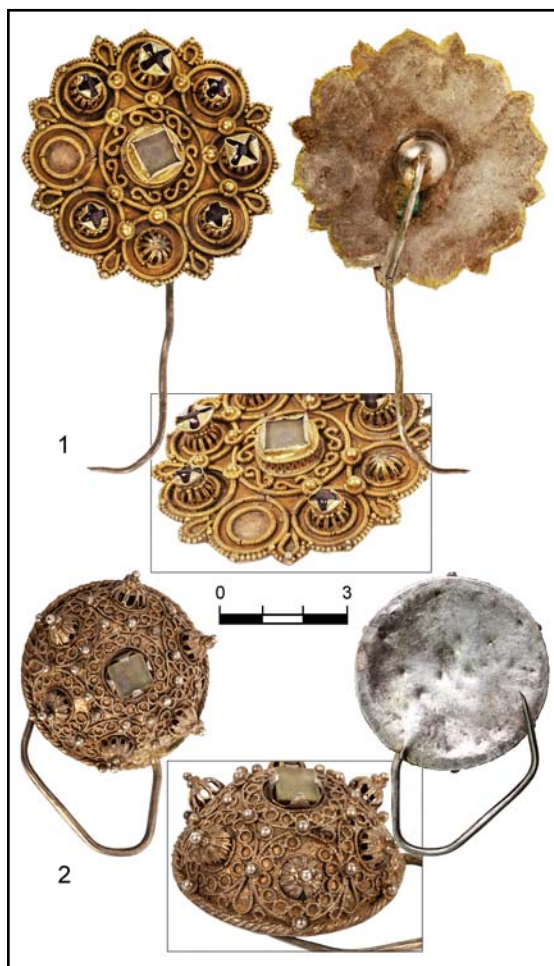


Fig. 2. Pin jewelries from the Vlădiceasca hoard, Călărași County, Romania (photos by Ing. Marius Amarie).

Рис. 2. Булавки из клада Влэдичаска, жудец Калараш, Румыния (фото М. Амарие).

with the ones from the edge, were applied on the surface of the leaves, preserving only eight stones: six of transparent white glass, one opaque white stone and one red stone, probably a garnet. The stones are processed in different ways, some of them being faceted, while others were simply shaped as circles or buttons, which might indicate that some of these stones are not the original one, being replaced over time. The peak of the hemisphere is outlined by some silver petals on which was mounted a rectangular box with a slightly bent edge. The central rectangular stone is lost. On the back a goldsmith mark consisting of two letters G and K.

Due to the fact that the head pin is heavy, the securing system of the shaft consists of a rectangular silver bar with two bent ends like two hooks, that penetrates the silver plaque and the rhomboidal part of the shaft which is welded on the back of the plaque.

Gilt silver, glass, white opaque stones; Weight: 61.80 g; Maximum diameter: 58.55 mm; Total length: 129.55 mm; Shaft length: 109.85 mm; Hemisphere height: 30.30 mm. (fig. 3: 1)

4. Fragmentary jewelry with shaft, preserving at the present moment only the head pin. The gilt-



Fig. 3. Pin jewelries from the Vlădiceasca hoard, Călărași County, Romania (photos by Ing. Marius Amarie).

Рис. 3. Булавки из клада Влэдичаска, жудец Калараш, Румыния (фото М. Амарие).

ed head pin is constituted of a silver plaque, decorated on the edge with 30 round concave petals that have small triangular cuts on the edge. The center is marked by a wire with circular section decorated with parallel upright notches. In the center a hemisphere made of a gilded silver plaque from which were cropped petals, in order to give the hemisphere, the appearance of a flower. The hemisphere is adorned with six hooks made of silver wire which are now broken and six rectangular mountings with four claws which preserve three blue glass beads, one green glass bead and one transparent white glass bead. The peak of the hemisphere was initially decorated with a large stone, now lost, fastened in a setting with four claws, that is attached to the main plaque of the head through a vertical wire. Also, between the upper four claws mounting and the hemisphere a six petals flower was cut in a small silver sheet, slightly concave is supported by the vertical wire, which perforates the central area of the flower. On the surface of the hemisphere are welded six vertical wires with flattened heads in which were fastened pearls.

On the back of the head pin is partially preserved the shaft fastening system, similar with the one of the item no. 3.

Gilt silver, glass, blue stone; Weight: 40.33 g; Maximum diameter: 61.45 mm; Hemisphere height: 14.90 mm. (fig. 3: 2)

5. Fragmentary jewelry piece provided at the moment of production with a shaft which is now lost. The head pin is shaped as a bird, being cut from a silver sheet. The frontal surface is decorated with twisted and simple wires that cover the entire field. In the head, wings, tail and belly areas were fixed four circular mountings in which are fastened dark blue stones.

* * *

In addition to the fact that these are too heavy and too wide in order to be easily attached to the head covering cloth even if it is a veil or a hat, another issue with these pieces is represented by the fastening system that consists of only one long shaft and not a spring with a clasp mechanism as it is used for the brooches. A good example for the difficulty to attach a piece to the hat is illustrated by the fastening system of the panaches, well known jewelry worn by the Transylvanian, as well as by the Wallachian and Moldavian princes. The panaches preserved in public museum collections present on their back a hook designed to be anchored to the bandy edge of the hat, but at the same time, in most of the cases, on the edge of the panache can be seen small circular perforations, most probably used to sew the panache to the hat and so to keep it tightly attached. Therefore, in the case of the five pieces from the Vlădiceasca hoard it should be taken into consideration the fact that a disproportion with regard to the weight of the items can be observed, the ornamental plaques being too heavy to be easily attached to a garment, without any other kind of support. On the other hand, the quite large length of the shaft of the pieces nos. 1, 2 and 3, makes them rather uncomfortable and probably impossible to be used as brooches as well. Moreover, the almost generalized loss of the shaft both for the veil accessories and the pin jewelry from the Vlădiceasca hoard and other hoards as well (Sihleanu, Zăvoia, Păun, Bălțați etc.) suggest that these are quite fragile items.

An interesting document mentioning „six large silver pins” with the total weight of 404 g, is signaled by Florentina Nițu, who assumes that these pieces are veil pins and points out the fact that each pin would have a medium weight of 67 g and that no piece this heavy was ever recovered even during archeological excavations or from hoards (Nițu 2005: 145—146). Given the fact that some of its stones are missing, the pin no. 3 from Vlădiceasca hoard, can be used, in terms of weight, as a real example of pin jewelry for the mentioned document. In this context, it

On the lower area of the silver plaque are welded seven tubes to which were probably attached other type of ornaments.

On the back of the head pin is still preserved a fragment of the shaft, that was welded to the plaque.

Silver, blue stones; Weight: 9.25 g; Height: 42.40 mm; Length: 54.25 mm; Height of the circular mounting: 3.80 mm; Diameter of the circular mounting: 8.45 mm. (fig. 4: 1)

could be possible that a research of the use of the terms „pin”, „veil pin”, „hair pin” in the medieval documents might give a new perspective on these jewelry pieces.

These five jewelry pieces raise a consistent problem that generates numerous confusions in literature. Thus, due to absence of a precise archaeological context, the specific identification of their function in the costume fashion remains in doubt. As a consequence, in the scientific literature there is no clear framework that could help us have a clear definition of these pieces except for very general assumptions. In one of the earliest catalogues dedicated to the analyses of evolution of the medieval jewelry in Wallachia and Moldavia, in the list where the jewelry provided with shafts are described, the use of the term „hair pin” alternates with the more general term „hair jewelry” (Popescu 1970: 50—51), without any explanation concern-



Fig. 4. 1 — pin jewelry from the Vlădiceasca hoard, Călărași County, Romania; 2 — jewelry from the tomb of lady Neaga's daughter, Buda, Buzău County, Romania; 3 — jewelry from the tomb of lady Stanca, Buda, Buzău County, Romania (photos by Ing. Marius Amarie).

Рис. 4. 1 — булавка из клада Влăдичаска, жудец Калараш, Румыния; 2 — украшение из погребения дочери боярина Няга, Буда, жудец Бузэу, Румыния; 3 — украшение из погребения боярыни Станка, Буда, жудец Бузэу, Румыния (фото М. Амарие).

ing the change of the title. The lack of sources that could help us better understand the role of these precious jewelry it is also highlighted by the last conclusion of the small section concerning the hair pins from the catalogue, mentioning that sometimes they were also used as brooches or fibula for fastening the garments (Popescu 1970: 21). Therefore, each time the accidental archaeological findings reveal large pieces provided with vertical shafts, cautions opinions are issued, most of them considering these jewelries to be brooches (see Păun hoard, Musait hoard, Șendreni hoard). Florentina Nițu narrows the general brooch definition classifying these pieces in the category of the rosette brooches, as opposed to the clasp brooches, and she also highlights the fact that if the rosette brooches are confirmed only in the hoards, the use of the clasp brooches are mostly attested by the contemporary portraits, like those of Dimitrie Cantemir, Constantin Brâncoveanu or Miron Barnovschi, where the brooches are used for fastening the caftan (Nițu 2004: 243—244).

The same observations concerning the confused function of these jewelry pieces can be traced back to the article of Virgil Drăghiceanu where two ornamental heads found in the tomb of the daughter of lady Neaga and in the tomb of lady Stanca are described as brooches (Drăghiceanu 1931: 172—173). Later, Marin Matei Popescu considers that the piece from the tomb of lady Neaga's daughter is a fragmentary veil pin (Popescu 1970: 51, cat. 50, fig. 20 — in the catalogue it is identified as a „hair jewelry” and in the illustration as a „hair pin”), while the one coming from the tomb of lady Stanca is identified as a brooch (Popescu 1970: 72, cat. 174, fig. 99). In the assumption of the function of these two items it should be taken into consideration the fact that for both pieces it is not known the precise position of the jewelry on the body of the defuncts, the pieces being removed from the graves before the arriving of the archeologists at the investigated area. An example of how important it is to record of the archaeological context, is the finding of a pin jewelry in the tomb assigned to lady Stanca, from the nave of the Hobaia-Suslănești church, Argeș County, who died in 1562. The piece was found above the hands, which were joined together in the lower abdomen area. Unfortunately, for this piece we weren't able to find out its weight and length. However, comparing it with the jewelry decorated with similar mountings with garnets, the piece seems to have the dimensions of a veil pin, with the diameter of the head of maximum 40 mm.

In order to easily find similarities with the pin jewelry from other hoards and following a com-

prehensive stylistic analysis, we propose a classification of the five pin jewelry pieces from the Vlădiceasca hoard in four groups.

The first group comprises the pin no. 1 (fig. 2: 1), for which it is important to underline that significant stylistic similarities can be observed with the pin head no. 3 from the Vlădiceasca hoard (fig. 1: 3), like the use of the thick wire decorated with parallel upright notches, four claw mountings, and the presence of small granules positioned in circles made of the same wire. The same decorations can be identified at the lady Stanca's jewelry from Buda (fig. 4: 3) and at the lady Stanca's pin found in Suslănești: shape of the plaque — flower with round petals, thick wire decorated with parallel upright notches, mountings with four claws, granules positioned in wire circles. Even more in the case of the pin no. 1 and the pin from Buda, the exterior wall of the central mounting is decorated with a frieze made of thin wire displayed in meander shape and also, both the head pin no. 3 and the pin from Buda present small tubes around the central area. At this moment, there are no sufficient arguments to support a clear hypothesis regarding the provenance of this jewelry, but the massiveness of the piece, the clean cuts, the balanced used of the granules in the decoration of the plaque, might indicate that this pin was produced in a workshop from Transylvania, like Brașov or Sibiu.

The second group is comprised of the pin no. 2 (fig. 2: 2), which even if it appears to be kind of unique, due to the head shaped as a full hemisphere covered with small circles made of twisted wire, has a number of common elements with the pin no. 1, suggesting that they might be produced in workshops from the same areas and for people with similar tastes. The main common features are: the use of mounting with four claws, made of a small rectangular plaque with the corners bent, the use of open-work hemispheres made of filigree wire in order to decorate the surface of the plaque and the use of metal granules. This piece is quite special due to the shape of the shaft, that seems to be intentionally bent like a hook, thus offering the possibility to be hanged and even used as a buckle. The same hypothesis as in the case of the pin no. 1, regarding the provenance of this piece, can also be drawn in this situation, most probably the pin being produced in a Transylvanian workshop. A quite similar piece is one of the three so-called brooches from the Păun hoard (Neamțu, Foit 1972: 360; Popovici 2010: 67—68, fig. 7), made of silver. This jewelry piece has the shape of a hemisphere, but with a smaller diameter of 45 mm and a decoration consisting of seven large double circles of twisted wire presenting in their centers four claw mountings, granules with

twisted wire circles at the base. The base of the hemisphere is surrounded by the same wire with parallel upright notches used for the pin no. 1.

The third group comprises the pins nos. 3 (fig. 3: 1) and 4 (fig. 3: 2) from the Vlădiceasca hoard. The main stylistic similarities that can be traced between the two pins are: circular plaque used as support that have the edge decorated with circles with concave-convex aspect and carefully jagged, decorative elements that can be seen as well on the veil pins nos. 8 and 9, open-work hemisphere shaped as a flower, the four claw mountings. It is important to highlight the fact that the hemispheres of the both pieces are mobile, the upper part being rotatable. This is possible due to the fact that the upper part of the hemispheres is welded to a vertical wire that perforates the silver plaque and the welded part of the shaft as well, while the terminations of the wire are bent on the back of the plaque, allowing the wire to spin in the same time with the hemisphere. However, even if the pieces seem to be similar in style, it must be underlined that pin jewelry no. 3 is superior in quality. The circles with concave-convex aspect and jagged edge can be also seen on one of the veil pins that are part of the Sihleanu hoard, Brăila County, a veil pin which is simpler in shape, being constituted of a circular plaque with this decoration on the edge and a rectangular glass in the middle set in a rectangular mounting (Neamțu 1980: 346, fig. 1: 13).

It was a great chance that the back of the ornamental head of the pin no. 3 was marked (fig. 3: 1), giving us the possibility to identify the workshop and also to set a narrower chronological framework for the moment when the piece was created. The mark consisting of the letters G and K in a shield seems to belong to Gerg Kozak who was for some time the starost of the goldsmiths' guild from Brașov (1606—1609, 1614, 1615—1617) (Mitran 2003: 120). He was active between the years 1596—1626, therefore, generally speaking the pin jewelry no. 3 from the Vlădiceasca hoard was produced in the first quarter of the 17th century in Brașov. Another pin jewelry that seems to have been created according to this esthetic is the jewelry found in the grave of the daughter of lady Neaga, from Buda (fig. 4: 2). With a diameter of 46 mm, the piece presents the same circular plaque with the stylized concave-convex leaves edge and an open-work hemisphere surrounded at the base by a twisted thick wire and is covered with three claw mountings and pearls fastened in wires with flattened heads.

The fourth group is comprised of the head pin no. 5 (fig. 4: 1), which is shaped as a bird, that can be identified as a peacock due to the presence of the three tear-drop shaped crest on his

head. The piece is individualized both by shape and by decoration, and in contrast to the other pieces from the hoard, the stones are set in circular mountings with the edge bent inward. But, the delicate frieze with meander shaped wire can be also seen on the pin no. 1 and on the veil pin no. 3, where it is present in a more discrete area, as the exterior wall of the central mounting. Most probably on the small tubes welded on the lower edge of the plaque there were attached leaf shaped ornaments. Some pieces that can be compared with this pin head were found in two hoards coming from the Moldavian space. Three pieces almost similar in shape were found in the Drăgușeni hoard (Reabțeva, Dergaciovă 2017: 93, fig. 1: 1) and in the Dezghingea hoard (Ioniță 2002: pl. II, 12—13), Republic of Moldavia, and both of them represent even more stylized images of two peacocks sitting back to back. The common elements of the Vlădiceasca head pin with the two mentioned pieces are the following: in the case of the Drăgușeni jewelry, the shape of the bird with the same ornament on the head and the same rectangular protuberance in the upper part of the plaque as well as the model of the stone mountings filled with the same blue stones, while in the case of the two identical pieces from Dezghingea, which are even more schematized, the two heads being hard to identify as birds, the common elements are the embellishment of the surface of the plaque with meander shaped wire and the presence of the small tubes welded on the lower part of the plaque.

A major contrast between these pieces can be observed in the fashion in which the back of the plaques was treated. Thus, if for the Vlădiceasca head pin there are still visible the traces of a perpendicular shaft which used to be welded in the lower part of the plaque, in the case of Drăgușeni and Dezghingea plaques, the extremities and the middle part were reinforced with thin flattened bars which were welded on the back of the plaques. Quite unusual is the shaft of the piece from the Drăgușeni hoard, which is placed horizontally, having the end crooked, a fact which determined the authors to consider that this is in fact a hat jewelry (Reabțeva, Dergaciovă 2017: 93). All the highlighted similarities might indicate that all these pieces, including the Vlădiceasca pin head could have a common origin, that can be traced in the areas from the East of the Carpathians. As the editors of Drăgușeni hoard observed, these pieces alongside the peacock pin found in Suceava — Câmpul Șanțurilor (Civilizația... 2004: 105, cat. 22) and the pair of birds veil pins from the tomb of Vasilica Stroici from Probota Monastery (Pușcașu 2013: 56, 137; fig. 41: d-f; 1997: 21; Reabțeva 2014: 91), are illustrative for

the luxury trend approached by the rich noble ladies from Moldavia in the second half of the 16th century and first half of the 17th century (Reabțeva, Dergaciova 2017: 94).

As regards to the style of the five pin jewelry pieces from the Vlădiceasca hoard, it seems quite hard to identify similar decorative elements with the jewelry pins from the contemporary hoards found in the eastern part of Romania, like: Sihleanu hoard, Brăila County (Neamțu 1980: 93, fig. 1: 10, 11, 13, 14, 18, fig. 4), Zăvoaia hoard, Brăila County (Dragomir 1972: 67—68), Șendreni, Galați County (Dragomir 1984: 181—182, pl. XV) Bălțați, Vaslui County (Alaiba 2008: fig. 2: 7—9), Păun, Botoșani County (Neamțu, Foit 1972: 359—360, fig. 1: 8—10.), Furniceni, raionul Orhei (Dergaciova et al. 2011: 107—108, fig. 5—6), Musait, raionul Vulcănești (Tezaure... 1994: 29 cat. 63—66, pl. XXV.1, pl. XXVI.1, pl. XXVII.1, pl. XXVIII.1) etc. Among the pin jewelry pieces from these hoards the four large items decorated with flowers from the Musait hoard are noticeable and can be related to the Vlădiceasca pin jewelry. Published as brooches, they have diameters comprises between 60 mm and 75 mm, a fact which make them rather unique among the other jewelry. Another element that should be discussed, within the limits of the information we now have, is the origin of these adornments. As it was underlined by the specialists in the papers which investigate the hoards mentioned above, most of those pieces seem to be produced in local workshops, that would mostly use models coming from Tran-

sylvania. However, at least four of the pin jewelries from Vlădiceasca hoard can be assigned to workshops from Transylvania, a fact which might confirm some hypothesis which were already disseminated in the literature, as the absence of constantly active goldsmith workshops in Wallachia, as opposed to Moldavia, where the presence of goldsmiths is attested during the 16th—17th century (Dobjanschi, Simion 1979: 88—89), which is proved also by the numerous silverware items created here. In this context, the increased demand of luxury products by the Wallachian nobles to the workshops from cities as Brașov and Sibiu is natural.

Taking everything into account through this paper we wanted to draw attention to the delicate line that exists between the jewelry pieces provided with shafts. Therefore, if the small ones that do not exceed the weight of approximately 10 grams are considered to be veil pins, the heaviest and largest ones can be interpreted as veil pins as well, as it is recorded in the document mentioning the „six silver large pins” with a total weight of 404 grams (Nițu 2005: 145—146), but at the same time most of them are published as brooches, as it can be seen for the large pins with rosette found in the hoards from Moldavia. On the other hand, it must not be ignored the very real possibility that these jewelries would have multiple functions and the exploration of all the aspects of these fascinating jewelries would add more information to the social history in the Wallachia, Moldavia and Transylvania.

Bibliography = References

- Alaiba R. 2008. Tezaurul medieval de la Bălțați, comuna Tătarani, județul Vaslui. *ArhMed* 7, 243—266.
- Cantacuzino Gh. 2001—2005. Observații arheologice privind pridvorul bisericii „Radu-Vodă” din București. *BulComMonIst* 12—16, 55—63.
- Cantacuzino Gh. 2004. *Mănăstirea Tismana*. București: Editura Vremea, 2004.
- Cantacuzino Gh., Trohani G. 1979. Săpăturile arheologice de la Cătăluș-Căscioarele, jud. Ilfov. *CercArh* 3, 261—328.
- Cantacuzino Gh., Trohani G. 1981. Cercetările arheologice de la Cernica — Mănăstire. *CercArh* 4, 200—239.
- Căpățînă D. 1976. Cercetări arheologice la Halmagiu și Vîrfurile (jud. Arad). *RevMonIst*, 45.2, 76—80.
- Chițescu et al. 1979: Chițescu L., Conovici N., Lungu R., Păunescu A., Rădulescu V. 1979. Cercetările arheologice la Piua Petrii (Orașul de Floci), jud. Ialomița. *CercArh* 3, 199—246.
- Chițescu et al. 1982: Chițescu L., Papasima T., Vlădilă P., Rădulescu V., Păunescu A. 1982. Cercetările arheologice de la Piua Petrii (Orașul de Floci), jud. Ialomița. *CercArh* 5, 129—158.
- Chițescu et al. 1992: Chițescu L., Păunescu A., Matei Gh., Rența E., Nițulescu V. 1992. Cercetările arheologice de la Piua Petrii (Orașul de Floci), comuna Giurgeni, jud. Ialomița. *CercArh* 9, 97—110.
- Chițescu L., Păunescu A. 1992. Cercetările arheologice din cuprinsul necropolei voievodale de la Cetățeni, județul Argeș. *CercArh* 9, 52—56.
- Cipăianu A. M. 1973. Din istoricul orfevrăriei transilvănene. Acele de păr din tezaurul de la Huedin. *ActMusNap* 10, 653—663.
- Civilizația... 2004. *Civilizația epocii lui Ștefan cel Mare. 1457—1504* [exhibition catalogue]. București: Muzeul Național de Artă a României.
- Cristoceia et al. 2001: Cristoceia Sp., Țânțăreanu Ec., Mîrea P. 2001. Cercetările arheologice de la biserica fostei mănăstiri Plăviceni, jud. Teleorman (1995). *Argesis* 10, 139—155.
- Custurea C. 1981. Sondajul arheologic de salvare de la Ester (jud. Constanța). *MatCercArh* 15, 555—550.
- Dergaciova et al. 2011: Dergaciova L., Reabțeva S., Telnov N. 2011. Tezaurul descoperit la Furniceni, raionul Orhei, Republica Moldova (începutul secolului al XVII-lea). *StCercNum* 1 (13), 97—112.
- Diaconescu P. Ionescu C. 1979. Cercetări arheologice în zona fostei străzi „Rapsodie” din Târgoviște — Biserica Stelea I. *MatCercArh* 13, 353—368.
- Dobjanschi A., Simion V. 1979. *Arta în epoca lui Vasile Lupu*. București: Editura Meridiane.

- Drăghiceanu V. 1931. Săpăturile din Buda, Lapoș și Tisău-Buzău. *BulComMonIst* 24, 159—176.
- Drăghiceanu V. 1964. Săpăturile de la Mănăstirea Câmpulung. *BisOrtRom* 82.3—4, 316—328.
- Dragomir I. T. 1972. Tezaurul de la Zăvoaia, jud. Brăila. *RevMonIst* 41.2, 67—73.
- Dumitriu L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des Unteren Donaubegebietes im 11.-15. Jahrhundert*. București: Muzeul Național de Istorie a României, 2001.
- Evoluția podoabelor... 2008. Popescu I., Popescu V., Anton-Manea C., 2008. *Evoluția podoabelor în Țările Române în secolele XIII—XVII* [exhibition catalogue]. Craiova.
- Marianciuc E. 2008. Podoabe din argint aurit. Sec. XVII—XVIII. Restaurare și conservare. *ActMuz-Nap* 30, 611—617.
- Mărtzu F. 1995. Ecouri argeșene nevalorificate, privind etnogeneza: vasele funerare medievale din sticlă. *Argesis* 7, 45—52.
- Matei et al. 1983: Matei M. D., Anghel A., Nanu D.-B. 1983. Necropola medievală „Precista” Galați. *MatCercArh* 17, 525—530.
- Milencovici-Bătrăna L. 1973. Podoabe din necropola fostei mănăstiri Comana. *BulMonIst* 42.2, 10—18.
- Mitran Gh. 2003. *Arta aurarilor în Transilvania (sec. XIV—XIX)*. Brașov: Tipografia Brastar, 2003.
- Neamțu E. 1980. Le trésor d’objets de parure et de monnaies découvert à Sihleanu (comm. Scorțaru, Dép. de Brăila). *Dacia* 24, 341—353.
- Neamțu E., Foit Gr. 1972. Tezaurul de obiecte și monede feudale descoperit la Păun, comuna Mihăilești (jud. Botoșani). *ArhMold* 7, 359—367.
- Nistor M. 1973. Podoabe medievale, opere ale argintarilor brașoveni. *Cumidava* 6, 227—260.
- Panait I. P., Ștefănescu A. 1983. Cercetări privind satul Bârzești-București (secolele XV—XVI). *MatCercArh* 17, 531—537.
- Popescu M. M. 1967. Obiecte de podoabă sud-dunărene. *RevMuz* 4.1, 53—56.
- Popescu M. M. 1970. *Podoabe medievale în Țările Române*. București: Editura Meridiane.
- Popescu D., Rosetti D. V. 1959. Săpăturile arheologice de la Retevoiești. *MatCercArh* 6, 703—718.
- Popovici R. 2010. Păun, comm. de Mihăilești, dep. de Botoșani; 1963, în Butnariu V. (coord), *Corpus Numorum Moldaviae — IV. Monnaies et parures du Musee Departemental de Botoșani*. Gura Humorului: Terra Design, 63—68.
- Pușcașu V. M. 1997. Pușcașu V. M., Cercetări arheologice la biserica Mănăstirii Probota, construită de voievodul Petru Rareș. *RevMonIst*, 1—2, 1997, p. 8—24.
- Pușcașu V. M. 2013. *Mănăstirea Probota. Arheologie și Istorie*. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer.
- Reabțeva S. 2014. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor culturale istorice (secolele XIV—XVII)*. Brăila: Istros.
- Rosetti D. V. 1935. Săpăturile arheologice de la Snagov. *Publicațiile Muzeului Municipiului București* 2, 5—49.
- Sîngă I. 2002. *Cetatea Severinului și tezaurul de la Dudașu Șchelei, Drobeta Turnu Severin*. Reșița: Editura Banatica.
- Țânțăreanu Ec. 2010. *Habitat medieval în sud-vestul Munteniei în secolele XIV—XVII. Temeiuri istorice și arheologice*. București: Editura Renaissance.
- Țânțăreanu Ec. 2012. Tezaurul de la Brânceni, jud. Teleorman, un tezaur medieval cu monede și podoabe. *BulMuzJudTel* 4, 227—238.
- Țântăreanu Ec., Mirea P. 2005. Cercetările arheologice din incinta fostei mănăstiri Aluniș-Plăviceni, jud. Teleorman. *Argesis* 14, 243—258.
- Țicu D. 2009. *Arta minoră medievală din Banat*. Timișoara: Cosmopolitan Art.
- Tezaure... 1994: Butnariu V., Nicolae E., Boldureanu A., Pașiu V., Niculiță A., Tabuică R. 1994. *Tezaure din muzeele orașului Chișinău. Secolele XVI—XVIII* [collection catalogue]. Chișinău: Editura Universitas.
- Velter A. M., Dumitriu L. 2012. *Tezaurul de secol XVII de la Șopteriu. Studiu de orfevrărie și numismatică*, Biblioteca muzeului Bistrița. Seria Historica 20. Cluj-Napoca: Accent.

Статья поступила в сборник 13 апреля 2020 г.

Cristiana Tătaru (Bucharest, Romania). PhD. National History Museum of Romania¹.

Тэтару Кристиана (Бухарест, Румыния). PhD. Национальный исторический музей Румынии.

E-mail: cristiana.tataru@mnir.ro

Tudor Alexandru Martin (Bucharest, Romania). National History Museum of Romania².

Мартин Тудор Александру (Бухарест, Румыния). Национальный исторический музей Румынии.

E-mail: green_yuri_13@yahoo.com

Address: ^{1,2} Calea Victoriei 12, București, 030026, Romania

Л. В. Дергачева

Средневековый женский аксессуар головного убора из Республики Молдова

Keywords: medieval Moldova, 16th century, headpiece, pin for veil

Ключевые слова: средневековая Молдавия, XVI век, головное украшение, булавка для вуали

L. V. Dergaciova

Medieval Female Headpiece Found in the Republic of Moldova

In this article we discuss a fashionable piece worn by women in the Middle Ages, namely a silver pin for veil recently found in Stolniceni village, Republic of Moldova. The item consists of two parts, a long needle (pin) and a decorative flat head decorated with filigree, pseudo-granulation, colored by paste-like insertions and petal-shaped pendants. Analogues for such accessories are known from Furceni, Musaitu and Bălțați coin hoards, found on the territory of the medieval Moldovan state (actual Republic of Moldova and Romania). They allow us to date the item by the 16th century.

Also, according to the material found in Stolniceni village, as well as other finds around it, allows us to conclude that a medieval settlement that functioned during 16th—19th century could have existed here.

Л. В. Дергачева

Средневековый женский аксессуар головного убора из Республики Молдова

В статье речь идет о женском модном аксессуаре средневекового периода, а именно булавки для вуали, изготовленной из серебра и найденной в с. Столничены, Республика Молдова. Предмет характеризуется длинной иглой (штырем) и декоративной плоской головкой, которая украшена сканью, псевдозернью, цветными вставками и лепестковидными подвесками. Аналогии для подобных предметов известны покладам Фурчень, Мусайту и Бэлцац с территории средневековой Молдавии (территории современных Республики Молдова и Румынии), которые позволяют датировать данный предмет XVI веком.

Также по материалам, найденным в Столниченах, и другим находкам этого региона, мы склонны полагать, что здесь находилось средневековое поселение, существовавшее на протяжении XVI—XIX вв.

Предмет, о котором пойдет речь, был найден в селе Столничены Хынчештского района Республики Молдова (Stolniceni, raionul Hâncești, Republica Moldova) при неустановленных обстоятельствах. Это шпилька или булавка для вуали, изготовленная из серебра и состоящая из двух частей — иголки и напаянной на нее декоративной головки (рис. 1; 2).

Головка булавки представляет из себя плоскую пластину почти круглой формы диаметром 45 мм (рис. 1: а; 2: а). На лицевой стороне пластины, в центральной ее части, расположен высокий каст круглой формы диаметром 12 и высотой 6 мм, заполненный стекловидной пастой бледно-голубого цвета (рис. 2: с). По краю пластины, в качестве некоей каймы/бордюра, пущен ряд небольших шариков, припаянных на некотором расстоянии друг от друга (рис. 1: а, b, d; 2: а—с). Между ними — кастом и бордюром, по их внутреннему краю, располагается по одному тонкому пояску из двух перевитых проволок, которые

окаймляют эти два основных элемента и отделяют их от остальной композиции (рис. 1: а; 2: а). В поле, вокруг каста в виде лучей солнца, располагается восемь групп парных трубочек (из которых одна не сохранилась), напаянных горизонтально, сформированных из спирально закрученной проволоки прямым витком, длина каждой из которых варьирует между 6 и 9 мм (рис. 1: а; 2: а). Каждая группа трубочек отделена от близлежащей одной трубочкой, также выполненной из спирально закрученной проволоки прямым витком, но прикрепленной на этот раз вертикально. Две из них, расположенные друг напротив друга и вертикально по отношению к окружающим и/или носителю булавки (т.е. перпендикулярно игле), снабжены дополнительными декоративными деталями (рис. 2: а—с). А именно, лепестковидными подвесками, каждая из которых крепится к основе посредством проволоки, продетой через трубочку и отверстие в самой пластине. Концы проволоки выведе-



Рис 1. Булавка для вуали из села Столничены. Общий вид (фото автора).

Fig. 1. Pin for veil found in Stolniceni village. General view (photo by the author).

ны на обратную сторону пластины и отогнуты в разные стороны (рис. 1: с).

Каждая из групп горизонтально лежащих трубочек дополнительно украшена рядом шариков, прикрепленных параллельно им, по стыку между ними. Их количество варьирует от трех до четырех единиц. Шарiki отсутствуют только на одной группе трубочек (рис. 1: а; 2: с), как, впрочем, и на восьмой не сохранившейся группе, о которой у нас нет данных. Несколько шариков крепится вокруг каста, перекрывая собой тонкий поясок из витой проволоки. Впрочем, их расположение не подчиняется какому-либо правилу и не следует принципам симметрии. В общем, размер шариков, использованных в отделке украшения, варьирует от совсем небольших до достаточно крупных, которые в несколько раз превосходят самые маленькие.

Пластина, или головка булавки, крепится к штырю (игле), которая полностью сохранилась. Ее длина 119 мм при диаметре 15 мм.

Штырь, раскованный в месте крепежа, припаян к обратной стороне пластины по всей ее длине (рис. 1: с). Таким образом, общая длина изделия составляет 119 мм, из которых 45 мм приходится на декоративную головку, а оставшаяся разница — на иглу, которой это украшение крепилось к вуали.

Аналогий для подобного типа булавок сохранилось не так уж много. Большая часть из известных на сегодняшний день происходит из монетно-вещевых комплексов, найденных на территории исторической Молдавии. К ним относятся клады Мусаиты и Фурчень с территории Республики Молдова и клад Бэлцац из Румынии. Форма булавок в этих комплексах разнится от случая к случаю, но как мы увидим ниже, предпочтение отдается формам в виде цветков или розеток.

Близкие по стилю изготовления булавки найдены в кладе Фурчень из Орхейского района (Furceni, r-nul Orhei, 2006—2007). И хотя опубликованы они лишь в рисунках, из сде-



Рис. 2. Детали булавки для вуали из села Столничены (фото автора).

Fig. 2. Details of the pin for veil found in Stolniceni village (photo by the author).

ланных прорисовок отчетливо видно, что три известных изделия украшены сканью, зернью и крупными шариками, вставками пастовидной массы и, что примечательно, лепестковидными подвесками схожего облика (Dergaciova, Reabteva, Telnov 2011: 97—112, fig. 5—6). В то же время головки этих булавок представляют собой восьмилучевые пластины, в которых углы чередуются с полусферами (соответственно 4/4), составляя композицию в виде розетки. Монетная часть клада, включающая 44 центральноевропейские монеты, покрывает период 1472—1603 гг., что указывает на предположительное время сокрытия комплекса — начало XVII века.

Схожие по форме и декору булавки из Фурченского клада найдены и в комплексе Бэлцац Васлуйской области (Bălțați, jud. Vaslui, 1998). Из последнего также происходят три булавки, и все они характеризуются точно такой же техникой изготовления: от восьмиугольной формы пластин (с фестончатым краем в одном случае), скани и зерни, до цветных вставок и лепестковидных подвесок (CMN-III: 57—89, nr. 4; 73, fig. 7—9). На основании 812 центральноевропейских монет, обнаруженных в кладе, даты которых вписываются в интервал 1445/1459—1611 гг., время сокрытия комплекса можно также отнести к началу XVII века.

Несколько другими по форме и технике изготовления являются четыре булавки из клада Мусаиту Тараклийского района (Musaitu,

r-nul Taraclia, 1964). Все они повторяют форму цветов-соцветий, будучи вырезаны, как по трафарету, из пластин-заготовок. Их отличительной чертой является использование большого количества цветных вставок (ляпислазури и стекла), дополненных для придания ажурности сканью и, что наиболее важно, полное отсутствие лепестковидных подвесок (Tezaure din muzeele 1994: 25—30, nr. 9; pl. XXV: 1, XXVI: 1, XXVII: 1, XXXVIII: 1; цветные изображения см.: Moneda 2015: 226, pl. LXIX). В то же время, наличие в кладе других украшений, основной отличительной чертой которых являются подвески, как то: декоративные накладки/нашивки, предметы ритуального использования и другие, могут свидетельствовать лишь о некоторых модных отклонениях в производстве первых и о синхронности существования одних и других. Нумизматическая компонента клада включает три центральноевропейских монеты, датированных в 1584, 1587 и 1589 гг., что датирует сокрытие этого комплекса концом XVI — началом XVII вв.

К вышеописанным типам булавок, в некоторой степени, могут быть отнесены и шляпные булавки несколько больших размеров, каждая из которых смоделирована в форме двух павлинов, сопоставленных спинками. Три известных на сегодняшний день булавки этого вида происходят из кладов Дезгинджа Кантемировского района (Dezghingea, r-nul Cantemir, 1928; 2 экз.) (Ioniță 2002: 210,

214, pl. II: 12a, b, 13) и Дрэгушень Страшенского района (Drăgușeni, r-nul Strășeni, 2011) (Рябцева, Дергачева 2017: 92—93, fig. 1: 1), найденных на территории Республики Молдова. Они украшены теми же техническими приемами, что и предметы из вышеперечисленных комплексов Фурчень и Бэлцац, и так же располагают многочисленными лепестковидными подвесками. Эти клады были накоплены, исходя из датировок монет, найденных в них, на протяжении XVI, самое позднее, начала XVII вв.: наиболее поздняя монета из клада Дезгинджа датирована 1601 г., а монета из клада Дрэгушень, соответственно, периодом 1608—1622 гг.

Стоит также упомянуть ряд булавок для вуали, обнаруженных в господарской усыпальнице монастыря Пробота в Сучавской области (Mănăstirea Probota, jud. Suceava). Усыпальница была возведена для членов семьи Петра Рареша, господаря Молдавии в 1527—1538 и 1541—1546 гг. На этот раз речь идет о миниатюрных булавках круглой формы, изготовленных из золота и украшенных сканью, зернью, лепестковидными подвесками (в одном случае), различными драгоценными камнями и жемчугом (цветные изображения см.: Reabțeva 2014: 315, fig. 53: 1—4).

Таким образом, возвращаясь к предмету нашего исследования, мы склонны полагать, что время его изготовления можно отнести к XVI веку. Этот вывод основывается не только на аналогичных предметах из кладовых комплексов, но и на общей балканской традиции использования декоративных элементов, в данном случае лепестковидных подвесок, которые издают звенящий звук во время движения. Пока мы затрудняемся выдвигать какие-либо точки зрения о предполагаемом местонахождении ремесленного центра или мастерских, которые могли бы производить подобные украшения. Мы не исключаем, что некоторые из них могли располагаться и на территории средневековой Молдавии, но об это пока рано говорить, поскольку для начала необходимо проанализировать все схожие украшения рассматриваемого региона и сравнить их с находками на соседних территориях.

И в заключение хотелось бы рассмотреть место обнаружения нашей булавки. По предоставленной нам информации¹, она происходит из села Столничены или его ближайшей округи. Предметы, найденные там, как то: мо-

неты², украшения, керамика и другие, могут свидетельствовать в пользу предположения, что здесь находилось средневековое поселение, бытовавшее, исходя из доступной нам информации, как минимум на протяжении XVI—XIX вв. Однако о его существовании в археологической литературе не упоминается. В то же время, расположение Столничен в центральной части Пруто-Днестровского междуречья, в зоне максимальной концентрации молдавских средневековых поселений XV—XVII вв., в значительной мере способствует этому предположению. Оно подкреплено также и находками единичных монет на памятнике³ Лэпушна Хынчештского района во время систематических работ⁴, и различных средневековых кладов из близлежащих пунктов, а именно комплексов Чучулень-I⁵ и Чучулень-II⁶, Данку⁷, Леушень-Кэрпиень⁸, Онешть⁹, все из Хынчештского района. К ним можно добавить и уже введенные в научный оборот поселения Хородка (Horodca) II, V и IX (Полевой, Бырня 1974: 98, nr. 157—159), Новые Русешты (Ruseștii Noi) I и III (Полевой, Бырня 1974: 100, nr. 166—167), Бардар (Bardar) III и VII

² К примеру монеты Садагурской чеканки, 2 пара — 3 копейки 1773 г., 2 копейки 1818 года Российской империи (Boldureanu 2013: 402, nr. IV).

³ Лэпушна I и III (Lăpușna I, III) (Полевой, Бырня 1974: 78, nr. 68—69).

⁴ Во время археологических раскопок разрозненно были найдены украшения и средневековые польские, шведские, венгерские и османские монеты XV—XVII вв. (Ursu, Dergaciova 2014: 49; Boldureanu 2014: 366—367); а также османские монеты XVIII века (Boldureanu 2013: 399, nr. III; 2016: 372, nr. II: 4).

⁵ Клад был найден в 1913 году и состоял из 101 монеты, датируемых 1488—1617 гг. (Нудельман 1976: 124, № 51).

⁶ Комплекс обнаруженный в 1940 году, включал в себя украшения и 123 монеты, отчеканенные в 1495/1501—1597 гг. (Нудельман 1988: 130—131, № 6).

⁷ Небольшой клад 1971 года, состоявший из 8 монет 1479/1485—1501/1506 гг. (Нудельман 1974а: 222—223, 227, № 2—12; 1976: 99—100, № 14; Tezaure din muzeele 1994: 17, nr. 1).

⁸ Накопление, найденное в 1968 году и включавшее в себя как минимум 914 монет, отчеканенных в период 1467—1566/1574 гг. (Нудельман 1974b: 214—215, № 6; 1976: 99, № 13; Tezaure din muzeele 1994: 19—21, nr. 5; Boldureanu, Tabuică 2011: 85—95).

⁹ Еще один комплекс XVI века, найденный в 1954 г. и состоящий из 288 сохранившихся экз., отчеканенных в период 1405/1447—1584 гг. (Нудельман 1976: 98—99, № 12; Tezaure din muzeele 1994: 21—24, nr. 6; Nicolae 2003: 91; Boldureanu, Tabuică 2005: 157—162; Boldureanu 2007: 356, nr. IV: 14).

¹ Выражаем искреннюю благодарность владельцу коллекции за предоставленную информацию.

(Полевой, Бырня 1974: 101, nr. 168—169) Яловенского района и Пашкань (Pașcani) I (Полевой, Бырня 1974: 77, nr. 63), Руска (Rusca) (Полевой, Бырня 1974: 78, nr. 70) Хынчештского района, расположенные в непосред-

ственной близости от Столничен и датируемые на основании материалов, найденных на них как случайно, так и при систематических исследованиях, XV—XVII, а зачастую и XVIII вв.

Литература

- Нудельман А. А. 1974а. Монеты из раскопок и сборов 1971—1972 гг. *АИМ в 1972 г.*, 204—228.
- Нудельман А. А. 1974б. Монеты из раскопок и сборов 1972—1973 гг. *АИМ в 1973 г.*, 188—229.
- Нудельман А. А. 1976. *Топография кладов и находок единичных монет*. Археологическая карта Молдавской ССР 8. Кишинев: Штиинца.
- Нудельман А. А. 1988. Несколько неизданных монетных кладов XVI в. из Днестровско-Прутского региона. *АИМ в 1983 г.*, 126—141.
- Полевой Л. Л., Бырня П. П. 1974. *Средневековые памятники XIV—XVII вв.* Кишинев: Штиинца.
- Рябцева С. С., Дергачева Л. В. 2017. О двух находках позднесредневековых кладов ювелирных украшений (в связи с вопросом о присутствии дериватов золотоордынских изделий в памятниках Молдавского княжества). *Stratum plus* (6), 91—116.
- Boldureanu A. 2007. Cronica descoperirilor monetare I. *Tyragetia* s.n. 1 (1), 351—360.
- Boldureanu A. 2013. Cronica descoperirilor monetare VII. *Tyragetia* s.n. 7 (1), 397—403.
- Boldureanu A. 2014. Cronica descoperirilor monetare VIII. *Tyragetia* s.n. 8 (1), 363—370.
- Boldureanu A. 2016. Cronica descoperirilor monetare X. *Tyragetia* s.n. 10 (1), 369—375.
- Boldureanu A., Tabuică R. 2005. Date noi privind tezaurul de la Onești, Raionul Hâncești. In: Nicolae E. (red.). *Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903—2003)*. Chișinău, 26—28 noiembrie 2003. București: Editura enciclopedică, 157—162.
- Boldureanu A., Tabuică R. 2011. Asprii otomani din tezaurul de la Leușeni, raionul Hâncești, Rep. Moldova. *SCN* s.n. 1, 85—95.
- CMN-III: Butnariu V.M. (coord.). 2007. *Corpus Nummorum Moldaviae III. Monnaies et parures du Musée Départemental „Ștefan cel Mare” de Vaslui*. Iași: Editura Panfilius.
- Dergaciova L., Reabțeva S., Telnov N. 2011. Tezaurul descoperit la Furceni, raionul Orhei, Republica Moldova (începutul secolului al XVII-lea). *SCN* s.n. 1, 97—112.
- Ioniță A. 2002. Podoabe asociate cu monede în tezaure medievale aflate în colecțiile Institutului de Arheologie „Vasile Pârvan”. In: Nicolae E. (red.). *Simpozion de Numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476—2001)*. Chișinău, 13—15 mai 2001. București: Editura enciclopedică, 209—220.
- Moneda 2015: Boldureanu A., Nicolae E. (coord.). *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală „Andrei Lupan”.
- Nicolae E. 2003. *Moneda otomană în Țările Române în perioada 1451—1512*. Chișinău: Editura ARC.
- Reabțeva S. 2014. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII)*. Brăila: Editura Istros.
- Tezaure din muzeele 1994: Butnariu V.M. (coord.). 1994. *Tezaure din muzeele orașului Chișinău, secolele XVI—XVIII*. Chișinău: Editura Universitat.
- Ursu I., Dergaciova L. 2014. Descoperiri monetare în necropola medievală de la Lăpusna. In: Bacumenco-Pîmău L. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională. Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor (ediția a VI-a)*. Rezumatel comunicărilor. Chișinău, 22—23 mai 2014. Chișinău: Garomont Studio SRL, 49.

References

- Nudelman, A.A. 1974. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1972 g. (Archaeological Investigations in Moldova in 1972)*, 204—228 (in Russian).
- Nudelman, A.A. 1974. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1973 g. (Archaeological Investigations in Moldova in 1973)*, 188—229 (in Russian).
- Nudelman, A.A. 1976. *Topografiia kladov i nakhodok edinichnykh monet (Topography of Hoards and Finds of Isolated Coins)*. Series: Archaeological Map of the Moldavian SSR 8. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Nudelman, A.A. 1988. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1983 g. (Archaeological Investigations in Moldova in 1983)*, 126—141 (in Russian).
- Polevoy, L.L., Bînea, P.P. 1974. *Srednevekovye pamiatniki XIV—XVII vv. (Medieval Sites of 14th—17th Centuries)*. Series: Archaeological Map of the Moldavian SSR 7. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Dergacheva, L.V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 91—116 (in Russian).
- Boldureanu, A. 2007. Cronica descoperirilor monetare I. *Tyragetia*, s.n. 1 (1), 351—360.
- Boldureanu, A. 2013. Cronica descoperirilor monetare VII. *Tyragetia*, s.n. 7 (1), 397—403.
- Boldureanu, A. 2014. Cronica descoperirilor monetare VIII. *Tyragetia*, s.n. 8 (1), 363—370.
- Boldureanu, A. 2016. Cronica descoperirilor monetare X. *Tyragetia*, s.n. 10 (1), 369—375.
- Boldureanu, A., Tabuică, R. 2005. Date noi privind tezaurul de la Onești, Raionul Hâncești. In: Nicolae, E. (red.). *Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903—2003)*. Chișinău, 26—28 noiembrie 2003. București: Editura enciclopedică, 157—162.
- Boldureanu, A., Tabuică, R. 2011. Asprii otomani din tezaurul de la Leușeni, raionul Hâncești, Rep. Moldova. *SCN*, s.n. 1, 85—95.
- Butnariu, V.M. (coord.). 2007. *Corpus Nummorum Moldaviae III. Monnaies et parures du Musée Départemental „Ștefan cel Mare” de Vaslui*. Iași: Editura Panfilius.
- Dergaciova, L., Reabțeva, S., Telnov, N. 2011. Tezaurul descoperit la Furceni, raionul Orhei, Republica Moldova (începutul secolului al XVII-lea). *SCN*, s.n. 1, 97—112.
- Ioniță, A. 2002. Podoabe asociate cu monede în tezaure medievale aflate în colecțiile Institutului de Arheologie “Vasile Pârvan”. In: Nicolae, E. (red.). *Simpozion de Numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476—2001)*. Chișinău, 13—15 mai

2001. București: Editura enciclopedică, 209—220.
- Boldureanu, A., Nicolae, E. (coord.). 2015. *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală „Andrei Lupan”.
- Nicolae, E. 2003. *Moneda otomană în Țările Române în perioada 1451—1512*. Chișinău: Editura ARC.
- Reabȃeva, S. 2014. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII)*. Brăila: Editura Istros.
- Butnariu, V.M. (coord.). 1994. *Tezaure din muzeele orașului Chișinău, secolele XVI—XVIII*. Chișinău: Editura Universității.
- Ursu, I., Dergaciova, L. 2014. Descoperiri monetare în necropola medievală de la Lăpusna. In Bacumenco-Pîrnău, L. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională. Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor (ediția a VI-a)*. Rezumatele comunicărilor. Chișinău, 22—23 mai 2014. Chișinău: Garomont Studio SRL, 49.

Статья поступила в сборник 17 февраля 2020 г.

Lilia Dergaciova (Bucharest, Romania). Doctor of History. The Romanian Academy Library, Numismatic Hall¹.

Дергачева Лилия Валентиновна (Бухарест, Румыния). Доктор истории. Библиотека Академии наук Румынии, Нумизматический кабинет.

E-mail: dergaciova.lili@gmail.com

Address: ¹ Calea Victoriei, 125, sector 1, Bucharest, 010071, Romania

Н. М. Калашникова

Об использовании украшений-реплик при реконструкции костюмных комплексов

Keywords: archaeological reconstruction, historical reconstruction, ethnographic reconstruction, replica, Old Russian jewelry, Alyoshins' workshop, Veliky Novgorod

Ключевые слова: археологическая реконструкция, историческая реконструкция, этнографическая реконструкция, реплика, древнерусские украшения, мастерская Алёшиных, Великий Новгород

N. M. Kalashnikova

On Using Jewellery Replicas during Reconstruction of the Historical Dresses

The author suggests using specific terms to distinguish reconstructed dresses of various epochs, for example: archaeological, historical, ethnographic reconstructions. Also, the author proposes to name any decoration added to reconstructed dress a replica, meaning a similar artifact made with the help of new technologies and, probably, using new materials and a different scale. The article analyzes articles produced by the Alyoshins' workshop from Veliky Novgorod as a positive model.

Н. М. Калашникова

Об использовании украшений-реплик при реконструкции костюмных комплексов

В статье предлагается использовать для обозначения восстановленных костюмных комплексов разных эпох термины: археологическая, историческая, этнографическая реконструкции, а для дополнения таких комплексов украшением пользоваться словом «реплика», обозначающим похожий на артефакт предмет, но выполненный по современным технологиям, возможно, из других материалов и в несколько измененном масштабе. В качестве положительного примера изготовления украшений-реплик анализируются работы мастерской Алёшиных из Новгорода Великого.

В настоящее время возрастает интерес к историческому костюму, который может восприниматься и как художественная ценность, и как некий информационный код эпохи, и как источник творчества и пр. Широкая сфера применения исторического костюма породила и его реконструкцию, как способ воссоздания аутентичного образа. Следует отметить, что в области археологии, истории, искусствознания, этнологии, культурологии и музейной практики вопрос о реконструкции артефактов несомненно актуален, однако эффективное обсуждение заявленной темы требует разяснения ряда терминологических позиций. В различных словарях XIX—XX вв. находим трактовку термина, свидетельствующую о том, что реконструкция обозначает переустройство, переоборудование чего-либо, в том числе в области архитектуры или изобразительного искусства (БСЭ 1975, 21: 615). При этом имелось ввиду археологическое понимание реконструкции, как восстановления первоначального облика памятника архитектуры, скульптуры, предмета прикладного искусства, а также го-

рода, селения и т.д., выражающееся в составлении описания, создании чертежа, рисунка, модели, передающих облик объекта. Следует отметить, что в словарном определении имелась важная ремарка, уточнение: в отличие от реставрации, реконструкция не всегда предполагает практическое восстановление памятника (БСЭ 1975, 22: 46). В наши дни под реконструкцией как в области духовного, так и материального наследия при изучении истории, религии, культуры, письменности, архитектуры, искусства и т.д. понимают воссоздание по фрагментам с разной степенью приближения цельного образа объекта.

Исследуя данный феномен на протяжении длительного времени, нами было предложено воссоздание одежды ранних периодов именовать *археологической* реконструкцией, костюма периода средневековья — *исторической* реконструкцией, а изготовление костюмов и украшений к ним на основании изучения существующих памятников этнической культуры — *этнографической* реконструкцией (Калашникова 2009).

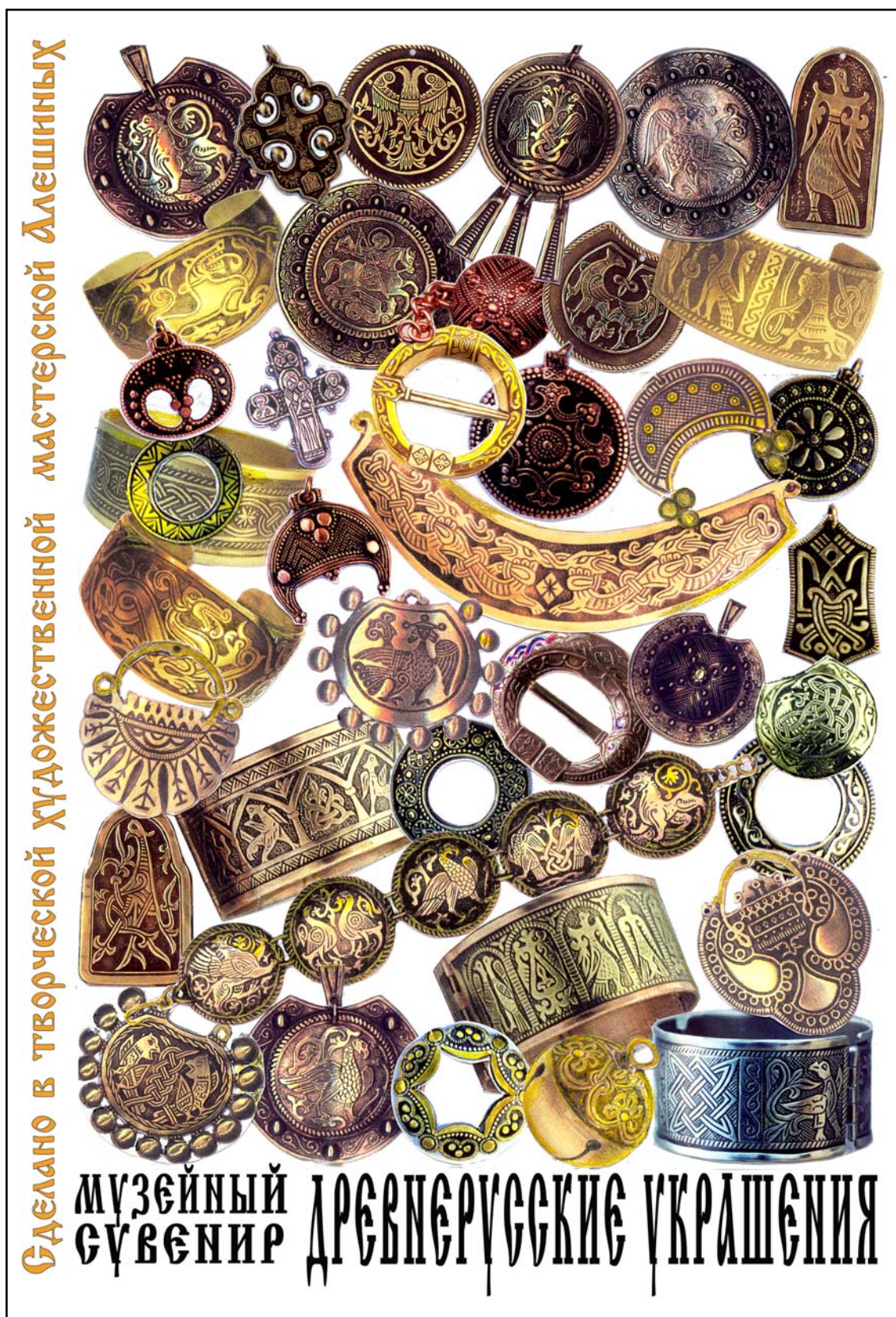


Рис. 1. Изделия мастерской Алёшиных. Великий Новгород (все фото предоставлены мастерской Алешиных).

Fig. 1. Products of Alyoshin's workshop. Veliky Novgorod (all photos are provided by Alyoshin's workshop).

Не вызывает сомнения, что реконструкция одежды, аксессуаров и украшений определенной эпохи должна выполняться на основании тщательного изучения различных типов источников, для чего должна быть разработана правильная технология изготовления старинной одежды, требующая наличия соответствующих тканей, выполненных с соблюдением традиционных способов изготовления и окрашивания, воспроизведения соответствующего кроя и пошива костюмов реконструируемого времени, а также изготовления разнообразных аксессуаров и украшений к ним.

Археологическая реконструкция довольно часто предлагается в работах археологов в качестве графической реконструкции, где восстанавливается по части (фрагментам) найденных предметов целое, например, изображение керамического сосуда, чертеж поселения или погребения, рисунок костюмного комплекса с обозначением расположения украшений и пр. Существует мнение, что в археологии зачастую производится реконструкция не всего объекта, а лишь некоторых его параметров, т.е. реконструкция в заданных пределах.

В качестве примера успешных археологических реконструкций костюма населения Северо-Западной Руси, в которых важную роль играют украшения, можно привести работы П.Л. Лехтосало-Хиландер, С.И. Кочкуркиной, Н.В. Хвоцинской и многих других (Lehtosalo Hilander 1980; Кочкуркина 1986: 64—74; Хвоцинская 2004: 292). В этих случаях следует констатировать использование при реконструкции сохранившегося полностью или фрагментарно артефакта, а именно конкретного украшения.

Историческая реконструкция в России появилась как развитие одного из методов экспериментальной археологии, с помощью которого можно было наглядно доказать или опровергнуть теоретические выкладки историков. Историческая реконструкция предполагает воссоздание материальной (одежда, оружие, предметы обихода, продукты питания и пр.) и духовной культуры той или иной исторической эпохи или знаменательного события с использованием археологических, изобразительных и письменных источников. За рубежом это направление досуга и обслуживания его индустрия, насчитывающая уже несколько десятилетий, приобрели устойчивую культурную репутацию, обеспеченную соответствующей инфраструктурой. Исторические реконструкции появились в России в начале 1990-х годов. С тех пор все больше



Рис. 2. Височные кольца.

Fig. 2. Temple rings.

людей стало вовлекаться в этот удивительный мир ролевых игр средневековья и других эпох, участвуя в турнирах, фестивалях или постановках сражений.

В качестве примера приведём опыт проведения военно-исторических фестивалей эпохи раннего средневековья в музее-заповеднике «Старая Ладога» близ Санкт-Петербурга, где для участников реконструкции организуются выставки археологических артефактов, работает улица «ручных ремесел», где можно наблюдать за изготовлением лодок и необычных снастей, узнать об искусстве ткачества и чеканки, кузнечном и ювелирном деле, а также принять участие в одном из мастер-классов. Среди изделий, выполненных вручную, демонстрируется обувь, одежда, кожаные сувениры, сундучки, различные поделки, игрушки



Рис. 3. Колты.

Fig. 3. Koly.

ки, которые можно было приобрести на фестивале в Старой Ладоге.

Особо следует отметить пользующиеся популярностью средневековые украшения, изготовление которых, предполагающее тщательное изучение источников, детальную проработку музейного материала, выглядело не всегда удовлетворительно. В связи с этим встает вопрос о выполнении украшений для реконструируемого костюма, которые могут представлять собой своеобразную **реплику** с предметов, найденных археологами и хранящихся в музеях. При этом реплика должна быть обязательно похожа на артефакт, но может быть выполнена с помощью современных технологий из других материалов и даже в несколько измененном масштабе.

Этнографическая реконструкция предполагает воссоздание костюмов и украшений к ним на основе изучения подлинных экспонатов, хранящихся в музеях, а также полевых материалов, полученных во время экспедиций. Некоторые исследователи называют эти костюмы копиями, предполагая, что это точные повторения, сделанные ручным способом и воспроизводящие конкретные одежды (БСЭ 1973, 13: 128). Но это не так, поскольку даже рукотворно выполненные ткани не являются аналогами подлинных (ведь используются другие нити, красители и пр.), а попытка правильно воспроизвести покрой и декор одежды не всегда увенчивается успехом. Следует отметить, что этнографические костюмы участников Всероссийских фестивалей, выполнен-



Рис. 4. Браслеты.

Fig. 4. Bracelets.

ные вручную, на основании изучения музейных, фольклорных и полевых материалов, более близки исторической реконструкции. Но они не являются таковой, так как основываются на подлинных, существующих памятниках материальной культуры того или иного этноса и их правильнее называть этнографической реконструкцией.

В качестве примера можно привести работы, представляемые на фестивале «Русский костюм на рубеже эпох» в Ярославле (с 2002 по 2020 гг.), успешно воспроизводящие и в XXI столетии облик традиционной одежды кон. XIX — нач. XX вв. Это коллекции клубов «Русские начала» (Москва), «Истоки» (Астрахань), «с. Усть-Цильма» (Республика Коми), «Традиция» (г. Судогда, Владимирская обл.) и др. (Калашникова 2018). Важно отметить, что украшения к этнографическим реконструкциям выполняются мастерами на основе изучения подлинных, целиком сохранившихся артефактов и поэтому являются не реконструкциями, а своеобразными репликами — внешне похожими, но выполненными из современных материалов, зачастую с использованием новых технологий, иногда в измененных масштабах.



Рис. 5. Серьги.

Fig. 5. Earrings.

Здесь уместно остановиться на вопросе о той роли, которую играют украшения в реконструируемом костюме. Следует признать, что независимо от того, какой бы тип реконструкции мы ни рассматривали (археологический, исторический или этнографический), украшения, первоначально имевшие обереговую, а затем и эстетическую функции, нам визуально известны, их до сих пор можно наблюдать в коллекциях музеев и в собраниях коллекционеров, в отличие от несохранившихся и лишь впоследствии реконструированных костюмов.

Поэтому особого рассмотрения достоин вопрос о выполнении украшений для реконструируемого костюма, которые могут представлять собой своеобразную *реплику* с пред-



Рис. 6. Подвески.

Fig. 6. Pendants.

метов, найденных исследователями и хранящихся в музеях. При этом реплика должна быть обязательно похожа на артефакт, но может быть выполнена с помощью современных технологий из других материалов и даже в несколько измененном формате.

В качестве положительного примера изготовления таких **реплик** хотелось бы привести изделия в древнерусском стиле, выполняемые в творческой мастерской Алешиных из Новгорода Великого¹.

¹ Основатель мастерской — Генрих Александрович Алёшин (1937—2009) родом из г. Великого Новгорода. По образованию — технолог по обработке металла резанием, с 1965 г. начал заниматься художественным металлом, участвуя в городских и областных выставках декоративно-прикладного искусства, а затем и всей северной зоны России (Петрозаводск, Сыктывкар, Череповец, Вологда). Более тридцати пяти лет Г. А. Алёшин разрабатывал образцы сувениров на предприятиях родного города, изготавливая декоративные тарелки, подсвечники, медали, плакетки, обложки записных книжек, юбилейные и памятные знаки, подвески и браслеты.

В 1990-е гг. член Союза художников России Генрих Александрович Алёшин организовал в Новгороде творческую лабораторию, сосредоточив свое внимание на изготовлении сувениров-украшений на основе изучения образцов ювелирных изделий, найденных археологами на раскопках Древнего Новгорода. Несомненно, интерес к древнерусской теме был обусловлен и местом рождения мастера, и личным знакомством с крупнейшим специалистом в области древнерусской истории, много лет занимавшимся новгородскими раскопками, академиком В. Л. Яниным.

Все эти изделия выполнялись им на основе изучения произведений древнерусского прикладного искусства, миниатюр и тератологического орнамента старинных книг, архитектурного декора Владимиро-Суздальской Руси XI—XIV вв. Технические приемы производства сувениров были традиционно ручными, при этом тонировка и полировка позволяли максимально использовать свойства металла, усиливали гармонию линий и форм.

Особенностью творческого почерка работ этой мастерской является глубокое проникновение в историю древнерусского прикладного искусства, изучение образцов ювелирных изделий, найденных археологами на раскопках Новгорода и других центров Древней Руси. Прекрасно владея традиционными техниками изготовления украшений: гравировкой, чеканкой, тиснением, литьем и др. — Максим Алёшин, продолжая традиции отца — Генриха Алёшина, создает современные, но вместе с тем, глубоко традиционные произведения (Калашникова 2007; 2010).

Все предметы в мастерской Алешиных вплоть до настоящего времени выполняются вручную, по авторской технологии и небольшими сериями. Техническими приемами являются гравировка, чеканка, вальцовка, тиснение. Материалом для изготовления украшений служит медь и ее сплавы, латунь, часть изделий выполняется с 30% посеребрением. Мастерская на протяжении своего существования занимается выпуском различных изделий, но наибольшее количество представляют реплики женских украшений. Это лунницы, фибулы, колты, створчатые и пластинчатые браслеты, монетовидные подвески, прообразом которых явились изделия XI—XIV вв. Так, например, в створчатых браслетах использованы формы и декор археологических находок XII—XIII вв., в пластинчатых браслетах отразились стилизованные орнаменты архитектуры Владимиро-Суздальской Руси, сферические браслеты появились в результате переработки древнерусских шейно-нагрудных украшений. Особо хочется отметить наличие в коллекции таких изделий, как гривны, которые достаточно редко используют даже современные ювелиры.

Головные и шейные украшения-лунницы, височные кольца, колты и разнообразные подвески декорированы фигурами животных и птиц в сочетании с растительным орнаментом. Особое место занимают изображения мифологических существ, что отражает склонность мастера Максима Алёшина к созданию фантастических образов, используя сложную «скандинавскую» плетенку. Вместе с тем, следует отметить, что, учитывая современное использование выполненных изделий, мастер переосмысливает назначение некоторых украшений, предлагая, например, использовать колты или височные кольца в качестве накладного украшения или декоративных серег.

Украшения-реплики выполняются вручную в технике гравировки, чеканки, вальцовки, тиснения, а в последнее время и спо-



Рис. 7. Брошь.

Fig. 7. Brooch.

собом литья по авторской технологии. Обращение к технике по выплавляемым моделям было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, известно, что значительное количество древнерусских украшений было выполнено именно литьем. Во-вторых, многие изделия особенно сложной формы, такие как колты, лунницы, фибулы, шумящие привески и другие прорезные украшения были достаточно трудоёмки по изготовлению (выпиливание лобзиком вручную давало лишь ограниченное количество). В результате за последние годы количество выпускаемых изделий значительно увеличилось, разнообразная продукция мастерской представлена в магазинах крупнейших музеев России: Москве (Музей Московского Кремля) и Петербурге (Государственный русский музей (ГРМ), Российский этнографический музей (РЭМ), а также в Новгороде Великом (Новгородский государственный объединённый музей-заповедник (НГОМЗ)), в городах «Золотого кольца» и др.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что воссоздание костюмных комплексов в виде археологической, исторической или этнографической реконструкции требует работы не только с определенным кругом источников (письменных, иллюстративных, вещественных), но и воспроизведения на практике этих реконструкций, связанных с изготовлением рукотворных костюмов и аксессуаров к ним, что должно опираться на работы мастеров, владеющих традиционными навыками обработки сырья (лен, конопля, шерсть, кожа, металл, береста и пр.). Что же касается выполнения украшений к костюмным реконструкциям разных времен, то их предлагается именовать *репликами*, трактуемыми как воспроизведение оригинальных изделий с возможным изменением материала, размера изделия и использованием новых технологий.

Литература

- БСЭ 1973, 13: Прохоров А.М. (гл. ред.). 1973. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. Т. 13. Москва: Советская энциклопедия.
- БСЭ 1975, 21: Прохоров А.М. (гл. ред.). 1975. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. Т. 21. Москва: Советская энциклопедия.
- БСЭ 1975, 22: Прохоров А.М. (гл. ред.). 1975. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. Т. 22. Москва: Советская энциклопедия.
- Калашникова Н.М. 2007. Творческая мастерская Алешинных. В: *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов XVI colloquiuma. Санкт-Петербург: ГЭ, 30—31.
- Калашникова Н.М. 2009. К вопросу о дефинициях: реконструкция-копия-реплика костюма. В: *Труды СПбГУКИ* 186. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 97—100.
- Калашникова Н.М. 2010. Украшения-сувениры Генриха Алешина. В: Калашникова Н.М. (ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Мат-лы XIII межд. науч. конф. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 429—431.
- Калашникова Н.М. 2018. Этнографическая реконструкция — один из способов трансляции этничности в XXI веке. В: Грусман В.М., Герасименко Е.Е. (отв. ред.). *Вещь в трансляции этничности*. Мат-лы XVII Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: РЭМ; СПбГУТД, 166—171.
- Кочкуркина С.И. 1986. *Корела и Русь*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Хвоцинская Н.В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье)*. Труды ИИМК VI. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Lehtosalo Hilander P.L. 1980. Common characteristic features of dress expressions of kinship or cultural contacts. In: *Fenno-ugri et slavi 1978*. Helsinki: Helsingin yliopisto, Arkeologian laitos, 243—260.
- Ovadiya A., Muchnik S. 2009. *Worshipping the gods: art and cult in Roman Eretz Israel*. Leiden: Alexandros Press.

References

- Prokhorov, A. M. (ed.-in-chief). 1973. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* 13. Moscow: "Sovetskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).
- Prokhorov, A. M. (ed.-in-chief). 1975. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* 21. Moscow: "Sovetskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).
- Prokhorov, A. M. (ed.-in-chief). 1975. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* 22. Moscow: "Sovetskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).
- Kalashnikova, N. M. 2007. In *Juvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Abstracts of the XVI colloquium. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 30—31 (in Russian).
- Kalashnikova, N. M. 2009. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Papers of Saint Petersburg State University of Culture and Arts)* 186. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts, 97—100 (in Russian).
- Kalashnikova, N. M. 2010. In Kalashnikova, N. M. (ed.). *Moda i dizain: istoricheskii opyt — novye tekhnologii (Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies)*. Proceedings of the 13th conference. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 429—431 (in Russian).
- Kalashnikova, N. M. 2018. In Grusman, V. M., Gerasimenko, E. E. (eds.). *Veshch' v transliatsii etnichnosti (Thing Transmitting Ethnicity)*. Proceedings of the 17th Saint Petersburg Ethnographical Meeting. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 166—171 (in Russian).
- Kochkurkina, S. I. 1986. *Korela i Rus' (Korela and Ancient Rus)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khvoshchinskai, N. V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhov'e) (Finns in the West of Novgorod Land (by materials of graveyard Zalakhov'e))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences VI. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Lehtosalo Hilander, P. L. 1980. Common characteristic features of dress expressions of kinship or cultural contacts. In *Fenno-ugri et slavi 1978*. Helsinki: Helsingin yliopisto, Arkeologian laitos, 243—260.
- Ovadiya, A., Muchnik, S. 2009. *Worshipping the gods: art and cult in Roman Eretz Israel*. Leiden: Alexandros Press (in Russian).

Статья поступила в сборник 20 мая 2020 г.

Natalia Kalashnikova (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Culturology. The Russian Museum of Ethnography¹.
Калашникова Наталья Моисеевна (Санкт-Петербург, Россия). Доктор культурологии. Российский этнографический музей.

E-mail: ethnonataly@mail.ru

Address: ¹ Inzhenemaya St, 4/1, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Совершенство изысканных украшений

Perfection of fine jewelry

О. В. Гопкало

Кольца, височные кольца, браслеты, серьги, гривны — редкие аксессуары погребального убора культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш

Keywords: Northern Black Sea region, Carpathian-Danube region, Late Roman time, Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture, costume, dress accessories

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Карпато-Дунайский регион, позднеримское время, культура Черняхов — Сынтана-де-Муреш, костюм, убор

O. V. Gopkalo

Finger Rings, Temple Rings, Bracelets, Earrings, Torcs: rare accessories of burial dress of the Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture

The burial dress of Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture is represented by the following categories of finds: fibulae, belt details, beads, pendants, rings, temple rings, bracelets, earrings, torcs. The latter five categories of finds are not numerous and do not form series. Their inclusion in Chernyakhov costume is supposed to be a manifestation of foreign cultural traditions and rules. The aim of this work is to find analogies to Chernyakhov's finds of rare categories, to determine their origin and to interpret the reason why they are found in the Chernyakhov area. The study allowed to conclude that, in fact, it is impossible to establish the one reason why those rare categories of dress accessories could be found in the Chernyakhov culture area. Some of them are trophies of Scythian wars, some are items popular with the Late Scythian, Sarmatian population of Northern Black Sea region, and most of them are jewelry articles popular over a wide territory.

O. V. Gopkalo

Кольца, височные кольца, браслеты, серьги, гривны — редкие аксессуары погребального убора культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш

Погребальный убор черняховской культуры представлен следующими категориями находок: фибулами, деталями пояса, бусами, подвесками, кольцами, височными кольцами, браслетами, серьгами, гривнами. Последние пять категорий находок немногочисленны и не образуют серий. Их включение в черняховский костюм, как предполагается, является проявлением инокультурных традиций и правил. Цель данной работы — найти аналогии черняховским находкам редких категорий, определить их происхождение и обосновать причину поступления в черняховский ареал. В результате проведенного исследования установлено, что единой причины поступления в ареал черняховской культуры редких категорий аксессуаров костюма не существовало. Часть из них — трофеи Скифских войн, часть — предметы, популярные у позднескифского, сарматского населения Северного Причерноморья, большинство — ювелирные изделия, популярные на обширной территории.

В состав погребального убора культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш (далее ЧСМ) входят следующие категории находок: фибулы, детали пояса, бусы, подвески, кольца, так называемые височные кольца, браслеты, серьги и гривны. Аксессуарами костюма сопровождались 2148 погребений, что составляет 33% от учтенных. В количественном отношении значительно преобладают бусы, подвески, фибулы и пряжки. Остальные категории аксессуаров костюма немногочисленны или единичны (табл. 1; 2).

Фибулы, детали пояса, украшения (бусы и подвески) систематизированы. Для них разработаны классификационные схемы, выделены типы вещей. По устойчивым сочетани-

ям типов фибул, пряжек, украшений, а также других категорий находок, поступавших главным образом из римских провинций, таких как амфоры и стеклянная посуда, предложена периодизация культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш (Diaconu 1971; Гороховский 1988: 15—64, 191—285; Gavritukhin 2002; Гороховский, Гопкало 2004; Гопкало 2008; Петраускас 2010; Петраускас, Синица 2010; Schuster 2017; 2017a).

К кольцам, височным кольцам, браслетам, серьгам, гривнам перечисленные исследовательские процедуры (классификация, типология, хронология) до сих пор не применялись. Из-за редкости их использования напрашивается вывод о том, что перечисленные предме-

Таблица 1.
Количество погребений
культуры ЧСМ
с аксессуарами костюма

Аксессуары костюма	Кол-во погребений
Фибулы	964
Пряжки	662
Бусы и подвески	1384
Кольца	14
Височные кольца	67
Браслеты	28
Серьги	3
Гривны	2

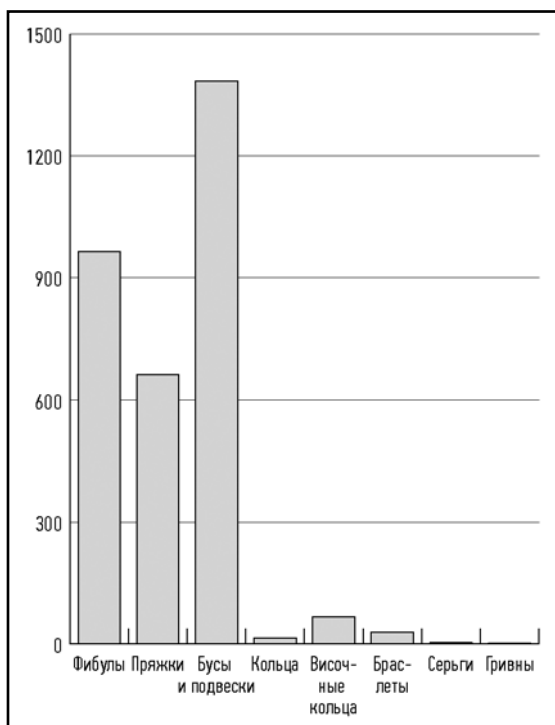
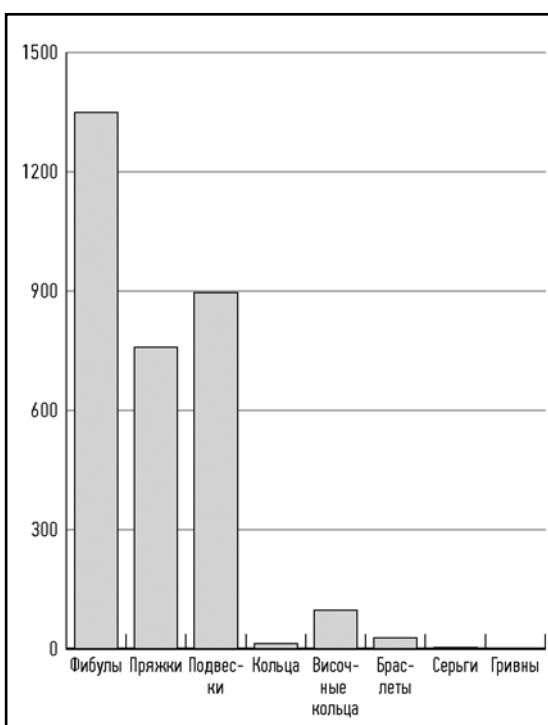


Таблица 2.
Количество аксессуаров
костюма в погребениях
культуры ЧСМ

Аксессуары костюма	Кол-во
Фибулы	1348
Пряжки	759
Подвески	895
Кольца	14
Височные кольца	97
Браслеты	28
Серьги	3
Гривны	2



ты составляли исключение из общекультурных костюмных норм. Попытаемся прояснить этот вопрос.

Кольца. Достоверные находки колец в комплексах культуры ЧСМ достаточно редки — они происходят из 19 погребений¹. По материалу образцы делятся на: золотые², се-

ребряные³, бронзовые⁴, железные⁵, материал не указан⁶. В ряде случаев установлено точное расположение кольца: на пальце правой руки⁷, в частности, безымянном⁸, указательном⁹, среднем¹⁰. Сами кольца разнообразны

¹ Александру Одобеску 5, Аркиуд 59, Бырлад — Валя-Сякэ 117, 344, 536, Дэнчень (вошел в литературу как Данчень) 64, 203, 371, Кантемировка, кург. 1, 3, Косаново 1961-4, Михэлэшень 65, 169, 347, Оселивка 58, Соснова 245, Тыргшор 3, 258, Холмское 50. Два экземпляра (Бырлад — Валя-Сякэ 117, 536) свернуты из корпуса фибул.

² Дэнчень 64, Кантемировка, кург. 1, 3, Оселивка 58.

³ Дэнчень 371.

⁴ Александру Одобеску 5, Бырлад — Валя-Сякэ 117, 344, 536, Дэнчень 203, Косаново 1961-4, Михэлэшень 347, Соснова 245, Тыргшор 258, Холмское 50.

⁵ Михэлэшень 65, 169.

⁶ Аркиуд 59, Тыргшор 3.

⁷ Бырлад — Валя-Сякэ 117, Кантемировка, кург. 1, Косаново 1961-4, Михэлэшень 347, Оселивка 58, Тыргшор 3.

⁸ Михэлэшень 65.

⁹ Михэлэшень 169.

¹⁰ Холмское 50.

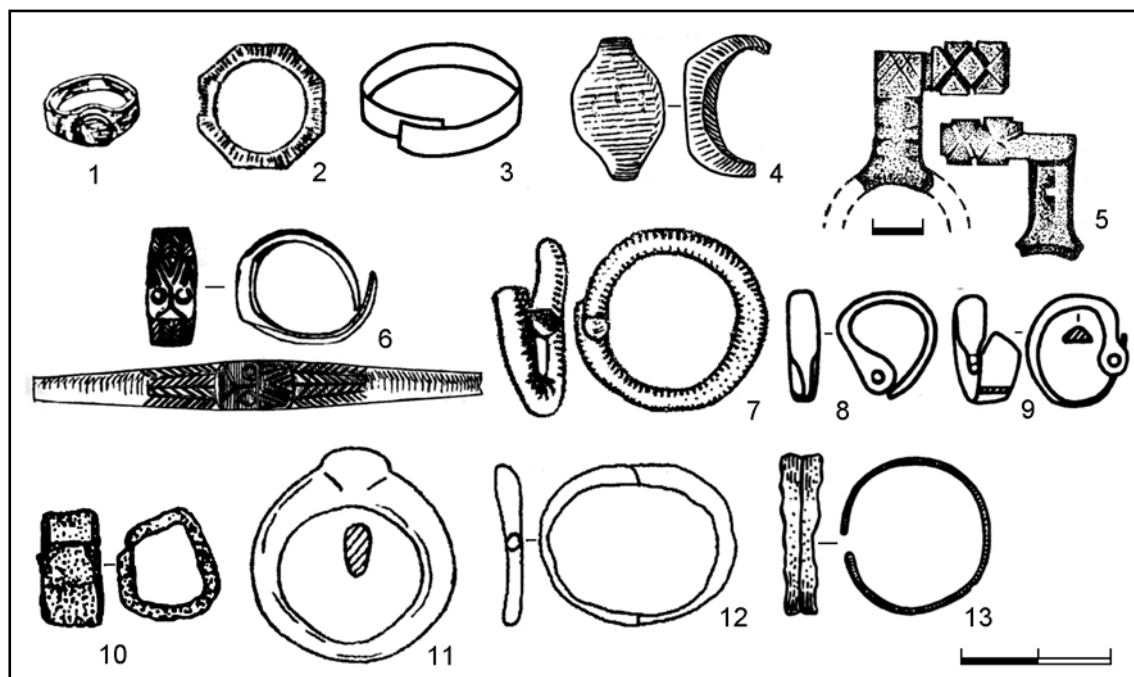


Рис. 1. Кольца из погребений культуры ЧСМ: 1 — Оселивка, погр. 58 (по Никитина 1988: табл. 30: 2); 2 — Дэнчень, погр. 64 (по Рафалович 1986: табл. XX: 13; Niculiță 2018: 162, №110); 3 — Кантемировка курган 1; 4 — Тыргшор, погр. 3 (по Diaconu 1965: pl. LXXII: 1); 5 — Дэнчень, погр. 203 (по Рафалович 1986: табл. XXXVII: 5); 6 — Тыргшор, к.с. могильника (по Diaconu 1965: pl. CXXXVI: 10, 16); 7 — Дэнчень, погр. 371 (по Рафалович 1986: табл. LVII: 12; Niculiță 2018: 184, №130); 8 — Бырлад — Валя-Сякэ, погр. 117 (по Palade 2004: fig. 181: 3); 9 — Бырлад — Валя-Сякэ, погр. 536 (по Palade 2004: fig. 288: 2); 10 — Аркиуд, погр. 59 (по Gaiu 1999: 271, fig. XIX: 9); 11 — Соснова, погр. 245 (по Махно, Сикорский, Бузян 1979: 4—9, рисунки П.Л. Корниенко); 12 — Михэлэшень, погр. 169 (по Șovan 2005: pl. 91: 2); 13 — Косаново, погр. 1961–4 (по Petrauskas 2003: Abb. 32: 8).

Fig. 1. Fingerings of the Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture graves: 1 — Oselivka, grave 58 (after Никитина 1988: табл. 30: 2); 2 — Dănceni, grave 64 (after Рафалович 1986: табл. XX: 13; Niculiță 2018: 162, №110); 3 — Kantemirovka, barrow 1; 4 — Târgșoru, grave 3 (after Diaconu 1965: pl. LXXII: 1); 5 — Dănceni, grave 203 (after Рафалович 1986: табл. XXXVII: 5); 6 — Târgșoru, layer (after Diaconu 1965: pl. CXXXVI: 10, 16); 7 — Dănceni, grave 371 (after Рафалович 1986: табл. LVII: 12; Niculiță 2018: 184, №130); 8 — Bîrlad, grave 117 (after Palade 2004: fig. 181: 3); 9 — Bîrlad, grave 536 (after Palade 2004: fig. 288: 2); 10 — Archiud, grave 59 (after Gaiu 1999: 271, fig. XIX: 9); 11 — Sosnova, grave 245 (after Махно, Сикорский, Бузян 1979: 4—9, illustrated by P.L. Kornienko); 12 — Mihălășeni, grave 169 (after Șovan 2005: pl. 91: 2); 13 — Kosanovo, grave 1961—4 (after Petrauskas 2003: Abb. 32: 8).

(рис. 1). Типологическому определению поддаются несколько находок (рис. 1: 1, 2, 4, 5, 6). Они находят аналогии среди провинциально-римских материалов. Среди материалов римской колонии Аугуста на Рейне (на территории современной Швейцарии) найдены аналогии золотым перстеньку с овальной стеклянной вставкой зеленого цвета из погребения Оселивка 58 (рис. 1: 1), восьмиугольной «шайбе» из погребения Дэнчень 64 (рис. 1: 2) и фрагменту перстня с плоской овальной площадкой из Тыргшора 3 (рис. 1: 4) (Riha 1990: Taf. 1: 13; 6: 105; 79: 2995). Аналогия серебряному проволочному кольцу с заходящими концами из погребения могильника Дэнчень 371 (рис. 1: 7) происходит из Аквинкума (Facsády, Verebes 2009: 997, fig. 3, type VIII). Широко известны в позднеантичном мире перстники-ключи, подобные найденному в Дэнчень 203.

«Черняховцы» носили кольца на пальце правой руки, тогда как население римских провинций имело иные предпочтения. Например, на одном из надгробий Паннонии¹¹ изображен мужчина со свитком, одетый в тунику с рукавами и тогу, перстень на мизинце его левой руки (Mander 2013: 309, Nr. 712; Ubi Erat Lupa, <http://lupa.at/4575>).

По размеру черняховские кольца делятся на две группы: 10—15 мм и свыше 20 (детские¹² и мужские¹³). Вероятно, можно использовать размер кольца как косвенный признак

¹¹ Археологический парк Горсиум (Венгрия).

¹² Бырлад — Валя-Сякэ 117, Дэнчень 64, Оселивка 58.

¹³ Кантемировка, курган 1, 3, Михэлэшень 169.

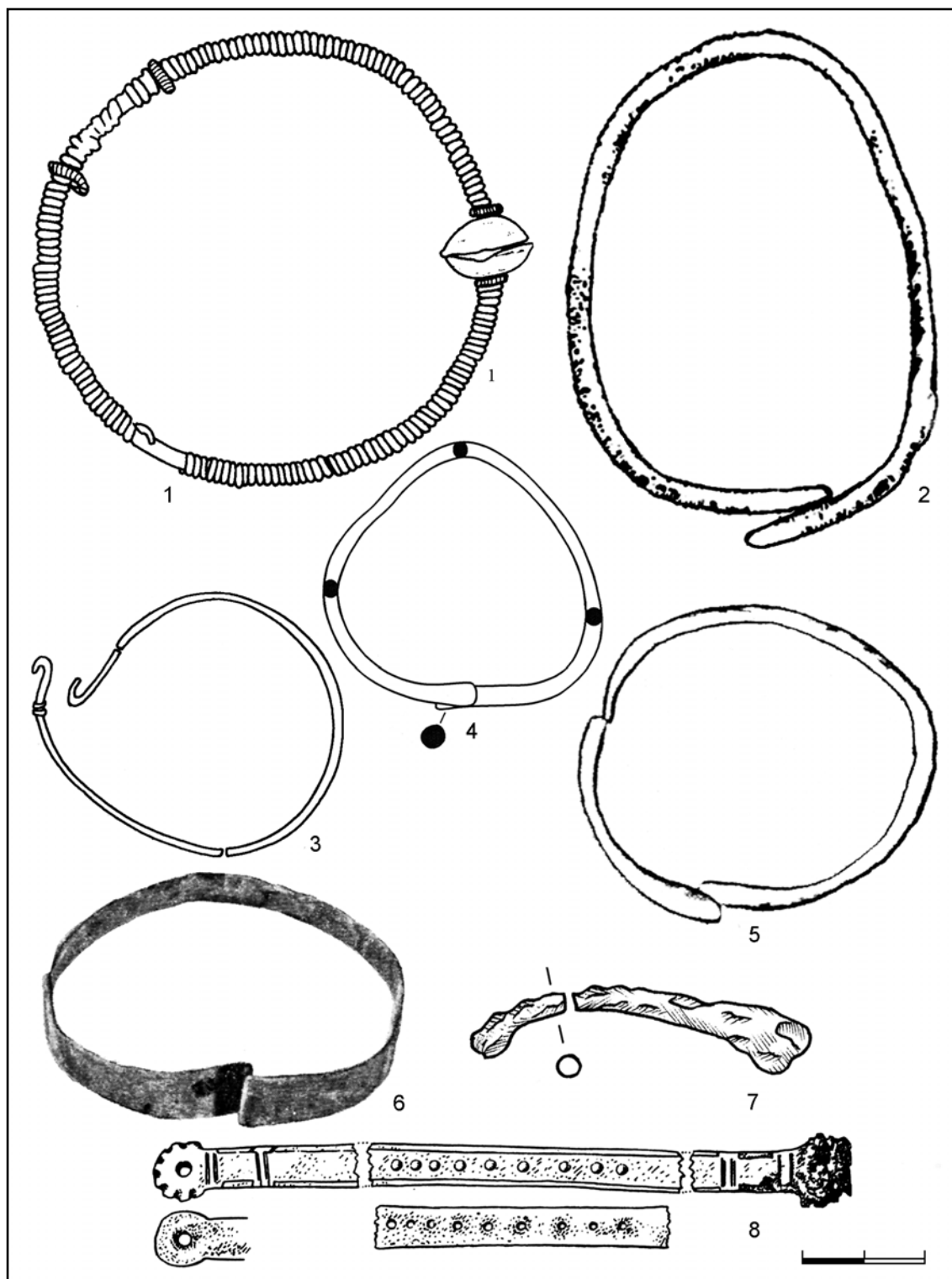


Рис. 2. Металлические браслеты: 1 — Бырлад — Валя-Сякэ, погр. 142 (по Palade 2004: fig. 106: 3); 2 — Фын-тыне-ле Риц, погр. 11 (по Marinescu, Gaiu 1989: Abb. 6B: 5); 3 — Индепенденца, погр. 19 (по Mitrea, Preda 1966: fig. 131; 132: 5); 4 — Чернелив-Русский, погр. 36 (по Герета 2013: 33, рис. 21: 5); 5 — Сынтана-де-Муреш, погр. 33 (по Kovács 1912: fig. 44: 2); 6 — Кринички, погр. 4 (по Сымонович 1960, рис. 9: 3); 7 — Нагорное II, погр. 11 (по Gudkova, Schultze 2017: Taf. 12: 9, 10); 8 — Косаново 1962-62 (по Petrauskas 2003: Abb. 59: 2).

Fig. 2. Metal bracelets: 1 — Bîrlad-Valea Seacă, grave 142 (after Palade 2004: fig. 106: 3); 2 — Fântânele Riț, grave 11 (after Marinescu, Gaiu 1989: Abb. 6 B: 5); 3 — Independența, grave 19 (after Mitrea, Preda 1966: fig. 131; 132: 5); 4 — Cherneliv-Russkii, grave 36 (after Герета 2013: 33, рис. 21: 5); 5 — Sântana de Mureș, grave 33 (after Kovács 1912: fig. 44: 2); 6 — Krinichki, grave 4 (after Сымонович 1960, рис. 9: 3); 7 — Nagornoe II, grave 11 (after Gudkova, Schultze 2017: Taf. 12: 9, 10); 8 — Kosanovo, grave 1962-62 (after Petrauskas 2003: Abb. 59: 2).

при установлении пола и возраста погребенного, если другие данные отсутствуют.

Височные кольца¹⁴. Проволочные кольца с завязанными концами морфологически едины — можно говорить о стандартизации производства таких изделий. Они применялись для украшения волос, как части подвесок разного типа и, вероятно, как серьги. Выяснению функции проволочных колец с завязанными концами служит их локализация в погребении. Однако из-за широко распространенной практики разрушения могил точное определение назначения проволочных колец не всегда возможно.

Браслеты (рис. 2).

Браслеты из погребений культуры ЧСМ делятся на металлические¹⁵, роговые (из среза оленьего рога), а также составленные из бус и подвесок из различных материалов.

Металлические браслеты представлены золотыми¹⁶, серебряными¹⁷, бронзовыми¹⁸, железными¹⁹ образцами. Они могли быть наручными и ножными²⁰. В частности, металлические браслеты найдены на левом предплечье²¹, запястье²², на правой руке или правом запястье²³, на правой лодыжке²⁴.

Различаются образцы, изготовленные из проволоки разного диаметра и пластинчатые. Первые представлены несколькими разновидностями: навитым на проволочную основу²⁵; с заходящими друг за друга конца-

ми²⁶; с утолщенными концами, заходящими друг за друга²⁷; с крючками на концах²⁸.

Среди материалов римской колонии Аугуста на Рейне обнаружены аналогии браслетам с утолщенными концами (Riha 1990: Taf. 17: 519), браслетам, оканчивающимся крючками (Riha 1990: Taf. 16: 513; 19: 549), и пластинчатым (Riha 1990: 520, Taf. 17: 521).

Аналогия бронзовому пластинчатому браслету с жемчужным декором из погребения Косаново 1962—62 (рис. 2: 8) обнаружена в северных римских провинциях (Swift 2000: fig. 208).

Как браслеты могли использоваться розетки оленьего рога, которые получали при обработке сырья и подготовке полуфабрикатов при изготовлении роговых гребней. По крайней мере в двух случаях²⁹ они найдены *in situ* — на левых запястьях умерших или около них. Между тем, это не единственное их предназначение. Такие предметы, судя по серии достоверных комплексов³⁰, использовались вместе с поясными амулетами.

Розетки оленьего рога встречены на могильниках ЧСМ довольно часто³¹. Анализируя подобные находки из могильников Буковины, Бессарабии и их аналогии, Г. Ф. Никитина высказала сомнение по поводу использования таких предметов как наручных браслетов, поскольку лишь в двух эти предметы обнаружены *in situ* — на левом запястье покойника или рядом с ним (Никитина 2008: 94).

Б. В. Магомедов рассматривал розетки оленьего рога вместе с дисковидными подвесками, присвоив им название «кольцевидных» (Магомедов 2018: 212—216). К каталогу находок, начало которому положил Г. Диакону (Diaconu 1975), Б. В. Магомедов добавил несколько позиций из недавних раскопок. Исследователь обе категории находок интерпретировал как поясные подвески, кото-

¹⁴ Сюжет о височных кольцах освещен в специальной работе (Гопкало 2012).

¹⁵ Бырлад — Валя-Сякэ 142, Герэсень-Бузэу 15, Индепенденца 19, Косаново 1962-62, Кринички 1957—58/5, Малаешты 5, Михэлэшень 62, Нагорное II 11, Пьетроаселе 2, 2004-30, 35, Ругэнешть 1, Сынтана-де-Муреш 33, Фынтынеле-Рит 11, Ханска-Лутэрия 14, Чернелив-Русский 36.

¹⁶ Ханска-Лутэрия 14.

¹⁷ Бырлад — Валя-Сякэ 142.

¹⁸ Герэсень-Бузэу 15, Индепенденца 19, Косаново 1962-62, Кринички 1957-58/5, Малаешты 5, Михэлэшень 62, Пьетроаселе 2, 2004-30, 35, Сынтана-де-Муреш 33, Фынтынеле-Рит 11, Чернелив-Русский 36.

¹⁹ Нагорное II 11.

²⁰ Индепенденца 19.

²¹ Нагорное II 11.

²² Фынтынеле-Рит 11.

²³ Пьетроаселе 2, 2004-30, 35, Чернелив-Русский 36.

²⁴ Индепенденца 19.

²⁵ Бырлад — Валя-Сякэ 142.

²⁶ Фынтынеле-Рит 11.

²⁷ Нагорное 11, Чернелив-Русский 36, Сынтана-де-Муреш 33.

²⁸ Индепенденца 19.

²⁹ Лецкань 5, Тыргшор 5.

³⁰ Бырлад — Валя-Сякэ 104, Михэлэшень 241, Лунка 2.

³¹ Барча 50—51, Бырлад — Валя-Сякэ 104, 185, 546, Великая Бугаевка 100, 147, Дэнчень 224, Журавка 36, Коблево 45, Легедзино 7, Лецкань 5, Лунка 2, Михэлэшень 241, 469, Одая 1, 4, Тыргшор 5, Чернелив-Русский 61. Из 18 погребений 4 кремации (Бырлад — Валя-Сякэ 185, Великая Бугаевка 100, 147, Легедзино 7), 14 ингумаций, 6 из которых оказались вторичными погребениями (Дэнчень 224, Журавка 36, Коблево 45, Одая 1, 4, Чернелив-Русский 61).

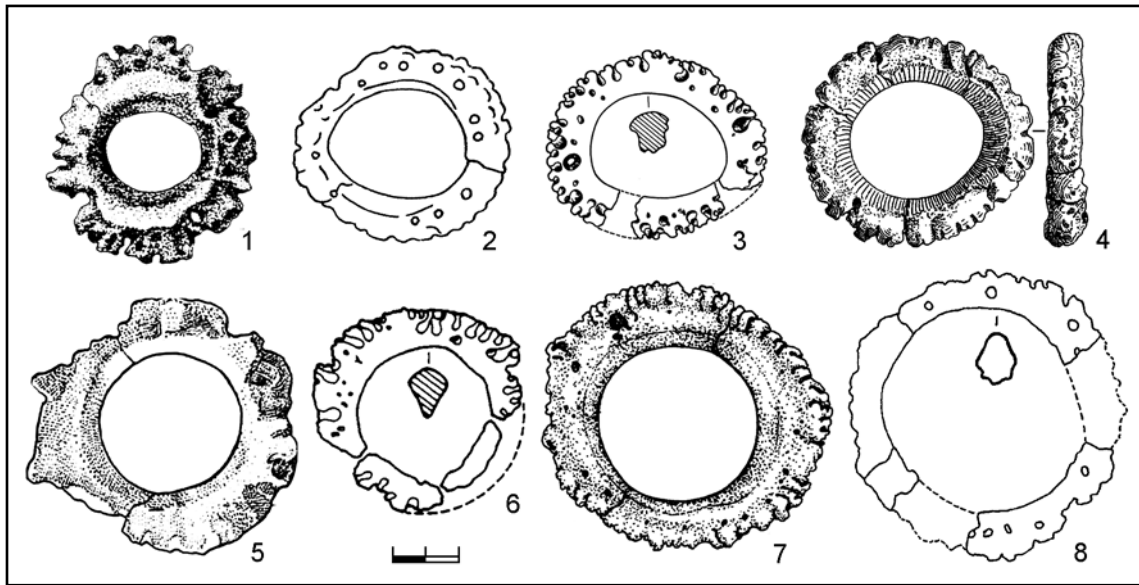


Рис. 3. Роговые «браслеты»: 1 — Дэнчень, погр. 224 (по Рафалович 1986: табл. XXXIX: 3); 2 — Лецкань, погр. 5 (по Bloşiu 1975: fig. 9: 2); 3, 6 — Бырлад — Валя-Сякэ, погр. 185, 546 (по Palade 2004: fig. 120: 6; 294: 11); 4 — Тыргшор, погр. 5 (по Diaconu 1965: pl. LXXIII: 4); 5 — Журавка, погр. 36 (по Сымонович 1961: 12—15); 6 — Михэлэшень, погр. 62 (по Şovan 2005: pl. 36: 2); 7 — Одая, погр. 4 (по Никитина 1996: табл. 7: 14); 8 — Михэлэшень, погр. 241 (по Şovan 2005: pl. 131: 5).

Fig. 3. Antler “bracelets”: 1 — Dănceni, grave 224 (after Рафалович 1986: табл. XXXIX: 3); 2 — Leţcani, grave 5 (after Bloşiu 1975: fig. 9: 2); 3, 6 — Bîrlad-Valea Seacă, graves 185, 546 (after Palade 2004: fig. 120: 6; 294: 11); 4 — Târgşoru, grave 5 (after Diaconu 1965: pl. LXXIII: 4); 5 — Zhuravka, grave 36 (after Сымонович 1961: 12—15); 6 — Mihălăşeni, grave 62 (after Şovan 2005: pl. 36: 2); 7 — Odaia 4 (after Никитина 1996: табл. 7: 14); 8 — Mihălăşeni, grave 241 (after Şovan 2005: pl. 131: 5).

рые «известны в германских культурах Центральной и Западной Европы», в частности, в пшеворских комплексах, начиная с периода C1a, в погребениях масломенческой группы вельбаркской культуры периода C2.

Между тем, среди черняховских амулетов «поясными» названы подвески из раковин моллюсков *Cypraea pantarina*, *Cypraea tygris*, *Bolinus brandaris*, роговые пирамидальные, а также из зубов животных, найденные обычно в скоплениях между колен погребенных женщин (Бобровська 1999; Bobrovskaia 2001). Находки розеток оленьих рогов вместе с перечисленными типами амулетов³² позволяют предположить, что они использовались аналогичным образом и имели похожую семантику. Не исключено, что эти предметы служили исключительно в ритуальных целях, помещались в определенном условленном месте — между колен покойниц. Подвески из хрупких материалов, а раковины моллюсков были именно такими, помещенные в сумку, подвешенную к поясу, должны были мешать дви-

гаться и разбиваться при ходьбе — едва ли их носили при жизни.

Единичные декорированные кольца — «дисковидные» подвески по Б.В. Магомедову, обнаруженные среди роговых изделий Верхней Мезии (Petković 1995: 42, 44, Tabl. XXVIII: 5), интерпретируются как редкие находки, аналогичные черняховским, например, из Дэнчень.

В качестве браслета использовались нанизанные на нитку бусы³³. Они украшали одно из запястий, а не оба, как было бы при обшивке рукавов.

Серьги (рис. 4).

В нескольких черняховских погребениях³⁴ обнаружены серьги. Серьга с листовидными привесками, которая происходит из погребения Чернелив-Русский 147, аналогична украшению изклада Джухор в Верхней Мезии (Восточная Сербия) (Popović 2004: pl. 9).

³³ Герэсень-Бузэу 66, Лецкань 36, Михэлэшень 99, 178, Нагорное II 85, Романковцы 30, 56, Сигишоара 192, Слобозия-Кишкэрень 17, Чалык 18, Чернелив-Русский 68.

³⁴ Каборга 9, Легедзино 46, Черкасы 32, Чернелив-Русский 147.

³² Бырлад — Валя-Сякэ 104, Михэлэшень 241, Лунка 2.

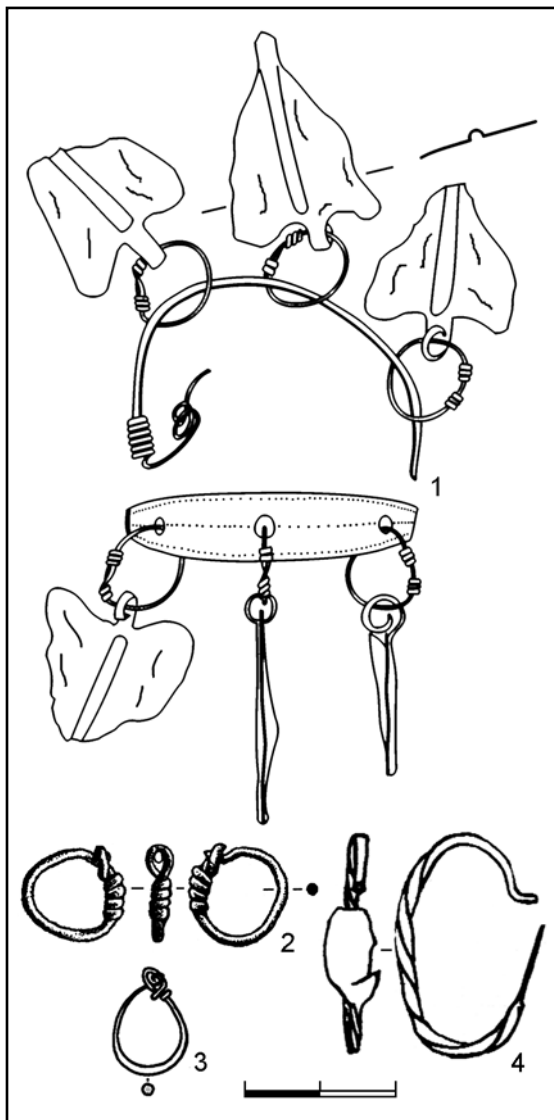


Рис. 4. Серьги: 1 — Чернелив-Русский, погр. 147 (по Герета 2013, рис. 89: 10); 2 — Черкаassy-центр, погр. 32 (по Бобровська, Сиволап 2003: рис. 2: 1, 2); 3 — Легедзино, погр. 46 (по Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010: 36—38, рис. 3: 9); 4 — Каборга, погр. 9 (по Магомедов 1979: табл. X: 3).

Fig. 4. Earrings: 1 — Cherneliv-Russkii, grave 147 (after Герета 2013, рис. 89: 10); 2 — Cherkassy-centre, grave 32 (after Бобровська, Сиволап 2003: рис. 2: 1, 2); 3 — Legedzino, grave 46 (after Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010: 36—38, рис. 3: 9); 4 — Kaborga, grave 9 (after Магомедов 1979: табл. X: 3).

Проволочные серьги с крючком на одном конце и петелькой на другом, обнаруженные в черняховских погребениях Среднего Поднепровья³⁵, принадлежат к одному из широко распространенных типов украшений. Такие серьги известны на некрополях городов

Северного Причерноморья, дунайских римских провинций, позднескифских и сарматских памятниках I в. до н.э. — II в.н.э. (Савовський 1977: рис. 3: 4; Гросу 1990: рис. 17A: 11, 12; 18B: 3; 27B: 3; Milovanovic 2004: pl. 4: a (type II a); Fascády 2008: Abb. 1: I/b; Popović 2008: 92, fig. 10; Величко 2019: 75, цитируемая литература).

Серьги с овальным щитком, подобные найденной в Каборге 9, происходят из сарматских памятников, таких, например, как Балки³⁶ (Савовський 1977: рис. 5). В упомянутом комплексе, принадлежавшем девушке или молодой женщине, кроме пары серебряных серег, обнаружены: накладной щиток овальной (каплевидной) формы со сканью и темной стеклянной вставкой, предназначенный для одной из них, серебряная лучковая фибула, серебряная гривна, бронзовый браслет, зеркало с боковой петлей, ожерелье, буролаковый фигурный сосуд в виде барана, 2 типа, по А.В. Симоненко, 2-й пол. III в. (Симоненко 2013: 188, 189, рис. 78: 1). Аналогичная серьга вместе с лучковой фибулой происходит из одного из комплексов могильника Благовещенский III в Нижнем Поднепровье³⁷, исследованных А.В. Бодянским в 1967—1969 гг. (Бодянский 1969: табл. V: 6).

В продолжении дискуссии о происхождении полихромного стиля приводится список комплексов с серьгами с овальным (каплевидным) щитком и вставкой из полудрагоценных камней или стекла. Они происходят из Северо-Западного Причерноморья, из Нижнего Подонья и предгорного Крыма (Храпунов, Стоянова 2018: 259). Накладной щиток серьги из Балков указывает на Нижнее Поднепровье как на один из регионов распространения ювелирных изделий в полихромном стиле. Серьга из Благовещенского III могильника так же, как и украшение из Каборги 9, возможно, представляли собой изделия, лишенные лицевой полихромной пластины. Незавершенность конструкции можно объяснить либо утратой драгоценной лицевой пластины, либо упрощением (деградацией) вещей одного типологического ряда.

Как серьги интерпретированы бронзовые кольца из погребений 13, 37 и 38 Коблевского могильника (Сымонович 1979: 76, 83, рис. 8: 5). Однако все они обнаружены в разрушенных погребениях, находки перемещены с мест

³⁶ Балки (урочище Носаки) Васильевского района Запорожской области, курган 12, погребение 1.

³⁷ Каменско-Днепровского района Запорожской области.

³⁵ Легедзино 46, Черкаassy 32.

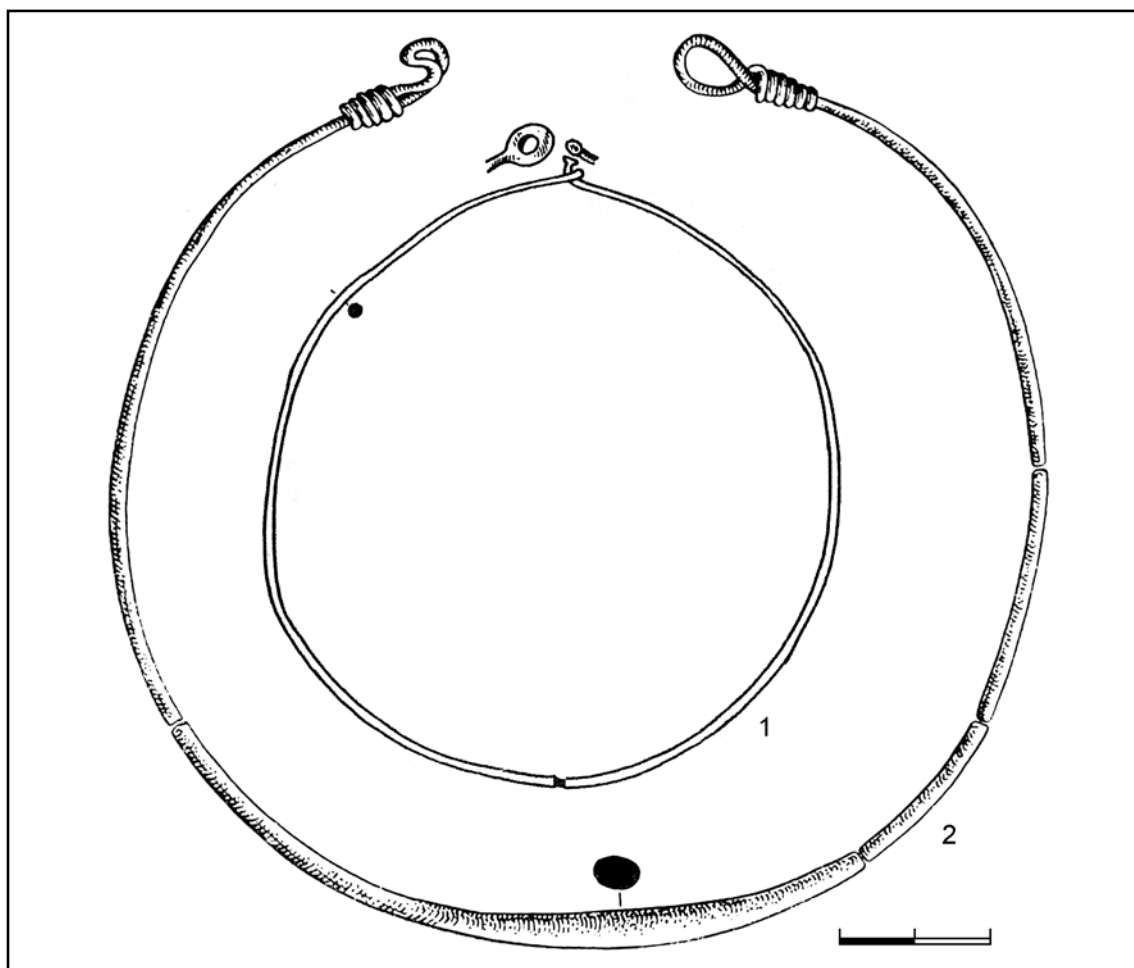


Рис. 5. Гривны: 1 — бронзовая, Дрэгэнешть-Олт 11 (по Trohani, Zorzoliu 1983: 216, 217, fig. 7: 1); 2 — серебряная, Косаново 1961-14 (по Petrauskas 2003: 309, Abb. 32: 9).

Fig. 5. Torcs: 1 — bronze, Drăgănești-Olt, grave 11 (after Trohani, Zorzoliu 1983: 216, 217, fig. 7: 1); 2 — silver, Kosanovo, grave 1961-14 (after Petrauskas 2003: 309, Abb. 32: 9).

первоначального расположения, и их назначение дискуссионно. Они могли использоваться в качестве застежек ожерелий.

Кроме того, в качестве серег могли использоваться проволочные кольца с завязанными концами, найденные в мужских³⁸ и в детском³⁹ погребениях по одному экземпляру⁴⁰ у черепа погребенных.

Гривны (рис. 5).

Среди аксессуаров костюма культуры ЧСМ известны две гривны: серебряная⁴¹ и брон-

зовая⁴². Авторы раскопок могильника Великая Бугаевка предполагали наличие гривны по бронзовым окислам на груди покойного из погребения 121 (Петраускас, Шишкин 2013: 49). В погребении Косаново 1961-14 гривна зафиксирована на шее покойника.

Украшения изготовлены из проволоки. Румынская находка — из отрезка проволоки диаметром 1,5 мм, один конец которой расплюснут в кольцевидную петлю, а второй загнут в крючок с небольшим расширением-шляпкой на конце. Косановская гривна изготовлена из проволоки диаметром 2 мм, по центру изделия имеется утолщение, сечение дрота овальное, размерами 5×6 мм, концы проволоки сложены вдвое и свернуты в петли, одна из которых, в свою очередь, согнута в крючок.

³⁸ Будешть 106, Тыргшор 43, 236.

³⁹ Успенка 366.

⁴⁰ Будешты 87, 106, Журавка 21, Кobleво 13, 37, 38, 45, Михэлэшень 147, Пьетроаселе 7-1976, 22-2001, 27-2003, 29-2005, Пэлатка 5 (?), Романковцы 107, Сынтана-де-Муреш 48, Тыргшор 43, 236, Успенка 366.

⁴¹ Косаново 1961—4.

⁴² Дрэгэнешть-Олт 11.

Аналогия румынской находке происходит из сарматского погребения в Балках, выше неоднократно упомянутого (Савовский 1977: рис. 5: 5). Застежка изделия соответствует, согласно Е. Величко, третьему типу застежек гривен Северного Причерноморья (Величко 2013: рис. 2: 3), а само изделие аналогично гривнам варианта 8а по А. А. Стояновой (Стоянова 2011: 124, табл. 2, рис. 6: 2), 2-й пол. III в.

Н. М. Кравченко в публикации материалов Косановского могильника в качестве ближайших аналогий гривне ссылалась на находки V в. из Прибалтики (Кравченко 1967: 112). Автор републикации памятника — О. В. Петраускас нашел аналогии гривне в древностях аламаннов, где они принадлежат преимущественно к мужскому костюму, и среди древностей Прибалтики IV — сер. V в. (Petrauskas 2003: 249).

Косановская гривна аналогична крымским варианта 5б по А. А. Стояновой (2011: рис. 3: 2), с тем различием, что крымские (Усть-Альма 640) без утолщения по центру. Появление гривен в Крыму связывалось исследователями со скифами, сарматами и романизированным населением дунайских римских провинций. Наиболее массовыми находки такого рода украшений оказались среди позднескифского населения полу-

острова. Они встречены в основном в детской субкультуре и не служили маркером особого социального статуса.

Кроме поздних скифов, гривны были широко распространены у кельтского и сарматского населения Европы, например, у кельтского населения дунайских римских провинций. Особое значение имели золотые гривны или торквесы в позднеримской-ранневизантийской армии (Márav 2015).

В начале V в., после гуннского нашествия, золотые гривны стали символом власти и широко распространились в Европе (Loskotová 2012: fig. 2). Эти украшения изготовлены по-иному: на проволочную основу накручивалась тонкая золотая фольга.

Подытоживая проведенное исследование, можно сказать, что единой причины поступления в ареал культуры ЧСМ редких категорий аксессуаров костюма не установлено. Некоторые из них, вероятно, были трофеями Скифских войн (Чернелив-Русский 147, Дэнчень 64, 203, Оселивка 58), другие — указывают на присутствие среди носителей черняховской культуры населения Северного Причерноморья (Каборга 9), большинство — ювелирные изделия, актуальные у провинциалноримского и варварского населения в определенный период, «модные», интеррегиональные.

Литература

- Бобровська О. В. 1999. Жіночі поясні амулети черняхівської культури. *Археологія* (4), 89—95.
- Бобровська О. В., Сиволап М. П. 2003. Поховання черняхівської культури з підвісками-«кошиками» на Середньому Дніпрі. В: Баран В. Д. (ред.). *Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України*. Київ: ІА НАНУ, 33—43.
- Бодянский О. В. 1969. Археологічні дослідження Благовіщенського III могильника на Нижньому Дніпрі. Науковий архів ІА НАНУ. Фонд 64. №1967/69-7.
- Величко Е. 2013. К вопросу об атрибуции шейной гривны из старых музейных фондов. В: Строкова Л. В., Клочко Л. С., Олійник Ю. М. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. Київ: Музей історичних коштовностей України, 42—46.
- Величко Е. 2019. «Ольвийские» золотые украшения из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (по материалам музея исторических драгоценностей Украины). *Емінак* 25 (1), 65—82.
- Герета І. 2013. Чернелево-Руський могильник. *Оіум* 3. Київ; Тернопіль.
- Гопкало О. В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев: ІА НАНУ.
- Гопкало О. В. 2012. Прикраси волосся у дівочому вбранні черняхівської культури. *АДГУ* 8, 109—116.
- Гороховский Е. Л. 1988. *Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев: ІА АН УССР.
- Гороховский Е. Л., Гопкало О. В. 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры. В: Козак Д. Н. (ред.). *Археологія давніх слов'ян*. Київ: ІА НАНУ, 103—130.
- Гросу В. И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.
- Кравченко Н. М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.). *МИА* 139, 77—135.
- Магомедов Б. В. 1979. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.). В: Сымонович Э. А. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 24—62.
- Магомедов Б. В. 2018. Черняховские подвески из розетки оленьего рога. В: Любичев М., Мызгин К. (ред.). *Хронология и монетные находки поздне-римского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе*. Материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15—17 сентября 2016 г. *Ostrogothica-Serie (Hefte)* 3. Харьков, 209—224.
- Магомедов Б. В., Диденко С. В., Кожемяченко В. Б. 2010. Могильник черняховской культуры у с. Легезино. Работы 2010 года. В: Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Менотти Ф., Рыжов С. Н.,

- Черновол Д. К., Чабанюк В. В. *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2010 г.* Киев: ИА НАНУ, 32—93.
- Махно Е. В., Сикорский М. И., Бузян Г. И. 1979. *Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой экспедиции в 1979 г.* Науковий архів ІА НАНУ. Фонд 64. № 1979/119.
- Никитина Г. Ф. 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. В: Кропоткин В. В. (ред.). *Могильники черняховской культуры.* Москва: Наука, 5—97.
- Никитина Г. Ф. 1996. *Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии.* Москва: Наука.
- Никитина Г. Ф. 2008. *Черняховская культура Поднепровья (по результатам анализа археологических источников).* Москва: Таус.
- Петраускас О. В. 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України). *АДПУ* 2, 191—207.
- Петраускас О. В., Синица Е. В. 2010. Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры. В: Щеглова О., Казанский М., Радюш О. (ред.). *Germania-Sarmatia II.* Калининград; Курск, 113—132.
- Петраускас О. В., Шишкин Р. Г. 2013. *Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (археологический источник).* Oіum 2. Киев: Аграр Медіа Груп.
- Рафалович И. А. 1986. Данчаны. *Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э.* Кишинев: Штиинца.
- Савовський І. П. 1977. Нові сарматські поховання на Запоріжжі. *Археологія* 23, 61—71.
- Симоненко А. В. 2013. *Римский и провинциальный импорт у сарматов Северного Причерноморья. Типология и хронология.* Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- Стоянова А. А. 2011. Гривны из памятников Крыма сарматского времени. *МАИЭТ* XVII, 116—140.
- Сымонович Э. А. 1960. Памятники черняховской культуры в с. Кринички (по материалам С. С. Гамченко и раскопкам 1957—1958 гг.). *МИА* 82, 239—252.
- Сымонович Э. А. 1961. *Отчет о работах Средне-Днестровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1961 г.* Научный архив ИА НАНУ. Фонд 64. № 1961/20.
- Сымонович Э. А. 1979. Коблевский и Ранжевский могильник около г. Одессы. В: Сымонович Э. А. (ред.). *Могильники черняховской культуры.* Москва: Наука, 63—111.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2018. Украшения в поздне-римском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму. *Stratum plus* (4), 255—262.
- Bloşiu C. 1975. Necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Leţcani (jud. Iaşi). *Arheologia Moldovei* VIII, 203—280.
- Bobrovskaja O. 2001. Belt amulet sets in the female costume of the Cherniakhov Culture. In: Istvánovits E., Kulcsár V. (eds.). *International connections of the Barbarians Basin in the 1st—5th centuries A.D.* Aszód; Nyíregyháza, 221—226.
- Diaconu Gh. 1965. *Ţirgşor. Necropola din secolele III—IV e.n.* Bucureşti: Academia Republicii Populare Romîne.
- Diaconu Gh. 1971. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuß in Dacien. *Dacia* XV, 239—267.
- Facsády A. R. 2008. Earrings on Stone Monuments from Pannonia. In: Franek C., Lamm S., Neuhauser T., Porod B., Zöhrer K. (eds.). *Thiasos. Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65. Geburtstag.* Wien: Phoibos Verlag, 229—242.
- Facsády A., Verebes A. 2009. Analysis of Roman Bronze Finger Rings from Aquincum. *Materials and Manufacturing Processes* 24 (9), 993—998.
- Gaiu C. 1999. Habitat şi manifestări rituale în secolul IV p. Chr. la Archiud. *Revista Bistriţei* XII—XIII, 267—316.
- Gavritukhin I. 2002. Double-plate fibels of subgroup I. A *nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve* XLIV, 113—184.
- Gudkova A., Schultze E. 2017. *Gräberfeld und Siedlung Nagornoe 2.* Archaeologie in Eurasien 35. Bonn: Deutsches Archäologisches Institut
- Kovács I. 1912. A Marosszentannai napvándorlaskori temető. *Dolgozatok* III (2), 250—367.
- Loskotová Z. 2012. An early-5th-century skeleton grave with gold neck-ring from Charváty (Moravia). In: Ivanišević V., Kazanski M. (eds.). *The Pontic-Danubian realm in the period of the Great Migration.* Monographies 36. Paris: CNRS; Beograd: Arheološki Institut, 189—205.
- Mander J. 2013. *Portraits of children on Roman funerary monuments.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Marinescu G., Gaiu C. 1989. Die Nekropole bei Fîntînele «Rît», Gem. Matei, Jud. Bistriţa-Năsăud aus dem 4. Jahrhundert u.Z. *Dacia* XXXIII (1—2), 125—143.
- Milovanovic B. 2004. Earring — symbol of femininity of Roman ladies of Viminacium. *Anodos* 3, 2—19.
- Mitreă B., Preda C. 1966. *Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia.* Bucureşti.
- Mráv Z. 2015. Maniakion — the golden torc in the late Roman and early Byzantine army. Preliminary Research Report. In: Vida T. (ed.). *The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture.* Romania Gothica II. Budapest: Eötvös Loránd University, Institute for Archaeological Sciences; Martin Opitz Kiadó, 287—303.
- Niculiţă A. 2018. *Piese de giuvaiergerie antică din colecţiile Muzeului Naţional de istorie a Moldovei.* Catalog. Chişinău: Muzeul Naţional de istorie a Moldovei.
- Palade V. 2004. *Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă secolele III—V.* Bucureşti: Academia Republicii Socialiste Române.
- Petković S. 1995. *Rimski predmeti od kosti i roga sa teritorije Gornje Mezije.* Beograd: Arheološki Institut.
- Petrauskas O. V. 2003. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 84, 223—351.
- Popović I. 2004. Bijoux romains dans les Balkans: traditions locales et influence de la romanisation. *Balkanica* XXXIV, 39—62.
- Popović I. 2008. *Figuralno zidno slikarstvo Sirmiuma.* Materials 9. Beograd: Archaeological Institute Belgrade.
- Riha E. 1990. *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst.* Forschungen in Augst 10. Augst: Römermuseum.
- Schuster J. 2017. Eine osteuropäische Variante der Bügelknopffibeln von Seerapen/Lüblino auf der Sambischen Halbinsel als Beispiel überregionalen Kontakte an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. In: Andrzejowski J., Carnap-Bornheim C. von, Cieśliński A., Kontny B. (red.). *Orbis barbarorum Studia ad archaeologiam Germanorum et Baltorum temporibus Imperii Romani pertinentia Adalberto Nowakowski dedicata.* Monumenta archaeologica barbarica. Series gemina VI. Warszawa; Schleswig:

- Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego; Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 215—221.
- Schuster J. 2017a. Fibeln vom Typ Dybäck/Independența als Beispiel weitreichender Kontakte zwischen Nord- und Südosteuropa an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. In: *Na hranicích impéria = Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám*. Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 371—380.
- Șovan O. 2005. *Necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani)*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Swift E. 2000. *Regionality in Dress Accessories in the Late Roman West*. Monographies Instrumentum 11. Montagnac: Editions Monique Mergoil.
- Trohani G., Zorzoliu T. 1983. O necropolă din sec. al IV-lea e.n. descoperită la Drăgănești-Olt. *Cercetari arheologice* VI, 209—223.
- ## References
- Bobrovs'ka, O. V. 1999. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 89—95 (in Ukrainian).
- Bobrovs'ka, O. V., Syvolap, M. P. 2003. In Baran, V. D. (ed.). *Starozhytnosti I tysyacholittya nashoi eryl na terytorii Ukraïny (Antiquities of the I Millennium AD on the Territory of Ukraine)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 33—43 (in Ukrainian).
- Bodyans'kyj, O. V. 1969. *Arkheolohichni doslidy Blahovishchens'koho III mohyl'nyka na Nyzhn'omu Dnypri (Archaeological Research of the Blagoveshchensky Burial Ground in the Lower Dnieper Basin)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 64, no. 1967/69—7 (in Ukrainian).
- Velichko, E. 2013. In Strokova, L. V., Klochko, L. S., Oliinik, Yu. M. (eds.). *Muzeini chitannia. Materiali naukovoï konferentsii «Iuvelirne mistetstvo — pogliad kriz' viki» (Museum Readings: Proceedings of the Scientific Conference “Jewelry Art — Look Through the Ages”)*. Kiev: Museum of Historical Treasures of Ukraine, 42—46 (in Russian).
- Velichko, E. 2019. In *Eminak. Naukovii shchokvartal'nik (Eminak: Scientific Quarterly)* 25 (1), 65—82 (in Russian).
- Gereta, I. 2013. *Chernelevo-Rus'kyj mohyl'nyk (The Cherneliv-Rus'kyj Burial Ground)*. Series: Oium 3. Kiev; Ternopol (in Ukrainian).
- Gopkalo, O. V. 2008. *Busy i podveski cherniakhovskoi kul'tury*. Kiev: “FOP Korvin-Piotrovs'kii” Publ. (in Russian).
- Gopkalo, O. V. 2012. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 8, 109—116 (in Ukrainian).
- Gorokhovskii, E. L. 1988. *Khronologii iuvelirnykh izdelii pervoi poloviny I tys. n. e. Lesostepnogo Podneprov'ia i Iuzhnogo Pobuzh'ia (Chronology of Jewelry of the First Half of I Millennium AD from Forest-Steppe Dnieper Region and Southern Bug Region)*. PhD Diss. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Institute for Archaeology (in Russian).
- Gorokhovskii, E. L., Gopkalo, O. V. 2004. In Kozak, D. N. (ed.). *Arkheolohiya davnikh slov'yan (The Archaeology of Old Slavs)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 103—130 (in Russian).
- Grosu, V. I. 1990. *Khronologiiia pamiatnikov sarmatskoi kul'tury Dnestrovs'ko-Prut'skogo mezdurech'ia (Chronology of the Sarmatian Culture Sites in the Dniester and Prut Inter-fluves Area)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Kravchenko, N. M. 1967. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 139, 77—135 (in Russian).
- Magomedov, B. V. 1979. In Symonovich, E. A. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Necropolises of Chernyakhov Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 24—62 (in Russian).
- Magomedov, B. V. 2018. In Liubichev, M., Myzgin, K. (eds.). *Khronologiiia i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (Chronology and Coin Finds of the Late Roman Time and Great Migration Period: Current Archaeological Studies in Central and Eastern Europe)*. Ostrogothica-Series (Hefte) 3. Kharkov, 209—224 (in Russian).
- Magomedov, B. V., Didenko, S. V., Kozhemiachenko, V. B. 2010. In Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Menotti F., Ryzhov, S. N., Chernovol, D. K., Chabaniuk, V. V. *Tripol'skoe poselenie-gigant Tal'ianki. Issledovaniia 2010 g. (Taliianki Settlement-Giant of the Tripolian Culture. Investigations in 2010)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 32—93 (in Russian).
- Makhno, E. V., Sikorskii, M. I., Buzian, G. I. 1979. *Otchet o rabote Pereiaslav-Khmel'nitskoi ekspeditsii v 1979 g. (Report on Fieldworks of the Pereiaslav-Khmel'nitsky Expedition in 1979)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 64, no. 1979/119 (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1988. In Kropotkin, V. V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Necropolises of Chernyakhov Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 5—97 (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1996. *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury v Severnoi Bukovine i Bessarabii (Necropolises of Chernyakhov Culture in Northern Bukovina and Bessarabia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Nikitina, G. F. 2008. *Cherniakhovskaia kul'tura Podnestrov'ia (po rezul'tatam analiza arkheologicheskikh istochnikov) (The Chernyakhov Culture in the Dniester Basin: by Results of the Analysis of Archaeological Sources)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
- Petrauskas, O. V. 2010. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2, 191—207 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O. V., Sinitsa, E. V. 2010. In Shcheglova, O., Kazanski, M., Radiush, O. (eds.). *Germania-Sarmatia II. Kaliningrad; Kursk, 113—132 (in Russian)*.
- Petrauskas, O. V., Shishkin, R. G. 2013. *Mogil'nik i poselenie cherniakhovskoi kul'tury u s. Velikaia Bugaevka (arkheologicheskiï istochnik) (Cemetery and Settlement of Chernyakhov Culture Near the Village Velikaia Bugaevka (an Archaeological Source))*. Series: Oium 2. Kiev: “Agrar Media Grup” Publ. (in Russian).
- Rafalovich, I. A. 1986. *Dancheny. Mogil'nik cherniakhovskoi kul'tury III—IV vv. n. e. (Dancheny. a Cemetery of Cerneahov Culture from 3rd—4th Centuries AD)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Savovs'kyj, I. P. 1977. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 23, 61—71 (in Ukrainian).
- Simonenko, A. V. 2013. *Rimskii i provintsial'nyi import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia. Tipologiiia i khronologiiia (Roman and Provincial Import by Sarmatians in the Northern Black Sea Region: Typology and Chronology)*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing (in Russian).
- Stoianova, A. A. 2011. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XVII, 116—140 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 82, 239—252 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1961. *Otchet o robotakh Sredne-Dnestrovskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR za 1961 g. (Report on Fieldwork of the Middle Dniester Expedition, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, for 1961)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 64, no. 1961/20 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1979. In Symonovich, E. A. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Necropolises of Chernyakhov Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 63—111 (in Russian).
- Khrapunov, I. N., Stoianova, A. A. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 255—262 (in Russian).
- Bloșiu, C. 1975. *Necropola din secolul al IV-lea, e.n. de la Lețcani*

- (jud. Iași). *Arheologia Moldovei* VIII, 203—280.
- Bobrovskaja, O. 2001. Belt amulet sets in the female costume of the Chemiakhov Culture. In Istvánovits, E., Kulcsár, V. (eds.). *International connections of the Barbarians Basin in the 1st–5th centuries A.D.* Aszód; Nyíregyháza, 221—226.
- Diaconu, Gh. 1965. *Tîrșor. Necropola din secolele III—IV e.n.* București: Academia Republicii Populare Romîne.
- Diaconu, Gh. 1971. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuß in Dacien. *Dacia* XV, 239—267.
- Facsády, A. R. 2008. Earrings on Stone Monuments from Pannonia. In Franek, C., Lamm, S., Neuhauser, T., Porod, B., Zöhrer, K. (eds.). *Thiasos. Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65. Geburtstag.* Wien: Phoibos Verlag, 229—242.
- Facsády, A., Verebes, A. 2009. Analysis of Roman Bronze Finger Rings from Aquincum. *Materials and Manufacturing Processes* 24 (9), 993—998.
- Gaiu, C. 1999. Habitat și manifestări rituale în secolul IV p. Chr. la Archiud. *Revista Bistriței* XII—XIII, 267—316.
- Gavritukhin, I. 2002. Double-plate fibels of subgroup I. A *nyíregyházi Jós András Múzeum Évkönyve* XLIV, 113—184.
- Gudkova, A., Schultze, E. 2017. *Gräberfeld und Siedlung Nagornoe* 2. *Archaeologie in Eurasien* 35. Bonn: Deutsches Archäologisches Institut.
- Kovács, I. 1912. A Marosszentanni napvanderlaskori temeto. *Dolgozatok* III (2), 250—367.
- Loskotová, Z. 2012. An early-5th-century skeleton grave with gold neck-ring from Charvátý (Moravia). In Ivanišević, V., Kazanski, M. (eds.). *The Pontic-Danubian realm in the period of the Great Migration.* Monographies 36. Paris: CNRS; Beograd: Arheološki Institut, 189—205.
- Mander, J. 2013. *Portraits of children on Roman funerary monuments.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Marinescu, G., Gaiu, C. 1989. Die Nekropole bei Fînînele «Rîț», Gem. Matei, Jud. Bistrița-Năsăud aus dem 4. Jahrhundert u.Z. *Dacia* XXXIII (1—2), 125—143.
- Milovanovic, B. 2004. Earring — symbol of femininity of Roman ladies of Viminacium. *Anodos* 3, 2—19.
- Mitreă, B., Preda, C. 1966. *Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia.* București.
- Mráv, Z. 2015. Maniakion — the golden torc in the late Roman and early Byzantine army. Preliminary Research Report. In Vida, T. (ed.). *The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture.* Romania Gothica II. Budapest: Eötvös Loránd University, Institute for Archaeological Sciences; Martin Opitz Kiadó, 287—303.
- Niculită, A. 2018. *Piese de giuvaiergerie antică din colecțiile Muzeului Național de istorie a Moldovei.* Catalog. Chișinău: Muzeul Național de istorie a Moldovei.
- Palade, V. 2004. *Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă secolele III—V.* București: Academia Republicii Socialiste Române.
- Petković, S. 1995. *Rimski predmeti od kosti i roga sa teritorije Gornje Mezije.* Beograd: Arheološki Institut.
- Petrauskas, O. V. 2003. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavriločka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 84, 223—351.
- Popović, I. 2004. Bijoux romains dans les Balkans: traditions locales et influence de la romanisation. *Balkanica* XXXIV, 39—62.
- Popović, I. 2008. *Figuralno zidno slikarstvo Sirmiuma.* Materials 9. Beograd: Archaeological Institute Belgrade.
- Riha, E. 1990. *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst.* Forschungen in Augst 10. Augst: Römermuseum.
- Schuster, J. 2017. Eine osteuropäische Variante der Bügelknopffibeln von Seerapen/Lüblino auf der Sambischen Halbinsel als Beispiel überregionalen Kontakte an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. In Andrzejowski, J., Carnap-Bornheim, C. von, Cieśliński, A., Kontny, B. (red.). *Orbis barbarorum Studia ad archaeologiam Germanorum et Baltorum temporibus Imperii Romani pertinentia Adalberto Nowakowski dedicata.* Monumenta archaeologica barbarica. Series gemina VI. Warszawa; Schleswig: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego; Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 215—221.
- Schuster, J. 2017. Fibeln vom Typ Dybäck/Independența als Beispiel weitreichender Kontakte zwischen Nord- und Südosteuropa an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. In *Na hranicích impéria = Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám.* Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 371—380.
- Șovan, O. 2005. *Necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Mihalășeni (jud. Botoșani).* Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Swift, E. 2000. *Regionality in Dress Accessories in the Late Roman West.* Monographies Instrumentum 11. Montagnac: Editions Monique Mergoil.
- Trohani, G., Zorzoliu, T. 1983. O necropolă din sec. al IV-lea e.n. descoperită la Drăgănești-Olt. *Cercetări arheologice* VI, 209—223.

Статья поступила в сборник 1 мая 2020 г.

Охана Гопкало (Kyiv, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Гопкало Оксана Викторовна (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: hopkalo@gmail.com

Address: ¹ Geroev Stalingrada Ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine

В. Йотов

Золотая пластина с монограммой из позднеантичной крепости на мысе Св. Атанас

Keywords: Balkans, Bulgaria, Early Byzantine period, Late Antique fortress, gold bezel, finger ring, monogram, bath

Ключевые слова: Балканы, Болгария, ранневизантийский период, позднеантичная крепость, золотой щиток, перстень, монограмма, баня

V. Yotov

Gold Plate with Monogram of the Late-Antique Fortress at Cape of St. Atanas

In 2019, during regular excavation of the late Antique fortified town located on Cape of Sveti Atanas near Byala (Varna Region, Bulgaria) a thin gold plate, ellipsoid in shape, with incised block monogram of Greek letters between two crosses was discovered. It came to light in a drainage channel coming out of the Late Antique bath, which was excavated seven years ago. The monogram is well designed. There is no doubt that this little plate was actually the bezel of an Early Byzantine gold ring. Based on the dating of the bath, it should be dated to the middle of 5th — beginning of 6th centuries AD.

В. Йотов

Золотая пластина с монограммой из позднеантичной крепости на мысе Св. Атанас

В 2019 г. при раскопках позднеантичного укрепленного города, расположенного на мысе Святой Атанас, близ г. Бяла (область Варна, Болгария), была найдена небольшая тонкая золотая пластина эллипсовидной формы с вырезанной монограммой греческими буквами между двумя крестами. Пластина была обнаружена в дренажном канале, выходящем из позднеантичной бани, которая была раскопана семь лет назад. Нет сомнений, что эта пластина была верхней частью ранневизантийского золотого перстня. Судя по датировке бани, пластина должна быть датирована серединой V — началом VI в.

Во время археологических раскопок 2019 г. на мысе Св. Атанас (вблизи г. Бяла, 50 км к югу от Варны, Болгария) в канале, выходящем из позднеантичной бани, была обнаружена золотая пластина с вырезанной на ней монограммой (рис. 1; 4; 5). Этой находке и будет посвящена данная статья.

Напомним, что археологический объект на мысе Св. Атанас (рис. 2) представляет собой крепость позднеантичного времени (конца IV — нач. VII в.), но его можно охарактеризовать и как небольшой портовый город (Йотов, Минчев 2013: 59—77). Несомненно, залив был удобен для швартовки небольших судов, в основном торговых. Конечно, как и в большинстве случаев, подобные античные укрепленные центры при военной угрозе служили и убежищами (*refugia*) для населения окрестных деревень.

При археологических раскопках в период 2009—2019 гг. были полностью исследованы раннехристианский сакральный комплекс, общественная баня, десятки зданий и производственных сооружений — винодельни и печи для обжига бытовой керамики. Частично были изучены также отдельные участки линии обо-

роны крепости, секторы с жилыми, хозяйственными и складскими зданиями и другими сооружениями. Были собраны данные об уличной планировке, водопроводной и канализационной сетях.

Баня (рис. 3) была исследована семь лет назад, в 2013 г. Здание состоит из трех помещений (помещение с печью было уничтожено более поздним строительством?). Полагаю, что баня была построена в конце IV — нач. V в. и разрушена через несколько десятилетий — возможно в сер. V в. (гуннские нашествия в 443 и 447 гг.) (Приск 1954: 88—129) или к началу VI в. В таком случае, она использовалась приблизительно одно столетие максимум.

Как известно, в античную эпоху, кроме чисто гигиенических функций, бани имели и лечебные функции, воплощая традиционные античные идеи о здоровом образе жизни. Кроме того, любая важная деятельность, особенно благочестивые дела, не совершались без посещения бани. После введения христианства, в связи с праздниками, в баню надо было ходить перед крещением и после причастия. В общественных банях также обменивались



Рис. 1. Золотая пластина с вырезанной монограммой. Раскопки 2019 г. (фото Р. Костадинова).

Fig. 1. A thin gold plate with incised monogram. 2019 excavations (photo by R. Kostadinova).

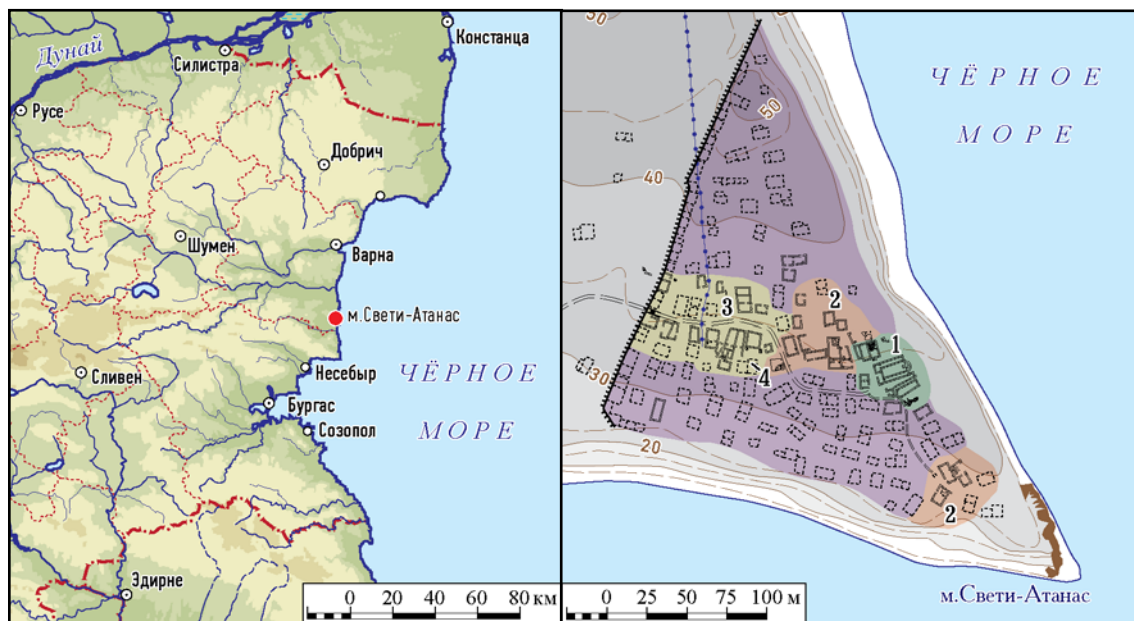


Рис. 2. Позднеантичная крепость (конец IV — начало VII в.) на мысе Св. Атанаса (план автора). Цифрами обозначены: 1 — сакральная зона; 2 — производственная и жилая зона; 3 — торговая и жилая зона; 4 — баня.

Fig. 2. Late Antique fortress (late 4th — early 7th century AD) on the Cape of St. Atanas (plan by the author). The numbers indicate: 1 — sacred zone; 2 — industrial and living zone; 3 — trade and living zone; 4 — bath.

новостями и сплетнями, решались споры, заключались сделки, шла и мелкая амбулантная торговля.

Учитывая место обнаружения золотой пластины в контексте общей стратиграфии объекта, можно отнести эту интересную находку к сер. V — началу VI вв.

Золотой перстень. Тоненькая золотая пластина (рис. 1) имеет эллипсовидную форму, её размеры 13,5×9,7 мм. На лицевой стороне вырезаны монограмма и два креста (рис. 4). При увеличении фотоизображения на четырех сторонах эллипса видны маленькие точки. С уве-

ренностью можно полагать, что пластина является верхней частью/щитком перстня. На мой взгляд, возможны два варианта (рис. 5): а) пластина была установлена в верхней части кольца, которая выглядела как чашечка; б) пластина была приклеена к верхней части кольца. На мой взгляд, более вероятным является первый вариант. Можно полагать, что кольцо тоже было из золота.

Предполагается, что истоки традиции ношения перстней (наиболее ранние, вероятно, были изготовлены из недолговечных материалов) в качестве символа — чаще всего люб-



Рис. 3. Баня (конец IV — начало V в.) в центре крепости на мысе Св. Атанас (фото автора).

Fig. 3. Bath (late 4th — early 5th century AD) in the center of the fortress on the Sveti Atanas Cape (photo by the author).

ви или власти — восходят еще к Древнему Египту. Для перстней, бытовавших в Древней Греции, Древней Фракии и Древнем Риме характерны массивные или тонкие литые щитки с прочерченными изображениями или надписями, а также щитки с геммами (вставками из драгоценных камней с вырезанными изображениями или надписями): камнями — с выпуклыми изображениями; инталиями — с врезанными изображениями; инталиями — с выпуклыми барельефными изображениями (Marshall 1968: XVI, XXXIX—XLVII).

Перстни в Византии. В поздней античности продолжают быть популярными типы перстней, традиционные для классической античности, но с течением времени развиваются и новые формы. По мнению главного куратора Античного департамента Музея Гетти в Калифорнии, знатока византийского ювелирного искусства Джеффри Спир: «для конца V — начала VI в. характерно появление новых форм украшений, в том числе и перстней... Большинство византийских перстней не имеют гемм/камней, а украшены в основном декоративными рамками, надписями и т.д.» (Spier 2012: 22—23).

В начале византийского периода появились и монограммы на различных ювелирных изделиях (Spier 2012: 132), в том числе и на кольцах — особенно после времен правления Юстиниана I Великого (527—565).

На рассматриваемой пластине вырезаны в центре: одна монограмма (так называемый в литературе тип *слитной буквенной монограммы* — *block letter monogram*); слева и справа — два креста.

Известно, что после первых веков утверждения христианства монограмма *chi-rho* (состоявшая из греческих букв X и P — символ Христа) и крест стали одними из самых употребляемых декоративных элементов.

Множество известных византийских монограмм не так просто дешифровать. Мои попытки определить, какое имя скрывается в рассматриваемой здесь пластине, оказались неудачными. Я обратился к одному из самых больших знатоков по этой тематике, Вернеру Зайбту (Werner Seibt) и здесь представлю читателю его ответ: *E, N, O, R, S, Y, Ph* дает *Euphrosynou* и *Onesiphorou* (Эвфросина и Онесифора)¹.

Параллели. Тематика изучения византийских перстней с монограммами является одной из основных в изучении средневекового ювелирного искусства. В качестве

¹ Письмо автору от профессора Византийского отдела Института средневековых исследований Австрийской Академии наук, доктора Вернера Зайбта (Werner Seibt, Institut für Mittelalterforschung der ÖAW Abteilung Byzanzforschung) от 9 сентября 2019 г.

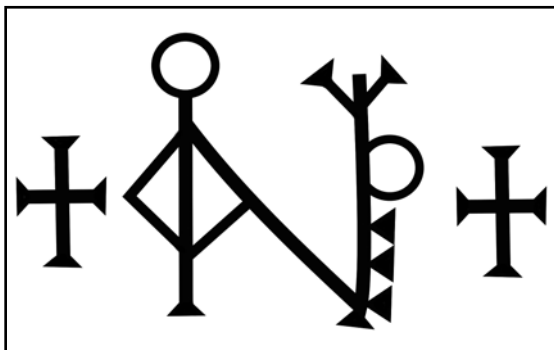


Рис. 4. Слитная буквенная монограмма и два креста на золотой пластине (рисунок автора).

Fig. 4. So called block letter monogram and two crosses on the gold plate (drawing by the author).

параллелей подобным перстням, думаю, что справедливо обратить внимание только на несколько примеров с территории Балканского полуострова — перстень из могильника Апахиды уезда Клуж (Румыния) (Gudea 2010: Abb. 11: 4; 19) и указанные в этой же работе аналогии.

Заключение. Так, после публикации золотого перстня из Бялы (Йотов 2017: 215—220),

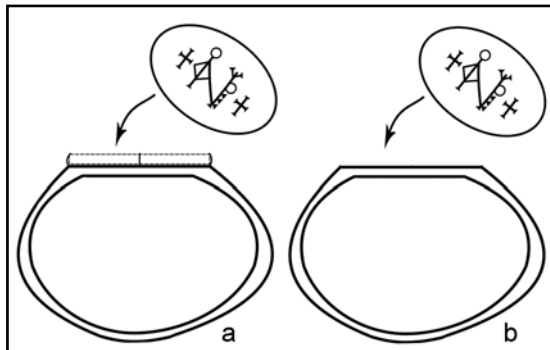


Рис. 5. Варианты реконструкции перстня: а) пластина помещена в чашечку; б) пластина приклеена к верхней части кольца (рисунки автора).

Fig. 5. Options for reconstruction of the ring: a) the plate is placed in a small bowl; b) the plate is glued to the top of the ring (drawings by the author).

который представляет собой модель Храма Гроба Господня в Иерусалиме и в частности, Ротонды «Анастасис», это уже второй золотой перстень с исследуемого памятника. Оба перстня являются свидетельством высокого статуса части населения небольшого портового города на современном мысе Св. Атанаса.

Литература

- Йотов В. 2017. Золотой перстень — имитация ротонды «Анастасис» над Гробом Господним. В: Мусин А.Е. (отв. ред.). *В камне и в бронзе = In stone and bronze*. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН XLVIII. Санкт Петербург: Невская книжная типография, 215—220.
- Йотов В., Минчев А. 2013. Сакральный центр на мысе Св. Атанаса в Западном Причерноморье. *Stratum plus* (6), 59—77.
- Приск. 1954. Византийска история. Откъси. *ГИБИ* 1. София: БАН, 86—129.
- Gudea N. 2010. Vorschlag für eine neue Lesung der Inschrift OMHARVG auf dem Ring No. 3 aus dem Grab. No. 1 von Apahida (Klausenburg/Cluj-Napoca, Rumänien). In: *Studia Universitatis Babes Bolyai = Theologia Catholica* LV (3), 25—66.
- Spier J. 2012. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium*. London: Paul Holberton publishing.
- Marshall F.H. (ed.). 1968. *Catalogue of the finger rings, Greek, Etruscan, and Roman*. Oxford: Oxford University Press.

References

- Yotov, V. 2017. In Musin, A.E. (ed.). *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi (In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 215—220 (in Russian).
- Yotov, V., Minchev, A. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 59—77 (in Russian).
- Priscus of Panium. 1954. *Vizantijska istoriya (History of Byzantium)*. In *Grätski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* 1, 88—129 (in Bulgarian).
- Gudea, N. 2010. Vorschlag für eine neue Lesung der Inschrift OMHARVG auf dem Ring No. 3 aus dem Grab. No. 1 von Apahida (Klausenburg/Cluj-Napoca, Rumänien). In *Studia Universitatis Babes Bolyai = Theologia Catholica*, LV, 3, 2010.
- Spier, J. 2012. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium*. London: Paul Holberton publishing.
- Marshall, F.H. (ed.). 1968. *Catalogue of the finger rings, Greek, Etruscan, and Roman*. Oxford: Oxford University Press.

Статья поступила в сборник 11 апреля 2020 г.

Valeri Yotov (Varna, Bulgaria). Doctor of Archaeology. Varna Museum of Archaeology.

Йотов Валери (Варна, Болгария). Доктор археологии. Археологический музей г. Варны.

E-mail: valeri.yotov@gmail.com

Address: Maria Louisa Blvd., 41, Varna, 9000, Bulgaria

И. Р. Ахмедов

«Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э.

Keywords: the forest zone of Eastern Europe, early medieval period, decoration of female costume, local elements, origin, chronology

Ключевые слова: лесная зона Восточной Европы, раннее средневековье, украшения женского костюма, местные элементы, происхождение, хронология

I. R. Akhmedov

“Relic” Forms of Jewelry from Elshino Hoard of the 7th Century AD

The article examines two categories of female ensemble from the hoard found at the Elshino hillfort. This hoard, like the small one from Kartavtsevo hillfort, is considered among the group of hoards of the late Moshchiny culture (7th cent.). The Elshino hoard is similar to the Dnieper hoards (1st group), however the first one has a plenty of specific adornments. Some of them can be clearly divided into two categories whose origin lies in antiquities of the 1st half of I mil. AD. They are plated temple rings and cylindrical pendants. Prototypes of temple rings were part of the ensemble used by the population on the Upper Oka in the first centuries AD (the antiquities of Novo-Kleymenovo type). In the 3rd — the 1st half of the 4th cent., these adornments were included as components of the ensemble worn by the population of the Middle Oka and Suzdal Opolye. Prototypes of cylindrical pendants were widespread throughout the European Barbaricum. Later versions of such pendants appeared in the Upper Oka region in the Hunnic epoch. They are known from Velegozh hoard (Moshchiny culture). Single pendants were also found in the graves of the Ryazan Finn of the 2nd half 5th cent. These relict adornments developed in the context of the female ensemble of the late Moshchiny culture in the 3rd quar. of the I mil. AD. The ensemble was synthesizing elements of various origins.

I. Р. Ахмедов

«Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э.

В статье рассмотрены две категории женского убора из состава клада, найденного на городище Елшино в Пронском районе Рязанской области. Этот клад, как и небольшой клад, найденный на городище Картавцево в Алексинском районе Тульской области, относят к группе кладов позднего этапа мощинской культуры и датируют VII в. Состав клада с городища Елшино близок днепровскимкладам I группы, однако здесь встречено большое количество самобытных украшений. Среди них выделяются две категории, происхождение которых связано с древностями I-й пол. I тыс. н. э. Это пластинчатые височные кольца и цилиндрические подвески. Прототипы височных колец известны в уборе населения Верхней Оки первых веков н. э. (древности типа «Ново-Клейменово»), в III — первой половине IV вв. они включаются в состав убора населения Среднего Поочья и Суздальского Ополя. Прототипы цилиндрических подвесок широко распространены в культурах европейского Барбарикума. Поздние версии таких подвесок появляются в верхнем Поочье в гуннское время, они известны в составе Велегожского клада мощинской культуры. Отдельные подвески найдены также в захоронениях рязанских финнов 2-й пол. V в. н. э. Эти «реликтовые» украшения развиваются в рамках формирования ансамбля женского убора мощинской культуры 3-й четв. I тыс. н. э., в котором синтезированы элементы различного происхождения.

В недавнее время источниковая база исследований раннесредневековых древностей Центральной России эпохи раннего средневековья пополнилась новыми важными находками. Это два клада, обнаруженные в Рязанской и Тульской областях, соотносимые с поздней фазой мощинской культуры и датируемые VII в. н. э. Наиболее репрезентативный из них происходит с Елшинского (Чортова) городища в верхнем течении р. Прони, правого притока р. Оки, в окрестностях пгт. Пронск (Пронский район Рязанской области) (Коллекция Государственного исторического музея) (рис. 1). История находки и характеристика культурной принадлежности Елшинского городища

и расположенного неподалеку Пронского городища, в нижней части культурного слоя которого известны материалы мощинской культуры, уже была кратко изложена автором (Ахмедов 2012: 282—283).

В составе клада, найденного в большом лепном горшке, присутствуют разнообразные категории находок. Наиболее крупная представлена более чем двумя сотнями деталей женского убора: пластинчатыми венчиками, височными кольцами, часть из которых составляла связку, фрагментами гривен, подвесками различных форм, браслетами, перстнями, привесками и нашивными украшениями из серебра, сплавов цветных металлов, в том

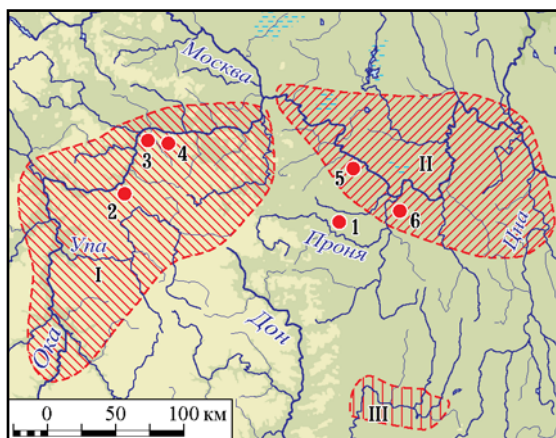


Рис. 1. Культуры Поочья в VII в. и памятники, упомянутые в статье: I — ареал мощинской культуры; II — ареал культуры рязанских финнов; III — ареал группы пеньковско-колочинского облика в верховьях р. Воронеж. 1 — Елшинское городище; 2 — городище Картавцево; 3 — городище Велегож; 4 — городище Борисово; 5 — могильник Кораблино; 6 — могильник Заречье.

Fig. 1. Archaeological cultures of the upper and middle reaches of the Oka River in the 7th century and sites mentioned in the article: I — the area of the Moshchino culture; II — the area of the Ryazan Finns culture; III — the area of the "Pen'kovka-Kolotchin" group in the upper reaches of the Voronezh River. 1 — Elshino hillfort; 2 — Kartavtsevo hillfort; 3 — Velegozh hillfort; 4 — Borisovo hillfort; 5 — Korablino burial ground; 6 — Zarech'e burial ground.

числе из свинцово-оловянного сплава (основные категории представлены на рис. 2). Велико количество бус (более пяти тысяч экз.) — стеклянных, янтарных, каменных, а также отлитых из свинцово-оловянистого сплава.

Отдельную группу составляют детали поясных уборов «геральдического» облика, дающие надежные хронологические реперы сокрытияклада. Некоторые из них были использованы вторично как подвески. К этой группе можно отнести и фрагментированные серебряные детали прибора ножен меча, фрагменты обкладок устья и наконечника ножен, обкладки скоб для крепления портупейных ремней. К ним следует добавить также три предмета, предположительно, центральноазиатского происхождения — медальоны с изображением личности «Киртимукхи» и перстень, с неясным изображением. Часть предметов связана с обработкой металла — матрица, обрезки пластин цветного сплава, заготовка полусферического предмета, выколотая из бронзового листа (Ахмедов 2012: 283—284, рис. 2: 1—3; Ахмедов, Гаврилов 2017: 32—33, рис. 12: 2—9). Видимо, часть предметов представляла собой за-

пас металла и стекла, предназначенного к переработке. К ним, видимо, следует отнести и предметы, датирующиеся более ранним временем — от раннего железного века до гуннского периода — украшения, бусы, фрагмент стеклянного кубка со шлифованным орнаментом.

Значительная часть предметов VII в. находит аналоги среди древностей колочинской и пеньковской культур, наиболее полно представленных в днепровскихкладах I группы по О. А. Щегловой. Это пластинчатые венчики, проволоочные подвески с закрученными в спирали концами, цепедержатель и цепочки с литыми колокольчиками, умбоновидная подвеска с центральным отверстием, фрагмент гривны, некоторые формы пластинчатых подвесок, браслеты, биконические бусы из оловянно-свинцовистого сплава (рис. 2: 1, 5—7, 9, 13—15, 26, 30—32). Другие находят аналоги в рязано-окских древностях: простые и двухъярусные трапециевидные подвески, спиральные пронизи и перстни, близки рязано-окским, и свернутые из листа конические привески, отличающиеся от рязано-окских способом крепления (рис. 2: 3, 29, 33, 34).

Самобытны крупные пластинчатые трапециевидные подвески с вогнутыми сторонами, пластинчатые подвески в виде овала, сегмента и овала со срезанной нижней частью, а также цилиндрические «ведеркообразные» подвески с ушком и припаянным доньшком, заполненные воскоподобным веществом с кожаными полосками, дублирующими изнутри ушки для подвешивания (рис. 2: 16—21, 24, 27).

Подобные украшения известны пока только в древностях позднего этапа мощинской культуры. Клад с такими украшениями найден на городище Картавцево, там же обнаружена отдельная подвеска в виде сегмента, подвеска в виде овала с плоским основанием происходит с городища Борисово (рис. 3) (Воронцов 2013: 40, рис. 41: 7; 70: 2; 73). Они абсолютно идентичны по типам вещей, визуально одинаковы и по облику металла, из которого изготовлены. Анализы металла вещей изклада, найденного в Картавцево, показали, что использовался либо сплав с высоким содержанием серебра — до 95% (крупные трапециевидные подвески), либо сплав серебра с содержанием до 41% со свинцовой латуной (Ag+CuZnPb) (полукруглые подвески). Видимо, этот состав сплава придавал вещам определенные физические свойства и вид серебряных изделий, хотя и несколько «жестяных» по виду (автор благодарит И. А. Сапрыкину за знакомство с содержанием еще не опубликованной работы: Сапрыкина и др. 2020).

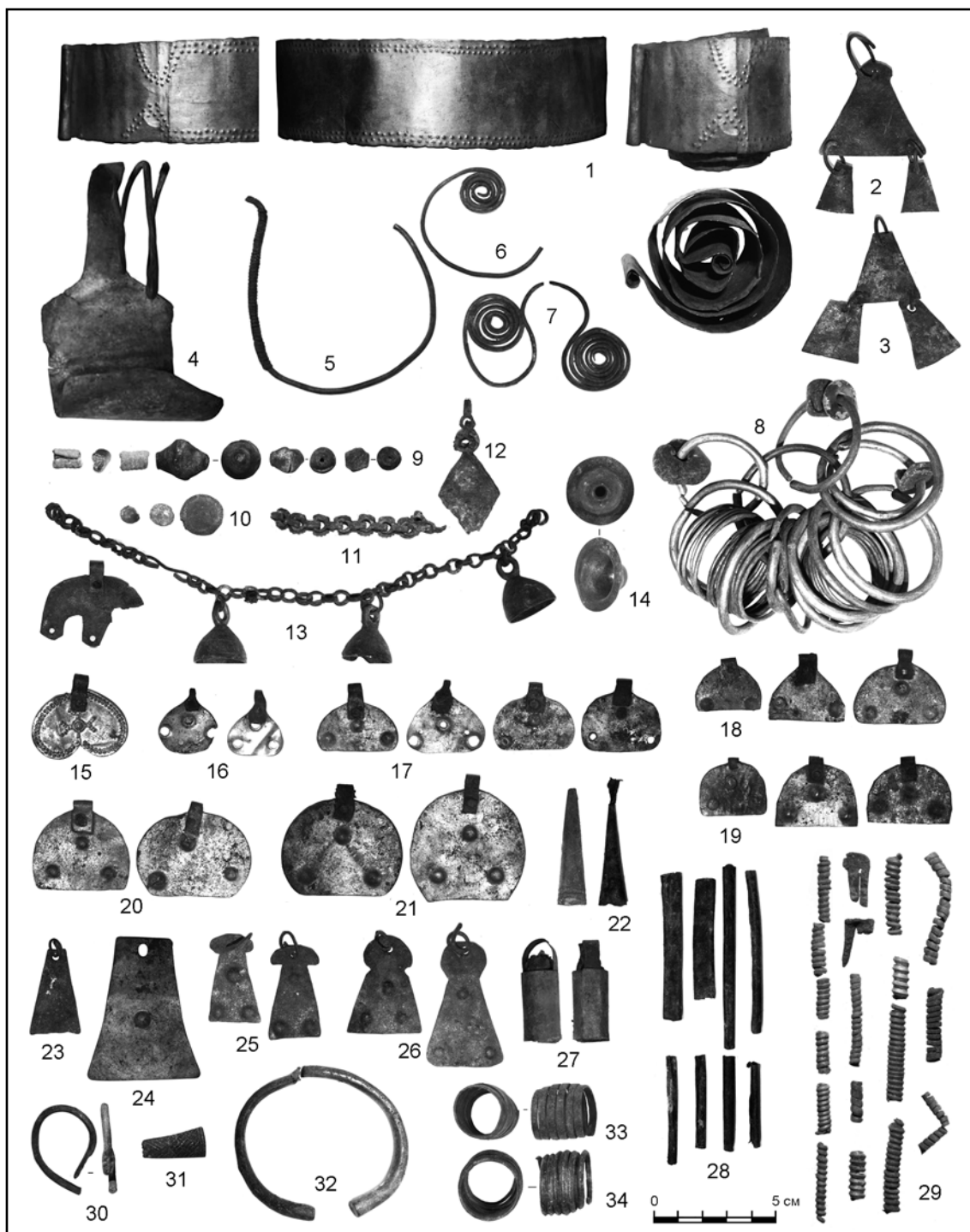


Рис. 2. Елшинский клад. Основные категории металлических деталей женского убора. 1 — головной венчик; 2, 3 — височные привески; 4 — височное кольцо с лопастью; 8 — височные кольца; 5 — фрагмент шейной гривны; 6, 7, 14—27 — привески; 9 — металлические обоймы и бусы; 11, 12 — фрагменты цепочки и подвеска; 13 — цепедержатель и цепь с подвесками в виде колокольчиков; 28, 29 — пронизи; 30—32 — браслет и фрагменты браслетов; 33, 34 — перстни. 1—7, 13—21, 23—26, 30—34 — сплав цветных металлов; 8 — серебро, стекло, янтарь; 9—12 — свинцово-оловянный сплав; 22, 28, 29 — сплав цветных металлов, кожа; 27 — сплав цветных металлов, кожа, воск (?) (фото автора с оригиналов).

Fig. 2. Elshino hoard. Main categories of metal decoration of female costume: 1 — diadem; 2, 3 — temple pendants; 4 — temple ring with paddle; 8 — temple rings; 5 — fragments of a necklace; 6, 7, 14—27 — pendants; 9 — metal holders and beads; 11, 12 — fragments of a chain and a pendant; 13 — chain holder and a chain with bell-shaped pendants; 28, 29 — spirals; 30—32 — Bracelet and fragments of bracelets; 33, 34 — finger rings. 1—7, 13—21, 23—26, 30—34 — non-ferrous metal alloy; 8 — silver, glass, amber; 9—12 — tin and lead alloy; 22, 28, 29 — non-ferrous metal alloy, leather; 27 — non-ferrous metal alloy, leather, wax (?) (photo by the author from the originals).

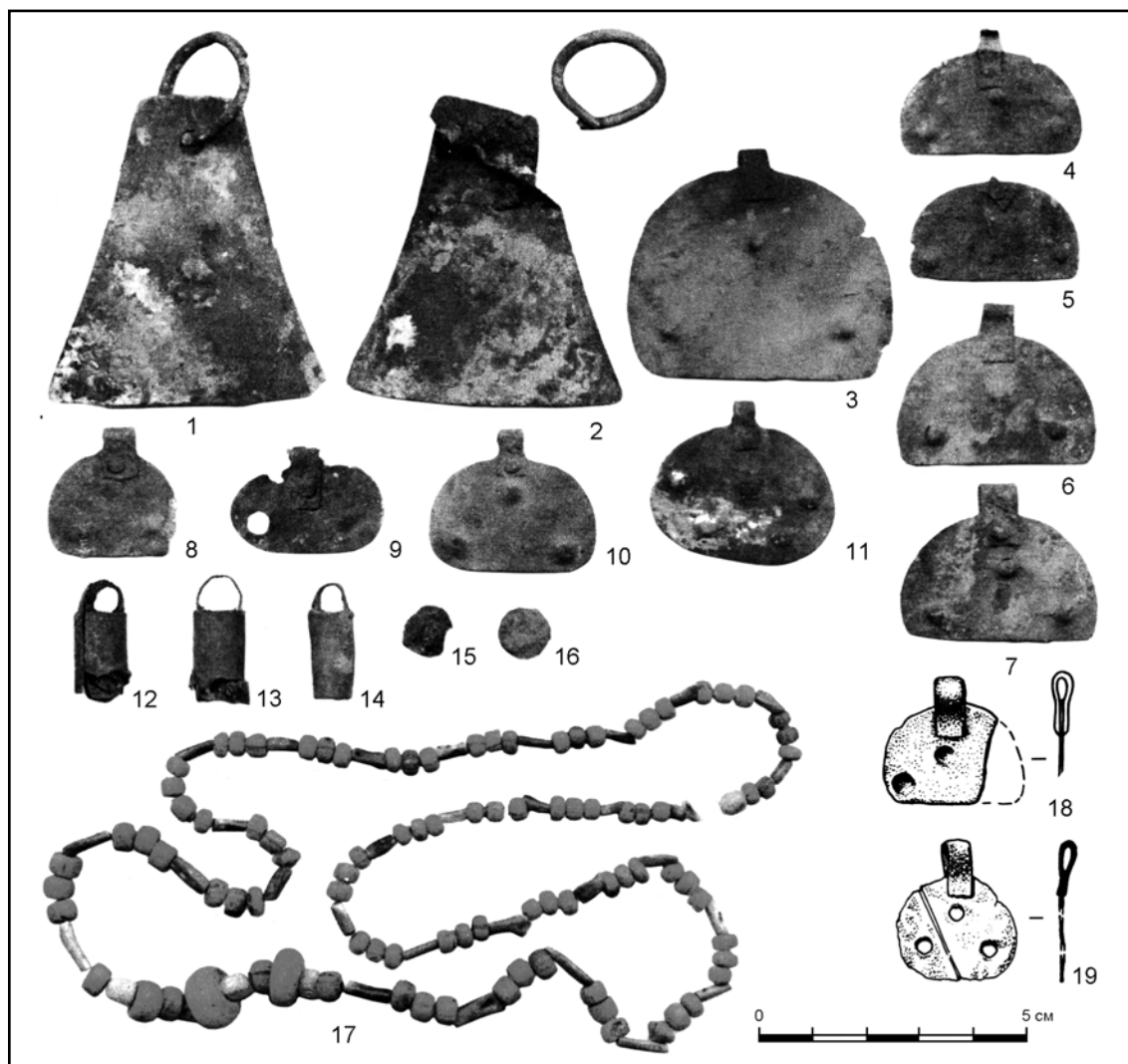


Рис. 3. Городище Картавецво: 1—17 — клад; 18 — находка подвески на склоне. Городище Борисово: 19 — находка в постройке 4. 1—11, 18, 19 — сплав цветных металлов; 12—14 — сплав цветных металлов, кожа, воск (?); 15, 16 — свинцово-оловянный сплав; 17 — стекло (1—17 — фото А.М. Воронцова; 18, 19 — по Воронцов 2014: рис. 2: 9, 10).

Fig. 3. Kartavtsevo hillfort: 1—17 — Kartavtsevo hoard; 18 — a pendant found on the slope. Borisovo hillfort: 19 — a find from building no. 4. 1—11, 18, 19 — non-ferrous metal alloy; 12—14 — non-ferrous metal alloy, leather, wax (?); 15, 16 — tin and lead alloy; 17 — glass (1—17 — photo by A.M. Vorontsov; 18, 19 — after Воронцов 2014: рис. 2: 9, 10).

Не имеют синхронных аналогов височные кольца с лопастью. Они представлены двумя экземплярами. Щиток в виде расширяющегося к концу пятиугольника, с основанием, переходящим в узкую полосу, и проволоку, закрученную в два оборота, у меньшего кольца проволочная часть обломана. Размеры большого кольца — максимальная ширина 6,5 см, диаметр 6 см, меньшего кольца — максимальная ширина 6,2 см, диаметр 5,2 см. Визуально металл и способ изготовления близки другим пластинчатым украшениям из состава клада (рис. 4: 1, 2).

Височные кольца с лопастью в синхронных древностях автору пока не известны. В то же

время известен целый ряд подобных изделий в более раннее время в Поочье и на сопредельных территориях. Одной из наиболее характерных составляющих женского убора рязанских финнов в III — 1-й пол. IV вв. н.э. являются характерные височные кольца, свернутые из ромбической пластины с проволочной спиралью на одном конце, появляющиеся уже на самом раннем, «кошибеевском» этапе рязано-окских древностей (рис. 6: 7—9, 11, 14). Известны аналогичные кольца и среди материалов могильника Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье, материалы которого чрезвычайно близки рязано-окским древностям. (рис. 5: 12, 13, 15) (Ахмедов, Белоцер-



Рис. 4. Височные лопастные кольца из Елшинского клада. Сплав цветных металлов (фото автора).

Fig. 4. Elshino hoard. Temple rings. Non-ferrous metal alloy (photo by the author).

ковская 1998: 36, рис. 2: 1—5; 3: 4, 5; Белоцерковская 2000: 99, рис. 2: 1, 2, табл. 2; Шитов 1988: 12, 22—25, 27—28, табл. V: 8, 11; XI: 13, 14, 15, 18; XIII: 1, 2, 7; Спицын 1901: 63—65, табл. VI: 11, 28, 31; VII: 8, 11, 14; VIII: 6; IX: 15, 16; XI: 5; XIII: 8; Макаров, Красникова, Зайцева 2010: 45, 47, рис. 4: 17, 18; 6: 3, 3/1; 2012: 154, илл. 5: 1, 2). Близкое ранним рязано-окским образцам височное кольцо найдено в постройке 8 городища Ново-Клейменово в контексте одноименных древностей II — 1-й пол. III вв. Типологически более ранние найдены в постройке 3/4 на городище Супруты и на городище Мощины, где два серебряных кольца из согнутой в два с четвертью оборота проволоки с расширенным «ланцетовидным» концом, украшенным ромбической композицией из полусферических выпуклостей, были найдены вместе со скоплением золотостеклянных пронизок и «бочонковидных» бусин, круглых бусин зеленого стекла и бронзовых колечек в составе клада, спрятанного в материковой ямке вне комплексов сооружений (рис. 5: 6: 5, 6, 10) (Воронцов 2013: 20, рис. 57: 2; 656: 16; Фролов 1977: 78, рис. 1). Они в свою очередь находят прототипы на дьяковском городище Щербинка и в составе клада I — нач. II вв. на городище Долматово, относящегося к началу освоения предками рязанских финнов территории Среднего Поочья (рис. 6: 1—4) (Ахмедов 2003: 131—134). Возможные прототипы этой категории украшений

известны в милоградских древностях и культуре штрихованной керамики в I в. н. э. (Милоград, Банцеровщина, Лабенщина, Збаровичи), которые, в свою очередь, близки серии находок в культуре западнобалтийских курганов (Шитов 1988: 14; Мельниковская 1963: 39—40, рис. 6: 1, 5—10; Лявданский 1932: 57, табл. 1: 12, 25; Очерки 1970: 197, рис. 72: 13, 17, 18, 19; Okulicz 1970: Tabl. X: 1, 2; XVII: 19; XXIV: 19).

Видимо, именно взаимодействиями рязанских финнов и населения, оставившего древности типа Ново-Клейменово, вызвано появление новых черт в составе рязано-окского головного убора. Можно предполагать и прямое включение ново-клейменовцев в рязано-окские коллективы, о чем свидетельствует наличие керамических форм в ранних погребениях могильника Кораблино, чрезвычайно близких ново-клейменовской посуде. В мощинских напластованиях на верхнеокских

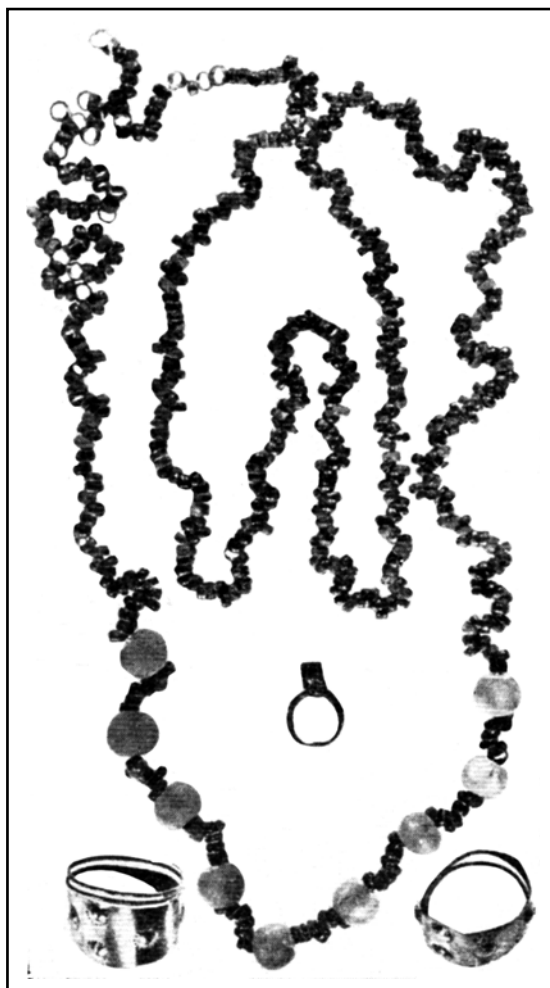


Рис. 5. Клад 1976 г. с городища Мощины. Серебро, бронза, стекло (по Фролов 1977: рис. 1).

Fig. 5. Moshchiny hillfort. The hoard found in 1976. Silver, bronze, glass (after Фролов 1977: рис. 1).

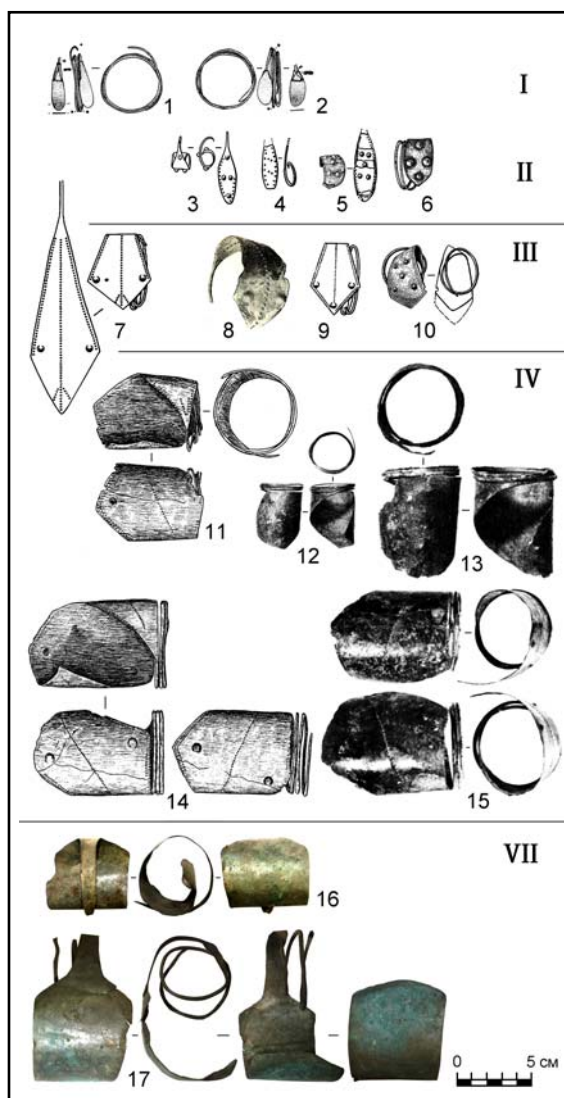


Рис. 6. Височные лопастные кольца из Елшинского клада и их возможные прототипы: 1, 2 — городище Долматово; 3, 4 — городище Щербинка; 5 — городище Супруты; 6 — городище Мощины; 7—9 — Кошибеевский могильник; 7 — п. 21, раскопки В.Н. Глазова; 8 — п. 50, раскопки А.А. Спицына; 9 — п. 92, раскопки В.Н. Глазова; 10 — городище Ново-Клейменово; 11, 14 — могильник Кораблино, мыс 2, п. 6; 12, 13, 15 — могильник Большое Давыдовское: 12 — п. 4; 13 — п. 11; 15 — п. 18; 16, 17 — Елшинский клад. I—VII — века н.э., обобщенные хронологические рамки.

Fig. 6. Temple rings from Elshino hoard and their possible prototypes: 1, 2 — Dolmatovo hillfort; 3, 4 — Shcherbinka fortified settlement; 5 — Supruty hillfort; 6 — Moshchiny hillfort; 7—9 — Koshibeevo burial ground; 7 — bur. 21, excavations by V.N. Glazov; 8 — bur. 50, excavations by A.A. Spitsyn; 9 — bur. 92, excavations by V.N. Glazov; 10 — Novo-Kleymenovo hillfort; 11, 14 — Korablino burial ground (cape 2), bur. 6; 12, 13, 15 — Bolshoe Davydovskoe burial ground: 12 — bur. 4; 13 — bur. 11; 15 — bur. 18; 16, 17 — Elshino hoard. I—VII — centuries AD, generalized chronological framework.

памятниках ново-клеименовские черты отсутствуют, что, по мнению А.М. Воронцова и Е.В. Столярова, подготовивших исследование на тему соотношения ново-клеименовских и мощинских горизонтов, свидетельствует о вытеснении мощинским населением предшествующего верхнеокского населения вниз по р. Оке¹.

Елшинские кольца несколько отличаются от рязано-окских прототипов и по форме щитка, и по способу закручивания кольца в спираль. Однако их связь представляется возможной, близки и размерные стандарты. В то же время, пока трудно объяснить хронологический разрыв между рязано-окскими височными кольцами III—IV вв. и елшинскими находками. В рязано-окском уборе V—VII вв. подобные украшения не известны, не находили их пока и на памятниках с материалами позднего этапа мощинской культуры. Можно попробовать выдвинуть смелое предположение, что существование этой категории убора может быть связано с какой-то локальной группой, сохранившей «ново-клеименовские» реликты. Косвенно в пользу этого может свидетельствовать и место находки клада, располагающееся за пределами мощинского и рязано-окского ареала.

Другой специфической категорией являются *цилиндрические подвески*. Они представляют собой свернутые из металлического листа цилиндры, в которые вставлялись пластинчатые петли с округлым верхом, с загнутыми в нижней части горизонтально концами. Боковой шов цилиндра спаивался вместе с петлей, к нижней части цилиндра и концам петель припаивалось пластинчатое круглое донце. Внутри подвески вставлялись дублирующие кожаные петли, концы которых доходили до середины высоты цилиндрической части и загибались внутрь. После этого цилиндрическая часть заполнялась веществом, визуально напоминающим воск, которое закрепляло кожаные петли. Верхняя часть пропитана веществами, которые выделялись из кожи, поэтому она отличается от нижней части заполнения и по цвету, и по сохранности (рис. 7: 1—7).

Ниже представлены усредненные варианты размеров подвесок (табл. 1).

¹ Автор выражает искреннюю благодарность И.В. Белоцерковской за возможность использования рисунков находок из могильников Кораблино и Заречье, а также А.М. Воронцову и Е.В. Столярову за дружеские консультации и фото находок из клада, найденного на городище Картавцево.

Как уже было указано выше, максимально близки этим подвескам три подвески из клада, найденного на городище Картавецво. По размерам одна соответствует размерам варианта 1 из Елшинского клада, две другие в целом меньше подвесок из Елшино — общая высота 2 см, высота цилиндра 1,2 см, диаметр 1 см. По информации А.М. Воронцова, внутри сохранилась органическая (восковая?) масса, окрашенная в коричневый цвет, что может свидетельствовать о том, что внутри первоначально также могли находиться кожаные петли.

Как уже было указано, это единственные аналоги елшинским подвескам, которые относятся к позднему IV периоду мощинских древностей, определяемому в рамках 1-й пол. VII в. (Воронцов 2016: 228—229, рис. 3; 25).

К более раннему времени относятся находки восемнадцати цилиндрических подвесок в составе клада с городища Велегож, корпус еще одной подвески был найден на склоне городища (рис. 8: 1—17) (Воронцов, Столяров 2015: 13—14, рис. 6: 3; 34: 3—19; 38: 2). Две из них изготовлены из серебра, еще пять из бронзы, характер сплав металлов, из которых изготовлены остальные, еще не определен. Конструкция почти аналогична описанной выше для елшинских подвесок, за исключением того, что концы пластинчатых петель не загнуты в горизонтальной плоскости. Внутри подвесок также зафиксирована коричневая масса органического происхождения, остатков кожи в публикации не описано, косвенно в пользу ее присутствия в конструкции свидетельствует цвет органического заполнения. Эти подвески имеют несколько иные пропорции, их высота составляет 1,7—1,8 см при диаметре 0,8—0,9 см. Время сокрытия клада определяют сер. V в. (Воронцов, Столяров 2015: 15; Воронцов 2016: 229). Авторы первой публикации клада совершенно справедливо указывают на близкие подвески, найденные в нескольких погребальных комплексах рязано-окских финнов (основные составляющие см. рис. 9). Авторы первой публикации Велегожского клада присоединяются к мнению И.В. Белоцерковской, связавшей появление этой категории украшений с результатом взаимодействия рязанских финнов с носителями черняховской культуры вскоре после «прекращения ее существования в гуннское время». Датировка рязано-окских комплексов с ведековидными подвесками была дана И.В. Белоцерковской в широком диапазоне от IV в. (могильник Кораблино, мыс 1, п. 76) до V в. в целом (могильник Кораблино, мыс 1, п. 16 и могильник Заречье, п. 99) или

Таблица 1.
Усредненные варианты
размеров подвесок

Номер варианта	Высота общая, см	Высота цилиндрической части, см	Диаметр, см	Количество
1	2,2	1,6	0,8	4
2	2,5	1,7	1,1	5
3	2,8	2	1,3	4
4	3,1	2,3	0,9	5
5	4,1	2,9	1,5	15
6	4,5	3,1	1,8	10

2-й пол. V в. (могильник Заречье, п. 55) (Белоцерковская 2012а: 59—61; 63, рис. 3: 1—5; Воронцов, Столяров 2015: 14). Здесь хотелось бы внести некоторое уточнение. Инвентарь п. 76, мыс 1 могильника Кораблино, относящегося к IV в., содержал две железные «ведерковидные» подвески с узкими петлями, которые действительно могут быть соотнесены с черняховскими аналогами, 80 % которых изготовлены именно из железа (рис. 8: 43) (Гопкало 2008: 63—64, табл. VII). Подвески же из п. 99 мог. Заречье и п. 16, мыс 1 мог. Кораблино ближе именно к находкам из Велегожа и по размерам, и по конструкции (рис. 8: 10, 22). Датировки этих двух погребений также могут быть уточнены. В п. 99 мог. Заречье найдена двухъярусная подвеска со свернутыми из листа привесками, аналогичные привески украшают и один из спиральных перстней в составе инвентаря п. 16 мог. Кораблино (рис. 8: 14, 26). Эти характерные привески в составе наборных украшений распространяются уже во 2-й пол. V в. (Белоцерковская 2014: 185, 196). Сочетание же форм украшений в этих комплексах позволяет предположить их датировку рамках 3-й четв. V в. Этим же временем датируется и комплекс п. 55 могильника Заречье, один из опорных рязано-окских комплексов фазы 1 периода ЗС (Ахмедов 2007: 147—150, схема 3.). Таким образом, подвески из этих трех погребений близки к велегожским и по времени. Возможно, их поступление к рязанским финнам следует связывать с той средой, к которой относились люди, сокрывшие Велегожский клад. В пользу этого предположения свидетельствует и присутствие в комплексе п. 99 м-ка Заречье браслета с тремя прямоугольными площадками, соотносимого с традиционными для мощинской культуры формами; фрагмент подобного браслета также найден в составе подъемного материала на городище Велегож (рис. 8: 27) (Воронцов, Столяров 2015: рис. 8: 2). В расположенном



Рис. 7. Цилиндрические подвески из Елшинского клада: 1—7 — конструкция подвесок; 8—13 — варианты размеров подвесок. 1—13 — сплав цветных металлов, кожа, воск (?) (фото автора).

Fig. 7. Elshino hoard. Cylindrical pendants: 1—7 — structure of the pendants; 8—13 — pendants size options. 1—13 — non-ferrous metal alloy, leather, wax (?) (photo by the author).

в непосредственной близости к п. 16, мыс 1, мог. Кораблино парном п. 18 в составе ожерелья у захороненной женщины найдена крупная серебряная бусина со срезанными под углом сегментами, аналогичная найденным на Велегожском городище, в кладе, в культурном слое и в постройке 1 (рис. 7: 20, 21) (Белоцерковская 2012: 119, рис. 1: 11; Воронцов, Столяров 2015: рис. 20: 56; 23: 18, 61; 34: 21, 22).

Таким образом, можно установить хронологические рамки развития этой разновидности украшений, происходящих от подвесок римского времени, от 1-й пол. — сер. V в. до сер. — 3-й четв. VII в. Направление эволюции шло в изменении пропорций и увеличении размеров подвесок, на что указывают и авторы публикации Велегожского клада (Воронцов, Столяров 2015: 13).

Именно наличие специфических категорий «позднемоштинского» убора отличает Елшинский клад от синхронных репрезентативных днепровских кладов I группы. Рассмотренные «реликтовые» украшения демонстрируют происхождение части разнотрадиционных

компонентов, синтезированных в «позднемоштинском» женском уборе, представленном в кладе из Елшинского городища.

Дальнейшее изучение этого уникального комплекса должно иметь комплексный характер и сочетать в себе методы выделения различных культурных компонентов, «ретроспективного» анализа, как на уровне отдельных типов вещей, так и на уровне категорий, позволяющего выделять различные культурные традиции, а также всестороннее изучение предметов методами археометрии. Продуктивность подобного подхода хорошо видна на примере исследований В.Е. Родинковой раннесредневековых кладов Поднепровья. Ей удалось выделить несколько локальных групп убора, определить в его составе несколько групп украшений различных культурных традиций: днепровской «субстратной», восходящей к древностям римского времени и начала Великого переселения народов (позднзарубинецкой и киевской культур), группу находок «лесного» облика, связанных с финно-угорским и балтским населением лесной зоны Восточной Европы, а также вещи, изготов-

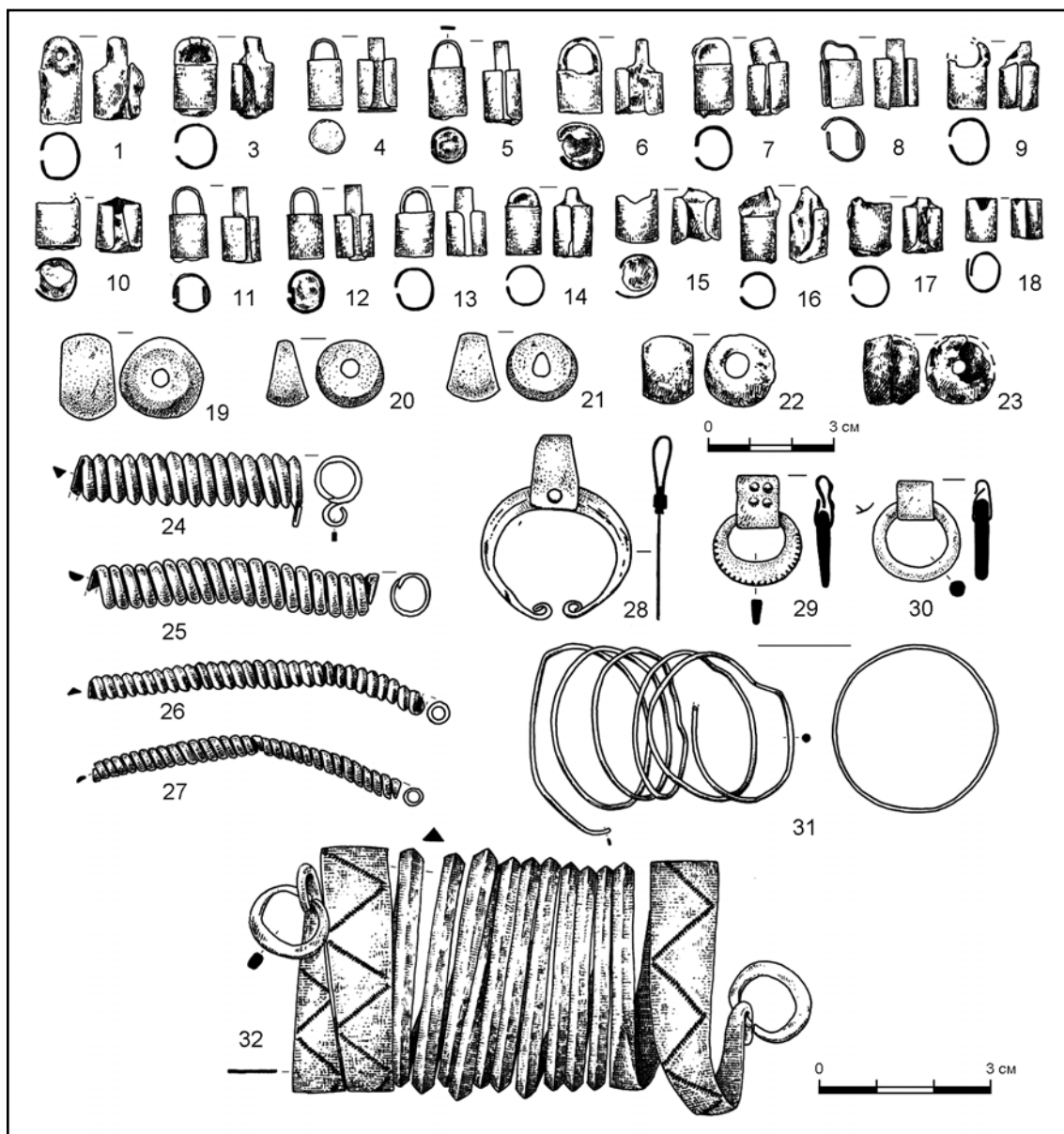


Рис. 8. Клад с городища Велегож. Цилиндрические подвески и примеры других категорий металлического убора из составаклада. 1—18 — подвески; 19—23 — бусы; 24—27 — пронизи; 28 — подвеска-лунница; 29, 30 — обоймы с кольцами; 31 — спиральное кольцо; 32 — браслет. 1—5, 7, 8, 10—18 — бронза, органическая масса; 6, 9 — серебро, органическая масса; 19—21, 24—27, 29, 30 — бронза; 22, 23 — свинцово — оловянный сплав; 28, 31 — серебро; 32 — латунь (по Воронцов, Столяров 2015: рис. 33: 2, 3, 5, 7, 10, 11; 34: 1, 3—24; 35: 4).

Fig. 8. Velegozh hillfort. Cylindrical pendants and other categories of metal jewelry from the hoard: 1—18 — pendants; 19—23 — beads; 24—27 — spirals; 28 — lunula-pendant; 29, 30 — holders with rings; 31 — spiral ring; 32 — bracelet. 1—5, 7, 8, 10—18 — bronze, organic matter; 6, 9 — silver, organic matter; 19—21, 24—27, 29, 30 — bronze; 22, 23 — tin and lead alloy; 28, 31 — silver; 32 — brass (after Воронцов, Столяров 2015: рис. 33: 2, 3, 5, 7, 10, 11; 34: 1, 3—24; 35: 4).

ленные под влиянием византийских и восточногерманских традиций. Ею также выявлено совпадение структур женских наборов в днепровскихкладах I группы и вкладах горизонта «восточноевропейских эмалей» второй половины II — III вв. и сходство на «уровне форм отдельных предметов, принципов их использования и места в уборе». Все это предоставляет дополнительные возмож-

ности для реконструкции исторических процессов в Восточной Европе в эпоху Великого переселения народов и в начале раннего средневековья (Родинкова 2007: 359—371; 2011: 247—252; 255—261; 2015).

Результаты, полученные при изучении «ретроспективным» методом двух «реликтовых» категорий из Елшинскогоклада, дали возможность определить их возможную

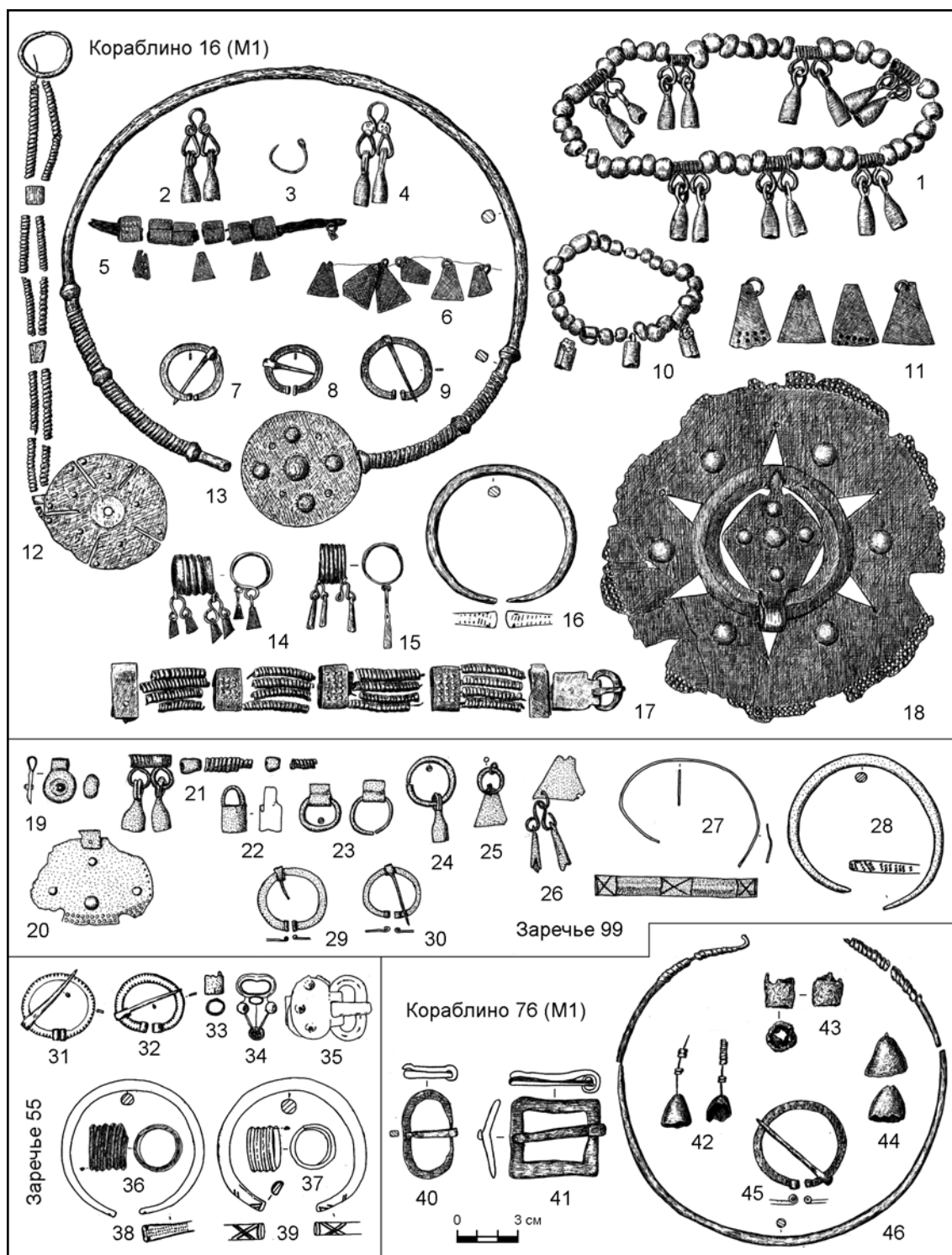


Рис. 9. Категории, составляющие погребальные комплексы с цилиндрическими подвесками из рязано-окских могильников: 1—18 — могильник Кораблино (мыс 1), п. 16; 19—30 — могильник Заречье, п. 99; 31—39 — могильник Заречье, п. 55; 40—46 — могильник Кораблино (мыс 1), п. 76. 1, 10 — бронза, стекло; 2—4, 6—9, 11, 13—16, 18—33, 36—46 — бронза; 5, 12, 17 — бронза, кожа; 34, 35 — серебро (1—30, 33, 40—42; 44—46 — рисунки И.В. Белоцерковской с оригинала; 31, 32, 34—39, 43 — рисунки автора с оригинала).

Fig. 9. Burial complexes with cylindrical pendants from burial grounds of the Ryazan Finn culture. Main categories: 1—18 — Korabliно burial ground (cape 1), bur. 16; 19—30 — Zarech'e burial ground, bur. 99; 31—39 — Zarech'e burial ground, bur. 55; 40—46 — Korabliно burial ground (cape 1), bur. 76. 1, 10 — bronze, glass; 2—4, 6—9, 11, 13—16, 18—33, 36—46 — bronze; 5, 12, 17 — bronze, leather; 34, 35 — silver (1—30, 33, 40—42; 44—46 — drawings by I.V. Belotserkovskaya from the originals; 31, 32, 34—39, 43 — drawings by the author from the originals).

принадлежность к различным традициям. Они появились в Поочье в разное время, существовали и были использованы в структуре репрезентативного «позднемоштинского» женского убора.

Дальнейшее применение комплексного подхода, включающего, в том числе и методы «ретроспективного» анализа, для изучения всего объема «самобытных» и инокультурных категорий позднемоштинских кладов, позволит конкретизировать наши представ-

ления о формировании женского убора населения Поочья, о его связях с убором, как рязанских финнов, так и носителей культуры «колочинско-пеньковского» облика на верхнем течении р. Воронеж (Обломский 2016: 16—17). В любом случае, присутствие самобытных черт в составе двух кладов — Елшинского и Картавецевского позволяет относить их к особой группе «позднемоштинских» кладов, отражающих культуру локальных групп населения Поочья в V—VII вв.

Литература

- Ахмедов И.Р. 2003. Комплекс предметов с городища Долматово, Старожиловского района, Рязанской области. В: Челябинов В.П. (отв. ред.). *Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна*. Сборник научных трудов памяти Б.А. Фоллмеева. Рязань: Поверенный, 128—138.
- Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений. В: Гавригун И.О., Обломский А.М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* РСМ 9. Москва: ИА РАН, 37—185.
- Ахмедов И.Р. 2014. «Лик славы». Согдийские находки из Елшинского клада. В: Асташова Н.И. (отв. ред.). *Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошвиной*. Труды ГИМ 198. Москва: ГИМ, 282—298.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998. О начальной дате рязано-окских могильников. В: Студзицкая С.В. (отв. ред.). *Археологический сборник*. Труды ГИМ 96. Москва: ГИМ, 32—42.
- Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов. *Stratum plus* (5), 17—39.
- Белоцерковская И.В. 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников. В: Белоцерковская И.В. (отв. ред.). *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Материалы научной конференции. Труды ГИМ 122. Москва: ГИМ, 99—108.
- Белоцерковская И.В. 2012а. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (отв. ред.). *Евразия в скифо-сарматское время*. Труды ГИМ 191. Москва: ГИМ, 27—37.
- Белоцерковская И.В. 2012в. Женский комплекс из могильника Кораблино. В: Белоцерковская И.В. (отв. ред.). *Образы времени. Из истории древнего искусства*. Труды ГИМ 189. Москва: ГИМ, 118—127.
- Белоцерковская И.В. 2014. Женский костюм окских финнов V—VII вв. Традиции и новации. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. РСМ 15. Москва: ИА РАН, 178—229.
- Воронцов А.М. 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II—V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ «Куликово поле».
- Воронцов А.М. 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. В: Обломский А.М., Исланова И.В. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.)*. РСМ 17. Москва: ИА РАН, 221—260.
- Воронцов А.М., Столяров Е.В. 2015. Городище Велегож на правобережье Верхней Оки. В: Гавригун И.О., Воронцов А.М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 4. Часть 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 9—56.
- Лявданский А.Н. 1932. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. *СГАИМК* 7—8, 54—61.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. 2010. Могильник Большое Давыдовское 2 — погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье. *РА* (1), 41—52.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. 2012. Финские древности первой половины — середины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье. В: Деревянко А.П. (ред.). *Историко-культурное наследие и духовные ценности России*. Москва: РОССПЭН, 59—62 (илл.), 151—161.
- Мельниковская О.Н. 1963. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. *СА* (1), 32—42.
- Обломский А.М. 2016. Колочинская культура. В: Обломский А.М., Исланова И.В. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.)*. РСМ 17. Москва: ИА РАН, 10—113.
- Очерки 1970: Исаенко В.Ф. и др. (ред.). 1970. *Очерки по археологии Белоруссии* 1. Минск: Наука и техника.
- Родинкова В.Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ). В: Гавригун И.О., Обломский А.М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* РСМ 9. Москва: ИА РАН, 358—388.
- Родинкова В.Е. 2011. Женский костюм в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований. В: Родинкова В.Е. (отв. ред. и сост.). *Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии*. Материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3—12 сентября 2011 г. Москва: ИА РАН, 239—265.
- Родинкова В.Е. 2015. К проблеме выделения балтских элементов в женском уборе «мартиновского» типа. *КСИА* 240, 91—111.
- Розенфельдт И.Г. 1982. *Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.* Москва: Наука.
- Сапрыкина и др. 2020: Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Пельгунова Л.А., Воронцов А.М. 2020. Источники серебра в VII в. по данным изотопного анализа (по методу Pb—Pb) предметов из клада с городища Картавецво. В: *Сборник тезисов в честь юбилея И.В. Белоцерковской*. Москва: ИА РАН;

ГИМ, в печати.
 Седов В. В. 1982. *Восточные славяне и их соседи в VI—XIII вв.* Археология СССР 14. Москва: Наука.
 Фролов И. К. 1977. Работы в Калужской и Орловской областях. АО 1976 г., 77—79.
 Шитов В. Н. 1988. Кошбибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902). В: Жи-

ганов М. Ф. (отв. ред.). *Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э.* Труды МНИИЯЛИЭ 93. Саранск: Мордовское книжное издательство, 4—43.
 Okulicz Ł. 1970. *Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum.

References

- Akhmedov, I.R. 2003. In Cheliapov, V.P. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Okskogo basseina (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of the Oka River Basin)*. Ryazan: "Poverenniy" Publ., 128—138 (in Russian).
- Akhmedov, I.R. 2007. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 37—185 (in Russian).
- Akhmedov, I.R. 2014. In Astashova, N.I. (ed.). *Slaviane i inye iazytsi... (Slavs and Other Peoples...)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 198. Moscow: State Historical Museum, 282—298 (in Russian).
- Akhmedov, I.R., Belotserkovskaia, I.V. 1998. In Studzitskaia, S.V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 96. Moscow: State Historical Museum, 32—42 (in Russian).
- Akhmedov, I.R., Gavrilov, A.P. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 17—39 (in Russian).
- Belotserkovskaia, I.V. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 122. Moscow: State Historical Museum, 99—108 (in Russian).
- Belotserkovskaia, I.V. 2012. In Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evrasiia v skifo-sarmatskoe vremia (Eurasia in Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 191. Moscow: State Historical Museum, 27—37 (in Russian).
- Belotserkovskaia, I.V. 2012. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva (Images of Time: From the History of the Ancient Art)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 189. Moscow: State Historical Museum, 118—127 (in Russian).
- Belotserkovskaia, I.V. 2014. In Oblomskii, A.M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 178—229 (in Russian).
- Vorontsov, A.M. 2013. *Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamiatnikov II—V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorzda (Cultural-Chronological Horizons of 2nd — 5th century Sites on the Territory of Oka-Don Interstream)*. Tula: "Kulikov Pole" State Museum-Reserve (in Russian).
- Vorontsov, A.M. 2016. In Oblomskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 221—260 (in Russian).
- Vorontsov, A.M., Stoliarov, E.V. 2015. In Gavritukhin, I.O., Vorontsov, A.M. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods)* 4 (1). Tula: "Kulikov Pole" State Museum-Reserve, 9—56 (in Russian).
- Liavdanskii, A.N. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 7—8, 54—61 (in Russian).
- Makarov, N.A., Krasnikova, A.M., Zaitseva, I.E. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 41—52 (in Russian).
- Makarov, N.A., Krasnikova, A.M., Zaitseva, I.E. 2012. In Derevianko, A.P., Kudelin, A.B., Tishkov, V.A. (eds.). 2012 *Istoriokul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii (Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 59—62, 151—161 (in Russian).
- Melnikovskaia, O.N. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 32—42 (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2016. In Oblomskii, A.M., Islanova, I.V. (eds.). *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V—VII vv.) (Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 17. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 10—113 (in Russian).
- Isaenko, V.F., et al. (eds.). 1970. *Ocherki po arkheologii Belorussii (Essays on the Archaeology of Belorussia)* 1. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Rodinkova, V.E. 2007. In Gavritukhin, I.O., Oblomskii, A.M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 358—388 (in Russian).
- Rodinkova, V.E. 2011. In Rodinkova, V.E. (ed., comp.). *Novye issledovaniia po arkheologii stran SNG i Baltii (New Research on the CIS and Baltic Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 239—265 (in Russian).
- Rodinkova, V.E. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240, 91—111 (in Russian).
- Saprykina, I.A., Chugaev, A.V., Pel'gunova, L.A., Vorontsov, A.M. 2020. In *Sbornik tezisov v chest' iubileia I.V. Belotserkovskoi (Collected Abstracts on the Occasion of I.V. Belotserkovskaya's Anniversary)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; State Historical Museum, in print (in Russian).
- Frolov, I.K. 1977. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g. (Archaeological Discoveries in 1976)*, 77—79 (in Russian).
- Shitov, V.N. 1988. In Zhiganov, M.F. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda v I — nachale II tysiacheletii n. e. (Issues of Ethnic History of the Mordovian People in the 1st — Early 2nd Millennia AD)*. Series: Proceedings of the Mordovian Scientific and Research Institute for Language, Literature, History and Ethnography 93. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 4—43 (in Russian).
- Okulicz, Ł. 1970. *Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum.

Статья поступила в сборник 13 марта 2020 г.

Ilya Akhmedov (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum¹.

Ахмедов Илья Рафаэлевич (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: i_akhmedov@mail.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation

В. Е. Родинкова

История изучения женского металлического убора круга «древностей антов»

Keywords: Eastern Europe, Middle Dnieper region, Dnieper Left Bank region, Early Middle Ages, women's costume, adornments, items of attire, "antiquities of the Antae", historiography

Ключевые слова: Восточная Европа, Среднее Поднепровье, Днепровское Левобережье, раннее средневековье, женский костюм, украшения, предметы убора, «древности антов», историография

V.E. Rodinkova

History of Study of Women's Metal Attire from the "Antiquities of the Antae" Circle

The paper identifies four stages of study of the women's set of adornments and attire items existed in the Middle Dnieper and the Dnieper Left Bank region at the beginning of the Early Middle Ages. This set was reflected in hoards of the so-called antiquities of the Antae. At the first stage (end of the 19th century — 1920s), the accumulation and initial interpretation of the material took place. At the second stage (1930—1950s), "antiquities of the Antae" were considered mainly in the context of global ethnic and cultural and historical reconstructions. At the third stage (1960—1980s), Early Slavic sites were discovered in the Dnieper region. Women's adornments and costume accessories were attracted to characterize the material culture of the early Slavic population. The modern fourth stage began in 1990s. Its distinctive feature is the formation of the concept on women's attire as an original historical source. Analysis of this source allows us to take a fresh look at some key points in the history of the Dnieper region at the end of the Migration Period.

В. Е. Родинкова

История изучения женского металлического убора круга «древностей антов»

В статье выделены четыре этапа изучения женского костюмного комплекса, существовавшего в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье в начале раннего средневековья и отразившегося вкладах так называемых древностей антов. На первом этапе (конец XIX — 20-е годы XX в.) происходило накопление материала и первичное его осмысление. На втором этапе (1930—1950-е годы) «древности антов» рассматривались преимущественно в контексте создания глобальных этнокультурных и исторических реконструкций. Третий этап (1960—1980-е годы) связан с открытием в Поднепровье раннеславянских памятников и привлечением украшений и принадлежностей женского костюма для характеристики материальной культуры раннеславянского населения. Современный четвертый этап начался в 90-е годы XX в. Его отличительной чертой является формирование представления о женском уборе как важном самостоятельном источнике, анализ которого позволяет по-новому взглянуть на некоторые узловые моменты истории Поднепровья в конце эпохи Великого переселения народов.

Яркий и выразительный раннесредневековый вещевой комплекс Поднепровья известен в науке уже более ста лет. Ему посвящено огромное количество работ, но история его изучения предметом специального исследования, по сути, не становилась. Лишь в вышедшей почти 20 лет назад небольшой статье О. А. Щегловой (Щеглова 2002)¹ в тезисной форме дана характеристика этого материала и выделено несколько не всегда совпадающих по времени этапов его накопления и осмысления. Между тем историографический анализ,

оценка динамики взглядов исследователей в контексте развития исторической науки представляется важным инструментом, позволяющим не только подвести итоги, но и наметить направления и перспективы дальнейшего изучения данного явления.

Клады и отдельные находки своеобразных фибул, деталей поясных наборов и других украшений известны в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье с конца XIX в. Данные о них присутствуют в публикациях собрания Б. И. и В. И. Ханенко (1899; 1901; 1907), в работах И. А. Хойновского (1896), А. А. Бобринского (1901; 1911; 1914) и других исследователей. Значительное количество материала было получено в результате раскопок В. В. Хвойко, в том числе на Пастырском го-

¹ К сожалению, из-за ограниченного объема статьи в библиографическом списке приведены не все упомянутые в тексте, а только важнейшие публикации по изучаемой теме.

родище (Хвойко 1905). Параллельно с накоплением материала шел процесс его осмысления. Основное внимание при этом уделялось наиболее ярким и выразительным вещам — фибулам, эволюционные ряды которых были созданы А. А. Спицыным (1899), А. П. Калитинским (1928), Д. Эдингом (1930). Поднимался и вопрос об их генезисе и этнической атрибуции. Наибольшее распространение в первой четверти XX в. получило высказанное Ж. де Байем мнение о принадлежности днепровских типов застёжек готам (Baye 1892). Лишь в 1928 г. А. А. Спицын, учтя около 40 мест находок кладов и единичных украшений и сопоставив их ареал с данными письменных источников, предложил именовать весь комплекс «древностями антов» и датировал VI—VII вв. (Спицын 1928). Это название до сих пор используется в литературе, обозначая не столько этническую принадлежность, сколько определенную и хорошо узнаваемую совокупность вещей.

Статья А. А. Спицына завершила первый этап изучения раннесредневековых древностей Поднепровья, основным содержанием которого стали накопление и первоначальная систематизация материала. В 30—50-е годы XX в. рассматриваемый вещевой комплекс фигурировал преимущественно в контексте глобальных этнокультурных и исторических построений. Таковы, прежде всего, труды Б. А. Рыбакова (Рыбаков 1948; 1949; 1953 и др.), во многом и определившие характер второго этапа.

Б. А. Рыбаков подверг критике «готскую» теорию происхождения днепровских пальчатых фибул и предложил переименовать «древности антов» в «древности русов», рассматривая последних как одну из частей антского союза племен. В рамках сложившейся, по его мнению, к VI в. единой «культуры древних русов» исследователь на основе анализа различных категорий украшений пытался очертить территории, занимаемые отдельными славянскими племенами. Он широко использовал данные письменных источников, хотя и не всегда критически переносил сведения о славянах и антах Дунайского бассейна на днепровское население. Большое значение имели работы, вводившие в научный оборот новые материалы и систематизировавшие источниковую базу. Статья «Древние русы» (Рыбаков 1953), как и «Древности антов» А. А. Спицына (1928), надолго стала основой для изучения материальной культуры населения днепровского региона в раннесредневековое время. Б. А. Рыбакову принадлежат и первые в советской литературе реконструк-

ции женского и мужского днепровского убора. А описание изготовления украшений способом литья по выплавляемой восковой модели (Рыбаков 1948: 80—81) почти 50 лет было общим местом в большинстве работ, посвященных истории ювелирного ремесла.

Интересное мнение относительно днепровских раннесредневековых кладов высказал М. Ю. Брайчевский. Он считал, что сокрытие этих комплексов не связано с нестабильной ситуацией в регионе, земля служила лишь хранилищем материальных ценностей, которые могли быть извлечены из нее в любой момент (Брайчевский 1952: 28, 35). Исследователь также опубликовал один из кладов, найденных на Пастырском городище (1952), и отметил, что лесостепные комплексы различаются между собой по набору вещей (Брайчевский 1952: 165—168).

Н. Феттиху принадлежит первая публикация части одного из наиболее знаменитых сокровищ Поднепровья — Мартыновского клада. Эта находка стала эпонимной для целой группы памятников ювелирного искусства VI—VII вв., которую Н. Феттих назвал «мартыновской культурой» или «культурой псевдопряжек» и в которой видел сложное смешение готских, гуннских, аварских, славянских и других традиций (Fettich 1937).

В контексте определения культурной и этнической принадлежности населения, которому они принадлежали, «древности антов» упоминаются также в работах М. И. Артамонова, П. Н. Третьякова, И. И. Ляпушкина и ряда других исследователей.

Дальнейшее изучение наиболее яркой категории раннесредневековых днепровских украшений — пальчатых и антропоморфных фибул — предпринято И. Вернером (Werner 1950). Рассмотрев их на фоне аналогичных изделий из разных регионов Европы, он определил такие застёжки как «славянские», выявил зоны локализации и особенности происхождения разных их групп и датировал VII в. Предложенная им типологическая схема послужила основой для членения данного массива материала в целом ряде более поздних работ.

Важное место в историографии раннесредневековой археологии занимает статья Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1955), фактически завершившая второй этап изучения интересующего нас вещевого комплекса. Отметив, что клады и отдельные находки украшений круга «древностей антов» — практически единственный источник изучения истории Среднего Поднепровья в VI—VII вв., исследовательница, тем не менее, подчеркнула непра-

вомерность перенесения на рассматриваемый регион данных византийских и других письменных источников. Еще до того, как здесь были открыты памятники оседлого населения, она выдвинула предположение, что клады маркируют места поселений и были закрыты в момент опасности. Выделив вслед за А.А. Спицыным и М.Ю. Браичевским в составе «антских» комплексов ряд поздних вещей, Г.Ф. Корзухина указала им аналогии в материалах VIII и даже IX в., но сокрытие большинства лесостепных кладов отнесла к нач. VIII в., связав его с возможной экспансией хазар. Вообще Г.Ф. Корзухина впервые рассмотрела Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье как единый регион и подчеркнула общность происходивших здесь в VII — нач. VIII в. культурно-исторических процессов.

Третий этап, приходящийся на 1960—1980-е годы, связан с открытием и активным изучением в бассейне Днепра раннеславянских памятников. Находки на них отдельных вещей и даже кладов «древностей антов» решили проблему этнокультурной атрибуции последних. В работах Д.Т. Березовца, И.И. Ляпушкина, П.Н. Третьякова, В.В. Седова, Е.А. Горюнова, О.М. Приходнюка и других исследователей украшения и аксессуары костюма привлекались при рассмотрении хронологии, характеристике ремесленного производства, выявлении торгово-экономических и социальных связей днепровских племен и т.д. В серии итоговых монографий, посвященных анализу археологического материала в контексте этногенеза славян, «антские» вещи заняли свое место как один из элементов многообразной культуры восточноевропейского раннего средневековья (Этнокультурная карта 1985; Славяне 1990). Но объектом специального внимания убор сам по себе в это время почти не становился.

Одним из немногих исключений является научное творчество А.К. Амброза (1971; 1988; 1993; 1995). В созданной им глобальной хронологической системе учтены и комплексы с днепровскими фибулами. Сопоставив их с материалами Крыма, Подунавья и других регионов, исследователь предложил сузить их датировку VI—VII вв., принятую ранее, до VII в., преимущественно его второй половины. Прототипы больших пальчатых «антских» застежек он видел в изделиях дунайских ювелиров. А идея о том, что все многообразие антропоморфных фибул развилось из единственного мартыновского экземпляра, как и художественные портреты «мартыновского» мастера-византийца и его

«блажковского коллеги», является новаторской попыткой за стилистическими деталями и типологическими рядами увидеть реальных людей и события, ставшие отправной точкой для сложения новой традиции в искусстве целого народа.

Изучению отдельных категорий украшений посвящены работы Е.А. Горюнова, М.М. Канзанского (1978) и А.И. Айбабина (1973). В первой рассмотрены широкопластинчатые фибулы, встречающиеся с изделиями круга «древностей антов», и сделан вывод, что они были созданы в Поднепровье в VII в. под влиянием византийских и дунайских традиций. Во второй высказано сходное мнение по вопросу о происхождении серег «пастырского» типа. Следует отметить также небольшую статью А.Г. Дьяченко (1978), на примере Цепляевского клада положившего начало химико-технологическому исследованию интересующего нас набора вещей.

Сложившаяся ситуация уже в 60-е годы XX в. сделала очевидной необходимость создания качественного свода памятников раннесредневекового ювелирного искусства Поднепровья, который мог бы вывести их изучение на новый теоретический и практический уровень. Эту задачу был призван решить фундаментальный труд Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1974), в общих чертах подготовленный к середине 1970-х годов. Он состоит из каталожной и аналитической частей и содержит детальный разбор 19 категорий предметов V—VIII вв. Особая заслуга исследовательницы — в том, что кроме фибул она, в отличие от большинства предшественников, собрала и систематизировала, хотя бы в пределах Среднего Поднепровья, данные о находках височных колец, серег, шейных гривен, браслетов, разнообразных подвесок, пронизок и прочих «непредставительных» категорий украшений. Ранее они привлекались к изучению лишь на самом общем уровне именно в связи с трудоемкостью первичной обработки. Свод Г.Ф. Корзухиной, однако, важен не только в источниковедческом плане. Это скрупулезное вещеведческое исследование, в рамках которого рассматривается широкий спектр проблем: от классификации конкретных категорий изделий до реконструкции убора, моды, ремесленного производства, путей и способов распространения стилистических и технологических новаций и др. К сожалению, каталожная часть работы увидела свет лишь через 20 лет после того, как была подготовлена (Корзухина 1996). Аналитическая же часть остается неизданной, но отнюдь не утратившей своего значения; ее публика-

ция — актуальная не только историографическая, но и исследовательская задача.

Современный, четвертый этап осмысления вещевого комплекса «древностей антов» начался в 90-е годы XX в. и характеризуется двумя особенностями. Первая — изучение украшений и принадлежностей костюма, в частности женского, как самостоятельного явления в раннесредневековой истории и культуре Поднепровья. Вторая — кардинальное увеличение числа находок вследствие использования металлодетекторов, что ведет к изменению устоявшихся взглядов и диктует необходимость применения новых подходов к анализу и интерпретации рассматриваемого феномена.

Начало этапу положило появление серии специальных работ, посвященных как новым, так и давно известным материалам: в научный оборот с обширными аналитическими комментариями были введены клады из Великих Будков (Горюнова 1992), Гапоново (Гавритухин, Обломский и др. 1996), Трубчевска (Приходнюк и др. 1996), переиздан, причем дважды, эпонимный Мартыновский комплекс (Приходнюк и др. 1991; Pekarskaja, Kidd 1994), опубликован рассмотренный выше каталог Г. Ф. Корзухиной.

Особое место среди этих исследований занимает коллективная монография «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст» (Гавритухин, Обломский и др. 1996), обобщившая полученные ранее результаты и во многом определившая современное понимание интересующего нас круга проблем. Рассмотрение поясной гарнитуры, фибул и других украшений на широком интеррегиональном фоне позволило вписать феномен днепровских кладов в общеевропейскую систему древностей эпохи Великого переселения народов. Установлено, что изделия «мартыновских» типов маркируют финальный этап развития колочинской и пеньковской раннеславянских культур; встречены они также в ряде погребений по обряду ингумации. Их появление, по мнению авторов монографии, отражает образование в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье в VII в. новой, скорее всего, политической структуры, элита которой манифестировала свой статус при помощи своеобразного убора. Хронологический анализ, выполненный И. О. Гавритухиным на основе синхронизации ряда локальных шкал, позволил заключить, что сокрытие Мартыновского, Гапоновского и прочих подобных сокровищ произошло во 2-й пол. или даже 3-й четв. VII в., а начало формирования составляющего их набора вещей, вероятно,

относится к концу VI — рубежу VI—VII вв. Выпадение кладов связано не с экспансией кочевников, а с продвижением с правого на левый берег Днепра родственных групп славян — носителей культуры Луки-Райковецкой. Отмечена неоднородность исследуемого комплекса, которая может указывать на сложение его из разных источников, а также на наличие хронологических и локальных особенностей в материальной культуре населения Поднепровья в VII—VIII вв. Высказаны идеи относительно реконструкции мужского и женского металлических уборов, прототипов отдельных украшений, истоков костюма в целом и др. Новый материал дополняет выводы, сделанные четверть века назад, но отнюдь не умаляет значения этого масштабного труда, который стал важной вехой в изучении раннесредневекового периода истории Поднепровья и всей Восточной Европы.

Большой вклад в исследование «древностей антов» внесла О. А. Щеглова. Вслед за А. А. Спицыным, М. Ю. Брайчевским, Г. Ф. Корзухиной обратив внимание на различия в составе лесостепных кладов, она доказала существование двух их групп, выделив и интерпретировав как хронологически значимые устойчивые сочетания типов вещей более чем в 20 комплексах (Щеглова 1990). Первая, более ранняя группа включает сокровища типа Мартыновского, вторая, более поздняя — Пастырские, Харьковский и другие подобные клады. О. А. Щеглова критически оценила возможности реконструкции женской одежды и связанного с ней набора украшений и рассмотрела днепровские материалы в широком синхронном и диахронном контексте (Щеглова 1999; 2000; 2001). Предложенная ею атрибуция, определение функций конкретных изделий и их места в костюме приняты сегодня большинством специалистов. Оспаривая тезис об элитарном характере «мартыновского» набора, О. А. Щеглова считает его обрядовым или праздничным, свидетельствующим о сложении «самостоятельной этнографической традиции». Комплексы типа Мартыновского она разделяет на клады-«ларчики», содержащие комплекты личных украшений, и клады мастеров, в которых представлены также ювелирный лом и продукция ремесленного производства. Само формирование рассматриваемого убора во многом может быть результатом деятельности ювелиров — мастеров и торговцев, не столько удовлетворявших, сколько диктовавших вкусы местного населения, создавая вещи «поствосточногерманского» облика под влиянием традиций Крыма и Подунавья. В конце VII — 1-й пол. VIII в.

ситуация в Поднепровье меняется, что отражает, в частности, появление нового набора женских украшений. Причиной этих изменений может быть «возвращение» на Средний Днепр славянского населения из Дунайского региона (Щеглова 2009). Значительный рост числа находок в последние годы заставляет, по мнению исследовательницы, пересмотреть представления о масштабах явления, именуемого «древности антов», и о насыщенности металлом считавшихся ранее «безметаллическими» раннеславянских культур (Щеглова, Гавритухин 2013).

Еще одно направление, активно развиваемое О.А. Щегловой, — исследование различных аспектов ювелирного дела ранних славян, от способов изготовления конкретных вещей до общей организации ремесленного производства. В том числе ею предпринята попытка выделить по стилистическим и технологическим деталям серии изделий, созданных в одной мастерской или даже одним мастером (Щеглова 1999; 2002; 2006; Щеглова, Егорьев 2000). Особенности изготовления некоторых видов украшений при помощи трасологического анализа реконструировала также Е.А. Шаблавина, обосновав, в частности, вывод о литье днепровских пальчатых фибул в разъемные глиняные двустворчатые формы (Шаблавина 2001; Шаблавина-Нестеренко 2002). Усилиями А.Н. Егорьева, О.А. Щегловой, В.Е. Родинковой, И.А. Сапрыкиной накапливается база данных по химическому составу металла предметов раннеславянского убора и вырабатываются подходы к интерпретации этих данных (Егорьев, Щеглова 2000; 2001; 2006; Егорьев 2002; Егорьев, Родинкова 2014; 2017; Сапрыкина 2014; Сапрыкина и др. 2017).

Важное место «древности антов» занимают в научном творчестве О.М. Приходнюка. Им приведены списки пеньковских памятников, на которых сделаны такие находки, опубликован Вильховчикский клад, обследовано место его обнаружения и доказана связь с поселением (Приходнюк 1980; 1998). Обработан обширная коллекция предметов убора, в том числе входящих в серию кладов, и ювелирных инструментов с Пастырского городища, раскопкам которого исследователь посвятил много лет. Анализ этих материалов позволил предположить, что среди населения рассматриваемого памятника были выходцы из дунайских провинций Византии, принесшие в Поднепровье новые формы украшений и технику их изготовления (Приходнюк 1994; 1996; 1998; 2005). С пастырским центром О.М. Приходнюк связывал большинство из-

делий из цветных металлов, особенно пальчатых и антропоморфных фибул, на позднепеньковских поселениях и могильниках. Им созданы классификации различных видов застежек, причем особое внимание уделено пастырским находкам (Приходнюк 1998; 2000). Различия междукладами I и II групп исследователь объяснял разницей в социальном положении их владельцев (Приходнюк 1994; 1996; 2000), хотя признавал возможность неодновременного существования формирующих их предметов. В составе днепровского вещевого комплекса в целом он выделил изделия, восходящие к византийским и провинциально-византийским, кельтским, прибалтийским, сармато-аланским традициям.

Женский убор как феномен раннесредневековой культуры Поднепровья рассматривается в работах автора настоящей статьи. На основе типологизации всех разновидностей женских украшений круга «древностей антов» I группы, анализа особенностей их территориального распределения и сочетания в комплексах установлено, что на уровне категорий предметов убор един, но на уровне более мелких таксонов выделяются четыре его локальных варианта: сейминско-деснинский, среднеднепровский, левобережный и надпорожский (Родинкова 2003; 2011). Продолжено изучение гетерогенной природы «мартыновского» набора вещей, сделан вывод о существовании в его составе по меньшей мере четырех групп имеющих разное происхождение изделий: «субстратной», «лесной» (в нее объединены тяготеющие к балтской и финно-угорской культурной среде артефакты), провинциально-византийской, восточногерманской (Родинкова 2008; 2011; 2015). Ретроспективное исследование структуры женского днепровского костюмного комплекса VII в. дало возможность говорить о том, что она находит соответствия не в черняховской традиции, а в модели убора, использовавшейся украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей позднего римского времени (Родинкова 2006; 2007). Анализ состава уже известных кладов и обследование, в том числе с применением естественнонаучных методов, мест новых находок позволили предположить, что по крайней мере часть комплексов типа Мартыновского может иметь сакральный характер (Родинкова и др. 2012; 2018; Родинкова 2014).

Продолжая традиции предшествующих этапов, в рамках изучения глобальных исторических процессов принадлежности костюма рассматривает А.М. Обломский, используя их как один из источников реконструкции

ситуации в Поднепровье в VII в. (Обломский, Родинкова 2014), при характеристике материальной культуры колочинских и пеньковских племен (Обломский 2016).

Наряду с интересом к общим проблемам происхождения и развития женского убора современный этап его изучения отмечен и вниманием к отдельным категориям предметов. Объектами исследования традиционно являются фибулы — с каймой из птичьих голов (Родинкова 2004; Curta 2012a), антропоморфные и двупластинчатые (Szmoniewski 2004; Родинкова 2006; Комар 2016; Скиба 2011). Обобщены имеющиеся на конец XX — нач. XXI в. данные о находках пальчатых застежек разных типов, экземпляры из Поднепровья рассмотрены на фоне подобных материалов из Восточной и Юго-Восточной Европы (Katsougiannopoulou 1999; Curta 2009; 2012b; Курта 2011). Специальному анализу подвергнуты также пластинчатые головные венчики (Родинкова, Сапрыкина 2011), двуспиральные (Егорейченко 1991), трапециевидные (Гавритухин 1997) и квадратные (Володарец-Урбанович 2018) подвески, подвески-лунницы (Родинкова 2003), пронизки (Володарец-Урбанович 2014), так называемые бобовидные пластины (Володарец-Урбанович 2019). Цикл статей посвящен украшениям из свинцово-оловянных сплавов, причем рассматриваются не только готовые изделия, но и формочки для их отливки (Горюнова 1987; Щеглова 2001; 2002; 2006; Щеглова, Егорьков 2000; Володарец-Урбанович 2017; 2018). В итоге мелкие свинцово-оловянные нашивные бляшки и подвески предстают одним из важнейших массовых компонентов металлургического убора, существовавшим в чрезвычайно широких территориальных и временных рамках и связанным с каким-то мощным субстратным воздействием на культуры лесной и лесостепной зон Восточной Европы в первых веках н. э.

Параллельно с аналитическим изучением вещевого комплекса продолжается публикация новых материалов — кладов (Коропово (Дідик 2009), Куриловка (Родинкова 2010), Уланок (Щеглова 2012), Черкасская Конопелька (Родинкова, Сапрыкина 2015), Суджа-Замостье (Родинкова и др. 2018), Полтава (Супруненко и др. 2016), Хитцы (Володарец-Урбанович, Сидоренко 2016), Правые Солонцы (Ганощенко, Володарец-Урбанович 2019), Острогжск (Березуцкий и др. 2017)) и единичных находок (Щеглова 2008; Володарец-Урбанович 2015; Володарец-Урбанович, Шапорда 2019; Володарец-Урбанович и др. 2012; и др.).

Украшения круга «древностей антов» известны и за пределами своего основного ареала — в Верхнем Поднепровье, Поочье, Подонье, Среднем Поволжье, Крыму, бассейнах Южного Буга, Днестра, Дуная, юго-восточной Прибалтике и др. (Седзін 1994; 2000; Воронцов 2003; Андреев, Филимонова 2008; Родинкова 2010; Обломский 2012; Ахмедов, Гаврилов 2017; Семенов 2019; и др.), демонстрируя широту связей населения Среднего Поднепровья. Особое место такие изделия, прежде всего фибулы, всегда занимали в исследованиях, посвященных Днестро-Дунайскому региону. Они включаются в общие и локальные своды, используются при создании хронологических шкал и культурно-исторических реконструкций, служат основой для обсуждения вопросов этнической идентичности, воссоздания религиозно-мифологических, мировоззренческих систем и т. д. (Teodor 1992; Fiedler 1992; Vagalinski 1994; Mitrea 2001; Daskalov, Dimitrov 1999; Рябцева 2005; Чаусидис 1998; 2005; 2007; 2010; и др.). Разнообразие археологических контекстов, в которых они зафиксированы, предоставляет ценную информацию для интерпретации днепровских находок.

Еще один регион, материалы которого важны для изучения женского днепровского костюмного комплекса, — Крым, где пальчатые, антропоморфные фибулы и сопутствующие им вещи известны в первую очередь в погребениях могильников типа Суук-Су. В созданной А. И. Айбабиным хронологической схеме, которая развивает положения А. К. Амброза, такие комплексы отнесены к первой и второй половинам VII в. (Айбабин 1988; 1990; 1999; 2003 и др.). С перв. четв. — сер. VII в. связывает бытование в Крыму застежек днепровских типов А. Г. Фурасьева (Фурасьев 2010). Это дает реперы для датирования днепровских древностей, а расположение инвентаря в погребениях *in situ* позволяет определить место, которое украшения занимали в костюме. Ряд реконструкций, включающих изделия «мартыновского» облика, по материалам крымских могильников выполнен Э. А. Хайрединовой (Хайрединова 1998; 2000; 2017; Khaïrédinova 2007 и др.).

Подводя итоги, отметим, что одним из главных достижений сегодня может считаться формирование представления о женском уборе как о самостоятельном источнике по истории раннесредневекового Поднепровья, результаты анализа которого не всегда совпадают с результатами исследования других черт материальной культуры. Перспективным видится сочетание при его изу-

чении традиционных археологических, «вещеведческих», и естественнонаучных методов наряду с применением информационных технологий. Такой комплексный подход по-

может шире раскрыть потенциал данного источника и глубже понять явления и процессы, археологическим отражением которых он является.

Литература

- Амброс А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1. СА (2), 96—123.
- Гавритухин, Обломский и др. 1996: Гавритухин И. О., Обломский А. М., Ахмедов И. Р., Мастыкова А. В., Малашев В. Ю., Родинкова В. Е., Щеглова О. А. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: ИА РАН.
- Егорьев А. Н., Щеглова О. А. 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа. В: Завьялов В. И. (отв. ред.). *Древние ремесленники Приуралья*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 280—307.
- Корзухина Г. Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. СА XXII, 61—83.
- Корзухина Г. Ф. 1974. *Среднее Поднепровье в V—VIII вв.* Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 77. Д. Р-134.
- Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. *МАИЭГ V*, 352—435.
- Приходнюк О. М. 2005. *Пастырське городище*. Київ; Чернівці: Зелена Буковина.
- Родинкова В. Е. 2003. *Культурные связи населения Среднего Поднепровья в VII в. (по материалам женского убора)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Родинкова В. Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ). В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э.* РСМ 9. Москва: ИА РАН, 358—388.
- Родинкова В. Е. 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований. В: Родинкова В. Е. (отв. ред.). *Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии*. Москва: ИА РАН, 239—265.
- Родинкова и др. 2018: Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А. 2018. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы. *РА (2)*, 130—147.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло Древней Руси*. Москва: АН СССР.
- Рыбаков Б. А. 1953. Древние русы. СА XVII, 23—104.
- Рябцева С. 2005. Пальчатые фибулы Молдовы в контексте древностей сопредельных территорий. *Revista Arheologică s. n.* I (2), 360—370.
- Сапрыкина и др. 2017: Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Родинкова В. Е., Столярова Д. А. 2017. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья). *Stratum plus* (5), 41—55.
- Славяне 1990: Баран В. Д. (отв. ред.). 1990. *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев: Наукова думка.
- Спицын А. А. 1928. Древности антов. В: Перетц В. Н. (ред.). *Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского*. Ленинград: АН СССР; Europe Printing, 492—495.
- Шаблавина Е. А. 2001. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н. э.). В: Завьялов В. И. (отв. ред.). *Древние ремесленники Приуралья*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 308—321.
- Щеглова О. А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье. В: Терпиловский Р. В. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья 1*. Курск, 162—204.
- Щеглова О. А. 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? *Stratum plus* (5), 287—312.
- Щеглова О. А. 2002. Клады «древностей антов»: возможности историко-культурной интерпретации на фоне историографии. В: Савинов Д. Г. (отв. ред.). *Клады: состав, хронология, интерпретация*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 14—21.
- Этнокультурная карта 1985: Баран В. Д. (отв. ред.). 1985. *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка.
- Fettich N. 1937. *Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. Archaeologia Hungarica XXI. Budapest.
- Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In: Behrens G., Werner J. (Hrsg.). *Reinecke Festschrift. Zur 75 Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider, 150—172.

References

- Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 96—123 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M., Akhmedov, I. R., Mastykova, A. V., Malashev, V. Yu., Rodinkova, V. E., Shcheglova, O. A. 1996. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Egor'kov, A. N., Shcheglova, O. A. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 280—307 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1955. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXII, 61—83 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1974. *Srednee Podneprov'e v V—VIII vv. (The Middle Dnieper Region in the 5th—8th Centuries)*. Handwritten Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 77, dossier R-134 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* V, 352—435 (in Russian).
- Prikhodniuk, O. M. 2005. *Pastyrs'ke horodyshe (Pastyrskoe Hillfort)*. Kiev; Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Russian).
- Rodinkova, V. E. 2003. *Kul'turnye svyazi naseleniia Srednego Podneprov'ia v VII v. (po materialam zhenskogo ubora) (Cultural Relations of the Population of the Middle Dniep-*

- er Region in 7th Century: by Materials of Female Attire*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Rodinkova, V. E. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v sereдинe I tysiacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium AD)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 358—388 (in Russian).
- Rodinkova, V. E. 2011. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii stran SNG i Baltii (New Research on the CIS and Baltic Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 239—265 (in Russian).
- Rodinkova, V. E., Saprykina, I. A., Sycheva, S. A. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 130—147 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevnei Rusi (Crafts of Old Russia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XVII, 23—104 (in Russian).
- Ryabtseva, S. 2005. In *Revista Arheologică. Serie Nouă* (I. 2), 360—370 (in Russian).
- Saprykina, I. A., Chugaev, A. V., Pel'gunova, L. A., Rodinkova, V. E., Stoliarova, D. A. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 41—55 (in Russian).
- Baran, V. D. (ed.). 1990. *Slaviane Iugo-Vostochnoi Evropy v predgosudarstvennyi period (The Slavs of South-Eastern Europe in the Pre-State Period)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1928. In *Sbornik statei v chest' akademika A. I. Sobolevskogo (Collected Papers in Honor of Academician A. I. Sobolevsky)*. Leningrad, 492—495 (in Russian).
- Shablavina, E. A. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 308—321 (in Russian).
- Shcheglova, O. A. 1990. In Terpilovskii, R. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ia (Proceedings and Studies on the Archaeology of the Dnieper Left-Bank Area)* 1. Kursk, 162—204 (in Russian).
- Shcheglova, O. A. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 287—312 (in Russian).
- Shcheglova, O. A. 2002. In Savinov, D. G. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya (Hoards: Composition, Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 14—21 (in Russian).
- Baran, V. D. (ed.). 1985. *Etnokul'turnaia karta territorii Ukrainskoi SSR v I tys. n. e. (Ethno-Cultural Map of the Territory of Ukrainian SSR in the 1st Millennium AD)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Fettich, N. 1937. *Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. Archaeologia Hungarica XXI.
- Werner, J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In Behrens G., Werner, J. (Hrsg.). *Reinecke Festschrift. Zur 75 Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider, 150—172.

Статья поступила в сборник 10 марта 2020 г.

Vlasta Rodinkova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Родинкова Власти Евгеньевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: vlasta2004@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

А. В. Мاستыкова

Средневековые перстни с пентаграммой в Юго-Западном Крыму: происхождение, распространение, датировка

Keywords: Crimea, Byzantium, Balkan region, Middle Byzantine period, funerary sites, pentagram/pentalpha rings

Ключевые слова: Крым, Византия, Балканский регион, средневизантийский период, погребальные памятники, перстни с пентаграммой/пентальфой

A. V. Mastykova

Medieval Finger Rings with Pentagram in the South-Western Crimea: Origin, Distribution, Dating

A finger ring with a pentagram was found in tomb 7 of the Gorzuvity necropolis, which served as the basis for this research in order to study the origin and the distribution of such jewelry, to identify analogies and to clarify their dating. Parallels from the South-Western Crimea and from other territories of the Byzantine world are given. A study of sample of such rings allowed us to identify several features that are most characteristic of the 10th—12th centuries. On this basis, the ring with pentalpha from Gorzuvity necropolis was previously dated to the 9th—11th centuries, not excluding the 12th century. Perhaps, with the help of the natural science methods implemented at present time, we will be able to clarify this date. The pentagram rings are of Byzantine origin, since they were distributed both in Byzantium itself and in its adjacent territories. Considering the finds from closed complexes, the rings appear in the 6th—7th centuries, the most widespread being from the 9th to the 11th centuries, their number dropping in the 12th century. Apparently, it was not an expensive mass production, these products being worn by citizens and residents of settlements. Such rings had an apotropaic character, because the image of the pentagram was supposed to ward off misfortune and evil from a person, whereas the signs of wear indicate that these jewelries were worn daily. Pentagram rings certainly reflect Byzantine fashion, they demonstrate the aesthetic and religious preferences of the peripheral population and testify to a uniform culture in the Byzantine world in the Middle Ages.

А. В. Мастыкова

Средневековые перстни с пентаграммой в Юго-Западном Крыму: происхождение, распространение, датировка

В погребении 7 некрополя Горзувиты был обнаружен перстень с пентаграммой, что послужило основанием для написания этой работы с целью изучения происхождения и распространения таких украшений, выявления круга аналогий, выяснения их датировки. Приводятся параллели из Юго-Западного Крыма и с других территорий византийского мира. Просмотр выборки подобных перстней позволил выделить несколько признаков, наиболее характерных для X—XII вв. На этом основании перстень с пентальфой из Горзувит предварительно датирован IX—XI вв., не исключая XII в. Возможно, с помощью естественнонаучных методов, которые проводятся в настоящее время, мы сможем уточнить эту дату. Перстни с пентаграммой имеют византийское происхождение, были распространены как в самой Византии, так и на сопредельных территориях. Учитывая находки из закрытых комплексов, можно установить, что такие перстни появляются в VI—VII вв., наибольшее распространение получают с IX по XI вв., а в XII в. их становится меньше. Видимо, это было недорогое массовое производство, эти изделия носили горожане и жители сельских поселений. Такие перстни имели аполропейный характер: изображение пентаграммы должно было отвращать беду и зло от человека, а следы изношенности свидетельствуют, что эти украшения носили ежедневно. Перстни с пентаграммой, безусловно, отражают византийскую моду, они демонстрируют эстетические и религиозные предпочтения периферийного населения и свидетельствуют о единой культуре в византийском мире в эпоху средневековья.

В данной статье рассмотрены перстни с изображением пентаграммы, найденные в Юго-Западном Крыму, а также на других территориях византийского мира. Находка такого перстня в погребении 7 некрополя Горзувиты (Южный берег Крыма) послужила причиной написания данной работы с целью изучения происхождения и распространения этих украшений, выявления круга аналогий и проведения сравнительного анализа параллелей, выяснения их датировки.

Безусловно, изображения пятиконечной звезды — пентаграммы или пентальфы (синонимы: греч. Πεντάγραμμα — 5 линий, Πεντάλφα — пять букв альфы — Α) на перстнях свидетельствуют об аполропейном характере таких украшений. Пентаграмма является древним символом, известным задолго до появления христианства, и ее изображение — это знак, оберегающий от всякого зла. После IV в. пентаграмма становится одним из главных христианских символов в Византии

(Григоров 2007: 54). Считается, что у ранних христиан пять острых концов пентальфы являлись символическим выражением пяти ран Христа — от тернового венка на лбу и от гвоздей на руках и ногах (Jobes 1991: 1252; Sachs, Badstubner, Neumann 1980: 146). Пентаграмма трактовалась как символ Христа или как символ, идентичный кресту, и христианин, имеющий это изображение, мог надеяться на благосклонность Всевышнего Бога к себе.

Археологический контекст находки перстня с пентаграммой в Горзувитах

В 2018 году Гурзуфским отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции Института археологии РАН были проведены раскопки грунтового могильника, расположенного на территории Международного детского центра «Артек» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ) (Мастыкова 2019б) (рис. 1: 1). Восточнее могильника расположены руины храма («храм в храме» — верхний возведен на развалинах нижнего), севернее — поселение. Первым исследователем этого памятника был А.Л. Якобсон (1951; 1954). Расположение некрополя на отвесном склоне, активные гравитационные и сейсмические процессы, проявляющиеся на этой территории, послужили причиной того, что погребальные конструкции большинства могил были разрушены полностью либо частично. В связи с этими же явлениями положение костяков во многих захоронениях, как правило, нарушено, но в тех случаях, когда позиция сохраняется *in situ*, можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на запад (Мастыкова 2019а; 2019б).

Погребение 7 выявлено на западном участке некрополя. Могила длиной 2,10 м, шириной 0,74 м, глубиной 0,48 м, своей длинной осью ориентирована по линии З-В. По всей видимости, погребальная конструкция была плитовой, т.к. на уровне выявления могилы были зафиксированы два фрагмента обработанных каменных плит. Погребение разбиралось послойно; во всех четырех слоях обнаружены многочисленные перемешанные фрагменты скелетов плохой сохранности, анатомический порядок костей отсутствовал. Проведенные М.В. Добровольской (ИА РАН) биоархеологические исследования показали, что в погребении было захоронено семь человек. В верхних двух слоях идентифицированы останки двоих детей, возрастом 3—4 года и около 6 лет, и мужчины 20—25 лет; в нижних сло-

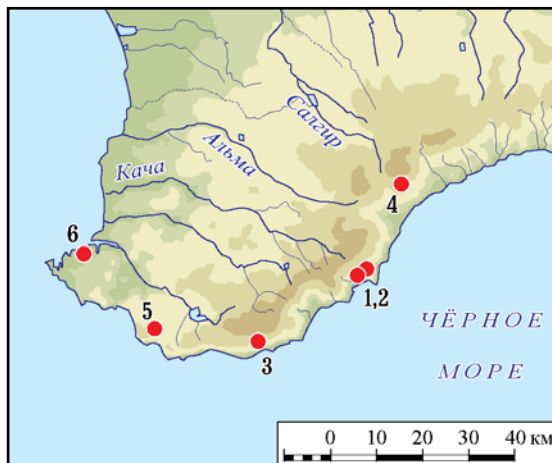


Рис. 1. Карта распространения перстней с пентаграммой в Крыму: 1 — Горзувиты; 2 — Суук-Су; 3 — Симеиз; 4 — Лучистое; 5 — Гончарное; 6 — Херсонес.

Fig. 1. Map of the distribution of rings with a pentagram in the Crimea: 1 — Gorzuvit; 2 — Suuk-Su; 3 — Simeiz; 4 — Luchistoe; 5 — Gonchamoe; 6 — Chersoneses.

ях — троих взрослых мужчин и женщины 35—45 лет.

Во втором слое у западного края могилы обнаружен перстень, изготовленный из бронзовой¹ пластины толщиной 1,5—1,7 мм с изображением пентаграммы на щитке (рис. 2: 1). Перстень имеет пластинчатую дужку, плавно расширяющуюся в средней части, без вырезанного щитка. В центре щитка — гравированная пентаграмма равноугольной неправильной формы. Лучи звезды разного размера, у двух лучей вершины углов не соединены, у третьего — соединяющие линии перекрещены. Внутренний диаметр — 14 мм, ширина щитка — 11 мм. Небольшой размер перстня и его стратиграфическое положение в могиле указывает на то, что, скорее всего, он принадлежал ребенку возраста около 6 лет.

В третьем слое обнаружено два фрагмента керамики, относящиеся к 1-й и 2-й технологическим группам по И. А. Завадской²; в четвертом слое — бронзовая серьга из круглой в сечении проволоки с двумя застегнутыми концами в виде крючков, пять фрагментов керамики 2-й технологической группы.

¹ Определение цветного металла дается визуально, химический состав изделия в настоящее время изучается.

² Определение керамики проводила Ирина Анатольевна Завадская (НИИ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь). Пользуясь случаем, приношу ей свою благодарность.

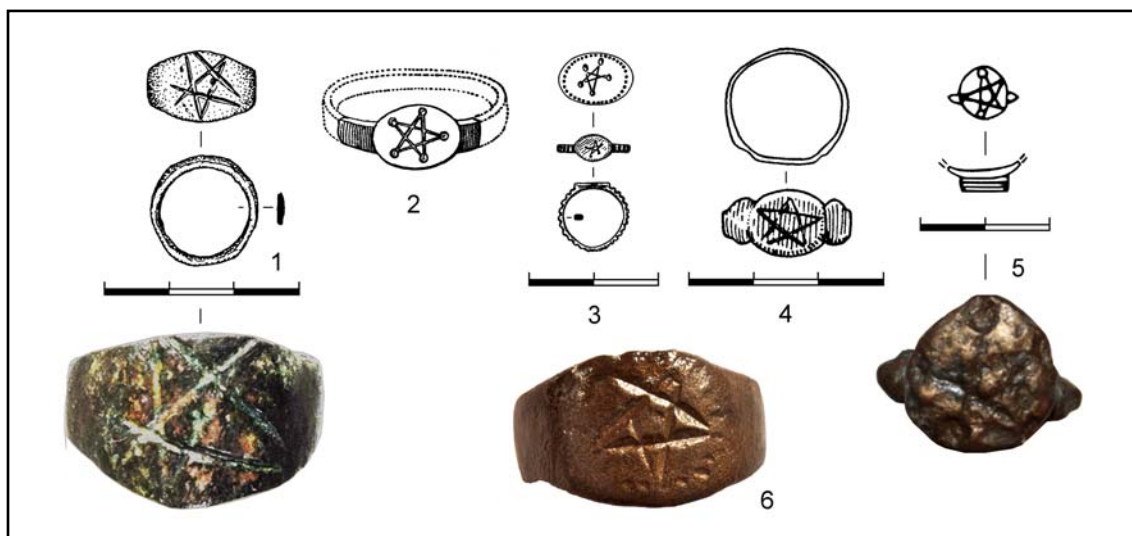


Рис. 2. Перстни с пентаграммой в Юго-Западном Крыму: 1 — Горзувиты, погребение 7; 2 — Суук-Су, погребение 122; 3 — Лучистое, могила 13; 4 — Гончарное; 5 — Симеизский склеп 1955 г.; 6 — Херсонес (1 — рисунок С. Л. Богаченко, фото С. В. Ольховского; 2 — по Репников 1907: рис. 98; 3 — по Айбабин, Хайрединона 2008: табл. 56: 3, 3а; 4 — по Якобсон 1970: рис. 90: 3; 5 — по Турова 2014: рис. 3: кат. 33, фото Н. П. Туровой; 6 — фото Т. Ю. Яшаевой).

Fig. 2. Pentagram rings in South-West Crimea: 1 — Gorzuvity, burial 7; 2 — Suuk-Su, burial 122; 3 — Luchistoe, grave 13; 4 — Goncharnoe; 5 — Simeiz, crypt of 1955; 6 — Chersonesos (1 — drawing by S. L. Bogatchenko, photo by S. V. Olkhovskii; 2 — after Репников 1907: рис. 98; 3 — after Айбабин, Хайрединона 2008: табл. 56: 3, 3а; 4 — after Якобсон 1970: рис. 90: 3; 5 — after Турова 2014: рис. 3: кат. 33, photo by N. P. Turova; 6 — photo by T. Yu. Yashaeva).

В целом, как мы видим, погребальный инвентарь незначительный и не очень выразительный. Наибольший интерес из найденных предметов в погребении 7, бесспорно, представляет бронзовый перстень.

Перстни с изображением пентаграммы в Крыму

В Крыму такие перстни встречаются не часто (рис. 1). Помимо перстня из Горзувит, мне известно еще пять подобных находок.

Также на территории Артека, в могиле 122, относящейся к нижнему слою некрополя Суук-Су, т. е. к VI—VII вв., было открыто парное захоронение — женщины и ребенка. На пальце левой руки ребенка лежал фрагментированный бронзовый перстень с плоской дужкой, с округлым, четко выраженным щитком, украшенным пентаграммой с кружками возле каждого конца (Репников 1907: 109, 110, 145, рис. 98) (рис. 1: 2; 2: 2). В области пояса погребенной женщины лежала В-образная пряжка (Репников 1907: табл. XV: 8), которую можно датировать 2-й пол. VI — 1-й пол. VII в. Учитывая, что анатомический порядок костяков и их позиция сохранились *in situ*, захоронение, видимо, было единовременным.

Тоже на Южном берегу, в Приморском парке поселка Симеиз в 1955 г. был обнару-

жен разрушенный богатый склеп. Среди прочих предметов был найден фрагментированный бронзовый перстень, на дужку которого напаян круглый уплощенный щиток с изображением пентаграммы, возле каждого ее конца имеются кружки-углубления (рис. 1: 3; 2: 5). Размер $1,05 \times 0,8 \times 0,4$ см. В целом, материалы симеизского склепа датируются достаточно широко — от VII по X вв. (Турова 2014: 120—122, 126, рис. 3: кат. 33)³.

В Юго-Западном Крыму на могильнике у с. Лучистое в погребении 2 могилы 13 у захороненного взрослого человека на фаланге правой кисти находился бронзовый литой перстень (рис. 1: 4; 2: 3). Узкая дужка перстня имеет рифленую поверхность, по контуру плоского овального четко выраженного щитка нанесены точки, в центре щитка — изображение равноугольной пентаграммы с кружками возле каждого конца. Размер $2,2 \times 2,4$ см. Могила 13 датирована VIII—IX вв. (Айбабин, Хайрединона 2008: 86, табл. 56: 3, 3а, рис. 35).

В Байдарской долине в некрополе, расположенном вокруг храма, близ с. Гончарное, в могиле (номер не указан) нижнего горизон-

³ Выражаю свою признательность Наталье Петровне Туровой (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) за любезно предоставленные мне фотографии этой находки.

та VIII—IX вв. найден перстень с пентаграммой на округлом четко выраженном щитке, плечи дужки с двух сторон щитка имеют округлое расширение (рис. 1: 5; 2: 4) (Якобсон 1970: 139, 140, рис. 90: 3)⁴.

В коллекции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранится бронзовый пластинчатый литой перстень из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (НЗХТ. №28/5400)⁵. Перстень, расширяющийся в средней части, имеет округлый невыраженный щиток, контур которого украшен точками, а центр — гравированной пентаграммой (рис. 1: 6; 2: 6). Диаметр дужки 1,7 см, щитка — 1 см. Перстень из Восточного Средиземноморья отнесен к X—XII вв. (Яшаева и др. 2011: 531, кат. №210).

Как видим, все перстни имеют одинаковый сюжет на щитках, но на некоторых из них изображение пентаграммы дополнено еще и другими элементами (точками, кружками). Имеются различия в технологии изготовления этих украшений — если пластинчатые перстни из Горзувит и Херсонеса (рис. 2: 1, 6) достаточно массивны, имеют плоскую дужку, плавно расширяющуюся в невыраженный щиток, то перстни из некрополей Суук-Су, Лучистое, Гончарное и Симеизского склепа (рис. 2: 2—5) отличаются четко выраженным небольшим округлым или овальным щитком, возможно, не всегда сделаны из сплошной пластины (например, у симеизского — щиток напаян), дужки оформлены иначе.

Перстни с изображением пентаграммы в византийском мире и на сопредельных территориях

В Малой Азии в знаменитом городе Сарды (Sardis/Sardes), на территории современной Турции, был найден перстень из бронзового сплава, на щитке которого изображена пентаграмма, каждый луч звезды украшен углубленным кружком (рис. 3: 1). Четко выраженный круглый щиток по контуру подчеркнут одним рядом мелких точек. Внешний диаметр 2 см, диаметр щитка 1,1 см, толщина 0,1 см. Перстень датирован позднеримским — визан-

тийским периодом (Waldbaum 1983: 129, 130, pl. 48: 832). Перстни с пентаграммами отмечены и на других малоазиатских памятниках: Тире (Tire), датированные от IX до XII вв.; Байындыр (Bayindir) — IX—XII в.; Торбалы (Torbali) — X—XII вв. (Pülz 2020: 62—64, Taf. 22: S105—S113).

Аналогичные перстни известны в Греции. В древнегреческом полисе Коринф (Corinth/Κόρινθος) обнаружено несколько подобных бронзовых перстей (Davidson 1952: 229—231). Некоторые отнесены к выделенному на коринфском материале типу G — овальный щиток с пентаграммой; у одного (1873) контур подчеркнут мелкими точками, дужка с рифленой поверхностью, он датирован X—XI вв. (рис. 3: 2); у другого (1872) контур и все поле щитка украшены мелкими точками, датировка та же — X—XI вв. Их диаметры 2 см и 1,9 см (Davidson 1952: 238, pl. 104: 1873, 1872). Остальные отнесены к типу L — кованым пластинчатым изделиям. На перстне из могилы №1821 (1927) пентальфа с точкой в центре на округлом щитке, контур которого подчеркнут линейным кругом и мелкими точками, плечи дужки украшены перекрещенными линиями (рис. 3: 3). Внутренний диаметр дужки 2 см. По совокупности с другим погребальным инвентарем эта могила датирована VI—VII вв. (Davidson 1952: 242, 243, pl. 105: 1927). Еще два перстня, у одного (1928) — пентаграмма в линейном круге и круге из мелких точек; у второго (1929) — звезда в круге и всё поле щитка усыпано мелкими точками, плечи дужки имеют декор в виде веточек. Внутренний диаметр обоих перстней 1,9 см; датированы VI в. и позже (Davidson 1952: 243, pl. 105: 1928, 1929). Перстень (1939) имеет овальный щиток с пентальфой в круге из мелких точек, дужка не сплошная, ее концы перекрывают друг друга, декорирована узором в елочку. Диаметр 1,9 см; изделие отнесено к X—XI вв. (Davidson 1952: 243, pl. 106: 1939). Г. Р. Дэвидсон отмечает, что некоторые перстни с пентаграммами известны уже в эпоху переселения народов, потом они исчезают, в X в. появляются вновь и бытуют до XII в., при этом более поздние перстни очень похожи на более ранние. Из-за внешнего сходства и отсутствия надежного контекста, кроме находок в могилах, датировка этих предметов затруднена (Davidson 1952: 229, 230). Все перечисленные коринфские перстни имеют большой размер (1,9—2 см) — не исключено, что они могли принадлежать мужчинам.

В погребении 3 некрополя Азорос (Azoros/Αζωρος), в местечке Палиоклиси (Παλιοκλήσι/«Старая церковь») вблизи

⁴ Сердечно благодарю Эльзару Айдеровну Хайрединову (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь), обратившую мое внимание на эту находку.

⁵ Приношу глубокую благодарность Татьяне Юсуфовне Яшаевой (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь) за помощь в работе, предоставленную мне информацию и фотографии находки.



Рис. 3. Перстни с пентаграммой в византийском мире и на сопредельных территориях: 1 — Сарды; 2 — Коринф (1873 г.); 3 — Коринф, погребение 1821 (1927 г.); 4 — Азорос, погребение 3, 5 — Азорос, погребение 1; 6 — Афрати; 7 — Ритопек; 8 — Гамзиград; 9 — Стари-Рас; 10 — Велики Градац, погребение 102; 11 — Равна-Слог, погребение 21; 12 — Крагулево; 13 — Доростол/Дристр (совр. Силистра); 14 — Скала; 15 — Трошево, погребение 568; 16 — Градиште-Таор; 17 — Бресто-Бурлатица; 18 — Ибрань-Эшбо-халом, погребение 253 (1 — по Waldbaum 1983: pl. 48: 832; 2, 3 — по Davidson 1952: pl. 104: 1873; pl. 105: 1927; 4—6 — по Everyday Life in Byzantium 2002: №615; №836; №775; 7 — по Бајаловић, Пешић 1984: т. VII: 1; 8, 9, 16, 17 — по Зорова 2007: сл. 21; сл. 23; сл. 1; сл. 2; 10 — по Радичевић 2004: сл. 38: 102; 11 — по Jovanović, Vuksan 2005: fig. 16: 4; 12—14 — по Григоров 2007: обр. 62: 16, 3, 2; 15 — фото В. Йотова; 18 — по Istvánovits 2003: kép. 156: 1).

Fig. 3. Finger rings with pentagram in the Byzantine world and in adjacent territories: 1 — Sardis; 2 — Corinth (1873); 3 — Corinth, burial 1821 (1927); 4 — Azoros, burial 3, 5 — Azoros, burial 1; 6 — Afrati; 7 — Ritopec; 8 — Gamzigrad; 9 — Stari Ras; 10 — Veliki Gradac, burial 102; 11 — Ravna-Slog, burial 21; 12 — Kragulevo; 13 — Durostolon (modern Silistra); 14 — Skala; 15 — Troshevo, burial 568; 16 — Gradiste Taor; 17 — Brest-Burlatitsa; 18 — Ibrány-Esbó-halom, burial 253 (1 — after Waldbaum 1983: pl. 48: 832; 2, 3 — after Davidson 1952: pl. 104: 1873; pl. 105: 1927; 4—6 — after Everyday Life in Byzantium 2002: №615; №836; №775; 7 — after Бајаловић, Пешић 1984: т. VII: 1; 8, 9, 16, 17 — after Зорова 2007: сл. 21; сл. 23; сл. 1; сл. 2; 10 — after Радичевић 2004: сл. 38: 102; 11 — after Jovanović, Vuksan 2005: fig. 16: 4; 12—14 — after Григоров 2007: обр. 62: 16, 3, 2; 15 — photo by V. Yotov; 18 — after Istvánovits 2003: kép. 156: 1).

г. Элассон (регион Фессалия)⁶, был найден бронзовый перстень, отнесенный к средне-

⁶ Выражаю свою признательность Михаилу Михайловичу Казанскому (младшему) (Салоники, Греция) за любезную помощь в географической локализации греческих памятников.

византийскому периоду. Изделие, сделанное из пластины, в средней части плавно расширяется в щиток, контур которого подчеркнут кругом, в его центр «вписана» пентаграмма, плечи дужки декорированы перекрещенными линиями (рис. 3: 4). Диаметр 2,1 см, диаметр щитка 1,3 см, толщина 0,1 см (Everyday

Life in Byzantium 2002: 451, №615). В погребении 1 этого же некрополя обнаружен идентичный перстень, имеющий щиток с пентальфой в круге, оба плеча плоской дужки украшены крестиками (рис. 3: 5). Перстень датирован средневизантийским временем. Диаметр 2,2 см, диаметр щитка 1,3 см, толщина 0,1 см (Everyday Life in Byzantium 2002: 586, №836).

В некрополе Милеа (Milea/Μηλέα), расположенном недалеко от современного г. Элассон (регион Фессалия), могила №87 содержала женское захоронение с четырьмя бронзовыми перстнями с пентаграммами. На двух перстнях контур щитка украшен, по всей видимости, мелкими точками⁷ (Κουγιουμτζόγλου 2010: 552, 553, εικ. 10; Poulou-Papadimitriou et al. 2012: 395, 396, fig. 13: 1). Это погребение, по наличию в нем декорированных серег в форме полумесяца, датировано IX в. (Poulou-Papadimitriou et al. 2012: 396, fig. 13: 1).

В местечке Афрати (Afrati/Αφράτι) в регионе о. Эвбея найден бронзовый перстень (контекст находки неизвестен) с плоской дужкой и овальным щитком с пентальфой, каждый конец которой украшен кружком. Контур щитка подчеркнут одним рядом мелких точек (рис. 3: 6). Диаметр изделия 2 см. Перстень датирован X—XII вв. (Everyday Life in Byzantium 2002: 560, №775).

На территории Сербии перстни с пентаграммами также известны (Bikić 2010: 118, sl. 89: 5—7)⁸. В коллекции музея г. Белград хранится пластинчатый перстень, датированный X в., из Ритопек (инв. бр. AC I 14; покупка), с пентаграммой и многочисленными мелкими точками по всей поверхности овального щитка (рис. 3: 7). Диаметр 2 см, диаметр щитка 1,5 × 1 см (Бајаловић, Пешић 1984: 84, таб. VII: 1). Перстни с пентальфой IX—XI вв. происходят из Гамзиграда (рис. 3: 8), фиксируются в материалах конца XII — нач. XIII в. средневекового города Стари-Рас (Зорова 2007: 54, сл. 21, 23) (рис. 3: 9). В некрополе Костол-Траянов мост (между устьями Великой Моравы и Тимок) в погребении 13 на пальце правой руки женщины находился бронзовый пластинчатый перстень (диаметр 2,1 см) с изображением пентаграммы в круге, плечи дужки украшены звездочным декором (Радичевић 2004: 72, сл. 42: 13). В этом же регионе, в некрополе

Велики Градац в могиле 102 у левой руки погребенного взрослого человека лежал бронзовый перстень (диаметр 2 см) с пентаграммой в круге (Радичевић 2004: сл. 38: 102) (рис. 3: 10).

В восточной части Центральной Сербии (Тимочка Краина/Timočka Krajina) в могиле 21 некрополя Равна-Слог, у захороненного подростка 14—15 лет обнаружен бронзовый пластинчатый перстень (диаметр 2,1 см) с пентаграммой в круге, все поле круглого щитка украшено мелкими точками, плечи дужки имеют декор в виде веточек (Jovanović, Vuksan 2005: 183, 184, fig. 16: 4) (рис. 3: 11). По мнению авторов, такие перстни имеют очень широкий хронологический диапазон, но погребение 21, по совокупности находок в нем, относят к X в. Учитывая большое сходство с аналогичными образцами из многочисленных археологических памятников в Болгарии, исследователи предполагают, что производились эти перстни в одних и тех же мастерских (Jovanović, Vuksan 2005: 240).

Действительно, в Болгарии подобные украшения отмечены на многих памятниках. В 1-й пол. IX в. перстни с пентаграммой появляются в Южной Болгарии: Копривлен, Перник, Кырджали, Любеново, Златоград, Мирково, Нановица, Сандански, Туховище, Абланица-1 и т.д. Затем, во 2-й пол. IX в., они распространяются уже в Северной Болгарии: Батин-1, 2, Девня-2, Галиче, Якимово, Нова Черна, Дуранкулак, Одырци, Градешница, Плиска-6, Крагулево (рис. 3: 12), Дристр (совр. Силистра) (рис. 3: 13) и т.д. (полную сводку и библиографию см.: Григоров 2007: 54, 55, обр. 62; 84: III.4); в крепости Скала X—XI вв. (Йотов, Атанасов 1998: 114, табл. CVII: 372, 373) (рис. 3: 14); в могиле 568 некрополя Трошево (район Варны) (рис. 3: 15), датированного концом IX — X вв. (Българите... 2004: 91, табл. 27: 7)⁹.

Как видим, перстни этого типа бытуют в Болгарии по обе стороны горного массива Стара Планина, но особое распространение получают в X—XI вв.¹⁰ (рис. 4). После XI в. эти украшения больше не встречаются в Северной Болгарии, однако в Южной Болгарии они бытуют и в нач. XII в. (Григоров 2007: 55, обр. 84). Из всех прочих византийских типов

⁷ Более точное описание перстней дать невозможно из-за качества опубликованных иллюстраций.

⁸ Приношу глубокую признательность Перице Шпехару (Белградский университет, Сербия) за предоставленную информацию и помощь с литературой.

⁹ Приношу огромную благодарность Валерию Йотову (Археологический музей г. Варна, Болгария) за постоянные консультации, помощь с литературой и предоставленные мне фотографии.

¹⁰ Выражаю свою признательность Александру Минчеву (Археологический музей г. Варна, Болгария) за любезную консультацию.



Рис. 4. Карта распространения перстней с пентаграммой, тип III.4, в Болгарии (по Григоров 2007: обр. 84: III.4).

Fig. 4. Distribution of rings with pentagram, type III.4, in Bulgaria (after Григоров 2007: обр. 84: III.4).

таких украшений в количественном соотношении перстни с пентаграммами преобладают, изображение пентагфы иногда сопровождается мелкими точками как внутри, так и между ее лучами, дужки в ряде случаев декорированы Х-образными или растительными знаками (Григоров 2007: 54, 55, обр. 62; 77: III.4). С конца IX в. до X в. перстни делались из тонкого листового металла, а в XI в. они становятся более массивными и тяжелыми. По наблюдениям В. Григорова, перстни с пентаграммами носили в основном женщины и дети (диаметром 14—19 мм), гораздо реже — мужчины (диаметром 20—23 мм). Чаще всего у покойного был только один перстень и, как

показывают данные статистики, в большинстве случаев эти украшения носили на безымянном пальце, преимущественно на левой руке¹¹. Исследователь отмечает, что большинство изделий было сильно изношено, это позволило ему сделать вывод, что перстни носили, вероятно, каждый день, не только в праздники (Григоров 2007: 57, 63).

Перстни с пентаграммами известны и на территории Македонии, например, на поселении Градиште-Таор позднеантичного-

¹¹ Но, например, в Северной Болгарии в некрополях Батни-1 и 2 перстни располагались исключительно на правой руке (Григоров 2007: 63).

раннесредневекового времени (рис. 3: 16), Бресто-Бурлатица (с. Виничани/Viničani возле г. Велес) X—XI вв. (рис. 3: 17). На территории Северной Албании подобные украшения встречаются в некрополях Букел/Bukel и Калая Далмацес/Kalaja Dalmaces командской культуры (VII—VIII вв.), в Шурдах Сарда/Shurdah Sarda (Зорова 2007: 52, 53, сл. 1—6, 10—12)¹².

Находки таких перстней также встречаются и в некоторых некрополях на территории Венгрии. В частности, на могильнике Ибрань-Эшбо-халом (Ibrány-Esbó-halom), расположенном в верховье р. Тисы в северо-восточной Венгрии, в женском погребении 253, датированном последней третью X в., был найден пластинчатый перстень (диаметр 2 см) с пентаграммой на четко выраженном круглом щитке, с многочисленными мелкими точками как внутри звезды, так и между ее лучами (рис. 3: 18). Плечи дужки украшены крестиками (Istvánovits 2003: 110, 307, kép. 156: 1, tábla 111: 253/1). Сводка находок таких перстней на территории Венгрии приводится в работе Т. Кеси, все они происходят из женских или детских могил (диаметр 2,1 см, толщина пластин 1—2 мм). По мнению автора, такие украшения характерны для X в., в начале XI в. они исчезают и поэтому не могут быть связаны с христианством в Венгрии, когда эта религия становится государственной. Перстни с христианской символикой, скорее, являются предметами византийской торговли и свидетельствуют о наличии определенных связей этого населения с Византией (Keszi 1990: 133, 134, 142, ábra 1: 4; Istvánovits 2003: 307)¹³.

Заключение

Вернемся к погребению 7 могильника Горзувиты, поскольку обнаруженный в нем перстень с пентальфой является объектом данной публикации. Как уже говорилось выше, погребальный инвентарь в могиле очень незначительный. Проволочные серьги такого типа, как найденная в горзувитском погребении, известны на многих памятниках и имеют широкие временные рамки. Обнаруженные семь

фрагментов керамид 1-й и 2-й технологических групп, скорее всего, относятся к периоду от VIII до XII (XIII?) вв. (Завадская 2010: 254).

Просмотр достаточно репрезентативной выборки перстней с пентаграммами позволил выделить несколько признаков, которые наиболее характерны для X—XII вв.: изделия все пластинчатые, имеют часто невыраженный щиток, который делается шире и округлее, за счет чего изделия выглядят гораздо массивнее. Исследователи также отмечают, что перстни этого времени становятся тяжелее, поскольку стали изготавливаться из более толстых пластин (Davidson 1952: 230; Григоров 2007: 55).

Вместе с тем, поиск аналогий и проведенный сравнительный анализ не дает возможности однозначно определить время существования перстня с пентальфой из Горзувит (рис. 2: 1), но поскольку он имеет все перечисленные выше характеристики, его можно датировать, скорее всего, IX—XI вв., не исключая XII в. Конечно, это предварительная дата, но мы надеемся с помощью естественнонаучных методов исследования, которые проводятся в настоящее время¹⁴, получить сведения, позволяющие уточнить хронологию бытования этого типа украшений.

Перстни с пентаграммой, безусловно, имеют византийское происхождение, они были распространены как в самой Византии, так и на сопредельных территориях. Учитывая находки из закрытых комплексов (Суук-Су, погр. 122; Коринф, погр. №1821) (рис. 2: 2; 3: 3), по всей видимости, перстни появляются в VI—VII вв., но наибольшее распространение они получают с IX по XI вв., а в XII в. их становится меньше. Видимо, это было недолгое массовое производство, и изделия могли быть доступны всем социальным слоям, их носили горожане и жители селений. При этом такие перстни были не просто украшениями, они имели апотропейный характер, поскольку изображение пентаграммы должно было отвращать беду и всякое зло от человека, а следы изношенности на многих изделиях свидетельствуют, что перстни носились ежедневно¹⁵.

¹⁴ Анализы проводятся в Лаборатории радиоуглеродного датирования и микроскопии (руководитель Э.П. Зазовская) Института географии РАН (Москва) и в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

¹⁵ Исследователями также приводятся сведения о том, что перстни с пентальфами могли специально жертвоваться заболевшим людям, или их клали в могилу в качестве дара-оберега (Григоров 2007: 63—64; Keszi 1990: 146).

¹² Сердечно благодарю Валерия Евгеньевича Науменко (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь), обратившего мое внимание на эту работу.

¹³ Приношу искреннюю благодарность Валерии Кульчар и Эстер Иштванович (Сегедский университет, Сегед; музей им. Андраша Йожа, Ньиредьхаза; Венгрия) за консультации и помощь с литературой.

Перстни с изображением пентаграммы, несомненно, отражают византийскую моду, в то же время они демонстрируют определенные эстетические и религиозные

предпочтения периферийного населения и в целом свидетельствуют о единой культуре в византийском мире в эпоху средневековья.

Литература

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. *Могильник у с. Лучистое I. Раскопки 1977, 1982—1984 годов*. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского; Деметра.
- Бажаловић М., Пешић Х. 1984. *Накит VIII—XVIII века у Музеју града Београда*. Београд: Музеј града Београда.
- Българите... 2004: Йотов В., Павлова В. (съст.). 2004. *Българите и техникте съседни през V—X век. Каталог на изложба*. Варна: РИМ.
- Григоров В. 2007. *Метални накити средновековна България (VII—XI в.)*. Дисертации 1. София: НАИМ БАН.
- Завадская И. А. 2010. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма. *ТГЭ* LIII, 254—268.
- Зорова О. 2007. Пентаграм во средниот век — prelimинарни истражувања врз основа на балканските примери. *Studia mythologica Slavica* X, 51—82.
- Йотов В., Атанасов Г. 1998. *Скала. Крепост от X—XI в. до с. Кладенци, Тервелско*. София: Пенсофт.
- Мастыкова А. В. 2019а. О погребальных конструкциях средневекового могильника Горзувиты. В: Хайрединова Э. А. (ред.-сост.). *Проблемы истории и археологии средневекового Крыма*. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина. Симферополь: Антикава, 84—85.
- Мастыкова А. В. 2019б. Итоги исследования могильника Горзувиты в 2018 г. В: Зинько В. Н., Зинько Е. А. (ред.-сост.). *XX Боспорские Чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь, Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра», 370—376.
- Радичевић Д. 2004. *Гробља VII—XV столећа уз десну обалу Дунава између уића Велике Мораве и уића Тимока*. Магистарска теза. Београд. Универзитет у Београду. Филозофски факултет. №209.
- Репников Н. И. 1907. Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. II. *ЗООИД* XXVII, 101—148.
- Турова Н. П. 2014. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея. *МАИЭТ* XIX, 118—146.
- Якобсон А. Л. 1951. *Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (близ Гурзуфа) в 1951 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №654.
- Якобсон А. Л. 1954. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа). *КСИИМК* 53, 109—120.
- Якобсон А. Л. 1970. *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики*. МИА 168. Ленинград: Наука.
- Яшаева и др. 2011: Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлёв Д. 2011. *Наследие византийского Херсона*. Каталог. Севастополь: Телескоп; Остин: Институт классической археологии Техасского университета.
- Bikić V. 2010. *Vizantijski nakit u Srbiji: modeli i nasleđe*. Beograd: Arheološki institut.
- Davidson G. R. 1952. *Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical at Athens XII. The Minor Objects*. Princeton, New Jersey: American School of Classical at Athens.
- Everyday Life in Byzantium 2002: Papanikola-Bakartzis D. (ed.). 2002. *Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Catalogue of exhibition*. Athens: Hellenic Ministry of Culture.
- Istvánovits E. 2003. *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékei*. Nyiregyháza: Jósza András Múzeum.
- Jobes G. 1991. *Dictionary of mythology, folklore and symbols*. Vols. 1 & 2. New York: Scarecrow Press.
- Jovanović S., Vuksan M. 2005. Medieval Necropolis. In: Vasić M. (ed.). *Roman and Medieval necropolis in Ravna near Knjaževac*. Monographs 42. Belgrade: Archaeological Institute, 175—275.
- Keszi T. 1999. 10. századi zárt lemezgyűrűk pajzs alakúan kiséselesedő fejével, pentagramma és madár ábrázolással. In: Perémi Ágota S. (ed.). *A Népvándorlások Fiatal kutatói 8. Találkozójának Előadásai*. Veszprém: Kiadja a Veszprém Megyei Múzeumi Igazgatóság; Laczkó Dezső Múzeum, 133—148.
- Κουγιουμπτζόγλου Σ. 2010. Παλαιοχριστιανική κεραμική από τους αρχαιολογικούς χώρους της Αζώρου και της Μηλέας της επαρχίας Ελασσώνος του νομού Λαρίσης. In: Παπανικόλα-Μπακιρτζή Δ., Κουσουλάκου Ν. (eds.). *Κεραμική της Ύστερης Αρχαιότητας από τον ελληνικό χώρο (3ος-7ος αι. μ.Χ.)*. Αθήνα: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, 548—561.
- Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. 2012. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. In: Salamon M. et al. (eds.). *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe*. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 377—428.
- Pülz A. M. 2020. Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metal, Bein, Glas. In: *Forschungen in Ephesos. Katalog und Tafelband XVIII* (1). Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Sachs H., Badstübner E., Neumann H. 1980. *Christliche Ikonographie in Stichworten*. Leipzig: Koehler & Amelang.
- Waldbaum Jane C. 1983. *Metalwork from Sardis: the finds through 1974*. Archaeological Exploration of Sardis. Monograph 8. London: Harvard University Press Cambridge.

References

- Aibabin, A.I., Khairedinova, E.A. 2008. *Mogil'nik u sela Luchistoe (Necropolis near Luchistoe Village)* 1. Raskopki 1977, 1982—1984 godov (Excavations of 1977, 1982—1984). Series: Bosporskie issledovaniia = Bosphoros studies. Supplementum 4. Simferopol; Kerch: "Demetra" Publ. (in Russian).
- Bajalović, M., Peshić, Kh. 1984. *Nakit VIII—XVIII veka u Muzeju grada Beograda (8th—18th Century Jewelry in Belgrade City Museum)*. Belgrade: Belgrade City Museum (in Serbian).
- Yotov, V., Pavlova, V. (comp.). 2004. *Bălgarite i tehnikite săsedi prez V—X vek. Katalog na izložba (Bulgarians and their Neighbours in 5th—10th Centuries: Catalogue of the Exhibition)*. Varna: Regional Historical Museum (in Bulgarian).
- Grigorov, V. 2007. *Metalni nakiti srednovekovna Bălgariya (VII—XI v.) (Metal Jewelry in Medieval Bulgaria in 7th—11th Centuries)*. Series: Disertatsii (Dissertations) 1. Sofia: National Institute of Archaeology with Museum, Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Zavadskaiia, I.A. 2010. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* LIII, 254—268 (in Russian).
- Zorova, O. 2007. In *Studia mythologica Slavica* X, 51—82 (in Bulgarian).
- Yotov, V., Atanasov, G. 1998. *Skala. Krepost ot X—XII v. do s. Kladentsi, Tervelsko (Skala, a Fortress of 10th—12th Centuries near the Kladentsi Village, Tervel District)*. Sofia: "Pensoft" Publ. (in Bulgarian).
- Mastykova, A.V. 2019. In Khairedinova, E.A. (ed., comp.). *Problemy istorii i arkhologii srednovekovogo Kryma (Issues of History and Archaeology of the Medieval Crimea)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 84—85 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2019. In Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds., comp.). *XX Bosporskie Chtenia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia (20th Bosphoran Readings. Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages: Main Results and Perspectives of Research)*. Simferopol; Kerch: Research Center for History and Archaeology of the Crimea, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; "Demetra" Publ., 370—376 (in Russian).
- Radičević, D. 2004. *Grobja VII—XV stoleća uz desnu obalu Dunava između ušća Velike Morave i ušća Timoka (Cemeteries of the 7th—15th Centuries along the Right Bank of the Danube between the Mouth of Velika Morava and the Mouth of Timok)*. Master Thesis, no. 209. Belgrade: Belgrade University, Department of Philosophy (in Serbian).
- Repnikov, N.I. 1907. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XXVII, 101—148 (in Russian).
- Turova, N.P. 2014. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIX, 118—146 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1951. *Otchet ob arkhelogicheskoi razvedke srednovekovogo poseleniia i mogil'nika Gorzuvit (bliz Gurzufa) v 1951 g. (Report on Archaeological Survey on the Medieval Settlement and Necropolis of Gorzuvit, near Gurzuf, in 1951)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 654 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 53, 109—120 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1970. *Rannesrednevekoveye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki (Early Medieval Rural Settlements of South-Western Taurica)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 168. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Iashaeva, T., Denisova, E., Gin'kut, N., Zaleskaia, V., Zhuravlev, D. 2011. *Nasledie vizantiiskogo Khersona. Katalog vystavki k 185 letiiu raskopok Khersonesa Tavricheskogo (Legacy of the Byzantine Chersonesos. Exhibition Catalogue to the 185th Anniversary of Excavations of Tauric Chersonesos)*. Sevastopol: "Teleskop" Publ.; Austin: ICA Texas (in Russian).
- Bikić, V. 2010. *Vizantijski nakit u Srbiji: modeli i nasleđe*. Beograd: Arheološki institut.
- Davidson, G.R. 1952. *Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical at Athens* XII. *The Minor Objects*. Princeton, New Jersey: American School of Classical at Athens.
- Papanikola-Bakartzi, D. (ed.). 2002. *Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Catalogue of exhibition*. Athens: Hellenic Ministry of Culture.
- Istvánovits, E. 2003. *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékhelye*. Nyiregyháza: Jósza András Múzeum.
- Jobes, G. 1991. *Dictionary of mythology, folklore and symbols*. Vols. 1 & 2. New York: Scarecrow Press.
- Jovanović, S., Vuksan, M. 2005. *Medieval Necropolis*. In Vasić, M. (ed.). *Roman and Medieval necropolis in Ravna near Knjaževac*. Monographs 42. Belgrade: Archaeological Institute, 175—275.
- Keszi, T. 1999. 10. századi zárt lemezgyűrűk pajzs alakúán kiszélesedő fejfel, pentagramma és madár ábrázolással. In Perémi Ágota, S. (ed.). *A Népvándorlások Fiatal kutatói 8. Találkozójának Előadásai*. Veszprém: Kiadja a Veszprém Megyei Múzeumi Igazgatóság; Laczkó Dezső Múzeum, 133—148.
- Κουγιουμτζόγλου, Σ. 2010. Παλαιοχριστιανική κεραμική από τους αρχαιολογικούς χώρους της Αζώρου και της Μηλέας της επαρχίας Ελασσόνας του νομού Λαρίσης. In Παπανικόλα-Μπακιρτζή, Δ., Κουσουλάκου, Ν. (eds.). *Κεραμική της Υστερης Αρχαιότητας από τον ελληνικό χώρο (3ος-7ος αι. μ.Χ.)*. Αθήνα: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, 548—561.
- Poulou-Papadimitriou, N., Tzavella, E., Ott, J. 2012. *Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation*. In Salamon, M., et al. (eds.). *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe*. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 377—428.
- Pülz, A.M. 2020. *Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metal, Bein, Glas*. In: *Forschungen in Ephesos. Katalog und Tafelband* XVIII (1). Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Sachs, H., Badstubner, E., Neumann, H. 1980. *Christliche Ikonographie in Stichworten*. Leipzig: Koehler & Amelang.
- Waldbaum, J.C. 1983. *Metalwork from Sardis: the finds through 1974*. *Archaeological Exploration of Sardis*. Monograph 8. London: Harvard University Press Cambridge.

Статья поступила в сборник 12 февраля 2020 г.

Anna Mastykova (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Мастыкова Анна Владимировна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: amastykova@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

S. Oța

Earrings Decorated with Hemstitched Spherical Pendants Found on the Territory of Romania, Moldavia and the Serbian Banat

Keywords: Carpathian-Danube region, 13th—16th cc., earring, filigree, granulation, pendant, link, hoard, grave

Ключевые слова: Карпато-Дунайский регион, XIII—XVI вв., серьги, филигрань, зернь, подвески, кольцо, клад, погребение

S. Oța

Earrings Decorated with Hemstitched Spherical Pendants Found on the Territory of Romania, Moldavia and the Serbian Banat

The article discusses the structure of the earrings with hemstitched spherical pendants, decorated in the granulation and filigree technique, found on the territory of Romania, Moldavia and the Serbian Banat. In total, finds from 11 locations were analyzed (Cetățeni-Poiana Târgului, Ilidia-Oblița, Reșița-Ogășele — necropolises; Buruienești, Țușița, Brașov, Cotul Morii-Popricani, Olteni, Schinetea, Dubovac, Șaptebani, Cotnari — hoards). This decoration pattern is found on the circular link earrings, but also on the question mark shaped earrings (Ilidia-Oblița, Brașov, Dubovac, Schinetea). Their chronology is mainly determined by the hoard coins. The items were also analyzed in terms of structure and decoration. From a chronological point of view, they were spread from the thirteenth century to the early sixteenth century. Their occurrence is typical for the communities south and east of the Carpathians, but also in the Banat or southern Transylvania, exactly in the same places where the Byzantine items or the items of Balkan tradition were in fashion during the previous centuries.

C. Oța

Серьги, украшенные ажурными сферическими подвесками, происходящие с территории Румынии, Молдовы и Сербского Баната

В статье обсуждается конструкция серег с ажурными полусферическими подвесками, украшенными зернью и филигранью, которые были обнаружены на территории Румынии, Молдовы и Сербского Баната. В целом, анализируются находки из одиннадцати местонахождений (Четэцэнь-Поаяна Тыргулуй, Илидия-Облица, Решица-Огэшэле — могильники; Буруйенешть, Шушица, Брашов, Котул Морий-Поприкань, Олтеня, Скинетя, Дубовац, Шаптебань, Котнар — клады). Этот вид орнамента обнаружен на серьгах с круглой дужкой, а также дужкой в виде вопросительного знака (Илидия-Облица, Брашов, Дубовац, Скинетя). Их хронология определяется преимущественно монетами из кладов; они обнаруживаются в период с XIII по начало XVI вв., и типичны для территорий к югу и востоку от Карпат, а также для Баната (Южной Трансильвании) — то есть для тех территорий, где в предшествующее время распространялись находки византийского происхождения или относящиеся к балканской традиции.

The stage of research. The hemstitched spherical pendants represent one of the relatively common motifs during the Middle Ages in the South-East European area. They are made of two hemispherical flowers, with a different number of petals, linked in the area with the maximum diameter. The decorations were made in the granulation and filigree technique, added by the use of spiral wires. The latter either decorated the pendants or were fixed in the points where the link passed through the central mounting. They were used especially for large links, and in most cases they were three, fixed apart from one another. As a rule, the central pendant is larger in size compared to the lateral ones. Fewer specimens were mounted on the question mark shaped earrings (Ilidia, Dubovac, Brașov, Schinetea). A hemstitched sphere was also found attached to a chain discovered in the Streza-Cârțișoara hoard (Lukács 1998: 145—147, Fig. 1: 1; 2). This type of pendant is

quite common in the south of the Danube and is found in various variants, either simply mounted on a link or two (see Бобчева 1978) or three.

In general, the analysis was made on the manner of execution, the context of the findings, namely the hoards (Neamțu 1961: 283—298; Rosetti 1972: 3—14; Uzum 1983: 509—519; Lukács 1998: 145—156; Dumitriu 2001; Alai-ba 2007: 15—53; Oța, Oberlander-Tâmoneanu 2018: 221—254), the graves (Păunescu 1976: 257—264; Uzum 1987: 297; Țeicu 1989: 64, Fig. 5: d; 66) and the analogies. The components of the earrings and their combination with other elements of auxiliary decoration were less studied.¹

¹ The exception is represented by only a few items, such as Oța 2010, Oța, Georgescu 2015 etc.

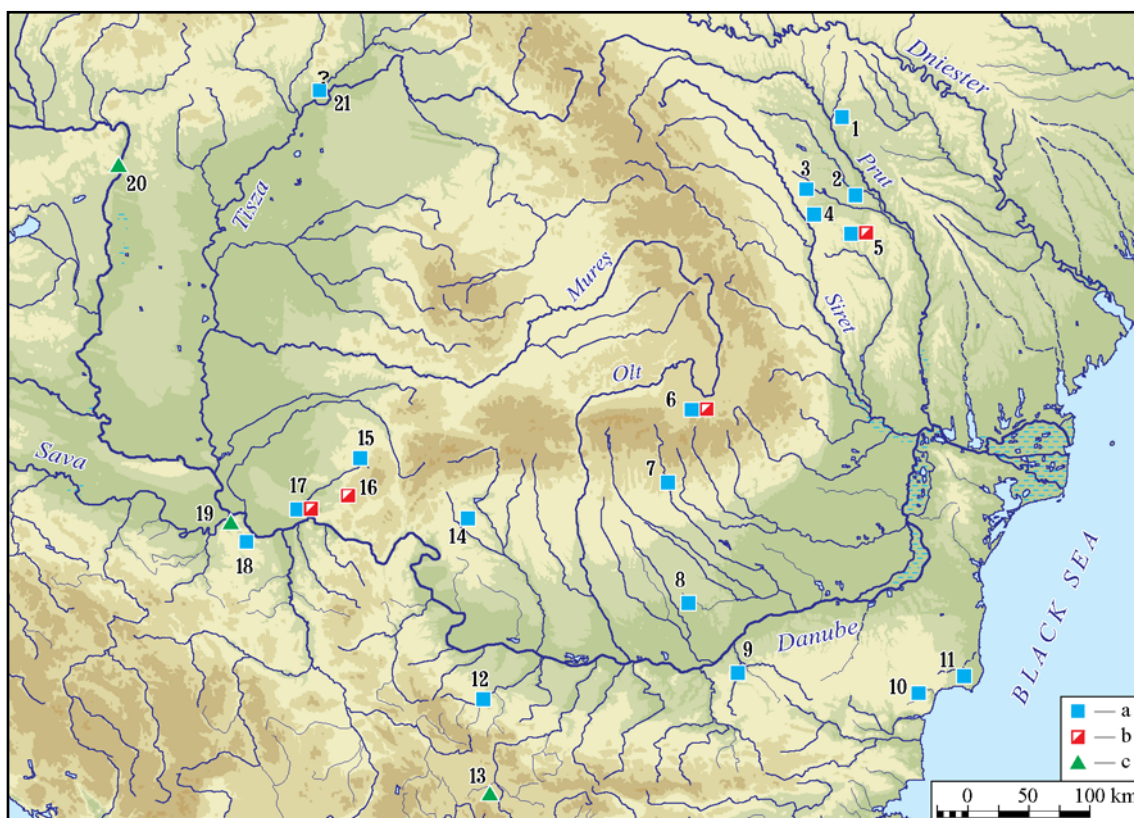


Fig. 1. Locations where the earrings with hemstitched pendants on the link, decorated in the granulation and filigree technique were discovered: a — earrings with circular link; b — earrings in the question mark shape; c — museum collections. 1 — Şaptebani; 2 — Cotul Morii-Popricani; 3 — Cotnari; 4 — Buruieneşti; 5 — Schinetea; 6 — Braşov; 7 — Cetăţeni; 8 — Olteni; 9 — Baniska; 10 — Dolişte; 11 — Kaliakra; 12 — Montana; 13 — Sofia; 14 — Şuşiţa; 15 — Reşiţa; 16 — Ilidia; 17 — Dubovac; 18 — Ritopek; 19 — Belgrade; 20 — Budapest; 21 — Tokaj.

Рис. 1. Локализация находок серег с ажурными подвесками на кольце, украшенных зернью и филигранью: а — серьги с кольцевидной дужкой; б — серьги с дужкой в виде вопросительного знака; с — музейные коллекции. 1 — Шapteбaн; 2 — Котул Морий-Поприкань; 3 — Котнар, 4 — Буруйенешть; 5 — Скинетья; 6 — Брашов; 7 — Четэцень; 8 — Олтен; 9 — Баниска; 10 — Долиште; 11 — Калиакра; 12 — Монтана; 13 — София; 14 — Шушица; 15 — Решица; 16 — Илидия; 17 — Дубовац; 18 — Ритопек; 19 — Белград; 20 — Будапешт; 21 — Токай.

Such items (Fig. 1) were found so far in **graves**, such as in Cetăţeni-Poiana Târgului (Păunescu 1976: 257, 260, 261, 262, Fig. 4; 263; Dumitriu 2001: 116, Taf. 86: 7—8; OŢa, Georgescu 2015: 375—376, 389, Fig. 3: 7—8), Ilidia-Obliţa (Ţicu 2009: 82, 32: 1—2; 193, 263, Fig. 23), Reşiţa-Ogăşele (Ţicu 1989: 64, Fig. 5: d; 66; 2009: 54, 81, Pl. 31: 7; 260, Fig. 20, bottom left), in Romania and **hoards**: Cotu Morii-Popricani (Neamţu 1961: 284, Fig. 1: 1, 2; 285, Fig. 2: 1, 2), Olteni (Rosetti 1972: 9, 12, Fig. 24; Dumitriu 2001: 130, Taf. 42: 1, 2), Schinetea (Alaiba 2007: 24, Fig. 13; 25, 26, Fig. 14—19; 27, 28),² Buruieneşti (Petrişor 1986: 171—191), Şuşiţa (Dumitriu 2001: 137, Taf. 50: 4—7), Cotnari (Reabţeva 2014: 299, Fig. 37: 18), Braşov (Lukács 1998: 154, Fig. 5,

row 2 and bottom right),³ in Romania and Dubovac (Бирташевић 1961: 27, Tab I: 1—2, 7—12; Ţicu 2009: 112, Pl. 48: 3, 4; 191, 192; 260, Fig. 20, top left) in the Serbian Banat. The context of the discovery is not known in the case of other items, such as the earring found in the Republic of Moldova, in Şaptebani locality (Reabţeva 2014: 300, Fig. 38: 1).

South of the Danube (Fig. 1), there are other items in museum collections, such as the items in the National Museum in Beograd (Милошевић 1990: 155, item from Ritopek area; 156—159) or Sofia (Reabţeva 2014: 295, Fig. 33: 11, 13, 14). However, most items were also found in hoards, such as the one in Dolişte (Reabţeva 2014: 297, Fig. 35: 9, 10), Montana (former Mihailovgrad; Александров 1984: 31, 33, Obr. 3: a) and Banis-

² We would like to thank Mrs. Ramona Mocanu for the permission to use photographs of the items in the hoard found in Schinetea, Vaslui County.

³ It should be noted that this hoard is currently at the Hungarian National Museum in Budapest.

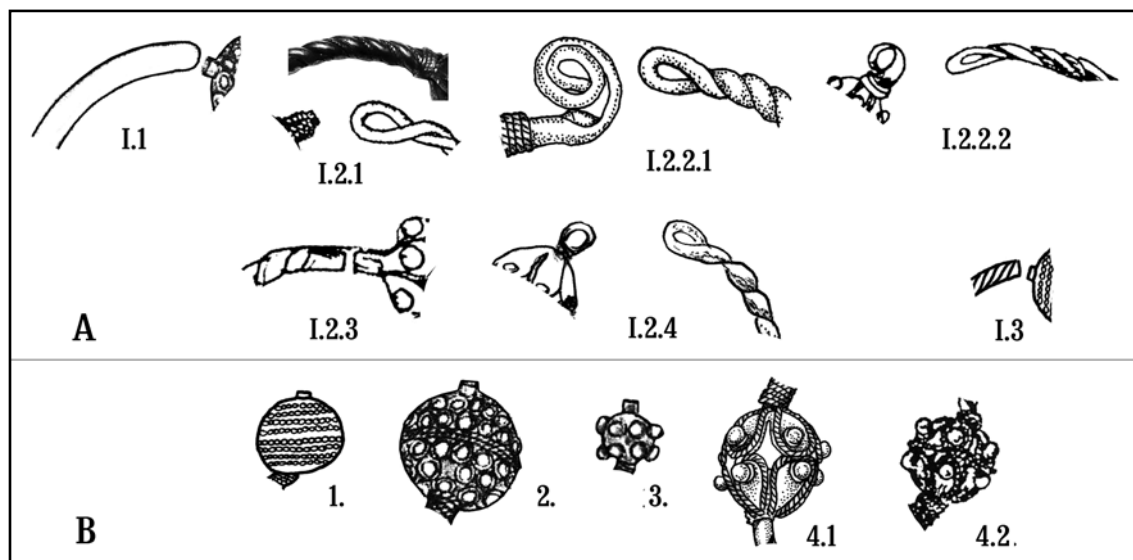


Fig. 2. A — types of links; B — models of side pendants. A: I.1 — Reșița-Ogășele, items from NM, Budapest; I.2.1 — Schinetea, Dubovac; I.2.2.1 — Cotul Morii-Popricani; I.2.2.2 — Șaptebani, Schinetea; I.2.3 — Cotnari; I.2.4 — Buruienești; I.3 — Cetățeni-Poiana Târgului; B: 1 — Cetățeni-Poiana Târgului; 2 — Reșița-Ogășele; 3 — Dubovac; 4.1 — Cotul Morii-Popricani, Cotnari, Șaptebani, Olteni, Șușița, Schinetea, Brașov; 4.2 — Schinetea, Buruienești.

Рис. 2. А — типы дужек серег; В — модели боковых подвесок. А: I.1 — Решица-Огэшеле, находки из Национального музея, Будапешт; I.2.1 — Скинетья, Дубовац; I.2.2.1 — Котул Морий-Поприкань; I.2.2.2 — Шapteбань, Скинетья; I.2.3 — Котнарь; I.2.4 — Буруенешть; I.3 — Четэцень-Пояна Тыргулуй; В: 1 — Четэцень-Пояна Тыргулуй; 2 — Решица-Огэшеле; 3 — Дубовац; 4.1 — Котул Морий-Поприкань, Котнарь, Шapteбань, Олтен, Шушица, Скинетья, Брашов; 4.2 — Скинетья, Буруенешть.

ka (Reabțeva 2014: 296, Fig. 34: 1, 2). Their presence inside the graves here remains relatively reduced, however they are found in some cemeteries such as those in Kaliakra (Бобчева 1978: 160, Tabl XVII: d), Panagiuriște (Григоров 2010: 128, 258, Obr. 63: grob 56), Loveć (Reabțeva 2014: 294, Fig. 32: 9).

There are also a few items at the Hungarian National Museum in Budapest (Mesterházy 1994: 196, 200, 201, 3. Ábra.1—4), but their place of discovery is unknown.

Manufacturing materials. Most items were made of silver, gold plated or not.

Manufacturing techniques. There are invariably a few execution techniques for all the items, namely drawing, twisting, filigree in the case of the links and granulation, filigree, cutting and spiraling of a simple wire in the case of the pendants. Exceptionally, they are added by the decoration made with pseudo granules (Cetățeni-Poiana Târgului) for the side spheres, but also hemstitched spheres whose perforations have attached on the edges a simple wire frame (Reșița-Ogășele). For some items, the “granules” were partly manufactured by a process other than the classical one. They were most likely obtained by casting a bar with a grain row appearance, which was then circle-shaped bent and linked to a metal foil usually made of silver.

The structure of the earrings. In order to discuss the items, we will structure their analy-

sis based on the component parts of the earrings models, namely links, pendant (for the simple items), central pendant and side pendants.

The links

They were manufactured quite differently from silver wire (sometimes gilded) and come in two forms.

I. The circular links. They are the most used and were manufactured in several forms.

I.1. The simplest ones are made of a simple silver bar (Fig. 2: I.1.), round in section (Reșița-Ogășele).

I.2. Then there are the items made of wire double folded on a certain portion, then twisted. There are several sub-variants here, depending on the aspect:

I.2.1. Links with one end finished in a loop formed by bending the wire that forms the link while the opposite end is simple. They are items decorated with filigree silver wire, inserted between the twisted wires forming the link (Schinetea, M.J. Vaslui, Inv. no. 15866, 15865, 15868, 15867 + 15866, 15864 + 17578; in the case of the last two inventory numbers belonging to an earring, it can be observed that the filigree wire existed and only a small fragment was preserved. The less tight twisting of the wire that forms the link indicates that the auxiliary decoration is absent here). This decoration is also notice-

able in the earrings found at Dubovac, in this case also only partially preserved (Fig. 2: A.I.2.1.).

I.2.2. Another model is represented by the items that have one of the ends bent outwardly in the form of a spiral. This model is known under two forms:

I.2.2.1. A spiraled end (Fig. 2: A.I.2.2.1.) bent outwards (Cotu Morii-Popricani, MNIR, Inv. nr. 81926, 81927).

I.2.2.2. Links similar to the previous ones (Fig. 2: A.I.2.2.2.), but with silver filigree wire introduced through the twisted ones that form the link (Şaptebani, Schinetea, M.J. Vaslui, Inv. no. 15870, 17158, 15871, 15872, 17155).

I.2.3. Double folded and twisted wire link (Fig. 2: A.I.2.3.), but without the end loop (Cotnari). This model can also be noticed in the earrings found in Bulgaria, at Dolište (Reabţeva 2014: 297, Fig. 35: 3, 6) and also in an item from the collection of the Hungarian National Museum in Budapest (Mesterházy 1994: 200, 201, 3. Ábra 1).

I.2.4. The double folded and twisted wire link (Fig. 2: A.I.2.4.). A loop is formed at one end by bending the wire, and another loop made of a thinner wire is formed at the opposite end (Buruieşti).

I.3. Links made of wire rectangular in section, then twisted (Cetăţeni-Poiana Târgului). These items are also gilded (Fig. 2: A.I.3.). Such items were found for example at Baniska (Reabţeva 2014: 296, Fig. 34: 1, 2).

II. Another model is the question mark shaped model. It is known in several variants.

II.1. Earrings made of simple wire, circular in section. There are two sub variants. Depending on the size of the decoration fixed on the rod, they may vary in terms of length.

II.1.1. Simple wire earrings (Ilidia-Oblîa, Braşov, Dubovac).

II.1.2. Earrings with one perforated rhomb-shaped end (Schinetea, M.J. Vaslui, Inv. no. 15898).

II.2. Double folded and twisted wire earrings (Braşov).

The side pendants: depending on the manufacturing technique, several models can be noticed.

1. The simplest (Fig. 2: B.1) model consists of a sphere decorated with pseudo granules (Cetăţeni-Poiana Târgului; Fig. 6: 5). Its duration of use is quite long, from the twelfth century to the fourteenth century. On the earrings with three pendants it was used especially in the thirteenth century and less frequently during the following one (Oţa, Georgescu 2015: 373—392). Similar earrings in terms of combination of decorative motifs were also discovered in Baniska (Reabţeva 2014: 296, Fig. 34: 1, 2) and one item is found

at the National Museum of Beograd (Ђоровић-Љубинковић 1954: 88, Sl. 14).

2. The second model consists of a hemstitched sphere (Fig. 2: B.2). A simple wire frame was attached to the edges of each circular orifice (Reşiţa-Ogăşele). This side sphere model was used especially during the thirteenth — fourteenth centuries. It was used only as an auxiliary decoration element on the earrings found especially in south-eastern Europe, such as in Kladovo, Prahovo, Zaječar, in Serbia, Voineşti, Macovişte, Cuptoare-Sfocea, in Romania, Prilep, in Macedonia, Dragijevo, in Bulgaria (Filow 1919: 41, Fig. 37, 34), earrings in Bulgaria and in the so-called Tokaj hoard (Oţa 2010: 117—138). Other items are also preserved at the Hungarian National Museum in Budapest (Mesterházy 1994: 196, 198, 1. Ábra 3—6; 200, 202, 4. Ábra 1—2; 203).

3. Then we have the pendants made of two hemispheres attached at the middle (Fig. 2: B.3), each decorated by attaching granules around each half that forms the sphere (Dubovac). This method of decorating the spherical pendants is less common. It can also be noticed in an earring from the collection of the Sofia Museum (Reabţeva 2014: 295, Fig. 33: 8) and another from the collection of the Hungarian National Museum in Budapest (Reabţeva 2014: 292, Fig. 30: 8).

4. The fourth model has two variants. It is made by cutting a metal plate in the shape of a flower, then pressing it to obtain a half sphere. The opposite side was made similarly, then it was decorated in the granulation technique (by attaching one or two granules on each petal) and the filigree technique (each petal has on the side a simple or filigree wire frame). The two halves were attached in the middle area. This is also the most widespread model of side pendant among those studied.

4.1. In the case of the simplest items, the attachment of the hemispheres was made directly (Fig. 2: B.4.1.). Such decoration is found in the earrings at Schinetea, Olteni, Cotu Morii-Popricani, Braşov, Cotnari, Şaptebani and Şuşiţa.

4.2. The second variant is similar to the previous one, only that a filigree wire is also attached in the middle area (Fig. 2: B.4.2.). This detail can be noticed in five items discovered at Schinetea and two at Buruieşti.

The central pendant of the earrings with three pendants on the link

Besides the items that have the central mounting made of two halves of silver foil, cut in the shape of a flower and attached to the area with the (Fig. 6: 3) maximum diameter, there are also

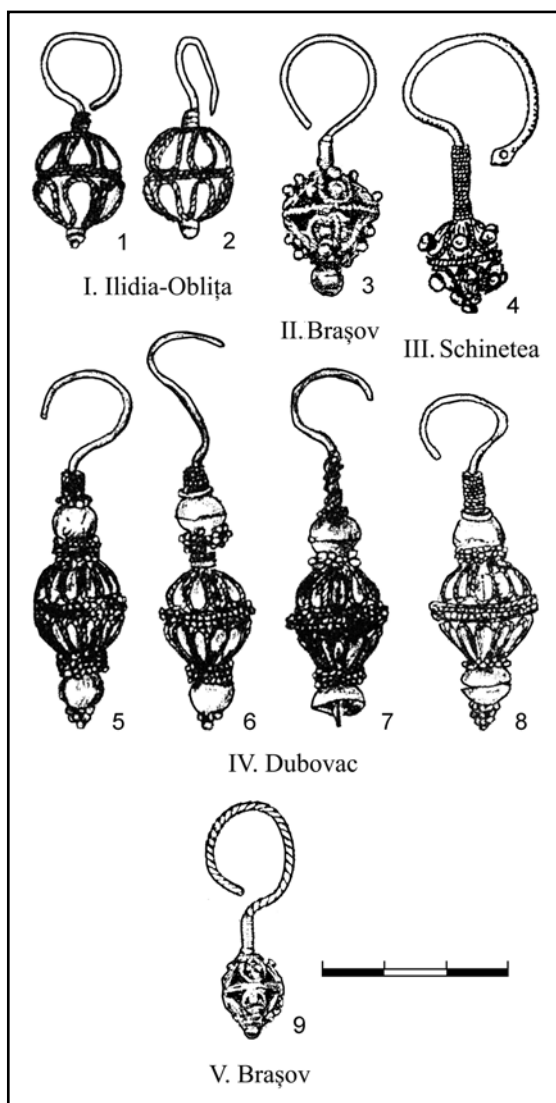


Fig. 3. Earrings with a question mark-shaped link: 1, 2 — Ilidia-Oblița (after Țeicu 2009); 3, 9 — Brașov (after Lukács 1998); 4 — Schinetea (after Reabțeva 2014); 5—8 — Dubovac (after Țeicu 2009).

Рис. 3. Серьги с дужкой в виде вопросительного знака: 1, 2 — Илидия-Облица (по Țeicu 2009); 3, 9 — Брашов (по Lukács 1998); 4 — Скинетя (по Reabțeva 2014); 5—8 — Дубовац (по Țeicu 2009).

several items in which this decoration has only an auxiliary role.

I. Items with the central sphere made of silver foil, cut and adorned in the granulation and filigree technique. Practically, outside the pairs of earrings, there is no large-scale production. At this time we can distinguish nine models of central pendants manufactured using this method. All the items have on each petal a frame made of simple or filigree wire, and the large granules are based on a small circle (Fig. 6: 1) made of the same material (A/N filigree wire).

I.1. Pendant decorated on the petals with a filigree wire twisted in an “S” shape. A granule is attached to each loop of the wire on the petals. The middle area is made of a silver band on which small spiral wire pieces were mounted (Fig. 6: 5). At the base of each half there is a silver granules moulding (Fig. 6: 3, for example). The item was found in the cemetery at Reșița-Ogășele (Fig. 4: 1).

I.2. Pendant decorated on each petal with a wire bent at the ends in the shape of a volute. A row of granules was attached between the petals. The middle area was made in a manner similar to the one of the previous pendant. The items (pair) were found at Cetățeni-Poiana Târgului (Fig. 4: 2).

I.3. Two variants can be noticed.

I.3.1. The pendant decorated between the petals with a row of granules. Four grains arranged in the shape of a cross are attached on each petal. The middle area, formed of a silver foil, is decorated on the edges with filigree wire, and in the center there is a row of granules placed side by side. The items (pair) were found in the Dubovac hoard (Fig. 4: 3).

I.3.2. Pendant similar to the two previous ones. It is differentiated by the filigree wire frame, double on each petal, and by arrangement in the shape of a cross (four) of the granules on the petals (Schinetea; MJ Vaslui, inv. nr. 15868, 15867, 15866, 17158). The rows of granules between the petals are absent (Fig. 4: 5).

I.4. Pendant decorated with a filigree wire frame double on the edges of each petal, having two distanced granules attached inside (Fig. 4: 4). Between them there is a row of smaller granules that separates each petal. The middle area is decorated with a silver band that has a row of granules at the center and two rows of smaller granules on the sides (Schinetea; MJ Vaslui, inv. nr. 15864, 17578).

I.5. Pendant decorated with a filigree wire frame on each petal, having two distanced granules inside (Fig. 4: 8, 9). A granule was mounted between the petals. The middle area is made in a manner similar to the one of the previous item, except that on the edges of the silver foil the frame is made of filigree wires (Buruienesti; Schinetea; MJ Vaslui, inv. no. 15866, 15865).

I.6. Pendant similar to the previous ones, except that the granules between the petals are absent. Three granules are attached on each of them in the shape of a triangle (Schinetea; MJ Vaslui, inv. no. 15870, 17158, 15897, 15872, 15871, 17155).

I.7. Pendant similar to the ones described in paragraph 1.5., except that on each petal there are three granules arranged in a line and distanced.

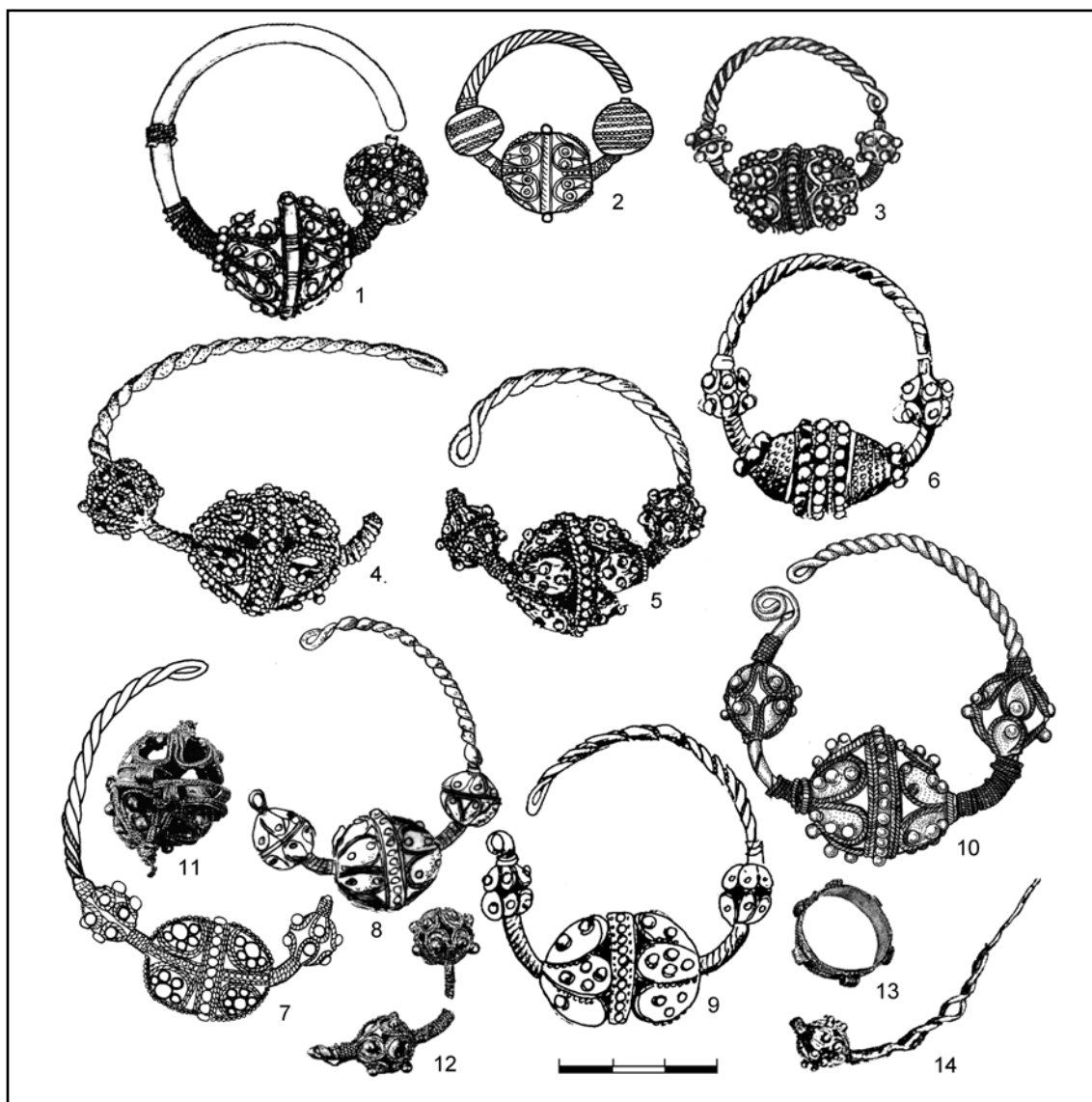


Fig. 4. Models of earrings with circular link: 1 — Reșița-Ogășele (after Țeicu 2009); 2 — Cetățeni-Poiana Târgului (drawing by Georgiana Ducman); 3 — Dubovac (after Țeicu 2009); 4—5 — Schinetea (after Reabțeva 2014); 6 — Cotnari (after Reabțeva 2014); 7 — Olteni (drawing by Georgiana Ducman); 8 — Buruienești (drawing by Silviu Oța after Petrișor 1986; without scale); 10 — Cotul Morii-Popricani (drawing by Simona Mateescu); 9 — Șaptebani (after Reabțeva 2014); 11—13 — Șușița (after Dumitriu 2001; without scale); 14 — Brașov (after Lukács 1998; without scale).

Рис. 4. Модели серег с кольцевидной дужкой: 1 — Решица-Огэшеле (по Țeicu 2009); 2 — Четэцень-Пояна Тыргулуй (рисунок Г. Дукман); 3 — Дубовац (по Țeicu 2009); 4—5 — Скинетя (по Reabțeva 2014); 6 — Котнаръ (по Reabțeva 2014); 7 — Олтеня (рисунок Г. Дукман); 8 — Бурунешть (рисунок С. Оца по Petrișor 1986; без масштаба); 10 — Котул Морий-Поприканя (рисунок С. Матееску); 9 — Шаптебаня (по Reabțeva 2014); 11—13 — Шушица (по Dumitriu 2001; без масштаба); 14 — Брашов (по Lukács 1998; без масштаба).

The items were found at Cotul Morii-Popricani (Fig. 4: 10).

1.8. Pendant with four petals set apart by a row of granules (Fig. 6: 4) flanked by filigree wires. On each petal there is a double filigree wire small circle that surrounds another one made of granules. The center of each one has a larger granule (Olteni). The middle area is similar to the ones at Dubovac (Fig. 4: 7).

1.9. They are added by a rather deformed one, decorated in the middle area with a silver band adorned on the sides with filigree wire and on the inside with spiral wire tubes. Two granules were attached on each petal, surrounded by a filigree wire frame. The item was found at Șușița (Fig. 4: 11—13).

II. Items in which the studied decoration plays an auxiliary role. This is just an item discovered

in the Cotnari hoard (Fig. 4: 6). It has analogies for the central pendant only with an earring kept in the Hungarian National Museum in Budapest (Mesterházy 1994: 200, 201, 3. Ábra 1). In the same museum there are also two earrings from the so-called Tokaj hoard, earrings whose central pendants are ellipsoidal, decorated with granule moldings, while the lateral pendants are made of a foil cut in the shape of a flower (Mesterházy 1994: 196, 201, 3. Ábra 3—4). Considering that the links of the latter items are simple, such as the earring at Reșița-Ogășele, and this model (A/N link model) began to be replaced around the last third of the thirteenth century with the twisted wire link, we can lower the dating of this decoration model towards the middle of the abovementioned century. If we also consider the type of link of the item in Cotnari, we can speak of an item that we can date to the end of the thirteenth century or in the fourteenth century.

The decoration of the question mark-shaped earrings

They are quite different from each other.

I. The simplest items, namely those from the necropolis at Ilidia-Oblița (Fig. 3: 1—2), have the pendant made of two cut hemispheres attached in the middle area, where there are two filigree wire circles side by side. A filigree silver wire is attached on the edges of each petal. For fixing purposes, filigree wire was wrapped on the upper part of the pendant and at the bottom there is a group of granules.

II. Then we have an item found in the Brașov hoard (Fig. 3: 3). It was made in a similar manner, except that two distanced granules are attached on each petal. Simple wire is wrapped around the link in the upper part of the mounting.

III. An item found in the Schinetea hoard (Fig. 3: 4) has the link end flattened, rhomb-shaped and perforated (Fig. 6: 1). The pendant is made in a manner similar to the earrings at Ilidia-Oblița, except that a granule is attached to each petal.

IV. The items in Dubovac (Fig. 3: 5—8) have the pendants made of several petals decorated on the edge in a manner similar to the items at Ilidia-Oblița. The middle area is decorated with mouldings made of small granules. In the areas where the link passes through the pendant, three mouldings made of adjacent granules were attached around it. Then we can note a smaller sphere, made of two other foil hemispheres. At the opposite end of the small spheres there is a decoration consisting of granule mouldings. Pyramids made of granules were attached to the up-

per part of the earrings. For a better attachment, the filigree wire is wrapped around the link in the upper part.

V. The last item was made in a manner similar to the previous one found in the Brașov hoard (Fig. 3: 5—9), except that its pendant is slightly smaller and the link is made of double folded and twisted wire.

The relative dating is necessary only for the items in Cetățeni-Poiana Târgului and Reșița-Ogășele. No coins were found inside the grave in the first case, and the item was found near disturbed graves in the second case. Given that both decoration motifs were discussed on another occasion, we will not revisit them. While in the first case the pseudo-granulation on spheres made of silver foil or copper foil (sometimes tin coated) was used from the twelfth century and stopped in the fourteenth century, in the second case the secondary decorative motif was used in the thirteenth-fourteenth centuries. Regarding the dating of the links made of double folded and twisted wires or simple twisted wires, the subject was analyzed in a study from the 1950s (Ћоровић-Љубинковић 1954: 81—93) made on the earrings decorated with three pendants on the link which, broadly, remain actual.

The absolute dating. The coins found in association either in hoards or in graves are not in all the cases relevant for the dating. They may be later, in the case of the items in the graves and, in this case, we can identify the moment of the burial rather than an accurate dating of the item, which may be earlier.

The situation is similar in the case of the hoards. Using coins, we can determine only the possible moment of burial of a hoard, assuming that the adornments or clothing accessories that compose it are no later than the issuing of the coins that compose it.

Coins were discovered so far only in the hoards at Cotul Morii-Popricani, Schinetea, Buruienești and Șușița. In the first hoard were found coins from the reign of Sultan Mehmed II (1451—1481) to the reign of Suleiman I (it is also the latest coin and it was issued in 1520). In the hoard from Schinetea, the coins originate from the late fourteenth century and 1461/71. In Buruienești were found coins issued during Petru II of Moldavia (1375—1391), Stracimir (1365—1396), Vladislav I of Wallachia (1364—1377), Vladislav II of Opole (1372—1379) and Marie of Anjou (coins from 1383—1385). The hoard from Șușița included coins issued during Tsar Stracimir (1365—1396). The hoard from Dubovac is a late one and the earrings analyzed here are the oldest adornment items accumulated.

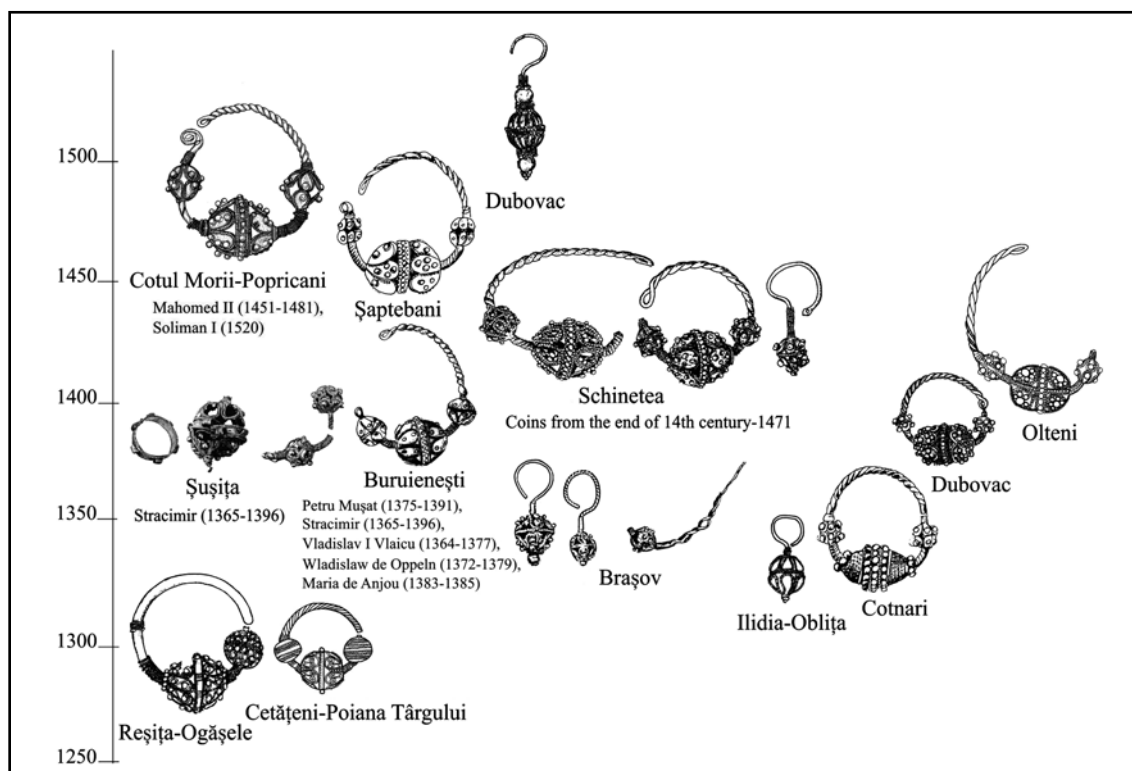


Fig. 5. Chronology of the items.

Рис. 5. Хронология находок.

Distribution

In the North-Danube area, most of the items were found in the Banat (Reşița-Ogășele, Dubovac) and Moldavia (Cotu Morii-Popricani, Schinetea, Cotnari, Buruienesti, Şaptebani). To a lesser extent they were also discovered in Transylvania (Braşov), Oltenia (Şușița) and Muntenia (Olteni). Unfortunately, all the hoards that included coins were dated based on the said coins from the second half of the fourteenth century in terms of accumulation timing. Most likely, a substantial part of the adornments they included were from the same age. Given that most of the items are concentrated in the south of the Danube, a large part of them were probably purchased from there. The exceptions are represented by those items that have a link end bent inwards or outwards, but also those that have a rhomb-shaped end, with perforation, typical of the Moldavian area but also of the Northwestern Pontic Area. This may suggest that the items arrived here both from the Balkan area, but also from the Northwestern Pontic Area. It is not excluded that some items were manufactured in the area north of the Danube.

In the area south of the Danube, most discoveries are concentrated in the northern Bulgarian area, the Serbian Banat and the Belgrade area.

Conclusions

Practically, when speaking of the circular links used, at this stage of research we can say that three models were in circulation.

I. Simple link (Reşița-Ogășele).

II. Link made of rectangular, twisted bar (Cetățeni-Poiana Târgului)

III. Twisted link (includes all the other items). Here we have several variants, depending on the manufacturing method of the link and the pendants chosen to decorate it:

III.1. Dubovac. They are different from other items especially by the side pendants.

III.2. Schinetea and Buruienesti, a total of five sub variants.

III.2.1. Schinetea — MJ. Vaslui (Inv. no. 15864, 17578).

III.2.2. Schinetea — MJ. Vaslui (Inv. no. 15866, 15865).

III.2.3. Schinetea — MJ. Vaslui (Inv. no. 15870, 17158, 15897, 15872, 15871, 17155).

III.2.4. Schinetea — MJ. Vaslui (Inv. no. 15868, 15867, 15866, 17158).

III.2.5. Buruienesti. They are different by one of the link endings and the arrangement of the granules on the central pendant.

III.3. Cotnari. Item decorated only with the auxiliary pendants from the studied model, while the link has one end probably severed.

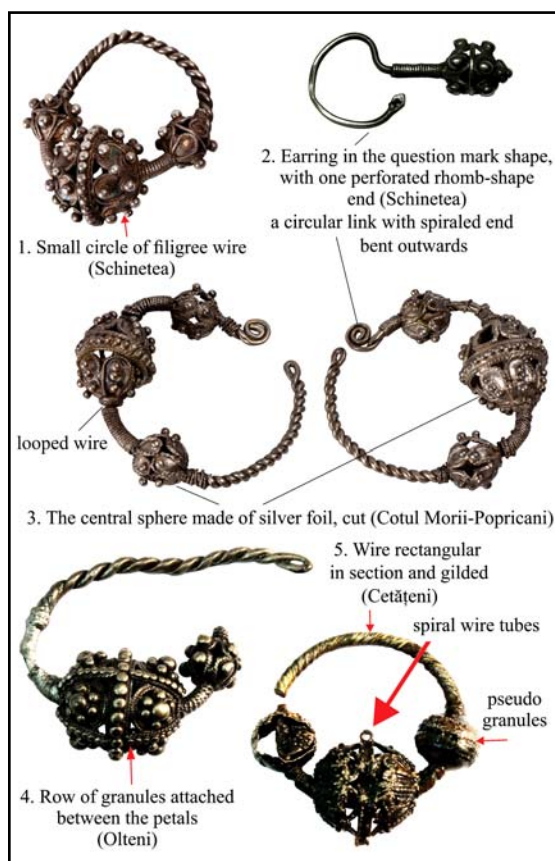


Fig. 6. Characteristics of the earrings (1, 3 — photos by Marius Amarie; 2, 4, 5 — photos by Silviu Oța).

Рис. 6. Характеристики серег (1, 3 — фото М. Амарие; 2, 4, 5 — фото С. Оца).

III.4. The item at Olteni is a special model by the central pendant model.

III.5. Cotul Morii Popricani and Șaptebani that include two sub variants. They are different from the previous items especially by the manufacturing method of the link, namely with a spiral end outwards.

III.5.1. Cotul Morii-Popricani. The item has the arrangement of the granules on the petals different (arranged in line and distanced) from the next item.

III.5.2. Șaptebani. The item has the granules on the petals arranged in the shape of a cross.

They are added by the items with the question mark-shaped link described above.

If we consider the technical features and the relative chronology, we can notice that these

items arrived sometime later, namely around the middle of the thirteenth century (Fig. 5). From this point of view, the model of the link of the item at Reșița-Ogășele, which most probably ceased to be produced after the second third of the thirteenth century, we can date this item during that age. Contemporary or slightly earlier items, stylistically have also appeared in the same region, as in the necropolis of Cup-toare-Sfocea (Uzum 1987: 297, Fig. 4: a, 298), but also in Bulgaria, at Skravena (Arpe 1990: 23, 24, Obr. 16) or Kaliakra (Бобчева 1978: 157, Tabl. XVII: d). All three abovementioned items have a simple wire link. In the same situation are the earrings with a simple link from the so-called Tokaj hoard, which were decorated with the same auxiliary motif as the earrings at Schinetea, Buruienești, Olteni, Brașov, Cotul Morii-Popricani and Șușița, except that the latter are later.

The items found in the cemetery from Cetățeni-Poiana Târgului, which have analogies in the Bulgarian space, were dated to the last third of the thirteenth century. It is very likely that the item at the Hungarian National Museum in Budapest, whose place of discovery is currently unknown, must be also dated similarly, if we consider the double folded and twisted wire link, or possibly dated at the beginning of the fourteenth century.

Practically, it is very likely that a very large production of such items began starting with the fourteenth century. They are mainly concentrated in Oltenia and Muntenia or the items from the Buruienești hoard (Moldavia).

Starting with the late fourteenth century and the following one, most of the items are concentrated in the Moldavian space. If we consider the absolute chronology, based on coins, they can be assigned quite precisely to this century.

Since from the fourteenth century there were also other decorative motifs for the earrings with three pendants on the link, it is very likely that the duration of use of the analyzed items should most probably be restricted to the middle of the fifteenth century at the most, as they no longer corresponded to the fashion of the time. However, their large dimensions and the amount of precious material they were made of represented a good argument for their hoarding.

Bibliography

- Alaiba R. 2007. 2. Schinetea, comm. de Dumești, dep de Vaslui; 1982. In: Butnariu V.M. (ed.). *Monnaies et parures du Musée Départemental "Ștefan cel Mare" de Vaslui*. Iași: Pamfilus, 117—179.
- Dumitriu L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des Unteren Donaubeckens im 11.—15. Jahrhundert*. Bucharest: National Museum.
- Filow B.D. 1919. *L'ancien art Bulgare*. Bern: Bern Haupt.

- Lukács A. 1998. Tezaurul de la Streza-Cârțisoara (jud. Sibiu). *SCIV (A)*, 49, 2, 1998, 145—156.
- Mesterházy K. 1994. Az ún. Tokaji kinks revíziója. *FolArh* XLIII, 193—242.

⁴ Their pendants are made of filigree wire, not of cut foil.

- Neamţu E. 1961. Obiectele de podoabă din tezaurul medieval de la Cotul Morii, Popricani (Iaşi). *ArhMold* 1, 283—293.
- OŢa S. 2010. Earrings decorated with hemstitched spherical pendant in Southeastern Europe (thirteenth-fourteenth centuries). *Apulum* XLVII, 117—138.
- OŢa S., Georgescu M. 2015. Earrings decorated with pendants adorned with pseudo granules. In: Croitoru C., Hânceanu D.G. (eds.) *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Vasile Ursachi Octogenarii*. Bibliotheca Archaeologica Istros, Seria Honoraria XIV. Brăila: Istros, 373—392.
- OŢa S., Oberlander-Târmoveanu E. 2018. *The medieval adornments treasure discovered in the Cernica Forest (Ilfov County)*. In: Aparaschivei D., Bilavski G. (eds.) *Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*, 221—254. Bucureşti; Brăila: Editura Academiei Române; Istros.
- Păunescu A. 1976. Adornment items found in the medieval necropolis from Cetăţeni, Argeş County. *MN* III, 257—264.
- Petrişor E. 1986. Data on the medieval hoard from Buruienest, Doljeşti commune, Neamţ County. *Memoria Antiquitatis* XII—XIV, 171—191.
- Reabţeva S. 2014. *Adornment and clothing accessories in Moldavia and Wallachia in the context of the cultural-historical relations (fourteenth-seventeenth centuries)*. Brăila: Istros.
- Rosetti D.V. 1972. The medieval adornments hoard from Olteni (Teleorman) and their Byzantine elements. *BMI* 41 (4), 3—14.
- Ţeicu D. 1989. A Romanian feudal residence at the beginnings of the medieval Resiţa. *SCIV(A)* 40 (1), 57—72.
- Ţeicu D. 2009. *Arta minoră medievală din Banat = Minor Medieval Art in Banat*. Timişoara: The Mountainous Banat Museum; Cosmopolitan-Art.
- Uzum I. 1983. A hoard of medieval adornments discovered at Macovişte (Ciuchici commune, Caraş-Severin County). *AMN* 20, 509—519.
- Uzum I. 1987. Considerations regarding the research from 1983—1985 in the early feudal necropolis from Cuptoare-Sfogeia (Comea commune, Caraş-Severin County). *Banatica* 9, 281—315.
- Агре Д. 1990. Могила No.1 от некропола край село Скравена, Ботевградско. *Археология София* 32 (3), 17—31.
- Александров Г. 1984. Средновековно българско съкровище от Михайловград. *Археология София* 26 (1), 29—38.
- Бирташевић М. 1961. Збирка средњовековног и касног народног накита из Дубовца. *РадВМ* 10, 25—48.
- Бобчева Л. 1978. Некропол от XIII—XIV век в Калиakra. *ИНМВ* 14 (28), 152—180, + Таб. 1—18.
- Григоров В. 2010. Крепостта красен до Панагюрище. *Разкопки и Проучвания XL*. София: НАИМ БАН.
- Милошевић Д. 1990. *Накит од XII до XV века из збирке Народног музеја*. Београд: Народни музеј.
- Ћоровић-Љубинковић М. 1954. Наушнице Т.3. Токајског типа. *РадВМ* 3, 81—93.

References

- Alaiba, R. 2007. 2. Schinetea, comm. de Dumeşti, dép de Vaslui; 1982. In Butnariu, V.M. (ed.). *Monnaies et parures du Musée Départemental "Ştefan cel Mare" de Vaslui*. Iaşi: Pamfilus, 117—179.
- Dumitriu, L. 2001. *Der Mittelalterliche Schmuck des Unteren Donauebietes im 11.—15. Jahrhundert*. Bucharest: National Museum.
- Filow, B.D. 1919. *L'ancien art Bulgare*. Bern: Bern Haupt.
- Lukács, A. 1998. Tezaurul de la Streza-Cârţisoara (jud. Sibiu). *SCIV (A)*, 49, 2, 1998, 145—156.
- Mesterházy, K. 1994. Azún. Tokaji kinks revíziója. *FolArh* XLIII, 193—242.
- Neamţu, E. 1961. Obiectele de podoabă din tezaurul medieval de la Cotul Morii, Popricani (Iaşi). *ArhMold* 1, 283—293.
- OŢa, S. 2010. Earrings decorated with hemstitched spherical pendant in Southeastern Europe (thirteenth-fourteenth centuries). *Apulum* XLVII, 117—138.
- OŢa, S., Georgescu, M. 2015. Earrings decorated with pendants adorned with pseudo granules. In: Croitoru, C., Hânceanu, D.G. (eds.) *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Vasile Ursachi Octogenarii*, Bibliotheca Archaeologica Istros, Seria Honoraria XIV. Brăila: Istros, 373—392.
- OŢa, S., Oberlander-Târmoveanu, E. 2018. *The medieval adornments treasure discovered in the Cernica Forest (Ilfov County)*. In: Aparaschivei, D., Bilavski, G. (eds.) *Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*, 221—254. Bucureşti; Brăila: Editura Academiei Române; Istros.
- Păunescu, A. 1976. Adornment items found in the medieval necropolis from Cetăţeni, Argeş County. *MN* III, 257—264.
- Petrişor, E. 1986. Data on the medieval hoard from Buruienest, Doljeşti commune, Neamţ County. *Memoria Antiquitatis* XII—XIV, 171—191.
- Reabţeva, S. 2014. *Adornment and clothing accessories in Moldavia and Wallachia in the context of the cultural-historical relations (fourteenth-seventeenth centuries)*. Brăila: Istros.
- Rosetti, D.V. 1972. The medieval adornments hoard from Olteni (Teleorman) and their Byzantine elements. *BMI* 41 (4), 3—14.
- Ţeicu, D. 1989. A Romanian feudal residence at the beginnings of the medieval Resiţa. *SCIV (A)* 40 (1), 57—72.
- Ţeicu, D. 2009. *Arta minoră medievală din Banat = Minor Medieval Art in Banat*. Timişoara: The Mountainous Banat Museum; Cosmopolitan-Art.
- Uzum, I. 1983. A hoard of medieval adornments discovered at Macovişte (Ciuchici commune, Caraş-Severin County). *AMN* 20, 509—519.
- Uzum, I. 1987. Considerations regarding the research from 1983—1985 in the early feudal necropolis from Cuptoare-Sfogeia (Comea commune, Caraş-Severin County). *Banatica* 9, 281—315.
- Агре, Д. 1990. In *Arkheologiya (Archaeology)* 32 (3). Sofia, 17—31 (in Bulgarian).
- Александров, Г. 1984. In *Arkheologiya (Archaeology)* 26 (1). Sofia, 29—38 (in Bulgarian).
- Бирташевић, М. 1961. In *Rad Vojvodanskih Muzeja (Proceedings of the Museum of Vojvodina)* 10, 25—48 (in Serbian).
- Бобчева, Л. 1978. In *Izvestiya na narodniya muzej vŭv Varna (Reports of Varna National Museum)* 14 (28), 152—180, + Tab. 1—18 (in Bulgarian).
- Григоров, В. 2010. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* XL. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, National Institute of Archaeology with Museum (in Bulgarian).
- Милошевић, Д. 1990. *Nakit od XII do XV veka iz zbirke Narodnog Muzeja (Jewelry of 12th—15th Centuries from the Collections of the National Museum)*. Beograd: "Slobodan Jović" Publ. (in Serbian).
- Ћоровић-Љубинковић, М. 1954. In *Rad Vojvodanskih Muzeja (Proceedings of the Museum of Vojvodina)* 3, 81—93 (in Serbian).

Silviu OŢa (Bucharest, Romania). PhD. National Museum of History¹.

Оца Силвиу (Бухарест, Румыния). PhD. Национальный музей истории.

E-mail: silviuota@yahoo.com

Статья поступила в сборник 17 февраля 2020 г.

Ю. В. Степанова

Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI—XIII вв.

Keywords: Old Rus', Upper Volga, finger-ring, typology, chronology, burial

Ключевые слова: Древняя Русь, Верхневолжье, перстень, типология, хронология, погребение

Yu. V. Stepanova

Finger-rings from the Rural Burial Sites of the Tver Upper Volga of 11th—13th Centuries

The article presents the characteristic of finger-rings from the Old Russian burial monuments of Upper Volga basin. A typology of finger-rings is offered. It consists of classes, types and subtypes highlighted by morphological features of the hoop. The quantitative characteristic of finds of different types is offered. The predominant types are wire (including twisted) and rod finger-rings. The number of plate wide-intermediate finger-rings is considerable. Shield finger-rings and finger-rings with insert are rare for the Upper Volga. Single finds of plate finger-rings with a slit hoop come from a microregion close to the «Vyatichi area». The collection of finger-rings from Old Russian burial sites of the Upper Volga has similarities with the set of finger-rings from Belozerye and from Tver, where the wire and rod finger-rings also prevail.

Ю. В. Степанова

Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI—XIII вв.

В статье представлена характеристика перстней из древнерусских погребальных памятников Верхневолжья. Приводится типология перстней, состоящая из классов, типов и подтипов, выделенных по морфологическим особенностям обруча. Дана количественная характеристика находок изделий различных типов. Преобладающими типами являются проволочные (в том числе витые) и дротовые перстни, значительно количество пластинчатых широкосрединных перстней. Редкими для Верхневолжья являются щитковые перстни и перстни со вставкой. Единичные находки пластинчатых перстней с прорезным обручем происходят из микрорегиона, близкого к «земле вятичей». Выявлено сходство коллекции перстней из древнерусских погребальных памятников Верхневолжья с набором перстней из Белозерья и из Твери, где также преобладают проволочные и дротовые перстни.

Перстни являются распространенным у восточных славян украшением. Их находки многочисленны как в погребальных памятниках, так и на поселениях и в городах. В настоящей работе рассматриваются находки перстней в погребальных памятниках Тверского Верхневолжья и на сельских поселениях. В работе анализируются только те находки, сведения о которых относительно полные в архивных источниках, публикациях, либо предметы сохранились в музейных коллекциях.

В общей сложности выявлена информация о 342 экземплярах перстней, обнаруженных в 76 могильниках (202 погребениях). Сведения о находках из погребений приведены в каталоге исследованных древнерусских погребальных памятников Верхневолжья (Жукова, Степанова 2010). Имеются сведения о случайных находках перстней в сводных работах А. К. Жизневского (Жизневский 1888) и В. А. Плетнева (Плетнев 1903), кото-

рые невозможно достоверно отнести к сельским поселениям или погребальным памятникам. Из них для примерно 10% (34 экземпляра) неполные сведения не позволяют определить их место в классификации. К определенным типам можно отнести 310 экземпляров. Дополнительно привлечены сведения о находках на сельских поселениях и вкладах Верхневолжья.

В основе классификации древнерусских перстней по их конструкции лежит соотношение их основных конструктивных частей: обруча, щитка и вставки с оправой (Арциховский 1930: 71—88; Недошивина 1967: 253—274; Сарачева 1994: 85—99; Сумина 1999: 167). В классе перстней, состоящих только из обруча, выделяются группы по морфологическим особенностям обруча: проволочные, дротовые и пластинчатые (Сарачева, Зайцева 2011: 209). Внутри этих групп выделяются подгруппы на основе морфологи-

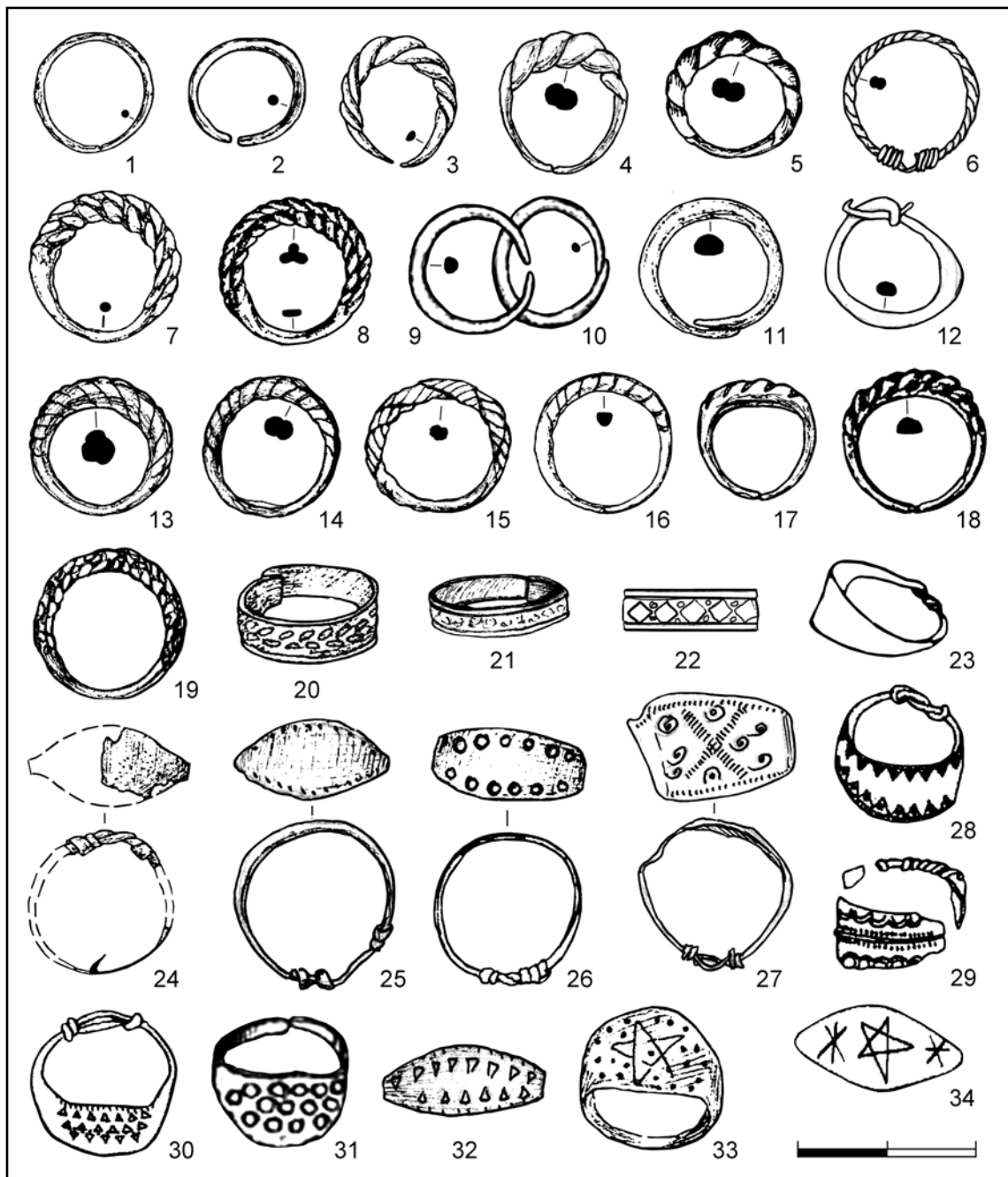


Рис. 1. Перстни из древнерусских сельских погребальных памятников Верхневолжья: 1—8 — проволочные; 9—19 — дротовые; 20—34 — пластинчатые. 1—34 — цветной металл.

1 — Избрижье, курган 116; 2 — Высокино, курган 1; 3 — Избрижье, курган 56; 4 — Загорье, курган 1; 5 — Высокино, курган 16; 6 — Загорье 1, курган 28; 7 — Избрижье, курган 85; 8 — Избрижье, курган 94; 9, 10 — Большая Коша, курган 19; 11 — Избрижье, курган 16; 12 — Струйское, курган 5; 13 — Благовещенье, курган 1; 14 — Высокино, курган 1; 15 — Высокино, курган 1; 16 — Избрижье, курган 85; 17 — Бесково; 18 — Беседы-2, курган 5; 19 — Высокино, курган 1; 20 — Избрижье, курган 123; 21 — Малый Бохот, курган; 22 — Васильевское; 23 — Плешково-1, курган 10; 24 — Избрижье, курган 58; 25 — Шитовичи, курган 1; 26 — Избрижье, курган 5; 27 — Шитовичи, курган 5; 28, 29 — Плешково-1, курган 10; 30 — Усть-Кеза, курган 2; 31 — Большая Коша, курган 8; 32 — Шитовичи, курган 3; 33 — Избрижье, курган 3; 34 — Посады (1—8, 11—22, 24—27, 30—34 — рисунки автора; 9, 10 — по Черных 1989: рис. 4; 16, 17; 23, 28, 29 — по Комаров 2002: 183, рис. 6; 16, 17, 21).

Fig. 1. Finger-rings from Old Russian rural burial sites of the Upper Volga: 1—8 — wire; 9—19 — rod; 20—34 — plate. 1—34 — non-ferrous metal.

1 — Izbrizhye, barrow 116; 2 — Vysokino, barrow 1; 3 — Izbrizhye, barrow 56; 4 — Zagorye, barrow 1; 5 — Vysokino, barrow 16; 6 — Zagorye 1, barrow 28; 7 — Izbrizhye, barrow 85; 8 — Izbrizhye, barrow 94; 9, 10 — Bolshaya Kosha, barrow 19; 11 — Izbrizhye, barrow 16; 12 — Struyskoe, barrow 5; 13 — Blagoveschenye, barrow 1; 14 — Vysokino,

barrow 1; 15 — Vysokino, barrow 1; 16 — Izbrizhye, barrow 85; 17 — Beskovo; 18 — Besedy-2, barrow 5; 19 — Vysokino, barrow 1; 20 — Izbrizhye, barrow 123; 21 — Maliy Bokhot, barrow; 22 — Vasilyevskoye; 23 — Pleshkovo-1, mound 10; 24 — Izbrizhye, barrow 58; 25 — Shitovich, barrow 1; 26 — Izbrizhye, barrow 5; 27 — Shitovich, barrow 5; 28, 29 — Pleshkovo-1, barrow 10; 30 — Ust'-Keza, barrow 2; 31 — Bolshaya Kosha, barrow 8; 32 — Shitovich, barrow 3; 33 — Izbrizhye, barrow 3; 34 — Posady (1—8, 11—22, 24—27, 30—34 — drawings by the author; 9, 10 — after Черных 1989: рис. 4: 16, 17; 23, 28, 29 — after Комаров 2002: 183, рис. 6: 16, 17, 21).

ческих различий деталей, продольного и поперечного сечения. В настоящей работе типы и подтипы перстней выделены по морфологическим особенностям обруча.

Перстни из древнерусских сельских памятников Верхневолжья представлены следующими классами и типами:

Класс I. Перстни, состоящие из обруча.

Тип 1. Проволочные.

Подтип 1. Из одной проволоки.

Подтип 2. Витые.

Подтип 3. Плетеные.

Тип 2. Дротовые.

Подтип 1. Круглодротовые.

Подтип 1. Ложновитые.

Подтип 2. Ложноплетеные.

Тип 3. Пластинчатые.

Подтип 1. Прямые.

Подтип 2. Широкосрединные.

Внутри подтипов перстни различаются по характеру оформления концов — замкнутые, с сомкнутыми, с заходящими, спирально закрученными, завязанными концами. Среди пластинчатых выделяются варианты со сплошным и прорезным обручем.

Класс II. Щитковые.

Тип 1. С плоским щитком.

Тип 2. С объемным щитком.

Эти перстни различаются также по форме щитков — овальной, круглой, ромбической, квадратной и др.

Класс III. Со вставкой.

Тип 1. Со вставками, закрепленными «глухим» способом.

Тип 2. Со вставками, закрепленными «лапками».

Класс I. Перстни, состоящие из обруча.

Тип 1. Проволочные.

Среди проволочных перстней преобладают *простые* проволочные перстни, выполненные из одной проволоки. Они обнаружены в количестве 37 экз. в 29 погребениях и на трех поселениях (составляют 11% от общего количества перстней). Большинство из них имеет обрубленные концы, соединенные «встык» (рис. 1: 1) или разомкнутые (рис. 1: 2) (находки в могильниках Избрижье и Высокино).

Витые проволочные перстни обнаружены в количестве 26 экз. (7,7% от общего количе-

ства находок). Они происходят из 22 погребений. Почти все они изготовлены из двух перевитых проволок, с расплюснутыми концами, разомкнутыми (рис. 1: 3) или соединенными встык (рис. 1: 4, 5). В кургане 28 могильника Загорье-1 найден витой перстень с завязанными концами (рис. 1: 6). В Новгороде такие перстни датируются XI — нач. XIV вв. (Седова 1981: 125; Лесман 1990: 51). Витые перстни входят также в состав кладов из Мужичево (1 экз.) и Дягунино (2 экз.).

Плетеные перстни в количестве 9 экз. (2,6% от всех находок) происходят из погребений могильников центральной и южной части Верхневолжья (Избрижье, Шопорово, Козлово, Матвеево, Першино, Ягодино, Ивовское 1). Плетеный серебряный перстень входит в состав Дягунинского клада (Корзухина 1954: 149; Жилина 2014: 323—324). У всех имеются расплюснутые концы, соединенные встык (рис. 1: 7, 8).

Тип 2. Дротовые.

Дротовые *простые* перстни имеют круглое или плоско-выпуклое сечение в средней части обруча и сужающиеся концы. Они обнаружены в 26 погребениях в количестве 32 экз. (9% находок). Концы перстней свободные, разомкнутые (рис. 1: 9, 10) или заходящие (рис. 1: 11). Один перстень из могильника Струйское (курган №5) — с завязанными концами (рис. 1: 12).

Ложновитые (рубчатые) перстни являются одной из наиболее распространенных в Верхневолжье разновидностей перстней (71 экз., 21% всех находок). На памятниках Мининского археологического комплекса они также составляют около 20% всех перстней (Зайцева 2008: 123). Имитация витья имеет различный характер, чаще всего — на большей части обруча (рис. 1: 13, 14). Такие перстни обнаружены в 34 погребениях в количестве 47 экз. (13% всех перстней). Большинство — это экземпляры с имитацией витья из двух проволок. Ложновитой перстень из кургана №1 могильника Высокино имитирует витье из двух витых жгутов (рис. 1: 15).

Другим вариантом ложновитых перстней является имитация витья только на внешней наружной стороне передней части перстня (рис. 1: 16—18). Их находки в количестве 28 экз. происходят из 24 погребений (8%

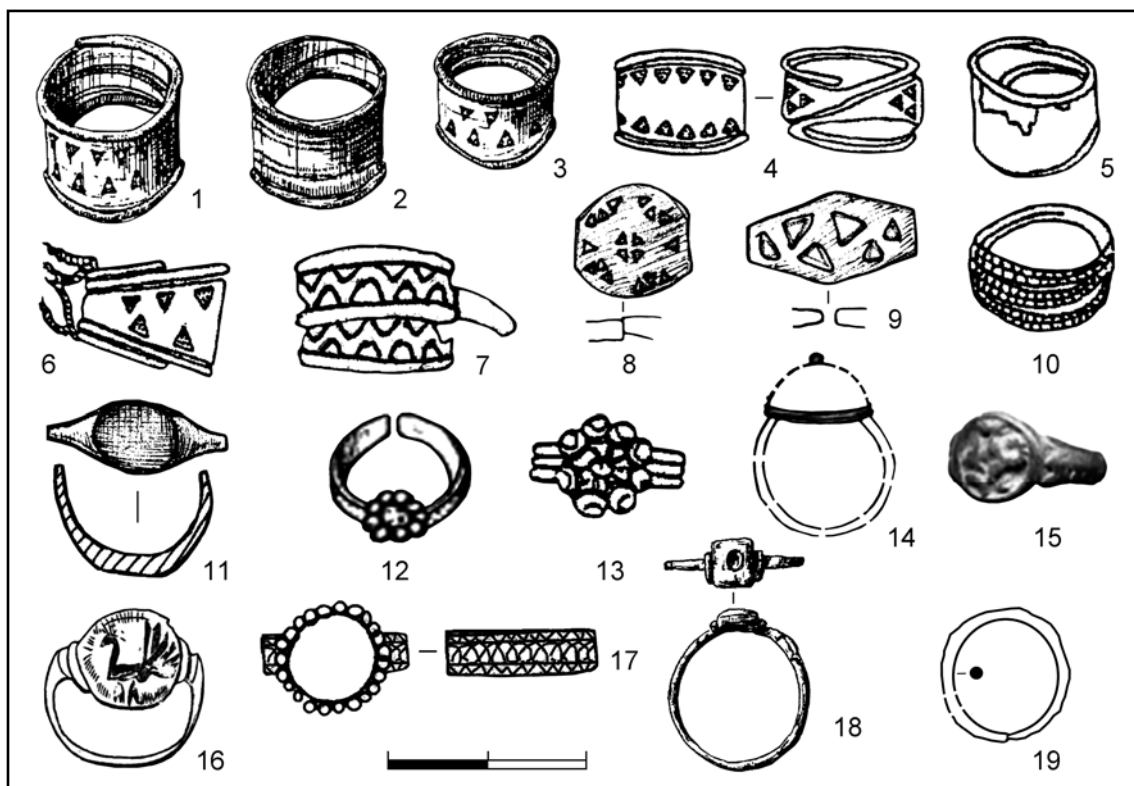


Рис. 2. Перстни из древнерусских сельских памятников Верхневолжья: 1—9 — пластинчатые; 10—16 — щитковые; 17—18 — со вставкой; 19 — дровтовой. 1—18 — цветной металл; 19 — железо.

1—3 — Избрижье, курган 109; 4 — Плешково-1, курган 37; 5 — Плешково-1, курган 26; 6 — Плешково-1, курган 25 (1); 7 — Иворовское-1, курган 1; 8 — Высокино, курган 1; 9 — Высокино, курган 8; 10 — Плешково-1, курган 55; 11 — Благовещенье, курган 11; 12 — Большая Коша, курган 21 (3); 13 — Плешково-1, курган 33; 14 — Плешково-1, курган 33; 15 — Гарусово-II; 16 — Холодохольня; 17 — Глинники, 18 — Избрижье, курган 139; 19 — Плешково-1, курган 52 (2) (1—3, 7—9, 11, 17, 18 — рисунки автора; 4—6, 10, 13, 14, 19 — по Комаров 2002: 183, рис. 6: 5, 13, 24, 27; 12 — по Черных 1989: рис. 7: 19; 16 — по Жизневский 1888: 161).

Fig. 2. Finger-rings from Old Russian rural sites of the Upper Volga: 1—9 — plate; 10—16 — with flap; 17—18 — with insert; 19 — rod. 1—18 — non-ferrous metal; 19 — iron.

1—3 — Izbrizhye, barrow 109; 4 — Pleshkovo-1, barrow 37; 5 — Pleshkovo-1, barrow 26; 6 — Pleshkovo-1, barrow 25 (1); 7 — Ivorovskoe-1, barrow 1; 8 — Vysokino, barrow 1; 9 — Vysokino, barrow 8; 10 — Pleshkovo-1, barrow 55; 11 — Blagoveschenye, barrow 11; 12 — Bolshaya Kosha, barrow 21 (3); 13 — Pleshkovo-1, barrow 33; 14 — Pleshkovo-1, barrow 33; 15 — Garusovo-II; 16 — Kholokholnya; 17 — Glinniki, 18 — Izbrizhye, barrow 139; 19 — Pleshkovo-1, barrow 52 (2) (1—3, 7—9, 11, 17, 18 — drawings by the author; 4—6, 10, 13, 14, 19 — after Комаров 2002: 183, рис. 6: 5, 13, 24, 27; 12 — after Черных 1989: рис. 7: 19; 16 — after Жизневский 1888: 161).

всех находок). Большинство этих находок сосредоточено в памятниках юга, юго-запада и центра верхневолжского бассейна. В Новгороде такие перстни датируются XI — нач. XIV в. (Седова 1981: 125; Лесман 1990: 51).

Найдено также всего 4 экз. *ложноплетеных* перстней (3 погребения, 0,8%). Они происходят из могильников Избрижье, Пекуново-2, Посады, Высокино; перстень из могильника Высокино (курган №1) — очень грубой отливки (рис. 1: 19).

Тип 3. Пластинчатые.

Перстни подтипа 1 — *пластинчатые прямые* — составляют 17,8% всех находок. Они обнаружены в количестве 60 экз. в 33 погребениях. Все экземпляры име-

ют разомкнутые концы и орнаментированы. В Верхневолжье абсолютное большинство узкопластинчатых перстней орнаментированы. Наиболее часто встречаемый орнамент — в виде косички (рис. 1: 20). Встречаются также экземпляры с геометрическим орнаментом в виде кружков, ромбов, поперечных полос (рис. 1: 21). Перстни из могильников Вашловское и Плешково-1 и 2 орнаментированы ромбами, по сторонам которых расположены выпуклые кружки (рис. 1: 22). Аналогичные перстни найдены на памятниках Белозерья (Зайцева 2008: 120). Перстни с орнаментом в виде косички и геометрическим датируются преимущественно XI в. (Недошивина 1967: 259).

Подтип 2 — *широкосрединные* перстни — широко распространен в Верхневолжье. В общей сложности к нему можно отнести 78 экз. (22% всех находок). Большинство из них относятся к разновидности широкосрединных с завязанными концами — 45 экз., происходящие из 38 погребений (13% от общего числа перстней). Находки широкосрединных перстней с завязанными концами приходятся преимущественно на восточную и северо-восточную часть бассейна Верхней Волги: курганные могильники Плешково, Глинники, Посады, Сорогожское, Усть-Кеза, Кашин. Единичные находки происходят из памятников бассейна Тверцы и центральной части Верхневолжья (курганные могильники Шитовичи, Избрижье, Дуденево, Гульцово).

На внешней поверхности этих перстней, как правило, нанесен углубленный орнамент: «волчий зуб», штрихованные полосы, точки, окружности (рис. 1: 25—30). Имеются и неорнаментированные предметы (рис. 1: 23, 24). Экземпляры из мужского погребения кургана №37 Избрижья и женского погребения кургана №9 (2) Плешково 1 имеют выпуклую продольную полосу на широкой части.

Такие перстни широко распространены в памятниках Северо-Восточной Европы. В Новгороде перстни этого типа датируются XI в. (Седова 1981: 129), в сельских памятниках Северо-Восточной Руси — концом X — нач. XII в. (Недошивина 1967: 265), в Белозерье — X — концом 3-й четв. XI вв. (Сумина 1999: 173). В Верхневолжье широкосрединные с завязанными концами перстни обнаружены преимущественно в погребениях XI в.

Широкосрединные перстни с сомкнутыми «встык» концами выявлены в количестве 15 экз. в 15 погребениях (4,5%). Центральная часть всех перстней орнаментирована. Встречен углубленный орнамент в виде треугольных вдавлений, точек, запятых, окружностей и рядов штрихов (рис. 1: 31—34). На двух перстнях из курганных могильников Избрижье и Посады имеется гравированное изображение пятиконечной звезды (рис. 1: 33, 34). На перстне из Избрижья звезда окружена точками, на перстне из Посадов по сторонам звезды расположены «снежинки» из перекрещивающихся линий. Находки перстней с аналогичным декором происходят из памятников Курской области, Суздальского уезда, а также Киева, Херсонеса, территории Болгарии (Шпилёв 2014: 299—301, рис. 4). Находки из Курской области предположительно датируются концом X — XI вв. А. Г. Шпилёв рассматривает изображение пятиконечной

звезды на перстнях как элемент христианской символики.

Среди пластинчатых широкосрединных перстней выделяется разновидность «усатых» перстней (обнаружено 14 экз. в 14 погребениях, 4,1% всех находок) (рис. 2: 1—6). Большинство из них орнаментировано — «волчьим зубом», насечками (рис. 2: 1—4, 6). Находки «усатых» перстней происходят из памятников востока бассейна Верхней Волги и ее притока Медведицы: курганные группы Глинники, Плешково-1 и 2, Посады. Три экземпляра находились в составе одного погребального убора из кургана №109 могильника Избрижье, еще один — в западной части региона в Белозерском могильнике. «Усатые» перстни распространены в Прибалтике, на Северо-Западе Руси, во владимирских курганах (Спицын 1896: 47; 1905: №313) и рассматриваются как маркер финно-угорских племен (Недошивина 1967: 258). В Новгородской земле «усатые» перстни датируются концом X — нач. XIII вв. (Седова 1981: 130). В Белозерье «усатые» перстни получают наибольшее распространение в X в., но встречаются и в XI в. (Сумина 1999: 176). В Верхневолжье эта разновидность перстней встречается в погребениях, хронология которых не выходит за рамки XI в., в том числе 1-й пол. — сер. XI в.: №109 Избрижье, №32 и 42 Плешково-1.

Один перстень из кургана №25 (2) Плешково-1 изготовлен из конца пластинчатого браслета с решетчатым орнаментом (Комаров 2002: 157, рис. 8: 8). Перстни из обломков браслетов известны по находкам на Русском Севере (Сумина 1999: 169—171; Зайцева 2008: 122, рис. 109) и в «земле вятичей» (Сарачева, Зайцева 2011: 217).

В Верхневолжье обнаружены также экземпляры широкосрединных перстней с прорезным обручем — так называемые решетчатые перстни (рис. 2: 7—9), которые рассматриваются исследователями как характерные украшения вятичей (Недошивина 1967; Сарачева, Зайцева 2011: 216—217). На экземпляре из Ивовское-1 сплошная продольная полоса делит пластину на две части, в которых расположены треугольные прорезы (рис. 2: 7). Аналогии этому перстню происходят из Серенска (Сарачева, Зайцева 2011: 210, рис. 104: 12) и могильника Ксизово на Верхнем Дону (Зоц 2017: 55—60, рис. 12: 2, 5). В Ксизово погребения с такими перстнями датируются 2-й пол. XII — нач. XIII вв. Погребения в могильнике Ивовское 1 датируются примерно так же: XII — нач. XIII вв.

Литой перстень из кургана №8 Высокино — более грубый. Он имеет ромбовидную

центральную часть и треугольные прорезы, неодинаковые по размеру (рис. 2: 9).

Решетчатые перстни найдены на памятниках Верхневолжья в количестве 12 экз. в 8 погребениях (3,5%). Все находки происходят из памятников южных и юго-западных районов Верхневолжья, в том числе пограничных с бассейном Оки: могильники Большая Коша, Ягодино, Шопорово, Юркино, Высокино, Иворовское 1. Погребения, в которых обнаружены решетчатые перстни, датируются XII в.

Из кургана №55 могильника Плешково 1 происходит перстень с ажурным щитком, у которого средняя часть оформлена тремя полосами с насечками (рис. 2: 10). Похожий перстень, но с «косичками», найден в Серенске (Сарачева, Зайцева 2011: 218, рис. 106: 1).

Класс II. Щитковые.

Щитковые перстни не характерны для сельских памятников Верхневолжья. Они обнаружены всего лишь в количестве 10 экз. в погребениях шести могильников и на трех поселениях (1,6%). К типу перстней с **плоским щитком** относится перстень с овальным гладким неорнаментированным щитком из кургана №1 могильника Благовещенье (рис. 2: 11). Остальные щитковые перстни имеют **объемный щиток**.

Три перстня из женских погребений могильников Большая Коша (курган №21), Выркино 7 (курган №3) и Плешково-1 (курган №36) имеют выпуклый щиток в виде розетки на пластинчатом обруче (рис. 2: 12, 13). Аналогии таким перстням происходят из Белозерья (Сумина 1999: 184, рис. 8: 2; Зайцева 2008: 125, рис. 112: 7), Владимирских курганов (Спицын 1905: 153), Волковыска (Зверуго 1975: 42). Здесь они появляются не ранее рубежа XI—XII вв. В Верхневолжье они входят в состав «богатого» костюма и сочетаются с головным убором с браслетообразными завязанными височными кольцами (Большая Коша), с убором в виде венчика, украшенным перстнеобразными и бусинными височными кольцами (Выркино-7) и оловянными бляшками (Плешково-1); нагрудными украшениями из бус; сложной подвеской (Большая Коша); бронзовыми браслетами. Хронология погребений в Выркино-7 и Плешково-1 определяется XI в., в Большой Коше — рубежом XI—XII вв.

В публикации К. И. Комарова материалов могильника Плешково-1 идет речь о двух идентичных перстнях плохой сохранности (рис. 2: 14), которые автор называет «ложно-корончатыми» (Комаров 2002: 157) и приводит аналогии из владимирских курганов (Спи-

цын 1905: рис. 262; 267). Это перстни с полусферическим щитком, украшенные зернью. С. С. Рябцева связывала этот тип перстней с византийским наследием и определила период их распространения в Восточной Европе X—XI вв. (Рябцева 2014: 143—167). Исследовательница обратила внимание на их взаимовстречаемость с предметами личного благочестия и предположила их взаимосвязь с культом реликвий. В Плешково-1 они сочетаются с подвесками-крестиками (Комаров 2002: 182, рис. 5: 11).

В описании материалов раскопок могильника Рождественно-2 имеется характеристика двух идентичных перстней, которые, по-видимому, относились к типу щитковых и имели изображение «хищной птицы» на щитке (Бастамов 1886: 165—166). Вероятно, это были перстни-печатки. Погребения в Рождественно-2, на основании отсутствия височных колец и малоинвентарности датирующиеся XII—XIII вв., входят в группу поздних погребений, сосредоточенных на территории современных Зубцовского, Старицкого и Калининского районов Тверской области (Степанова 2010: 292). Сами перстни не сохранились. Это единственное упоминание перстней с изображениями на щитках из погребальных памятников Верхневолжья в источниках, но есть ряд находок на сельских поселениях. На поселении Гарусово 2 на оз. Удомля был найден перстень-печатка с овальным щитком с изображением зверя (грифона?) (Степанова, Жукова 2011: 64) (рис. 2: 15). Из с. Холохольня (Старицкий район) происходит перстень-печатка с круглым щитком с изображением павлина в окружности из точек (Жизневский 1888: 161) (рис. 2: 16). Перстни с изображениями геральдических животных и птиц датируются в Новгороде, по М. В. Седовой, концом XII — сер. XV вв. (Седова 1981: 135).

Класс III. Перстни со вставками.

Представлены единичными находками на сельских памятниках Верхневолжья. Найдено всего шесть перстней в погребениях курганных групп Глинники, Избрижье, Беседы 2, Тухинь, Пекуново 2 (0,9%). Все они относятся к типу перстней со вставками, закрепленными «**глухим**» способом.

Перстень из раскопок Н. А. Чагина курганный группы Глинники имеет плоский круглый щиток с бордюром из шариков зерни и орнаментированный ромбами пластинчатый обруч (рис. 2: 17). В центре щитка находилась вставка из стекла или камня, которая не сохранилась. Из описания следует, что она имела розоватый цвет.

Два идентичных перстня из курганных групп Избрижье (курган №139) и Беседы-2 (курган №25, погребение 1) имели квадратный щиток и овальную вставку (вставки не сохранились) (рис. 2: 18). Два подобных перстня, по М.В. Седовой, являются древнейшими среди найденных в Новгороде перстней со вставками. Один из них датируется 3-й четв. XI в., второй — концом XII в. (Седова 1981: 139). Данные погребения по характеру погребального обряда и других находкам можно датировать концом XI — XII вв.

В кургане №6 могильника Тухинь был найден перстень с синей стеклянной вставкой, в Пекуново 2 — перстень со вставкой из желтого стекла, однако форма этих перстней неизвестна.

Помимо перстней из цветного металла, из раскопок древнерусских сельских погребальных памятников Верхневолжья происходит железный перстень (рис. 2: 19) (могильник Пекуново-2; железный перстень найден также на поселении Пекуново) (Успенская 1971: 255) и два стеклянных перстня (могильники Пекуново-2 и Плешково-1). Стеклянный перстень из кургана 52 (погребение 2) Плешково-1 синего цвета.

Таким образом, коллекция перстней из древнерусских сельских погребальных памятников Верхневолжья специфична по своему составу. Наибольшее сходство наблюдается с набором перстней из Белозерья. На ложновитые и широкосрединные пластинчатые приходится наибольшая доля найденных перстней. Небольшие различия прослеживаются в хронологии украшений. Если в Белозерье широкосрединные перстни с завязанными концами датируются X — концом третьей четв. XI в., то в Верхневолжье их хронология в погребениях определяется преимущественно от нач. XI до нач. XII в. В южной части бассейна Верхней Волги встречаются типы перстней — пластинчатые с прорезным обручем, характерные для памятников «земли вятичей». Важно отметить, что редкие для сельских памятников Верхневолжья щитковые перстни составляют относительно небольшую долю и в Твери, но в более поздних слоях XIII—XV вв. (в Тверском кремле), преоб-

ладают же провололочные и дрововые перстни. В раскопе, исследованном в Тверском кремле под руководством В.А. Лапшина, около 40% составляют дрововые и витые перстни, еще около 15% — пластинчатые (Лапшин 2009: 229, табл. 19).

Погребения с перстнями составляют 37% (165) от общего числа женских погребений с деталями костюма в Верхневолжье. В крупных могильниках их число — от 12,5 до 75% погребений, и в целом они встречаются чаще браслетов. Учет перстней в погребениях показывает, что они носились в равной степени на обеих руках. В могильнике Избрижье в семи случаях перстни находились на безымянном пальце левой руки, еще в семи — на безымянном пальце правой руки. В погребении кургана №109 перстнями были украшены средние и безымянные пальцы обеих рук. По мнению Н.Г. Недошивиной, появление перстней в древнерусских погребениях связано с процессом христианизации, когда перстень становится элементом церковного обряда (Недошивина 1967: 156). Материалы Избрижского некрополя, вероятно, отражают процесс формирования этой функции перстней в обрядовом костюме.

Перстни наиболее характерны для комплекса погребального костюма курганных групп Селижаровского и частично Ржевского районов, на западе современной Тверской области. Так, в курганной группе Большая Коша костюмные комплексы с перстнями составляют 67%, в Благовещенье — 75%. Значительно количество погребений с перстнями и на востоке Верхневолжья. В курганной группе Заборье такие погребения составляют 33,3%, в Глинниках — 40%, в Пекуново-2 — 47%, в Плешково-1 — 51,7% от общего количества погребений с деталями костюма. Здесь зафиксированы случаи ношения перстней пришитыми на одежду (рис. 2: 6). На этой же территории зафиксировано и относительно большое количество погребений с браслетами. Обилие металлических украшений характерно для женского погребального убора восточной части Верхневолжья, в котором отмечается наличие финно-угорских черт (Степанова 2009: 74—81).

Литература

- Арциховский А.В. 1930. *Курганы вятичей*. Москва: РАНИОН.
- Бастамов Л.Н. 1886. О раскопках курганов Старицкого уезда. *Известия ОЛЕАЭ* 49 (3), 165—166.
- Жизневский А.К. 1888. *Описание Тверского музея*. Археологический отдел. Москва: Синодальная типография.
- Жилина Н.В. 2014. *Древнерусские клады IX—XIII вв.: классификация, стилистика и хронология украшений*. Москва: Либроком.
- Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. 2010. *Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников*. Тверь: Научная книга.

- Зайцева И. Е. 2008. Изделия из цветных металлов и серебра. В: Захаров С. Д. (ред.). *Археология севернорусской деревни X—XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 2. *Материальная культура и хронология*. Москва: ИА РАН, 57—141.
- Зверуго Я. Г. 1975. *Древний Волковыск (X—XIV вв.)*. Минск: Наука и техника.
- Зоц Е. П. 2017. Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону. В: *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 10, 55—60.
- Комаров К. И. 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плещково Тверской области. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны*. Тула: Гриф и К, 141—189.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Лапшин В. А. 2009. *Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.)*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). В: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгорода 1988 г.* Москва: Новгородская археологическая экспедиция МГУ, 29—98.
- Недошивина Н. Г. 1967. Перстни. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 43. Москва, 253—274.
- Плетнев В. А. 1903. *Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии*. Тверь: Типография губернского правления.
- Рябцева С. С. 2014. Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X—XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. *Revista Arheologică X* (1—2), 143—167.
- Сарачева Т. Г. 1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX — первая половина XIII вв.). В: *История и эволюция древних вещей*. Москва: МГУ, 85—94.
- Сарачева Т. Г., Зайцева И. Е. 2011. *Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI — XIII в.* Москва: Индрик.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Спицын А. А. 1905. Владимирские курганы. *Известия ИАК* 15, 84—172.
- Степанова Ю. В. 2009. *Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья*. Тверь: Тверской государственный университет.
- Степанова Ю. В. 2010. Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья. *КСИА* 224, 285—296.
- Степанова Ю. В., Жукова Е. Н. 2011. Исследования поселения Гарусово II на оз. Удомля (Тверская область). *АИППЗ* 26 (56), 62—69.
- Сумина И. А. 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья. В: Недошивина Н. Г. (отв. ред.). *Археологический сборник. Труды ГИМ* 111. Москва, 167—189.
- Успенская А. В. 1971. Пекуновское селище и курганы. *СА* (1), 254—258.
- Черных Е. М. 1989. Предварительные итоги исследования курганной группы у деревни Большая Коша. В: Янин В. Л., Седов В. В. (ред.). *Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье*. Калинин: Калининский государственный университет, 57—65.
- Шпилёв А. Г. 2014. Перстни с христианской символикой конца X—XVII вв. из Курской области. *Stratum plus* (6), 287—304.

References

- Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Barrows of Vyatichi)*. Moscow: Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences (in Russian).
- Bastamov, L. N. 1886. In *Izvestiia Obshchestva ljubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii (Proceedings of the Emperor's Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology, and Ethnography)* 49 (3), 165—166 (in Russian).
- Zhiznevskii, A. K. 1888. *Opisanie Tverskogo muzeia. Arkheologicheskii otdel (Description of the Tver Museum: Department of Archaeology)*. Moscow: Synodal Typography (in Russian).
- Zhilina, N. V. 2014. *Drevnerusskie klady IX—XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiiia ukrashenii (Ancient Russian Hoards of 9th—13th Centuries: Classification, Stylistics and Chronology of Decorations)*. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Zhukova, E. N., Stepanova, Yu. V. 2010. *Drevnerusskie pogrebal'nye pamiatniki Verkhnevolzh'ia. Istoriia izuchenii. Katalog issledovannykh pamiatnikov (Ancient Russian Funerary Sites of the Upper Volga Basin: History of Research, Catalogue of Studied Sites)*. Tver: "Nauchnaia kniga" Publ. (in Russian).
- Zaitseva, I. E. 2008. In Zakharov, S. D. (ed.). *Arkheologiiia severnorusskoi derevni X—XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th — 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)* 2. *Material'naia kul'tura i khronologiiia (Material Culture and Chronology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 57—141 (in Russian).
- Zverugo, Ya. G. 1975. *Drevnii Vólkovysk X—XIV vv. (Ancient Vólkovysk in 10th—14th Centuries)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Zots, E. P. 2017. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* 10, 55—60 (in Russian).
- Komarov, K. I. 2002. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie stat'i i materialy. Sbornik uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voyny (Archaeological Articles and Proceedings. Collection of Papers by the Veterans of the Great Patriotic War)*. Tula: "Grif i K" Publ., 141—189 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII—XV vv. (po materialam raspek 1993—1997 gg.) (Tver in 13th—15th Centuries: by the Excavations Materials of 1993—1997)*. Series: Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) XXX. Saint Petersburg: Department for Philology and Arts, Saint Petersburg State University (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1990. In *Materialy po arkheologii Novgoroda 1988 g. (Materials for Archaeology of Novgorod, 1988)*. Moscow: Novgorod Archaeological Expedition, 29—98 (in Russian).
- Nedoshivina, N. G. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43, 253—274 (in Russian).
- Pletnev, V. A. 1903. *Ob ostatkakh drevnosti i stariny v Tverskoi gu-*

- bernii: k arkheologicheskoi karte gubernii (*On Relics of Antiquity and Old Times in the Tver Province: to the Archaeological Map of the Province*). Tver: Typography of Provincial Administration (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2014. In *Revista Arheologică* 10 (1—2), 143—167 (in Russian).
- Saracheva, T. G. 1994. In *Istoriia i evoliutsiia drevnikh veshchei* (*History and Evolution of Ancient Things*). Moscow: Moscow State University, 85—94 (in Russian).
- Saracheva, T. G., Zaitseva, I. E. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI—XIII vv.* (*Jewelry of the «Vyatichi Land» in the Second Half of 11th — 13th Centuries*). Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.)* (*Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries)*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* (*Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*) 15, 84—172 (in Russian).
- Stepanova, Yu. V. 2009. *Drevnerusskii pogrebal’nyi kostium Verkhnevolzh’ia* (*Ancient Russian Funerary Clothing in the Upper Volga Basin*). Tver: Tver State University (in Russian).
- Stepanova, Yu. V. 2010. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 224, 285—296 (in Russian).
- Stepanova, Yu. V., Zhukova, E. N. 2011. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* (*Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land*) 26 (56), 62—69 (in Russian).
- Sumina, I. A. 1999. In *Arkheologicheskii sbornik* (*Archaeological Collected Papers*). Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (*Proceedings of the State Historical Museum*) 111, 167—189 (in Russian).
- Uspenskaia, A. V. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (1), 254—258 (in Russian).
- Chernykh, E. M. 1989. In *Pamiatniki zhelezного века i srednevekov’ia na Verkhnei Volge i Verkhnem Podvin’e* (*Iron Age Sites and Medieval Sites in the Upper Volga and Upper Western Dvina Basins*). Kalinin: Kalinin State University, 57—65 (in Russian).
- Shpilev, A. G. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 287—304 (in Russian).

Статья поступила в сборник 26 января 2020 г.

Yulia Stepanova (Tver, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Tver State University¹.

Степанова Юлия Владимировна (Тверь, Россия). Кандидат исторических наук. Тверской государственный университет.

E-mail: m000142@mail.ru

Address: ¹ Trekhsvyatskaya St., 16/31, Tver, 170100, Russian Federation

А. И. Болдуряну

Браслет с арабской надписью и львиной личиной с городища Костешть XIV в. (Молдова)

Keywords: Pruto-Dniester interfluve, 14th c., Golden Horde, bracelet, lion mask, Arabic inscription, "knot of happiness"

Ключевые слова: Пруто-Днестровское междуречье, XIV век, Золотая Орда, браслет, львиная маска, арабская надпись, «узел счастья»

A. Boldureanu

Bracelet with Arabic Inscription and Leonine Mask Found in Costești Town of the 14th Century (Moldova)

A bronze bracelet and a fragment of another bracelet of the same type, found in the Golden Horde settlement of Costești (Ialoveni district of the Republic of Moldova), were brought for identification to the National Museum of History of Moldova in the summer of 2015. The items correspond to the band-shaped bracelet type, whose ends do not connect. The ends of both objects are decorated by stylized leonine mask. Their surface is covered by identical Arabic inscriptions separated by an ornament named «the lucky knot» and set reversed to each other. The inscription on the bracelet contains wishes of prosperity, health and luck. All these symbols, considered to have magical functions, could have been interpreted by their wearers as amulets.

А. И. Болдуряну

Браслет с арабской надписью и львиной личиной с городища Костешть XIV в. (Молдова)

Бронзовый браслет и отдельный фрагмент того же типа, найденные на золотоордынском городище Костешть (Яловенский район Республики Молдова), были переданы для определения в Национальный музей истории Молдовы летом 2015 года. По своей форме изделия соответствуют типу пластинчатых браслетов с несомкнутыми концами. Концы обоих предметов украшены стилизованными изображениями львиной личины, называемой также «львиной маской». На их поверхность нанесены рельефные, совершенно одинаковые арабские надписи, разделенные орнаментом, получившим название «узел счастья», и расположенные в перевернутом виде по отношению друг к другу. Считалось, что эти символы имели магические функции, а браслет получал таким образом свойства амулета.

В круг разносторонних исследовательских интересов Светланы Рябцевой, одного из ведущих специалистов в изучении ювелирных изделий IX—XI вв., входили и украшения более поздних периодов, в том числе и находки с золотоордынских городищ, таких как Старый Орхей (с. Требужень, район Орхей) и Костешть (район Яловень) Республики Молдова. Среди них особо выделяются серьга с головой дракона из Старого Орхей, серебряная позолоченная бляшка в форме лотоса и бронзовая бляшка с цветком лилии из Костешть и др. (Рябцева 2019: 295, 298).

В данной статье представлена новая находка золотоордынского браслета с городища Костешть. Символично, что этот предмет был представлен автором на одной из научных конференций в Кишиневе¹, с участием Светланы.

Бронзовый браслет (неполной сохранности) и отдельный фрагмент того же типа были переданы для определения в Национальный музей истории Молдовы в конце лета 2015 г. По своей форме они соответствуют типу пластинчатых браслетов с несомкнутыми концами. Первый предмет имеет по окружности длину 100 мм, ширину 9,5 мм и вес 3,96 г (рис. 1). Второй фрагмент длиной 32 мм, шириной 9 мм и весом 1,19 г (рис. 2). Концы обоих предметов украшены стилизованными изображениями львиной личины, называемой также «львиной маской», с заметно сужающимися к наружным углам глазами и удлиненным носом (рис. 1: 1; 2). За львиной маской на поверхности браслета следуют две рельефные, совершенно одинаковые арабские надписи, разделенные орнаментом, получившим название «узел счастья», и расположенные в перевернутом виде по отношению друг к другу (рис. 1: 2, 3). Из второй половины надписи, которая находится за этим орнаментом, сохранилась только малая часть. На втором фрагменте браслета из Костешть

¹ XXV Научная конференция Национального музея истории Молдовы, 8—9 октября 2015 г.



Рис. 1. Браслет из Костешть (фото автора).

Fig. 1. Bracelet from Costești (photo by the autor).

также имеется небольшой отрывок надписи. Судя по расположению львиной личины и надписи, этот фрагмент вполне мог быть окончанием первого браслета, несмотря на небольшую разницу в ширине, но все равно при соединении обоих предметов часть надписи отсутствует. Из этого следует, что должен был быть еще один фрагмент изделия, который не обнаружен. Внутренняя сторона обоих предметов гладкая.

Пластинчатые браслеты, концы которых украшены чеканными изображениями львиных личин, широко известны по археологическим материалам кладов и случайных находок, происходящих из Среднего и Нижнего Поволжья, Волжской Булгарии, Прикамья, Крыма, из Запорожской и Донецкой областей Украины, а также и с территории Румынии. Исходя из большого количества подобных браслетов, найденных на территории Волжской Булгарии, в более ранних публикациях они получили название «булгарские браслеты». Позже М. Г. Крамаровский, анализируя ареал находок браслетов с львиными масками, предложил отказаться от определения «булгарские браслеты», отнеся их к кругу изделий, созданных в ремесленной среде кочевых ставков золотоордынских городов, однако обязанных своим происхождением сельджукской традиции (Крамаровский 1978: 50). Г. Ф. Валеева-



Рис. 2. Фрагмент браслета из Костешть (фото автора).

Fig. 2. A fragment of the bracelet found in Costești (photo by the autor).

Сулейманова, рассматривая генезис декора татарских браслетов с львиными личинами и доказывая их болгарское происхождение, признает в то же время, что они почти не отличаются от золотоордынских изделий (Валеева-Сулейманова 2001: 124).

Пластинчатые браслеты, относящиеся к золотоордынской эпохе, изготавливались из золота, серебра и меди. Золотые и серебряные производились такими методами, как литье, чеканка и ковка с гравировкой, а бронзовые — штамповкой с использованием матриц (Руденко 2015: 312). В результате изучения большого количества таких браслетов, согласно особенностям конструкции и оформления, были выделены типы изделий, а по характеру декора и композиции определены подтипы и варианты (Полякова 1996: 177—183; Руденко 2015: 315). В большинстве случаев браслеты с львиными масками на окончаниях не имеют декора, но на некоторых из них могут содержаться геометрические и растительные узоры, а иногда и надписи.

Образ льва проникает в декоративное искусство Золотой Орды от традиции газневидского и сельджукского художественного ремесла, приобретая в дальнейшем свои особенности (Крамаровский 1987: 50). Схематические изображения львиных масок происходят от старинного способа воспроизведения хищника кошачьей породы с головой анфас и с глазами, смотрящими на зрителя (Nicolae, Costin 2003: 181; Крамаровский 1978: 48, таб. II, 5,6). Были предложены попытки рассматривать некоторые элементы начертания маски как датирующие признаки браслетов. Так, М. Г. Крамаровский, исходя из черт, присущих армянским и иранским рельефам, предполагал, что изображения львиных личин с ромбом в межбровье датируются XIII — нач. XIV вв., а остальные относятся к XIV в. (Крамаровский 1987: 50). К. А. Руденко отмечает, что в изображениях львиной личины на серебряных браслетах, сделанных в Булгаре, наблюдается стандартная схема рисунка лицевой части головы льва, состоящей из щек, носа, глаз,



Рис. 3. Графическое изображение браслета из Костешть (рисунок Л.В. Дергачевой).

Fig. 3. Graphic representation of the bracelet from Costești (drawing by L.V. Dergaciova).

верхней губы с усами, подбородка, бровей, межбровья и закривка (Руденко 2015: 314).

Львиная личина на фрагментах из Костешть и их аналогиях отличается от масок, традиционных для Булгарского улуса. Здесь щеки отмечены треугольниками, миндалевидные глаза, оживленные зрачками, расположены горизонтально, нос удлиненный, брови чуть приподняты, в межбровье точка, а закривок намечен двумя треугольниками, острым концом направленными вниз. Схожие элементы львиной личины отмечены на браслетах «южного стиля», к которым отнесены находки из могильника Мамай-Сурка (Руденко 2015: 322).

Следует отметить, что львиные маски, но другой внешности, размещенные в квадратном картуше, находятся и на некоторых золотоордынских монетах, как, например, на анонимном выпуске медных монет, принадлежащих, согласно Е. Оберлендер-Тырновяну, монетному двору Сакчи (Исакча) или В. Лебедеву — Солхату (Nicolae, Costin 2003: 181).

Среди пластинчатых браслетов зарегистрированы и экземпляры, содержащие также изображение монгольского символа «узла счастья» или бесконечности. Такой браслет, а скорее, фрагмент браслета, с львиной мордой на одном конце и упрощенным символом «узла счастья» на другом, был случайно найден в 1970 г. на Водянском городище (Федоров-Давыдов 1978: 287). Другим примером является находка 1980 г. золотого массивного литого браслета с Селитренного городища. Браслет имеет в сечении треугольную форму, а концы и середина плоские. Концы украшены схематичными львиными личинами, а центральная часть орнаментирована узлом счастья (Булатов 1983: 222). В золотоордынский период этот символ встречается в различных вариантах на перстнях, монетах, сфероконусах, керамике, в архитектуре и др. «Узел счастья», как и символ льва, считался оберегом, защитой от зверей, болезней, колдовства, а также против демонов и смерти (Chevalier, Gheerbrant 1995: 345).

Браслеты с подобными изображениями обнаружены и на территории Румынии. Это

браслеты с львиными масками из Диногечии и Пэкуял луй Соаре, а также из клада Оцелень, жудеца Яшь (уезда Яссы) (Teodor 1964: 347, рис. 2: 1, a, b, c; Nicolae, Costin 2003: 182; Рябцева 2019: 300).

В отличие от широкого распространения браслетов с львиной мордой, браслеты с надписями довольно редки. Обломок подобного браслета найден на Селитренном городище. На сохранившемся окончании изделия находится изображение львиной морды, по краю — орнамент в виде кружков, а поле содержит арабскую надпись, из которой были прочитаны слова «и здоровье», «вечное» и «благо» (Федоров-Давыдов 1978: 287—288, рис. 1; 2). Персидская стихотворная благопожелательная надпись выложена проволокой на поверхности золотого створчатого пластинчатого браслета, датированного концом XIV — нач. XV вв. из состава Джукетаусского клада 1924 г. (Руденко 2015: 131, 315, рис. 19: 7; 485; 451: нр. 258). Публикуемый браслет из Костешть объединяет все вышеназванные составляющие: и львиную личину, и «узел счастья», и благопожелательную арабскую надпись (рис. 3)². В поисках аналогий было обнаружено, что похожие экземпляры уже известны, и география находок таких украшений довольно широка. Впервые о таких браслетах стало известно по находкам из Волжской Булгарии. Несколько фрагментов такого типа, шириной 8—11 мм, хранятся в Национальном музее Республики Татарстан. Они соответствуют подтипу В-IVг-1б (Полякова 1996: 179, рис. 63: 6).

Два аналогичных браслета, изготовленных по одной и той же матрице, были обнаружены в Новохарьковском могильнике Воронежской обл. (Волков 2002: 206), в погребениях 31 и 57. Один из них состоит из двух фрагментов, составляющих целый браслет, а второй представляет собой фрагмент длинной половины изделия. Наличие целого брас-

² Автор благодарит Лилию Дергачеву за любезность и подготовку графического изображения браслета.



Рис. 4. Фрагмент браслета из археологического комплекса золотоордынского времени у села Маяки (Царино городище) Донецкой области (по Кравченко 2015: рис. 9: 10, илл. 13: 10).

Fig. 4. A fragment of the bracelet found at the archeological complex of the Golden Horde Period at Maiaki village (Tsarino hillfort), Donetsk Oblast (after Кравченко 2015: рис. 9: 10, илл. 13: 10).

лета позволило И.В. Волкову прочесть полностью арабскую надпись на нём, хотя она выполнена с погрешностями, и предложить её транскрипцию и перевод. Смысл надписи состоит в благопожелательном изречении, которое переводится как «Слава вечная, жизнь благополучная и успех» (Волков 2002: 206). Как видно на графических рисунках браслетов из Новохарьковского могильника и как было отмечено выше, при описании находок из Костешть, надпись состоит из двух одинаковых частей, расположенных в перевернутом виде относительно друг друга и разделенных «узелом счастья». Присутствие трех фрагментов с надписью дало возможность автору высказаться о технологии изготовления браслетов этого типа. Вопреки мнению об изготовлении пластинчатых браслетов путем литья (Полякова 1996: 179), И.В. Волков доказывает, что толщина пластины предполагает, что они являются коваными. Совпадение дефектов надписей, как и различия в длине надписи на двух сторонах браслета, позволило выдвинуть гипотезу о том, что оттиск переносился на матрицу из очень твердого металла, покрытого воском, с помощью готового предмета, с уже имеющимися дефектами изображения. А единственным вариантом технологии изготовления матриц из стали или железа могло быть химическое травление, которое позволяло получить вогнутое рельефное изображение (Волков 2002: 208). Таким образом, из кованых пластин металла путем штамповки на матрице из твердого металла изготавливались обсуждаемые браслеты.

Другой фрагмент идентичного браслета найден в 1972 г. в поселке Сукко (Анапский район, Краснодарский край), в могильнике у школы. Предмет хранится в музее г. Анапа (Волков 2002: 207).

Список браслетов, изготовленных с помощью уже знакомой матрицы, продолжен еще одним экземпляром (рис. 4), происходящим из археологического комплекса золотоордынского времени у села Маяки (Царино

городище) Донецкой обл. (Кравченко 2015: 454). На городище найдено большое количество украшений, среди которых и три медных браслета. Один из них соответствует типу браслетов, о котором идет речь в настоящей публикации. Согласно фото, сохранилось около половины изделия, без львиной маски (концы браслета утрачены), но с «узелом счастья» (Кравченко 2015: рис. 9: 10, илл. 13: 10). Среди многочисленного материала золотоордынского времени, происходящего с этого городища, выделяется и большое количество находок из цветных металлов, представленных бытовыми предметами и украшениями. Находки в подъемном материале обрезков медных листов, медных шлаков, слитков и заклепок свидетельствуют о наличии на памятнике мастерских по обработке меди. Среди обломков зеркал отмечены экземпляры, представляющие отливку по оттиску с другого предмета, что предполагает их местное производство (Кравченко 2015: 454). Исходя из этого, возможно, что и браслет с арабской надписью мог быть изготовлен местным мастером, но также мог проникнуть и в результате удачных военных экспедиций, в которых принимали участие выходцы с городища.

Браслет того же типа, фрагментированный на три части, найден в 1993 г. во время археологических исследований Дворца великих князей литовских в Вильнюсе (Rėklatytė, Boloix-Gallardo, Zaveckienė 2011: 105). Была предложена возможная транскрипция арабской надписи и ее перевод, но в то же время отмечено, что некоторые слова едва ли можно прочесть, их значение, скорее, угадано в сравнении с аналогичными изречениями: [Al-‘izz] al-dā’im wa-l-‘umr al-[sālīm] wa-l-iqbāl (Rėklatytė, Boloix-Gallardo, Zaveckienė 2011: 107). Согласно этой версии, благопожелательная надпись переводится как «Вечная слава и здоровая жизнь и процветание» (Rėklatytė, Boloix-Gallardo, Zaveckienė 2011: 107). Трудно определить, когда и как браслет дошел до Дворца великих князей в Вильнюсе, хотя

вполне вероятно, что он достиг Великого княжества Литовского как военная добыча. Согласно авторам, браслет из Вильнюса следует рассматривать как своего рода амулет, так как он имеет благопожелательную надпись на арабском языке, однако трудно предположить, что человек в Вильнюсе, который носил его, понимал смысл надписи.

Хочется отметить, что предметы с похожими изречениями уже известны по находкам на территории Республики Молдова. Аналогичная надпись, а также изображение льва присутствуют на восточном медном блюде, найденном на территории Старого Орхей в 1972 г., в хозяйственной яме. Согласно надписи, размещенной на внешней стороне блюда, изделие получило название «блюдо Али», предположительно — владельца этого предмета (Nicolae, Bârnea 2004: 33). На внутренней стороне блюда представлена сцена застолья, изображающая фигуры двух мужчин, каждый с кубком в правой руке, сидящих повосточному на помосте. Рядом с ними, справа, находится сосуд для вина. Под помостом представлен леопардоподобный лев. По кругу изображены три пары орнаментированных медальонов. Между ними находятся три сегмента вязаного узора и три сегмента арабской надписи. Надпись неполная и сделана с неточностями, но авторы сумели прочесть благопожелательную надпись «*al-‘izz al-dā’im wal-iqbāl*» и перевести её как «вечная слава и преуспевание» (Nicolae, Bârnea 2004: 35). Согласно аналогиям, авторы отнесли блюдо к болгарской школе, предполагая, что оно попало в Старый Орхей вместе с личным имуществом одного из тех, кто прибыл в регион в эпоху Абдуллаха, а не в результате торговли (Nicolae, Bârnea 2004: 35).

Возвращаясь к браслету из Костешть, отметим, что он является шестой находкой дан-

ного типа изделий и, наверное, в лучшей сохранности, чем все остальные. Он дополняет список этого типа браслетов с весьма широкой географией находок.

На территории городища Костешть в результате археологических исследований, а также и случайно, найдено большое количество украшений, предметов декора костюма и конской упряжи, зеркал и др. Среди них и бронзовая подвеска, датированная сер. XIV в., использованная вначале как пробник для пуансонов, а затем, после позолочения, ставшая украшением (Abâzova, Reabțeva 2007: 161—167). Это доказывает существование в Костешть мастерских и мастеров, изготавливавших различные украшения, как из медных сплавов, так и с использованием драгоценных металлов. Известно также, что в Костешть под покровительством местного предводителя действовал монетный двор, который чеканил монеты оригинального типа, получившего название Костешть-Гырла I и II, датированные между 1359—1362 гг. (Nicolae 2005: 89—104). Была выдвинута достаточно аргументированная гипотеза о том, что на реверсе этих монет воспроизведена благопожелательная надпись «*Кутлуг болсун*», что означает: «в добрый час!» (Nicolae 2015: 127). Находка медной плакетки с чеканной пробы этой надписи, совместно с цифрой 738, являющейся, вероятно, годом чеканки, соответствующей 1337—1338 гг. христианского летоисчисления, подтверждает наличие в Костешть мастеров, наладивших производство монет (Nicolae 2015a: 8). Возможно, кто-то из мастеров мог принести с собой матрицу для штамповки представленного выше браслета, но также его могли завезти колонисты, оседавшие на протяжении XIV века на территории данного городища.

Литература

- Булатов Н. М. 1983. Золотой браслет с Селитренного городища. СА (3), 219—223.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф. 2001. К вопросу о генезисе золотоордынских браслетов с зооморфными изображениями. В: Кляшторный С. Г. (гл. ред.). *Тюркологический сборник. Золотая Орда и ее наследие*. Москва: Восточная литература РАН, 187—197.
- Волков И. В. 2002. Золотоордынские браслеты с надписями. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 106—110.
- Крамаровский М. Г. 1978. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация. СГЭ XLIII, 46—51.
- Кравченко Э. Е. 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном. В: Бочаров С. Г., Ситдинов А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 411—478.
- Полякова Г. Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар: Ремесла металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АНТ, 154—269.
- Рябцева С. С. 2019. О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв. связанных с золотоордынской традицией. В: Ткачук М. Е., Атанасов Г. Г. (ред.). *В поисках сущности*. Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева. Кишинев: Stratum Plus, 291—306.
- Руденко К. А. 2015. *Булгарское серебро*. Древности Билляра II. Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2019. Золотые и серебряные браслеты XIII—XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка. В: Ткачук М. Е., Атанасов Г. Г. (ред.).

- В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева. Кишинев: Stratum Plus, 239—262.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1978. Браслет с надписью с Селитренного городища. СА (2), 286—288.
- Abâzova E., Reabțeva S. 2007. Un pandantiv din epoca Hoardei de Aur descoperit la Costești, raionul Ialoveni, Republica Moldova. În: *Simpozion de Numismatică organizat cu ocazia comemorării Sfântului Ștefan cel Mare, domn al Moldovei (1504—2004)*. București: Editura Enciclopedică, 161—167.
- Boldureanu A. 2015. O brățară cu mască leonină descoperită în Republica Moldova (sec. XIV). În: *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Istorie a Moldovei XXV*. Chișinău, 39—40.
- Nicolae E. 2005. Monedele de tip Costești-Gârla. În: *Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903—2003)*. București: Editura Enciclopedică, 89—104.
- Nicolae E. 2015. Monedele locale din perioada războiului civil din Hoarda de Aur: 1359—1369. În: Manolache C. (cond. de proiect). *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca științifică Centrală „A. Lupan”.
- Nicolae E. 2015a. O plăcuță de bronz cu inscripție din secolul al XIV-lea descoperită la Costești, raionul Ialoveni. *Al XV-lea Simpozion de Numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău.
- Nicolae E., Costin B. 2003. Monede din secolele XIII—XIV descoperite în Dobrogea. *BSNR XCII—XCVII*, 1998—2003, 175—187.
- Nicolae E., Bârnea P. 2004. Platoul lui Ali (Orheiul Vechi, secolul al XIV-lea). În: Felezeu C. (coord.). *Studii și cercetări de turcologie contemporană. Omagiu profesorului Mihai Maxim*. Cluj-Napoca: Tribuna, 33—39.
- Rėklaitytė I., Boloix-Gallardo B., Zaveckienė E. 2011. A bracelet from the lands of the Golden Horde found in the Palace of the Grand Dukes of Lithuania. In: *Apyranke išauko ordos teritorijos, pasta Lietuvos valdovų rūmuose*. Archaeologia Baltica 16. Klaipėda: Klaipėda University Press, 104—109.
- Teodor D. Gh. 1964. Obiectele de podoabă din tezaurul feudal timpuriu descoperit la Oțeleni (raionul Huși, reg. Iași). *AM II—III*. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 343—361.

References

- Bulatov, N.M. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 219—223 (in Russian).
- Valeeva-Suleimanova, G.F. 2001. In *Kliashntorny, S.G. (ed.-in-chief). Turkologicheskii sbornik 2001: Zolotaia Orda i ee nasledie (Collected Papers on Turkic Studies 2001: Golden Horde and its Heritage)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. Russian Academy of Sciences, 187—197 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2002. In *Priakhin, A.D. (ed.). Novokhar’kovskii mogil’nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time)*. Series: Mezhhregional’nye issledovaniia v obshchestvennykh naukakh (Interregional Studies in Social Sciences). Voronezh: Voronezh State University, 106—110 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1978. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XLIII, 46—51 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2015. In *Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (ed.). Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 411—478 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1996. In *Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154—269 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2019. In *Tkachuk, M.E., Atanasov, G.G. (eds.). V poiskakh sushchnosti. Sbornik statei v chest’ 60-letia N.D. Russeva (In Search of the Essence. Essays in honour of Nicolai Russev. on the occasion of his 60th birthday)*. Series: Stratum Library. Kishinev: Stratum Plus, 291—306 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2019. In *Tkachuk, M.E., Atanasov, G.G. (eds.). V poiskakh sushchnosti. Sbornik statei v chest’ 60-letia N.D. Russeva (In Search of the Essence. Essays in honour of Nicolai Russev. on the occasion of his 60th birthday)*. Series: Stratum Library. Kishinev: Stratum Plus, 239—262 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 286—288 (in Russian).
- Abâzova, E., Reabțeva, S. 2007. Un pandantiv din epoca Hoardei de Aur descoperit la Costești, raionul Ialoveni, Republica Moldova. In *Simpozion de Numismatică organizat cu ocazia comemorării Sfântului Ștefan cel Mare, domn al Moldovei (1504—2004)*. București: Editura Enciclopedică, 161—167.
- Boldureanu, A. 2015. O brățară cu mască leonină descoperită în Republica Moldova (sec. XIV). În *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Istorie a Moldovei XXV*. Chișinău, 39—40.
- Nicolae, E. 2005. Monedele de tip Costești-Gârla. In *Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903—2003)*. București: Editura Enciclopedică, 89—104.
- Nicolae, E. 2015. Monedele locale din perioada războiului civil din Hoarda de Aur: 1359—1369. In *Manolache, C. (cond. de proiect). Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca științifică Centrală „A. Lupan”.
- Nicolae, E. 2015. O plăcuță de bronz cu inscripție din secolul al XIV-lea descoperită la Costești, raionul Ialoveni. *Al XV-lea Simpozion de Numismatică*. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău.
- Nicolae, E., Costin, B. 2003. Monede din secolele XIII—XIV descoperite în Dobrogea. *BSNR XCII—XCVII*, 1998—2003, 175—187.
- Nicolae, E., Bârnea, P. 2004. Platoul lui Ali (Orheiul Vechi, secolul al XIV-lea). In *Felezeu, C. (coord.). Studii și cercetări de turcologie contemporană. Omagiu profesorului Mihai Maxim*. Cluj-Napoca: Tribuna, 33—39.
- Rėklaitytė, I., Boloix-Gallardo, B., Zaveckienė, E. 2011. A bracelet from the lands of the Golden Horde found in the Palace of the Grand Dukes of Lithuania. In *Apyranke išauko ordos teritorijos, pasta Lietuvos valdovų rūmuose*. Archaeologia Baltica 16. Klaipėda: Klaipėda University Press, 104—109.
- Teodor, D. Gh. 1964. Obiectele de podoabă din tezaurul feudal timpuriu descoperit la Oțeleni (raionul Huși, reg. Iași). *AM II—III*. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 343—361.

Статья поступила в сборник 19 марта 2020 г.

Anna Boldureanu (Kishinev, Moldova). Doctor of History. National Museum of History of Moldova¹.

Болдуряну Анна Ивановна (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Национальный музей истории Молдовы.

E-mail: anaboldureanu@yahoo.com

Address: ¹ 31 August St., 121a, Kishinev, MD-2012, Moldova

С. И. Валиулина

Некоторые украшения и детали костюма Торецкого городского поселения

Keywords: Middle Volga region, Kazan Khanate, Southern and Central Europe, 15th century, intercultural interaction, jewelry, Hanseatic seals

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Казанское ханство, Южная и Центральная Европа, XV век, межкультурное взаимодействие, ювелирные изделия, ганзейские пломбы

S. I. Valiulina

Some Jewelry and Costume Details of the Toretzkoe Urban Settlement

The multi-ethnic population of the Toretzkoe urban settlement of the 15th century on the southern borders of the Kazan Khanate is evidenced by the presence of the Russian and Finno-Ugric peoples' cultural materials such as ceramics, items of personal piety, and traditional jewelry in the rich collection of the site.

The items analyzed in the article do not have any ethno-cultural affiliation, but rather reflect all-European medieval fashion and reveal the contacts of the Middle Volga in the Late Middle Ages. Details of the belt set from the Toretzkoe urban settlement find a wide range of analogies among the sites of Southern and Central Europe. A brass bell and waist pads are characterized by close geography of the main analogies. Obviously, the Siberian finds of such bells require further comparative-and-typological analysis and interdisciplinary approach. A silver ring illustrates a narrower direction, that is relations with the Crimea, which — judging by other finds — were traditional for Toretzkoe.

Thus, jewelry and costume details suggest the region's involvement in the pan-European cultural and economic space, which is confirmed by the finds of Hanseatic trade seals.

С. И. Валиулина

Некоторые украшения и детали костюма Торецкого городского поселения

Полиэтнический состав населения Торецкого городского поселения XV в. на южных рубежах Казанского ханства характеризует присутствие в составе богатой коллекции памятника материалов культуры русского и финно-угорского населения: это керамика, предметы личного благочестия, традиционные украшения.

Рассмотренные в статье изделия не обладают определенной этнокультурной принадлежностью, отражая общеевропейскую средневековую моду и обнаруживая направления контактов населения Среднего Поволжья в позднем средневековье. Широкий круг аналогий в памятниках Южной и Центральной Европы представляют детали поясного гарнитура Торецкого городского поселения. Близкую географию основных аналогий имеет бубенчик, латунный, как и поясные накладки. Очевидно, что сибирские находки подобных бубенчиков требуют дальнейшего сравнительно-типологического анализа на междисциплинарной основе. Более узкое, но традиционное для Торецкого поселения, судя по комплексу других находок, направление связей с Крымом иллюстрирует серебряный перстень.

Таким образом, ювелирные изделия и детали костюма показывают вовлеченность региона в общеевропейское культурно-экономическое пространство, что подтверждают также находки ганзейских торговых пломб.

Торецкое городское поселение — ремесленный и торговый центр раннего Казанского ханства, находится в Алексеевском районе Татарстана. С 1998 г. памятник исследуется экспедицией Казанского университета под руководством автора. Раскопками получена богатая коллекция, характеризующая городскую культуру региона в XV в. В число основных производств, выявленных на памятнике, входит цветная металлообработка, о чем свидетельствует наличие не менее трех мастерских во всех основных районах города. Их основной специализацией было изготовление и ре-

монт металлической посуды. Вероятно, сопутствующим занятием являлось ювелирное ремесло. На подчиненную роль изготовления украшений указывает их малое число — менее 30-ти, и разнотипность, а также отсутствие литейных форм в мастерских. В составе этого небольшого собрания особенно выразительна группа ювелирных изделий и деталей костюма, обнаруживающих дальние южные и западные аналогии.

В процессе раскопок найдено 4 серебряных перстня и два каста. Самый интересный перстень происходит с 20-го раскопа в централь-



Рис. 1. Серебряный перстень. Торецкое городское поселение, находка 2019 г. (фото автора).

Fig. 1. Silver ring. Toretsky urban settlement, find of 2019 (photo by the author).

ной части памятника, в слое разрушения и гибели поселения¹. Перстень с прямоугольным щитком размерами 9×14 мм, диаметром 21 мм, шинка плоская, с обеих сторон у щитка имеет фигурные завершения. По углам щитка расположены бугорки-выступы, подобные детали на крымских перстнях М.Г. Крамаровский называет рудиментами захватов, которыми обычно держатся ювелирные вставки (Крамаровский 2005: 201). Щиток и шинка украшены растительно-геометрическим орнаментом, выполненным гравировкой с чернью (рис. 1).

Перстень изготовлен в технике литья и пайки твердыми припоями, припой покрыт продуктами коррозии меди зеленого цвета. С внутренней стороны виден значительный наклеп металла. На поверхности, свободной от коррозионных образований, присутствует белый порошкообразный налет восстановившегося серебра².

Перстень представляет довольно редкий тип подобных украшений. Наиболее близки торецкому два серебряных перстня с ромбовидными щитками — случайные находки на городище Солхат (Крамаровский 2005: 158, кат. 120, 121) и серебряный перстень с шести-

угольным щитком и шестью выступами, обнаруженный раскопками на поселении Бока-таш II в юго-восточной округе Солхата (Крамаровский, Гукин 2006: таб. 177: 16). По мнению М.Г. Крамаровского, изделия относятся к восточно-крымской ювелирной школе, получившей развитие в XIV — нач. XV вв. (Крамаровский 2005: 201).

Золотой перстень подобного типа найден в 1950 г. в составе Карашамского клада в Зеленодольском районе Татарстана (Калинин, Халиков 1954: 119), клад датируется концом XIV — нач. XV в. (Федоров-Давыдов 2003: 147).

От всех других торецкая находка отличается более простым исполнением. В отличие от четкой и правильной формы перстня, декор выполнен небрежно, с нарушением геометрии замысла, особенно в украшении щитка, а также отсутствуют рельефные завершения шинки. Можно предположить, что перстень является поздним образцом угасающей традиции или периферийного производства.

Серьги серебряные (5 экз.) представляют два основных типа этих украшений в золотоордынский период. Две торецкие серьги кольцевидные, один конец раскован и закручен спиралью — тип Б-I-2 по Г.Ф. Поляковой (Полякова 1996: 172, рис. 60: 18). Три серьги в виде вопросительного знака, в Болгаре подобные серьги имеют на конце насаженные жемчужины или ажурную бусину и составляют тип А-II-3 (Полякова 1996: 171, рис. 60: 15, 16; 61: 3—5). Хронологическое распределение ювелирных изделий Северо-Восточной Руси 2-й пол. XIII—XVI вв. позволило Т.Г. Сарачевой уточнить датировку серег в виде знака вопроса. По мнению исследовательницы, находки в комплексах 2-й пол. XV в. позволяют расширить время их бытования на территории Северо-Восточной Руси (Сарачева 2007: 87, рис. 2: 4—8). В XVI—XVII вв. у марийцев аналогичные украшения более крупных размеров стали использоваться как височные украшения и детали костюма (Никитина, Михеева 2006: 126, рис. 52: 9; Шапран 2002: 257—258, рис. 7—9).

Одной из поздних разновидностей этих украшений являются крупные серьги с кольцевидными цепочками (Каримова 2013: 30). Такие серьги XV—XVI вв. известны в Старом Орхее и Сучаве на территории Молдовы (Абызова, Рябцева 2009: 143) и в генуэзском городе Чембало (Балаклава) XIV—XV вв. (Адаксина, Мыц 2018: 207, рис. 2: 3). Частью подобного украшения в Торецкой коллекции являются два серебряных проволочных ко-

¹ На памятнике известен щиток еще одного подобного перстня.

² Благодарю С.Г. Буршневу за реставрацию перстня и полезную консультацию.

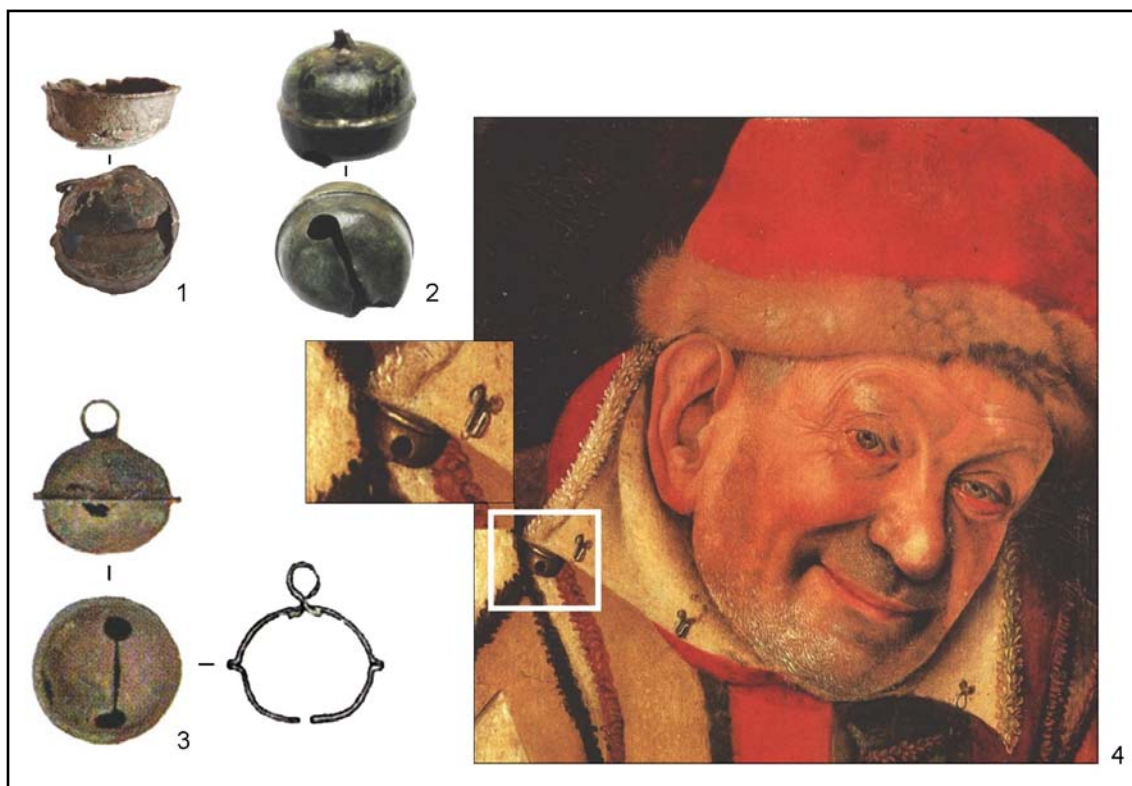


Рис. 2. Бубенчики разных памятников: 1 — Торецкое; 2 — город Болгар (фото автора); 3 — Гналик, Хорватия (по Schick 2006: fig. 1: typ 1); 4 — бубенчик на костюме Гонеллы, придворного шута герцога Феррары Леонелло де Эсте. Жан Фуке. 1445 г. (по Valiulina 2015).

Fig. 2. Bells from different sites: 1 — Toretskoe settlement; 2 — Bolgar city (photo by the author); 3 — Gnalik, Croatia (after Schick 2006: fig. 1: typ 1); 4 — jingle bell on the costume of Gonella, court jester of Leonello de Este, Duke of Ferrara. Jean Fouquet 1445 (after Valiulina 2015).

лечка, сцепленных друг за друга, при этом каждое колечко дополнительно перекручено в виде восьмерки, образуя цепочку из четырех звеньев размерами 0,3×0,6 см, 1,0×0,7 см, 1,0×1,2 см, 0,5×0,9 см.

Бубенчик (рис. 2: 1) имеет бочонковидную форму за счет уплощенных площадок сверху и снизу (сохранилась нижняя половина), его диаметр 2 см, высота, очевидно, 1,6 см, найден на раскопе XVI, выполнен из оловянной латуни (табл.1: 2).

Половинки таких бубенчиков оттискивались или штамповались из листа металла, при этом по внешнему краю каждой части сохранялся плавно отогнутый горизонтальный бортик, затем половинки спаивались. Внизу бубенчик имел линейную прорезь, завершающуюся двумя круглыми отверстиями для лучшего звучания. Сверху должно было быть припаяно петлевидное ушко (рис. 2: 3), оно обычно делалось из металлической полосы, концы которой вставлялись в щель верхней половинки и отгибались в разные стороны, после чего щель запаивалась. Внутри бубенчика должен был находиться кусо-

чек металла или камешек (Зыков, Кокшаров 2001: 178), било или язык сохраняется очень редко, и тогда о его присутствии и материале можно судить по следам ржавчины (Schick 2006: 110), её наличие отмечено и на торецкой находке.

В отличие от шаровидных, бубенчики бочонковидные редко встречаются на восточно-европейских памятниках — в Болгаре (рис. 2: 2) на 18 шаровидных приходится только один бочонковидный (тип В-IV-1) (Полякова 1996: 201, рис. 65: 33). По меньшей мере два экземпляра известны в Пскове, выполнены из двух- и многокомпонентной латуни (Королева 1996: табл. VII: 16; табл. XXV: 9), при этом вопрос о происхождении сплава Cu-Zn автор оставляет открытым, «т.к. в сырьевом металле он практически отсутствует» (Королева 1996: 257). В Новгороде бочонковидные бубенчики входят в четвертый тип (по Н. В. Рындиной) бубенчиков, спаянных из двух тисненых половинок (Рындина 1963: 259), в слое 1-й пол. и сер. XIII в. — 2 экз., XIV в. — 10 экз. (Поветкин 2008: 125, табл. 4: 14—17). В Крыму такие изделия найдены на поселении Бокаташ II (Кра-

маровский, Гукин 2004: 115, табл. 33/2001: 10; 2006: 297, табл. 177: 4) и в Каффе³. Не все находки могут быть строго датированы: в Болгаре бубенчик является подъемным материалом, в Пскове опубликован в составе аналитической выборки X—XVI вв. (Королева 1996: 230), на поселении Бокаташ II относятся к рубежу XIII—XIV вв., в Каффе происходит из слоя 2-й пол. XV в.

Значительным числом представлены бочонковидные бубенчики в памятниках таежной зоны Северо-Западной Сибири. В городке Эмдер, в сооружении 1 девятого строительного горизонта XV—XVI вв. и на синхронном этому горизонту Ендырском могильнике обнаружено 11 бубенчиков. Публикуя материалы этих комплексов, А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров приводят перечень других памятников региона, где известны подобные предметы, и делают заключение, что «бочонковидные бубенчики, являвшиеся развитием шаровидных, появляются позднее первой половины XV в. В Западной Сибири они бытуют до первой половины XVII в.» (Зыков, Кокшаров 2001: 178; рис. 41: 7; 51Б: 2, 3; 60Б: 6, 8; 68Б: 1; 70Б: 4, 7; 72Б: 2; 74Б: 3; 78: 38).

Неожиданно полезным в поиске аналогий торецкому бубенчику оказалось живописное полотно в собрании Венского музея искусств — портрет Гонеллы, придворного шута герцога Феррары Леонелло де Эсте, написанный Жаном Фуке в 1445 году (Valiulina 2015). Художник создал удивительно колоритное произведение, передающее характер и настроение модели, его физиономические особенности и детали костюма: фактуру ткани, меха, тесьмы и фурнитуру, в том числе, пришитый с внешней стороны правого отворота воротника, очевидно, бронзовый или латунный (?) бочонковидный бубенчик (рис. 2: 4).

В Центральной и Южной Европе подобные бубенчики известны и в археологических памятниках, систематизированы и отнесены Конрадом Шпиндлером к типу D1 (Spindler 2003: 4—7). Находки из Швейцарии, Австрии (Тироль), Хорватии рассматриваются исследователями в составе музыкальных инструментов и как украшение, в том числе и звуковое, саней, при этом допускаются и другие способы использования. Так, бубенчики могли быть звонким «сторожем» кошелек, как на полотне Стефана Лохнера 1440—1450 «Поклонение волхвов» (часть триптиха в Кёльнском соборе). Таким кошелькам есть археологические подтверждения (Bourgarel 2002). В швей-

царском Фрибурге найденные в объекте конца XIV — XV вв. бубенчики с геральдическими символами и готическими девизами интерпретируются как аксессуары соколиной охоты — в качестве доказательства приводится литография, на которой бубенчики изображены прикрепленными к лапкам охотничьей птицы (Auberson 2012: 98—99). В Гданьске этот тип бубенчиков обнаружен в слое XV—XVIII вв. в составе дорогой фурнитуры (Krzywdzinski 2013: 129, гус. 131: E-F).

Значительная коллекция бочонковидных бубенчиков с бортиком происходит из «закрытого» комплекса — венецианского торгового корабля, затонувшего во 2-й пол. XVI в. у острова Гналик в Адриатическом море у берегов Хорватии (рис. 2: 3). По размерам, пропорциям и технике исполнения бубенчики с корабля (тип 1) близки и восточноевропейским, и сибирским находкам, но некоторые экземпляры имеют на створках оттиснутые знаки мастера или торговца и, совсем редко, нижняя половинка штамповалась в фигурной форме с изображением двух лилий по обе стороны от щели, один колокольчик бракованный, все выполнены из цветного металла, состав которого не анализировался (Schick 2006: 110—111, fig. 1: typ 1).

Самые западные образцы обнаружены в испанской колонии Санта Фе в Аргентине, куда они прибыли с европейскими переселенцами (Catalogo Digital 2009). Нужно отметить, что в европейских памятниках редкой находкой являются близкие по форме, но литые латунные бубенчики — застежки и украшения костюма (Stadler 2006: 9, Abb. 1).

В центральной части памятника (раскоп 1) в процессе расчистки предпечной ямы (80×85 см) в жилом сооружении №1, в рыхлом золистом грунте было обнаружено скопление вещей, спрятанных намеренно. В состав клада входили как статусные, так и быденные бытовые предметы и инструменты: железные замок, топор, ножи, ложка; каменные точильные бруски, медная чашечка весов, набор костяных предметов — рукояти, пестик-курант и кистень из рога лося с железной сердцевинкой. Кроме кистеня, безусловно, статусной вещью в кладе являлся поясной гарнитур, который составляют железные детали — пряжка и узкая обойма-хомут, а также бронзовые — обойма прямоугольной формы из двух неорнаментированных пластин 26×30 мм, скрепленных по углам четырьмя штифтами, и три миниатюрные накладки (одна раскрошилась в момент обнаружения) 20×7 мм, крепившиеся к ремню двумя штифтами, они имеют удлиненную фи-

³ Любезное сообщение С. Г. Бочарова.

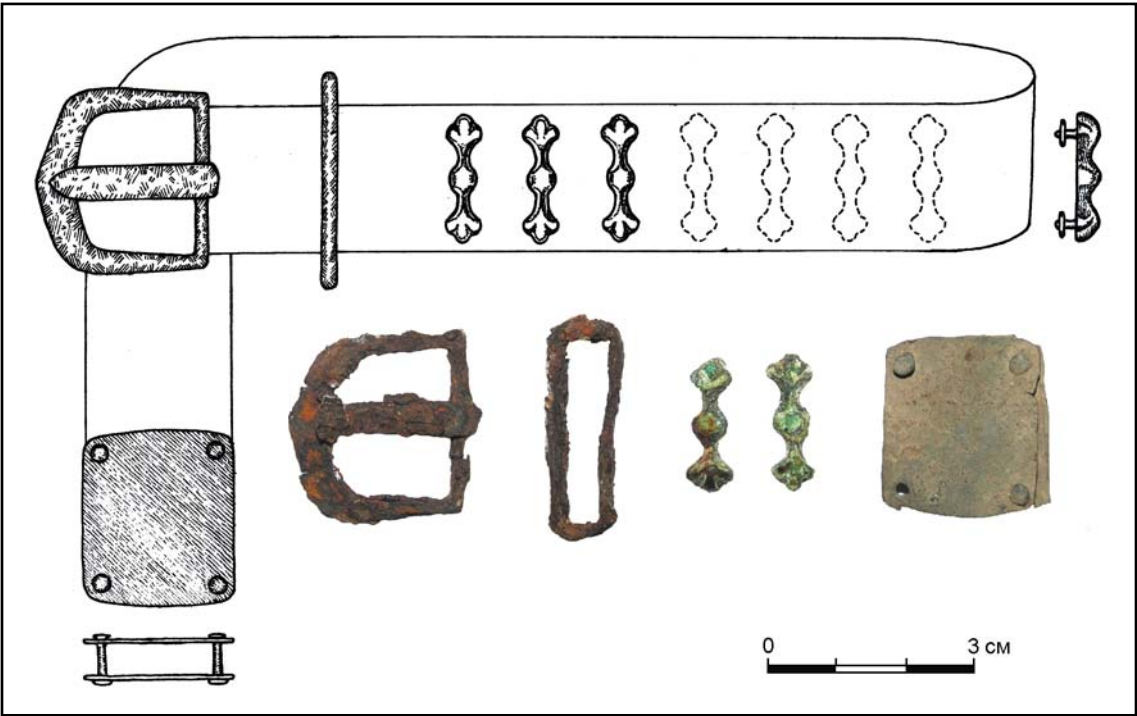


Рис. 3. Поясной гарнитур. Торецкое городское поселение (по Valiulina 2015).

Fig. 3. Belt set. Toretское urban settlement (after Valiulina 2015).

Таблица 1.

Химический состав поясной накладки (1) и бубенчика (2) Торецкого городского поселения (сканирующая электронная микроскопия)

№	Cu	Zn	Pb	Sn	Fe	Sb	Bi	As	Co	Ni	Ag
1	85,81	6,91	1,48	4,54	0,87	0,093	0,021	0,11	0,046	0,012	0,083
2	80,87	7,42	0,429	6,801	1,01	0,02	0	0,68	0,01	0,014	0,01

гурную форму с трилистниками (лилиями?) на концах и шестиугольной выпуклой розеткой в центре, выполнены литьем из многокомпонентной латуни (рис. 3; табл. 1: 1). Близкие по форме и размерам накладки из бронзы по одному экземпляру найдены в Старом Орехе (Vîrnea, Reaboî 1998: 151, fig. 1: 2), на Кубани у станицы Белореченской (Веселовский 1898: 18—21) и в Крыму в крепости Чембало в слое XV в. (Адаксина и др. 2004: 80, рис. 92: к.о. №141; рис. 95: к.о. №146), где кроме накладки присутствует характерная фигурная пряжка, и хотя находки происходят с разных участков раскопа, они могли принадлежать одному поясу. Перечень аналогий торецким накладкам в виде палочки с разными вариантами оформления концов включает накладки в коллекции Дамбартон-Оукса (Ross 2005: 79—80; Ланго, Полгар 2009: 488, рис. 1); находки в Венгрии в Эстергом-Сенткирай, в могильнике Недьсаллаш II; в погребении базилики Санта Репарата во Флоренции; на поясе статуи графа Эккерхарда в Наумбурге в Германии (Ланго, Полгар 2009: 489—490, рис. 8:

16); отдельные изделия из разных мест Болгарии (рис. 4) (Павлова 2011: обр. 7, 8); известны они и в других европейских памятниках XIV в. (Fingerlin 1971: 333, 406). Эти предметы относятся к кругу изысканных золотых и серебряных поясных наборов, таких как гарнитуры из Симферопольского клада (Мальм 1989: 19; Крамаровский, 2000: 106—107, кат. 565—595) (рис. 5), из собрания Британского музея (Anadolu Medeniyetleri 1983: D. 127, 70; Anatolian Civilisations 1983: 70) (рис. 6), из Никополя и Лозенца в экспозиции Археологического музея в Софии, Национального исторического музея в Софии, Археологического музея Варны (Valiulina 2015).

Парадные аристократические пояса XIII—XV вв., выполненные в западноевропейской готической традиции, с изящными фигурно-профилированными пряжками и накладками нескольких типов, среди которых самые выразительные — в виде двойной лилии и в виде миниатюрных рельефных палочек или симметричных балясин, в настоящее время имеют обширную историографию. Клас-

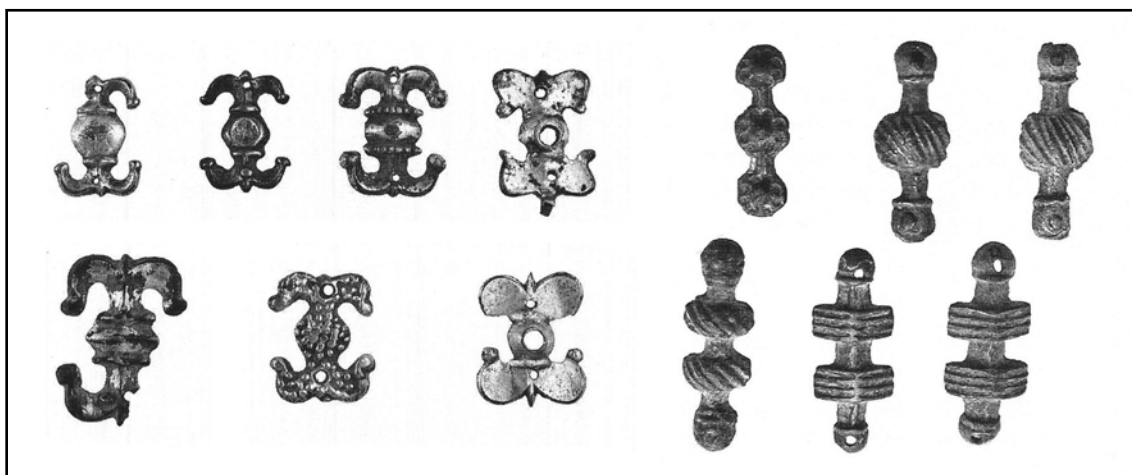


Рис. 4. Поясные накладки из памятников Болгарии XIV—XV вв. (по Павлова 2011: обр. 7, 8).

Fig. 4. Belt pads from the sites of Bulgaria of 14th—15th centuries (after Павлова 2011: обр. 7, 8).



Рис. 5. Пояс из Симферопольского клада (Крым). Первая половина XIV в. ГИМ (по Крамаровский 2000: 106—107, кат. 565—595).

Fig. 5. Belt from the Simferopol hoard (Crimea). First half of the 14th century. State Historical Museum (по Крамаровский 2000: 106—107, кат. 565—595).

сической в этом ряду исследований остается работа Илзе Фингерлин, в которой осуществлена систематизация материалов европейских памятников и представлена их типологическая хронология (Fingerlin 1971). Значительное число публикаций вводят в научный оборот новые находки и представляют обзоры аналогий, таким образом, множится корпус источников, плотнее становится география находок от Великобритании до Новгорода, Урала и Сирии. Особое значение имеют публикации стратифицированных материалов, обнаруженных в результате раскопок *in situ*. Одной из последних таких статей является публикация двух поясных гарнитуров XIV в., полученных из некрополя в Дорестаде (Atanasov 2011).

Изучая детали поясов в собрании Дамбартон-Оукса в Институте византистики Гарвардского университета с целью определения датировки и происхождения, П. Ланго и С. Полгар приводят им широкий перечень аналогий, прежде всего, в Центральной Европе, на Балканах, в восточноевропейских степях и в бассейне Средиземноморья, где эти изделия бытовали в XIII—XV вв., представлены большим числом, чем на Востоке, и изготавливались не только из драгоценных металлов, но и из бронзы (Ланго, Полгар 2009: 490). Поясные накладки собрания Дамбартон-Оукса (Ланго, Полгар 2009: рис. 1) однотипны с торецкими.

По памятникам Болгарии и сопредельных территорий подробную сводку таких находок

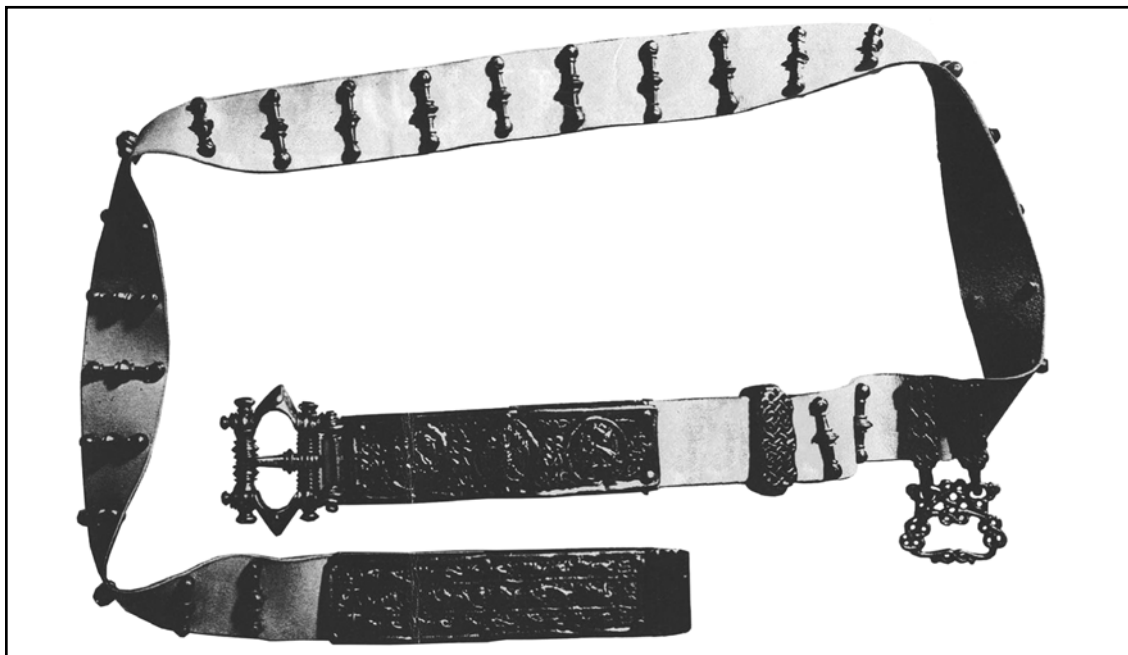


Рис. 6. Пояс из Турции, 1220 г. Британский музей (по Anadolu Medeniyetleri 1983: 70, D 127).

Fig. 6. Belt from Turkey, 1220. British Museum (after Anadolu Medeniyetleri 1983: 70, D 127).

представила В. Павлова, в ее обзоре присутствуют практически полные аналогии торецким образцам, как в археологических материалах, так и в изображениях церковных росписей XIV — 2-й пол. XV в. Редкие письменные документы, миниатюры, настенные росписи в церквях и скульптурные изображения свидетельствуют, что эти типы поясных украшений получили распространение на обширной территории Европы, и особенно на Балканах, и бытовали с XIII до XV в. (Павлова 2011: 464, 471, обр. 7: 2; 12: а). Анализируя поясной гарнитур конца XIV в. с чередованием накладок двух видов — круглых и в форме «двойной лилии», найденный у села Кичево и поступивший в Археологический музей Варны, автор, опираясь на находки литейных форм и отливок-полуфабрикатов, приходит к выводу, что подобные украшения изготавливались в различных местах Болгарии. Притом не исключается возможность работы в столичном Тырново мастеров из Дубровника, подобно тому, как это было при дворе сербских правителей, в Боснии, Венеции, Венгрии и у герцога Феррары (Павлова 2011: 474).

В Румынии поясные гарнитуры с накладками в виде двойной лилии и производные от этого вида более причудливой формы существовали с XIII в. до XV—XVI вв. (Popescu 1970: 70—71, 78, cat. 161, 162, 204; Рябцева 2012).

Более подробный не только обзор, но и стилистический анализ роскошных по-

ясов обширного Карпато-Балканского региона выполнен С. С. Рябцевой. Используя материалы западноевропейских художественных памятников, автором реконструируются способы ношения поясов, делается вывод, что в отличие от Западной Европы, где пояса были свойственны и мужскому, и женскому костюму, в Карпато-Балканском регионе они являлись принадлежностью мужского костюма (Рябцева 2012: 276). В этой связи интересно, что торецкий пояс был найден вместе с мужским изделием — кистнем из рога лося (Валиулина 2015: 85—86, рис. 4: 4).

По мнению М. Г. Крамаровского, поясная гарнитура из золота и серебра с накладками в форме «миниатюрных симметричных баясин» выполнялась в ювелирных мастерских Южной Европы от центрального Средиземноморья до Крыма, где латинские мастера-металлисты работали в Каффе (Крамаровский 2000: 187—188).

В Восточной Европе подобные поясные гарнитуры известны преимущественно в степной зоне (Веселовский 1898; Отрощенко, Рассамакин 1986) и очень редко проникают далеко на север. Так, накладки формы, близкой убранству варнинского пояса, украшали кожаный пояс XIII—XIV вв. из Новгорода (Горелик 2008: рис. 3: 10).

Прототипы рассматриваемым поясам обнаруживаются еще в ранневизантийских памятниках. Примером могут быть бронзовые



Рис. 7. Пояс из Салони, конец IV — V вв. Археологический музей г. Сплит (фото автора).

Fig. 7. Belt from Salona, the end of 4th — 5th cc. Archaeological Museum of Split (photo by the author).

поясные накладки из христианской Салони 2-й пол. IV — 1-й пол. V в. в археологическом музее города Сплита (рис. 7). Эти два гарнитура отличает совершенно иной облик пряжек — они простой прямоугольной формы с раздвоенным язычком и щитком в форме ажурной решетки, накладки двух видов — миниатюрные узкие геометрические с двойными треугольными концами и более крупные фигурные (Buljevic et al. 1995: 230, 300). Оба вида накладок соответствуют раннесредневековым изделиям, в оформлении которых использован так называемый мотив «двойного рыбьего хвоста». Именно этот мотив в результате развития в течение нескольких столетий в XIII веке предстанет в виде мотива двойной лилии или якоря. В этой связи интересно, что геометрическим накладкам пояса из Салони особенно близки узкие накладки гарнитура нач. XIII в. из Сирии в Музее имени Майера в Иерусалиме, в настоящее время это один из самых ранних подобных комплексов (Pangani 2003: 65), наряду с анатолийским из собрания Британского музея (Anadolu Medeniyetleri 1983: 70, D.127). С учетом других аналогий в византийских памятниках, которые приводит М. Парани, пояса из Салони могут рассматриваться как подтверждение гипотезы о том, что изначально пряжки и накладки рассматриваемых парадных поясов XIII—XV вв. имели разное происхождение — накладки получили развитие из позднеантичной и ранневизантийской художественной традиции Южной Европы и, возможно, восточных византийских провинций, а профилированные фигурные рамки возникли позднее, — не ранее

XIII в.⁴ в Западной Европе и затем распространились до Средиземноморья, где и сложился весь ансамбль поясного гарнитура. В этом процессе некоторые авторы усматривают значительную роль межкультурного взаимодействия в Евразии зрелого средневековья, прежде всего движения крестоносцев (Ланго, Полгар 2009: 491).

Вслед за И. Фингерлин, все исследователи рассматривают пояса с лировидными пряжками как своеобразное проявление аристократической моды, не ассоциируя их ни с одной этнической группой в позднесредневековой Европе (Fingerlin 1971; Павлова 2011; Atanasov 2011). Очевидно, эти поясные гарнитуры производились во многих ремесленных центрах Европы и продавались по различной цене, в зависимости от материала и мастерства исполнения, на многочисленных рынках и международных ярмарках, а затем с торговыми караванами в качестве товара, подарка или в составе костюма иноземного гостя попадали и в такие отдаленные уголки, как Торецкое. Безусловно, не только дальнейшее совершенствование типологического анализа, как считает Г.Г. Атанасов (Atanasov 2011), но и данные о характере сплавов изделий — знание химического состава материала в дальнейшем будут способствовать определению региональных ремесленных традиций в изготовлении этих замечательных произведений.

⁴ По мнению Илзе Фингерлин, такие пряжки получили широкое распространение только со 2-й пол. XIII в. (Fingerlin 1971: 216—218).



Рис. 8. Текстильные пломбы. Торецкое городское поселение. Происхождение пломб: 1 — г. Сент Омер; 2 — г. Дамме (фото автора).

Fig. 8. Textile seals: Toretsky urban settlement. Provenance of the fillings: 1 — St.-Omer; 2 — Damme (photo by the author).

Торецкий пояс принадлежит к упрощенной поздней группе изделий, наиболее удаленных от исходных центров производства. В торецком наборе отсутствует полный комплект составляющих деталей, но главное, нарушено стилевое единство подобных гарнитур — место лировидной бронзовой пряжки занимает простая железная, подходящая лишь по размеру, т.е. соответствующая ширине ремня.

Можно предположить периферийное происхождение комплекса, существовавшего за хронологической и географической границами основного распространения классических поясов с лировидными пряжками и накладками в виде палочек — балясин с лилиевидными завершениями. Очевидно, торецкий пояс являет собой одно из свидетельств финала истории бытования подобной гарнитуры. Изделие является «чужим» для Волго-Камского региона и по характеру сплава, из которого отлиты накладки — это двойная оловянная латунь (Валиулина, Зайцева 2011).

Рассмотренные изделия обнаруживают широкий круг аналогий в позднесредневековых памятниках Евразии, во многом обусловленный международными культурно-экономическими связями. Однако нужно иметь в виду, что эти предметы мелкой пластики представлены в материалах Торецкого единичными находками, и вряд ли их оправдано считать импортом, скорее всего, они являются свидетельством присутствия приезжих людей.

На юго-западное направление контактов Среднего Поволжья в XV в. указывают и другие материалы Торецкого городского поселения: крымская поливная керамика, монеты

Крыма, массивная медная курильница местного торецкого производства (Валиулина 2011), но обнаруживающая самое близкое сходство с позднесредневековыми прототипами — жаровнями Крыма и Болгарии периода турецкого владычества⁴. Надежно и выразительно торговые контакты с дальними странами подтверждают свинцовые западноевропейские текстильные пломбы Ганзейского союза. Наиболее показательна целая не раскрытая пломба города Сент-Омера в Бургундии⁵ (Лаере, Тростьянский 2012: 149—150), на ее лицевой стороне изображен патриарший крест, как на гербе города, на оборотной — помещено фронтальное изображение Святого Омера с буквами «S» и «O» по обеим сторонам от головы (рис. 8: 1). В Восточной Европе известна только одна аналогия на городище Каменный Бугор в Астраханской области с монетами XV в. Вторая пломба с гербом города Дамме, где Ганзейское представительство было учреждено около 1240 г. На лицевой стороне изображена собака, бегущая вправо, под собакой звезда, на обратной стороне изображение не читается (рис. 8: 2). Пломба имеет аналогии на Селитренном городище (Лаере, Тростьянский 2012: 147). Еще две пломбы плохой сохранности, только на одной видно изображение латинского креста. Эти находки позволяют представить одно из направлений торговли фламандскими тканями — через ногайские степи в Крым.

⁴ Материалы в экспозиции Музея истории и этнографии крымских караимов в Евпатории и Археологического музея в Шумене.

⁵ Ранее была высказана неверная атрибуция изделия (Валиулина 2010: 186).

Литература

- Абызова Е.Н., Рябцева С.С. 2009. Изделия из цветных металлов и инструментарий ювелиров в контексте золотоордынских древностей Пруто-Днестровского междуречья. *Золотоордынская цивилизация* (2), 139—153.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. 2018. Золотоордынские компоненты в культуре гентуэзского города Чембало (Балаклавы) XIV—XV вв. В: Бочаров С.Г. (отв. ред.). *Средневековая археология. Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве»*, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Археология евразийских степей 4. Казань: ИА АН РТ, 206—210.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. 2004. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (Балаклава) в 2003 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. 2006. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (Балаклава) в 2005 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Валиулина С.И. 2010. Международные связи раннего Казанского ханства по материалам Торецкого поселения. В: Макаров Н.А., Коваль В.Ю. (отв. ред.). *Русь и Восток в IX—XVI веках: новые археологические исследования*. Москва: Наука, 183—191.
- Валиулина С.И. 2011. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. *РА* (4), 119—129.
- Валиулина С.И. 2015. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня Торецкого городского поселения. В: Хохлов А.Н. (отв. ред.). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья*. Тверь: Старый город, 71—98.
- Валиулина С.И., Зайцева И.Е. 2011. К вопросу о цветной металлообработке Торецкого поселения XV в. В: Васильев Д.В., Зеленева Ю.А., Ситдилов А.Г. (ред. колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Междунар. конф., посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань: ИИ АН РТ, 281—287.
- Веселовский Н.И. 1898. *Раскопки группы курганов у станицы Белореченской*. ОАК за 1896 год. Санкт-Петербург.
- Горелик М.В. 2008. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов. *КСИА* 222, 117—125.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. 2001. *Древний Эмдер*. Екатеринбург: Волот.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1954. *Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.* Труды КФАН СССР. Серия Исторических наук. Казань.
- Каримова Р.Р. 2013. *Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация)*. АЕС 16. Казань: ИИ АН РТ.
- Королева Э.В. 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова. В: Лабутина И.К. (отв. ред.). *Археологическое изучение Пскова 3* (1). *Раскопки в древней части Среднего города (1967—1991)*. Материалы и исследования. Псков: ПГПИ, 229—300.
- Крамаровский М.Г. 2000. *Сокровища Золотой Орды*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия.
- Крамаровский М.Г. 2005. Женщина в Золотой Орде: фуджин для мордовского князя. В: Пиотровский М.Б. (отв. ред.). *Золотая Орда. История и культура*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия, 157—165.
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. 2004. *Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001—2003 гг.)*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. 2006. *Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.)*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Лаере Р. ван, Тростянский О.В. 2012. Западноевропейские товарные пломбы XIV—XV вв. с территории Золотой Орды. В: Миргалеев И.М. (отв. ред.). *Нумизматика Золотой Орды 2*. Казань: Яз, 144—162.
- Ланго П., Полгар С. 2009. Заметки по поводу находок под инвентарным номером 40.10. византийской коллекции в Дамбартон Оуксе (США). В: Миргалеев И.М. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие 1*. Материалы Международной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Казань: Фэн, 488—500.
- Мальм В.А. 1989. *Симферопольский клад. Каталог Государственного исторического музея*. Москва: ГИМ.
- Отрошенко В.В., Рассамкин Ю.Я. 1986. Половецкий комплекс Чингульского кургана. *Археология* 53, 14—36.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И. 2006. Аламанер: миф и реальность. *Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа*. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат.
- Павлова В. 2011. Колан от XIV в., открыт до с. Кичево, Варненско. В: *Terra Antiqua Balcanica et Mediterranea*. Acta Musei Varnaensis VIII (1). Варна, 461—479.
- Поветкин В.И. 2008. Бубенцы и колокольчики среди прочих шумящих и ударных приспособлений в обиходе древних новгородцев. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгородский исторический сборник 11*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 51—62.
- Полякова Г.Ф. 1996. Изделия из цветных и благородных металлов. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: Татполиграф, 154—268.
- Рындина Н.В. 1963. Технологическая производства новгородских ювелиров X—XV вв. Новые методы в археологии. *МИА* 117, 200—262.
- Рябцева С. 2012. О находках поясных наборов XIII—XVI вв. в Карпато-Балканском регионе. *Tyragetia. Serie nouă*, 6 [21] (1), 269—280.
- Сарачева Т.Г. 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII—XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси. *КСИА* 221, 211—220.
- Федоров-Давыдов Г.А. 2003. *Денежное дело Золотой Орды*. Москва: Наука.
- Шапран И.Г. 2002. Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI — начала XIX в. (по данным археологии). В: Бацакало В.И. (отв. ред.). *Социально-исторические и методологические проблемы древней истории При-*

- камья. Ижевск: ИД Удмуртский университет, 242—287.
- Abou-Khatwa N. 2006. Ottoman Art (1517 — 19th Century). In: O’Kane B. (ed.). *The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo*. Cairo; New York: American University in Cairo, 186—261.
- Anadolu Medeniyetleri. 1983: *Anadolu Medeniyetleri 3. Selçuklu/Osmanlı*. Sergi kataloğu: İstanbul, 22 Mayıs — 30 Ekim 1983. Anatolian Civilisations 3. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı.
- Atanasov G.G. 2011. Two Belts from 14th-Century Male Burials in Drăstăr (now Silistra, NE Bulgaria). *Archaeologia Bulgarica* XV (2), 91—101.
- Auberson A.-F. 2012. L’affaire est dans le sac. L’escarcelle de Morat. *Cahiers d’Archéologie Fribourgeoise* = *Freiburger Hefte für Archäologie* 14. Freiburg, 98—99.
- Bîrnea P., Reaboi T. 1998. Investigațiile arheologice din Orheiul Vechi în anul 1987. *Revista Arheologică* (2), 151—159.
- Bourgarel G. 2002. Murten/Hauptgasse 24, die Wechselfälle eines Stadthauses. *Cahiers d’Archéologie Fribourgeoise* = *Freiburger Hefte für Archäologie* 4. Freiburg, 46—53.
- Buljević et al. 1995: Buljević Z., Ivčević S., Mardesić L., Visić-Ljubić E. 1995. *Salona Christiana*. Split: Arheološki muzej.
- Fingerlin I. 1971. *Gürtel des hohen und späten Mittelalters*. München: Deutscher Kunstverlag.
- Krzywdziński R. 2013. Analiza przestrzenno-funkcjonalna archeologicznych relikwów zagospodarowania Działek mieszczańskich z Południowo-zachodniej części kwartalu Ulic: Długie ogrody, Szafarnia, Angielska Grobla i Św. Barbary w Gdańsku. In: Paner H. (ed.). *Archeologia Gdańska* 5, 23—132.
- Margais G, Poinsson L. 1952. *Objets kairouanais. IX-e au XIII-e siècle. Reliures, verreries, cuivers et bronzes, bijoux*. Notes and documents XI (2). Tunis.
- Parani M.G. 2003. *Reconstructing the Reality of Images*. Leiden: Brill.
- Popescu M.M. 1970. *Podoabe medievale în Țările Române*. București: Editura Meridiane.
- Ross M.S. 2005. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Vol. 2. *Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period*, With an Addendum by Boyd S.A. and Zwirn S. 2nd edition. Washington, DC: Dumbarton Oaks.
- Santa Fe la Vieja (1572—1660)*. *Catalogo Digital*. 2009. Bienes Arqueológicos del Departamento de Estudios Etnográficos y Coloniales de la Provincia de Santa Fe, Argentina. URL: http://www2.ceride.gov.ar/whis/etnografico/coleccionarqueologicas/Metal_indumentaria.htm (дата обращения 01.09.2013).
- Schick M. 2006. The sleigh bell finds from Cnalic wreck. In: *The Heritage of the Serenissima*. Koper: Institute for Mediterranean Heritage, SRC Koper, 110—112.
- Spindler K. 2002. Mittelalter- und Neuzeitarchäologie in Forschung und Lehre an der Universität Innsbruck. *Archäologie Österreichs* 13. Wien, 4—7.
- Stadler H. 2006. Die Zeit sporadischer Fundaufsammlungen und früher archäologischer Untersuchungen. In: Zanesco A., Schmitz-Essra R. (Hrsg.). *Forum Hall in Tirol. Neues zur Geschichte der Stadt* 1. Innsbruck: Institut für Archäologien, Universität Innsbruck, 8—21.
- Valiulina S.I. 2015. Some evidence of South European contacts of the Middle Volga and Kama in the material culture of Toretское urban settlement. *Journal of Sustainable Development* 8 (4), 292—301.

References

- Abyzova, E.N., Ryabtseva, S.S. 2009. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* (2), 139—153 (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L. 2018. In Bocharov, S.G. (ed.). *Srednevekoviaia arheologiya (Medieval Archaeology)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) (4). Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 206—210 (in Russian).
- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2004. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 godu (Report on Archaeological Studies on the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava Town) in 2003)*. Saint Petersburg, Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2006. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2005 godu (Report on Archaeological Studies on the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava Town) in 2005)*. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2010. In Makarov, N.A., Koval’, V. Yu. (eds.). *Rus’ i Vostok v IX—XVI vekakh: Nove arheologicheskie issledovaniia (Rus’ and Orient in 9th — 16th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: “Nauka” Publ., 183—191 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 119—129 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2015. In Khokhlov, A.N. (ed.). *Tver’, Tverskaia zemlia i sopredel’nye territorii v epokhu srednevekov’ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)*. Tver: “Staryi gorod” Publ., 71—98 (in Russian).
- Valiulina, S.I., Zaitseva, I.E. 2011. In Vasil’ev, D.V., Zelenev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (ed. board). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul’tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 281—287 (in Russian).
- Veselovsky, N.I. 1898. *Raskopki gruppy kurganov u stanitsy Belorechenskoi (Excavations of the Barrows Group near the Belorechenskaya Village)*. Series: Otchet Imperatorskoi arheologicheskoi komissii za 1896 god (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1896). Saint Petersburg (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222, 117—125 (in Russian).
- Zykov, A.P., Koksharov, S.F. 2001. *Drevnii Emder (Ancient Emder)*. Yekaterinburg: “Volot” Publ. (in Russian).
- Kalinin, N.F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arheologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (The results of archaeological work 1945—1952)*. Trudy KFAN SSSR. Seriya Istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences: History Series). Kazan (in Russian).
- Karimova, R.R. 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostiuma kochevnikov Zolotoi Ordyy (tipologiya i sotsiokul’turnaia interpretatsiya) (Elements of Decoration and Accessories of Costume of the Golden Horde Nomads: Typology and Socio-Cultural Interpretation)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 16. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Koroleva, E.V. 1996. In Labutina, I.K. (ed.). *Raskopki v drevnei chasti Srednego goroda (1967—1991). Materialy i issledovaniia (Excavations in the Ancient Part of the Middle Town (1967—1991): Materials and Studies)*. Series: Arkheologicheskoe izuchenie Pskova (Archaeological Study of Pskov) 3. Pskov: Pskov State Pedagogical Institute, 229—300 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordyy = Altun Urda Xäzinäläre = The Treasures of the Golden Horde*.

- Saint Petersburg: "Slavia" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2005. In Piotrovskii, M.B. (ed.). *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slavia" Publ., 157—165 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G., Gukin, V.D. 2004. *Poselenie Bokataš II (Rezultaty polevykh issledovaniĭ Zolotoordynskoi arheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001—2003 gg.) (Bokataš II Settlement: Results of Fieldworks of the Golden Horde Archaeological Expedition, State Hermitage Museum, in 2001—2003)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Kramarovskii, M.G., Gukin, V.D. 2006. *Poselenie Bokataš II (Rezultaty polevykh issledovaniĭ Zolotoordynskoi arheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 gg.) (Bokataš II Settlement: Results of Fieldworks of the Golden Horde Archaeological Expedition, State Hermitage Museum, in 2004)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Laere, R. van, Trost'ianskii, O.V. 2012. In Mirgaleev, I.M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan: Iaz, 144—162 (in Russian).
- Langó, P., Polgár, S. 2009. In Mirgaleev, I.M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: "Fän" Publ., 488—500 (in Russian).
- Malm, V.A. 1989. *Simferopol'skii klad (The Simferopol Treasure)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Otroshchenko, V.V., Rassamakin, Yu. Ya. 1986. In *Arkhologiiia (Archaeology)* 53, 14—36 (in Russian).
- Nikitina, T.B., Mikhcheva, A.I. 2006. *Alamner: mifi i real'nost' (Vazhnangarskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okrug) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat (in Russian).
- Pavlova, V. 2011. In *Acta Musei Varnaensis VIII* (1). *Terra Antiqua Balcanica et Mediterranea*. Varna, 461—479 (in Bulgarian).
- Povetkin, V.I. 2008. In Yanin, V.L. (ed.). *Novgorodskii istoricheskii sbornik (Novgorod Historical Collected Papers)* 11. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 51—62 (in Russian).
- Polyakova, G.F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154—268 (in Russian).
- Ryndina, N.V. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 117, 200—262 (in Russian).
- Ryabtseva, S. 2012. In Sava, E. (ed.). *Tyragetia. Serie nouă*, 6 (21). nr. 1. Chişinău: Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, 269—280 (in Russian).
- Saracheva, T.G. 2007. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 221, 211—220 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shapran, I.G. 2002. In Batsekalo, V.I. (ed.). *Sotsial'no-istoricheskie i metodologicheskie problemy drevnei istorii Prikam'ia (Socio-Historical and Methodological Issues of Ancient History of the Kama Basin)*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 242—287 (in Russian).
- Abou-Khatwa, N. 2006. *Ottoman Art (1517—19th Century). The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo*. Cairo; New York.
- Anadolu Medeniyetleri 3. *Selçuklu/Osmanlı*. 1983. Sergi kataloğu: İstanbul, 22 Mayıs — 30 Ekim 1983. Anatolian Civilisations 3. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı.
- Atanasov, G.G. 2011. Two Belts from 14th-Century Male Burials in Drăstăr (now Silistra, NE Bulgaria). *Archaeologia Bulgaria* XV, 2, 91—101.
- Auberson, A.-F. 2012. L'affaire est dans le sac. L'escarcelle de Morat. *Cahiers d'Archéologie Fribourgeoise = Freiburger Hefte für Archäologie*. Freiburg, 98—99.
- Bîrnea, P., Reaboi, T. 1998. Investigațiile arheologice din Orheiul Vechi în anul 1987. *Revista Arheologică* (2), 151—159.
- Bourgarel, G. 2002. Murten/Hauptgasse 24, die Wechselfälle eines Stadthauses. *Cahiers d'Archéologie Fribourgeoise = Freiburger Hefte für Archäologie* 4. Freiburg, 46—53.
- Buljević, Z., Ivčević, S., Mardesić, L., Visić-Ljubić, E. 1995. *Salona Christiana*. Split: Arheološki muzej.
- Fingerlin, I. 1971. *Gürtel des hohen und späten Mittelalters*. München: Deutscher Kunstverlag.
- Krzywdziński, R. 2013. Analiza przestrzenno-funkcjonalna archeologicznych reliktyw zagospodarowania Działek mieszczańskich z Południowo-zachodniej części kwartału Ulic: Długie ogrody, Szafarnia, Angielska Grobla i Św. Barbary w Gdańsku. In Paner, H. (ed.). *Archeologia Gdańska*, 5. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 23—132.
- Margais, G., Poinsson, L. 1952. *Objets kairouanais. IXe au XIIIe siècle. Reliures, verreries, cuivers et bronzes, bijoux. Notes and documents*. XI, fasc. 2. Tunis.
- Parani, M.G. 2003. *Reconstructing the Reality of Images*. Leiden: Brill.
- Popescu, M.M. 1970. *Podoabe medievale în Țările Române*. București: Editura Meridian.
- Ross, M.S. 2005. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Vol. 2. *Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period*, With an Addendum by Boyd, S.A., and Zwirn, S. 2nd edition. Washington, DC: Dumbarton Oaks.
- Santa Fe la Vieja (1572—1660). *Catalogo Digital*. 2009. Bienes Arqueológicos del Departamento de Estudios Etnográficos y Coloniales de la Provincia de Santa Fe, Argentina. URL: http://www2.ceride.gov.ar/whis/etnografico/colecciones_arqueologicas/Metal_indumentaria.htm (accessed 01.09.2013).
- Schick, M. 2006. The sleigh bell finds from Cnalic wreck. *The Heritage of the Serenissima*. Koper: Institute for Mediterranean Heritage, SRC Koper, 110—112.
- Spindler, K. 2002. Mittelalter- und Neuzeitarchäologie in Forschung und Lehre an der Universität Innsbruck. *Archäologie Österreichs* 13. Sonderausgabe Nearchos. Sonderheft 8, 4—7.
- Stadler, H. 2006. Die Zeit sporadischer Fundaufsammlungen und früher archäologischer Untersuchungen. In Zanesco, A., Schmitz-Essra, R. (Hrsg.). *Forum Hall in Tirol. Neues zur Geschichte der Stadt* 1. Innsbruck: Institut für Archäologien, Universität Innsbruck, 8—21.
- Valiulina, S.I. 2015. Some evidence of South European contacts of the Middle Volga and Kama in the material culture of Toret'skoe urban settlement. *Journal of Sustainable Development* 8 (4). 292—301.

Статья поступила в сборник 2 марта 2020 г.

Svetlana Valiulina (Kazan, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University¹.

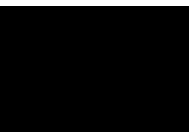
Валиулина Светлана Игоревна (Казань, Россия). Кандидат исторических наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: svaliulina@inbox.ru

Address: ¹ Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Сокровища фондов

Treasures from collections



Л. В. Строкова

Древнерусский клад из с. Новые Безрадичи Киевской области

Keywords: Ancient Rus', 11th—13th centuries, Tumoshch town, hoards, jewelry, torques, bracelets

Ключевые слова: Древняя Русь, XI—XIII вв., город Тумаш, клады, украшения, шейные гривны, браслеты

L. V. Stroкова

Ancient Russian Treasure Hoard from Novi Bezradychi of Kyiv Oblast

The collection of the National Museum of the History of Ukraine contains a hoard found in the village of Novi Bezradychi (Kyiv oblast, Obukhiv region). The hoard was handed over to the Museum in 1988. Near the place where the hoard was found, in the village of Stari Bezradychi, there are ramparts of the Ancient Rus' fort dated back to the 11th—13th centuries and identified by the researchers as the Ancient Rus' town of Tumoshch, which is mentioned in chronicles. To date, the hoard has not been introduced into scientific discussion. The hoard contains six items: twisted torques and twisted bracelets, as well as two unidentifiable fragments of décor. A feature of the hoard is the lack of locks and tips for the torques and bracelets; and this complicates the dating of that complex. The bracelets and torques fall within the turn of the 11th and the 12th centuries through the end of the 12th century, but the crinum-shaped ornaments on the decorative plate are characteristic of the second half of the 12th—the mid of the 13th century. Generally, this set of items can be dated to the turn of the 11th and 12th centuries through the second half of the 12th century and the beginning of the 13th century. The preservation of the hoard and the broken-off jewelry tips make it possible to consider the hoard as a stock of raw material for craftsman's work and probably possessed by a jeweler. Burying of the hoard could well have been caused by the Polovtsian raids, as well as by seizing and plundering of Kyiv by the troops led by Andrey Bogolyubski in 1169, and also by the Tatar-Mongol invasion.

Л. В. Строкова

Древнерусский клад из с. Новые Безрадичи Киевской области

В Национальном музее истории Украины хранится клад, найденный в с. Новые Безрадичи Обуховского р-на Киевской обл. (поступил в музей в 1988 г.). Близ места находки, в с. Старые Безрадичи, расположено древнерусское городище XI—XIII вв., отождествляемое исследователями с древнерусским летописным городом Тумаш. Клад не введен в научный оборот. В составе клада — 6 предметов: витые шейные гривны и витые браслеты, а также два неопределяемых фрагмента декора. Особенностью клада является отсутствие замков и наконечников у гривен и браслетов, что затрудняет датировку комплекса. Если браслеты и гривны укладываются в хронологические рамки рубежа XI—XII — конца XII веков, то криновидные орнаменты на декоративной пластине характерны для второй половины XII — середины XIII вв. В целом, данный комплекс можно датировать рубежом XI—XII вв. — второй половиной XII — началом XIII вв. Сохранность клада и обломанные наконечники украшений позволяют рассматривать клад как ремесленно-сырьевой, вероятно, принадлежащий ювелиру. Сокрытие клада вполне могло быть связано с набегами половцев, разгромом и разграблением Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г., а также с татаро-монгольским нашествием. То есть, наиболее вероятным периодом сокрытия клада является период 1169—1240 гг.

Древнерусские клады не перестают интересовать исследователей. В последние годы появился ряд публикаций, посвященных как новым, так и старым находкам. Но в музейных коллекциях есть клады, которые годами ждут своего исследователя. Об одном из таких кладов из коллекции Национального музея истории Украины и пойдет речь.

В 1988 году в Государственный музей истории Украины (ныне — Национальный музей истории Украины) поступил древнерусский клад из 6 предметов. Он был найден во время освоения садового участка на хуторе Песок возле с. Новые Безрадичи Обуховского р-на Киевской обл., расположенного в пойме реки

Тихань (приток р. Стугны). Следует отметить, что рядом с местом находки клада находится с. Старые Безрадичи, на западной окраине которого, на левом мысу р. Стугна, расположено древнерусское городище XI—XIII вв., к которому прилегает обширное селище площадью 10 га с керамикой XI—XIII вв., а также древнерусский могильник (Раппопорт 1952: 107—115; 1951: 114—118; Шендрик 1977: 87; Кучера 1986: 387). Древнерусское городище отождествляют с остатками летописного города Тумаш (Тумаш), который впервые упоминается в Лаврентиевской летописи под 1150 г. в связи с междоусобной борьбой Изяслава Мстиславовича и Юрия Долгорукого за ки-

евский престол (ПСРЛ 1862: 183—184). Тумащ был важным опорным пунктом, который в XI—XII вв. защищал Киев от половцев, так как находился в пограничном со степью районе и часто служил ареной столкновений.

Древнерусские клады домонгольского времени в основном состоят из женских украшений. Не исключением является и клад из с. Новые Безрадиичи. В состав клада входят 6 серебряных предметов: две шейные витые гривны, два витых браслета, две фрагментированные декоративные пластины. Рассмотрим их по предметно.

Описание находок

1. Гривна шейная витая из трех сдвоенных плотно скрученных жгутов, которые дополнительно были перевиты двумя сканными нитями, о чем свидетельствуют их остатки у частично сохранившегося наконечника. Дроты круглые в сечении, к центру утолщенные, что делает гривну в центральной части более массивной. Концы сплетенных жгутов скреплены кузнечной сваркой и раскованы в узкие вытянутые пластинчатые гладкие наконечники, основание которых в сечении имеет форму прямоугольника. Один наконечник отсутствует, на другом обломан замок. Диаметр гривны 16,1×16,5 см. Толщина гривны: в средней части — 1,0 см, у основания наконечников — 0,6 см. Ширина наконечника 0,74 см. Серебро. Вес 96,4 г. **Инв. № ДРА 1216** (рис. 1: 1).

2. Гривна шейная витая из трех строенных плотно скрученных жгутов. Дроты круглые в сечении, к центру утолщенные, что делает гривну в центральной части более массивной. Жгуты сплетены друг с другом в четыре витка, т. е. витые редкое. Концы сплетенных жгутов скреплены кузнечной сваркой и раскованы в узкие пластинчатые гладкие наконечники, основание которых в сечении имеет форму прямоугольника. Замки отсутствуют. Диаметр гривны 13,5×14,0 см. Толщина гривны: в средней части — 0,5 см, на концах — 0,35 см. Ширина наконечников 0,6 и 0,7 см. Серебро. Вес 84,6 г. **Инв. № ДРА 1217** (рис. 1: 2).

3. Браслет витой из трех кованых массивных круглых в сечении дротов, значительно утолщенных в средней части и суживающихся к концам. Концы раскованы: в центре — сквозное круглое отверстие для штифта, которым к браслету крепился накладной наконечник. Концы наполовину обломаны. Накладные наконечники отсутствуют. Диаметр браслета 7,0×6,7 см, толщина дротов 0,4—0,5 см; ширина наконечников 1,0 см; толщина браслета: в средней части — 1,0 см, у наконечников —

0,5 и 0,7 см. Серебро. Вес 60,2 г. **Инв. № ДРА 1214** (рис. 1: 4).

4. Браслет, витой из трех толстых круглых в сечении кованых дротов, незначительно утолщенных в средней части. Концы сужены, обломаны, накладные наконечники отсутствуют. На одном из концов сохранились фрагменты сканной нити. Диаметр браслета 6,9 см; толщина браслета: в средней части — 0,75 см, на концах — 0,55 и 0,65 см. Серебро. Вес 43,7 г. **Инв. № ДРА 1215** (рис. 1: 3).

5. Накладка (?) декоративная. Пластина в форме неправильного прямоугольника со срезанными углами; в центре — сквозное отверстие. Отверстие пробито на месте гравированного орнамента, о чем свидетельствуют следы штихеля по краю. В верхней части над отверстием — гравированный орнамент в виде крины, заключенного в сердцевидную фигуру. Внизу — гравированный орнамент в виде композиции из двух расходящихся в противоположные стороны ветвей-полукринов. Стороны пластины обрезаны. Поверхность пластины позолочена. Серебро 875°. Размеры: 16×0,24 см. **Инв. № ДРА 1218/1** (рис. 1: 5).

6. Пластина декоративная (фрагмент). Край изделия, возможно, чаши (?). По краям пластина позолочена, по центру — широкая полоса, на серебряном фоне которой гравированный орнамент в виде бегунка, заполненного чернью; серебряное поле покрыто сплошным слоем продуктов коррозии серебра. По верхнему краю — подтреугольные насечки. Серебро 875°. Размеры: 0,29×0,7 см. **Инв. № ДРА 1218/2** (рис. 1: 6).

Датировка

Шейные гривны. Витые шейные гривны из сложного жгута с узкими пластинчатыми наконечниками появляются на Руси в конце XI — нач. XII вв. и получают широкое распространение на протяжении всего древнерусского периода вплоть до середины XIII в. По технике изготовления наконечников, когда концы жгутов соединялись путем кузнечной сварки, а затем расковывались, этот тип гривен вписывается в типологическую схему, разработанную М. В. Фехнер. Гривны с пластинчатыми наконечниками, выполненными кузнечной сваркой, появляются в конце XI в. и максимальное распространение получают в XII в. (Фехнер 1967: 73). В конце XI — нач. XII вв. у шейных гривен появляется новая форма замка в виде двух спирально закрученных петель, через которые продевался шнурок. В XII веке замки данной формы получают на Руси максимальное распростра-



Рис. 1. Клад из Новых Безрадищ: 1, 2 — шейные гривны; 3, 4 — браслеты, 5, 6 — декоративные пластины (фото Д. Клочко).

Fig. 1. Treasure Hoard from Novi Bezradychi: 1, 2 — torques; 3, 4 — bracelets; 5, 6 — decorative plaques (photo by D. Klochko).

нение и становятся преобладающими у гривен XII—XIII вв. (Корзухина 1954: 25—26, 63; Рябцева 2005: 135; Кучинко, Кучинко 2007: 76—86; Жилина 2010: 184—186). Шейные гривны, аналогичные выше описанным,

встречаются как в кладах, зарытых на рубеже XI — нач. XII вв., так и в кладах 2-й пол. XII — 1-й трети XIII вв. Они известны в ряде кладов Киева и Киевщины, городища Княжа Гора на Черкащине, Волыни и других регио-

нов Древней Руси (Корзухина 1954: кл. 103, 117, 123, 128, 135; Кучинко, Кучинко 2007: 75—85; Новаковская-Бухман 2015: 36, ил. 46; 43; 50—51, ил. 87, 88). Исходя из формы и техники изготовления наконечников у вышеупомянутых аналогий, можно предположить, что замки у гривен из Новобезрадиского клада были в виде двух спирально закрученных петель. Но отсутствие замков не позволяет датировать гривны конкретнее рубежа XI—XII — сер. XII вв.

Браслеты. Витые браслеты с накладными миндалевидными наконечниками, украшенными чернью, появляются во 2-й пол. XI в. Такие браслеты были широко распространены на территории Древней Руси и часто встречаются в кладах рубежа XI—XII — сер. XIII вв. (Корзухина 1954; Рябцева 2001: 106; 2005: 135—137; Кучинко, Кучинко 2007; Новаковская-Бухман 2015). Т.И. Макарова делит браслеты данного вида на 3 подтипа, у каждого из которых — свои характерные особенности и хронологические признаки (Макарова 1986: 35—37). Отсутствие накладных наконечников несколько затрудняет атрибуцию данных браслетов. Браслеты, аналогичные браслету ДРА 1215 (рис. 1: 3), встречаются в основном в кладах 2-й пол. XII — сер. XIII вв. и датируются XII в. Но Т.И. Макарова относит наличие сканной перевитки к браслетам подтипа 2 и датирует их рубежом XI—XII вв. Хотя аналогичные браслеты со сканной перевиткой известны и в кладах 2-й пол. XII — сер. XIII в. (Корзухина 1954: 108, кл. 68, табл. XXIX; 133, кл. 135, табл. LV). Браслет ДРА 1214 (рис. 1: 4) — более массивен и значительно утолщен в средней части. По наблюдениям Г.Ф. Корзухиной и Т.И. Макаровой, именно массивные браслеты из кованной проволоки представляют первый этап эволюции подобных браслетов на Руси и могут быть датированы концом XI в. (Корзухина 1954: 26; Макарова 1986: 36). Остатки концов с отверстием для штифта, которым крепился накладной наконечник, характерны для браслетов подтипа 2, относящихся к рубежу XI — XII вв. Аналогичные по массивности браслеты, но с напаянными накладными наконечниками, есть в «Черниговском кладе» из коллекции М.П. Боткина, датируемом концом XI в. (Новаковская-Бухман 2010: 232, рис. 4; 2016: 324—325, рис. 2: 3, 4). Т.И. Макарова рассматривает в качестве примера раннего этапа эволюции витых браслетов с накладными наконечниками три беспаспортных браслета, два из которых — из коллекции Национального музея истории Украины (Макарова 1986: 33—35, кат. № 1, 2). В процес-

се изучения и атрибуции коллекции ювелирных украшений музея удалось восстановить место находки этих браслетов. Они происходят из монетно-вещевого золотоордынского клада XIV в., найденного в 1925 г. в с. Василицы Черкасской обл. (Строкова 1999: 75; 2006: 187, рис. 5). Этот клад упоминала в своей работе «Русские клады» и Г.Ф. Корзухина и также относила его к золотоордынскимкладам XIII—XIV вв. (Корзухина 1954: 46). Браслеты из Василицкого клада имеют значительные отличия от древнерусских браслетов XI—XII вв. Во-первых, у древнерусских витых браслетов наконечники миндалевидные, а в нашем случае — киотчастые. Во-вторых, почти все витые браслеты имеют круглую форму, а данные браслеты — овальной формы. В-третьих, следует учитывать и толщину дрота. Браслеты из Василицкого клада изготовлены из массивного дрота, который к середине значительно утолщается. Браслеты с таким утолщением встречаются в древнерусских кладах крайне редко. И, наконец, полупальметта, составляющая орнаментальную основу наконечников браслетов, характерна для стилистики 2-й пол. XIII — XIV вв. По всей вероятности, такое изображение полупальметты является «восточным заимствованием» в результате контактов древнерусских мастеров с ремеслом городов Поволжья и Крыма. Золотая Орда привнесла новые черты и стилевые принципы в искусство балканских стран и Руси (Кучинко, Орлов 1989: 103; Крамаровский 2001: 206).

Таким образом, ввиду вышеизложенных признаков и учитывая наличие в кладе монет XIV в., витые браслеты с Василицкого клада можно датировать периодом не ранее 2-й пол. XIII — сер. XIV вв. Исходя из вышесказанного, следует, очевидно, пересмотреть эволюционные этапы развития витых браслетов с накладными наконечниками с чернью и признать начальным этапом рубеж XI—XII вв. Основная масса витых браслетов датируется XII в., но они, несомненно, доживают до сер. XIII в., о чем свидетельствует их присутствие в кладах конца XII — нач. XIII вв. (Корзухина 1954: клады 103, 105, 135, 171). Конечно, отсутствие накладных наконечников у браслета ДРА 1214 не позволяет датировать его более конкретно, но, на мой взгляд, его можно рассматривать как более позднее изделие, изготовленное не ранее XII, а возможно, и начала XIII в.

Декоративные накладки. Принадлежали ли эти два фрагмента декоративных пластин к одному изделию, сказать сложно, но их объединяет проба серебра и позолота. Орна-

ментальные мотивы в виде крина и полукрина были популярны в древнерусском ювелирном искусстве и широко применялись в украшениях с применением техники черни и эмали. Изображение кринов на накладке ДРА 1218/1 по своей стилистике перекликается с гравированными и черневыми изображениями на украшениях 2-й пол. XII — сер. XIII вв. (Кучинко, Орлов 1989: 103).

Основные итоги анализаклада, происходящего из с. Новые Безрадици, могут быть сведены к следующему.

Хронологические рамки комплекса достаточно широки. Если браслеты и гривны, учитывая отсутствие наконечников и замков, вкладываются в хронологические рамки рубежа XI—XII — конца XII веков, то декоративная пластина с криновидными орнаментами относится ко 2-й пол. XII — сер. XIII вв. Несмотря на то, что большое количество шейных гривен и браслетов является одной из особенностей кладов XI и рубежа XI — XII вв., витые гривны и браслеты с наконечниками, декорированными чернью, характерны и для кладов XII — 1-й трети XIII вв. Интересен тот факт, что клад 2-й пол. XII — 1-й трети XIII вв., в состав которого входили шейные гривны с наконечниками, аналогичными гривнам ДРА 1216, ДРА 1217, и витой браслет со сканной перевитью, аналогичный браслету ДРА 1215, был найден возле г. Обухова, расположенного в 10 км от с. Новые Безрадици (Корзухина 1954: 133, кл. 135, табл. LV; Малюк: 195, ил. 13: 1—3). Таким образом, данный комплекс можно датировать рубежом XI — XII вв. — 2-й пол. XII — нач. XIII вв.

Для украшенийклада из Новых Безрадицей общей чертой является то, что у браслетов и шейных гривен обломаны или обрублены концы. Наличие рубленых вещей не ха-

рактерно для кладов Среднего Поднепровья. И можно ли украшения, сохранившиеся почти на 90%, рассматривать как рубленое серебро? По сохранности видно, что предметы довольно длительное время были в обиходе: поверхности значительно потертые и поцарапаны, сканная перевить у браслета и гривны практически отсутствует, одна гривна полумана. Кроме того, в составеклада — два неопределяемых фрагмента. Все эти вещи в таком состоянии представляли лишь лом цветного металла, годный только на переделку и имеющий значительную ценность, поскольку на территории Древней Руси драгоценные металлы не добывались. Следовательно, клад из Новых Безрадицей можно рассматривать как ремесленно-сырьевой, который вполне мог принадлежать ювелиру.

Как известно,клады обустривали только в периоды нестабильности и приближения опасности. Такой опасностью для жителей древнерусского города Тумащ и его селища могли быть набеги половцев, разгром и разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. и татаро-монгольское нашествие (ПСРЛ 1862: 237—238). Следует отметить, что в результате нашествия был нанесен сильнейший удар по густонаселенному пограничному району Киевского княжества — Поросью. Путь татар от Поросья до Киева вдоль правого берега Днепра отмечен несколькимикладами — у с. Черныши, у с. Пивцы, близ г. Обухов и в окрестностях Киева в с. Мышеловка (Корзухина 1954:клады 128, 130, 135, 136). В эту же линию можно поставить и клад из с. Новые Безрадици. Но нельзя исключать вероятность сокрытия его и в период нашествия хана Батые. Поэтому вполне резонно предположить, что клад мог быть зарыт между 1169 и 1240 годами.

Литература

- Жилина Н. В. 2010. История древнерусского металлического убора IX—XIII вв. В: Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. Санкт-Петербург: Нестор-История, 175—198.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русскиеклады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кучера М. П. 1986. Городища. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР* 3. Киев: Наукова думка, 372—396.
- Кучинко М. М., Кучинко З. М. 2007. *Давні та середньовічні скарби Волині*. Луцьк: Волинська книга.
- Кучинко М. М., Орлов Р. С. 1989. Городищенський скарб з Волині. *Археологія* (2), 96—105.
- Крамаровский М. Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Славия.
- Макарова Т. И. 1986. *Черневое дело Древней Руси*. Москва: Наука.
- Малюк Н. 2017. Ювелирные изделия древнерусских кладов в фондах Музея исторических драгоценностей Украины. В: Клименко Т., Лузан В. (ред.). *Opus mixtum* 5. Киев: Музей історії Десятинної церкви, 183—198.
- Новаковская-Бухман С. М. 2010. Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина. В: Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. Санкт-Петербург: Нестор-История, 221—244.
- Новаковская-Бухман С. М. 2015. *Клады Древней Руси в собрании Русского музея*. Санкт-Петербург: Palace Editions.

- Новаковская-Бухман С. М. 2016. Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании Русского музея. *Stratum plus* (5), 321—336.
- ПСРЛ 1862: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью*. 1862. Полное собрание русских летописей 9. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
- Ряппопорт П. А. 1951. Оборонительные сооружения на городище Старые Безрадицы (Киевская обл.). *КСИИМК* 4, 114—118.
- Ряппопорт П. А. 1952. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья (Киевская и Черкасская обл.). *КСИИМК* 43, 107—115.
- Рябцева С. С. 2001. О двух кладах ювелирных украшений из раскопок Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви в Киеве. В: *Ювелирное искусство и материальная культура*. Санкт-Петербург: ГЭ, 103—106.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Строкова Л. В. 1999. Василицкий скарб з Черкащини. В: Ковтанюк Н. Г., Нестерук Л. І., Троненко Г. А. (ред.). *Музей на рубежі епох: минуле, сьогодення, перспективи. 1899—1999*. Матеріали ювілейної міжнародної науково-практичної конференції Національного музею історії України. Київ: ЕММА, 75.
- Строкова Л. В. 2006. Золотоордынський клад із с. Васильци Черкаської обл. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000). Тезисы докладов. Москва: Нумизматическая литература, 186—188.
- Фехнер М. В. 1967. Шейные гривны. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 43. Москва, 55—74.
- Шендрик Н. І. 1977. *Довідник з археології України. Київська область*. Київ: Наукова думка.

References

- Zhilina, N. V. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewellery and its Origins)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 175—198 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th Centuries)*. Moscow; Leningrad; Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kuchera, M. P. 1986. In Baran, V. D. (ed.). *Arkheologiya Ukrainy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR) 3. Ranneslavianskii i drevnerusskii periody (Early Slavic and Old Russian Periods)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 372—396 (in Russian).
- Kuchynko, M. M., Kuchynko, Z. M. 2007. *Davni ta seredn'ovichni skarby Volyni (Ancient and Medieval Hoards of Volhynia)*. Luts'k: "Volyn's'ka knyha" Publ. (in Ukrainian).
- Kuchinko, M. M., Orlov, R. S. 1989. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 96—105 (in Ukrainian).
- Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; "Slavia" Publ. (in Russian).
- Makarova, T. I. 1986. *Chernevoe delo Drevnei Rusi (Ancient Russian Niello)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Maliuk, N. 2017. In Pysarenko, N., Arkhipova, Ye., Anan'yeva, T. *Opus mixtum* (5). Kiev: Museum of History of the Desiatynna Church, 183—198 (in Russian).
- Novakovskaya-Buchman, S. M. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewellery and its Origins)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 221—244 (in Russian).
- Novakovskaya-Buchman, S. M. 2015. *Klady Drevnei Rusi v sobranii Russkogo muzeia. Katalog vystavki (The Hoards of Ancient Rus' in the Collections of the Russian Museum)*. Saint Petersburg: Palace Editions (in Russian).
- Novakovskaya-Buchman, S. M. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 321—336 (in Russian).
- Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (Collection of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 1862. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 9: VIII. Saint Petersburg: Typography of Eduard Prats (in Russian).
- Rappoport, P. A. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 4, 114—118 (in Russian).
- Rappoport, P. A. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 43, 107—115 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2001. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 103—106 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Strokova, L. V. 1999. In Kovtanyuk, N. H., Nesteruk, L. I., Tronenko, H. A. (eds.). *Muzej na rubezhi epokh: mynule, s'ohodennya, perspektyvy (Museum at the Turn of Epochs: Past, Present Day, Outlook)*. Kiev: "EMMA" Publ., 75 (in Ukrainian).
- Strokova, L. V. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziatskoi zone: Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia G. A. Fedorova-Davydova (Town and the Steppe in the Europe-Asia Contact Zone: Abstracts for the 3rd International Conference in Honor in the 75th Anniversary of G. A. Fyodorov-Davydov)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 186—188 (in Russian).
- Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43, 55—74 (in Russian).
- Shendryk, N. I. 1977. *Dovidnyk z arkheolohii Ukrainy. Kyivs'ka oblast' (Guide to the Archaeology of Ukraine: Kiev Oblast)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Статья поступила в сборник 2 апреля 2020 г.

Liudmila Strokova (Kyiv, Ukraine). National Museum of Ukrainian Folk Decorative Art¹.

Строкова Людмила Владимировна (Киев, Украина). Национальный музей украинского народного декоративного искусства.

E-mail: lvstrokova@ukr.net

Address: ¹ Lavrska St., 9, Kyiv, 01015, Ukraine

Ю. В. Мысько

Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника

Keywords: Old Rus, Kyiv, three-bead templerings, rjasny, torc, depository collection

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, трехбусинные кольца, рясна, шейная гривна, фондовая коллекция

Yu. V. Mysko

Objects of the Old Rus Head and Neck Jewelry Dress in the Depository Collection of the National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Reserve

The article presents the results of analysis of a few jewelry objects from the collection of the National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Reserve. All objects are introduced here for the first time. There are five silver three-bead templerings, a fragment of so-called rjasny (riazni)—chains consisting of 8 blocks, and a torc. The author addresses their possible provenance, manufacturing techniques, ways of wearing head and neck jewelry sets as well as analogies, chronology and typology of the objects.

Ю. В. Мысько

Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника

В статье анализируются ранее не публиковавшиеся предметы из фондов НКПИКЗ — 5 серебряных трехбусинных колец, фрагмент цепей-рясен из 8 колодочек и шейная гривна. Устанавливается их возможное происхождение и пути поступления. Рассматриваются техника изготовления и способы ношения головных и шейных украшений древнерусского ювелирного убора. Приводятся аналогии, определяются хронология и типология предметов.

Фондовая коллекция Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника (НКПИКЗ) насчитывает более 71 000 единицы хранения (Полюшко 2012: 4). Незначительную по объему, но ценную часть этого собрания составляют древнерусские материалы. Среди 22 таких артефактов группы хранения «металл» присутствуют образцы декоративно-прикладного искусства, в том числе предметы ювелирного убора головы и шеи. Это фрагмент рясен, 5 трехбусинных височных колец и шейная гривна. Информация о происхождении этих предметов крайне скудна — в учетных карточках значится только, что все они возвращены из эвакуации согласно акту от 06.05.1947. По этому акту в рамках процесса реэвакуации, начатого после Постановления Совета народных комиссаров УССР «О возобновлении деятельности Государственного историко-культурного заповедника “Киево-Печерская Лавра”» (30.05.1944), из Госбанка были по-

лучены 29 ящиков и 1 мешок, в которых находилось 2840 предметов (Качан 2007: 59). Книга поступлений заповедника начала систематически вестись только с 1957 г., хотя отдельные записи есть за 1948—49 гг. и 1952 г. (Качан 2007: 58), но в них нет сведений, откуда поступили интересующие нас вещи.

В процессе изучения украшений и поиска аналогов нам удалось установить, что часть их происходит из собрания Богдана и Варвары Ханенко. В частности, это, вероятнее всего, все 5 экземпляров трехбусинных колец, которые совпадают с изображениями и описаниями, приведенными в V выпуске «Древностей Приднепровья» (Ханенко, Ханенко 1902). Так, кольца КПЛ-М-10526 (рис. 1: 1) и КПЛ-М-10527 (рис. 1: 2) в перечне Б. Н. и В. И. Ханенко соответствуют №922 и №926, которые найдены в 1900 г. на Княжей горе Черкасского уезда Киевской губернии (Ханенко, Ханенко 1902: 21, табл. XXV). На



Рис. 1. Трехбусинные кольца (КПЛ-М-10526, 10527, 10529) (фото автора).

Fig. 1. Three-bead templerings (КПЛ-М-10526, 10527, 10529) (photo by the author).

кольцах помещены по три шарика, «покрытые зернью (маком), промежутки между шариками обвиты тонкой проволокой» (Ханенко, Ханенко 1902: 41). КПЛ-М-10528 (рис. 3: 1) и КПЛ-М-10529 (рис. 1: 3) — это №942 и №938 серег серебряных киевского типа с 3 шариками на кольце из с. Сахновки Каневского уезда Киевской губернии (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXVI). На первом «шарики из витой серебряной проволоки, ажурные», на втором «шарики восьмигранные, стороны их в виде плоских кружков с дырочкой в центре, между кружками также по 2 дырочки,

промежутки между шариками обвиты тонкой проволокой» (Ханенко, Ханенко 1902: 41, 45). Некоторые сомнения из-за плохой сохранности вызывает кольцо КПЛ-М-10530 (рис. 2: 1). Но очень вероятно, что это найденное в Киеве кольцо №935, на котором помещены 3 шарика, «орнаментированные тонкой витой проволокой с изображением на каждом шарике трех кружков, центр которых приподнят и оканчивается шишечкой, от нее расходятся по кругу 6 радиусов. Промежутки между шариками обвиты тонкой проволокой» (Ханенко, Ханенко 1902: 41, табл. XXVII).

Известно, что свою археологическую коллекцию Б.И. и В.Н. Ханенко подарили Киевскому художественно-промышленному и научному музею, в создании которого принимали деятельное участие. В отчете музея в день его освящения и открытия 30.12.1904 приводится перечень древностей Приднепровья, в числе 3000 переданных номеров, оцененных в 71000 руб., значится и коллекция «эпохи славянской» (Членова 1999: 34). После ряда реорганизаций этот музей уже как Всеукраинский исторический (ВИМ) в 1930—31 гг. передал свой археологический отдел Археологическому музею Всеукраинской академии наук (ВУАН). Последний входил в состав Всеукраинского музейного городка, размещавшегося на территории ликвидированной Киево-Печерской Лавры (Археологічний музей... 2017: 26—27, 74). Почти сразу же руководство исторического музея, который с 1933 г. тоже располагался в Музейном городке, подняло вопрос о необходимости возврата археологических экспонатов, и коллекция вернулась к 1936 г. (Радієвська, Сорокіна, Завальна 2014: 325). Таким образом археологические материалы, составлявшие фонды Археологического музея ВУАН в 1931—34 гг., стали частями собраний Национального музея истории Украины, Музея истории Киева и Лаврского заповедника (Археологічний музей... 2017: 34).

Что касается других предметов ювелирного убора, нельзя исключать, что эти вещи были переданы из музея Киевского церковно-археологического общества в числе почти 3000 экспонатов, о которых сохранились некоторые сведения (Каталог... 2002: 21). Какое-то количество из них было распознано, но большую часть, в первую очередь, археологической и нумизматической коллекций, по разным причинам невозможно идентифицировать (Каталог... 2002: 22). Например, в «Указателе Церковно-археологического музея» (ЦАМ) за 1897 г. среди «археологических предметов разных украшений», поступивших из собрания действительного статского советника Н.А. Леопардова, упоминаются киевская серебряная шейная гривна, а также шейная серебряная витая гривна и серебряный браслет с расширенными концами, найденные в Киеве на Маложитомирской улице (Петровъ 1897: 266, 268, 269). 2 серебряных шейных обруча, найденных в 1888 г. в деревне Лудошурской Вятской губернии, переданы в ЦАМ Императорской Археологической комиссией (Петровъ 1897: 225). Также нужно учитывать, что пополнение коллекций музея осуществлялось до прекращения его фактической деятельно-



Рис. 2. 1 — трехбусинное кольцо (КПЛ-М-10530); 2, 3 — бусины с прорезями (фото автора).

Photo 2. 1 — three-bead templering (КПЛ-М-10530); 2, 3 — beads with slots (photo by the author).

сти в 1916 г., поэтому о многих поступлениях нам не известно.

Сейчас предметы древнерусского ювелирного убора не присутствуют в постоянной экспозиции музея Киево-Печерской Лавры и редко задействованы на выставках. Часть их демонстрировалась на выставке «Византия и Киевская Русь», прошедшей в 1997 г. Шейная гривна и 3 трехбусинных кольца под названием «височных украшений» были опубликованы в вышедшем каталоге с датировкой XI—XII вв. (Візантія... 1997: 50—51). Фрагмент рясен представлен не был, вероятно, из-за худшей сохранности.

Рясна — металлические височные подвески, крепившиеся к головному убору или очелью, которые могли быть как самостоятельными украшениями, так и служить для подвешивания других ювелирных изделий, вероятнее всего, колтов (Седова 1981: 17; Рыбаков 1948: 316—317). Иногда их называют «рясами» в соответствии с существующим в письменной традиции термином (Рябцева 2017: 499—500). Представленный фрагмент (КПЛ-М-10532) состоит из восьми серебряных тисненых колодочек и круглого гладкого шарика диаметром 0,5 см (рис. 3: 2; 4: 1). Последний изначально вряд ли имел к ним отношение, т.к. рясна заканчивались обычно цепочками или застежками. Колодочки (0,6 × 2,5 см) в виде полуцилиндров с округлыми завершениями орнаментированы поперечными ребристыми тиснениями, так что между ними образуются валики. По бокам каждой проделаны 3 сквозных отверстия для нанизывания. Все они потемневшие, потертые, местами с вмятинами и мелкими разрывами. За-



Рис. 3. 1 — трехбусинное кольцо (КПЛ-М-10528); 2 — фрагмент рясен (КПЛ-М-10532); 3 — шейная гривна (КПЛ-М-10522) (фото автора).

Fig. 3. 1 — three-bead templering (КПЛ-М-10528); 2 — fragment of rjasny (КПЛ-М-10532); 3 — torc (КПЛ-М-10522) (photo by the author).

вершения у 3 экземпляров отсутствуют, а деформация последнего не дает с уверенностью определить, сколько на нем поперечных тиснений — 6, как на остальных, или только 5.

Такие колодочки обычно были частью рясен-цепей, последние Н.В. Жилина в своей типологии тисненых изделий относит к первой стилистической группе — колодочки с орнаментальным разделением поверхности на рельефные доли ребристыми поясками, к ее 1 варианту — с 6 такими полосами. Выполненные с использованием техники тиснения рясна завоевали наибольшую популярность и распространение, они могли использоваться с различными уборами, поскольку сохраняли лишь необходимую фоновую орнаментацию, чаще всего образуемую приемом рифления поверхности (Жилина 2010в: 35, 36, 40).

Хотя основной способ ношения колодочек — в составе рясен, археологически засви-

детельствовано их применение как шейных или нагрудных украшений. В 1947 г. при исследовании Липинского бескурганного могильника (Курская область) на шее костяка женского погребения №1 было обнаружено «ожерелье или воротник» из серебряных позолоченных колодочек (29 целых и нескольких разрушенных), датированное XIII в. (Розенфельдт 1958: 91—92). Нашитые на ткань колодочки, происходящие из Новгородского Софийского собора, также использовались в качестве ожерелья (Корзухина 1954: 54). В нашем случае мы не можем по разрозненным экземплярам судить о способе ношения, но вероятность принадлежности к ряснам — наибольшая.

Цепи-рясна из серебряных колодочек обычно завершались серебряными чернеными колтами, они часто встречаются комплектом в древнерусских кладах, иногда в скрепленном состоянии. С.С. Рябцевой задокументировано 12 таких случаев среди 25 кладов

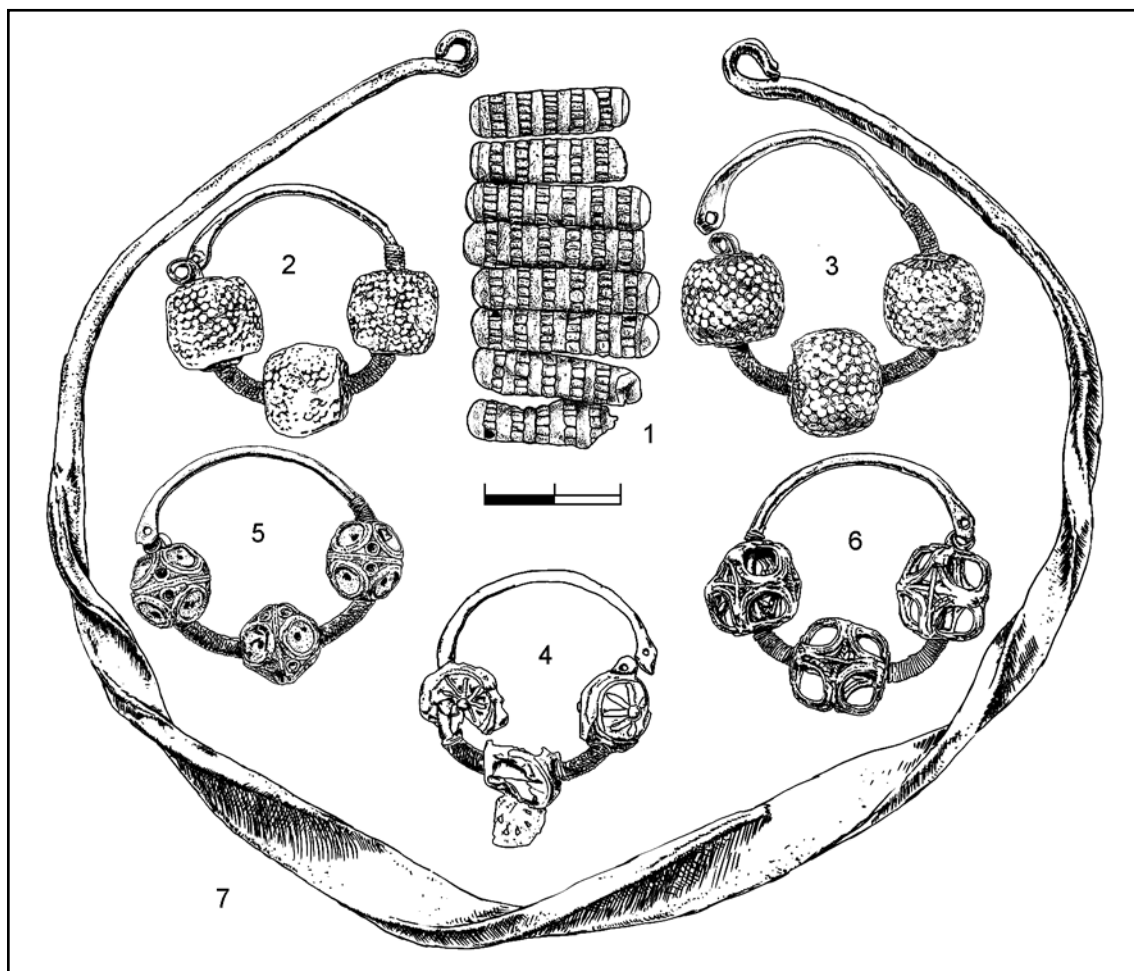


Рис. 4. Украшения древнерусского ювелирного убора из фондов НКПИКЗ: 1 — фрагмент рясен; 2—6 — трехбусинные кольца; 7 — шейная гривна (рисунки Д. Пецфитца).

Fig. 4. Items of the Old Rus jewelry dress in the depository collection of the National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Reserve: 1 — fragment of riasny; 2—6 — three-bead temple rings, 7 — torc (drawing by D. Peftits).

с подобными ряснами, большинство которых происходят из Киева и Поднепровья (Рябцева 2005: 203, карта 17, 206—207). Хронология кладов с колодочками — 70-е гг. XII — первая треть XIII вв. (Жилина 2010а: 66).

Возможно, в отдельных случаях подвесными украшениями цепей-рясен могли выступать трехбусинные кольца, заменявшие колты (Піскова 1988: 18—19; Рябцева 2017: 499; Жилина 2010б: 196). В фондовом собрании НКПИКЗ хранятся 5 экземпляров серебряных колец так называемого «киевского типа». Их дужки, обвитые между бусинами сканной проволокой, сделаны из круглого дрота, с отверстием в ромбовидном уплощенном конце. Второй конец свернут в трубочку, отогнутую в наружную сторону. Закреплялись такие концы, вероятно, при помощи металлической или другой нити. Подобное оформление застежки особенно характерно для колец, происходящих из кладов (Рябцева 2005: 210).

Два кольца однотипны: цилиндрические бусины покрыты зернью. Но они не парные: размеры первого (КПЛ-М-10526) $4,2 \times 4$ см с диаметром бусин 1,2 см, второго — $3,5 \times 3,6$ см с диаметром бусин 1,1 см (КПЛ-М-10527). На бусинах присутствуют вмятины, зернь местами сильно стерта, дужка первого изделия слегка погнута (рис. 4: 2, 3). В соответствии с классификацией Н.В. Жилиной, их конструкцию можно отнести к типологическому отделу каркасной из филигранных деталей (отдел 1), а именно к петельному каркасу (подотдел 2) с цилиндрическим типом (VI) бусин, сплошь покрытых зернью в колечках, уложенных рядами между проволокой каркаса (вариант 3, наиболее распространенный на Руси) (Жилина 2010а: 119, 121, 123). Сами бусины изготавливались с использованием методов грануляции, при котором применялось два способа получения гранул зерни. При первом расплавленный жидкий металл выливали

через фильтр в воду, и тогда гранулы получались неодинакового размера и не всегда правильной сферической формы. Второй способ предполагал создание отдельной короткой, равной по длине заготовки для каждой гранулы, нарезавшейся из проволоки и затем расплавлявшейся. Такими заготовками могли выступать и проволочные колечки, и кубики от дрота, и квадратики или полоски листового металла (Жилина 2010а: 27—28; Pekarska 2011: 51—52). По способу изготовления украшения с диаметром гранул более 0,6—0,7 мм отнесены Н.В. Жилиной ко II технологическому комплексу (с кольцевой заготовкой), которому по своим параметрам зерни соответствует большинство изделий всех регионов (Жилина 2010а: 123).

Большая часть таких колец происходит из Киева и Киевской земли, есть находки из Старой Рязани, меньше экземпляров — из Владимиро-Суздальской, Псковской и Новгородской земель. Бусины с проволочно-каркасной конструкцией распространяются в XI—XII вв. (Жилина 2010а: 123, 126). Вкладах XII—XIII вв. таких изделий немного, они представляют ранний комплекс, часто сильно потерты от длительного использования. Относительно небольшое количество подобных колец также объясняется тем, что они, вероятно, производились на заказ, а не серийно. Изготовление каждого экземпляра было длительным трудоемким процессом, поэтому их стоимость была высока, что делает массовое производство маловероятным (Pekarska 2011: 72).

К концу XII в. каркасная конструкция перестала применяться, плоскостная зерневая орнаментация уступила место скани (Жилина 2012: 99). Поверхность бусин начинает делиться на орнаментальные зоны. Доля отверстий на тисненном корпусе возрастает, что связано с необходимостью обеспечить выход нагретого воздуха во избежание разрывов при паянии. Н.В. Жилина выделяет 4 технологических этапа развития тисненых бусин: I — со сплошной поверхностью; II — с точечными отверстиями; III — со сплошным ромбическим перекрестием, полуажурные; IV — без сплошной пластины-основы, ажурные (Жилина 2010а: 126).

Наименее сохранившееся трехбусинное кольцо (КПЛ-М-10530) размерами 3,5 × 3,5 см, с диаметром бусин 1,1 см, принадлежит к типологическому отделу с тисненными бусинами (отдел 2) шарообразного типа (IV), подтипа III/3 — поверхность разделена на три части тремя окружностями, при этом образуются

два треугольных поля у выхода стержня (Жилина 2010а: 119, 126). В центре окружности каждой бусины — крупная гранула зерни, вокруг нее — шестилучевая фигура из скани (вариант 4) (Жилина 2010а: 127). Кольцо не реставрировалось, потертое, патинированное, бусины сильно деформированы, со значительными потерями (рис. 4: 4). Аналогии происходят из Киева, Переяслава, Старой Рязани: 25 экземпляров содержит только рязанский клад 2005 г., где они датируются 1-й половиной XII в. (Кондаков 1896: табл. XII, 7; Корзухина 1954: табл. L: 5, 15—22; Жилина 2014: 85).

Сохранившаяся целиком бусина украшения относится к I технологическому этапу — со сплошной поверхностью. Несмотря на то, что изделие сильно повреждено, на двух других видны треугольные прорезы между лучами орнаментальной фигуры, связанные, по видимому, с попыткой предотвратить спонтанные разрывы, возникавшие при паянии (рис. 2: 2, 3). Сначала такие разрывы с неровными краями мастера пытались замаскировать мелкими кусочками металла, а позже стали проделывать специальные отверстия разных форм, вписывавшиеся в систему декоративных элементов (Жилина 2010а: 57). Трудности технологии паяния способствовали постепенному переходу к последующим технологическим этапам изготовления украшений (II—IV).

Следующие два украшения (КПЛ-М-10528 и КПЛ-М-10529) также входят во второй типологический отдел с тисненными бусинами шарообразного типа, но в подтип VIII/8, когда поверхность бусины делится на 8 частей тремя диаметрально-перпендикулярными плоскостями, а в каждую часть вписываются орнаментальные окружности, между которыми образуется 6 ромбических полей (Жилина 2010а: 121). Кольцо (КПЛ-М-10529) размерами 3,5 × 3,3 см, с диаметром бусин 1 см относится ко II технологическому этапу — с регулярными точечными отверстиями (рис. 4: 5). На бусинах внутри каждой из двойных орнаментальных окружностей из скани проделано круглое отверстие, по 2 таких отверстия и на ромбических участках (вариант 16). На одной из бусин на месте 2 отверстий — значительные разрывы. Подобные 4 кольца происходят из коллекции Д. Я. Самоквасова 1877 г. с Княжей Горы (Самоквасов 1908: 263—264; Жилина 2010а: 127).

Последнее кольцо (КПЛ-М-10528) размерами 4 × 3,4 см, с диаметром бусин 1,2 см, представляет IV технологический этап (рис. 4: 6).

Бусины с полностью ажурным корпусом, состоящим из спаянных окружностей и отрезков проволоки, с ромбическим перекрестьем, vyplненным линиями скани (вариант 28) (Жилина 2010а: 130). На стержне напаяна спирально изогнутая проволока, одна из ромбических площадок средней бусины полностью свободна, что характерно для последних вариантов этого этапа. Третья бусина деформирована, ромбическое перекрестье сильно погнуто. Аналогии находятся в киевских кладах 1885 г. (усадьба Есикорского) и 1889 г. (усадьба Раковского), хотя в последнем случае 2 экземпляра выполнены не из серебра, а из низкопробного золота (Кондаков 1896: табл. IV: 5, 10; Корзухина 1954: табл. XXXVII: 1, 6).

Ажурная конструкция, собранная из отдельных филигранных деталей, завершает технологическое развитие бусин височных колец на Руси, она складывается позже остальных, в начале XIII в. (Жилина 2010а: 131).

За подобными украшениями традиционно закрепилось название височных колец, хотя относительно способа их ношения существуют различные, часто противоположные мнения. Согласно господствующей точке зрения, височные кольца носились либо вплетенными в волосы, либо на специальном кожаном ремешке или полоске ткани (Агапов, Сарачева 1997: 99—100). Н. В. Жилина считает, что исходным назначением трехбусинных колец являлась именно роль височных, которые завершали нижнюю часть лент, украшающих косы девушек и имитирующих волосы замужних женщин (Жилина 2010а: 116). Г. Ф. Корзухина полагала, что устройство замка этих украшений вообще исключает возможность продеть серьгу в ухо (Корзухина 1954: 59). Напротив, по мнению Л. Пекарской, экземпляры с заостренным концом дужки являются настоящими серьгами, продевавшимися в ухо — в противном случае такой тонкой обработки не требовалось бы (Pekarska 2011: 52). Действительно, ношение разных типов височных колец в качестве серег археологически задокументировано, установлено, что так могли носиться и трехбусинные — это не зависело напрямую от размера украшения и толщины дужки (Агапов, Сарачева 1997: 106). По-видимому, височные кольца использовались полифункционально и, судя по материалам погребений, служили украшением, в основном, возрастной группы молодых женщин (Рябцева 2005: 215). Постепенно височные кольца вытеснялись «настоящими» серьгами, начиная с XIV в. они не упоминаются в письменных источниках и не встречаются в погребениях,

исчезая из числа женских украшений (Агапов, Сарачева 1997: 107).

Гривны — металлические обручи, носившиеся на шее, обычно подразделяют на дровые, проволочные, пластинчатые и витые из нескольких проволок. В моду они начинают входить во II половине XI в., а в конце XII — начале XIII в., по-видимому, постепенно исчезают из быта (Фехнер 1967: 56—57). Серебряная гривна (КПЛ-М-10522) размерами 15×13,3 см изготовлена из перекрученного в несколько раз, прямоугольного в сечении (размерами 0,3×1 см в центральной части) дрота, сужающегося к концам с размером сечения 0,2×0,2 см (рис. 3: 3; 4: 7). Завершается двумя петлями, на одной из которых трещина. Тип замка на две петли появляется к середине XI столетия. (Жилина 2010б: 184, 186). Примерно в это же время гривны из главного престижного дорогого украшения, вероятно, становятся традиционным обрядовым (свадебным) атрибутом и формой хранения богатства (Жилина 2010б: 182).

Находок подобного типа гривен немного. Удалось проследить следующие аналогии. Два серебряных экземпляра в составе экспозиции Музея исторических драгоценностей Украины (инв. №АЗС-510 и АЗС-513): из клада 1887 г. у с. Ключники Каневского уезда Киевской губ. (Корзухина 1954: 132, табл. LIV: 7) и из курганного погребения №54 близ с. Ковали Черкасской обл.¹ Там же — 2 золотые гривны из клада 1900 г. близ Сахновки (Каневского уезда Киевской губ.), пребывавшие ранее в коллекции Б. Ханенко (Ханенко, Ханенко 1902: 22, табл. XXX: 1086, 1087). Из ханенковского собрания происходит и «гривна шейная, круглая, из толстого серебряного дрота, расширенного посредине и суженного в концах», найденная на Княжей горе под Киевом (Ханенко, Ханенко 1902: 51, табл. XXI: 1078). В каталоге собрания В. Тарновского опубликована оттуда же «испорченная огнем» шейная серебряная гривна «из узкой пластинки, утолщенной посредине и свернутой продольной спиралью», с несохранившимися концами (Тарновский 1898: 15, табл. III: 329). В Черниговском областном историческом музее имени В. В. Тарновского экспонируется еще одна обломанная с одного конца серебряная гривна с Княжей горы. «Один золотой гладкий, но скрученный легкою спиралью шейный обруч или гривна, по-видимому,

¹ Выражаю благодарность научной сотруднице Музея исторических драгоценностей Украины Наталье Малюк за предоставленную информацию об экспонатах.

женский» фигурирует у Н. Кондакова (Кондаков 1896: 138) в перечне предметов клада 1889 г. из усадьбы Гребеновского в Киеве (сейчас хранится в Русском музее в Петербурге (Клады Древней Руси... 2015: 36)). Датируются они периодом XI—XII вв.

Рассмотренные предметы древнерусского головного и шейного убора из фондов НКПІКЗ дополняются серебряными украшениями рук, хранящимися там же — это 2 браслета, кольцо и 3 перстня, которым еще предстоит стать темой отдельного исследования.

Литература

- Агапов А. С., Сарачева Т. Г. 1997. О способах ношения височных серег. *РА* (1), 99—108.
- Археологічний музей... 2017: Яненко А. (автор-упорядник). 2017. *Археологічний музей Всеукраїнської академії наук: дослідження і матеріали*. Київ: НКПІКЗ.
- Візантія... 1997: Колпакова В. М., Шульц І. В. (упор.). 1997. *Візантія і Київська Русь*. Каталог виставки. Київ: НКПІКЗ; Абрис.
- Жилина Н. В. 2010а. *Зернь и скань Древней Руси*. Москва: ИА РАН.
- Жилина Н. В. 2010б. История древнерусского металлического убора IX—XIII вв. В: Мусин А. Е., Пескова А. А., Щеглова О. А. (отв. ред.). *Славно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. Санкт-Петербург: Нестор-История, 175—198.
- Жилина Н. В. 2010в. Тисненый убор по древнерусскимкладам X—XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти). *Stratum plus* (5), 23—144.
- Жилина Н. В. 2012. Стили в древнерусском ювелирном искусстве IX—XIII вв. *Знание, понимание, умение* (1), 92—105.
- Жилина Н. В. 2014. Реконструкция ювелирного убора клада 2005 г. из Старой Рязани: заметки по хронологии и стилистике украшений. В: Чернецов А. В. (отв. ред.). *Старая Рязань. Клад 2005 года*. Санкт-Петербург; Москва: Нестор-История, 80—95.
- Каталог... 2002: Кролевец С. (заг. ред.), Колпакова В. (відп. ред.). 2002. *Каталог збережених пам'яток Київського Церковно-археологічного музею. 1872—1922*. Київ: НКПІКЗ.
- Качан В. М. 2007. Формування фондової колекції НКПІКЗ в кінці 1940 — на початку 1990-х рр. В: Колпакова В. М. (отв. ред.). *Могилянські читання 2006 року. Доля музейних зібрань*. Київ: Фенікс, 57—66.
- Клады Древней Руси... 2015: Новаковская-Бухман С. (сост.). 2015. *Клады Древней Руси в собрании Русского музея*. Санкт-Петербург: Русский музей; PalaceEditions.
- Кондаков Н. 1896. *Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Петров Н. И. 1897. *Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии*. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира.
- Піскова Г. О. 1988. Скарби стародавнього Ізяславля. *Археологія* 61, 16—35.
- Полношко Г. 2012. Фондові колекції Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника. *Пам'ятки України: історія та культура* (6), 2—9.
- Радієвська Т., Сорокіна С., Завальна О. 2014. З історії формування археологічної колекції НМІУ в 1930-ті рр.: колекції, документи. В: Травінський В. С. (відп. ред.). *Збірник матеріалів IV Всеукраїнської науково-практичної конференції «Археологія & Фортифікація України»*. Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, 325—331.
- Розенфельдт Р. Л. 1958. Липинский бескуранный могольник. *КСИИМК* 72, 90—92.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло древней Руси*. Москва: АН СССР.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рябцева С. С. 2017. Древнерусские женские головные уборы с рясами и колтами. В: Мусин А. Е. (отв. ред.). *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. Труды ИИМК РАН XLVIII. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 499—510.
- Самоквасов Д. Я. 1908. *Могила русской земли*. Москва: Синодальная типография.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Фехнер М. В. 1967. Шейные гривны. *Труды ГИМ* 43, 55—74.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. 1902. *Древности Приднестровья V. Эпоха славянская (VI—XIII в.)*. Киев: Фото-типография Кульженко С. В.
- Членова Л. 1999. Б. І. Ханенко та перший міський музей. В: Друг О. Е. (ред.). *Матеріали науково-практичної конференції з нагоди 150-річчя від дня народження Б. І. Ханенка, мецената, колекціонера, фундатора музею*. Київ: Кий, 31—35.
- Pekarska L. 2011. *Jewellery of Princely Kiev. The Kiev hoards in the British museum and the Metropolitan museum of art and related material*. Mainz; London: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

References

- Agapov, A. S., Saracheva, T. G. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 99—108 (in Russian).
- Yanenko A. (auth., comp.). 2017. *Arkheolohichnyi muzej Vseukraïns'koï akademii nauk: doslidzhennya i materialy (Archaeological Museum of the All-Ukrainian Academy of Sciences: Studies and Materials)*. Kiev: National Kiev-Pechersk Historical and Cultural Reserve (in Ukrainian).
- Vizantiya i Kyivs'ka Rus' (Byzantium and Kievan Rus). 1997. Catalogue of Exhibition. Kiev: "Abrys" Publ. (in Ukrainian).
- Zhilina, N. V. 2010. *Zern' i skan' Drevnei Rusi (Granulation and Filigree in the Ancient Rus')*. Moscow: Institute of Archae-

- ology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Zhilina, N.V. 2010. In Musin, A.E., Peskova, A.A., Shcheglova, O.A. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki* (Slavic-Russian Jewellery and its Origins). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 175—198 (in Russian).
- Zhilina, N.V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 23—144 (in Russian).
- Zhilina, N.V. 2012. In *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Skill) (1), 92—105 (in Russian).
- Zhilina, N.V. 2014. In Chernetsov, A.V. (ed.). *Staraiia Riazan'. Klad 2005 goda* (Old Rязan: the Hoard of 2005). Saint Petersburg: Moscow: "Nestor-Istoriia" Publ., 80—95 (in Russian).
- Kataloh zberezhenykh pam'yatok Kyivs'koho Tserkovno-arkheolohichnoho muzeyu. 1872—1922 (Catalogue of the Preserved Monuments of the Kiev Church-Archaeological Museum: 1892—1922). 2002. Kiev: National Kiev-Pechersk Historical and Cultural Reserve (in Ukrainian).
- Kachan, V.M. 2007. In Kolpakova, V.M. (ed.). *Mohylyans'ki chyttannya 2006 roku: Dolya muzejnykh zibran'* (The Mohylean Readings of 2006: The Fate of Museum Collections). Kiev: "Feniks" Publ., 57—66 (in Ukrainian).
- Novakovskaya-Buchman, S. (auth., comp.). *Klady Drevnei Rusi v sobranii Russkogo muzeia. Katalog vystavki* (The Hoards of Ancient Rus' in the Collections of the Russian Museum). Saint Petersburg: "Palace Editions" Publ. (in Russian).
- Kondakov, N. 1896. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda* (Russian Hoards. Study of Antiquities of the Grand Princes Period) I. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Korzukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv.* (Russian Hoards of 9th—13th Centuries). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Petrov, N.I. 1897. *Ukazatel' Tserkovno-arkheologicheskogo muzeia pri Kievskoi dukhovnoi akademii* (Index of the Church Archaeological Museum at the Kiev Spiritual Academy). Kiev: Typography of the Imperial University of St. Vladimir, N.T. Korchak-Novitsky (in Russian).
- Piskova, H.O. 1988. In *Arkheolohiya* (Archaeology) 61, 16—35 (in Ukrainian).
- Polyushko, H. 2012. In *Pam'yatky Ukrainy: istoriya ta kul'tura. Richnyk* (Monuments of Ukraine: History and Culture) 6, 2—9 (in Ukrainian).
- Radiyevs'ka, T., Sorokina, S., Zaval'na, O. 2014. In Travins'kyj, V.S. (ed.). *Zbirnyk materialiv IV Vseukrains'koi naukovo-praktychnoi konferentsii «Arkheolohiya & Fortyfikatsiya Ukrainy»* (Archaeology and Fortification in Ukraine: proceedings of the 4th All-Ukrainian Scientific & Practical Conference). Kam'yanets'-Podil's'kyj: "Medobory-2006" Publ., 325—331 (in Ukrainian).
- Rozenfel'dt, R.L. 1958. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 72, 90—92 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi* (Crafts of Old Russia). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2017. In Musin, A.E. (ed.). *V kamne i v bronzе. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi* (In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova). Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 499—510 (in Russian).
- Samokvasov, D. Ya. 1908. *Mogily russkoi zemli* (Graves of the Russian Land). Series: Trudy Moskovskogo komiteta po ustroistvu Chernigovskogo arkheologicheskogo s'ezda (Papers of the Moscow Preliminary Committee for the Organization of the Archaeological Congress in Chernigov). Moscow: Synodal Typography (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.)* (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fekhner, M.V. 1967. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 43, 55—74 (in Russian).
- Khanenko, B.I., Khanenko, V.N. 1902. *Drevnosti Pridneprov'ia* (Antiquities of the Dnieper Basin) V. *Epokha Slavianskaia (VI—XIII vv.)* (Slavic Epoch: 6th—13th Centuries). Kiev: S.V. Kulzhenko Publ. House (in Russian).
- Chlenova, L. 1999. In Druh, O.E. (ed.). *Materialy naukovopraktychnoi konferentsii z nahody 150-richchya vid dnya narodzhennya B.I. Khanenka, metsenata, kolektsionera, fundatora muzeyu* (Materials of the Scientific-Practical Conference on the Occasion of the 150th Anniversary of B.I. Khanenko: Patron, Collector and Sponsor of the Museum). Kiev: "Kyj" Publ., 31—35 (in Ukrainian).
- Pekarska, L. 2011. *Jewellery of Princely Kiev. The Kiev hoards in the British museum and the Metropolitan museum of art and related material*. Mainz; London: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Статья поступила в сборник 10 февраля 2020 г.

Yulya Mysko (Kyiv, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Preserve¹.

Мысько Юлия Владимировна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник.

E-mail: yuliamysko2015@gmail.com

Address: ¹ Lavrs'ka St., 9, Kyiv, 01015, Ukraine

А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков

Ювелирные изделия эпохи Волжской Болгарии из фондов Самарского областного историко- краеведческого музея им. П. В. Алабина

Keywords: Volga Bulgaria, Samara Luka, jewelry, earrings, chains, breast jewelry, pendants, bracelets

Ключевые слова: Волжская Болгария, Самарская Лука, ювелирные изделия, серьги, цепочки, нагрудные украшения, подвески, браслеты

A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov

Jewelry of the Volga Bulgaria Era from the Funds of the Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P. V. Alabin

In the funds of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P. V. Alabin there is a small collection of jewelry made of precious metals by the Volga Bulgarians of the 12th — early 13th century. The article describes items from this collection that originate from the sites of Volga Bulgaria in the Samara region. The range of jewelry products in Volga Bulgaria includes a variety of personal jewelry. A special place is occupied by items from the Zhiguli hoard, discovered on the Samara Luka and representing an outstanding example of Bulgarian jewelry art of the pre-Mongol period. These artifacts are evidence not only of the high level of development of the Volga Bulgarians' metalworking craft, but also indicators of the level of artistic representations of society as a whole within the cultural traditions of the Muslim East.

А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков

Ювелирные изделия эпохи Волжской Болгарии из фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина

В фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина имеется небольшая коллекция ювелирных изделий из драгоценных металлов волжских болгар XII — начала XIII в. В статье характеризуются предметы из этой коллекции, происходящие с памятников Волжской Болгарии Самарского Поволжья. Круг изделий ювелиров Волжской Болгарии включает разнообразные личные украшения. Особое место в ней занимают предметы из Жигулевского клада, обнаруженного на Самарской Луке и представляющего собой выдающийся памятник болгарского ювелирного искусства домонгольского периода. Эти предметы являются не только свидетельствами высокого уровня развития ремесла металлообработки у волжских болгар, но и показателями уровня художественных представлений общества в целом в рамках культурных традиций мусульманского Востока.

Ювелирные изделия являются украшением любого музейного собрания. Они обладают не только информативными, но и высокими аттрактивными свойствами, неизменно привлекая внимание посетителя. Особые свойства присущи украшениям из драгоценных металлов из археологических коллекций, поражающим воображение зрителя уровнем технологического совершенства древних вещей.

К данной категории музейных предметов относится небольшая, но выразительная коллекция золотых и серебряных изделий Волжской Болгарии XII — нач. XIII в. из фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина, которая и рассматривается в настоящей статье. Это всего 19 предметов из трех археологических комплексов, происходящих с территории Самарской Луки.

Один комплекс случайно обнаруженных предметов условно назван «Жигулевским кладом» (Кочкина, Сташенков 2016). Он представляет собой комплект высокохудожественной продукции болгарских ювелиров домонгольского периода, состоящий из 14 золотых и серебряных предметов, два из которых, вероятно, являются деталями изделий. В комплект входят три серьги (или височных подвески), две цепочки с подвесками, два браслета, два пластинчатых украшения, три полусферических предмета, вероятно, тоже подвески (Кочкина, Сташенков 2009). Второй комплекс представлен кладом, найденным у с. Подгоры, и включает три серебряных браслета, находившихся в глиняном сосуде (120 лет... 2007: 5, кат. 2; 49, кат. 2). И третий комплекс — два серебряных браслета — происходит с городища Муромский городок.

Жигулевский клад представляет собой практически полный комплект статусных женских украшений.

Две серьги, или височные подвески, с фигуркой птицы и тремя подвесными бусинами желудевидной формы, составляют парный комплект (рис. 1; 2).

В основе височной подвески — разомкнутое кольцо, изготовленное из медной проволоки круглого сечения, обтянутое золотой фольгой. На него крепятся три бусины сложной конструкции, по форме приближающиеся к желудевидной (если использовать термины геометрических фигур, то форма ближе к овоидной). Бусины составлены из двух полусферических деталей из тонкой пластины, прикрепленных к биконическим фигурам, опоясанным в середине с внешней стороны кольцом из сканной проволоки с напаянными шариками зерни. Сами биконические фигуры с лицевой стороны декорированы треугольниками из мелких шариков зерни. Такая сложная конструкция придает бусине вид ажурного изделия. Основания бусин обвиты сканной проволокой. Бусины украшены зернью, напаянной в виде треугольников (вершинами вверх) на корпус бусины таким образом, что при виде на нее сверху прослеживается пятилучевая звезда (рис. 1: 3; 2: 3). Ниже напаян пояс из сканной проволоки, под которым расположены треугольники из трех гранул зерни. Кольцо основы подвески между средней и крайними бусинами обвито сканной проволокой.

На средней бусине в нижней части имеются три колечка, к которым крепятся цепочки, сплетенные из согнутых пополам восьмеркообразных звеньев. На концах цепочек прикреплены полые желудевидные (или овоидные) бусины-подвески, украшенные зернью и сканью. Сверху на бусине имеется колечко для подвешивания к цепочке, снизу припаяны гроздевидные привески из крупных шариков зерни. Бусины изготовлены из тонкой пластины, на них прослеживаются вмятины. Место соединения половинок декорировано тройным пояском сканной проволоки. На верхнюю половину бусины напаяны гранулы зерни в виде треугольников, от вершины которых отходят розетки из зерни. Место крепления колечка для подвешивания цепочки декорировано небольшими треугольниками из зерни, направленными вершинами вниз. Подобным образом декорирована нижняя половина бусины, только на ее основание напаяна гроздь из крупных шариков зерни.

Внутреннее пространство кольца занимает объемная фигурка птицы, туловище ко-

торой прикреплено к кольцу средней бусины вертикальным стержнем, стерженек обвит сканной проволокой (рис. 1: 1; 2: 1). Грудкой и хвостом фигурка птицы крепится к срединным кольцам боковых бусин. Судя по контуру фигурки, крылья, изготовленные из сканной проволоки, прикреплены к боковым сторонам туловища. Передняя часть крыльев сформирована спиралевидно сложенной проволокой, в середине с обеих сторон прикреплены кольцевидные ушки. Остальная часть крыльев сформирована горизонтально расположенными сканными проволоками, снизу крылья оконтурены гранулами зерни. К хвостовой части также крепится кольцевидное ушко. К этим ушкам могли подвешиваться маленькие бусины, как, например, у других подвесок такого круга (Руденко 2018: 9, рис. 1). Удлиненная шея птицы обвита сканной тонкой проволокой. Основание шеи у туловища обрамлено бордюром из колечек, сделанных из сканной проволоки, аналогичный бордюр расположен под головкой птицы. На макушке птицы прикреплен «хохолок» из витой цепочки, опускающейся вдоль шеи к хвосту, где он и прикрепляется.

Туловище стоит из трех полых частей, изготовленных из тонких пластин (рис. 1: 3, 3а; 2: 3, 3а). Передняя часть — грудка — имеет полусферическую форму и соединяется с конусовидным туловом, к которому, в свою очередь, прикреплен уплощенный трапециевидный в плане хвост. Место соединения грудки и туловища оформлено двойной сканной проволокой. Сама грудка декорирована тремя окружностями, внутри которых напаян маленький кружок из аналогичной проволоки. На внешней стороне хвоста оперенье имитируют три радиальные полосы гранул зерни.

У каждой подвески имеются различия в деталях оформления туловища птицы. У одной подвески нижняя сторона туловища птицы декорирована тремя поперечными рядами колечек из сканной проволоки (рис. 1: 3а). У другой подвески нижняя сторона туловища птицы декорирована розеткой из колечек и на грудке между крупными кольцами есть еще мелкие колечки (рис. 2: 3а).

У одной подвески дужка кольца обломана и утрачена (рис. 1). Размеры этого изделия: диаметр кольца 5,7 см, толщина кольца 0,2 см, размер бусин на кольце: длина 2,3 см, диаметр 1,3—1,5 см. Длина подвесных цепочек 3,5—3,7 см, ширина звена цепочки 0,4 см, размеры прикрепленных бусин: длина 2,3 см, диаметр 1,3—1,5 см. Размеры птицы: высота 2,3 см, длина крыла 2,3 см, ширина фигурки

1,1 см. Общий вес изделия составляет 45,13 г, золото 950°, масса медного кольца 1,97 г.

Дужка кольца второй подвески сломана в том месте, где она обмотана провололочкой (рис. 2: 1), диаметр кольца составляет 5,3 см, толщина кольца 0,2 см, размер бусин на кольце: длина 2,3 см, диаметр 1,3—1,5 см. Длина подвесных цепочек 3,5—3,7 см, ширина звена 0,4 см, размеры бусин, прикрепленных к цепочке: длина 2,3 см, диаметр 1,3—1,5 см. Размеры птицы: высота 2,3 см, длина крыла 2,3 см, ширина фигурки 1,1 см. Общий вес изделия составляет 45,74 г, золото 950°, масса медного кольца 2,29 г.

В клюве птицы первой подвески находится кусочек металла, первоначально предполагалось, что это предмет яйцевидной формы (рис. 1: 2), однако нельзя исключать, что это небольшой обломок звена кольца, подобного тем, которые находятся в клюве птицы второй подвески (рис. 2: 2).

Общепризнанно, что филигранные височные подвески с объемной фигуркой птицы и подвесками на цепочках являются продукцией исключительно болгарских ремесленников-ювелиров и датируются XII—нач. XIII в. Морфологически подвески Жигулевского клада относятся к филигранным височным подвескам типа В-36 по типологии, разработанной К. А. Руденко (Руденко 2011: 63, 217—219).

Третье височное кольцо из этого комплекта относится к типу височных колец в полтора-два оборота и имеет два неполных оборота, диаметр кольца составляет 2,2 см, оно изготовлено из круглого в сечении дрота толщиной 0,4 см (рис. 3: 1; СОИКМ КП-26703/5). Височное кольцо из Жигулевского клада довольно массивное (общий вес составляет 14,14 г) и произведено из золотого сплава 750°. Подобные височные кольца типичны для болгарских древностей, однако чаще они изготавливались из бронзы (Руденко 2007: 19, рис. 80: 15—19). Хронологически эти изделия известны с рубежа X—XI вв. и изготавливались в течение всего домонгольского периода.

В состав комплекта входят также две золотые цепочки от ожерелья с подвесками-медальонами круглой формы, декорированные с лицевой стороны зернью и сканью. Одна цепочка изготовлена из тонкой проволоки, к восьмеркообразным звеньям подвешены пять круглых подвесок-медальонов на кольцевидных гладких петельках, припаянных поверх филигранного декора (рис. 3: 2). Подвески-медальоны круглой формы изготовлены из тонких пластин, лицевая сторона которых украшена зернью и сканью. По периметру

подвеску обрамляет двойная сканная тонкая провололочка, с внутренней стороны к которой припаяны мелкие шарики зерни в виде треугольников. В середине расположена розетка из более крупных шариков зерни с полый полусферической бляшкой в центре. Все пять подвесок идентичны. Длина цепочки 8,0 см, ширина звена цепочки 0,4 см, толщина проволоочки 0,1 см, диаметр подвески-медальона 2,0 см. Ожерелье изготовлено из золотого сплава 750°, вес составляет 5,85 г.

Вторая цепочка из сдвоенных восьмеркообразных звеньев имеет семь круглых подвесок-медальонов, подвешенных на кольцевидных гладких петельках, припаянных поверх филигранного декора (рис. 3: 3). По периметру подвесок, изготовленных из тонких пластин, напаяна двойная сканная тонкая провололочка, с внутренней стороны которой припаяны треугольники из мелких шариков зерни. В центре подвески напаяна полая полусферическая бляшка, обвитая сканной тонкой провололочкой. Сердцевины сплюснуты, пластины имеют пробои и небольшие утраты. Длина цепочки 12,0 см, ширина звена цепочки 0,3 см, диаметр подвески 1,8 см. Ожерелье изготовлено из золотого сплава 750°, вес составляет 11,0 г.

Совместное нахождение подобных цепочек с филигранными височными подвесками позволяет относить их изготовление к периоду расцвета болгарского ювелирного ремесла — XII — 1-й трети XIII в.

В составе рассматриваемого комплекта выделяются золотые украшения, состоящие из тонких прорезных штампованных пластин прямоугольной формы с подвесками-бусинами желудевидной формы. Пластины скрепляются попарно шарнирным соединением, всего было три пары пластин. Две парные пластины оказались практически идентичными и были объединены в один предмет (рис. 4: 2). Таким образом, одно изделие состоит из четырех соединенных попарно пластин. В средней части боковых сторон у каждой пары прикреплены колечки, в одном из которых находится фрагмент цепочки. Пластины прямоугольной формы имеют одинаковые размеры 4,9—5,0 × 2,9—3,0 см. Пластины имеют симметрично расположенные волнообразные и треугольные прорезы. Лицевая сторона пластин по периметру декорирована двойной сканной провололочкой, одинарной провололочкой обрамлены все прорезы на пластине, поверхность пластин украшена зернью. Вырезанные фигуры на пластине симметричны по поперечной оси. Поверхность украшена рядами шариков зерни, заполняющими

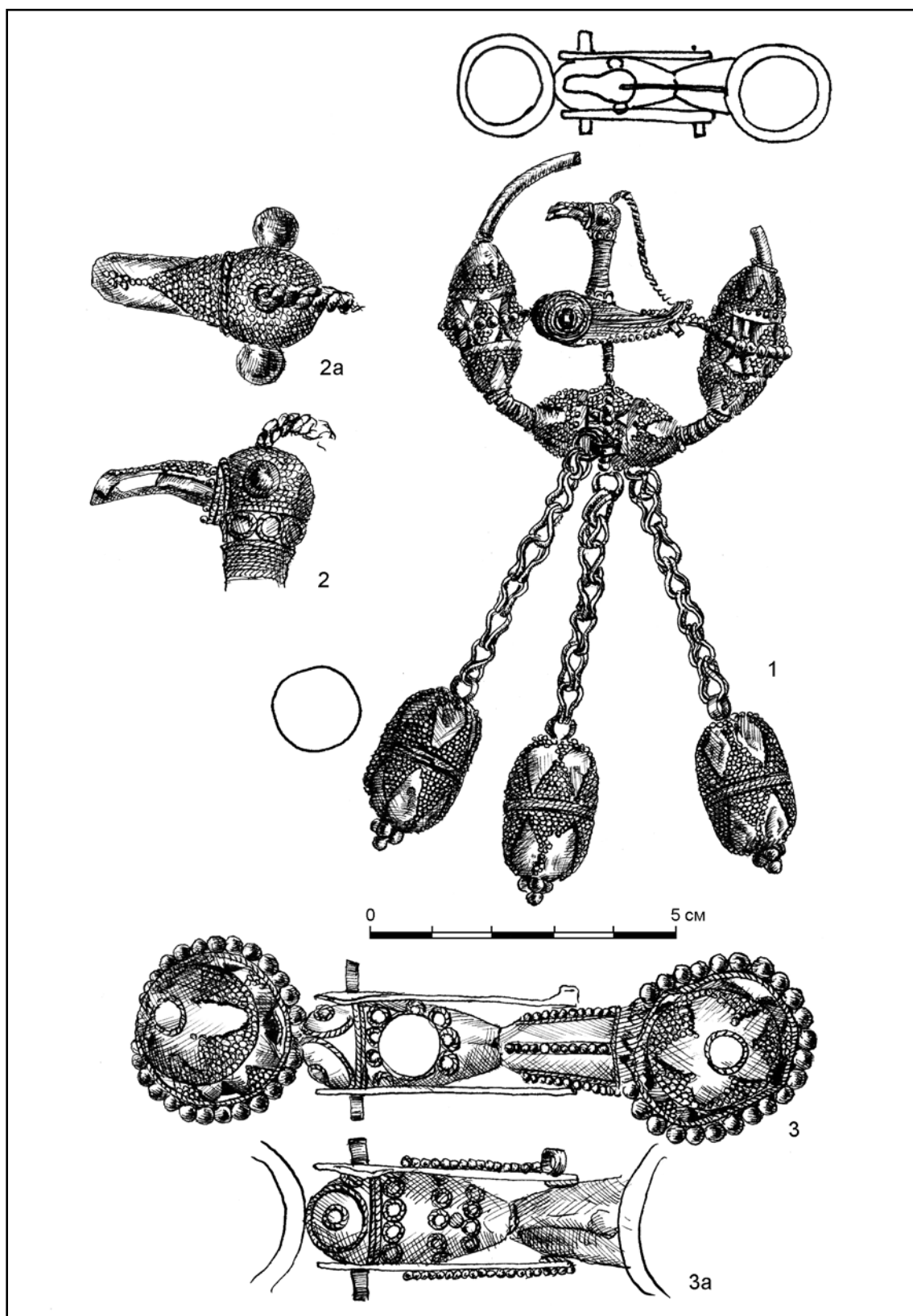


Рис. 1. Височная подвеска с фигуркой птицы (первая): 1 — общий вид; 2, 2а — головка птицы, вид сбоку и сверху (увеличено); 3, 3а — туловище птицы, вид сверху и снизу (увеличено). Жигулевский клад (рисунки Л. Ю. Николаевой).

Fig. 1. Temple pendant with a bird figurine (first): 1 — general view; 2, 2a — bird's head, side view and top view (enlarged); 3, 3a — the body of the bird, view from above and below (enlarged). Zhiguli hoard (drawings by L. Yu. Nikolaeva).

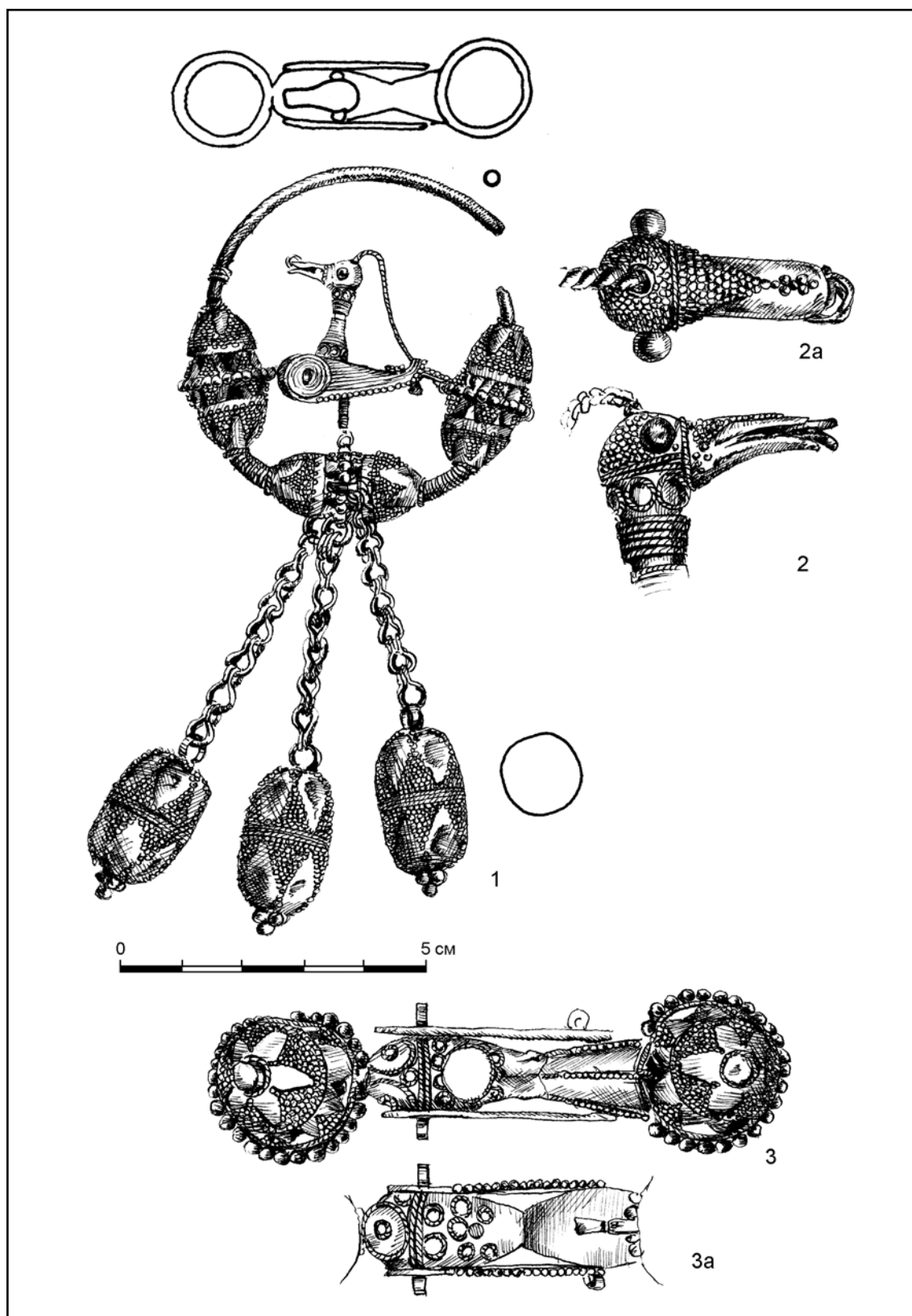


Рис. 2. Височная подвеска с фигуркой птицы (вторая): 1 — общий вид; 2, 2а — головка птицы, вид сбоку и сверху (увеличено); 3, 3а — туловище птицы, вид сверху и снизу (увеличено). Жигулевский клад (рисунки Л. Ю. Николаевой).

Fig. 2. Temple pendant with a bird figurine (second): 1 — general view; 2, 2a — bird's head, side view and top view (enlarged); 3, 3a — the body of the bird, view from above and below (enlarged). Zhiguli hoard (drawings by L. Yu. Nikolaeva).

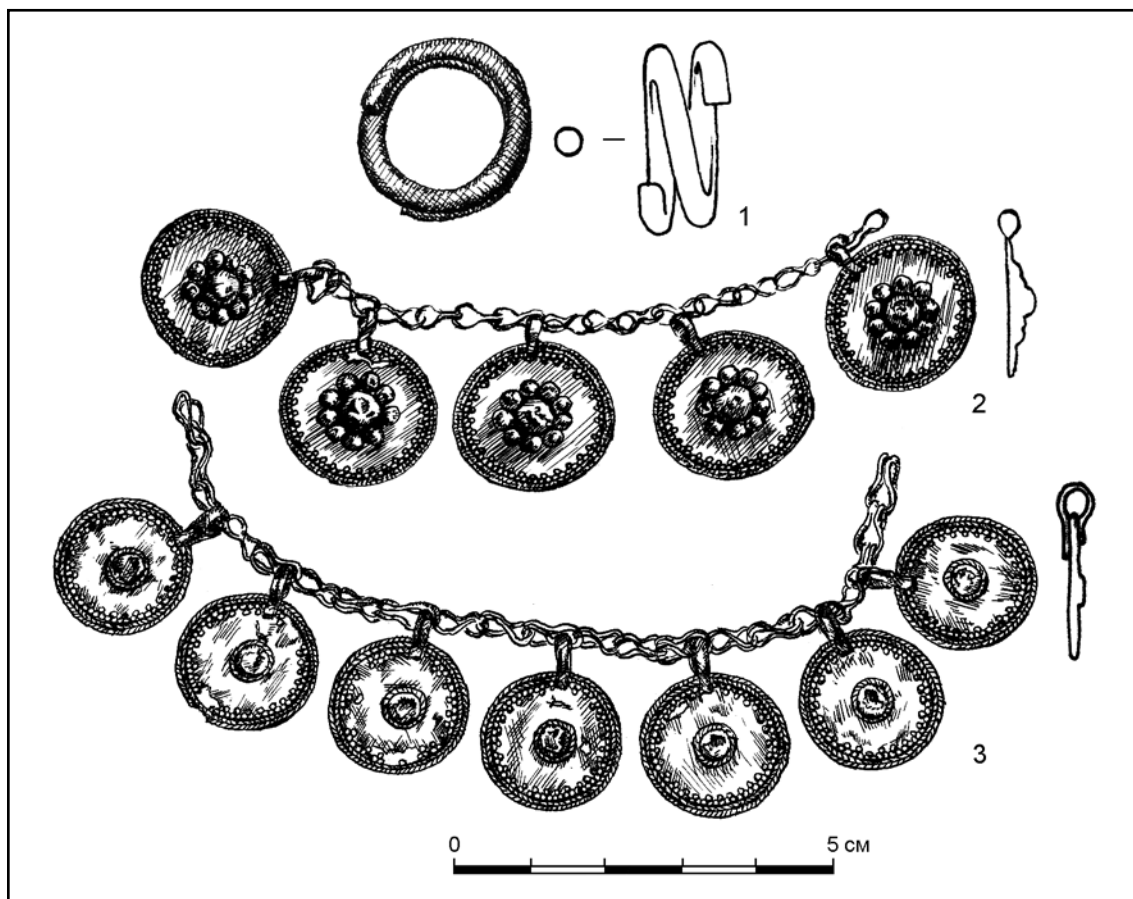


Рис. 3. Украшения: 1 — височное кольцо; 2, 3 — цепочки с подвесками. Жигулевский клад (рисунки Л.Ю. Николаевой).

Fig. 3. Jewelry: 1 — temple ring; 2, 3 — chains with pendants. Zhiguli hoard (drawings by L. Yu. Nikolaeva).

пространство прорезных фигур, причем каждая гранула опоясана сканной проволочкой. На верхней продольной стороне каждой пластины припаяны по две петельки, к которым крепится цепочка из тонкой 8-образной проволочки. На нижней стороне пластин имеются три петельки, к которым крепится цепочка из 8-образной тонкой проволоки. На цепочку под каждой пластиной прикреплены по три бусины-подвески желудевидной (или овоидной) формы, за исключением одной пластины, где бусина отсутствует, сохранилась только петелька для подвешивания. Поверхность бусин украшена треугольниками из шариков зерни, в середине — поясok из крупных шариков зерни, внизу — гроздевидная привеска из шариков зерни. Размеры подвесок $2,3 \times 1,6$ см. Украшение изготовлено из золотого сплава 375°, вес 54,53 г.

Второе изделие состоит из двух соединенных прорезных пластин прямоугольной формы размерами $4,9-5,0 \times 2,9-3,0$ см (рис. 4: 1). К середине боковых сторон каждой пары прикреплены колечки, в одном из которых на-

ходится фрагмент цепочки, в другом колечко. Форма и декор изделия аналогичны предыдущему предмету, различается только тем, что вокруг шариков зерни отсутствует ободок из сканной проволочки. На верхней продольной стороне каждой пластины припаяны по три петельки, к которым крепится цепочка из тонкой 8-образной проволочки. На нижней стороне пластин имеются также три петельки, к которым прикреплена цепочка из сдвоенной 8-образной проволоки. На цепочку под каждой пластиной прикреплены по три бусины-подвески желудевидной формы. Размеры подвесок $2,2 \times 1,2$ см. Поверхность бусин украшена треугольниками из шариков зерни, в середине, в отличие от первого украшения, — поясok из витой проволочки, внизу — гроздевидная привеска из шариков зерни. Украшение изготовлено из золотого сплава 500°, вес 37,22 г.

Подобные пластины до сих пор не были встречены ни на одном памятнике, ни в одном кладовом комплексе на территории Волжской Болгарии. По сочетанию с другими предмета-

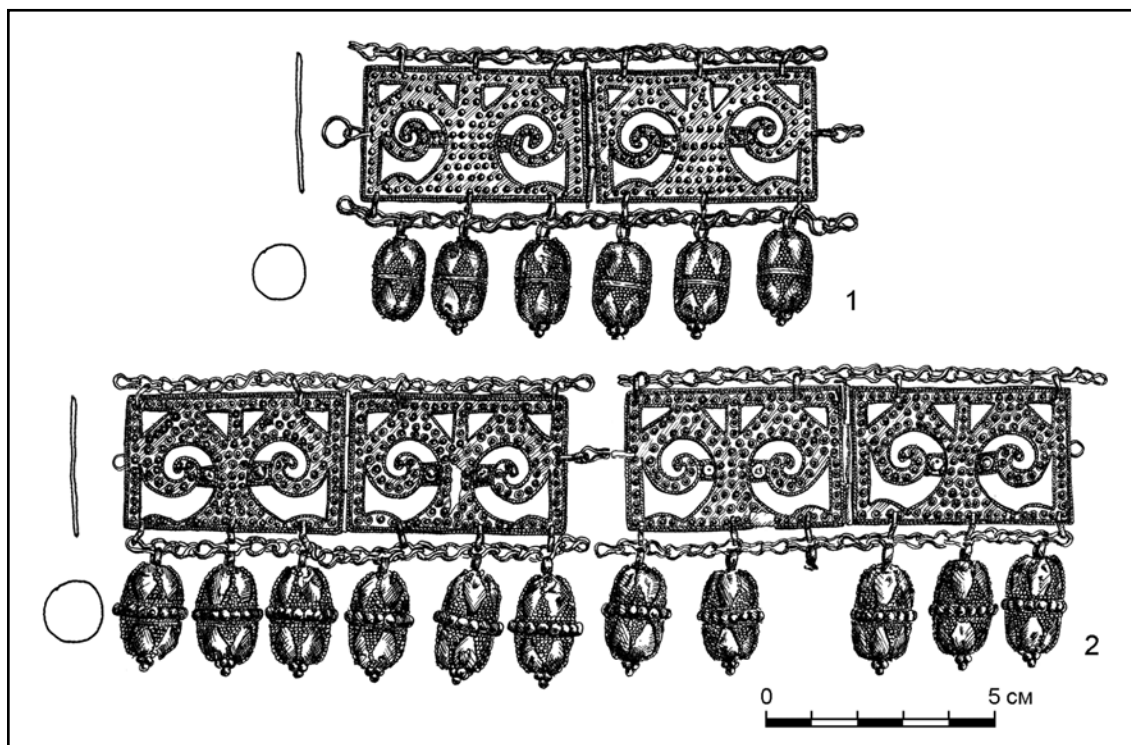


Рис. 4. Украшения: 1, 2 — пластины с желудевидными подвесками. Жигулевский клад (рисунки Л. Ю. Николаевой).

Fig. 4. Jewelry: 1, 2 — plates with acorn-shaped pendants. Zhiguli hoard (drawings by L. Yu. Nikolaeva).

ми эти пластинчатые украшения можно датировать XII — 1-й третью XIII в.

Кроме того, в данном комплекте присутствуют три предмета полусферической формы, изготовленные из серебра и украшенные зернью и сканью. Один предмет представляет собой подвеску с широкой кольцевидной петлей из рифленой полоски металла, к которой прикреплены два звена цепочки восьмеркообразной формы, к петле они прикреплены через проволоку, согнутую в овальное кольцо (рис. 5: 1). По периметру основания подвески напаяна двойная сканная проволочка. Поверхность полусферической подвески декорирована 11 треугольниками из гранул зерни, расположенными вершинами вверх, на которые еще ромбовидно напаяны по четыре шарика. Петля обрамлена двойной сканной проволочкой, вокруг которой расположен круговой бордюр из 14-ти треугольников, составленных из трех шариков зерни, с ромбическими навершиями на семи из них. Подвеска украшена так, что при виде на нее сверху прослеживается 11-ти лепестковая розетка (рис. 5: 1а). Высота подвески 2,4 см, высота с петлей 3,4 см, диаметр подвески 3,8 см, вес 21,78 г, изготовлена из серебра 950°.

Второе изделие имеет также полусферическую форму с шаровидной полый бляшкой

в центре (рис. 5: 2). По окружности полусферы напаяна двойная сканная проволочка. Поверхность декорирована шестью треугольниками из гранул зерни, расположенными вершинами вверх, на них еще напаяны по три шарика в виде треугольника. Шарик в середине обрамлен сканной проволочкой, вокруг которой расположен круговой бордюр из 13 треугольников, составленных из трех шариков зерни. Подвеска украшена так, что при виде на нее сверху прослеживается 6-лепестковая розетка (рис. 5: 1а). Высота 2,4 см, диаметр 3,8 см, общий вес 21,78 г, изготовлено из серебра 950°. Третий предмет сохранился фрагментарно, но по своим размерам и форме он аналогичен второму (рис. 5: 3). Высота 2,4 см, диаметр 3,8 см, вес 20,33 г, изготовлено из серебра 950°.

Особенности конструкции описанных предметов позволяют предложить вариант реконструкции изделия: две полусферические подвески — одна с петелькой, другая с шаровидным навершием — могли соединяться, образуя крупную сферическую полную подвеску, которая подвешивалась на цепочке и входила в состав какого-то сложного украшения (рис. 5: 6). Соединительными деталями полусферических частей между собой с внутренней стороны, вероятно, служили узкие металличе-

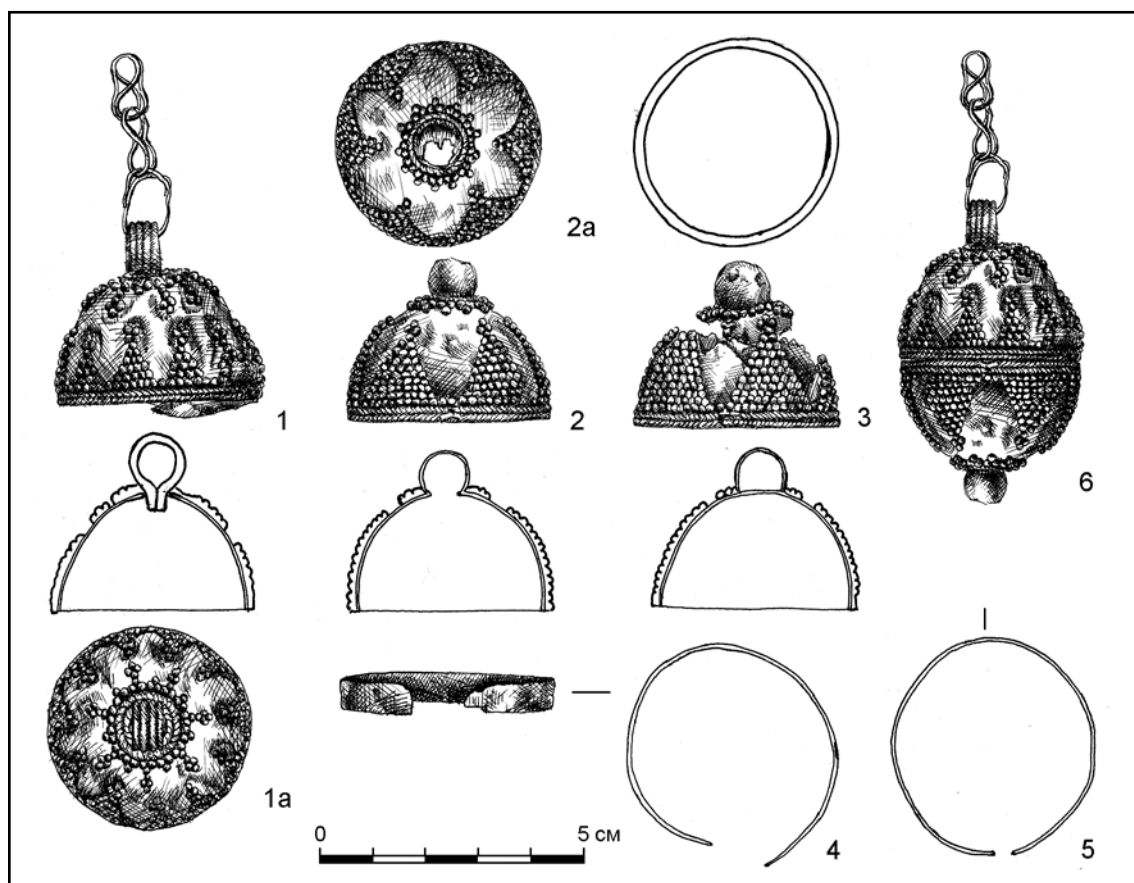


Рис. 5. Украшения: 1 — полусферическая подвеска с цепочкой; 1а — вид сверху; 2 — полусферическая подвеска с шариком; 2а — вид сверху; 3 — фрагменты полусферической подвески; 4, 5 — пластины; 6 — реконструкция подвески. Жигулевский клад (рисунки Л.Ю. Николаевой).

Fig. 5. Jewelry: 1 — hemispherical pendant with a chain; 1a — plan view; 2 — hemispherical pendant with a ball; 2a — plan view; 3 — fragments of a hemispherical pendant; 4, 5 — plates; 6 — reconstruction of pendant. Zhiguli hoard (drawings by L.Yu. Nikolaeva).

ские полосы шириной 0,4 см, представленные в комплекте отдельно в виде несомкнутых серебряных пластин (рис. 5: 4, 5), они изготовлены также из серебра 950°. Если соединить их концы, то диаметр будет соответствовать диаметру полусфер. Аналогии этим предметам (или сферическим подвескам) пока не обнаружены. По стилистическим особенностям они вписываются в круг филигранных изделий болгарской ювелирной традиции и могут быть датированы также XII — 1-й третью XIII в.

В описываемый комплект украшений из Жигулевского клада входят еще два серебряных браслета плотного ажурного плетения из круглой в сечении проволоки. Такие браслеты, характерные для болгарского ювелирного ремесла, практически все имеют индивидуальные особенности изготовления. По типологии, разработанной К. А. Руденко, данные браслеты относятся к типу 2 (Руденко 2015: 199) или по типологии Г. Ф. Поляковой

к группе Б, типу Б-1-3 (Полякова 1996: 180). Они различаются способом плетения, количеством и размерами проволоки. Один браслет изготовлен из пяти гладких проволок толщиной 0,3—0,4 см (рис. 6: 1). Плетение плотное, «зигзагообразное», проволоки на концах соединены и раскованы до лопатковидной формы шириной 1,4—1,5 см. Диаметр браслета 8,3 см, изготовлен он из серебра 950°, вес 96,42 г.

Второй браслет изготовлен из пяти гладких проволок толщиной 0,4 см. Плетение «волнообразное», проволоки на концах соединены и раскованы, на раскованных концах подпрямоугольной формы хорошо заметны отдельные проволоки (рис. 6: 2). Браслет изготовлен из серебра 950°, вес 116,08 г, диаметр 8,1 см.

Второй комплекс из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина, содержащий предметы из драгоценного металла, — это небольшой клад, найденный в 1975 г. у с. Подгоры. Сле-

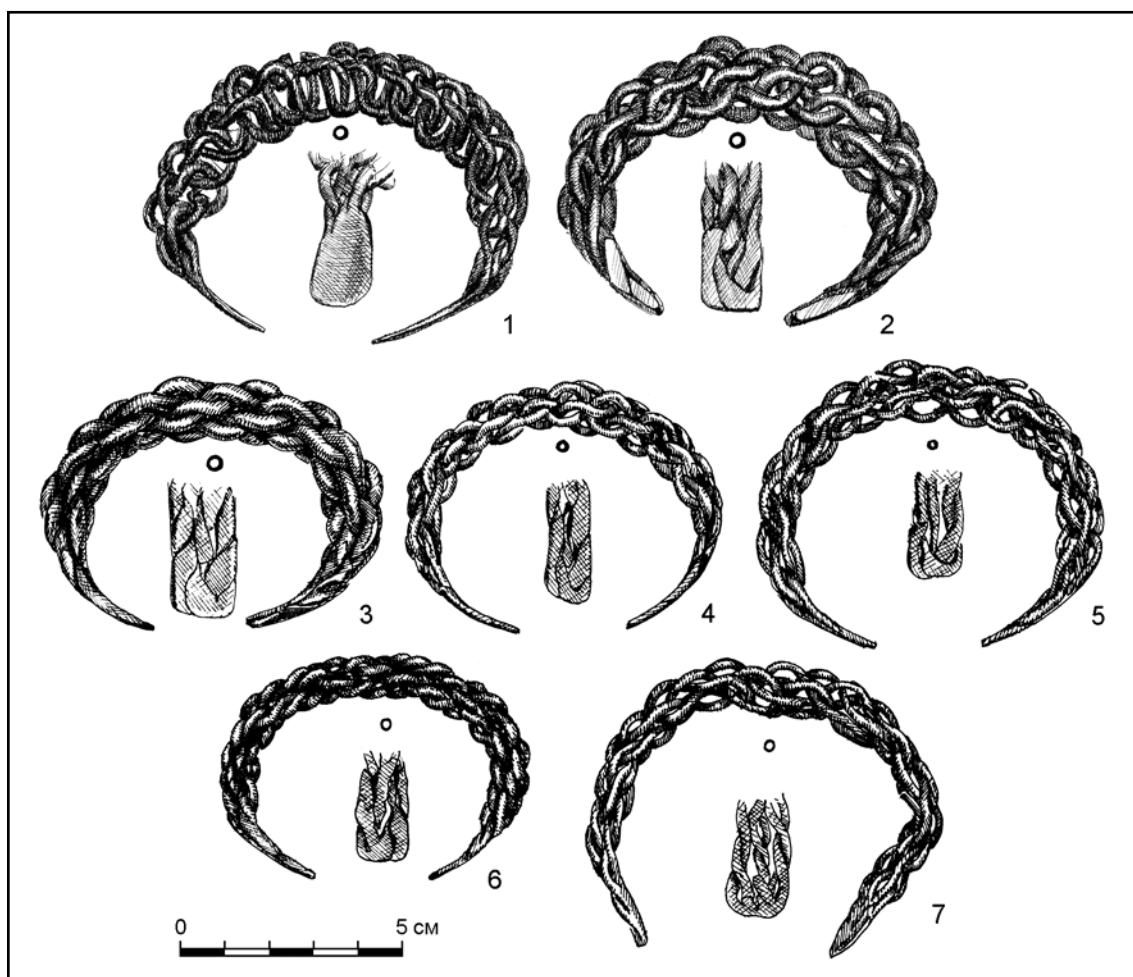


Рис. 6. Браслеты: 1, 2 — Жигулевский клад; 3—5 — клад у с. Подгоры; 6, 7 — городище «Муромский городок» (рисунки Л.Ю. Николаевой).

Fig. 6. Bracelets: 1, 2 — Zhiguli hoard; 3—5 — hoard at Podgory; 6, 7 — fortified settlement “Muromsky town” (drawings by L.Yu. Nikolaeva).

дует отметить, что территориально этот комплекс можно соотнести с крупным болгарским поселением у с. Подгоры.

В невысокой глиняной круговой кружке находились три серебряных плетеных браслета. Они были изготовлены из трех пар перевитых гладких проволочек, выполнены в однотипной технике, плетение очень плотное, концы раскованы (рис. 6: 3—5). Первый браслет диаметром 7,3 см изготовлен из серебра 750°, вес 114,0 г, толщина прута 0,4 см, ширина раскованного конца 1,5 см (рис. 6: 3). Второй браслет диаметром 7,0 см изготовлен из серебра 916°, вес 56,5 г, толщина прута 0,25 см (рис. 6: 4). Третий браслет диаметром 7,7 см изготовлен из серебра 600°, вес 44,5 г, толщина прута 0,2 см (рис. 6: 5).

В коллекции с городища Муромский городок, хранящейся в фондах СОИКМ им. П. В. Алабина, имеются два серебряных

плетеных браслета, происходящие из сборов. Морфологически и технологически они идентичны браслетам из Подгор. Первый браслет диаметром 7,0 см изготовлен из серебра 800°, вес 42,69 г, толщина проволочки 0,2 см (рис. 6: 6). Второй браслет диаметром 8,0 см изготовлен из серебра 800°, вес 45,79 г, толщина проволочки 0,2 см (рис. 6: 6).

Основываясь на находках плетеных браслетов в болгарских кладах и в культурных слоях памятников, К. А. Руденко относит их массовое производство к XII — 1-й трети XIII в. (Руденко 2015: 200—201). После монгольского завоевания Волжской Болгарии такая техника была утрачена.

В заключение следует отметить, что рассматриваемая коллекция ювелирных изделий из драгоценных металлов является продукцией ювелиров Волжской Болгарии X — нач. XIII в. и включает личные украшения, многие из которых могут считаться подлинными про-

изведениями ювелирного искусства. Среди представленных предметов имеются изделия как серийного производства, так и эксклюзивные. К первой категории относятся серебряные плетеные браслеты, являвшиеся наиболее распространенным видом личного украшения в домонгольское время. Серебряные плетеные браслеты, иногда в комплекте с шейными гривнами, выполненными в аналогичной технике, входили в комплект престижного набора украшений (Руденко 2011: 150, табл. 15; 2015: 420—422, 447, кат. 193, 194, 196, 249). В то же время встречающиеся бронзовые браслеты такого типа свидетельствуют о том, что они использовались и более широкими слоями населения в повседневной практике.

Серьги, или височные подвески, с фигуркой птицы, безусловно, относятся к категории социально-престижных парадных украшений. Филигранность, с которой исполнены изделия из Жигулевского клада, ставит их в ряд уникальных образцов болгарского ювелирного ремесла. Они наиболее близки подвеске, входящей в состав Мокрокурналинского клада XII—XIII вв. (Руденко 2011: 209).

Две цепочки с подвесками-медальонами, или монисто, по Н.П. Кондакову, также являются редкими. Аналогичная жигулевским (рис. 3: 2, 3) цепочка присутствует в Спасском кладе 1869 г. с территории Татарстана (Толстой, Кондаков 1897: 98, рис. 129). Аналогии украшениям, состоящим из прямоугольных прорезных пластин с подвесками желудевидной формы, и полусферическим подвескам пока не известны. Скорее всего, подобные украшения могли входить в комплект парадного женского головного и нагрудного убора, характерного для народов европейского средневековья и сформировавшегося под византийским и карпато-балканским влиянием (Инкова 2007: 222, обр. 15: 2; Рябцева 2011). По мнению С.С. Рябцевой, форма и декор филигранных бусинных украшений Волжской Болгарии ближе к карпато-балканским образцам, чем к древнерусским или иранским, что мо-

жет являться следствием общности подосновы культур (Рябцева 2005: 234). Иного мнения придерживаются К.А. Руденко и Н.В. Жилина, посвятившие вопросу происхождения височных подвесок волжских болгар специальные исследования. Истоки происхождения, прежде всего, серег, или височных колец с фигуркой птицы, как представляется этим исследователям, восходят к традициям ближневосточного ювелирного ремесла (Руденко 2018; Жилина 2019).

На территории Самарской Луки известно более 50 памятников Волжской Болгарии XI — нач. XIII в., более половины из них тяготеют к Муромскому городку, являвшемуся административным, экономическим и культурным центром южных болгарских земель (Кочкина 1999). Археологические данные свидетельствуют о наличии высокоразвитого ювелирного производства на городище. Кроме двух вышеописанных браслетов, в фондах Самарского университета хранится серебряный плетеный браслет из раскопок Г.И. Матвеевой (Васильев, Матвеева 1986: 198, рис. 1), а также филигранная круглая подвеска-медальон, подобная подвескам на цепочках из Жигулевского клада.

Комплексные исследования ремесленной продукции свидетельствуют о высоком уровне сформированности представлений болгарских мастеров о свойствах и возможностях различных материалов, которые использовались ими в работе (Хлебникова 1996: 278—281). В качестве косвенной информации о качестве материала, применявшегося болгарскими мастерами для изготовления ювелирных изделий, могут быть использованы и данные о ювелирных пробах, полученные при музейной апробации предметов. Очевидно, что болгарские мастера использовали высококачественные золотые и серебряные сплавы для изготовления наиболее престижных вещей, в то же время они знали свойства и низкопробных сплавов, учитывали особенности их технологической обработки.

Литература

- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1986. *У истоков истории Самарского Поволжья*. Куйбышев: Книжное издательство.
- Жилина Н.В. 2019. Волжская Болгария/Восток; Древняя Русь/Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук. *АЕС* (1), 99—117.
- Инкова М. 2007. Средневековни диадеми от Марикостинско Петричко. В: *Проблеми на прабългарската история и култура* 4 (2). София, 213—235.
- Кочкина А.Ф. 1999. Муромский городок — региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке. В: *Вопросы археологии Урала и Поволжья* 1. Самара, 165—173.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2009. Ювелирные клады Волжской Болгарии в Самарском Поволжье. В: Захарова Н. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium. Санкт-Петербург: ГЭ, 58—61.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2016. Клад ювелирных украшений волжских болгар на Самарской Луке. В: *Проф. Борис Д. Борисов: ученици и приятели*. ВГУ «Св.Св. Кирилл и Мефодий» и Българската археология 2. Велико Търново: ИВИС, 605—614.

- Полякова Г. Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. В: Федоров-Давыдов Г. А., Хлебникова Т. А., Хакимзянов Ф. С. (ред. колл.). *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 269—292.
- Руденко К. А. 2007. *Волжская Булгария в XI — начале XIII в.: поселения и материальная культура*. Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2011. *Булгарское золото: филигранные височные подвески*. Древности Биляра I. Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2012. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования. *УИВ* 36 (3), 139—144.
- Руденко К. А. 2015. *Булгарское серебро*. Древности Биляра II. Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2018. Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении. В: *Народы и религии Евразии* 16 (3), 7—21.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рябцева С. 2011. Парадные диадемы и венцы X—XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия. *Revista arheologică VII* (1—2), 72—95.
- Толстой И., Кондаков Н. 1897. *Русские древности в памятниках искусства V. Курганные древности и клады домонгольского периода*. Санкт-Петербург: Типогр. Министерства путей сообщения.
- Хлебникова Т. А. 1996. Анализы болгарского цветного металла. В: Федоров-Давыдов Г. А., Хлебникова Т. А., Хакимзянов Ф. С. (ред. колл.). *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 269—292.
- 120 лет... 2007: Колев Ю. И. (отв. ред.). 2007. *120 лет — 120 raritetov: каталог выставки к 120-летию Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина*. Самара: СОИКМ.
- Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ia (The Origins of the History of the Samara Region in the Volga Basin)*. Kuybyshev: "Knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Zhilina, N. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (1). 99—117 (in Russian).
- Inkova, M. 2007. In *Problemi na prabŭlgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (2). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 213—235 (in Bulgarian).
- Kochkina, A. F. 1999. In *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Ural and Volga Regions)* 1. Samara, 165—173 (in Russian).
- Kochkina, A., Stashenkov, D. 2009. In Zakharova, N. (ed.). *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 58—61 (in Russian).
- Kochkina, A., Stashenkov, D. 2016. In *Velikotŕnovskiyat universitet „Sv. Kiril i Metodij“ i Bŭlgarskata arkheologiya. Prof. Boris D. Borisov: uchenitsi i priiateli (St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo and the Bulgarian Archaeology. Professor Dr. Boris D. Borisov: Students and Friends)* 2. Veliko Tarnovo: "IVIS" Publ., 605—614 (in Russian).
- Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A., Khlebnikova, T. A., Khakimzianov, F. S. (ed. board). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 269—292 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaya Bulgariia v XI — nachale XIII v.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th—Early 13th Century: Settlements and Material Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) I. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2012. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 36 (3), 139—144 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Peoples and Religions of Eurasia)* 16 (3), 7—21 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S. 2011. In *Revista arheologică VII* (1—2), 72—95 (in Russian).
- Tolstoi, I., Kondakov, N. 1897. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva (Russian Antiquities in the Monuments of Art)* 5. *Kurganye drevnosti i klady domongol'skogo perioda (Barrow Antiquities and Hoards of the Pre-Mongol Period)*. Saint Petersburg: Ministry of Railways Publishing House (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A., Khlebnikova, T. A., Khakimzianov, F. S. (ed. board). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 269—292 (in Russian).
- 120 let — 120 raritetov: katalog vystavki k 120-letiiu Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia im. P. V. Alabina (120 years — 120 Rarities: Catalogue of the Exhibition Dedicated to the 120th Anniversary of the P. V. Alabin Samara Regional Museum of Local History). 2007. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).

Статья поступила в сборник 9 апреля 2020 г.

Anna Kochkina (Samara, Russian Federation). Samara Museum for History and Regional Studies named after P. V. Alabin¹.

Кочкина Анна Федоровна (Самара, Россия). Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина.

E-mail: archeo@alabin.ru

Dmitriy Stashenkov (Samara, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P. V. Alabin².

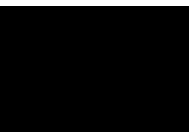
Сташенков Дмитрий Алексеевич (Самара, Россия). Кандидат исторических наук. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина.

E-mail: archeo@list.ru

Address: ^{1,2} Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation

Красота сакрального

Beauty of the sacred



M. P. Kruk

Double-Sided Encolpion with the Virgin and Child and Three Saints in the Collection of the Princes Czartoryski in Krakow

Keywords: Byzantium, Hilandar, Simonopetra, Czartoryski, encolpion, St. Sabbas, St. Sava, St. Simeon, minor arts

Ключевые слова: Византия, Хилендар, Симонопетра, Чарторийские, энколпион, св. Саббас, св. Савва, св. Симеон, миниатюры

M. P. Kruk

Double-Sided Encolpion with the Virgin and Child and Three Saints in the Collection of the Princes Czartoryski in Krakow

One of the most precious Byzantine objects in the collection of the Princes Czartoryski Museum in Krakow is the double-sided pendant in the form of a carved wooden medallion (9.8 × 7.2 × 1.5 cm) with a refined openwork filigree silver-gilt mount studded with pearls and garnets (inv. no. MNK XIII-475). There is a depiction of the Virgin and Child on the front and of three saints with a temple model on the back. Its features suggest that it was made in the second half of the 18th century, probably in one of the monastic centers on Mount Athos, perhaps at Simonopetra or — even more plausibly — at Hilandar; and all the more so if the figures depicted in the medallion actually are St. Sava, the first Serbian Archbishop, and St. Simeon, his father and the first Serbian king.

M. P. Kruk

Двусторонний энколпион с изображениями Богородицы с младенцем Иисусом и Трех Святых из коллекции князя Чарторийского в Кракове

Одним из самых ценных предметов византийского искусства в Музее князя Чарторийского в Кракове является двусторонняя подвеска в форме вырезанного из дерева медальона (9,8 × 7,2 × 1,5 см) с украшенным изысканной ажурной филигранью серебряно-позолоченным креплением, усыпанным жемчугом и гранатами (инв. № MNK XIII-475). Она украшена изображением Богородицы с младенцем Иисусом на лицевой стороне, и Трех Святых с моделью храма — на оборотной. Характеристики изделия предполагают, что оно было изготовлено во второй половине XVIII века, вероятно, в одном из монастырских центров горы Афон. Возможно, в Симонопетре, или, даже скорее — в Хилендаре; это тем более вероятно, если фигуры на оборотной стороне медальона изображают св. Савву — первого архиепископа Сербии, и св. Симеона — его отца и первого короля Сербии.

One of the most precious Byzantine objects in the collection of the Princes Czartoryski Museum in Krakow is the double-sided pendant in the form of a carved wooden medallion (9.8 × 7.2 × 1.5 cm) with a refined openwork filigree silver-gilt mount studded with pearls and garnets (inv. no. MNK XIII-475)¹ (fig. 1—3). There is a depiction of the Virgin and Child on the front and of three saints with a temple model on the back. The beautiful work represents the group of Eastern devotional jewelry belonging

to the area of interest of Svetlana S. Ryabtseva (see e.g. Рябцева 2005).

As established by Michał Myśliński in reference to the several dozens of Byzantine gems in the collection of the Princes Czartoryski Museum that were examined in the course of the research programme of the Scientific Research Committee (KBN), it is usually impossible to reconstruct their provenance before their acquisition to museum holdings (Myśliński 2006: 229).²

¹ During the renovation of the Princes Czartoryski Museum in Krakow, it was exhibited at the display “The Past’s Tribute to the Future. The Collection of the Princes Czartoryski Foundation at the Muzeum Nadwiślańskie in Kazimierz Dolny” in 2016, and since July 2019 it has been exhibited at the permanent exhibition at the Czartoryski Museum in Puławy. The object has not yet been analysed or published.

² The grant from the Polish Committee for Scientific Research (KBN) “was implemented in two stages, from 1995 and from 2000 under the leadership of prof. dr hab. Anna Różycka-Bryzek from the Institute of Art History of the Jagiellonian University, with the main contractor dr Michał Myśliński from the Institute of Art of the Polish Academy of Sciences (PAN) in Krakow” (Myśliński 2003: 109). The author has repeatedly published short reports on the project: (Myśliński 1999: 185—190; 2003: 109—111; 2006: 229—233).



Fig. 1. Double-Sided Encolpion, The Collection of the Princes Czartoryski in Krakow, MNK XIII-475: Virgin and Child.

Рис. 1. Двусторонний энколпион, коллекция князя Чарторыйского в Кракове, MNK XIII-475: Богородица с младенцем Иисусом.



Fig. 2. Double-Sided Encolpion, The Collection of the Princes Czartoryski in Krakow, MNK XIII-475: Three Saints.

Рис. 2. Двусторонний энколпион, коллекция князя Чарторыйского в Кракове, MNK XIII-475: Трое Святых.

The same applies to the group of Byzantine encolpions, including the analysed object. The nature of these devotional objects, small precious items decorated with stones seems to indicate that they could have been acquired by the Czartoryski family from a single source at a similar time, but this has not been established yet.³ They could have been purchased on the Paris antique market.⁴ Some of them have been described in published catalogue notes (Grotowski, Kruk, Paszkowski 2001: 58—59) and articles (Kruk, Salomon 2011: 231—36). In the 1954 inventory card of the object, it has the inventory number XIII-475 and its former number is cited: I-850 [KI (inventory card) 1954].⁵ The latter number was assigned to the encolpion in the *Museum Cata-*

logue of Varia (Pol. *Katalog muzealnych różnych*, 1934) (*Katalog muzealnych...* 1934: cat. 850) with the additional number 595, with which it was said to have been recorded in the 1899 catalogue. However, this 19th-century catalogue, titled the *Inventory of the Princes Czartoryski Collections* (Pol. *Inwentarz Zbiorów XX. Czartoryskich*), contains the oldest known description of the piece complete under the number 657 (and the number 850 written in the adjacent column) (*Inwentarz Zbiorów...* 1899: cat. 657).⁶ The entries in both catalogues are almost identical, with one significant difference regarding the identification of the object's material. The 1934 *Inventory* described the encolpion as: "A large silver-gilt medallion, with filigree; decorated with grenades and pearls, on both sides. Inside, in the circles, wood-carved depictions of religious subjects," while the 1899 catalogue — as: "A larged silver-gilt medal-

³ Query conducted at the Artistic Crafts Department of the Czartoryski Museum and the Czartoryski Library.

⁴ For example, the medallion (inv. no. MNK XVIII-153a) was purchased by Edward Goldstein in Paris, where in the first quarter of the 20th century, Athos crosses appeared on the antique market, sold by E. Segregadis — Kruk 2010: 14.

⁵ The card contains basic data of the object, without dating, and the opinion of Yuri Pyatnitsky, quoted below.

⁶ The *Inventory...* was the Volume I of the first collection of the Czartoryski Museum that included artistic crafts, hence the format of its inventory numbers: I-657. The medallion was recorded in the *Book of Aquisitions* of the National Museum in Krakow under the number MNK Cz. 2017.



Fig. 3. Double-Sided Encolpion The Collection of the Princes Czartoryski in Krakow, MNK XIII-475: view on the inscription.

Рис. 3. Двусторонний энколпион, коллекция князя Чарторыйского в Кракове, MNK XIII-475: надпись.

lion, with filigree; decorated with grenades and pearls, on both sides. In wax.” The last information is intriguing, since both the 1934 *Catalogue* and the 1954 inventory card describe the medallion’s material as wood, which means that a correction has been introduced in comparison with the oldest record of 1899. Byzantine artists liked to use diverse materials which have not always been easy to identify, as exemplified by another pendant (inv. no. MNK XIII-514), for which, as revealed in the course of analyses, organic material, likely animal horn, was used (Grotowski, Kruk, Paszkowski 2001: 58—59); or the encolpion MNK XIII-517 made of soapstone, one of the most popular materials in the Middle Byzantine era (Kruk, Salamon 2011: 231—36).

The work is currently presented at the permanent exhibition “The Past’s Tribute to the Future. Collection of the Princes Czartoryski Foundation” at the Czartoryski Museum in Puławy, the town where the historical relics collected by Izabela Czartoryska were presented for the first time before their transfer to Krakow.⁷

The parts carved in wood are visible through the narrow openings of the mount that frames the figures but limits the visibility of the background which depicts — both on the front and on the back — a kind of wall with openwork semi-circular window openings. Chiselled incisions have been made by a skilful and confident hand, the robe folds multiply in a very dense rhythm of parallel lines with emphasised crucial details that permit to identify the persons. Mary’s head is covered with a veil with incisions suggesting lace

trimming, while Christ’s robe has stripes on the tunic (Lat. *clavi*) and a supporting belt. The figures of saints are distinguished by their omophorions with multiple crosses. Two of the saints face each other, supporting a model of a two-tiered rotunda situated between them: the bishop in the middle holds the book of the Gospel in his right hand, while the other demonstrates the cross. The figures are depicted frontally, but their faces — in profile. The mount features stylised floral motifs including twisting sprouts, heart-shaped flowers and small and large buds.

Iconography

The medallion’s front features the image of the Mother of God holding the Child in Her arms; they look at each other. Christ raises His right hand in the gesture of *benedictio graeca*. His tunic girded with the waist belt, resembles to some degree the characteristic type of Roman tunic with two stripes connected to the belt often present in the late Paleologian icons from the 15th century. It is to be found in the *Mother of God Eleusa* from northern Greece,⁸ the icon of the *Mother of God Glykophilousa* from Zakynthos,⁹ the so-called *Mother of God of Volhynia*.¹⁰ It is noteworthy that such an outfit is usually present where the body of Jesus is particularly expressively bent, and He is pictured as a playing child, often turning His back to the viewer, like in the icon in a Roman Cath-

⁸ *Mother of God Eleusa*, icon, around 1400, 88 × 55 cm, in the church of Mother of God of Phaneromene — Papazotos 1995: cat. 67. As indicated, works of similar style were produced in Kastoria and its vicinity in the early 15th century.

⁹ *Mother of God Glykophilousa*, second half of the 15th century, 105 × 78.5 cm, Zakynthos, Byzantine Museum, inv. no. 113 — Baltoyanni 1994: cat. 22, pl. 43. The work is one of the most beautiful examples of Cretan painting.

¹⁰ *Mother of God with Jesus*, 2nd half 15th century, 85 × 48 cm, icon brought from the church of the Protection of the Holy Mother in Lutsk in 1962, Kiev, Державний музей українського образотворчого мистецтва, now: Національний художній музей України, inv. no. И-41 — Kruk 2000: cat. 10 (with bibliography). The icon was regarded in the literature of the 1960s and 1970s to be the oldest, dated to the beginning of the 14th century (Давне Українське ...1988: inv. no. Ч-414, 22: dated to the second half of the 14th century), and more recently — even to the 13th century (Лужницькій 1984: 160). Considering a certain dryness of style and strong linearity shared with numerous post-Byzantine works, especially Cretan ones, and — in the context of Volhynia — the similarities with the excellent icon of *Christ* from Rzeszyc (Ukr. Річниця), believed to be a late work of a Greek painter from the late 15th century (Icon, 141 × 102 × 3.5 cm — Пуцко 1995: 6) or from the 16th century (Сидор, Скрентович 1987: 29, fig. 1), it seems reasonable to follow V. Putsko who shifts its dating closer to 1500 (Пуцко 1995: fig. on p. 7).

⁷ For the latest study of the Princes Czartoryski Museum, opened after years of renovation as a branch of the National Museum in Krakow: Plonka-Balus, Koziara 2019.



Fig. 4. Zacharije Orfelin (Захарија Орфелин). SS. Peter and Paul and vision of church in Sremski Karlovci. Print, 1770, 54,0 × 37,0 cm, Beograd, National Museum (after Davidov 2006. Fig. 115).

Рис. 4. Захарија Орфелин. Святые Петр и Павел и вид церкви в Сремски Карловицы. Печать, 1770 г., 54,0 × 37,0 см, Белград, Национальный музей (по Davidov 2006. Fig. 115).

olic church in Naxos.¹¹ As pointed out by Chrysanthos Baltoyianni, this scheme used to be repeated in Cretan icons of the 15th century that followed the pattern known from the 14th-century icons of *Mother of God Pelagonitissa* preserved in the monasteries of Mount Sinai and in Dečani (serb. Дечани) (Baltoyianni 1994: 136). In this context, a somewhat unclear position of Jesus' body in the analysed medallion is remarkable. The head is pictured in profile, but the body is turned — it seems as if the head were placed directly upon it, and the neck appears invisible. On the other hand, however, there is no doubt that the Child gives the benediction with His right hand, and so this body position should be interpreted as frontal, probably like in another Ruthenian icon from Volhynia within the borders of the former Polish-Lithuanian Commonwealth — from Mezhyrich (Pol. Międzyrzecz Ostrogski, Ukr. Межиріч).¹²

In order to interpret the religious content of the medallion, it is essential to identify the three saints depicted on the back. Since this question has so far raised doubts, three existing interpretations will be presented and discussed.

I. A preliminary opinion on the iconography of the back of the medallion was expressed by Yuri Pyatnitsky from the Hermitage, expert in late and post-Byzantine art. The opinion is included in the inventory card of the object (see note 8). In his opinion, the temple model is supported by Sts Peter and Paul, and the other figure should be identified as St. John. Identification of Sts Peter and Paul seemed tempting, as it is confirmed by many late and post-Byzantine analogies (fig. 4). The subject of many, especially the so-called Italo-Greek or Cretan icons, are the two apostles, Sts Peter and Paul in frontal position, holding the temple model between them, but also sometimes embracing each other, which could be explained by the reconciliatory ideas guiding the painter who sought for subjects shared by the traditions of both Churches or civilisations. An interpretation of this depiction, often repeated in icons of that period intended for the Italian market, has recently gained one more intriguing interpretation — as an alleged postulate of the unification of both rites, which was particularly intensively pursued at that time. Maria Vassilaki summed up simply that one of the potential sources of the populari-

ty and development of this entire painting movement that connected the East with the West were the pro-union tendencies, including those inspired by the Council of Ferrara-Florence (1438–39), which could have been specifically manifested in the diffusion of the icons with the Apostles Peter and Paul embracing each other, e.g. in the icons by Angelos Akotantos (ca. 1425–50) (Vassilaki 2016:115).¹³

It is believed that the images of the two apostles were exhibited during the Council in the main meeting hall, and their skulls were shown to the public on the two sides of the Bible. According to another account, their symbols — the keys and the sword — were placed in front of the altar (Vassilaki 2016: 119).

These tendencies can also be observed in the oeuvre of Nikolaos Tzafouris, a well-known Cretan painter, active in Candia in the second half of the 15th century, and at the same time closely connected with Angelos' workshop (Vassilaki 2016: 120–121). One of the works attributed to him is a triptych with the Mother of God representing the *Madre della Consolazione* type, with St. Peter and St. Paul embracing each other on the left wing and St. Stephan and St. Lawrence on the right wing (private collection in London) (Vassilaki 2016: fig. 12). Maria Vassilaki emphasised that the character of this painting was also the result of the double identification of Angelos and many other artists. Though Venetian by origin, Angelos was Orthodox; his wife was Elena Marmara from Crete. For such people — who identified themselves both as Cretan and Venetian — the union of the Churches could create an opportunity to really unite the two populations living side by side in Crete (Vassilaki 2016: 124).

II. While the medallion in discussion repeats the compositional scheme with the two saints supporting the temple, the above identification cannot be maintained by reason of the inscription “Ο ΑΓΙΟΣ ΣΑΒΒΑΣ” (Saint Sabbas), visible above the figure in the middle, referring either to one of the most famous fathers of Middle Eastern monasticism or to St. Sava (Sabbas), the Serbian Archbishop (fig. 3). St. Sabbas of Jerusalem is traditionally held as one of the founders of the Great Lavra near Jerusalem, later named after him: Mar Saba, a name that became widespread in the Middle and Late Byzantine era. While there is a slight possibility that there are other descriptions on the medallion's rim, perhaps referring to the other two saints, it cannot be verified, since at the present moment the mount cannot be dismantled. The direct observation of the medallion,

¹¹ *Mother of God Glykophilousa*, icon, first half of the 15th century, 90×70 cm, Naxos, church of the Mother of God of Perpetual Succour — Drandaki 2002: cat. 32, pl. 60.

¹² *Mother of God and Jesus*, icon, 16th century, Mezhyrich, Holy Trinity Monastery (Kruk 2011: cat. and fig. 26).

¹³ More on this topic: Kruk 2019: 295–99.

as well as photographs taken at a sharp angle on 8 February 2020, seem to suggest that there are no other inscriptions on the medallion besides the visible ones.

St. Sabbas of Jerusalem was the founder of numerous monasteries, the author of a typikon with liturgy dedicated to the communities he created. Sabbas came to Palestine from Cappadocia towards the end of the 5th century, and founded a system of lavras including the largest one, the Great Lavra (Mar Saba), contributing to the fact that the population of monks reached several thousand in the beginning of the 6th century. When St. Sabbas arrived in Palestine, six lavras already existed in the Judaean Desert and along the Jordan River (Patrich 1995: 7), and he himself became acquainted with the monastic life of several communities. In the context of the iconography of the scene in question, it is worth to highlight the tradition that obliged monks to grow a beard, which was first attributed to the regulations of the Fathers in Scethis, and then adopted as a binding monastic rule (Patrich 1995: 14). In the initial period, Sabbas was a student of Euthymios, with whom he shared admiration for the aforementioned Fathers, especially Arsenius, tutor of the Emperor's sons, Arcadius and Honorius. He gradually became the architect of the cenobitical life combining the Egyptian Antonian system with the Cappadocian Basilian system, which would become the most significant feature of Palestinian monasticism (Patrich 1995: 47–48). A dense network of lavras emerged in the Cedron Valley which were connected by roads one with another, as well as with Jerusalem and Bethlehem. The first stage of the construction of the complex was the construction of the Great Lavra in the years 483–486 during the rule of the Patriarch of Jerusalem Martyrius (478–486), who already knew Sabbas at the time when the latter stayed with Euthymios. Every monk joining the congregation could count on favourable conditions — there were around 70 disciples in the beginning and Sabbas was their leader, guide and mentor (*V. Sab.* 16, 100,6) (Patrich 1995: 61).

The fame of both the monastery founder and the Sabbaite monks systematically reached Constantinople, and even more so other monastic centres (See: Kruk 2019: 265–72): “[...] for through him this desert was to become a city” (*V. Sab.* 6, 90.8–10; Quotation for Patrich 1995: II). Monks from the Great Lavra supported the iconodules who were associated with the monastery anyway, like St. John of Damascus or St. Cosmas of Maiuma. Theodore, the abbot of Constantinople's Studios monastery, searched for support of the Great Lavra in a letter to hegumenos Basil (809), in the struggle with the iconoclastic patriarch and em-

peror (he also adopted, with certain changes, the Sabbaite *Typikon* as part of the reform of monastic life, modifying it for the needs of cenobitic life) (Patrich 1995: 330). Mar Sabas was also the original monastery for the brothers Theodorus and Theophanes, the Grapti, the herolds of the veneration of Mary and icons, “stigmatised” for this reason. And they were probably depicted, along with Theodore the Studite, in the two famous icons of the *Triumph of Orthodoxy* in the row of saints famous for the fight against iconoclasm, underneath the imperial couple of Theodora and Michael III and the Patriarch Methodius (843–847).¹⁴ It can be assumed that it was mainly due to contacts between the key monasteries of that period leading the fight against iconoclasm that the figure of St. Stephen the Hymnographer — otherwise unrelated — emerged in the iconography of Ruthenian icons.¹⁵

And so Mar Saba became one of the leading centres of spiritual life beside the monastic centre on Mount Athos, and St. Sabbas of Jerusalem (439–532) began to be depicted in wall paintings (Santa Maria Antiqua, 8th century), icons, miniatures (*Menologion of Basil II*, 10th century) and later in Orthodox church prints with the scenes of his life and miracles in fields on the borders, as one of the greatest patrons of cenobitical life.¹⁶ (fig. 5).

¹⁴ *Triumph of Orthodoxy*, icon dated to the beginning of the 15th c., wood, tempera (Chatzidakis 2001: fig. 31). On the website of the British Museum (BM), it is described as a capital work, that is, painted in Constantinople, and sized 39×31×5.3 cm, acquired for the collection in 1988 — http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=61272&partId=1. (See Cormack 2000: cat. no. 32, 340–41). Figures in this icon can be recognised on the basis of the more legible inscriptions in the Cretan icon which was likely produced as its copy: *Triumph of Orthodoxy*, Crete, dated to c. 1500, wood, tempera, 36.4×31×1.9 cm, Emilius Velimezis collection — Chatzidakis 1998; 2001: cat. no. 5. To the left of the glorified Hodegetria icon are: Empress Theodora and Emperor Michael III, to the right — Patriarch Methodios, Bishop Theodore, monk Theodosius and another monk with the initial letters ‘Teo...’. Below is a row of saints who fought against iconoclasm, including St. Theodosia, an unidentified figure, a monk with the anabolas, probably St Ioannikos, an unidentified figure, Theophanes the Confessor (?) holding the icon of Christ in the centre together with Theodore the Studite, then Bishop Arsenios leading four monks. Based on a publication by N. Chatzidakis, R. Cormack (2000) has identified them as the brothers Theodorus and Theophanes ‘the Branded’ (Gr. *graptoi*), and Theophylaktos and Arsakios — Kruk 2007: fig. 3.

¹⁵ Kruk 2004: 129–154; Kruk 2019: 265–269.

¹⁶ See e.g. <https://graphicarts.princeton.edu/2017/07/07/saint-savvas/>. Biography of St. Sabbas was recalled by Joseph Patrich: Patrich 1995: 37–48.



Fig. 5. Kyrillos (Cyril). Saint Sabbas, the Sanctified. Engraved at Mount Athos by Kyrillos, printed on cloth, 14.XI.1847, Krzeszów (Lower Silesian Voivodeship in Poland), The Benedictine abbey.

Рис. 5. Кирилло (Кирилл). Св. Савва Освященный. Гравировка Кирилла на горе Афон, отпечатана на ткани, 14.XI.1847, Крешув (воеводство Нижняя Силезия, Польша), аббатство бенедиктинцев.

St. Sabbas was given the epithet “the Sanctified” by the author of his hagiography — Cyril, and the name stuck. Like St. Euthymios, he was believed to have a special charisma and be surrounded by an aura of holiness in his lifetime, having performed numerous miracles, and was also said to be endowed with the gift of prophecy (Patrich 1995: 279—80). Therefore, it is necessary to point out the precedent depictions in which he appears with other monastic Fathers. The famous ones are the frescoes in Asinou, Cyprus from the 11th century, where St. Sabbas was depicted with St. Euthymios and St. Anthony. He was probably also among the saints in the tomb in Kastellion, although his name has not been preserved (Patrich 1995: 284). He appeared again with St. Euthymios and St. Anthony on the silver procession cross, from Asia Minor according to Cyril Mango, and preserved in the Cleveland Museum. The image of St. Sabbas is in the very centre of the cross; at the end of the left beam, in the medallion, are St. Anthony and St. Euthymios; on the right side — St. Ephrem the Syrian and St. Hilarion, and at the bottom were the unpreserved figures of St. Arsenios and St. Abramios. The cross itself was dedicated to St. Sabbas, as commissioned by Nicholas the monk, founder of the monastery in Galistine.¹⁷ At the end of the 8th and in the beginning of the 9th century, Theodore Studite ordered for his church at Studios a series of wall paintings of 24 saints, including holy monks: St. Theodore of Sykeon, St. Anthony the Great (of Egypt), St. Hilarion, St. Euthymios and the Palestinian St. Sabbas, as well as the founders of the monasteries in the capital: St. Dalmatos and Dios (Hatlie 2007: 407—10).

It can be presumed that the famous literary works, i.e. *Life of St. Euthymios* and *Life of St. Sabbas* (mid-6th century) by Cyril of Scythopolis (524—599), as well as *The Meadow* by John Moschus (550—619), who visited the regions of the Middle East in order to collect legends about monks, had great impact on the formation of the iconography of the sainted Fathers of monasticism. Monastic life flourished in Palestine towards the end of the 5th century, and three monks from Cappadocia, but active in Judaea, that is, Euthymios, Theodosios and Sabbas played a great role in this phenomenon (Nowogórski 1995: 25). When deciding who, apart from Sabbas, could have been pictured in the medallion, in my view we should take into account Joseph Patrich’s opinion that the characteristic feature of Palestinian monasticism was the conjunction of

the Cappadocian and Egyptian traditions, which is confirmed in the middle Byzantine iconography by the pairing of St. Eustathios and St. Anthony in the aforementioned frescoes from Asinou and the cross from Cleveland (which may not, by that token, be from Asia Minor, but rather from Syria or Palestine). Thus, the model of the ideal lavra — symbolizing both its material and spiritual vision — would be supported by St. Sabbas and probably St. Euthymios, and they would not be accompanied by St. Theodosios but St. Anthony the Great. It is interesting that in the frescoes in Lublin (1418) the Fathers from the Egyptian and Syro-Palestinian circles were depicted side by side (Różycka Bryzek 2012: 127—28). The medallion’s conjunction of the seemingly unrelated themes of the holy patron of Middle Eastern monasticism with the image of Mary could evoke the idea of the fortress of iconodules and heroes defending the honour of Mary as the Mother of God, who actively opposed the destructive power of iconoclasm that also undermined the legitimacy of veneration of Marian images.

III. The third option — the most plausible one — would be to identify the middle saint as St. Sava (Sabbas), the Archbishop of Serbia (c. 1175—1236) (See Knochen, Squarr 1976: col. 298—300; Lechner 1976: col. 296—98). The episcopal robe of the central figure would be the decisive feature (the two other saints wear monastic mantles). This hypothesis is supported by the fact that the Serbian St. Sava was also a priest and was extremely popular and well-known in Orthodox iconography. He was born as Rastko, the son of the Serbian ruler Stefan Nemanja (c. 1113—1199) and left his secular duties to join the religious of Athos, then stayed longer at the Vatopedi monastery, and at Serbian Hilandar, where his father died as one of the monks, bearing the name of Simeon. Simeon was canonised at his son’s instigation in 1209. St. Sava contributed to the recognition of the autocephaly of the Serbian archbishopric and became its first superior. St. Sabbas of Jerusalem was not a bishop, so this detail appears to indicate that the central figure depicted in the medallion could be his spiritual successor and namesake, who also worked on the typicon, founded numerous monasteries and wrote multiple and important liturgical texts. It can be assumed that his own monastery may have been interested in promoting the memory of their patron saint, who could hold the model of the temple together with his father, St. Simeon, as depicted on a masterfully crafted encolpion like many others issued by the monastery workshops. Both monks often appeared in the frescoes of Serbian Orthodox churches in the 14th century, for instance in Mileševa, in the church of Our Lady of

¹⁷ Analysis of the cross: Mango 1988: 41—49. See Kruk 2019: 270—271.

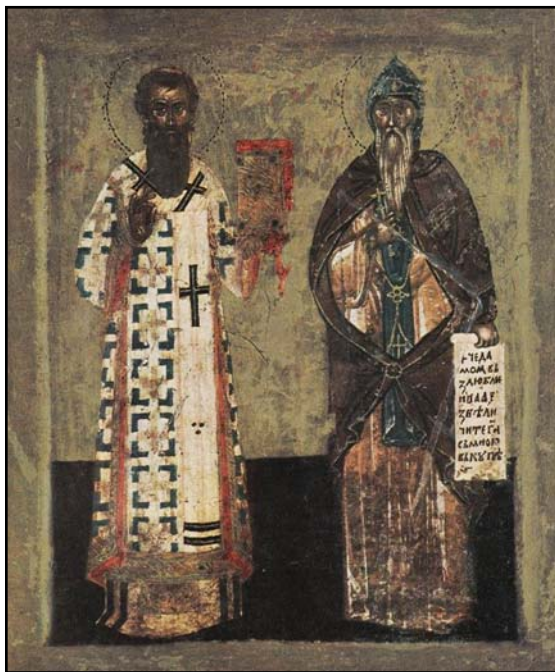


Fig. 6. Sts Simeon and Sava. Icon, 15th c., tempera on wood, 32.5 × 26 cm. Belgrade, National Museum (after Weitzmann et al. 1966: cat. and fig. 201).

Рис. 6. Святые Симеон и Савва. Икона, XV век, темпера по дереву, 32,5 × 26 см. Белград, Национальный музей (по Weitzmann et al. 1966: cat. and fig. 201).



Fig. 7. Zacharije Orfelin (Захарија Орфелин). St. Sava Serbian and St. Simeon holding a temple model. Print, 1780, 54.0 × 37.0 cm. Rijeka, Orthodox church (after Davidov 2006: fig. 136).

Рис. 7. Захария Орфелин. Св. Савва Сербский и св. Симеон держат модель храма. Печать, 1780 г., 54,0 × 37,0 см. Риека, православная церковь (по Davidov 2006: fig. 136).

Ljevič in Prizren, or the royal church in Studenica (1313—14), as well as in the icon from that period preserved in Hilandar, repainted in the 16th century (Knoben, Squarr 1976: col. 299)¹⁸, and in the 15th-century icon from the National Museum in Belgrade.¹⁹ (fig. 6).

Particularly important, also due to the presumed dating of the medallion, is the composition with the Serbian St. Sava and St. Simeon both holding a temple model in the engraving by Zacharije Orfelin (Захарија Орфелин) of 1780 (Davidov 2006: cat. 86, fig. 136) (fig. 7). The print has been preserved in the Orthodox church in Rijeka, and was created at the instigation of Athanasius Terpik, a Hilandar monk; its replica has survived at the Hilandar monastery. The attribute of both figures are crowns lying at their feet, signifying their resignation from secular power in favour of spiritual vocation. St. Sava is described as the

Serbian archbishop, and St. Simeon as the Serbian tsar. The model in their hands should be interpreted as the Hilandar monastery. St. Sava wears episcopal vestments and a miter on his head and gives a blessing with his right hand, while Simeon is dressed in monastic clothing and holds a cross in his left hand.

The figure of the monk standing behind Sava remains mysterious. Is he the spiritual patron St. Sava, e.g., St. Sabbas of Jerusalem, or rather someone else? In the popular depictions of the Nemanjić family tree, almost all figures wear royal attires and carry crowns on their heads. The only exceptions are St. Sava and St. Simeon, distinguished either by being placed in the centre of composition — as in the print by Zacharije Orfelin of 1765, in which St. Simeon wears a religious attire and holds a scroll, staff and a cross (Davidov 2006: cat. 96, fig. 157)²⁰ — or at the bottom of the family tree — as in the 1708 print from Dečani (serb. Дечани) (Davidov 2006: fig. 183). As a rule, they were also paired as patrons of not only the Hilandar monastery, but also the

¹⁸ In the apse of the church in Peč from the mid-13th century, St. Sabbas was next to the liturgy Fathers: St. Basil the Great and St. John Chrysostom (Knoben, Squarr 1976: col. 298).

¹⁹ *Sts Simeon and Sava*, icon, 15th c., temp. on wood, 32.5 × 26 cm, Belgrade, National Museum (Weitzmann et al. 1966: cat. and fig. 201).

²⁰ The so-called *Srbijak*, or a set of images of Serbian tsars, princes, despots and archbishops.

one in Studenica — as in the graphic panorama of 1740 with the bust of the Mother of God on top (Davidov 2006: cat. 111, fig. 136). Therefore, St. Simeon as the first Serbian king, and St. Sava as the first Serbian Archbishop ideologically cemented this type of compositional schemes, additionally tied with the image of the Mother of God, to whom these monasteries usually were dedicated. In Andrej Pavlov's print of 1817, they jointly raise the image of the Mother of God over the Hilandar monastery (Davidov 2006: cat. and fig. 328; Davidov et al. 2004: fig. at p. 154). (fig. 8).

Artistic Environment and Dating

According to Yuri Pyatnitsky, the encolpion can be considered a Balkan work from the 16th century. One could attempt to indicate the origin of the work more precisely — as from the monastic environment of Mount Athos. Similar items were produced at the monasteries of Iviron, Simonopetra and Hilandar. From the Serbian Hilandar monastery comes, for example, the diptych by Uglješa Despotović with the image of Mary enthroned with Jesus surrounded by prophets, in an expensive mount decorated with filigree and gemstones, dated to 1368—69 (Petković 1999: fig. 65). The Iviron monastery is linked with the blessing cross dated to 1593—1615, similarly set with stones, probably garnets and pearls alternately, embedded in bezels (i.e., just like in the Krakow medallion), with stylised floral motifs in the background (Iconomaki-Papadopoulou 1997a: cat. 9.41). Certain fragments are developed similarly in this type of works — for instance, parallelly arranged strands of hair — but the garment folds have a slightly different arrangement. The Krakow object displays greater simplification and rhythm of the folds that are arranged parallelly, which makes it resemble the Serbian work, but other features, such as the motif of freely outlined flowers on the robe of the bishop in the middle, indicate much later analogies.

Similar folds can be found, for instance, in the figure of St. George killing the dragon in the double-sided encolpion from the Museum of Arts and Crafts in Belgrade (Музеј примене уметности), dated to the 17th century and attributed to an unknown workshop in Serbia (Радојновић 1974: cat. 1, fig. on p. 80). Its back side features a depiction of the Mother of God and Jesus with St. Nicholas and St. John the Baptist. However, while there are certain similarities in the medallion's style and execution, it is two times smaller and its silver mount, with more modest decoration, is devoid of additional inlays, which was characteristic for the majority of works of this type.



Fig. 8. Andrej Pavlov. St. Sava Serbian and St. Simeon, print, 1817 (after Davidov, Miodragović, Todorović 2004: fig. 32).

Рис. 8. Андрей Павлов. Св. Сава Сербский и св. Симеон. Печать, 1817 г. (по Davidov, Miodragović, Todorović 2004: fig. 32).

I would consider two episcopal encolpions from the Simonopetra Monastery, dated to the second half of the 18th century, a close analogy to the encolpion in discussion (Iconomaki-Papadopoulou 1997b: cat. 9.57; Iconomaki-Papadopoulou 1997c: cat. 9.58) (fig. 9; 10). Similarities can be observed in both the manner of depicting the prophets in the wooden relief of the medallion and in the subtle openwork decoration of the mount involving filigree and rhythmically embedded pearls. The first object is made of wood with the use of silver, enamel, glass paste stones and beads, and the other one — also of wood, in the mount of silver-gilt, gemstones and enamel. The objects are of similar size as the Krakow encolpion: dia. 9 cm and 15×9.2 cm, respectively. Both are double-sided: the first one has a Marian theme on the front: *Mother of God Surrounded by Prophets*, and a Christological theme on the back: *Christ Surrounded by Apostles*. The other medallion has *Annunciation* on the front, and *St. George Killing the Dragon* on the back.

It was therefore a frequent practice to combine Marian themes with Christological themes, or with images of more popular saints. As determined by Yota Iconomaki-Papadopoulou, Marian themes contained a context pointing at the apo-



Fig. 9. Double-Sided Encolpion: Mother of God Surrounded by Prophets / Christ Surrounded by Apostles, 2nd half of the 18th c., diam. 9 cm. Athos, Monastery of Simonopetra (after Iconomaki-Papadopoulou 1997: cat. 9.57).

Рис. 9. Двусторонний энколпион: Богородица в окружении пророков / Христос с апостолами. 2-я половина XVIII в., диам. 9 см. Афон, монастырь Симонопетра (по Iconomaki-Papadopoulou 1997: cat. 9.57).



Fig. 10. Double-Sided Encolpion: Annunciation / St. George Killing the Dragon, 2nd half of the 18th c., 15 x 9.2 cm, Athos, Monastery of Simonopetra (after Iconomaki-Papadopoulou 1997: cat. 9.58).

Рис. 10. Двусторонний энколпион: Благовещение / св. Георгий убивает дракона. 2-я половина XVIII в., 15 x 9,2 см. Афон, монастырь Симонопетра (по Iconomaki-Papadopoulou 1997: cat. 9.58).

theosis of the Act of Incarnation, suggested by the use of floral motifs referring to the idea of the Tree of the Jesse, which could be combined with, e.g., the subject of the *Hymns of Prophets*.²¹ It should be emphasised that such an idea is also expressed in the medallion without the mount from the MNK collection, in which the Tree of Jesse is surrounded by six scenes from the Gospels (Kruk 2010: 14f). The researcher pointed out that wooden encolpions from that period are characteristically carved in a way that resembles rather engraving than sculpting. What is more, while discussing two other similar works from the Protaton monastery, the scholar expressed the opinion that objects of this type, generally dated to the 17th and 18th centuries, were made in monastic centres in the Balkans, and the intensive use of filigree is characteristic for pendants from the mid-18th to

the first decades of the 19th century (Iconomaki-Papadopoulou 1997: 364—65).

The conclusions presented by the scholar can be related to the encolpion in discussion. Its features suggest that it was made in the second half of the 18th century, probably in one of the monastic centres on Mount Athos, perhaps at Simonopetra or — even more plausibly — at Hilandar; and all the more so if the figures depicted in the medallion actually are St. Sava, the first Serbian Archbishop, and St. Simeon, his father and the first Serbian king.

Postscriptum

After having prepared the text for print, I asked prof. Alexander Musin for advice about the third person in the medallion. Initially he supposed it could be St. Nicholas, but finally decided that, in his opinion, it is almost certainly the monk Theodosios Koinobites (ca. 424—529). Indeed he cooperated with St. Sabas against monophysitism in Palestine although his coenobium had dif-

²¹ About the iconography of this topic: Kruk 2017: 53—68.

ferent, more hierarchical system of administration (Patrich 1995: 355): “It was the desert monks led by Sabas and Theodosius who set the tone and dictated to Patriarch John the position to be adopted in defense of Orthodoxy” (Patrich 1995: 44). He appeared with St. Sava and St. Simeon next to each other on the north wall of the church of St. Nicetas near Skopje (1321—1324). “Being put unto the same row with famous founders of monastic communities Simeon and St. Sava, again united as ktetors and founders of the Athonite monastery, represent the Serbian monastic community among famous holy ascetics” (Adashinskaya 2009: 47 and fig. 15).

Another Theodosius called of Hilandar (d. after 1348), an Author of canons in honor of both saints in Greek, caused that not later than in the 14th century in Hilandar a liturgical worship was born in honor of Saint Sava and Simeon, which could have led to Greek liturgical tra-

dition where both saints were inseparably connected with each other in difference to the Slavic tradition (Темчин 2012: 604). He was also the Author of St. Sava’s life (end of the 13th or beginning of the 14th century; Wolski 2012: 54), which, along with others, was re-developed in Greek by Genadius, a former metropolitan of Aleppo in the first half of the 18th century (Темчин 2012: 598).

St. Simeon and St. Sava were in effect depicted in two ways: “The first one had dynastic content, but did not imply the unification of the two saints” and the second of “Hilandarian origin and always preserved some reference to this monastic community, where both saints were venerated as monks and ascetics [...] glorified as the first ktetors of the Athonite monastic Serbian community [in Hilandar], “teachers” showing the way of salvation to those who desired to be monks” (Adashinskaya 2010: 92).

Bibliography

- Adashinskaya A. 2009. *The Joint Cult of St. Simeon and St. Sava under Milutin. The Monastic Aspect*. MA Thesis in Medieval Studies. Budapest: Central European University. URL: http://www.etd.ceu.hu/2009/adashinskaya_anna.pdf
- Adashinskaya A. 2010. The Origins of the Joint Cult of St. Simeon and St. Sava of Serbia based on Visual Sources. *Annual of Medieval Studies at CEU* 16. Budapest: Central European University, 77—92
- Baltoyanni Ch. 1994. *Icons. The Mother of God in the Incarnation and the Passion*. Athens: Adam Editions
- Chatzidakis N. 2001. *Ikonen die Sammlung Velimezis*. Athen: Benaki-Museum Athen.
- Cormack R. 2000. Icon of the Triumph of Orthodoxy. In: Vassiliaki M. (ed.). *Mother of God. Reception of the Virgin in Byzantine Art*. Catalogue of exhibition: Athens, Benaki Museum 20 X 2000—20 I 2001. Athens; Milan: Benaki Museum, 340—341, cat. 32.
- Cyrillus Scythopolitanus. 1939. *Vita Sancti Sabae*. In: Schwartz E. (ed.). *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der althristlichen Literatur* 49 (2). Leipzig: Akademie-Verlag, 85—200.
- Davidov D. 2006. *Srpska grafika XVIII veka*. Beograd: Balcanološki Institut SANU.
- Davidov D., Miodragović A., Todorović K. 2004. *Светогорска графика = Αγιορειτική γραφική = The Athonian prints*. Beograd: Tipografik.
- Drandaki A. 2002. *Greek Icons. 14th—18th century. The Renaisandis Collection*. Athens; Milano: Skira.
- Grotowski P.Ł., Kruk M. P., Paszkowski M. 2001. Ikony-enkolpiony ze zbiorów Muzeum Książąt Czartoryskich w Krakowie. In: Stryniak D. (ed.). *Cerkiew — Wielka Tajemnica. Sztuka cerkiewna od XI do 1917 roku ze zbiorów polskich*. Gniezno: Muzeum Początków Państwa Polskiego w Gnieźnie, 58—59.
- Hatlie P. 2007. *The Monks and Monasteries of Constantinople ca. 350—850*. Cambridge: Cambridge University Press
- Iconomaki-Papadopoulou Y. 1997a. Benediction cross. In: Karakatsanis A.A. (ed.). *Treasures of Mount Athos*. Catalogue of exhibition: Thessaloniki, Museum of Byzantine Civilization. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 344—345, cat. 9.41.
- Iconomaki-Papadopoulou Y. 1997b. Episcopal encolpion. In: Karakatsanis A.A. (ed.). *Treasures of Mount Athos*. Catalogue of exhibition: Thessaloniki, Museum of Byzantine Civilization. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 362—363, cat. 9.57.
- Iconomaki-Papadopoulou Y. 1997c. Episcopal encolpion. In: Karakatsanis A.A. (ed.). *Treasures of Mount Athos*. Catalogue of exhibition: Thessaloniki, Museum of Byzantine Civilization. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 363—364, cat. 9.58.
- Inwentarz Zbiorów Muzealnych Ordynacji Książąt Czartoryskich w Krakowie. T. I. 10 IV 1899—4 VI 1899 [Inventory of the Princes Czartoryski Collections, Vol. I]. Department of Arts and Crafts of the Princes Czartoryski Collections. Copy made on 25 III 1938 r. of the original Inventory preserved in the District Court. Ms SOKC 98.
- Katalog muzealnych różnych w zbiorach XX. Czartoryskich. T.I. Przemysł Artystyczny, 22 III 1934. [Museum Catalogue of Varia, vol. I: Arts and Crafts]. Department of Arts and Crafts of the Princes Czartoryski Collections. Ms 12773.
- Knoben U., Squarr C. 1976. Sabas (Sava) I. von Serbien. In: Braunfels W. (ed.). *Lexikon der Christlichen Ikonographie*. Bd. 8. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 298—300.
- Kruk M. P. 2004. Hymnograf Stefan czy hymnograf Teofan. Problem identyfikacji pieśniopiewcy w ikonach zachodnioruskich. In: Deluga W., Janocha M. (eds.). *Series Byzantina II. Series Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art*. Warszawa: Neriton, 129—154.
- Kruk M. P. 2007. *Niebiański splendor. Ikony greckie z kolekcji Emiliosa Velimezisa*. Introduction: L. Kaczyński, K. Papoulias, Z. Gołubiew. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
- Kruk M. P. 2010. On some objects in the National Museum in Krakow and Question of their Origin: Athos or Other Monasteries? In: Grotowski P.Ł., Skrzyński S. (eds.). *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art*. Series Byzantina VIII. Warszawa: Polish Society of Oriental Art, 231—249.

- Kruk M.P. 2011. *Ikony — obrazy w świątyniach rzymsko-katolickich dawnej Rzeczypospolitej*. Kraków: Columbinum.
- Kruk M.P. 2017. The Ἀνωθεν οἱ προφῆται in Dionysius's Hermeneia, a source for the iconography of the Mother of God surrounded by prophets? *Museikon* 1, 53—68.
- Kruk M.P. 2019. *Ikony XIV—XVI wieku w zbiorach Muzeum Narodowego w Krakowie = Icons from the 14th-16th centuries in the National Museum in Krakow*. T. 1. *Katalog = Catalogue*. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
- Kruk M.P., Salamon M. 2011. Matka Boska z Dzieciątkiem w otoczeniu archaniołów (XIII-1517). Enkolpion w zbiorach Fundacji Książąt Czartoryskich. *Rozprawy Muzeum Narodowego w Krakowie*. Seria nowa 4, 231—236.
- Lechner M. 1976. *Sabas von Jerusalem*. In: Braunfels W. (ed.). *Lexikon der Christlichen Ikonographie*. Bd. 8. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 296—298.
- Mango C. 1988. Le croix dite du Michel de Cérulaire et la croix de Saint Michel de Sykéon. *Cahiers Archéologiques* 36, 41—49.
- Myśliński M. 1999. Bericht über das Projekt: Byzantinische und spätyzantinische Kunstwerke in den polnischen Sammlungen. In: Prinzing G., Salamon M. (eds.). *Byzanz und Osteuropa 950—1453: Beiträge zu einer table-ronde des XIX Internationaler Congress of Byzantine Studies, Copenhagen 1996*. Series Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik 3. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 185—190.
- Myśliński M. 2003. Zabytki sztuki bizantyńskiej i pobizantyńskiej w zbiorach polskich (sprawozdanie z grantu badawczego KBN). *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności* 67, 109—111.
- Myśliński M. 2006. Gemmy późnoantyczne i bizantyńskie w polskich kolekcjach muzealnych. *Biuletyn Historii Sztuki* (68), 2, 229—233.
- Myśliński M. 2007. Dzieła sztuki bizantyńskiej i ruskiej w Skarbcu Koronnym na Wawelu. In: Kokoszka M., Leszka M.J. (eds.). *Byzantina Europaea: księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Waldemarowi Ceranowi*. Series Byzantina Lodziensia 11. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 425—430.
- Nowogórski P. 1995. Monastycyzm chrześcijański w Judei w okresie bizantyńskim (IV—VII w.). *Zarys historyczno-archeologiczny. Saeculum Christianum* 2, 23—34.
- Papazotos Th. 1995. *Byzantine Icons of Verroia*. Athens: Akritas
- Patrich J. 1995. *Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries*. Dumbarton Oaks studies 32. Washington: Washington (D.C.) Dumbarton Oaks Research Library and Collection
- Petković S. 1999. *Chilandar*. Belgrade: Institute for the Protection of Cultural Sites in Serbia (sec. rev. ed.).
- Płonka-Balus K., Koziara N. 2019. *Muzeum Książąt Czartoryskich. Katalog*. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
- Różycka-Bryzek A. 2012. *Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w Kaplicy Zamku Lubelskiego*. Lublin: Muzeum Lubelskie w Lublinie.
- Vassilaki M. 2016. Cretan Icon-Painting and the Council of Ferrara/Florence (1438/39). In: Vassilaki M. (ed.). *Studies on the painter Angelos, his age and Cretan painting* [„Μουσείο Μπενάκη” 13—14 (2013—2014)]. Athens: Benaki Museum, 115—128.
- Weitzmann et al. 1966: Weitzmann K., Chatzidakis M., Miattev K., Radojčić S. 1966. *Icones. Sinai. Grece. Bulgarie*. Yougoslavie, Grenoble: Arthaud.
- Zawieszenie. Karta inwentarzowa [Inventory Card]. X 1954. Signature unclear, probably of Janusz Walek. Department of Arts and Crafts of the Princes Czartoryski Collections.
- Лужницький Г. 1984. Словник чудотворних Богородичних ікон України. In: *Intrepido Pastori. Науковий збірник на честь Блаженнішого Патріарха Йосифа в 40-ліття вступлення на Галицький престіл 1.11.1944*. Український католицький Університет св. Климента Папи. Науковий збірник 62. Рим = Roma: Український католицький університет св. Климента Папи = Universitas Catholica Ucrainorum s. Clementis Papae
- Пуцко В. 1995. Ранні ікони Волині. In: Силюк А. та ін. (ред.). *Волинська ікона: питання історії вивчення, дослідження та реставрації*. Тези та матеріали II Міжнародної наукової конференції, 29 листопада—1 грудня 1995 року. Луцьк: Ініціал, 5—6.
- Радойновић Б. 1974. *Филактерију енамуци припојасни*. Београд: Музеј примењене уметности.
- Рябцева С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Сидор О.Ф., Скренко Н. 1987. Шедевр волинського малярства. *Образотворче мистецтво* 54 (3), 29—30.
- Темчин С.Ю. 2012. Сербский писатель Феодосий Хиландарец как греческий гимнограф. In: Creț Ciure F., Nosilia V., Pavan A. (eds.). *Multa et Varia: Studi offerti a Maria Marcella Ferraccioli e Gianfranco Giraudo*. Vol. 2. Chaos kai Kosmos: Incontri e scontri di civiltà, vol. 1. Milano, 597—604
- Членова Л.Г. et al. (eds.). 1988. *Давне Українське мистецтво 12—18 століть. Каталог розширеної експозиції музею*. Київ: Держ. музей укр. образотв. мистецтва УРСР.

References

- Adashinskaya, A. 2009. *The Joint Cult of St. Simeon and St. Sava under Milutin. The Monastic Aspect*. MA Thesis in Medieval Studies. Budapest: Central European University. URL: http://www.etd.ceu.hu/2009/adashinskaya_anna.pdf.
- Adashinskaya, A. 2010. The Origins of the Joint Cult of St. Simeon and St. Sava of Serbia based on Visual Sources. *Annual of Medieval Studies at CEU* 16. Budapest: Central European University, 77—92.
- Baltoyanni, Ch. 1994. *Icons. The Mother of God in the Incarnation and the Passion*. Athens: Adam Editions.
- Chatzidakis, N. 2001. *Ikonen die Sammlung Velimezis*. Athen: Benaki-Museum Athen.
- Cormack, R. 2000. Icon of the Triumph of Orthodoxy. In: Vassiliaki, M. (ed.). *Mother of God. Reception of the Virgin in Byzantine Art*. Catalogue of exhibition: Athens, Benaki Museum 20 X 2000—20 I 2001. Athens; Milan: Benaki Museum, 340—341, cat. 32.
- Cyrillus Scythopolitanus. 1939. *Vita Sancti Sabae*. In: Schwartz, E. (ed.). *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur* 49 (2). Leipzig: Akademie-Verlag, 85—200.
- Davidov, D. 2006. *Srpska grafika XVIII veka*. Beograd: Balkanološki Institut SANU.
- Davidov, D., Miodragović, A., Todorović, K. 2004. *Svetogorska grafika = Αγιορειτική γραφική = The Athonian prints*. Beograd: Tipografik.
- Drandaki, A. 2002. *Greek Icons. 14th-18th century. The Rena Andreadis Collection*. Athens; Milano: Skira.
- Grotowski, P.Ł., Kruk, M.P., Paszkowski, M. 2001. Ikony-enkolpiony ze zbiorów Muzeum Książąt Czartoryskich w Krakowie. In: Stryniak, D. (ed.). *Cerkiew — Wielka Tajemnica. Sztuka cerkiewna od XI w. do 1917 roku ze zbiorów polskich*. Gniezno: Muzeum Początków Państwa Polskiego w Gnieźnie, 58—59.
- Hatlie, P. 2007. *The Monks and Monasteries of Constantinople ca. 350—850*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Iconomaki-Papadopoulou, Y. 1997. Benediction cross. In Karakatsanis, A. A. (ed.). *Treasures of Mount Athos*. Catalogue of exhibition: Thessaloniki, Museum of Byzantine Civilization. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 344—345, cat. 9.41.
- Iconomaki-Papadopoulou, Y. 1997. Episcopal encolpion. In Karakatsanis, A. A. (ed.). *Treasures of Mount Athos*. Catalogue of exhibition: Thessaloniki, Museum of Byzantine Civilization. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 362—363, cat. 9.57.
- Iconomaki-Papadopoulou, Y. 1997. Episcopal encolpion. In Karakatsanis, A. A. (ed.). *Treasures of Mount Athos*. Catalogue of exhibition: Thessaloniki, Museum of Byzantine Civilization. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 363—364, cat. 9.58.
- Inwentarz Zbiorów Muzealnych Ordynacji Książąt Czartoryskich w Krakowie. Vol. I. 10 IV 1899—4 VI 1899 [Inventory of the Princes Czartoryski Collections, Vol. I]. Department of Arts and Crafts of the Princes Czartoryski Collections. Copy made on 25 III 1938 r. of the original Inventory preserved in the District Court. Ms SOKC 98.
- Katalog muzealnych różnych w zbiorach XX. Czartoryskich. Vol. I. *Przemysł Artystyczny*, 22 III 1934. [Museum Catalogue of Varia, vol. I: Arts and Crafts]. Department of Arts and Crafts of the Princes Czartoryski Collections. Ms 12773.
- Knoben, U., Squar, C. 1976. Sabas (Sava) I. von Serbien. In Braunfels, W. (ed.). *Lexikon der Christlichen Ikonographie*. Bd. 8. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 298—300.
- Kruk, M. P. 2004. Hymnograf Stefan czy hymnograf Teofan. Problem identyfikacji pieśniopiewcy w ikonach zachodnioruskich. In Deluga, W., Janocha, M. (eds.). *Series Byzantina II. Series Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art*. Warszawa: Neriton, 129—154.
- Kruk, M. P. 2007. *Niebiański splendor. Ikony greckie z kolekcji Emiliosa Velimezisa*. Introduction: L. Kaczyński, K. Papoulias, Z. Gołubiew. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
- Kruk, M. P. 2010. On some objects in the National Museum in Krakow and Question of their Origin: Athos or Other Monasteries? In: Grotowski, P. L., Skrzyniarz, S. (eds.). *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art*. Series Byzantina VIII. Warszawa: Polish Society of Oriental Art, 231—249.
- Kruk, M. P. 2011. *Ikony — obrazy w świątyniach rzymsko-katolickich dawnej Rzeczypospolitej*. Kraków: Columbinum.
- Kruk, M. P. 2017. The Ἀνωθεν οἱ προφῆται in Dionysius's Hermeneia, a source for the iconography of the Mother of God surrounded by prophets? *Museikon* 1, 53—68.
- Kruk, M. P. 2019. *Ikony XIV—XVI wieku w zbiorach Muzeum Narodowego w Krakowie = Icons from the 14th-16th centuries in the National Museum in Krakow*. T. 1. *Katalog = Catalogue*. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
- Kruk, M. P., Salamon, M. 2011. Matka Boska z Dzieciątkiem w otoczeniu archaniołów (XIII-1517). Enkolpion w zbiorach Fundacji Książąt Czartoryskich. *Rozprawy Muzeum Narodowego w Krakowie*. Seria nowa 4, 231—236.
- Lechner, M. 1976. *Sabas von Jerusalem*. In Braunfels, W. (ed.). *Lexikon der Christlichen Ikonographie*. Bd. 8. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 296—298.
- Mango, C. 1988. Le croix dite du Michel de Cérulaire et la croix de Saint Michel de Sykéon. *Cahiers Archéologiques* 36, 41—49.
- Myśliński, M. 1999. Bericht über das Projekt: Byzantinische und spätbyzantinische Kunstwerke in den polnischen Sammlungen. In Prinzing, G., Salamon, M. (eds.). *Byzanz und Osteuropa 950—1453: Beiträge zu einer table-ronde des XIX Internationaler Congress of Byzantine Studies*. Copenhagen 1996. Series Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik 3. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 185—190.
- Myśliński, M. 2003. Zabytki sztuki bizantyńskiej i pobizantyńskiej w zbiorach polskich (sprawozdanie z grantu badawczego KBN). *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności* 67, 109—111.
- Myśliński, M. 2006. Gemmy późnoantyczne i bizantyńskie w polskich kolekcjach muzealnych. *Biuletyn Historii Sztuki* (68), 2, 229—233.
- Myśliński, M. 2007. Dzieła sztuki bizantyńskiej i ruskiej w Skarbcu Koronnym na Wawelu. In Kokoszka, M., Leszka, M. J. (eds.). *Byzantina Europaea: księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Waldemarowi Czeranowi*. Series Byzantina Lodzienia 11. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 425—430.
- Nowogórski, P. 1995. Monastycyzm chrześcijański w Judei w okresie bizantyńskim (IV—VII w.). *Zarys historyczno-archeologiczny*. *Saeculum Christianum* 2, 23—34.
- Papazotos, Th. 1995. *Byzantine Icons of Verroia*. Athens: Akritas.
- Patrich, J. 1995. *Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries*. Dumbarton Oaks studies 32. Washington: Washington (D. C.) Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Petković, S. 1999. *Chilandar*. Belgrade: Institute for the Protection of Cultural Sites in Serbia (sec. rev. ed.).
- Plonka-Balus, K., Kozłara, N. 2019. *Muzeum Książąt Czartoryskich. Katalog*. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
- Różycka-Bryzek, A. 2012. *Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w Kaplicy Zamku Lubelskiego*. Lublin: Muzeum Lubelskie w Lublinie.
- Vassilaki, M. 2016. Cretan Icon-Painting and the Council of Ferrara/Florence (1438/39). In Vassilaki M. (ed.). *Studies on the painter Angelos, his age and Cretan painting* [„Μουσείο Μπενάκη” 13—14 (2013—2014)]. Athens: Benaki Museum, 115—128.
- Weitzmann, K., Chatzidakis, M., Miatev, K., Radojčić, S. 1966. *Icones. Sinai. Grece. Bulgarie. Yougoslavie*. Grenoble: Arthaud.
- Zawieszenie. Karta inwentarzowa [Inventory Card]. X 1954. Signature unclear, probably of Janusz Wałek. Department of Arts and Crafts of the Princes Czartoryski Collections.
- Luzhnits'kij, H. 1984. In *Intrepido Pastori. Naukovyj zbirnyk na chest' Blazhennishoho Patriarkha Josyfa v 40-lit'ya vstuplennya na Halys'kyj prestil 1.11.1944 (Intrepido Pastori. Scientific Collection in Honor of His Beatitude Patriarch Joseph in the 40th Anniversary of the Accession to the Galician Throne 1.11.1944)*. Series: Ukrain's'kyj katolyts'kyj Universytet sv. Klymenta Papy. Naukovyj zbirnyk (Universitas Catholica Ucrainorum s. Clementis Papae: Scientific Collection) 62. Romae: Universitas Catholica Ucrainorum s. Clementis Papae (in Ukrainian).
- Putsko, V. 1995. In Sylyuk, A., et al. (eds.). *Volyn'ska ikona: pytan'nya istorii vyvchennya, doslydzhennya ta restavratsii (Volynian Icon: Issues of History of Studies, Investigation, and Restoration)*. Luts'k: "Initsial" Publ., 5—6 (in Ukrainian).
- Radojnović, B. 1974. *Filakteriji enamluci pripojasni (Enamelled Waist-Worn Phylacteries)*. Beograd: Museum of Applied Arts (in Serbian).
- Ryabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Sydor, O. F., Skrentovych, N. 1987. In *Obrazotvorche mystetstvo (Fine Arts)* 54 (3), 29—30 (in Ukrainian).
- Temchin, S. Yu. 2012. In Creț Ciure, F., Nosilia, V., Pavan, A. (eds.). *Multa et Varia: Studi offerti a Maria Marcella Ferraccioli e Gianfranco Giraudo*. Vol. 2. Chaos kai Kosmos: Incontri e scontri di civiltà 1. Milano, 597—604 (in Russian).
- Chlenova, L. H., et al. (eds.). 1988. *Davne Ukraïns'ke mystetstvo 12—18 stolit'. Katalog rozshyrenoi ekspozytzii muzeyu (Ancient Ukrainian Art, 12th—18th Centuries: Catalogue of the Extended Museum Exhibition)*. Kiev: State Museum of Fine Arts of the Ukrainian SSR (in Ukrainian).

Статья поступила в сборник 16 февраля 2020 г.

Mirosław Piotr Kruk (Krakow, Poland). Doctor Habilitat of History of Art. Institute of the Art History, University of Gdańsk¹; Bishop Erazm Ciołek Palace, Branch of the National Museum in Krakow².

Крук Мирослав Петр (Краков, Польша). Доктор хабилизат истории искусства. Институт истории искусств Гданьского университета; Дворец епископа Эразма Цёлека (филиал Национального музея Кракова).

E-mail: mirosław.kruk@ug.edu.pl; mkruk@mnk.pl

Address: ¹ Bielańska St., 5, 80-952, Gdańsk, Poland; ² Kanonicza St., 17, 31-002, Kraków, Poland

А. А. Пескова, А. Ю. Кононович

Фрагменты серебряных окладов богослужебных предметов из раскопок Большого Шепетовского городища

Keywords: Byzantium, Old Rus, silver frames, icons, procession crosses

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, серебряные оклады, иконы, процессионные (выносные) кресты

A. A. Peskova, A. Yu. Kononovich

Fragments of the Silver Frames of Liturgical Items from the Excavation of a Large Fortified Settlement near Shepetovka

Fragments of plates of silver frames of liturgical objects with minted floral ornaments were found in the collection of archaeological materials stored in the State Hermitage Museum and among those originating from the excavations of the Large fortified settlement near Shepetovka (second half of the 12th — first half of the 13th centuries). They differed stylistically and used to decorate once different objects. It was possible to reconstruct a large procession cross with a lush floral ornament and distinguish two crowns from the decoration of an icon, executed less luxuriantly, possibly by another master. The design and stylistic features of the cross find parallels among the Byzantine procession crosses of the 11th—12th centuries, covered with silver frames. At the same time, the reconstructed cross has significant differences, which allows it to be attributed to the first similar works of the ancient Russian masters of the 12th century (?) who followed Byzantine tradition.

А. А. Пескова, А. Ю. Кононович

Фрагменты серебряных окладов богослужебных предметов из раскопок Большого Шепетовского городища

В коллекции археологических материалов, хранящихся в Государственном Эрмитаже и происходящих из раскопок Большого Шепетовского городища (2-я пол. XII — 1-я пол. XIII вв.), были выявлены фрагменты пластин серебряных окладов богослужебных предметов с растительным орнаментом, исполненным в технике чеканки. Они различались между собой стилистически и украшали некогда разные предметы. Удалось реконструировать большой выносной крест с пышным растительным орнаментом и выделить два венца от убора иконы, оформленных менее пышно, возможно другим мастером. Конструктивные и стилистические особенности креста находят параллели среди византийских процессионных крестов XI—XII вв., покрытых серебряными окладами. В то же время реконструированный крест имеет и существенные отличия, что позволяет отнести его к первым такого рода произведениям древнерусских мастеров XII в. (?), работавших в византийской традиции.

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже коллекция находок из раскопок Большого Шепетовского городища 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в. (Украина), больше известного как гипотетический «летописный Изяславль», многие десятилетия поражала исследователей не только размерами (десятки тысяч экспонатов), но и присутствием в ней поистине уникальных предметов. Светлана Станиславовна Рябцева имела непосредственное отношение к коллекции, так как была сотрудником Отдела истории русской культуры Гос. Эрмитажа и хранителем этого неисчерпае-

мого источника знаний о древнерусской культуре на ленинградско-петербургском отрезке ее жизненного пути. Но и позже, уже расставившись с Эрмитажем, она всегда проявляла живейший интерес к судьбе этого археологического памятника и по возможности принимала участие в изучении его материалов, как дружеским советом, так и конкретным профессиональным исследованием (Пескова, Рябцева 2018: 281—298). Сегодня мы посвящаем светлой памяти Светланы Станиславовны сюжет еще об одной редкой находке из состава коллекции.

This article was written within the framework of a project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-09-00753, entitled "The Large fortified settlement near Shepetovka: materials and research (results of excavations by Mikhail Karger, 1957—1964)" ■ Статья написана в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований №18-09-00753, по теме «Большое Шепетовское городище: материалы и исследования (результаты раскопок М. К. Каргера 1957—1964 гг.)».

© А. А. Пескова, А. Ю. Кононович, 2020.

Речь пойдет о фрагментах серебряных окладов от древних литургических предметов, хранящихся в фондах ОИРК Государственного Эрмитажа. Фрагменты находились в пакете с надписью, указывающей на дату и место находки — 20.08.1958 г., кв. В (в круге)-40, глубина 0,4—0,6 м. Номер полевой описи на пакете отсутствовал, что вызывало некоторые сомнения в том, что эта находка связана с данным городищем. Но изучение полевых и инвентарных экспедиционных описей показало, что в процессе раскопок в находившемся поблизости квадрате Г (в круге)-39 на глубине 0,6 м в той же описи под номером ГД-58/11248 (3588) была записана «пластина серебряная — фрагменты оклада», а еще на некотором отдалении, в кв. Е-26, гл. 0,8 м записана просто «серебряная пластина» (ГД-58/7884 (2898)). Внесенные в опись фрагменты серебряных пластин, к сожалению, среди материалов городища пока опознать не удалось, но появилась уверенность в принадлежности уже выявленных фрагментов данному памятнику.

В пакете находилось шесть фрагментов серебряных пластин с выполненным чеканкой растительным орнаментом, которые, как выяснилось, могли служить украшением по меньшей мере двух богослужебных предметов. Три из них представляли собой фрагменты двух стилистически единых венцов от оклада иконы, сдержанно украшенных выющимся стеблем с закругляющимися ответвлениями, которые оканчивались трилистником с крупным узким центральным листком и мелкими боковыми (D внеш. — 14 см, ширина венцов — 3,0 см) (рис. 1: 3, 4). Другие три фрагмента отличались от венцов пышностью лиственного декора, сплошь покрывавшего сохранившиеся пластины, и представляли собой, судя по форме и размерам сохранившихся частей, остатки драгоценного оклада процессионного (выносного, запрестольного) креста — находки чрезвычайно редкой для древнерусской археологии и культуры Древней Руси в целом и заслуживающей специального рассмотрения (рис. 1: 1, 2). Остановимся на ней подробнее.

Описание находки

При внимательном ознакомлении с тремя фрагментами оклада креста выяснилось, что от него сохранилось всего две части. Более крупный фрагмент (19,0×8,8 см) (рис. 1: 1), некогда покрывал верхнюю ветвь большого креста с расширяющимися концами и прямым верхним краем, украшенным по углам

округлыми выступами (D — 2 см), представлявшими собой, по-видимому, своеобразные касты для вставки маленьких камней или же медальонов диаметром 1,5—1,7 см. Прямой верхний край посередине прерывался небольшим, обломанным вверху выступом шириной 1,5 см, сохранившимся на высоту около 1,0 см. Этот выступ когда-то служил частью перемычки-основания для примыкавшего к нему медальона, о чем свидетельствует сохранившийся на сломе едва заметный фрагмент рубчатого бортика, оконтуривавшего медальон, как и весь крест.

Два меньших фрагмента оклада оказались частями одной пластины, местами с поврежденными краями, шириной от 4,2 до 5,4 см и общей длиной 14 см (рис. 1: 2), располагавшейся когда-то на украшенном ею предмете горизонтально, судя по характеру растительного декора. Один ее конец прямой, с едва заметным выступом вверху, на котором видно, что оконтуривающий пластину рубчатый кант поворачивает вверх под прямым углом, что наталкивало на мысль о возможности расположения пластины на правой ветви креста. Другой конец оканчивается полукружием, указывающим на место прикрепления здесь медальона диаметром 4,5—4,7 см. Пышный и одинаковый на обеих пластинах (вертикальной и горизонтальной) сплошной декор из листьев, вплетенных в медальоны из выющегося стебля, обведен рубчатым кантом, дающим представление о реальных контурах изделий. За рубчатым кантом прослеживается узкая гладкая полоса металла шириной 0,3—0,5 см, служившая, очевидно, для крепления оклада к основе. Судя по сохранившимся на ней следам от мелких гвоздей, основа была деревянной.

У большинства известных византийских процессионных крестов, покрытых серебряным окладом, основа была металлической, как правило, железной, реже бронзовой. Дошедшие до нас кресты с деревянной основой чрезвычайно редки. Можно назвать византийский выносной крест XI в. из Новгородского музея-заповедника (инв. №1555), чеканный оклад которого, выполненный из медного сплава, упрощенно повторял роскошное убранство серебряного креста из Лавры Св. Афанасия на Афоне (Смирнов 1975; Банк 1975). В Новгородском музее есть еще два выносных креста с поздними окладами (инв. №1551, №1552), но сохранившейся древней деревянной основой, которая датируется XI—XII вв. и признается специалистами византийской (Стерлигова 1996: 143—148, кат. №11—12). В Государственном историческом

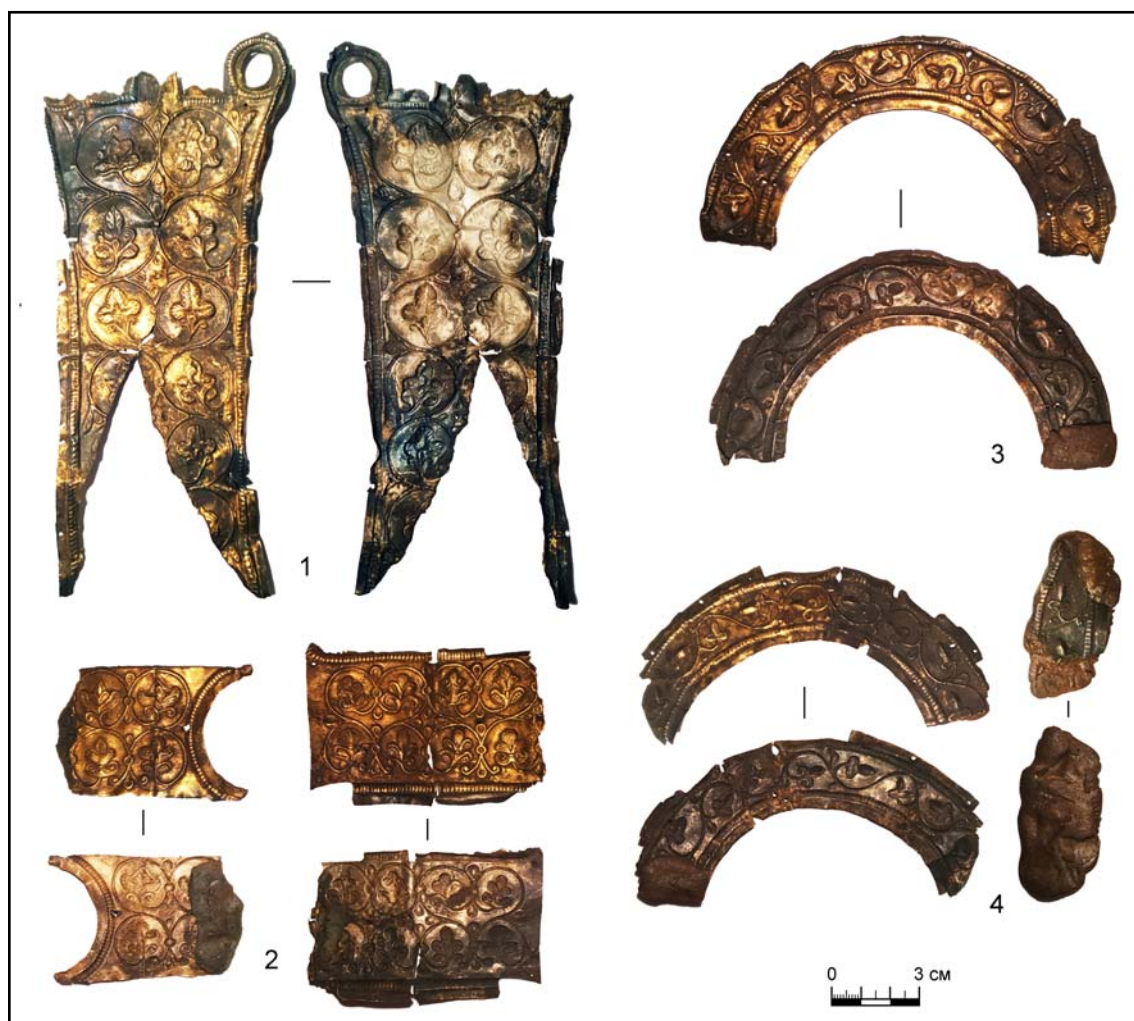


Рис. 1. Фрагменты серебряных окладов предметов церковного обихода из раскопок на Большом Шепетовском городище: 1 — фрагмент процессионного (выносного) креста; 2 — фрагмент оклада иконы (?); 3, 4 — фрагменты венцов от оклада иконы (фото А.Ю. Кононович).

Fig. 1. Fragments of a silver frames of liturgical items from excavations on the Large fortified settlement near Shepetovka: 1-a fragment of a procession cross; 2-a fragment of the frame of the icon (?); 3, 4 — fragments of crowns from the frame of the icon (photo by A. Yu. Kononovich).

музее в Москве имеются два византийских выносных креста кавказского происхождения с деревянной основой и серебряными чеканными окладами (ГИМ. №55111, 55112), датированные весьма широко X—XIII вв. (Путь из варяг в греки 1996: кат. №748, 749).

Вопросы реконструкции

Форма четырехконечного креста с расширяющимися концами в общих чертах характерна для процессионных крестов византийского культурного круга, однако полных аналогий изучаемому кресту среди них найти пока не удалось.

Вероятные размеры рассматриваемого креста, исходя из имеющихся данных, могли бы достигать примерно 61 × 46 см вместе с меда-

льонами (рис. 2). Медальоны на перемычках, коротких или длинных, отходящих, как правило, от дугообразного края на византийских крестах разного размера и ценности, встречаются часто, однако медальоны на перемычках, примыкающие к прямому краю, как в нашем случае, довольно редки. Таков уже упоминавшийся выше драгоценный крест XI в. из Лавры Св. Афанасия, но его маленькие круглые выступы на углах существенно отличаются от рассматриваемого креста (Grabar 1969: рис. 1; 2). По форме и размерам угловых выступов на расширяющихся концах наш крест ближе к кресту из новгородского Софийского собора (НГМ, инв. 1552), сохранившему свою древнюю деревянную основу XI—XII вв. Его крупные, плавных очертаний угловые выступы сегодня украшены поздни-

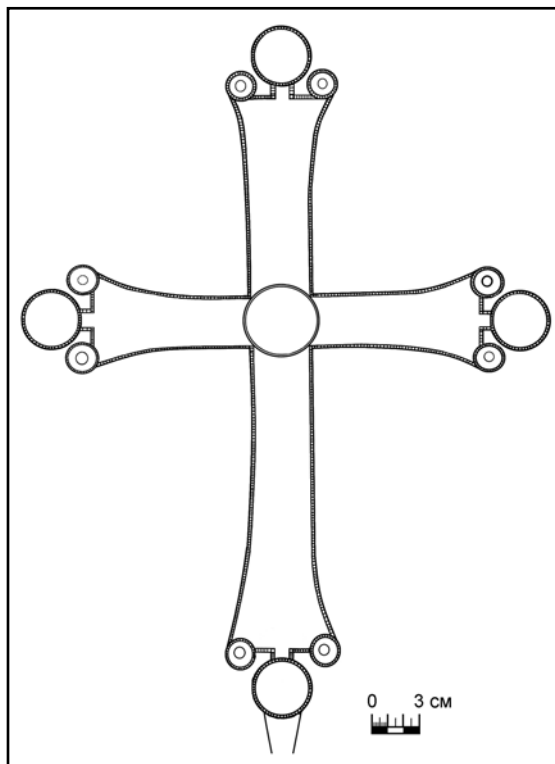


Рис. 2. Реконструкция формы выносного креста из раскопок на Большом Шепетовском городище (реконструкция А.А. Песковой).

Fig. 2. Reconstruction of the shape of the procession cross from the excavations in the Large fortified settlement near Shepetovka (reconstruction by A.A. Peskova).

ми тисненными розетками (Стерлигова 1996: 143—144, кат. №11). Конструктивно и по размерам нашему кресту близко и оформление угловых выступов у грузинского процессионного креста XI в. из Государственного Эрмитажа (инв. №Гру-155) на той его стороне, которая выполнена в технике чеканки (другая сторона украшена гравированным растительным орнаментом). Контур этого креста, каждого на нем медальона и круглых выступов на углах со вставками камней окаймлены знакомым нам рубчатым кантом (Мирзоян 2016: 66—73, ил. 8; 9). Рубчатый кант («насеченный жгут» у А. С. Мирзоян) часто встречается и на других памятниках XI в., и не только грузинской чеканки.

Второй фрагмент оклада с аналогичным декором, который, как нам казалось сначала, мог бы украшать правую ветвь креста, при ближайшем рассмотрении не вписался в предлагаемую реконструкцию. Он представляет собой, как уже отмечалось, горизонтальную пластину, заканчивающуюся выемкой под не сохранившийся медальон, который не просто примыкал к ее краю, но был глу-

боко вписан в поле пластины (рис. 1: 2). На окладе верхней ветви реконструируемого креста, декорированной сплошным растительным узором, места для такого же медальона просто нет. Верхний и нижний края горизонтальной пластины сильно повреждены, местами даже обрезаны (?), и создается впечатление, что они параллельны друг другу. Однако медальоны, образуемые выходящим стеблем с вписанными в них листьями, немного отличаются между собой размерами (диаметром от 1,5 см на одном конце до 2,0 см на другом). На фрагменте оклада, украшавшем верхнюю ветвь креста, размеры медальонов существенно изменяются в зависимости от места расположения и свободного пространства. Учитывая эти особенности, приходится, как ни трудно, признать, что горизонтальной пластине не находится места на реконструируемом кресте, несмотря на ее полное родство в техническом и художественном отношении с фрагментом оклада верхней ветви креста, возможно, даже выполненными одним мастером. Она могла бы относиться к какому-то другому предмету церковного обихода, например, к окладу полей иконы или ставротеки. Но еще труднее представить себе, что в обиходе церкви небольшого, хоть и не рядового, южнорусского городка накануне монголо-татарского нашествия могло быть больше одного сакрального предмета работы одного мастера столь высокого уровня. Если только все эти фрагменты окладов не представляли собой к тому времени запасы металлического лома ювелирных дел мастера (?).

Анализ декора

Не менее существенным для атрибуции данного креста является его пышный растительный декор. Чеканный узор на рассматриваемых пластинах, как уже отмечалось, состоит из двух рядов соприкасающихся медальонов, образованных круглящимися отростками выходящего стебля и вписанными в них пышными пальметтами редко повторяющихся очертаний, с тщательной до мельчайших подробностей моделировкой листьев. Композиционное построение узора строгое, при этом поразительно разнообразие приемов в передаче изображений причудливых пальметт, то трехчастных, то пятичастных, то гладких или рифленых, со скрученными краями, реже с дополнительными завитками. Таким способом было сплошь декорировано все поле оклада верхней ветви креста и большая часть горизонтальной пластины, на которой этот узор прерван некогда встроенным в нее медальо-

ном, ныне утраченным. На пластине от оклада верхней ветви креста место для периферийного медальона не предусматривалось, что не исключает наличия на нем не дошедшего до нас центрального медальона (рис. 2).

Крестов, оклад которых был бы украшен сплошным растительным чеканным узором, подобно рассматриваемому кресту, нам найти не удалось. Однако широко известна группа крестов средневизантийского периода, декор серебряного оклада которых выполнен с лицевой стороны в технике чеканки, с оборотной — в технике гравировки с использованием черни. На пластинах с чеканным изображением обычно пышным растительным узором украшена только их центральная часть — так называемый внутренний крест, дополненный в средокрестии медальоном с ликом Христа, а по краям — медальонами с ликами святых, образующих чаще всего деисусную композицию. Таковы великолепные произведения византийского искусства, изготовленные, по мнению специалистов, в Константинополе в конце XI — нач. XII вв.: три креста, обнаруженные близ Эскишехира (древнего Дорилея)¹ в Малой Азии и хранящиеся в музеях Женевы и Парижа (Банк 1985: рис. 2; Cotsonis 1995: fig. 14; 20; The Glory... 1997: nos. 26, 27), а также не менее великолепные кресты неизвестного происхождения, тоже относимые в основном к XI — нач. XII вв. и хранящиеся в музеях Кливленда, Нью-Йорка, Вашингтона (The Glory... 1997: nos. 24, 25; Cotsonis 1995: fig. 26; 27; Ross 1962: pl. XXII: 24). Сходный растительный узор внутреннего креста воспроизведен и в черни на оборотной стороне драгоценного креста из Мацхвариши в Сванетии (Грузия) (Банк 1985: 119—120, рис. 1). По форме некоторые внутренние декоративные кресты отдаленно напоминают очертания оклада верхней ветви городищенского креста — прямым, а не вогнутым краем и угловыми выступами, направленными скорее вверх, нежели в стороны, только на нашем кресте они закругленные, а не остроконечные, как, например, на крестах из женевского музея (Банк 1985: рис. 2; The Glory... 1997: no. 27). По композиционному решению декора городищенскому кресту наиболее близки внутренние кресты на двух крестах из женевских музеев и одним из Музея Клонь в Париже (Банк 1985: рис. 2; The Glory... 1997: nos. 26, 27), в меньшей сте-

пени крупный фрагмент оклада креста из Дамбартон Оукс, датированный Марвином Россом концом XII — нач. XIII вв. (Ross 1962: pl. XXII: 24), позже передатированный Джоном Котсонисом 1-й пол. XI в. (Cotsonis 1995: 76—78, fig. 27). В композиционном отношении особенно близок рассматриваемому узор креста из Эскишеира женевского музея (Банк 1985: рис. 2; Cotsonis 1995: 50, fig. 20a). Однако в деталях, по манере изображения пальметт в медальонах, названные кресты заметно отличаются от рассматриваемого нами, в их медальонах мы видим скорее цветы шарообразных очертаний с мелкими завитками, плотно заполняющие поле медальона, а не пальметты, хотя среди них изредка встречаются и единичные пальметты с четко прочеканенными листьями.

Область применения узора из пальметт в медальонах, образованных выющимся стеблем, сопоставимого с рассматриваемыми памятниками, не ограничивается перечисленными выше крестами. Исполненный чеканкой сходный декор можно нередко встретить на полях икон и реликвариев. В качестве ближайшей параллели приведем пышное убранство оборотной стороны византийской ставроптеки XI в.² из Гос. Эрмитажа (инв. № 264) с центральным изображением процветшего креста (Искусство Византии... 1977: 83, 85, кат. № 546). Поля ставроптеки украшены знакомым нам узором из двух рядов медальонов из выющихся стеблей с пальметтами/цветами внутри. Совпадают не только детали их компоновки — кружки на стыках незамкнутых медальонов и примыкающие к ним пары мелких листочков, но иногда и рисунок пальметт, тоже разнообразных и редко повторяющихся. Центральное изображение креста тоже сплошь декорировано аналогичными пальметтами и цветами и дополнено в центре медальоном с розеткой, четыре таких же медальона с розетками примыкают к его краям. Сравнение оклада эрмитажной ставроптеки с изучаемыми фрагментами оклада даже наводит на мысль, а не могли ли и они принадлежать подобной ставроптеке, но она сразу же отклоняется из-за слишком больших для ставроптеки размеров реконструируемого креста. Переключается, но в меньшей степени, с рассматриваемым узором и выполненное чеканкой оформление нижней стороны оклада ставроптеки из сокровищницы собора Св. Марка в Венеции, 975—1025 гг. (The Treasury... 1985:

¹ Один из крестов женевского музея, происходящий из Эскишехира, по мнению А. В. Банк, мог быть изготовлен в близких ему районах Малой Азии до разрушения города сельджуками около 1074 г. (Банк 1985: 123).

² В каталоге 1997 года ставроптека из Гос. Эрмитажа датируется концом X — началом XI в. (The Glory... 1997: 79—80, кат. No 38).

148—151, kat. No 13; *The Glory...* 1997: 78—79, kat. No 37). Его поля украшены только одним рядом пальметт и цветов, но более крупных и более затейливых.

В ряду близких стилистически окладов икон, исполненных в технике чеканки, стоит упомянуть оклады икон «Апостолы Петр и Павел» и «Богородица Одигитрия» 2-й пол. XI — 2-й пол. XII вв. из новгородского Софийского собора, оборот иконы архангела Михаила из собора Св. Марка конца X — 1-й пол. XI в. и оклады фрагментированных джуматских икон с образами архангела Михаила XI в. и архангела Гавриила XI—XIV (?) вв. (Стерлигова 1996: 38—50; Гордиенко 1996: 234—248; *The Treasury...* 1985: 141—147, kat. No 12; Новаковская-Бухман 2004: 51—53, илл. 5—7, 9; Мирзоян 2016: илл. на с. 89 и 131). На окладе венецианской иконы стоит обратить внимание на обрамляющие центральное изображение четырехконечного креста внутренние поля, декорированные не только пальметтами/цветами, но и включенными в эту полосу медальонами с образами святых. Здесь трехрядная компоновка медальонов отличается от рассматриваемой нами горизонтальной пластины со следами встроенного медальона, да и пальметты/цветы сложнее по рисунку, но она, как нам кажется, дает пример возможного применения изучаемой пластины (*The Treasury...* 1985: photo p. 143). Таким же образом — со встроенными эмалевыми медальонами с образами святых — скомпонованы поля на грузинских храмовых иконах с чеканными образами архангела Михаила и архангела Гавриила из Джумати (Грузия), датированные в первом случае XI в., во втором, возможно, 1-й пол. XII в. Узор из пальметт/цветов на них изящнее и более насыщен мелкими деталями, нежели на нашей пластине (Новаковская-Бухман 2004: илл. 5—9). Поновленная позже чеканка фона на иконе архангела Гавриила, тоже «сотканная» из цветов, поражает непривычным их единообразием (Новаковская-Бухман 2004: илл. 9; Мирзоян 2016: 131).

Круг приведенных выше аналогий можно было бы расширить, но и они позволяют сделать вывод, что мастер, изготовивший гордищенский крест, ориентировался на подобиные произведения византийского искусства XI—XII вв. Хронологическая разница между фрагментами креста из раскопок древнерусского города 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в. и названными византийскими образцами не должна удивлять. Сакральные предметы такого высокого уровня очень долго находились в церковном обиходе и бережно хранились веками. Примером тому служит широко

известный процессионный крест конца X в., найденный в братской могиле в Киеве недалеко от Десятинной церкви под останками жителей, погребенных после взятия города войсками хана Батия в 1240 г. (Пекарська, Павлова 2004; Пескова, Строкова 2010). Не менее убедительна находка процессионного креста конца X — 1-й пол. XI в. в Херсонесе, в усадьбе, погибшей при пожаре в 3-й четв. XIII в. (Рыжов, Яшаева 2013: 203—211). По наблюдениям авторов публикации, «во многих поздневизантийских храмах Херсона использовалась церковная утварь и осветительные приборы более раннего времени» (Рыжов, Яшаева 2013: 211).

На территории Южной Руси фрагменты серебряного чеканного оклада процессионного креста из раскопок на Большом Шепетовском городище — пока лишь вторая после креста из братской могилы в Киеве археологическая находка такого рода, указывающая на возможность применения больших выносных крестов византийского образца в богослужбной практике древнерусского населения. В этой связи нельзя не вспомнить и о находке серебряного с позолотой медальона с рельефным, выполненным в технике чеканки, образом архангела Михаила, происходящего из раскопок на Райковецком городище в Житомирской обл. Украины и хранящегося в Гос. Эрмитаже (инв. №ЭРА-7/382) (Гончаров 1950: 112, табл. XXII: 14; Томсинский 2006). Медальон, по предположению С.В. Томсинского, являлся фрагментом напрестольного креста работы византийского мастера 2-й пол. X — XI вв. и располагался «на правой (относительно Распятия) перекладине» (Томсинский 2006: 190—191), что на наш взгляд, маловероятно — судя по характеру слома в нижней части медальона, он располагался, скорее, на верхнем конце креста. Да и традиционно на крестах с Распятием изображения архангелов помещались чаще на верхнем и нижнем концах креста. По размерам (D — 2,7 см) и характеру слома райковецкий медальон скорее мог быть частью оклада Евангелия, такого, например, как Лабскалдское Евангелие, выполненное в мастерских Константинополя во 2-й четв. XII в., с его серебряным с позолотой чеканным накладным крестом с Распятием, помещенным на нижней стороне оклада (Саминский 2004: илл. на с. 253 и 257). Так или иначе, и эта находка свидетельствует об использовании при совершении литургии в древнерусских храмах XI — 1-й пол. XIII вв. византийских богослужебных предметов.

Изготавливались ли в это время на Руси подобиные выносные кресты своими силами, пока

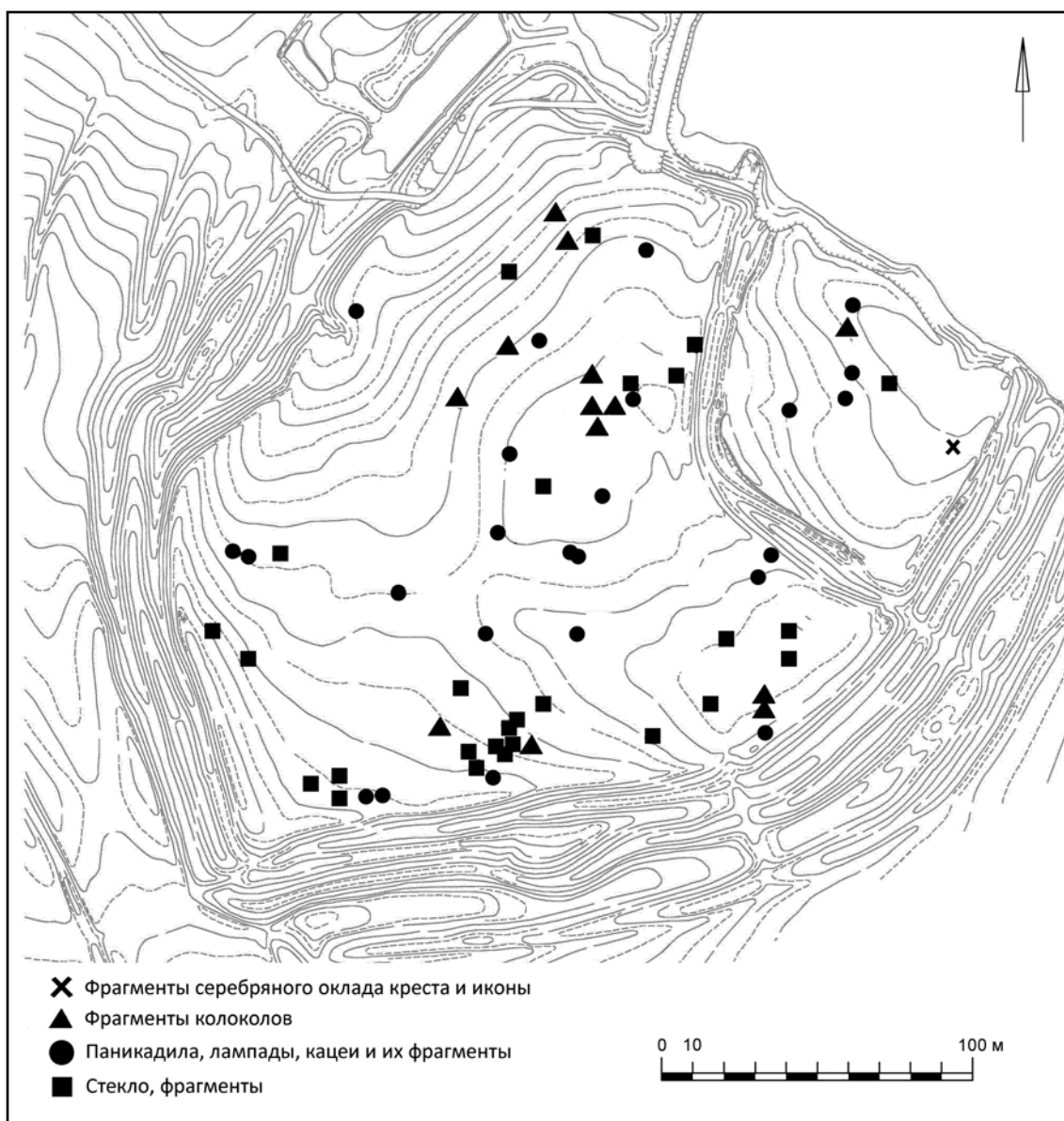


Рис. 3. Схема расположения предметов церковного обихода на Большом Шепетовском городище (составители А.Ю. Кононович, Е.А. Никитина).

Fig. 3. Layout of liturgical items on the Large fortified settlement near Shepetovka (compiled by A.Yu. Kononovich, E.A. Nikitina).

достоверно неизвестно. Предполагается, что одним из первых, исполненных на Руси в византийских традициях выносных крестов был упоминавшийся выше крест из новгородского Софийского собора (НГМ, инв. 1552), от которого сохранилась только древняя деревянная основа, не вполне типичная для большинства византийских процессионных крестов. Реконструируемый нами выносной крест имеет достаточно общих черт с собственно византийскими процессионными крестами, чтобы быть отнесенным к византийской традиции. В то же время в нем слишком много отличий, что позволяет допустить изготовление такого креста на Руси, возможно, в Киеве XII в. (?),

в мастерской, унаследовавшей византийские традиции. Среди обнаруженных на городище находок есть тигли, льячки, матрицы для тиснения колтов и др., подтверждающие наличие на поселении ювелирной мастерской, но мало вероятно, чтобы в ней могли изготавливать изделия столь высокого уровня.

Археологический контекст

Рассматриваемые фрагменты серебряного оклада были обнаружены в квадрате, расположенном рядом с остатками деревянных клетей юго-восточной оборонительной линии детинца (рис. 3). Находки, происходящие из данно-

го и близлежащих квадратов на той же глубине, не выразительны: обычные предметы домашнего обихода, металлические женские украшения, много фрагментов керамики, в том числе «черняховского типа», свидетельствующей о нарушении культурного слоя на этом участке. Других артефактов, связанных с жизнью церкви, здесь не выявлено. Тогда как в целом при раскопках городища была собрана внушительная коллекция предметов с христианской символикой и находок, относящихся к духовной жизни населения города. Коллекция включает предметы, которые уверенно можно связать с церковной утварью, а также предметы личного благочестия и находки, связанные с письменной культурой.

К церковной утвари относятся фрагменты колоколов (от двух, по меньшей мере, экземпляров), богослужебные предметы (фрагменты осеняльного креста, ручные кадильницы (кацеи), лампы) и, с большой вероятностью, осветительные приборы (главным образом фрагменты паникадил — чашечек, стержней и кронштейнов подсвечников, а также фрагменты стеклянных сосудов, возможно, служивших лампадами). В полевой документации экспедиции не отображены какие-либо следы нахождения церкви на территории города, а находки, которые можно связать с жизнедеятельностью храма, не концентрируются в определенном месте. Анализ планиграфии таких находок не выявил определенного местонахождения храма, находки практически равномерно рассеяны на территории детинца и окольного города (рис. 3). Но если опираться только на находки фрагментов колоколов, можно все же допустить, что церковь располагалась на самой высокой площадке городища, почти в центре поселения, поблизости от внутреннего рва, отделявшего детинец от окольного города.

Говоря об археологическом контексте рассматриваемых фрагментов в масштабах всего памятника, нельзя не сказать коротко и о предметах личного благочестия, которые составляют на городище большую часть находок с христианской символикой. К ним относятся металлические кресты-энколпионы (46 экз. с фрагментами), металлические нательные кресты (13 экз.), иконки (6 экз.) и крестовключенная подвеска (1 экз.), каменные нательные кресты (28 экз.) и иконки (7 экз.). Также к данной категории можно отнести две литейные формочки, одна из которых предназначена для изготовления креста-энколпиона и иконки, другая — для отливки нательного креста и подвески-кльча (отметим, что готовых изде-

лий, выполненных по данным изображениям, на памятнике не найдено). Многие из предметов личного благочестия могли быть изготовлены местными мастерами, единичные — столичными киевскими мастерами.

Иначе обстоят дела с богослужебными предметами. Среди них наибольший интерес представляют два фрагмента литого осеняльного креста с Распятием (Пескова 1998: 238—252)³, а также чаша кацеи с рельефным изображением Христа Пантократора на щитке рукояти и ажурная крышка от кацеи такого же типа с рельефными изображениями в медальонах Христа и святых в деисусной композиции с Иоанном Златоустом (Банк, Залеская 1995: 80—87). Находки фрагментов крестов с рельефными односторонними изображениями Распятия со святыми и с зеркальными кириллическими надписями, отлитых из медного сплава, по-видимому, в одной форме, называемых в публикациях осеняльными, китовыми, аналойными, на территории Древней Руси обнаружены еще только в Среднем Поднепровье (древний Переяславль и городище Княжая Гора близ Канева (Украина)), а также в древнем Полоцке (Белоруссия). Два почти целых экземпляра (24,5×9,5×0,4 см) этих замечательных произведений художественного литья происходят из отложений XIII—XIV вв. средневековых Херсона и Судака. Предполагается, что модель такого креста, выполненная в византийской традиции, но с включением в их иконографическую программу первых русских святых князей Бориса и Глеба, могла быть изготовлена в Киеве в конце XII — 1-й четв. XIII в. (Стерлигова 1993; Пескова 1998; Пуцко 1999; Археологическое наследие... 2012: 87).

С византийским Херсоном, возможно, связано и происхождение «изяславльской» чаши ручной кадильницы (кацеи), на щитке которой отлито поясное изображение Христа Пантократора. Кацея с почти тождественным изображением была найдена в Центральном районе Херсонесского городища при раскопках «Храма с ковчегом» в 1954 г. Сходство их оказалось настолько велико, что авторы публикации предположили «не только общий центр изготовления, но даже и общую модель», изготовленную, судя по стилистическим признакам, во II пол. XII в. (Банк, Залеская 1995:

³ Фрагменты осеняльного креста в коллекцию Гос. Эрмитажа не передавались, известны лишь их изображения, сохраненные в ФО НА ИИМК РАН: О.2573, нег. I 54209. Недостаточно определенным остается и расположение этой находки, записанное в описи 1958 г. как «детинец, сектор 2а, гл. 0,6 м».

81, ил. 44; 45). Вопрос о том, была ли «изяславльская» кацея привезена из византийского Херсона или отлита на месте по херсонскому образцу, по сей день остается открытым. В любом случае, эти находки, как и найденные на древнерусском городище амфоры и литая херсоно-византийская монета со знаком Рω анонимного выпуска (Соколова 1983: 53, 56, 61, 62) и милиарисий чеканки фессалоникийского правителя Феодора Комнина-Дуки (1223—1230) (Кропоткин 1962: №272), свидетельствуют о культурных и религиозных связях населения небольшого южнорусского городка с византийским Херсоном и через него со странами византийского мира.

Особое место в христианской части городищенской коллекции занимают предметы, связанные с паломничеством к Святым местам: маленький серебряный цилиндрический реликварий с мощами св. Стефана и частицами Древа Креста Господня и паломнический знак — миниатюрная пластина из свинцово-оловянистого сплава с рельефным изображением «Явления ангела святым женам» и купола Гроба Господня (Пескова 2001). Было высказано предположение, что эти реликвии и символы Святой земли, сопровождаемые латинскими надписями, свидетельствуют если не о прямом непосредственном посещении Святой Земли кем-то из жителей города во времена владычества там крестоносцев, то о контактах (военных или мирных) с рыцарями Тевтонского ордена, перенесшими в XIII в. свою деятельность из Палестины в Прибалтику и частично базировавшимися на Волынском пограничье в 30-е годы XIII в. (Пескова 2001: 123—124).

К паломническим реликвиям из Святой земли принято относить и перламутровые крестики. Экземпляр, обнаруженный на городище, восьмиконечный (экспедиционный

номер ГП-61/107; инв. №ГЭ ЭРА.34-2995), не имевший долгое время близких аналогий среди известных на сегодняшний день около 40 паломнических крестов из перламутра XII—XV вв. и потому стоявший в их ряду как бы особняком, совсем недавно получил полное подтверждение в причастности к этой группе паломнических древностей (Кононович 2020, в печати). Подобный «изяславльскому» крестик был найден при раскопках замка крестоносцев Атлит (Шато де Пелерин) на Святой Земле (Израиль), где зафиксировано производство перламутровых крестиков (Buckingham 2016: 36, fig. 3).

О западном направлении культурно-исторических связей свидетельствуют обнаруженные на городище морская раковина (*Pecten maximus*) — символ христиан, совершавших паломничество в Сантьяго-де-Компостела (Испания) (Пескова 2001: 123—124, ил. 7), а также бронзовая чаша с гравированными аллегорическими изображениями, персонифицирующими человеческие пороки, и латинскими сопутствующими надписями, изготовленная, по мнению исследователей, в маасско-рейнских мастерских на рубеже XII—XIII вв. (тип IIВ по классификации Т. Поклевского) (Пескова 1981: 69, рис. 2; Миролюбов 1983: 54—55, кат. №245).

Кратко перечисленные выше находки предметов церковного обихода и паломнические реликвии, происходящие из раскопок на городище, отражают не только различные направления внешних культурно-исторических связей, но и их высокий уровень, и свидетельствуют о высокой мобильности населения этого городка или, по крайней мере, элитарной его части. Рассмотренные здесь фрагменты серебряного оклада богослужебных предметов вполне достойны пополнить этот перечень, не теряясь на таком ярком фоне.

Литература

- Археологическое наследие... 2012: Коваленя А. А., Лавко О. Н. (ред.). 2012. *Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus*. Минск: Беларуская навука.
- Банк А. В. 1975. Послесловие к статье А. П. Смирнова [Въносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков]. В: Попов Г. В. (ред.-сост.). *Древнерусское искусство. Зарубежные связи* 9. Москва: Наука, 40—44.
- Банк А. В. 1985. Об одном памятнике чеканного искусства из Малой Азии. В: Луконин В. Г. (ред.). *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Ленинград: Искусство, 118—124.
- Банк А. В., Залесская В. Н. 1995. Кацея XII века из Изяславля. В: Сапунов Б. В. (ред.). *У истоков русской культуры XII—XVII века*. Санкт-Петербург: Славия, 80—87.
- Гордиенко Э. В. 1996. Кат. № 56, 57. В: Стерлигова И. А. (ред.-сост.). *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл. X—XV века*. Москва: Наука, 234—248.
- Искусство Византии... 1977: Банк А. В., Попова О. С. (науч. ред.). 1977. *Искусство Византии в собраниях СССР* 2. Каталог выставки. Москва: Советский художник.
- Кондаков Н. П. 1892. *Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского*. Санкт-Петербург: Тип. Михаила Стасюлевича.
- Кононович А. Ю. 2020. Перламутровый крестик с городища близ Шепетовки. В: *Ювелирное искусство и материальная культура* 6. Санкт-Петербург: ГЭ, в печати.
- Кропоткин В. В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР*. САИ Е4—4. Москва: АН

- СССР.
- Мирзоян А. С. 2016. *Грузинская средневековая тореvтика в собрании Эрмитажа. Исследования и атрибуции*. Санкт-Петербург: Славия, 2016.
- Миролюбов М. А. 1983. *Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки*. Ленинград: ГЭ.
- Новаковская-Бухман С. М. 2004. Произведения древнегрузинской чеканки в собрании Русского музея. В: *Искусство христианского мира* 8. Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 47—65.
- Пекарська Л. В., Павлова В. В. 2004. Процесійний хрест із Київського дитинця. *Археологія* (4), 94—100.
- Пескова А. А. 1981. Древний Изяславль. *КСИА* 164, 66—73.
- Пескова А. А. 1998. Херсонесский крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики. В: Мусин А. Е. (ред.-сост.). *Церковная археология* 4. Материалы 2-й Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847—1917). Санкт-Петербург: СПбДА, 238—252.
- Пескова А. А. 2001. Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе. В: Залеская В. Н. (науч. ред.). *Пилигримы: историко-культурная роль паломничества*. К XX Международному конгрессу византинистов, Париж, 19—25 августа 2001 г. Санкт-Петербург: ГЭ, 113—126.
- Пескова А. А., Строкова Л. В. 2010. Византийские процессионные кресты из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко в собрании Национального музея Украины. В: Залеская В. Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой культуры*. Материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк (1906—1984). ТГЭ 51. Санкт-Петербург: ГЭ, 164—181.
- Пескова А. А., Рябцева С. С. 2018. Медальоны с хрустальными вставками в составе социально-престижного убора населения юго-западных регионов Древней Руси. *Stratum plus* (5), 281—298.
- Путь из варяг в греки 1996: Асташова Н. И. и др. (сост.). 1996. *Путь из варяг в греки и из грек...* Каталог выставки. Москва: ГИМ.
- Пуцко В. Г. 1999. Бронзовый крест из Херсонеса (византийско-киевская металлопластика начала XIII в.). *Византийский временник* 58 (83), 165—171.
- Рыжов С. Г., Яшаева Т. Ю. 2013. Процессионный крест с изображением святых воинов-мучеников из раскопок Херсонеса. *Византия в контексте мировой культуры*. Сб. науч. трудов, посв. памяти Алисы Владимировны Банк (1906—1984). ТГЭ 69. Санкт-Петербург: ГЭ, 203—211.
- Саминский А. Л. 2004. Оклад Лабскалдского Евангелия — грузинской константинопольской рукописи второй четверти XII в. В: Добрынина Э. Н. (отв. ред.). *Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 245—262.
- Смирнов А. П. 1975. Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков. В: Попов Г. В. (ред.-сост.). *Древнерусское искусство. Зарубежные связи* 9. Москва: Наука, 27—40.
- Соколова И. В. 1983. *Монеты и печати византийского Херсона*. Ленинград: Искусство.
- Стерлигова И. А. 1993. Крест из Херсонесского музея и русские меднолитые кресты XII—XIII веков. В: Рындина А. В. (ред.-сост.). *Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции* 2, часть 1. Москва: НИИ теории и истории изобразительного искусства, 4—19.
- Стерлигова И. А. 1996. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI—XII вв. В: Стерлигова И. А. (ред.-сост.). *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл. X—XV века*. Москва: Наука, 26—68, 142—148.
- Томсинский С. В. 2006. К вопросу о местоположении остатков культового сооружения на Райковецком городище. В: Залеская В. Н. (ред.). *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов*. К XXI Международному конгрессу византинистов (Лондон, 21—26 августа 2006 г.). Санкт-Петербург: ГЭ, 186—192.
- Buckingham H. R. 2016. *Identity and archaeology in daily life: the material culture of the Crusader states 1099—1291*. PhD Thesis. Cardiff: Cardiff University.
- Cotsonis J. A. 1994. *Byzantine Figural Processional Crosses*. Catalogue of an Exhibition at Dumbarton Oaks 23 September 1994 through January 1995. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library & Collection.
- Grabar A. 1969. Le précieuse croix de la Lavra Saint Athanasie au Mont Athos. *Cahiers archéologiques* XIX, 99—125.
- The Glory ... 1997: Evans H. C., Wixom W. D. (eds.). 1997. *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. 843—1261*. New York: Metropolitan Museum of Art.
- The Treasury... 1985: Buckton D. (ed.). *The Treasury of San Marco, Venice*. Milan: Stabilimento Grafico Scotti Srl.

References

- Kovalenia, A. A., Levko, O. N. (eds.). 2012. *Arkheologicheskoe nasledie Belarusi = Archaeological Heritage of Belarus*. Minsk: "Belaruskaia navuka" Publ. (in Russian).
- Bank, A. V. 1975. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi (Ancient Russian Art: Foreign Relations)*. Moscow: "Nauka" Publ., 40—44 (in Russian).
- Bank, A. V. 1985. In Lukonin, V. G. (ed.). *Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka (Art Monuments and Issues of Oriental Culture)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 118—124 (in Russian).
- Bank, A. V., Zaleskaia, V. N. 1995. In Sapunov, B. V. (ed.). *U istokov russkoi kul'tury XII—XVII veka (The Origins of the Russian Culture of 12th—17th Centuries)*. Saint Petersburg: "Slavia" Publ., 80—87 (in Russian).
- Bank, A. V., Popova, O. S. (eds.). 1977. *Iskusstvo Vizantii v sobraniakh SSSR. Katalog vystavki (Byzantine Art in Collections of the USSR: Exhibition Catalogue)* 2. Moscow: "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).
- Kondakov, N. P. 1892. *Vizantiiskie emali. Sbranie A. V. Zvenigorodskogo (Byzantine Enamels: A. V. Zvenigorodsky's Collection)*. Saint Petersburg: Typography of M. Stasyulevich (in Russian).
- Kononovich, A. Yu. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg (in print) (in Russian).
- Kropotkin, V. V. 1962. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR (Deposits of Byzantine Coins on the Territory of the USSR)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4—4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Mirzoyan, A. S. 2016. *Gruzinskaya srednevekovaya torevtika v sobranii Ermitazha. Issledovaniia i atributsii (Georgian*

- Medieval Toreutics in the Hermitage Collection: Studies and Attributions*). Saint Petersburg: "Slavia" Publ. (in Russian).
- Miroliubov, M.A. 1983. *Drevnerusskii gorod Iziaslavl'. Katalog vystavki (Ancient Russian Town of Iziaslavl: Catalogue of Exhibition)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- Novakovskaya-Buchman, S.M. 2004. In *Iskusstvo Khristianskogo Mira (Arts of the Christian World)* 8. Moscow: St. Tikhon Orthodox Humanitarian Institute, 47—65 (in Russian).
- Pekars'ka, L. V., Pavlova, V. V. 2004. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 94—100 (in Ukrainian).
- Peskova, A.A. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 164, 66—73 (in Russian).
- Peskova, A.A. 1998. In Musin, A.E. (ed., comp.). *Tserkovnaia arkheologiya: materialy 2-i Vserossiiskoi tserkovno-arkheologicheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu so dnia rozhdeniia, N.V. Pokrovskogo (1847—1917) (Church Archaeology: Proceedings of the 2nd All-Russian Conference)*. Series: Tserkovnaia arkheologiya (Church Archaeology) 4. Saint Petersburg: [Saint Petersburg Theological Academy], 238—252 (in Russian).
- Peskova, A.A. 2001. In Zaleskaia, V.N. (ed.). *Pilgrimy: istoriko-kul'turnaia rol' palomnichestva. K XX Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Pilgrims: Historical and Cultural Role of Pilgrimage. To the 20th International Congress of Byzantinists)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 113—126 (in Russian).
- Peskova, A.A., Ryabtseva, S.S. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 281—298 (in Russian).
- Peskova, A.A., Strokova, L. V. 2010. In Zaleskaia, V.N. (ed.). *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the Context of the World Culture)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 51. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 164—181 (in Russian).
- Astashova, N.I., et al. 1996. *Put' iz variag v greki i iz grek... Katalog vystavki (Route from the Varangians to the Greeks and from the Greeks... Exhibition catalogue)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Putsko, V.G. 1999. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XRONIKA)* 58 (83), 165—171 (in Russian).
- Ryzhov, S.G., Iashaeva, T. Yu. 2013. In *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the Context of the World Culture)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 69. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 203—211 (in Russian).
- Saminskii, A.L. 2004. In Dobrynina, E.N. (ed.). *Drevnerusskoe iskusstvo: Iskusstvo rukopisnoi knigi. Vizantiia. Drevniaia Rus' (Ancient Russian Art: Art of Handwritten Book. Byzantium, Ancient Rus)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 245—262 (in Russian).
- Sokolova, I.V. 1983. *Monety i pečati vizantiiskogo Khersona (Coins and Stamps of Byzantine Cherson)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Sterligova, I.A. 1993. In Ryndina, A.V. (ed., comp.). *Drevnerusskaia skulptura. Problemy i atributsii (Ancient Russian Sculpture: Issues and Attributions)* 2 (1). Moscow: Research Institute for Theory and History of Fine Arts, 4—19 (in Russian).
- Sterligova, I.A. 1996. In Sterligova, I.A. (ed., comp.). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyi metall XI—XV veka (Decorative Art of the Great Novgorod: Artistic Metal in the 11th — 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 26—68, 142—148 (in Russian).
- Tomsinskii, S. V. 2006. In Zaleskaia, V.N. (ed.). *Vizantiiskaia ideia. Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov (The Byzantine Idea: Byzantium in the Komnenoi and Palaiologoi Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 186—192 (in Russian).
- Buckingham, H.R. 2016. *Identity and archaeology in daily life: the material culture of the Crusader states 1099—1291*. PhD Thesis, Cardiff University. 2016.
- Cotsonis, J.A. 1994. *Byzantine Figural Processional Crosses*. Catalogue of an Exhibition at Dumbarton Oaks 23 September 1994through January 1995. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library & Collection.
- Grabar, A. 1969. Le précieuse croix de la Lavra Saint Athanase au Mont Athos. *Cahiers archéologiques* XIX, 99—125.
- Evans, H.C., Wixom, W.D. (eds.). 1997. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843—1261*. New York: Metropolitan Museum of Art.
- Buckton, D. (ed.). *The Treasury of San Marco, Venice*. Milan: Stabilimento Grafico Scotti Srl.

Статья поступила в сборник 14 марта 2020 г.

Anna Peskova (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Пескова Анна Анисимовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: peskovaaa@rambler.ru

Aleksandra Kononovich (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum².

Кононович Александра Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: kononovich.a.u@gmail.com

Addresses: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; ² Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

И. А. Стерлигова

Драгоценные украшения на древнерусских иконах по «свидетельству» резных и литых образков XIII века

Keywords: Old Russian icons, thirteenth century, precious ornaments, carved and cast images

Ключевые слова: древнерусские иконы, XIII век, драгоценные украшения, резные и литые образки

I. A. Sterligova

Precious Ornaments on Old Russian Icons: Evidence of Carved and Cast Images from the Thirteenth Century

The iconography of a number of small Old Russian icons from the first third of the thirteenth century, made of stone, clay or copper alloy, confirms the tradition, known from written sources, of votive ornaments in the form of gold and silver collars, both wound and sickle-shaped, on particularly venerated icons. The paper examines the sources of this tradition and the influence upon it of international contacts: similar ornaments on sacred images may be traced in Western Europe and among the Cumans. The miniature icons that have been discovered, which reproduce the form of the most venerated icons, supplement our idea of the religious art of Old Rus', the canon of which was received from Byzantium, but was realised in an original manner, reflecting local realities and artistic tastes.

И. А. Стерлигова

Драгоценные украшения на древнерусских иконах по «свидетельству» резных и литых образков XIII века

Иконография ряда небольших древнерусских иконок первой трети XIII в., выполненных из камня, глины и медного сплава, подтверждает известную по письменным источникам традицию обетных украшений чтимых икон золотыми и серебряными гривнами, как витыми, так и серповидными. Рассматриваются истоки этой традиции и влияние на нее международных связей Древней Руси: подобные украшения священных изваяний прослеживаются также в Западной Европе и у половцев. Выявленные миниатюрные образки, передающие облик почитаемых икон, дополняют наши представления о церковном искусстве Древней Руси, канон которого был воспринят из Византии, но получил оригинальное воплощение, отражавшее местные реалии и художественные вкусы.

Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой — серьезного исследователя, внимательного собеседника и всегда готового к помощи друга — мы посвящаем заметку о предметах недрagoценных, но отразивших свет любимого ею средневекового ювелирного искусства.

Речь пойдет о нескольких домонгольских рельефных образках, которые воспроизводят облик украшений чтимых в ту эпоху живописных икон.

Еще в конце XIX в. Н. П. Кондаков, основываясь на изучении позднесредневековых описей русских монастырей, отмечал обилие на иконах «всякого рода подвесных уборов» и то, что «после венцов в описях XVI века следует цата, изредка называемая гривною или гривенкою; это, очевидно, подвесная лунница из золота, серебра... с камнями... Цата бывает всегда на образ одна, а гривен много, три, четыре, пять». Эти сведения ученый иллюстрировал воспроизведением «Троицы» из Троице-

Сергиевой лавры и подчеркивал, что украшения иконы (царские вклады XVI—XVII вв.) «объясняют нам и данные тексты, и церковное применение (вероятно, уже в очень раннее время, т. е. еще в XII в.) светских княжеских и патрицианских уборов к иконным украшениям» (Кондаков 1896: 175—177). В наши дни и новые земляные находки¹, и проводимые в ГТГ реставрационные исследования до-

¹ Приходится возвращаться к этому термину XIX в., так как важнейшие для истории убора иконы предметы (Собрание 2017: 152) были добыты не в ходе археологических исследований, а при помощи металлоискателей.

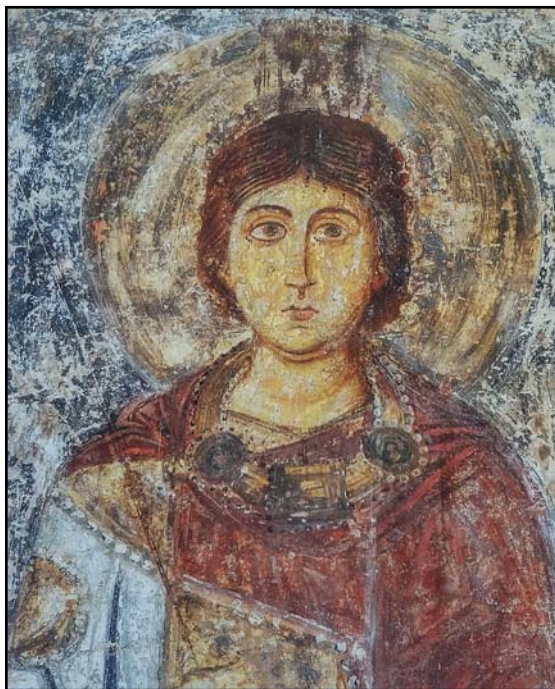


Рис. 3. «Гривна цатава» святого воина Сергия (?). Деталь фрески Светой Софии в Киеве. Около 1040 г. (по Попова, Сарабьянов 2017: ил. 266)/

Fig. 3. "Hryvna tsatava" of Saint Sergius (?), detail of a fresco painting of Saint Sophia Cathedral, Kiev, ca 1040 AD (after Попова, Сарабьянов 2017: ил. 266).

святого целителя Иоанна в росписях середины XII в. Спасской церкви Евфросиниевского монастыря в Полоцке (Сарабьянов 2016: 257, ил. 258) (рис. 4).

Драгоценные украшения, как и расшитые жемчугом одеяния святых, согласно византийской традиции, являлись символами их небесной славы. Можно предположить, что в домонгольской Руси эта традиция приобрела более конкретные, осязаемые формы. Поклонение чудотворным иконам, принесение им драгоценных даров здесь стало связываться с «прикладыванием» к ним самых престижных и статусных украшений знати — гривен и монист, обиходных, или же созданных специально для иконы (Стерлигова 2000: 151—160; 2015). Наиболее ранние сведения о вложенных в храмы гривнах мы находим в Киево-Печерском патерике. Тысяцкий Георгий, сын варяга Шимона, приложившего золотой венец к образу Христа, по данному отцу обету вложил в монастырь массивную золотую гривну «яже носаша сий» (Патерик 1911: 63, 190). Если документальные сведения о возложении золотых гривен не просто в монастырь, а на иконы, дошли до нас с конца XIII в. (Ипатьевская летопись 1998: 927), то их изображения в образах есть уже в первой трети XIII в. К этому



Рис. 4. «Гривна цвирва» святого Иоанна. Деталь фрески Спасской церкви Евфросиниевского монастыря в Полоцке. Середина XII в. (по Сарабьянов 2016: 257, ил. 258).

Fig. 4. "Hryvna tsvirva" of Saint John, detail of a fresco painting of Savior's Church of Euphrosyne Monastery in Polotsk, ca 1150 AD (after Сарабьянов 2016: 257, ил. 258).

времени по стилю, иконографии, а в некоторых случаях и археологическому контексту, относятся все воспроизводимые в этой заметке миниатюрные иконы². Все они так или иначе связаны с Киевскими землями. На них можно увидеть изображения гривен трех типов: витых, гладких (в виде нескольких объемных обручей) и плоских, поверхность которых орнаментирована. Массивные витые гривны мы видим на фрагментарно сохранившейся каменной резной иконке с образом благословляющего Христа (Николаева 1983: 49, табл. 2: 3, №6; Жишкович 1999: 179; Пескова 2012: 186, 200, ил. 8: 7) (рис. 5) и на двух литых иконках Богоматери (Стерлигова 2000: 155, ил. 49; Фіголь 1997: 196) (рис. 6). Витые гривны во множестве упоминаются среди иконного приклада в позднесредневековых письменных источниках (Стерлигова 2000: 154—155), но есть и более раннее «вещественное» подтверждение этой традиции. В 1987 г. в Курской области был обнаружен комплекс серебряных украшений Богородичной иконы,

² Три из упоминаемых в данной публикации предметов стали нам известны из каталога резных миниатюрных икон, происходящих с исторических земель Украины, который подготовлен к печати Е. И. Архиповой. За возможность ознакомиться с рукописью каталога приносим автору глубокую благодарность.



Рис. 5. Христос Пантократор. Каменная иконка. Первая половина XIII в. ГЭ (по Пескова 2012: 186, 200, ил. 8: 7).

Fig. 5. Christ Pantocrator, a small stone icon, first half of 13th century. State Hermitage Museum, St. Petersburg (after Пескова 2012: 186, 200, ил. 8: 7).



Рис. 7. Святитель Николай. Каменная иконка из собрания В. Н. и Б. И. Ханенко. Местонахождение неизвестно (по Ханенко 1907: 44, табл. XXXVIII, № 1325).

Fig. 7. St. Nicholas. Carved stone icon from V. and B. Khanenko's collection. Location unknown (after Ханенко 1907: 44, табл. XXXVIII, no. 1325).



Рис. 6. Богоматерь с Младенцем. Меднолитая иконка. Первая половина XIII в. ЦМиАР (по Стерлигова 2000: 155, ил. 49).

Fig. 6. Mary with Child, a copper cast small icon, first half of 13th century. Andrey Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art (after Стерлигова 2000: 155, ил. 49).

сложившийся, по мнению издателей, не позднее 1-й пол. XIV в., в который входит и витая гривна домонгольской эпохи с разомкнутыми для украшения иконы концами (Собрание 2017: 192—193, кат. №57; Воронин 2017: 45, рис. 3).

По три гладких гривны изображены на двух несохранившихся (?) иконках из собрания В. Н. и Б. И. Ханенко — каменной с образом святителя Николая (Ханенко 1907: 44, табл. XXXVIII, №1325; Николаева 1983: 49, табл. 2: 2, №5; Жишкович 1999: 188, 206; Пуцко 2002б: 283, рис. 4: 4) (рис. 7) и меднолитой круглой, с плохо читаемой надписью, изданной Б. И. Ханенко как изображение Богоматери (Ханенко 1902: 399, табл. XIII), хотя этому противоречит некое подобие княжеской шапки на главе и орнаментированные края корзно на груди (рис. 8). Если на меднолитой иконке три гривны переданы отчетливо, то на каменной их можно принять за складки, представленные резчиком в виде валиков и на других частях одеяний. Однако подобные складки у ворота святительских облачений не оправданы и не известны, к тому же изображение трех гривен становится характерной чертой иконографии святителя Николая, хотя и прослеживается по сохранившимся резным, шитым и живописным иконам только с конца XV в. Возможно, каменная иконка из собрания Ханенко является самым ранним примером такой иконографии Николая Чудотворца.

Плоские гривны в виде полумесяца можно увидеть на двух образках. Гривна, края которой украшены валиками, а поверхность между ними крупным жемчужником, видна



Рис. 8. Богоматерь Оранта (?). Изображение на лицевой стороне меднолитой иконки из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко. Местонахождение неизвестно (по Ханенко 1902: 399, табл. XIII).

Fig. 8. Our Lady Oranta, a copper cast small icon from V. and B. Khanenko's collection. Location unknown (after Ханенко 1902: 399, табл. XIII).



Рис. 10. Богоматерь Никопея. Резная каменная иконка. Первая треть XIII в. ГРМ (по Рындина 1979: 608, № 15).

Fig. 10. Our Lady Nicopoea. Carved stone icon. The first third of the 13th century. The State Russian Museum (after Рындина 1979: 608, № 15).



Рис. 9. Богоматерь Умиление. Керамическая иконка. Начало XIII в. НМИУ (по Архипова 2017: 64, рис. 2: 1).

Fig. 9. Our Lady of Tenderness. Ceramic icon. The beginning of the 13th century. National Museum of the History of Ukraine (after Архипова 2017: 64, рис. 2: 1).



Рис. 11. Нагрудные украшения Богоматери с Младенцем (так называемой «Большой Золотой мадонны», созданной до 1022 г.). Золото, камни, жемчуг. 1220/1230. Музей Собора, Хильдесхайм (http://www.raymond-faure.com/Hildesheim/Hildesheimer_Domschatz.html).

Fig. 11. Breast ornaments of the Mother of God with the Baby (the so-called "Great Golden Madonna", created before 1022). Gold, stones, pearls. 1220/1230. Cathedral Museum, Hildesheim (http://www.raymond-faure.com/Hildesheim/Hildesheimer_Domschatz.html).



Рис. 12. Нагрудные украшения половецкой каменной бабы. Вторая половина XII — первая треть XIII в. Днепропетровский национальный исторический музей им. Д. И. Яворницкого (<http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2012/01/03/kamennye-baby/>).

Fig. 12. Breast jewelry of a Polovtsian stone woman. The second half of the 12th — the first third of the 13th century. Dnepropetrovsk National Historical Museum (<http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2012/01/03/kamennye-baby/>).

на фрагментарно сохранившейся «Богоматери Елеусе», являющейся редким дошедшим до нас памятником древнерусской коропластики (Білоусова 1996: 76, 150, №22; Пуцко 1996: 151, іл. 1: 5; 2002а: 159, 161, рис. 1: 5; Жишкович 1999: 174; Архипова 2010а: 302, іл. 58; 2010б: 761—762; 2016: 109, іл. 5: а; 2017: 64, рис. 2: 1) (рис. 9). Самая роскошная гривна представлена на иконке «Богоматерь Никопея», изданной А. В. Рындиной как тверской памятник XIV в. (Рындина 1979: 572—573, №15) (рис. 10). Однако эта датировка не была принята другими исследователями, по иконографии, палеографии и стилю они убедительно датировали иконку 1-й третью XIII в. (Николаева 1983: 22, 56, табл. 5: 4, №33; Пуцко 1986: 177; Медынцева 1991: 112; Жишкович 1999: 176—177). Здесь гривна украшена кошой сеткой, а ее нижний конец — бахромой («поднизью»), в которой чередуются длинные подвески с бусиной на конце, и две более коротких.

Своего рода «гривны» встречаются и в западноевропейской литургической пластике 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в., о которой, безусловно, знали на Руси. Соприкосновение домонгольской Руси с католическим миром все чаще отмечают в последние годы исследова-

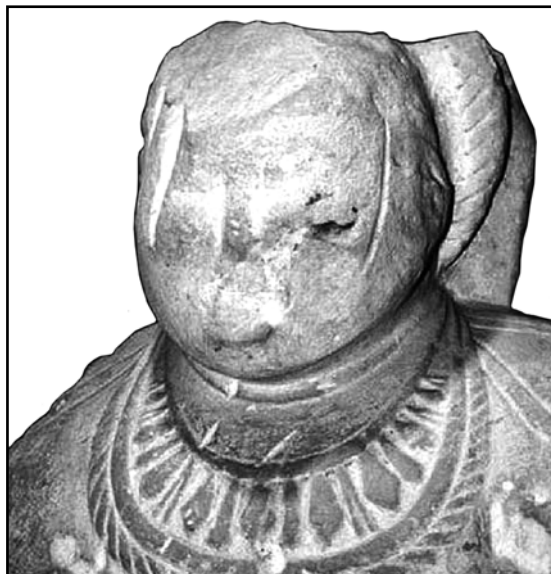


Рис. 13. Нагрудные украшения половецкой каменной бабы. Вторая половина XII — первая треть XIII в. ГЭ (<https://history.wikireading.ru/35087>).

Fig. 13. Breast jewelry of a Polovtsian stone woman. The second half of the 12th — the first third of the 13th century. State Hermitage Museum, St. Petersburg (<https://history.wikireading.ru/35087>).

тели. Облик латинских драгоценных святынь был близок художественным идеалам русичей и мог повлиять на убранство домонгольских моленных икон, особенно на так называемый «приклад». К старейшим древнерусским иконным гривенкам по форме и приемам декорации поразительно близка золотая «гривна», сделанная в 1220/1230 гг. взамен украденной для «Большой Золотой Мадонны» — святыни XI столетия Собора в Хильдесхайме (рис. 11). Как и древнерусские чудотворные иконы, это изваяние, согласно древним описям собора, было украшено более чем сотней мирских украшений, оставленных богомольцами.

Драгоценные нагрудные украшения, часть из которых, по мнению исследователей, привозилась из соседних стран, были широко распространены и у знатных половцев и полочанок, с которыми, начиная со Святополка, взявшего за себя в 1094 г. дочь Тугоркана, охотно рождались русские князья и их приближенные (Плетнева 1990: 26). На полочанках женились Изяслав Ярославич (в 1094 г.) и Юрий Долгорукий (в 1108 г.). И у половцев, и на Руси было много людей, хорошо знавших язык и обычаи другого народа, отдельные роды половцев принимали христианство (Плетнева 1990: 36). Некоторые детали половецкой «моды» получили распространение не только на Руси, но и в других странах.

«Так, известно, что византийцы и венгры заимствовали роскошные половецкие одежды, которые особенно широко были распространены среди придворных императора и короля» (Плетнева 1990: 42). Оказывали влияние на соседние народы и половецкие украшения. Половецкие «гривны», витые или гладкие, во множестве изображаются на мужских и женских статуях, воздвигаемый на местах погребений знатных половцев, так называемых «половецких бабах», изготовление которых достигло своего расцвета во 2-й пол.

ХII в. (Плетнева 1990: 32) (рис. 12). Именно на таких бабах встречаются своего рода гривны со свисающими деталями, именуемые на Руси «поднизью» (рис. 13). Их напоминает цата, изображенная резчиком иконки «Богоматерь Никопея».

Таким образом, миниатюрные образки дополняют наши представления о церковном искусстве Древней Руси, канон которого был воспринят из Византии, но получил оригинальное воплощение, отражавшее местные реалии и художественные вкусы.

Литература

- Андрейчева М.Ю. 2013. К проблеме истолкования образа Перуна. В: Данилевский И.Н., Тогоева О.И. (отв. ред.). *Ретроспективная информация источников: образы и реальность*. Москва: ИВИ РАН, 65—73.
- Архипова Е. 2010а. Культіві речі з каменю та кістки. В: Скрипник Г. (голов. ред.). *Історія декоративного мистецтва 1. Від найдавніших часів до пізнього середньовіччя*. Київ: ІМФЕ НАНУ, 287—308.
- Архипова Е. 2010б. Різьблення (дерево, кістка, камінь). В: Скрипник Г. (голов. ред.). *Історія українського мистецтва 2. Мистецтво середніх віків*. Київ: ІМФЕ НАНУ, 739—764.
- Архипова Е. 2016. Иконки з Десятинної церкви і «міста Володимира». *Opus mixtum* 4, 98—112.
- Білоусова В. 1996. Культіві речі з колекції «Десятинна церква» НМІУ. В: Толочко П. (наук. ред.). *Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення*. Київ: АртЕк, 75—76, 146—153.
- Воронин К.В. 2017. Об уборе одной из икон древнерусского времени. В: *Археология русского города*. Материалы научно-практического семинара 2016 года. Труды Столичного археологического бюро I. Москва: Столичное архитектурное бюро, 43—55.
- Жишкочев В. 1999. *Пластика Русі-України. X — перша половина XIV століть*. Львів: Інститут народознавства.
- Ипатьевская летопись. 1998. ПСРЛ 2. Москва: Языки русской культуры.
- Кондаков Н.П. 1896. *Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода*. Санкт-Петербург: ИАК.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады X—XIII вв.* Москва, Ленинград: АН СССР.
- Лаврентьевская летопись. 1997. ПСРЛ 1. Москва: Языки русской культуры.
- Николаева Т.В. 1983. *Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв.* САИ Е1—60. Москва: Наука.
- Патерик 1911: Абрамович Д.И. (ред.). 1911. *Патерик Киевского Печерского монастыря*. Памятники славяно-русской письменности, изданные Императорской археографической комиссией II. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова.
- Пескова А.А. 2012. Малоизвестная коллекция находок из раскопок Д.В. Милеева в Киеве в 1908—1912 гг. (ОАВЕС ГЭ, коллекция №637). В: Елшин Д.Д. (науч. ред.). *Первые каменные храмы Древней Руси*. Материалы архитектурно-археологического семинара 22—24 ноября 2010 года. ТГЭ LXV. Санкт-Петербург, 185—210.
- Плетнева С.А. 1974. *Половецкие каменные изваяния*. САИ Е4—2. Москва: Наука.
- Плетнева С.А. 1990. *Половцы*. Москва: Наука.
- Попова О.С., Сарабьянов В.Д. 2017. *Мозаики и фрески Святой Софии Киевской*. Москва: Гамма-Пресс.
- Пуцко В.Г. 1986. Киевская сюжетная пластика малых форм (XI—XIII вв.). В: *Зборник посветен на Бошко Бабиш*. Прилеп, 169—181.
- Пуцко В.Г. 1996. Византийсько-київські керамічні ікони XIII ст. В: *Берестейська унія (1596—1996). Статті і матеріали*. Львів: Логос, 150—154.
- Пуцко В.Г. 2002а. Коропластика средневековой Руси. В: Хохлов А.Н. (отв. ред.). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья 4*. Тверь: Старый город, 155—177.
- Пуцко В.Г. 2002б. Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси. В: Хохлов А.Н. (отв. ред.). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья 4*. Тверь: Старый город, 276—289.
- Розсдаль Э. 2001. *Мир викингов: викинги дома и за рубежом*. Санкт-Петербург: Всемирное слово.
- Сарабьянов В.Д. 2016. *Спаская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке*. 3-е изд. Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке.
- Собрание Константина Воронина 2017: Евсеева Л.М. (отв. ред.). 2017. *Собрание Константина Воронина. Иконы. Художественный металл. XIII—XVI века*. Каталог выставки. Москва: ЦМиАР.
- Стерлигова И.А. 2000. *Драгоценный убор древнерусских икон XI—XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Стерлигова И.А. 2015. Византийская и западноевропейская традиции в драгоценных украшениях древнерусских икон. В: Карпова Т.Л., Евсеева Е.Д. (ред.). *Рама как объект искусства*. Материалы научной конференции. Москва: Государственная Третьяковская галерея, 69—76.
- Фіголь М.П. 1997. *Мистецтво стародавнього Галича*. Київ: Мистецтво.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1902. *Древности Приднестровья V. Эпоха славянская (VI—XIII в.)*. Киев: Типография С.В. Кульженко.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1907. *Древности Приднестровья и побережья Черного моря VI*. Киев: Фототипия и типография С.В. Кульженко.

References

- Andreicheva, M. Yu. 2013. In Danilevskii, I.N., Togoeva, O.I. (eds.). *Retrospektivnaia informatsiia istochnikov: obrazy i real'nost'* (Retrospective Information of Sources: Images and Reality). Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 65—73 (in Russian).
- Arkhypova, Ye. 2010. In *Istoriya dekorativnoho mystetstva (History of Decorative Art)* 1. *Vid najdavnishykh chasiv do pizn'oho serehn'ovychyia (From the Earliest Past to the Late Middle Ages)*. Kiev: Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology named after M. T. Rytsky, National Academy of Sciences of Ukraine, 287—308 (in Ukrainian).
- Arkhypova, Ye. 2010. In *Istoriya ukrains'koho mystetstva (History of Ukrainian Art)* 2. *Mystetstvo serednikh vikiv (Medieval Art)*. Kiev: Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology named after M. T. Rytsky, National Academy of Sciences of Ukraine, 739—764 (in Ukrainian).
- Arkhypova, Ye. 2016. In *Opus mixtum* 4, 98—112 (in Ukrainian).
- Bilousova, V. 1996. *Kul'tovi rechi z kolektsii «Desyatynna tserkva» NMIU, Tserkva Bohorodytsi Desyatynna v Kyievi. Do 1000-littya osvychennia (Religious Things from the Collection of Tithes Church of the National Museum of the History of Ukraine, Church of Our Lady of Tithes in Kiev. To the 1000th Anniversary of Consecration)*. Kiev, 75—76, 146—153 (in Ukrainian).
- Voronin, K. V. 2017. In *Arkheologiiia russkogo goroda (Archaeology of Russian Town)*. Series: Trudy Stolichnogo arkheologicheskogo biuro (Proceedings of the Archaeological Bureau of the Capital City) I. Moscow: Architectural Bureau of the Capital City, 43—55 (in Russian).
- Zhyshkovych, V. 1999. *Plastyka Rusi-Ukrainy. X — persha polovyna XIV stolit' (Plastics of Rus-Ukraine: 10th — First Half of 14th Centuries)*. Lviv (in Ukrainian).
- Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Codex). 1997. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 1. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex). 1998. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 2. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Kondakov, N. P. 1896. *Russkie klady: Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda (Russian Hoards. Study of Antiquities of the Grand Princes Period)*. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th Centuries)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Nikolaeva, T. V. 1983. *Drevnerusskaia melkaia plastika iz kamnia XI—XV vv. (Ancient Russian Small Stone Plastic Art of 11th—15th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—60, Moscow (in Russian).
- Paterik Kievskogo Pecherskogo monastiria (Patericon of the Kiev Pechersk Lavra) 1911. Series: Pamiatniki slaviano-russkoi pis'mennosti, izdannye Imperatorskoi arkheograficheskoi komissiei (Monuments of the Slavic Russian Literature Edited by the Imperial Commission for Archaeography) II. Saint Petersburg: Typography of M. A. Aleksandrov (in Russian).
- Peskova, A. A. 2012. In Elshin, D. D. (ed.) *Pervye kamennye khramy Drevnei Rusi (First Stone Churches of Ancient Rus)*, Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) LXV. Saint Petersburg, 185—210 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1990. *Polovtsy (Cuman People)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1974. *Polovetskie kamennye izvianiia (Cuman Stone Sculptures)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4—2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Popova, O. S., Sarab'ianov, V. D. 2017. *Mozaiki i freski Sviatoi Sofii Kievskoi (Mosaics and Frescoes of the Temple of St. Sophia in Kiev)*. Moscow: "Gamma-Press" Publ. (in Russian).
- Putsko, V. G. 1986. In *Zbornik posveten na Boško Babić (Collected Papers Dedicated to Boško Babić)*. Prilep, 169—181 (in Russian).
- Putsko, V. H. 1996. In *Statti i materialy (Papers and Materials)*. Lviv, 150—154 (in Ukrainian).
- Putsko, V. G. 2002. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* 4. Tver, 155—177 (in Russian).
- Putsko, V. G. 2002. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* 4. Tver, 276—289 (in Russian).
- Roesdahl, E. 2001. *Mir vikingov: vikingi doma i za rubezhom (Vikings at home and abroad = The Vikings)*. Saint Petersburg: "Vsemirmoe slovo" Publ. (in Russian).
- Sarabianov, V. D. 2016. *Spasskaia tserkov' Evfrosinievskogo monastiria v Polotske (Church of the Savior from St. Euphrosyne Monastery in Polotsk)*. Polotsk: St. Euphrosyne Female Monastery in the Polotsk Town (in Russian).
- Sobranie Konstantina Voronina. Ikony. Khudozhestvennyi metall. XIII—XVI veka. Katalog vystavki (Collection of Konstantin Voronin: Icons, Artistic Metal of 13th—16th Centuries. Catalogue of Exhibition). 2017. Moscow: Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art (in Russian).
- Sterligova, I. A. 2000. *Dragotsennyyi ubor drevnerusskikh ikon XI—XIV vekov: Proiskhozhdenie, simbolika, khudozhestvennyi obraz (Precious Decorations of Ancient Russian Icons of 11th—14th Centuries: Origins, Symbolism, Artistic Image)*. Moscow: "Progress-Traditsiia" Publ. (in Russian).
- Sterligova, I. A. 2015. In Karpova, T. L., Evseeva, E. D. (eds.). *Rama kak ob'ekt iskusstva (Frame as Object of Art)*. Moscow: State Tretyakov Gallery, 69—76 (in Russian).
- Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1902. *Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of the Dnieper Basin)* V. *Epokha Slavianskaia (VI—XIII vv.) (Slavic Epoch: 6th—13th Centuries)*. Kiev (in Russian).
- Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1907. *Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of the Dnieper Basin)* VI. *Drevnosti Pridneprov'ia i poberezhii Chernogo moria (Antiquities of the Dnieper Basin and the Black Sea Shores)*. Kiev (in Russian).

Статья поступила в сборник 13 марта 2020 г.

Irina Sterligova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Arts. State Institute for Art Studies¹.

Стерлигова Ирина Анатольевна (Москва, Россия). Кандидат искусствоведения. Государственный институт искусствознания.

E-mail: irinasterligova@mail.ru

Address: ¹ Kozitsky Lane, 5, Moscow, 125000, Russian Federation

Л. В. Пекарская

Золотые колты с изображениями святых: манера исполнения и неизвестные особенности стиля

Keywords: Old Rus, Kiev, Vladimir, 11th—12th centuries, kolts, Cloisonné, Saints

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, Владимир, XI—XII вв., колты, перегородчатая эмаль, святые

L. V. Pekarska

Gold Cloisonné Kolty with Images of Saints: their Manufacturing Manner and Unknown Style Features

Jewelry bearing images of saints, publicized in academic circles but without any greater study, are presented here in detail for the first time. Additional information has been introduced where such detail has been lacking on those found in foreign collections. The images, their forms and design compositions, characterizing the work of the Kiev's princely workshops of the 11th—12th centuries, are analyzed. Attention is focused on separate stylistic features of manufacturing, previously unresearched.

The study allowed us to conclude: that there were cases of stencils being re-used; that manufacturing to order of a pair of kolty by two masters took place — the main specialist, who was highly proficient in his drawing and cloisonné technique and his assistant, who was still gaining skills in producing such jewelry. This would explain the reason for stylistic differences in the details of face designs, garment decor and enamel tones.

A new interpretation of Vladimir's kolts of the 12th century is proposed, revising the prevailing school of thought in literature about their provincialism and imperfection.

Л. В. Пекарская

Золотые колты с изображениями святых: манера исполнения и неизвестные особенности стиля

Впервые детально представлены украшения с изображениями святых, введенные в научный оборот, но оставшиеся малоизученными. Дополнены отсутствующие данные о таких изделиях, находящихся в зарубежных собраниях. Проанализированы их формы, образы, композиции, способы оформления, характеризующие работу киевской княжеской мастерской XI—XII вв. Рассмотрены отдельные стилистические особенности исполнения, ранее остававшиеся без внимания исследователей.

Это позволило сделать выводы: о случаях вторичного использования трафарета; об изготовлении заказа пары колтов двумя мастерами — главным, хорошо владеющим рисунком и техникой перегородчатой эмали, и его помощником, только постигающим навыки ювелирного дела. Этим можно объяснить стилистические отличия в деталях проработки лиц, декора облачения и тонов эмали.

Предлагается также новая интерпретация владимирских колтов XII в., которая выходит за рамки доминирующего в литературе мнения об их провинциальности и несовершенстве.

Огромными культурными изменениями сопровождался на Руси период конца X — нач. XI вв. Получив доступ к богатой культуре Византии, средневековая столица положила начало созданию новых духовных и материальных ценностей. В Киеве появилась каменная культовая и светская архитектура, монументальная живопись, развивались различные ремесла, создавались роскошные и изящные украшения из драгоценных металлов.

Подтверждением этому являются многочисленные вещевые клады ювелирных изделий, найденные за последние 200 лет в центральной, аристократической части средневекового Киева. Они содержат изысканные

драгоценности XI—XII вв., имеющие большую историческую и художественную ценность. Среди них светские украшения, изготовленные из золота в технике перегородчатой эмали — диадемы, колты, медальоны и церемониальные цепи. Из сохранившихся наиболее многочисленную группу составляют колты, обнаруженные более чем в 23 кладах, некоторые известны также из частных коллекций. Анализ этой исключительно богатой коллекции свидетельствует о том, что наиболее популярным мотивом их декора было изображение птиц и сиринов по сторонам древа жизни или растительных побегов и растительного орнамента в геометрических формах. К наибо-

лее редким относятся колты с изображениями святых, количество которых очень ограничено. Их появление связывают с распространением христианства и борьбой церкви с язычеством (Рыбаков 1971: 125; Макарова 1975: 32). С. С. Рябцева относилась к производству этой группы колтов к мастерской по изготовлению стекла и смальты, обнаруженной в 1951 г. на территории Киево-Печерского монастыря (Рябцева 2001: 158).

Колты с изображениями святых были введены в научный оборот, но не в полной мере. В ранних исследованиях не могли быть учтены материалы, найденные позже (Кондаков 1896; Толстой, Кондаков 1897), в других информация о некоторых изделиях, попавших в зарубежные собрания, оставалась трудно доступной (Макарова 1975: 35). Поэтому изучены они в разной степени, и отдельного исследования этой категории колтов не было посвящено.

Данная статья рассматривает эту малочисленную группу колтов (пять пар), составляющую одну из редчайших, их художественно-композиционное решение, стилистические особенности изображений, присущие мастерам, соотношение черт иконографии с византийской традицией и место их производства.

Все они были найдены в составе кладов драгоценных украшений в Киеве, Чернигове и Владимире. Начнем описание с киевских находок, где среди наибольшего на Руси количества выявленных в кладах драгоценностей находилось всего две пары золотых колтов с изображениями святых в технике перегородчатой эмали.

Первая пара колтов обнаружена в кладе, случайно открытом на Трёхсвятительской улице, напротив входа в Михайловский Златоверхий монастырь, 5 июля 1906 г. В результате дальнейшей сложной судьбы клада, группа его золотых и серебряных ювелирных изделий, как коллекция византийских украшений, была куплена Дж. Пирпойнтом Морганом в декабре 1907 г. (Пекарская 2010: 249—255). С 1917 года золотые с эмалью украшения этой группы хранятся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке¹.

Среди них колты с изображением святых мучеников, о чем свидетельствуют кре-

сты в руках, а нимбы вокруг их голов указывают на святость. Несмотря на анонимность изображений, они согласуются с византийской иконографической традицией, характерной для святых мучеников Георгия и Димитрия, которых изначально изображали в хитонах и роскошных мантиях. К наиболее ранним их изображениям в подобном облачении относятся мозаики VI—VII вв., уцелевшие в базилике Святого Димитрия в Салониках в период эпохи иконоборчества в Византии («Святой Димитрий с ктиторами» и «Святой Георгий и дети»).

На киевских колтах (4,7×5,3 см) бюсты святых мучеников расположены в строго фронтальных позах. Контуры всех декоративных фигур выполнены с помощью трафарета, который оставил кольцевой след на поверхности их лицевых сторон. Однако изображения несколько отличаются, и профессиональный уровень изготовления каждого из них разный (рис. 1).

Один колт выполнен в строгой манере, где полностью выдержан иконографический канон святого Димитрия, несколько старшего по возрасту, чем Георгий. Рисунок тонких золотых линий точный, мягкий и нигде не прерывается. Четко и изящно очерчены золотой линией нимб, черные гладкие волосы с прядью на лбу, короткая и широкая шея и правильный овал лика. Умело исполнены его черты: ровный нос, заканчивающийся тремя выступами, глаза в виде больших зрачков (левый несколько ниже), прямые густые брови заполнены черной эмалью, маленькие губы — красной. Небольшие выступы с обеих сторон лика на уровне глаз символизируют уши.

Контрастное сочетание таких основных тонов эмали, как изумрудный, бордовый и синий, создает сочный колорит на золотой поверхности.

Тонкие золотые драпировки мантии, скрепленной фибулой у правого плеча, придают изображению торжественность и величавость. Весь лик святого наделен духовностью. Пальцы руки, держащей небольшой четырёхконечный крест, разработаны линиями (сохранились частично). Ноготь большого пальца обозначен золотом, а крест — эмалью бордового цвета, аналогичной окантовке нимба. Золотой фон по сторонам фигуры святого заполняют миниатюрные геометрические формы (три с каждой стороны). Треугольники заполнены городчатым орнаментом (городки), а в каждом из кругов изображен пятилепестковый крин. Сохранились оригинальная жемчужная обнизь по кругу колта и петли, удерживающие ее.

¹ The Metropolitan Museum of Art (MMA), New York, Department Medieval Art and The Cloisters, №17.190.699/707. Сын финансиста и коллекционера Дж. Пирпойнта Морган подарил музею около двух тысяч средневековых предметов, принадлежавших его отцу, среди которых и золотые с эмалью украшения из клада, найденного в Киеве в 1906 г.

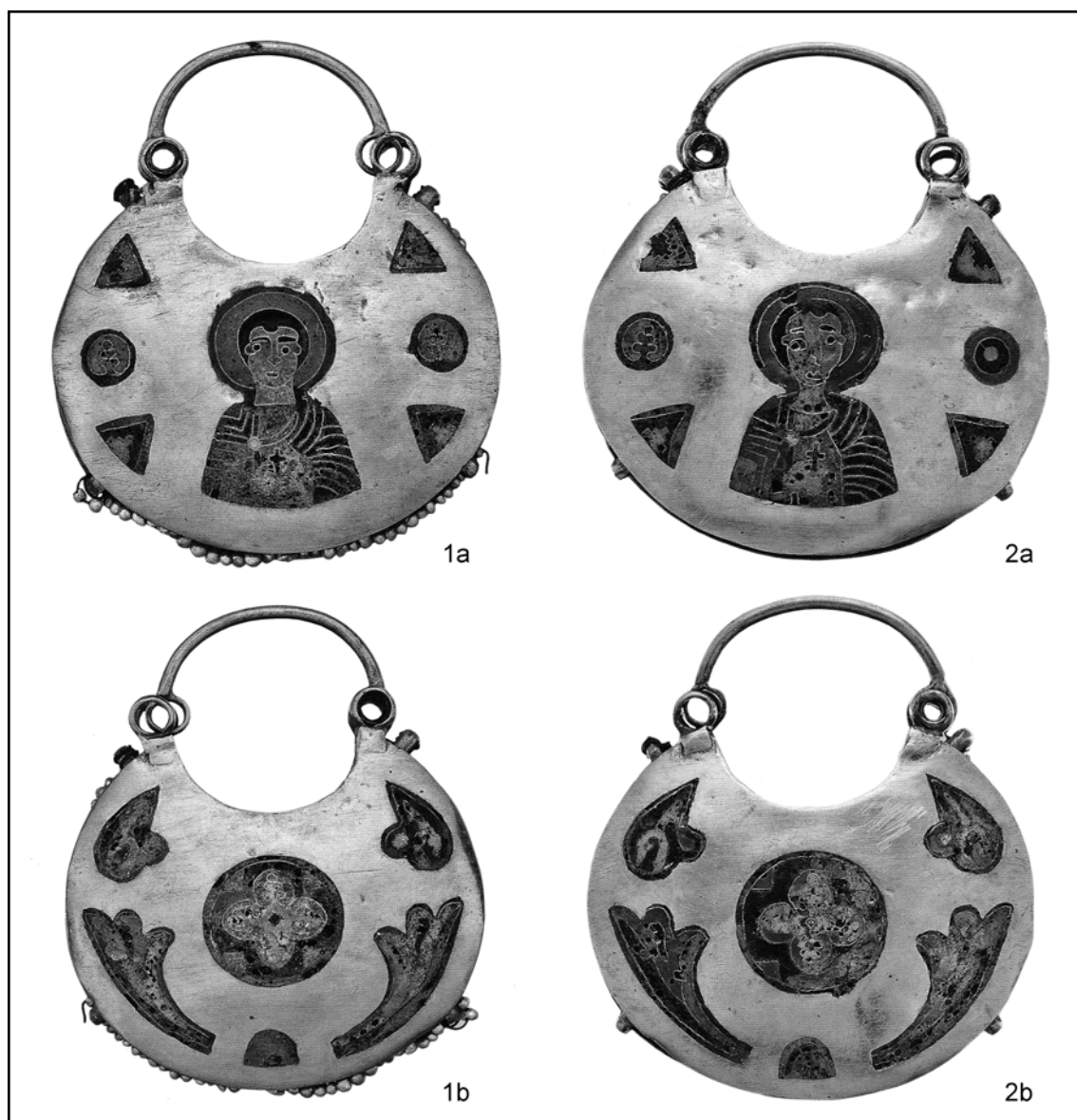


Рис. 1. Колты с изображениями святых Георгия и Димитрия из клада, найденного у Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве в 1906 г. (по Pekarska 2011: 39—40).

Fig. 1. Pair of kolty with images of Sts. George and Demetrius from a hoard found opposite the gates of St. Michael Golden Dome Monastery in Kiev in 1906 (after Pekarska 2011: 39—40).

Парный колт исполнен менее искусно. Характер изображения святого Георгия, с юношеским ликом, существенно отличается. Золотые линии, очерчивающие нимб, волосы и лоб местами разорваны и частично залиты эмалью. Овал лика с левой стороны нарушен выступающей за его контур линией, поэтому утрачена его пропорциональность. Брови расположены широко друг от друга, одна с прерванной линией. Глаза — на разном уровне, что привело к утрате симметричности, и выполнены по-разному. Траировка правого глаза довольно правильная и полная, представляющая радужку со зрачком, левый глаз представлен только зрачком. Губы, с прерванной лини-

ей на узком подбородке, выглядят большими и расположены низко. Нос обозначен короткой волнистой линией, что изменяет всю конфигурацию лика. Его правая сторона заполнена розовато-матовым тоном эмали, а левая имеет матово-желтоватый тон. Шея утончённая и длиннее, чем у парного изображения. Волосы слегка волнистые, спадающие на лоб с боку. Их колористическая гамма с правой стороны черная, а с левой комбинирует черно-коричнево-желтые тона. Эмаль нимба также варьирует от изумрудного до синего цвета. Направление золотых линий-перегородок на мантии аналогично парному колту, но расстояние между ними шире и количество их

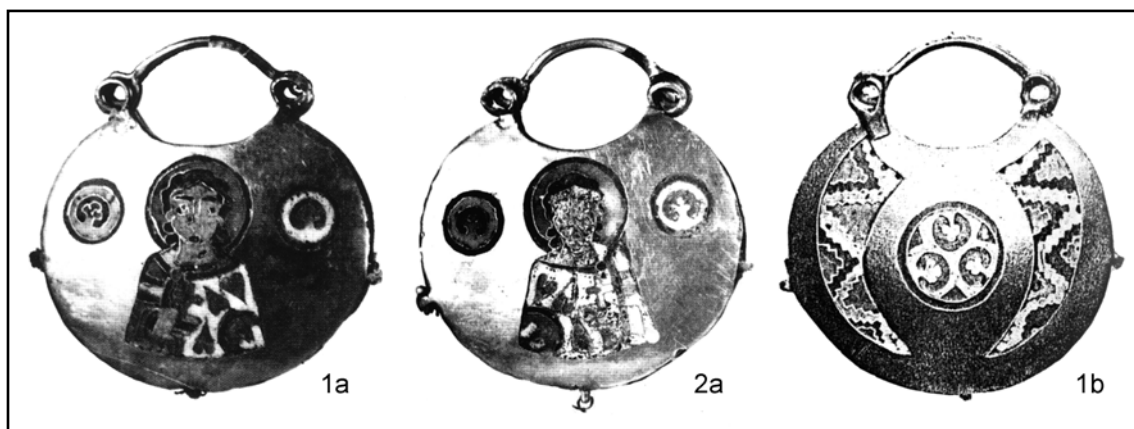


Рис. 2. Колты с изображениями святых Георгия и Димитрия из клада, найденного во время раскопок на усадьбе Десятинной церкви в Киеве в 1911 г. (по Pekarska 2011: 110, Pl. 5: 23)

Fig. 2. Pair of kolty with images of Sts. George and Demetrius from a hoard found during excavations of the Desyatinnia Church in Kiev in 1911 (after Pekarska 2011: 110, Pl. 5: 23)

меньше. На поверхности частичные утраты верхних слоев эмали. Правая рука святого, держащая крест, выделена, скорее, тоном эмали, так как использована только одна золотая линия, очерчивающая верхний контур ладони и большой палец.

Орнамент в миниатюрных геометрических формах по сторонам фигуры святого также не идентичен парному колту. Вместо рисунка пятилепесткового крина в кругу, появились две круговые линии с одной соединяющей их, заполненные черной, белой и красной эмалью. Такой рисунок было значительно проще исполнить.

В этой паре колтов святой Димитрий изображен очень тщательно, хотя ему возможно не хватает некоторой классической правильности. Образ же молодого Георгия частично искажен, черты его асимметричны в связи с тем, что при обжиге тонкие золотые перегородки вместе с эмалью не удались. Если бы колт изготовлял опытный мастер, то ситуацию можно было без ущерба для изделия исправить — частично выломать и переделать, припаяв новые полоски листового золота, чтобы улучшить черты лика. В легкой технике перегородчатой эмали это допускалось (Тенишева 1930: 21—22).

Следующая пара золотых с эмалью колтов с изображением святых мучеников, известна из клада, найденного во время раскопок на усадьбе Десятинной церкви, проведенных архитектором Д.В. Милеевым в 1911 году. К сожалению, они не сохранились (погибли во время эвакуации коллекций Харьковского исторического музея в 1941 году) и известны только по отчету Археологической комиссии и архивным фотографиям (ОИАК 1914:

62, 96, рис. 100: а, б; 101; Корзухина 1954: 109, №69) (рис. 2).

На колтах изображены святые в юном возрасте, с темными волнистыми волосами до плеч. Нимбы узкие. Отсутствие у них таких атрибутов, как головные уборы (княжеские шапки), присущих святым Борису и Глебу, также способствуют их определению как Димитрия и Георгия.

Лики святых большие, с крупными чертами лица, и выполнены довольно тщательно. Узкий лоб, учитывая волнистую линию волос, приобрел треугольную форму. Четко очерчены золотой линией широкие черные брови, длинный нос заканчивается тремя выступами, большие глаза с темными зрачками, смотрящими в сторону. Уши трактованы двумя выступами по сторонам на уровне ниже глаз. Маленькие губы расположены низко, прямо на линии овала подбородка, который, как и линия шеи, определен нечетко. Согласно христианской иконографии, святые облачены в мантии, скрепленные фибулой на плече. Они белого цвета, декорированы крупным сердцевидным орнаментом, возможно, символизирующим листья плюща. Такая крупная орнаментация лишена изящности и выглядит несколько простовато. Примитивна и трактовка рук, преувеличенными и плохо разработанными пальцами, в которых святые держат маленькие четырехконечные кресты.

Для уравнивания пространства золотого фона по сторонам их фигур, на уровне нимба, мастер расположил миниатюрный круг с трехлепестковым цветком крина внутри. Обратная сторона также не перенасыщена формами, но выполнена довольно тщательно. В центре миниатюрный медальон,

орнаментация которого разработана тремя кринами и треугольниками. По сторонам медальона дуговидные фигуры, густо и детально заполненные городками в цветной эмали.

В связи с тем, что колты не сохранились, судить о качестве работы можно только по архивным фотографиям. В специальном исследовании Т.И. Макаровой, посвященном золотым украшениям в технике перегородчатой эмали, автор, ссылаясь на прекрасные негативы, сохранившиеся в Эрмитаже, представила хорошо прорисованные черты ликов обоих святых (Макарова 1975: 35, табл. 4, №5—7). Мы располагаем фотографиями другого архивного фонда, на которых изображение лика одного из святых повреждено и черты его лица практически не передаваемы, в связи с плохой сохранностью (ФА ИИМК РАН, негативы: II 35035 №16202; II 35036 №16202). В этом колте допущена иконографическая неточность, оставшаяся без внимания исследователей. Здесь мастер исполнил зеркально, относительно своего образца (то есть парного колта), повернутое в плоскости изображение одежды. Поэтому святой держит крест в левой руке, а не в правой, а его мантия скреплена фибулой на левом плече, вместо правого. Линия верхнего края мантии на левом плече совпадает с линией нимба.

Киевские мастера старались следовать византийской иконографии изображения, но, не имея достаточного опыта, допускали отступления от правил. В этой паре, как и в описанной выше из клада 1906 г., один колт выполнен более профессионально, а второй менее. Несмотря на техническую простоту орнаментации одежды, допущенные отклонения от правил, частичную утрату и потерю художественное качество этих изделий было очень высоким. Б.В. Фармаковский так писал об этой находке, 30 августа 1911 г.: «серьги золотые с эмалью и цепями (тоже золотыми) удивительно стильны и роскошны. Конечно эти украшения принадлежат комунибудь из княжеской фамилии XIII в.» (ЦГИА РФ. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 356. Л. 107).

К наиболее красочным по уровню исполнения относится пара колтов из коллекции Эрмитажа (инв. №1021/9, 10) с аналогичными изображениями святых из клада, найденного на Александровской площади в Чернигове в 1887 г. (ОИАК за 1887: СХСIX; Кондаков 1896: 122—124, табл. XI; Толстой, Кондаков 1897: 118; Корзухина 1954: 137—138, №149). Они довольно яркие и колоритны, с хорошо сохранившейся на лицевой стороне эмалью, но меньше других по своему размеру (3,7×2,8 см; 3,8×2,7 см). Возможно, размер

был мастеру задан или он был ограничен в ценном сырье. Изображения Георгия и Дмитрия почти тождественны (рис. 3). Некоторые ученые считали, что они идентичны и различаются только по рисунку крестов и золотым шнуром, перевязывающим волосы на макушке одного святого (Толстой, Кондаков 1897: 118). Однако отличий в этих изображениях значительно больше.

Лики юных святых, с волнистыми волосами и локонами на шее, с зигзагообразной золотой линией на голове, условно представляющей венец, чрезвычайно похожи друг на друга. Их тон темноват, но крупные черты тщательно разработаны: большие глаза с темными зрачками и белой радужкой, тонкие длинные брови, ровный удлинённый нос, заканчивающийся тремя выступами, изящно и точно очерчены губы. Уши трактованы по-разному: на лучше сохранившемся колте, короткими петлеобразными выступами по бокам, а на парном экземпляре иначе. Здесь впервые встречается любопытный прием исполнения — легкой фигурной линией, отдаленно напоминающей ушную раковину, больше не встреченный в колтах с изображением ликов. В более совершенном виде этот прием использован в золотом медальоне с изображением Христа из клада, найденного в с. Сахновка на Киевщине в 1900 г.

Трактовка деталей облачения отражает утрату мастером чувства объема и пространственности, превратив их в сплошной орнаментальный массив. Здесь нет четкой границы между хитом и мантией, которая обычно накинута с левого плеча и застегнута фибулой на правом. Вся левая часть одеяния заполнена белой эмалью с миниатюрными кругами красной эмали и сердцевидным орнаментом (условные листья плюща). Правая сторона в темно-синем фоне, которым, очевидно, обозначен хитон, сливающийся с белым цветом мантии. По-разному трактовано одеяние в области шеи (ровная линия на одном и волнистая на другом); «рукав» правой руки и крест — короче и шире на одном и длиннее, с более тонкими пропорциями, на парном. Использованные белой эмали, включая орнамент дуговидных фигур, превалирует на одном и меньше на парном.

В этой паре отсутствует система драпировок одеяния, которая разбивает площадь на мелкие ячейки, чем укрепляет эмаль и помогает придать фигуре движение. Эту систему заменяет контрастное сочетание наиболее характерных цветов эмали киевских украшений — синий, зеленый, красный и белый, блестящих, как драгоценные камни, и создающих



Рис. 3. Колты с изображениями святых Георгия и Димитрия из клада, найденного в Чернигове в 1887 г. (по Pekarska 2011: 111, Pl. 5: 24).

Fig. 3. Pair of kolty with images of Sts. George and Demetrius from a hoard found in Chernihiv in 1887 (after Pekarska 2011: 111, Pl. 5: 24).

яркий узор на золотой поверхности. Использовано только несколько полос с левой стороны облачения, с довольно широким расстоянием, заполненным красной эмалью.

По мнению некоторых исследователей, страсть к пестроте и яркости, использование всех цветов в одинаковой пропорции присущи киевским эмальерам. Иногда даже изображения святых не отличались сдержанной цветовой гаммой (Макарова, Плетнева 1968: 104). Такие черты мы наблюдаем в этой паре.

Н.П. Кондаков объяснял использованную в одеянии святых белую эмаль нехваткой красок у мастера и отмечал, что белые мантии у Георгия и Димитрия никогда не встречаются и неизвестны в памятниках византийского

искусства (Кондаков 1896: 123). Действительно, до черниговской находки среди известных изделий не было примеров, опровергающих этот вывод. Однако в 1911 г. были обнаружены колты с аналогичным сюжетом и трактовкой рисунка одежд, где также использована белая эмаль. Важно отметить, что белый цвет, наряду с синим, относится к основным тонам киевских эмалей. По данным исследователей, он использован в 72% изделий, а красно-бордовый — в 85% (Макарова, Плетнева 1968: 104, 106, рис. 3). Встречается он и на византийских изделиях с эмалью (Согмаск, Vassilaki 2008: 102, 104—105, 281).

Замыкают малочисленную группу колтов этого типа две пары, найденные в составе кла-

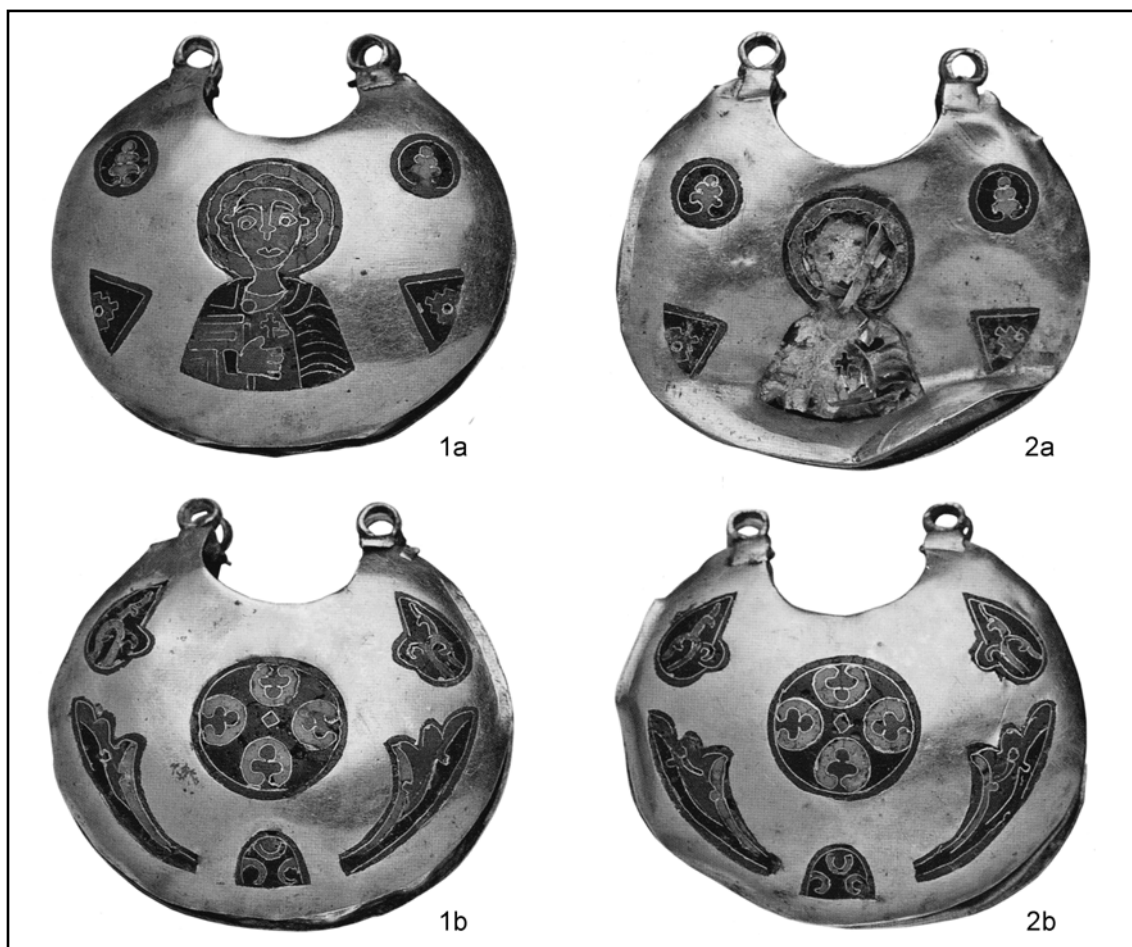


Рис. 4. Колты с изображениями святых Георгия и Димитрия из клада, найденного во Владимире в 1865 г. (по Pekarska 2011: 112, Pl. 5: 25)

Fig. 4. Pair of kolty with images of Sts. George and Demetrius from a hoard found in Vladimir in 1865 (after Pekarska 2011: 112, Pl. 5: 25)

дов во Владимире. В литературе почему-то прочно утвердилось мнение об их примитивности и недостатке художественного мастерства. Некоторые исследователи сравнивали орнаментацию владимирских колтов с грубым их монтажом, отмечали внутреннюю отделку фигур как примитивную и неизящную (Макарова 1975: 34—35), цветовую гамму считали бедной и приходили к выводу, что эти изделия «не идут ни в какое сравнение с киевскими и рязанскими», что «в них чувствуется рука не очень умелого провинциального мастера» (Макарова Плетнева 1968: 107—109). Эти выводы представляются нам несколько строгими и недостаточно обоснованными.

Первая владимирская пара колтов, из коллекции Эрмитажа (инв. №ERA-11/1,2), обнаружена в клада на территории Ветшаного Города в ноябре 1865 г. (Кондаков 1896: 109; Толстой, Кондаков 1897: 109—110, рис. 156—159; Гущин 1936: табл. XVII: 11, 13; Корзухина 1954: 146, №167). Колты имеют несколь-

ко овальную форму (5,5×3,7 см; поперечная полоса 0,05 см; толщина чуть больше 2,0 см) (рис. 4).

Бюсты святых расположены фронтально. Контуры всех декоративных форм выполнены с помощью трафарета, кольцевой след которого прослеживается на поверхности обеих сторон. По своему стилю, содержанию и орнаментальным мотивам они подражают колтам из киевского клада, найденного в 1906 г. Рисунок тонких золотых линий не такой уверенный и точный, как на киевских, и местами прерывается. Это хорошо просматривается в линии нимба и очертании лица. Мастер, без сомнения, очень старательно копировал киевский образец и старался показать все свое мастерство рисунка и его исполнения.

Линии дуговидных бровей, заполненных темной эмалью, переходят в ровный, несколько укороченный нос, заканчивающийся тремя выступами. Глаза ему удалось выполнить в полном их виде, с белками, заполненными

белой эмалью, и большими темными зрачками (правый чуть ниже). Большие, фигурные губы заполняет красная эмаль. Шея утонченная, волосы волнистые. К неудачному приему можно отнести трактовку ушей. Короткие выступы по сторонам, на уровне глаз, выложены не плавной линией, направленной вниз, а перпендикулярно лику. Золотые драпировки мантии, скрепленной фибулой на правом плече, в полной мере повторяют киевский образец. Это относится и к пальцам руки, держащей четырёхконечный крест. Большой палец получился слишком вытянутым, и от недостатка нужных перегородок крест выглядит парящим в воздухе и оторванным от ладони.

Основные тона эмали — синий, зеленый темно-красный, бледно-голубой и пепельный. В целом они представлены блекло-приглушенными оттенками и не создают сочного колорита на золоте. Это состояние можно объяснить как природными факторами, так и качеством эмали. Если бы причина состояла в первом, то они бы повлияли на состояние обоих колтов в одинаковой мере. Однако сохранность описанного выше колта хорошая, хотя и без блеска, а в парном изображении святого повреждено и не поддается описанию. Возможно, к причинам можно отнести качество и состав эмали, которым не хватало определенных элементов для ее устойчивости. К этому могло добавиться и низкое процентное содержание золота, плохо удерживающего эмаль.

Сопровождающий фигуры святых растительно-геометрический орнамент также заимствован из киевского образца 1906 г. Во избежание сходства, по сторонам фигуры святого мастер выполнил только четыре декоративных элемента (круг с пятилепестковым кривом и треугольник с городками) вместо шести, показанных на киевской паре.

Композиция геометрических форм оборотной стороны полностью совпадает с киевским образцом. И все-таки они не тождественны.

Отличие состоит в разработке орнамента центрального медальона, где трехлепестковые кривы в кругах обращены своими верхушками к миниатюрному ромбу в центре. На киевском экземпляре декоративный мотив центрального медальона значительно сложнее. Разработка золотыми линиями растительного орнамента в остальных формах несколько проще, но выполнена четко. Трудно сказать, была ли изначально предусмотрена в этой паре жемчужная обнизь и петли для нее, или они просто не уцелели. Н.П. Кондаков отмечал едва приметные остатки петель возле

дужки, но сомневался, была ли в действительности в этой паре жемчужная обнизь (Кондаков 1896: 109).

В конце XIX в., спустя 30 лет после находки колтов, фактуру их эмалей считали тождественной эмалям Рязанского клада 1822 г., а сами изделия — работой северных мастерских Суздальской или Муромо-Рязанской области, отмечая отличную сохранность эмалей, которые «местами не лишились даже первоначальной шлифовки и блеска» (Кондаков 1896: 110). Разрушенной на колтах была коричневая эмаль волос, поблек бледно-бирюзовый цвет нимбов и хитонов, но синяя, светло-зеленая и красная отлично сохранились. Сравнивая изображения святых на владимирских колтах с аналогичными на Мстиславовом Евангелии (XII—XIII вв.), которые Кондаков считал грубее, он относил пару колтов к эпохе, более ранней.

К моменту выхода в свет книги Н.П. Кондакова (1896) еще не были открыты киевские клады, содержащие аналогичные украшения. Спустя столетие накопился огромный материал, и благодаря сравнительному анализу многих украшений киевских кладов были установлены приемы композиции и орнамента, относящиеся к числу признаков, характеризующих работу киевской княжеской мастерской XI—XII вв. Стиль, рисунок и декор владимирских колтов (1865) заставляет предполагать, что они изготовлены в начале XII в. Выполняя заказ, мастер ориентировался на киевский образец княжеской мастерской и в полном объеме повторил тип его композиции, изменив только несколько элементов декора.

Исследователи подчеркивают отсутствие абсолютно одинаковых пар золотых колтов (Рыбаков 1948: 304—305, 379; Макарова, Плетнева 1968: 98—111; Макарова 1975: 11). Это свидетельствует о том, что трафарет использовался только для одного персонального заказа, а для следующего изготовлялся заново. Однако, есть исключения. Следы применения одного шаблона при изготовлении эмалей было зафиксировано Г.Ф. Корзухиной на китоцах золотой диадемы сер. XII в. из клада, найденного в 1889 г. в усадьбе Гребеновского в Киеве, на золотых медальонах из кладов, найденных в 1880 г. (Киев), 1900 г. (с. Сахновка) и 1891 г. (Княжа Гора). При помощи рисунка золотых линий мастер из одного силуэта мог делать разные изображения (Корзухина 1946: 45—54).

Анализируя и сопоставляя стилистические особенности изображений и растительно-геометрического рисунка этой группы

колтов, представляющей одних и тех же святых, мы пришли к выводу, что мог повторяться трафарет полной композиции, если не тот же, то его копия. Мастер также использовал отдельные, уже известные из других трафаретов мини-формы, дополняющие главное изображение.

К примерам, подтверждающим вышесказанное, относятся оборотные стороны владимирских (1865) и киевских (1906) колтов, имеющих аналогичную композицию. В центре — миниатюрный медальон в окружении листовидных форм с растительными побегами, стилизованными листьями аканта (символа триумфа и преодоления жизненных испытаний), между которыми полуовал. Отличают их детали внутренней разделки центральных медальонов.

В колтах из Чернигова (1887) и Киева (1911) использованы формы дуговидных фигур, одинаково разработанных городками. В черниговской паре они присутствуют с обеих сторон, а в киевской только на оборотной. Но несмотря на использование одинаковых элементов, отличает оборотные стороны колтов центральная композиция.

Поэтому совершенно верно отметила С.С. Рябцева в своей фундаментальной работе, посвященной проблеме происхождения и распространения ювелирных украшений, их типологии, различным аспектам взаимодействия традиций ювелирного дела, что при общности исходной формы украшения на рубеже XI—XII вв. возникло многообразие декоративных решений (Рябцева 2005: 173—198, 234).

Представленные золотые колты изготовлены с использованием трафарета, применение которого требовала сложность техники и процесса изготовления перегородчатой эмали. После разработки им тонкого листа золота (путем оттиска или прорези) мастер должен был «насытить» содержанием композиционное однообразие созданных форм. В данном типе — чертами лица, одеянием, растительно-геометрическим орнаментом, для чего существовала система приемов рисунка (укладки) тонких полос листового золота. В передаче одеяния использовался целый ряд вариантов укладки тонких полос — углы, ячейки, овалы, дуги, прямые линии, зигзаги, спирали, орнаментальные фигуры. Эти системы приемов, свободные и геометрические, были детально классифицированы (Макарова 1975: 14—15, рис. 3). Большое значение имела и частота полос. Чем мельче был рисунок, тем работа была сложнее, детальнее и требовала более высокого мастерства.

Эта группа колтов с изображением святых мучеников Георгия и Дмитрия — одних из самых почитаемых в христианской традиции защитников и воинов, имеет сходную общую структуру, много аналогичных черт и приемов в изображении ликов святых. Они наделены чертами реализма и живописности, присущими монументальной живописи XI в., и в целом демонстрируют высокое качество изготовления.

Учитывая удивительную последовательность исполнения (один колт высокого качества, другой выполнен менее квалифицированно), есть достаточно оснований предполагать, что заказ одной пары колтов могли изготавливать главный мастер, который в совершенстве владел этой техникой, и его помощник, постигающий навыки, умение ювелирного дела и технику эмали. Этим может объясняться стилистическое сходство драгоценных изделий и их отличия в деталях разработки ликов и декора одежды, тонов эмали и ее прочности.

В митрополичьем саду Киево-Печерской лавры раскопками 1951 г. были обнаружены остатки мастерской конца XI в. по производству стекла и смальты, с которой связывали изготовление колтов с изображениями святых. Было найдено много слитков стекла, цветной смальты, также в виде кубиков для мозаичных изображений, обломков стеклянных сосудов, тиглей и поливных плиток, кусочков свинца и серы. Однако, среди находок ни разу не встречались остатки производства украшений, стеклянных браслетов, перстней или фрагментов инструментария. Это свидетельствует в пользу монастырского характера данной мастерской, где производилось местное стекло и смальта для потребностей монументального строительства в Киеве (Богусевич 1954: 14—20).

Остатки нескольких ювелирных мастерских, где изготавливались подобные золотые изделия в сложной технике перегородчатой эмали, с большими кусками эмалевой массы и ее следами в тиглях и горнах, бронзовым шаблоном для колтов, найдены в центральной части древнего Киева, на территории великокняжеского двора (ИИАК 1908: 29; Хвойко 1913: 70—71; Каргер 1958: 391, 397—402). Там же работали мастерские по изготовлению поливной керамики, также выявленные раскопками. О взаимных контактах и связях между этими мастерскими говорит устойчивое единство орнаментальных элементов их продукции.

Например, основные элементы геометрического и растительного орнамента, присущего всем четырем описанным выше парам



Рис. 5. Колты с изображениями святых Георгия и Феодора (?) из клада, найденного во Владимире, 1896 г. (по Pekarska 2011: 113, Pl. 5: 26)

Fig. 5. Pair of kolty with images of Sts. George and Theodore (?) from a hoard found in Vladimir in 1896 (after Pekarska 2011: 113, Pl. 5: 26)

колтов, имеют много общего с росписями киевской поливной керамики. Так, четыре треугольника по кругу, обращенные вершинами к центру и заполненные городками на лицевой стороне колтов (1906), аналогичны мотиву орнамента на поливной киевской чаше (Шелковников 1955: 170, рис. 1). На двух других парах, из кладов 1911 и 1887 гг., дуговидные фигуры тщательно разработаны городками, цветовая гамма которых на золоте аналогична расписанному цветными эмалями городчатому орнаменту на киевской чаше X—XI вв. (Жук 1930: 9—10).

Выбор святых, изображенных на роскошных украшениях из драгоценных металлов, вероятно, не был случаен. Они обычно ассоциировались с конкретными историческими личностями, которых особенно почитали и которым поклонялись на Руси. Вполне вероятно, они могли быть святыми покровителями одной из разветвленных ветвей княжеской династии, или представителей высшей аристократии. Культ этих святых получил широкое распространение на Руси в XI веке во времена правления князя Ярослава Мудрого (1019—1054), христианским именем и святым покровителем которого был Георгий, и его сына Изяслава (1054—1078), названного при крещении Димитрием, который был его святым покровителем.

В этот период в Киеве, главном торгово-ремесленном и культурном центре Руси, в честь этих святых были построены церкви. Им поклонялись, в их честь создавались мозаики, фрески, рельефы, их изображали на различных предметах декоративно-прикладного искусства. Среди них и золотые колты с изображениями Георгия и Димитрия, местом из-

готовления которых были ювелирные мастерские великокняжеского двора в Киеве.

Последняя пара этой группы колтов, хранящаяся в коллекции ГИМ (инв. №36209/III. Арх. отд. ОДМ 297), найдена в кладе на территории Кремля во Владимире в 1896 г. (Гущин 1936: 74—75, табл. XX: 2 а, б; Корзухина 1954: 146—147, №168). По своему размеру они меньше предыдущих (4,2×3,4 см; 4,15×3,35 см) (рис. 5).

В центре изображены фигуры святых мучеников с нимбом вокруг головы и крестом в правой руке. По сторонам фигур — орнаментальный декор тончайшей золотой линией в виде миниатюрных пятилепестковых кринов, изящно исполненных. Они заполнены бордового цвета эмалью, вписаны в синий круг и окантованы бордовой линией (по два с каждой стороны). Крин — символ чистоты, беспорочности и добродетели, который присутствует на всех колтах этой группы, занимает важное место в христианской символике и упоминается в священном писании. Он стал неотъемлемым атрибутом изделий, связанных с мыслью о беспорочности и святости. Так, по сторонам лика мученика, при отсутствии надписи, он заменял слово «святой», — одинаковым образом, как крест в руках заменял слово «мученик» (Уваров 1910, 1: 264—265).

Иконография святых этой пары отличается от предыдущих. Черты ликов выложены тончайшими линиями золота, местами неуверенными. Широкая голова переходит в узкий лик. Густые, волнистые волосы заполнены черной эмалью. Хорошо наведенные черные брови расположены высоко (правая чуть выше на одном), их линия переходит в утон-

ченный, ровный и удлинённый нос. Глаза, на одном уровне, имеют полную форму с белком, заполненным белой эмалью, и большими черными зрачками. Большие губы в красной эмали несколько преувеличены для мелкой пропорции лица. Небольшой выступ с правой стороны ниже уровня глаз символизирует ухо, левое предполагается закрытым волосами, в парном оба видны. Черты лиц святых утонченные и выглядят даже несколько хрупкими. Шеи изящные и тонкие, нимб бирюзового цвета, окантован бордовой эмалью. Пальцы рук, держащих небольшой, тонкий и длинный четырёхконечный крест, неплохо разработаны золотыми линиями (в одном колте лучше). Святые облачены в желтого цвета хитоны с накинутой синей мантией с красной окантовкой. Мантия украшена вертикальной линией сердцевидного орнамента в белой эмали. На парном колте к этому орнаменту добавлен еще кружковый (жемчужные точки). На плечах по две дуговидные складки, симметрично расположены, застежка отсутствует. В обоих колтах прослеживается попытка мастера соединить полы мантии в соответствии с канонической традицией. Об этом свидетельствует манера их накидки на плечи: с правой стороны — более узкая, а с левой — несколько шире. В одном колте верхний край мантии поднимаясь к шее доходит до верхушки креста, в парном подобная линия прервана из-за отсутствия необходимых перегородок-ячеек.

Дизайн оборотной стороны не отличается сложностью композиционного решения. Здесь использована только одна геометрическая форма круга — миниатюрный медальон в центре окружают шесть маленьких кругов, разработанных тончайшими круговыми линиями. Чем меньше была площадь, тем сложнее было мастеру разместить разные по размеру и форме фигуры и разработать их рисунок тонкими полосками золота.

Иконография изображений святых очень отличается от предыдущих и сильно тяготеет к изображениям мучеников на drobницах-киотцах оклада Мстислава Евангелия (Декоративно-прикладное... 1996: 151—154, 458, кат. №13). Особенное сходство проявляется в изображениях святых Феодора и Георгия (?). У них такой же широкий лоб и утонченный лик телесного цвета с черными волнистыми волосами, нимбы бирюзового цвета, большие губы, фигурно выложенные. Иконография изображения святого Димитрия (?) несколько отличается более округлым овалом лица и гладкими волосами, спадающими к шее.

Важное наблюдение сделала Т.И. Макарова, которая не только собрала, но и исследовала художественную сторону древнерусских изделий с перегородчатой эмалью. Исследовательница отметила, что шесть киотцев, которые она датировала XII — нач. XIII вв., первоначально имели другое назначение. Учитывая их форму и наличие с боковых сторон на сгибах мелких отверстий для крепления, они могли быть частью княжеского облачения и использоваться как диадема или в сочетании с другими украшениями (Рыбаков 1951: 424, рис. 208; Макарова 1975: 76—78). Вероятно, киотцы были в употреблении определенный период времени, и это их вторичное применение. Г.Н. Бочаров относил серебряные позолоченные киотцы с эмалью ко 2-й пол. — концу XII в. (Бочаров 1984: 212).

Такая датировка, на наш взгляд, больше соответствует времени изготовления данных изделий, сохранивших высокий уровень и технику перегородчатой эмали, но уже на золоченом серебре.

Первоначальный оклад Евангелия, заказанного в Константинополе сыном Владимира Мономаха — князем Мстиславом-Феодором, не сохранился. Украшающие его тринадцать drobниц в технике перегородчатой эмали (золото, серебро, золочение) были изготовлены в разный период и разными мастерами. Из них две drobницы византийской работы в XI в., остальные датируют XII — нач. XIII вв. и связывают с новгородской школой, хотя шесть киотцев, по контрастности сочетания цветов, исследователи приближают к киевским (Макарова, Плетнева 1968: 110).

Исходя из деталей оформления и разработки колтов из клада 1896 г., есть основания предполагать, что мастер был знаком с киевскими изделиями, по примеру которых создал композицию лицевой и оборотной сторон. Однако, примером иконографии для него служили другие образцы.

Учитывая типичность лиц и сходство элементов орнамента облачения святых мучеников на владимирских колтах с аналогичными на киотцах оклада Мстислава Евангелия, можно предположить, что последние служили образцами. Иконография созданных мастером образов наиболее близка изображениям святых мучеников Феодора и Георгия.

Имя Феодора очень почиталось в княжеской семье Новгорода на протяжении всего XII века. Сочетание святых Георгия и Феодора, патронов сыновей князя Юрия Долгорукого, было прослежено В.Л. Яниным по новго-

родским печатям 1130—1150-х годов (Янин 1970: 120).

Принимая во внимание традиционную для киевских колтов, но уже отходящую во 2-й пол. XII в. композицию (возможно, поэтому не использованную в полноте форм) и иконографию, близкую Феодору и Георгию на киотцах оклада Мстиславова Евангелия, уменьшенный размер золотых изделий, что могло быть связано с нехваткой дорогого сырья, мы склоняемся к мнению, что вторая пара владимирских колтов (1896) могла быть изготовлена не позднее 3-й четв. XII в. в Киеве или Новгороде.

Вряд ли можно говорить об эмалевом производстве в этот период во Владимире, что должно было бы подтверждаться разнообразными остатками его деятельности, отходами производства и фрагментами инструментария, и находками изделий в этой технике.

Состав кладов, в которых найдены владимирские колты, состоят из другого типа украшений, не однородных и преимущественно серебряных. Несколько золотых вещей на их фоне выглядят «чужими» и привнесенными искусственно. Конечно, ценности накапливались постепенно, и они могли попасть в эту группу как переданные по наследству, а возможно, были присвоены в результате грабежей во время смены власти, восстаний, разорения городов и т. п.

Во 2-й пол. XII в. Киев, терявший свое значение, но все еще остававшийся культурно-политическим и религиозным центром Руси, где жил митрополит и находились главные

храмы и монастыри, подвергался многочисленным грабежам и разорениям. К наиболее опустошительным относятся нападения войск Мстислава, сына владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского, взявших Киев штурмом и грабивших его два дня (1169 г.), и ратей владимирцев, суздальцев и ростовчан, которых возглавил Андрей Боголюбский (1171 г.). Масштабы разорения были огромны, три дня грабили Киев, его церкви, монастыри и дворцы, забирая иконы, книги и ризы, как упоминает Лаврентьевская летопись.

Рассмотрение всех известных нам колтов с изображениями святых, ценных образцов в технике перегородчатой эмали XI—XII вв., позволяют сделать вывод о том, что эти дорогие изделия были результатом и отражением нового христианского искусства. Местные мастера, не имея многолетнего опыта и традиций в создании тончайшими золотыми линиями иконографического рисунка, усердно постигали его, внедряли некоторые новшества, отходя от принятых стандартов, которые иногда могли восприниматься исследователями как ошибки, — все это характеризовало местное производство и способствовало его развитию.

Высокий художественный уровень колтов, украшенных эмалью и жемчугом и обнаруженных исключительно вкладах, не вызывает сомнения об их принадлежности к великокняжеской среде, где особенно активно усваивались элементы византийской культуры и придворного церемониала.

Литература

- Богусевич В. А. 1954. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. По материалам раскопок 1951 г. КСИИЗ, 14—20.
- Бочаров Г. Н. 1984. *Художественный металл Древней Руси*. Москва: Наука.
- Гуштин А. С. 1936. *Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв.* Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.
- Декоративно-прикладное... 1996: Стерлигова И. А. (отв. ред.). 1996. *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века*. Москва: Наука.
- Жук Б. К. 1930. *Керамічний пам'яток Київського дитинця*. Київ: Видання музею мистецтва ВУАН.
- ИИАК 1908: *Археологическая хроника. Киевская губерния*. 1908. ИИАК. Прибавление к выпуску 26. Санкт-Петербург: ИАК.
- Каргер М. К. 1958. *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города* 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кондаков Н. П. 1896. *Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода* 1. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Корзухина Г. Ф. 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X—XIII вв. КСИИМК 13, 45—54. Москва: АН СССР.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Макарова Т. И. 1975. *Перегородчатые эмали Древней Руси*. Москва: Наука.
- Макарова Т. И., Плетнева С. А. 1968. О центрах эмальерного дела древней Руси. В: Крупнов Е. И. (отв. ред.). *Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова*. Москва: Наука, 98—111.
- ОИАК за 1887: *Отчёт Императорской археологической комиссии за 1887 г.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- ОИАК за 1911 год: *Отчёт Императорской археологической комиссии за 1911 г.* 1914. Петроград: Типография Главного управления уделов.
- Пекарская Л. В. 2010. Новые данные о киевском кладе 1906 г. В: Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию

- со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург: Нестор-История, 249—255.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло древней Руси*. Москва: АН СССР.
- Рыбаков Б. А. 1951. Прикладное искусство и скульптура. В: Греков Б. Д., Артамонов М. И. (ред.). *История культуры Древней Руси* II. Москва; Ленинград: АН СССР, 396—464.
- Рыбаков Б. А. 1971. *Прикладное искусство X—XIII вв.* Ленинград: Аврора.
- Рябцева С. С. 2001. *Древнерусский женский ювелирный убор IX—XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (основные тенденции формирования)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Тенишева М. К. 1930. Эмаль и инкрустация. *Seminarium Kondakovianum*. Прага.
- Толстой И., Кондаков Н. 1897. *Русские Древности в памятниках искусства*. Курганные древности и клады домонгольского периода V. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке.
- Уваров А. С. 1910. Суздальское оплечье. В: Уваров А. С. *Сборник мелких трудов* 1. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 261—281.
- Хвойко В. В. 1913. *Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам)*. Киев: Товарищество Е. А. Синькевич.
- Шелковников Б. А. 1955. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. СА XXIII, 169—182.
- Янин В. Л. 1970. *Актовые печати Древней Руси X—XV вв. 1. Печати X — начала XIII в.* Москва: Наука.
- Cormack R., Vassilaki M. 2008. *Byzantium 330—1453*. London: Royal Academy of Arts.
- Pekarska L. 2011. *Jewellery of Princely Kiev: The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material*. Monographien 92. London; Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum; Schnell und Steiner.

References

- Bogusevich, V.A. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 3, 14—20. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).
- Bocharov, G.N. 1984. *Khudozhestvennyi metall Drevnei Rusi (Ancient Russian Artistic Metal)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gushchin, A.S. 1936. *Pamiatniki khudozhestvennogo remesla drevnei Rusi X—XIII vv. (Artefacts of Artistic Craft of Early Rus' of 10th—13th Centuries)*. Leningrad: "Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Sterligova, I.A. (ed.). 1996. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyi metall XI—XV veka (Decorative Art of the Great Novgorod: Artistic Metal in the 11th — 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Zhuk, B.K. 1930. *Keramichnyi pam'yatok Kyivs'koho dytyntsa (Ceramic Artefacts of the Kiev Citadel)*. Kiev: Museum of Arts, All-Ukrainian Academy of Sciences (in Ukrainian).
- Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission). 1908. Addenda to the Issue 26. *Arkheologicheskaiia khronika. Kievskaiia guberniia (Archaeological Chronicle: Kiev Province)*. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).
- Karger, M.K. 1958. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Ancient Kiev: Essays on the History of Material Culture of the Ancient Russian City)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kondakov, N.P. 1896. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda (Russian Hoards. Study of Antiquities of the Grand Princes Period)* 1. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Korzhukhina, G.F. 1946. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 13, 45—54. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Korzhukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Makarova, T.I. 1975. *Peregorodchatye emali Drevnei Rusi (Ancient Russian Pliques-à-jour)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Makarova, T.I., Pletneva, S.A. 1968. In Krupnov, E.I. (ed.). *Slaviane i Rus'. K shestidesiatiletiu akademika Borisa Aleksandrovicha Rybakova (Slavs and Russia: on 60th Anniversary of the Academician Boris Rybakov)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Otchet arkheologicheskoi komissii za 1887 g. (Report of the Archaeological Commission for 1887). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Otchet arkheologicheskoi komissii za 1911 g. (Report of the Archaeological Commission for 1911). 1914. Petrograd: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Pekarskaia, L. 2010. In Peskova, A.A., Shcheglova, O.A., Musin, A.E. (eds., comp.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewellery and its Origins)*. Saint Petersburg. 10—16 aprelia 2006 g. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi (Crafts of Old Russia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1951. In Grekov, B. D., Artamonov, M. I. (eds.). *Istoriia kul'tury drevnei Rusi. Domongol'skii period (History of Culture of Ancient Rus: Pre-Mongol Period)* II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 396—464 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1971. *Russkoe prikladnoe iskusstvo X—XIII vekov (Russian Applied Art of 10th—13th Centuries)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2001. *Drevnerusskii zhenskii iuvelirnyi ubor IX—XIII vv. v kontekste evraziiskikh kul'turnykh svyazei (osnovnye tendentsii formirovaniia) (Early Russian Feminine Jewelry Set in the Context of Eurasian Cultural Relations: Main Development Trends)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Tenisheva, M.K. 1930. In *Seminarium Kondakovianum*. Prague (in Russian).
- Tolstoi, I., Kondakov, N. 1897. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva (Russian Antiquities in the Monuments of Art)* 5. *Kurgannye drevnosti i klady domongol'skogo perioda (Barrow Antiquities and Hoards of the Pre-Mongol Period)*. Saint Petersburg: Typography of A. Benke (in Russian).
- Uvarov, A.S. 1910. In Uvarov, A.S. *Sbornik melkikh trudov (Collected Small Works)* 1. Moscow: Typography of G. Lissner & D. Sobko, 261—281 (in Russian).
- Fotoarkhiv IIMK RAN (Photo Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences). Saint Petersburg (in Russian).
- Khvoiko, V.V. 1913. *Drevnie obitateli Srednego Pridneprov'ia i ikh*

- kul'tura v doistoricheskie vremena (po raskopkam) (Ancient Residents of the Middle Dnieper Area and Their Culture in Prehistoric Times: by the Excavations Data)*. Kiev: "E. Sin'kevich" Publ. (in Russian).
- Shelkovnikov, B.A. 1955. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 169—182 (in Russian).
- Yanin, V.L. 1970. *Aktovye pečati Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia, 10th—15th Centuries)* 1. *Pečati X — nachala XIII v (Stamps of 10th — Early 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Cormack, R., Vassilaki, M. 2008. *Byzantium 330—1453*. London: Royal Academy of Arts.
- Pekarska, L. 2011. *Jewellery of Princely Kiev: The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material*. Monographien 92. London; Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum; Schnell und Steiner.

Статья поступила в сборник 1 марта 2020 г.

Ljudmila Pekarska (London, Great Britain). PhD. The Shevchenko Library & Archive¹.

Пекарская Людмила Вячеславовна (Лондон, Великобритания). Ph.D. Библиотека и Архив им. Т. Шевченко.

E-mail: Ljudmila_p@hotmail.com

Address: ¹ Linden Gardens, 49, Notting Hill Gate, London, W2 4HG, Great Britain

I. Tentiuc, V. Bubulici

Early medieval miniature axes in Carpathian-Dniester region. The issues of dating, origin and functionality

Keywords: Carpathian-Dniester region, early Middle Ages, miniature axes, iron, bronze, dating, origin, functionality, semantics

Ключевые слова: Карпато-Днестровский регион, раннее средневековье, миниатюрные топоры, железо, бронза, датировка, происхождение, функциональность, семантика

I. Tentiuc, V. Bubulici

Early Medieval Miniature Axes in Carpathian-Dniester Region. The Issues of Dating, Origin and Functionality

The article considers the iron and bronze miniature axes of the early medieval times found in the Carpathian-Dniester space. These artifacts belong to the category of objects found in different regions of Northern, Central and Eastern Europe, as well as in the southeast of the continent, which date back to the 9th/10th—12th centuries. This period is characterized by a gradual warming of the climate, significant economic and demographic development of Europe, as well as a sudden increase in the activity of the Vikings, who combined armed attacks with trade activities, controlling the East European trade routes along the rivers to the Baltic Sea and the Black Sea. The spread of Christianity, the apocalyptic fear of the approach of the year 1000 and the end of the world, the spread in Scandinavia of the cult of St. Olaf (Haraldson), the Norwegian king killed by the axe (1030), which became a symbol of his martyrdom and an iconographic attribute, gave rise to new waves of pilgrimage to the Holy Places. The routes of pilgrims who carried miniature axes with them could cross the regions east of the Carpathians, where other objects associated with the pilgrimage were discovered. It should be noted that the weight of miniature axes practically coincides with the fractions of the Baghdad "ounce" of the 9th—10th centuries, and this suggests that they could also be used as weights bringing good luck to Scandinavians in commercial transactions.

И. Тентюк, В. Бубулич

Раннесредневековые миниатюрные топоры Карпато-Днестровского региона. Вопросы датировки происхождения и функциональности

В статье рассматриваются железные и бронзовые миниатюрные топоры раннесредневекового времени, выявленные в Карпато-Днестровском ареале. Эти находки являются частью идентичных артефактов, найденных в разных регионах Северной, Центральной и Восточной Европы, а также на юго-востоке континента. Хронологически миниатюрные топоры относятся, в общих чертах, к IX/X—XII векам. Период характеризуется прогрессивным потеплением климата, важным экономическим и демографическим развитием Европы, активизацией викингов, которые сочетали вооруженные нападения с коммерческой деятельностью, контролируя речные торговые пути Восточной Европы между Балтикой и Черным морем. Распространение христианства, апокалиптический страх приближения 1000 года и конца света, распространение в Скандинавии культа Святого Олафа (Харальдсона), норвежского короля убитого секирой (1030), ставшей символом его страстей и иконографическим атрибутом, породили новые волны паломничества к святым местам. Некоторые маршруты паломников, снабженных миниатюрными топорами, могли пересекать регионы к востоку от Карпат, где были обнаружены и другие вещи, связанные с паломничеством. Следует отметить, что вес миниатюрных топориков практически совпадает с фракциями багдадской «унции» IX—X веков, и это заставляет нас предположить, что артефакты могли использоваться и в качестве «гирьки», приносящей удачу в коммерческих сделках скандинавов.

Overview

One of the most appreciated tools and weapons of man since ancient times was an axe. The double quality of the piece, the manufacture of which required special efforts and a true mastery and skill, highlighted the ax among elitist pieces, giving birth to a large number of shapes and models, some of which were real works of art made of stone or metal.

In recent years, the category of objects known in specialized literature as early medieval miniature axes has been of great interest. Most have been found in different regions of North, Central and Eastern Europe (fig. 1: A), but they are not missing in the south-east of the continent either (Paulsen 1956: 195—196; Даркевич 1961: 91—102; Макаров 1992: 41—56; Кусупера, Wadyl 2011: 122—129; Лесман 2014: 43—87; Меньшиков 2016: 239—252; Атанасов 2018:



Fig. 1. Distribution map of medieval miniature axes. A — distribution area of medieval miniature axes in Northern, Central and Eastern Europe (after Меньшиков 2017); B — distribution of early medieval miniature axes in the Carpathian-Dniester-Danube region: 1 — Chernivka; 2 — Bukivka; 3, 4 — Suceava; 5, 6 — Păhârnici-Petruha; 7 — Cărbuna; 8 — Păcuiul lui Soare; 9 — Silistra. Legend: a — miniature iron axes; b — miniature bronze axes.

Рис. 1. Карта распространения средневековых миниатюрных топориков. А — ареал распространения средневековых миниатюрных топориков в Северной, Центральной и Восточной Европе (по Меньшиков 2017); В — рас-

пространение раннесредневековых миниатюрных топориков в Карпато-Днестровском и Дунайском регионе: 1 — Черновка; 2 — Буковка; 3, 4 — Сучава; 5, 6 — Пэхэрничень-Петруха; 7 — Кэрбуна; 8 — Пэкуял-луй-Соаре; 9 — Силистра. Условные обозначения: а — миниатюрные железные топорики; b — бронзовые миниатюрные топорики.

221—234; Yotov 2018: 467—484; Тюрк 2018: 165—182).

Currently, the number of early medieval miniature axes included in the scientific use through publication is approaching 200 objects. A significant number of such artifacts remain unpublished. The miniature axes identified in the process of archaeological investigations or by chance are usually made of bronze, but there are ones made of iron. The medieval artifacts found in well dated closed complexes allowed researchers to attribute them from the end of the 1st millennium to the beginning of the next millennium (Макаров 1992: 41—56; Лесман 2014: 43—87). Even though some of them mimic the shape of battle prototypes, the use of axes in this category as a weapon is excluded because of their very small size and light weight. It has also been found that many artifacts come from unknown locations¹.

Based on the technique of making (forging or casting), shape, ornamentation, the context of finding and the spreading area, the researchers have tried to establish the origin, dating, functionality, the cause of the spread in time and space, but also the semantics of the miniature axes.

In Romanian historiography, the problem of this category of objects was considered indirectly, being related to the exchange relations of the Eastern Romance people with the old Russian states or with the penetration in the Eastern-Carpathian space of objects of worship and ornaments (Spinei 1982: 100). Some axes were mentioned in the context of the involvement of the Vikings in long-distance trade, their connection with the Great Silk Road, with the penetration of the Norsemen from the Baltic Sea to the Black Sea and the Lower Danube (Damian, Vasile 2011: 275—290; Dejan 2015: 213—216; Paraschiv-Talmațchi, Talmațchi 2013: 267). It has also been suggested that some of the artifacts belong to the category of tools specific to jewelry craftsmen or craftsmen who make small items (Bilavski 2016: 251).

Several objects representing the miniature iron or bronze axes belonging to the early medieval period were discovered in the Carpathian-Dniester and the Carpathian-Dniester-Danubian areas (fig. 1: B). These were found in Carbura (Ialoveni District) and Păhărnicești-Petruha (Orhei District), in the central part of the Prut-Dni-

ester interfluvium, in Suceava (Dejan 2015: 215), at Bukivka and Chornivka (Chernivtsi Oblast) in Bukovina or at Khorodnitsa in the Upper Dniester region (Paulsen 1956: 197; Власова 1962: 257; Макаров 1992: 54, nr. 46 and nr. 48; Kucypera et al. 2011: 147, nr. 107 and nr. 109; Kucypera, Wadyl 2011: 127). Artifacts representing the axes were also discovered in the Danube area, in Păcuiul lui Soare and Dristra (= Siliistra) (Diaconu, Vâlceanu 1972: 159; Атанасов 2018: 221—234; Yotov 2018: 467—484). The bronze axes from the latter region represent a local category that is distinct from the type I axes by N. Makarov's classification.

Typological aspects

Depending on the material from which they are made, the miniature artifacts representing the axes discovered in the Carpathian-Dniester area can be divided into two main groups: I. miniature artifacts made of iron and II. miniature artifacts made of bronze.

I. Miniature artifacts made of iron. They were made by hot forging or by casting². By their shape, the artifacts made of iron form two categories: 1. ones representing miniature axes and 2. miniature hammers.

I.1. Miniature iron axes. They were made by hot hammering. The shape of the blade allows us to distinguish three distinct types of axes.

I.1.1. The first type includes the axes with the blade of triangular shape in the longitudinal section. Some objects have a rectangular fixing hole; the thickened butt has the shape of a parallelepiped. An item of this kind was discovered at Păhărnicești-Petruha (Orhei) (fig. 2: 4). Other axes have a round-shaped handle fixing hole. Two pieces of this kind come from Suceava (Dejan 2015: 214—215, fig. 17; Bilavski 2016, pl. LV: 7, 9). The axe from Păhărnicești-Petruha, preserved intact, has a length of 5.4 cm and a weight³ of 33.75 g.

² A small number and the diversity of forms did not allow developing a generally accepted typological chain of the iron objects. Most often, the researchers include the iron axes in the group of atypical artifacts, with original shapes (Макаров 1992: 52; Kucypera, Wadyl 2011: 123).

³ Only the weight of objects preserved in their entirety is indicated.

¹ The conditions of discovery of many axes in the Prut-Dniester region are not always clear.



Fig. 2. Early medieval miniature axes of iron and bronze in the Carpathian-Dniester region: 1, 2, 5 — the location is unknown; 3 — Cărbuna (Ialoveni District); 4, 6 — Păhărnicieni-Petruha (Orhei District).

Рис. 2. Раннесредневековые миниатюрные топоры из железа и бронзы в Карпато-Днестровском регионе: 1, 2, 5 — место находки неизвестно; 3 — Кэрбуна (Яловенский р-н); 4, 6 — Пэхэрничень-Петруха (Оргевский р-н).

Because of the hardness of the metal from which they were made, these objects are generally devoid of ornament. Exception is one of the two axes from Suceava, which is endowed with a decoration consisting of point-shaped incisions obtained with the help of a punch with a blunt point (Dejan 2015: 214). The ornament forms zigzag lines and circles. The decoration is made only on one side of the blade, probably on the exposed side, if the axes were worn on the belt.

I.1.2. *The second type* consists of the axes with a narrow and elongated head, with a wide asymmetric blade (fig. 2: 3, 6). They have the handle fixing hole of round or quasi-triangular shape. There are three artifacts of this kind. Two were found in the central part of the Prut-Dniester area, at Cărbuna (Ialoveni)⁴ and at Păhărnicieni-Petruha (Orhei). Another axe comes from northern Bukovina, from Chernivka (Chernivtsi Oblast). The axe from Cărbuna (fig. 2: 3) is 5.6 cm long and weighs 14.33 g, and the one from Păhărnicieni-Petruha (fig. 2: 6) is 8.0 cm long and weighs 34.49 g. The object discovered at Chornivka (Chernivtsi Oblast) (Возный 2014: 59, рис. 1: 8; 2: 10; Возный, Федорук 2013: 56, рис. 1: 8), with the butt damaged in ancient times, has a narrow head and the wide blade asymmetrically extended downward. The blade of the axe from Chornivka is perforated. Such holes threr are on some battle axes discovered east of the Carpathians, such as those from Siliștea Nouă (Suceava county) or Fedești (Vaslui county) (Spinei 1994: 130, fig. 4: 1, 2). A similar axe was found at the site of Sigtum (Stockholm) (Sweden), in the cultural layers belonging to the second half of the 11th century (ca. 1057—1077). The artifact has a length of 4.4 cm and a weight of 8.0 g (Edberg, Söderberg 2018: 48, fig. 7). An amulet representing the axes of this type was discovered at Dristra (Атанасов 2018: 232, fig. 16)⁵.

I.1.3. *The third type* is represented by a single artifact discovered in the Prut-Dniester area. The iron ax has a narrow and elongated head and a well-profiled blade that broadens symmetricaly with respect to the longitudinal axis of the head (fig. 2: 2). The bit is flared, with a triangular profile; it resembles the shape of an axe amulet of Thor. The handle fixing hole is oval-elongated, the butt being damaged in ancient times. It represents bardiche type battle axes. It has a length of 4.7 cm and a weight of 17.35 g.

I.2. *Miniature iron hammer.* The only object in this category comes from an unknown locality in the Prut-Dniester area. It is made by casting, has triangular shape in the longitudinal section, with the rectangular fixing hole (fig. 2: 5). The butt is shaped like a parallelepipedic body. The opposite part of the hammer head is narrowed and bent towards the handle, thus having the shape of a beak

⁴ It is necessary to mention that the axe from Cărbuna (Ialoveni) was accidentally found along with the remains of a chain mail, an iron torc, and a fishing hook (See fig. 3: 1—4).

⁵ The explanation for the illustration of the amulet erroneously indicates that it is made of silver, which does not appear from the description of the axe in the Catalog/Adenda of the study (Атанасов 2018: 232, Офр. 16).

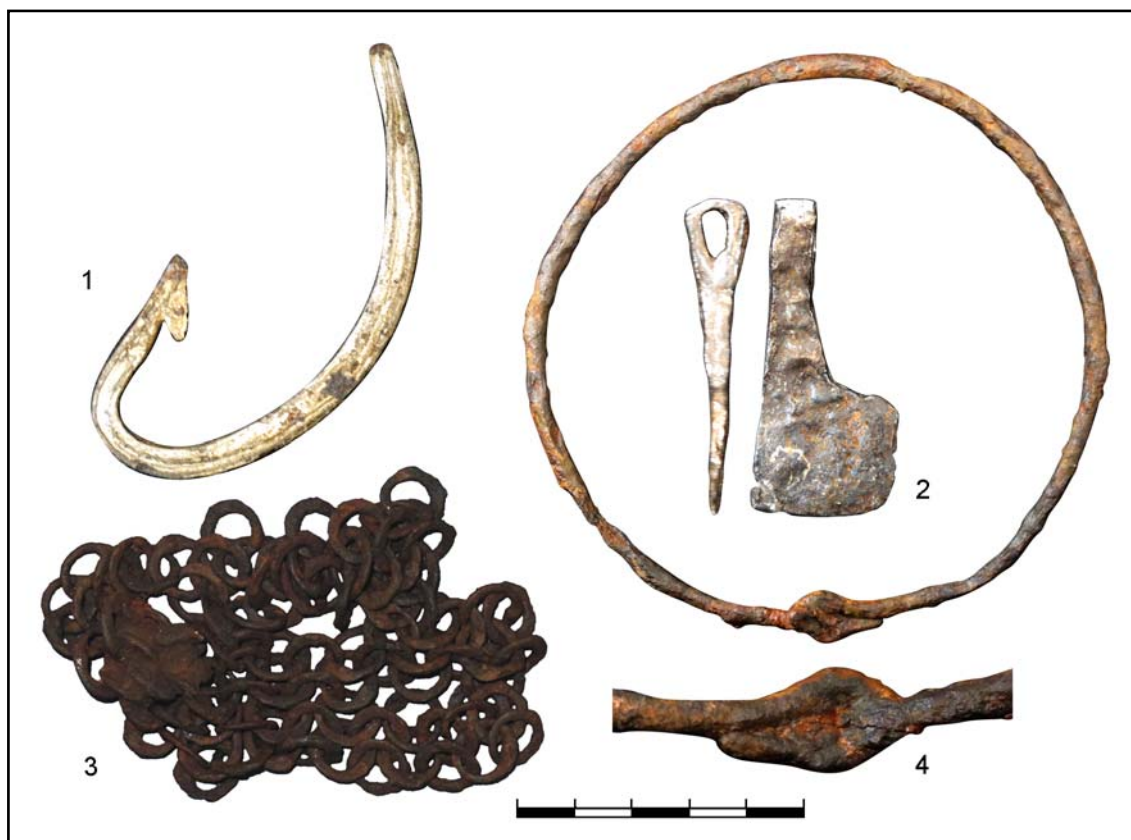


Fig. 3. A set (hoard (?)) of iron objects from Cărbuna (Ialoveni District): 1 — fishing hook; 2 — miniature axe; 3 — fragments of chain mail; 4 — torc.

Рис. 3. Комплекс (клад (?)) железных изделий из с. Кэрбуна (Яловенский р-н): 1 — рыболовный крючок; 2 — миниатюрный топорик; 3 — фрагменты кольчуги; 4 — гривна.

with the blunt end. The item has a length of 6.1 cm and a weight of 70.61 g. We have not identified any close analogies for this item. An amulet representing a similar hammer was found in Janów-Pomorski (Truso) (Poland). The difference is that the latter was cast in bronze together with the handle (Gardela 2016: 99—106).

II. Miniature bronze axes. In the Carpathian-Dniester area, a small number of bronze axes is known. Unlike iron axes that have a variety of shapes, those of bronze, much better researched by European historiographers, we can attribute to the known types: 1. axes with asymmetrical blade and 2. axes with symmetrical blade, of a pole-axe type.

II.1. Axes with asymmetrical blade. An axe from this category was found in an unknown locality in the Prut-Dniester area (fig. 2: 1). It is made by casting. The shape of the object mimics the bardiche type battle axe, has the elongated head, the wide, asymmetrical blade, the lower end of which is rounded inward. The item has a cylindrical butt, the back of which is extended horizontally and beautifully profiled. The passage from the

butt to the blade represents a short neck. On the neck there are two symmetrically arranged ribs. The lower end of the blade is strongly rounded inward, where it forms a heel that, together with the wings of the handle, creates a parabolic curve. The heel of the item is endowed with a quasi-circular spur. On both cheeks of the axe blade an incised ornament was made, representing a series of short lines made along the bit at a certain distance from it. The artifact belongs to the axes of type I by the classification of N. Makarov. It has many analogies in Scandinavia, Trondheim, Norway, Sigtum (Stockholm) in Sweden (Edberg, Söderberg 2018: 34—59), and also in regions of northwestern Russia, in Poland, Belarus, Ukraine and Hungary (Makarov 1992: 52—55; Kucypera et al. 2011: 103—176; Тюрк 2018: 165—182; Фюреди и др. 2018: 483—515), being the type with the highest number of finds. The item has a length of 4.0 cm and a weight of 7.91 g.

Researchers who have addressed the problem of miniature bronze axes believe that these objects mimic the shape of the type IV battle axes with profiled butt, according to the typolo-

gy proposed by Kirpichnikov (Макаров 1992: 43; Лесман 2014: 71). M.G. Aleshkovsky dates the battle axes belonging to this type the 11th—12th centuries (Алешковский 1960: 71—73), and B.A. Kolchin and A.N. Kirpichnikov attributes them to the 11th—13th centuries (Колчин 1985: fig. 97: 1—4, 6—8; 127: 19, 21—22; Кирпичников 1966: 61—72). Iron prototypes (battle axes) of them were also found on the island of Gotland (Thunmark-Nylen 1995: Abb. 75: 15, 148: 12; Idem 1998: Taf. 225: 11; Лесман 2014: 73—74).

II.1.2. The miniature bronze axes discovered in the sites of the Lower Danube region represent a local, distinct variant (Diaconu, Vâlceanu, 1972: 159, fig. 56: 1; Атанасов 2018: 221—234; Yotov 2018: 476—484). These, in our opinion, can be classified in a separate type of miniature bronze axes of the early Middle Ages. This type may include the axes from Păcuiul lui Soare and Dristra, and also from Preslav (Атанасов 2018: 223—224). They differ from the miniature axes of type I by the classification of N. Makarov in that they have a much narrower blade, and the dimensions of the handle fixing hole are disproportionate to the shape and dimensions of the item. Of these axes, the one from Păcuiul lui Soare is beautifully decorated and has a gilded surface. The axe blade is decorated with incised circles, with points in the middle. The artifact from Păcuiul lui Soare was attributed to the 11th century (Diaconu, Vâlceanu, 1972: 159), and the one from Dristra to the end of the 10th century (Атанасов 2018: 223—224).

II.2. *Axes with symmetrical blade, in the shape of a pole-axe.* A miniature bronze axe belonging to this type was discovered in Bukovka (Hlyboka Raion, Chernivtsi Oblast). In the north of Bukovina, two others coming from Terebovil (Zeleece) and Horodnitsa on the Upper Dniester (Paulsen 1956: 197; Макаров 1992: 54, nr. 46—48).

A miniature bronze axe belonging to this type was found in Bukovka (Hlyboka Raion, Chernivtsi Oblast), in the north of Bukovina, two others are from Terebovil (Zeleece) and Horodnitsa in the Upper Dniester region (Paulsen 1956: 197; Макаров 1992: 54, nr. 46—48). The item from Bukovka has a pole-axe-shaped blade symmetrically arranged on the axis of the head. The blade is endowed with two protuberances arranged symmetrically at the top (Власова 1962: 257, рис. 5: 10). It belongs to type II by the classification of N. Makarov. In the regions of Central Europe, an important number of bronze axes with symmetrical blade (Kucipera, Wadył: 2011, 122, fig. 1: n) is known, including variants cast in iron (Hensel 1979: 127—130, fig. 1; Edberg, Söderberg 2018: 49, fig. 7).

* * *

In this connection, it is worth mentioning that the most important and comprehensive process and phenomenon of the decades around AD 1000 was the spread of Christianity in Northern, Central and Eastern Europe, when the Scandinavians, Czechs, Poles, Russians and Hungarians, almost simultaneously, but independently from each other, accepted Christian dogma (Pál 2006: 53). At the same time, this is the period when fears of the imminent approach of the end of the world associated with the onset of AD 1000 generated panic and new waves of pilgrimage to Jerusalem and Bethlehem, the phenomena described by the chronicler Raoul Glaber (c. 985—1047). Being an eyewitness⁶ of events and considered to be the best narrator about the Year 1000, he believed that the apogee of “holy journey” occurred in 1033, when the millennium has passed since the crucifixion of Jesus Christ (Duby 1996: 15).

The death of King Olaf Haraldson, the Norwegian baptist killed by an axe in 1030, coincided almost completely with the passing of a thousand years since the death of Jesus. This event oppressively affected the proselytes, increasing fear of the approaching Apocalypse and accelerating the pilgrimage⁷. The ax with which King Olaf was killed became a symbol of the martyrdom of the new saint and martyr of Scandinavia (Spinei 1973: I, 61—77; II, 259—282; Мельникова 1996: 92—106), and the miniature axe became an iconographic element bearing the same religious meaning as the cross on which Christ died. This explains the fact that in the closed archaeological complexes, including the burials, miniature axes were found, associated with crosses (Fuglesang 1989: 18; Меньшиков 2017: 118).

At the end of the 12th century and in the 13th century, the first miniature axes cast in lead or lead alloy appear. Researchers believe that their appearance may also be associated with the continuation of the pilgrimage to the Holy Places (Меньшиков 2017: 125). This is a category of objects that remains unknown in the East Car-

⁶ Raoul Glaber: “Many were going to seek the advice of certain people, the most worried of their time, about the significance of such a large flow of crowds to Jerusalem, as no past century had seen” (quoted by: Duby 1996: 184).

⁷ Evidence that the pilgrimage phenomenon has touched the Carpathian-Dniester space is the fact that during archaeological investigations in Iasi there were found two pilgrim ampullae, small containers made of lead or ceramics to hold holy oil or holy water. They belong to the 10th—11th and the 12th—13th centuries (Stratulat, Iațcu 2011: 18—19, no. 4 and no. 5 in the Catalog).

pathian space, but is abundant in many regions of Northern and Central Europe (Лесман 2014: 76). The lack of lead axes in the Carpathian-Dniester region is explained by the political instability caused penetration of the Cumans in the northern Danube and eastern Carpathian regions in the late 11th century. As a result, the trade routes, which in the 9th—11th centuries ran along the Dniester, Prut and Siret rivers to the Baltic and Black Sea regions and Constantinople, were changed (Tentiuc 2017: 119—130; Idem 2019: 117—121). The route was redirected through the Carpathian Basin, which became much safer after the Christianization of Hungary by 1000. Hungarian kings facilitated the passage of pilgrims to the Holy Places through the country (Pál 2006: 53—63). We consider that this explains the discovery of miniature axes in Hungary (Тюпк 2018: 165—182; Фюреди и др. 2018: 483—514) that were recently put into scientific circulation⁸.

Conclusions

The important socio-economic, political and cultural changes that took place at the end of the 1st millennium — the beginning of the 2nd millennium, the movements of populations, stimulated the circulation and exchanges of material and cultural values between the communities in different regions of Northern, Central, Eastern and South-

east Europe, but also throughout the Eurasian continent. Climate change has contributed to the impressive economic and demographic growth in Europe and the movement of the population from north to south and from east to west.

At all times, human communities have created artistic images of objects of particular importance for the entire community, made of stone, horn, burnt clay or metal. The North German communities, including the Scandinavians, maintained the custom of wearing a wide range of miniature objects, including axes, as a good luck charms. The spread of Christianity in the North, Center and East of the continent, but also the spread of the cult of St. Olaf, the Scandinavian martyr king killed by an axe just after the 1000th anniversary of the death of Jesus Christ, endowed an axe, a symbol of royal power in prehistoric times, with the power of the Holy Cross on which the Savior died, transforming it into an important Christian element for the Scandinavians. It was equated with the symbolic value of the cross, also considered an indispensable sign of pilgrims. At the same time, the weight of some miniature axes made of bronze or iron coincides with the fractions of the Baghdad “ounce” from this period, which makes us consider that these artifacts could also be used as lucky “weights” in the trading activities of the ancient Scandinavians.

Bibliography

- Bilavski G. 2016. *Unelte agricole din Moldova medievală*. Brăila.
- Damian O., Vasile M. 2011. Varangians nearby the Danube delta. About an archaeological discovery in the Byzantine fortress at Nufăru, Tulcea county. *SCIIVA* 62 (3—4), 275—290.
- Dejan M. 2015. *Elemente răsăritene în ținuturile extracarpatice (secolele VI—X)*. Suceava.
- Diaconu P., Vilceanu D. 1972. *Păciul lui Soare. Cetatea bizantină*, I, București.
- Duby G. 1996. *Anul 1000*. Iași.
- Edberg R. 2008. Nya fynd av miniaturyxor. In: Wikström A. (red.). *På väg mot Paradiset: arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna: Sigtuna Museum.
- Edberg R., Söderberg 2018. Insignier, amuletter, krigsleksaker? Sigtunas miniaturyxor än en gång. In: Söderberg A., Hedenstierna-Jonson Ch., Kjellström A., Källström M., Ljung C., Runer J. (red.). *Situne Dei*. Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi. Sigtuna: Sigtuna Museum, 34—59.
- Fuglesang S.H. 1989. Viking and medieval amulets in Scandinavia. Fornvännen. *Journal of Swedish Antiquarian Research* 84, 15—25.
- Gardela L. 2016. Amulety skandynawskie z Wolina i Truso. In: *Acta archaeologica pultuskiensia V. Meetings at the borders. Studies dedicated to Professor Władysław Duczko*. Pułtusk, 99—110.
- Hensel B. 1979. Miniaturowy toporek z Kruszwicy. *Slavia Antiqua* XXVI, 127—130.
- Ioniță I., Mămălăuca M., Vornic V. (coord.). 2009. *Antichitatea târzie în bazinul Prutului*. Catalog. Brăila.
- Kucypera P., Pranke P., Wadyl S. 2011. *Wczesnośredniowieczne miniaturowe toporki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej*. Corpus zabytków. Toruń.
- Kucypera P., Wadyl S. 2011. Early medieval miniature axes of Makarov's type 2 in the Baltic Sea Region. *Archaeologia Litwana* 12, 122—129.
- Pál E. 2006. *Regatul Sfântului Ștefan. Istoria Ungariei medievale (895—1526)*. Cluj-Napoca.
- Paraschiv-Talmațchi C., Talmațchi G. 2013. Comerțul la gurile Dunării în secolele IX—XII. Un stadiu al cercetărilor. *Pontica* XLVI. Constanța, 263—291.
- Paulsen P. 1956. *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*. Bonn.
- Roesdahl E. 1977. *Fyrkat. En jysk vikingeborg II. Oldsagerne og Gravpladsen*. Nordiske Fortidsminder B, 04. København.
- Schoknecht U. 1977. Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin.

⁸ Hungarian researchers associate the presence of miniature axes in Hungary with trade relations between Hungary and Kievan Rus' (Тюпк 2018: 171—173) and to a lesser extent with the invitation by King Stephen I of mercenaries to guard the western borders of the state (Фюреди и др. 2018: 506—510).

- Spinei V. 1973. Informații despre vlahi în izvoarele medievale nordice. I. SCIV 24/1, 1973, 57—81; II. SCIV 24/2, 1973, 259—282.
- Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău.
- Stratulat L., Iațcu I. 2011. *Arta pelerinajului. Obiecte creștine în spațiul est și sud-est-carpatic (secolele IV—XVI)*. Catalog de expoziție. Iași.
- Tentiuc I. 2017. *Populația din Moldova Centrală în secolele X—XIII*. Chișinău.
- Tentiuc I. 2019. Cu privire la pătrunderea, staționarea și raporturile enclavelor vikinge cu populația românească din spațiul carpaton-nistean în secolele IX—XI. In: *Miscellanea Historica et Archaeologica in honorem Professoris Ionel Căndea septuagenarii*. București; Brăila, 89—121.
- Thunmark-Nylén L. 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm.
- Thunmark-Nylén L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 2. *Typentafeln*. Stockholm.
- Yotov V. 2018. Data about northmen's presence in the Lower Danube area. In: *Studia romana et mediaevalia Europaensia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*. București; Brăila, 467—484.
- Алешковский М. Х. 1960. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА (1), 70—90.
- Атанасов Г. 2018. Отново за Руско-варяхските култови бравички на Долен Дунав — *Corrigenda et addenda* (по повод нови находки от Дръстър/Силистра). *Приноси към българската археология* VIII. София, 221—234.
- Ауліх В. В. 1972. *Зимнієське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині*. Київ: Наукова думка.
- Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. 1985. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978—1982 гг. В: *Археологические исследования Киева в 1978—1983 гг.* Киев, 38—60.
- Власова Г. М. 1962. Бронзовые изделия XI—XIII вв. из села Зелече. МАСП 4, 246—259.
- Возный И. П. 2011. Внешняя торговля на территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра в X—XIII вв. *Stratum plus* (6), 255—272.
- Возный И. П. 2014. Ударное вооружение Северной Буковины XII — первой половины XIII вв. *Stratum plus* (6), 55—64.
- Возный И. П., Федорук А. В. 2013. Ударна зброя XII — першої половини XIII ст. з території Верхнього Прута та Середнього Дністра. В: *Вісник Інституту археології Львівського університету* 8, 53—64.
- Голубева Л. А., Кочкурина С. И. 1991. *Белозерская весь* (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск.
- Даркевич В. П. 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА (4), 91—102.
- Каргер М. К. 1958. *Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города* 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие*. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.
- Колчин Б. А. 1985. Металлургия и металлообработка железа и стали. В: Колчин Б. А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село*. Археология СССР 15. Москва: Наука, 254—256.
- Коршун В. Е. 2012. *Языческие привески Древней Руси X—XIV веков*. Вып. I. Обереги. Москва.
- Лебедев Г. С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: ЛГУ.
- Лесман Ю. М. 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры. *Stratum plus* (5), 43—87.
- Макаров Н. А. 1992. Древнерусские амулеты-топорики. РА № (2), 41—56.
- Мельникова Е. А. 1996. Култ Св. Олава в Новгороде и Константинополе. *Византийский временник* 56. Москва, 92—106.
- Меньшиков М. Ю. 2016. Происхождение, хронология и семантика изображений миниатюрных топориков из раскопок в историческом центре Москвы. В: *Археология Подмосковья* 12. Москва, 239—252.
- Меньшиков М. Ю. 2017. Секира Перуна или топор святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI—XVII веках. В: *Археология Подмосковья* 13. Москва, 117—131.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.). В: Седов В. В. (ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 28—76.
- Тюрк А. 2018. Амулеты-топорики в материале Карпатского Бассейна XI—XII вв. В: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского Государственного гуманитарно-педагогического университета* 14. Пермь, 165—182.
- Фюреди А., Тюрк А., Загорихиди-Цигань Б. 2018. Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI—XIII вв. В: *III-й Международный мадьярский симпозиум*, Будапешт, 6—10 июня 2016 г. Budapest, 483—514.

References

- Bilavschii, G. 2016. *Unelte agricole din Moldova medievală*. Brăila.
- Damian, O., Vasile, M. 2011. Varangians nearby the Danube delta. About an archaeological discovery in the Byzantine fortress at Nufăru, Tulcea county. SCIVA 62 (3—4), 275—290.
- Dejan, M. 2015. *Elemente rășăritene în ținuturile extracarpătice (secolele VI—X)*. Suceava.
- Diaconu, P., Vilceanu, D. 1972. *Păciul lui Soare. Cetatea bizantină*, I. București.
- Duby, G. 1996. *Anul 1000*. Iași.
- Edberg, R. 2008. Nya fynd av miniatyryxor. In Wikström, A. (red.). *På väg mot Paradiset: arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna: Sigtuna Museum.
- Edberg, R., Söderberg, A. 2018. Insignier, amuletter, krigsleksaker? Sigtunas miniatyryxor än en gång. In Söderberg, A., Hedenstierna-Jonson, Ch., Kjellström, A., Källström, M., Ljung, C., Runer, J. (red.). *Situne Dei. Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi*. Sigtuna: Sigtuna Museum, 34—59.
- Fuglesang, S. H. 1989. Viking and medieval amulets in Scandinavia. Fornvännen. *Journal of Swedish Antiquarian Research* 84, 15—25.
- Gardela, L. 2016. Amulety skandynawskie z Wolina i Truso. In *Acta archaeologica pultuskiensia V. Meetings at the borders. Studies dedicated to Professor Wladyslaw Duczko*. Pułtusk, 99—110.
- Hensel, B. 1979. Miniaturowy toporek z Kruszwicy. *Slavia Antiqua* XXVI, 127—130.
- Ioniță, I., Mămălauca, M., Vornic, V. (coord.). 2009. *Antichitatea târzie în bazinul Prutului*. Catalog. Brăila.
- Kucypera, P., Pranke, P., Wadył, S. 2011. *Wczesnośredniowieczne*

- miniatureowe toporki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. *Corpus zabytkow*. Toruń.
- Kucypera, P., Wadył, S. 2011. Early medieval miniature axes of Makarov's type 2 in the Baltic Sea Region. *Archaeologia Litwana* 12, 122—129.
- Pál, E. 2006. *Regatul Sfântului Ștefan. Istoria Ungariei medievale (895—1526)*. Cluj-Napoca.
- Paraschiv-Talmațchi, C., Talmațchi, G. 2013. Comerțul la gurile Dunării în secolele IX—XII. Un stadiu al cercetărilor. *Pontica* XLVI. Constanța, 263—291.
- Paulsen, P. 1956. *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*. Bonn.
- Roesdahl, E. 1977. *Fyrkat. En jysk vikingeborg II. Oldsagerne og Gravpladsen*. Nordiske Fortidsminder B, 04. København.
- Schoknecht, U. 1977. Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin.
- Spinei, V. 1973. Informații despre vlahi în izvoarele medievale nordice. I. *SCIV* 24/1, 1973, 57—81; II. *SCIV* 24/2, 1973, 259—282.
- Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău.
- Stratulat, L., Iațcu, I. 2011. *Arta pelerinajului. Obiecte creștine în spațiul est și sud-est-carpatic (secolele IV—XVI)*. Catalog de expoziție. Iași.
- Tentiuc, I. 2017. *Populația din Moldova Centrală în secolele X—XIII*. Chișinău.
- Tentiuc, I. 2019. Cu privire la pătrunderea, staționarea și raporturile enclavelor vikinge cu populația românească din spațiul carpato-nistean în secolele IX—XI. In *Miscellanea Historica et Archaeologica in honorem Professoris Ionel Cândea septuagenarii*. București; Brăila, 89—121.
- Thunmark-Nylén, L. 1995. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm.
- Thunmark-Nylén, L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 2. *Typentafeln*. Stockholm.
- Yotov, V. 2018. Data about northmen's presence in the Lower Danube area. In *Studia romana et mediaevalia Europaensia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*. București; Brăila, 467—484.
- Aleshkovskii, M. Kh. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 70—90 (in Russian).
- Atanasov, G. 2018. In *Prinosi kăm bălgarskata arkheologiia (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* VIII. Sofia, 221—234 (in Bulgarian).
- Aulikh, V. V. 1972. *Zymnyvs'ke horodyshche: slov'yanska pam'yatka VI—VII st.n. e. v Zakhidnij Volyni (Zimne Fortified Site: Slavic Site of 6th—7th Centuries AD in Western Volhynia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Borovskii, Ya. E., Sagaidak, M. A. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia Kiev v 1978—1983 gg. (Archaeological Investigations in Kiev in 1978—1983)*. Kiev. 38—60 (in Russian).
- Vlasova, G. M. 1962. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 4, 246—259 (in Russian).
- Voznyi, I. P. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 255—272 (in Russian).
- Voznyi, I. P. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 55—64 (in Russian).
- Voznyj, I. P., Fedoruk, A. V. 2013. In *Visnyk Instytutu arkeolohii L'vivskoho unyversytetu (Bulletin of the Institute of Archaeology, University of Lviv)* 8, 53—64 (in Ukrainian).
- Golubeva, L. A., Kochkurina, S. I. 1991. *Belozerskii ves' (po materialam poseleniia Krutik IX—X vv.) (Ves Tribes on the Belaye Lake: by Data of the Krutik Settlement, 9th—10th Centuries)*. Petrozavodsk (in Russian).
- Darkevich, V. P. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 91—102 (in Russian).
- Karger, M. K. 1958. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Ancient Kiev: Essays on the History of Material Culture of the Ancient Russian City)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th—13th Centuries)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1—36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1985. In Kolchin, B. A. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Series: *Archaeology of the USSR* 15. Moscow: "Nauka" Publ., 254—256 (in Russian).
- Korshun, V. E. 2012. *Iazycheskie priviski Drevnei Rusi X—XIV vekov (Pagan Pendants of Ancient Rus of 10th—14th Centuries)* I. *Oberegi (Amulets)*. Moscow (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope (Vikings' Time in Northern Europe)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 43—87 (in Russian).
- Makarov, N. A. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 41—56 (in Russian).
- Mel'nikova, E. A. 1996. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XPONIKA)* 56. Moscow, 92—106 (in Russian).
- Men'shikov, M. Yu. 2016. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 12, Moscow, 239—252 (in Russian).
- Men'shikov, M. Yu. 2017. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 13. Moscow, 117—131 (in Russian).
- Riabini, E. A. 1985. In Sedov, V. V. (ed.). *Srednevekovaiia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries and Research)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 28—76 (in Russian).
- Türk, A. 2018. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo Gosudarstvennogo humanitarnopedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University)* 14, Perm, 165—182 (in Russian).
- Füredi, Á., Türk, A., Zágorhidi Czigány, B. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III-i Mezhdunarodnyi mad'iarskii simpozium (3rd International Magyar Symposium)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 483—514 (in Russian).

Статья поступила в сборник 20 февраля 2020 г.

Ion Tentiuc (Kishinev, Moldova). Doctor of History. National Museum of History of Moldova¹.

Тентюк Ион (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Национальный музей истории Молдовы.

E-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici (Kishinev, Moldova). National Museum of History of Moldova².

Бубулич Валерий Григорьевич (Кишинев, Молдова). Национальный музей истории Молдовы.

E-mail: vbubulici@mail.ru

Address: ^{1,2} 31 August St., 121a, Kishinev, MD-2012, Moldova

Личности и знаки эпох

Personalities and symbols of epochs

С. В. Белецкий

Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова *

Keywords: Old Rus, duke Vladimir Svyatoslavovich, ancient Russian ducal sign, axe, insignia of military power

Ключевые слова: Древняя Русь, князь Владимир Святославич, княжеский знак, топор, инсигния воинской власти

S. V. Beletsky

The Axe with the Image of an Ancient Russian Ducal Sign from the Outskirts of Chernihiv

The picture of the silver inlaid iron axe was published in the Internet in 2019. Besides the wattled ornament, the incrustation includes an image of an ancient Russian ducal sign in the form of trident. According to the finders' information, the axe originates from the outskirts of Chernihiv. The sign on that axe belonged to the duke Vladimir Svyatoslavovich.

The finds of the silver inlaid axes with ducal signs are rare but not unique. A similar axe which had images of two ducal signs along with a geometrical ornament was found in 2011 during the excavations of a mound on Shekshovo-9 burial ground near Suzdal. There is a silver inlaid ducal sign at the end face of the axe from the mound excavated on Nikolskoye III burial ground.

The finds listed above indicate that the use of ceremonial weapons with the images of ducal emblems was not uncommon in the Ancient Rus. Obviously, such axes were the same regalia of power as heraldic pendants, but they only represented the insignia of military power, and not the civilian one.

С. В. Белецкий

Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова

В 2019 г. было опубликовано изображение железного топора, инкрустированного серебром. Наряду с плетеным орнаментом, инкрустация включала изображение древнерусского княжеского знака в виде трезубца. По сведениям находчиков, топор происходит из окрестностей Чернигова. Знак, помещенный на этом топоре, принадлежал князю Владимиру Святославичу.

Находки инкрустированных серебром топоров с изображениям княжеских знаков редки, но не уникальны. Подобный топор, несущий, наряду с геометрическим орнаментом, изображения двух княжеских знаков, был найден в 2011 г. при раскопках кургана в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля. На торцевой грани топора из кургана в могильнике Никольское III также угадывается инкрустированный серебром княжеский знак.

Перечисленные находки определенно свидетельствуют о том, что использование парадного оружия с изображениями княжеских гербов не было в Древней Руси чем-то экстраординарным. Очевидно, подобные топоры являлись такими же регалиями власти, как и геральдические подвески, но только представляли собой инсигнии власти воинской, а не гражданской.

В 2019 г. на интернет-аукционе «Violeti» был продан железный топор, инкрустированный серебром. По сведениям находчиков, топор происходит из окрестностей Чернигова. Он относится к типу IV по А. Н. Кирпичникову. Топоры такого типа датируются X—XII вв. (Кирпичников 1966: 30, 36, 37). Вся поверхность топора покрыта тщательно выполненным плетеным орнаментом (рис. 1). На торцевой грани размещено изображение княжеского знака в виде трезубца, ножка которого переходит в плетёный орнамент (рис. 2). Этот

знак принадлежал великому киевскому князю Владимиру Святославичу.

Находки инкрустированных серебром топоров с изображениями княжеских знаков редки, но не уникальны. Так, подобный топор был найден в 2011 г. при раскопках кургана в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 441). Наряду с геометрическим орнаментом, инкрустация на этом топоре включает изображения двух княжеских знаков — трезубца на торцевой грани и двузубца на боковой. Трезубец

* Доклад, прочитанный на конференции «Геральдика: исследования и практика» в Государственном Эрмитаже 20 февраля 2020 г.



Рис. 1. Железный топор, инкрустированный серебром, из окрестностей Чернигова (по <https://st.violity.com/auction/big/auctions/89/11/62/89116271.jpg> (дата обращения 18.11.2019)).

Fig. 1. Silver inlaid iron axe from the outskirts of Chernihiv (after <https://st.violity.com/auction/big/auctions/89/11/62/89116271.jpg>. (accessed 18.11.2019)).

на топорике из Шекшово принадлежал сыну Владимира Святого Всеволоду, а родовой двузубец Рюриковичей обозначал Святополка Ярополчича — кузена Всеволода, посмертного сына Ярополка Святославича (Белецкий 2014а: 65—72). На торцевой грани топора из кургана в могильнике Никольское III на Белозерщине также угадывается инкрустированный серебром княжеский знак в форме родовой двузубца Рюриковичей (Макаров 1988: 455—456, рис. на с. 456).

Перечисленные находки определенно свидетельствуют о том, что использование парадного оружия с изображениями княжеских гербов не было в Древней Руси чем-то экстраординарным. Изображения «знаков Рюриковичей» на топорах из могильника Никольское III и из-под Чернигова, безусловно, указывают на то, что владельцы топоров входили в состав дружин тех князей, гербы которых были изображены на топорах.

Ключом для понимания функционального назначения топоров с изображением княжеских гербов является находка такого топора в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля. Дружинник, получивший право на ношение и использование парадного боевого топора с изображениями двух княжеских знаков, выступал представителем одновременно двух князей — и владельца двузубца, и владельца трезубца. Размещение на топоре двух разных княжеских знаков соответствует размещению двух разных знаков на одной и той же геральдической подвеске. В тех случаях, когда один из знаков принадлежал великому киевскому князю, а другой — одному из его сыновей, властные полномочия держатель подвески получал одновременно и от главы государства,



Рис. 2. Княжеский знак на торцевой грани топора из окрестностей Чернигова (по <https://st.violity.com/auction/preview/auctions/89/11/62/89116263.jpg>; <https://st.violity.com/auction/preview/auctions/89/11/62/89116264.jpg> (дата обращения 16.11.2019)).

Fig. 2. Ducal sign at the end face of the axe from the outskirts of Chernihiv (after <https://st.violity.com/auction/preview/auctions/89/11/62/89116263.jpg>; <https://st.violity.com/auction/preview/auctions/89/11/62/89116264.jpg> (accessed 16.11.2019)).

и от княжича, посаженного отцом на местный княжеский стол. Сочетание на одной из подвесок (Белецкий 2014б: №63) изображений родовой двузубца Рюриковичей и трезубца Владимира Святославича прекрасно иллю-

стрирует летописный рассказ о передаче великим киевским князем Святославом Игоревичем новгородского стола бастарду Владимиру (ПВЛ 1950: 49, 50). Точно так же была изначально оформлена и костяная подвеска из Новгорода (Белецкий 2004: №31), а «редактирование» двузубца, переделанного в трехзубец, прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о борьбе Святославичей за наследство отца (ПВЛ 1950: 53—54). Соответствует летописному сообщению (ПВЛ 1950: 83) и размещение на ряде подвесок одновременно трех-

зубцев Владимира Святославича и его сыновей — Вышеслава (Белецкий 2004: №51, 52), Ярослава (Белецкий 2004: №34) и Бориса (Белецкий 2011: 44—45; 2014б: №56, 94) Владимировичей.

Очевидно, боевые топоры, несущие изображения древнерусских княжеских гербов, подобные публикуемой находке, являлись такими же регалиями власти, как и геральдические подвески, но только представляли собой инсигнии власти воинской, а не гражданской.

Литература

- Белецкий С.В. 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. В: Мачинский Д.А. (ред.). *Ладого и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 243—319.
- Белецкий С.В. 2011. Две древнерусские геральдические подвески. В: *АИППЗ*. Материалы 57-го заседания (18—20 апреля 2011 г.). Москва; Псков, 44—48.
- Белецкий С.В. 2014. Топорик из Суздальского Ополя. *Stratum plus* (6), 65—72.
- Белецкий С.В. 2014б. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки). В: Кирпичников А.Н. (ред.). *Ладого и Ладожская земля в эпоху средневековья 4*. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12—13 июля 2013 г. Санкт-Петербург: Социальная пропаганда, 12—54.
- Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.
- Макаров Н.А. 1988. Декоративные топоры из Белозерья. В: *Памятники культуры. Новые открытия. 1987. Письменность, культура, археология*. Москва: АН СССР, 455—460.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. 2013. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя. В: Молодин В.И., Шунков М.В. (ред.). *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 435—444.
- ПВЛ 1950: Адрианова-Перетц В.П. (ред.). 1950. *Повесть временных лет*. Ч. I. Текст и перевод. Москва; Ленинград: АН СССР.

References

- Beletsky, S. V. 2004. In Machinski, D. A. (ed.). *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th Readings to the Memory of Anna Machinskai)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 243—319 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2011. In *Arkheologii i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 57. Moscow; Pskov, 44—48 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 65—72 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2014. In Kirpichnikov, A. N. (ed.). *Ladoga i Ladozhskaya zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 4. Saint Petersburg: "Sotsial'naia propaganda" Publ., 12—54 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th—13th Centuries). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Makarov, N. A. 1988. In *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1987. Pis'mennost', kul'tura, arkheologiya (Cultural Sites. New Discoveries. 1987: Writings, Culture, Archaeology)*. Moscow, 455—460 (in Russian).
- Makarov, N. A., Zaitseva, I. E., Krasnikova, A. M. 2013. In Molodin, V. I., Shunkov, M. V. (eds.). *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii (Fundamental Problems of the Archaeology, Anthropology and Ethnology of Eurasia)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 435—444 (in Russian).
- Adrianova-Peretz, V. P. (ed.). 1950. *Povest' vremennykh let (Primary Chronicle) I. Tekst i perevod (Text and Translation)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Статья поступила в сборник 13 марта 2020 г.

Serge Beletsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Белецкий Сергей Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: serge_beletsky@mail.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Б. Лесак, Н. В. Хамайко, Е. Е. Черненко

Печати княгини Марины

Keywords: Old Rus', Kyiv, Chernihiv, Bratislava, seal, Princess Marina, Vsevolod Yaroslavich, Eupraxia-Adelheid

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, Чернигов, Братислава, печать, княгиня Марина, Всеволод Ярославич, Евпраксия-Адельгейда

B. Lesák, N. V. Khamaiko, O. Ye. Chernenko

Seals of Princess Marina

The article proposes a comparative analysis of new finds of the Old Rus'ian female lead seals of two types from Chernihiv and Bratislava castle.

The first seal was discovered in 2007 near the so-called «Blagovishchenska» Church (Annunciation Church) on the citadel of the Old Rus'ian Chernihiv, in cultural layers dated by the late 11th — early 12th centuries. The seal was stamped twice with a rotation up to 160°, which led to the imposition of images and inscriptions. The seal almost completely repeats type 116 by V.L. Yanin, attributed to “Princess Mary” and previously known for two finds in Kyiv. The Chernihiv specimen was made by another pair of stamps or by renovated ones.

Seal from excavations in 2009 in the courtyard of the Bratislava castle comes from the middle part of the filling of the pit dated to the end of the 11th — the first half of the 12th century. The Bratislava seal represents the same iconographic type and the invocative inscription as type 116, but it differs in details and the inscription includes a longer form of the name of the seal's owner — “Marina”. These features allow us to distinguish the seal as a separate type 116a.

The new finds of the seals independently confirm the dating of both types to the last quarter of the 11th — early 12th centuries. They also clarify the princess's full name. In the context of the attribution of the seals to the second wife of the Grand Duke of Kyiv Vsevolod Yaroslavich, we can offer an explanation for the discovery of the Old Rus'ian female lead seal in Bratislava castle through a prism of the correspondence mailed by the princess Marina to her daughter Eupraxia-Adelheid during the latter's brief stay in Hungary on the way to Rus' in 1097.

Б. Лесак, Н. В. Хамайко, Е. Е. Черненко

Печати княгини Марины

Статья посвящена публикации и сравнительному анализу новых находок двух типов древнерусских женских свинцовых печатей из Чернигова и Братиславского замка.

Черниговский экземпляр обнаружен в 2007 г. в культурном слое конца XI — начала XII в. вблизи т.н. «Благовещенской» церкви на территории городской крепости-детинца. Печать оттиснута дважды с разворотом на 160°, что привело к наложению изображений и надписей. Она практически полностью повторяет атрибутированный «княгине Марии» тип 116 по В.Л. Янину, известный ранее по двум находкам в Киеве, но выполнена другой парой штемпелей или же обновлённой старой.

Печать из раскопок 2009 г. на внутреннем дворе Братиславского замка происходит из средней части заполнения объекта конца XI — первой половины XII в. Повторяя иконографический тип и благожелательную надпись типа 116, братиславский экземпляр отличается размерами, деталями исполнения и более длинной формой имени владелицы печати — «Марина». Эти особенности позволяют выделить печать в отдельный тип 116а.

Новые находки печатей позволяют независимо подтвердить датировку обоих типов последней четвертью XI — началом XII вв., уточнить полное имя княгини, а также, в контексте атрибуции печатей второй жене великого князя киевского Всеволода Ярославича, предложить объяснение факта обнаружения древнерусской женской печати в Братиславском замке через призму переписки княгини в 1097 г. с её дочерью Евпраксией-Адельгейдой во время краткого пребывания последней в Венгрии на пути в Русь.

До недавнего времени было известно всего чуть более десятка находок древнерусских печатей, принадлежавших женщинам. Такая тенденция не уникальна, среди огромного корпуса византийских моливдовулов, послужившего прототипом для всей периферии византийского мира, женских печатей также

на несколько порядков меньше, чем мужских. Объясняется это тем, что большинство печатей соотносятся с представителями светской и церковной администрации. Даже женщины, принадлежавшие к высшей аристократии, как правило, не имели собственных печатей, поскольку пользовались услугами управляю-

Описание археологического контекста находок подготовлено Браниславом Лесаком и Еленой Черненко, сфрагистического материала — Натальей Хамайко.

© Б. Лесак, Н. В. Хамайко, Е. Е. Черненко, 2020.



Рис. 1. Печать княгини Марины. Тип 116. 1 — Киев, усадьба Софийского монастыря (1а — по Пескова 2012: 202; 1b — по Булгакова 2003: рис. 7); 2 — Киев, Подол (по Хамайко 2015: рис. 3; 4).

Fig. 1. Princess Marina's seal. Type 116. 1 — Kyiv, Sophia Monastery yard (1a — after Пескова 2012: 202; 1b — after Булгакова 2003: рис. 7); 2 — Kyiv, Podil (after Хамайко 2015: рис. 3; 4).

щих. Исключение составляли лишь императрицы, правившие персонально или же как регенты.

Самой ранней из древнерусских печатей, принадлежащих женщинам, считается печать «княгини Марии», обнаруженная раскопками Археологической комиссии 1909 г. под руководством Д. В. Милеева в митрополичьем саду Софийского монастыря в Киеве (Лихачев 1928: 117—122; Янин 1970: №116; Булгакова 2003: 67). На аверсе печати изображена княгиня в императорском уборе, слева от которой вертикальная запись имени МАРН, справа — нечетко оттиснутые несколько знаков под титулом (рис. 1: 1а), а на реверсе — благопожелательная формула «Г[оспод]и помози рабъ своеи Мари», выполненная горизонтальной надписью в четыре ряда (рис. 1: 1б).

На данный момент печать считается утраченной, но с момента первой публикации (ИАК 1910: 171) эта яркая находка вызвала активное обсуждение исследователями (деталь-

нее см.: Хамайко 2015: 232—234). Главным вопросом при этом была идентификация ее владелицы. Помимо явно ошибочной первой версии о принадлежности князю Ярославу Владимировичу (Петров 1913: 63—64), с разной аргументацией находка атрибутировалась Марии-Доброгневе (или Доброгне) (†1087), дочери Владимира Святославича, выданной за польского короля Казимира I (Протоколы... 1913: 121); супруге Святослава Ярославича (†1076) (Лихачев 1928: 117—122) либо Святослава Ольговича (†1164) (Лихачев 1928: 117—122; Рыбаков 1951: 445, рис. 223а: 7); супруге Всеволода Ольговича (†1146) (Янин 1970: 71; Булгакова 2003: 72); первой супруге Всеволода Ярославича (†1093) — «греческой царице», матери Владимира Мономаха (Котышев 2006: 167). Такой вариативности сильно поспособствовала не только распространенная анонимность древнерусских княгинь в летописях, упоминаемых только лишь по имени мужа, но и предельная краткость публикации находки с полным отсутствием описания условий обнаружения и археологической датировки контекста.

Единственное, в чем исследователи были солидарны, это определение имени владелицы печати как «Мария». В этой интерпретации сыграли роль два фактора: первый — это собственно надпись МАРН на печати, логичным прочтением которой вполне могло бы быть недописанное имя «Мария», и второй — существование еще двух типов печатей с греческими надписями. Один представлен печатью монахини Марии, текст которой уточняет статус ее владелицы как благороднейшей архонтиссы (Янин 1970: №23), а второй — новгородской печатью с греческой благопожелательной надписью и сходным с киевской находкой написанием имени МАРН (Янин, Гайдуков 1998: 24, №34а).

Только спустя век после первой находки почти синхронно археологическими раскопками были обнаружены еще три печати сходного облика — в 2007 г. в Киеве и Чернигове, и в 2009 г. в Братиславе.

Киевской находке уже была посвящена специальная публикация одного из авторов данной работы (Хамайко 2015). Она происходит из археологических раскопок на Киевском Подоле (ул. Спасская, 35), который в древнерусское время исполнял роль торгово-ремесленного центра столицы. Усадьба, где обнаружена печать, демонстрировала концентрацию импортов в слоях XI—XII вв., а непосредственно горизонт 9, из которого происходит находка, — наличие фрагментов византийского стекла и поливной посуды, анонимные византийские

фоллисы, что засвидетельствовало византийский вектор связей собственника усадьбы (Сагайдак, Хамайко, Вергун 2009; Сагайдак, Хамайко, Комар 2015: 23—30). Происхождение печати из стратиграфически закрытого горизонта, датированного по сопутствующим находкам последней четвертью XI в., позволило уточнить датировку типа 116 по В.Л. Янину.

Печать 2007 г. полностью повторяет найденную в усадьбе Софии Киевской в 1909 г. и оттиснута той же штамповальной парой (рис. 1: 2). Об этом говорит совпадение таких мелких деталей, как элементы убора изображенной на аверсе женщины, места изгиба точечного ободка, идентичная четырёхстрочная надпись на реверсе и особенности начертания букв, нечёткость оттиска левой колонки надписи на аверсе (Хамайко 2015: рис. 1; 4).

Имя владелицы печати МАРН, вслед за уже существующими определениями, было интерпретировано как «Мария». А сама печать атрибутирована великой княгине киевской, второй жене Всеволода Ярославича, мачехе Владимира Мономаха (Хамайко 2015: 241), о которой упоминает летопись под 1097 г. как об анонимной вдове князя Всеволода (ПСРЛ 2001: ст. 237—239).

Две другие печати пока публиковались лишь в качестве сообщений с предварительной атрибуцией (Черненко 2017: 250, ил. 6; Šedivý, Štefanovičová 2012: 457, obr. 799).

Черниговская печать

В первой публикации печать была определена как принадлежавшая княгине Марии (без идентификации владелицы) и датирована концом XI — началом XII в. по аналогии с киевской печатью 1909 г. (Черненко 2017: 250).

Археологический контекст

Свинцовая вислая печать обнаружена в 2007 г. во время раскопок Е.Е. Черненко и А.Л. Казакова (Черненко и др. 2010; Черненко 2016: 87—88; 2017) на северо-восточном участке бывшей черниговской земляной крепости-«детинца» (современное урочище Вал). Раскоп площадью 19×31 м примыкал к юго-востоку к остаткам южной галереи разрушенной древнерусской церкви¹. Эта церковь исследовалась в 1946—1947 гг. Б.А. Рыбаковым (Рыбаков 1946; 1949: 60—99; Рыбаков 1950). Традиционно её принято ото-

ждествлять с упомянутой в Ипатьевской летописи под 1186 г. Благовещенской («Сѣославъ Всеволодичъ. сѣи цркъвъ в Черниговѣ. сѣго Блговѣщеніа. юже бѣ самъ создаѣ» (ПСРЛ 2001: 652)), поскольку из описаний города и картографических материалов известно, что в XVII—XVIII вв. на её месте существовал тезоимённый деревянный храм (Смоличев 1928: 138; Рыбаков 1949: 61—62; Черненко 2017: 246, 254—255). Эта атрибуция была принята и в археологической литературе (Рыбаков 1946; 1949: 60—99; Рыбаков 1950).

Находка печати происходит из культурного слоя, предшествовавшего строительству древнерусской церкви. Строительный горизонт маркировали характерные наслоения строительного мусора (обломки плинфы, цементки, выплески раствора и т.п.). К горизонту, предшествовавшему строительству, относились объекты, содержащие типичные для слоёв Чернигова X—XI вв. материалы: фрагменты гончарных горшков с профилями типов II—III по типологии древнерусской керамики П.П. Толочко и К.М. Гупало (Толочко 1981: 298—301) или же типов 2—13 по типологии М.П. Кучеры (Кучера 1986: 448—449), а также фрагменты амфор и разнообразные бытовые предметы (ножи, точильные бруски, пироксилитовые пряслица и т.п.). Котлованы этих объектов заполнял плотный грунт, насыщенный известковым раствором. Последнее обстоятельство можно связать с подготовкой участка под строительство церкви. Вероятно, этот участок был высвобожден из-под застройки, а котлованы снесенных сооружений не только засыпали, но и пролили раствором чтоб уплотнить структуру грунта и предотвратить его просадку (Черненко 2016: 87—88; 2017: 250). Данному выводу соответствуют и наблюдения Б.А. Рыбакова, отметившего в 1946 г. следы выравнивания строительной площадки у стен церкви, а в её внутреннем периметре — остатки котлованов построек, предшествовавших монументальному строительству (Рыбаков 1946: 12; 1949: 64—65).

Исходя из летописного упоминания об освящении Благовещенской церкви в 1186 г., верхнюю границу времени выпадения печати можно поднять вплоть до 80-х гг. XII в. Впрочем, отождествление расположенного вблизи с раскопом 2007—2008 гг. храма с церковью Благовещения не бесспорно. Решающий и единственный аргумент в пользу этого — строительство в XVII в. новой деревянной церкви Благовещения на руинах старой. Однако старая церковь была разрушена по крайней мере с конца XV в. (Черненко

¹ Детальному рассмотрению результатов раскопок и аргументации датировки церкви будет посвящена отдельная публикация Е.Е. Черненко.

2016: 88; 2017: 249—250)) и достоверная память о её посвящении до XVII в. могла не сохраниться.

К сожалению, раскопки Б. А. Рыбакова недостаточно хорошо задокументированы, что не позволяет однозначно решить вопрос о датировке памятника на основании особенностей его строительной техники. Не даёт для этого оснований и археологический контекст. В то же время, обращает на себя внимание архаичность (анахроничность) архитектуры Благовещенской церкви, неоднократно отмеченная исследователями (Раппопорт 1986: 58; Коваленко, Раппопорт 1987: 5—11; 1992: 39—59; Иоаннисян 2014: 138—139). Не характерная для храмов второй половины XII в. масштабность сближает её с большими пяти-нефными постройками эпохи Ярослава Мудрого (Раппопорт 1986: 58; Иоаннисян 2014: 138). Мозаичная выкладка пола в подкупольном квадрате также характерна для построек более раннего времени (Чукова 2004: 110; Архипова 2014: 497), а равнослойная кладка в сочетании с резными белокаменными блоками, аркатурными поясками из фигурных кирпичей и пилястры с полуколоннами на фасадах галерей дают основания поставить церковь в один ряд с такими памятниками черниговской школы зодчества конца XI — первой четверти XII вв., как однокамерный терем, Борисоглебский собор, Успенский собор Елецкого монастыря, Ильинская церковь. Не исключено, что к этому же времени может относиться строительство «Благовещенской церкви» и, соответственно, выпадение печати.

Описание печати

Печать двусторонняя, на аверсе в месте выхода канала для шнура имеет загиб металла, возможно, образованный при срыве печати с документа (рис. 2). Оттиснута дважды, с почти противоположным переворотом штемпеля, на 160°. Оба раза отпечаток гораздо чётче пропечатался в левой части аверса, и, соответственно, правой части реверса (рис. 3).

Диаметр печати 40×37 мм, толщина 3—5 мм. Вес 46,90 г.

На аверсе — поясное анфасное изображение. Лицо без детализации, передано овальной выпуклостью. На голове диадема с трехбусинным жемчужным декором по центру и по краям, от нее спускаются привески с трехбусинными окончаниями. Хитон с окаймленным жемчугом воротом, поверх него — богато украшенные оплечье и лор. В левой руке — крест, правая поднята в благопожелательном

жесте. По кругу — точечный ободок диаметром 27—28 мм.

Ав.: Слева кириллическая надпись под титлом:

—
М
А
Р
Н

Буква Р в зеркальном написании.

Справа надпись не читается.

Рв.: Кириллическая надпись в четыре строки под титлом:

ГНПОМ
ОЗНРАВ
ЃСВОСН
МАРН

= Г[оспод]и помози рабѣ свои Мари

Слева в верхней части на обоих оттисках рельеф букв читается намного хуже. Справа и внизу, наоборот, буквы видны очень четко.

Буквы на штемпеле выполнены точечным пунсоном.

Точечный ободок по кругу, диаметром 28 мм.

Канал для шнура находится по центру. Вдоль линии прохождения шнура на аверсе заметна трещина металла. Оттиск шнура гладкий, очевидно, шнур был кожаный. В месте, где металл отогнут, видно, что внутри находилось две полоски, что маркировано ребром по центру внутренней поверхности, образованным попаданием металла в зазор между ними.

Исследование состава металла не проводилось.

Сравнение с двумя киевскими печатями показывает полное сходство в деталях оформления фигуры и точечного ободка, но выявляет различие в написании букв. Буква Р на аверсе нанесена зеркально, как и на киевских экземплярах печати, но в латинском варианте — R. Буква Б на реверсе в слове РАБѢ также имеет неславянское начертание — В, более характерное для греческого или латинского алфавита. Титло, в отличие от штемпеля киевской печати, находится слева, над буквой М. Буквы надписи проработаны ударами пунсона, чего не заметно на киевских экземплярах. Создаётся впечатление, что либо для изготовления штемпелей использовался общий маточник, подправленный перед повторным ударом, либо подправлялась непосредственно первая штемпельная пара.

Исходя из этого, черниговская печать относится к типу 116 по В. Л. Янину (1970), но второй штемпельной паре.



Рис. 2. Печать княгини Марины. Тип 116, вариант 2. Чернигов, раскопки Е.Е. Черненко и А.Л. Казакова, 2007 г. (фото Н.В. Хамайко).

Fig. 2. Princess Marina's seal. Type 116, variant 2. Chernihiv, excavations 2007 by O. Ye. Chernenko and A.L. Kazakov (photo by N.V. Khamaiko).



Рис. 3. Печать княгини Марины. Тип 116, вариант 2. Чернигов, раскопки Е.Е. Черненко и А.Л. Казакова, 2007 г. Реконструкция оттисков (рисунок Н.В. Хамайко).

Fig. 3. Princess Marina's seal. Type 116, variant 2. Chernihiv, excavations 2007 by O. Ye. Chernenko and A.L. Kazakov (drawing by N.V. Khamaiko).

Братиславская печать

В предварительной публикации печати в качестве комментария к иллюстрации (Šedivý, Štefanovičová 2012: 457, obr. 799) его авторы, со ссылкой на консультации Ф.А. Ан-

дрошука и Е.В. Степановой, прочли надпись на лицевой стороне как М/А/Р//И/А и Г[оспод]Н ПОМ/[о]ЗН РАБ[ь]/СВОЕН М/АРИМ на обороте, атрибутировав печать как тип 116 по В.Л. Янину (1970). Владелицей печати была названа жена князя Всеволода



Рис. 4. Братислава, центр: 1 — Братиславский замок, отмечено место находки печати; 2 — исторический центр; 3 — Дунай (источник: mapka.gku.sk).

Fig. 4. Bratislava, Center: 1 — Bratislava Castle, marked is the location of the seal; 2 — Historical center; 3 — Danube river (source: mapka.gku.sk).

Ольговича — Мария Мстиславовна. А время выпадения печати в культурном слое Братиславы определено в рамках первой половины XII в. Эта информация нуждается в существенной коррекции.

Археологический контекст

Печать обнаружена в 2009 г. во внутреннем дворе Братиславского замка во время масштабных археологических исследований 2008—2011 гг. (рис. 4). С XI в. века замок стал важной пограничной крепостью Венгрии, и вместе с замками Мошон, Шопрон и Раб (Дьёр) защищал западные границы королевства. Войдя снова в состав Венгрии в 1029 г., Братислава также становится центром пограничного комитата и местом пребывания ишпана (Steinhübel 2012: 363—364).

Цитадель занимает самую высокую площадку на территории Братиславского замка. Вершина почти горизонтального плато замковой горы, достигающая 212,95 м над уровнем моря, создает неправильную продольную форму, ориентированную вдоль длинной оси приблизительно в направлении З—В. Своей высотой площадка цитадели отделяется от остальной части замка и расположена в месте максимального приближения надпойменного плато к руслу реки Дунай.

Первые систематические археологические исследования замкового комплекса были про-

ведены еще в 1958—1966 гг. (Štefanovičová 1975), а последний раз археологические исследования во дворе Братиславского замкового дворца проходили в 2008—2011 гг., тогда было исследовано в общей сложности 835 м² площади внутреннего двора.

Территория раскопок была разделена сетью контрольных бровок, сформировавших 33 участка, ориентированных параллельно северному крылу замкового дворца, и 12 обзорных разрезов (рис. 5а). В основном размеры участков составляли 4×4 м, и при необходимости увеличивались. Метод вертикально-направленных раскопок состоял из комбинации стратиграфических разрезов и ручного отбора проб из выделенных слоев. Культурные отложения, связанные с поселением XI—XII веков, удалось проследить на площади около 240 м².

Печать найдена на участке NS 5/09 (рис. 5: 1), расположенном недалеко от северного крыла замкового дворца, в заполнении объекта 45/09. Объект 45/09 был обнаружен в восточной части участка, на отметке 212,06 м над уровнем моря. Он был впущен в предшествующий горизонт поселения (объект 63/09, NS 5/09, профиль В—В', слой 617). Дно объекта находилось на 0,39 м ниже уровня запуска (отметка 211,67 м). Частично он был прорезан современными перекопами с севера и юга, а в восточном направлении объект заходил под контрольные бровки между участками NS

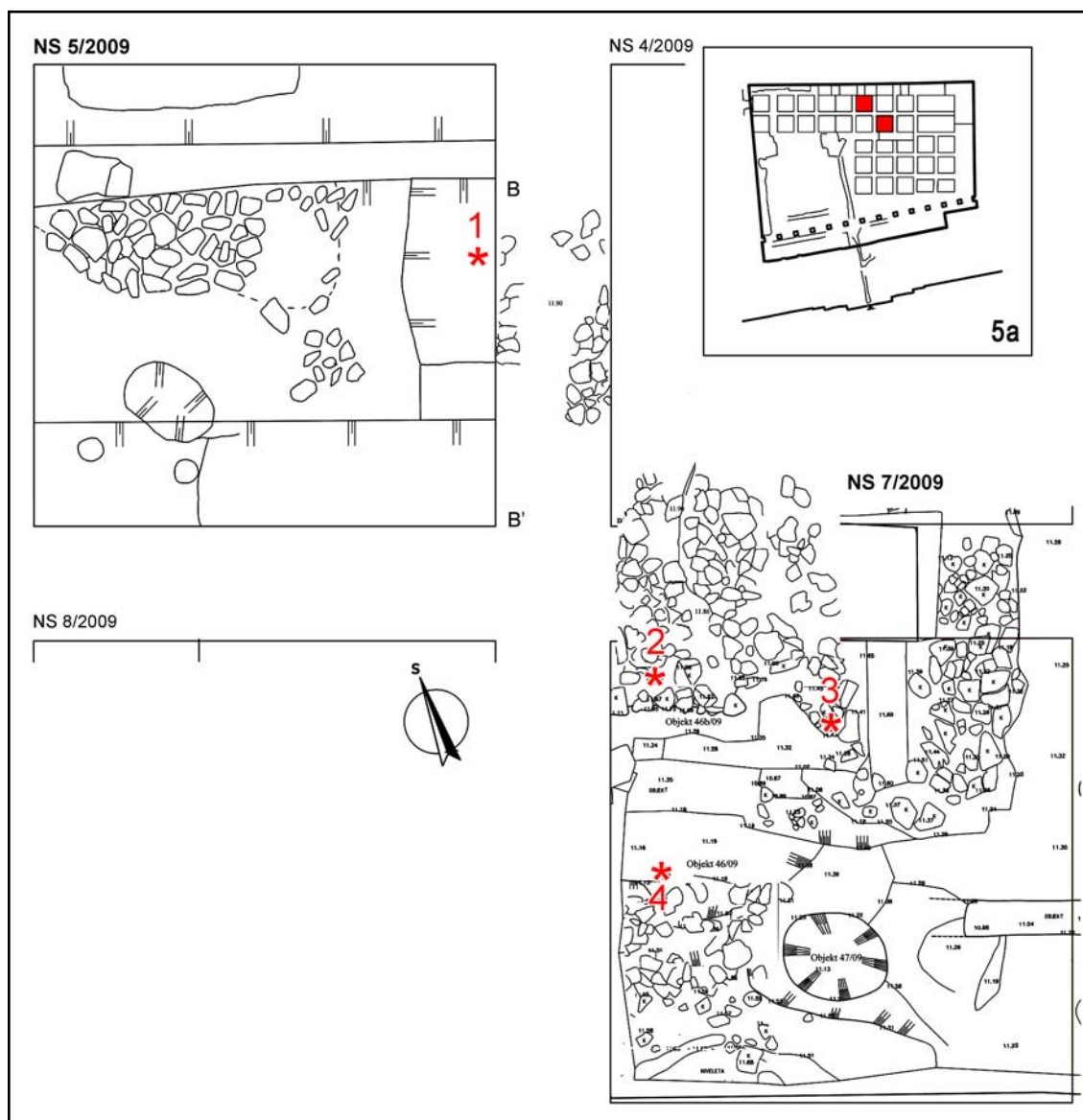


Рис. 5. Братиславский замок, двор. Участки NS 5/2009 и NS 7/2009, план места раскопок. 1 — находка печати; 2, 3, 4 — находки монет (чертёж Б. Лесак).

Fig. 5. Bratislava Castle, courtyard. Zones NS 5/2009 and NS 7/2009, excavation plan. 1 — the seal; 2, 3, 4 — coins (drawing by B. Lesák).

5/09 и NS 4/09, что не позволило исследовать его полностью.

Заполнение постройки состояло из горизонтально отложенных антропогенных глинисто-песчаных слоев с включениями угля, пещины и пепла, обнаруженных в интервале от 211,60 до 212,10 м (NS 5/09, профиль B-B', слой 603a, 603c, 603e, 603d, NS 4/09, профиль D-D', слой 603d). Слои на его нижнем уровне, вероятно, были связаны с его использованием (NS 5/09, профиль B-B', слой 604, 606d, NS 4/09, профиль D-D', слой 606n, 606o, 623b) (рис. 5; 6). Нижняя часть объекта 45/09 была четко отделена слоем глины (NS 5/09, профиль B-B', слой №708).

Местоположение свинцовой печати находилось на отметке 211,72 м (NS 5/09, профиль B-B', интерфейс уровня 603d — 604 (рис. 6)). Сопутствующие находки из заполнения объекта 45/09: фрагменты обломки и отдельные фрагменты керамики. Объект был впущен в культурный слой поселения X—XI вв. и датирован методом интерпретации вертикальной стратиграфии концом XI — первой половиной XII вв. (Lesák, Kováč, Vrtel 2012: 45).

Для хронологизации вертикальной стратиграфии использовали находки, обнаруженные в синхронных слоях соседних участков. Речь идет о находках на участке NS 7/09, примерно на отметке 211,60—211,70 м, где были

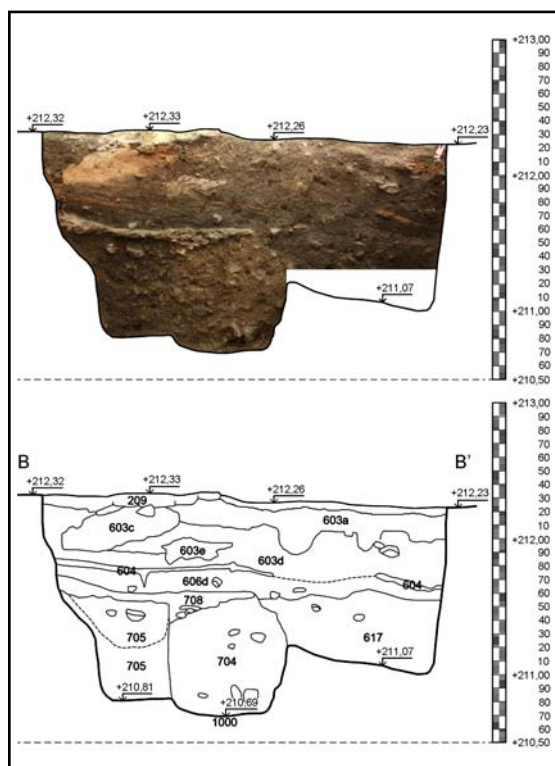


Рис. 6. Братиславский замок, двор. Участок NS 5/2009, секция В-В' (автор: Ing. Б. Габура, геодезист).

Fig. 6. Bratislava Castle, courtyard. Zone NS 5/2009, section B-B' (author: Ing. B. Gabura, surveyor).

обнаружены остатки каменных конструкций 46/09 и 46b/09. Они включали находки трех монет (рис. 5: 2—4), венгерских анонимных денариев старшей группы, имевших хождение на рубеже XI—XII вв.² Эти монеты не носят имя какого-либо государя, но имеют типичные для них простые кресты, дополненные кругами и треугольниками. Такое изображение, несомненно, основано на художественных идеях эпохи венгерских королей Коломана (1095—1116) и Белы II (1131—1141) (Hunka 2013: 54).

Хотя и не прямо, но все же модель интерпретации вертикальной стратиграфии внутри участка NS 30/09 показывает связь между культурными отложениями конца XI — первой половины XII вв. с обнаруженной печатью (Lesák, Vrtel, Kováč 2014: 212, рис. 11; 12). Контекст поселения подтверждается находками монет венгерских королей Ладислава I (1077—1095), Коломана (1095—1116) и Белы II (1131—1141).

² Определение нумизматических материалов выполнил PhDr. Ян Хунка (Ján Hunka), CSc, Археологический институт Словацкой академии наук (Нитра, Словакия).

Описание печати

Печать двусторонняя, очень хорошей сохранности (рис. 7).

Диаметр 31 мм, толщина 5—6 мм. Вес 25,9 г.

Канал для шнура находится по центру. Отверстие в верхней и нижней части печати одно, прямоугольной формы, слегка измененное.

На аверсе — поясное анфасное изображение. Лицо с детализированными чертами: хорошо читаются брови, глаза, нос и губы. На голове диадема, от нее спускаются привески с трехбусинными окончаниями. Одежда без детализации, хорошо читается только верхняя накидка с рельефной оторочкой, поверх которой, возможно, обернут лор. В правой руке — крест, левая поднята в благопожелательном жесте. Точечный ободок по кругу, диаметром 26 мм.

Надпись:

Ав.: Слева вертикально три знака с титлом над Н, последний знак нестандартен:

Р

Н

Н или ГИ (?)

Справа вертикально три знака в зеркальном отражении:

М

А

А

По аналогии с печатями типа 116 по В.Л. Янину, надпись должна включать имя «МАРН», записанное в данном случае в два столбца с ошибкой резчика матрицы в виде зеркального расположения начала надписи и зеркальным начертанием курсивного «а».

Варианты окончания надписи зависят от трактовки нижнего левого знака, более всего напоминающего греческую лигатуру «ГГ». В первом варианте чтения надпись будет иметь вид МАРН АГГ[а].

Второй вариант прочтения исходит из положения, что имена на аверсе и реверсе печати совпадают, отсюда надпись на аверсе МАРННА (Марина). В этом случае резчик написал МА справа, потом РИН слева, а затем добавил А на свободное место справа³. Судя по записи Н с титлом, резчик первоначально намеревался дать имя в сокращении, что и вызвало дальнейшие проблемы с размещением окончания имени.

Отметим, что греческий вариант чтения аверса как Μαρτ[να] αὐ[α] также не может быть совсем исключён, но в любая версия

³ Выражаем благодарность А.А. Гиппиусу за консультацию.



Рис. 7. Печать княгини Марины. Тип 116а. Братиславский замок. Раскопки 2009 г. (1 — фото П. Хоранского; 2 — рисунок З. Нагевой).

Fig. 7. Princess Marina's seal. Type 116a. Bratislava Castle. Excavations 2009 (1 — photo by P. Khoransky; 2 — drawing by Z. Nageva).

об изображении святой на аверсе наталкиваясь на серьёзную проблему идентификации такой персоны, поскольку иконографическая традиция наделять святых царственными одеждами, независимо от их происхождения, относится к значительно более позднему времени.

Rv.: Надпись реверса кириллическая. Расположена в пять строк под титлом:

ГНПОМ
ЗНРАБЪ
СВОЕ НМ
А Р Н Н
Ъ

= Г[оспод]и пом[о]зи рабъ свои Маринѣ
Точечный ободок по кругу, диаметром 28 мм.

Сравнение братиславской находки с киевской и черниговской печатями, при очень близкой палеографии надписей, все же выяв-

ляет заметные различия в деталях оформления и лицевой, и обратной стороны.

Av.: В отличие от печатей типа 116, у братиславской проработаны черты лица; зато венеч княгини выполнен более схематично, на нем отсутствуют трехбусинные окончания; детали одежды выполнены по-другому, нет проработки деталей лора и вообще нет оплечья; крест изображен не в левой руке, а в правой; левая поднята в благопожелательном жесте, что показывает зеркальное расположение относительно киевской и черниговской фигур и означает ошибку резчика, не отразившего всю матрицу аверса зеркально. Отличается и расположение знаков надписи.

Rv.: Надпись, выполненная на реверсе, также отличается в деталях. На киевских и черниговской находках титло, помещенное сверху, достаточно крупное и занимает пространство над тремя буквами, на братиславской же оно заметно меньше и тоньше, и умещает-

ся над одной центральной буквой верхнего ряда. Буква О в начале второго ряда пропущена, а буква Ъ перенесена из начала третьего ряда в конец второго. То же самое и с буквой М, стоящей в конце третьего ряда, в отличие от предыдущих экземпляров, где она стоит в начале четвертого. И самое заметное новшество — появление еще двух букв: N в конце четвертого ряда и Ъ в пятом ряду, которых не было на предыдущих двух штемпельных парах, и которые позволили с уверенностью прочесть полное имя её владелицы, использованное здесь в дательном падеже — МАРННЪ.

На обеих сторонах с заметными различиями выполнен точечный ободок. На братиславской печати различается диаметр точечного ободка аверса и реверса (26 мм и 28 мм соответственно).

Если различия между киевскими и черниговской печатью минимальны и могут быть объяснены сменой (или обновлением) штемпельной пары при сохранении типа печати, то отличия в братиславской не только намного заметнее, но и показывают смену портретного изображения и надписей на лицевой и обратной сторонах. Что заставляет выделить братиславскую печать в отдельный тип 116а⁴.

Естественнонаучные методы анализа

Поверхность братиславского экземпляра была проанализирована двумя неразрушающими методами, а результаты были впоследствии интерпретированы⁵.

Первым использованным методом была рентген-флуоресцентная спектроскопия, проведенная для определения химического состава материала в выбранных точках (1—10). Анализ проводился в вакуумной среде, в которой был возбужден рентгеновский сигнал излучения энергией 50 кВ/600 мкА, ширина луча на образце около 200 мкм. Время отдельных точечных измерений не превышало 120 с.

Рамановская микроспектроскопия использовалась для определения фазового со-

става белого покрытия на металле. Измерение проводилось при комнатной температуре, сигнал генерировался лазерным излучением с $\lambda = 532$ нм, проходя через оптическую систему (объектив 100х) и падая на детектор. Полученный спектр был сопоставлен с базой данных программного обеспечения LabSpec5.

Результаты примененных методов показали, что материал, из которого изготовлена печать, состоит из металла с доминирующим содержанием Pb — 98,79%, незначительным содержанием следов Fe — 0,28%, Sb — 0,28%, Cu — 0,53%, Zn — 0,05%, Co — 0,01%, Cr — 0,03% и Mn — 0,02%. На металле имеется белое покрытие, которое было идентифицировано как PbCO₃ — церуссит, с указанием присутствия гидроксерузита. Это продукты выветривания минералов и материалов Pb. Желто-оранжевая патина также наблюдалась на поверхности церуссита, где были определены элементы P и Ca, которые могут происходить из внешней среды.

Сравнение с киевской печатью 2007 г., для которой также проводились исследования металла при помощи рентгенофлуоресцентного анализа (Хамайко 2015: 235), выявляет сходный состав металла, где превалирует почти чистый свинец. Микропримеси содержались и в киевской находке, объясненные коррозионными процессами. В данном случае они могут свидетельствовать как об остатках рудных примесей, так и о следах взаимодействия с внешней средой.

Заключение

Более чем столетняя дискуссия об атрибуции печати типа 116 (по В.Л. Янину) из раскопок Софии Киевской неожиданно была поднята на новый уровень находкой сразу трех новых печатей, позволивших уточнить полное имя их владелицы, выделить новый родственный тип 116а и вторую штемпельную пару для типа 116. Но главное, что условия их обнаружения при стационарных археологических раскопках на современном уровне позволили вновь поднять вопрос о датировке печатей и исторической роли княгини, которой они принадлежали.

Уникальные геологические условия формирования культурных наслоений Киевского Подола обусловили четкое разграничение хронологических горизонтов аллювиальными и делювиальными слоями, благодаря чему киевская печать 2007 г. оказалась датированной наиболее узко из всех. Общее количество обнаруженных на Спасском раскопе хронологических горизонтов с остатками жизнедеятельности

⁴ Находки печатей типа 116а из нелегального металлопоиска, судя по открытым источникам, известны и на территории собственно Руси (Жуков 2015: 339, рис. 4). Но, кроме этических соображений, их использование невозможно и по причине отсутствия археологического контекста, уверенности в правдивости предоставленных сведений и даже подлинности.

⁵ Исследования провела С. Миловска (S. Milovská), Институт наук о Земле Словацкой академии наук (Банска Быстрица, Словакия).

тельности (не считая внутригоризонтные расчленения и аллювиальные отложения) составляет 25. Они делятся на два больших периода освоения этого участка, один из которых, более мощный, относится к древнерусскому времени (рубеж X—XI — первой пол. XIII в.) и насчитывает 17 хронологических горизонтов с городской застройкой и 5 со следами антропогенного влияния (Сагайдак, Хамайко, Комар 2015: 21—30; Khamaiko, Komar 2012). Горизонт 9, в заполнении которого находилась печать, относится к последней четверти XI в.

В Черниговском детинце и Братиславском замке печати попали в культурные слои с менее дробной стратиграфической привязкой, вследствие чего их датировка шире — вторая половина XI — начало XII в. и конец XI — первая половина XII в. соответственно. Вероятно, к этому времени письменные документы, скреплённые данными печатями, уже утратили актуальность, и печати оказались выброшенными.

Особого внимания заслуживают места новых находок, выводящие тип 116 и, соответственно, рамки деятельности княгини Марины, далеко за рамки узко киевского контекста.

Древнерусский храм в Чернигове, известный в литературе как Благовещенская церковь, некогда был частью комплекса монументальных построек, предположительно — княжеского двора. К этому комплексу относились также храм-усыпальница и парадные ворота, исследованные В.П. Коваленко в 1985—1986 гг. (Большаков, Коваленко 1988: 106—107; Большаков и др. 1989: 54—56; Коваленко 1990: 20—21; Коваленко, Раппопорт 1990; 1991; 1993). Все эти постройки располагались в северо-западной части крепости-детинца вблизи линии городского вала довольно компактно, на расстоянии до 30 м одна от другой.

Наиболее ранняя из построек ансамбля, церковь-усыпальница, была датирована П.А. Раппопортом и В.П. Коваленко 70-ми годами XI в. (Коваленко, Раппопорт 1990; 1991). Её строительство исследователи связали с деятельностью артели константинопольских мастеров, приглашённых в Чернигов Владимиром Мономахом (Коваленко, Раппопорт 1990; 1991; Иоаннисян 2007: 138—139).

Примечательно, что ко времени правления в Чернигове Владимира Мономаха (1078—1094 гг.) относят и сложение школы черниговского зодчества. На эти годы, судя по всему, приходится строительство большинства построек, связанных с деятельностью западноевропейских зодчих: двухкамер-

ного терема, Ильинской церкви и, возможно, Успенского собора (Иоаннисян 2007: 182). Все эти постройки характеризуются проявлениями романской стилистики, которая хорошо прослеживается и в архитектуре храма, известного как Благовещенский. Таким образом, нельзя исключить, что не только церковь-усыпальница, но и находящийся рядом храм был заложен в годы правления Мономаха. Если учитывать, что в эти годы Владимир был фактически соправителем своего отца, Всеволода, а Чернигов играл роль второго стола Руси, то активная строительная деятельность и закладка большого княжеского храма, в облике которого соединились византийская и западноевропейская традиции, кажутся вполне вероятными.

Появление «романизмов» в черниговской архитектуре О.М. Иоаннисян связывает с приглашением Владимиром Мономахом артели зодчих из Северной Италии (Ломбардии) уже после завершения строительства храма-усыпальницы. Это могло произойти при посредстве сестры Мономаха, Евпраксии-Адельгейды, сблизившейся во время пребывания в Италии с тосканской герцогиней Матильдой, в состав владений которой входила и Лангобардия (Ломбардия) (Иоаннисян 2007: 183—184).

Таким образом, в Чернигове печать княгини Марины была обнаружена на территории комплекса монументальных построек, связанного своим возникновением с деятельностью Владимира Мономаха. Существуют все основания отнести выпадение печати ко времени, близкому к началу монументального строительства на этом участке детинца в конце XI — начале XII в. (до постройки «Благовещенской церкви»).

Плохая сохранность киевской находки 2007 г. и проблематичность чтения надписи справа от фигуры могла бы быть компенсирована прочтением надписи на печати из Чернигова. Но, если на киевских экземплярах правая сторона аверса лишь нечетко оттиснута, на черниговском экземпляре из-за двойного оттиска с разворотом печати эта часть полностью не читаема. По-видимому, проблема состояла в клещях буллотирия, которые ко времени изготовления черниговской печати обеспечивали всё более заметный перекосяк.

Обновивший штемпельную пару мастер иногда использовал латинские или греческие буквы вместо кириллицы, хотя уверенно передал кириллический текст. Подобное использование латиницы в комбинации с греческим алфавитом в надписях на монетах и печатях характерно для Византии, что заставля-

ет предполагать иностранное происхождение резчика.

Братиславская печать чуть меньше по диаметру, но сохраняет на аверсе всё ту же «императорскую» иконографию. Резчик надписи на обороте допустил одну ошибку, тем не менее, начертание знаков здесь полностью аналогично киевской группе печатей типа 116, возможно, даже есть основания говорить об одном почерке. Два типа и минимум три штемпельных пары печатей княгини Марины, известных на данный момент, свидетельствуют, что матрицы буллотирия, изнашиваясь, требовали обновления, а то и вовсе замены. Такая деловая активность княгини в Древней Руси не находит аналогий ни с одной другой владелицей, и может быть сравнима только с печатями князей. И уж совсем выдающимся, даже на мужском фоне, выглядит место нахождения печати в Братиславе.

Великокняжеский статус этой княгини (жены Всеволода Ярославича) и её вероятное иностранное происхождение уже подчеркивались одним из авторов данной статьи в публикации киевской находки 2007 г. (Хамайко 2015: 237). Имя «Марина» не встречается в Руси в домонгольское время. Пожалуй, самым ранним упоминанием его является «Данная» черницы Марины 1254 г., вызвавшая, впрочем, длительную дискуссию о её подлинности (Тихомиров 1945: 241—242). Для XI—XII вв. использование имени известно в основном в Византии и Болгарии.

В 1089 г. дочь «княгини Всеволожей» Евпраксия становится супругой императора Генриха IV с новым именем Адельгейда (Назаренко 2001: 553; Рюсс 2010: 81—83), что само по себе должно было говорить о высокородном происхождении её матери; а в 1097 г.

вдова Всеволода при поддержке митрополита принимает участие в разрешении военного конфликта между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем (ПСРЛ 2001, 2: ст. 237—239). Да и запись о купле земли Бояней княгиней Всеволожей при свидетельстве 12 священников на стене Софии Киевской (граффито №25 (Высоцкий 1966: 60—71, табл. XXVII; XXVIII)) также выглядит беспрецедентной для Руси данного времени.

Печати из Киева и Чернигова — не только ближайшего к Киеву города, но и крупного княжеского центра — могут быть вполне логично объяснены самостоятельной хозяйственной деятельностью княгини или же её участием в делах церкви. Но что отражает печать из Братиславы: внешнеполитические связи Марины или её деловые (торговые) контакты?

Проблему, возможно, объясняет история с возвращением на Русь в 1097 г. Евпраксии-Адельгейды после разрыва с Генрихом IV и её суда в Италии (Рюсс 2010: 102—104). Путь Евпраксии проходил через Венгрию, где экс-императрице пришлось задержаться на некоторое время, пока её муж требовал выдачи жены. Братислава, выполнявшая роль не только пограничного с Германией замка, но и центра комитата, вполне могла быть тем пунктом, где на время остановилась княжна. Учитывая сложную политическую ситуацию на Руси в 1097 г., от великокняжеской семьи вряд ли можно было ожидать попыток повлиять на венгерский двор для защиты родственницы. Более всего в этом закономерно была заинтересована мать Евпраксии. В этом случае печать княгини Марины из Братиславы выступает редчайшим свидетельством её переписки с дочерью на пути домой.

Литература

- Архипова Е. И. 2014. Архитектурный декор и скульптура XII века Южной, Юго-Западной Руси и Рязани. В: Лифшиц Л. И. (отв. ред.). *История русского искусства* 2 (2). *Искусство второй половины XII века*. Москва: Государственный институт искусствознания, 307—353.
- Большаков Л. Н., Коваленко В. П., Раппопорт П. А. 1989. Новые данные о памятниках древнего зодчества Чернигова и Новгорода-Северского. *КСИА* 195, 51—57.
- Булгакова В. И. 2003. Софийский корпус печатей: древнерусские и византийские находки на территории Софийского собора в Киеве. *ВВ* 62 (87), 59—74.
- Жуков И. А. 2015. Вислые печати Полоцкого князя Рогволода (Василия) Борисовича (1144—1151, 1159—1162) и его жены, княжны Олины. В: *Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.* Материалы II Международной нумизматической конференции. Санкт-Петербург: Знакъ, 334—343.
- ИАК 1910: Археологические исследования в Киевской губернии (Свод газетных известий). 2. Раскопки в усадьбе Софийского собора. 1910. *ИАК*. Прибавление к вып. 34, 171—176.
- Иоаннисян О. М. 2007. О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века. *Rutenica* 6, 134—188.
- Иоаннисян О. М. 2014. Зодчество второй половины XI века. В: Лифшиц Л. И. (отв. ред.). *История русского искусства* 2 (2). *Искусство второй половины XII века*. Москва: Государственный институт искусствознания, 8—139.
- Коваленко В. П. 1990. К исторической топографии Черниговского детинца. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Проблемы археологии Южной Руси*. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Киев: Наукова думка, 15—23.
- Коваленко В. П. 2002а. Клад 1985 г. на Черниговском детинце. В: Савинов Д. Г. (отв. ред.). *Клады: состав, хронология, интерпретация*. Материалы

- тематической научной конференции. Санкт-Петербург: СПбГУ, 105—108.
- Коваленко В.П. 2002b. Скарб Ольговичів. В: Смолій В. (відп. ред.). *А се его серебро*. Збірка праць на пошану чл.-кор. НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ: ІУ НАНУ, 117—138.
- Коваленко В.П., Раппопорт П.А. 1990. Неизвестный памятник зодчества Руси. *ВВ* 51, 201—204.
- Коваленко В.П., Раппопорт П.А. 1991. Новый памятник византийской архитектуры на черниговском детинце. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Южная Русь и Византия*. Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византистов). Киев: Наукова думка, 142—157.
- Коваленко В.П., Раппопорт П.А. 1992. Этапы развития древнерусской архитектуры Чернигово-Северской земли. В: *Russia Mediaevalis VII*. München, 39—59.
- Коваленко В.П., Раппопорт П.А. 1993. Храмы усыпальница в Чернигове. В: Подобедова О.И. (отв. ред.). *Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции*. Москва: Государственный институт искусствознания, 36—53.
- Котышев Д.М. 2006. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи №25 из киевской Софии). В: Алексеев Ю.Г., Дегтярев А.Я., Пузанов В.В. (отв. ред.). *Исследования по русской истории и культуре*. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. Москва: Парад, 164—174.
- Кучера М.П. 1986. Керамика. В: Баран В.Д. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР* 3. Киев: Наукова думка, 446—455.
- Лихачев Н.П. 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики 1. *Труды музея палеографии* I. Ленинград: АН СССР, 1—175.
- Назаренко А.В. 2001. *Древняя Русь на международных путях*. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. Москва: Языки русской культуры.
- Петров Н.И. 1913. Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода. В: *Чтения в Церковно-историческом и Археологическом обществе при Императорской Духовной академии* XI. Киев, 144—158.
- Протоколы 1913: Протоколы заседаний Нумизматического отделения за время 1909—1912 гг. 1913. *Записки Нумизматического Отделения Императорского Русского Археологического Общества* II (3—4), 90—121.
- ПСРЛ 2001: *Ипатьевская летопись*. 2001. Полное собрание русских летописей 2. Москва: Языки славянской культуры.
- Раппопорт П.А. 1982. *Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников*. САИ Е1—47. Ленинград: Наука.
- Раппопорт П.А. 1986. *Зодчество Древней Руси*. Ленинград: Наука.
- Рыбаков Б.А. 1946. *Раскопки в Черниговском детинце в 1946 году*. НА ИА НАНУ. Ф. 64. Оп. 1946/26.
- Рыбаков Б.О. 1950. Благовіщенська церква у Чернігові 1186 року за даними розкопок. В: Грабовський С.Я. (заг. ред.). *Архітектурні пам'ятки*. Київ: Академія архітектури Української РСР, 55—63.
- Рыбаков Б.А. 1949. *Древности Чернигова*. МИА 11, 7—99.
- Рыбаков Б.А. 1951. Прикладное искусство и скульптура. В: Воронин Н.Н., Каргер М.К. (отв. ред.). *История культуры древней Руси*. Домонгольский период 2 (2). *Общественный строй и духовная культура*. Москва; Ленинград, 396—464.
- Рюсс Х. 2010. Евпраксия-Адельгейда: биографический этюд. *Rossica Antiqua* 2, 54—112.
- Сагайдак М.А., Хамайко Н.В., Вергун О.І. 2009. Нові дослідження торгівельно-ремісничих садиб давньокіївського Подолу. *АДУ 2008* р., 264—267.
- Сагайдак М.А., Хамайко Н.В., Комар О.В. 2015. Спаский розкоп Давньокіївського Подолу. *Пам'ятки України. Історія та культура* (5—6), 20—31.
- Смолічев П. 1928. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських. В: Грушевський М.С. (гол. ред.). *Чернігів і Північне Лівобережжя: огляди, розвідки, матеріали*. Київ: Держвидав України, 118—146.
- Тихомиров М.Н. 1945. О частных актах в древней Руси. *Исторические записки* 17, 222—223.
- Толочко П.П. 1981. Гончарное дело. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Новое в археологии Киева*. Киев: Наукова думка, 284—301.
- Хамайко Н.В. 2015. Печати княгини Марии. *Stratum plus* (6), 231—244.
- Черненко Е.Е. 2016. Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований. *Stratum plus* (5), 83—97.
- Черненко Е.Е. 2017. К вопросу об истории Благовещенской церкви в Чернигове. В: Иоаннисян О.М., Ёлшин Д.Д. (ред.). *Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья*. ТГЭ 86. Санкт-Петербург: ГЭ, 244—256.
- Черненко О.Є., Казаков А.Л., Печеный Є.В. 2010. Дослідження на території Чернігівського дитинця у 2008 році. В: Гаврилюк Н.А. (ред.). *АДУ 2008*. Київ: ІА НАНУ, 461—462.
- Чукова Т.А. 2004. *Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Янин В.Л. 1970. *Актовые печати Древней Руси X—XV вв. I. Печати X—XIII вв.* Москва: Наука.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998. *Актовые печати Древней Руси X—XV вв. III. Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг.* Москва: Интрада.
- Cheyne J.-Cl. 2008. La société byzantine. *L'apport des sceaux* 1—2. Paris: CNRS.
- Cheyne J.-Cl., Caseau B. 2012. Sealing Practices in the Byzantine Administration. Seals and Sealing Practices in the Near East. In: Regulski I., Duistermaat K., Verkinderen P. (eds.). *Developments in Administration and Magic from Prehistory*. Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2—3, 2009 to the Islamic Period. Leuven; Paris; Walpole, MA, 133—148.
- Hunka J. 2013. *Mince Arpádovcov z rokov 1000—1300. Ich podiel na vývoji hospodárstva stredovekého Slovenska*. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied.
- Khamaiko N. V., Komar O. V. 2012. The stratigraphy of the riverside area of Kiev Podol (excavations at the 35, Spaska str.). In: *Geomorphologic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism*. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20—24, 2012. Extended abstracts. Moscow: Smolensk: Univer-sum, 132—132.
- Lesák B., Kováč J., Vrtel A. 2012. *Výskumná dokumentácia z predstihového archeologického výskumu PR Bratislava NKP Bratislavský hrad — nádvorie, parcela č.860/1, k.ú. Bratislava — Staré Mesto, v súvisе s*

- realizáciou stavby „Rekonštrukcia paláca Bratislavského hradu“. Bratislava: Mestský ústav ochrany pamiatok v Bratislave.
- Lesák B., Kováč J., Vrtel A. 2014. Archeologický výskum nádvorja hradného paláca Bratislavského hradu — základné poznatky o stratigrafii včasnostredovekého náleziska. In: Musilová M., Barta P., Herucová A. (eds.). *Bratislavský hrad dejiny, výskum a obnova. Kolektívna monografia prednášok z konferencie konanej v dňoch 22.—23.9.2014 na Bratislavskom hrade v rámci projektu Európskej únie Danube Limes Brand*. Bratislava, 199—214.
- mapka.gku.sk: Základná mapa ZBGIS. URL: <https://zbgis.skgeodesy.sk/mkzbgis/sk/kataster/?bm=worldlmap&gery&z=16&c=17.100129,48.142285&it=point&d>
- t=#/identifikacia/bod/16?1903575.2486371782,6130559.976565298 (accessed 15.04.2020).
- Oikonomidēs Al.N. (ed.). 1974. *Abbreviations in Greek Inscriptions: Papyri, Manuscripts, and Early Printed Books: a Manual*. Chicago: Ares Publ.
- Šedivý J., Štefanovičová T. et al. (eds.). 2012. *Dejiny Bratislavy 1. Od počiatkov do prelomu 12. a 13. storočia. Brezalauspurc na križovatke kultúr*. Bratislava: Slovart.
- Štefanovičová T. 1975. *Bratislavský hrad 9.—12. storočí*. Bratislava: Obzor.
- Steinhübel J. 2012. Osudy hradu Preslava v 10. až 12. storočí. In: Šedivý J., Štefanovičová T. et al. (eds.). *Dejiny Bratislavy 1. Od počiatkov do prelomu 12. a 13. storočia. Brezalauspurc na križovatke kultúr*. Bratislava, 361—369.

References

- Arkhipova, E.I. 2014. In Lifshits, L.I. (ed.). *Istoriia russkogo iskusstva (History of the Russian Arts) 2 (2). Iskusstvo vtoroi poloviny XII veka (Arts of the Second Half of the 12th Century)*. Moscow: Research Institute for Theory and History of Fine Arts, 307—353 (in Russian).
- Bol'shakov, L.N., Kovalenko, V.P., Rappoport, P.A. 1989. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 195, 51—57 (in Russian).
- Bulgakova, V.I. 2003. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 62 (87), 59—74 (in Russian).
- Zhukov, I.A. 2015. In Moiseenko, N.S. (ed.). *Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII—XI vv. (Viking Age in the Eastern Europe by 8th—11th Century Numismatic Sources)*. Saint Petersburg: “Zhukov” Publ., 334—343 (in Russian).
- Arkheologicheskie issledovaniia v Kievskoi gubernii (Svod gazetnykh izvestii) (Archaeological Investigations in the Kiev Province: Code of News from Newspapers) 2. Raskopki v usad'be Sofiiskogo sobora (Excavations in the Barton of St. Sophia Cathedral). 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*. Addenda to the issue 34, 171—176 (in Russian).
- Ioannisian, O.M. 2007. In *Rutenica* 6, 134—188 (in Russian).
- Ioannisian, O.M. 2014. In Lifshits, L.I. (ed.). *Istoriia russkogo iskusstva (History of the Russian Arts) 2 (2). Iskusstvo vtoroi poloviny XII veka (Arts of the Second Half of the 12th Century)*. Moscow: Research Institute for Theory and History of Fine Arts, 8—139 (in Russian).
- Kovalenko, V.P. 1990. In Tolochko, P.P. (ed.). *Problemy arkheologii Iuzhnoi Rusi (Issues of Archaeology of Southern Rus')*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 15—23 (in Russian).
- Kovalenko, V.P. 2002. In Savinov, D.G. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiia (Hoards: Composition, Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 105—108 (in Russian).
- Kovalenko, V.P. 2002. In Smolij, V. (ed.). *A se ego srebro (And It's His Silver)*. Kiev: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 117—138 (in Ukrainian).
- Kovalenko, V.P., Rappoport, P.A. 1990. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 51, 201—204 (in Russian).
- Kovalenko, V.P., Rappoport, P.A. 1991. In Tolochko, P.P. (ed.). *Iuzhnaia Rus' i Vizantiia (Southern Russia and Byzance)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 142—157 (in Russian).
- Kovalenko, V.P., Rappoport, P.A. 1992. In *Russia Mediaevalis VII*. München, 39—59 (in Russian).
- Kovalenko, V.P., Rappoport, P.A. 1993. In Podobedova, O.I. (ed.). *Drevnerusskaia skulptura. Problemy i atributsii (Ancient Russian Sculpture: Issues and Attributions)*. Moscow: Research Institute for Theory and History of Fine Arts, 36—53 (in Russian).
- Kotyshev, D.M. 2006. In Alekseev, Yu.G., Degtiarev, A. Ya., Puzanov, V.V. (eds.). *Issledovaniia po russkoi istorii i kul'ture. Sbornik statei k 70-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova (Studies on the Russian History and Culture: Collected Papers to the 70th Anniversary of Professor I. Ya. Froyanov)*. Moscow: “Parad” Publ., 164—174 (in Russian).
- Kuchera, M.P. 1986. In Baran, V.D. (ed.). *Arkheologiiia Ukrainkoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR) 3. Ranneslavianskii i drevnerusskii periody (Early Slavic and Old Russian Periods)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 446—455 (in Russian).
- Likhachev, N.P. 1928. In *Trudy muzeia paleografii (Proceedings of the Museum of Paleography)* I. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1—175 (in Russian).
- Nazarenko, A.V. 2001. *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX—XII vv. (Ancient Rus on the International Routes: Interdisciplinary Essays of Cultural, Trade, Political Relations in 9th—12th Centuries)*. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Petrov, N.I. 1913. In *Chteniiia v Tserkovno-istoricheskom i Arkheologicheskom obshchestve pri Imperatorskoi Dukhovnoi akademii (Readings in the Ecclesiastic History and Archaeology Society of the Imperial Ecclesiastical Academy)* XI. Kiev, 144—158 (in Russian).
- Protokoly zasedanii Numizmaticheskogo otdeleniia za vremia 1909—1912 gg. (Proceedings of the Numismatic Department for 1909—1912). 1913. *Zapiski Numizmaticheskogo Otdeleniia Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Reports of Numismatic Department of the Imperial Russian Archaeological Society)* II (3—4), 90—121 (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex). 2001. *Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 2. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Rappoport, P.A. 1982. *Russkaia arkhitektura X—XIII vv.: Katalog pamiatnikov (Russian Architecture of 10th—13th Centuries: Catalogue of Monuments)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—47. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Rappoport, P.A. 1986. *Zodchestvo Drevnei Rusi (Architecture of Ancient Rus)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1946. *Raskopki v Chernigovskom detintse v 1946 godu (Excavations in the Chernigov Citadel in 1946)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 64. Inv. 1946/26 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1950. In Hrabov's'kyj, S. Ya. (ed.). *Arkhitelturni pam'yatky (Architectural Landmarks)*. Kiev: Academy of Architecture of the Ukrainian SSR, 55—63 (in Ukrainian).
- Rybakov, B.A. 1949. *Drevnosti Chernigova (Antiquities of Chernigov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 11, 7—99 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1951. In Voronin, N.N., Karger, M.K. (eds.). *Istoriia kul'tury drevnei Rusi. Domongol'skii period (History of Culture of Ancient Rus: Pre-Mongol Period)* 2 (2). Ob-

- shchestvennyi stroi i dukhovnaia kul'tura (*Social System and Spiritual Culture*). Moscow; Leningrad, 396—464 (in Russian).
- Rüß, H. 2010. In *Rossica Antiqua* 2, 54—112 (in Russian).
- Sahajdak, M.A., Khamajko, N.V., Verhun, O.I. 2009. In *Arkeologichni doslidzhennya v Ukraini 2008 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2008)*, 264—267 (in Ukrainian).
- Sahajdak, M.A., Khamajko, N.V., Komar, O.V. 2015. In *Pam'yatky Ukrainy: istoriya ta kul'tura. Richnyk (Monuments of Ukraine: History and Culture)* (5—6), 20—31 (in Ukrainian).
- Smolichev, P. 1928. In Hrushevs'kyj, M.S. (ed.-in-chief). *Chernihiv i Pivnichne Livoberezhzhya: ohlyady, rozvidky, materialy (Chernigov and Southern Left-Bank Region: Reviews, Surveys, Materials)*. Kiev: "Derzhvydav Ukrainy" Publ., 118—146 (in Ukrainian).
- Tikhomirov, M.N. 1945. In *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 17, 222—223 (in Russian).
- Tolochko, P.P. 1981. In Tolochko, P.P. (ed.). *Novoe v arkeologii Kiev (New in Archaeology of Kiev)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 284—301 (in Russian).
- Khamaiko, N.V. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 231—244 (in Russian).
- Chemenko, E.E. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 83—97 (in Russian).
- Chemenko, E.E. 2017. In Ioannisian, O.M., Elshin, D.D. (eds.). *Monumental'noe zochestvo Drevnei Rusi i Vostochnoi Evropy epokhi srednevekov'ia (Monumental Architecture of Ancient Rus and Eastern Europe in Medieval Times)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) LXXXVI. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 244—256 (in Russian).
- Chemenko, O.Ye., Kazakov, A.L., Pechenyj, Ye.V. 2010. In Havrylyuk, N.A. (ed.). *Arkeologichni doslidzhennya v Ukraini 2008 (Archaeological Investigations in Ukraine in 2008)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 461—462 (in Ukrainian).
- Chukova, T.A. 2004. *Altar' drevnerusskogo khrama kontsa X — pervoi treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkeologicheskim dannym (Altar of Ancient Russian Church of the Late 10th — First Third of the 13th Century: Main Architectural Elements by Archaeological Sources)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Ianin, V.L. 1970. *Aktovy pechaty Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia) I. Pechati X — nachala XIII vv. (Stamps of 10th — Early 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ianin, V.L., Gaidukov, P.G. 1998. *Aktovy pechaty Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia) III. Pechati, zaregistrirovanye v 1970—1996 gg. (Stamps Registered in 1970—1996)*. Moscow: "Intrada" Publ. (in Russian).
- Cheyne, J.-Cl. 2008. *La société byzantine. L'apport des sceaux* 1—2. Paris: CNRS.
- Cheyne, J.-Cl., Caseau, B. 2012. Sealing Practices in the Byzantine Administration. Seals and Sealing Practices in the Near East. In Regulus, I., Duistermaat, K., Verkinderen, P. (eds.). *Developments in Administration and Magic from Prehistory*. Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2—3, 2009 to the Islamic Period. Leuven; Paris; Walpole, MA, 133—148.
- Hunka, J. 2013. *Mince Arpádovcov z rokov 1000—1300. Ich podiel na vývoji hospodárstva stredovekého Slovenska*. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied.
- Khamaiko, N.V., Komar, O.V. 2012. The stratigraphy of the riverside area of Kiev Podol (excavations at the 35, Spaska str.). In *Geomorph Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism*. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20—24, 2012. Extended abstracts. Moscow: Smolensk: Universum, 132—132.
- Lesák, B., Kováč, J., Vrtel, A. 2012. *Výskumná dokumentácia z predstihového archeologického výskumu PR Bratislava NKP Bratislavský hrad — nádvorie, parcela č.860/1 k.ú. Bratislava — Staré Mesto, v súvisi s realizáciou stavby „Rekonštrukcia paláca Bratislavského hradu“*. Bratislava: Mestský ústav ochrany pamiatok v Bratislave.
- Lesák, B., Kováč, J., Vrtel, A. 2014. Archeologický výskum nádvorja hradného paláca Bratislavského hradu — základné poznatky o stratigrafii včasnostredovekého náleziska. In Musilová, M., Barta, P., Herucová, A. (eds.). *Bratislavský hrad dejiny, výskum a obnova. Kolektívna monografia prednášok z konferencie konanej v dňoch 22.—23.9.2014 na Bratislavskom hrade v rámci projektu Európskej únie Danube Limes Brand*. Bratislava, 199—214.
- mapka.gku.sk: Základná mapa ZBGIS. URL: <https://zbgis.skgeod-esy.sk/mkzbgis/sk/kataster/?bm=worldimagery&z=16&c=17.100129,48.142285&it=point&dt=#/identifikacia/bod/16?1903575.2486371782,6130559.976565298> (accessed 15.04.2020).
- Oikonomides, A.N. (ed.). 1974. *Abbreviations in Greek Inscriptions: Papyri, Manuscripts, and Early Printed Books: a Manual*. Chicago: Ares Publ.
- Šedivý, J., Štefanovičová, T., et al. (eds.). 2012. *Dejiny Bratislavy 1. Od počiatkov do prelomu 12. a 13. storočia. Brezalauspurc na križovatke kultúr*. Bratislava: Slovart.
- Štefanovičová, T. 1975. *Bratislavský hrad 9.—12. storočí*. Bratislava: Obzor.
- Steinhübel, J. 2012. Osudy hradu Preslava v 10. až 12. storočí. In Šedivý, J., Štefanovičová, T., et al. (eds.). *Dejiny Bratislavy 1. Od počiatkov do prelomu 12. a 13. storočia. Brezalauspurc na križovatke kultúr*. Bratislava, 361—369.

Статья поступила в сборник 19 мая 2020 г.

Branislav Lesák (Bratislava, Slovakia). PhDr. Municipal Institute of Monument Protection Bratislava¹.

Лесак Бранислав (Братислава, Словакия). PhDr. Муниципальный институт охраны памятников Братислава.

E-mail: branislav.lesak@gmail.com

Natalia Khamaiko (Kyiv, Ukraine). Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine²; Museum of History of the Desiatynna Church³.

Хамайко Наталья Витальевна (Киев, Украина). Институт археологии Национальной Академии наук Украины; Музей истории Десятинной церкви.

E-mail: natalia_khamaiko@iananu.org.ua

Olena Chernenko (Chernihiv, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. T.G. Shevchenko National University "Chernihiv Colehium"⁴.

Черненко Елена Евгеньевна (Чернигов, Украина). Кандидат исторических наук. Национальный университет «Черниговский коллегийум» имени Т.Г. Шевченко.

E-mail: allisscorp@gmail.com

Addresses: ¹ Uršulínska St., 9, Bratislava, 811 01, Slovakia; ² Heroiv Stalingrada Ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine; ³ Observatorna St., 21A, Kyiv, 04053, Ukraine; ⁴ Hetman Polubotko St., 53, Chernihiv, 14013, Ukraine

Л. П. Заболотная

Загадка одного портрета: Мария Владимировна Старицкая или Мария (Лупу) Радзивилл?

Keywords: Maria (Lupu) Radziwill, Maria Vladimirovna Staritskaya, 17th century, portrait, costume, Rosenberg, State Historical Museum (Moscow)

Ключевые слова: Мария (Лупу) Радзивилл, Мария Владимировна Старицкая, XVII век, портрет, костюм, Розенбург, Государственный исторический музей (Москва)

L. P. Zabolotnaia

The Mystery of One Portrait: Maria Vladimirovna Staritskaya or Maria (Lupu) Radziwill?

The main objective of this study is an attempt to identify one of the portraits of Maria (Lupu) Radziwill, lost more than 300 years ago. The original of the portrait was found by the author in 2019, in the Rosenberg Castle (Copenhagen, Denmark). A copy of the portrait is kept in the State Historical Museum (Moscow). Both in Rosenberg and in Moscow, until now, the portrait was considered a portrait of Maria Vladimirovna Staritskaya. The author, based on comparative and retrospective methods of historical research, in terms of chronology and typology compared already known, attributed images and systematized the data for constructing the arguments. The basis for the refutation of the existing attribution of the portrait was the mismatch of the costume of the depicted lady with the Russian style, era, etc. According to the author of the study, it is the costume of the portrait's heroine that irrefutably indicates that this is not Maria Vladimirovna Staritskaya, but Maria (Lupu) Radziwill, since it reflects her national origin.

Л. П. Заболотная

Загадка одного портрета: Мария Владимировна Старицкая или Мария (Лупу) Радзивилл?

Основной целью данного исследования является попытка идентификации (атрибуции) портрета Марии (Лупу) Радзивилл, который был утерян более 300 лет назад. Подлинник портрета был найден автором в 2019 году, в замке Розенбург (Копенгаген, Дания). Копия портрета хранится в Государственном историческом музее (Москва). Как в Розенбурге, так и в Москве до настоящего времени он считался портретом Марии Владимировны Старицкой. Автор, опираясь на сравнительный и ретроспективный методы исторического познания, в хронологической и типологической последовательности сопоставил уже известные, атрибутированные изображения и систематизировал данные для построения доказательной базы. Основным аргументом, который был использован в статье, является несоответствие костюма героини русскому стилю, эпохе и т.д. Главным выводом автора является, что именно наряд героини портрета неопровержимо свидетельствует о том, что это Мария (Лупу) Радзивилл, так как отражает национальное происхождение.

Основной целью данного исследования является попытка идентификации (атрибуции) портрета Марии (Лупу) Радзивилл¹, который вот уже более 300 лет известен как портрет Марии Владимировны Старицкой². Подлин-

ник портрета был найден автором в 2019 году в замке Розенбург (Копенгаген, Дания), в результате поисков, продолжавшихся более 8 лет (рис. 1)³. Поиски подлинника начались с обнаружения копии портрета, которая хранится в Москве, в Государственном историческом музее⁴. Как в Розенбурге, так и в Москве до настоящего времени он считался портретом Марии Владимировны Старицкой. До тех пор, пока не было обнаружено оригинальное полотно, мы не располагали аргументами

¹ В историографии встречаются различные варианты написания имени: Мария Радзивилл, Мария Радзивиллова, Мария из Лупулов, Мария Лупул, Мария Могилянка и т.д. Поскольку Мария не имела отношения к династии Мовилз и не находилась с ними в кровном родстве, мы решили унифицировать её имя, связанное с происхождением (она — старшая дочь молдавского господара Василия Лупу) и фамилией мужа (Януш Радзивилл, воевода виленский, великий гетман литовский), т.е. Мария (Лупу) Радзивилл.

² Портрет княгини Марии Владимировны Старицкой, племянницы Иоанна Грозного, выданной замуж за Магнуса, короля Ливонского. Копия с портрета, хранящегося в Копенгагене, в замке Розенбург.

³ Администрация музея Розенбург любезно позволила публикацию портрета. Приносим глубокую благодарность и признательность Йенсу Буску (Jeans Busck), хранителю Датской королевской коллекции в замке Розенбург.

⁴ Администрация ГИМа не позволила нам публикацию портрета.



Рис. 1. Фото портрета из собрания в замке Розенбург (Копенгаген, Дания) (фото автора).

Fig. 1. Photo of the portrait from the collection of the Rosenborg castle, Copenhagen, Denmark (photo by the author).

в пользу того, что на упоминаемых портретах в действительности изображена Мария (Лупу) Радзивилл.

Для разрешения столь непростого вопроса мы прибегли к сравнительному и ретроспективному методам исторического познания, которые позволили в хронологической и типологической последовательности сопоставить уже известные, атрибутированные изображения (Заболотная 2015a; 2015b; Zabolotnaia

2017) и систематизировать данные для построения доказательной базы. Помимо этого, с точки зрения исследовательской методологии, иллюстративные источники часто игнорируются и считаются незначительным, вспомогательным материалом на фоне письменных и других материальных источников. Однако, на наш взгляд, именно этот вид источников не только позволяет идентифицировать и персонализировать тот или иной

исторический персонаж, но и помогает затронуть спектр малоизученных проблемных полей повседневности и ментальности прошлого, образа жизни, модели личностного поведения, статусного положения в семье и обществе. В данной статье, мы не просто увидим портрет одной женщины XVII века, а превращение одного исторического персонажа в другой, со всеми вытекающими событиями и обстоятельствами эпохи.

Изучая современную историографию по данной теме, мы были удивлены, что до настоящего времени российские исследователи по-прежнему используют этот портрет в качестве иллюстрации при публикации работ о Марии Владимировне Старицкой (Таймасова 2010: 78—93; Шитков 2012). Еще в XIX веке опытные специалисты-искусствоведы подвергли сомнению атрибуцию образа этого портретного персонажа, принимая во внимание несоответствие костюма русскому стилю, эпохе и т. д.

Сомнение в том, что на героине русский традиционный костюм XVI века, в довольно осторожной форме высказал выдающийся русский археолог и историк искусства Г. Д. Филимонов (Филимонов 1874—1876: 46—47; Ровинский 1889: 939). Затем основательное и фундаментальное опровержение привел не менее авторитетный исследователь Я. И. Смирнов (Смирнов 1916: 357—364), который, опираясь на материалы своих современников, первым привел серьезные аргументы в пользу того, что это не может быть Мария Владимировна Старицкая. Будучи блестящим знатоком работ художников-портретистов, работавших при дворе Януша Радзивилла (1612—1655) (Смирнов 1908: 197—512), он первый предположил, что на портрете изображена жена гетмана, Мария (Лупу) Радзивилл. Он сравнил так называемый портрет Марии Владимировны Старицкой с 7 известными на тот момент портретами (Zabolotnaia 2017; Batowski 1932)⁵ и гравюрами (Matthäus Merian, Willem

Hondius, Hirsz Lejbowicz) Марии (Лупу) Радзивилл, изданными в 1652 году Маттеусом Мерианом в «Theatrum Europaeum» (Theatrum Europaeum 1663: 1115, 1118), и обнаружил практически полное совпадение. Одна из гравюр была выполнена в 1651 году в Гданьске фламандским гравером и художником Вильгельмом Хондиусом (Gviliemvs Hondius, Willem Hondius, 1597—1652/1658)⁶ с рисованного портрета работы голландского живописца Абрахама ван Вестерфельда (Abraham van Westervelt/Westerfeldt, 1620—1692), который в 1650—1653 годах был придворным художником у Януша Радзивилла (Batowski 1932: 32).

В частности, Я. И. Смирнов в полемике с Г. Д. Филимоновым, который считал, что костюм традиционно русский (Филимонов 1874—1876: 46—47), отмечает, что «в детальном описании костюма мы находим лишь три, и притом не вполне убедительные, прямые указания на русские аналогии этому костюму [...] шубка [...] покрыта плотной серебряною материею с крупными, затканными золотыми травами, т. е. точно такую, которую употребляли наши цари и царицы еще в XVII столетии, и которую едва ли когда-либо носили на Западе» (Смирнов 1916: 359).

Доводы и аргументы Я. И. Смирнов приводит убедительные и доказательные — во-первых, ткань, стиль, покрой одежды не соответствуют веку. Во-вторых, он подчеркивает и выделяет разность традиции и моды в ношении одежды царскими особа-

что художник Абрахам ван Вестерфельд (Abraham van Westervelt) еще до приезда в Польшу был в Яссах, назвав этот период в жизни художника «волошским» (см. Batowski 1932). Мы не согласны с этой точкой зрения, так как она не совсем последовательна. Во-первых, голландский художник не мог добираться в Польшу через Яссы, молдавскую столицу. Ни географически, ни логически это предположение не вписывается в канву исторических событий из жизни столь уже известного и востребованного художника. Нигде не встречается информация о его пребывании в Молдавском княжестве. Однако мы полностью поддерживаем логичность и последовательность Зыгмунта Батовского в поиске первого портрета Марии (Лупу) Радзивилл, который упоминается как подарок нареченной невесты Януша Радзивилла. Этот портрет, на наш взгляд, является краеугольным камнем в серии портретов Марии (Лупу) Радзивилл. Начиная с него, менялось только лицо Марии, что зависело от уровня мастерства художников. На всех портретах и гравюрах она в одном и том же наряде, в тех же украшениях, с тем же крестом, так же уложенными волосами под эгреткой. Только возрастные изменения лица четко и ясно видны.

⁶ В этом же году был выполнен портрет молдавского господаря Василия Лупу, отца Марии (Лупу) Радзивилл.

⁵ Иоган Шреттер, Абрахам ван Вестерфельд. Автор также ссылается на портрет, который упоминается в регистре Богуслава (1657), а затем его дочери Людовики-Каролины (1670): «портрет Анны-Марии, государевны земель молдавских, жены Януша». В этой же Радзивилловской описи упоминается портрет Василия Лупу и некой Александры, которая явно была сестрой Марии по имени Руксанда (Руксанда, Александра) (см. Zabolotnaia 2017). Я. И. Смирнов предполагает, что именно эти портреты могут свидетельствовать о том, в 1651 г. молдавский господарь Василий Лупу гостил у своего зятя, и, вполне возможно, с младшей дочерью. Авторитетный польский историк искусства Зыгмунт Батовски (Zygmunt Batowski) предполагает,

ми запада и востока: «рисунок парчи, действительно, скорее указывает на XVII век, нежели на XVI век; одежда восточная, а не западная — это не подлежит, конечно, сомнению» (Смирнов 1916: 359). Но вызывает особый интерес его предположение, что ткань не просто парчовая, а привезенная из ведущих европейских торгово-текстильных центров — «западной, лионской или генуэзской работы» (Смирнов 1916: 359). Известно, что французский город Лион со времен средневековья считался «шелковой столицей» Европы, именно здесь производились самые роскошные, изысканные и дорогие ткани. Генуэзские купцы были связаны со всеми крупнейшими европейскими рынками Европы и на протяжении веков были поставщиками предметов роскоши, особенно тканей североευропейского производства (преимущественно фламандского) на внутреннем рынке Молдавского княжества. Не вызывает сомнения, что Василий Лупу, который отличался рафинированным, элегантным вкусом и любил роскошь, не пожалел купить для своей дочери самые дорогие ткани.

Другой, и не менее важный аргумент, который Я. И. Смирнов приводит в пользу того, что портрет изображает не Марию Владимировну Старицкую, касается украшений: «Русским остается лишь сам факт изобилия драгоценного металла, камней и жемчуга, обременяющего грудь, уши и руки королевы, однако, в этом отношении у нас было много соперников — весь Восток, Литва, Молдавия, Венгрия, да и в значительной мере и сама Западная Европа, так что признаваемый здесь автором “русский вкус” осторожно было бы заменить “восточно-европейским”» (Смирнов 1916: 359). На наш взгляд, определение «восточно-европейский стиль» здесь наиболее удачное, т. к. на данном портрете мы не видим ярко выраженного специфического или самобытного стиля, напротив, смешение стилей.

Обращает на себя внимание жемчуг — колье на шее в два ряда (возможно, пристежное текстильное ожерелье), а также богатые жемчужные ожерелья, в три ряда, тройного сплетения, в комбинации с камнями и медальонами с цветочным орнаментом, инкрустированными также драгоценными камнями. Украшение массивно ниспадает на грудь и до пояса. В центре ожерелья завершаются крупными драгоценными медальонами (Рябцева 2005: 5—6)⁷. Практически на всех портретах и гробницах Марии (Лупу) Радзивилл мы встречаем

не только подобный наряд, но и аналогичное длинное трехрядное ожерелье лентообразной формы и нагрудную цепь (Zabolotnaia 2017).

В данном контексте представляет огромную важность тот факт, что сохранились изображения матери Марии (Лупу) Радзивилл, Тудоски (на фрагментах фресок и на ее надгробной пелене, которая хранится в церкви Трех Святителей в Яссах)⁸, на которых можно увидеть жемчуг на шее и роскошную одежду из дорогих тканей, украшенную плетеной тесьмой и драгоценными камнями (Alexianu 1987: 352; Florea-Donica 2009; Nicolescu 1970: CCIII). Жемчуг был очень популярен в XVI—XVII веках в Дунайских княжествах и служил атрибутом высшего происхождения и царственности. Одежда господарей и бояр была украшена жемчугом для придания им особого блеска, великолепия и аристократизма. Женские убранства также отличались обилием жемчужных украшений (Iorga 1937: V—XI).

При описании нашего портрета отдельно внимания заслуживают серьги. Здесь мы видим массивные серьги с подвесками, богато украшенные драгоценными камнями и двумя декоративными розами. По мнению специалистов, они были изготовлены местными мастерами в национальном стиле из драгоценных и полудрагоценных камней. Массивность этих украшений символизировала высокий статус и происхождение владелицы (Irimescu 2013). Так же, как и ожерелья, их можно встретить на всех изображениях Марии (Лупу) Радзивилл.

Не вызывает сомнения, что украшения из жемчуга она унаследовала от матери и с особой преданностью не расставалась с ними никогда, носила всю жизнь (Заболотная 2015а: 115—127). Смеем предположить, что украшения не случайно копировались с одной картины на другую, а делалось это преднамеренно. Таким образом Мария старалась не только сохранить добрую память о наследстве от матери, но и увековечить свое богатое приданное, которое она привезла в Польшу.

Голова Марии покрыта рантухом⁹ — большим светлым покрывалом, вышитым шел-

⁸ Особую ценность в церкви Трех Святителей представляет икона Трех Святителей, которая была выполнена на заказ в Москве в 1639 г., и надгробная пелена госпожи Тудоски и ее сына Иоана, вышитая ею собственноручно.

⁹ Рантух — головной убор замужних женщин, который был составной частью костюма шляхтянки. Платок, вышитый шелком или золотом.

⁷ Выражаем глубокую благодарность С. С. Рябцевой, которая оказала помощь в профессиональном описании украшений.

ком или золотом, красиво драпирующимся на плечах. Этот головной убор не только указывал на высокий социальный статус, но придавал женщинам того времени большое достоинство, подчеркивал скромность, особенно, когда его белый цвет сочетался с темным платьем и темными волосами. Поверх рантуха надета бархатная шапочка, богато украшенная жемчугом и драгоценными камнями, а с правой стороны — эгреткой с перьями. Эгретка или крупная брошь, как видно, богато усыпана бриллиантами, крепит небольшой, элегантный пучок перьев к головному убору, а не к прическе. С левой стороны головной убор украшен ажурным, изящной ювелирной работы украшением (возможно, кокардой).

Известно, что эгреты в изучаемый период были распространены на востоке (Irimescu 2013). Однако в нашем исследовании аргументом, который может служить в пользу идентификации Марии (Лупу) Радзивилл, могут быть изображения Василия Лупу и других членов семьи (Тудоска, Екатерина Черкешенка, сводный брат Штефаницэ), чьи головные уборы украшают богатые эгреты. Сеем предположить, что именно этот компонент головного убора был характерным элементом, который подчеркивал высокое господарское происхождение Марии.

Особое место в рамках дискуссии об идентификации портрета занимает вопрос о кресте. Мы не согласны с мнением некоторых исследователей, что крест, изображенный на портрете, является католическим. В частности, Л. Таймасова, которая убеждена, что портрет принадлежит Марии Владимировне Старицкой, отмечает, что «единственной, примечательной “непристойностью” портрета было то, что на груди Марии Старицкой висел крупный католический крест из кристаллов, на золотой цепочке, хотя она была православной». (The portrait's notable “indecent” lay in the substantial Catholic cross of crystal hanging on a gold chain that rested on her breast even though she was Orthodox.) (Taimasova 2017: 9).

Во-первых, нас удивило, что автор не потрудились лично ознакомиться с портретом, который хранится в ГИМе и доступен для просмотра, а ссылается на черно-белый портрет, изданный С.П. Бартевым еще в 1916 году (Бартев 1916: 237). На наш взгляд, крест вовсе не католический, это просто один из видов православного нательного креста. Мария Радзивилл была глубоко верующей православной. Выйдя замуж за кальвиниста Януша Радзивилла, она не изменила свое вероиспо-

ведение. Мало того, она щедро одаривала православные монастыри и церкви в Литве (Речи Посполитой). Об этом свидетельствует также ее завещание, согласно которому она практически все свое состояние оставляла православным монастырям и церквям (Zabolotnaia 2015c: 5—25; ВСДМ 1897: 14).

Нательный крест, изображенный на портрете, не только представляет собой постоянный атрибут православного верующего, но и выразительно указывает на высокий социальный статус. Как видно на картине, крест занимает центральное место среди прочих аксессуаров на груди и явно выполнен в нестандартной, крупной форме, очевидно, из золота. На то, что это женский нательный крест, указывает его ажурность, ornamentация крупными драгоценными камнями и мелкими кристаллами, обрамление подвесками из жемчуга. В данном случае крест выполняет двойную функцию — декоративную и религиозную. Считается, что крест — это не только символ страданий Христа, но и спасительное орудие, которое спасает человека от бед и невзгод. На всех картинах и гравюрах Марии (Лупу) Радзивилл крупный нательный крест выделяется, как и остальные элементы костюма (Zabolotnaia 2017: 209—223).

Исключение составляет только картина виленского художника Иоганна Шреттера «Две жены Радзивилла», на которой Мария изображена в черном платье (протестантском) с богатыми кружевами, и без украшений. Единственным объединяющим элементом в образе Марии Радзивилл на портрете Иоганна Шреттера и на портретах из Розенборга и из Москвы (где якобы изображена Мария Старицкая) является ее полусогнутая левая рука и в ней платок. Известно, что в искусстве конца XVI — XVII веков, особенно на женских портретах, платок, украшенный кружевами, кистями и вышивкой, был одним из статусных символов богатства и респектабельности. Платок, наравне с другими аксессуарами (перчатками, браслетами, перстнями, веерами и прочим), отражал образ жизни, характер, стиль в одежде. На наш взгляд, если на картине Иоганна Шреттера образ и убранство Марии Радзивилл переданы в лучших художественных традициях выразительной аристократичности XVII века, то на розенбургском и московском портретах, напротив, мы видим ярко выраженный традиционный, национальный колорит.

Обобщая вышеизложенное, приведем цитату Я.И. Смирнова, который отметил, что «пересмотр вопроса о костюме и уборах, столь

тщательно воспроизведенных на портрете, приводит к сомнению в том, что на нем изображена действительно русская княгиня Мария Владимировна Старицкая, как утверждает надпись» (Смирнов 1916: 358—360). Благодаря методологическим сомнениям Я.И. Смирнова и личным исследованиям, мы можем оспорить идентификацию портрета, который уже более 300 лет не может найти своего «героя», вернее, героиню. Одним из аргументов служит именно наряд героини портрета, который неопровержимо свидетельствует о том, что это Мария (Лупу) Радзивилл. В рассматриваемый период костюм прежде всего отражал принадлежность к избранному сосло-

вию, но в нашем случае — и национальное происхождение.

Возможно, наши публикации о многочисленных портретах (изучено более 10 изображений) Марии (Лупу) Радзивилл, включая это небольшое исследование, не станут окончательным вердиктом во всей этой «странной и туманной истории», но мы очень надеемся, что они послужат одним из аргументов при дальнейшей атрибуции портрета, который по сей день хранится в фондах крупнейших музеев мира — Розенборга (Дания) и ГИМа (Москва) под названием «Портрет Марии Старицкой, жены короля Магнуса», что не соответствует правде.

Литература

- Бартенев С. П. 1916. *Московский кремль в старину и теперь*. Т. II. Москва.
- ВСДМ 1897: *Виленский Свято-Духовский монастырь*. 1897. Вильна.
- Заболотная Л. П. 2015а. Образ Марии (Лупу) Радзивилл в историческом наследии польского художника Корнеля III-легал. В: Zabolotnaia L. (coord. št.). *Polonezii în Moldova. Istorie și contemporanietate*. Culegere de studii și documente. Chișinău: Academia de Științe a Moldovei; Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza; Warszawa: Polska Akademia Nauk, 115—127.
- Заболотная Л. П. 2015b. Свадьба князя Януша Радзивилла с Марией, дочерью молдавского господаря Василия Лупу в описании современников. В: Zabolotnaia L. (coord. št.). *Dialogul civilizațiilor. Interferențe istorice și culturale*. Ad Honorem Victor Țvircun. Chișinău: Cartdidact, 149—161.
- Ровинский Д. А. 1889. *Подробный словарь русских гравированных портретов*. Т. I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Рябцева С. 2005. *Древнерусский ювелирный узор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Смирнов Я. И. 1908. Рисунки Киева 1651 года по копиям их конца XVIII века. В: *Труды XIII Археологического съезда 2*. Москва, 197—512.
- Смирнов Я. И. 1916. Мнимый портрет племянницы Ивана Грозного. В: *Сборник статей в честь графини Прасковьи Ивановны Уваровой*. Москва, 357—364.
- Таймасова Л. Ю. 2010. Кунтуш в гардеробе Марии Старицкой и Евдокии Лопухиной. *Вестник Тверского государственного университета* 17, 78—93.
- Филимонов Г. Д. (отв. ред.). 1874—1876. *Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее* 4. Москва.
- Шитков А. В. 2012. *Корона и крест Ливонской королевы*. Старицк: Старицкая типография.
- Alexianu A. 1987. *Mode și veșminte din trecut. Cinci secole de istorie costumară românească* I. București: Meridiane.
- Batowski Z. 1932. *Abraham van Westervelt, Malarz Holenderski XVII wieku i jego prace w Polsce*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Nicolescu C. 1970. *Istoria costumului de curte în Țările române, secolele XIV—XVII*. București: Editura Științifică.
- Florea-Donica L. 2009. *Costumul medieval românesc. Revista Limba Română* XIX (11—12), 179—183.
- Irimescu S. 2013. *Diademe, margele, bratari. Istorii de poadoabe*. Cultura 8 (6). București, 26—30.
- Iorga N. 1937. *Portretele doamnelor române*. Comisiunea Monumentelor Istorice. București.
- Taimasova L. 2017. Family Secrets of the First Romanovs: “Documents That Are Indecent for History”. *Новый исторический вестник = The New Historical Bulletin* 52 (2). Москва, 78—93.
- Theatrum Europaeum 1663: *Theatrum Europaeum oder Historische, Jahr 1647 bis 1651 exclusive*. VI Theil. 1663. Matth. Merians, Seel. Erben. Franckfurt a. M.
- Zabolotnaia L. 2015. The riddles, myths and facts concerning Maria (Lupu) Radziwiłł's last will and testament. *Journal Istorijs* 97 (1). Vilnius, 5—25.
- Zabolotnaia L. 2017. The History of the Private Life of Maria (Lupu) Radziwiłł Reflected in the Images of the Epoch. In: *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio M: Balcaniensis et Carpathiensis* (2), 209—223.

References

- Bartenev, S. P. 1916. *Moskovskii kreml' v starinu i teper' (The Moscow Kremlin in the Old Days and Now)* II. Moscow (in Russian).
- Filimonov, G. D. (ed.). 1874—1876. *Vestnik Obshchestva drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom Publichnom muzee (Bulletin of the Ancient Russian Art Society at the Moscow Public Museum)* 4. Moscow (in Russian).
- Vilenskii Sviato-Dukhovskii monastyr' (Holy Spirit Monastery in Vilno). 1897. Vilno (in Russian).
- Zabolotnaia, L. P. 2015. In *Polonezii în Moldova. Istorie și contemporanietate*. Culegere de studii și documente. Chișinău; Poznań; Warszawa (in Russian).
- Zabolotnaia, L. P. 2015. In Zabolotnaia, L. (coord.). *Dialogul civilizațiilor. Interferențe istorice și culturale*. Ad Honorem Victor Țvircun = *Dialogue of Civilizations. Historical and Cultural Interferences: The collection of articles*. Ad Honorem Victor Țvircun. Chișinău (in Russian).

- Rovinskii, D.A. 1889. *Podrobnyi slovar' russkikh gravirovannykh portretov (Detailed Dictionary of Russian Engraved Portraits)* I. Moscow (in Russian).
- Riabtseva, S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Smirnov, Ya.I. 1908. In *Trudy XIII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 13th Archaeological Congress)* 2. Moscow, 197—512 (in Russian).
- Smirnov, Ya.I. 1916. In *Sbornik statei v chest' grafini Praskov'i Ivanovny Uvarovoi (Collected Papers in Honor of Countess Praskovya Uvarova)*. Moscow, 357—364 (in Russian).
- Taimasova, L. Yu. 2010. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tver State University)* 17. Tver (in Russian).
- Shitkov, A.V. 2012. *Korona i krest Livonskoi korolevy. Mariia Staritskaia (Crown and Cross of the Queen of Livonia: Mary of Staritsa)*. Series: Galereia znamenitykh starichan (Gallery of Famous Natives of Staritsa). Staritsa: "Staritskaia tipografiia" Publ. (in Russian).
- Alexianu, A. 1987. *Mode și veșminte din trecut. Cinci secole de istorie costumată românească* I. București.
- Batowski, Z. 1932. *Abraham van Westervelt, Malarz Holenderski XVII wieku i jego prace w Polsce*. Kraków.
- Nicolescu, S. 1970. *Istoria costumului de curte în Țările române, secolele XIV—XVII*. București.
- Florea-Donica, L. 2009. Costumul medieval românesc. In *Revista Limba Română*. Nr. 11—12. anul XIX, 179—183.
- Irimescu, S. 2013. Diademe, margele, bratari. Istorie de podoabe. *Cultura* 8 (6). București, 26—30.
- Iorga, N. 1937. Portretele doamnelor române. In *Comisiunea Monumentelor Istorice*. București.
- Taimasova, L. 2017. Family Secrets of the First Romanovs: "Documents That Are Indecent for History". In *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin* 52 (2). Moscow, 78—93.
- Theatrum Europaeum oder Historische, Jahr 1647 bis 1651 exclusive. VI Theil. Matth. Merians, Seel. Erben. Franckfurt a.M. 1663.
- Zabolotnaia, L. 2015. The riddles, myths and facts concerning Maria (Lupu) Radziwiłł's last will and testament. *Journal Istorija* 97 (1). Vilnius, 5—25.
- Zabolotnaia, L. 2017. The History of the Private Life of Maria (Lupu) Radziwiłł Reflected in the Images of the Epoch. In *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio M: Balcaniensis et Carpathiensis* (2), 209—223.

Статья поступила в сборник 18 февраля 2020 г.

Lilia Zabolotnaia (Kishinev, Moldova). Doctor of History. The National Museum of History of Moldova¹.

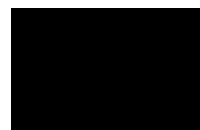
Заболотная Лилия Павловна (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Национальный музей истории Молдовы.

E-mail: lilizab61@gmail.com

Address: ¹ 31 August 1989, 121 A, Chișinău, MD-2012, Republic of Moldova

«Сумма технологий»

‘Summa technologiae’



К. С. Чугунова

Информативность химического состава средневекового металла на примере двух групп украшений из медных сплавов

Keywords: North-West Rus', 11th — 14th centuries, small jingle bells, round pendants, chemical composition of metal, copper-based alloys, analysis

Ключевые слова: Северо-Запад Руси, XI—XIV вв., бронзовые украшения, бубенчики, круглые решетчатые подвески, химический состав металла, медные сплавы, анализ

K. S. Chugunova

Informational Value of Medieval Metal's Chemical Composition Based on Two Groups of Copper-Alloy Jewelry

This paper addresses chemical composition of copper-based alloy in two groups of jewelry: round pendants and small (jingle) bells. Jewelry items were excavated in the burial complexes of the North-West part of Russia (11th—14th centuries). Their chemical composition was studied by XRF and SEM-EDX methods. The results of this analysis were shown to be informative for the purposes clarification of the date and the origin of the jewelry. There is a noticeable chronological trend in tin content in the alloys of round laced pendants. Certain dissimilarity existed in some components in the small bells from different regions ("Gdov" barrows and eastern periphery of the Izhora plateau).

K. C. Чугунова

Информативность химического состава средневекового металла на примере двух групп украшений из медных сплавов

Настоящая работа посвящена составу сплавов двух групп ювелирных украшений из цветного металла, обнаруженных в могильниках Северо-Запада Руси XI—XIV вв. — круглых решетчатых подвесок и бубенчиков. Определение количественного состава сплавов осуществлялось двумя методами: рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) и рентгеноспектрального микроанализа (РСМА). Была продемонстрирована информативность результатов такого анализа для уточнения даты и происхождения рассмотренных украшений. Отмечена тенденция изменения процентного содержания главного компонента (олова) в сплавах круглых решетчатых подвесок с течением времени: в более ранних комплексах оно выше. Зафиксированы различия в содержании отдельных компонентов в сплавах, отличающие металл бубенчиков, происходящих из могильников окрестности г. Гдов, от металла бубенчиков, происходящих из могильников восточной периферии Ижорского плато.

Практика применения естественнонаучных методов в археологии из желательного и необходимого дополнения давно превратилась в самостоятельную дисциплину — археометрию. Одним из ее направлений является определение химического состава археологического металла. Знание химического состава ювелирных украшений расширяет наши представления об особенностях сырьевой базы и технологических приемах производства в древности. Кроме того, по мнению ряда исследователей, через изучение химического состава металлических изделий иногда удается определить конкретные рудные источники с последующим выходом на географию их месторождений (Черных, Барцева 1972; Ениосова, Сингх, Степанов 2018: 63).

Было бы заманчиво иметь инструментальный метод анализа, позволяющий и датиро-

вать предметы, и определять их происхождение (Kossolapov, Chugunova 2005: 80). Одним из редких случаев, когда химический состав металла может напрямую указывать на хронологию, является процентное содержание цинка в латуни. Принято считать, что предметы, содержащие около 30% цинка, имеют сравнительно позднее происхождение¹ (Craddock 2009: 147—148).

В отделе Научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа проведена серия анализов химического состава металла ювелирных украшений Северо-Запада Руси X—XIV вв., хранящихся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири и Отделе истории русской культуры Государственного Эр-

¹ Исключения см.: (Craddock 1981: 20—31; Kharakwal 2006: 150—151; Егорьков 2008: 158—161).

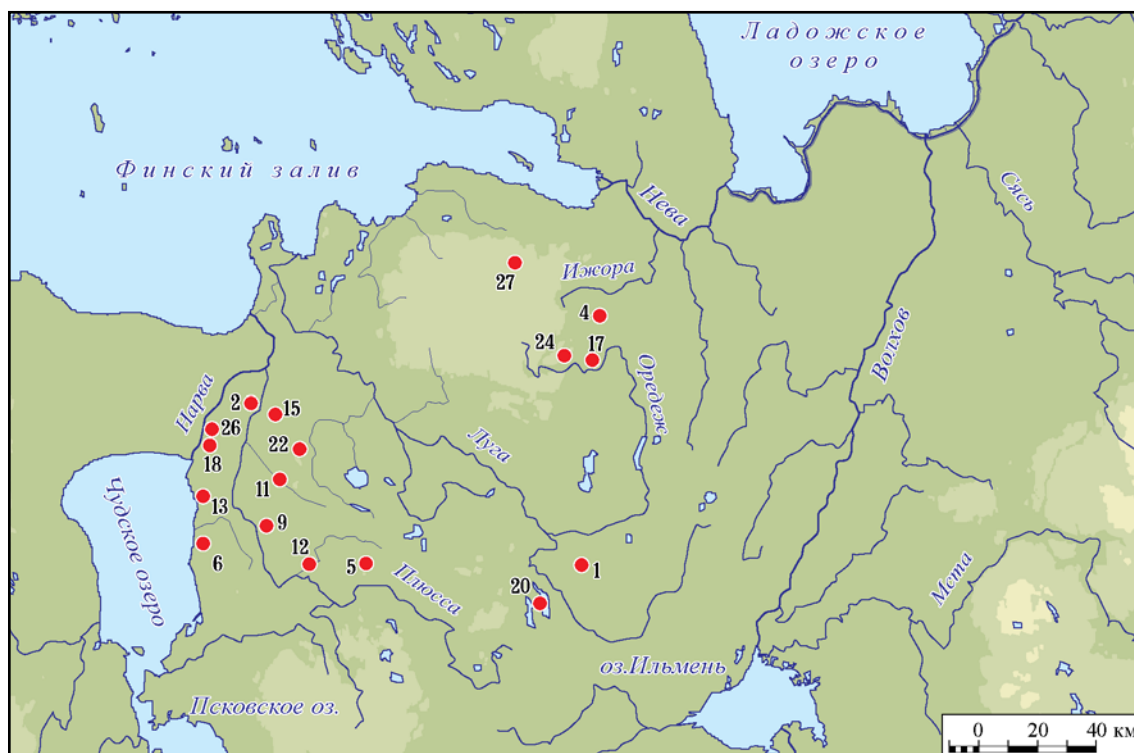


Рис. 1. Карта памятников: 1 — Батецкий район (I); 2 — Рапти (XX); 3 — Большие поля (II, III, XXV); 4 — Скорятина гора (XXVI); 5 — Заянье (V); 6 — Калихновщина (VI—VIII, XXI); 7 — Малые Поля (XV); 8 — Ольгин Крест (XVIII, XIX); 9 — Крапивна (IX, X); 10 — Савиновщина (XXII, XXIII); 11 — Куричок (XI); 12 — Лопатово (XII); 13 — Малая Каменка (XIII, XIV, XVI); 14 — Вовша (IV); 15 — Дятлицы (XXVII); 16 — Старо-Сиверская (XXIV); 17 — Ново-Сиверская (XVII).

Fig. 1. Map of the sites: 1 — Bateckij district (I); 2 — Rapti (XX); 3 — Bolshie Polya (II, III, XXV); 4 — Skoryatina gora (XXVI); 5 — Zayanie (V); 6 — Kalihnovshchina (VI—VIII, XXI); 7 — Malye Polya (XV); 8 — Olgin Krest (XVIII, XIX); 9 — Krapivna (IX, X); 10 — Savinovshchina (XXII, XXIII); 11 — Kurichok (XI); 12 — Lopatovo (XII); 13 — Malaya Kamenka (XIII, XIV, XVI); 14 — Vopsha (IV); 15 — Dyatlitsy (XXVII); 16 — Staro-Siverskaya (XXIV); 17 — Novo-Siverskaya (XVII).

митажа² (более 900 анализов). Определение состава осуществлялось методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФЛА, ArtTAX RÖNTEC, Brüker)³ и методом рентгеноспектрального микроанализа (PCMA, EVO-MA-25, Zeiss; Oxford Instruments X-MaxN 80)⁴.

Метод РФЛА удобен для определения химического состава археологического металла. Сильным и слабым сторонам метода, проблемам выделения и интерпретации типов спла-

вов посвящена многочисленная литература (Тишкин, Хаврин 2006: 74—77; Ениосова и др. 2008: 125—132; Ениосова, Митоян 2014: 143—146; Седых, Френкель 2019: 262—265, 272—276).

Метод PCMA для определения состава археологического металла в отечественной археологии применяется несколько реже (Лобода и др. 2018: 215; Седых и др. 2019: 48), чем в зарубежной (Meeks 1986: 153; Historical Technology... 2012: 7—13, 132—134, 138—140, 147—149, 173—175).

Известно, что некоторые закономерности в изменении состава археологического металла в зависимости от хронологии и/или от региона производства обнаруживаются при достаточно большой выборке данных. Примерами таких исследований являются масштабные публикации А. А. Коновалова, Н. Е. Ениосовой, Т. Г. Сарачевой, Э. В. Королевой и др. (Королева 1996: 229—300; Коновалов 2008: 49—50; Ениосова и др. 2008: 133—163). Так, были подмечены различия в производствен-

² Выражаю свою благодарность хранителям Государственного Эрмитажа Р. С. Минасяну, Б. С. Короткевичу, З. В. Прусаковой за помощь в работе с предметами музейных коллекций; Е. Р. Михайловой, С. О. Урюпову — за своевременную консультацию. Отдельно благодарю Я. В. Френкеля за плодотворное обсуждение некоторых разделов текста.

³ Условия проведения анализа: U=50 kV, I=700 μ A, время накопления спектра 40—60 сек. Материал анода рентгеновской трубки — молибден.

⁴ Условия проведения анализа: U=20 kV, накопление спектра: 600 тыс. — 1 млн. импульсов.

Таблица 1.

**Результаты рентгенофлуоресцентного анализа
круглых решетчатых подвесок, вес.%**

№	Инв. №	Cu	Zn	Pb	Sn	Sb	As	Ag	Ni	Bi	Сплав	Шифр компл.
1	698/004	Осн.	?	6–7	18–20	0,4	0,8	0,4	?	?	Cu-Sn-Pb	I
2	698/005	Осн.	?	1,5	20–22	0,2	0,2	0,1	?	?	Cu-Sn	I
3	698/006	Осн.	?	~1	23–25	0,2	0,1	0,1	сл.	?	Cu-Sn	I
4	698/007	Осн.	–	~1	17–19	0,2	?	0,2	?	?	Cu-Sn	I
5	698/008	Осн.	–	<1	16–18	0,2	–	0,1	сл.	сл.	Cu-Sn	I
6	698/009	Осн.	?	1–2	21–23	0,1	–	0,1	сл.	?	Cu-Sn	I
7	698/010	Осн.	–	1–2	21–23	0,2	–	–	?	–	Cu-Sn	I
8	777/033	Осн.	–	2–3	4–6	0,7	0,5	0,3	сл.	0,3	Cu-(Sn)	XX
9	777/034	Осн.	1–2	1–2	11–13	–	0,4	–	?	0,2	Cu-Sn-(Zn)	XX
10	867/046	Осн.	–	1–2	23–27	0,3	0,2	0,3	–	–	Cu-Sn	IV
11	867/047	Осн.	0,3	1–2	20–25	–	0,2	0,1	сл.	0,1	Cu-Sn	IV
12	870/019	Осн.	<0,5	1–3	15–25	–	0,3	0,3	?	сл.	Cu-Sn	II
13	870/027	Осн.	0,6	1–2	14–17	0,2	0,2	0,2	–	сл.	Cu-Sn	II
14	870/028	Осн.	–	1–2	14–16	0,2	0,3	0,2	сл.	сл.	Cu-Sn	II
15	870/029	Осн.	0,5	1–2	14–16	?	0,2	0,2	?	сл.	Cu-Sn	II
16	870/181	Осн.	<1	1–3	15–20	0,3	~1	0,2	?	сл.	Cu-Sn-(As)	XV
17	870/182	Осн.	<0,5	1–2	16–20	0,4	~1	<0,3	?	0,2	Cu-Sn-(As)	XV
18	871/006	Осн.	–	1–3	22–24	0,2	?	0,1	сл.	–	Cu-Sn	IX
19	871/007	Осн.	?	~1	23–25	<0,2	–	–	–	–	Cu-Sn	IX
20	871-034	Осн.	0,4	1,5–2	17–20	0,3	0,5	?	–	?	Cu-Sn	X
21	871/034a	Осн.	–	2–3	25–27	0,3	0,7	0,2	?	сл.	Cu-Sn	X
22	871/035	Осн.	–	1–3	23–25	0,3	0,6	0,2	сл.	?	Cu-Sn	X
23	871/036	Осн.	–	1–3	17–19	0,3	0,6	0,1	?	сл.	Cu-Sn	X
24	871-037	Осн.	0,4	1,5–2	14–16	0,3	0,5	0,2	–	0,3	Cu-Sn	X
25	871/100	Осн.	?	2–4	5–10	2–4	0,9	0,5	?	0,5–1,2	Cu-Sn-(Pb)-(Sb)	XIII
26	871/101	Осн.	?	2–3	10–12	0,5	0,4	0,2	сл.	0,2	Cu-Sn	XIII
27	871/102	Осн.	~0,5	1–2	4–6	1–3	0,7	0,3	–	0,3	Cu-(Sn)-(Sb)	XIII
28	871/103	Осн.	~1	1–2	6–8	0,6	1,3	0,2	–	?	Cu-Sn-(As)-(Zn)	XIII
29	871/104	Осн.	–	3–4	15–17	0,7	1–3	0,3	?	?	Cu-Sn-(Pb)-(As)	XIII
30	871/105	Осн.	–	2–3	14–16	0,6	0,6	0,3	–	?	Cu-Sn	XIII
31	871/106	Осн.	сл.	3–4	6–8	~1	0,8	0,3	?	?	Cu-Sn-(Pb)-(Sb)	XIII
32	871/188	Осн.	<0,5	~1	3–5	1–3	0,7	0,3	сл.	0,2	Cu-(Sn)-(Sb)	XIV
33	871/189	Осн.	–	~1	1–3	1–3	0,6	0,2	сл.	0,2	Cu-(Sn)-(Sb)	XIV
34	871/190	Осн.	–	3–4	14–16	0,6	0,6	0,3	сл.	0,2	Cu-Sn-(Pb)	XIV
35	871/191	Осн.	–	1–2	10–12	0,6	0,3	0,2	сл.	0,1	Cu-Sn	XIV
36	871/192	Осн.	0,6	<1	14–16	0,3	0,3	0,1	–	?	Cu-Sn	XIV
37	871/262	Осн.	0,5	3–4	12–14	0,5	0,3	0,1	?	0,2	Cu-Sn-(Pb)	XIX
38	871/263	Осн.	0,5	2–3	18–20	0,2	–	сл.	сл.	–	Cu-Sn	XIX
39	871/264	Осн.	сл.	2–3	7–9	0,4	0,6	0,2	?	0,2	Cu-Sn	XIX
40	871/265	Осн.	сл.	1–2	12–14	0,3	0,2	0,2	–	0,1	Cu-Sn	XIX
41	871/266	Осн.	0,4	1–2	9–11	0,6	0,3	0,2	сл.	сл.	Cu-Sn	XIX
42	871/267	Осн.	сл.	2–4	10–12	0,5	0,3	0,2	?	?	Cu-Sn-(Pb)	XIX
43	871/268	Осн.	сл.	2–3	13–15	?	0,3	–	?	?	Cu-Sn	XIX
44	871/269	Осн.	сл.	1–2	13–15	0,2	0,6	–	сл.	0,2	Cu-Sn	XIX
45	871/270	Осн.	сл.	2–3	14–15	0,3	0,6	сл.	–	0,2	Cu-Sn	XIX

Примечания к таблицам: сл. — следы (0,1>сл.>0,01); ? — не определено (на грани чувствительности прибора); «-» — не обнаружено.

Шифр комплексов: I — Батецкий район (случайная находка); II — Большие Поля, к. 7/3; III — Большие Поля, ж. 23/2; IV — Вопша, п. 6а; V — Заяни, к. 196; VI — Калихновщина, к. 62; VII — Калихновщина, к. 36; VIII — Калихновщина, к. 80; IX — Крапивна, к. 3; X — Крапивна, к. 12; XI — Куричок, к. 1; XII — Лопатово, к. 7/2; XIII — Малая Каменка, к. 4/2; XIV — Малая Каменка, ж. 27/2; XV — Малые Поля, ж. 9; XVI — Малая Каменка, ж. 1/2; XVII — Ново-Сиверская, ж. 124; XVIII — Ольгин Крест, к. 5; XIX — Ольгин Крест, к. 17; XX — Рапти, к. б/н.; XXI — Калихновщина, к. 80а; XXII — Савиновщина, ж. 8/2; XXIII — Савиновщина, ж. 15; XXIV — Старо-Сиверская, ж. 20; XXV — Большие Поля, ж. 16/1; XXVI — Скорятина Гора, к. 5; XXVII — Дятлицы, к. 5.

Серия: G — «гдовская» серия; I — «ижорская» серия; L — Полужье.

Таблица 2.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа бубенчиков, вес. %

№	Инв. №	Cu	Zn	Pb	Sn	Sb	As	Ag	Ni	Bi	Сплав	Се- рия	Шифр компл.
1	856/119	Осн.	<0,5	7-9	10-13	<0,5	<1	сл.	-	-	Cu-Sn-Pb	G	VII
2	856/121	Осн.	-	0,4	11-14	0,3	0,3	?	?	?	Cu-Sn	G	VII
3	856/168	Осн.	0,3	1,1	11-12,5	-	сл.	сл.	-	-	Cu-Sn	G	XXI
4	856/169	Осн.	0,3	8,7-9,5	11-12	сл.	0,3	сл.	-	-	Cu-Sn-Pb	G	XXI
5	856/197	Осн.	-	3-4	14-16	0,3	0,3	0,2	-	-	Cu-Sn-(Pb)	G	VI
6	856/279-3	Осн.	2-4	7-8	5-7	0,3	-	0,3	?	?	Cu-Pb-Sn-(Zn)	G	VIII
7	856/279-4	Осн.	-	~10	4-6	0,2	0,6	-	сл.	?	Cu-Pb-Sn	G	VIII
8	856/280	Осн.	7-8	8-9	5-6	сл.	-	сл.	-	-	Cu-Pb-Zn-Sn	G	VIII
9	856/328	Осн.	сл.	12-14	7-9	1-2	~1	сл.	-	<0,3	Cu-Pb-Sn-(Sb)-(As)	G	XXII
10	856/329	Осн.	сл.	1-2	11-13	сл.	<0,3	сл.	-	-	Cu-Sn	G	XXII
11	856/330	Осн.	2-3	1-2	5-6	-	-	сл.	0,1	-	Cu-Sn-(Zn)	G	XXII
12	856/349-1	Осн.	сл.	1-2	12-16	-	сл.	сл.	-	0,3	Cu-Sn	G	XXIII
13	856/349-2	Осн.	-	2-3	18-20	-	?	сл.	-	сл.	Cu-Sn	G	XXIII
14	856/350	Осн.	сл.	7-10	4-6	<1	~1	сл.	-	0,3	Cu-Pb-Sn-(As)	G	XXIII
15	856/351	Осн.	0,5	0,6	16-18	0,2	сл.	0,2	-	-	Cu-Sn	G	XXIII
16	856/392-1	Осн.	5-6	8-9	7-8	сл.	~1	сл.	-	-	Cu-Pb-Sn-Zn-(As)	G	XXVI
17	856/392-2	Осн.	6-7	8-9	7-8	сл.	?	?	-	0,2	Cu-Pb-Sn-Zn	G	XXVI
18	865/116	Осн.	-	3-4	1-1,5	0,7-0,9	2,0-2,6	0,5	1,1-1,3	?	Cu-(Pb)-(As)-(Sn)- (Ni)	I	XVII
19	865/118	Осн.	-	7-8	2-4	?	?	0,2	0,4	-	Cu-Pb-(Sn)	I	XVII
20	865/119	Осн.	-	2-3	3-5	0,6	0,3	0,3	?	-	Cu-(Sn)	I	XVII
21	865/120	Осн.	<1	2-3	15-17	-	<0,2	0,3	?	?	Cu-Sn	I	XVII
22	865/121	Осн.	-	3,7-4,7	1,1-1,3	0,5-0,7	1,5-2	0,5	1,0-1,5	?	Cu-(Pb)-(As)-(Sn)- (Ni)	I	XVII
23	865/122	Осн.	0,5	~1	1,6-2,0	1,3-1,7	0,2	0,2	сл.	-	Cu-(Sn)-(Sb)	I	XVII
24	865-123	Осн.	?	~2	3,6-4,6	0,4	0,3	0,2	?	-	Cu-(Sn)	I	XVII
25	865/130-1	Осн.	-	3-4	1	1-3	3-5	0,4	2-3	0,2	Cu-(As)-(Pb)-(Ni)- (Sb)-(Sn)	I	XVII
26	865/130-2	Осн.	-	6-8	1-2	1-2	1-3	0,8	1-2	0,5	Cu-Pb-(As)-(Sn)- (Sb)-(Ni)	I	XVII
27	865/433	Осн.	-	4-5	8-10	2-3	<0,3	0,4	0,2	0,1	Cu-Sn-(Pb)-(Sb)	I	XXIV
28	865/434	Осн.	~1	2-3	3-5	~1	0,3	0,3	0,2	0,1	Cu-(Sn)-(Zn)-(Sb)	I	XXIV
29	865/435	Осн.	-	5-6	1-3	0,5	0,4	?	-	-	Cu-Pb-(Sn)	I	XXIV
30	865/436	Осн.	~1	1-2	3-5	0,5	0,6	-	0,3	?	Cu-Sn-(Zn)	I	XXIV
31	865/437	Осн.	-	1-2	4-5	0,3	0,3	0,2	-	0,1	Cu-(Sn)	I	XXIV
32	865/438	Осн.	~1	4-5	1-2	0,4	0,7	0,1	-	0,1	Cu-Pb-(Sn)-(Zn)	I	XXIV
33	865/439	Осн.	?	1-2	4-6	0,4	0,5	-	0,2	<0,1	Cu-Sn	I	XXIV
34	865/440	Осн.	?	6-7	9-11	0,4	0,8	0,3	-	0,1	Cu-Sn-Pb	I	XXIV
35	865/441	Осн.	0,9	1-2	3-5	0,5	0,9	-	0,2	0,1	Cu-(Sn)	I	XXIV
36	865/442	Осн.	-	~12	10-12	0,3	1-2	0,2	0,3	0,2	Cu-Pb-Sn-(As)	I	XXIV
37	865/443	Осн.	-	6-7	1-2	0,5	0,5	-	0,3	-	Cu-Pb-(Sn)	I	XXIV
38	865/444	Осн.	~1	3-4	5-7	0,8	0,7	0,2	0,3	-	Cu-Sn-(Pb)-(Zn)	I	XXIV
39	865/445	Осн.	?	5-6	2-4	-	?	0,3	-	-	Cu-Pb-(Sn)	I	XXIV
40	865/446	Осн.	-	3-5	5-7	0,3	0,4	0,2	0,3	-	Cu-Sn-(Pb)	I	XXIV
41	865/447	Осн.	-	0,6	3-6	0,5	0,7	-	0,5	0,1	Cu-(Sn)	I	XXIV
42	865/448	Осн.	<0,7	4-5	1-2	0,3	0,3	-	0,3	0,1	Cu-(Pb)-(Sn)	I	XXIV
43	865/449	Осн.	<0,7	~7	1-2	0,4	0,5	-	-	-	Cu-Pb-(Sn)	I	XXIV
44	865/450	Осн.	-	1-2	9-12	0,4	0,3	0,2	0,4	-	Cu-Sn	I	XXIV
45	867-044	Осн.	?	3,0-3,6	11-14	0,3	сл.	0,2	-	-	Cu-Sn-(Pb)	I	IV
46	867-045	Осн.	1,6- 1,8	6,0-6,5	17,5- 21,5	0,3	0,3	0,2	-	-	Cu-Sn-Pb-(Zn)	I	IV
47	868/005	Осн.	-	3-4	7-9	0,5	?	сл.	-	-	Cu-Sn-(Pb)	G	XI
48	868/006	Осн.	?	<1	12-14	?	-	сл.	-	-	Cu-Sn	G	XI
49	868/007	Осн.	-	8-13	9-12	-	сл.	сл.	-	-	Cu-Sn-Pb	G	XI
50	868/274	Осн.	-	8-9	25-26	<1	<0,5	сл.	-	0,3	Cu-Sn-Pb	G	V
51	868/366	Осн.	-	3-4	18-20	-	<0,5	сл.	-	-	Cu-Sn-(Pb)	G	XII
52	870/054	Осн.	-	3-5	8-12	<0,3	?	-	-	-	Cu-Sn-(Pb)	G	XXV
53	870/055	Осн.	-	4-6	8-12	<0,6	<0,4	<0,4	-	-	Cu-Sn-Pb	G	XXV
54	870/076	Осн.	<0,8	~1	4-6	0,3	0,2	0,2	сл.	?	Cu-Sn	G	III
55	870/077	Осн.	-	3-4	3-5	2-3	0,3	0,3	-	-	Cu-(Sn)-(Pb)-(Sb)	G	III

Таблица 2 (окончание).

№	Инв. №	Cu	Zn	Pb	Sn	Sb	As	Ag	Ni	Bi	Сплав	Се- рия	Шифр компл.
56	870/078	Осн.	–	8–9	4–6	–	–	–	–	–	Cu-Pb-Sn	G	III
57	870/079	Осн.	–	2–3	2–4	–	?	0,2	–	–	Cu-(Sn)	G	III
58	870/080	Осн.	–	15–17	9–11	–	?	0,3	–	?	Cu-Pb-Sn	G	III
59	870/081	Осн.	0,6	8–10	13–15	–	–	0,3	–	–	Cu-Sn-Pb	G	III
60	870/082	Осн.	–	7–8	2–3	–	–	0,2	сл.	–	Cu-Pb-(Sn)	G	III
61	871/135	Осн.	–1	1–2	12–13	–	–1	сл.	0,3	0,1	Cu-Sn-(Zn)-(As)	G	XVI
62	871/226	Осн.	1–2	1–2	11–13	0,3	0,7	0,2	сл.	–	Cu-Sn-(Zn)	G	XVIII
63	871/228	Осн.	–	1–2	6–8	0,4	0,3	0,3	сл.	сл.	Cu-Sn	G	XVIII
64	871/240	Осн.	7–9	5–7	2–4	0,3	–	0,1	–	–	Cu-Zn-Pb-(Sn)	G	XIX
65	871/241	Осн.	6–8	5–7	2–4	0,3	0,2	сл.	сл.	0,3	Cu-Zn-Pb-(Sn)	G	XIX
66	871-242	Осн.	3–5	9–11	4,8–5,4	0,4	сл.	0,2	–	–	Cu-Pb-Sn-(Zn)	G	XIX
67	871-243	Осн.	5–6	7,7–8,5	5,2–5,8	0,2	0,2	0,2	–	0,3	Cu-Pb-Sn-Zn	G	XIX
68	871/244	Осн.	6–7	7–8	4–5	0,2	сл.	0,1	–	?	Cu-Pb-Zn-Sn	G	XIX
69	871/245	Осн.	4–6	7–9	4–6	0,3	0,2	0,2	–	?	Cu-Pb-(Sn)-(Zn)	G	XIX
70	688-003	Осн.	1,2	2,9–3,3	15–17	сл.	0,2	0,2	–	–	Cu-Sn-(Pb)-(Zn)	I	XXVII
71	698-023	Осн.	0,3	1,8–2,8	13–15	0,2	сл.	сл.	–	–	Cu-Sn	L	I
№	Инв.№	Cu	Zn	Pb	Sn	Sb	As	Ag	Ni	Bi	Сплав		Шифр компл.

Таблица №3.
Результаты рентгеноспектрального микроанализа, вес. %

	Инв. №	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Прочее	Шифр компл.
1	698-023	87,6±0,4	10,2±0,5	1,5±0,1	сл.	сл.	–	сл.	Fe=0,3; Ni~?	I
2	867-044	83,6±0,4	12,7±0,3	2,9±0,3	0,2±0,1	0,2±0,1	0,2±0,1	сл.	Fe — сл.	IV
3	867-045	82,4±4,3	12,1±2,5	3,1±2,3	1,8±0,1	0,2±0,1	сл.	0,2±0,1	Fe=0,2; Ni~?	IV
4	856-197	87,6±0,8	10,4±0,6	1,5±0,5	0,2±0,1	0,4±0,1	0,3±0,1	сл.	Fe — сл.; Bi — ?	VI
5	856-168	90,5±0,6	8,4±0,7	0,8±0,2	0,2±0,1	сл.	–	сл.	Fe — сл.; Bi — ?	XXI
6	856-169	77,9±1,8	12,7±0,6	8,9±1,2	сл.	0,2±0,1	сл.	–	Fe — сл.; Bi — ?	XXI
7	871-034	80,0±3,8	17,0±3,4	1,5±0,2	0,2±0,1	0,8±0,2	0,2±0,1	?	Fe=0,1; Bi — ?	X
8	871-037	85,1±3,0	13,2±2,6	1,2±0,5	сл.	0,6±0,1	0,2±0,1	сл.	Fe=0,1; Bi=0,1	X
9	865-116	92,6±1,5	1,2±0,3	2,6±1,1	сл.	1,4±0,3	0,5±0,1	0,4±0,1	Fe — сл., Ni=1,2±0,1	XVII
10	865-121	91,9±2,0	1,2±0,2	2,3±1,9	0,2±0,1	2,0±0,5	0,9±0,2	0,4±0,1	Fe — сл., Ni=1,2±0,2	XVII
11	865-122	90,7±1,6	2,7±0,4	3,3±0,9	сл.	0,6±0,2	2,1±0,3	0,3±0,1	Fe=0,2, Ni — сл.	XVII
12	865-123	95,0±0,6	2,6±0,2	1,0±0,2	0,2±0,1	0,7±0,2	0,2±0,1	сл.	Fe=сл., Ni — ?	XVII
13	871-242	76,7±2,1	4,9±0,5	10,1±3,6	6,4±1,0	0,3±0,1	0,5±0,1	сл.	Fe=0,2; Bi — ?	XIX
14	871-243	83,3±0,8	3,9±0,3	6,0±0,9	6,4±0,5	сл.	сл.	сл.	Fe=0,2; Bi=0,3	XIX
15	856-351	80,7±2,3	18,2±2,1	0,6±0,1	0,2±0,1	сл.	сл.	сл.	Fe=0,2; Bi — ?	XXIII
16	688-003	84,8±2,6	11,3±1,4	2,4±1,3	0,6±0,1	0,4±0,2	–	сл.	Fe=0,4; Ni — ?	XXVII

ных приемах городских и сельских ювелирных мастерских (Зайцева, Сарачева 2003: 292—296, 298). Кроме того, химический состав металла помог уточнить датировку мелкой литой пластики (Шемаханская и др. 1998: 185—186).

В данной работе мы остановимся на двух группах изделий: круглых решетчатых подвесках и бубенчиках.

Методом РФЛА было проанализировано 116 изделий — 45 круглых решетчатых подвесок и 71 бубенчик. Из них 108 изделий происходят из 26 погребальных комплексов 16-ти средневековых могильников Северо-Запада (рис. 1); еще 8 изделий (Батецкий р-н, Полужье) являются случайными находками.

Результаты анализов отражены в таблицах (табл. 1; 2). Для проверки полученных резуль-

татов небольшая серия изделий была также исследована методом РСМА (табл. 3)⁵. Сопоставление данных, полученных разными методами, демонстрирует достаточно хорошее схождение результатов.

Принцип выделения типов сплавов, используемый нами ранее (Чугунова 2007а: 120; 2007б: 140—141), для данных задач несколько скорректирован. Данное разбиение является сугубо рабочей схемой. В настоящей работе мы выделяли классы сплавов: бронзы, цинкодержащие бронзы и латуни. За сплавобразующие мы принимаем элементы (кроме свинца), содержание которых в сплаве пре-

⁵ Для удобства сопоставления результатов, полученных разными методами, в таблицах 1—3 приведены шифры музейного хранения анализируемых изделий.

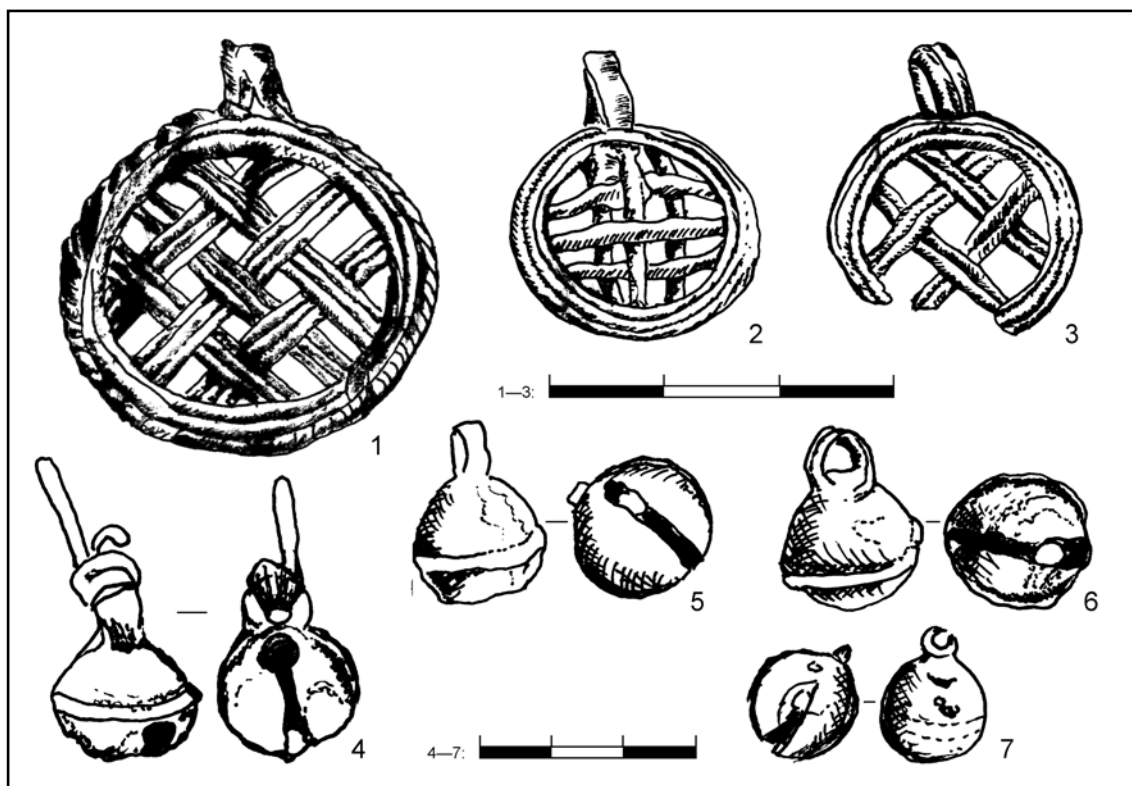


Рис. 2. Круглые решетчатые подвески и бубенчики: 1 — Крапивна, кург. 3; 2 — Большие Поля, кург. 7/3; 3, 7 — Вопша, погр. 6а.; 4 — Куричок, кург. 1; 5, 6 — Большие Поля, ж. 23/2 (рисунки автора).

Fig. 2. Round pendants and small jingle bells: 1 — Krapivna, bar. 3; 2 — Bol'shie Poly, bar. 7/3; 3, 7 — Vopsha, grav. 6a.; 4 — Kurichok, bar. 1; 5 — Bol'shie Poly, bur. 23/2 (drawings by the author).

вышло 1%. Свинец в качестве сплавовообразующего элемента учитывался при содержании его в металле свыше 3%⁶. При записи формулы, отвечающей сплаву, сплавовообразующие элементы (Cu, Sn, Pb, Zn, As, Sb, Ni) перечисляются в порядке уменьшения их содержания. Для различения сплавов, характеризующихся сравнительно высоким содержанием тех или иных лигатур, от сплавов, содержание лигатур в которых выше 1%, но сравнительно незначительно, нами была использована следующая индексация: сплавовообразующие элементы, содержание которых укладывается в интервал 1—5% (для свинца — 3—5%), помещаются нами в скобки. При наименовании типа сплава не играет роли, взяты в формуле сплава Pb, Sn, Zn в скобки, или не взяты.

Были проанализированы сплавы 45 решетчатых подвесок (рис. 2: 1—3). Из этого числа 38 подвесок происходили из девяти погребальных комплексов семи некрополей⁷; 7 из-

делий являются случайными находками⁸. Результаты анализов приведены в табл. 1. Все подвески были отлиты из бронзы: оловянной (79,2%), оловянно-свинцовой (15,4%) и цинксоудержающей (4,4%). Содержание олова в сплавах изменялось от 2 до 26%, свинца — от 3 до 6,5%, цинка — от 1 до 1,5%.

Из оловянной бронзы выполнено 36 подвесок. Из этого числа металл 30 изделий отвечает сплаву Cu-Sn, 1-го изделия — сплаву Cu-(Sn), 2-х изделий — сплаву Cu-Sn-(As), 3-х изделий — сплаву Cu-(Sn)-(Sb) (табл. 1).

Из оловянно-свинцовой бронзы выполнено 6 подвесок. Из этого числа металл одного изделия отвечает сплаву Cu-Sn-Pb, 3-х изделий — сплаву Cu-Sn-(Pb), по одному изделию — сплавам Cu-Sn-(Pb)-(Sb), Cu-Sn-(Pb)-(Sb) и Cu-Sn-(Pb)-(As) (табл. 1).

Из цинксоудержающей бронзы выполнено 2 подвески, металл которых отвечает сплавам Cu-Sn-(Zn) и Cu-Sn-(As)-(Zn) (табл. 1).

⁶ Учитывались особенности распределения свинца в сплавах на медной основе, а также характеристики РФЛА.

⁷ Рис. 1; табл. 1: Рапти, к. б/н (XX); Вопша,

п. ба (IV); Большие Поля, к.7/3 (II); Малые Поля, ж.9 (XV); Крапивна к.3 (IX), к.12 (X); Малая Каменка к.4/2 (XIII), ж.27/2 (XIV); Ольгин Крест, к.17 (XIX).

⁸ Батецкий район (табл. 1: 1—7 (I)).

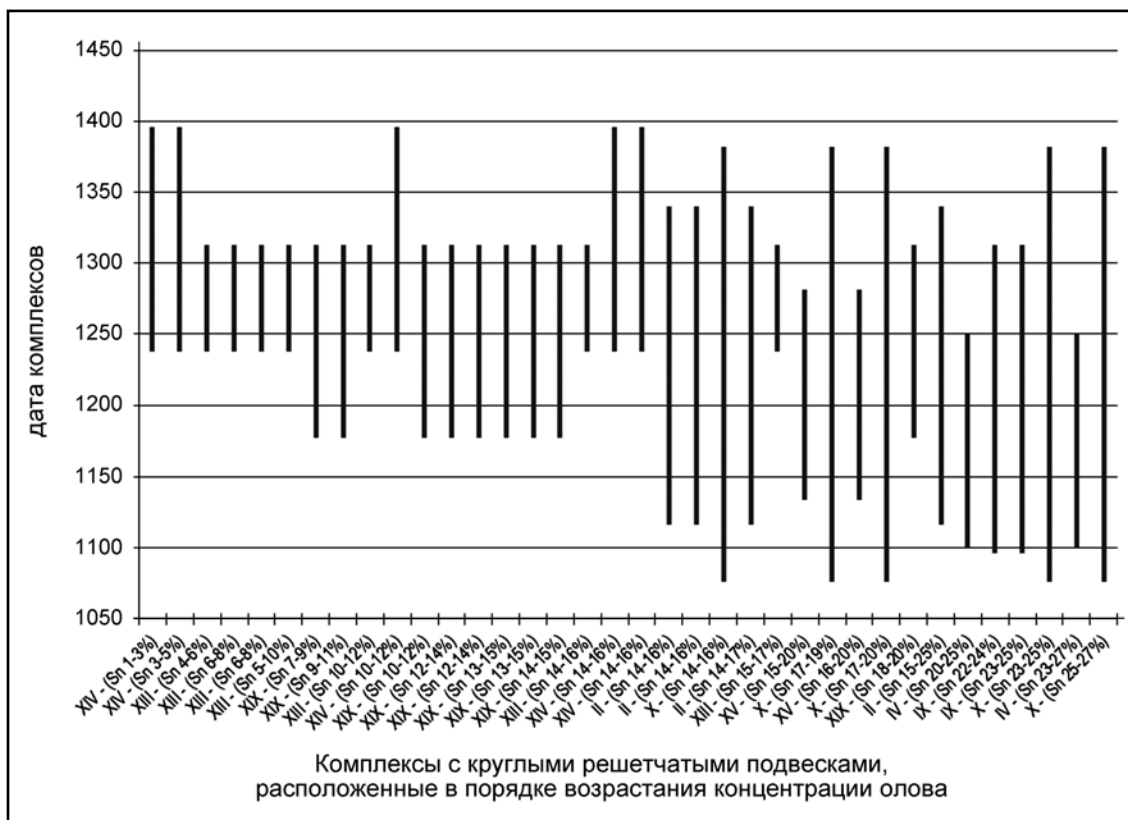


Рис. 3. Диаграмма изменения содержания олова в круглых решетчатых подвесках со временем: II — Большие Поля, к.7/3; IV — Вопша, п. 6а; IX — Крапивна, к.3; X — Крапивна, к.12; XIII—Малая Каменка, к.4/2; XIV—Малая Каменка, ж.27/2; XV—Малые Поля, ж.9; XIX — Ольгин Крест, к.17.

Fig. 3. Diagram of the chronological trend in tin content in the alloys of round laced pendants: II — Bol'shie Polya, bar. 7/3; IV—Vopsha, grav. 6a.; IX — Krapivna, bar. 3; X — Krapivna, bar. 12; XIII—Malaya Kamenka, bar. 4/2; XIV—Malaya Kamenka, bur. 27/2; XV—Malye Polya, bur. 9; XIX — Ol'gin Krest, bar. 17.

На основании проведенного РФЛА была выявлена тенденция снижения процентного содержания главного компонента сплава (олова) в металле рассматриваемых подвесок с течением времени (Чугунова 2007а: 120). Тенденцию иллюстрирует диаграмма, помещенная на рис. 3⁹. На оси абсцисс расположены обозначения комплексов подвесок, упорядоченных по возрастанию содержания олова в составе их сплавов; по оси ординат отложены хронологические интервалы, отвечающие датировкам комплексов (Лесман 1984: 142—148; Рябинин 1981: 62—87). Как видно из диаграммы, подвески из низкооловянистых сплавов (2—14% Sn) находились в комплексах, имеющих компактную позднюю дату — 2-ю пол. XIII в., — при этом подвески из высокооловянистых сплавов (15—26% Sn) найдены в заметно более ранних комплексах. В комплексах Малая Каменка, к. 4/2 и Ольгин

крест, к. 17 (табл. 1: XIII, XIX) среди низкооловянистых подвесок встречаются отлитые и из высокооловянистых сплавов (по 1 экз., табл. 1: 29, 38¹⁰). Ранние комплексы были датированы Ю.М. Лесманом широкими хронологическими интервалами, что несколько «размывает» наглядность иллюстративной схемы.

Обнаруженную тенденцию снижения содержания олова в круглых решетчатых подвесках 2-й пол. XIII в. по сравнению с более ранними подвесками уверенно интерпретировать мы не можем¹¹. Отметим только, что пример сплавов круглых решетчатых подве-

¹⁰ Отметим, что подвеска №38 (табл. 1) имеет выраженные признаки длительного бытования.

¹¹ Напрашивающаяся связь с событиями, охватившими Восточную и Центральную Европу в результате монгольской экспансии 1-й пол. XIII в., и/или с обострением в это же время новгородско-орденских отношений, представляется несколько прямолинейной и требует развернутых обоснований, выходящих за рамки настоящей работы.

⁹ На диаграмме помещены подвески (36 экз.) из восьми надежно датированных комплексов.

сок является частным случаем проявления более общей тенденции, замеченной нами на материале сплавов ювелирных украшений XI—XIV вв. данного региона (Чугунова 2007а: 122). По нашим данным, для периода XI—XII/XIII вв. предметы, сплавы которых содержат $\text{Sn} > 20\%$, составляют 43% от общего числа исследованных украшений, а для последующего интервала XIII—XIV вв. их доля сокращается до 10% (Чугунова 2007а: 120—122).

Если выделенная нами связь содержания олова в сплавах круглых решетчатых подвесок Северо-Запада с датами таких подвесок верна, то это позволяет датировать упомянутые выше подвески — случайные находки Батецкого района (табл. 1: 1—7, I). По содержанию олова (17—25% Sn) эти украшения относятся к высокооловянным подвескам, что, возможно, указывает на датировку их XII в.

Другим примером информативности исследования химического состава сплавов средневековых украшений, происходящих из комплексов, в целом синхронных комплексам с круглыми решетчатыми подвесками, являются бубенчики (рис. 2: 4—7).

Разнообразные бубенчики являлись широко распространенными украшениями Северо-Западной Руси (Мальм, Фехнер 1967: 133; Седова 1981: 156; Рябцева 2001: 74—75, 424). Проанализированы сплавы 71 бубенчика. Из этого числа 70 бубенчиков происходили из 18 погребальных комплексов 13 некрополей, расположенных в двух микрорегионах Северо-Запада: в окрестностях г. Гдов и на восточной периферии Ижорского плато (рис. 1). Еще 1 бубенчик, найденный в Полу-жье, является случайной находкой¹². Объединим могильники восточного берега верховьев р. Нарвы, бассейна р. Плюссы и восточного берега Чудского озера в одну группу и условно назовем ее «гдовская»¹³ серия. «Ижорской»¹⁴ серией назовем памятники верхнего течения р. Оредеж и северо-восточной периферии

Ижорского плато (рис. 1). Результаты анализов приведены в табл. 2.

Большинство бубенчиков отлиты из бронзы (94% от общего числа бубенчиков), в т. ч. из цинксоодержащей бронзы (20%). Обнаружились также сравнительно низкоцинковые латуни (6%). Бронзовые бубенчики были отлиты из бронзы: оловянной (29%), цинково-оловянной (7%), оловянно-свинцовой (21%), оловянно-свинцовой с содержанием цинка (4%), свинцово-оловянной (24%), свинцово-оловянной с содержанием цинка (9%). Все латунные бубенчики были отлиты из многокомпонентной латуни. Содержание главных элементов сплавов (олова, свинца и цинка) варьировалось в широких пределах. Содержание олова в сплавах изменялось от 1 до 25,5%, свинца — от 3 до 16%, цинка — от 0,3 до 8%.

Из оловянной бронзы было выполнено 20 бубенчиков. Из этого числа металл 13 изделий отвечает сплаву Cu-Sn, 6 изделий — сплаву Cu-(Sn), 1-го изделия — сплаву Cu-(Sn)-(Sb) (табл. 2).

Из цинково-оловянной бронзы было выполнено 5 бубенчиков. Из этого числа металл 3 изделий отвечает сплаву Cu-Sn-(Zn), по одному изделию — сплавам Cu-Sn-(Zn)-(As) и Cu-(Sn)-(Zn)-(Sb) (табл. 2).

Из оловянно-свинцовой бронзы выполнено 15 бубенчиков. Из этого числа металл 7 изделий отвечает сплаву Cu-Sn-Pb, 6 изделий — сплаву Cu-Sn-(Pb), по одному изделию — сплавам Cu-Sn-(Pb)-(Sb) и Cu-(Sn)-(Pb)-(Sb) (табл. 2).

Из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием цинка выполнено 3 бубенчика. Из этого числа 1 изделие отвечает сплаву Cu-Sn-Pb-(Zn), и 2 изделия — Cu-Sn-(Pb)-(Zn) (табл. 2).

Из свинцово-оловянной бронзы выполнено 17 бубенчиков. Из этого числа металл 3 изделий отвечает сплаву Cu-Pb-Sn, 2-х изделий — сплаву Cu-Pb-Sn-(As), 1-го изделия — сплаву Cu-Pb-Sn-(Sb)-(As), 6 изделий — Cu-Pb-(Sn), по одному изделию — сплавам Cu-Pb-(As)-(Sn)-(Sb)-(Ni) и Cu-(Pb)-(Sn), 2-х изделий — сплаву Cu-(Pb)-(As)-(Sn)-(Ni), 1-го изделия — сплаву Cu-(As)-(Pb)-(Ni)-(Sb)-(Sn) (табл. 2).

Из свинцово-оловянной бронзы с содержанием цинка выполнено 7 бубенчиков. Из этого числа металл 2-х изделий отвечает сплаву Cu-Pb-Sn-Zn, 1-го изделия — сплаву Cu-Pb-Sn-Zn-(As), по 2 изделия — сплавам Cu-Pb-Sn-(Zn) и Cu-Pb-(Sn)-(Zn) (табл. 2).

Из многокомпонентных латуней выполнено 4 бубенчика. Из этого числа металл 2-х изделий отвечает сплаву Cu-Zn-Pb-(Sn), а ме-

¹² Батецкий район (табл. 2: 71 (I)).

¹³ Табл. 2: Большие Поля, ж. 23/2 (III); Большие Поля, ж. 16/1 (XXV); Заяни, к. 196 (V); Калихновщина к. 62 (VI); Калихновщина, к. 36 (VII); Калихновщина, к. 80 (VIII); Куричок, к. 1 (XI); Лопатово, к. 7/2 (XII); Малая Каменка, ж. 1/2 (XVI); Ольгин Крест, к. 5 (XVIII); Ольгин Крест, к. 17 (XIX); Савиновщина, ж. 8/2 (XXII); Савиновщина, ж. 15 (XXIII); Скорятина Гора, к. 5 (XXVI).

¹⁴ Табл. 2: Вопша, п. 6а (IV); Ново-Сиверская, ж. 124 (XVII); Старо-Сиверская, ж. 20 (XXIV); Дятлицы, к. 5 (XXVII).

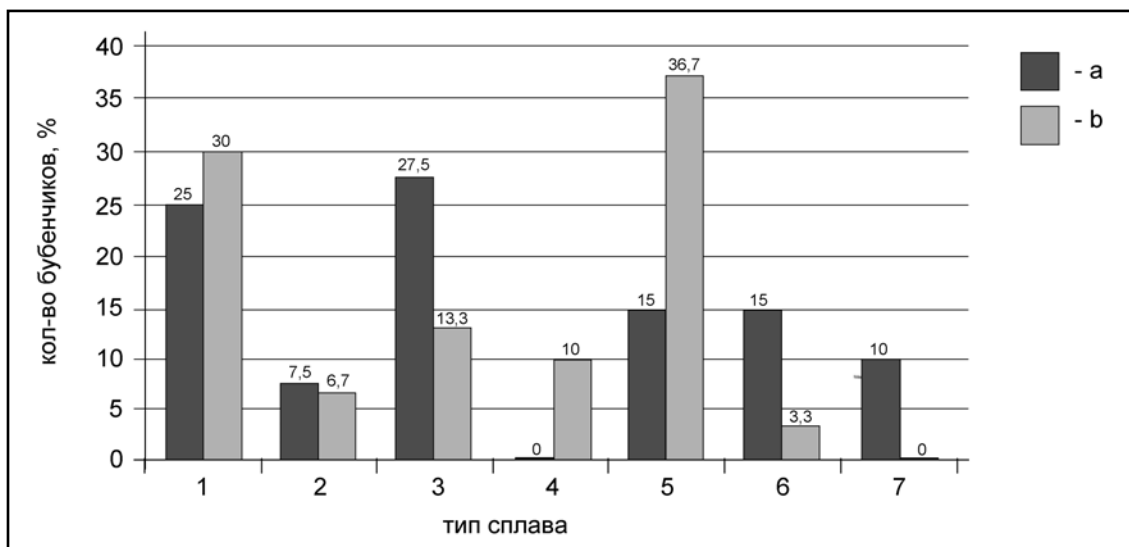


Рис. 4. Сплавы бубенчиков «гдовской» (а) и «ижорской» (б) серий. Типы сплавов: 1 — оловянная бронза; 2 — цинково-оловянная бронза; 3 — оловянно-свинцовая бронза; 4 — оловянно-свинцовая бронза с содержанием цинка; 5 — свинцово-оловянная бронза; 6 — свинцово-оловянная бронза с содержанием цинка; 7 — латуни.

Fig. 4. Types of alloys in the bells of "Gdov" (a) and "Izhora" (b) series. Types of alloys: 1 — tin bronze; 2 — zinc tin bronze; 3 — tin-lead bronze; 4 — zinc tin-lead bronze; 5 — lead-tin bronze; 6 — zinc lead-tin bronze; 7 — brass.

талл 2-х других изделий отвечает сплаву Cu-Pb-Zn-Sn (табл. 2).

Таким образом, сплавы большинства (73%) проанализированных украшений относятся к оловянной, оловянно-свинцовой и свинцово-оловянной бронзам.

Распределение частот встречаемости типов сплавов бубенчиков «гдовской» и «ижорской» серий отображает диаграмма, помещенная на рис. 4.

Отметим, какие отличия прослеживаются между сплавами «гдовской» и «ижорской» серий. Так, хотя среди бубенчиков, отлитых из оловянных бронз (рис. 4: 1), изделия, относящиеся к «гдовской» и «ижорской» сериям распределяются почти равномерно (10 и 9 экз. соответственно), но сплавы Cu-Sn представлены преимущественно в «гдовской» серии (9 из 12), а сплавы Cu-(Sn) — в «ижорской» серии (6 из 7)¹⁵ (табл. 2: 23). Среди бубенчиков, отлитых из оловянно-свинцовых бронз (рис. 4: 3), преобладают изделия «гдовской» серии (11 из 15 экз.), при этом только один экземпляр (табл. 2: 55) отличается низким содержанием олова. Среди бубенчиков, отлитых из свинцово-оловянных бронз (рис. 4: 5), заметно преобладают бубенчики «ижорской» серии (11 экз. из 17). При этом в сплавах этой группы, характеризующихся сравнительно высоким содержанием олова, абсолютно преобладают

изделия «гдовской» серии (5 экз. из 6). Среди цинково-оловянных бронз (рис. 4: 2) изделия, относящиеся к «гдовской» и «ижорской» сериям, распределяются почти равномерно (3 и 2 экз. соответственно), но сплавы этой группы, характеризующиеся сравнительно высоким содержанием олова, абсолютно преобладают (4 экз. из 5) и преимущественно относятся к изделиям «гдовской» серии; единственный сплав данной группы, содержащий сравнительно мало олова (табл. 2: 28), относится к «ижорской» серии. Все оловянно-свинцовые бронзы с содержанием цинка (рис. 4: 4) встречаются у бубенчиков «ижорской» серии. Среди свинцово-оловянных бронз с содержанием цинка (рис. 4: 6) абсолютно преобладают изделия «гдовской» серии (6 экз. из 7), причем единственное изделие этой группы, относящееся к «ижорской» серии (табл. 2: 32), выделяется сравнительно низким содержанием олова. Все латуни выборки, как уже было отмечено, встречаются среди изделий «гдовской» серии (рис. 4: 7).

Таким образом, сплавы бубенчиков «гдовской» серии отличаются от сплавов «ижорской» серии более высоким содержанием олова и цинка¹⁶.

¹⁵ Считая Cu-(Sn)-(Sb).

¹⁶ Высказанное нами ранее утверждение, что в сплавах «ижорской» серии цинк в значимых значениях не встречается (Чугунова 2007б: 140) должно быть скорректировано.

Сплавы выборки в качестве значимых составляющих содержат мышьяк ($As=1\text{—}4\%$), сурьму ($Sb=1\text{—}2,5\%$) и никель ($Ni=1,2\text{—}2,5\%$). Среди 70 исследованных сплавов «гдовской» и «ижорской» серий таких сплавов — 13 (ок. 18%). Большинство этих сплавов относится к «ижорской» серии (8 экз. из 13). При этом значимое содержание в сплаве никеля обнаруживается только в металле бубенчиков «ижорской» серии (4 экз.).

Таким образом, сплавы бубенчиков «ижорской» серии отличаются от сплавов «гдовской» серии присутствием в сплавах никеля, и большей частотой встречаемости мышьяка и сурьмы в значимых содержаниях.

Из приведенных выше данных следует, что сплавы бубенчиков «гдовской» и «ижорской» серий различаются по химическому составу, причем эта разница обнаруживается на всех уровнях классификации сплавов (бронзы и латуни; сравнительно много- и малооловянные бронзы; присутствие в сплавах таких составляющих, как мышьяк, сурьма и никель, в значимых ($>1\%$), но низких содержаниях). Заметим, что различающие признаки имеют сложный характер: хотя большинство цинк содержащих бронз встречено среди сплавов «гдовской» серии, но все три экземпляра оловянно-свинцовых бронз с содержанием цинка обнаруживаются среди сплавов бубенчиков «ижорской» серии.

Если выделенная нами связь содержаний составляющих сплавов бубенчиков Северо-Запада с микрорегионами, в которых находились погребальные комплексы с бубенчиками, верна, то это позволяет указать на большую близость сплава упомянутого выше бубенчика — случайной находки Батецкого района (табл. 2: 71 (I)) со сплавами бубенчиков «гдовской» серии.

Обнаруженная разница составов, очевидно, объясняется разными источниками сырья. Возможно, при производстве бубенчиков «гдовской» серии чаще использовался латунный лом.

Среди погребальных комплексов, содержащих изделия рассмотренной нами выборки, есть два комплекса (Вопша, п. 6а, (IV) и Ольгин крест, к. 17 (XIX)), из материала которых были проанализированы сплавы и круглых решетчатых подвесок (табл. 1: 10, 11 (IV); табл. 1: 37—45 (XIX)), и бубенчиков (табл. 2: 45, 46 (IV); табл. 2: 64—69 (XIX)). В целом тенденция, отмеченная для составов сплавов круглых решетчатых подвесок, обнаруживается и для составов сплавов бубенчиков, хотя граничные значения в последнем случае несколько иные. В сплавах подвесок раннего комплекса IV содержится 22,5% и 25% олова; в металле бубенчиков этого комплекса содержится 12,5% и 19,5% олова. В сплавах 6 подвесок комплекса XIX, занимающего промежуточное положение между ранними и поздними комплексами, содержится 8—19% олова: в 5 случаях 8—14,5%, и в 1 случае — 19%¹⁷ (напомним, что для сплавов ранних комплексов рассмотренной выборки характерно 15—26% олова, а для поздних комплексов — 2—14%); в металле бубенчиков этого комплекса содержится 3% и 5,5% олова.

Заметим, что в ходе исследования четкой зависимости состава металла от морфологии подвесок и типологии бубенчиков замечено не было.

Приведенные результаты свидетельствуют об имеющемся потенциале количественных археометрических исследований для решения археологических задач, связанных с датировкой и выяснением происхождения средневековых изделий из цветных металлов.

Литература

- Егорьев А. Н. 2008. О цементационном получении бронзы и латуни в древности. *АВ* 15, 157—162.
- Ениосова и др. 2008: Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. В: Рындина Н. В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. Москва: Восточная литература, 107—191.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А. 2014. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации. В: Ситдинов А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда IV*. Казань: Отечество, 143—146.
- Ениосова Н. В., Сингх В. К., Степанов А. М. 2018. Сырьевые слитки новгородских ювелиров. В: Сингх В. К. (отв. ред.-сост.). *Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной*. Москва: Великий Новгород, 62—73.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. 2003. Цветной металл вятичей в XII—XIII веках (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов). В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. Москва: Наука, 290—303.

¹⁷ Как уже отмечалось выше, данная подвеска (табл. 1: 38), в отличие от остальных подвесок комплекса Ольгин Крест, к. 17 (XIX), имеет выраженные следы долгого использования.

- Коновалов А. А. 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. В: Рындина Н. В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. Москва: Восточная литература, 9—106.
- Королева Э. В. 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова. В: *Археологическое изучение Пскова 3* (1). Псков, 229—300.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). В: Лебедев Г. С. (ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 118—153.
- Лобода и др. 2018: Лобода А. Ю., Терещенко Е. Ю., Антипенко А. В., Ретивов В. М., Пресняков М. Ю., Кобылина Н. Н., Кондратьев О. А., Шишлина Н. И., Яцишина Е. Б., Кашкаров П. К. 2018. Методы определения элементного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала. *ПА* 26 (4), 203—221.
- Мальм В. А., Фехнер М. В. 1967. Привески-бубенчики. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Труды ГИМ 43. Москва: ГИМ, 133—141.
- Рябцева С. С. 2001. *Древнерусский женский ювелирный убор IX—XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (основные тенденции формирования)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Рябинин Е. А. 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. САИ Е1—60. Ленинград: Наука.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Седых В. Н., Френкель Я. В. 2019. Цветной металл Тимеревского поселения (по материалам раскопок 1976—1977 гг.). В: *XVI Тихомировские краеведческие чтения*. Материалы научной конференции. Ярославль, 256—290.
- Седых и др. 2019: Седых В. Н., Френкель Я. В., Чугунова К. С. 2019. Результаты археометрического анализа монет из Тимеревского археологического комплекса и поселения Михайловское. В: *Эпоха викингов в восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.* Материалы IV Междуна-
- родной нумизматической конференции. Санкт-Петербург: СИААМЗ; Знак, 41—52.
- Тишкин А. А., Хаврин С. В. 2006. Использование рентгено-флюоресцентного анализа в археологических исследованиях. В: *Теория и практика археологических исследований* (2). Барнаул: АлтГУ, 74—86.
- Черных Е. Н., Барцева Т. Б. 1972. Сплавы цветных металлов. В: Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. *Металл черняховской культуры*. МИА 187. Москва: Наука, 70—120.
- Чугунова К. С. 2007а. Исследование состава металла круглых решетчатых подвесок. В: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 29 (3). Москва, 120—122.
- Чугунова К. С. 2007б. Исследование состава металла бубенчиков (по материалам погребальных комплексов). В: *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов XVI коллоквиума. Санкт-Петербург: ГЭ, 139—142.
- Шемаханская и др. 1998: Шемаханская М. С., Дубровин М. Ф., Дубровин А. Ф. 1998. Состав металла как датирующий признак русской мелкой пластики. В: *Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства*. Материалы II научной конференции. Москва: Магnum Арс, 185—188.
- Craddock P. T. 1981. The Copper alloys of Tibet and their background. In: Oddy W. A., Zwalf W. (eds.). *Aspect of Tibetan Metallurgy*. British Museum Occasional Paper 15. London, 1—31, 125—137.
- Craddock P. T. 2009. *Scientific Investigation of Copies, Fakes and Forgeries*. Oxford: Butterworth-Heinemann.
- Historical Technology... 2012: Meeks N., Cartwright C., Meek A., Mongiati A. (eds.). 2012. *Historical Technology, Materials and Conservation. SEM and Microanalysis*. London: Archetype Publications; The British Museum.
- Kossolapov A. J., Chugunova X. S. 2005. Authenticating Ancient Gold Using The U-He Radiogenic Clock (2). *Bulletin of Miho Museum* V, 80—86.
- Kharakwal J. S., Gurjar L. K. 2006. Zinc and Brass in Archaeological Perspective. *Ancient Asia* 1, 139—159.
- Meeks N. D. 1986 Tin-Rich Surfaces on Bronze — Some Experimental and Archaeological Considerations. *Archaeometry* 28 (2), 133—162.

References

- Egor'kov, A. N. 2008. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 15, 157—162 (in Russian).
- Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2008. In Ryndina, N. V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 107—191 (in Russian).
- Eniosova, N. V., Mitoian, R. A. 2014. In Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevianko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 143—146 (in Russian).
- Eniosova, N. V., Singh, V. K., Stepanov, A. M. 2018. In Singh, V. K. (ed., comp.). *Neskonchaemoe leto. Sbornik statei v chest' E. A. Rybinoi (Endless Summer: Ad gloriam E. Rybina)*. Moscow: Veliky Novgorod, 62—73 (in Russian).
- Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke: drevnosti Temnogo vremeni (Russia in the 13th Century: Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 290—303 (in Russian).
- Kononov, A. A. 2008. In Ryndina, N. V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 9—106 (in Russian).
- Koroleva, E. V. 1996. In *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova (Archaeological Study of Pskov)* 3 (1). Pskov, 229—300 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. In *Lebedev, G. S. (ed.). Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoi zemli (Archaeological Study of the Novgorod Land)*. Leningrad: Leningrad State University, 118—153 (in Russian).
- Loboda, A. Yu., Tereshchenko, E. Yu., Antipenko, A. V., Retivov, V. M., Presniakov, M. Yu., Kobylyina, N. N., Kondrat'ev, O. A., Shishlina, N. I., Iatsishina, E. B., Kashkarov, P. K. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 26 (4), 203—221 (in Russian).
- Mal'm, V. A., Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 43. Moscow: State

- Historical Museum, 133—141 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2001. *Drevnerusskii zhenskii iuvelirnyi ubor IX—XIII vv. v kontekste evraziiskikh kul'turnykh svyazei (osnovnye tendentsii formirovaniia) (Early Russian Feminine Jewelry Set in the Context of Eurasian Cultural Relations: Main Development Trends)*. PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).
- Riabinin, E.A. 1981. *Zoomorfnye ukrasheniia Drevnei Rusi X—XIV vv. (Zoomorphic Adornments of the Early Rus in 10th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—60. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sedykh, V.N., Frenkel', Ya. V. 2019. In *XVI Tikhomirovskie kraevedcheskie chteniia (16th Tikhomirov Conference on Local History)*. Yaroslavl, 256—290 (in Russian).
- Sedykh, V.N., Frenkel', Ya. V., Chugunova, K. S. 2019. In *Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII—XI vv. (Viking Age in the Eastern Europe by 8th — 11th Century Numismatic Sources)*. Saint Petersburg: Staraya Ladoga Historical, Architectural and Archaeological Museum and Preservation Area; "Znak" Publ., 41—52 (in Russian).
- Tishkin, A.A., Khavrin, S. V. 2006. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia (Theory and Practice of Archaeological Research)* (2). Barnaul: Altai State University, 74—86 (in Russian).
- Chernykh, E.N., Bartseva, T.B. 1972. In Bartseva, T.B., Voznesenskaia, G.A., Chernykh, E.N. *Metall cherniakhovskoi kul'tury (Metal of the Chernyakhov Culture)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 187. Moscow: "Nauka" Publ., 70—120 (in Russian).
- Chugunova, K.S. 2007. In *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki (Ancient Russia. Problems of Medieval Studies)* 29 (3). Moscow, 120—122 (in Russian).
- Chugunova, K.S. 2007. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)* XVI. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 139—142 (in Russian).
- Shemakhanskaia, M.S., Dubrovin, M.F., Dubrovin, A.F. 1998. In *Ekspertiza i atributsiia proizvedenii izobrazitel'nogo iskusstva (Examination and Attribution of Works of Art)* II. Moscow: "Magnum-Ars" Publ., 185—188 (in Russian).
- Craddock, P.T. 1981. The Copper alloys of Tibet and their background. In Oddy, W.A., Zwalff, W. (eds.). *Aspect of Tibetan Metallurgy*. British Museum Occasional Paper 15. London, 1—31, 125—137.
- Craddock, P.T. 2009. *Scientific Investigation of Copies, Fakes and Forgeries*. Oxford: Butterworth-Heinemann.
- Meeks, N., Cartwright, C., Meek, A., Mongiatti, A. (eds.). 2012. *Historical Technology, Materials and Conservation. SEM and Microanalysis*. London: Archetype Publications; The British Museum.
- Kossolapov, A.J., Chugunova, X.S. 2005. Authenticating Ancient Gold Using The U-He Radiogenic Clock (2). *Bulletin of Miho Museum* V, 80—86.
- Kharakwal, J.S., Gurjar, L.K. 2006. Zinc and Brass in Archaeological Perspective. *Ancient Asia* 1, 139—159.
- Meeks, N.D. 1986 Tin-Rich Surfaces on Bronze — Some Experimental and Archaeological Considerations. *Archaeometry* 28 (2), 133—162.

Статья поступила в сборник 5 марта 2020 г.

Ksenia Chugunova (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum¹.

Чугунова Ксения Сергеевна (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: askachu@yandex.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, К. М. Подурец, М. М. Мурашев

Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации

Keywords: Kievian Rus', cross pendants, methodology, neutron and synchrotron radiography and tomography, 3D models

Ключевые слова: Древняя Русь, кресты-энколпионы, методика, нейтронная и синхротронная радиография и томография, 3D-модели

I. E. Zaytseva, E. S. Kovalenko, K. M. Podurets, M. M. Murashev

Medieval Russian Cross Pendants: Neutron and Synchrotron Imaging Experience

The article presents the experience of studying closed Medieval Russian cross pendants using modern nuclear physics methods: neutron and synchrotron radiography and tomography. The work was carried out on the equipment base of the National research center "Kurchatov Institute". Non-destructive methods of analysis are described. They allow to determine the configuration of encolpions' internal cavities without opening the leaves, to fix the presence of sacred relics, their nature and distribution in the cavities. The examples of research of 4 encolpions from the rural sites of Suzdal Opolie and Novgorod are given. 3D models of encolpions were built on the basis of tomographic sections. Some show the internal space of the crosses with the location of relics, others show the features of corrosion of the leaves. A special model was created for the black decor (niello) of one of the crosses. Building 3D models provides work with archaeological and museum artifacts at the modern high-tech level: scientific analysis, creation of virtual and real copies, demonstration for the promotion of cultural heritage objects.

И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, К. М. Подурец, М. М. Мурашев

Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации

В статье представлен опыт исследования закрытых древнерусских крестов-энколпионов с помощью современных ядерно-физических методов: нейтронной и синхротронной радиографии и томографии. Работы проведены на приборной базе Национального исследовательского центра «Курчатовский институт». Описаны неdestructивные методики анализа, позволяющие без открытия створок крестов определить конфигурацию их внутренних полостей, зафиксировать наличие священных вложений, их характер и расположение в полостях. Приведены примеры исследования 4 энколпионов из селищ Суздальского Ополя и Новгорода. На основе томографических срезов построены 3D-модели энколпионов, демонстрирующие как внутреннее пространство крестов с расположением реликвий, так и особенности коррозии створок. Отдельная модель создана для черного декора одного из крестов. 3D-модели способны на современном высокотехнологическом уровне обеспечить работу с археологическими и музейными артефактами: научный анализ, создание виртуальных и реальных копий, демонстрацию для популяризации объектов культурного наследия.

Средневековые кресты-энколпионы — одна из ярких и выразительных категорий памятников материальной культуры, издавна привлекающая внимание археологов. Энколпионы вошли уже в первые отечественные сводки археологических предметов (Ханенко 1899) и с тех пор вызывают неизменный интерес исследователей (см., например: Корзухина, Пескова 2003; Асташова, Петрова, Сарачева 2011). Большинство экземпляров, хранящихся в музеях, относится к категории беспаспортных находок, полученных из част-

ных коллекций. Чаще это одиночные разрозненные створки. Крестов, у которых сохранились обе створки, значительно меньше. В настоящее время построена типологическая схема энколпионов, определены основные периоды их бытования (Корзухина, Пескова 2003).

В связи с этим большое научное значение имеют находки целых закрытых энколпионов, совершенные в ходе легитимных археологических работ. Они не только позволяют уточнить хронологические позиции отдель-

Research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-29-04129 "North-Eastern Rus Christian Antiquities in the 11th—13th centuries: comprehensive research with neutron and x-ray methods" ■ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-29-04129 «Христианские древности Северо-Восточной Руси XI—XIII вв.: комплексные исследования с применением нейтронных и рентгеновских методов».

© И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, К. М. Подурец, М. М. Мурашев, 2020.

ных типов крестов, но и обратиться к вопросам изучения священных вложений в древнерусские реликварии. В последние годы экспедициями Института археологии РАН собрано около 20 таких предметов: 17 находок конца XI — XIII вв. происходят из верхнего пахотного слоя сельских поселений округа Суздаля (Макаров, Зайцева, Грешников 2017), 6 предметов обнаружены в ходе археологических раскопок в городских датированных слоях и комплексах — 2 в самом Суздале (XII—XIII вв.), 3 в Новгороде (XI—XII вв.) (Олейников 2019)¹, один в Новодевичьем монастыре в Москве (конец XVI — нач. XVII вв.) (Грешников и др. 2020).

Разрабатывая план изучения этих предметов, было принято решение провести их комплексное аналитическое исследование, включающее, кроме традиционных археологических методов типологии, подбора аналогий и трасологии проведение серии экспериментов на приборной базе Национального исследовательского центра (НИЦ) «Курчатовский институт». Методами сканирующей электронной микроскопии с рентгенфлуоресцентным анализом (SEM-EDS) и нейтронно-радиационного анализа определен состав металла створок крестов и имеющегося на многих из них черного декора, способом нейтронной дифракции установлены фазовые составы черни.

Для понимания внутреннего строения закрытых энколпионов, определения конфигурации полости, фиксации наличия священных вложений, их характера и расположения внутри створок были использованы методы нейтронной и рентгеновской радиографии и томографии, позволяющие визуализировать скрытое от глаз строение сложных составных объектов культурного наследия, не прибегая к их разрушению.

Методы нейтронной и рентгеновской радиографии и томографии впервые в мировой практике применены для изучения крестов-энколпионов. Результатам этой работы посвящена настоящая статья². Похожими методами в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне были исследованы древнерусские лучевой колт и створчатый браслет, а также круглая скандинавская фибула (Сапрыкина и др. 2018; Kichanov et

al. 2018), построены модели античных монет и металлического сосуда (Кичанов, Назаров 2017). Серия работ по построению нейтронных 3D-моделей объектов культурного наследия проведена в швейцарском Институте Пауля Шерпера (Paul Scherrer Institute). В числе 3D-моделей, построенных сотрудниками этого Института, модель скульптуры скрипача из Национального музея Каталонии, на которой контрастными цветами показаны участки коррозии (Mannes et al. 2014; 2017). Метод нейтронной томографии применен в Институте прикладной физики во Флоренции для исследования внутренней структуры и технологии изготовления древнеегипетских металлических статуэток (Agresti et al. 2016).

Методы исследования

Радиография — это метод исследования внутреннего строения объектов различной природы, который заключается в получении изображения этих объектов при просвечивании проникающим излучением. Созданные методом нейтронной радиографии изображения являются плоской теневой проекцией трехмерного объекта и не несут полной информации о неоднородности поглощающей

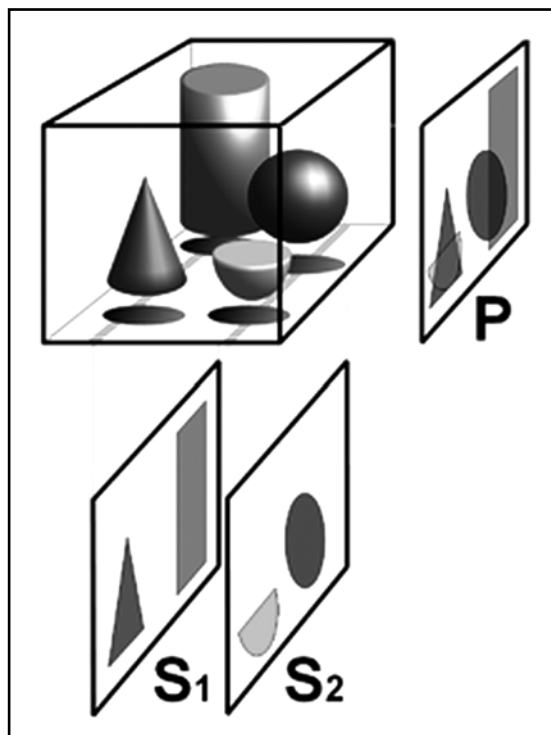


Рис. 1. Принципы создания радиографического (P) и томографических (S1, S2) изображений.

Fig. 1. Principles for creating radiographic (P) and tomographic (S1, S2) images.

¹ Благодарим О. М. Олейникова за возможность работы с находками энколпионов из Новгорода.

² Первые результаты исследований крестов-энколпионов опубликованы (Говор и др. 2017; Kovalenko et al. 2019).

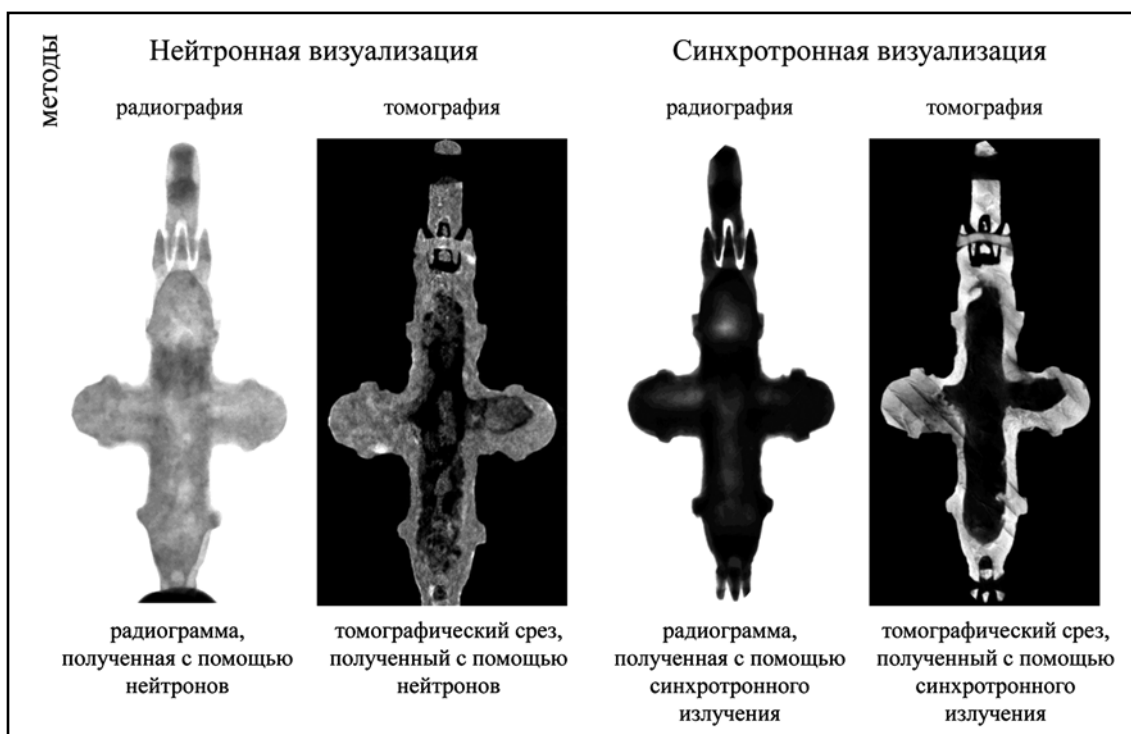


Рис. 2. Энколпион из Сорогужино. Разные методы визуализации.

Fig. 2. The pectoral cross from Sorogujino. Different visualization methods.

способности внутри объема объекта. Т.е. результатом радиографии является единичное изображение внутреннего строения объекта, в которое вносят вклад все имеющиеся в объекте неоднородности (рис. 1: Р). Томография — это метод получения объемного изображения внутреннего строения объектов. Результатом томографии является набор послойных изображений внутреннего строения объекта (рис. 1: S1 и S2). Томография дает дифференцированную информацию о каждом элементарном объеме объекта без наложения изображений неоднородностей друг на друга, в то время как радиография отражает интегральную картину. Томография как метод шире и вмещает радиографию. Эти способы получения информации о внутреннем содержимом объектов называют более широким термином — визуализация.

И радиографию, и томографию можно осуществлять при помощи разных типов проникающего излучения:

- электромагнитных волн (рентгеновское, включая синхротронное, излучение, гамма-излучение и др.);
- элементарных частиц (нейтроны, электроны и др.).

Изображения одного и того же объекта, полученные с помощью различных типов проникающего излучения, будут отличаться и дополнять друг друга (рис. 2). Так, нейтроны

имеют нерегулярную зависимость полного сечения взаимодействия от номера элемента в периодической таблице, что позволяет, в отличие от рентгеновского излучения, различать вещества с близкими значениями атомной массы, а также вещества, содержащие некоторые легкие элементы, например, водород. Поэтому в ходе эксперимента, по возможности, была выполнена и нейтронная, и синхротронная томография крестов, что дало возможность лучше понять природу регистрируемых неоднородностей.

В НИЦ «Курчатовский институт» источником нейтронов является исследовательский реактор ИР-8. На нем действует установка для нейтронной визуализации ДРАКОН (диагностика радиационная комплексная), позволяющая проводить томографию и радиографию различных объектов с пространственным разрешением около 250 мкм (Соменков и др. 2019). Все эксперименты по синхротронной томографии и радиографии археологических объектов проводятся на Курчатовском источнике синхротронного излучения (КИСИ — Курчатов) с пространственным разрешением около 80 мкм.

Томографическая съемка заключается в получении массива радиографических изображений образца при различных угловых положениях от 0 до 180°. После этого проводится математическая реконструкция этих изо-

бражений, в результате которой получают набор томографических срезов объекта, каждый пиксел изображений в которых несет информацию о степени ослабления излучения в элементарном объеме образца. На приведенных в данной работе изображениях чем светлее пиксел, тем сильнее ослабление.

Всего исследованию подверглись 12 предметов. Томографические срезы некоторых энколпионов опубликованы при анализе конкретных находок (Зайцева и др. 2019; Kovalenko et al. 2019; Грешников и др. 2020). Рассмотрим кресты, для которых проведен полный цикл работ: от снятия томографических срезов до построения объемных моделей.

1. Суздальское Ополье, селище Федосьино 1, 2018, №867/6. Целый закрытый энколпион без оглавия, прямоконечный, гладкий, тип IV.6.1 по А. А. Песковой (Корзухина, Пескова 2003: 165—170). Дата — конец XI — XII вв. Размеры: 45×25×6,5 мм (рис. 3: 1). Сохранились оба запорных штифта в виде расклепанных бронзовых стерженьков. Литые створки по выплавляемой модели из свинцовой латуни: состав сплава 1-й створки: Cu — 69,5%, Zn — 11%, Pb — 18%, Sn — 0,5%, в качестве загрязнителя присутствовали Fe — 0,5% и Al — 0,5%; состав сплава 2-й створки: Cu — 57%, Zn — 21%, Pb — 17,5%, в качестве загрязнителя из почвы присутствовал Al — 4%. Створки украшены черневым орнаментом: Распятие (лицевая створка) и Богоматерь Оранта (оборотная створка).

На томографических срезах обнаружено скопление рыхлого вещества в нижней ветви реликвария. Небольшое количество заполнения зафиксировано в боковых ветвях и центре креста. Остальное пространство полости оказалось пустым (рис. 3: 3). Была подтверждена сохранность запорных механизмов. На основе томографических слоев построены 3D-модели поверхности креста и его внутренней полости (рис. 3: 2, 6, 7).

Отдельная работа проведена с моделированием черневого декора. Для створки с Орантой построена модель без черни, показывающая слабый рельеф канавок под чернь, полученных сразу при литье и не подвергавшихся последующей доработке (рис. 3: 6). Созданы две 3D-модели черневого покрытия этой створки. Одна демонстрирует декор со стороны лицевой поверхности (рис. 3: 4). Хорошо видно, что поверхность черни практически гладкая, на некоторых участках она выступает над поверхностью створок. Другая модель показывает вид черни как бы с изнаночной стороны: декор повторяет все неровности канавок, подтверждая, что чернь накладывалась

в виде довольно сильно размягченной массы (рис. 3: 5).

В результате этой работы удалось установить, что глубина черневого покрытия составляет 0,1—0,8 мм, ширина — 0,3—4,8 мм. Построение 3D-моделей черневого рисунка в совокупности с анализами химического и фазового состава черневой массы способствуют более точной и достоверной интерпретации не изучавшейся ранее технологии изготовления черневого узора на бронзовых крестах-энколпионах.

2. Суздальское Ополье, селище Сорогужино 2, 2015, №443/17. Целый закрытый энколпион с оглавием, рельефный с закругленными концами. Размеры без оглавия: 44×25×6 мм. На лицевой створке помещено Распятие, на оборотной — Богоматерь с ладонями, раскрытыми перед грудью: тип III.1.1 по А. А. Песковой (рис. 4: 1). Время бытования — весь XII век (Корзухина, Пескова 2003: 132—133). Литые по оттиску готового изделия из оловянной бронзы. Интегральный состав металла двух створок, выполненный методом нейтронно-активационного анализа: Cu — 89,2%, Sn — 5,8%, Pb — 0,35%. Изображения нечеткие и затертые. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового стержня, нижний штифт отсутствовал.

По данным нейтронной томографии внутренняя полость креста-энколпиона примерно наполовину заполнена твердым веществом, прозрачным для рентгеновского излучения. Вещество распределено по стенкам полости и примыкает к зазорам между створками, в центре креста находятся фрагменты, не закрепленные на стенках (рис. 4: 2).

На основе томографических срезов построены две 3D-модели: одна внешней поверхности энколпиона с показом разными цветами различных конструктивных элементов креста (рис. 4: 3); другая — фиксирующая контрастными цветами процесс коррозии створок (рис. 4: 4). Информация о формах и динамике коррозии бронзовых предметов вызывает интерес у реставраторов и хранителей музейных фондов и может быть использована при составлении протокола реставрации вещи.

3. Суздальское Ополье, селище Михаилы 4, 2016, №679/100. Закрытый энколпион без оглавия, нижние петли и штифт обломаны, гладкий прямоконечный. Размеры: 32×18×4 мм. Литой по восковой модели из многокомпонентного сплава (состав металла 1-й створки: Cu — 83%, Zn — 8%, Sn — 4%, Pb — 4%, в качестве загрязнителя присутствовало Fe — 1%; состав металла 2-й створки: Cu — 80%, Zn — 6%, Sn — 6%, Pb —

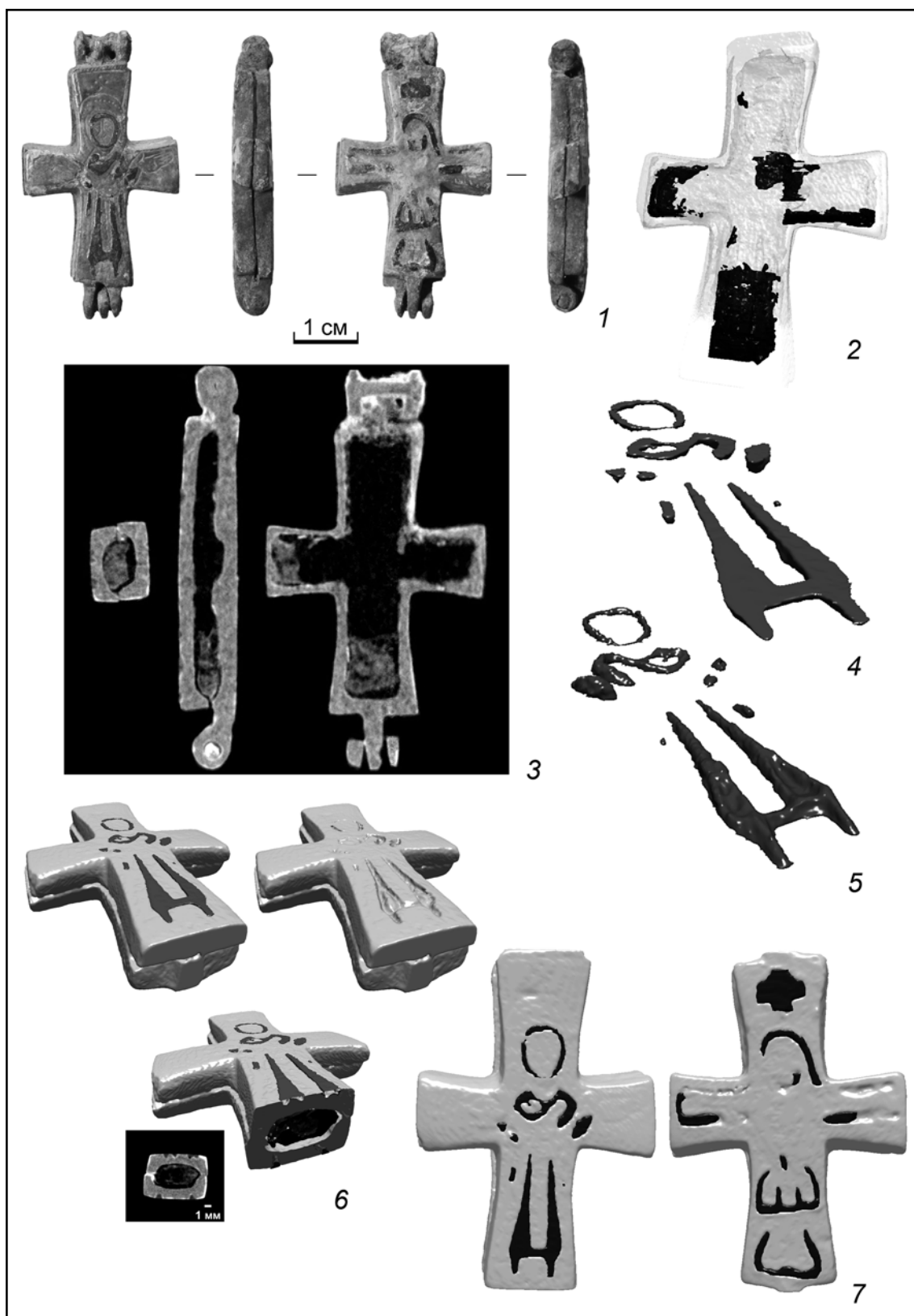


Рис. 3. Энколпион из Федосино. 1 — фото; 2 — 3D-модель внутренней полости, контрастным цветом показано вложение; 3 — нейтронные томографические срезы; 4 — 3D-модель черного декора (вид сверху); 5 — 3D-модель черного декора (вид снизу); 6, 7 — 3D-модели поверхности энколпиона.

Fig. 3. The pectoral cross from Fedosino. 1 — photo; 2 — 3D model of the internal cavity, the relic is shown in contrasting color; 3 — neutron tomographic sections; 4 — 3D model of the niello (top view); 5 — 3D model of the niello (bottom view); 6, 7 — 3D models of the encolpion surface.

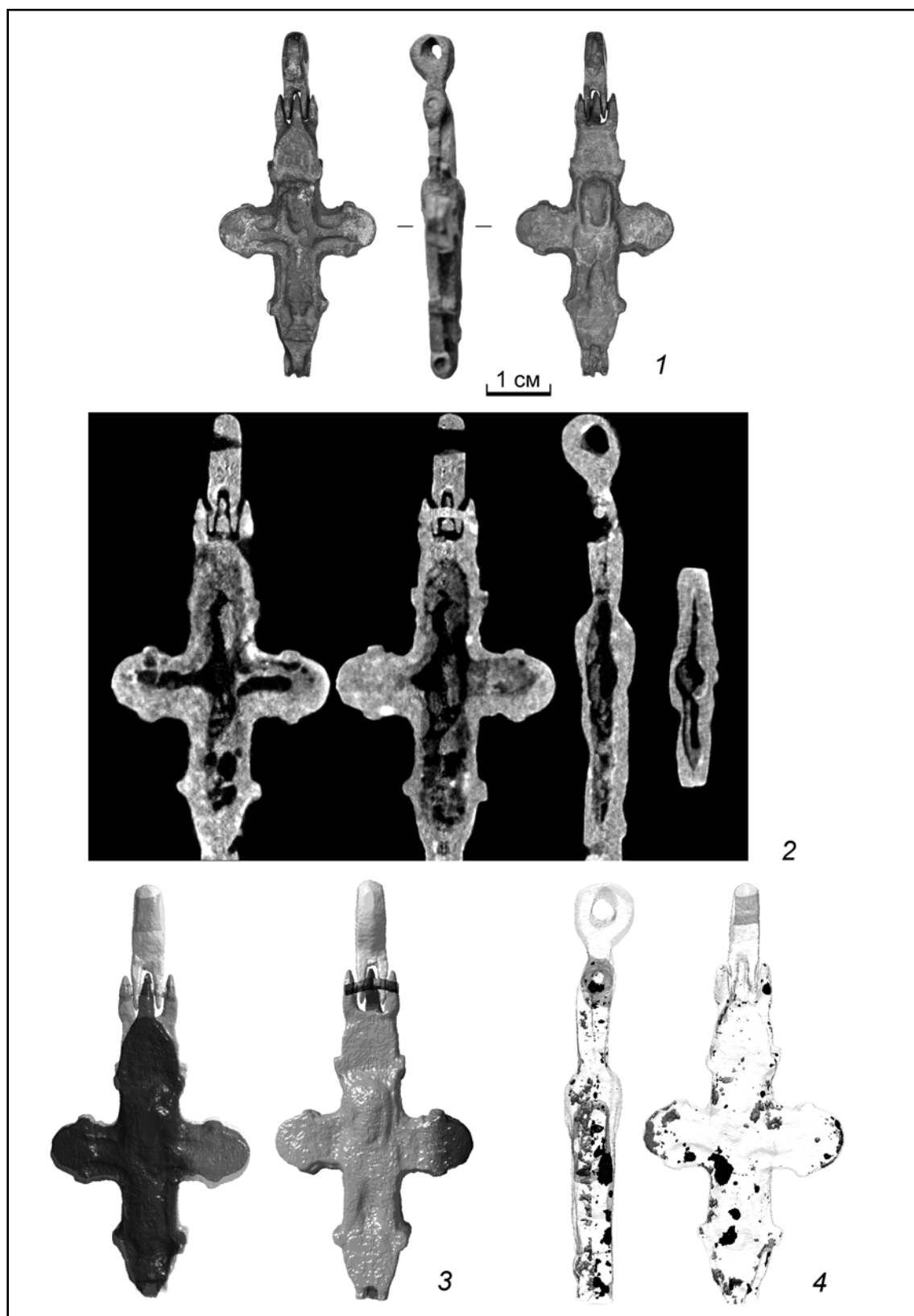


Рис. 4. Энколпион из Сорогужино. 1 — фото; 2 — нейтронные томографические срезы; 3 — 3D-модель поверхности креста (показаны конструктивные элементы); 4 — 3D-модель поверхности креста (показан процесс коррозии).

Fig. 4. The pectoral cross from Sorogujino. 1 — photo; 2 — neutron tomographic sections; 3 — 3D model of the cross surface (the structural elements are shown); 4 — 3D model of the cross surface (the corrosion process is shown).

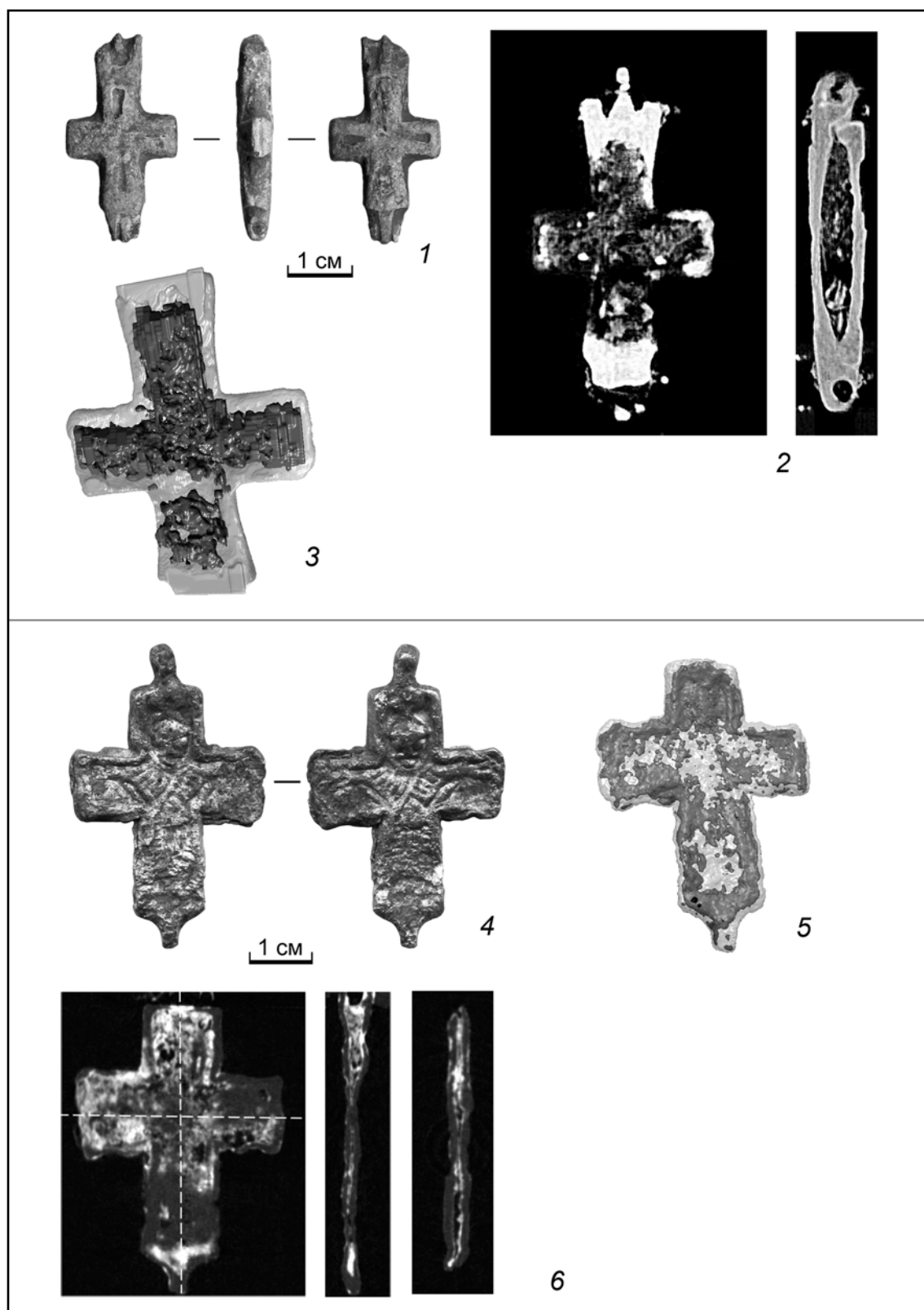


Рис. 5. Энколпионы из Михалей и Новгорода. Энколпион из Михалей: 1 — фото; 2 — нейтронные томографические срезы; 3 — 3D-модель внутренней полости, контрастным цветом показано вложение; энколпион из Новгорода: 4 — фото; 5 — 3D-модель внутренней полости, контрастным цветом показано вложение; 6 — нейтронные томографические срезы.

Fig. 5. Encolpians from Michali and Novgorod. Encolpion from Michali: 1 — photo; 2 — neutron tomographic sections; 3 — 3D model of the internal cavity, contrasting color shows the relics; энколпион из Новгорода: 4 — photo; 5 — 3D model of the internal cavity, contrasting color shows the relics; 6 — neutron tomographic sections.

7%, в качестве загрязнителя присутствовали Fe — 0,5% и Si — 0,5%). Сохранился верхний запорный штифт из бронзового стерженька (рис. 5: 1). Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами. Тип IV.6.3 по А.А. Песковой (Корзухина, Пескова 2003: 171—173).

Методом нейтронной томографии установлено, что внутренняя полость креста почти полностью заполнена рыхлым составом, в котором, преимущественно, в центре и в нижней ветви, присутствует большое количество крупных включений, а также плоские и нитевидные объекты (рис. 5: 2). Построена 3D-модель внутренней полости энколпиона, на которой показаны различные по составу включения (рис. 5: 3).

4. Новгород, 2011, раскоп Власьевский-2/5, №108. Целый закрытый энколпион с ушком, прямоконечный, рельефный. Размеры без ушка 35 × 30 × 4 мм (рис. 5: 4). Крест был отлит из олова с 0,5% примесью меди по оттиску энколпиона. Две створки с одинаковым изображением грубого Распятия были соединены проковкой по краям. Без штифтов. Первая половина XII в. (Олейников 2019: 169—170).

На томографических срезах специальная полость для вложения внутри не выявлена. Между створками обнаружен просвет шириной 0,75 до 3,75 мм, в котором находилось сильно поглощающее рыхлое вещество (возможно, водородосодержащие гидроксиды).

Вещество было распределено по всей межстворчатой площади (рис. 5: 5, 6). Построена 3D-модель внутреннего строения креста (рис. 5: 5).

Заключение

Использование неdestructивных методов естественных наук, в частности, ядерно-физических методов исследования сложно-составных археологических объектов очень перспективно. Нейтронная и синхротронная томография позволяет не только получить новую научную информацию о каждом конкретном предмете, детально исследовать его внутреннее строение, технику изготовления, все специфические особенности, но и предоставляет новые возможности для научного документирования и музейного экспонирования археологических находок. Новые технологии дали возможность заглянуть внутрь закрытых и скрепленных штифтами створок энколпионов, увидеть и оценить степень сохранности священных реликвий.

Построенные 3D-модели способны на современном высокотехнологичном уровне обеспечить работу с археологическими и музейными артефактами: научный анализ, создание виртуальных и реальных копий, демонстрацию для популяризации объектов культурного наследия в музейном показе и в сети интернет.

Литература

- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. 2013. *Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея*. Москва: РИП-холдинг.
- Говор и др. 2017: Говор Л.И., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Куркин В.А., Мурашев М.М., Подурец К.М., Соменков В.А., Глазков В.П., Благов А.Е., Яцишина Е.Б. 2017. Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов. *КСИА* 249 (II), 348—365.
- Грешников и др. 2020: Грешников Э.А., Беляев Л.А., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Говор Л.И., Преснякова Н.Н., Дороватовский П.В., Малахов С.Н., Пожидаев В.М. 2020. Комплексные исследования креста-энколпиона XVI—XVII веков из Новодевичьего монастыря с использованием естественных — научных методов. *РА*, в печати.
- Зайцева и др. 2019: Зайцева И.Е., Грешников Э.А., Велигжанин А.А., Пахунов А.А., Дороватовский П.В., Колобылина Н.Н., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Яцишина Е.Б. 2019. О «зеленой черни» в декоре древнерусских крестов-энколпионов из находок в Суздальском Ополье. *РА* (3), 50—61. Doi: 10.31857/S086960630005670-6.
- Кичанов и др. 2017: Кичанов С.Е., Назаров К.М., Козленко Д.П., Сапрыкина И.А., Савенко Б.В. 2017. Исследование внутренней структуры древних монет методом нейтронной томографии. *Поверхность. Рентгеновские, нейтронные, синхротронные излучения* (6), 11—15.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. 2003. *Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешников Э.А. 2017. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье. *Археологические вести* 23, 291—310.
- Олейников О.М. 2019. Новые находки энколпионов конца XI — первой четверти XIII вв. в Великом Новгороде. *РА* (1), 161—176.
- Сапрыкина и др. 2018: Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Лукин Е.В. 2018. Возможности нейтронной томографии в археологии на примере исследования древнерусских украшений из Тверского клада 2014 г. *РА* (3), 36—42.
- Соменков и др. 2019: Соменков В.А., Глазков В.П., Эм В.Т., Гуреев А.И., Мурашев М.М., Садыков Р.А., Аксенов С.Н., Трунов Д.Н., Столя-

- ров А.А., Алексеев А.А., Кравчук Л.В. 2019. Установка для комплексной радиационной диагностики «ДРАКОН». *Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования* (9), 93—99.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.И. 1899. *Древности русские. Кресты и образки*. Киев.
- Agresti et al. 2016: Agresti J., Osticioli I., Guidotti M.C., Kardjilov N., Siano S. 2016. Non-invasive archaeometallurgical approach to the investigations of bronze figurines using neutron, laser and X-ray techniques. *Microchemical Journal* 124, 765—774.
- Kichanov et al. 2017: Kichanov S.E., Nazarov K.M., Kozlenko D.P., Saprykina I.A., Lukin E.V., Savenko B.N. 2017. Analysis of the Internal Structure of Ancient Copper Coins by Neutron Tomography. *Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques* 11 (3), 585—589.
- Kichanov et al. 2018: Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D., Nazarov K., Lukin E., Rutkauskas A., Savenko B. 2018. The studies of the ancient Russian cultural heritage objects by means of a neutron tomography method. *Journal of Imaging* 4 (2), 1—9.
- Kovalenko et al. 2019: Kovalenko E.S., Podurets K.M., Greshnikov E.A., Zaitseva I.Y., Agafonov S.S., Somenkov V.A., Kolobylyna N.N., Kaloyan A.A., Govor L.I., Kurkin V.A., Yatsishina Y.B. 2019. The Investigation of the Medieval Russian Bronze Reliquary Cross Pendant Using a Complex of Non-destructive Methods. *Crystallography Reports* 64 (5), 841—846. Doi: 10.1134/S1063774519050110.
- Mannes et al. 2014: Mannes D., Lehmann E., Masalles A., Schmidt-Ott K., Przychowski A., Schaeppi K., Schmid F., Peetermans S., Hunger K. 2014. The study of cultural heritage relevant objects by means of neutron imaging techniques. *Insight* 56 (3), 137—141.
- Mannes et al. 2017: Mannes D., Lehmann E.H. (contrib. Furger A.R.). 2017. Study of Ancient Metallic Artifacts by Using Neutron Imaging Techniques. *Bull APA* 57, 171—179.
- Somenkov et al. 2019: Somenkov V.A., Glazkov V.P., Em V.T., Gureev A.I., Murashev M.M., Axenov S.N., Trunov D.N., Sadykov R.A., Stolyarov A.A., Alexeev A.A., Kravchuk L.V. 2019. On the complex radiation diagnostics facility “DRAGON”. *Journal of Surface Investigation: X-Ray, Synchrotron and Neutron Techniques* 13 (5), 870—876.
- Astashova, N.I., Petrova, L.A., Saracheva, T.G. 2013. *Kresty-enkolpiony iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Crosses-Reliquaries from the Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: “RIP-kholding” Publ. (in Russian).
- Govor, L.I., Greshnikov, E.A., Zaitseva, I.E., Kovalenko, E.S., Kurkin, V.A., Murashev, M.M., Podurets, K.M., Somenkov, V.A., Glazkov, V.P., Blagov, A.E., Iatsishina, E.B. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 249 (II), 348—365 (in Russian).
- Greshnikov, E.A., Beliaev, L.A., Podurets, K.M., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Glazkov, V.P., Govor, L.I., Presniakova, N.N., Dorovatovskii, P.V., Malakhov, S.N., Pozhidaev, V.M. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (in print) (in Russian).
- Zaitseva, I.E., Greshnikov, E.A., Veligzhanin, A.A., Pakhunov, A.A., Dorovatovskii, P.V., Kolobylyna, N.N., Podurets, K.M., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Glazkov, V.P., Iatsishina, E.B. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 50—61. Doi: 10.31857/S086960630005670-6 (in Russian).
- Kichanov, S.E., Nazarov, K.M., Kozlenko, D.P., Saprykina, I.A., Savenko, B.V. 2017. In *Poverkhnost'. Rentgenovskie, neitronnye, sinkhrotronnye issledovaniia (Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques)* (6), 11—15. Trad. in: Kichanov, S.E., Nazarov, K.M., Kozlenko, D.P., Saprykina, I.A., Lukin, E.V. and Savenko, B.N. Analysis of the Internal Structure of Ancient Copper Coins by Neutron Tomography. *Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques* 11 (3), 585—589.
- Korzukhina, G.F., Peskova, A.A. 2003. *Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty-relikvarii X—XIII vv. (Ancient Russian Encolpions: Breast Crosses-Reliquaria of 10th—13th Centuries)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences VII. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).
- Makarov, N.A., Zaitseva, I.E., Greshnikov, E.A. 2017. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 23, 291—310 (in Russian).
- Oleinikov, O.M. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 161—176 (in Russian).
- Saprykina, I.A., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Lukin, E.V. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 36—42 (in Russian).
- Somenkov, V.A., Glazkov, V.P., Em, V.T., Gureev, A.I., Murashev, M.M., Sadykov, R.A., Aksenov, S.N., Trunov, D.N., Stolyarov, A.A., Alekseev, A.A., Kravchuk, L.V. 2019. Ustanovka dlia kompleksnoi radiatsionnoi diagnostiki «DRAKON». *Poverkhnost'. Rentgenovskie, sinkhrotronnye i neitronnye issledovaniia (Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques)* (9), 93—99. Trad. in: Somenkov, V.A., Glazkov, V.P., Em, V.T., Gureev, A.I., Murashev, M.M., Axenov, S.N., Trunov, D.N., Sadykov, R.A., Stolyarov, A.A., Alexeev, A.A., Kravchuk, L.V. On the complex radiation diagnostics facility “DRAGON”, *Journal of Surface Investigation: X-Ray, Synchrotron and Neutron Techniques*. 13 (5), 870—876 (in Russian).
- Khanenko, B.I., Khanenko, V.I. 1899. *Drevnosti Russkie. Kresty i obrazki (Russian Antiquities: Crosses and Holy Pictures)*. Kiev: “Kiev” Publ. (in Russian).
- Agresti, J., Osticioli, I., Guidotti, M.C., Kardjilov, N., Siano, S. 2016. Non-invasive archaeometallurgical approach to the investigations of bronze figurines using neutron, laser and X-ray techniques. *Microchemical Journal* 124, 765—774.
- Kichanov, S., Saprykina, I., Kozlenko, D., Nazarov, K., Lukin, E., Rutkauskas, A., Savenko, B. 2018. The studies of the ancient Russian cultural heritage objects by means of a neutron tomography method. *Journal of Imaging* 4 (2), 1—9.
- Kovalenko, E.S., Podurets, K.M., Greshnikov, E.A., Zaitseva, I.Y., Agafonov, S.S., Somenkov, V.A., Kolobylyna, N.N., Kaloyan, A.A., Govor, L.I., Kurkin, V.A., Yatsishina, Y.B. 2019. The Investigation of the Medieval Russian Bronze Reliquary Cross Pendant Using a Complex of Nondestructive Methods. *Crystallogra-*

- phy Reports* 64 (5), 841—846. Doi: 10.1134/S1063774519050110.
- Mannes, D., Lehmann, E., Masalles, A., Schmidt-Ott, K., Przychowski, A., Schaeppi, K., Schmid, F., Peetermans, S., Hunger, K. 2014. The study of cultural heritage relevant objects by means of neutron imaging techniques. *Insight* 56 (3), 137—141.
- Mannes, D., Lehmann, E.H. (contrib. Furger, A.R.). 2017. Study of Ancient Metallic Artifacts by Using Neutron Imaging Technigues. *Bull APA* 57, 171—179.

Статья поступила в сборник 15 февраля 2020 г.

Irina Zaytseva (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Зайцева Ирина Евгеньевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: izaitseva@yandex.ru

Ekaterina Kovalenko (Moscow, Russian Federation). National Research Center “Kurchatov Institute”².

Коваленко Екатерина Сергеевна (Москва, Россия). Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт».

E-mail: kovalenko_es@mail.ru

Konstantin Podurets (Moscow, Russian Federation). Doctor of Physics and Mathematics. National Research Center “Kurchatov Institute”³.

Подурец Константин Михайлович (Москва, Россия). Доктор физико-математических наук. Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт».

E-mail: podurets@yandex.ru

Mikhail Murashev (Moscow, Russian Federation). National Research Center “Kurchatov Institute”⁴.

Мурашев Михаил Михайлович (Москва, Россия). Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт».

E-mail: mihaillmmm@inbox.ru

Addresses: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ^{2–4} Academic Kurchatov Sq., 1, Moscow, 123098, Russian Federation

И. А. Сапрыкина

Украшения из легкоплавких сплавов в городском ювелирном наборе XII—XIII вв. (по материалам из раскопок Твери)

Keywords: Old Russia, Tver, Medieval Age, jewelries, tin, imitations, style

Ключевые слова: Древняя Русь, Тверь, средние века, украшения, олово, имитации, стиль

I. A. Saprykina

Pewter Jewelry in the Urban Jewelry Set in 12th—13th cc. (According to the Materials from Excavations in Tver)

The article addresses a series of pendants of tin and fusible alloy, found during excavations at the stadium «Khimik» (the Tver Kremlin) in 2013. Tin jewelry mainly belong to the urban jewelry collection, which finds analogies in hoards, concealed during the events of 1234—1238. Tin, in relation to the analyzed decorations, is a kind of a 'simulacrum' of a high status precious metal (silver) and was used to manufacture overall pretty good 'imitations' of higher-status types of jewelry.

I. A. Сапрыкина

Украшения из легкоплавких сплавов в городском ювелирном наборе XII—XIII вв. (по материалам из раскопок Твери)

Статья посвящена серии изделий из олова и легкоплавкого сплава, найденных в ходе раскопок на стадионе «Химик» (Тверской кремль) в 2013 г. Оловянные украшения преимущественно относятся к городскому ювелирному набору, имеющему аналогии вкладах, сокрытых во время событий 1234—1238 гг. Олово, в отношении анализируемых украшений, является своего рода «симулякром» статусного драгоценного металла (серебра), использовавшимся для изготовления в целом довольно качественно выполненных «имитаций» высокостатусных форм украшений.

В рамках данной статьи публикуются результаты исследования химического состава цветного металла коллекции украшений и предметов одежды, происходящих из раскопок 2013 г. на территории стадиона «Химик» в г. Твери (руководитель работ — А. Н. Хохлов¹). Стадион был сооружен в 1920-х годах, расположен он на месте разрушенных валов Тверского кремля, скрытых еще в начале XIX в. Коллекция этого года довольно интересная, хотя и небольшая по объему, она датируется в широких хронологических рамках XII—XVIII вв.; нас интересует лишь ее часть, датируемая в пределах XII—XIV вв., в которую входят находки перстней, браслетов и других предметов городского ювелирного набора, в основном, древнерусского периода. Из этой выборки мы более пристально рассмотрим лишь часть украшений, изготовленных из легкоплавкого сплава. Результаты

исследования рассматриваются в совокупности с выборкой из раскопок «Рубленого города» Ярославля (раскопки А. В. Энговатовой).

Тип сплава, из которого изготавливались рассматриваемые украшения, определялся с помощью неразрушающего безэталонного метода РФА (спектрометр M1 Mistral). В выборке из раскопок на территории Тверского кремля присутствует несколько типов металлов и сплавов (табл. 1), где доля легкоплавких сплавов составляет практически половину от общего количества проанализированных предметов (рис. 1). Отметим, что представленная гистограмма демонстрирует типологию металлов и сплавов для всей выборки, датируемой в широком временном отрезке; если сузить хронологические рамки до искомого периода — древнерусского времени, — то мы видим несколько иную номенклатуру сплавов: это легкоплавкий сплав (SnPb), «чистое» олово (Sn), латунь и оловянная латунь (CuZn; CuSnZn), оловянно-свинцовая бронза (CuSnPb).

¹ Выражаю искреннюю признательность А. Н. Хохлову за возможность использования данного материала для публикации.

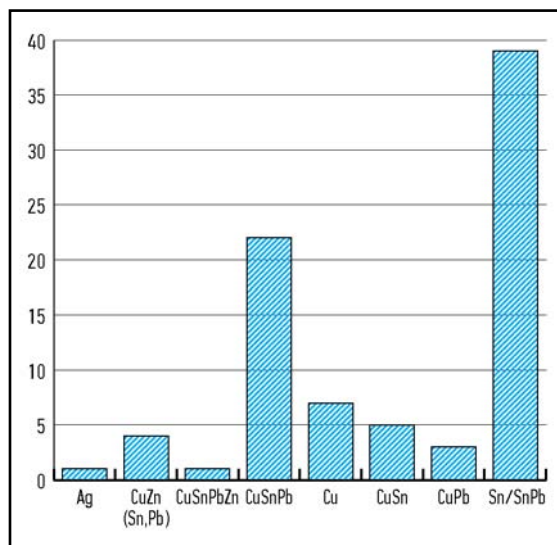


Рис. 1. Распределение типов металлов и сплавов в выборке из раскопок на территории Тверского кремля (стадион «Химик»).

Fig. 1. Distribution of types of metals and alloys in the samples from excavations on the territory of the Tver Kremlin (stadium "Khimik").

Собственно, украшения из легкоплавкого сплава (SnPb/PbSn) в этих двух выборках занимают очень скромное место: в ярославской выборке это 4 предмета (перстень, пряжка и накладки; см. Сапрыкина 2014), а в тверской выборке — это единственный перстень с многогранным щитком с изображением птицы. Во всех остальных случаях все проанализированные предметы из обеих выборок изготовлены из т.н. «чистого» олова, где содержание олова варьирует в пределах от 89,51 до 99,87%. Заметим, что в рассматриваемых выборках по каким-то причинам пока нет украшений, изготовленных из свинца — еще одного металла, употреблявшегося для изготовления схожих форм «имитационных» украшений, известных, к примеру, по продукции киевских мастерских (Корзухина 1950: 222—223, рис. 1; 5; 7).

Таким образом, в выборке из Тверского кремля из «чистого» олова, как и в выборке из «Рубленого города» Ярославля (Сапрыкина 2014), изготовлены, преимущественно, предметы, которые можно отнести к городскому ювелирному набору, комплекту украшений, имеющему аналогии в составе княжеско-боярского убора из кладов, сокрытых во время событий 1234—1238 гг. (именно такие украшения в рамках данной статьи мы называем «имитационными»). Прежде всего, это перстни с различными изображениями на щитках, браслеты, привески, а также —

бусины с ложной зернью, бусины эллипсоидные, височные кольца трехбусинные, также украшенные ложной зернью, рясна пирамидальной формы с дужкой и цепочкой с крестообразным разделителем и колты «имитационные» полые звездчатые, в том числе колт звездчатый шестилучевой с ложной зернью и дужкой. «Прототипы» этих украшений, но изготовленные из высокопробного серебра, мы видим в составе Тереховского клада 1876 года (Клады... 2015: 47), Тверского клада 1906 года (Клады... 2015: 55—56), Тверского клада 2014 г. (Хохлов, Кунгурцева 2016), в составе Рязанского клада 2005 г. (Буланкина и др. 2013; Старая Рязань... 2014) и среди других находок статусных предметов.

Возникает вопрос, почему был сделан выбор в пользу «чистого» олова при изготовлении подобных украшений. Олово называют «серебром бедняков»; исследователями отмечается значительное количество украшений, выполненных из олова или легкоплавкого сплава и имитирующих стиль дорогих ювелирных изделий, найденных при раскопках в центральных частях древнерусских городов, также в слоях селищ, в курганных могильниках (Седова 1981; Королева 1996; Захаров 2004; Фоянков 1991; Михайлова 2015; и др.).

Из раскопок на территории Тверского кремля и «Рубленого города» Ярославля на данный момент получена такая статистика: 54 предмета изготовлено из «чистого» олова, тогда как общее число предметов, изготовленных из легкоплавких сплавов, составляет всего 59 единиц (из обеих выборок). С одной стороны, нельзя исключить того, что мастера при изготовлении «имитационных» форм украшений вынуждены были использовать тот металл, который был в данный момент доступным. Однако вполне возможно, что выбор именно «чистого» олова представлял собой осознанный выбор мастера, вынужденного при исполнении подобного заказа учитывать некоторые особенности, а именно — следование определенному стилю и поддержанию модного стандарта.

Современные антропологические (социологические) исследования показывают, что модный стандарт появляется только тогда, когда есть возможность для появления и существования социальных и психологических механизмов социальной регуляции (Гофман 1994; Коваленко, Корнев 2006). Мода является маркером существования в обществе запроса и возможностей для подражания или перенимания социального статуса (или его основных культурных образцов) от одних социальных групп другими. Применительно к рассма-

Таблица 1.
Результаты исследования химического состава цветного металла для
выборки из раскопок на территории Тверского кремля

	Название объекта	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	Fe	Au
1	пуло	78,95	0,45	15,57	0	0,41	0,84	2,55	1,12	0
2	перстень-печатка	2,02	0	0,27	0	0	96,89	0	0	0,82
3	пуло	99,6	0	0,08	0	0	0,11	0,13	0,08	0
4	пуло	99,07	0,05	0,44	0	0	0,19	0,19	0,04	0
5	перстень	83,08	0,98	2,38	12,52	0	0,1	0,42	0,52	0
6	копейка Петра I	1,42	0	0,29	0	0	98,17	0	0	0,08
7	пуло малое	4,98	0	1,37	0	0,06	93,48	0	0	0,11
8	копейка Ивана IV	2,83	0	0,47	0	0,06	96,44	0	0	0,2
9	копейка Бориса Годунова	2,64	0	0,11	0	0	97,16	0	0	0,09
10	браслета фр-т	74,52	18,25	6,23	0,2	0,05	0,16	0,4	0,2	0
11	пуло большое	99,55	0,07	0,12	0	0	0,09	0,05	0,12	0
12	пуло малое	99,42	0,13	0,15	0	0	0,1	0,16	0,04	0
13	привеска шумящая	80,95	16,78	1,41	0	0	0,08	0,52	0,26	0
14	крест	85,3	12,5	0,94	0,05	0,07	0,09	0,74	0,31	0
15	ременная петля	85,41	10,64	2,91	0	0,29	0,19	0,43	0,13	0
16	пуло	82,59	0,29	2,8	0,06	0	0,36	0,27	13,62	0
17	крест	2,39	95,77	0,57	0,15	0,13	0	0,07	0,92	0
18	пуло	96,39	0,03	0,07	0,02	0	0,12	0,03	3,35	0
19	крест	0,84	67,87	30,01	0,12	0,35	0,03	0,04	0,73	0
20	пуло большое	99,57	0,13	0,05	0	0	0,12	0,06	0,07	0
21	пуло большое	99,18	0,04	0,32	0	0	0,14	0,3	0,03	0
22	браслет плетеный с петлеобразными концами	94,85	3,74	0,8	0	0	0,05	0,39	0,16	0
23	браслета крученого фр-т	97,1	1,83	0,5	0	0	0,09	0,35	0,12	0
24	привеска шумящая	72,16	20,31	5,45	0	0,17	0,14	1,09	0,68	0
25	пуло малое	98,32	0,02	1,1	0	0,12	0,09	0,29	0,07	0
26	пуговица?	2,96	89,02	0,08	0	0,02	0,12	0	7,8	0
27	наконечник ремня	88,96	2,28	2,2	5,11	0,15	0,09	0,47	0,18	0
28	перстень	0,45	99,23	0	0,08	0,02	0	0	0,23	0
29	перстень	2,55	92,61	2,43	0	0	0	0	2,4	0
30	пуло малое	99,43	0,02	0,22	0	0	0,17	0,05	0,08	0,03
31	заклепка	82,1	2,5	5,23	7,51	0	0,16	0,71	1,79	0
32	перстень	1,71	97,24	0,82	0,11	0	0	0	0,13	0
33	браслет пластинчатый	94,95	2,8	1,45	0,06	0,03	0,08	0,43	0,2	0
34	крест	82,44	10,48	4,9	0	0,19	0,19	1,1	0,69	0
35	пуговица	24,3	63,41	0,48	0	0	0	0	11,82	0
36	браслета фр-т	1,63	96,89	0,57	0	0	0	0	0,91	0
37	перстень	0,69	99,05	0	0	0	0	0	0,26	0
38	привеска трапецевидная	2,74	95,1	0,09	0,31	0	0	0	1,77	0
39	бубенчик с шаровидной прорезью	90,93	3,69	4,73	0,08	0	0,05	0,39	0,13	0
40	браслет пластинчатый	99,3	0	0,35	0	0	0,03	0,29	0,04	0
41	заклепка	0,29	99,71	0	0	0	0	0		0
42	кольца височного трехбусинного	0,26	98,38	0	0	0	0,01	0,06	0,28	0
43	браслет пластинчатый	95,7	3,23	0,58	0	0	0,07	0,32	0,11	0
44	перстень	0,36	64,72	34,49	0,07	0	0	0	0,37	0
45	перстень	0,23	69,99	29,02	0,08	0,02	0	0,04	0,61	0
46	пуговица	1,1	67,52	30,66	0,05	0,3	0	0	0,37	0
47	перстень	81,83	10,76	3,08	0	0	0,06	3,61	0,65	0
48	бусина с ложной зернью	0,24	99	0,06	0	0	0	0	0,71	0
49	пряжка	74,3	10,79	9,29	0,08	0	0,15	0,59	4,79	0
50	бусина	0,81	97,85	0	0,31	0	0	0,05	0,97	0
51	браслет пластинчатый	95,08	2,24	1,74	0,05	0,03	0,04	0,33	0,5	0
52	браслет пластинчатый	98,16	0	1,35	0	0	0,06	0,4	0,03	0
53	бусина с ложной зернью	0,39	95,43	0,04	0,08	0	0,07	0,31	3,68	0
54	браслет пластинчатый	97,86	0	1,65	0	0	0,06	0,36	0,08	0
55	бусина эллипсоидная	0,16	96,21	0	0,11	0	0,06	0	3,46	0
56	ушко котла	99,16	0,01	0,49	0	0	0,03	0,28	0,03	0
57	пуговица шаровидная	1,78	95,8	1,56	0,09	0	0	0	0,77	0
58	браслет витой с петлеобразными концами	95,85	2,56	0,98	0	0	0,05	0,36	0,19	0
59	бубенчик с шаровидная щелью	88,3	6,46	4,72	0	0,03	0,04	0,37	0,08	0

Таблица 1 (окончание).

	Название объекта	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	Fe	Au
60	перстень	93,56	2	1,21	0,52	0	0,05	0,38	2,28	0
61	пуговица шаровидная	10,3	89,22	0,16	0	0	0	0	0,32	0
62	браслет пластинчатый	89,65	7,67	1,15	0	0	0,04	0,33	1,15	0
63	пуговица?	1,53	97,63	0,06	0	0	0	0	0,77	0
64	браслет плетеный	92,61	6,08	0,81	0	0	0,07	0,32	0,1	0
65	кольцо височное трехбусинное	0,37	99,21	0	0,11	0	0	0,03	0,29	0
66	браслет плетеный	93,05	4,05	1,98	0,11	0	0,08	0,4	0,32	0
67	пуговица?	98,33	0,41	0,78	0	0	0,05	0,35	0,08	0
68	рясно пирамидальной формы	1,68	97,32	0	0,09	0	0,02	0,22	0,67	0
71	браслет пластинчатый	98,53	0	1,16	0	0	0,07	0,2	0,05	0
72	бусина	0,71	99,02	0	0	0	0	0	0,27	0
73	перстень	87,3	9,56	2,35	0	0	0,08	0,44	0,28	0
74	перстень	3,62	89,51	2,71	0,08	0	0,67	0	3,41	0
75	бубенчик с шаровидной щелью	86,11	8,78	3,92	0,04	0	0,04	0,47	0,63	0
76	привеска трапецевидная	8,39	89,96	0,68	0	0	0	0	0,97	0
77	бусина с ложной сканью	0,74	98,88	0	0,24	0	0	0	0,14	0
78	привеска трапецевидная	14,46	81,54	0,77	0	0	0	0	3,23	0
79	кольцо	3,9	97,81	0,11	0	0	0,05	0,16	0,24	0
80	перстень	0,91	98,31	0,43	0	0	0	0	0,35	0
81	ушко котла	99,13	0,03	0,4	0	0	0,08	0,3	0,06	0
82	пуговица	98,64	0,03	0,9	0	0	0,08	0,3	0,04	0
83	колт звездчатый	7,77	91,41	0,14	0,19	0	0,02	0	0,47	0
84	кольцо височное трехбусинное	0,89	95,45	0,22	0,09	0	0,28	0,13	3,2	0
85	перстень	2,87	96,33	0	0,13	0	0,04	0	0,63	0
86	пуговица	98,03	0,27	0,79	0	0	0,14	0,51	0,08	0
87	предмет	1,54	98,23	0	0,06	0	0	0	0,16	0
88	фибула подковообразная	89,91	4,3	0,56	4,23	0	0,1	0,51	0,4	0
89	колечко	80,1	16,03	1,73	0,16	0	0,08	0,29	1,6	0
90	колт	0,32	98,85	0	0,12	0,11	0	0	0,6	0
91	проволока	85,88	3,56	0,67	8,39	0	0,22	0,73	0,54	0
92	перстень	79,94	11,57	3,56	0,26	0	0,34	0,49	3,85	0
93	бусина	0,2	95,75	0	0,08	0	0	0	3,98	0
94	предмет	99,84	0,05	0,05	0	0	0	0	0,06	0
95	пуговица	88,66	7,65	2,31	0	0	0,1	0,48	0,8	0
96	пуло малое	99,44	0,06	0,11	0,04	0	0,15	0,09	0,11	0
97	пуло малое	99,21	0,05	0,24	0	0	0,11	0,24	0,14	0
98	пуло большое	98,17	0,38	1,04	0,03	0	0,16	0,11	0,1	0
99	крест	89,76	1,76	6,46	0,06	0	0,09	1,12	0,3	0
100	браслет пластинчатый	99,55	0,01	0,18	0	0	0,04	0,17	0,05	0
101	браслет пластинчатый	99,5	0,01	0,15	0	0	0,05	0,22	0,07	0
102	пряжка	84,69	11,47	2,95	0	0,04	0,11	0,5	0,25	0
103	колт звездчатый	0,68	98,26	0	0,06	0	0	0,16	0,84	0

триваемой теме, этот запрос позволяет раскрыть некоторые оригинальные черты древнерусского общества, особенно той его части, которая существовала в определенной социальной группе, подверженной желанию внешнего подражания более сильной (властной) группе с целью повышения собственного статуса.

В археологической традиции только некоторые металлы являются безусловными выразителями высокого статуса общества или конкретного объекта — это золото и серебро, для некоторых сообществ — чистая медь. Статус серебра в разные периоды (и на разных территориях) был, судя по всему, более волатилен, чем статус золота; в рассматриваемый период этот драгоценный металл вернул себе

этот высокий уровень доверия и «жажды» обладания им (Williams 2016: 183).

Олово, как известно, имеет серебристо-белый цвет, несколько темнее чистого серебра; однако он гораздо светлее по цвету, чем свинец (и легкоплавкий сплав), и в силу этого более пригоден для качественной имитации серебряных украшений или предметов. Это наблюдение, однако, не полностью может объяснить выбор именно этого металла для изготовления имитаций статусных предметов; как представляется, еще один пласт объяснений может лежать в сфере экономики и организации добычи металлов.

В рассматриваемый хронологический период олово относилось, видимо, к недорогим видам сырья; связано это было с имевшимся

перерывом в его добыче, вызванном истощением легкодоступных источников в форме россыпей, которые были в значительной степени разработаны в поздне римское время на территории Европы. «Запуск» добычи, к примеру, на известных на данный момент средневековых рудниках в Германии, в Гарце и Рудных Горах (Чехия и Саксония) относится как раз к XII—XIII вв. (Tolksdorf et al. 2019). Продолжалась также добыча олова на известных Корнуолльских месторождениях, торговля металлом с которого осуществлялась, начиная с бронзового века (однако не понятно, какова его доля на восточноевропейском рынке сбыта в рассматриваемый период). Добыча металла в Польше (Силезский горнорудный бассейн), как считают исследователи, могла вестись и в более раннее время — в первой половине IX в., но этот момент еще требует тщательного исследования, и в целом, в публикациях делается акцент на добычу свинца в этот период (Rozmus 2016: 267). Объем добычи олова наращивался постепенно, т.к. велась разработка не россыпей, а жильных месторождений, требующих большего объема трудозатрат.

Понятно, что олово как основной металл для изготовления в целом довольно качественно выполненных «имитаций» высокостатусных форм украшений было выбрано в силу своей схожести по внешним признакам с одним из статусных металлов — серебром. Помимо этого, на выбор олова для изготовления такой продукции могло повлиять и его несколько ограниченное предложение на рынке ме-

таллов и, вследствие этого, определенная дороговизна; соответственно, статусность этого металла также повышалась по сравнению с другими металлами и сплавами.

Использование олова для изготовления подобных украшений в виде определенного «симулякра» драгоценного металла подразумевает, что в городской среде исключительно важным было сохранение устойчивого сочетания признаков при воспроизводстве единого стиля. В свою очередь, использование такого металла подразумевает, что, несмотря на фиксированность отдельных признаков городского ювелирного убора, женский убор этого периода не был статичным комплексом, менее всего поддающимся разнообразным влияниям. Динамичность его форм и стилей, использование разных металлов и сплавов для изготовления городского ювелирного набора позволяет предполагать такую же динамичность, открытость, социальную дифференциацию и мобильность социальных систем (страт, слоев, обществ), которые использовали рассматриваемые предметы (группы предметов) (Рябцева 2010; 2014; 2015; и др.). Уровень этой открытости и мобильности пока сложно оценить, т.к. это требует рассмотрения классических археологических данных иными методами исследования, подразумевающими изучение механизмов функционирования общества как «живого» (открытого) организма, где распространение новых тенденций (оформления, внешнего вида и др.) приобретает взрывной характер и выражается, прежде всего, в мелких аксессуарах костюма (Гопкало 2019).

Литература

- Буланкина Е. В., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. 2013. Старая Рязань: клад 2013 года. *Родина* 12, 33—38.
- Гопкало О. В. 2019. К дефиниции понятий «ювелирный стиль» и «мода» на примере черняховских фибул и предметов с выемчатыми эмальями. *КСИА* 254, 191—211.
- Гофман А. Б. 1994. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. Автореф. дисс. ... док. социол. наук. Москва.
- Захаров С. Д. 2004. *Древнерусский город Белоозеро*. Москва: Индрик.
- Клады... 2015: Новаковская-Бухман С. М. 2015. *Клады древней Руси в собрании Русского музея*. Санкт-Петербург: Palace Editions.
- Коваленко А. Б., Корнев Н. Н. 2006. *Социальная психология*. Киев: Геопринт.
- Корзухина Г. Ф. 1950. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. *СА* XIV, 217—244.
- Королева Э. В. 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *Раскопки в древней части Среднего города (1967—1991). Материалы и исследования*. Т. 1. Археологическое изучение
- Пскова. Псков: ПГПИ, 229—300.
- Михайлова Е. Р. 2015. Украшения из легкоплавких сплавов в культуре длинных курганов: основные формы и поиск аналогий. В: Кирпичников А. Н. (ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 5. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 125—134.
- Рябцева С. С. 2010. Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII—XVI вв. *Revista Archeologică* s. n. V (1), 80—90.
- Рябцева С. С. 2014. Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X—XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. *Revista Archeologică* s. n. X (1—2), 143—167.
- Рябцева С. С. 2015. О древнерусских венцах из пластинчатых бляшек в контексте формирования ювелирных уборов XII—XIV веков. В: Киджи В. В. и др. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Санкт-Петербург: ГЭ, 236—245.
- Сапрыкина И. А. 2014. Ювелирные изделия из раскопок «Рубленого города» Ярославля. *КСИА* 232, 169—187.

- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Старая Рязань... 2014: Чернецов А.В. (отв. ред.). 2014. *Старая Рязань. Клад 2005 года*. Санкт-Петербург; Москва: Нестор-История.
- Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А. 2016. Тверской клад 2014 года (предварительная публикация). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 113—123.
- Фоняков Д.И. 1991. Цветной металл Торопца (типология и технология). *СА* (2), 217—231.
- Rozmus D. 2016. Nowe znaleziska wczesnosredniowiecznych ciężarków łożnianych. *Materiały archeologiczne* XLI, 263—272.
- Tolksdorf et al. 2019: Tolksdorf J.F., Frank Schröder F., Petr L., Herbig C., Kaiser K., Kočár P., Fülling A., Heinrich S., Hönig H., Hemker C. 2019. Evidence for Bronze Age and Medieval tin placer mining in the Erzgebirge mountains, Saxony (Germany). *Geoarchaeology* 35, 198—216.
- Williams G. 2016. Kingship, Christianity and Coinage: monetary and political perspectives on silver economy in the Viking age. In: *Silver Economy in the Viking Age*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 177—216.

References

- Bulankina, E. V., Strikalov, I. Yu., Chernetsov, A. V. 2013. In *Rodina: Rossiiskii istoricheskii zhurnal (Motherland: Russian Historical Journal)* 12, 33—38 (in Russian).
- Gopkalo, O. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 254, 191—211 (in Russian).
- Gofman, A.B. 1994. *Moda i liudi. Novaia teoriia mody i modnogo povedeniia (Fashion and People: New Theory of Fashion and Fashionable Behavior)*. Doct. Diss. Moscow (in Russian).
- Zakharov, S.D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Novakovskaya-Buchman, S.M. (comp.). 2015. *Klady Drevnei Rusi v sobranii Russkogo muzeia. Katalog vystavki (The Hoards of Ancient Rus' in the Collections of the Russian Museum)*. Saint Petersburg: "Palace Editions" Publ. (in Russian).
- Kovalenko, A.B., Kornev, N.N. 2006. *Sotsial'naiia psikhologiya (Social Psychology)*. Kiev (in Russian).
- Korzukhina, G.F. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XIV, 217—244 (in Russian).
- Koroleva, E.V. 1996. In Labutina, I.K. (ed.). *Raskopki v drevnei chasti Srednego goroda (1967—1991). Materialy i issledovaniia (Excavations in the Ancient Part of the Middle Town (1967—1991): Materials and Studies)* 1. Series: *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova (Archaeological Study of Pskov)* 3. Pskov: Pskov Archaeological Center, 229—300 (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2015. In Kirpichnikov, A.N. (ed.). *Ladoga i Ladozhskaiia zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 5. Saint Petersburg, 125—134 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2010. In *Revista Archeologică, serie nouă* V (1), 80—90 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2014. In *Revista Archeologică, serie nouă* X (1—2), 143—167 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2015. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naiia kul'tura (Jewelry's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 236—245 (in Russian).
- Saprykina, I.A. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 169—187 (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Chernetsov, A.V. (ed.). 2014. *Staraiia Riazan'. Klad 2005 goda (Old Riazan: the Hoard of 2005)*. Saint Petersburg; Moscow: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Khokhlov, A.N., Kungurtseva, S.A. 2016. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* 9. Tver: Tver Research Historical, Archaeological and Restoration Center LLC, 113—123 (in Russian).
- Foniakov, D.I. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 217—231 (in Russian).
- Rozmus, D. 2016. Nowe znaleziska wczesnosredniowiecznych ciężarków łożnianych. *Materiały archeologiczne* XLI, 263—272.
- Tolksdorf, J.F., Frank Schröder, F., Petr, L., Herbig, C., Kaiser, K., Kočár, P., Fülling, A., Heinrich, S., Hönig, H., Hemker, C. 2019. Evidence for Bronze Age and Medieval tin placer mining in the Erzgebirge mountains, Saxony (Germany). *Geoarchaeology*, 2020, 35, 198—216.
- Williams, G. 2016. Kingship, Christianity and Coinage: monetary and political perspectives on silver economy in the Viking age. *Silver Economy in the Viking Age*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 177—216.

Статья поступила в сборник 1 марта 2020 г.

Irina Saprykina (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Сапрыкина Ирина Анатольевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: dolmen200@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

М. И. Гоняный, Т. Г. Сарачева

Химический состав металла нательных крестов из поселений Устье 2, 3 на Куликовом поле

Keywords: Upper Don area, Kulikovo field, pre-Mongol period, Golden Horde period, underwear crosses, copper-base alloys

Ключевые слова: Верхнее Подонье, Куликово поле, домонгольский период, золотоордынское время, нательные кресты, сплавы на основе меди

M. I. Gonyanyi, T. G. Saracheva

Chemical Composition of Metal Used in Breast Crosses from Ustye 2, 3 Settlements on the Kulikovo Field

A study of chemical composition of metal used in 16 breast crosses found in Ustye 2,3 settlements (Kimovsky district of the Tula Oblast) helped to identify different types of copper-base alloys. It was found that the tin-lead bronze, typical for the non-ferrous metalworking of this territory in the 12th — first half of the 13th century, was still in use in production of crosses during the Golden Horde time. A breast cross of the 17th century was made from a different raw material — multicomponent bronze containing zinc. The sample included well-known and rarely found types of crosses. Planigraphic analysis of finds showed that Ustye 2, 3 settlements stand out among other sites of the Upper Don area by concentration of crosses.

М. И. Гоняный, Т. Г. Сарачева

Химический состав металла нательных крестов из поселений Устье 2, 3 на Куликовом поле

Изучение химического состава металла 16 нательных крестов, обнаруженных на селищах Устье 2, 3 (Кимовский р-н, Тульская обл.), выявило различные типы сплавов на основе меди. Установлено, что оловянно-свинцовую бронзу, характерную для цветной металлообработки этой территории в XII — первой половине XIII в., продолжали использовать для изготовления крестов в золотоордынское время. Тельник XVII в. получен из иного сырья — многокомпонентной бронзы, в составе которой присутствует цинк. В изученную выборку вошли как хорошо известные, так и редко встречающиеся типы крестов. Планиграфический анализ находок показал, что селища Устье 2, 3 выделяются по концентрации обнаруженных на них крестов среди других памятников Верхнего Подонья.

Предметы личного благочестия давно поделились в самостоятельный раздел древнерусской археологической науки (Седова 1981: 49—72; Николаева, Недошивина 1997: 173—177; Мусин 2006: 164—166). В последние десятилетия существенно увеличился объем находок не столько за счет исследования некрополей, но прежде всего, сельских поселений. Благодаря коллекциям, происходящим с хорошо датированных памятников, удалось выделить наборы нательных крестов домонгольского времени, типы, пережившие Батыево нашествие, и новые формы предметов культа, появившиеся в конце XIII — XIV в. и в новое время.

Все чаще исследователи обращают внимание на изучение химического состава металла, шедшего на изготовление крестов (Шемаханская и др. 1996; Королева 1996: 229—300; Коновалов 2008: 36—37; Колпакова 2015:

40—59; Сальникова 2016: 50—69; Татаурова, Тишкин 2018). Однако банк аналитических данных по-прежнему пополняется медленно, особенно для древностей послемонгольского периода. В связи с этим публикация результатов анализа состава металла нательных крестов, обнаруженных на поселениях Устье 2, 3 (Кимовский р-н, Тульская обл.), приобретает научную ценность и актуальность.

Изучение округа д. Устье инициировано в 1980-е гг. в ходе комплексных междисциплинарных исследований древнерусских памятников под руководством Б. А. Фоломеева в рамках программы «Куликово поле. История. Ландшафт». Гнездо средневековых памятников 2-й четв. XII — конца XIV в. на правом и левом берегах р. Мокрая Табола неподалеку от ее впадения в р. Дон включает городище Устье (Чичино), грунтовый могильник и девять неукрепленных селищ общей

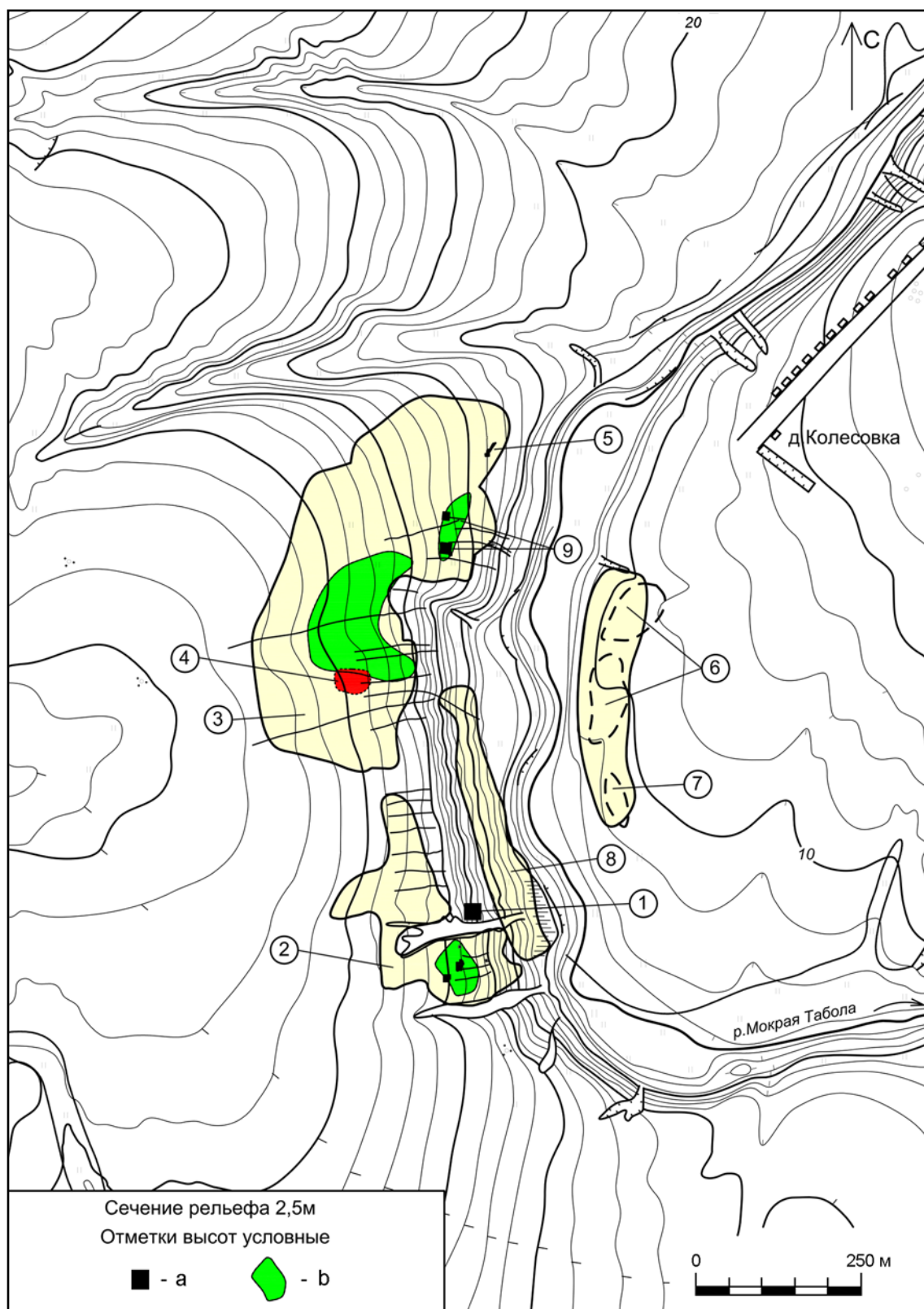


Рис. 1. Памятники южной части Устьинского археологического комплекса и зоны концентрации древнерусских крестов-тельников из медного сплава: 1 — городище Устье (Чичино), конец 2-й четверти-середина XII — 3-я четверть XIII в.; 2 — поселение Устье 2, IX — начало X в.; 2-я четверть-середина XII — 3-я четверть XIII в.; раскопы 1, 2, 3 (2014, 2015, 2017 гг.); 3 — селище Устье 3; 4 — селище Устье 3, XII — конец XIV в.; 5 — селище Устье 3, 2-я четверть XII — конец XIV в.; раскоп 1 (1987 г.); 6 — селище Колесовка 5, 2-я четверть-середина XII — середина-начало 3-й четверти XIII в.; скопления керамического материала древнерусского времени; 7 — селище Колесовка 6, 2-я четверть-середина XII — середина — начало 3-й четверти XIII в.; скопление керамического материала древнерусского времени; 8 — селище Устье 4, 2-я четверть XII — начало XIV в.; 9 —

селище Устье 3, раскопы 1, 2 (2003 г.). Условные обозначения: а — раскопы; b — зоны концентрации крестов из медного сплава.

Fig. 1. Objects from the South part of Ustye archeological complex and the area of concentration of the Old Russian breast crosses from copper base alloys: 1 — Ustye (Chichino) hillfort, the end of the 2nd quarter-middle of the 12th century — 3rd quarter of the 13th century; 2 — Ustye hillfort 2, 9th — the beginning of the 10th century; the 2nd quarter-middle of the 12th — the 3rd quarter of 13th century; digs 1, 2, 3 (2014, 2015, 2017); 3 — Ustye 3 settlement; 4 — Ustye burial ground, 12th — end of the 14th century; 5 — Ustye 3 settlement, the 2nd quarter of the 12th — end of the 14th century; dig 1 (1987); 6 — Kolesovka 5 settlement, the 2nd quarter-middle of the 12th century — middle-beginning of the 3rd quarter of 13th century; concentration of Old Russian ceramic material; 7 — Kolesovka 6 settlement, the 2nd quarter — middle of the 12th century — middle-beginning of the 3rd quarter of the 13th century; concentration of Old Russian ceramic material; 8 — Ustye 4 settlement, the 2nd quarter of the 12th century — beginning of the 14th century; 9 — Ustye 3 settlement, digs 1, 2 (2003). Legend: a — digs; b — areas of concentration of crosses from copper alloys.

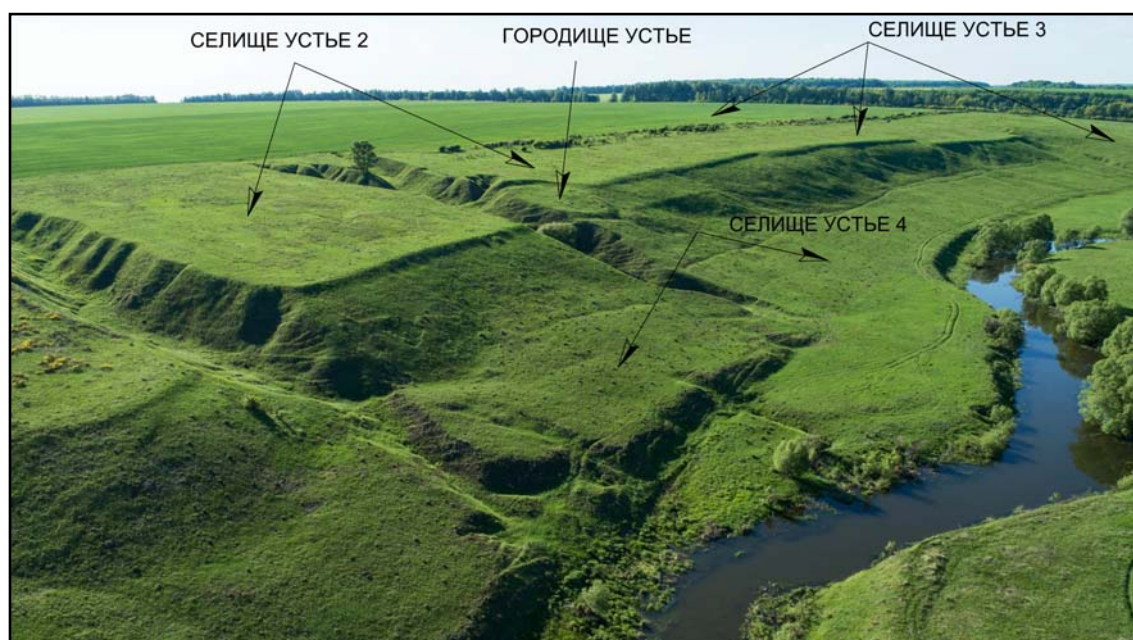


Рис. 2. Южная часть Устьинского археологического комплекса. Вид с юго-востока (фото Р.М. Солопова).

Fig. 2. The South part of Ustye archaeological complex. Southeast view (photo by R.M. Solopov).

площадью более 40 га (рис. 1; 2)¹. В южной части археологического комплекса расположены селища Устье 2, 4, Колесовка 5, 6, а также Устье 3 — крупнейший неукрепленный памятник в верховьях Дона. На городище Чичино и на поселениях Устье 2, 3 были осуществлены раскопки на площади 1285,5 кв.м. Гораздо большая территория памятников исследована Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ (руководитель М.И. Гоняный) по методике планшетного сбора подъем-

ного материала с использованием детекторов металла² (рис. 1—3).

Комплексное изучение значительных по площади памятников позволило уточнить их датировку, определить жилые, хозяйственные и производственные зоны, а также границы и хронологию грунтового могильника, установить динамику изменения территорий объектов. В результате многолетних изысканий была сформирована огромная коллекция, насчитывающая более 6000 индивидуальных находок. Систематизация и исследование артефактов, полученных преимущественно в результате планшетного сбора, позволяют определить культурный контекст и хронологию

¹ Благодарим научного сотрудника ООО «ЦАИ «Куликово поле» А. А. Мезенцева (компьютерная обработка карт, планов), фотохудожника Государственного Военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» Р.М. Солопова (фотоматериалы), художника С.И. Вилькину (рисунки находок) за помощь в подготовке иллюстративного материала к статье.

² О методике проведения планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла см.: Гоняный, Сарачева 2020: 162.

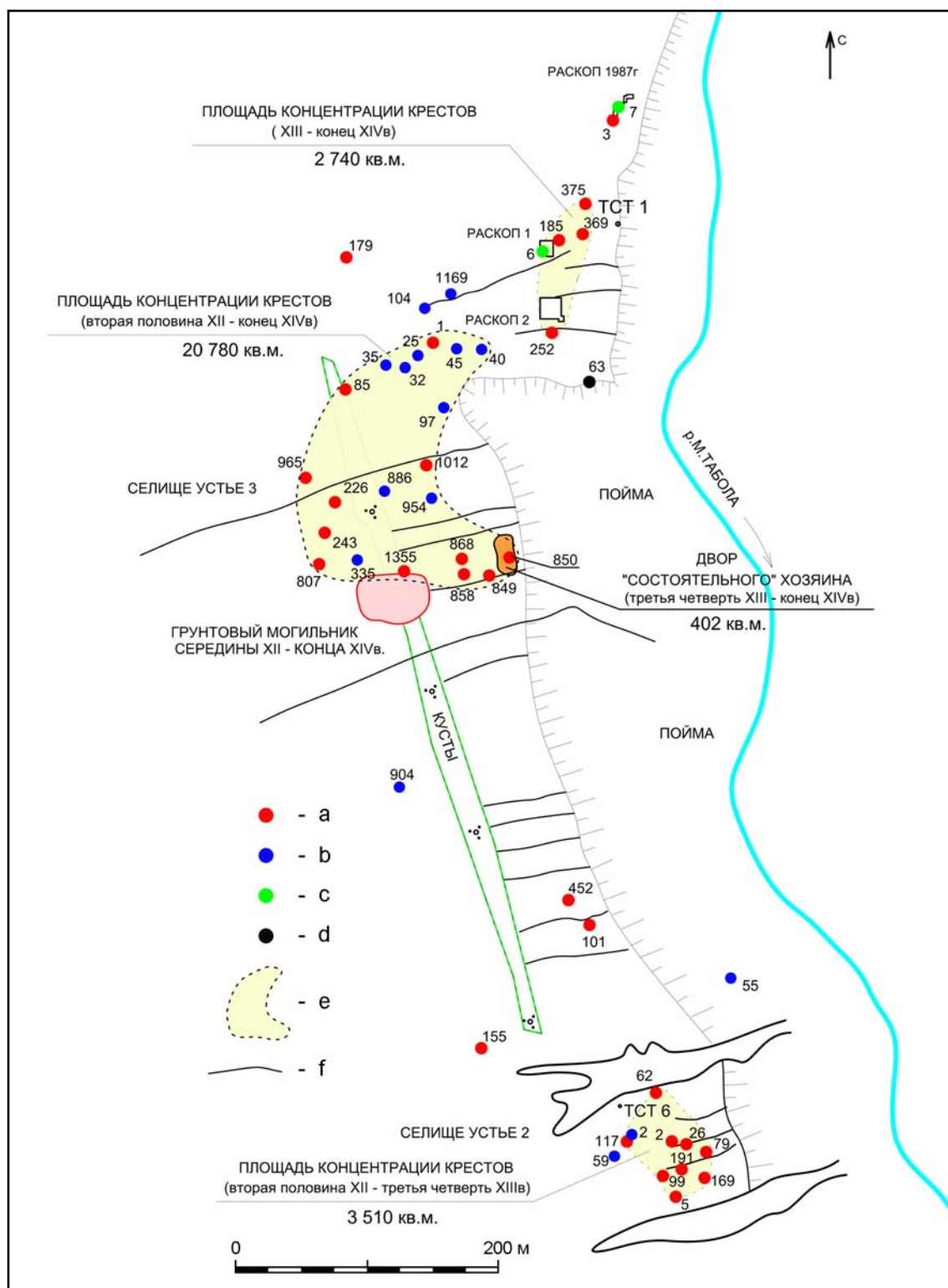


Рис. 3. План распространения нателных крестов второй четверти XII — конца XIV в. на селищах Устье 2, 3. Пункты и годы исследований: Устье 2: 452 — 2016; 101 — 2019; 155 — 2015; 62 — 2013; 117 — 2013; 2 — 2017, раскоп 3; 26 — 2015; 79 — 2006; 191 — 2015; 99 — 2013; 5 — 2015; 169 — 2015; 55 — 2019; 2 — 2013; 59 — 2015. Устье 3: 3 — 1987, раск.1; 375 — 2015, планш. 475; 369 — 2015, планш. 475; 185 — 2014, планш. 200; 252 — 2015, планш. 475; 179 — 2015, планш. 475; 1 — 2002; 85 — 2002; 965 — 2003; 1012 — 2017; 226 — 2012; 243 — 2012; 807 — 2003; 1355 — 2017; 868 — 2016; 858 — 2016; 849 — 2016; 850 — 2016; 1169 — 2017; 104 — 2015, планш. 475; 40 — 2015, планш. 475; 45 — 2015, планш. 475; 25 — 2002; 35 — 2015, планш. 475; 32 — 2014; 97 — 2002; 886 — 2003; 954 — 2016; 335 — 2012; 904 — 2016; 7 — 1987, раск. 1; 6 — 2003, раск. 1; 63 — 1998.

Условные обозначения: а — кресты из сплавов на основе меди; b — кресты из легкоплавких сплавов; с — каменные кресты; d — железный крест с серебряной инкрустацией; e — зоны концентрации находок; f — древние проезды, прогоны, улицы.

Fig. 3. Distribution of breast crosses of the 2nd quarter of the 12th — end of the 14th century in Ustye 2, 3 settlements.

Points and years of research: Ustye 2: 452 — 2016; 101 — 2019; 155 — 2015; 62 — 2013; 117 — 2013; 2 — 2017, раскоп 3; 26 — 2015; 79 — 2006; 191 — 2015; 99 — 2013; 5 — 2015; 169 — 2015; 55 — 2019; 2 — 2013; 59 — 2015.

Ustye 3: 3 — 1987, excavation 1; 375 — 2015, search grid 475; 369 — 2015, search grid 475; 185 — 2014, search grid 200; 252 — 2015, search grid 475; 179 — 2015, search grid 475; 1 — 2002; 85 — 2002; 965 — 2003; 1012 — 2017; 226 — 2012; 243 — 2012; 807 — 2003; 1355 — 2017; 868 — 2016; 858 — 2016; 849 — 2016; 850 — 2016; 1169 — 2017; 104 — 2015, search grid 475; 40 — 2015, search grid 475; 45 — 2015, search grid 475; 25 — 2002; 35 — 2015, search grid 475; 32 — 2014; 97 — 2002; 886 — 2003; 954 — 2016; 335 — 2012; 904 — 2016; 7 — 1987, dig 1; 6 — 2003, dig 1; 63 — 1998.

Legend: a — crosses from copper-base alloys; b — crosses from fusible alloys; c — stone crosses; d — iron cross with silver inlay; e — area of finds concentration; f — ancient passages, runs, streets.

древностей. В рамках этой работы осуществлено химико-технологическое исследование металлических крестов.

На территории селищ Устье 2, 3 собрано 58 нательных крестов: 40 — из сплавов на основе меди, 15 — из легкоплавких сплавов, 1 — из железа с серебряной инкрустацией, 2 — каменные (рис. 3). На других селищах, расположенных в южной части археологического комплекса (Устье 4, Колесовка 5, 6), нательных крестов из медных сплавов не обнаружено. Изучен химический состав металла 23 крестов с помощью безэталонного рентгенофлюоресцентного энергодисперсного неразрушающего анализа³. Семь крестов получены из сплавов на основе олова; они были рассмотрены ранее в контексте представительной коллекции находок, выполненных из так называемого «серебра бедняков» (Гоняный, Сарачева 2020: 193—194).

В настоящей работе рассмотрим 16 находок из медных сплавов (табл. 1). Преобладают кресты из оловянно-свинцовой бронзы (14 экз.). Обращает на себя внимание высокая концентрация олова в металле крестов: две трети изделий получены из сплава, в котором олово превышает 10%. Содержание свинца, напротив, низкое: в девяти образцах этот показатель ниже 5%. Единичными экземплярами представлена оловянная бронза и сложный многокомпонентный состав, в котором,

помимо свинца и олова, выявлено низкое содержание цинка.

Кресты получены литьем в разъемных двустворчатых формах. По контуру изделий хорошо заметны швы, образовавшиеся в результате смещения створок форм при литье. В некоторых случаях это сказалось на общем виде изделия: ушки трех крестов изогнуты, на их поверхности зафиксированы отчетливые следы шлифовки, с помощью которой старались убрать лишние наплывы металла; шарики на концах ветвей, как правило, имеют неправильную форму; одна находка с Устья 2 является очевидным браком, так как верхняя часть креста оказалась сильно смещена (рис. 4: 5). Изображения на крестах получены в процессе литья; лишь на одном экземпляре после отливки в средокрестии был прочерчен косой крест (рис. 4: 4). Скорее всего, эта операция была выполнена владельцем креста самостоятельно, так как при прочерчивании линий инструмент соскользнул и оставил лишний след. Необходимо отметить, что оставленные на ушках следы от присоединения литников, заливки металла, литейные швы свидетельствуют о том, что исследованные изделия являются образцами серийного производства.

Наличие бракованных изделий позволяет предположить, что некоторые из рассматриваемых находок могли быть сделаны на месте. На поселении Устье 3 локализована ювелирная мастерская 1-й — 3-й четв. XIII в. (Гоняный 2017: 166, рис. 1: 9). Следы цветной металлообработки XIV в. выявлены на поселении Колесовка 2: заполнение литникового канала двустворчатой разъемной формы для отливки четырех изделий, а также два бракованных нательных креста с непролитыми каналами в ушках (Гоняный 2011: 288, рис. 12: 6, 7).

³ О методике анализа см.: Ениосова и др. 2008: 114—120. Выражаем искреннюю благодарность ведущему рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Р.А. Митояну и младшему научному сотруднику отдела археологических памятников ГИМ А.О. Шевцову за аналитическую работу и расшифровку полученных данных.

Таблица 1.

Химический состав металла крестов из селищ Устье 2, 3

№ п/п	Паспорт	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Hg	Pb	Bi	Тип сплава
1	Устье 3, 2003/965	0	0	0	90,4	0	0	0,55	8,72	0,33	0	0	0	Cu+Sn
2	Устье 2, 2014/5	0,39	0	0,05	68,48	0,34	0	0,19	21,47	0	0,08	8,96	0,04	Cu+Sn+Pb
3	Устье 2, 2014/26	0,07	0	0	92,83	0	0	0,08	3,07	0	0	3,95	0	Cu+Sn+Pb
4	Устье 2, 2015/155	0,38	0	0,05	65,22	0	0,45	0,43	23,91	0	0,1	9,39	0,08	Cu+Sn+Pb
5	Устье 2, 2015/169	0,37	0	0	89,36	0	0	0,09	4,73	0	0	5,44	0	Cu+Sn+Pb
6	Устье 2, 2015/191	0,22	0	0,04	87,84	0	0	0,11	7,61	0	0	4,19	0	Cu+Sn+Pb
7	Устье 3, 2015, планш. 475/252	0,72	0,06	0,08	66,53	0	0	0,16	25,04	0	0	7,35	0,06	Cu+Sn+Pb
8	Устье 3, 2015, планш. 475/369	0,07	0	0	71,08	0	0,31	0,15	23,4	0	0	4,99	0	Cu+Sn+Pb
9	Устье 3, 2015, планш. 475/375	0,22	0	0	72,53	0,05	0	0,28	23,4	0	0	3,46	0,04	Cu+Sn+Pb
10	Устье 3, 2003/807	0	0	0	75,36	0	0	0,96	19,82	0,34	0	3,52	0	Cu+Sn+Pb
11	Устье 3, 2012/226	0,14	0,05	0,07	85,93	0,07	0	0,17	10,43	0,16	0,11	2,86	0	Cu+Sn+Pb
12	Устье 3, 2012/243	0,33	0,06	0,1	80,48	0,13	0,9	0,23	14,71	0,19	0	2,81	0,08	Cu+Sn+Pb
13	Устье 3, 2016/452	0,82	0	0	71,38	0,97	0,39	0,21	17,57	0,08	0	8,54	0,04	Cu+Sn+Pb
14	Устье 3, 2017/1355	0,37	0	0,04	76,71	0	0,1	0,17	15,86	0,09	0	6,61	0,04	Cu+Sn+Pb
15	Устье 2, 2015/2	0,09	0	0,03	88,68	0	0	0,1	7,68	0,03	0	3,4	0	Cu+Sn+Pb
16	Устье 3, 2016/889	0,22	0	0,12	91,2	1,08	0	0,1	5,01	0,04	0	2,23	0	Cu+Sn+Pb+Zn

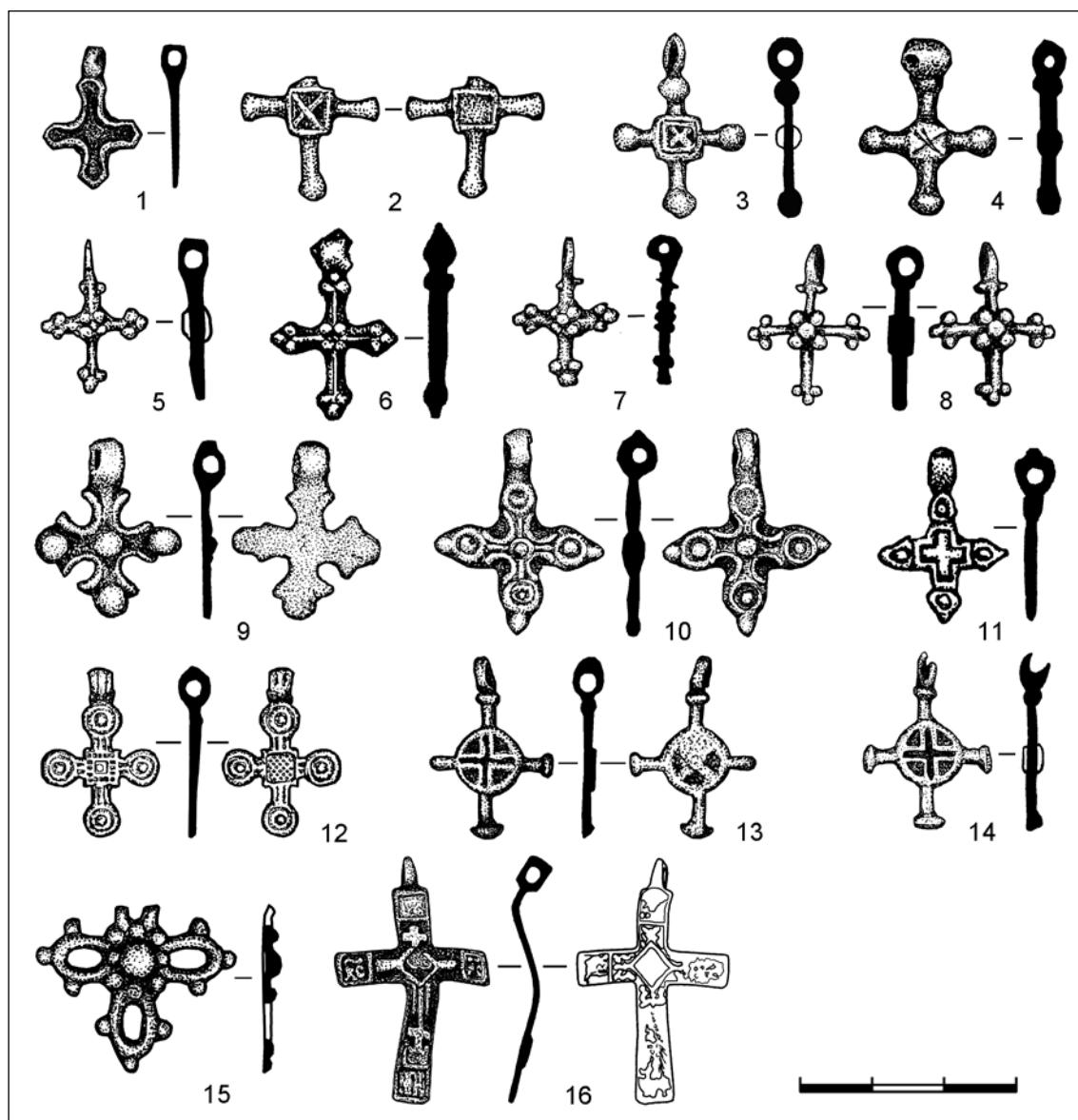


Рис. 4. Кресты из медного сплава: 1 — 2015, планш. 475/375; 2 — 2015/26; 3 — 2015/169; 4 — 2015, планш. 475/252; 5 — 2015/5; 6 — 2003/965; 7 — 2016/452; 8 — 2017, раскоп 3/2; 9 — 2012/243; 10 — 2012/226; 11 — 2003/807; 12 — 2017/1355; 4 — 2015/191; 13 — 2015/155; 14 — 2015, планш. 475/369; 15 — 2016/889. Устье 2: 2, 3, 5, 7, 8, 13, 14; Устье 3: 1, 4, 6, 9—12, 15, 16.

Fig. 4. Copper alloy crosses: 1 — 2015, search grid 475/375; 2 — 2015/26; 3 — 2015/169; 4 — 2015, search grid 475/252; 5 — 2015/5; 6 — 2003/965; 7 — 2016/452; 8 — 2017, dig 3/2; 9 — 2012/243; 10 — 2012/226; 11 — 2003/807; 12 — 2017/1355; 4 — 2015/191; 13 — 2015/155; 14 — 2015, search grid 475/369; 15 — 2016/889. Ustye 2: 2, 3, 5, 7, 8, 13, 14; Ustye 3: 1, 4, 6, 9—12, 15, 16.

Общепринятыми признаками систематизации этой категории находок являются форма ветвей, концов и средокрестий. В изученной выборке представлены кресты с прямыми и расширяющимися ветвями, с простыми и фигурными средокрестиями⁴, с прямыми

и фигурными концами. Большинство находок относится к широко распространенным на территории Древней Руси типам. Это крест с прямыми ветвями, ромбическим средокрестием и треугольными концами, обнаруженный на селище Устье 3 (рис. 4: 1)⁵. В углуб-

⁴ Термин «простое средокрестие» означает простое, не оформленное специально пересечение ветвей (Захаров 2004: 162).

⁵ С этого памятника происходит еще один аналогичный крест, не вошедший в выборку по изучению состава металла.

лении, которое занимает всю лицевую поверхность, сохранились едва заметные следы желтой эмали. Самые ранние находки таких крестов датируются XIII в., однако большинство экземпляров относится к XIV—XV вв.

Кресты с прямыми ветвями, квадратным средокрестием и одинарными шариками на концах характерны для древностей XII — сер. XIII вв. (рис. 4: 2—4). Несмотря на общее сходство, средокрестие каждого экземпляра оформлено по-разному⁶. К этому же периоду относятся известные находки крестов с прямыми ветвями, фигурным средокрестием и тремя шариками на концах, однако, судя по тверским находкам, они доживают до нач. XIV в. (Лапшин 2017: 283, рис. 1: 4, 5, 7). Исследованные экземпляры отличаются по составу металла и размерам, что не позволяет предположить их изготовление одним мастером (рис. 4: 5—8). Три обнаружены на домонгольском селище Устье 2; один — в западной части селища Устье 3, где в конце XII — сер. XIII в., предположительно, могла располагаться усадьба княжеского «наместника» (Гоняный 2017: 166, 169, рис. 1: 5). Подобные тельники из медного сплава ни разу не встречены на памятниках золотоордынского времени в верховьях Дона. Фрагмент аналогичного креста происходит из селища Устье 4. Химический состав находки не исследован, однако характерный цвет поверхности позволяет утверждать, что она отлита из легкоплавкого сплава (Гоняный, Сарачева 2020: 194, рис. 13: 13).

К наиболее часто встречающимся относятся кресты с прямыми ветвями, ромбическим средокрестием и круглыми концами с криновидными выступами (рис. 4: 9—10). Два сохранившихся полностью креста из селища Устье 3 имеют близкие размеры⁷. Нижняя и боковые ветви одностороннего экземпляра завершаются большими кругами. На двустороннем кресте круглые концы на этих ветвях дополнены оплывчатыми шариками. Криноконечные кресты появляются в домонгольское время, однако преобладают находки 2-й пол. XIII — XV в.

Односторонний крест с прямыми ветвями, простым средокрестием и треугольными концами принадлежит к редко встречающимся типам (рис. 4: 11). Точная аналогия хранит-

ся в частном собрании без указания места находки (Кутасов, Селезнев 2010: 157, №294). Следует отметить, что три креста (рис. 3: 226, 243, 807; рис. 4: 9—11) планиграфически совпадают с территорией, где в конце XII — сер. XIII в. между двух дорог могла располагаться усадьба «наместника». Видимо, этим временем следует датировать указанные находки.

Двусторонний крест с прямыми ветвями, квадратным средокрестием и круглыми концами обнаружен на селище Устье 3 (рис. 3: 1355; 4: 12). Аналогичные кресты домонгольского времени известны в южнорусских землях и по публикации А. Н. Спасеных (Кайль, Нечитайло 2006: 48—49, №433; Спасеных 2019: 145).

Два креста близких размеров с прямыми ветвями, круглым средокрестием и одинарными шариками на концах обнаружены на селище Устье 2 и, вероятно, вышли из стен одной мастерской (рис. 4: 13, 14). Подобные кресты домонгольского времени найдены на памятниках Брянской обл. и Южной Руси; в средокрестии тельника с Княжей горы сохранились следы эмали (Ханенко 1900: 3, табл. XVII: 199; Кайль, Нечитайло 2006: 42—43, №352; Кутасов, Селезнев 2010: 209, №449).

Крест с прямыми ажурными ветвями, средокрестием в форме розетки и тремя шариками на концах ветвей происходит из селища Устье 3 (рис. 4: 15). Полные аналогии опубликованы А. Н. Спасеных и в каталоге Владимиро-Суздальского музея-заповедника, в котором хранится находка из Суздаля конца XII — нач. XIII в. (Спасеных 2019: 40; Муравьева 1999: 7, 23, №31). Экземпляр из Елецкого р-на Липецкой обл. отличается формой средокрестия (Спасеных 2011: 27). Ажурные кресты близких форм представлены широким ассортиментом в древностях Латвии XII—XIV вв. (Mugurēvičs 1974: 224). Учитывая время бытования аналогичных тельников, полагаем, что находку из селища Устье 3 следует датировать сер. XIII — XIV в. В этой части селища встречены разновременные древности с преобладанием артефактов XIV в. Не случайно поблизости найдены крест с треугольными концами и желтой эмалью, прямоконечный односторонний крест с углублением в форме креста для заполнения эмалью и железный криноконечный крест (Гоняный 1999: 3, 34, рис. 18: 6; 2015: 22, 71, 72, рис. 35: 185; 36: 6).

Дополняет группу тельников, полученных из медных сплавов, крест с плавно расширяющейся нижней ветвью, простыми концами и средокрестием (рис. 4: 16). Он отличается не только формой, большими размерами, но и составом металла: в его содержании вы-

⁶ На поселении Устье 3 найдены еще два креста этого типа.

⁷ С этого же памятника происходит экземпляр с развитыми криновидными концами; на селищах Устье 2 и Колесовка 2 обнаружены четыре криновидных креста (Гоняный 2011: 286—288; рис. 9; 11; 12: 7; Гоняный, Сарачева 2020: 194).

явлен цинк — индикатор позднесредневековых сплавов. На лицевой стороне изображен восьмиконечный Голгофский крест, вероятно, с цатой. Надписи на концах боковых ветвей IC XC; на верхней и нижней ветви надписи не читаются. Качество отливки и сохранность оборотной стороны не позволяет определить характер изображения. Кресты с простыми прямоугольными и с расширяющимися концами с изображением Голгофы характерны для древностей XVII в. (Кокорина 2014: 25—59; Колпакова, Костючук 2017: 36). Экземпляры с изображением, представленным на лицевой стороне, встречаются часто; надписи на концах имеют различные варианты. Гораздо реже встречаются кресты, на оборотной стороне которых изображен ромб в окружении завитков (Хухарев 2003: 196, 200, рис. 1: 10; Спасеных 2011: 125). Как показало исследование химического состава металла псковских крестов этого времени, в большинстве случаев выявлены сплавы с содержанием цинка, в том числе многокомпонентные (Колпакова 2015: 44).

Таким образом, в изученной выборке представлены разновременные кресты. Большинство находок получено из оловянно-свинцовой бронзы — сплава, обладающего высокими литейными качествами. Небольшие примеси свинца обеспечивали металлу высокую жидкотекучесть и качественное заполнение литейных форм, что было важно при изготовлении сложнорельефных нательных крестов с разнообразными изображениями (Равич 1982: 11). Широкое употребление этого сплава в XII — 1-й пол. XIII в. зафиксировано на обширной территории вятичской зоны металлообработки, в которую входили памятники Верхнего Дона (Зайцева, Сарачева 2011: 118—120). Проведенное нами исследование подтверждает, что оловянно-свинцовую бронзу продолжали активно использовать на этой территории и впоследствии. Полученные результаты согласуются с картиной распределения типов сплавов, выявленной при изучении металла более 400 предметов древнерусской меднолитой пластики (Шемаханская и др. 1996: 15).

Небольшая серия тельников собрана на площади 1 га неподалеку от грунтового могильника Устье (Гоняный, Сарачева 2020: 196). Скопление предметов личного благочестия, в том числе крестов только домонгольского времени на этом участке указывает на то, что до прихода на селище Устье 3 в 3-й четв. XIII в. ордынской администрации и сопровождающего ее воинского контингента к северо-западу, северу и северо-востоку от могильника на площади 10,01 га располагалась часовня,

проживал «наместник», священнослужитель, функционировала ювелирная мастерская, концентрировалась культурная и религиозная жизнь населения посада летописного городка Дубок (Гоняный 2017: 166, 169, рис. 1). Появившаяся на селище в 1260-е годы ордынская администрация территориально заняла участок в 70 м к северу от могильника и почти примыкала к нему с юга. Границы участка удалось установить в результате взаимовстречаемости на памятнике украшений золотоордынского облика, медных и железных пряжек, железных накладок на конскую упряжь, сумки и костюм, фрагментов зеркал, деталей сабельного прибора, более 500 пластин и заклепок от медных котлов.

После прихода новой администрации русское население было вынуждено сместиться на несколько десятков метров на северо-восток, вниз по склону правого берега р. Мокрая Табола и активно строить свои дворы в прибровочной части надпойменной террасы (рис. 1—3). Жизнь на этом участке протекала непрерывно с домонгольского времени до конца XIV в. Об этом свидетельствуют многочисленные находки, собранные на поисковых планшетах, а также на площади раскопа 1 1987 г. и раскопов 1, 2 2003 г. Помимо сотен традиционных для русского сельского населения древностей сер. XII — конца XIV в., найдены артефакты, пришедшие из золотоордынского мира: серьги в виде знака вопроса, ременная гарнитура болгарского облика, 28 фрагментов чугунных котлов, 25 медных и серебряных монет конца 1350-х — 1380-х годов. Кресты домонгольского времени здесь единичны, зато тельников конца XIII — конца XIV в. удалось зафиксировать семь экземпляров, в том числе два, состав металла которых изучен (рис. 3: 369, 375; 4: 1, 15).

В 60 м к востоку от могильника в прибровочной части правого берега р. Мокрая Табола в 3-й четв. — конце XIII в. возникает двор «состоятельного» русского хозяина (Гоняный 2017: 168, 169, рис. 2: 5). На его территории найдены фрагменты шпор, булавы, серебряный перстень с изображением архангела на щитке, звено от цепи лампады, медные кресты 1-й пол. — сер. XIII в., продолжающие бытовать в золотоордынское время.

Анализ частоты встречаемости предметов личного благочестия на соседних селищах, обследованных по аналогичной поисковой методике, показывает, что их существенно меньше. В среднем один крест встречается на площади 3,38 га. Также редки тельники, обнаруженные в процессе раскопок селищ в районе Куликова поля. На этом фоне памят-

ники южной части Устьинского археологического комплекса заметно выделяются. На территории проживания русской администрации региона и представителей духовенства предметы личного благочестия встречаются чаще: один крест на площади около 0,5 га. В Верх-

нем Подонье пока не известны памятники с более высоким показателем. Это свидетельствует о высоком уровне христианизации населения, проживающего на посаде Дубок, что является одним из признаков поселения городского типа.

Литература

- Гоняный М. И. 1999. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных Государственным историческим музеем в Кимовском районе Тульской области в 1998 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №21598.
- Гоняный М. И. 2011. Следы ювелирной мастерской XIV в. на Устьинском археологическом комплексе в районе Куликова поля. В: Тимиргалиева М. Р. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие 2. Материалы второй Международной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова.* Казань: Фолиант, 279—295.
- Гоняный М. И. 2015. *Отчет о разведочных археологических исследованиях на селищах Устье 2, 3, расположенных в Кимовском районе Тульской области, в 2014 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №42053.
- Гоняный М. И. 2017. Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле. В: Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). *Труды V (XXI) ВАС II.* Барнаул: АлтГУ, 165—170.
- Гоняный М. И., Сарачева Т. Г. 2020. «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца»: средневековые изделия из легкоплавких сплавов с территории Устьинского археологического комплекса на Куликовом поле. В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмоскovie* 16. Москва: ИА РАН, 162—201.
- Енисова и др. 2008: Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. В: Рындина Н. В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья.* Москва: Восточная литература, 107—162.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. 2011. *Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI — XIII в.* Москва: Индрик.
- Захаров С. Д. 2004. *Древнерусский город Белоозеро.* Москва: Индрик.
- Кайль В. А., Нечитайло В. В. 2006. *Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X—XIII ст.* Луганск: Максим.
- Кокорина Н. А. 2014. *Нагрудные кресты позднего средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.* Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
- Колпакова Ю. В. 2015. Псковские нательные кресты с надписями и их сплавы: опыт изучения В: Лопатин Н. В. (отв. ред.). *АИПЗ: Материалы 60-го заседания 30.* Москва: ИА РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 40—59.
- Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. 2017. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы. В: Лопатин Н. В. (отв. ред.). *АИПЗ: Материалы 62-го заседания 32.* Москва: ИА РАН, 36—61.
- Коновалов А. А. 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. В: Рындина Н. В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья.* Москва: Восточная литература, 7—106.
- Королева Э. В. 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *Археологическое изучение Пскова. Раскопки в древней части Среднего города (1967—1991) 3.* Псков: ПГПИ, 229—300.
- Кутасов С. Н., Селезнев А. Б. 2010. *Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески.* Москва: Группа «ИскательИ».
- Лапшин В. А. 2017. Предметы личного благочестия из материалов раскопок в Тверском Кремле. В: Мусин А. Е. (отв. ред.). *В камне и в бронзе. Сб. статей в честь Анны Песковой.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 283—290.
- Муравьева А. Н. 1999. *Энколпионы и кресты-тельники XI — начала XVI вв. из археологических коллекций музея.* Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
- Мусин А. Е. 2006. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии.* Памяти Т. Чуковой. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. 1997. Предметы христианского культа. В: Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). *Древняя Русь. Быт и культура.* Археология СССР 16. Москва: Наука, 166—178.
- Равич И. Г. 1982. *Исследование разрушения металлических изделий в зависимости от состава, технологии изготовления и условий хранения.* Отчет сектора металлов ВНИИР. Рукопись.
- Сальникова И. В. 2016. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 15 (5). Археология и этнография, 50—69.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).* Москва: Наука.
- Спасеных А. Н. 2011. *Христианская символика в произведениях металлопластики, найденных на Елецкой земли и ее округе.* Елец: Апельсин.
- Спасеных А. Н. 2019. *Литые кресты XIV—XVI веков как свидетели истории образования Московской Руси.* Новосибирск: Академиздат.
- Татаурова Л. В., Тишкин А. А. 2018. Результаты рентге-

- нофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII—XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья. В: *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»* 17 (1), 220—231.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1900. *Древности русские. Кресты и образки* II. Киев: Типография С.В. Кульженко.
- Хухарев В.В. 2003. Об одном типе нательных крестов с сюжетом «побивания беса» В: Хохлов А.Н. (отв. ред.). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 5. Тверь: Старый город, 195—202.
- Шемаханская и др. 1996: Шемаханская М.С., Дубровин А.Ф., Дубровин М.Ф., Равич И.Г. 1996. Исследование металла древнерусской меднолитой мелкой пластики как основа ее атрибуции. *Консервация и реставрация памятников истории и культуры* 5—6. Москва: Экспресс-информация.
- Mugurēvičs Ē. 1974. *Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. Arheologija un Etnogrāfija*. 11. Rīga: Zinātne, 220—237.

References

- Gonyanyi, M.I. 1999. *Otchet ob arkeologicheskikh issledovaniakh, provedennykh Gosudarstvennym istoricheskim muzeem v Kimovskom raione Tul'skoi oblasti v 1998 g.* (Report on Archaeological Investigations Conducted by State Historical Museum in the Kimovsk District, Tula Oblast, in 1998). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 21598 (in Russian).
- Gonyanyi, M.I. 2011. In Timirgalieva, M.R. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: "Foliant" Ltd., 279—295 (in Russian).
- Gonyanyi, M.I. 2015. *Otchet o razvedochnykh arkeologicheskikh issledovaniakh na selishchakh Ust'e 2, 3, raspolozhennykh v Kimovskom raione Tul'skoi oblasti, v 2014 g.* (Report on Archaeological Surveys on the Ustye 2 and 3 Unfortified Settlements Situated in the Kimovsk District, Tula Oblast, in 2014). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 42053 (in Russian).
- Gonyanyi, M.I. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)* II. Barnaul: Altai State University, 165—170 (in Russian).
- Gonyanyi, M.I., Saracheva, T.G. 2020. In Engovatova, A.V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 162—201 (in Russian).
- Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A., Saracheva, T.G. 2008. In Ryndina, N.V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splyvy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 107—162 (in Russian).
- Zaytseva, I.E., Saracheva, T.G. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI—XIII vv. (Jewelry of the "Vyatichi Land" in the Second Half of 11th — 13th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Zakharov, S.D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Kail, V.A., Nechitailo, V.V. 2006. *Katalog natei'nykh khristianskikh krestov, podvesok i nakladok s izobrazheniem kresta perioda Kievskoi Rusi X—XIII st. (Catalog of Christian Crosses, Pendants and Appliques with a Cross from the Time of the Kievan Rus, 10th—13th Centuries)*. Lugansk: "Maksim" Publ. (in Russian).
- Kokorina, N.A. 2014. *Nagrudnye kresty pozdnego srednevekov'ia i Novogo vremeni iz arkeologicheskikh koleksii Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika (Breast Crosses of the Late Middle Ages and the Modern Age from Archaeological Collections of the State Vladimir and Suzdal Museum-Reserve)*. Vladimir: State Vladimir and Suzdal Museum-Reserve (in Russian).
- Kolpakova, Yu.V. 2015. In Lopatin, N.V. (ed.). *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 30. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 40—59 (in Russian).
- Kolpakova, Yu.V., Kostiuchuk, L. Ya. 2017. In Lopatin, N.V. (ed.). *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 32. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 36—61 (in Russian).
- Kononov, A.A. 2008. In Ryndina, N.V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu Srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals on the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 7—106 (in Russian).
- Koroleva, E.V. 1996. In Labutina, I.K. (ed.). *Raskopki v drevnei chasti Srednego goroda (1967—1991). Materialy i issledovaniia (Excavations in the Ancient Part of the Middle Town (1967—1991): Materials and Studies)*. Series: *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova (Archaeological Study of Pskov)* 3. Pskov: Pskov Archaeological Center, 229—300 (in Russian).
- Kutasov, S.N., Seleznev, A.B. 2010. *Natel'nye kresty, krestovk-liuchennye i krestovidnye podveski (Breast Crosses, Pendants with Embedded Crosses and Cross-Shaped Pendants)*. Moscow: "Gruppa «Iskatel'»" Publ. (in Russian).
- Lapshin, V.A. 2017. In Musin, A.E. (ed.). *Vkamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi (In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova)*. Series: *Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 283—290 (in Russian)*.
- Muravieva, A.N. 1999. *Enkolpiony i kresty-tel'niki XI — nachala XVI vv. iz arkeologicheskikh koleksii muzeia (Crosses-Reliquaries and Breast Crosses of 11th — Early 16th Centuries from Archaeological Collections of the Museum)*. Vladimir: Vladimir and Suzdal Museum-Reserve (in Russian).
- Musin, A.E. 2006. In Nosov, E.N., Musin, A.E. (eds.). *Khristianskaia ikonografiia Vostoka i Zapada v pamiatnikakh material'noi kul'tury Drevnei Rusi i Vizantii (Christian Iconography of Orient and Occident in the Material Culture Artifacts of Ancient Rus' and Byzantium)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Nikolaeva, T.V., Nedoshivina, N.G. 1997. In Kolchin, B.A., Makarova, T.I. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: *Archaeology of the USSR* 16. Moscow: "Nauka" Publ., 166—178 (in Russian).
- Ravich, I.G. 1982. *Issledovanie razrusheniia metallicheskh izdelii v zavisimosti ot sostava, tekhnologii izgotovleniia i uslovii khraneniia (Study of the Destruction of Metal Articles Depending on their Composition, Manufacturing Technology and Storage Conditions)*. Report of the Sector of Metals, All-Union Research Institute for Restoration. Manuscript (in Russian).
- Salnikova, I.V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology)* 15 (5). *Arkheologiya i etnografiia (Archaeology and Ethnography)*, 50—69 (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centu-*

- ries)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Spasenykh, A. N. 2011. *Khristianskaia simbolika v proizvedeniakh metalloplastiki, naidennykh na Eletskei zemli i ee okruge* (Christian Symbolic in Metal Plastic Items Found in the Yelets Land and its Environs). Yelets: "Apel'sin" Publ. (in Russian).
- Spasenykh, A. N. 2019. *Litye kresty XIV—XVI vekov kak svideteli istorii obrazovaniia Moskovskoi Rusi* (Cast Crosses of the 14th—16th Centuries as Testimonies of the History of the Formation of Moscow Russia). Novosibirsk: "Akademizdat" Publ. (in Russian).
- Tataurova, L. V., Tishkin, A. A. 2018. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* (Bulletin of the Omsk University: History Series) 17 (1), 220—231 (in Russian).
- Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1900. *Drevnosti Russkie. Kresty i obrazki* (Russian Antiquities: Crosses and Holy Pictures) II. Kiev: "S. V. Kul'zhenko" Publ. (in Russian).
- Khukharev, V. V. 2003. In Khokhlov, A. N. (ed.). *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia* (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages) 5. Tver: "Staryi gorod" Publ., 195—202 (in Russian).
- Shemakhanskaya, M. S., Dubrovin, A. F., Dubrovin, M. F., Ravich, I. G. 1996. In *Konservatsiia i restavratsiia pamiatnikov istorii i kul'tury* (Conservation and Restoration of Monuments of History and Culture) 5—6. Moscow: "Ekspress-informatsiia" Publ. (in Russian).
- Mugurēvičs, Ē. 1974. Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. *Arheologija un Etnogrāfija*. 11. Rīga: Zinātne, 220—237.

Статья поступила в сборник 26 февраля 2020 г.

Mikhail Gonyanyi (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Historical Museum¹.

Mikhail Gonyanyi (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Muzeul Istoric de Stat.

Гоняный Михаил Иванович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный исторический музей.

E-mail: anosod@yandex.ru

Tatiana Saracheva (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Historical Museum².

Tatiana Saracheva (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Muzeul Istoric de Stat.

Сарачева Татьяна Григорьевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный исторический музей.

E-mail: hoards@mail.ru

Address: ^{1,2} Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation

Е. В. Салмина, С. А. Салмин

Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016—2019 гг.)

Keywords: Medieval Rus, Pskov, metalworking, industrial district, metallurgical furnace, metallurgical hearth, jewelry

Ключевые слова: средневековая Русь, Псков, металлообработка, производственный район, металлургический горн, металлургическая печь, ювелирные изделия

E. V. Salmina, S. A. Salmin

Metallurgical Furnaces on the Burial Mounds (discovery of the medieval metallurgy district in Pskov during excavations in 2016—2019)

The rescue archaeological excavations, held on the territory of the former thermal electric power plant in Pskov prior to its renovation, revealed a medieval “metallurgy quarters” which existed on this territory in the 13th—16th centuries beyond the fortification walls. The manufacturing center occurred on the site of the burial grounds of the 10th — first half of the 11th cc. thus having destroyed many burial mounds. It is indicative that the raw materials used by the local metallurgists contained a significant amount of fragmented and deformed jewelry, some of which may have highly likely come from the destroyed burials. To date, no clusters of industrial complexes that occupied such an area in the absence of residential development have been found on the territory of Medieval Pskov. The discovery of such a production quarter in Pskov allows us to revise both the history of urban development and the organization of production processes in one of the largest urban centers of North-Western Russia.

E. B. Салмина, С. А. Салмин

Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016—2019 гг.)

В ходе охранных археологических раскопок в Пскове, предшествующих реновации территории бывшей ТЭЦ, был открыт средневековый «металлургический квартал», вынесенный за пределы крепостных укреплений и существовавший на этой территории в XIII—XVI вв. Производственный центр возник на месте курганного могильника X — 1-й пол. XI вв., при устройстве горнов были разрушены многие курганные насыпи. Показательно наличие в составе сырья, использовавшегося местными мастерами, значительного количества фрагментированных и деформированных ювелирных украшений, часть которых с высокой долей вероятности происходит из разрушенных погребений. До настоящего времени на территории средневекового Пскова скоплений производственных комплексов, занимавших подобную площадь в условиях полного отсутствия жилой застройки, обнаружено не было. Наличие подобного производственного квартала в Пскове позволяет иначе взглянуть как на историю развития городских территорий, так и на организацию производственных процессов в одном из крупнейших городских центров Северо-Запада Руси.

Мстиславские раскопы 2016—2019 гг. на территории бывшей псковской ТЭЦ располагались на правом берегу р. Великой (рис. 1). В 1912 г. здесь, в непосредственной близости от Мстиславской башни, был произведен первый охранный раскоп в Пскове — в связи с продолжающимся строительством электрической станции и обнаружением в ходе земляных работ «остатков деревянного сооружения неизвестного назначения», костей и других находок (Крейтон 1912; Тр. ПАО 1912—1913: 1—35). Судя по расположению раскопа, мы можем предполагать, что он попал на участок рва стены 1374/1375 г. Видимо, этот факт и по-

служил тому, что культурные отложения на рассматриваемом участке представлялись сильно нарушенными. Мстиславская башня была построена в 1396/1397 г., находилась в стене над р. Великой, в углу укреплений 1375 г. (Псков через века... 1994: 219—220; Лабутина 1985: 36, 55, 57, 60, 63; Окулич-Казарин 2001: 184), и является в настоящее время единственной сохранившейся в Пскове башней Среднего города. Благодаря месту своего расположения, после расширения города на юг и строительства пятого кольца стен, башня осталась также и частью фортификационных укреплений Окольного города Пскова.

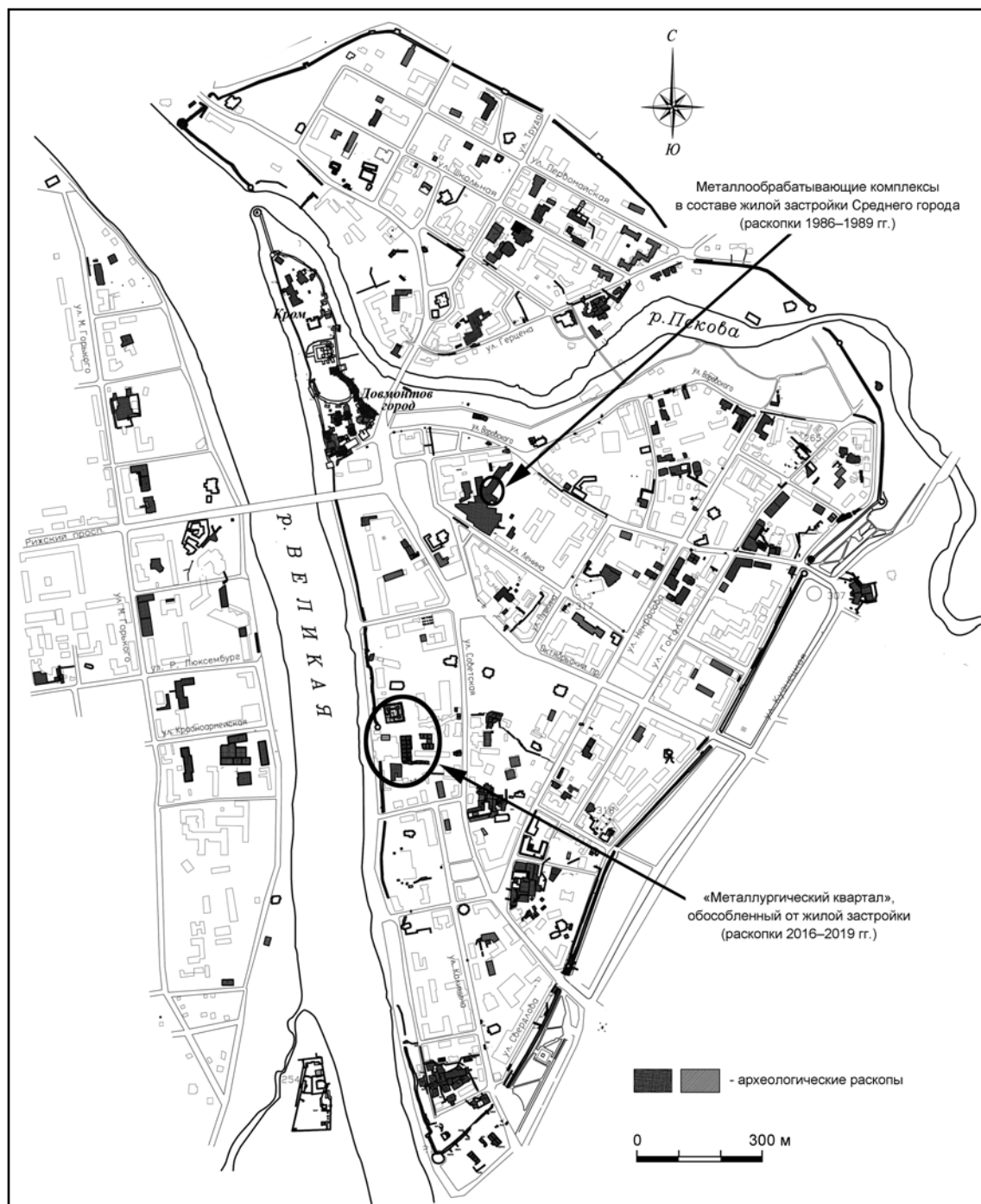


Рис. 1. Схема местоположения «металлургического квартала», открытого при раскопках 2016—2019 гг. в г. Пскове (сост. Б. Н. Харлашов, Р. Г. Подгорная).

Fig. 1. Scheme of the location of the “metallurgical quarters”, discovered in Pskov during excavations in 2016—2019 (drawn up by B. N. Kharlashov, R. G. Podgornaya).

Длительное время этот участок в центре города — «режимная» территория действующей ТЭЦ¹ — оставался закрытым для исследований. Охранные раскопки на небольшой

площади проводились на периферии участка в 1983 и 1989 гг. В 2003 г. на территории электростанции был разбит охранный раскоп площадью 824 кв. м, предваряющий строительство новой технической постройки (Салмина 2006: 25—32). Только в 2016—2019 гг. (к этому времени работа ТЭЦ полностью была прекращена, и участок перешёл к частному застройщику) были проведены масштабные

¹ Само здание псковской ТЭЦ-18, действовавшей с 1906 г., представляет собой памятник эпохи конструктивизма постройки 1904—1920 гг. (Филимонов 2017: 106—117) и будет включено в новый квартал.

археологические раскопки, предваряющие первый этап реконструкции квартала (работами руководили Е. В. Салмина, С. А. Салмин, А. В. Михайлов). В древнейших отложениях здесь были обнаружены два ранее не известных участка псковского некрополя X—XI в., разделённых руслом правобережного притока реки Великой, позднее превращённым в ров крепостной стены 1374/1375 г. В последующих отложениях (конец XI — рубеж XII/XIII вв.) были зафиксированы остатки жилых и хозяйственных построек, элементы дворовой планировки (остатки частокольных канавок, устойчивых проходов (проездов)). Уже в начале XIII в. на юге рассматриваемого участка возникают первые производственные металлургические комплексы, связанные с производством железа. На протяжении 2-й пол. XIII — XIV вв. происходит исключение исследуемого участка из площади селитебной зоны и возникновение на образовавшемся пустыре производственного квартала, составленного преимущественно металлургическими комплексами². Раскопки на большой площади позволили получить относительно цельную картину градостроительной истории рассматриваемого участка древнего Пскова и понять, что серия металлургических комплексов, зафиксированных также при раскопках прошлых лет в этой части города, должна рассматриваться как единое производственное пространство вместе с новооткрытыми объектами. Подчеркнем, что эти близкорасположенные объекты с XIV века формально относились к различным районам средневекового Пскова — Среднему городу (сооружение крепостных сооружений которого относится к 1374/5 г.) и Окольному городу (1465 г.), имеющих также и естественную границу — реку Зрачка. Важным в истории этого участка представляется то, что оба участка, прилегающие к реке Зрачке с севера и юга, развивались синхронно, и даже после постройки крепостной стены южная часть территории сохранила свою специализацию. О том, что «металлургический квартал» был сформирован ранее строительства стены Среднего города, свидетельствует общность планировки участков, находившихся как севернее, так и южнее линии стены.

Выбор этой территории для выноса пожароопасных и ресурсоёмких производств был обусловлен рядом причин:

- Вынесение производства за пределы городских стен позволяло экономить территорию селитебной зоны, защищённой укреплениями. При этом возможное разрушение горнов (изначально рассчитанных на малое количество использований) во время набегов и осад не причиняло значительного экономического ущерба;

- В значительной мере снижался риск возникновения пожаров (например, связанных с выбросом из горнов горящих головней и т. п.) в деревянном городе с плотной застройкой;

- Расположение производства на берегу реки Великая в зоне впадения в неё малой реки (Зрачка) облегчало доставку больших объёмов сырья (руда, древесный уголь), необходимых для производства железа в значительных масштабах. Вероятно, именно в связи с необходимостью большого грузопотока вдоль берега реки была проложена зафиксированная в раскопах дорога шириной около 5 м, мощёная мелким булыжником и известняковым щебнем, возникновение которой датируется временем не позднее 1-й пол. XIV вв.

- С некоторой вероятностью можно предположить, что ещё одной из причин, объясняющих возникновение металлургического производства именно в этом месте, является высокое содержание в грунте железистых конкреций, визуальное зафиксированное при раскопках. Несмотря на то, что оценка содержания в грунте исчерпанного месторождения болотных и озёрных руд всегда затруднена, промывка ограниченного объёма песка показала, что процесс формирования болотных руд на изученном участке был весьма активным³. Расположение производственного комплекса в устье малой речки, имеющей болотный исток, значительные включения в материковый песок лимонита, в том числе и в мелкой фракции, которую можно было добывать промывкой, позволяет предположить, что по крайней мере на начальном этапе функционирования комплекса часть необходимой руды могла добываться непосредственно на месте.

* * *

На территории Мстиславских раскопов были выявлены остатки не менее чем 15 металлургических печей и плавильных горнов, зоны остужения плавильных тиглей, несколько ям с отходами производства (зола, шлаки, комки красной охры) (рис. 2). Печи использо-

² На рассматриваемой территории фиксируются также следы гончарного и косторезного производств.

³ Авторы выражают благодарность док. геол. наук Олегу Михайловичу Татарникову за консультации.

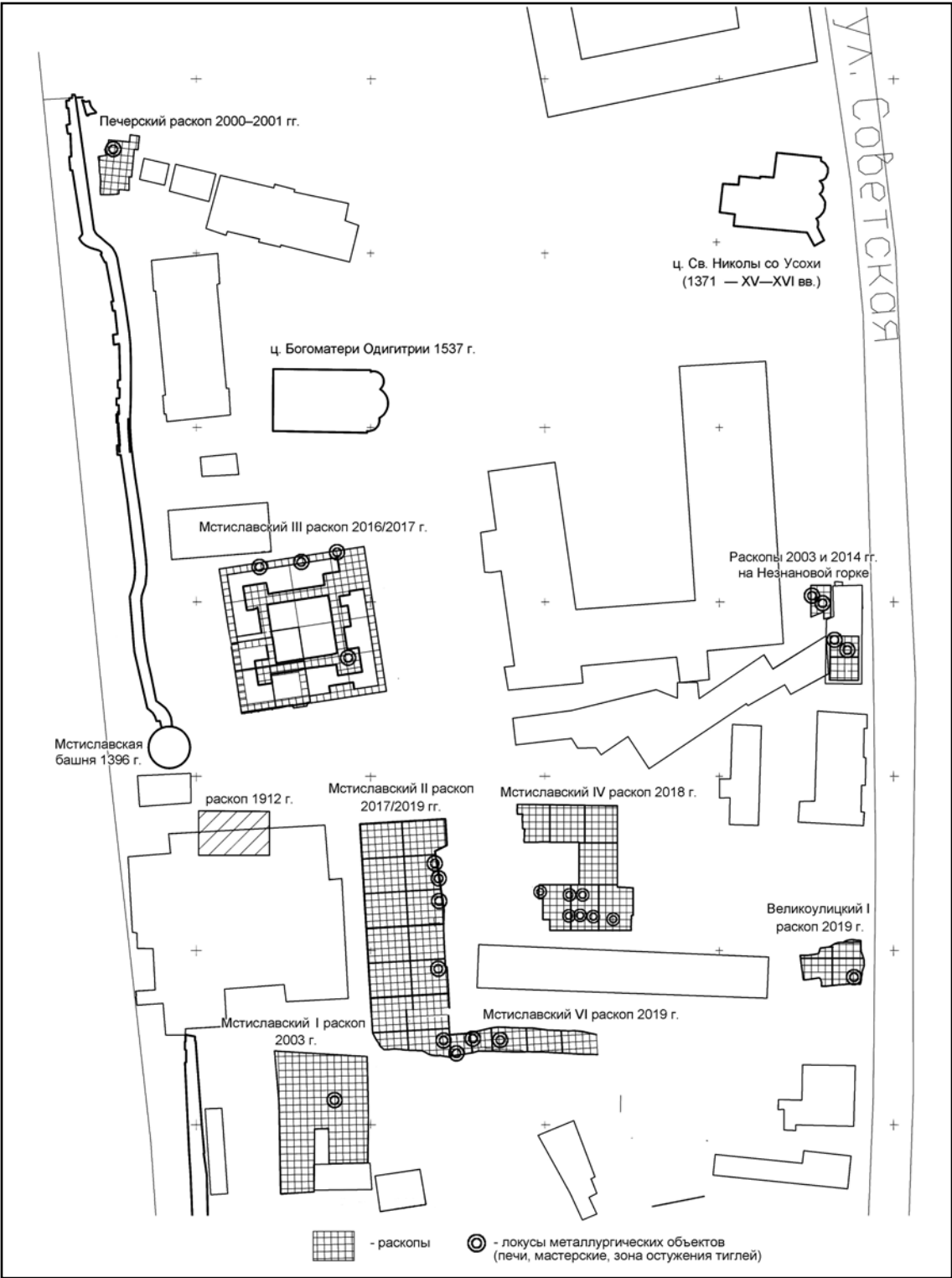


Рис. 2. Схема расположения зафиксированных при раскопках металлургических объектов (план составлен Р.Г. Подгорной и авторами статьи).

Fig. 2. Scheme of the location of metallurgical objects discovered in Pskov during excavations (the plan was compiled by R.G. Podgornaya and the authors of the article).

вались для выплавки железа и одновременно с этим для плавки и литья цветных металлов. Все зафиксированные печи были устроены на территории прекратившего свою ак-

тивность курганного могильника. Насыпи могильника были расположены довольно тесно, и в большинстве случаев горны были установлены на них, что вполне закономерно — рас-

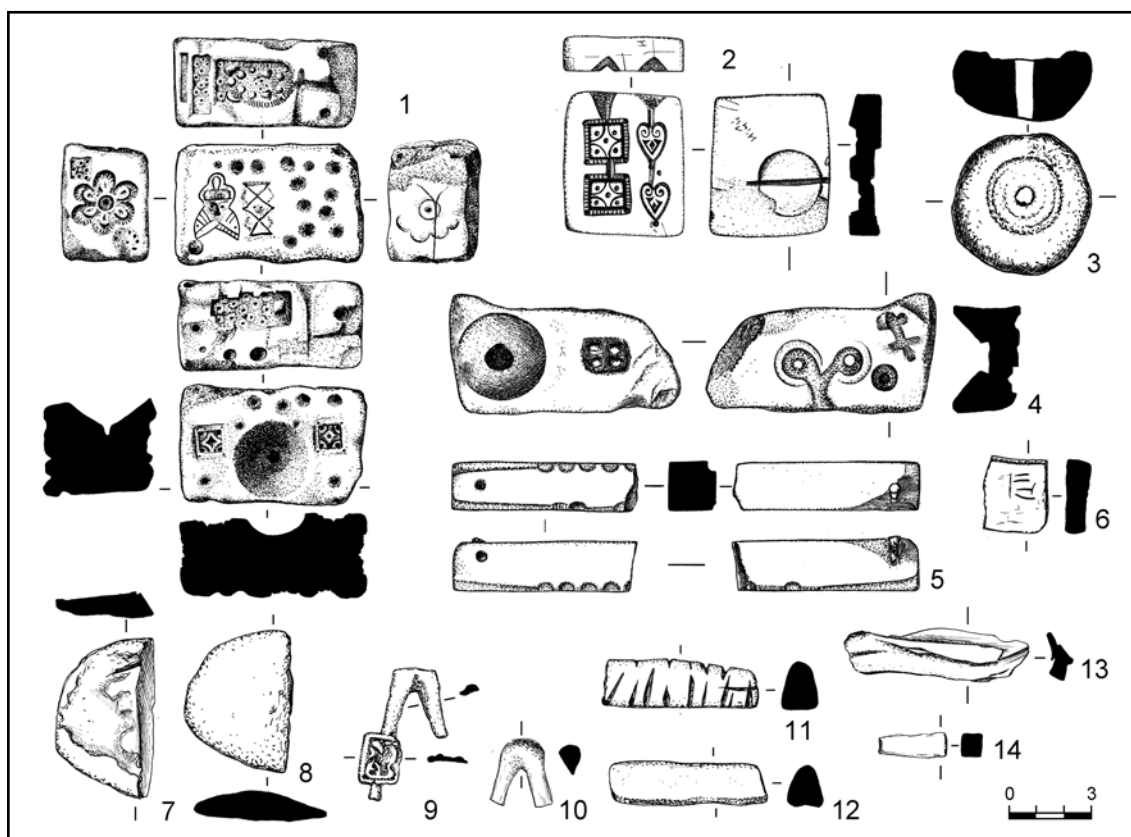


Рис. 3. Находки из металлообрабатывающих комплексов Мстиславских раскопов 2016—2019 гг.: 1—5 — литейные формы; 6—8, 11—14 — слитки; 9, 10 — брак отливки, литники. 1, 2, 4, 5 — сланец; 3 — керамика; 6, 13 — свинец; 7, 8, 11, 12 — олово; 9, 10, 14 — бронза (1 — по Салмина 2006: рис. 4; 2—14 — рисунки Е. В. Клевцовой).

Fig. 3. Finds from the metalworking complexes of the Mstislavsky excavations in 2016—2019: 1—5 — casting molds; 6—8, 11—14 — ingots; 9, 10 — casting defect. 1, 2, 4, 5 — shale; 3 — ceramics; 6, 13 — lead; 7, 8, 11, 12 — tin; 9, 10, 14 — bronze (1 — after Салмина 2006: рис. 4; 2—14 — drawings by E. V. Klevtsova).

положение металлургических печей на возвышениях способствует увеличению тока воздуха. По крайней мере, в одном зафиксированном случае при устройстве печи было разрушено погребение по обряду труположения с богатым инвентарём. В нескольких случаях скопления кальцинированных костей в котлованах горнов также можно связать с разрушенными погребениями (кремациями). На участке печей собрано значительное число шлаков черного и цветного металла, инструментов, сырьё (железная руда и кричное железо, оловянные и свинцовые слитки, бронзовые «прутки»), выплески, производственный брак, фрагменты предметов из цветных металлов, подготовленных для вторичного использования. Примечательно, что предназначенные для переплавки перстни и браслеты разломаны или разрублены на почти равные по размерам «порционные» фрагменты или же буквально сплюснены (рис. 4: 9, 10, 16—31); на некоторых обрубках гривен хорошо видны следы зубила (рис. 4: 12). Как пред-

ставляется, немалая часть предметов, дошедших до нас в состоянии лома (бронзового, латунного, свинцового), может происходить из курганных насыпей на этой же территории. Исключением является олово, обнаруженное исключительно в слитках. В одном случае слиток-брусочек был размечен для разрубки на небольшие куски (рис. 3: 7, 8, 11, 12).

В некоторых случаях сохранность отложенной позволила выявить конструктивные особенности печей. Размеры этих сооружений в плане — от $2 \times 2,4$ м до $2,8 \times 3$ м. В отдельных случаях сохранились глинобитные (иногда — двухслойные) стенки «плавильных камер», основания печей, образованные красной глиной со значительной примесью песка, желоба воздухопроводных труб, подпечные и околопечные ямы, заполненные шлаками (плавильными и кузнечными), золой, прокалённым лимонитом (красной охрой).

Зафиксированы случаи плотного расположения одновременно (или почти одновременно) функционировавших печей на доволь-

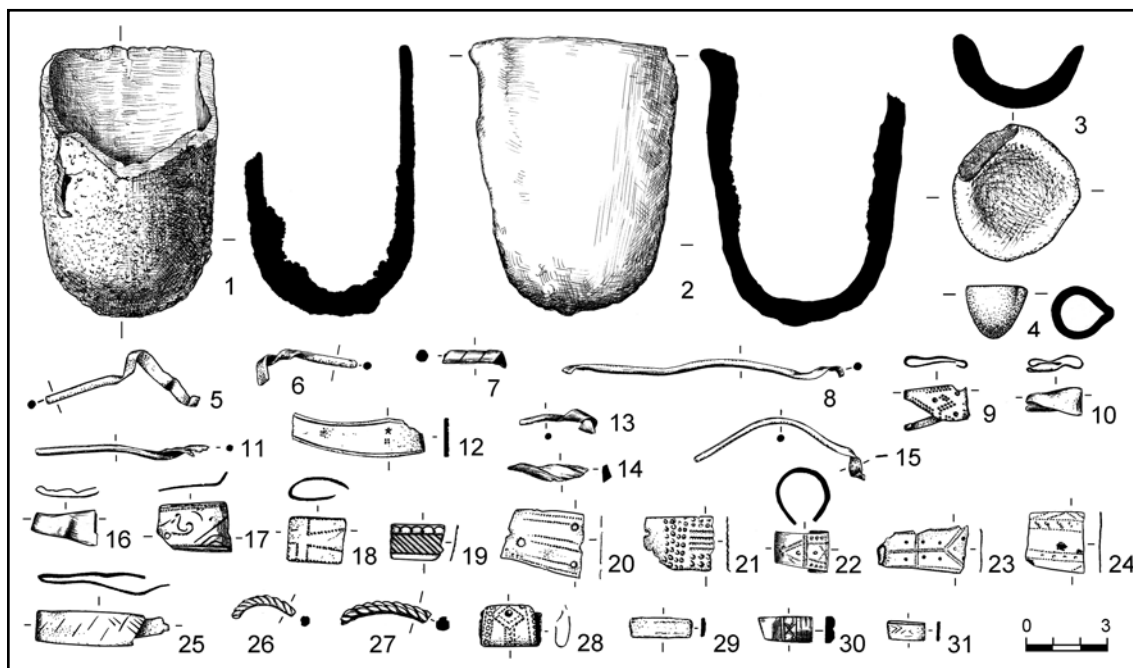


Рис. 4. Находки из металлообрабатывающих комплексов Мстиславских раскопов 2016—2019 гг.: 1—4 — тигли; 5—8, 11—15 — шейные гривны (12 — со следами зубила); 9, 10, 16 — пластинчатые перстни; 17—31 — браслеты. 1—4 — керамика; 5—31 — медный сплав (рисунки Е. В. Клевцовой).

Fig. 4. Finds from the metalworking complexes of the Mstislavsky excavations in 2016—2019: 1—4 — melting pots; 5—8, 11—15 — torcs (12 — with chisel marks); 9, 10, 16 — rings; 17—31 — bracelets. 1—4 — ceramics; 5—31 — copper alloys (drawings by E. V. Klevtsova).

но компактных участках (рис. 2). Так, в одном случае в пятно раскопа попало сразу 6 печей и одна яма, заполненная шлаками; в целом промеры пятна, занятого этим комплексом, составляли до 12,5×18,5 м. Печи здесь располагались двумя рядами вдоль края берега реки Зрачка, расстояние между рядами около 5 м, расстояние между печами от 2 до 8 м. Все печи развёрнуты устьем на юг, в сторону, противоположную городским укреплениям. Отметим, что восстановление на том же самом месте печи после разрушения отмечено только в одном случае.

Особый интерес представляет собой зафиксированная на некоторых участках корка спёкшегося песка, сохранившая отпечатки крупных тиглей, что может свидетельствовать о производстве на этой территории фосфористой стали — «уклада». Горизонт, содержащий эту «корку», датируется не позднее середины XIII в. В связи с этим особенно интересна находка металлического «прута» диаметром около 2 см из перекрученных и сваренных вместе тонких стальных и железных проволок. Можно предполагать, что изделие является заготовкой для изготовления предметов из «дамаскированной стали» (ср. «когда они [русы — авт.] познакомились с фириндом [булатом — авт.], то изобрели для бороздок плетение из длин-

ных проволок, изготовленных из обеих разновидностей железа — шабуркана и “женского”» (Ал-Бируни 1963: 236)).

О том, что товарные масштабы имело и бронзолитейное производство, свидетельствует как обилие тиглей для плавки цветного металла, в том числе — мелкоразмерных, применяемых для плавки драгоценных металлов (рис. 4: 1—4), так и присутствие среди сырья оловянных слитков, несомненно импортного происхождения. Отметим также, что среди литейных форм присутствуют изделия высокого класса (например, рис. 3: 1, 2, 5).

Важно подчеркнуть факт практически полного отсутствия остатков жилой застройки, одновременной металлургическим комплексам. Этим рассматриваемая территория разительно отличается от ранее изученных на территории Среднего города производственных металлургических комплексов того же периода и несколько более раннего времени (рис. 1), представлявших собой характерную картину «внутригородского» семейного ремесла: связанного с городскими усадьбами, существовавшего внутри селитебной зоны в течение продолжительного времени и вытесненного за его пределы после постройки городских укреплений (Закурина 1990: 9—12; 1998: 123—134; 2000: 7—8;

2006: 111—120; Королева 1997: 4—5, 15—16). В рассматриваемом же случае мы впервые можем говорить о производственной территории, лишённой селитебных признаков на протяжении длительного периода.

На раскопах прошлых лет, примыкавших с севера и северо-востока к характеризующей территории, так же были зафиксированы производственные сооружения и комплексы аналогичной специализации: производственный комплекс по обработке черного и цветного металла на раскопе Печерский (Королева 2002), основания печей и скопления железных шлаков на раскопах на Незнановой горке (Салмин, Яворская 2016: 43—56) (рис. 2). Это позволяет предположить, что производственный квартал в восточном направлении распространялся по крайней мере до современной ул. Советской, в северном — до современной ул. Профсоюзной (то есть до предполагаемой трассы крепостной стены 1309 г.).

Отложения более позднего периода — 2-я пол. XIV — XV вв. — представлены на рассматриваемом участке менее выразительно, серьёзно нарушены в процессе строительства здесь в конце XV в. крепостной стены. Затем, после возведения стен Окольного города (1465 г.) этот район постепенно превращается в полноценный городской, хотя и сохраняет в своём составе мастерские, связанные с обработкой металлов. Так, на рассматриваемой территории выявлены две постройки, связанные с обработкой цветных металлов, датируемые XVI в. С одной из этих построек связана представительная коллекция тиглей: целых (или почти целых) тиглей при исследовании комплекса собрано сто двадцать два, фрагментов — более двух тысяч (Салмина 2006: 25—32). Отложения XVI—XVII вв. в северной части этой территории несут на себе отпечаток деятельности подворья Псково-Печерского Успенского монастыря. Каменная церковь Одигитрии была построена здесь в 1537 г. (Окулич-Казарин 2001: 107; Псков через века... 1994: 222—223). Юго-восточная (т.е. ближайшая к месту характеризующих раскопов) часть

территории подворья была преимущественно занята садом и огородами (Аполлос (Беляев) 1893: 125). Тем не менее, на территории подворья металлообрабатывающие мастерские продолжили своё существование, производились в основном предметы из цветных металлов. Особый интерес представляет собой зафиксированный для этого периода факт отливки свинцовых пуль, подтверждаемый находками литейных форм, полуфабрикатов, обрубков литников.

* * *

Открытие средневекового металлургического комплекса, исследовавшегося в Пскове почти непрерывно на протяжении четырёх археологических сезонов, дало в распоряжение археологов грандиозный объём материала, нуждающегося в осмыслении. На рассматриваемом участке удалось проследить процесс непрерывного развития территории в соответствии с изменением демографической, политической и экономической составляющей в жизни города. Территория, периферийная относительно начальных городских укреплений, использовалась изначально в качестве части городского курганного некрополя, затем в условиях роста городского населения вошла в зону жилой городской застройки, а после резкого изменения политической ситуации в регионе на длительное время превратилась в производственный район, практически полностью выделенный из селитебной зоны. Крайне существенным представляется рассмотрение приспособления антропогенного рельефа к нуждам развивающегося города, особенности этапов развития производственного района вне зоны жилой застройки, конкретизация типов и источников сырья используемого местными мастерами... Однако предлагаемая статья представляет собой «первое приближение» к полученным материалам, и целью её является введение в научный оборот информации об открытии этого своеобразного памятника экономической и градостроительной истории.

Литература

- Ал-Бируни. 1963. *Собрание сведений для познания драгоценностей*. Минералогия. Москва: АН СССР.
- Аполлос (Беляев И.Г.). 1893. *Первоклассный Псково-Печерский монастырь*. Издание второе, дополненное при Настоятеле Архимандрите Иннокентии. Остров: Типография А.С. Степановой.
- Закурина Т.Ю. 1990. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова. В: *АИППЗ*. Псков, 9—13.
- Закурина Т.Ю. 1998. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова. *РА* (3), 123—134.
- Закурина Т.Ю. 2000. *Железообрабатывающее ремесло Пскова (X—XVII вв.)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков: ПГПИ.
- Закурина Т.Ю. 2006. Орудия металлообработки и оборудование мастерских в средневековом Пскове. *КСИА* 220, 111—120.
- Королева Э.В. 1997. *Ювелирное ремесло средневекового Пскова*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

- Королева Э.В. 2002. *Отчет об археологических раскопках в г. Пскове в 2001 г. по ул. Профсоюзной 16 (Печерский раскоп)*. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №25847; №25848; Альбом иллюстраций к отчету. Архив АНО ПАЦ, Д. 218; 219.
- Крейтон В.Н. 1912. *Средний город, у Мстиславской башни*. Архив ИИМК. Ф.2. Р-1. Оп. 1. №124, 125. Арх. 122.
- Лабутина И.К. 1985. *Историческая топография Пскова в XIV—XV вв.* Москва: Наука.
- Окулич-Казарин Н.Ф. 2001. *Спутник по древнему Пскову*. Псков: Светоносец.
- Псков через века... 1994: Лабутина И.К. (сост.). 1994. *Псков через века. Памятники Пскова сегодня. Археология, истории, архитектура*. Краткий свод памятников истории и культуры Пскова. Санкт-Петербург: Ферт.
- Салмин С.А., Яворская Л.В. 2016. Раскоп Незнанова Горка-II в Пскове в 2013—2014 гг. В: *АИППЗ. Материалы 61-го научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова*. Псков, 43—56.
- Салмина Е.В. 2006. Мстиславский раскоп 2003 года в Пскове. В: *АИППЗ. Материалы LI научно-го семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова*. Псков, 25—32.
- Тр. ПАО 1912—1913: Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1912 г. В. Крейтона. 1912—1913. В: *Труды Псковского археологического общества 1912—1913 гг.* 9, 1—35.
- Филимонов А.В. 2017. Из истории строительства Псковской ТЭЦ. *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал* 46, 106—117.

References

- Abū Rayhān al-Bīrūnī. 1963. *Sobranie svedeniĭ dlia poznaniia dragotsennosti (Mineralogiia) (Collection of Knowledge to Study Gems (Mineralogy))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Apollos (Beliaev, I. G.). 1893. *Pervoklassnyi Pskovo-Pecherskii monastyr' (Pskov-Pechersky Monastery of the First Class)*. Ostrov: Typography of A. S. Stepanova (in Russian).
- Zakurina, T. Yu. 1990. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)*. Pskov, 9—13 (in Russian).
- Zakurina, T. Yu. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 123—134 (in Russian).
- Zakurina, T. Yu. 2000. *Zhelezoobrabatyvaiushchee remeslo Pskova (X—XVII vv.) (Ironworking Craft of Pskov: 10th—17th Centuries)*. PhD Thesis. Pskov: Pskov State Pedagogical Institute (in Russian).
- Zakurina, T. Yu. 2006. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 220, 111—120 (in Russian).
- Koroleva, E. V. 1997. *Iuvelirnoe remeslo srednevekovogo Pskova (Jewelry of Medieval Pskov)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Koroleva, E. V. 2002. *Отчет об археологических раскопках в г. Пскове в 2001 г. по ул. Профсоюзной 16 (Печерский раскоп)* (Report on Archaeological Excavations in Pskov in 2001, Profsoyuznaia St., 16 (Pechersky Excavation Area)). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1. no. 25847, no. 25848; Album of illustrations to this report: Archive of the Pskov Archaeological Center, dossiers 218 and 219 (in Russian).
- Kreiton, V. N. *Sredniĭ gorod, u Mstislavskoi bashni (Middle Town, near the Mstislavskaya Tower)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1, no. 124, 125. r-1. Arch. 122 (in Russian).
- Labutina, I. K. 1985. *Istoricheskaia topografiia Pskova v XIV—XV vekakh (Historical Topography of Pskov in 14th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Okulich-Kazarin, N. F. 2001. *Sputnik po drevnemu Pskovu (Guide for Ancient Pskov)*. Pskov (in Russian).
- Labutina, I. K. (comp.). 1994. *Pskov cherez veka. Pamiatniki Pskova segodnia. Arkheologiia, istorii, arkhitektura (Pskov Through the Ages. Monuments of Pskov Today. Archaeology, History, Architecture)*. Saint Petersburg: "Fert" Publ. (in Russian).
- Salmin, S. A., Iavorskaia, L. V. 2016. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)*. Pskov, 43—56 (in Russian).
- Salmina, E. V. 2006. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)*. Pskov, 25—32 (in Russian).
- Arkheologicheskie razvedki i raskopki v Pskovskoi gubernii v techenie leta 1912 g. V. Kreitona (Archaeological Surveys and Excavations by V. Kreiton in the Pskov Province in Summer 1912). In *Tруды Pskovskogo arkheologicheskogo obshchestva 1912—1913 gg. (Proceedings of the Pskov Archaeological Society for 1912—1913)* 9, 1—35 (in Russian).
- Filimonov, A. V. 2017. In *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal (Pskov: Scientific and Practical Magazine for Local History)*, no. 46, 106—117 (in Russian).

Статья поступила в сборник 22 февраля 2020 г.

Elena Salmina (Pskov, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Pskov State University¹; Archaeological Centre of Pskov Oblast².

Салмина Елена Вячеславовна (Псков, Россия). Кандидат исторических наук. Псковский государственный университет; Археологический центр Псковской области.

E-mail: muntrik102@yandex.ru

Sergey Salmin (Pskov, Russian Federation). Archaeological Centre of Pskov Oblast³.

Салмин Сергей Анатольевич (Псков, Россия). Археологический центр Псковской области.

E-mail: solvarg@yandex.ru

Addresses: ¹ Leon Pozemsky St., 6, Pskov, 180760, Russian Federation; ^{2,3} Gertzen St., 1/1, Pskov, 180019, Russian Federation

Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов

К вопросу о древней технологии смолварения

Keywords: Old Rus, Staraya Ladoga, Viking Age, gas chromatography mass spectrometry (GC-MS), pine resin, tar

Ключевые слова: Древняя Русь, Старая Ладога, эпоха викингов, газожидкостная хроматография с масс-спектрометрическим детектированием (ГЖХ-МС), смолварение

T. B. Senichenkova, S. O. Uriupov

Revisiting the Ancient Technique of Tar-making

The substance in a clay pot found during excavations in Ladoga was considered using GC-MS as a product of coniferous resin heat-treating, possibly used for ancient ships' sealing. Substances of almost the same composition were found on wooden paddles (mops) used as tools for tarring.

Examined samples originate from the different areas of the settlement are chronologically distant by at least one century. This suggests existence of a stable technique created empirically by Ladoga craftsmen who used it for a long period of time.

Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов

К вопросу о древней технологии смолварения

Вещество, обнаруженное в глиняном горшке при археологических раскопках в Ладоге, с помощью метода газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (ГЖХ-МС) было интерпретировано как продукт термической обработки смолы хвойных деревьев (живицы), который мог использоваться для герметизации швов древних судов. Практически идентичный состав обнаружен на деревянных лопатках, служивших инструментами для смоления.

Исследованные образцы происходят из разных частей поселения и хронологически отстоят друг от друга не менее чем на столетие. Это даёт основание предполагать наличие устойчивой технологии, выработанной эмпирическим путем и использовавшейся ладожскими мастерами на протяжении длительного отрезка времени.

Ладожская археология с каждым полемым сезоном приносит исследователям новые интересные материалы. Древность и хорошая сохранность артефактов позволяют решать или, по крайней мере, ставить задачи, которые на материалах других памятников невозможны в силу объективных причин.

В 1976 г. раскоп №1 на Варяжской улице в Старой Ладоге был доведен до материка. В предматериковых отложениях (строительный горизонт XI, по В.П. Петренко) было зафиксировано несколько комплексов очень плохой сохранности, включая «углубленное в материк сооружение XI-4 с очагом в северо-восточном углу» (Петренко 1985: 94) и находящуюся рядом с ним яму в кв. И4—5, К4—5 (гл. 300—320 см, 16-й штык полевой описи), основание которой также врезано в материк (рис. 1Б). Спилы, взятые с бревен построек XI строительного горизонта, дают порубочные даты от 842 до 857 г. Автор раскопок В.П. Петренко отнес время освоения участка в районе Варяжской улицы «не позднее первой половины IX в.» (Петренко 1985:

114). В упомянутой яме были найдены фрагменты днища лепного сосуда с остатками вещества темно-серого цвета внутри. Верхний край ямы не прослежен, но можно с уверенностью утверждать, что она функционировала не позднее 20—30-х гг. X в., т.к. в это время её и некоторые другие объекты перекрыла мостовая, сооруженная из досок корабельного борта (рис. 1А). Порубочные даты бревен из верхнего яруса мостовой 885, 910 и 925 гг. (Черных 1985: 121).

В настоящее время представилась возможность определить состав этого вещества.

Оно представляет собой хрупкую массу, с поверхности темно-серого цвета, на изломе коричневую. Растворимо в метаноле и хлорированных растворителях, нерастворимый остаток представляет собой минеральную пыль, то есть тонкие минеральные частицы, похожие на слюду.

Исследование методом газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектором (ГЖХ-МС) проводили на комплексе Trace 1310-ISQ производства Thermo

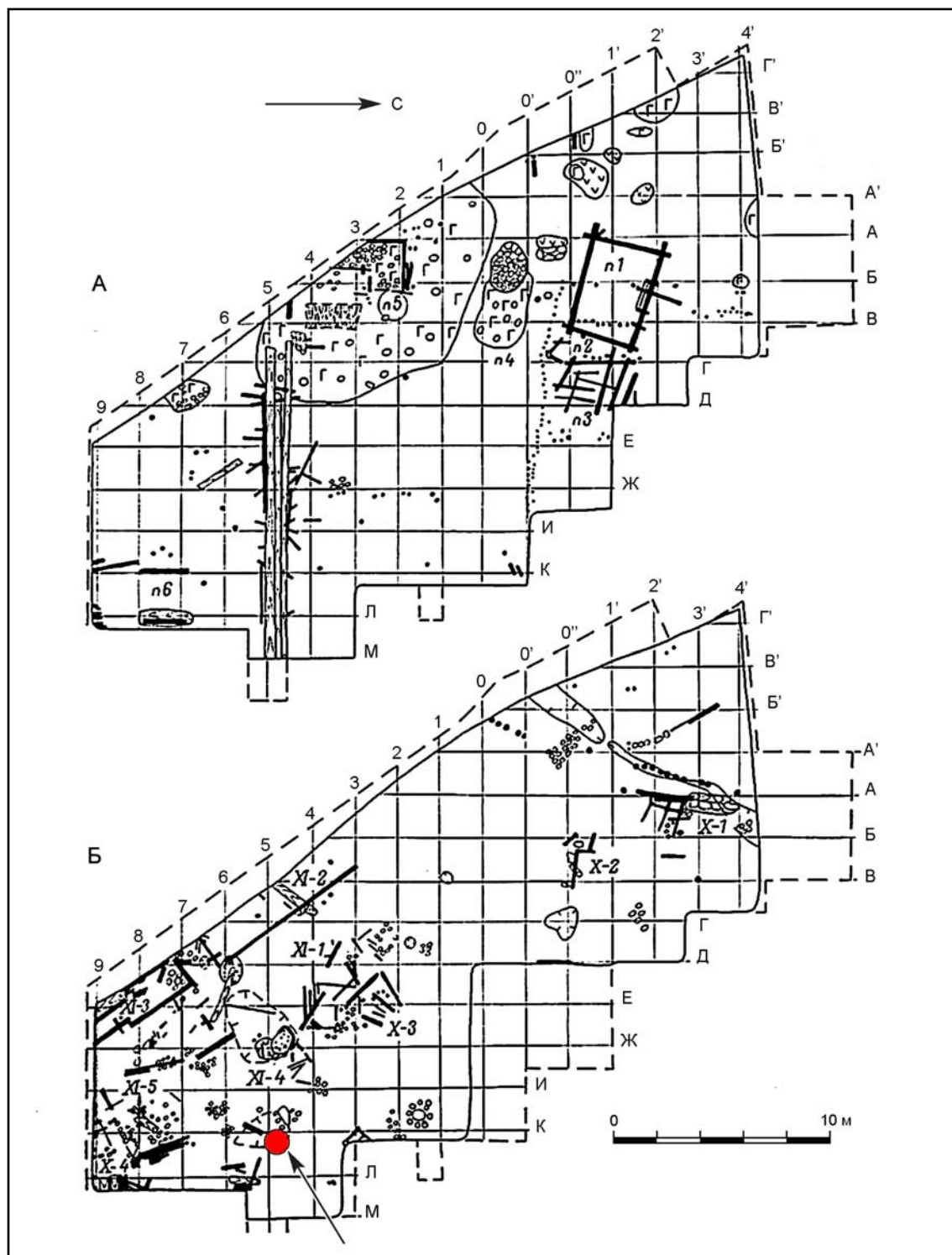


Рис. 1. План VII (А), X и XI (Б) строительных горизонтов раскопа на Варяжской улице (по Петренко 1985: 87, рис. 4) с обозначением места находки исследуемого вещества.

Fig. 1. Plan VII (A), X and XI (Б) of architectural levels on excavations from Varyazhskaya Street (after Петренко 1985: 87, рис. 4) with mark on the site where the examined substance was found.

Scientific, США. Условия анализа: ручной ввод 1 мкл; колонка Thermo TG-5MS, длина 30 м, внутренний диаметр 0,25 мм, толщина неподвижной фазы 0,25 мкм; газ-носитель гелий, расход 1 мл/мин, режим постоянного расхо-

да; сканирование по полному ионному току 33—600 Да; задержка на растворитель 15 мин; температура инжектора 290°C, температура трансферлайна 290°C, начальная температура колонки 60°C 10 мин, подъем температу-

ры со скоростью 7°C/мин до 290°C, выдержка при максимальной температуре 30 мин; интегрирование пиков вручную; расчет площадей пиков по методу внутренней нормализации.

Исследование метанольного раствора вещества методом ГЖХ-МС не дало конкретных результатов, поскольку пиков детектировалось мало, они имели очень высокую массу и не определялись по библиотеке спектров.

Исходя из этого, образец вещества был подвергнут пробоподготовке FAME (образование метиловых эфиров жирных кислот), обычно применяемую для исследования жиров, масел, восков и смол. Образец подвергается кислотному гидролизу при повышенной температуре с одновременной переэтерификацией метанолом, вещество при этом должно перейти в более летучие соединения.

В результате исследования обработанного таким образом образца была получена хроматограмма с большим количеством хорошо определяемых по библиотеке пиков (рис. 4: А). Основными компонентами являются абиетиновые кислоты, являющиеся компонентами природной смолы. Кроме того, присутствуют ретен и другие ароматические полициклические соединения, которые в составе природной смолы не содержатся, но являются продуктами её термической обработки.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемое вещество представляет собой продукт термической обработки смолы хвойных деревьев, то есть вар.

Среди предполагаемых характеристик Ладожского поселения (крупный ремесленно-торговый центр, подобный западноевропейским викам; некий форпост на периферии скандинавского и славянского расселения с нестабильным составом населения; первая столица Руси) (см. напр. Кирпичников, Рябинин, Петренко 1985: 49; Sherman 2012: 57—59; Кирпичников 1985: 25; Лебедев 1985: 217; Мачинский 2002), пожалуй, одна его функция не вызывает дискуссий. Речь идет о Ладоге как стоянке судов, месте, где производился их ремонт и оснащение, а также перегрузка товаров с морских судов на речные. Об этом говорят многочисленные находки в культурном слое деталей кораблей (доски обшивки, шпангоуты, весла, уключины, заклепки и т. д.), начиная с древнейшего горизонта Е-3. Археологические находки подтверждаются данными скандинавских саг, в которых говорится о событиях 1-й пол. XI в. (Глазырина, Джаксон 1987: 81, 87), а также данными писцовых книг о событиях более позднего времени. Собственно, и сама топографическая ситуация (удобная гавань при впадении р. Ладож-

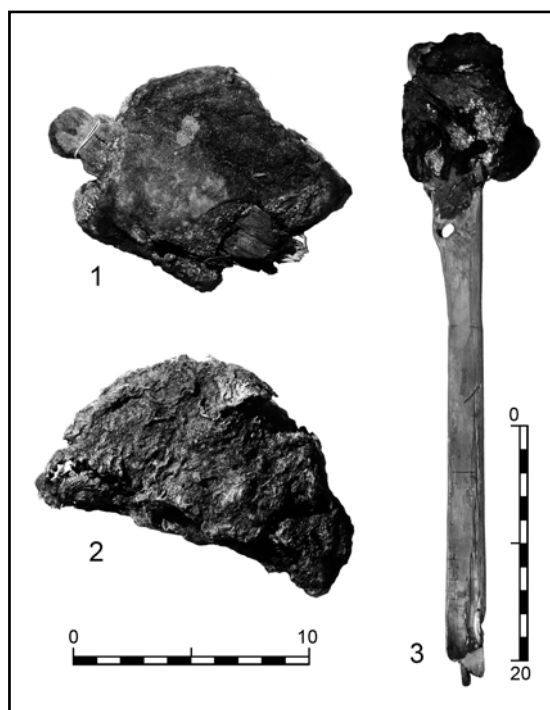


Рис. 2. Квачи из раскопок на Земляном городище. 1, 2 — исследованные образцы (фото авторов).

Fig. 2. Tarring paddles (mops) from excavations on Zemlianoye hillfort. 1, 2 — examined samples (photo by the authors).

ки в р. Волхов, наличие порогов на Волхове, изменения гидрологического режима реки) предполагает наличие такой функции (Носов 1981). В.П. Петренко одним из первых обратил внимание на отличие топографии древнейшей Ладоги от других синхронных поселений Поволховья (Петренко 1977).

Материалы, относящиеся к древнему судостроению, были тщательно проанализированы и опубликованы в монографии П.Е. Сорокина (Сорокин 1997). Автором были выделены как различные конструктивные типы судов, так и варианты уключин, типы весел, способы соединения обшивки и т. д., что позволило выявить элементы скандинавской и местной традиций в средневековом судостроении на Северо-Западе Руси.

Среди археологических находок, имеющих отношение к ремонту и обслуживанию судов, выделяются деревянные лопатки или просто палочки, обмотанные тканью, войлоком или овчиной (т.н. «квачи»). С.Н. Орлов первый обратил внимание на то, что некоторые пропитаны дегтем или смолой, и предположил, что они использовались для смоления лодок (Орлов 1954, цит. по Сорокин 1997: 42). В литературе сведения о том, какими способами достигалась герметичность судов, носят

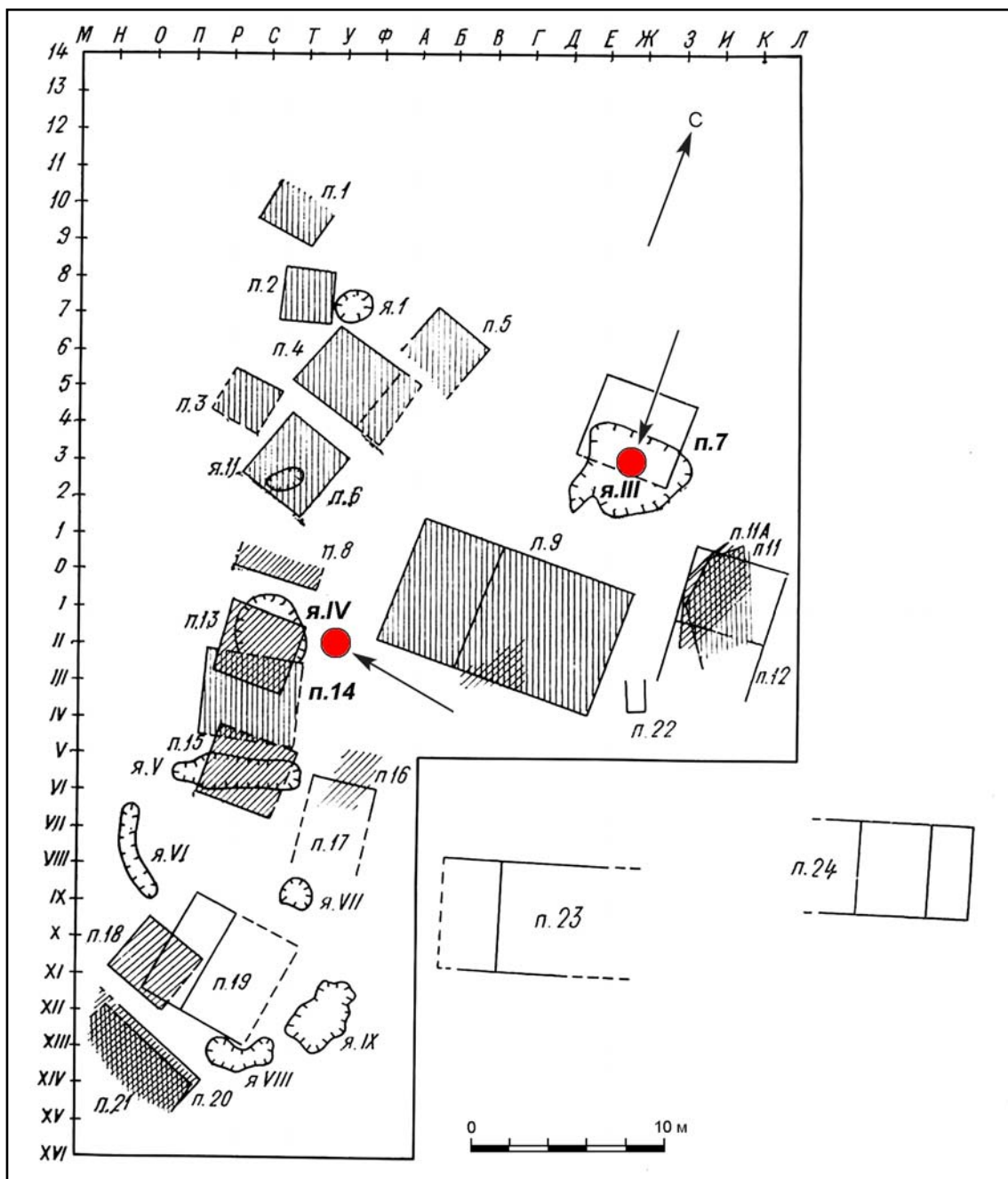


Рис. 3. План построек горизонта Е3 Земляного городища (по Давидан 1976: 103, рис. 1) с обозначением мест находок исследуемых образцов.

Fig. 3. Draft of architectural level E3 Zemlianoye hillfort (after Давидан 1976: 103, рис. 1) with marks on the sites where the examined substances was found.

довольно общий характер: с этой целью конопатка швов (для чего использовались шерсть, лыко, мох) пропитывалась «дегтем или смолой» (Орлов 1954, цит. по Сорокин 1997: 42; Фиркс 1982: 53 — судно из Гокстада), «варом» (Фиркс 1982: 20 — ладья из Хьертшпринга), «клеякой массой» (Фиркс 1982: 30 — судно из Нидама). Исходя из местных условий и культурных традиций, в разных регионах могли использоваться свои «рецепты» состава

для смоления судов. Интересно, какими пользовались ладожские мореходы.

Нами были взяты пробы такой пропитки с двух т. н. «квочей» — ЛС/1262¹ и ЛС/2011а². (рис. 2). Они не реставрировались и сохрани-

¹ ЛС/1262 найдена в кв. Т-У I—III, гл. 1.60—2,0 м.

² ЛС/2011а найдена в «яме, открытой под постройкой гор. Е3» на гл. 1,76 м.

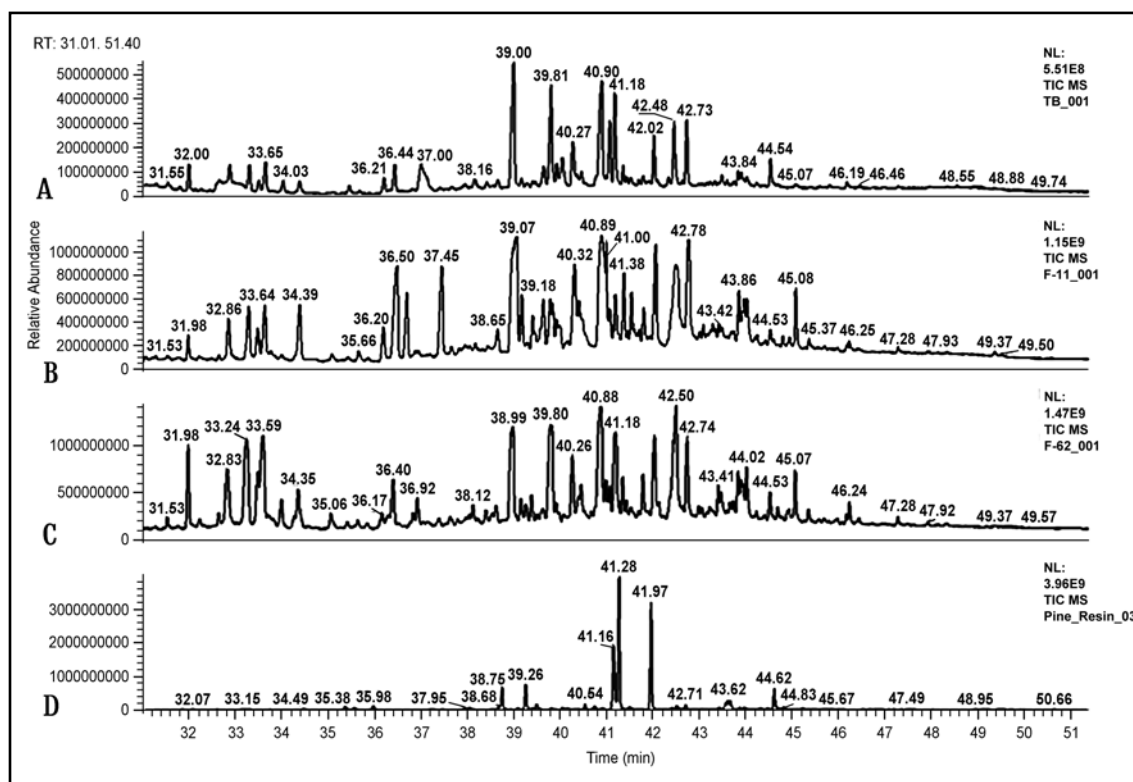


Рис. 4. Хроматограммы образца вещества из горшка (А), образцов пропитки с двух квочей (В и С) и живицы, взятой от современной сосны (D).

Fig. 4. Chromatograms of the samples: substance from a clay pot (A), substances from two tarring paddles (B and C) and resin of modern pine tree (D).

лись в том состоянии, в котором были извлечены из слоя. Один из них — это деревянная палочка, обмотанная войлоком (шифр ЛС-1262), найденная в 1950 г. в слое ЕЗ (возможно, ЕЗ-2, т.е. 780—810 гг.). Второй — обломок деревянной палочки, обмотанной мехом (шифр ЛС-2011а), найденный в том же сезоне «при расчистке плетня в яме, открытой под постройкой горизонта ЕЗ». Скорее всего, речь идет о постройке 7, которую О.И. Давидан условно отнесла к древнейшему горизонту толщи ЕЗ, а яму под ней (яма III) — к ЕЗ-3 или более раннему времени (Давидан 1976: 104—110) (рис. 3). По современной хронологической шкале это 760—770-е гг. (Рябинин, Черных 1988). Пробы были исследованы с применением той же методики.

В результате исследования установлено, что оба образца имеют сходный качественный состав и очень близки к образцу, взятому из горшка, найденного в раскопе на Варяжской улице (рис. 4: В, С). Их качественный состав практически совпадает, а некоторые различия в количественном составе могут объясняться различиями в условиях хранения, особенностями пробоподготовки или свойствами прибора. Таким образом, можно сделать вывод,

что все три образца представляют собой смолу хвойных деревьев, специально обработанную термически по одной технологии.

Выводы:

- 1) Сохранившееся в глиняном горшке вещество представляет собой вар, то есть смолу хвойных деревьев (живицу), подвергшуюся термической обработке.
- 2) Исследованный вар мог использоваться в судостроении для придания герметичности деревянным судам, а также для пропитки деревянных предметов иного назначения.
- 3) Исследованные образцы:

- происходят из разных частей поселения;
- отстоят друг от друга хронологически не менее, чем на столетие;
- но при этом незначительно отличаются в количественном содержании отдельных компонентов и практически идентичны по качественному составу. Следовательно, можно предполагать наличие устойчивой технологии, выработанной эмпирическим путем и использовавшейся ладожскими мастерами на протяжении длительного отрезка времени.

Мы надеемся, что дальнейшая работа в этом направлении принесет новые интересные результаты.

Литература

- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 101—118.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. 1987. *Древнерусские города в древнескандинавской письменности*. Москва: Наука.
- Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований). В: Седов В.В. (ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 3—26.
- Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Петренко В.П. 1985. Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Ленинград: Наука, 48—51.
- Лебедев Г.С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: ЛГУ.
- Мачинский Д.А. 2002. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. В: Мачинский Д.А. (ред.). *Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры*. VI Чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 5—38.
- Носов Е.Н. 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тыс. н.э. *КСИА* 164, 18—24.
- Петренко В.П. 1977. Топография Староладожского поселения. В: Массон В.М. (ред.). *Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья»*. Ленинград: Наука, 73—74.
- Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка). В: Седов В.В. (ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: ИА АН СССР, 81—116.
- Рябинин Е.А., Черных Н.Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. *СА* (1), 72—100.
- Сорокин П.Е. 1997. *Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Фиркс И. фон. 1982. *Суда викингов*. Ленинград: Судостроение.
- Черных Н.Б. 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища). В: Седов В.В. (ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 76—80.
- Sherman Heidi M. 2012. Старая Ладога и теория эмпориев. В: Селин А.А. (ред.). *Староладожский сборник 9*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 36—59.

References

- Davidan, O.I. 1976. *Arkheologicheskii sbornik Ermitazha* (State Hermitage Archaeological Collected Papers), 101—118.
- Glazyrina, G.V., Jackson, T.N. 1987. *Drevnerusskie goroda v drevneskandinavskoi pis'mennosti* (Ancient Russian Towns in the Ancient Scandinavian Written Tradition). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1985. In Sedov, V.V. (ed.). *Srednevekovaiia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia* (Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries and Research). Leningrad: "Nauka" Publ., 3—26 (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N., Riabinin, E.A., Petrenko, V.P. 1985. In *Novoe v arkheologii Severo-Zapada SSSR* (New Discoveries into the Archaeology of the North-West of USSR). Leningrad, 48—51 (in Russian).
- Lebedev, G.S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope* (Vikings' Time in Northern Europe). Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Machinskii, D.A. 2002. In Machinskii, D.A. (ed.). *Ladoga i Severnaia Evraziia ot Baikala do La-Mansha. Sviaziushchie puti i organizuiushchie tsentry. Shestye chteniia pamiati Anny Machinskoi* (Ladoga and Northern Eurasia from the Baikal to the English Channel: Linking Ways and Organizing Centers. 6th Readings in Memory of Anna Machinskaiia). Saint Petersburg: Staraya Ladoga Historical, Architectural and Archaeological Museum and Preservation Area, 5—38 (in Russian).
- Nosov, E.N. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 164, 18—24 (in Russian).
- Petrenko, V.P. 1977. In Masson, V.M. (ed.). *Drevnie goroda. Materialy k Vsesoiuznoi konferentsii «Kul'tura Srednei Azii i Kazakhstana v epokhu rannego srednevekov'ia»* (Ancient Towns: Material for the All-Union Conference "Culture of Middle Asia and Kazakhstan in Early Middle Ages"). Leningrad: "Nauka" Publ., 73—74 (in Russian).
- Petrenko, V.P. 1985. In Sedov, V.V. (ed.). *Srednevekovaiia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia* (Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries and Research). Leningrad: "Nauka" Publ., 81—116 (in Russian).
- Riabinin, E.A., Chernykh, N.B. 1988. In *Sovetskaiia Arkheologiia* (Soviet Archaeology) (1), 72—100 (in Russian).
- Sorokin, P.E. 1997. *Vodnye puti i sudostroenie na Severo-Zapade Rusi v srednevekov'e* (Waterways and Shipbuilding in the North-West of Russia in the Middle Ages). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Fircks, J. v. 1982. *Suda vikingov* (Wikingerschiffe). Leningrad: "Sudostroenie" Publ. (in Russian).
- Chernykh, N.B. 1985. In Sedov, V.V. (ed.). *Srednevekovaiia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia* (Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries and Research). Leningrad: "Nauka" Publ., 76—80 (in Russian).
- Sherman Heidi, M. 2012. In *Staroladozhskii sbornik* (Old Ladoga Volume) 9. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 36—59 (in Russian).

Статья поступила в сборник 15 февраля 2020 г.

Tatiana Senichenkova (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Сениченкова Татьяна Борисовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: sentb@mail.ru

Sergei Uriupov (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum².

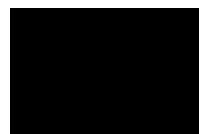
Урюпов Сергей Олегович (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: uryupov@hermitage.ru

Address: ^{1,2} Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation

Завоеватели родины

Conquerors of their own homeland



А. В. Комар

Поясные украшения IX в. из погребений древних мадьяр Днестро-Дунайского региона

Keywords: early Magyars, Subbotsy type graves, Nagyszentmiklós hoard, toreutics, belt sets

Ключевые слова: древние мадьяры, тип Субботцев, Надьсентмиклошский клад, торевтика, поясные наборы

O. V. Komar

Belt Fittings of the 9th Century from the Early Magyar Burials of the Dniester-Danube Region

The Dniester-Danube group of the Subbotsy type graves is noticeably geographically isolated from the main area of the early Magyar burials in the Northern Black Sea region. This makes it suitable in terms of studying the local characteristics of the material culture of the population.

The very rare finds of belt sets and harness ornaments is one of such conspicuous features. Despite the limited number of the toreutics objects from the Dniester-Danube group graves, they demonstrate heterogeneity, a mixture of two opposite cultural impulses. The first one is "Volga-Ural" impulse, it is represented by belt fittings from Slobodzeya grave 18, Buciumeni find and Răducăneni hoard. They repeat or imitate the types of belt sets from the outlet region of the early Magyar migration to the west. The second impulse — "Danubian" — is represented by a buckle from Slobodzeya grave 18, decorated by floral ornaments vessels No. 13, 14 and 20, 21 from the Nagyszentmiklós hoard, and by a strap-end from Buciumeni which imitates the decor of a strap-end from Mikulčice.

The appearance of the "Danubian" group of objects was the result of the interaction of the early Magyars with the local population, most likely, from the Bulgarian state, where several items of the "Nagyszentmiklós" style were also discovered. Written accounts confirm that such union did take place in 837, when the Magyars acted together with the Bulgarians against Byzantium.

A. B. Komar

Поясные украшения IX в. из погребений древних мадьяр Днестро-Дунайского региона

Днестро-дунайская группа памятников типа Субботцев заметно географически обособлена от основного ареала погребений древних мадьяр в Северном Причерноморье, что делает её перспективной в плане изучения локальных особенностей материальной культуры населения.

Одной из таких особенностей является очень редкая встречаемость в погребениях украшений поясов и сбруи. Несмотря на крайнюю ограниченность выборки предметов торевтики из днестро-дунайской группы, она уже сейчас демонстрирует гетерогенность, смешение двух диаметрально различных культурных импульсов. Первый импульс — «поволжско-приуральский», представлен накладками пояса из п. 18 Слободзеи, Бучумень и клада из Рэдукэнь, которые полностью повторяют или же имитируют типы украшений из выходного региона миграции мадьяр на запад. Второй импульс — «дунайский» — представлен пряжкой из п. 18 Слободзеи, выполненной в стиле растительного декора сосудов №13, 14 и 20, 21 Надьсентмиклошского клада, а также наконечником из Бучумень, имитирующим декор поясного наконечника из Миккульчице (Моравия).

Появление «дунайской» группы предметов стало результатом взаимодействия древних мадьяр с местным населением Подунавья — вероятнее всего, с Болгарским государством, на территории которого также обнаружены отдельные предметы элитарной моды «надьсентмиклошского» стиля. Согласно письменным источникам, исторический эпизод союза действительно имел место в 837 г., когда мадьяры действовали совместно с болгарскими войсками против Византии на левобережье Нижнего Дуная.

Отдалённые миграции в древности представляли весьма травматичный опыт как для самих переселенцев, так и для окружающих их народов. Спустя столетия и тысячелетия они, наоборот, превратились в предмет изучения, интегрирующий усилия историков и археологов из различных регионов. Одной из таких проблематик, активно развивающихся в последние годы, является история переселения древних мадьяр из-за Урала в Карпатскую котловину.

Исследования XX в. в этой области в основном концентрировали внимание на трёх регионах: Приуралье (как вероятной прародине), Поволжье (регион первой миграции) и Подонье (как «Леведии» — вероятного места проживания мадьяр в Хазарском каганате). Открытие ярких погребений в Субботцах (Боккий, Плетнёва 1988; Bokij, Pletnyova 1989) и комплекса в Коробчино (Приходнюк, Чурилова 2001; Prihodnûk, Čurilova 2002) привлекло внимание ещё к одному региону — Нижне-

му Поднепровью, как следующему историческому региону проживания мадьяр на их пути на запад — Этелькёзу (Ателькузе).

Письменные источники подсказывали, что Этелькёз далеко не ограничивался Поднепровьем, и памятники древних мадьяр IX в. должны обнаружиться также в Западном Причерноморье, к северу от Дуная. На основании комплекса письменных и археологических данных С. С. Рябцева и Р. А. Рабинович подняли проблему выделения признаков древненгерского присутствия или влияния в Днестро-Дунайском регионе в IX—X вв. (Рябцева, Рабинович 2007). Исследователи в основном оперировали материалами X в., но отметили в т. ч. небольшую группу поясных украшений из клада Рэдукэнень и случайной находки у с. Бучумень, которым на тот момент было сложно подобрать аналогии, но сочетание в комплексах с перстнями «салтовского» типа подсказывало кочевнический вектор связей (Рябцева, Рабинович 2007: 210; рис. 11: 18—22, 29).

Вскоре в печати вышли материалы исследования кургана у г. Слободзея в Приднестровье, в насыпи которого и в прилегающей зоне был обнаружен целый раннесредневековый могильник, атрибутированный авторами публикации как принадлежащий к степному «болгарскому» варианту салтовской культуры по С. А. Плетнёвой (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008). Наше внимание на него обратила С. С. Рябцева, и проведенное сопоставление с собственно салтовскими грунтовыми и подкурганскими могильниками оказалось негативным — как минимум 12 средневековых инвентарных погребений Слободзеи включали несалтовские типы предметов, обнаруживающие аналогии в поднепровской группе погребений типа Субботцев и памятниках IX—X вв. Приуралья, и в особенности ярко это выражалось в комплексе погребения 18. Это позволило отнести к типу Субботцев весь средневековый горизонт могильника, во всяком случае, его датированную часть (Комар 2011: 59—69). Новая атрибуция была принята и использована в дальнейших разработках проблемы А. Тюрком (Türk 2011: 199; 2012: 3; 2018: 243; Тюрк 2016: 269), С. С. Рябцевой и Р. А. Рабиновичем (Рябцева, Рабинович 2013: 266—268; 2018: 432—433), Н. П. Тельновым (Тельнов 2018а: 405—425; 2018б: 223—226) и др.

Продолжилась и работа по введению в научный оборот новых или открытых ранее комплексов круга Субботцев. Так, С. С. Рябцева и И. Г. Власенко рассмотрели детальнее материалы комплекса 1991 г. у с. Бучумень, проис-

ходящего, по-видимому, из разрушенного кочевнического захоронения (Reabteva, Vlasenco 2018: 108—113). Ицельными авторскими коллективами были подготовлены к изданию п. 2 к. 1 могильника Плавни-II 1990 г. (Фокеев, Квитницкий, Тельнов, Лысенко, Разумов, Синика 2019), а также исследованное в сезоне 2018 г. п. 2 к. 14 группы Глиное/«Водовод» (Квитницкий и др. 2019). Судя по краткому анонсу (Синика, Тельнов, Квитницкий 2019), количество потенциальных памятников древних мадьяр из Днестро-Дунайского региона может оказаться гораздо большим.

Заметная географическая удалённость группы от основного ареала памятников типа Субботцев в Северном Причерноморье (см.: Комар 2018: рис. 16) делает её весьма перспективной в плане изучения локальных особенностей материальной культуры населения. Остаются актуальными и вопросы хронологической и исторической её интерпретации: был ли занят мадьярами весь регион вплоть до Дуная уже на первом этапе расселения, или же пространство на запад от Днестра было освоено несколько позже, под давлением печенегов, как предполагали ряд историков?

Присутствие в п. 29 и 37 Слободзеи женских салтовских украшений, в п. 36 — арочных стремян салтовского типа, а в п. 38 — нижней части красноглиняного кувшина крымского или таманского производства (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008: рис. 12: 2, 3; 13: 6, 7; 14: 3, 8; 15: 2; Синика, Разумов, Тельнов 2016: кат. 195; 198; 203) говорит о включении на некоторое время данной группы населения в орбиту культурного влияния и экономических связей Хазарского каганата. Но несалтовские типы ножей и наконечников стрел из погребений могильника свидетельствуют о собственной кузнечной традиции. Также ни в одном из погребений региона пока не обнаружено ремennых деталей салтовских форм или стилей.

Детали пояса из п. 18 Слободзеи (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008: рис. 8: 7; Синика, Разумов, Тельнов 2016: кат. 199) вряд ли выполнены единым набором. Два типа бляшек: с прорезью и подщитовидной формы (рис. 1: 19, 20) составляют неполный комплект, в котором, судя по идентичному набору из п. 45 Поломского I могильника в бассейне р. Камы (Иванов 1997: рис. 50: 19—21), утрачен наконечник (ср.: рис. 1: 13, 14). Идея дизайна деталей восходит к поясу из п. 47 Больше-Тиганского могильника (Chalikova, Chalikov 1981: Taf. XXXIII: 9), созданного, в свою очередь, на основе поясов «тюркского» типа

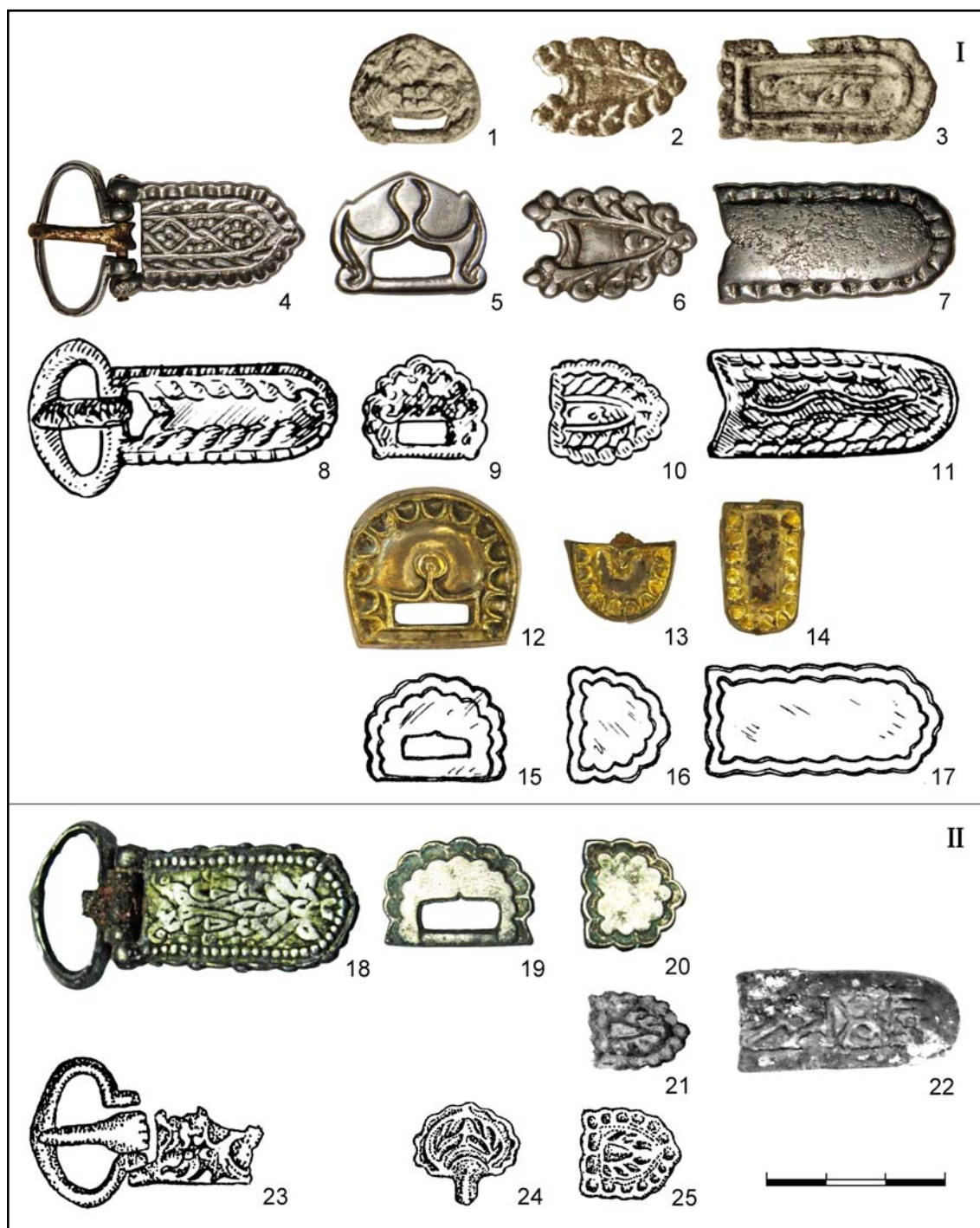


Рис. 1. Поясные детали субботцевского круга из Днестро-Дунайского региона (II) и их аналогии (I). 1—3 — Ново-Николаевка (по Ханенко, Ханенко 1902: табл. XIX: 680, 777, 828); 4—7 — Старая Катериновка, к. 32, п. 1-1 (фото автора); 8—11 — Танкеевский могильник, п. 709 (по Khalikova, Kazakov 1977: pl. XX: 1, 3—5); 12—14 — Больше-Тиганский могильник, п. 47 (фото Н.В. Ениосовой); 15—17 — Поломский I могильник, п. 45 (по Иванов 1997: рис. 50: 19—21); 18—20 — Слободзея, п. 18 (фото А. Тюрка); 21—22 — Бучумень (по Reabțeva, Vlasenco 2018: fig. 1: 6, 7); 23—25 — Рэдукэнень, клад (по Moglan 2001: fig. III: 13, 15; IV: 10).

Fig. 1. Belt fittings of the Subbotsy type from the Dniester-Danube region (II) and their analogies (I). 1—3 — Novo-Nikolaevka (after Ханенко, Ханенко 1902: tab. XIX: 680, 777, 828); 4—7 — Stara Katerynivka, barrow 32, burial 1-1 (photo by the author); 8—11 — Tankeyevka burial ground, burial 709 (after Khalikova, Kazakov 1977: pl. XX: 1, 3—5); 12—14 — Bolshye Tigani burial ground, burial 47 (photo by N.V. Eniosova); 15—17 — Polom I burial ground, burial 45 (after Иванов 1997: рис. 50: 19—21); 18—20 — Slobodzeya barrow, burial 18 (photo by A. Türk); 21—22 — Buciumeni (after Reabțeva, Vlasenco 2018: fig. 1: 6, 7); 23—25 — Răducăneni treasure (after Moglan 2001: fig. III: 13, 15; IV: 10).



Рис. 2. Исходные стилистические мотивы деталей с цветковым или фасетчатым краем: 1 — Катериновка, к. 32, п. 1-1 (фото автора); 2 — ручка чаши из Стерлитамака (по Ахмеров 1955: табл. II: 1); 3 — Ново-Николаевка; 4 — фрагмент декора ведра из Широково; 5 — Дуба-Юрт, кат. 11; 6, 7 — фрагменты декора блюд из Репьевки (1, 3 — фото автора; 2 — по Мажитов, Сунгатов, Султанова 2008: 9; 5 — по фото А. Тюрка; 4, 6, 7 — по Смирнов 1909: LXXV; LXXVIII: 137; 138).

Fig. 2. Initial stylistic motifs of details with a floral or scalloped edge: 1 — Katerynivka, barrow 32, burial 1-1; 2 — the handle of the bowl from Sterlitamak (after Ахмеров 1955: табл. II: 1); 3 — Novo-Nikolaevka; 4 — decor of a bucket from Shirokovo (fragment); 5 — Duba-Yurt, catacomb 11; 6, 7 — decoration of dishes from Repievka (1, 3 — photo by the author; 2 — after Мажитов, Сунгатов, Султанова 2008: 9; 5 — photo by A. Türk; 4, 6, 7 — after Смирнов 1909: LXXV; LXXVIII: 137; 138).

(ср.: Добжанский 1990: табл. XVI: 3, 4; XVII: 2, 4; XVIII: 1; XIX: 1; XXX: 5; XXXIV: 1, 2; XLII: 2—4; XLVI: 3). «Выемчатый» бордюро по краю бешетиганских бляшек (рис. 1: 12—14) не меняет контур самих деталей, тогда как в половецком и славянском поясах детали получились с волнистым краем. Это оформление воспроизводится также на поясных бляшках из Бучумень (рис. 1: 21) и Радукэнь (рис. 1: 24, 25). В Поднепровье близ-

кое оформление наблюдаем на пряжке и наконечнике колчанного пояса из п. 1-1, к. 32 Старой Катериновки (Разумов, Дараган, Полин 2017: рис. 8) (рис. 1: 4, 7). В Поволжье видим скорее дериваты на поясе из п. 709 Танкеевского могильника (Khalikova, Kazakov 1977: pl. XX: 1, 3—5) (рис. 1: 8—11). К этому же кругу принадлежит и «случайная находка» пояса из Волгоградской обл. (Торгоев, Ахмедов 2016: кат. 154).



Рис. 3. Стилистические аналогии пряжке из п. 18 Слободзеи. 1—3 — Надьсентмиклошский клад, чаша №20; 4 — п. 18 Слободзеи; 5 — Микүльчице; 6, 7 — Преславский клад; 8 — Надьсентмиклошский клад, сосуд №13 (1—3, 6—8 — фото автора; 4 — фото А. Тюрка; 5 — по Dekan 1981: cat. 96).

Fig. 3. Stylistic analogies to the buckle from Slobodzeya grave 18. 1—3 — Nagyszentmiklós hoard, bowl no. 20; 4 — Slobodzeya; 5 — Mikulčice; 6, 7 — Preslav hoard; 8 — Nagyszentmiklós hoard, vessel no. 13 (1—3, 6—8 — photo by the author; 4 — photo by A. Türk; 5 — after Dekan 1981: cat. 96).

Наоборот, более сложное оформление края цветочными стеблями с округлыми бутонами демонстрируют бляшки из Ново-Николаевки, п. 1-1 к. 32 Старой Катериновки (рис. 1: 2, 6; 2: 1) и п. 2 Игимского могильника (Казанов 1978: рис. 3: 3); а также наконечники из Ново-Николаевки с «лепестковым» фасетончатый краем (рис. 1: 3; 2: 3). Первый мотив находит аналогии в декоре блюд из Репьевки (рис. 2: 6, 7) и в схематизированном до «чешуек» виде — на ведре из Широково, отнесённых Б.И. Маршаком к «школе В» (Смирнов 1909: №134; 137; 138 табл. LXXV; LXXVI; LXXVIII; Маршак 1971: Т35; 39; 51; ил. 16;

18; Даркевич 1976: №13, 14; 80; табл. 11: 1, 2; 12: 2). Б.И. Маршак и В.П. Даркевич отметили в этой группе заметное влияние китайской торовитки, связав её по происхождению с восточными областями Средней Азии; в т.ч. заимствованием из танской стилистики считали и «лепестковый» бордюр (Маршак 1971: 48; Даркевич 1976: 83). На двух блюдах из Репьевского клада хорошо заметно, что каждый «лепесток» имеет отдельный стебель (рис. 2: 6, 7), как и на бляшках из субботцевских комплексов, поэтому именно этот круг торовитки должен рассматриваться в качестве непосредственного прототипа.

Ещё одним мотивом декора рассматриваемой группы серебряной посуды выступает «полупальметка» (рис. 2: 4, 6), которую видим на наконечниках из Ново-Николаевки (рис. 1: 3; 2: 3) и на щитке пряжки из Рэдукэнень (рис. 1: 23). Этот мотив использовался гораздо шире, и распространён на согдийской посуде разных производственных центров. В т. ч. стоит отметить его на ручке кружки из Стерлитамака «школы С» по Б. И. Маршаку (рис. 2: 2) (Ахмеров 1955: табл. II: 1; Мажитов, Сунгатов, Султанова 2008: 9; 20).

Пряжку из п. 1-1 к. 32 Катериновки, поясные детали из п. 709 Танкеевки и бляшки из Бучумень и Рэдукэнень (рис. 1: 4, 8, 10, 11, 21, 24, 25) объединяет ещё один характерный элемент — это имитация перевитого «шнура» по внутреннему контуру деталей. В том, что это не собственно «шнур», убеждает симметричность «крутки» по обе стороны оси цитовидного поля предметов. Возможно, мастера пытались схематически передать всё тот же «лепестковый» бордюр, на ведре из Широкино покрывавший как внешнюю, так и внутреннюю часть медальона (рис. 2: 4), а на одном из блюдов из Репьевки — внутренний контур (рис. 2: 7). Впрочем, тиснёная бляшка из кат. 11 Дуба-Юрта (Мамаев, Савенко 1988: рис. 3: 34) демонстрирует существование более сложного симметричного витого растительного бордюра (рис. 2: 5), который действительно сложно воспроизвести при копировании, если не видеть исходного «элитного» образца торевтики «школы В», по наблюдению Б. И. Маршака, ставшей одним из главных источников стилей для древненевенгерской торевтики IX—X вв. (Marschak 1986: 73; Маршак 2017: 110—111).

Пояс из п. 18 Слободзеи принадлежит одному из первых поколений мигрантов, принесших из Поволжья сформированный там тип поясного набора «тюрко-приуральского» стиля (см. детальнее: Комар 2018: 176—190), но с приданием форме деталей дополнительного «волнистого» или «фасетончатого» края под влиянием более вычурного стиля субботцевской торевтики, подражающей «школе В». Поясные детали из Бучумень и Рэдукэнень уже изготовлены на месте мастерами, не имевшими под руками исходных образцов «престижной моды», копируя форму предметов, но не воспроизведя точно их декор.

Отдельного рассмотрения заслуживает пряжка из п. 18 Слободзеи (рис. 3: 4). По конструкции, пропорциям рамки и щитка пряжка вполне соответствует субботцевским экземплярам и предметам такого же стиля из контактных ареалов IX—X вв. По боковой

границы щитка выполнен характерный для древненевенгерских ременных деталей IX—X вв. «узелковый» бордюр, но он не переходит на лицевую часть щитка, что очень необычно и визуалью напоминает выступы на гранях ременных украшений тухтатской культуры (Король 2008: табл. 10: 2, 3; 16: 3; 23: 23—30; 24: 1—6). Но декору пряжки не удалось пока подобрать прямых аналогий ни в субботцевском круге памятников, ни соседних культур Восточной Европы и Азии.

Пряжка, несомненно, не принадлежала к комплекту первоначального пояса и выполнена другим ремесленником. Скорее всего, ему на реставрацию была принесена сломанная пряжка, щиток которой мастер скопировал в пластичной форме и отлил в воске. Но качество оттиска по каким-то причинам его не устроило. Поэтому поверх восковки был наложен ещё один тонкий пласт воска, по которому и был нанесен новый орнамент в псевдозернёном ободке. Щиток получился плотно заполненным растительными побегами, листьями и «цветками». Заметно, что ювелир с трудом поместил задуманный рисунок в отведенное пространство — в верхнем ярусе растительной композиции побеги свернуты в завитки; ярусом ниже завитки еле втиснуты в поле; а в нижнем — обрезаны зернёным бордюром. Все элементы декора выполнены тонкими рельефными линиями и находят аналогии в группе из четырёх сосудов (№13, 14, 20, 21) Надьсентмиклошского клада (László, Rácz 1977: Taf. III; V; b. 35—41; 57—64; Gschwantler 2002: cat. 13; 14; 20; 21; Bergner, Zhuber-Okrog 2017: cat. 13; 14; 20; 21) (рис. 3: 1, 3, 8).

Один из упомянутых сосудов — чаша №20 — привлекает внимание проведенным в древности ремонтом, вследствие которого к чаше была припаяна золотая салтовская пряжка с рельефным декором полуovalами на рамке (рис. 3: 1, 2). М. Шульце-Доррламм отметила в качестве аналогии пряжки из п. 71 Нетайловки и п. 2 Субботцев (Schulze-Dörlamm 2010: 132—133). Декорированные рамки пряжек в салтовских комплексах довольно редки и выполнены из серебра. Орнамент на них обычно повторяет стиль декора щитка. На рамках пряжек из кат. 126 Дмитриевки (Плетнёва 1989: рис. 88), погребения на селище Нетайловка-2 (Аксёнов, Крыганов 2009: рис. 3: 3) и кат. 93 Верхнесалтовского IV могильника (Аксёнов, Лаптев 2009: рис. 3: 2) изображены полураспущенные бутоны; на пряжке из п. 71 Нетайловки — петлеvidный трилистник (Пархоменко 1983: рис. 7: 4), а рамка пряжки из кат. 8 Верхнесалтовского IV могильника украшена только рельефным кан-

том внизу и каплевидными фигурами в месте прилегания язычка. В другой технике — врезными овалами — декорирована рамка пряжки из кат. 1913 г. Верхнего Салтова (Zakharov, Arendt 1935: Abb. 17). Более сложный врезной декор нанесен на восковую модель рамки пряжки из п. 2 Субботцев (Бокий, Плетнёва 1988: рис. 5: 1). Все салтовские комплексы с такими пряжками синхронны памятникам типа Субботцев, а декор полуовалями пряжки чаши №20 Надьсентмиклошского клада более всего соответствует стилю салтовского «сжатого бутона» горизонтов II/III или III (см. Комар 2018: рис. 39).

Откуда изготовитель слободзейской пряжки получил доступ к продукции «надьсентмиклошской» мастерской, чтобы подражать её стилистике? Работы, посвященные Надьсентмиклошскому кладу, появляются едва ли не ежегодно, и один обзор их занял бы объём монографии. Частично этот труд с обзором главных версий выполнен в книге Ч. Балинта (Bálint 2010). Несмотря на визуально «восточный» облик части сосудов клада, несомненно, выполненных под влиянием сасанидской и постсасанидской торевтики, «надьсентмиклошская» ювелирная школа отличается вполне европейским набором декоративных элементов и техникой производства. Восточнее Приднестровья аналогии ей на данный момент не известны¹. Очевидной проблемой, мешающей точному установлению места производства предметов и времени сокрытия клада, является малое число аналогий, их географическая разбросанность, без видимых зон концентрации, а также отсутствие комплексов с абсолютными датами.

Большая часть предметов, выполненных в «надьсентмиклошском» растительном стиле, происходит либо с территории Аварского каганата, либо его ближайшего окружения (Daim 2000: 136—182; Abb. 61—93, 100—103). Происхождение стиля представляется как сложная контаминация византийских, каролингских и аварских декоративных мотивов. Причём, судя по золотым изделиям из Мате-Залки и Брестоваца, слабое отражение стиля в культуре рядового населения регионов может объясняться узко элитарным характером моды и её сложностью для воспроизведения ювелирами более низкого уровня. Анализируя сосуд №19, Э. Ваймерс и вовсе предположил, что он изготов-

лен первоначально как литургический сосуд, отметив, в частности, его параллели двум каролингским пиксидам, изготовленным ок. 820—850 гг. в мастерской монастыря Сен-Жермен-де-Пре (Wamers 2015: 71—108).

Из регионов, где такой стиль представлен находками, больше всего в контексте происхождения слободзейской пряжки интересна Болгария. За почти 80 лет с момента выхода работы Н. Мавродинова (Mavrodinov 1943) источниковая база немного дополнилась (см.: Станилов 2006: 190—204; 2017: 39—55). К перстню из Мытницы (Мытница) (рис. 3: 9) добавились золотая пуговица (рис. 3: 7) и серебряные аппликации (рис. 3: 8) из Преславского клада (Тотев 1993: обр. 41), свидетельствующие о сохранении традиций растительного декора «надьсентмиклошского» стиля до X в.

Неоднократно привлекавшийся исследователями в качестве аналогий декору сосудов №19—21 позолоченный ремной наконечник из Микульчице в Моравии (рис. 3: 5), возможно, проясняет орнамент наконечника из Бучумень (рис. 1: 22). На последнем видим широкий плоский ободок, не характерный для субботцевского круга ремных украшений, и затем растительный декор, разделённый на три яруса. Ярус с «ёлочной» композицией близок наконечнику из Микульчице, тогда как нижняя часть наконечника из Бучумень оформлена симметричными завитками, возможно, имитирующими «надьсентмиклошский» стиль. На вероятные свидетельства связи субботцевского населения с Моравией уже указывал И. Эрдеи, который интерпретировал как остатки моравской пуговицы («гомбика») золотые пластинки с декором из п. 2 Субботцев (Erdélyi 1989: 98; Комар 2018: рис. 35).

Контакты кочевников на новом месте переселения с ремесленными центрами оседлого населения могли иметь разную природу — от торговли, изготовления предметов на заказ, подражания моде оседлого населения, до более радикальных — грабежей, контрибуций, увода в плен ремесленников. Слободзейская пряжка относится к категории индивидуальных заказов ремесленнику «оседлой» школы, а бучуменский наконечник — к подражаниям дунайской моде, что скорее соответствует модели мирного сосуществования. Особенно интересно, что этот контакт произошёл уже на первой стадии освоения мадьярами Северного Причерноморья, поскольку в п. 18 Слободзеи вместе с деталями пояса «тюрко-приуральской» группы присутствует и кувшин, изготовленный ещё в Волжской

¹ О копии надьсентмиклошского кувшина №7 из Краснодара см.: От редакции. КСИИМК XXIII. 1948. С. 115. Признателен А. А. Краснопёрову за указание на данный документ.

Булгарии, хоть и попавший в погребение в уже надбитом состоянии (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008: рис. 7: 3; Синика, Разумов, Тельнов 2016: кат. 189; Комар 2018: 104; рис. 22: 2). Письменные источники действительно сообщают о таком раннем эпизоде союза мадьяр с болгарами против Византии, связанном с событиями 837 г. на левобережье Нижнего Дуная (см.: Комар 2011: 28—31; Рабинович 2018: 223—224).

Несмотря на крайнюю ограниченность выборки предметов торевтики из днестро-

дунайской локальной группы памятников типа Субботцев, она уже сейчас демонстрирует гетерогенность, смешение двух разных культурных импульсов: «поволжско-приуральского» из выходного региона миграции мадьяр на запад и «дунайского» как результат взаимодействия с местным населением Подунавья — вероятнее всего, с Болгарским царством периода правления Пресиана.

Благодарности. Выражаем признательность Н.В. Енисовой и А. Тюрку за предоставленные фотографии.

Литература

- Аксёнов В.С., Крыганов А.В. 2009. Захоронения на селище салтовской культуры Нетайловка-2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах. В: Винников А.З., Лылова М.И. (ред.). *Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»* 1. Воронеж, 23—37.
- Аксенов В.С., Лаптев А.А. 2009. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы №93 могильника у с. Верхний Салтов). *Древности* 8, 242—258.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А. 1988. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула. *СА* (2), 99—100.
- Даркевич В.П. 1976. *Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья*. Москва: Наука.
- Иванов А.Г. 1997. *Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V — первая половина XIII в.)*. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН.
- Квитницкий и др. 2019: Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. 2019. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (5), 317—331.
- Казаков Е.П. 1978. *Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии*. Москва: Наука.
- Комар А.В. 2011. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. *Мадьяры в Середньому Подніпров'ї*. АДУ 7, 21—78.
- Комар А.В. 2018. *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции*. Будапешт: Martin Opitz Kiadó.
- Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. 2008. *Сокровища древней Уфы*. Уфа: ГРИ Башкортостан.
- Мамаев Х.М., Савенко С.Н. 1988. Дуба-Юрговские катакомбные могильники. В: Мамаев Х.М., Мужухоев М.Б. (ред.). *Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии*. Грозный: ЧИНИИИСФ, 5—37.
- Маршак Б.И. 1971. *Согдийское серебро*. Москва: Наука.
- Рабинович Р.А. 2018. О возможной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в IX—X вв. *Археология евразийских степей* (6), 181—188.
- Разумов С.Н., Дараган М.Н., Полин С.В. 2017. Ранне-средневековое воинское погребение у с. Старая Катериновка на правобережье Нижнего Днепра. В: Türk A. (ed.). *Hadak útján. A Népvándorlások fiatal kutatóinak XXV. Összeövetelének konferenciakötete*. Budapest; Esztergom: Archaeolingua, 335—353.
- Рябцева С.С., Рабинович Р.А. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X вв. *РА III* (1—2), 195—230.
- Рябцева С.С., Рабинович Р.А. 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. В: Макаров Н.А., Леонтьев А.Е. (отв. ред.). *Русь в IX—XII вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Древности Севера, 259—275.
- Рябцева С.С., Рабинович Р.А. 2018. Древности венгерского круга IX—X вв. Пруто-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения). В: Тюрк А., Зеленков А.С. (отв. ред.). *III Международный мадьярский симпозиум*. Будапешт: Martin Opitz Kiadó, 429—464.
- Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья*. Тирасполь: Полиграфист.
- Синика В.С., Тельнов Н.П., Квитницкий М.В. 2019. Венгерские памятники IX — первой половины X в. в Северо-Западном Причерноморье. В: Sudár B., Türk A. (eds.). *Hadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX konferenciája*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 7—10.
- Смирнов Я.И. 1909. *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи*. Санкт-Петербург: Императорская археологическая комиссия.
- Станилов С. 2017. Ськровището от Надсентмиклош в археологията на езическа България. В: Бергнер С., Николов Г.Н., Станилов С., Чубер-Окром К. *Златно ськровище от Надсентмиклош*. Национален археологически музей. Каталог VI. София: НАИМ БАН, 39—57.
- Тельнов Н.П. 2018а. К вопросу о присутствии венгров в IX веке в Нижнем Поднестровье. В: Тюрк А., Зеленков А.С. (отв. ред.). *III Международный мадьярский симпозиум*. Будапешт: Martin Opitz Kiadó, 403—427.
- Тельнов Н.П. 2018б. Этнокультурная ситуация в IX веке в Нижнем Поднестровье и венгерский фактор. *Археология евразийских степей* (6), 223—228.
- Тотев Т. 1993. *Преславското ськровище*. Шумен: Алтос.
- Торгоев А.И., Ахмедов И.Р. (ред.). 2016. *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара*. Каталог выставки. Москва: Издательский дом Марджани.
- Тюрк А. 2016. Возможности и перспективы археологических исследований ранней истории угров-мадьяров. В: Голдина Р.Д. (ред.). *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX*

- Уральское археологическое совещание). Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: УдГУ, 267—272.
- Фокеев и др. 2019: Фокеев М.М., Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. 2019. Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров. *Stratum plus* (5), 333—342.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1902. *Древности Приднепровья V. Эпоха славянская (VI—XIII вв.)*. Киев: Типография С.В. Кульженко.
- Щербак Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. 2008. *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)*. Археологическая библиотека IV. Кишинёв: АН РМ.
- Bálint Cs. 2010. *Der Schatz von Nagyszentmiklós: archäologische Studien zur frühmittelalterlichen Metallgefäßkunst des Orients, Byzanz' und der Steppe*. Varia Archaeologica Hungarica 16b. Budapest: Balassi Kiadó.
- Bergner S., Zhuber-Okrog K. 2017. Catalogue. In: Bergner S., Nikolov G., Stanilov S., Zhuber-Okrog K. *The Nagyszentmiklós Gold Treasure*. National Archaeological Museum, Catalogues. Sofia: NAIM BAS, 77—161.
- Bokij N.M., Pletnyova Sz.A. 1989. Nomád harcos család 10. századi sírjai az Ingul folyó völgyében. *Archaeologiai Értesítő* 116, 86—97.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural: das Gräberfeld von Bolschie Tigani*. Régészeti Füzetek 21 (2. évf.). Budapest.
- Dekan J. 1981. *Moravia Magna: the great Moravian empire, its art and times*. Minneapolis: Control Data Arts.
- Gschwantler K. 2002. The Nagyszentmiklós treasure: catalogue 1—23. In: Garam É., Kovács T. (eds.). *The Gold of the Avars. The Nagyszentmiklós Treasure*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 14—44.
- Khalikova E.A., Kazakov E.P. 1977. Le cimetière de Tankeevka. In: Erdélyi I. (ed.). *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est*. Studia Archaeologica 6, 21—221.
- László G., Rácz I. 1977. *Der Goldschatz von Nagyszentmiklós*. Budapest: Corvina Kiado.
- Marschak B.I. 1986. *Silberschatze des Orients. Metallkunst des 3.—13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität*. Leipzig: E.A. Seemann.
- Mavrodinov N. 1943. *Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós*. Archaeologia Hungarica XXIX. Budapest.
- Moglan A. 2001. Răducăneni, dep. de Iași; 1969. In: Butnariu V.M. *Monnaies et parures du Musée d'Histoire de la Moldavie de Iași*. Iași, 43—49.
- Prihodnîk O.M., Čurilova, L.N. 2002. The Korobčino find (Ukraine) and some problems of the Hungarian ethnogenesis. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 53, 183—193.
- Reabțeva S., Vlasenco I. 2018. Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextul vestigiilor din secolele IX—X din regiunea carpato-nistreană. *RA XIV* (2), 108—115.
- Türk A. 2011. *A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör*. PhD disszertáció tézisei. Szeged.
- Türk A. 2012. The new archaeological research design for early Hungarian history. *Hungarian Archaeology e-journal* (Summer). URL: http://www.hungarian-archaeology.hu/wp-content/uploads/2012/08/eng_turk_12Ny_0827.pdf.
- Türk A. 2018. East European Connections and Roots of the 10 Centuries Archaeological Heritage in the Carpathian Basin by the results of the latest investigations. *Археология евразийских степей* (6), 241—251.
- Schulze-Dörlamm M. 2010. Bemerkungen zu den jüngsten Elementen des Schatzes von Nagyszentmiklós und zum Zeitpunkt seiner Deponierung. *Antaeus* 31—32, 127—142.
- Wamers E. 2015. Locus amoenus. “Becher 19” im Kontext der kontinentalen Kunst des 8. und 9. Jahrhunderts. In: Daim F., Gschwantler K., Plattner G., Stadler P. (Hrsg.). *Der Goldschatz von Sânnicolau Mare*. RGZM Tagungen 25. Mainz, 71—119.
- Zakharov A., Arendt W. 1935. *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh*. Budapest.

References

- Aksenov, V.S., Kryganov, A.V. 2009. In Vinnikov, A.Z., Lylova, M.I. (eds.). *Divnogorskii sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» (Divnogor'e Bulletin: the Papers of the Museum-reservation “Divnogor'e”)* 1. Voronezh, 23—37 (in Russian).
- Aksenov, V.S., Laptev, A.A. 2009. In *Drevnosti (Antiquities)* 8, 242—258 (in Russian).
- Bokii, N.M., Pletneva, S.A. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 99—100 (in Russian).
- Darkevich, V.P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th—13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Ivanov, A.G. 1997. *Etnokulturnye i ekonomicheskie svyazi naseleeniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V — pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsy River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th — First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kvititskii, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 317—331 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Komar, A.V. 2011. In Motsya, O.P. (ed.). *Madyary v Seredn'omu Podniprovi (Hungarians in the Middle Dnieper Basin)*. Series: Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 7, 21—78 (in Russian).
- Komar, A.V. 2018. *Istoriia i arkheologiya drevnikh mad'iar v epokhu migratsii = A korai magyarság vándorlásának története és régészeti emlékei (History and Archeology of the Ancient Hungarians in the Era of Migration)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó (in Russian).
- Mazhitov, N.A., Sungatov, F.A., Sultanova, A.N. 2008. *Sokrovishcha drevnei Ufy (Treasures of Ancient Ufa)*. Ufa: “GRI Bashkortostan” Publ. (in Russian).
- Mamaev, Kh.M., Savenko, S.N. 1988. In Mamaev, Kh.M., Muzychukhoev, M.B. (eds.). *Novye arkheologo-etnograficheskie materialy po istorii Checheno-Ingushetii (New Archaeological and Ethnographical Sources on the History of Chechenya-Ingushetia)*. Grozny: Chechenya-Ingushetia Research Institute for History, Social Sciences and Philology, 5—37 (in Russian).
- Marshak, B.I. 1971. *Sogdiiskoe srebro: Ocherki po vostochnoi torevtike (Sogdian Silver: Essays on the Eastern Toreutics)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Rabinovich, R.A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (6), 181—188 (in Russian).
- Razumov, S.N., Daragan, M.N., Polin, S.V. 2017. In Türk, A. (ed.). *Hadak útján. A Népvándorlások fiatal kutatóinak XXV. Összejövetelének konferenciakötete*. Budapest; Esztergom:

- Archaeolingua, 335—353 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Rabinovich, R.A. 2007. In *Revista arheologică III* (1—2), 195—230 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Rabinovich, R.A. 2014. In Makarov, N.A., Leont'ev, A.E. (eds.). *Rus' in IX—XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura* (Rus' in 9th—12th Centuries: Society, State, Culture). Moscow; Volgoda: "Drevnosti Severa" Publ., 259—275 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Rabinovich, R.A. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A.S. (eds.). *III Mezhdunarodnyi mad'arskii simpozium (3rd International Magyar Symposium)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 429—464 (in Russian).
- Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2016. *Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrov'ia* (Archaeological Heritage of Transdnistria). Tiraspol: "Poligrafist" Publ. (in Russian).
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Kvintitskii, M.V. 2019. In Sudár, B., Türk, A. (eds.). *Hadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX konferenciája*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 7—10 (in Russian).
- Smirnov, Ya.I. 1909. *Vostochnoe serebro. Atlas drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnogo proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi imperii* (Oriental Silver: Atlas of the Ancient Golden and Silver Tableware of Oriental Origin Found Mainly on the Territory of the Russian Empire). Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).
- Stanilov, S. 2017. In Bergner, S., Nikolov, G.N., Stanilov, S., Chuber-Okrog, K. *Zlatno sákróviszthe (Preslav Treasure)* (Golden Treasure from Nagyszentmiklós). Series: Natsionalen arkheologicheski muzej. Katalozi (National Archaeological Museum: Catalogues) VI. Sofia: National Institute of Archaeology with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, 39—57 (in Bulgarian).
- Telnov, N.P. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A.S. (eds.). *III Mezhdunarodnyi mad'arskii simpozium (3rd International Magyar Symposium)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 403—427 (in Russian).
- Telnov, N.P. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) (6), 223—228 (in Russian).
- Totev, T. 1993. *Preslavskoto sákróviszthe (Preslav Treasure)*. Shumen: "Altos" Publ. (in Bulgarian).
- Torgoev, A.I., Akhmedov, I.R. (ed.). 2016. *Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki* (Journey of Ibn Fadlan: the Volga Route from Baghdad to Bulgar. Exhibition Catalogue). Moscow: "Marjani" Publ. House (in Russian).
- Türk, A. 2016. In Goldina, R.D. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu* (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage: from the Earliest Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge. 20th Ural Archaeological Conference). Izhevsk: Udmurt State University, 267—272 (in Russian).
- Fokeev, M.M., Kvintitskii, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 333—342 (in Russian).
- Khanenko, B.I., Khanenko, V.N. 1902. *Drevnosti Pridneprov'ia V. Epokha Slavianskaia (VI—XIII vv.)* (Antiquities of the Dnieper Basin V. Slavic Epoch: 6th—13th Centuries). Kiev: S.V. Kulzhenko Publ. House (in Russian).
- Shcherbakova, T.A., Tashchi, E.F., Telnov, N.P. 2008. *Kochevicheskie drevnosti Nizhnego Podnestrov'ia* (Po materialam raskopok kurgana u g. Slobodezia) (Nomadic Antiquities of the Lower Dniester Region (by archaeological findings from the Barrow at Slobodezia Town)). Series: Archaeological Library IV. Kishinev: "Elan Poligraf SRL" Publ. (in Russian).
- Bálint, Cs. 2010. *Der Schatz von Nagyszentmiklós: archäologische Studien zur frühmittelalterlichen Metallgefäßkunst des Orients, Byzanz' und der Steppe*. Varia Archaeologica Hungarica 16b. Budapest: Balassi Kiadó.
- Bergner, S., Zhuber-Okrog, K. 2017. Catalogue. In Bergner, S., Nikolov, G., Stanilov, S., Zhuber-Okrog, K. *The Nagyszentmiklós Gold Treasure*. National Archaeological Museum, Catalogues. Sofia: NAIM BAS, 77—161.
- Bokij, N.M., Pletnyova, Sz.A. 1989. Nomád harcos család 10. századi sírjai az Ingul folyó völgyében. *Archaeologiai Értesítő* 116, 86—97.
- Chalikova, E.A., Chalikov, A.H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural: das Gräberfeld von Bolschie Tigani*. Régészeti Füzetek 21 (2. évf.). Budapest.
- Dekan, J. 1981. *Moravia Magna: the great Moravian empire, its art and times*. Minneapolis: Control Data Arts.
- Gschwantler, K. 2002. The Nagyszentmiklós treasure: catalogue 1—23. In Garam, É., Kovács, T. (eds.). *The Gold of the Avars. The Nagyszentmiklós Treasure*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 14—44.
- Khalikova, E.A., Kazakov, E.P. 1977. Le cimetière de Tankeevka. In Erdélyi I. (ed.). *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est*. Studia Archaeologica 6, 21—221.
- László, G., Rácz, I. 1977. *Der Goldschatz von Nagyszentmiklós*. Budapest: Corvina Kiadó.
- Marschak, B.I. 1986. *Silberschatze des Orients. Metallkunst des 3.—13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität*. Leipzig: E.A. Seemann.
- Mavrodinov, N. 1943. *Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós*. Archaeologia Hungarica XXIX. Budapest.
- Moglan, A. 2001. Răducăneni, dep. de Iași; 1969. In Butnariu, V.M. *Monnaies et parures du Musée d'Histoire de la Moldavie de Iași*. Iași, 43—49.
- Prihodnük, O.M., Čurilova, L.N. 2002. The Korobčino find (Ukraine) and some problems of the Hungarian ethnogenesis. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 53, 183—193.
- Reabteva, S., Vlasenco, I. 2018. Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextul vestigiilor din secolele IX—X din regiunea carpato-nisteană. *RA XIV* (2), 108—115.
- Türk, A. 2011. *A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör*. PhD disszertáció tézisei. Szeged.
- Türk, A. 2012. The new archaeological research design for early Hungarian history. *Hungarian Archaeology e-journal* (Summer). URL: http://www.hungarianarchaeology.hu/wp-content/uploads/2012/08/eng_turk_12Ny_0827.pdf.
- Türk, A. 2018. East European Connections and Roots of the 10 Centuries Archaeological Heritage in the Carpathian Basin by the results of the latest investigations. *Arkheologiiia evraziiskikh stepei* (Archaeology of the Eurasian Steppes) (6), 241—251.
- Schulze-Dörlamm, M. 2010. Bemerkungen zu den jüngsten Elementen des Schatzes von Nagyszentmiklós und zum Zeitpunkt seiner Deponierung. *Antaeus* 31—32, 127—142.
- Wamers, E. 2015. Locus amoenus. "Becher 19" im Kontext der kontinentalen Kunst des 8. und 9. Jahrhunderts. In Daim, F., Gschwantler, K., Plattner, G., Stadler, P. (Hrsg.). *Der Goldschatz von Sânnicolau Mare*. RGZM Tagungen 25. Mainz, 71—119.
- Zakharow, A., Arendt, W. 1935. *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh*. Budapest.

Статья поступила в сборник 24 мая 2020 г.

Oleksii Komar (Kyiv, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Комар Алексей Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: oleksii_komar@iananu.org.ua

Address: ¹ Geroev Stalingrada Ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine

E. Gáll

The Grave of an Allegedly “Conquest Period Hungarian Warrior” Found in 1959, at Tei Lake near Bucharest

Keywords: Bucharest, Lake Tei, 10th century, material culture, “Hungarian warrior”

Ключевые слова: Бухарест, озеро Тей, X век, материальная культура, «венгерский воин»

E. Gáll

The Grave of an Allegedly “Conquest Period Hungarian Warrior” Found in 1959, at Tei Lake near Bucharest

In 1959, a brief, quarter page long report concerning a 10th century grave of a “Hungarian warrior” who died in the battle against the Bulgars was published by Sebastian Morintz and D.V. Rosetti. However, they did not clarify when and how the finds were recovered; the excavation project documentation has no records provided concerning the grave itself. Consequently, the author supposes that the finds recovered at Lake Tei near Bucharest were uncritically interpreted as a grave from the 10th century. These finds are without clear archaeological context and documentation, and should be removed from the list of 10th century Hungarian graves outside of the Carpathian Basin.

Э. Галл

Предполагаемое погребение «венгерского воина периода Обретения родины», обнаруженное в 1959 году у озера Тей возле Бухареста

В 1959 году С. Моринц и Д.В. Росетти опубликовали краткий, в четверть страницы, отчет о раскопках погребения X века, интерпретированного ими как погребение «венгерского воина», павшего в битве с болгарами. Однако, осталось неясным, когда и как эти находки были сделаны; в раскопчной документации нет сведений о самом погребении. Вследствии этого автор приходит к выводу, что эти находки были некритически и необоснованно интерпретированы в качестве погребения X века. Фактически, речь идет о случайных, разрозненных находках, без надлежащей документации и без ясного археологического контекста. Поэтому автор предлагает исключить это погребение из списка венгерских погребений X века за пределами Карпатского бассейна.

In 1959 a brief quarter page long report was published by Sebastian Morintz and D.V. Rosetti concerning a 10th century grave of a “Hungarian warrior” who died in the battle against the Bulgars. The archaeological material of the supposed grave consisted of a sabre, a hammer-axe, a horse bit and a stirrup (Morintz-Rosetti 1959: 34, Pl. XXX: 3—5). The essay, however, did not clarify when and how the finds were recovered, and while the excavation project was documented, there is no record provided concerning the grave itself. On the other hand, the most important find from the grave, the sabre, has been lost, and one would suspect that the finds had been brought to the museum before the excavation. So, they could come from the same grave, indeed. But, it is just as well likely that they originate from different archaeological contexts. The exact place of the burial was marked as București-Tei, but actually, the authors had no precise data to affirm this localization (Fig. 1).

The question remains, why these three finds were interpreted as a complete complex of the grave of a “Hungarian warrior.” We argue, hereby, that the reasons were intimately connected to the history of archaeological research. Due to the economic growth of the Austro-Hungarian Monarchy and to the rising sentiments of nationalist-romanticism (Langó 2013: 397—418; Petruț, Gáll 2016), there were already more than a hundred of Conquest Period sites inventoried by Joseph Hampel (Hampel 1905). Then, the available archaeological materials and the number of publications focusing on their typo-chronological evaluation illustrate a growing trend until the 1950s. Consequently, the scholars of the Eastern European countries have been well acquainted with materials found within the Carpathian Basin. During the 1950s, the archaeological materials that were found in the Lower Danube region remained practically unknown, because of the fact that the Bulgarian archaeology was in

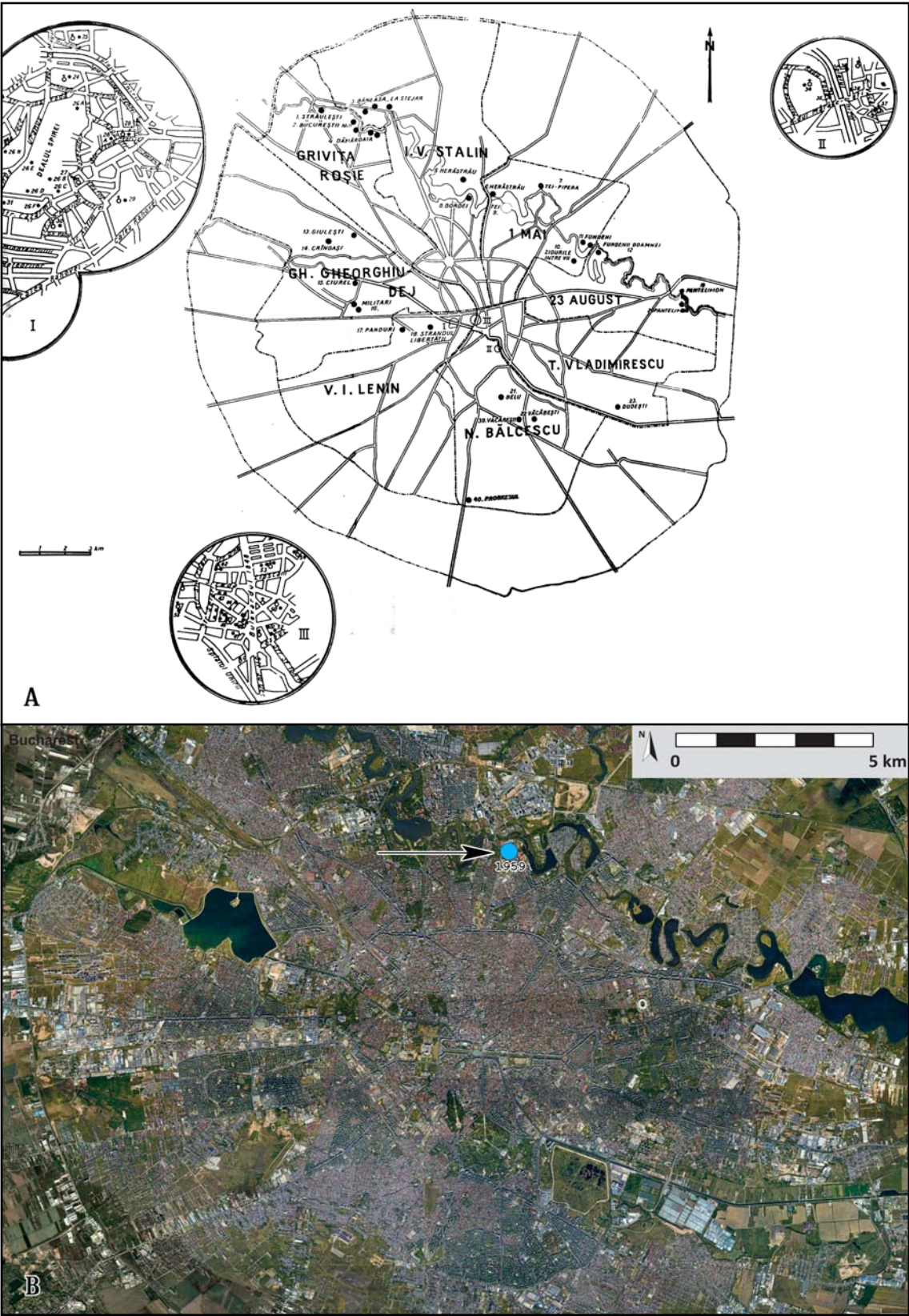


Fig. 1. A — Bucharest in 1959 and the place of the archaeological excavation from Lake Tei (the place of the excavation is shown with arrow) (after Morintz–Rosetti 1959: Hartă); B — Bucharest nowadays and the place of the archaeological excavation from Lake Tei (after Google.earth).

Рис. 1. А — Бухарест в 1959 году: район археологических раскопок у оз. Тей (место раскопок указано стрелкой) (по: Morintz–Rosetti 1959: Hartă). В – Бухарест в наши дни: то же место у оз. Тей (по Google.earth).

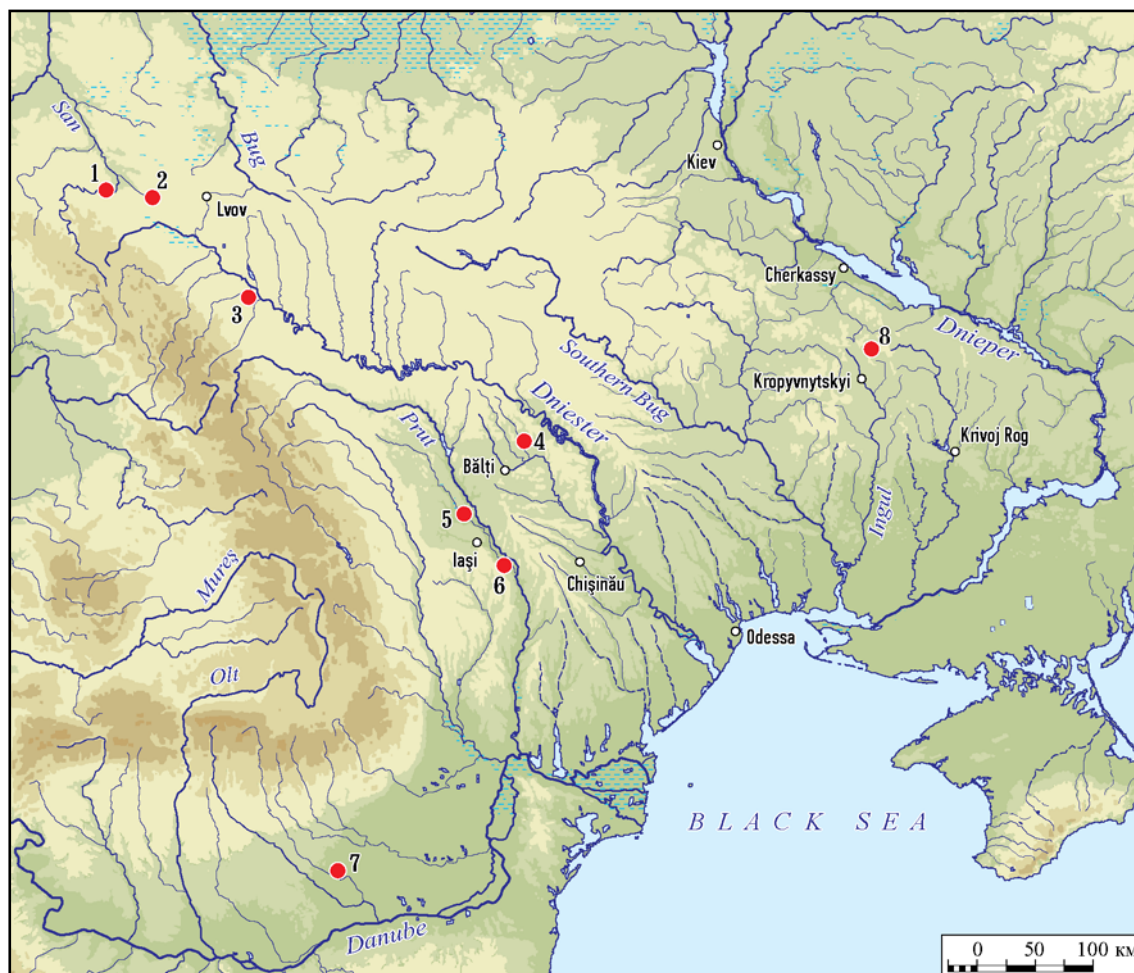


Fig. 2. The graves and burial grounds outside of the Carpathian Basin interpreted as “Hungarian” funerary places (after AH 1996: 438, map).

Рис. 2. Погребения и могильники вне Карпатского бассейна, интерпретированные как «венгерские» (по AH 1996: 438, map).

a nascent phase around that time (Langó 2005: 213—216).

The interpretation proposed by S. Morintz and D.V. Rosetti left a deep mark on Hungarian research and not only¹. As the finds have gained international relevance and fame, two studies (archaeological and historical) referred to them (similarly) as “Hungarian warrior” (AH 1996: 438; Map; Róna-Tas 1999: Fig. 16). In Fodor’s interpretation, the grave from Bucharest could have belonged to a member of the Hungarian military sentinel guarding the road to *Perejaslavec* (AH 1996: 439), while after Róna-Tas, the buried person could be a member of a garrison deployed in

the Carpathian Basin after the conquest in the 10th century (Róna-Tas 1999: 118) (Fig. 2)².

However, the studies from Bulgaria of the last 20 years have brought significant changes to the interpretation of the archaeological material from București-Tei. In the first step, we have to take a look at the interpretation of the archaeological material (Fig. 3).

1. The typo-chronology of the material could not be related only to the finds of 10th century, because:

² In 2008 István Erdélyi demonstrated that two graves from Krylos were dug in a *družhina* burial ground, but all the graves date to the 10th century only. After Erdélyi, these two kurgan graves, which were documented in the burial ground at a great distance from each other, could be “Hungarians”, as mercenaries of the lord from Halych, but rather have to be linked to the Pecheneg culture circle. Erdélyi 2008: 60—61.

¹ It is highly likely that Radu Harhoiu was inspired by this study as well. In his study written in 1972, he linked the spreading of the lyre shaped buckles to the Hungarian political-military activity in the Lower Danube region in the 10th century. In this sense, see Harhoiu 1972: 417—425.

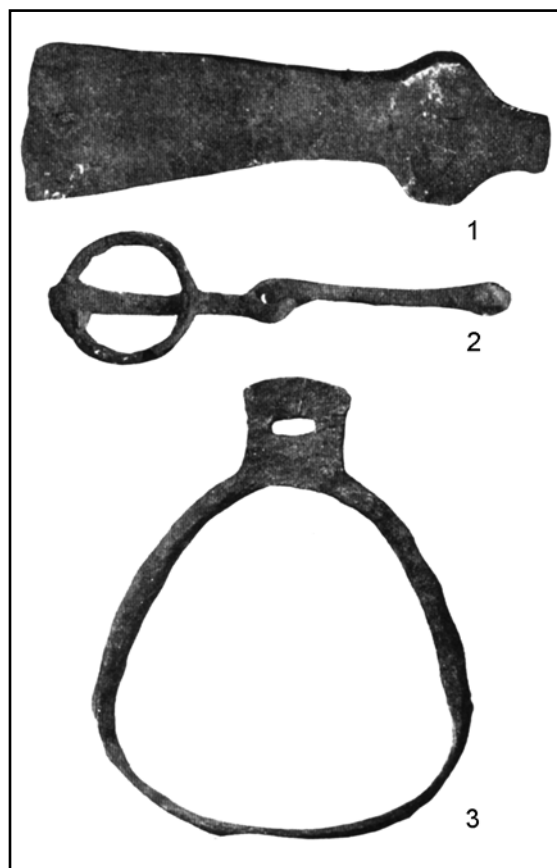


Fig. 3. The archaeological materials from București-Tei as how were illustrated in the S. Morintz and D. Rosetti's study (1959).

Рис. 3. Археологические материалы из Бухарест-Тей по С. Моринцу и Д. Росетти (Morintz, Rosetti 1959).

a) the sabre never belonged to the museum collection; it has not been inventoried, and we know nothing about its type or dating (sabres tend to appear from the 2nd half or the last third of the 7th century (Garam 1991: 142—160; Csiky 2015: 214));

b) concerning the hammer-axe, which had been stored at the museum, V. Yotov in his analysis points out that this type of object was in use during the 7th—11th centuries in the neighbouring Bulgarian territories (Йотов 2004: Обр. 17). Nevertheless, I have to emphasize that the analogies of the hammer-axe from Bucharest, which were recorded in graves, were dated only by the 8—9th centuries (and not at all after this time), like the axe from Krasen Grave 7 (Йотов 2004: no. 596, Таб. LII/596). This type is, however, not documented for the 10th century Hungarian graves; the items found in the Carpathian Basin all have much longer butts (Kovács 1986: 325: 21. ábra). The analysis of Frigyes Szűcsi on the Avar period axes revealed clearly (Szűcsi 2012: 121—137) that hammer-axes with the little butt in the Car-

pathian Basin were used during the 6—8th centuries³.

c) the dating of the pear shaped stirrup cannot be narrowed down to the 10th century. Actually, this type spread around Eastern Europe in the 9th century (Komar 2018: 88). Stirrup finds from the territory of present-day Bulgaria are dated to the 9th—10th centuries (Йотов 2004: таб. 27). On the other hand, it should be laid down as fact that this type of stirrup is known only in 10th century assemblages in the Carpathian Basin, which supposedly determined the dating argued by S. Morintz and D. V. Rosetti.

Yet, when accepting the argument that the finds belonged to the same grave, one faces several archaeological and historical interpretive problems.

1. Chronological span of the archaeological dating (the 9th and the 10th centuries) allows various historical contextualizations.

2. The problems of historical interpretation:

2.1. If the finds are dated earlier than the end of the 9th century and the first decades of the 10th century, the region was clearly under the rule of the Bulgarian state;

2.2. If they are dated to the second half of the 10th century, one should consider other finds connected to the Pechenegs in Wallachia (Ioniță 2005).

2.3. The historical interpretation by István Fodor seems, however, unrealistic, because the area of the present day Wallachia was a *hinterland* of the Bulgarian Empire in the 9th and 10th centuries. The site of the grave is, in fact, only 150 km away from the larger centres of the Empire (Fig. 4).

2.4. However, the geopolitical context should not define the cultural/burial traditions of micro communities. Thus, in cultural sense, from the point of view of archaeology, it is possible to consider the available material evidence as a “10th century Hungarian grave”⁴, just not as part of the

³ The closest analogies in the Carpathian Basin: Budakalász-Dunapart Graves 588 and 715, Cikó Grave 117, Iskaszentgyörgy-Kincsesbánya, Nošlac Grave 12, Pókaszeptek Grave 382. Szűcsi 2011, 25, 27, 32, 46, 67; Dobos 2018, Fig. 6/1.

⁴ The archaeological inheritance of the “conquering Hungarians” should not be regarded as ethnospecific but as a regional cultural “conglomeration” which was characteristic of the Carpathian Basin in the 10th century. The archaeological finds that have been left for us from the 10th century Carpathian Basin, mainly finds from burial grounds, are not the relics of a big community with a uniform, “horizontal” identity (which is specific of modern nations) (Friedmann 1999), and definitely not the relics of an ethnic group. The very subjective narrative sources themselves speak of a population in the 10th century that

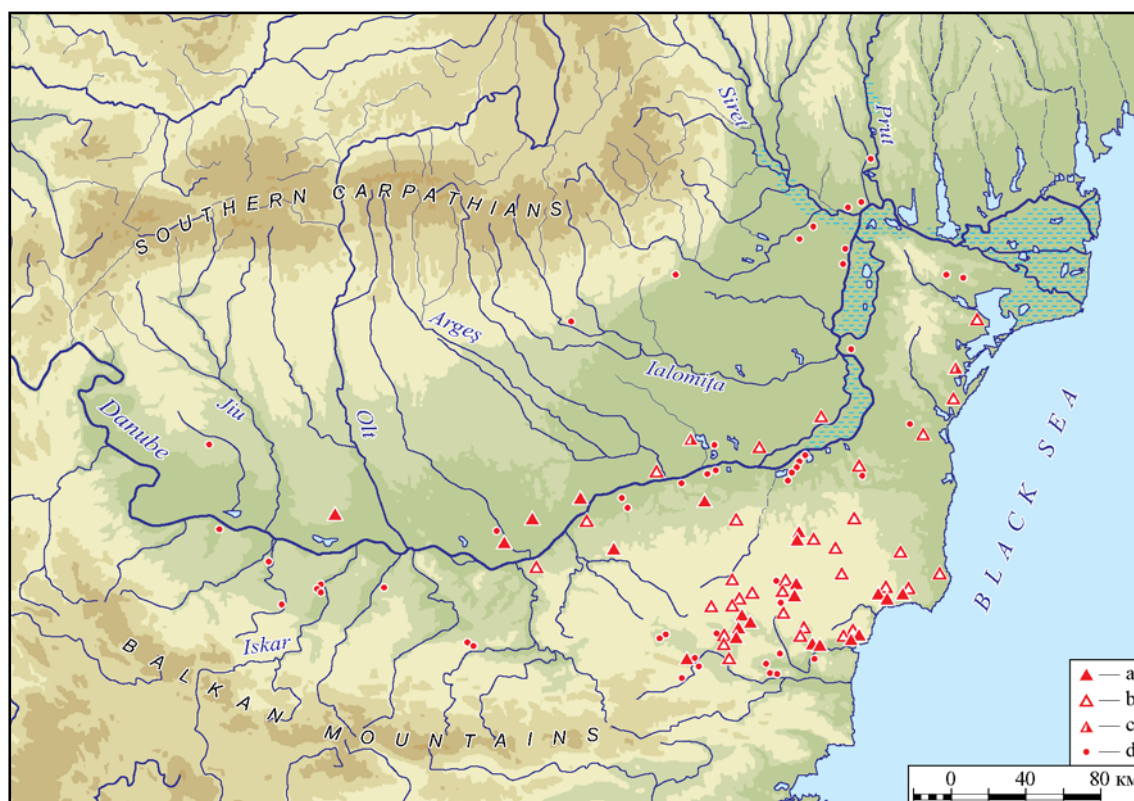


Fig. 4. The burial grounds in the region of the Lower Danube from the 8—10th centuries: a — safe attribution; b — uncertain attribution; c — mixed burial grounds; d — other grave finds (after Fiedler 1992: Abb. 117).

Рис. 4. Могильники VIII—X вв. в Нижнем Подунавье: а — надежно атрибутированные; б — с ненадежной атрибуцией; в — смешанные могильники; д — прочие погребения (по Fiedler 1992: Abb. 117).

Hungarian political-military system or entity in the 10th century, even when the finds had been associated to a partial horse burial⁵.

2.5. In contrast to the ever-present theories of the Hungarian historiography like the one concerning “10th century border zone at the eastern confines of the Hungarian Grand Principality” (so called *gyepű* in Hungarian), Svetlana S. Ryabtseva and Roman A. Rabinovich argue that the relatively dense settled region stretching between the Eastern Carpathians and the Dniester River cannot be defined as a border zone, but as a territory within the sphere of influence of the Grand Hun-

garian Principality in the 10th century (Рябцева, Рабинович 2007: 195—230). They base their theory on the fact that the *Ulichs* and *Tivertsi* populations remained independent from the Rus Principality until the 940s (Türk 2016: 84).

Based on the above points, the finds recovered at Tei Lake near Bucharest have been uncritically interpreted as a grave. This doesn't quite meet the expectations of 21st century archaeology. As the finds are practically stray finds (i.e. without archaeological context and documentation), I should conclude that they ought to be removed from the list of the 10th century Hungarian graves outside of the Carpathian Basin. *Sixty-one years afterwards!*

Catalogue of the artefacts⁶

1. Pear-shaped stirrup, with square strap loop, arches with square-shaped cross section and curved foot plate (after my typology: Pe3a3) (Gáll 2015: Pl. 1). Height: 15.5 cm; width of the stirrup ear: 3.2 cm; opening for the strap leather: 1.5×0.6 cm; widest part of

spoke at least two languages, but there are several sources which report the rapid *structural integration* of the Slavic-speaking population. In more detail: A. H. 1996: 38; Bálint 2005: 37—56; Gáll 2013: Vol. I: 637—640, 821—824, 880—881, 900—903, 905—907. From historical view, the most representative work so far: Szűcs 1997.

⁵ Partial horse burials with harness (type *Bálint II*) (Bálint 1969: 107—114) are known not only in the Carpathian Basin, but also from the territory of Bulgaria, respectively in the case of Saltovo-Mayaki culture burials as well. On these problems, see: Türk 2010: 283, Note 198 with bibliography.

⁶ I would like to express my gratitude to Theodor Aureliu Ignat, archaeologist of the Bucharest Municipality Museum, for his help to document the artefacts.

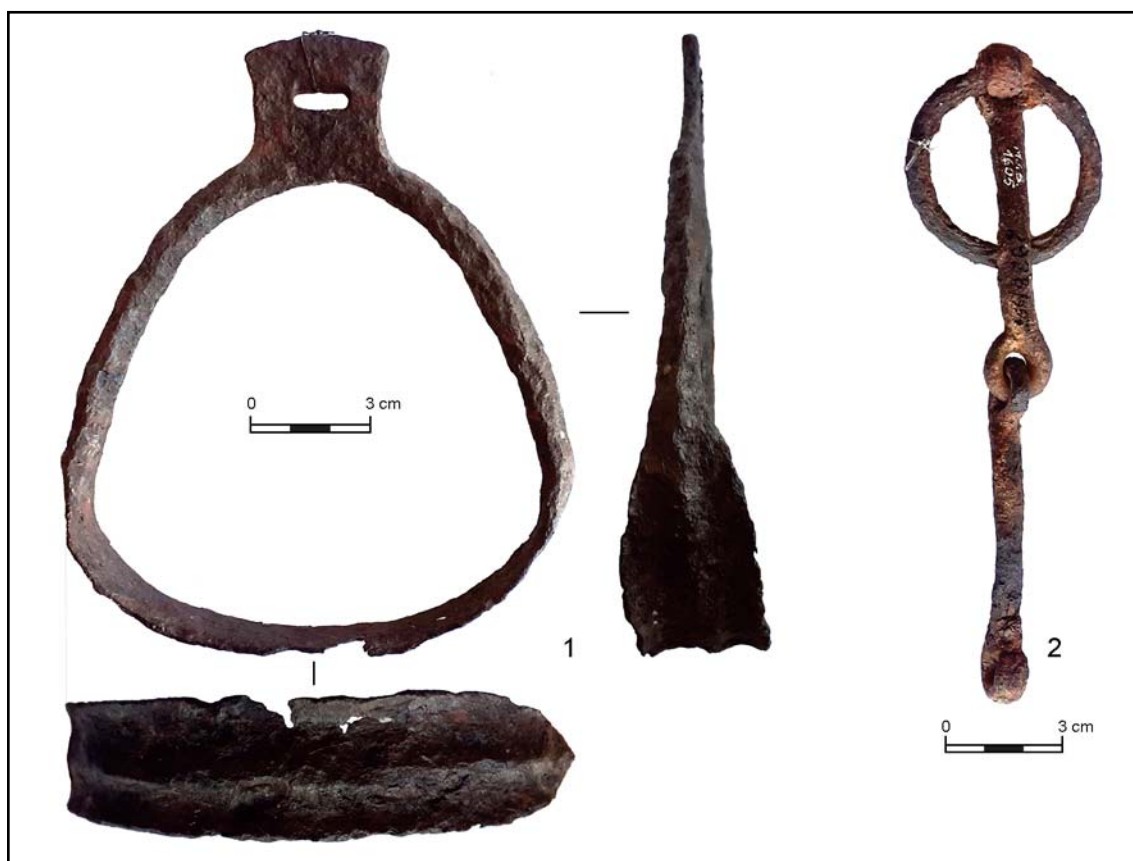


Fig. 5. Stirrup (1) and horse bit (2) (photo by Erwin Gáll).

Рис. 5. Стремена (1) и удила (2) (фото Э. Галла).

the stirrup: 12.5 cm; width of the foot plate: 4.0 cm. Weight: 159.10 grams. Bucharest Municipality Museum. Inv. no.: 16028 (the former no.: 2930/1957) (fig. 5: 1).

2. Fragments of a horse bit. Only one of the bit rings was preserved. Length of the bit parts: 1. 8.2 cm;

2. 8.4 cm; diameter of the bit ring: 4.8×5.1 cm. Weight: 67.95 grams. Bucharest Municipality Museum. Inv. no.: 15986 (the former no.: 2928/1957) (fig. 5: 2).

3. Hammer-axe. Length: 16.5 cm. It can not be identified in Bucharest Municipality Museum (the former no.: 2928/1957).

Bibliography

- AH 1996: *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Ed.: I. Fodor. Budapest: Hungarian National Museum.
- Bálint Cs. 1969. A honfoglalás kori lovastemetkezések néhány kérdése. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve* 1969 (1), 107—114.
- Bálint Cs. 2005. Ki volt „magyar” a honfoglaláskorban és Szent István korában? In: Romsics I., Szegedy-Maszák M. (Szerk.). *Mi a magyar?* Budapest: Habsburg Történeti Intézet, 37—56.
- Csikó G. 2015. *Avar-Age Polearms and Edged Weapons: Classification, Typology, Chronology and Technology*. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450. Vol. 32. Leiden; Boston: Brill.
- Dobos A. 2018. Transformations of the human communities in the eastern part of the Carpathian Basin between the middle of the 5th and 7th century. Row-grave cemeteries in Transylvania, Partium and Banat. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae*. Ser. 3, no. 6, 621—639.
- Fiedler U. 1992. *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 11. Vol. I—II. Bonn.
- Friedmann L. M. 1999. *The Horizontal Society*. New Haven: Yale University Press.
- Garam É. 1991. A tiszakécske-öbögi avarkori sírok. Adatok az avarkori szabályákhöz és az egyenes, egyélű kardokhoz. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 129—166.
- Gáll E. 2013. *Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10—11. századi temetői = 10th and 11th century burial sites, stray finds and treasures in the Transylvanian Basin, the Partium and the Banat*. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 6. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék, Magyar Nemzeti Múzeum, Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Régészeti Intézet, Vol. I—II.
- Gáll E. 2015. An attempt to classify the stirrups dating from the 10th century and the first quarter of the 11th cen-

- tury in the Transylvanian Basin, the Crişana/Partium and the Banat with an outlook to the Carpathian Basin. In: Cosma, C. (ed.). *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Seria: Interferenţe etnice şi culturale în milenile I A. Chr. — I P. Chr. Vol. 22. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 353–404.
- Hampel J. 1905. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Vol. I–III Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.
- Harhoiu R. 1972. O cataramă în formă de liră descoperită la Târgşor. *SCIV* 3, 417–425.
- Ioniţă A. 2005. *Spaţiul dintre Carpaţii Meridionali şi Dunărea Inferioară în secolele XI–XIII*. Bucureşti: Editura Academiei Române.
- Kovács L. 1986. Viselet, fegyverek. In: Kristó Gy. (szerk.). *Az Árpád-kor háborúi*. Budapest: Zrínyi Kiadó, 216–281, 306–313, 317–326.
- Langó P. 2005. Archaeological Research on the Conquering Hungarians: A Review. In: Mende B. G. (ed.). *Research on the prehistory of the Hungarians: a review. Papers presented at the meetings of the Institute of Archaeology of the HAS, 2003–2004*. Varia Archaeologica Hungarica 18. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 175–340.
- Langó P. 2013. The Study of the Archaeological Finds of the Tenth-Century Carpathian Basin as National Archaeology: Early Nineteenth-Century Views. In: Geary J. P., Klaniczay G. (eds.). *Manufacturing Middle Ages Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe*. National cultivation of culture 6. Leiden; Boston: Brill, 397–418.
- Morintz S., Rosetti D. V. 1959. Din cele mai vechi timpuri şi pînă la formarea bucureştilor. In: Ionaşcu I. (red.). *Bucureşti odinioară în lumina săpăturilor arheologice*. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 9–47.
- Petruţ P., Gáll E. 2016. From aristocratic internationalism to romantic nationalism. Notes on the ideological background of antiquarian and archaeological activities in 19th century Transylvania. In: *Adalbert Cserni and his Contemporaries. The Pioneers of Archaeology in Alba Iulia and Beyond*. Alba Iulia, 2016. 14–17 aprilie, 2016 (presentation).
- Róna-Tas A. 1999. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History*. New York: Central European University Press.
- Szücs F. 2011. *A kora- és középvár kori balták és fokosok katalógusa. Szakdolgozat melléklete*. MA thesis. Budapest: manuscript.
- Szücs F. 2012. *Avar kori balták, bárdok, szekercék és fokosok*. In: Petkes Zs. *A hadak útján XX. Népvándorláskor Fiatal Kutatóinak XX. Összejövetelének konferenciakötete/Assembly of Young Scholars on the Migration Period XX*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; Nemzeti Örökségvédelmi Központ, 121–137.
- Szücs J. 1997. *A magyar nemzeti tudat kialakulása*. Budapest: Osiris könyvtár.
- Türk A. 2010. A.: A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In: *Középkortörténeti tanulmányok* 6. A VI. Medievizitikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.) előadásai. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 262–306.
- Türk A. 2016. 10. századi magyar jelenlét a Kárpátoktól keletre? In: Sudár, B., Petkes Zs. (szerk.). *Honfoglalás és megtelepedés. Magyar Őstörténet* 4. Budapest: Helikon, 84.
- Йотов В. 2004. *Въоръжението и снаряжението от българското средновековие VII–XI век*. Варна: Абагар.
- Рябцева С., Рабинович Р. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпатско-Днестровских землях в IX–X вв. *Revista Arheologică serie nouă* 3 (1–2), 195–230.

References

- Fodor, I. (ed.). 1996. *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum.
- Bálint, Cs. 1969. A honfoglalás kori lovastemetkezések néhány kérdése. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve* (1), 107–114.
- Bálint, Cs. 2005. Ki volt „magyar” a honfoglaláskorban és Szent István korában? In: Romsics, I., Szegedy Maszák, M. (szerk.). *Mi a magyar?* Budapest: Habsburg Történeti Intézet, 37–56.
- Csikó, G. 2015. *Avar-Age Polearms and Edged Weapons: Classification, Typology, Chronology and Technology*. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 32. Leiden; Boston: Brill.
- Fiedler, U. 1992. *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau*. Vol. I–II. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 11. Bonn.
- Friedmann, L. M. 1999. *The Horizontal Society*. New Haven: Yale University Press.
- Garam, É. 1991. A tiszakécske-öbögí avarkori sírok. Adatok az avar kori szabályához és az egyenes, egyélű kardokhoz. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 129–166.
- Gáll, E. 2013. *Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10–11. századi temetői = 10th and 11th century burial sites, stray finds and treasures in the Transylvanian Basin, the Partium and the Banat*. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírletei 6. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék, Magyar Nemzeti Múzeum, Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Régészeti Intézet, Vol. I–II.
- Hampel, J. 1905. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Vol. I–III. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.
- Harhoiu, R. 1972. O cataramă în formă de liră descoperită la Târgşor. *SCIV* 3, 417–425.
- Ioniţă, A. 2005. *Spaţiul dintre Carpaţii Meridionali şi Dunărea Inferioară în secolele XI–XIII*. Bucureşti: Editura Academiei Române.
- Kovács, L. 1986. Viselet, fegyverek. In: Kristó, Gy. (szerk.). *Az Árpád-kor háborúi*. Budapest: Zrínyi Kiadó, 216–281, 306–313, 317–326.
- Langó, P. 2005. Archaeological Research on the Conquering Hungarians: A Review. In: Mende, B. G. (ed.). *Research on the prehistory of the Hungarians: a review. Papers presented at the meetings of the Institute of Archaeology of the HAS, 2003–2004*. Varia Archaeologica Hungarica 18. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 175–340.
- Langó, P. 2013. The Study of the Archaeological Finds of the Tenth-Century Carpathian Basin as National Archaeology: Early Nineteenth-Century Views. In: Geary, J. P., Klaniczay, G. (eds.). *Manufacturing Middle Ages Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe*. National cultivation of culture 6. Leiden; Boston: Brill, 397–418.
- Morintz, S., Rosetti, D. V. 1959. Din cele mai vechi timpuri şi pînă la formarea Bucureştilor. In: Ionaşcu I. (red.). *Bucureşti odinioară în lumina săpăturilor arheologice*. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 9–47.
- Petruţ, P., Gáll, E., 2016. From aristocratic internationalism to romantic nationalism. Notes on the ideological background of antiquarian and archaeological activities in 19th century Transylvania. In: *Adalbert Cserni and his Contemporaries. The Pioneers of Archaeology in Alba Iulia and Beyond*. Alba Iulia, 2016. 14–17 aprilie, 2016 (presentation).
- Róna-Tas, A. 1999. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History*. New York: Central European University Press.

- Szűcs, J. 1997. *A magyar nemzeti tudat kialakulása*. Budapest: Osiris könyvtár.
- Türk, A.A. 2010. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.) előadásai*. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 262–306.
- Türk, A. 2016. 10. századi magyar jelenlét a Kárpátoctól keletre? In: Sudár B., Petkes Zs. (Szerk.). *Honfoglalás és megtelepedés*. Magyar Őstörténet 4. Budapest: Helikon, 84.
- Yotov, V. 2004. *Văorăzhenieto i snaryazhenieto ot bălgarskoto srednovekovie VII–XI vek (The Weapons and Equipment of the Bulgarian Middle Ages in 7th–11th Centuries)*. Varna: “Abagar” Publ. (in Bulgarian).
- Ryabtseva, S., Rabinovich, R. 2007. In *Revista Arheologică serie nouă* 3 (1–2), 195–230 (in Russian).

Статья поступила в сборник 14 февраля 2020 г.

Erwin Gáll (Bucharest, Romania). Doctor of History. Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”¹.
Галл Эрвин (Бухарест, Румыния). Доктор истории. Институт археологии «Василе Пырван».
E-mail: erwin.gall@iavb.ro

Address: ¹ Henri Coandă St., 11, Bucharest, 010667, Romania

М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, В. С. Синика, С. Д. Лысенко, А. Тюрк

Погребение из Владычень с украшением венгерского облика

Keywords: left bank of the Lower Danube, 9th—10th centuries, Hungarians, Magyars, burial, plate-rosette

Ключевые слова: левобережье Нижнего Дуная, IX—X вв., венгры, мадьяры, погребение, накладка-розетка

M. V. Kvitnytskyi, N. P. Telnov, V. S. Sinika, S. D. Lysenko, A. Türk

Grave from Vladycheni with Adornment of the Hungarian Type

It is the first introduction of a funerary complex, investigated at the Vladycheni-I cemetery on the left bank of the Lower Danube. The only bronze plate with the image of an eight-petal rosette with a rounded projection in the center was preserved in the completely looted grave. This item, undoubtedly, belongs to the Hungarian artistic repoussage. This circumstance allows us to consider such finds (as well as their replicas on foil) as reliable markers of the early Magyars' presence in the North-West Black Sea region.

М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, В. С. Синика, С. Д. Лысенко, А. Тюрк

Погребение из Владычень с украшением венгерского облика

В работе впервые публикуется погребальный комплекс, исследованный на могильнике Владычень-I на левобережье Нижнего Дуная. В полностью ограбленном захоронении сохранилась только бронзовая накладка с изображением восьмилепестковой розетки с округлым выступом по центру. Данное изделие, несомненно, относится к венгерской художественной металлопластике. Это обстоятельство позволяет считать подобные находки (а также их реплики на фольге) достоверными маркерами пребывания ранних мадьяр в Северо-Западном Причерноморье.

Светлана Станиславовна Рябцева внесла важный вклад в изучение пребывания ранних венгерских племен в Северо-Западном Причерноморье. По существу, её научные статьи положили начало решению одной из сложнейших проблем истории дунай-днестровских земель — венгерского присутствия в период Этелькёз. Отличительными чертами работ С. С. Рябцевой являются внимание к деталям, емкий анализ источников и чётко сформулированные выводы. Особенно пристальное внимание исследователь уделяла украшениям и аксессуарам костюма венгерского облика, найденным на археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья. Так, в 2007 г. ею была обозначена представительная серия находок в Карпато-Днестровском регионе (предметы вооружения, бляшки и накладки, ювелирные украшения, предметы декора костюма) венгерского происхождения (Ряб-

цева, Рабинович 2007). Позже на основании тщательного анализа предметов материальной культуры, было фундаментально обосновано присутствие древних венгров в Дунай-Днестровском междуречье (Рябцева, Рабинович 2014; 2018). В 2018 г. в научный оборот был введён яркий венгерский комплекс, обнаруженный у с. Бучумены на правобережье Среднего Прута (Reabțeva, Vlasenco 2018).

В настоящее время эти исследования приобрели особую актуальность, поскольку на данный момент в Северо-Западном Причерноморье уже выделены венгерские погребальные комплексы (Синика, Тельнов, Квитницкий 2019), в частности, на левобережье Нижнего Дуная (Фокеев и др. 2019) и на левобережье Нижнего Днестра (Квитницкий и др. 2019).

Важно подчеркнуть, что некоторые из венгерских захоронений региона 2-й пол. IX —

The research was implemented within the project "Archaeology Research on the Contacts between Hungary and the East" (PPCU History and archaeology Interdisciplinary Research Team; TUDFO/51757-1/2019/ITM, "Our Eastern Heritage"), with the support of the Thematic Excellence Program, National Research, Development and Innovation Ministry and with the support of the Arpad dynasty Program, project IV.2. ■ Исследование было реализовано в рамках проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» (Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петра Пазмания; TUDFO/51757-1/2019/ITM, «Наше восточное наследие») при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований, развития и инноваций и при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2.



Рис. 1. Некоторые венгерские памятники Северо-Западного Причерноморья: 1 — Коржеуцы; 2 — Тецканы; 3 — Старые Бедражи; 4 — Костешты; 5 — Оцница; 6 — Фрумушика; 7 — Севирова; 8 — Маркулешты; 9 — Пробота; 10 — Бучумены; 11 — Кирилены; 12 — Петрешты; 13 — Чокылтаны; 14 — Слободзея; 15 — Глиное; 16 — Пуркары; 17 — Олонешты; 18 — Казаклия; 19 — Балабаны-II; 20 — Тараклия-II; 21 — Белолесье; 22 — Траповка; 23 — Мреснота Могила; 24 — Владычень-I; 25 — Фрикацей; 26 — Плавни-II; 27 — Плавни.

Fig. 1. Some Hungarian sites of the North-West Black Sea region: 1 — Corjeuți; 2 — Tețcani; 3 — Bădragii Vechi; 4 — Costești; 5 — Ocnița; 6 — Frumușica; 7 — Sevirova; 8 — Mărculești; 9 — Proboța; 10 — Buciumeni; 11 — Chirileni; 12 — Petrești; 13 — Ciocîlteni; 14 — Slobodzeia; 15 — Glineo; 16 — Purcari; 17 — Olănești; 18 — Cazaclia; 19 — Balabanu-II; 20 — Taraclia-II; 21 — Belolesje; 22 — Trapovka; 23 — Mresnota Mogila; 24 — Vladyceni-I; 25 — Frikatsei; 26 — Plavni-II; 27 — Plavni.

нач. X в. позволяют впервые корректно атрибутировать отдельные металлургические украшения, найденные не только случайно, но и на давно известных археологических памятниках. Наряду с выявлением собствен-

но венгерских погребальных комплексов (с подобными украшениями), которые ранее не привлекали внимание исследователей, либо считались, в целом, «позднекочевническими», это позволяет (в том числе и с учётом

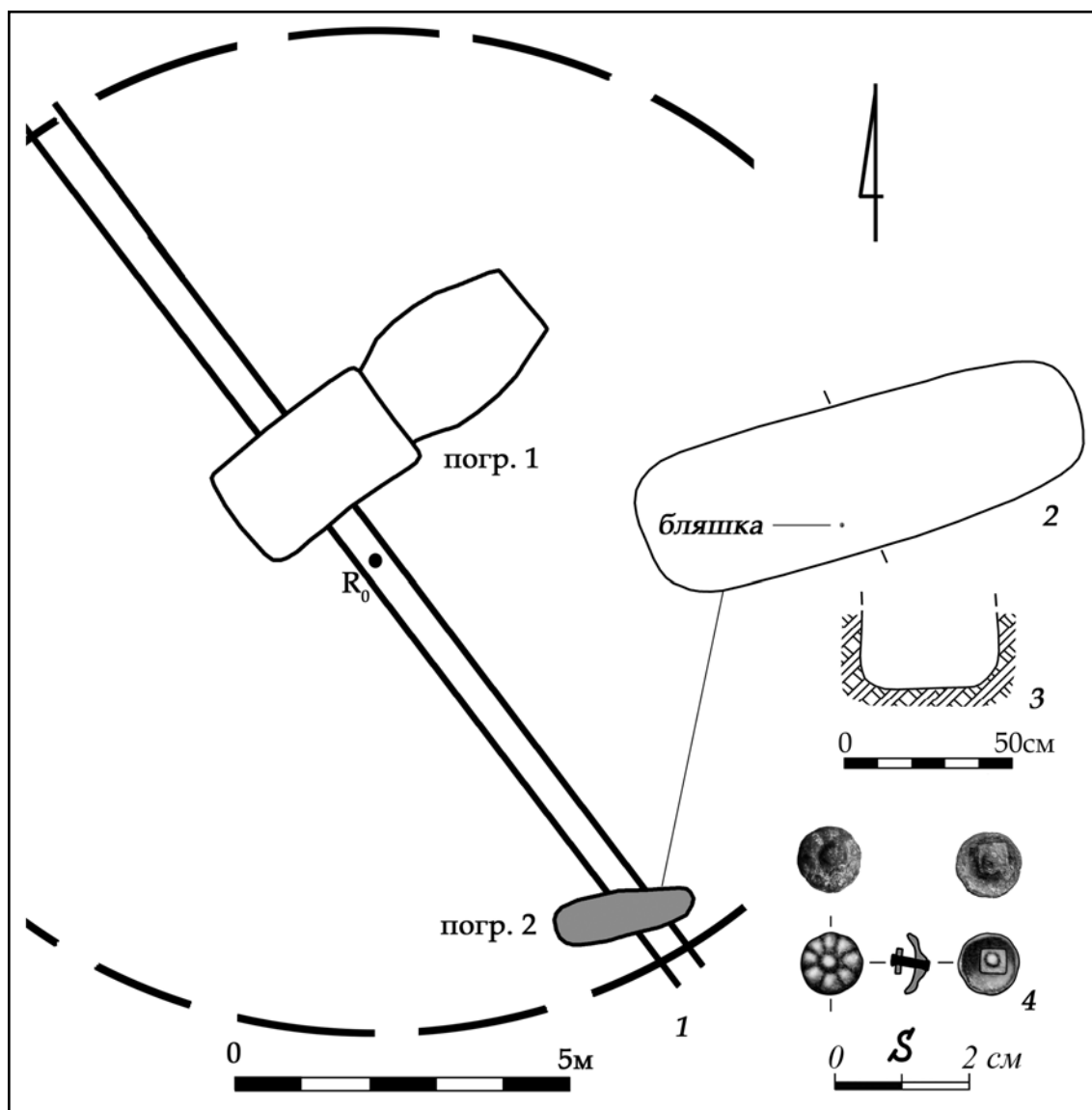


Рис. 2. План кургана 12 могильника Владычень-I (1), план и разрез погребения 2 (2, 3) и бляшка из него (4).

Fig. 2. Plan of barrow 12 of the Vladycheni-I cemetery (1), plan and section of grave 2 (2, 3) and a plaque from it (4).

украшений и иных предметов металлопластики, найденных на поселениях) составить более детальную картину пребывания венгров в Северо-Западном Причерноморье.

Одним из таких «малоприметных» украшений, связанных с гарнитурой, крепившейся к различным ремням, сумкам либо одежде является бляшка-розетка, обнаруженная в средневековом захоронении у с. Владычень, исследованном 31 год назад на левобережье Нижнего Дуная.

В 1989 г. археологической экспедицией Одесского областного управления Общества охраны памятников истории и культуры под руководством М.М. Фокеева были проведены раскопки 20 насыпей курганного могильника Владычень-I. Памятник располагался в 3 км

к СЗ от одноимённого села Болградского р-на Одесской обл. Украины. Топографически курганная группа занимала край плато правого берега балки, впадающей в оз. Ялпуг (рис. 1: 24). Наряду с погребальными комплексами бронзового и раннего железного века, было изучено несколько впускных средневековых захоронений.

Курган 12 могильника Владычень-I. Насыпь к моменту изучения была практически полностью уничтожена распахой и выделялась в рельефе всхолмлением высотой до 0,2 м. Его остатки были зафиксированы в виде пятна грунта светло-серого цвета диаметром 14—15 м. При исследованиях обнаружены два погребальных комплекса — скифское и средневековое (рис. 2: 1).

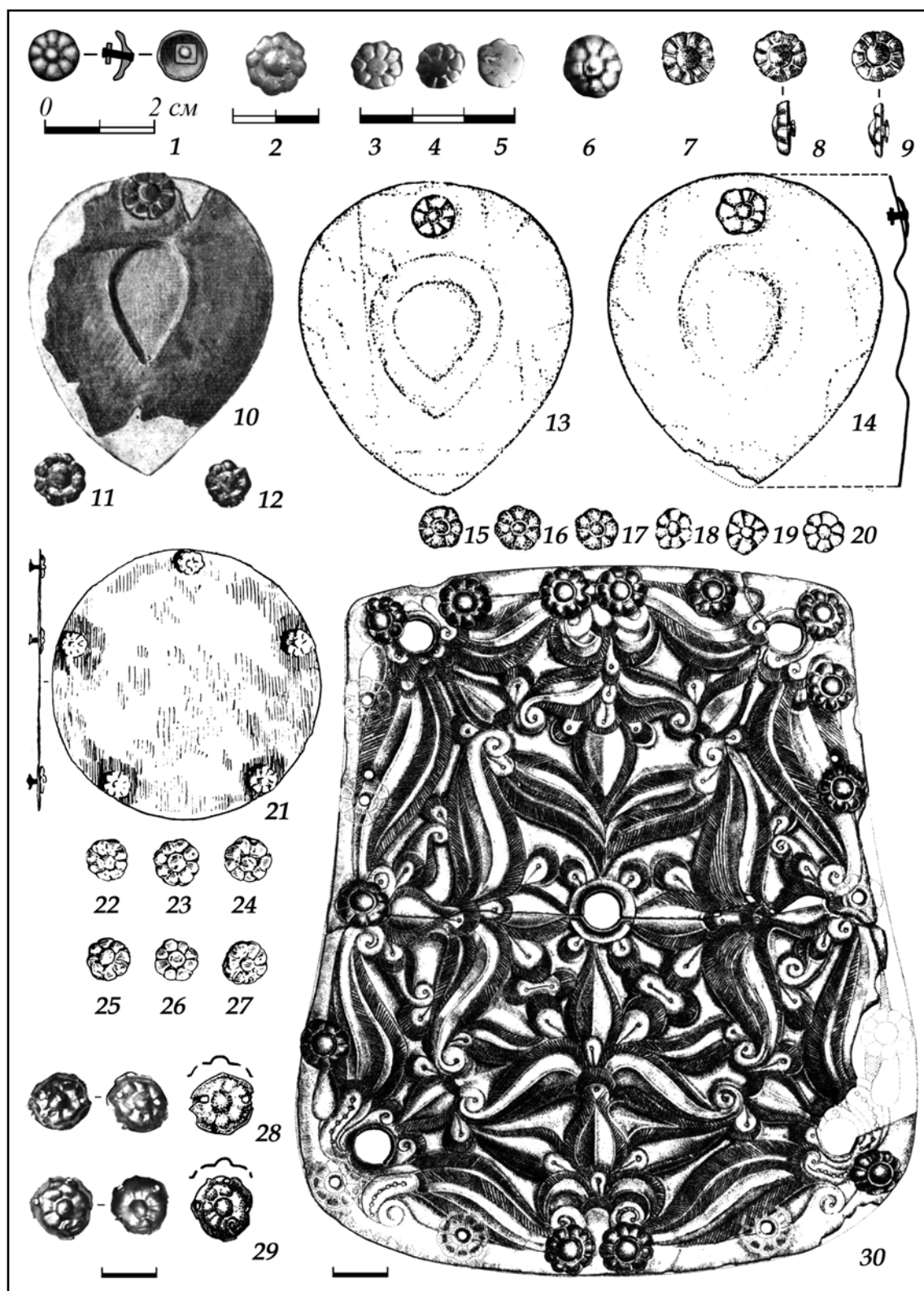


Рис. 3. Бляшки-розетки из ранневенгерских памятников: 1 — Владычень-I; 2 — Уелги (по Боталов 2018: рис. 1); 3—5 — Рованцы (по Златогорский, Верба 2014: рис. 1); 6 — Деречке-Надьмезё-дюлё (по Harangi et al. 2019: kép. 3: 5); 7—9 — Чорна (по Bella 1895: táb. I: 10—12); 10—12 — Тисаэслар (по Csallány 1970: Abb. 11, Taf. XXVII: 3, 4); 13—20 — Карош-Эперьешсёр II (по Révész 1994: Abb. 3: 15—17; 20: 52—54; 21: 8, 11); 21—27 — Эперьешке (по Kiss 1920—22: kép. 10; 11); 28, 29 — Сегед-Ётхалом (по Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015: kép. 114: 2, 2a, 3, 3a); 30 — лицевая пластинка ташки с крепежными розетками из Туркеве-Эчегпушта, Бокрош-халом (по Szabó 1980: Abb. 5).

Fig. 3. Plaques — rosettes from early Hungarian sites: 1 — Vladycheni-I; 2 — Uyelgi (after Botalov 2018: fig. 1); 3—5 — Rovantsy (after Zlatogorskiy, Verba 2014: Fig. 1); 6 — Derecske-Nagymező-dűlő (after Harangi et al. 2019:

kép. 3: 5); 7—9 — Csorna (after Bella 1895: táb. I: 10—12); 10—12 — Tiszaeszlár (after Csallány 1970: Abb. 11, Taf. XXVII: 3, 4); 13—20 — Karos-Eperjesszög II (after Révész 1994: Abb. 3: 15—17; 20: 52—54; 21: 8, 11); 21—27 — Eperjeske (after Kiss 1920—22: kép.; 11); 28, 29 — Szeged-Öthalom (after Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015: kép. 114: 2, 2a, 3, 3a); 30 — sabretache plate with mounted rosettes from Túrkeve-Ecsegpusztá, Bokros-halom (after Szabó 1980: Abb. 5).

Погребение 2 (впускное) обнаружено в 6 м к ЮЗ от R_0 . Контуры могильной ямы были зафиксированы на глубине 0,45 м от современной дневной поверхности. Яма прямоугольной формы со скруглёнными углами длиной 2 м, шириной от 0,4 м (ЮЗ) до 0,35 м (СВ) и глубиной 0,35 м от уровня фиксации контуров. Ориентирована по линии ЗЮЗ — ВСВ (рис. 2: 2, 3).

Погребение полностью ограблено. В заполнении, состоявшем из чернозёма, обнаружены разрозненные кости человека, а также бронзовая накладка (1).

Описание находки.

1. Бронзовая литая накладка-розетка с сохранившимся по центру оборотной стороны креплением — штифтом. Накладка округлой формы в виде полусферы, поверхность окислена. Лицевая сторона оформлена в виде восьмилепестковой розетки с округлым конусовидным выступом по центру. С оборотной стороны расположен крепежный штифт с сохранившейся на окончании прижимной шайбой подпрямоугольной формы. Диаметр накладки 9,7 мм, высота — до 3,5 мм. Общая толщина пластины до 0,8 мм, в местах «лепестков» розетки — до 1 мм, по центру — 1,5 мм. Длина штифта 6 мм, диаметр — около 1,5 мм, на торце — до 2 мм. Размеры прижимной шайбы 4,5×4,5 мм, толщина — 0,8 мм (рис. 2: 4; 3: 1).

Несмотря на то обстоятельство, что это единственная находка из комплекса, накладка-розетка достойна внимательного рассмотрения. Ареал распространения идентичных и близких по морфологии изделий позволяет сделать однозначный вывод. Такие предметы характерны для наборов металлической гарнитуры IX—X вв. и имеют устойчивую связь с древностями ранних мадьяр. Ниже мы укажем аналогии нашей находки и те культурные контексты, где они были обнаружены.

Семилепестковую розетку-накладку (с двумя зажимными штифтами) в древностях рубежа VII/VIII—XI вв. Верхнего Посурья П. И. Сафронов относит к пермско-финскому (прикамскому) культурному компоненту (Сафронов 2012: 292, 302, рис. 3: 3). Восьмилепестковая серебряная розетка, идентичная нашей находке, связана с набором ременной гарнитуры могильника Уелги в Южном Приуралье. Диаметр изделия немного более 1 см

(рис. 3: 2). С. Г. Боталов это изделие отнес к 1-й (урало-казахстанской) стилистической группе вещей, датируемых IX—XI вв. (Боталов 2018: 13, 20, рис. 1: 1). Подобные изделия известны и в Волго-Камском регионе. В частности, девятилепестковая розетка-накладка происходит из материалов X—XI вв. I Семеновского селища (Казаков 2000: 92, рис. 3: 17). Кроме того, восьмилепестковая бляшка-розетка диаметром около 1,5 см происходит из Новгорода, датировка вещи неизвестна (Седова 1981: 154, 155, рис. 60: 8).

Следующий ареал фиксации таких однотипных вещей связан с территориями современных Украины и Венгрии. 21 восьмилепестковая розетка диаметром 8—9 мм была обнаружена в ранневенгерском погребении 5 рубежа IX/X вв. в с. Рованцы (Златогорский, Верба 2015: 29, 30) на Волини (рис. 3: 3—5). В нём также были найдены три шестилепестковые розетки диаметром до 1,7 см, идентичные крепежным розеткам лицевой серебряной пластины ташки из I-го могильника в Кароше (Dókus 1900: 47—48).

В материалах, представляющих древности венгров эпохи миграций, такие крепежные розетки известны с разным количеством лепестков — шесть, семь, восемь и девять. Они использовались для украшений и креплений в поясной и сбруйной ременных гарнитурах, наконечников и пластин ташек. Происходят из многих ранних венгерских погребений рубежа IX/X—XI вв.

Серебряные с позолотой семи-, восьми- и девятилепестковые розетки-накладки диаметром 7,5 мм зафиксированы в составе украшений обуви в погребении В могильника X в. Ракамаз-Стражадомб в медье Саболич-Сатмар-Берг (The Ancient Hungarians 1996: 110—111, 116, fig. 8). Такие розетки (накладки или крепежи) найдены в погребениях №49 и 52 из II-го могильника возле Кароша (Révész 1989: 27, 4. kép.; 1994: 311, 342—343, Abb. 3: 13—24; 20: 52—56, 59—63; 21: 6—11). Этот памятник датируется последним десятилетием IX — сер. X в. (Révész 1989: 51). Идентичные изделия также происходят из разрушенного погребения возле Чорна в медье Дьер-Мошон-Шопрон (рис. 3: 7—9) (Bella 1895: 253, 255, I. táb.: 10—12). Четыре восьмилепестковые розетки происходят из могильника в местности, называемой хребтом Доха-

ньос, возле Кёрёша (Supka 1909: 266—267, кёр. 11). Три девятилепестковые розетки-гвоздики были найдены в конце XIX в. при исследовании могильника Чорна-Шюйхедь. Здесь было исследовано 20 могил, среди инвентаря которых найдены восемь монет, младшая из которых относится ко времени Генриха I (919—936 гг.) (Szóke 1954: 130—131, кёр. 6: 7). Розетка-заклепка с восьмью неровными лепестками, абсолютно идентичная находке из Владычень, происходит из объекта №643, исследованного в районе Деречке-Надьмезё-дүлё (рис. 3: 6) (Harangi et al. 2019: 31, кёр. 3: 5). Также идентичные розетки диаметром 8,5 мм и 9 мм происходят из погребения №1 в Тисаешларе. Одна восьмилепестковая розетка использована как крепеж — соединение в декоре листовидной заколки-накосника из женского погребения №3 в Тисаешларе. Здесь с помощью такой розетки были скреплены две серебряные листовидные пластинки с подкладкой из льняной ткани (рис. 3: 10—12). Указанные комплексы из Тисаешлара датированы временем завоевания и освоения венграми новой родины (Csallány 1970: 263—264, 268, 270, 299, Abb. 11, Taf. XXVII: 3, 4). Подобная техника крепления сбруйных украшений конской уздечки зафиксирована в упомянутом погребении 52 II-го могильника Карош-Эперьешсёг (рис. 3: 13—20) (Révész 1994: 343, Abb. 21: 6—11). Кроме этого, укажем и на использование подобных шести-, семи- и девятилепестковых розеток как заклепок-крепежей для лицевых серебряных пластин накладок на ташки. В частности, такая находка происходит с берега р. Береттё в местности Эчегпуста-Бокрошхалом (Szabó 1980: 271, 276—278, Abb. 4—6). На пластине-накладке сохранилось тринадцать девятилепестковых розеток диаметром от 8,62 мм до 9,2 мм, крепивших богато орнаментированную металлическую пластинку к сумке (рис. 3: 30). Другая пластинка на ташку могильника I в Карош-Эперьешсёг крепилась с помощью двух розеток — верхней семилепестковой и нижней шестилепестковой. Датировка вещей из этого могильника определяется по находкам сасанидских монет концом IX—X в. (Dókus 1900: 44, 47—48). В данном случае эти накладки-розетки, кроме утилитарной функции, являлись еще дополнительным элементом декора. Восьмилепестковыми заклепками-розетками была скреплена круглая пластина (вероятно, поясная), найденная рядом с лицевой пластиной ташки в погребении №3 могильника в деревне Эперешке округа Саболяч, в одном километре от Тисы. Дополнительно здесь были найдены восьми- и семилепестковые розетки-

заклепки (рис. 3: 21—27) (Kiss 1920—22: 49—50, 10. кёр.; 11).

Рассматриваемая нами владыченская розетка и её аналогии относятся к изделиям, традиционно называемыми в научной литературе металлопластикой. Помимо таких вещей, отметим существование их имитаций, выполненных штамповкой на золотой фольге. 16 оттиснутых на золотой фольге поясных нашивных бляшек-розеток диаметром 1 см были найдены в погребении 187 могильника Сегед-Ётхалом (рис. 3: 28, 29). В этом же комплексе найдены монеты Беренгара I, чеканенные в 888—924 гг. Радиоуглеродный анализ костей человека и лошади из комплекса, проведенный лабораторией в Познани, дал калиброванные даты 808—975 гг. и 887—990 гг. соответственно (Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015: 32—34, 254—255, 113. кёр.; 114: 1—6а). В Северо-Западном Причерноморье четыре нашивные пластинки из золотой фольги с тисненными розетками были обнаружены в венгерском погребении 2 кургана 14 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1: 15). На основании археологического материала погребение было датировано 2-1 пол. IX — рубежом IX/X вв. Радиоуглеродная и калиброванные даты, полученные из лаборатории Дебрецена, позволили отнести время захоронения к третьей четверти IX в. (Квитницкий и др. 2019: 318, 321, 326—327, рис. 3: 46). Последнее обстоятельство наиболее ёмко указывает на культурный маркер этих розеток, который мы, вне всяких сомнений, связываем с древними венграми.

После того, как в IX—X вв. венгры обоживались в карпато-днестровских землях, близкие по морфологии накладки становятся известными среди изделий X в. болгарских производственных центров. В частности, подобные изделия найдены в болгарских мастерских X в. в Новоселе и Златаре (Бонев, Дончева 2011: 125, 290, таб. XLVIII: 533; Дончева 2017: 194, рис. 6).

Проведенный поиск аналогий находке из Владычень позволяет изложить следующие наблюдения. Бляшки-накладки и крепежные бляшки в виде розеток встречаются среди материалов IX—XI вв. Волго-Камья и Приуралья. Окончательно культурная принадлежность таких изделий ещё не определена. Их происхождение относят к разным культурным компонентам — к пермско-финскому/прикамскому (П.И. Сафронов), либо к урало-казахстанской стилистической группе (С.Г. Боталов). В отличие от отдельных и немногочисленных таких находок, извест-

ных в памятниках IX—XI вв. Волго-Камского региона и Приуралья, значительный массив практически аналогичных (а иногда идентичных) бляшек-розеток 2-й пол. IX—X вв. фиксируется на относительно небольшом пространстве, занимаемом территорией современной Венгрии, Восточного Прикарпатья (Рованцы) и Северо-Западного Причерноморья (Владычень на левобережье Нижнего Дуная и Глиное на левобережье Нижнего Днестра). Находки с этих территорий стилистически идентичны, выполнены в одной технике и представляют легко узнаваемый тип изделий. Интересной особенностью являются реплики литых розеток в оттисках на золотой фольге. При этом считаем важным обратить внимание на факт определенной морфологической близости бляшки-розетки из Уелги и отдельных бляшек-розеток из венгерских погребальных комплексов, например, из Рованцев. Нельзя не отметить и появление аналогичных бляшек-розеток (и их различных вариаций) среди продукции болгарских ремесленных центров X в., что совпадает со временем закрепления в Карпато-Балканском регионе ранних мадьяр.

Полностью уничтоженное грабителями погребение возле Владычень лишает нас возможности определить его культурную принадлежность уверенно. Однако следует отметить, что в настоящее время на левобережье Нижнего Дуная, в частности, на правобережье оз. Ялпуг, где располагался могильник Владычень-I (рис. 1: 24), известен ряд погребальных комплексов, венгерская принадлежность которых вне сомнений. Так, в 6,77 км к ССЗ от нашего памятника был изучен могильник Мреснота Могила (рис. 1: 23), одно из погребений которого (№10 кургана 1) является венгерским (Гудкова и др. 1985: 69—70, рис. 40). В 17,8 км к ЮЮЗ от могильника Владычень-I находился могильник Плавни-II (рис. 1: 26), венгерское погребение которого

(№2 кургана 1) недавно опубликовано (Фокеев и др. 2019). В 6,12 км к ЮЮЗ от последнего был исследован могильник Плавни (рис. 1: 27), где также было выявлено венгерское захоронение (№13 кургана 13), введенное в научный оборот 35 лет назад (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 47, рис. 18: 14). Наконец, в 17,54 км к ЮЗ от могильника Владычень-I, на правобережье оз. Кагул, было исследовано венгерское захоронение (№2 кургана 8) у ст. Фрикацей (рис. 1: 25) (Добролюбский 1986: 101, табл. VIII: 1—9). В этой связи мы не исключаем венгерскую принадлежность погребения 12/2 могильника Владычень-I. В пользу такой атрибуции свидетельствуют многочисленные бляшки, аналогичные изделию из Владычень, в материалах ранневенгерских памятников.

Однако, если культурная принадлежность данного погребального комплекса не может быть определена однозначно, то найденная в нём бляшка-накладка, несомненно, относится к венгерской художественной металлопластике. Это обстоятельство позволяет считать подобные находки (а также их реплики на фольге) достоверными маркерами пребывания ранних мадьяр в Северо-Западном Причерноморье.

Благодарности. Выражаем искреннюю признательность канд. ист. наук. М.М. Фокееву (Одесса, Украина) за возможность опубликовать материалы из погребения 2 кургана 12 могильника Владычень-I; директору музея О.М. Тирон и главному хранителю фондов Г.П. Сюпюр Измаильского историко-краеведческого музея Придунавья (Измаил, Украина), где хранится коллекция из курганов могильника Владычень-I, — за возможность изучения находки из публикуемого захоронения; канд. ист. наук С.Н. Разумову (Тирасполь) — за чертежи плана кургана, плана и разреза погребения.

Литература

- Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1985. Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная. ИНИОН АН СССР, №21110.
- Бонев С., Дончева С. 2011. *Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Навосел, Шуменско*. Велико Търново: Фабер.
- Боталов С.Г. 2018. Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги. В: Ситдииков А.Г. (гл. ред.). *Археология евразийских степей* 6. Материалы IV Международного мадьярского симпозиума. Казань: ИА АН РТ, 13—34.
- Гудкова и др. 1980: Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. 1980. *Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 г.* Научный архив ИА НАНУ. №1979/5.
- Добролюбский А.О. 1986. *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья*. Киев: Наукова думка.
- Дончева С. 2017. Ювелирные производственные комплексы X века вблизи Преслава. *Технология производства. Stratum plus* (5), 189—204.
- Златогорский О.Е., Верба Т.В. 2015. Дослідження у селі Рованці на Волині. *АДУ 2014*, 29—30.
- Казаков Е.П. 2000. Измери — главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X—XI вв.). В: Кирпичников А.Н. (гл. ред.). *Славяне, финно-угры,*

- скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. Санкт-Петербург: Вести, 87—99.
- Квитницкий и др. 2019: Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Сеника В. С. 2019. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (5), 317—331.
- Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X вв. *Revista arheologică* III (1—2), 195—230.
- Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. В: Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—XII вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Древности Севера, 259—275.
- Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2018. Древности венгерского круга IX—X вв. Пруто-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения). В: Тюрк А., Зеленков А. С. (отв. ред.). *III Международный мадьярский симпозиум*. Будапешт: Martin Opitz Kiadó, 429—464.
- Сафронов П. И. 2012. К вопросу об этнических компонентах материальной культуры поселений Верхнего Посурья VIII — нач. XI вв. В: Руденко К. А. (науч. ред.). *Исследования по средневековой археологии Евразии*. Казань: Школа, 291—307.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Сеника В. С., Тельнов Н. П., Квитницкий М. В. 2019. Венгерские памятники IX — первой половины X в. в Северо-Западном Причерноморье. В: Судár B., Türk A. (szerkesztők). *“Hadak útján” A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája*. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, 7—10.
- Фокеев и др. 2019: Фокеев М. М., Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Сеника В. С. 2019. Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров. *Stratum plus* (5), 333—342.
- Bella L. 1895. Újabb csomai leletekről. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XV, 253—256.
- Csallány D. 1970. Weiblicher Haarflechtschmuck und Stiefelbeschläge aus der Ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* XXII, nos. 1—4, 261—299.
- Dókus G. 1900. Árpád-kori sírleletek Zemplén vármegyében. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XX, 39—61.
- Harangi et al. 2019: Harangi F., Nagy E. K., Berta N., Türk A. 2019. Honfoglalás kori temető Derecske határából. In: Sudár B., Türk A. (szerk.). *“Hadak útján” A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája*. Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 15, 30—33.
- Kiss L. 1920—22. Eperjeskei honfoglaláskori temető. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXXIX, 42—55.
- Reabțeva S., Vlasenco I. 2018. Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextual vestigiilor din secolele IX—X din regiunea carpato-nisteană. *Revista arheologica*. Serie nouă XIV (2), 108—115.
- Révész L. 1989. Előzetes jelentés a karosi honfoglalás kori temető ásásáról (1986—1987). *Archaeologiai Értesítő* 116, 22—51.
- Révész L. 1994. Mit Beschlagen geschmückte Pferdegeschirre aus den landnahmezeitlichen Frauen und Männergräbern. *Acta Archaeologica Hungaricae* XLVI (1—4), 307—361.
- Supka G. 1909. Honfoglalás kori leletről Mezőtúron. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXIX, 263—267.
- Szabó J. G. 1980. Das silberne Taschenbuch von Türkeve-Ecsepuszta. *Acta Archaeologica Hungaricae* XXXII (1—4), 271—293.
- Szőke B. 1954. Adatok a Kisalföld IX. és X. századi történetéhez. *Archaeologiai Értesítő* 81, 119—136.
- The Ancient Hungarians 1996: Fodor I. (ed.). 1996. *The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum.
- Türk A., Lőrinczy G., Marcsik A. 2015. Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez. Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 4..

References

- Andruk, S. I., Dobroliubskii, A. O., Toshchev, G. N. 1985. *Kurgany u sela Plavni v nizov'akh Dunaia (Barrows near the Plavni Village in the Lower Danube Region)*. Monograph submitted to the Russian Academy's Institute for Scientific Information on Social Sciences, 13.06.1985, no. 21110 (in Russian).
- Bonev, S., Doncheva, S. 2011. *Starobălgarski proizvodstven tsentăr za khudozhestven metal pri s. Novosel, Shumensko (Ancient Bulgarian Manufacturing Center of Metal Art near the Novosel Village, Shumen District)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ. (in Bulgarian).
- Botalov, S. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 13—34 (in Russian).
- Gudkova, A. V., Dobroliubskii, A. O., Toshchev, G. N., Fokeev, M. M. 1980. *Otchet o rabote Izmail'skoi novostrochnoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1979 g. (Report on the Fieldwork of the Izmail Rescue Expedition, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, in 1979)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1979/5 (in Russian).
- Dobroliubskii, A. O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomora v epokhu srednevekov'ia (North-Western Pontic Nomads in the Middle Ages)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Doncheva, S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 189—204 (in Russian).
- Zlatohors'kyj, O. Ye., Verba, T. V. 2015. In Boltryk, Yu. V. (ed.-in-chief). *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini (Archaeological Investigations in Ukraine)* 2014. Kiev: “Starodavniy Svit” Publ., 29—30 (in Ukrainian).
- Kazakov, E. P. 2000. In Kirpichnikov, A. N. (ed.-in-chief). *Slaviane, finno-ugry, skandinav, volzhskie bulgary (The Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars)*. Saint Petersburg: “Vesti” Publ., 87—99 (in Russian).
- Kvitnitskii, M. V., Tel'nov, N. P., Lysenko, S. D., Razumov, S. N., Sinika, V. S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 317—331 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S., Rabinovich, R. A. 2007. In *Revista arheologică* III (1—2), 195—230 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S., Rabinovich, R. A. 2014. In Makarov, N. A., Leontyev, A. E. (eds.). *Rus' v IX—XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura (Rus' in 9th—12th Centuries: Society, State, Culture)*. Moscow; Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 259—275 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S., Rabinovich, R. A. 2018. In Türk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodnyi mad'arskii simpozium (3rd International Magyar Symposium)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 429—464 (in Russian).
- Safronov, P. I. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: “Shkola” Publ., 291—307 (in Russian).

- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sinika, V.S., Tel'nov, N.P., Kvitnitskii, M.V. 2019. In Sudár, B., Türk, A. (szerkesztők). "Hadak útján" A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. November 15—16. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, 7—10 (in Russian).
- Fokeev, M.M., Kvitnitskii, M.V., Tel'nov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 333—342 (in Russian).
- Bella, L. 1895. Újabb csomai leletekről. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XV, 253—256.
- Csallány, D. 1970. Weiblicher Haarflechtschmuck und Stiefelschläge aus der Ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungarica* XXII, nos. 1—4, 261—299.
- Dókus, G. 1900. Árpád-kori sírleletek Zemplén vármegyében. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XX, 39—61.
- Harangi, F., Nagy, E.K., Berta, N., Türk, A. 2019. Honfoglalás kori temető Derecske határából. In Sudár, B., Türk, A. (szerk.) "Hadak útján" A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIX. Konferenciája. Budapest, 2019. November 15—16. Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 15, 30—33.
- Kiss, L. 1920—22. Eperjeskei honfoglaláskori temető. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXXIX, 42—55.
- Reabŭeva, S., Vlasenco, I. 2018. Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextual vestigiilor din secolele IX—X din regiunea carpato-nisteană. *Revista arheologica. Serie nouă* XIV (2), 108—115.
- Révész, L. 1989. Előzetes jelentés a karosi honfoglalás kori temető ásatásáról (1986—1987). *Archaeologiai Értesítő* 116, 22—51.
- Révész, L. 1994. Mit Beschlagen geschmückte Pferdegeschirre aus den landnahmezeitlichen Frauen und Männergräbern. *Acta Archaeologica Hungarica* XLVI (1—4), 307—361.
- Supka, G. 1909. Honfoglalás kori leletről Mezőtúron. *Archaeologiai Értesítő* (ÚF) XXIX, 263—267.
- Szabó, J.G. 1980. Das silberne Taschenbuch von Túrkeve-Ecsegpuszta. *Acta Archaeologica Hungarica* XXXII (1—4), 271—293.
- Szőke, B. 1954. Adatok a Kisalföld IX. és X. századi történetéhez. *Archaeologiai Értesítő* 81, 119—136.
- The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue*. 1996. Budapest: Hungarian National Museum.
- Türk, A., Lőrinczy, G., Marcsik, A. 2015. Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez. Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 4.

Статья поступила в сборник 9 апреля 2020 г.

Maksym Kvitnitskyi (Tiraspol, Moldova). Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko¹.

Квитницкий Максим Валерьевич (Тирасполь, Молдова). Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

E-mail: kvitnitskiy@i.ua

Nikolaj Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova².

Тельнов Николай Петрович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko³.

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

E-mail: sinica80@mail.ru

Sergey Lysenko (Kyiv, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine⁴.

Лысенко Сергей Дмитриевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: suraganga@yandex.ru

Attila Türk (Budapest, Hungary). PhD. Pázmány Péter Catholic University, Institute of Archaeology⁵.

Тюрк Аттила (Будапешт, Венгрия). PhD. Институт археологии Католического университета Петра Пазмания.

E-mail: turk.attila@btk.mta.hu

Addresses: ^{1,3} 25 Oktiabria St., 128, Tiraspol, MD-3300, Moldova; ² Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova;

⁴ Geroev Stalingrada Ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine; ⁵ Egyetem St., 1, Piliscsaba, 2087, Pest County, Hungary

Исследования и публикации

Research and publications

С. Н. Травкин

Некоторые особенности использования монет в ювелирном искусстве в средние века

Keywords: Eastern Europe, Dniester-Prut region, Middle Ages, coin, numismatics, money, religion, hoard, trade, jewelry

Ключевые слова: Восточная Европа, Днестровско-Прутский регион, средние века, клад, монета, нумизматика, деньги, религия, торговля, ювелирные изделия

S. N. Travkin

Some Features of the Use of Coins in Jewelry in the Middle Ages

The article examines the use of coins in jewelry. The research focuses on two hoards from Bessarabia and analyzes their composition and chronology. Both hoards include silver and billon coins. One of them consists of coins and jewelry. There is a chronological gap between the hoard coins. The time of formation and concealment date back to different periods. Coins from one hoard were probably used as raw materials for jewelry. The second one was used for making up treasures or for raw materials. Judging by the hoards, coins in Bessarabia quickly went out of circulation. This was probably due to the use of coins for making jewelry. The question of the use of Byzantine coins in Christian worship remains open.

С. Н. Травкин

Некоторые особенности использования монет в ювелирном искусстве в средние века

В статье рассматривается использование монет в ювелирном искусстве. Основой для написания работы послужили два клада из Молдовы. Анализируется состав и хронология этих кладов. Оба комплекса включают в себя серебряные и биллоновые монеты. Один из них состоит из монет и ювелирных украшений. Время формирования и сокрытия кладов относится к разным периодам. Между монетами кладов имеется хронологический пробел. Монеты из одного комплекса, вероятно, использовались в качестве сырья для ювелирных изделий. Второй клад служил для формирования сокровищ или также для сырья. Судя по этимкладам, в Днестровско-Прутском регионе в период XII—XIII вв. монеты быстро выходили из обращения. Вероятно, это было связано с использованием монет для изготовления ювелирных изделий. Остается открытым вопрос об использовании византийских монет в христианском культе населением данного региона в средние века.

Монетные находки традиционно изучает специальная историческая дисциплина — нумизматика (Потин 1993: 18—72). Однако нумизматические материалы часто выступают как элемент археологических комплексов (Шувалов 1999: 374—398). Это создает возможность для новых археологических и исторических реконструкций. Наиболее типичным «партнером» для монет в тезаврациях выступают ювелирные изделия.

Характер использования монет зависел от времени и места их пребывания. Проанализировав эту особенность средневековой реальности можно попытаться на основе некоторых кладов, обнаруженных в последние десятилетия между реками Днестр и Прут.

В начале нового тысячелетия значительно расширился фонд нумизматических источников, обнаруженных на территории Республики Молдова. Это позволяет сделать некоторые

наблюдения по заявленной теме. В центральной части Днестровско-Прутского региона были обнаружены два средневековых клада. Важную роль в изучении одного из этих комплексов сыграла С. С. Рябцева (Рябцева, Тельнов 2010).

Представляется интересным сопоставить монеты из этих кладов с общей ситуацией в регионе и возможностью использовать их в ювелирном искусстве. Особую значимость этим тезаврациям придает то, что они были обнаружены в непосредственной близости друг от друга, возле древнерусского городища Алчедар (ныне Шолданештский район Республики Молдова). Таким образом, традиционный вопрос о географических отличиях в составе кладов отпадает сам собой.

В 2001 г. в Алчедаре был обнаружен клад из 280 биллоновых монет Византийской империи. Из его состава авторами публикации

было определено 8 экземпляров, которые принадлежали чеканке трех императоров: Мануил I Комнин (1143—1180) — 1, Исаак II (1185—1195) — 4, Алексей III (1195—1203) — 3. Информации о пробитых денежных знаках отсутствует (Ciocanu, Nicolae 2003: 163—166).

Второй клад возле Алчедара был найден в 2008 г. и опубликован тремя авторами в 2010 г. Тезаврация включала в себя ювелирные изделия, весовую гирику и 5 монет: 3 милиарисия Иоанна Цимисхия (969—976), 1 дирхем, выпущенный в городе Рам Хурмуз в 349 году хиджры (960—961 гг. от Р. Хр.) и 1 подражание дирхему. Последний экземпляр был обрезан и весил только 1,32 грамма (Болдурияну 2010: 301—306; Рябцева, Тельнов 2010: 285—300).

Авторы публикаций высказали несколько интересных гипотез по поводу нумизматических и ювелирных материалов этих двух кладов, однако сохраняется возможность некоторых дополнительных комментариев относительно хронологии и возможного использования монет тезавраций.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что Алчедарский клад 2001 г. по своему составу очень похож на Измаильский комплекс, найденный в 1961 г. (Карышковский 1971: 81). Обе тезаврации содержат более двух сотен биллоновых византийских монет XII и начала XIII вв. Аналогичной была и их судьба после находки: большая часть монет разошлась по частным собраниям.

Учитывая похожий состав кладов из Измаила и Алчедара, можно предположить, что они оба имели один и тот же источник формирования. Вероятно, схожей была и та роль, которую играли монеты из этих двух тезавраций в обществе. Наличие большого количества биллоновых монет вызывает вопрос о вариантах их использования.

На юге Днестровско-Прутского региона известны коллективные находки византийских монет XII в., однако они в большинстве своем относятся к электровым номиналам (Карышковский 1971: 79, 86; Столярик 1992: 100—101).

Появление, по крайней мере, части византийских чеканок на этих землях, по мнению А. О. Добролюбского и Е. С. Столярик, можно связать с погребениями кочевников (Добролюбский, Столярик 1983: 71—74). К сожалению, необходимо отметить, что в упомянутой статье 1983 г. монеты из коллективной находки в Суворово отнесены к биллоновым номиналам (Добролюбский, Столярик 1983: 72). Однако в более поздней публика-

ции Е. С. Столярик назвала их электровыми аспрами (так в тексте статьи) (Столярик 1992: 100—101). Можно предположить, что более достоверная информация о комплексе из Суворово содержится в позднейшей по времени работе.

Хронология чеканки большинства монет из кладов Измаил (1961 г. находки) и Алчедар (2001 г.) охватывает XII столетие. Измаильский комплекс включает в себя монеты, выпущенные с 1081 по 1180 гг., а Алчедарский — с 1143 по 1203 гг. Все эти чеканки относятся к периоду правления династий Комнинов и Ангелов. Младшая монета из Измаила датирована правлением Мануила I (1143—1180), то есть временем непосредственно перед восстанием братьев Асеней и созданием Второго Болгарского царства в 1185 году. Самая младшая чеканка Алчедарского клада 2001 г. относится к следующему этапу истории региона, так как к этому времени Империя была отброшена от Дуная.

Судя по составу нумизматических и археологических комплексов на Днестре, верхней хронологической границей использования византийских монет XII и нач. XIII вв. является конец XIII столетия. В золотоордынских погребениях возле Тирасполя во время раскопок были обнаружены серебряные чеканки Византийской империи и золотой номинал императора Иоанна II Комнина (1118—1143) совместно с джучидскими монетами, в том числе хана Токты (1290—1312) (Гошкевич 1930: 104).

Главным отличием между тезаврациями Измаила (1961 г.) и Алчедара (2001 г.) была география обнаружения. Измаильский комплекс был найден на северном берегу Дуная, возле границы Империи ромеев. Алчедарский клад обнаружен на значительном расстоянии от Дуная, вдали от Византии, в зоне Кодр. Можно предположить, что география обнаружения двух этих кладов указывает вектор распространения византийских биллоновых монет XII и нач. XIII вв. в регионе от Дуная до Днестра.

Нумизматическая часть клада Алчедар 2008 г. значительно отличается от комплекса Алчедар 2001 г. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в составе клада 2008 г. представлены монеты двух цивилизаций: византийской и мусульманской. По времени своей чеканки все номиналы этого комплекса не выходят за пределы X в. Тезаврация, опубликованная в 2010 г., включает в себя не только монеты, но и ювелирные украшения с весовой гирикой (Болдурияну 2010; Рябцева, Тельнов 2010).

Важную роль в анализе комплексов, обнаруженных возле села Алчедар, играет их место в хронологической периодизации нумизматических материалов Восточной Европы.

Согласно периодизации Р.Р. Фасмера и Н.П. Бауера, а также В.Л. Янина, тезаврация Алчедар (2008) относилась к поздним этапам обращения куфических дирхемов. Судя по систематизации Вяч.С. Кулешова, тезаврация Алчедар (2008) датирована ступенью «F» в хронологии обращения мусульманских монет. Этот этап отнесен автором периодизации к 945/955—969/979 гг. Интересно, что последний этап («J») хождения куфических монет в Восточной Европе датирован 1015/1023—1070-ми гг. (Кулешов 2015: 73, 76).

В связи с этим необходимо признать, что между монетами двух столь близких по географии обнаружения кладов существует явный хронологический разрыв. По времени своей чеканки монеты из двух кладов, обнаруженных возле села Алчедар, не пересекаются. Чеканки из более раннего по времени сокрытия комплекса Алчедар-2008 явно не доживали в обращении до времени сокрытия тезаврации Алчедар-2001. Данная ситуация свидетельствовала о достаточно быстром выходе старых монет из обращения.

В.М. Потин в своем исследовании нумизматической хронологии и дендрохронологии Великого Новгорода пришел к выводу о том, что «при замедлении поступления иноземной монеты происходит как бы мобилизация внутренних монетных ресурсов, используются... сравнительно ранние монеты» (Потин 1981: 88). В двух рассматриваемых комплексах отсутствуют более ранние монеты, что свидетельствует о достаточно интенсивном притоке иностранных чеканок на рассматриваемую территорию. Одновременно возникает вопрос: куда уходили серебряные монеты из обращения и сокровищ?

Еще одной особенностью клада Алчедар-2008 является сочетание монет и ювелирных изделий. Подобные клады «смешанного состава» встречаются, хотя и относительно редко в регионе от Днестра до Дуная. В подавляющем большинстве случаев ранне-средневековые тезаврации монет не содержали ювелирных предметов (Нудельман 1985: 171—172).

В связи с этим возникает вопрос о той роли, которую могла играть в средневековом социуме монетная часть клада Алчедар-2008. Рассмотрим несколько вариантов использования монет.

Применение данной группы нумизматических материалов в качестве денежных знаков возможно, но вызывает определенные сомнения. Использование данных номиналов в повседневном обращении маловероятно в связи с редкостью находок денежных знаков в рассматриваемом регионе. Несколько серебряных монет имели слишком маленькую стоимость для образования сокровищ. Более вероятным представляется их использование в ювелирном производстве. Основанием для этого предположения может служить то, что большая доля весового серебра тезаврации Алчедар-2008 содержится именно в ювелирных украшениях.

Обращает на себя внимание, что все 5 монет из комплекса не имеют отверстий или приспособлений для подвешивания. Следовательно, на момент сокрытия клада они еще не использовались непосредственно в качестве украшений.

В некоторых случаях средневековые монеты на территории Восточной Европы применялись в качестве культовых предметов, выполняя роль религиозных символов.

Монеты достаточно часто использовались в погребальном обряде (Седых 2001: 106—108). В Южном Приладожье появление византийских чеканок, по мнению О.И. Богуславского, можно связать именно с распространением христианства (Богуславский 1990: 60—61).

В рассматриваемом комплексе по культурно-религиозному принципу можно выделить две группы монет. Одна включает в себя византийские милиарисии с ярко выраженными признаками христианской культуры. Вторая состоит из дирхема и подражания куфической монете, относящихся к миру ислама. Подобное сочетание ставит под сомнение возможность культового применения этих монет.

В связи со всем этим можно предположить, что монеты из клада Алчедар-2008 могли служить сырьем для последующего изготовления ювелирных изделий. Вероятным следствием подобной ситуации было присутствие в кладе обрезанной монеты.

Данное предположение вполне согласуется с гипотезой Р.А. Рабиновича о том, что «дирхемы на памятниках Екимавцы использовались только в качестве сырья для местного ювелирного производства» (Рабинович 1999: 274).

Дополнительным доказательством данного предположения может послужить обнаружение в комплексе бочкообразной весовой гирьки весом 31,2 грамма (Болдуряну 2010:

304). Сочетание подобного торгового инструмента и обрезанной монеты может служить еще одним свидетельством использования монет из рассматриваемого клада в качестве исходного сырья для производства ювелирных украшений.

По своему весу и оформлению гирька из комплекса Алчедар-2008 не была уникальной. Подобные гирьки достаточно широко распространены на территории Восточной Европы в раннем средневековье. По своему размеру они весьма разнообразны, в том числе среди них известны экземпляры весом от 31 до 39 граммов, то есть близкие предмету из Алчедара (Янин 2009: 197—199).

Особенно много похожих гирек обнаружено на магистральных торговых путях. Ярким примером этому могут служить мате-

риалы Гнёздова, где только в могильнике обнаружено 112 гирек разной формы. Дополнением к ним служат 56 экз. с поселений Гнёздова, 27 нестандартных гирек и два клада (1993 и 2000/2001 гг.), включавших в себя 14 и 9 рассматриваемых предметов (Жуковский 2018: 175—178).

На основании рассмотренных нумизматических материалов можно сделать вывод о том, что монеты из клада Алчедар-2008 выступали в качестве сырья для изготовления ювелирных изделий. Данная тезаврация может служить ярким примером того, как монеты служили «техническим» дополнением к ювелирной части клада. Судьба денежных знаков из комплекса Алчедар-2001 менее определена, но возможно, они служили для той же цели.

Литература

- Богуславский О. И. 1990. О находках византийских монет в южном Приладожье. *ИНЗИА* 3, 59—61.
- Болдуряну А. 2010. Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада. *Stratum plus* (5), 301—306.
- Гошкевич В. И. 1930. Погребения, датированные дручидскими монетами. *Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук* 4—5. Одеса: Видання Одеської комісії краєзнавства при УАН, 104—111.
- Жуковский М. О. 2018. Весы и гирьки Гнёздова. В: Каинов С. Ю. (отв. ред.). *Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования* 1. Труды ГИМ 210. Москва, 127—178.
- Карышковский П. О. 1971. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области. *МАСП* 7, 78—86.
- Кулешов Вяч. С. 2015. Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX — XI в.). В: *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936—20.10.2015)*. Материалы докладов и сообщений. Москва: ГИМ, 73—76.
- Нудельман А. А. 1985. *Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе с древнейших времен до образования Молдавского государства*. Кишинев: Штиинца.
- Потин В. М. 1981. Нумизматическая хронология и ден-
- дрохронология (по материалам новгородских раскопок). *ТГЭ* XXI. *Нумизматика* 5. Ленинград: Искусство, 78—89.
- Потин В. М. 1993. *Монеты, клады, коллекции*. Санкт-Петербург: Искусство.
- Рабинович Р. А. 1999. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. *Stratum plus* (6), 263—275.
- Рябцева С. С., Тельнов Н. П. 2010. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI вв. *Stratum plus* (5), 285—300.
- Седых В. Н. 2001. О функциях монет в погребениях Древней Руси. В: *Девятая Всероссийская нумизматическая конференция*. Великий Новгород, 16—21 апреля 2001 г. Тезисы докладов. Санкт-Петербург: ГЭ, 106—108.
- Шувалов П. В. 1999. Монеты между археологией и нумизматикой. *Археологические вести* 6, 374—400.
- Янин В. Л. 2009. *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*. Москва: Языки славянских культур.
- Ciocanu M., Nicolae E. 2003. Un tezaur de monede Bizantine descoperit la Alcedar, jud. Orhei. In: *Simpozion de Numismatica: dedicat implinirii a 125 de ani de la proclamarea independenței României*. Chișinău, 163—166.

References

- Boguslavsky, O. I. 1990. In *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istoriia i arheologija (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 3, 59—61 (in Russian).
- Boldureanu, A. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 301—306 (in Russian).
- Goshkevich, V. I. 1930. In *Visnyk Odes'koi Komisii krayeznavstva pry Ukrain'skij Akademii nauk (Bulletin of Odessa Committee of Regional Studies of Ukrainian Academy of Sciences)* 4—5. Odessa: Odessa Committee of Regional Studies of Ukrainian Academy of Sciences, 104—111 (in Russian).
- Zhukovskii, M. O. 2018. In *Gnezdovskii arheologicheskii kompleks. Materialy i issledovaniia (Gnyozdovo Archaeological Complex: Proceedings and Studies)* 1. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 210, 127—178 (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 1971. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 7, 78—86 (in Russian).
- Kuleshov, Vyach. S. 2015. In *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeia 2015 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2015)*. Moscow: State Historical Museum, 73—76 (in Russian).
- Nudelman, A. A. 1985. *Ocherki istorii monetnogo obrashcheniia v Dnestrovsko-Prutskom regione (Sketches on History of*

- Monetary Circulation in Dniester-Prut Region (from the earliest time to the Moldovan feudal state)).* Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Potin, V.M. 1981. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* XXI. Numizmatika (Numismatics) 5. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 78—89 (in Russian).
- Potin, V.M. 1990. *Monety. Klady. Kollektzii (Coins, Hoards, Collections).* Saint Petersburg: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Rabinovich, R.A. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 263—275 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Tel'nov, N.P. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 285—300 (in Russian).
- Sedykh, V.N. 2001. In *Deviataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (9th All-Russian Numismatic Conference).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 106—108 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 1999. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (6), 374—400 (in Russian).
- Yanin, V.L. 2009. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoi Rusi i ocherki istorii denezhnoi sistemy srednevekovogo Novgoroda (Monetary and Weight Systems of pre-Mongol Rus' and Essays on History of Medieval Novgorod's Monetary System).* Moscow: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ. (in Russian).
- Ciocanu, M., Nicolae, E. 2003. Un tezaur de monede Bizantine descoperit la Alcedar, jud. Orhei. *Simpozion de Numismatica: dedicat implinirii a 125 de ani de la proclamarea independenței României.* Chișinău, 24—26 septembrie 2002. Chișinău, 163—166.

Статья поступила в сборник 25 февраля 2020 г.

Sergey Travkin (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Leningrad State University named after A. S. Pushkin¹.

Травкин Сергей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

E-mail: trawkin09@yandex.ru

Address: ¹ Petersburg Shosse, 10, Saint Petersburg (Pushkin), 196605, Russian Federation

Е. Р. Михайлова

Древнерусские курганы могильника Которск IX

Keywords: Old Rus, 11th—12th centuries, funerary rite, funerary costume, barrows, inhumations

Ключевые слова: Древняя Русь, XI—XII вв., погребальный обряд, погребальный убор, курганы, ингумации

E. R. Mikhaylova

Barrows with Inhumations from the Medieval Cemetery Kotorsk IX

The article discusses the research results of a group of several barrows with inhumations of the 11th — beg. 12th centuries (Kotorsk IX), which is part of the archaeological complex near Kotorsk village in the north of the Pskov region. The barrows were built on the edge of the burial ground with scattered cremations of the 10th—11th centuries, probably the barrows were successively associated with it. Small objects found in burials are typical of medieval Russian inhumations of the 11th — beg. 12th centuries, some ceramic forms have their own features. A number of features in the internal structure of the studied barrows correlate with the funerary rituals of the Long Barrows Culture and, probably, provide new information about the specific participation of this culture's bearers in the formation of medieval Russian culture in the Northwest.

Е. Р. Михайлова

Древнерусские курганы могильника Которск IX

Статья посвящена результатам исследований группы из нескольких курганов с ингумациями XI — нач. XII в. в составе Которского комплекса памятников на севере Псковской области (Которск IX). Курганы были сооружены на краю могильника с рассыпными кремациями X—XI вв. и, вероятно, преемственно связаны с ним. Предметы, найденные в погребениях, типичны для древнерусских ингумаций XI — нач. XII в., некоторые керамические формы имеют свои особенности. Ряд черт во внутренней структуре изученных курганов соотносится с погребальной обрядностью культуры длинных курганов и, вероятно, дает новые сведения о конкретном участии носителей этой культуры в сложении древнерусской культуры на Северо-Западе.

Комплекс средневековых памятников у деревни Которск на севере современной Псковской области активно изучается с 1980-х гг. (подробнее см.: Кузьмин 1991; Mikhaylova 2014; Михайлова, Соболев 2019). Многочисленность и разнотипность известных здесь погребальных памятников, а также редкая для локальных центров Новгородской земли сохранность культурного слоя поселения делают Которский комплекс одним из ключевых при изучении культурно-исторических процессов на Северо-Западе Восточной Европы. Эта статья посвящена материалам одного из трех древнерусских курганных кладбищ с погребениями по обряду ингумации, входящих в состав комплекса.

Древностям Руси XI—XIII вв. в современной археологической литературе не очень везет. Этот период кажется изученным и понятным, находки — многочисленными и стандартными. Нельзя сказать, что работ, посвященных археологии Древней Руси, мало — наоборот. Можно перечислить мно-

жество книг и статей о конкретных древнерусских памятниках, категориях находок или реконструкции определенных сторон жизни, и почетное место среди них занимают труды С. С. Рябцевой, посвященные ювелирному убору (2005; 2011; 2014; 2015; 2017 и мн. др.). Однако публикаций полностью раскопанных памятников, будь то могильники или поселения, в последние годы немного.

В настоящей статье публикуются материалы полностью раскопанной древнерусской курганной группы Которск IX, состоявшей всего из нескольких курганов, но давшей важные данные как по древнерусскому погребальному убору, так и по развитию погребальной обрядности. Курганы были исследованы автором в 1991—1992 гг. в составе отряда С. Л. Кузьмина¹, и результаты работ были включены в общий отчет начальника от-

¹ Плюсский отряд Ленинградской областной экспедиции под руководством Е. А. Рябинына.

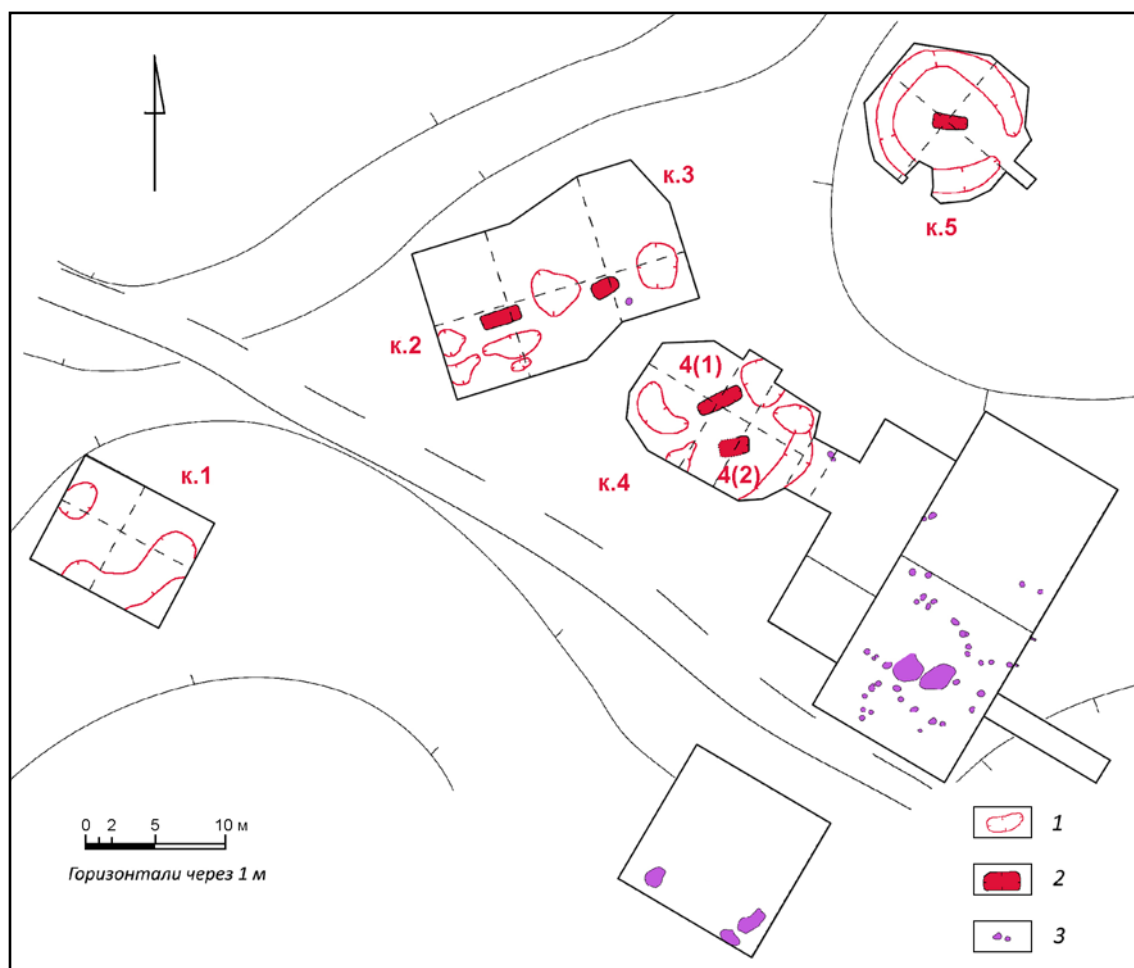


Рис. 1. Схема раскопов 1991, 1992, 1995 гг. на могильнике Которск IX. Условные обозначения: 1 — материковые ямы, связанные с курганами; 2 — могилы с ингумациями; 3 — материковые ямы, связанные с могильником с сожжениями.

Fig. 1. Excavation scheme 1991, 1992, 1995 on the burial ground Kotor'sk IX (1 — bed rock pits associated with barrows; 2 — graves with inhumations; 3 — bed rock pits associated with a cremation burials).

ряда. Первые результаты этих работ публиковались ранее (Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000), однако продолжающееся изучение Которского комплекса памятников внесло определенные коррективы в прежние суждения, а накопленные за эти годы сравнительные материалы позволяют уточнить ряд датировок, а также рассматривать могильник в более широком контексте.

Могильник Которск IX был расположен в 0,5 км к юго-востоку от поселения Которский погост, в сосновом лесу, на коренном левом берегу речки Городоньки, на северной оконечности низкой озовой гряды, окруженной заболоченными участками, преимущественно к северу от проходящей по территории могильника лесной дороги. Первоначально здесь было выявлено пять низких расплывчатых насыпей, расположенных по западному склону гряды. Форма курганов и их расположение заставили предва-

рительно истолковать памятник как могильник культуры псковских длинных курганов (см., например: Кузьмин 1991: 153—154). Однако позднее в составе могильника, восточнее и южнее курганов, были выявлены бескурганные рассыпные кремации (о них см.: Михайлова 2014а), а в раскопанных курганах найдены ингумации XI — нач. XII в. (рис. 1; 10).

В ходе раскопок были прослежены также следы позднейшей интенсивной распахки территории, на которой расположен некрополь. Распаханы оказались как насыпи курганов (на глубину до 20 см), так и бескурганный могильник, слой которого оказался сильно перемешан и частично перемещен в насыпи курганов. Определить время распахки затруднительно, можно только утверждать, что ныне растущий на ее месте сосновый бор сравнительно молод — несколько десятков лет. Вероятно, ко времени распахки насыпи

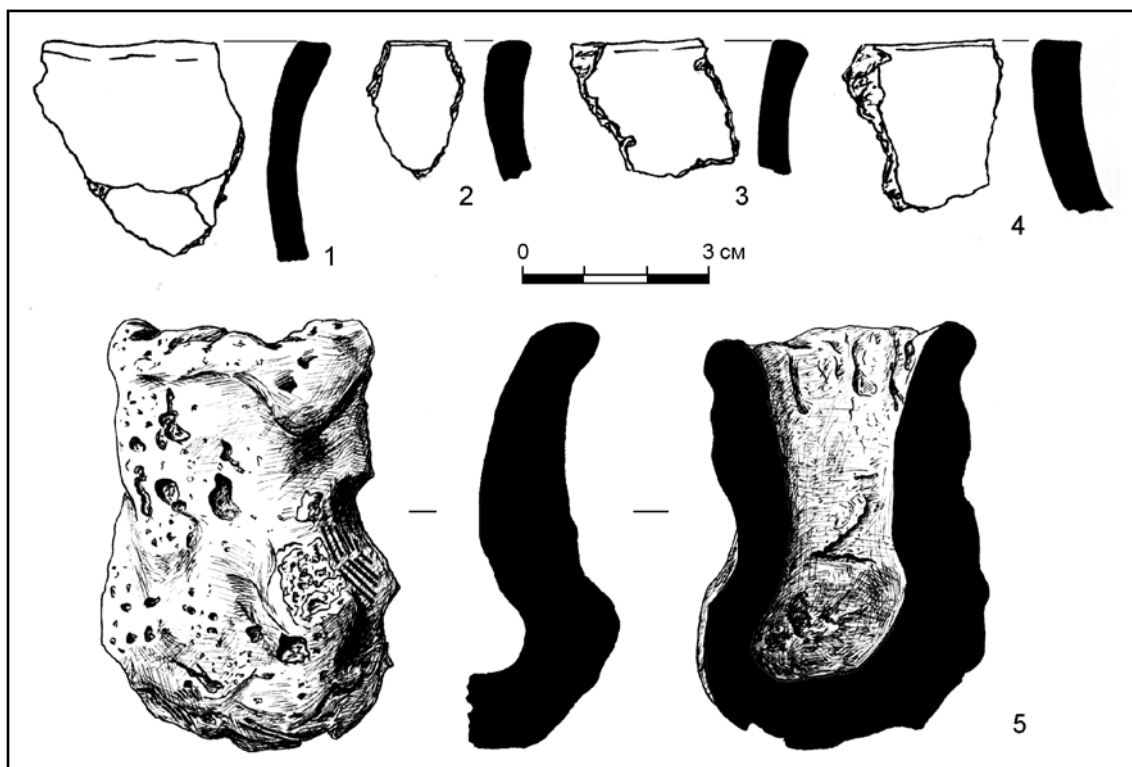


Рис. 2. Находки из насыпи кургана №1. 1—5 — керамика (рисунки автора).

Fig. 2. Finds from barrow no. 1. 1—5 — ceramics (drawings by the author).

уже были низкими и расплывшимися, иначе пахари обошли бы их.

Курган №1 до раскопок представлял собой округлую в плане оплывшую насыпь диаметром 6,5—7 м и высотой ок. 30 см. В основании кургана расчищено округлое в плане пятно погребенной почвы диаметром ок. 5 м. С юго-запада, юга и юго-востока оно было ограничено полукольцевым рвом, с северо-запада — овальной в плане ямой. В заполнении рва отчетливо прослеживались два уровня слоев чистого песка от оползшей в ров насыпи, что позволило реконструировать последовательность возведения и функционирования кургана.

Первоначальная насыпь кургана была снивелирована и частично сброшена в ров, о чем свидетельствуют линзы чистого песка в его заполнении, мощностью ок. 20 см, в которых лежали отдельные разрозненные булыжники. После снивелировки курган был досыпан в высоту, причем позднейшая насыпь со временем также оползла в ров. Следов погребения в кургане №1 не обнаружено, однако в южной поле насыпи было найдено несколько черепков лепной керамики, аналогичной керамике могильника с кремациями, и два фрагмента тигля со следами окислов меди внутри (рис. 2). Тигель можно отнести к варианту А по типологии В.М. Горюновой — «округлодонный,

цилиндрический, довольно вытянутых пропорций стакан с округлым в плане устьем» (1994: 61). Тигли этого варианта имели широчайшее распространение в Восточной и Северной Европе.

Курган №2 до раскопок представлял собой расплывшуюся насыпь высотой до 0,6 м и размерами 6×6 м. На почти квадратной в плане подкурганной площадке, образованной подрезкой склонов моренной гряды и материковыми ямами, была вырыта могила прямоугольной формы, размерами ок. 2,4×1 м и глубиной ок. 1 м. Костяк полностью истлел, сохранились только фрагменты черепа в западном конце могилы. По-видимому, в районе плеча погребенного лежал железный черешковый наконечник дротика, в области пояса — железные ключ и нож, а также бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами и орнаментированной дугой. Рядом с фибулой, на уровне кисти опущенной руки — фрагмент гладкого серебряного вогнутого пластинчатого перстня. В северо-восточной части могилы, на дне, была найдена серебряная подвеска с бронзовым пластинчатым ушком — имитация дирхема. Все железные предметы сильно корродированы и почти утратили форму (рис. 3). Очевидно, справа от колен погребенного был поставлен круговой горшок с линейным орнаментом (рис. 4: 1). Отметим, что

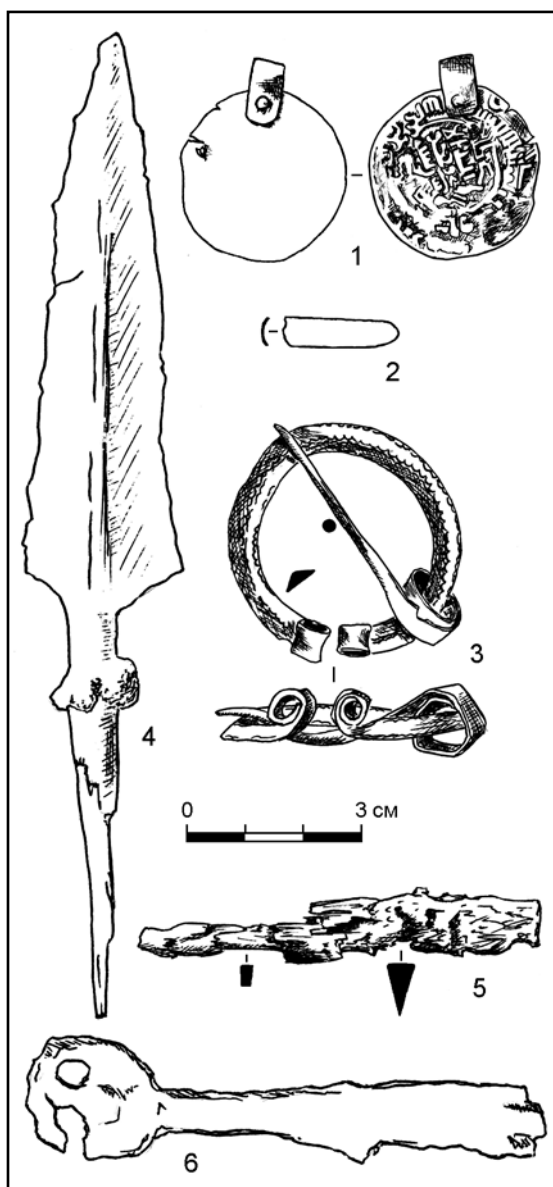


Рис. 3. Находки из погребения под курганом 2. 1 — серебро, бронза; 2 — серебро; 3 — бронза; 4, 6 — железо; 5 — железо, следы деревянной рукоятки (рисунки автора).

Fig. 3. Finds from the burial under barrow no. 2. 1 — silver, bronze; 2 — silver; 3 — bronze; 4, 6 — iron; 5 — iron, rest of a wooden handle (drawings by the author).

дно горшка располагалось на 5—6 см выше дна могилы.

После совершения погребения могила была перекрыта деревянными плахами или жердями. При этом сначала поперек могилы были уложены три перекладины, а на них сверху было уложено дерновое (?) перекрытие: его следы отчетливо читались в бровке в виде волнообразной линии темного гумуса, просевшей между поперечными перекладинами. Над могилой была сооружена курганная насыпь. Слой погребенного дерна, просле-

женный на середине высоты насыпи и проседающий в заполнение могилы, заставляет предположить, что курган мог быть возведен в два этапа.

Монеты из раскопок курганной части могильника, к сожалению, остались не определены. Среди вещей, найденных в захоронении, наиболее выразителен черешковый наконечник дротика. Его форма близка форме копий типа VI по А. Н. Кирпичникову — с пером треугольно-вытянутой формы и черешком вместо втулки. Согласно наблюдениям исследователя, «в составе русского оружия черешковые копия случайны и после XI столетия, по-видимому, выходят из употребления» (1966: 17). Наличие черешковых дротиков и копий в ранних древнерусских комплексах все же не случайно. В частности, в памятниках Которского комплекса найдено несколько разнотипных черешковых наконечников копий и дротиков, в том числе с пером удлиненно-треугольной формы. Погребения, где встречаются черешковые дротики, надежно датируются серединой — 2-й пол. XI — нач. XII в. (Соболев 2010; см. также Михайлова 2019а). Можно назвать и другие примеры. В частности, аналогичный дротик был единственной находкой в поздней кремации, изученной в кургане №5 могильника Рапти-Наволоки III в бассейне Верхней Луки (раскопки автора).

Курган №3 до раскопок представлял собой низкую насыпь, в плане близкую к неправильному квадрату размером ок. 4,5×4,5 м. С восточной и западной сторон кургана были разобраны материковые ямы диаметром 3—4 м и глубиной до 1 м. Нижняя часть кургана состояла из слоя могильника с кремациями — черного гумусированного песка, содержавшего значительное число кальцинированных костей и отдельные предметы. Контур могилы был выявлен при зачистке по поверхности слоя черного гумусированного песка. К сожалению, одна из крупных сосен, росших на территории могильника, оказалась как раз над могилой, нарушив ее западный контур. Могила имела в плане форму неправильного прямоугольника со скругленными углами, размерами 1,4×2 м, и была ориентирована аналогично могиле в кургане 2. Глубина могилы очень незначительна, всего около 20 см: дно могилы соответствует уровню материка, не прорезая его.

Костяк погребенного почти полностью истлел, сохранились лишь берцовые кости, левая бедренная кость и часть черепной крышки, смещенная корнями. Первоначальное расположение предметов в могиле из-за корней тоже устанавливается приблизительно. Меж-

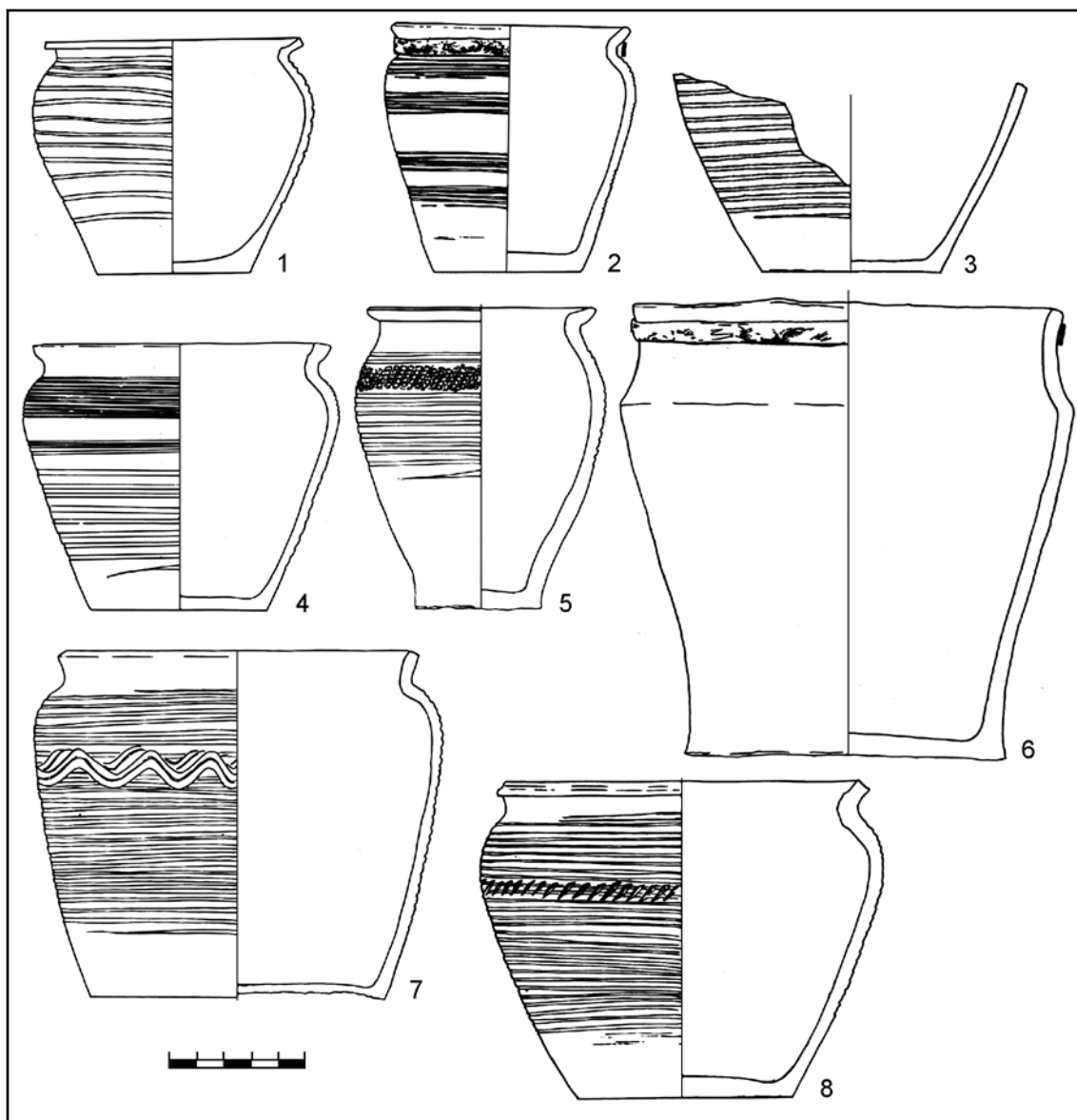


Рис. 4. Керамика, связанная с ингумациями. 1 — курган 2; 2, 3 — курган 3; 4 — курган 4(1); 5, 6 — курган 4(2); 7, 8 — курган 5 (рисунки автора).

Fig. 4. Inhumations related ceramics. 1 — barrow 2; 2, 3 — barrow 3; 4 — barrow 4(1); 5, 6 — barrow 4(2); 7, 8 — barrow 5 (drawings by the author).

ду корнями был найден обломок стертого дирхема. В области груди находились бронзовая подковообразная фибула и крохотный обломок бронзовой пластинки, ближе к ногам лежал тонкий сильно корродированный металлический диск. Слева от костяка были найдены небольшая белая привеска в виде гребешка с зооморфным навершием, черенок ножа и поврежденная сферическая железная гирилка, обтянутая бронзовым листом. К гирилке прилипел небольшой обломок тонкой серебряной пластинки — возможно, монеты. В ногах погребенного лежал железный боевой топор, развернутый лезвием от ног к стенке могилы (рис. 5).

С этим погребением связаны находки нескольких круговых сосудов. Один из них был поставлен на поверхность слоя черного гумусированного песка у восточной стенки могилы (т.е. в ногах погребения). Это горшок с зональным линейным орнаментом, с пластинчатым железным обручем под венчиком (рис. 4: 2). Другой сосуд, вернее, только его придонная часть, стоял внутри могилы, у ее южной стенки, приблизительно на уровне плеча погребенного (рис. 4: 3). Фрагменты еще одного кругового горшка были собраны в заполнении могилы: они лежали разрозненно на разной глубине и, очевидно, попали в могилу в ходе ее засыпки.

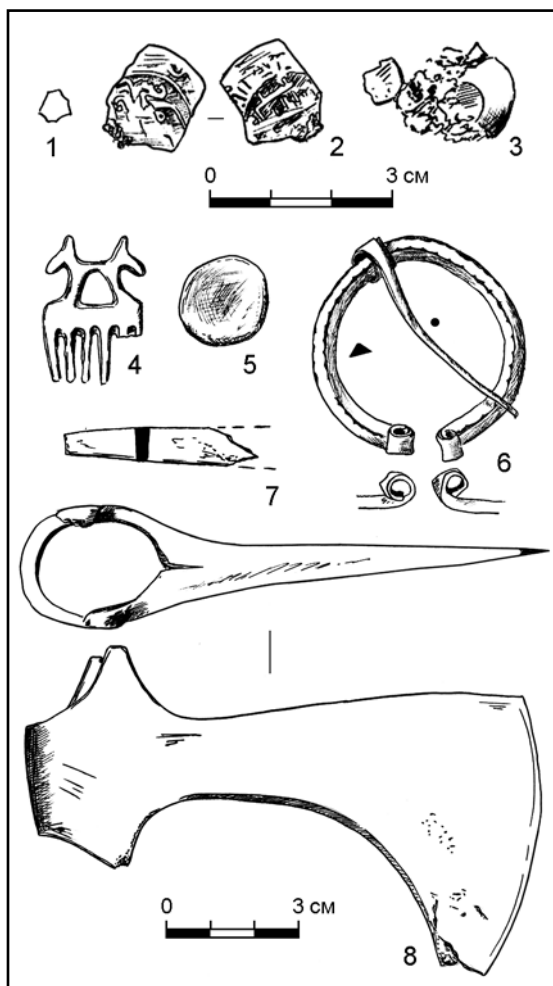


Рис. 5. Находки из погребения под курганом 3. 1 — бронза; 2 — серебро; 3 — железо, бронза, обломок серебряной пластинки; 4 — оловянистая бронза; 5, 6 — бронза; 7, 8 — железо (рисунки автора).

Fig. 5. Finds from the burial under barrow no. 3. 1 — bronze; 2 — silver; 3 — iron, bronze, fragment of a silver plate; 4 — tin bronze; 5, 6 — bronze; 7, 8 — iron (drawings by the author).

Верхняя часть курганный насыпи (ок. 0,4—0,5 м) была возведена из чистого желтого песка. Поставленный на поверхность слоя черного песка горшок и однородность верхней части насыпи заставляют предположить, что и этот курган возводился в два этапа, и его верхняя часть была сооружена после засыпки чрезвычайно мелкой могилы, вырытой в слое предшествующего могильника с кремациями.

Комплекс находок из погребения можно широко датировать в пределах XI в. Топор относится к типу VI боевых топоров по А. Н. Кирпичникову, датирующемуся концом X—XI в. (Кирпичников 1966: 38, рис. 6). Сферические весовые гири появляются на территории Руси не позднее 2-й пол. IX в. и широко распространены в X—XI вв. (Да-

видан 1987: 119, 123—125; Жуковский 2017: 146—160). Привески-гребешки с парными конскими головками, обращенными в разные стороны, начиная с обобщающей работы А. В. Успенской, обычно датируются XI — 1-й пол. XII в., их типология и хронология остаются подробно не разработаны (Успенская 1967: 95).

Курган №4 до раскопок представлял собой слегка вытянутую в плане невысокую насыпь. В действительности здесь оказалось два близко расположенных кургана, насыпи которых окончательно слились в ходе позднейшей распашки территории. Северо-западный курган был обозначен как курган №4(1), юго-восточный — №4(2). По своей структуре оба кургана однотипны. В основании насыпей лежал слой черного гумусированного песка с кальцинированными костями, мощностью 8—15 см. Сами курганы были сооружены из мешаного желтого песка. При раскопках удалось проследить, что в обоих курганах могила была впущена сверху в уже готовую насыпь: контуры впускной ямы отчетливо прослеживались с самого верха насыпи. Могилы были засыпаны песком, перемешанным с многочисленными прослойками дерна, нарезанного здесь же, на территории могильника: в прослойках встречались пережеванные косточки и мелкие фрагменты лепной керамики.

Первым из двух курганов был возведен **курган №4(1)**. Судя по размерам и форме пятна черного гумусированного песка в его основании, первоначально он имел округлую в плане форму, диаметр его достигал 5—6 м. Зафиксированная при раскопках высота кургана — 40—45 см. Севернее кургана была разобрана материковая яма неправильной бобовидной формы, ограничивающая его.

Впущенная в насыпь могила, прямоугольной в плане формы, со скругленными углами, имела размеры 3,5 × 1,4 м и достигала глубины 0,4 м от поверхности материка (рис. 6). Погребенный лежал на дне могилы головой на запад, руки вытянуты вдоль тела; кости скелета сохранились плохо. В районе таза были найдены железный нож, бронзовая подковообразная фибула и полностью проржавевший железный предмет. В ногах погребенного стоял круговой горшок, на дне которого найдена серебряная европейская монета (рис. 4: 4; 7: 1—3).

Курган №4(2) возводился позже: круглое в плане пятно черного гумусированного песка в основании кургана 4(2) оказалось «наложено» на частично срытое основание кургана 4(1). Диаметр кургана №4(2) — ок. 8 м, сохранившаяся высота — ок. 50 см. К югу

и северу от подкурганной площадки находились несколько материковых ям глубиной 0,6—1 м, из которых, вероятно, брался грунт на возведение насыпи. С насыпью кургана связан развал узкого высокого горшка с линейным и тычковым орнаментом, собранный в поврежденной распашкой южной поле кургана (см. рис. 4: 5).

Могила, впущенная сверху в уже готовую насыпь, оказалась частично разрушена корнями большой сосны (см. рис. 6). Реконструируемые размеры могилы — 1,2—1,3 × 2,2—2,4 м, глубина — до 0,4 м от поверхности материка. Костяк также оказался нарушен корнями: несколько ребер и кости левой руки были вынесены выше края могилы. Между корнями сосны было найдено пряслице из розового пирофилита (рис. 7: 4).

Судя по расположению сохранившихся на месте костей, погребенная лежала на спине, головой на запад, правая рука была вытянута вдоль тела (рис. 7: 4—12). Слева от черепа находилось небольшое височное кольцо с напущенными на него двумя полыми серебряными бусинами, украшенными зернью. Справа от черепа были найдены аналогичная бусина и маленькая бронзовая трапециевидная привеска. Бусина, вероятно, первоначально была надета на височное кольцо из свинцово-оловянистого сплава: рассыпающиеся фрагменты дугообразно изогнутой оловянистой проволоки лежали там же справа от черепа. Остатки рассыпавшегося ожерелья лежали вокруг черепа и в области груди. Удалось проследить две низки бус. Одна из них, короткая, под самым горлом была составлена всего четырьмя дисковидными золотостеклянными бусинами (см. рис. 7: 10); другая, более длинная, спускалась на грудь и была составлена в основном из рубленого голубого бисера с несколькими крупными навитыми бусинами в центре (см. рис. 7: 11). В расположении остальных бус никакой закономерности проследить не удалось. Это крупный навитой бисер разных цветов и одна так наз. треугольная бусина — коричневая с желтыми глазками (см. рис. 7: 12). В области пояса, справа, были найдены маленькое проржавевшее колечко, небольшой обломок тонкой бронзовой пластинки, железный нож и фрагменты односторонней костяной расчески — обломок края и два штифта. В ногах погребенной, на дне могилы, ближе к ее северному углу, стоял крупный лепной горшок с выделенным ребром, с обручем из тонкой железной полосы под венчиком.

Многочисленность и разнообразие бус, найденных в этом погребении, заставляют

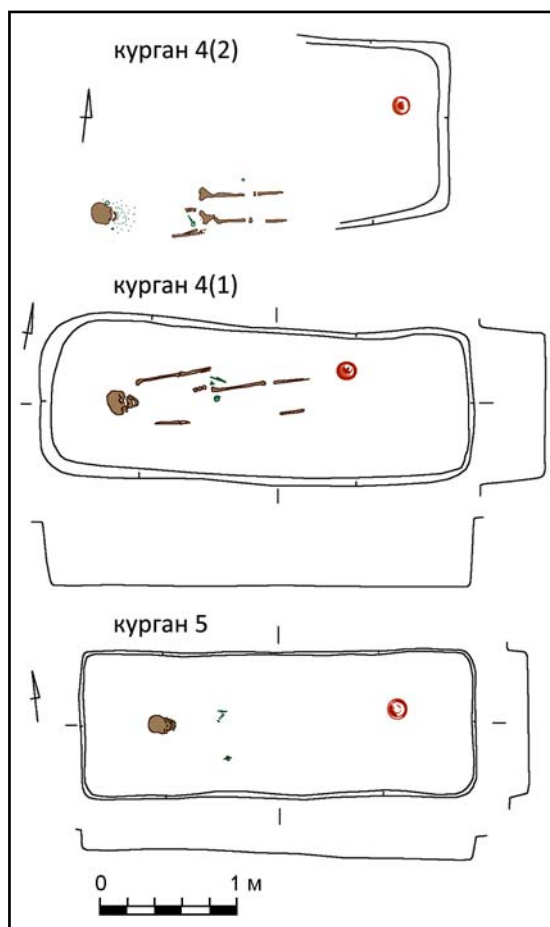


Рис. 6. Схематичные планы погребений в курганах №4 и 5 (рисунки автора).

Fig. 6. Schematic plans of burials in barrows no. 4 and 5 (drawings by the author).

обратиться к материалам монографически опубликованного Мининского комплекса на Кубенском озере, в состав которого входят могильники, аналогичные которским. В Минино представлены все типы бус, встреченные в рассматриваемом погребении: навитой бисер непрозрачного желтого, коричневого, черного, красно-коричневого и прозрачного зеленого стекла, навитые кольцевидные бусины синего и голубого прозрачного стекла, треугольные бусы с одноцветными желтыми глазками, цилиндрические золотостеклянные, рубленый бисер из глухого голубого стекла, окрашенного медью. Мининские бусы были датированы на основании состава и соотношения закрытых комплексов с учетом радиоуглеродных дат. Набор, представленный в кургане 4(2) могильника Которск IX, следует датировать в пределах XI века (Захаров, Кузина 2008: 186—189, 196—197, рис. 129, 132, 147, 160, 165). Единственная бусина, не находящая аналогий в Мининском комплексе, — крупный рубленый темно-синий бисер с наклад-

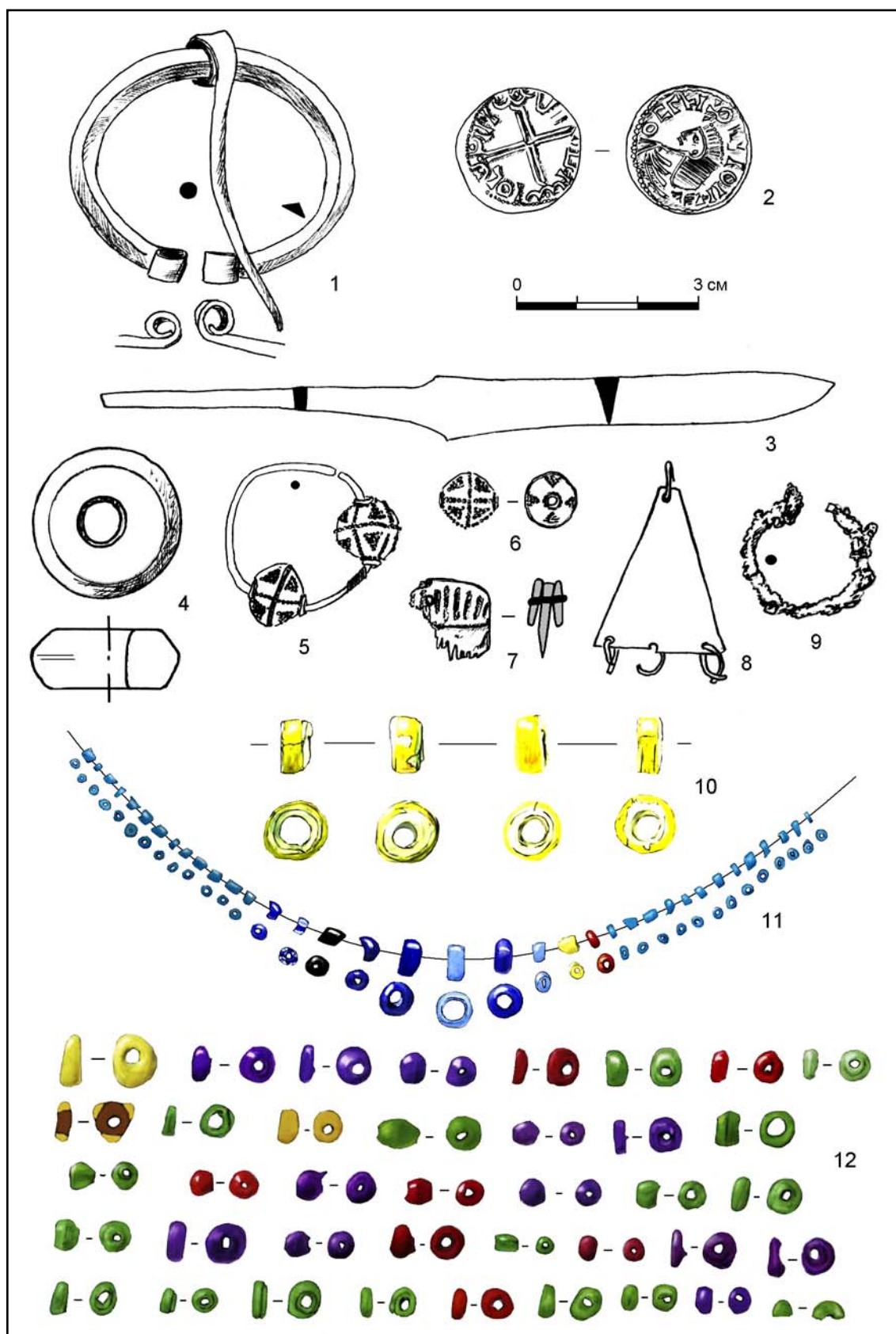


Рис. 7. Находки из погребений под курганами №4(1) (1—3) и 4(2) (4—12). 1, 8 — бронза; 2, 5, 6 — серебро; 3, 9 — железо; 4 — пиррофилитовый сланец; 7 — кость, бронза; 10—12 — стекло (фото и рисунки автора).

Fig. 7. Finds from the burials under barrows no. 4(1) (1—3) and 4(2) (4—12). 1, 8 — bronze; 2, 5, 6 — silver; 3, 9 — iron; 4 — slate; 7 — bone, bronze; 10—12 — glass (photo and drawings by the author).

ными продольными бело-голубыми полосками (см. рис. 7: 11). По мнению Я.В. Френкеля, его следует датировать не позднее 1070-х гг.² Определенной по бусам дате соответствует и датировка костяной односторонней гребенки (условно до 1076 г. по новгородской хронологической шкале (Лесман 1984: 140)).

Прочие найденные в погребении под курганом №4(2) предметы имеют сравнительно широкую датировку. То же можно сказать о находках из кургана №4(1), однако он стратиграфически предшествует кургану №4(2) и, следовательно, тоже должен датироваться не позднее XI века.

Курган №5 был схож по своей структуре с курганами 4(1) и 4(2). Этот курган был несколько удален от могильника с кремациями, и в его основании залегал не слой черного гумусированного песка с кальцинированными костями, а обычная для других курганных кладбищ в Которске погребенная почва — плотный гумусированный песок серого цвета. Подкурганная площадка размером 7×7 м была окружена кольцевым ровиком с разрывом в восточной части. Зафиксированная при раскопках высота насыпи — ок. 50 см.

Как и в предыдущем случае, могила была впущена в уже возведенный курган. Она была прямоугольной в плане, размером 2,3×1 м и глубиной от поверхности кургана ок. 60 см, так что дно могилы оказалось всего на 10—15 см ниже поверхности материка (рис. 9). Костяк практически полностью истлел, сохранились лишь череп и небольшой фрагмент правой лучевой кости (см. рис. 6). Под стоявшим на основании черепом было найдено височное кольцо с завитком наружу и привешенной к нему на цепочке сложной трапециевидной привеской. Рядом лежали остатки ожерелья — короткой нитки из пяти желтых лимоновидных и двух плохо сохранившихся бус из оловянистого сплава (металлические бусы находились в центре нитки). На правое запястье был надет бронзовый уплощенный узкомассивный браслет с орнаментом, в районе пояса лежали железный нож и фрагменты костяной наборной односторонней расчески (рис. 8). На дне могилы в ногах погребенной стоял круговой горшок (см. рис. 4: 8). Развал еще одного крупного приземистого кругового горшка с необычно широким дном был собран в ровике кургана (см. рис. 4: 7).

Комплекс находок из кургана 5 также может быть датирован в пределах XI века (может быть, исключая его конец) — в первую очередь по наличию в нем крупных желтых тянутых лимоновидных бус (Захаров, Кузина 2008: 196, там же библиография). Обращает на себя внимание височное кольцо из этого кургана. Сама по себе форма небольшого дровового колечка с завитком на одном конце встречается в погребальных памятниках Северо-Запада вплоть до XIII—XIV вв., хотя наиболее часты в комплексах, датируемых более ранним временем — до середины XII в. (Михайлова 2014б: 103—105). На колечко надета пластинчатая пятиугольная обоймица. Такие обоймицы в сочетании с проволочными височными кольцами и трапециевидными привесками встречены на сравнительно небольшой территории в верхних течениях рек Луги и Плюсы, преимущественно в погребениях по обряду кремации. В Которском комплексе памятников они найдены в культурном слое поселения Которский погост, в могильниках с рассыпными кремациями (в т.ч. в могильнике Которск IX) и в высокой насыпи финального этапа культуры длинных курганов могильника Которск IV. Находка из кургана 5 — пока единственная такая обоймица, происходящая из погребения по обряду ингумации (Михайлова 2014а: 321—323; 2019б: 103—104).

Курганная часть могильника Которск IX, с одной стороны, имеет много общего с другими курганными кладбищами XI—XII вв. в том же комплексе памятников, с другой — обладает важными особенностями. Два других древнерусских курганных кладбища (Которск III и Которск XI), расположенные далее к северо-востоку, на том же левом берегу реки (см. рис. 10), насчитывали 31 и 36 курганов с иной внутренней структурой. Курганы могильника Которск XI представляли собой простую земляную насыпь, сооруженную над засыпанной грунтом могилой, в то время как в курганах могильника Которск III неоднократно прослежены как перекрытия над могилами, так и своеобразные дерновые валики по периметру насыпи, удерживавшие ее от расползания. Вместе с тем все три могильника (III, IX и XI), безусловно, представляют собой одновременно функционировавшие кладбища населения Которского погоста, возникшие не позднее X в.: на территории каждого из трех могильников рядом с курганами встречены предшествовавшие им кремационные погребения (подробнее см.: Михайлова 2014а).

Курганы группы Которск IX безусловно связаны с существовавшим здесь могильни-

² Благодарю Я.В. Френкеля за любезную подробную консультацию.

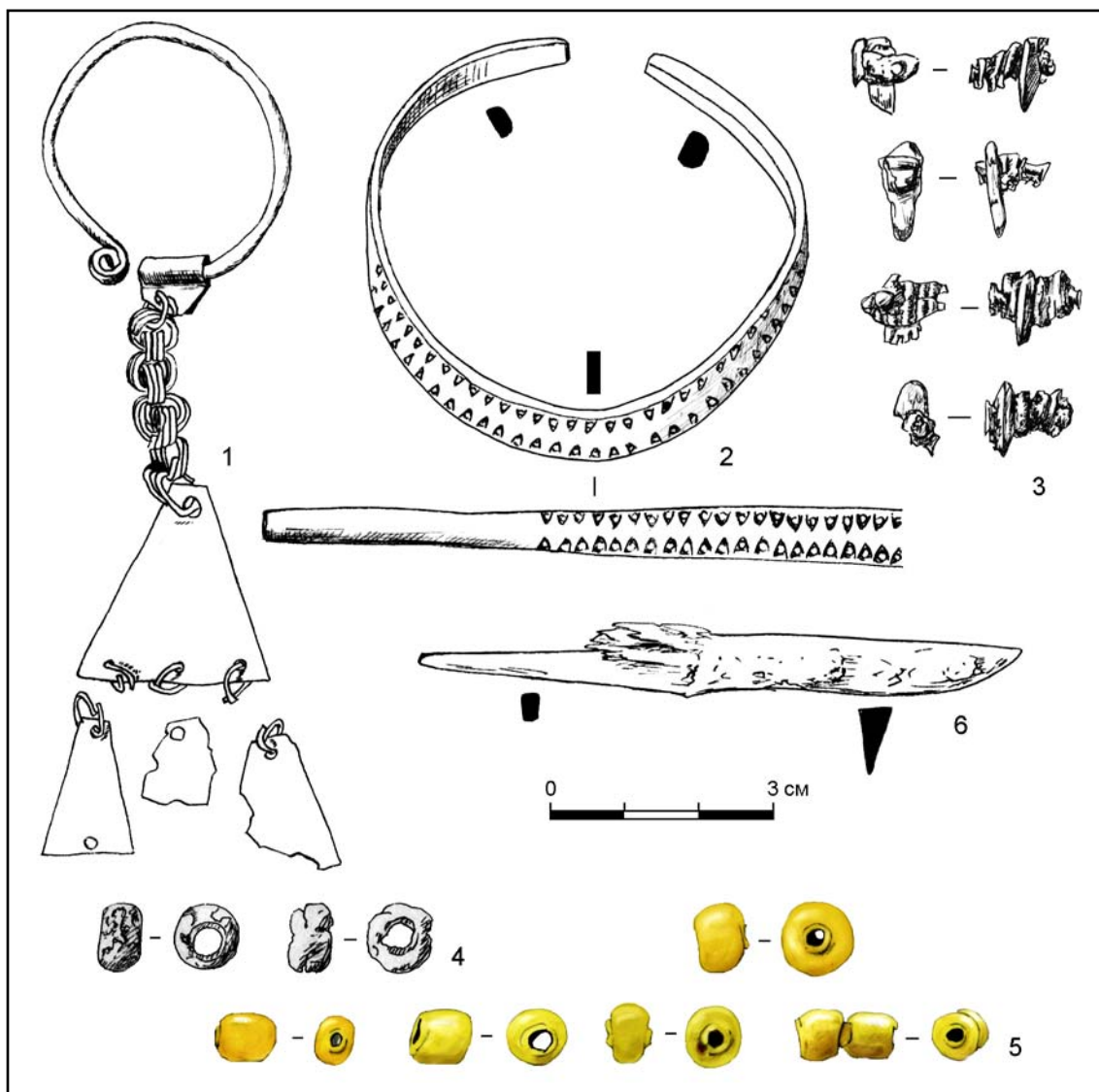


Рис. 8. Находки из погребения под курганом 5. 1 — серебро (кольцо и цепочка), бронза (привеска); 2 — бронза; 3 — кость, бронза; 4 — олово (?); 5 — стекло; 6 — железо, следы дерева (фото и рисунки автора).

Fig. 8. Finds from the burial under barrow no. 5. 1 — silver (ring and chain), bronze (pendant); 2 — bronze; 3 — bone, bronze; 4 — tin (?); 5 — glass; 6 — iron, rest of wood (photo and drawings by the author).

ком с рассыпными кремациями. Об этом свидетельствует в первую очередь сам план памятника: курганы сооружены на краю слоя с остатками кремации, причем в одном случае (курган 3) могила была выкопана в слое могильника и только потом перекрыта курганной насыпью. При этом курганы не перекрывают предполагаемое центральное сооружение кремационного могильника, отмеченное овалом столбовых ямок, — не исключено, что оно еще было заметно ко времени сооружения курганов и уж наверняка место старого могильника (могильников) было прекрасно известно жителям поселка. Продолжение погребений на новом месте после перехода к ингумациям в течение X—XI вв. отмечено и на других древнерусских могильниках

с рассыпными кремациями. Помимо уже упоминавшихся могильников на Кубенском озере, где рассыпные кремации сменились грунтовыми могилами (Макаров, Зайцева 2007), можно упомянуть, например, и возведенную на территории кремационного могильника курганную группу Никольское XVI на р. Суде (Башенькин 1986: 92 сл.).

Полого поднимающаяся далее к юго-западу озовая гряда, на северном конце которой расположен рассматриваемый здесь могильник, долгое время провоцировала на предположение, что могильник с кремациями продолжался и далее к юго-западу, занимая значительную площадь поверхности гряды. Предположение это выглядело тем более правдоподобным, что на поверхности гряды были собраны от-

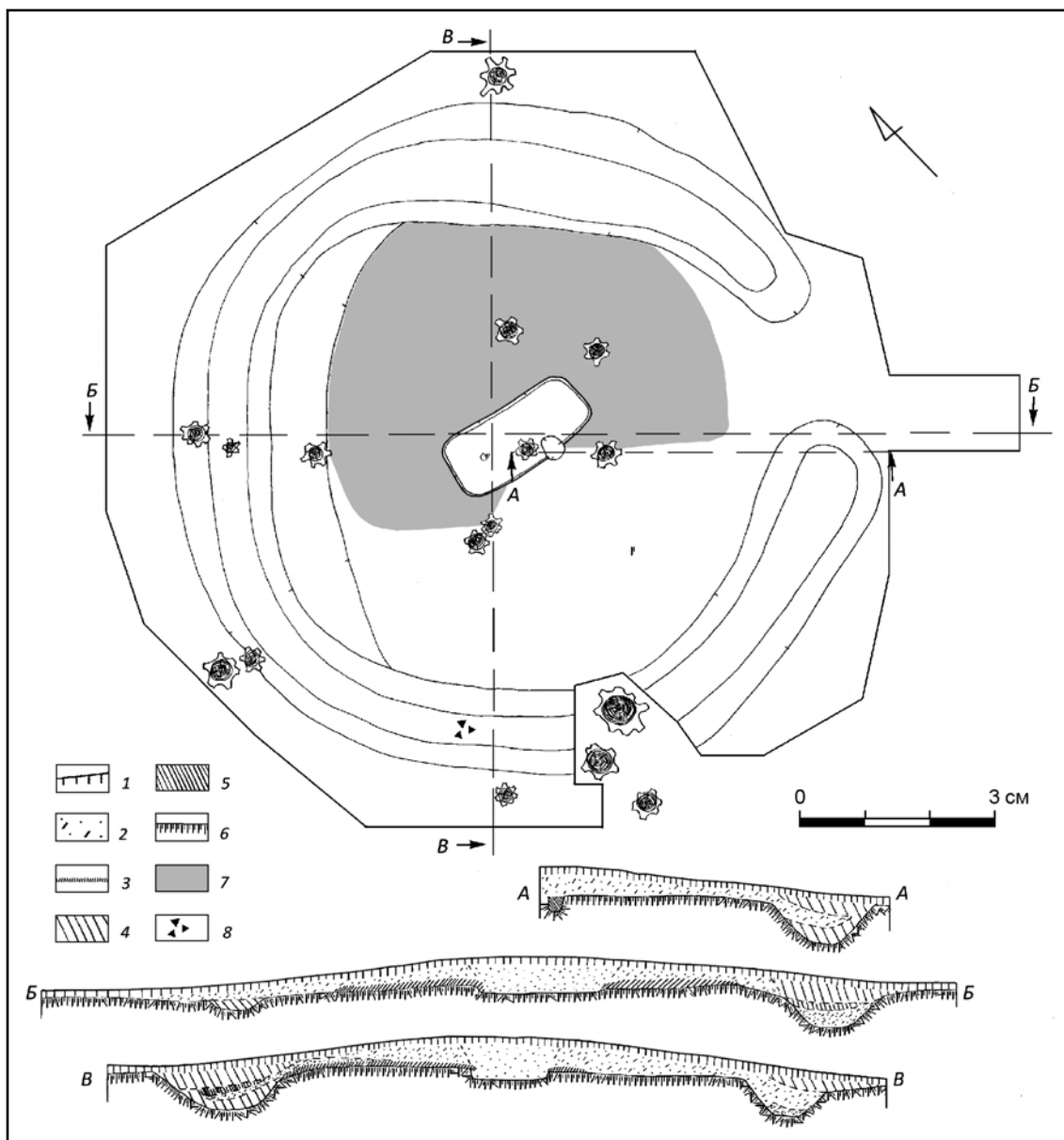


Рис. 9. Курган 5. План раскопа и профили насыпи. Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — мешаный желтый песок; 3 — погребенная почва (в профиле); 4 — светло-серый гумусированный песок; 5 — черно-серый гумусированный песок; 6 — материк; 7 — погребенная почва (на плане); 8 — развал кругового сосуда в ровике (рисунок автора).

Fig. 9. Barrow 5. Plan of excavation and profiles. Legend: 1 — modern turf; 2 — mixed yellow sand; 3 — buried soil (in profile); 4 — light gray humus sand; 5 — black and gray humus sand; 6 — bed rock; 7 — buried soil (on the plan); 8 — fragments of a wheelmade vessel in the ditch (drawing by the author).

дельные предметы со следами огня и мелкие фрагменты лепной керамики. Однако шурфовка, предпринятая В.Ю. Соболевым в мае 2019 г., показала, что далее на юг распространяется только слой распушки, переместивший отдельные мелкие фрагменты керамики и косточки³. Основная часть могильника с крем-

аниями все же исследована в 1990-х гг., насыпанные по его северо-западному краю курганы довольно точно отмечают территорию раннего могильника.

Главное, что выделяет курганы группы Которск IX на фоне синхронных могильников Которского комплекса, — их не типичная для древнерусских курганов с ингумациями обрядность. В строении курганов этой группы прослеживаются черты, возможно, восходящие к культуре псковских длинных курганов:

³ Я благодарю В.Ю. Соболева за любезно предоставленную информацию о проведенных им исследованиях.

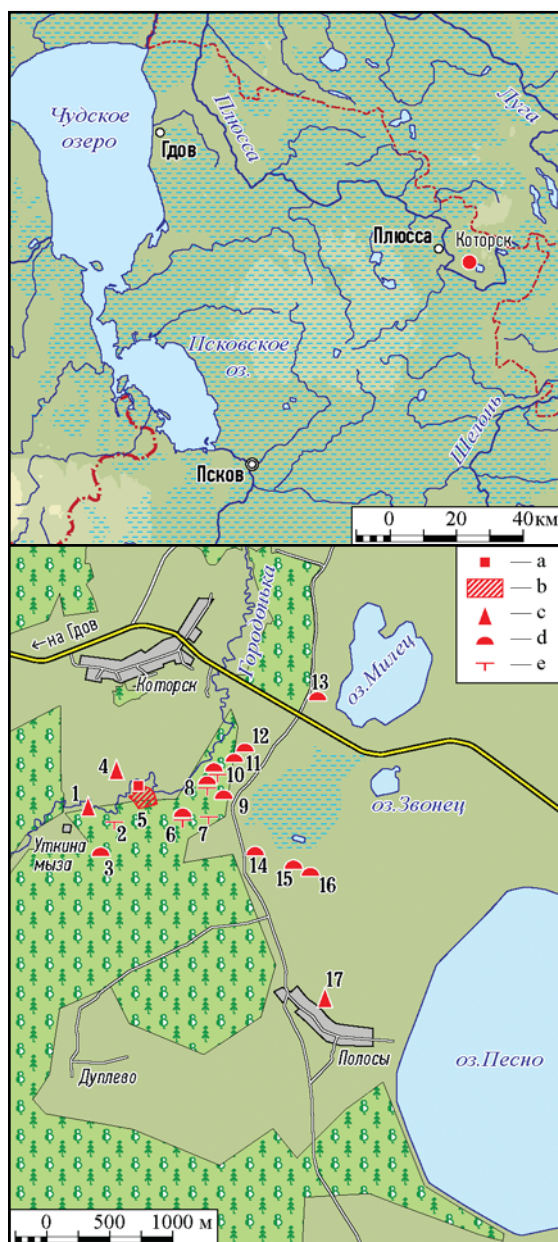


Рис. 10. Археологические памятники южнее деревни Которск: а — городище; б — культурный слой селища; в — сопка; г — курганная группа; д — бескурганый могильник с кремациями. Цифрами на карте обозначены: 1 — сопка Которск II; 2 — бескурганый могильник Которск XVI; 3 — курганная группа Которск X; 4 — сопка Которск I; 5 — городище и селище Которский погост; 6 — курганная группа и бескурганый могильник Которск IX; 7 — бескурганый могильник Которск XV; 8 — курганная группа и бескурганый могильник Которск XI; 9 — курганная группа Которск IV; 10 — курганная группа и бескурганый могильник Которск III; 11 — курганная группа Которск V; 12 — курганная группа Которск VI; 13 — курганная группа Которск VIII; 14 — курганная группа Которск VII; 15 — одиночный курган Полосы IV; 16 — курганная группа Полосы III; 17 — сопки в д. Полосы I, II (план составлен автором).

Fig. 10. Archaeological sites south of the village of Kotor'sk: a — hillfort; b — cultural layer of the unfortified site; c — sopka-mound; d — barrows group; e — flat burial ground with cremations. The numbers on the map denote: 1 — sopka-mound Kotor'sk II; 2 — flat burial ground Kotor'sk XVI; 3 — group of barrows Kotor'sk X; 4 — sopka-mound Kotor'sk I; 5 — settlement and hillfort Kotor'sk pogost; 6 — group of barrows and flat burial ground Kotor'sk IX; 7 — flat burial ground Kotor'sk XV; 8 — group of barrows and flat burial ground Kotor'sk XI; 9 — group of barrows Kotor'sk IV; 10 — group of barrows and flat burial ground Kotor'sk III; 11 — group of barrows Kotor'sk V; 12 — group of barrows Kotor'sk VI; 13 — group of barrows Kotor'sk VIII; 14 — group of barrows Kotor'sk VII; 15 — lonely barrow Polosy IV; 16 — group of barrows Polosy III; 17 — sopka-mounds in Polosy I, II (plan compiled by the author).

этапность возведения насыпей, впускание погребений в уже готовую насыпь, и даже пустой курган (№1), по каким-то причинам так и не использованный для совершения захоронения.

В бассейне р. Плюсы, где расположен Которский комплекс, могильники культуры длинных курганов многочисленны: они присутствуют в составе самого комплекса, сосредоточенные в его северо-восточной части (см. рис. 10: 11—14). Необходимо упомянуть также крупную курганную группу и одиночный курган, формально обозначенные как находящиеся у деревни Полосы (см. рис. 10: 15, 16), но явно входящие в то же скопление. Ближайшие соседние скопления памятников длинных курганов находятся северо-восточнее, за озером Милец, и западнее, в районе поселков Плюсса и Курья. Для темы настоящей статьи важно, что в окрестностях деревни Которск изучены памятники, относящиеся к финальному периоду существования культуры длинных курганов — курганная группа Которск XII, находившаяся севернее деревни Которск, и курганная группа Которск IV, расположенная в самом центре Которского комплекса, вплотную к древнерусскому могильнику Которск XI (подробнее см.: Михайлова 2015). По-видимому, какие-то традиции культуры длинных курганов сохранились и в коллективе, возводившем курганы могильника Которск IX.

Древнерусская культура, складывавшаяся на протяжении X—XI вв., впитала множество предшествующих традиций, сплывшихся в единый культурный феномен. Конкретный вклад различных культурных групп и особенности их взаимодействия в разных точках Восточной Европы еще только предстоит оценить, и материалы одного конкретного могильника представляют собой еще один камушек в этой сложной мозаике.

Литература

- Башенькин А. Н. 1986. *Юго-Западное Белозерье во второй половине I — нач. II тыс. н. э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Горюнова В. М. 1994. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли). В: Массон В. М., Носов Е. Н. (отв. ред.). *Новые источники по археологии Северо-Запада*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 60—73.
- Давидан О. И. 1987. Весовые гирьки Старой Ладogi. *АСГЭ* 28, 119—126.
- Жуковский М. О. 2017. Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы. В: Цавелев А. С. (отв. ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 144—246.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н. 2008. Изделия из стекла и каменные бусы. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология севернорусской деревни X—XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 2. *Материальная культура и хронология*. Москва: Наука, 142—214.
- Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.
- Кузьмин С. Л. 1991. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы. В: Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 г.* Москва: МГУ, 153—168.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. 2000. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста. *Stratum plus* (5), 70—82.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). В: Лебедев Г. С. (ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 118—153.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е. 2007. Мининский археологический комплекс: погребальные памятники. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология севернорусской деревни X—XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 1. *Поселения и могильники*. Москва: Наука, 130—182.
- Михайлова Е. Р. 2014а. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди древностей лесной полосы Восточной Европы. В: Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Древности Севера, 317—335.
- Михайлова Е. Р. 2014б. *Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing.
- Михайлова Е. Р. 2015. Могильник Которск XII: длинные курганы в древнерусскую эпоху. В: Гайдуков П. Г. (отв. ред.). *Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова*. Москва; Вологда: Древности Севера, 103—121.
- Михайлова Е. Р. 2019а. Двухшпильные наконечники копий из Которского погоста. В: Белецкий С. В. (отв. ред.). *Земля наша велика и обильна. Сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова*. Санкт-Петербург: Невская Типография, 298—311.
- Михайлова Е. Р. 2019б. Два локальных типа ранне-средневековых украшений, или О значении неброских находок. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (2), 101—108.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. 2019. Которское селище — рядовой погост, нерядовой памятник. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология Владимиро-Суздальской земли 9. Материалы научного семинара*. Москва: ИА РАН, 51—68.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рябцева С. С. 2011. Парадные диадемы и венцы X—XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия. *Revista Arheologică* VII (1—2), 72—95.
- Рябцева С. С. 2014. Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X—XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. *Revista Arheologică* X (1—2), 143—167.
- Рябцева С. С. 2015. О древнерусских венцах из пластинчатых бляшек в контексте формирования уборов XII—XIV веков. В: Киджи В. В. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Санкт-Петербург: ГЭ, 236—245.
- Рябцева С. С. 2017. Древнерусские женские головные уборы с рясами и колтами. В: Мусин А. Е. (отв. ред.). *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 499—510.
- Соболев В. Ю. 2010. Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск XI (Плюсский район Псковской области). В: Мусин А. Е., Хвощинская Н. В. (отв. ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 169—177.
- Успенская А. В. 1967. Нагрудные и поясные привески. *Труды ГИМ* 43, 88—112.
- Mikhaylova E. 2014. Kotosky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land. In: Valk H. (ed.). *Strongholds and power centres east of the Baltic sea in the 11th—13th centuries*. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson. Tartu: Tartu Ülikool, 157—186.

References

- Bashen'kin, A. N. 1986. *Iugo-Zapadnoe Belozer'e vo vtoroi polovine I — nach. II tys. n. e. (Southwestern Part of the Beloye Lake Region in the Second Half of the 1st — Early 2nd Millennia AD)*. PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).
- Goriunova, V. M. 1994. In Masson, V. M., Nosov, E. N. (eds.). *Novye istochniki po arkheologii Severo-Zapada (Recently Discovered Sources on Archaeology of the Northwest)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 60—73 (in Russian).
- Davidan, O. I. 1987. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 28, 119—126 (in Russian).
- Zhukovskii, M. O. 2017. In Shchavelev, A. S. (ed.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2015 god: Ekonomicheskie*

- sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e (*The Earliest States of Eastern Europe. 2015: Economic Systems of Eurasia in Late Middle Ages*). Moscow: Dmitry Pozharsky University, 144—246 (in Russian).
- Zakharov, S.D., Kuzina, I.N. 2008. In Makarov, N.A. (ed.). *Arkheologiya severnorusskoi derevni X—XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere* (*Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th — 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake*) 2. *Material'naia kul'tura i khronologiya* (*Material Culture and Chronology*). Moscow: "Nauka" Publ., 142—214 (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie* (*Early Russian Weapons*) 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kiste-ni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th—13th Centuries)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov* (*Corpus of Archaeological Sources*) E1—36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kuz'min, S.L. 1991. In Yanin, V.L., Nosov, E.N., Gaidukov, P.G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgorodskoi zemli. 1990* (*Materials on Archaeology of Novgorod Land. 1990*). Moscow: s. ed., 153—168 (in Russian).
- Kuz'min, S.L., Mikhailova, E.R., Sobolev, V. Yu. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 70—82 (in Russian).
- Lesman, Yu.M. 1984. In Lebedev, G.S. (ed.). *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoi zemli* (*Archaeological Study of the Novgorod Land*). Leningrad: Leningrad State University, 118—153 (in Russian).
- Makarov, N.A., Zaitseva, I.E. 2007. In Makarov, N.A. (ed.). *Arkheologiya severnorusskoi derevni X—XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere* (*Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th — 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake*) 1. *Poseleniia i mogil'niki* (*Settlements and Burial Grounds*). Moscow: "Nauka" Publ., 130—182 (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2014. In Makarov, N.A., Leontyev, A.E. (eds.). *Rus' v IX—XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura* (*Rus' in 9th—12th Centuries: Society, State, Culture*). Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 317—335 (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2014. *Veshchevoi kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiya i khronologiya* (*Material Complex of the Culture of Pskov Long Barrows: Typology and Chronology*). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2015. In Gaidukov, P.G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura* (*Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture*). Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 103—121 (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2019. In Beletskii, S.V. (ed.). *Zemlia nasha velika i obil'na. Sbornik statei, posviashchennyi 90-letiiu A.N. Kirpichnikova* (*Our Land is Great and Plentiful: Collected papers to the 90th Anniversary of A.N. Kirpichnikov*). Saint Petersburg: "Nevskaia Tipografiia" Publ., 298—311 (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2019. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (2), 101—108 (in Russian).
- Mikhailova, E.R., Sobolev, V. Yu. 2019. In Makarov, N.A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli. (Materialy nauchnogo seminara)* (*Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land: Proceedings of the Seminar*) 9. Moskva: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 51—68 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (*Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends*). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2011. In *Revista Arheologică VII* (1—2), 72—95 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2014. In *Revista Arheologică X* (1—2), 143—167 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2015. In Kidzhi, V.V. (comp.). *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura* (*Jeweler's Art and Material Culture*). Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 236—245 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2017. In Musin, A.E. (ed.). *V kamne i v bronz. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi* (*In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova*). Series: *Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII*. Saint Petersburg: "Nevskaia knizhnaia tipografiia" Publ., 499—510 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2010. In Musin, A.E., Khvoshchinskaia, N.V. (eds.). *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia E.N. Nosova* (*Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe. Towards E.N. Nosov's 60th Anniversary*). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 169—177 (in Russian).
- Uspenskaia, A.V. 1967. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (*Proceedings of the State Historical Museum*) 43, 88—112 (in Russian).
- Mikhaylova, E. 2014. *Kotorsky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land*. In Valk, H. (ed.). *Strongholds and power centres east of the Baltic sea in the 11th—13th centuries. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson*. Tartu: Tartu Ülikool, 157—186.

Статья поступила в сборник 25 марта 2020 г.

Elena Mikhailova (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg State University¹.

Михайлова Елена Робертовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: helena.mikhaylova@gmail.com

Address: ¹ Universitetskaya Emb., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

В. Ю. Соболев

Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа

Keywords: Novgorod Land, medieval archaeology, chronology, Christianization, burial sites, funerary rite, decorations

Ключевые слова: Новгородская земля, средневековая археология, хронология, христианизация, погребальные памятники, погребальный обряд, украшения

V. Yu. Sobolev

Ancient Russian Funeral Culture of the Novgorod Land. Chronological Indicators of Early Stage

The earliest phase of the formation of the Russian funerary rites still remains poorly studied since there are practically no reliably dated sites up to the mid-11th century. Beginning with the mid-11th century, Russian inhumations appear throughout the entire Novgorod Land demonstrating diverse variants of the rite but remaining nevertheless within the frame of the Christian canon.

A detailed dendrochronology has been developed for Novgorod archaeology, due to which the types of antiquities from the excavations of Novgorod are well dated. The same types of things were found in funerary monuments of the rural population of Novgorod land. These circumstances give us the opportunity to distinguish small groups of chronologically significant things among them that go out of use no later than the mid-12th century. They perfectly mark the initial stage of the old Russian funerary culture of the Novgorod Land.

В. Ю. Соболев

Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа

Специфика культурного слоя Великого Новгорода позволила определить датировки как типов отдельных артефактов, так и их композиционных, орнаментальных, технологических и т.п. деталей, что, в свою очередь, привело к пониманию вещи как закрытого комплекса, дата которого определяется как пересечение интервалов бытования всех представленных в ней хронологически значимых деталей. Удаётся выделить небольшую группу хронологически значимых типов, выходящих из употребления не позднее середины XII в. и таким образом надёжно датирующих начальный этап древнерусской погребальной культуры Новгородской земли.

Определение хронологии событий, явлений или процессов, выяснение периодов бытования отдельных артефактов или явлений культуры, построение хронологических шкал — одна из ключевых задач любого археологического исследования.

Специфика новгородского культурного слоя, обеспечившего высокую сохранность изделий из самых различных материалов (стекла, металла, дерева, кожи и др.), позволила получить массовую серию дендрохронологических дат и создать новгородскую дендрохронологию как систему¹. В свою очередь, это дало возможность надёжно «зажать» порубочными датами значительное число типов предметов или признаков, серийно встреченных в новгородских слоях (Колчин 1959; Лес-

ман 1981; 1984: 134—140; 1990). Сочетание в одном артефакте нескольких датирующих признаков (форма, сечение, орнаментация или ее отсутствие, конструктивные особенности, технологические приемы производства и т.д.) привело к пониманию вещи как своеобразного закрытого комплекса, датировка² которого определяется как пересечение интервалов бытования всех представленных в ней хронологических значимых деталей. Разработанная вещевая хронология позволила обоснованно уточнить датировки многих погребальных памятников населения средневековой

² Строго говоря, первичной и методически более обоснованной является синхронизация датирующих признаков с порубочными датами ярусов мостовых Неревского и некоторых других раскопов, а удобные и привычные календарные даты вторичны.

¹ Историографию вопроса см.: Тарабардина 2007.

Новгородской земли³ на основании синхронизации «погребального инвентаря»⁴ с достаточно надежно датированными ярусами новгородских мостовых. Правомерность использования новгородской шкалы для датировки погребальных памятников не только собственно Новгородской земли, но и соседних культурно-исторически обособленных регионов, была убедительно доказана автором метода (Лесман 1981; 1984; 1988) и дополнительно проверена на материалах Юго-Восточного Приладожья (Лесман 1996) и Восточной Карелии (Лесман 2012). Для последнего региона С. В. Бельским выполнена синхронизация не только с новгородской, но и с рядом других внешних хронологических шкал (Бельский 2012), также подтвердившая правомерность применения и непротиворечивость полученных результатов.

Исследования показывают, что наименее изученными остаются начальный этап формирования погребальной культуры христианского населения Новгородской земли и ее поздняя фаза, датируемая XIV—XV вв. (Соболев 2015).

Наиболее ранние ингумации начинают совершаться в сельских некрополях Новгородской земли в середине XI столетия. Их появление, несомненно, явилось результатом распространения христианства в условиях неразвитости церковной организации на обширной, не в любое время года доступной Новгородской территории. Верхнюю хронологическую границу раннего этапа древнерусской погребальной культуры Новгородской земли, на мой взгляд, необходимо провести в середине XII столетия или, синхронизируя

с датами мостовых Неревского раскопа, — по 18 ярусу, сооружение которого датируется 1161 г.

Для мужских захоронений сер. XI — 1-й пол. XII вв. в первую очередь характерны детали поясов — пряжки, поясные кольца, металлические ременные накладки и повседневные бытовые предметы, в «живой» культуре постоянно находившиеся в кошелье на поясе — ножи, кресала и кремни, точильные камни, весы, гири, ключи, роговые гребни. Украшения мало характерны, иногда обнаруживаются подковообразные застёжки, скреплявшие, вероятно, верхнюю одежду или саван. Локальная особенность Причудья и Поновья — в популярности массивных литых браслетов и перстней с волютами (напр.: Хвоштинская 2004: табл. XLI: 3, 4; LVI: 1—6; LXV: 1, 2). В это время в целом достаточно многочисленны находки оружия, в первую очередь топоров, копий и дротиков (Михайлов, Соболев 2000; Соболев, Торопов 2010; Соболев 2016б; 2019б). Среди перечисленных категорий находок число хронологически значимых типов очень невелико: подавляющее большинство типов оружия и вещей повседневного обихода имеют длительные периоды бытования. Из оружия лишь ромбические черешковые наконечники стрел новгородского типа характерны для узкого хронологического интервала, синхронизируемого с 25—21 ярусами/1006—1116 гг. (Лесман 1984: 138). Значимыми для датировки являются железные подковообразные спиралеконечные застёжки (24 ярус и ниже/до 1055 г. (Лесман 1984: 135, №29)) и костяные односторонние наборные гребни в футлярах (23 ярус и ниже/до 1076 г. (Лесман 1984: 140, №110)).

Женские захоронения обычно более «богаты» находками, но число хронологических индикаторов, маркирующих ранний этап древнерусской культуры, также не велико. Среди достаточно большого разнообразия височных колец жительниц Новгородской земли датирующими ранний этап являются только проволочные браслетообразные с завязанными на один или два узла концами (Лесман 1990: 69—70; Рукопись⁵: V.20) — до 20 яруса/до 1134 г.).

³ Одна из особенностей погребальной культуры несомненно христианского населения средневековой Новгородской земли заключается в сохранении на протяжении XI—XIII вв. традиции захоронения в костюме и уборе, содержащем украшения и/или различные металлические детали, и в намеренном помещении в могилу отдельных предметов — посуды, предметов вооружения, сельскохозяйственных орудий. О возможных причинах явления см.: Соболев 2015; 2019а; 2019б.

⁴ Считаю необходимым подчеркнуть условность термина «погребальный инвентарь» применительно к христианским захоронениям Новгородской земли. Фрагменты одежды, как и детали костюма и/или убора, не могут считаться помещенным в могилу «инвентарем», а некоторые категории умышленно помещенных в захоронение артефактов (например, оружие) могут являться скорее символом и атрибутом борьбы с язычеством и находиться семантически значительно ближе к предметам личного благочестия, чем к «инвентарю» — предметам, необходимым покойному в потустороннем мире (Мусин 2002: 73—75, 150; 2005: 137, 141; Салмин 2016: 469; Соболев 2019б).

⁵ Обобщающий труд, суммировавший все разработки в области хронологии ювелирных украшений и бытовых предметов, был практически закончен Ю. М. Лесманом, однако так и не был сдан в печать при жизни автора. В настоящее время ведется работа по его подготовке к изданию. Далее ссылка дается на авторский номер типа или признака по рукописи, которую автор по мере продвижения своей работы передавал коллегам.

Бусы — категория находок, в которой выделяется наибольшее число хронологически значимых типов: битрапецидные бусы прозрачные или полупрозрачные из стекла различных оттенков синего и зеленого (включая почти бесцветные) с углом излома ребра до 110° и с максимальным диаметром, превосходящим длину бусины более чем в 1,5 раза (III.1/III.1a, III.3, до 19 яруса/до 1161 г.), цилиндрические, зонно-цилиндрические и призматические с гладкой поверхностью (в основном однотонного синего стекла различных оттенков, в том числе белоромбические) (III.26, до 19 яруса/1161 г.), золотостеклянные, изготовленные по первой технологической схеме (III.28, до 22 яруса/до 1096 г.), золотостеклянные с минимальным диаметром отверстия не меньше 2 мм и золотостеклянные с цилиндрическим каналом (III.29 и III.30, до 20 яруса/до 1134 г.), золотостеклянные ребристые (III.35, до 22 яруса/до 1096 г.) бочонковидные глухие печеночно-красные и оранжевые (до 21 яруса/до 1116 г.). Большая группа лимоновидных бус разных цветов имеет схожие датировки: лимоновидные синие, зелено-голубые, бесцветные, желтые, зеленоватые (I.3, до 22 яруса/до 1096 г.), полосатые (I.4, до 23 яруса/до 1076 г.), серебростеклянные (I.5, до 21 яруса/до 1116 г.), золотостеклянные и ложнозолотостеклянные (I.6, до 19 яруса/до 1161 г.), лимоновидные рубчатые (I.7, до 22 яруса/до 1096 г.) и лимоновидные, изготовленные из наборных трубочек (I.8, до 20 яруса/до 1134 г.). В группе зонных хронологически важны два типа — синие просвечивающего или глухого стекла без выступов навивки (IV.12 и IV.13, до 21 яруса и с возможным сужением до 24 яруса или расширением до 15 яруса/до 1116 г. — до 1055 г. или до 1224 г.) и зонные синие по форме близкие к цилиндру (IV.14, до 19 яруса/до 1161 г.). Среди глазчатых бус выделяется одна узко датированная группа (черные с глазком в петельке, до 18 яруса/до 1134 г. (Лесман 2006: 247)). Временем до 23 яруса/до 1076 г.) датируются шарообразные сердоликовые бусы (Лесман 1984: 140).

Кроме перечисленных, нужно упомянуть еще четыре категории бус — рубленый бисер, изготовленный из тянутых трубочек разных цветов, лимоновидные желтые (лимонные) бусы, изготовленные из глухого стекла, бусы, изготовленные из тянутых палочек (I.1, I.2, I.9, до 18 яруса/до 1177 г.) и призматические оранжевые мозаичные глазчатые («пестрые») и 14-гранные, датировка которых может быть сужена до сер. XII в. исхо-

дя из материалов могильников Новгородской земли⁶.

Также временем до сер. XII в. датируются любые бусы, превращенные в подвески к ожерелью — разнотипные бусины на проволочных колечках. Бусы на колечках характерны для Скандинавии, два или три экземпляра найдено в самом Новгороде (Седова 1981: 13), изредка они встречаются в древнерусских ингумациях Новгородской земли (Соболев 2015: 358—359; 2016a: 205—206).

Среди наиболее многочисленных категорий новгородских находок — привесок и браслетов — типов, выходящих из моды на рубеже 19 яруса, нет. Один из типов — литые массивные браслеты, возможно, также наследующий североευропейским прототипам, может быть датирован до 18 яруса/до 1177 г.

К этому же времени может быть отнесено бытование широкосрединных и ровных пластинчатых перстней с декором, продольная ось симметрии которого передана пунктирной, одинарной или двойной выпуклой линией, рядом ложной зерни или углубленных кружков (II.20, до 17 яруса/до 1177 г.).

Еще один тип перстней, представленный в новгородских слоях количественно недостаточной серией, но получивший возможность включения в настоящую выборку по материалам узкодатированных погребений сельских могильников — литые узкопластинчатые прямые перстни. Их датировка может быть сужена до сер. XII в. исходя из материалов могильников Новгородской земли. Тип включает в себя три варианта, различающихся орнаментом. Первый декорирован тремя рядами выпуклых «жемчужин» (Сумина 1999: рис. 2: 3; Соболев 2010: рис. 7: 7), второй — «косичкой» или «колоском» (Лопатин 2002: рис. 2: 9), лицевая сторона третьего варианта украшена более сложной композицией — вертикальными ромбами, отделенными один от другого двумя «жемчужинами» (Гоняный 1999: рис. 7: 8; Зайцева 2008: рис. 3: 6).

Пожалуй, наиболее массовой хронологически диагностичной находкой в погребальных памятниках сельского населения являются грушевидные крестопрорезные бубенчики, нижняя часть которых орнаментирована косой насечкой (III.13, до 19 яруса/до 1161 г.). В уборе они изредка встречаются как подвески к височным кольцам (Спицын 1903: XX: 10), основное их «место» — в составе слож-

⁶ О методической возможности и обоснованности корректировки датировок отдельных типов вещей по погребальным комплексам см.: Лесман 1981.

ных нагрудных и поясных привесок (напр.: Спицын 1903: XXI: 6, 7, 10).

По всей вероятности, в число хроноиндикаторов XI — нач. XII вв. стоит включить превращенные в привески серебряные пуговицы с «гроздью» крупной зерни (Рябцева 2005: рис. 48: 14, 15; Степанова, Орфинская, Соболев 2019: 129—130), найденные в нескольких погребениях икладах. Однако, малочисленность находок заставляет делать предположение с определенной осторожностью.

Перечисленные хронологически значимые типы позволяют вычлени из массы сельских захоронений группу наиболее ранних, однако оставляют ряд вопросов, решить которые пока не удастся.

Смена погребального обряда произошла по всей Новгородской земле очень быстро, археологически одновременно, по всей вероятности, в 1-й пол. XI в. Не находит объяснения хронологический разрыв между летописным известием о крещении Новгорода, относимым к 989 или к 990 г. (Янин 1983а: 15—18; 1983б: 28—31; Рапов 1988: 51—65; 1998), и датировкой наиболее ранних ингумаций на сельских кладбищах Новгородской

земли. Здесь уместно еще раз обратить внимание на отсутствие в Новгороде городских кладбищ, датируемых ранее XIII—XIV вв., т. е. «эталонных» погребений горожан, которые могли бы служить образцом для сельского населения⁷.

Выявленные хроноиндикаторы показывают, что мода сельских районов Новгородской земли XI в. следует в русле городской моды X в. Распределение находок в погребениях демонстрирует преимущественное украшение головы и зоны шеи и груди (Лесман 1996), дополненных поясными привесками — бубенчиками, плоскими зоо- и орнитоморфными подвесками, костяными гребнями и т. п.

Не вызывает сомнения, что новгородская хронологическая шкала в целом отражает общерусские тенденции распространения и бытования типов вещей и украшений, орнаментальных мотивов, ювелирных технологий и приемов. Однако возможности ее «работоспособности» в том или ином удаленном от Великого Новгорода памятнике или регионе (напр.: Томсинский 2004; Моргунов 2012) требует дополнительной проверки и развернутого обоснования.

Литература

- Бельский С. В. 2012. *Могильник Кюлялахти-Калмистомьяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006—2009 годов)*. Санкт-Петербург: Наука.
- Гоняный М. И. 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье. В: Недошина Н. Г. (отв. ред.). *Археологический сборник. Труды ГИМ 111*. Москва, 128—146.
- Зайцева И. Е. 2008. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса. В: Макаров Н. А., Чернецов С. З. (отв. ред.). *Сельская Русь в IX—XVI веках*. Москва: Наука, 275—287.
- Колчин Б. А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология). В: Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). *Труды Новгородской археологической экспедиции II*. МИА 65. Москва: АН СССР, 7—120.
- Лесман Ю. М. 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада. *КСИА* 166, 98—103.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: принципы синхронизации. В: Лебедев Г. С. (ред.). *Археологическое изучение Новгородской земли*. Ленинград, 118—153.
- Лесман Ю. М. 1988. *Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X—XIV вв.). В: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли 1988*. Москва: Новгородская археологическая экспедиция МГУ, 29—98.
- Лесман Ю. М. 1996. Украшения древних новгородок и древнерусская эротика. *Чело* 9 (2). Великий Новгород, 3—4.
- Лесман Ю. М. 2006. К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках). В: Кашкин А. В. (ред.). *Археология Верхнего Поволжья. К 80-летию К. И. Комарова*. Москва: ИА РАН, 244—252.
- Лесман Ю. М. 2012. Хронология корельских могильников: взгляд из Новгорода. *Stratum plus* (5), 149—157.
- Лесман Ю. М. *Хронология ювелирных изделий Новгорода XI—XV вв.* Рукопись.
- Лопатин Н. В. 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999—2000 гг. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Изборск и его округа*. Материалы науч.-практич. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции. Псков, 48—52.
- Михайлов К. А., Соболев В. Ю. 2000. Новгородские набортные пояса X—XII вв. *AB* 7, 222—228.
- Моргунов Ю. Ю. 2012. *Летописный город Снепород и его округа в X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Мусин А. Е. 2002. *Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Мусин А. Е. 2005. *Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте*

⁷ Краткую историографию вопроса и современное состояние проблемы см.: Петров, Соболев 2018.

- религиозного менталитета. *Militaria Antiqua* VIII. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Петров М. И., Соболев В. Ю. 2018. «Город живых» и «город мертвых»: к вопросу о локализации раннего могильника Новгорода. В: Лопатин Н. В. (отв. ред.). *АИППЗ* 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.). Москва: Псков: ИА РАН, 146—156.
- Рапов О. М. 1988. О времени и обстоятельствах крещения населения Новгорода Великого. *Вестник МГУ. История* (3), 51—65.
- Рапов О. М. 1998. *Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства*. Москва: Русская панорама.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Салмин С. А. 2016. Оружие псковского некрополя X — нач. XI в. В: Лабутина И. К. (глав. ред.). *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 2. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003—2009 гг. у Старовознесенского монастыря)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 466—475.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Спицын А. А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова*. МАР 29. Санкт-Петербург.
- Соболев В. Ю. 2010. Исследования древнерусских курганов у дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.). В: Михайлова Е. Р. (отв. ред.). *Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 109—118.
- Соболев В. Ю. 2015. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования. *АВ* 21, 352—367.
- Соболев В. Ю. 2016а. Погребальный обряд населения Новгородской земли в XI—XII вв. Сложение традиции. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология Владимиро-Суздальской земли 6*. Материалы научного семинара. Москва: ИА РАН, 200—210.
- Соболев В. Ю. 2016б. Наборные пояса в Новгородской земле XI—XII вв. В: Алексеев Д. Ю., Аранович А. В. (ред.). *История военного костюма: от древнего мира до наших дней*. Материалы международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 12—24.
- Соболев В. Ю., Торопов С. Е. 2010. Находка древнерусского наборного пояса в Ильменском Поозерье. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран II*. Москва: Ломоносовъ, 350—360.
- Соболев В. Ю. 2019а. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли. В: Белецкий С. В. (отв. ред.). *Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается*. Санкт-Петербург: Книжная Типография Санкт-Петербург, 384—394.
- Соболев В. Ю. 2019б. Копьё и топор. Оружие в средневековых погребениях запада Новгородской земли. *Stratum plus* (5), 113—121.
- Степанова Ю. В., Орфинская О. В., Соболев В. Ю. 2019. Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): история изучения и материалы раскопок. *Записки ИИМК РАН* 21, 125—139.
- Сумина И. А. 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья. *Тр. ГИМ* 111. Археологический сборник. Москва: ГИМ, 167—189.
- Тарабардина О. А. 2007. *Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991—2005 гг.)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Томсинский С. В. 2004. *Угличское поле в IX—XIII веках*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Хвоцинская Н. В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли. Могильник Залахтовье*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Янин В. Л. 1983а. День десятого века. *Знание — сила* (3), 15—18.
- Янин В. Л. 1983б. Как и когда крестили новгородцев. *Наука и религия* (11), 27—31.

References

- Bel'skii, S. V. 2012. *Mogil'nik Kiulialakhti-Kalmistomiaki v Severo-Zapadnom Priladozh'e. Rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy 2006—2009 godov* (Kylälähti-Kalmistomäki Burial Ground in the North-Western Ladoga Lake Area: results of archaeological research in 2006—2009). Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Goniani, M. I. 1999. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 111. Series: *Arkheologicheskii sbornik* (Archaeological Collected Papers. Moscow, 128—146 (in Russian).
- Zaitseva, I. E. 2008. In Makarov, N. A., Chernetsov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX—XVI vekakh* (Rural Rus in the 9th—14th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ., 275—287 (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1959. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition) I. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 166, 98—103 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. In Lebedev, G. S. (ed.). *Arkheologicheskoe izuchenie Novgorodskoi zemli* (Archaeological Study of Novgorod Land). Leningrad, 118—153 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1988. *Pogrebal'nye pamiatniki Severo-Zapada Novgorodskoi zemli i Novgorod XI—XIV* (synchronizatsiia veshchevykh kompleksov) (Funerary Sites in the North-western Part of the Novgorod Land and Novgorod in 11th—14th Centuries: Synchronisation of Material Complexes). PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1990. In *Materialy po arkheologii Novgorodskoi zemli*. 1988 (Materials on Archaeology of Novgorod Land. 1988). Novgorod, 29—98 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1996. In *Chelo* (Brow) 2 (9). Veliky Novgorod (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2006. In *Arkheologiya Verkhnego Povolzh'ia* (Archaeology of the Upper Volga Region). Moscow, 244—252 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 149—157 (in Russian).
- [Lesman, Yu. M.] *Khronologiya iuvelirnykh izdelii Novgoroda XI—XV vv.* (Chronology of the Novgorod Jewelry in 11th—15th Centuries). Manuscript (in Russian).
- Lopatin, N. V. 2002. In *Izborsk i ego okrug* (Izborsk and its Suburbs). Pskov, 48—52 (in Russian).
- Mikhailov, K. A., Soboлев, V. Yu. 2000. In *Arkheologicheskie vesti* (Archaeological News). Saint Petersburg (in Russian).
- Morgunov, Yu. Yu. 2012. *Letopisnyi gorod Sneporod i ego okru-*

- ga v X—XIII vv. (*The Sneporod Town Known from Chronicles and its Environs in 10th—13th Centuries*). Saint Petersburg: Department of Philology, Saint Petersburg State University (in Russian).
- Musin, A.E. 2002. *Khristianizatsiia Novgorodskoi zemli v IX—XIV vekakh. Pogrebal'nyi obriad i khristianskie drevnosti* (*Christianization of the Novgorod Land in 9th—14th Centuries: Funerary Rite and Christian Antiquities*). Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Musin, A.E. 2005. *Milites Christi Drevnei Rusi. Voinskaia kul'tura russkogo srednevekov'ia v kontekste religioznogo mentaliteta* (*Milites Christi of the Ancient Rus. Warrior Culture of the Russian Middle Ages in the Context of Religious Mentality*). Series: Militaria Antiqua VIII. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Petrov, M.I., Sobolev, V. Yu. 2018. In Lopatin, N.V. (ed.). *Arkheologii i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* (*Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land*) 33. Moscow: Pskov: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146—156 (in Russian).
- Rapov, O.M. 1988. In *Vestnik MGU. Istorii* (*Bulletin of the M.V. Lomonosov Moscow State University: History*) (3), 51—65 (in Russian).
- Rapov, O.M. 1998. *Russkaia tserkov' v IX — pervoi treti XII v. Priniatie khristianstva* (*The Russian Church in the 9th — First Third of the 12th Centuries: Adoption of Christianity*). Moscow: "Russkaia Panorama" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (*Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends*). Saint Petersburg: "Nestor-Istorii" Publ. (in Russian).
- Salmin, S.A. 2016. In Labutina, I.K. (ed.-in-chief). *Drevnerusskii nekropol' Pskova X — nachala XI vv. (Ancient Russian Necropolis of Pskov of 10th — Early 11th Centuries) 2. Kamernye pogrebeniia drevnego Pskova X v. (po materialam arkheologicheskikh raskopok 2003—2009 gg. u Starovoznesenskogo monastiria)* (*Chamber Graves of Ancient Pskov of 10th Century: on the Excavations Materials of 2003—2009 near the Starovoznesensky Monastery*). Saint Petersburg: "Nestor-Istorii" Publ., 466—475 (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.)* (*Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Spitsyn, A.A. 1903. *Gdovskie kurgany v raskopkakh V.N. Glazova* (*Gdov Barrows in V.N. Glazov's Excavations*). Series: Materialy po arkheologii Rossii (*Proceedings for the Archaeology of Russia*) 29. Saint Petersburg (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2010. In Mikhailova, E.R. (ed.). *Issledovaniia pogrebal'nykh pamiatnikov na zapade srednevekovoi Novgorodskoi zemli* (*Studies on Funerary Sites in the Western Part of the Medieval Novgorod Land*). Saint Petersburg: "Nestor-Istorii" Publ., 109—118 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2015. In *Arkheologicheskie vesti* (*Archaeological News*) 21, 352—367 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2016. In Makarov, N.A. (ed.). *Arkheologiiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli. (Materialy nauchnogo seminara)* (*Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land: Proceedings of the Seminar*) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. 200—210 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2016. In Alekseev, D. Yu., Aranovich, A.V. (eds.). *Istorii voennogo kostiua: ot drevnego mira do nashikh dnei* (*History of the Military Costume: from the Ancient World to Our Days*). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 12—24 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu., Toropov, S.E. 2010. In Nosov, E.N., Beletskii, S.V. (eds.). *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran* (*Corner-Stone. Archaeology, History, Arts and Culture of Russia and Its Neighbours*) II. Moscow: "Lomonosov" Publ., 350—360 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2019. In Beletskii, S.V. (ed.). *Zemlia nasha velika i obil'na... 90-letiiu A.N. Kirpichnikova posviashchaetsia* (*Our Land is Great and Plentiful: Collected papers to the 90th Anniversary of A.N. Kirpichnikov*). Saint Petersburg: "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 384—394 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 113—121 (in Russian).
- Stepanova, Yu.V., Orfinskaia, O.V., Sobolev, V. Yu. 2019. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* (*Transactions of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences*) 21, 125—139 (in Russian).
- Sumina, I.A. 1999. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (*Proceedings of the State Historical Museum*) 111. *Arkheologicheskii sbornik* (*Archaeological Collected Papers*). Moscow: State Historical Museum, 167—189 (in Russian).
- Tarabardina, O.A. 2007. *Dendrokhronologiiia srednevekovogo Novgoroda (po materialam arkheologicheskikh issledovaniia 1991—2005 gg.)* (*Dendrochronology of Medieval Novgorod: by the Data of Archaeological Investigations in 1991—2005*). PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Tomsinskii, S.V. 2004. *Ugleche pole v IX—XIII vekakh* (*Ugleche Pole (the Uglich Town) in 9th—13th Centuries*). Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Khvoshchinskaia, N.V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhfov'e)* (*Finns in the West of Novgorod Land (by materials of graveyard Zalakhfov'e)*). Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences VI. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Yanin, V.L. 1983. In *Znanie — sila* (*Knowledge is Power*) (3), 15—18 (in Russian).
- Yanin, V.L. 1983. In *Nauka i religiia* (*Science and Religion*) (11), 27—31 (in Russian).

Статья поступила в сборник 2 марта 2020 г.

Vladislav Sobolev (Saint Petersburg, Russian Federation), Saint Petersburg State University¹.

Соболев Владислав Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия). Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: vlad.sobolev@mail.ru

Address: ¹ Universitetskaya Emb., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

А. В. Курбатов

О редкой находке в Березове на севере Западной Сибири

Keywords: Western Siberia, Late Medieval Age, Berezov town, leather objects, carbine holster (olstra)

Ключевые слова: Западная Сибирь, позднее средневековье, город Березов, кожаные изделия, чехол для карабина (ольстра)

A. V. Kurbatov

A Rare Find from Berezov in the North of Western Siberia

In 2018, at the townsite (late medieval posad or suburb) within the modern urban settlement of Berezovo, in the north of Western Siberia, at the low reaches of the Ob River (Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Tyumen Oblast), eight horizons of dwelling and economic buildings of the 17th—18th century were excavated. At estate no. 8, in the fifth building horizon, remains of a dwelling log-house no. 20 and adjoining log household building no. 20A were uncovered. In the latter building, in a layer of rotten straw and manure, a rare archaeological object was found — a leather carbine holster (olstra) with embossed decoration. The estate was functioning in the second half of the 17th century.

The holster from Berezovo was the seventh find of this kind of leather objects in the whole history of archaeological investigations in the Russian Federation. The holster is intended for carrying carbine on the shooter's back or being suspended on the front pommel of the saddle. It was suspended with the help of belts run through holes in the holster, similarly to the finds from Moscow. To the Moscow find, the Berezovo find is close also in terms of its purpose — used for a carbine, as well as the decorative ornamentation with incised figures. This fact suggests that this object was manufactured by Moscow artisans.

A. B. Курбатов

О редкой находке в Березове на севере Западной Сибири

В 2018 г. на городище в пгт. Березово (позднесредневековый посад) на севере Западной Сибири, в низовьях р. Обь (ХМАО — Югра, Тюменская область), были изучены 8 ярусов жилой и хозяйственной застройки XVII—XVIII вв. На усадьбе 8 в пятом строительном ярусе раскрыты остатки срубной жилой постройки № 20 и примыкавшей к ней срубной же хозяйственной постройки № 20А, где в слое соломы и навоза встречен редкий археологический предмет — кожаный чехол для карабина (ольстра) с набивным декором. Время функционирования комплекса усадьбы — вторая половина XVII в.

Чехол из пгт. Березово стал седьмой находкой такого вида кожаных изделий за все время археологических исследований в Российской Федерации. Чехол предназначен для ношения карабина за спиной стрелка или подвешенным на переднюю луку седла. Он подвешивался при помощи ремней, продернутых в отверстия на чехле, таких же, как у находок в Москве. С московским чехлом березовскую находку сближает и назначение — для карабина, а также декоративная отделка из просечных фигур. Это позволяет видеть в последней изделие московских мастеров.

Введение

В 2018 г. были продолжены археологические раскопки на городище в пгт. Березово (позднесредневековый посад), расположенном на севере Западной Сибири, в низовьях р. Обь (ХМАО, Тюменская область). Раскопки на том же месте уже проводились в 2009 г., но ограниченность времени и финансов не позволила довести их до материка, а раскопанная площадь была законсервирована¹. В 2018 г. раскоп 2-18 площадью 216 кв. м.

почти полностью был завершен (законсервировано 24 кв. м.). На раскопе открыто 8 ярусов жилой и хозяйственной застройки, датированной XVII—XVIII вв.

На усадьбе 8 в пятом строительном ярусе раскрыты остатки срубной жилой постройки № 20 и примыкавшей к ней срубной же хозяйственной постройки № 20А. Отмечено, что все постройки этого строительного яруса сгорели в пожаре. В постройке № 20А за время ее функционирования отложился слой соломы и навоза толщиной до 15—19 см, что позволяет видеть в ней сени или хлев. В этом слое сохранился набор обыденных хозяйственных предметов, среди которых можно назвать единственную на сегодня находку берестяного

¹ Работы проводила ООО «НПО «Северная археология-1». В 2009 г. раскопками руководил Г. П. Визгалов, в 2018 г. — О. В. Кардаш.

лекала для выкройки перчаток. Здесь же были встречены и редко находимые при археологических раскопках кожаные изделия — чехол для карабина с набивным декором и обтяжка футляра для компаса, на поверхность которого был нанесен тисненый декор. Время функционирования комплекса усадьбы — 2-я пол. XVII в. (Отчет 2019: Л. 102—133, рис. 105).

Широкий спектр применения кожаных изделий в разных областях жизни в древности и средневековье неоднократно отмечался в научных работах (Курбатов 2015: 283). Сегодня становится очевидным, что отмеченная ранее ограниченность ассортимента кожаных изделий в археологических материалах была следствием недостаточного внимания к изучению всего массива археологических находок из кожи, среди которых преобладают обрезки и обрывки изделий. В ряду изделий, определяемых в последние годы, есть кожаные чехлы для ручного стрелкового оружия.

Описание находки

Чехол для карабина вырезан из одного куска дубленой кожи крупного рогатого скота или лошади (рис. 1). Он представляет собой узкий длинный рукав или «чулок», расширяющийся от ствола к затыльной части, включавшей ударно-спусковой механизм и упор приклада. Общая длина чехла 94 см, при этом на ствол и переднюю узкую часть ложа приходится 71,5 см, при ширине 6,8 см в средней части ствола и 6,4 см на конце чехла. Его расширенный конец имеет длину 22,5 см и ширину 14,5 см. Тыльный край чехла наполовину оборван, но оставшийся участок поперечного среза показывает его первоначальный вид и размер. По краю устья с внутренней стороны кожи (с бахтармы) сохранился обметочный шов, вероятно, след от подшивания дополнительной детали, которая могла полностью закрывать деревянное ложе карабина.

Чехол сшивался по продольным краям раскройкой выворотным швом с выходом стежков наружу. Торец раскройки у дульного среза также зашит сквозным швом. Для ношения чехла или его крепления на луке седла на обеих сторонах расширенной части сделаны парные прорезы шириной 2,5—2,6 см. На одной стороне сохранилось две пары прорезей, на другой — одна, но вторая могла быть на оборванном фрагменте. В парных прорезях сохранились фрагменты кожаных ремней шириной 2,5 см, продернутые сквозь прорезы, но основная часть их была на внутренней стороне и пришта к бахтарме. Ремни в прорезях служили для фиксации продетых в них

кожаных (?) ремней — *погонов*, которые перекидывали через плечо или крепились на седле (СлРЯ XI—XVII вв. 1989, 15: 192).

Декор чехла включал две поперечные полосы шириной 2,5 см, включающие линию повторяющихся частых фигурных просечек, ограниченную с обеих сторон просечными кружками. Между двумя полосами декора имеются серии локальных круглых просечек — на одной стороне они выложены в виде креста, а на другой — также в форме креста, в середине изделия, и треугольника по краям чехла.

Исторические данные

Надо полагать, что детали воинской экипировки и охотничьего снаряжения в средневековье часто делались из кожи. Одним из предметов воинского снаряжения в XVI—XVII вв. была *ольстра*, или *ольстро*, чехол для пистоля или карабина, привешиваемый у передней луки седла (Курбатов 2014: 99 и сл.). Слово заимствовано из немецкого языка, где *Holstr* означает «чехол, футляр, кобура» (Фасмер 1996: III: 137). Это название бытовало и в XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 2006, 16: 269), в том числе в варианте *ольстредь*: «Как на строевых, так и на заводных лошадей, кому оныя положены, содержать седла с ольстреди кожанья, муштуки, поперсти, пахви, ременные черныя» (СлРЯ XVIII в. 2019, 22: 53).

Современное название такого предмета — *кобура* — было заимствовано в русский язык из тюркских языков не ранее середины XIX в. (ЭС 1982: 178). В источниках XVII—XVIII вв. *кобуру* и «чехлы вообще» часто называли исконно русским словом *нагалище* (СлРЯ XI—XVII вв. 1983, 10: 46), которое бытовало и в XIX—XX вв. (Аникин 2003: 388). Но нагалищами называли и чехлы для ножей. В записных книгах Сольвычегодской таможни за 1723 г. читаем: «Десят пар ножей згибных с вилками черене роговое в нагалищах по две гривны пара» (СлРЯ XVIII в. 2011, 18: 201).

В русской среде чехлы использовали и в конном, и в пешем войске, учитывая ношение огнестрельного оружия при различной погоде и на походе. Тяжелые ручные фузеи с чехлами упомянуты в тобольских документах: «[1737] (Украли) фузею со штыком и с нагалищем да свежих тритцат(ь) нельм» (СРНДРС 1991: 78). Хотя фузеями могли называть и короткие драгунские карабины: «В драгунские в 9 полков надобно: 20 сум пороховых, 20 сум пулечных, 7806 нагалищ к фузеям» (СлРЯ XVIII в. 2003, 13: 150).



Рис. 1. Чехол для карабина из раскопок Березовского кремля в 2018 г.: 1 — общий вид; 2 — деталь (фото сделано в лаборатории НПО «Северная археология-1»).

Fig. 1. Carabine holster from excavations of the Berezov Kremlin in 2018: 1 — general view; 2 — detail (photo taken in the laboratory of the research and production association “Northern Archeology-1”).

В Московском государстве пошив чехлов для личного стрелкового оружия контролировал Дворцовый приказ, а шили чехлы особые мастера — *олстрельники* (Фасмер 1996, III: 137; СлРЯ XI—XVII вв. 1983, 10: 46). Надо полагать, что чехлы обязательно прилагались при продаже личного оружия или выдавались служилым людям из приказа. Из хозяйственных книг XVI—XVII вв. видно, что они прилагались к разным видам оружия: «олстро пистолное», «олстра пицальная», «олстришко карабинное» (СлРЯ XI—XVII вв. 1987, 12: 362). Кроме того, известно, что запасы вооружения, в том числе холодного и стрелкового оружия, хранились во многих крупных монастырях, например, в северных — Кожезерском (Косцова 2008: 77) и Соловецком (Буров 2006: табл. 1).

Конница в Московском государстве XVI—XVII вв. составляла элитный род войск, формируемый из высших дворян, и снаряжение их было, соответственно, дорогим и богато украшенным. В «рописи имущества» Николая Романова 1657 г. указана цена: «олстришко карабинное, цена 6 алтын 4 деньги» (СлРЯ XI—XVII вв. 1987, 12: 362). Осо-

бым заказом были чехлы для царя: «[1691] Сделать вновь пару ольстрь пистольныхъ, отвороты выстрочить по червчатому гзу турецкимъ волоченымъ золоченымъ серебромъ» (СлРЯ XI—XVII вв. 1976, 3: 260).

В XVI и особенно в XVII в. в Русском государстве использовали много стрелкового оружия, сделанного в европейских мастерских. Русские купцы, торгующие в Западной Европе, как и сотрудники царских посольств ко дворам европейских монархов, имели указания закупать европейское оружие и вербовать военных специалистов в русскую армию. В 50—60-е гг. XVII в. Россия вела войны со Швецией и Польшей, что требовало большого количества оружия. В связи с этим царский двор неоднократно просил Генеральные штаты Голландии продать оружие. Мушкетеры, карабины и пистолеты неоднократно покупали там десятками тысяч и везли в Россию через Архангельск. В описях назывались и ольстры: «Пара пистолей золочено местами с олстры с отвороты бархатными 7 р. 2 ал.» (Бакланова 1928: 65—66).

Историки отмечали, что отечественная промышленность в XVII в. не могла обеспе-

чить ручным огнестрельным оружием нужды армии, численность которой во 2-й пол. столетия достигала сотен тысяч человек. Поэтому нередко приходилось закупать крупные партии оружия за границей. Это отмечал в своей работе и Георгий Котошихин: «да ружье же, карабины и пистолы сь ольстры, и мушкеты, и банделеры на царской обиходъ покупають в-ыныхъ государствахъ, где прилучитца» (Котошихин 1859: 90). Например, в 30-х гг. было приобретено за рубежом 5420 мушкетов и мушкетных стволов, 2262 карабина, 2340 пар пистолетов; в 1654 г. в Голландии куплено 20 тысяч мушкетов, в 1660 г. — еще 12 800 мушкетов (Елифанов 1979: 270).

Хотя русские мастера давно делали чехлы, часть оружия поступала Россию вместе с ними: «[1645] Да 2 пистоля немецкие, а замки колесные, а ольстры с наметом, сукно червчетое» (СОРЯ 2016, 7: 75). Можно отметить, что массовое производство вооружения в Московском государстве, с учетом формирования европейских полков «иноземного строя», требовала определенной унификации и самого оружия, и комплекта всего воинского снаряжения, в том числе «рейтарской службы», включавшей карабин и пару пистолей в ольстрах с соответствующей экипировкой (Елифанов 1979: 274—275).

Изобразительные материалы и музейные коллекции

Опубликованные материалы по ольстрам единичны. В капитальном издании материалов Оружейной палаты, вошедшей в «Древности Российского Государства», имеется рисунок кобуры, но в подписи она названа «чушкой» (ДРГ 1853: №130). Это чехол для пистоля, по-видимому, двуслойный, с тканевой обшивкой расширенного устья и отворотом, закрывавшим рукоять пистоля. На лицевой стороне видны тисненые лепестки цветов, ряды которых разделены вертикальными тиснеными линиями.

Изображение пистоля с ольстром, закрепленном на передней луке седла, где устье чехла закрывалось клапаном и имело соответствующий отворот, видно на гравюре из Вальдхаузена, опубликованной в 1616 г. (Christian IV and Europe 1988: 357), а также на картине неизвестного художника, запечатлевшего примерно в 1638—1640 гг. сюжет «Христиан IV как фортификационный инженер Копенгагена» (там же, cat. №1218).

Образцы ольстры для пистоля с декоративной накладкой или отворотом, возможно

германской работы, можно видеть на гравюре И.-Д. Глекера 2-й пол. XVII в., изображившей конную фигуру Фредерика Вильгельма II, герцога Сакс-Альтенбургского (Мерцалова 2001: 269, рис. 289), а также на жанровой картине голландского художника Д. Тенирса Младшего «Караульня», где показано сложенное на полу помещения военное оружие и снаряжение 1640—1650-х гг. (Мерцалова 2001: 184—185, рис. 201).

Среди музейных экспонатов можно назвать 2 пары богато украшенных бархатных пистольных ольстр из собрания Московской Оружейной палаты. Они записаны как ольстры русской работы. В описании добавлено, что «расшитые тесьмой и бахромой широкие отвороты и клапаны ольстр прикрывали подпатронники, где хранились заготовленные бумажные патроны с порохом и пулей» (Гордеев 1954: 6, рис. 1).

Археологические находки

Ольстры редко выделяются в археологических материалах. Сегодня мы можем судить о внешнем виде, форме и размерах чехлов для ручного огнестрельного оружия по единичным опубликованным находкам в Москве, Ивангородской крепости и сибирской крепости Тара.

В Москве найдены три ольстры, две из которых относятся к территории бывшей Стрелецкой слободы, в районе современной Манежной площади: первая — в слоях конца XVII—XVIII вв. на Манежной площади (Векслер, Осипов 1999: 214, рис. 1: 9), вторая — в доме купца Силина, в квартале слободской застройки XVII в. (Векслер и др. 1996: 104—105). Последняя находка, по замечанию публикаторов, имела «тисненый орнамент». В одной из последних публикаций она отмечена среди находок на ул. Ильинка (рис. 2). Третья находка упоминается в материалах раскопок 2015 г. в Зарядье (Осипов 2017: 199, рис. 7: 3). Д. О. Осипов дал описание находки в Зарядье: длина — 50 см, ширина нижней узкой части (под ствол) — 5—9 см, ширина верхней части, закрывающей рукоять пистолета с замком — 16—18 см. Цельнокроенный футляр, вывернутый бахтармой наружу, сшит сбоку переметочным швом (или швом «через край»), что показывает, по мнению исследователя, перед нами внутреннюю часть чехла, а его лицевая сторона, скорее всего, была матерчатой (Осипов 2017: 209). Эта находка в отреставрированном виде показана в одной из популярных статей по археологии Москвы

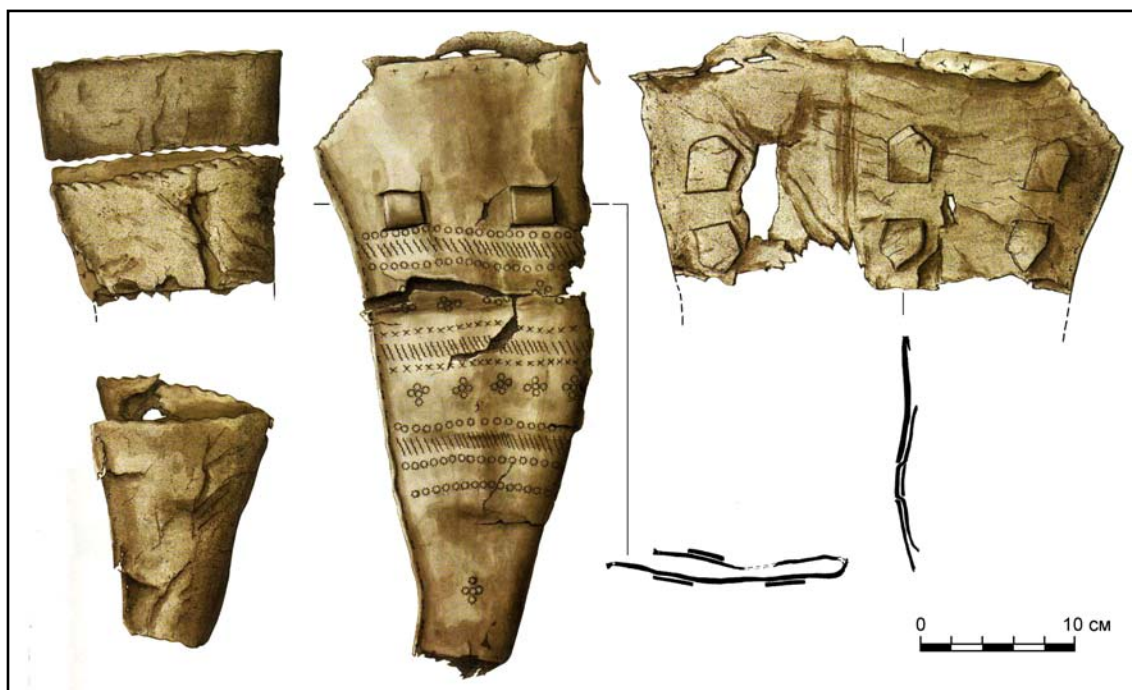


Рис. 2. Чехол из раскопок на ул. Ильинка в Москве (по Векслер 2015: илл. 197).

Fig. 2. Holster from excavations on Ilyinka St. in Moscow (after Векслер 2015: илл. 197).

как находка у Манежной площади (Молошников 2017).

Д. О. Осипов с группой исследователей опубликовали две седельные кобуры, найденные при раскопках сибирской крепости Тара. Чехол, сохранившийся в лучшем состоянии, выкроен из цельного куска толстой кожи, сложенной вдвое, и прошит сквозным швом по боку, напротив стига. В собранном виде футляр имеет длину 56 см и расширяется в верхней части, где сделаны прорезы для кожаных ремней, с помощью которых кобура крепилась к седлу (Осипов и др. 2017: 117, рис. 7). Второй чехол сохранился не полно — его нижняя часть была отрезана для вторичного использования.

В Ивангородской крепости одно изделие встречено в раскопе 1990 г. в комплексе конца XVI — нач. XVII вв. (Курбатов 1995: 203—204, рис. 14). Данный комплекс представляет скопление более 3 тыс. кожаных предметов в верхней части заполнения материковой ямы, датированной стратиграфически и по серии монет. От чехла сохранилась одна половина, деталь вытянутых пропорций, длиной более 35 см, значительно расширенная в верхней части (в устье), где отмечается и заметное растяжение кожи. По всем краям детали сохранились следы обметочных швов. Они предполагают сшивание со второй деталью аналогичной (?) формы, а также обшивку по устью.

Можно высказать и новую трактовку находки в Мангазее в 1968—1973 гг. кожаного *налуча* (Белов и др. 1981: 74, рис. 14: 12). Скорее всего, это также чехол для пистоля.

Заключение

В археологических материалах последних лет продолжают открываться новые виды средневековых кожаных изделий, подтверждая ранее высказанное предположение о необычайной широте использования кожи в средневековой жизни. Одной из редких находок такого рода можно назвать кожаный седельный чехол для пистоля, который в Московском государстве называли *ольстра*.

Чехол из пгт. Березово становится седьмой находкой такого вида кожаных изделий за все время археологических исследований на территории современной Российской Федерации. Изделие предназначено для ношения карабина за спиной стрелка или подвешенным на переднюю луку седла. Оно подвешивалось при помощи ремней, продернутых в отверстия на чехле, таких же, как у московских находок. С московским чехлом березовскую находку сближает и назначение — для карабина, а также декоративная отделка из просечных фигур. Это позволяет видеть в последней находке изделие московских мастеров.

Литература

- Аникин А. Е. 2003. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука.
- Бакланова Н. А. 1928. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. В: *Очерки по истории торговой промышленности в России в 17 и 18 столетии*. Труды ГИМ 4. Москва: Госполитиздат, 5—118.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. 1981. *Мангазея II. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв.* Москва: Наука.
- Буров В. А. 2006. Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVIII—XIX вв. *Соловецкий сборник* 3. Архангельск, 42—119.
- Векслер и др. 1996: Векслер А. Г., Беркович В. А., Васильев Ю. Ю., Долбня Д. В., Зайцев В. В., Кондрашев Л. В. 1996. Охранные археологические исследования в Москве. *АО* 1995 г., 104—106.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О. 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.). В: *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 3. Тверь, 214—221.
- Векслер А. Г. 2015. Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. *Материалы исследований*. Москва: ТМ Продакшн.
- Гордеев Н. В. 1954. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века. В: *Богоявленский С. К.; Новицкий Г. А. (ред.). Государственная Оружейная палата Московского Кремля*. Москва: Искусство, 1—60.
- ДРГ 1853: Солнцев Ф. Г. 1853. *Древности Российского Государства*. Отд. III. Альбом. Москва.
- Елифанов П. П. 1979. Оружие. В: *Арциховский А. В. (ред.). Очерки русской культуры XVII в.* Ч. 1. *Материальная культура. Государственный строй*. Москва: МГУ, 265—283.
- Косцова А. С. 2008. *Вкладная книга Кожезерского монастыря*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Котошихин Г. 1859. *О России в царствование Алексея Михайловича*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
- Курбатов А. В. 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости. *РА* (2), 198—208.
- Курбатов А. В. 2014. Олстра по письменным и археологическим данным. *Stratum plus* (6), 99—102.
- Курбатов А. В. 2015. Сумки-омоньеры в русских средневековых городах. *AB* 21, 283—291.
- Мерцалова М. Н. 2001. *Костюм разных времен и народов*. Т. II. 3-е изд. Санкт-Петербург: Чарт Пилот.
- Молошинова М. 2017. Находки Зарядья. *Московское наследие* 51 (3), 65—70.
- Осипов Д. О. 2017. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги). В: *Энговатова А. В. (отв. ред.). Археология Подмосковья. Материалы научного семинара* 13. Москва: ИА РАН, 199—226.
- Осипов и др. 2017: Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Чёрная М. П. 2017. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012—2014 гг.). *АЭАЕ* 45 (1), 112—120.
- Отчет 2019: Кардаш О. В. 2019. *Отчет о научно-исследовательской работе «Многовековая Югра: история расселения и адаптации человека на Севере Западной Сибири (экологический и социокультурный аспекты)»*. 2019. Археологические раскопки, проведенные в 2018 году на территории посада пгт. Березово Ханты-мансийского автономного округа — Югры (рук. О. В. Кардаш, исп. Г. П. Визгалов). Нефтеюганск.
- СОРЯ 2016, 7: Мжельская О. С. (ред.). 2016. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков* 7. Санкт-Петербург: Наука.
- СРНДРС 1991: Панин Л. Г. 1991. *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в.* Новосибирск: Наука.
- СлРЯ XI—XVII вв. 1976, 3: Бархударов С. Г. (гл. ред.). 1976. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 3. Москва: Наука.
- СлРЯ XI—XVII вв. 1983, 10: Филин Ф. П. (гл. ред.). 1983. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 10. Москва: Наука.
- СлРЯ XI—XVII вв. 1987, 12: Шмелев Д. Н. (гл. ред.). 1987. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 12. Москва: Наука.
- СлРЯ XI—XVII вв. 1989, 15: Богатова Г. А. (гл. ред.). 1989. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 15. Москва: Наука.
- СлРЯ XVIII в. 2003, 13: Сорокин Ю. С. (гл. ред.). 2003. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 13. Санкт-Петербург: Наука.
- СлРЯ XVIII в. 2006, 16: Петрова З. М. (гл. ред.). 2006. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 16. Санкт-Петербург: Наука.
- СлРЯ XVIII в. 2011, 18: Петрова З. М. (гл. ред.). 2011. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 18. Санкт-Петербург: Наука.
- СлРЯ XVIII в. 2019, 22: Алексеев А. А. (ред.). 2019. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 22. Санкт-Петербург: Наука.
- Фасмер М. 1996. *Этимологический словарь русского языка*. 3-е изд. Т. I—IV. Санкт-Петербург: Азбука; Терра.
- ЭС 1982: Шанский Н. М. (ред.). 1982. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II. Вып. 8. Москва: МГУ.
- Christian IV and Europe 1988: Heiberg S. (ed.). 1988. *Christian IV and Europe. The 19th Art Exhibition of the Council of Europe, Denmark 1988. Catalogue*. Copenhagen: Foundation for Christian IV Year 1988.

References

- Anikin, A. E. 2003. *Etimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovaniy v iazykakh Sibiri* (Ethimological Dictionary of Russian Borrowed Words in Siberian Languages). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Baklanova, N. A. 1928. In *Ocherki po istorii torgovoi promyshlennosti v Rossii v 17 i 18^oletii* (Essays on the History of Trade in Russia in the 17th and 18th Centuries). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 4. Moscow: State Historical Museum, 5—118 (in Russian).
- Belov, M. I., Ovsiannikov, O. V., Starikov, V. F. 1981. *Mangaezia: Material'naia kul'tura russkikh poliarnykh morekhodov i zemleprokhodsev XVI—XVII vv.* (Mangazeia: Material Culture of the Russian polar explorers and sailors in 16th —

- 17th Centuries) II. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Burov, V.A. 2006. In *Solovetskii sbornik (Solovetsky Islands Collected Papers)* 3. Arkhangel'sk, 42—119 (in Russian).
- Veksler, A.G., Berkovich, V.A., Vasil'ev, Yu. Yu., Dolbnia, D.V., Zaitsev, V.V., Kondrashev, L.V. 1996. In *Arkheologicheskie otkrytiia-1995 g. (Archaeological Discoveries in 1995)*. Moscow: "Nauka" Publ., 104—106 (in Russian).
- Veksler, A.G., Osipov, D.O. 1999. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* 3. Tver, 214—221 (in Russian).
- Veksler, A.G. 2015. *Moskva. Raskopki na Velikom posade. Ulitsa Il'inka, Birzhevaia ploshchad', Staryi Gostinyi dvor. Materialy issledovaniia (Moscow: Excavations on the Great Posad; Ilyinka Street; Bourse Square; Old Gostiny Dvor: Research Materials)*. Moscow: «TM Prodakshn» Ltd. (in Russian).
- Gordeev, N.V. 1954. In *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia (The State Kremlin Armory)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ., 1—60 (in Russian).
- Drevnosti Rossiiskogo gosudarstva, izdannye po vysochaishemu poveleniiu (Antiquities of the Russian State Edited by the Imperial Order. Part III)*. Moscow. 1849—1865. Part III. *Al'bom (Album)*. Moscow: Typography of August Semen (in Russian).
- Epifanov, P.P. 1979. In *Ocherki russkoi kul'tury XVII v. (Essays on Russian Culture of 17th Century)* I. Moscow: Moscow State University, 265—283 (in Russian).
- Kostsova, A.S. 2008. *Vkladnaia kniga Kozheozerskogo monastiria (Book of Contributions of Kozheozersky Monastery)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Kotoshikhin, G. 1859. *O Rossii v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha (On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich)*. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Kurbatov, A.V. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (2), 198—208 (in Russian).
- Kurbatov, A.V. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 99—102 (in Russian).
- Kurbatov, A.V. 2015. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 21, 283—291 (in Russian).
- Mertsalova, M.N. 2001. *Kostium raznykh vremen i narodov (The Costume of Different Ages and Nations)* II. Saint Petersburg: "Chart Pilot" Publ. (in Russian).
- Moloshnikova, M. 2017. In *Moskovskoe Nasledie (The Moscow Heritage)* 51 (3), 65—70 (in Russian).
- Osipov, D.O. 2017. In *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 199—226 (in Russian).
- Osipov, D.O., Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S., Chernaia, M.P. 2017. In *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 45 (1). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 112—120 (in Russian).
- Kardash O.V. (dir.), Vizgalov G.P. (exec.). 2019. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote «Mnogovekovaia Iugra: istoriia rasseleniia i adaptatsii cheloveka na Severe Zapadnoi Sibiri (ekologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty)»*. Arkheologicheskie raskopki, provedennye v 2018 godu na territorii posada pgt. Berezovo Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga — Iugry (Report on the Research "Centuries-old Yugra: the history of human settlement and adaptation in the North of Western Siberia (environmental and sociocultural aspects)"). Archaeological Excavations in 2018 on the Territory of the Posad of the Berezovo Township, Khanty-Mansi Autonomous Region — Yugra). Nefteugansk (in Russian).
- Mzhel'skaia, O.S. (ed.). 2016. *Slovar' obikhnodnogo russkogo iazyka Moskovskoi Rusi XVI—XVII vekov (Dictionary of Everyday Russian Language of Moscow Russia in 16th—17th Centuries)* 7. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Panin, L.G. 1991. *Slovar' russkoi narodno-dialektnoi rechi v Sibiri XVII — pervoi poloviny XVIII v. (Dictionary of the Russian Dialect Language in Siberia in 17th — First Half of the 18th Century)*. Novosibirsk (in Russian).
- Barkhudarov, S.G. (ed.-in-chief). 1976. *Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (The Eleventh — Seventeenth Centuries Dictionary of Russian Language)* 3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Filin, F.P. (ed.-in-chief). 1983. *Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (The Eleventh — Seventeenth Centuries Dictionary of Russian Language)* 10. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shmelev, D.N. (ed.-in-chief). 1987. *Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (The Eleventh — Seventeenth Centuries Dictionary of Russian Language)* 12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bogatova, G.A. (ed.-in-chief). 1989. *Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (The Eleventh — Seventeenth Centuries Dictionary of Russian Language)* 15. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sorokin, Yu.S. (ed.-in-chief). 2003. *Slovar' russkogo iazyka XVIII v. (The Eighteenth Century Dictionary of the Russian Language)* 13. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Petrova, Z.M. (ed.-in-chief). 2006. *Slovar' russkogo iazyka XVIII v. (The Eighteenth Century Dictionary of the Russian Language)* 16. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Petrova, Z.M. (ed.-in-chief). 2011. *Slovar' russkogo iazyka XVIII v. (The Eighteenth Century Dictionary of the Russian Language)* 18. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseev, A.A. (ed.). 2019. *Slovar' russkogo iazyka XVIII v. (The Eighteenth Century Dictionary of the Russian Language)* 22. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vasmer, M. 1996. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russian Etymological Dictionary)*. In 4 vols. Saint Petersburg: "Azbuka" Publ.; "Terra" Publ. (in Russian).
- Shansky, N.M. (ed.). 1982. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka, pod red. N.M. Shanskogo (Etymological Dictionary of the Russian Language Edited by N.M. Shansky)* II (8). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Christian IV and Europe*. 1988. The 19th Art Exhibition of the Council of Europe. Denmark 1988. Catalogue. Copenhagen.

Статья поступила в сборник 16 марта 2020 г.

Alexandr Kurbatov (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Курбатов Александр Валентинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: alkurba@rambler.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Н. Д. Руссев

От разноцветных ниточек до косточек и ножиков: к истории этнографических предметов давнего детства

Keywords: left bank of the Lower Danube, 60s. 20th century, childhood environment, colouring, amulets, *martenitsa*, *sarma*, boys' games, *arshitsi*, small knives, Turkic traditions

Ключевые слова: левобережье Нижнего Дуная, 60-е гг. XX в., предметная среда детства, цветное исполнение, обереги, «мартеница», «сарма», мальчишечьи игры, «аршици», ножики, тюркские традиции

N. D. Russev

From Multi-Colored Threads to Bones and Small Knives: towards history of ethnographic objects from remote childhood

The author addresses artifacts of traditional culture shared by the Bulgarians from the left bank of the Lower Danube in 1960s. He reviews some peculiarities of this environment, which gradually introduced children to the adult world. These were the things that protected the growing generation from the harm and secured their health and wellbeing. The author describes the differently colored amulets (*martenitsa*) and wedding frippery (*sarma*). Special attention is paid to boys' games, such as dice (*arshitsi*) and knives, which reflected some centennial values of the Turkic nomads. Particularly, this concerns analogous use of cold weapons and their transmission from generation to generation.

Н. Д. Руссев

От разноцветных ниточек до косточек и ножиков: к истории этнографических предметов давнего детства

Статья посвящена артефактам традиционной культуры болгар левобережья Нижнего Дуная 60-х гг. XX в. Рассмотрены некоторые особенности предметной среды, постепенно вводившие детей в мир взрослых. Это были вещи, защищавшие подрастающее поколение от пагубного воздействия, обеспечивая им здоровье и благополучие. Описано использование различных по цветовому исполнению оберегов, «мартениц» и свадебной мишуры — «сарма». Особое внимание уделено мальчишечьим играм в кости — «на аршици», и в ножики, которые отразили некоторые вековые ценности тюркских кочевников. В частности, это касается аналогий при использовании холодного оружия и его передаче из поколения в поколение.

*Наш прошлый и не пошлый опыт
Воспоминаньями богат...*

Николай Глазков

Незабвенная С. С. Рябцева более двух десятилетий работала рядом с исследователями древней и средневековой Молдавии. Она незаметно, но прочно вошла в пеструю археологическую среду. Светлана не выпячивала своих знаний, в которых сплелись питерские интеллигентность и выучка, глубокие познания в истории и искусстве, а также собственное женское умение быть скромной и полезной. Как-то за совокупность всех качеств ее охарактеризовали одним, но весьма многозначительным эпитетом — «цепкая...».

Честно говоря, меня мало интересовали особенности костюмов, ювелирных изде-

лий, детали отделки и пр. Лишь после многих лет исследовательской работы становилась все более ясной глубина мысли великого Микеланджело: «Внимание к мелочам рождает совершенство, а вот совершенство уже не мелочь». На мой взгляд, Светлана поняла это значительно раньше и лучше своих коллег еще по причине особой подготовки, которой у большинства исследователей юго-запада бывшего СССР не было и не могло быть. У нее многому и многим можно было бы учиться...

В данной статье я пытаюсь обратиться к деталям, характеризовавшим материальную

культуру моего детства, прошедшего в поселке Суворово близ устья Дуная (теперь Измаильский район Одесской области, Украина). Село, основанное болгарскими переселенцами в 1815 г., с вхождением Бессарабии в состав СССР получило статус районного центра, который был упразднен только к 60-м гг. XX в. Это было время последних ярких проявлений традиционной культуры болгар, сошедших с моим детством и отрочеством.

Хочу, в какой-то мере следуя примеру Светланы Станиславовны, рассказать о немало важных мелочах — из круга ныне утраченных, а тогда еще живых артефактов традиционной культуры болгарской общности. То, что в моем сознании запечатлела детская память, я решил рассказать в надежде, что теперешнее изложение будет способствовать правильному смысловому истолкованию значения предметов из прошлого.

Человечество в ходе всей своей истории развивается в созданном им материальном мире как неотъемлемой части культуры, обладающей своеобразием и изменчивостью в каждой точке координат пространства и времени. Эта истина ныне считается доказанной. Как и то, что дети издревле приобщаются к миру своих родителей и разновеликих сообществ постепенно в процессе воспитания, средством чему служит развивающая предметная среда (Новоселова 1995: 3—5). Без нее социализация — собственно говоря, очеловечивание детенышей, едва ли возможна. К тому, что и как скрывает эта «величайшая тайна», современная наука все еще ищет новые пути.

Рождение ребенка в каждой семье — большое событие. Его издревле торжественно отмечали, поскольку в появлении нового человека люди видели достойного продолжателя себя. В исторические времена традиционная культура особенное внимание уделяла первенцам мужского пола. Однако здесь жизненная практика сталкивалась с двуединой, но противоречивой задачей — уберечь хрупкое здоровье младенца и приобщить его к общественной жизни. История столетиями вырабатывала правила движения к этой цели, обставив маршрут к ней условиями, среди которых немало знаков — предметов материальной культуры, выработанных традицией. Приведу примеры из личного опыта, за которыми следуют еще не всегда устоявшиеся в научной литературе объяснения.

Естественно, в первые недели жизни ребенка особенно оберегали от опасных кон-

тактов. У болгар младенец обычно находился с мамой в изолированной комнате, доступ в которую имели только две-три опытные женщины, как правило, из ближайших родственников. До 40 дней категорически запрещалось общение даже с членами семьи (мужчинами, другими детьми). К тому же молодой маме был строго запрещен выход за пределы двора. Только после благополучного завершения карантина начиналась общественная жизнь ребенка. Крещение знаменовало торжественное предъявление ребенка родственникам, за которым следовало дальнейшее постепенное расширение круга знакомств малыша (Державин 1914: 106—114).

Но и в это время при социальных контактах строго соблюдались некоторые знаковые правила, в том числе касающиеся материальной культуры, например, одеяния и украшений для младенцев. До недавних пор, как правило, стремились соблюдать цветовую символику одеялец: для мальчиков они были сине-голубыми, а для девочек — красно-розовыми.

Край одеяла, которым обычно прикрывали лицо грудничка, обязательно был отмечен оберегом от сглаза. Он представлял крупную бусину голубого цвета, иногда «глазчатую», брошь или даже подходящую пуговицу. Когда ребенок начинал ходить, эту вещь прикрепляли уже к шапочке, по центру над его лбом. Высказано мнение, что такой оберег от сглаза болгары могли позаимствовать у турок (Голант 2013: 125), хотя я не исключаю куда более древнего происхождения этого рода магических символов, возможно испытывших османскую моду.

Еще одна народная традиция, сохранившаяся до наших дней, связана с встречей весны. Я говорю о празднике, который символизируют две перевитые нити белого и красного цветов, известные в Карпато-Балканском ареале под названиями «*мартеница*» (у болгар) или «*мэрцишор*» (у молдаван и румын). Этот древний символ отмечен как характерная черта народных праздников болгар Бессарабии (Державин 1914: 161).

Рано утром 1 марта бабушка всегда появлялась эти ниточки на запястьях еще спящим малолетним внукам. Девочкам помимо руки аналогичным образом украшали и шею. Однако, я хорошо помню, что ритуальное действие не ограничивалось детьми. На подворье «*мартенички*» оказывались и на шеях у животных, в частности, ягнят. Не оставалось без внимания и жилище. Красной мартовской «лентой», изготовленной из старого пояса моего деда, ежегодно перевязывали один из столбов, под-

держивавших крышу террасы, которая тянулась вдоль лицевой стороны дома.

Для большинства моих ровесников, посещавших детский сад и тем более школу, ношение мартенички ограничивалось не месяцем, а всего несколькими часами. Официально объявленная «борьба с религиозными предрассудками», да и недолговечность материала сокращали жизнь этих древних символических вещей.

Возрождение «мартениц» стало происходить несколько позже, под флагом советско-болгарской дружбы. Тогда бессарабские болгары познакомились уже с серийными выпусками таких поделок, гораздо более усложненных типов. Аналогичные мартовские сувениры и сегодня широко распространены в странах Юго-Восточной Европы.

Вне всяких сомнений они обозначали новую жизнь. Не случайно цвета праздника легко связываются с известным народным выражением «*кровь с молоком*», которое обычно характеризует полных жизненных сил молодых людей. Поэтому «*мартенички*» прочно связаны с пожеланиями здоровья, красоты, удачи (Голант 2013: 120 и др.).

Еще один запомнившийся с детства материальный знак относится к свадебным торжествам. О традиционной сельской свадьбе у болгар, наверное, написано почти все. Я хочу напомнить лишь об одной детали в наряде невесты, исчезнувшей примерно к 70-м годам прошлого века. Это тонкие «золотые» или «серебряные» нити, двумя пучками красиво ниспадавшие с ее головы на плечи. Такой своего рода «дождик». Вряд ли бы я запомнил эту мелочь, если бабушка раз за разом не подводила меня к молодоженам, чтобы получить явно престижный в ее глазах подарок — «*сърма от булката*».

Новобрачная обычно с удовольствием делала такие подарки малолетним просителям, а их набиралось никак не меньше полутора-двух десятков. Запомнилось, как невеста почти царственно обрывала блестящую нить длиной 20—30 см и склонившись наматывала ее край на одну из пуговиц одежды мальчугана. Кажется, этим детские роли (моя и других счастливиц) ограничивались. Уже через день-другой мое приобретение куда-то исчезало.

Пытаясь разобраться с терминологией, пришлось выяснять, что диалектное болгарское слово происходит от турецкого *sirma*, то есть «*золото, золотой*» (Речник 1974: 489). В русском языке для обозначения этой тонкой металлической нити, обычно золотой или серебряной, употреблялись слова, хорошо из-

вестные теперь в переносном значении — «канитель», «мишура». В словаре В.И. Даля «*сарма*» толкуется как «перекат, порог речной; сарма по твердому, плоскому дну, по сланцу и лещадю». По-чувашски (единственный теперь живой тюрко-болгарский язык) этим словом называют скатерть — ткань, стелящуюся на твердую поверхность. Мишуру в свадебном венке невесты использовали и гагаузы (Курогло 1980: 69).

Могу только предположить, что *сарма* (варианты: *сърма*, *сорма*) была связана с древними представлениями болгар о богатстве, которому свойственно течь и утекать, а поэтому им следует делиться с людьми. Столь же логично передавать часть золота детям, включая не своих, но допущенных к таинству брака. Важно, что веночек невесты вместе с «сърмой» вышедшие замуж женщины сберегали всю жизнь. Этот свадебный атрибут моей бабушки, подобный которому был у большинства ее односельчанок того возраста, долго украшал главную семейную икону Богородицы с младенцем. Так, надо понимать, обеспечивалось надежное сохранение священных образов, как канонических, так и языческих.

Артефакты моего детства связываются и с религиозным праздником, который с размахом отмечали каждой весной. Это день Св. Георгия — 6 мая. С ним в течение веков болгары связывали начало производственного цикла, который продолжался до поздней осени. Именно 6 мая овец пригоняли на пастбища и передавали пастухам. Помимо продуманной до мелочей организации летней работы, ее начало требовало празднования. Общинное торжество со службой в церкви сопровождалось хождениями в гости с обильными застольями.

Всюду подавали ритуальную пищу — «*печено агне с булгур*», приготовленное в печи мясо ягненка с крупой из яровой пшеницы. Сколько себя помню, в этом вкусном блюде меня больше всего интересовали суставы ножек жертвенного барашка. В семье их как бы невзначай подкладывали мне и брату. Восторг был неподдельным, когда каждый находил в своей порции мяса небольшую фигурную косточку — «*аршик*».

Игра в кости до 60-х гг. прошлого века являлась излюбленной у сельской детворы. Самые игрушки назывались «*аршици*», или по-русски — *альчики*, *астрагалы*. Их тщательно очищали от остатков мяса и жира, а затем окрашивали подобно пасхальным яйцам. Только после этого кости становились игрушками. Разумеется, двух «аршиков» было недо-

статочно, чтобы создать начинающему игроку настоящий арсенал. Собрание необходимого набора продолжалось два, а то и три года. Причем в этот процесс включалась едва ли не вся семья.

В те годы детвора складывала игральные кости в шерстяные домотканые торбочки на лямке. По рассказам деда и отца, при царе и румынах в таких «портфелях» школьники носили учебные принадлежности. Но обыкновенно среди них легко находили место и любимые игральные кости. В мое время такими сумками ученики уже не пользовались, но они исправно хранили мальчишеские собрания «аршиков». Этому служила и моя шерстяная торбочка в трехцветную клетку — красную, зеленую и черную.

Для включения в игру требовалась некоторая предварительная подготовка. Обычно дети постигали ее азы в семьях. При этом преподавателями выступали все старшие родственники — от дедушек и бабушек до братьев и сестер. Правила понимались легко. Каждая из четырех сторон кости имела разные названия и степени достоинства. 1. Наименее ценной была широкая часть с углублением, именовавшаяся «*дупка*», то есть *ямка*. 2. За ней следовала противолежащая выпуклая поверхность кости, которую называли «*корем*» — *живот*. 3. Следующей по старшинству была относительно плоская узкая часть астрагала, известная как «*тава*», т. е. *противень*. 4. Высшим достоинством при игре обладала самая фигурная сторона кости, которую мы почему-то называли «*кѣцел*». Это тогда не всем понятное слово в румынском языке означает *щенок* (*cățel*). Возможно потому, что контуры стороны чем-то напоминали собачку, а дети (особенно мальчики) во все времена особенно ценили трогательных щенков. Добавлю, что в зависимости от координат времени и места событий стороны игровых костей назывались по-разному (Державин 1914: 121; Вакарелски 1977: 468—469).

Обычно в игру одновременно вступали трое-четверо мальчишек, определив по жребию очередность действий каждого. Первый брал излюбленную им кость и бросал ее, стремясь, чтобы она упала, показав высокое достоинство. За ним метали его соперники, пытаясь показать результат лучше или хотя бы тот же. Так открывался счет. В следующем круге игроки использовали по две кости и т. д., до завершения предварительных условий. При подведении итогов проигравшие рассчитывались с победителем аршиками из своей торбочки по определенной цене, например, 3 очка — за одну кость.

Впрочем, вариантов этой игры в кости было много. Например, мама мне показывала, как аршиками играли в «*бешики*» (потурецки *beş* — пять). Описание игры с этим названием и аналогичными правилами имеется в литературе, хотя в ней вместо альчиков использовались камешки (см. Державин 1914: 120—122). Очевидна демократичность игры, которая постоянно модифицировалась. Вместе с тем, устойчивость ей придавали древние традиции, в которых символическую стоимость имело реальное богатство предков — овцы.

От домашнего мастер-класса в значительной степени зависели успехи начинающего игрока в «профессиональной лиге». Даже при честной игре неудачникам приходилось расплачиваться с победителями не только астрагалами из собственного запаса, но зачастую и другими ценными вещами или же карманными деньгами. Поэтому-то в разновозрастных компаниях моего детства младшие и неопытные довольствовались положением наблюдателей.

Среди заинтересованных свидетелей наших мальчишечьих игр на улице я хорошо помню своего деда Николая. Тогда ему было около шестидесяти лет. Невысокий, крепко сложенный, загорелый и румяный, с голубыми улыбающимися глазами. Он содержал в образцовом порядке виноградник и огород, заботливо ухаживал за живностью, включавшую и собственную отару, редко вместе с ягнятами превышавшую десяток голов.

Колорит дедушке придавало его одеяние с неизменными черной шапкой и безрукавкой из овечьих шкур. Но более всего запомнился двухметровой длины пояс, обвивавший талию деда. Поверх него на тонкий ремешок был подвешен складной нож. Эта вещь в детстве особенно привлекала меня. Тем более, что вскоре я для себя открыл, что у всех взрослых болгар есть личные ножи. Причем, мужчины старшего поколения подвешивали их на пояс, как и мой дед.

В школьном возрасте я, конечно, значительно расширил свои познания, касающиеся холодного оружия. Более того, некоторые из моих ровесников уже обзаводились собственными «арсеналами». На уроках труда в начальной школе, нам давали задания на дом: изготовить с помощью взрослых деревянные ножички, чтобы чистить в непогоду обувь, или разрезать на занятиях листы бумаги.

Мне помогал в этом дедушка. Наверное, тогда я и увидел у него целый набор ножей. От больших — для забоя кабанов и разделки

их туш до маленьких складных — для окулировки винограда, а серповидный «кусор» — для срезания спелых гроздей. Я хотел, чтобы мне подарили или купили ножик; и даже рассмотрел подходящий товар в соседнем со школой «Культимаге». Дед отказал, но пообещал иногда разрешать мне пользоваться его режущими инструментами.

Между тем, на глазах всей улицы многие подростки 13—15 лет играли в «ножички». Они виртуозно выполняли замысловатые броски и поочередно уверенно втыкали личное оружие то в землю, то в доски. Это вызывало восхищение и зависть младших пацанов. Как всегда, мне «на помощь» приходила бабушка, которая проще относилась к моему стремлению что-то строгать. Пользуясь ее расположением, я стал брать для своих дел кухонные ножи. Точил их о камни. Мастерил то лук и стрелы, то удочки... И еще довольно регулярно ранил себе руки.

Именно от бабушки я узнал о чудодейственной силе ножа. Как-то в наш двор прибежала моя двоюродная сестра. Небо уже громыхало, и внучка, чуть не плача, пожаловалась, что гроза сорвет вечеринку старшеклассников. Худенькая и сутулая старушка быстро выскочила из кухни. Украдкой смерила низкие облака, что-то прошептала и вонзила нож глубоко в землю... Дождь перестал капать, а радующаяся Маруся поспешила к друзьям... Значительно позднее я узнал, что это не единственное свойство болгарского ножа (см. Денисов 1969: 84—85).

Тогда я все-таки обзавелся ножиком. Он был таким, как мне хотелось — серо-зеленый с двумя лезвиями (одно из них с «язычком» для окулировки) и колечком для подвешивания. Почти новый. Купил ли его дед, я точно не знаю. Но как бы между прочим он поставил условие, чем несколько смутил меня — за подарок я должен угостить его вином.

Был сентябрь — своего вина в доме еще не было. Поэтому в тот же вечер мы отправились в находившуюся неподалеку колхозную корчму. На мой рубль дед купил жменю конфет и литр вина, угостив двух пришедших туда своих приятелей. Впрочем, большинство «ирисок» досталось мне. Когда старики выпили и поговорили, бабушка купил еще вина. Затем с искристым напитком к ужину мы довольные пришли домой.

В ту ночь тайна оставалась со мной. На следующий день я все же показал ножик бабушке. Она попросила бережно относиться к подарку и строго-настрого запретила давать его в руки младшему брату. Еще я получил от нее уроки владения ножом в хозяйственной рабо-

те и приемы, известные ей по играм детей начала XX в. Я был счастлив, хотя гораздо позже прочитал слова Йохана Хейзинги: «*Всякая игра что-то значит*».

Но главное, что я тогда услышал — один эпизод из сельской жизни прошлого времени. Бабушкин рассказ был о соседе по имени Иван. Он прошел окопами Первой мировой войны, вернулся невредимым домой, а затем скорострительно умер. Родственники собрались обрядовать почившего, но увидели, что на его шее пульсирует единственная «жилка». Задержали похороны, а через несколько дней покойник ожил и рассказал о явлении ему Богородицы. Богоматерь сообщила Ивану, что причина его беды таится в привезенном с фронта тулупе. Воскресший сосед вынес солдатский трофей за село и сжег. Эта история надолго запечатлелась в памяти сельского сообщества... К началу 30-х гг. ветеран дождался появления на свет внука, названного его именем. В многократно слышанном рассказе об этом меня более всего поражала одна деталь — сосед на радостях одарил новорожденного Ванюшку ножиком!

Отношение болгар к ножам, несомненно, отразило традиции, веками развивавшиеся в среде кочевников. Они касались обращения с холодным оружием, условий дарения и передачи клинков из поколения в поколение. Эти реминисценции недавнего быта находят зримые параллели в тюркских древностях Евразии (см. СЕ 1981: 124, 127 и др.; Соловьев 2003: 131).

Сохранявшиеся до сравнительно недавнего времени редуцированные остатки прошлого: элементы материальной культуры, в частности, из предметного антуража детства, архаические проявления языковой практики и странные события, которые еще живы в обрывках нашей памяти, требуют дальнейшего осознания. Старая задача: «Приписывать имя вещам и именовать этим именем их бытие» (см. Фуко 1994: 154), может быть рассмотрена в обратном порядке. Убежден, что реконструкция по памяти драгоценной ткани детства нужна, прежде всего, чтобы в очередной раз не «порвалась связь времен», чтобы в галопе буден нынешнего XXI в. не потерять базовые ценности своего древнего народа.

* * *

Завершить этот текст хочу словами не оцененного еще по заслугам поэта Н. И. Глазкова (1919—1979), чьи строки приведены в эпиграфе.

«Человек живет, спеша
Ощутить и то, и это,
А умрет — его душа
Обрывает скорость света».

Почему-то представляется, что приведенная строфа касается не столько тайн вечно-

сти, сколько следов, оставляемых людьми на земле. У С.С. Рябцевой они, как у всех ушедших, безусловно, по-своему ценны. Что касается творческого наследия Светланы, то его, на мой взгляд, более всего отличает неповторимое сочетание легкой изящности и научной пытливости.

Литература

- Вакарелски Хр. 1977. *Етнография на България*. София: Наука и изкуство.
- Голант Н.Г. 2013. *Мартовская старуха и мартовская нить. Легенды и обряды начала марта у румын*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
- Денисов П.В. 1969. *Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Державин Н.С. 1914. *Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)*. София: Държавна печатница. (Ре-принт).
- Курогло С.С. 1980. *Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в.* Кишинев: Штиинца.
- Новоселова С.Л. 1995. *Развивающая предметная среда*. Москва: Центр инноваций в педагогике.
- Речник 1974: Илчев Ст., Иванова А., Димова А., Павлова М. 1974. *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век*. София: БАН.
- СЕ 1981: Плетнева С.А. (отв. ред.). 1981. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука.
- Соловьев А.И. 2003. *Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья*. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.
- Фуко М. 1994. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: А-сэд.

References

- Vakarelski, Khr. 1977. *Etnografiya na Bălgariya (Ethnography of Bulgaria)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
- Golant, N.G. 2013. *Martovskaia starukha i martovskaia nit'. Legendy i obriady nachala marta u rumyn (March Old Woman and March Thread: Legends and Rites of the Beginning of March among the Romanians)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Denisov, P.V. 1969. *Etnokul'turnye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashai (Ethnic and Cultural Parallels between the Danube Bulgarians and the Chuvash People)*. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Derzhavin, N.S. 1914. *Bolgarskie kolonii v Rossii (Tavrisheskaia, Khersonskaia i Bessarabskaia gubernii) (Bulgarian Colonies in Russia: Tauria, Kherson and Bessarabia Provinces)*. Series: Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopisā izdava Bălgarskata akademiya naukite v Sofiya (Folklore and Ethnography Collection edited by the Bulgarian Academy of Sciences in Sofia) XXIX. Sofia: "D'ržavna pechatnitsa" Publ. (reprint) (in Russian).
- Kuroglo, S.S. 1980. *Semeinaia obriadnost' gagauzov v XIX — nachale XX vv. (Family Rituals among the Gagauz People in 19th — Early 20th Centuries)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Novoselova, S.L. 1995. *Razvivaiushchaia predmetnaia sreda (Developing Object Environment)*. Moscow: Center for Innovations in Pedagogy (in Russian).
- Ilchev, St., Ivanova, A., Dimova, A., Pavlova, M. 1974. *Rech-nik na redki, ostareli i dialektni dumi v literaturata ni ot XIX i XX vek (Dictionary of Rare, Obsolete and Dialect Words in our Literature of the 19th and 20th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Russian).
- Pletneva, S.A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Solov'ev, A.I. 2003. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ia (Weapons and Armor: Siberian Armament from the Stone Age to Middle Ages)*. Novosibirsk: "Infolio-press" Publ. (in Russian).
- Foucault, M. 1994. *Slova i veshchi. Arkheologiya humanitarnykh nauk (Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines)*. Saint Petersburg: "A-cad" Publ. (in Russian).

Статья поступила в сборник 17 мая 2020 г.

Nicolaj Russev (Kishinev, Moldova). Doctor Habilitat of History. High Anthropological School University¹.

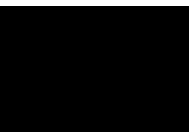
Руссев Николай Дмитриевич (Кишинёв, Молдова). Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

Полемические этюды

Polemic etudes



Д. А. Топал

Ювелирные изделия клада из Феттерсфельде: в поисках нарратива, автора и адресата

Keywords: Vettersfelde, Witaszkowo, hoard, Scythian period, Cyzicus, animal style

Ключевые слова: Феттерсфельде, Виташково, клад, скифский период, Кизик, звериный стиль

D. A. Topal

Jewellery from Vettersfelde Hoard: in search of the narrative, its author and recipient

Among all the hoards consisting the ceremonial akinakai the assemblage of items discovered in 1882 near the Vettersfelde village is the most reliable. It contained richly decorated golden objects in conventional geometric and animal style. Judging by the plots presented on the objects in the animal style like a fish-shaped plaque, a clover-shaped phalera and a scabbard of a sword, they make up a solid ensemble, most likely made simultaneously in one workshop. Most scholars have dated the hoard within the framework of the late 6th — early 5th centuries BC, at the same time, among all of the objects of this set of items, the sword occupies the earliest part of the chronological range. The manufacturing of hoard items from Vettersfelde is usually associated with the Milesian colonies of the Pontic region, while for the artist certain bilingualism is documented, allowing him to use both Greek and barbaric expressive means — pairing, symmetry, repetition and antithesis, among them. Most likely, the choice of metaphors for the narrative was not accidental, and, undoubtedly was recognized both by its performer and the recipient, but the metaphor of the lion hunting deer was apparently the main one and therefore is repeated on all objects of the zoomorphic ensemble. If the localization of the hoard production is moved beyond the northern or western coast of the Black Sea, then it can be noted that the Milesian colonies of Eastern Greece can also claim the role of a source of origin for Vettersfelde hoard. In particular, according to many parameters, Cyzicus is suitable.

Д. А. Топал

Ювелирные изделия клада из Феттерсфельде: в поисках нарратива, автора и адресата

Из всех кладов с парадными акинаками наиболее достоверным считается комплекс вещей, обнаруженный в 1882 г. у с. Феттерсфельде. Он содержал богато украшенные предметы в условно-геометрическом и зверином стиле. Судя по сюжетам, представленным на предметах в зверином стиле: пластине в виде рыбы, четырехлепестковой «фалере» и ножнах меча, они составляют единый ансамбль, скорее всего, изготовленный одновременно в одной мастерской. Отмечается относительное единодушие исследователей по поводу ее датировки, большинство ученых склоняется к дате «рубеж VI—V вв. до н.э.», при этом среди всех предметов этого явно одновременного комплекса, парадный меч занимает древнейшую часть хронологического диапазона. Изготовление предметов клада из Феттерсфельде обычно связывают с милетскими колониями Причерноморья, а для художника фиксируется некий билингвизм, позволяющий ему пользоваться как греческими, так и варварскими выразительными средствами. Среди главных выразительных средств — парность, симметрия, повтор и антитеза. Вероятнее всего, выбор метафор для нарратива не был случаен, и, без сомнения, опознавался как его исполнителем, так и адресатом, но метафора охоты льва на оленя, по всей видимости, была основной и потому повторяется на всех предметах зооморфного ансамбля. Если вынести локализацию производства предметов клада за пределы северного или западного побережья Черного моря, то можно заметить, что к его происхождению могут иметь отношение и милетские колонии Восточной Греции. В частности, по многим параметрам подойдет такой знаменитый транзитный пункт между Грецией и Понтом, как Кизик.

Несмотря на то что наиболее распространенной практикой демонстративного потребления у иранских кочевников была погребальная, ювелирные украшения и, что немаловажно, предметы парадного вооружения попадают и в клады. Однако нетрудно заметить, что подобные клады расположены, как правило, далеко за пределами кочевническо-

го мира и потому, возможно, обозначают его границы для разных периодов (Топал 2020: 218). Из трех «кладов» с парадными акинаками (Зивие, Амударьинского и Феттерсфельде-Виташково), наиболее достоверным считается комплекс вещей, обнаруженный в 1882 г. на севере Нижней Силезии, у с. Феттерсфельде, или современного Виташково в Поль-



Рис. 1. Клад из Феттерсфельде-Виташково (Старый музей, Берлин).

Fig. 1. Vetttersfelde-Witaszkowo hoard (Altes Museum, Berlin).

ше (Любукское воеводство, Кросненский повят, Губинская гмина). Это собрание (рис. 1), которое хранится в Берлинском Старом музее, до сих пор считается самой западной находкой предметов скифского происхождения. Оно содержало богато украшенные предметы в условно-геометрическом (подвески, височное кольцо, гривна, оселок) и зверином стиле (украшения в форме рыбы и клевера, браслеты и обкладка ножен меча) (Furtwaengler 1883: 4—11). К сожалению, данных по химическому составу изделий из Феттерсфельде все еще нет. Правда, А. Фуртвенглер на основе цвета предположил, что некоторые изделия клада были изготовлены из электра, «серебра, легированного 18-каратным золотом» (Furtwaengler 1883: 11) и это до сих пор не вызывает возражений (Bothmer 1974: 154—155; Redfern 2012: 30; Nebelsick 2014: 25—29).

Согласно наблюдениям Д. Редферна, для изготовления изделий из драгоценных металлов использовалось 19 различных инструментов, при этом, четыре из семи предметов (браслет, «рыба», «фалера» и ножны) были произведены в одной мастерской (Redfern 2012: 43, 45). По крайней мере, три предмета («рыба», «фалера», «ножны») были изготовлены в одной технике (*repoussé* или *выколотки*) (Redfern 2000: 417), другие три (височное кольцо, подвеска с камнем, ромбовидная подвеска) в технике филигранны и *cloisonné*, а браслет орнаментирован пуансонным орнаментом (Redfern 2012: 38—42). Судя по сюжетам, представленным на пластине в виде рыбы, четырехлепестковой пластине и ножнах меча, они составляют единый ансамбль. На всех без исключения предметах отсутствуют следы ноше-

ния (Redfern 2000: 415). На многих (но не на всех) золотых обкладках «парадных мечей», обнаруженных в погребениях, также, как правило, отсутствуют царапины, вмятины, потертости: возможно, золотые пластины накладывали на рукояти непосредственно перед похоронами (Черников 1965: 124; Гуляев 2009: 151). При этом на изделиях отмечаются следы горения, после чего вещи были сняты со своих основ (в случае «рыбы», например, с наборного щита). Некоторое время спустя комплекс интерпретировался как остатки трупосожжения в урне (Reinecke 1896: 5), однако еще раскопками Э. Краузе было установлено, что клад скорее относится к поселению, чем могильнику (Krause 1883: 488—490; Furtwaengler 1883: 5).

Можно отметить относительное единодушие исследователей по поводу его датировки, большинство ученых склоняется к дате «рубеж VI—V вв. до н.э. (Ростовцев 1925: 399, 410; Schefold 1938: 8, 14, 36, 62; Онайко 1966: 160), кроме Г. Коссака, настаивавшего на датировке VII в. до н.э. (Kossack 1987: 30—35). З. Буковски также датировал комплекс VI—V вв. до н.э., однако, типологические особенности акинака позволили ему сузить датировку до конца VI — начала V в. до н.э. (Bukowski 1977: 197—198). С этим будто бы согласен А.Ю. Алексеев, сначала предложивший в качестве верхней границы вторую четверть V в. до н.э. (Алексеев 1991: 47), а затем опустивший и нижнюю до последней четверти VI в. до н.э. (Алексеев 2003: 198). Л. Небельсик настаивает на удревнении клада до второй половины VI в. до н.э. (Nebelsick 2014: 55), а сам комплекс из Феттерсфельде считает дипломатическим даром, возможным связанным со скифским походом Дария I (Nebelsick 2015: 145). Таким образом, по его мнению, часть скифов могли задействовать местные элиты в «милетско-персидских интересах» во время скифо-персидского конфликта¹, а затем сокровище было символически уничтожено в святилище, оборудованном у источника воды (Nebelsick 2003: 78—79; 2006: 328; 2014: 73).

Также отмечается, что среди всех предметов этого явно разновременного комплекса, парадный меч (рис. 1: 8) занимает древнейшую часть хронологического диапазона

(Алексеев 2003: 197). Однако мнение Д. Редферна (Redfern 2012: 29, 44), что акинак принадлежит раннескифскому типу биметаллических мечей и кинжалов типа Орбьяска² по А. Вулпе конца VIII — начала VII вв. до н.э. следует все же признать ошибочным. Меч из Феттерсфельде ближе к выделенному А. Вулпе типу *Сусень-Мэчишень* (Vulpe 1990: 38). На близкие по форме мечи и кинжалы, обращали внимание Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик (Фиалко, Болтрик 2003: 46), И.В. Бруяко (Бруяко 2005: 154), Л.И. Бабенко (Бабенко 2009, 26) и автор данной статьи, предложивший сузить серию под компромиссным и, что греха таить, подходящим под задачи этой работы, термином — *тип Феттерсфельде* (Топал 2014: 30; 2016: 279). К сожалению, несмотря на представительную выборку, лишь немногие из экземпляров этого типа представлены надежно датированными комплексами. Первой половиной VI в. до н.э. или немного позднее датируется погребение из Агапии (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971: 441, fig. 1—2). Вероятно, из погребения V в. до н.э. происходит кинжал, найденный на территории могильника с. Комарна (Nițu 1953: 8—9, fig. 3). В с. Мэчишень кроме акинака (Palade 1964, fig. 1, 2) были обнаружены различные железные предметы, разрушенные ржавчиной (Palade 1964: 487) и, возможно, составлявшие инвентарь погребения (Vulpe 1990: 40). К рассматриваемому типу также относится кинжал из разрушенного кургана у с. Нэвырнец (Donici 1928: 323, fig. 2). Погребение из кургана 13 у с. Кириковка с мечом рассматриваемого типа (Мельник 1902: 686, рис. 131) относится ко времени «не позже VI в. до н.э.» (Черненко 1981: 39—40). Кроме того, также из комплекса, хотя и разрушенного, происходит кинжал, связанный с курганом Люботинского могильника (Бабенко 2009: 21, рис. 1: 4). В Прикубанье кинжал типа Феттерсфельде был обнаружен среди материалов Владимировского могильника, суммарно датированном концом VII — началом V в. до н.э. (Шишлов и др. 2007, рис. 3: 3). Сходный кинжал (его, правда, отличает раннескифская («келермесская») трехчастная рукоять) обнаружен в погребении 4 могильника Модинахе в Грузии, общая датировка которо-

¹ Надо сказать, сюжет, связанный со скифским присутствием в лужицких землях, до сих пор принимается довольно прохладно (Parzinger 2017: 331; Канторович 2018: 112).

² Близкое знакомство с акинаками типа Орбьяска или Гудермес исключает возможность такого сопоставления (Топал 2015: 54—55, рис. 1).

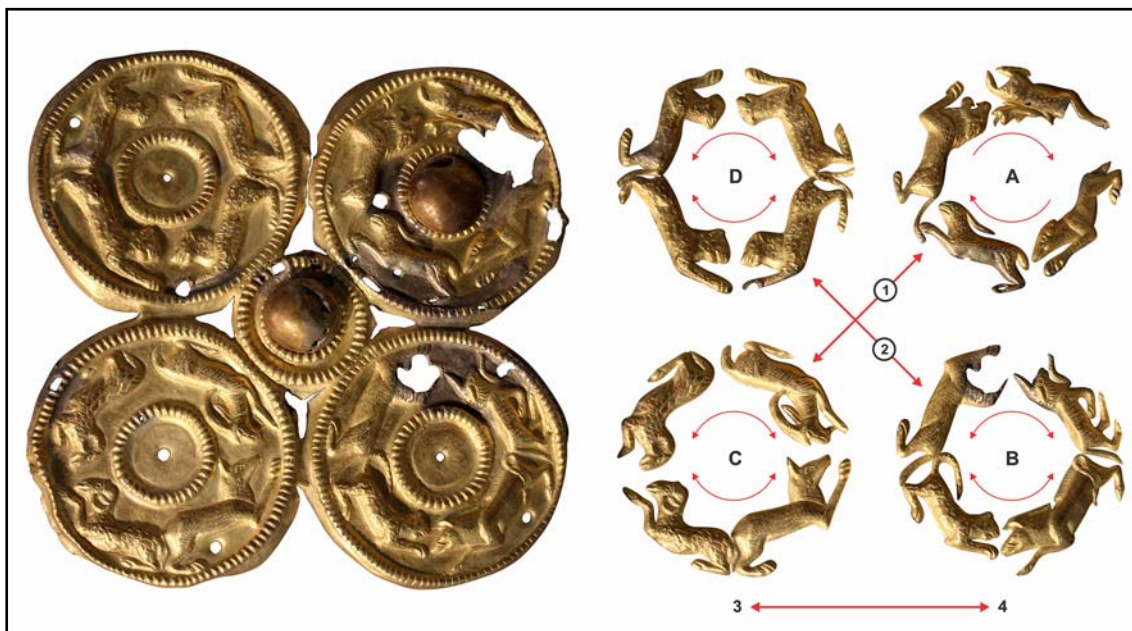


Рис. 2. «Фалера» из Феттерсфельде. Реконструкция взаимодействий между секторами, сценами и персонажами: 1 — неравенство персонажей, 2 — равенство персонажей, 3 — статика, 4 — динамика; А — погоня? В — бой? С — выпас? D — отдых?

Fig. 2. "Phalera" from Vetttersfelde. Reconstruction of the interactions between sectors, scenes and characters: 1 — inequality of characters, 2 — equality of characters, 3 — statics, 4 — dynamics; A — chase? B — struggle? C — pasturing? D — rest?

го — VII—VI вв. до н.э. (Mehnert 2008: 61, Taf. 33: 5; Apakidze 2009: 440, Taf. 259: 3).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что тип Феттерсфельде, мог появиться еще в начале VI в. до н.э., однако его основной период бытования относится, скорее, ко второй половине — концу VI в. до н.э. Кроме того, находки кинжалов типа Феттерсфельде в сочетании с погребальными комплексами концентрируются преимущественно в трех регионах: Днепровском лесостепном левобережье, Западном Закубанье и Восточных Карпатах. Именно из Восточных Карпат к месту находки эпониного экземпляра можно протянуть предполагаемый маршрут проникновения подобных изделий: от района Тыргу-Нямц (серия случайных находок из Боурень, Гиндэоань, Моцки, Варатека, Филиоары) через северную Венгрию (случайная находка из Сирабешеньё), Моравию (находка из Горакского града) (Topal, Golec 2017, fig. 2). Разумеется, это не значит, что золотая обкладка относится ко времени изготовления акинака (случаи запаздывания парадных мечей по отношению к комплексам, для которых они и превращались в парадные, хорошо известны в скифской среде). С другой сторо-

ны, к самым поздним вещамклада можно отнести ромбовидную подвеску (рис. 1: 7), ближайшая аналогия которой была обнаружена в кургане 400 у Журовки (Бобринский 1905: 11, рис. 14) рубежа первой — второй четверти V в. до н.э. (Алексеев 2003: 198). Аналогии височному кольцу (рис. 1: 6), которое иногда считается поясным украшением (Greifenhagen 1982: 8) есть в Колхиде и относятся к предэллинистическому времени VI — начала IV вв. до н.э. (Kacharava 2004: 123).

А. Фуртвенглер и В. Гинтерс настаивали на ионийском происхождении изделий из Феттерсфельде (Furtwaengler 1883: 32; Ginters 1928: 18), А.А. Иессен считал местом производства Ольвию или Тиру (Иессен 1947: 84). Проведенный при помощи техники микролазерного изображения анализ показал, что предметыклада были изготовлены в одной мастерской, которую локализовать точнее, чем «в районе Черного моря» пока не представляется возможным (Redfern 2000: 417). В. Мегроу отмечал ионийские и персидские «ориентализирующие влияния», но при этом происхождение вещей связывал с Нижним Днепром (Megaw 2005: 36). В евразийском bestiarii скифского



Рис. 3. Иконография клада из Феттерсфельде (слева) и монет Кизика VI—V вв. до н.э. (Музей изящных искусств, Бостон).

Fig. 3. Comparison of iconography of Vettersfelde hoard (left) and the coins of Cyzicus of 6th—5th centuries BC (Museum of Fine Arts, Boston).

времени изображения рыб немногочисленны (Королькова 2006: 37), ее образ периферийный, хотя в сарматское время он встречается еще реже (Полидович, Малюк 2016: 209), Тем не менее, А. Р. Канторович считает «рыбу из Феттерсфельде» выполненной во фракийской или греко-фракийской манере, но «никак не в канонах скифского звериного стиля» (Канторович 2018: 112). Г. Кюн, Я. Боузеке и П. Александреску роль источника ювелирных изделий из рассматриваемого клада отводили одной из милетских колоний Западного Причерноморья (Kühn 1935: 140—142; Bouzek 1989: 29; Alexandrescu 1997: 684). Эту же точку зрения, правда, с иной аргументацией, выражали А. И. Мелюкова и С. А. Скорый (Мелюкова 1964: 49; Скорый 1985: 67).

С такой локализацией согласен и Л. Нельсик, считающий автора виташковского ансамбля (из «рыбы», «ножен» и «клевера») провинциальным художником на основе таких признаков «рыбы» как редуцирование образа тритона, изображение дельфинов с жабрами, непропорционально большой чешуе и др. (Nebelsick 2014: 57). Особенности изображений на бляхе в форме рыбы выдают явную связь с греческой культурой. Это и сама форма «рыбы», судя по всему, рода *Thunnus*, к примеру, *Thunnus thunnus*³

³ Пользуясь случаем, хочу принести искреннюю благодарность доктору биологии И. Д. Тромбицкому, который считает, что с учетом распространения аналогий, изображенную рыбу можно отнести к *Thunnus thunnus*. По мнению И. Д. Тромбицкого, художник ориен-

или *Thunnus alalunga* (Furtwaengler 1883: 6; Radcliffe 1921: 64; Redfern 2000: 408) морского или даже океанического происхождения, а также изображения тритона, дельфинов, особенности иконографии львов, кабанов и баранов. Так, изображения баранов⁴, сцены терзания львом быка и львом оленя находят точные аналогии в оформлении колесницы из Монтелеоне последней четверти VI в. до н. э. (Emiliozzi 2011: 36)

Правда, в греческом искусстве не находят внятного объяснения наличие у глаза «рыбы» двух спиралевидных завитков. С одной стороны, «завитки» виташковской рыбы можно объяснить исключительно варварским орнаментальным приемом, продиктованным *horror vacui* и, следовательно, стремлением заполнить всю поверхность изделия. Аналогичные завитки, вероятно, из таких соображений были помещены на другую уникальную находку рубежа VI—V вв. до н. э. — ими обрамлен глаз оленя на лопасти бронзового меча-эмблемы из Меджидии в румынской Добрудже (Vulpe 1990, Taf. 16: 79). Но более предпочтительная версия заключается в желании мастера придать рыбе из Феттерсфельде черты фантастического существа — т. е. при помощи изображения рогов или ушей. Сходную трансформацию можно наблюдать на примере самых разнообразных образцов рогатых и ушастых птиц скифского репертуара. А наиболее близкая аналогия происходит изклада на городище Стынчешть в румынской Молдове — электроважная накладка в виде рыбы, голове которой придано сходство с кабаньей (Berzovan 2016: 50, 52). Поэтому, скорее всего, Л. Небельсик прав, характеризуя художника как некоего билингва, владевшим как греческими, так и варварскими выразительными средствами (Nebelsick 2014: 57).

Отметим, правда, что украшенные в греческом стиле изделия для греческой культуры не характерны — меч скифского типа и горит. На том, что «рыба» является обкладкой именно горита (а не щита, как предполагалось ранее), настаивает А. Ю. Алексеев.

Отличительной чертой украшения горита (в отличие от щита) исследователь считает особый «подвижный» тип крепления при помощи петель на обратной стороне, которые и присутствуют на виташковском изделии (Алексеев 2014: 72). А также вне зависимости от места производства и культурной принадлежности исполнителя заказа, ансамбль из Феттерсфельде подчинен композиционным канонам варварского (раннекочевнического, древнеиранского?) «койне». Среди главных выразительных средств — парность, симметрия, повтор и антитеза. Многие исследователи замечали, что на «рыбе» из Феттерсфельде символически обозначен верхний мир (при помощи сцены охоты) противопоставляемый нижнему (водному), над которыми летящая птица передает мир небесный (Пиотровский 1949: 93; Michel 1995: 78—81). Внутри показанных «миров» противопоставление продолжается, но на другом уровне — так, противопоставляются охотники и добыча, хищные и травоядные животные (Kuhl 2000: 434, 435, Abb. 4; Nebelsick 2014: 52). Кроме того, сюжет охоты, который встречается на трех изделиях в зверином стиле из Феттерсфельде, судя по всему, объединяет и превращает их в единый ансамбль. Сцена охоты льва на оленя и пантеры на кабана сопровождает и верхнюю часть обкладки ножен.

Наиболее сложной для понимания оказывается композиция четырехлопастной бляхи («фалеры»), напоминающей как *quadratum incisum* милетских монет⁵, так и орнамент на подвесках из Феттерсфельде (рис. 1: 5, 7). Она, по мнению Д. Редферна, к которому присоединяется и Л. Небельсик, является также украшением горита вместе с обкладкой в виде рыбы (Redfern 2000: 416; Nebelsick 2014: 42). «Фалера» разделена на четыре сектора-диска (рис. 1: 10a-d), в каждом из которых изображено по четыре животных. Видовое разнообразие на «фалере» вряд ли кого-то может оставить рав-

тировался на некий собирательный образ и, не имея знаний в области морфологии рыб, передавал по памяти отдельные признаки.

⁴ В связи с этим можно вспомнить, что и аттические ритоны в форме головы барана появляются начиная с 70-х гг. V в. до н. э., возможно, под влиянием ориентальных тенденций в греческом искусстве, связанных с греко-персидскими войнами (Hoffmann 1961: 21).

⁵ Хотя с той же степенью доказательности можно привести в качестве аналогии и четырехлепестковые нашивные бляшки, известные в погребениях раннескифского времени Кавказа (Хельмут-Крамбергер 2015: 150—151), и фибулы Южной Италии, например, тип 456 по Ф. Ло Схьяво из Кампании, Амендолары, Кайрано (Lo Schiavo 2010 (III), tav. 733: 8104, 8104b; 734: 8104c, 8105; 735: 8106a-d), тип 457 из Сала-Консиллина (Lo Schiavo 2010 (III), tav. 735: 8107—8108) или тип 458 из Адрано (Lo Schiavo 2010 (III), tav. 735: 8109—8112) середины VII — первой половины VI вв. до н. э.

нодушным, а Г. Виндфура даже побудило к интерпретации животных внутри секторов в качестве зодиакальных символов, и как следствие, времен года⁶ (Windfuhr 2007: 59). Если, однако, отстранится от красивой зодиакальной гипотезы, которую, к сожалению, убивают уродливые факты, можно заметить ряд закономерностей. Прежде всего, все 16 животных изображены парами, по две пары на сектор (при этом пантера изображается пять раз, лев, собака и баран — по два раза, козел, олень, кабан, бык и заяц — по одному). Видно, что сектора А и В подчеркнута динамичны и даже агрессивны (животные изображены в движении (А) или у хищников вздернуты хвосты (В)), в то время как изображения на дисках С и D статичны и источают миролюбие (животные лежат или сидят, хвосты опущены). С другой стороны, заметна и иерархия персонажей (с позиций «равенство-неравенство»): в секторе А сильный хищник гонит слабую дичь (погоня волка (собаки?) за зайцем, преследование львом оленя), тогда как в секторе В — как льву, так и пантере противопоставляются равнозначные противники — бык (тур?) и кабан (и, в отличие от сцены погони, противники развернуты друг к другу). Та же зависимость прослеживается и во взаимоотношении секторов С и D: в секторе D — пантеры равны друг другу, в то время как в секторе С — баран противопоставляется козлу, а собака — барану. Вполне возможно, что в случае клеверовидной «фалеры», при помощи уже упоминавшихся парности, симметрии, повтора и антитезы создавался некий нарратив, в рамках которого было важно показать разнообразные способы взаимодействия (рис. 2): А (погоня, преследование сильными слабыми), В (бой, битва равных), С (выпас, охрана (?) сильными слабыми), D (отдых равных). Вероятнее всего, выбор метафор для этого нарратива не был случаен, и, без сомнения, опознавался как его исполнителем, так и адресатом, но метафора охоты льва на оленя, по всей видимости, была основной и потому повторяет-

ся на всех предметах зооморфного ансамбля из «рыбы», «ножен» и «фалеры». Остается только предполагать, чему конкретно посвящен этот нарратив — то ли, в таком метафорическом ключе представлены недоступные нам мифы или, если рассуждать прагматически — жизненные этапы владельца, иерархия подчиненного ему подразделения.

Возвращаясь к месту производства предметов клада, напомним, исполнителем (по крайней мере, предметов в зверином стиле) был иконографический билингв, знакомый в той или иной степени как с архаическим греческим репертуаром, так и варварским (ориентальным?). И если вынести локализацию производства предметов клада за пределы северного или западного побережья Черного моря, то можно заметить, что к его происхождению могут иметь отношение и милетские колонии Восточной Греции. В частности, по многим параметрам подойдет такой знаменитый транзитный пункт между Грецией и Понтом, как Кизик, испытывавший, к тому же, серьезное ориентальное влияние в архаическую эпоху. Немаловажно, что символом Кизика был именно тунец *Thunnus thunnus* (Greenwell 1887: 22), Тунец, важнейший промысловый объект Кизика, а также жертвенное животное Посейдона⁷, появляется на электровых монетах этой милетской колонии раньше, чем на монетах других городов Средиземноморья, еще в VI в. до н.э. (Di Natale 2014: 2831). Кроме тунца, и остальные образы, воплощенные на изделиях в зверином стиле из Феттерсфельде, находят аналогии на монетной продукции Кизика (рис. 3). Есть и прямые свидетельства о связи Кизика со скифами. Помимо хрестоматийного эпизода с представителем скифской царской фамилии Анахарсисом, который привез именно из этого полиса культ богини-матери в Скифию (Hdt. 4: 76), известны монеты Кизика с изображением скифа (Ростовцев 1925: 442; Скржинская 2001: 223). Разумеется, все эти свидетельства позволяют связать Восточную Грецию и клад из Феттерсфельде пока лишь косвенным образом. Однако, возможно, именно они станут основой для дальнейших поисков «автора» этого удивительного нарратива, что, в итоге поможет выявить детали биографии и самого клада из Феттерсфельде.

⁶ Вероятно, к этому Г. Виндфура подтолкнула сцена со львом и тельцом, которую он интерпретировал как смену весны летом. Правда, далее эта гипотеза наталкивается на непреодолимые препятствия, такие как, например, наличие пары баранов в секторе С (рис. 1: 10c). Один из них, разумеется, считается овном (весна), другой (абсолютно идентичный) — почему-то символом осени. Еще сложнее с четверкой пантер в секторе D (рис. 1: 10d), символизирующих разные времена года (Windfuhr 2007, tabl. 1).

⁷ Любопытно, что, по сообщению Геродота, Посейдон под именем Тагимасада присутствовал в пантеоне скифов, причем исключительно царских скифов (Hdt. 4: 59).

Литература

- Алексеев А. Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. *АСГЭ* 31, 43—56.
- Алексеев А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н.э.* Санкт-Петербург: ГЭ.
- Алексеев А. Ю. 2014. Большие бляхи в виде животных — украшения скифских горитов. *История оружия* 10, 69—74.
- Бабенко Л. И. 2009. Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине. В: Бессонова С. С. (отв. ред.) *Эпоха раннего железа*. Киев; Полтава: ИА НАНУ, 19—29.
- Бобринский А. А. 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии. *ИАК* 14, 1—43.
- Брумяк И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р.Х.* Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.
- Гуляев В. И. 2009. «Парадные» мечи V—IV вв. до н.э. из курганов Скифии. В: Килейников В. В. (отв. ред.) *Археологические памятники Восточной Европы* 13. Воронеж: ВГПУ, 147—151.
- Иессен А. А. 1947. *Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности*. Ленинград: ГЭ.
- Канторович А. Р. 2018. Мотивы рыбы и дельфина в восточноевропейском скифском зверином стиле: типология, хронология, истоки. *АДИУ* 2 (27), 101—118.
- Королькова Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Мельник Е. Н. 1902. Раскопки курганов в Харьковской губернии. *Труды АС* 12, 673—702.
- Мелюкова А. И. 1964. *Вооружение скифов*. САИ Д1—4. Москва: Наука.
- Онайко Н. А. 1966. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. В: Болтунова А. И. (отв. ред.) *Культура античного мира*. Москва: Наука, 159—176.
- Пиотровский Б. Б. 1949. *Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э.* Ленинград: ЛГУ.
- Полидович Ю. Б., Малюк Н. И. 2016. Образ рыбы в искусстве скифо-сарматского времени. В: Яблонский Л. Т., Краева Л. А. (отв. ред.) *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*. Оренбург: ОГПУ, 209—215.
- Ростовцев М. И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград: РАИМК.
- Скорий С. О. 1985. Про місце виготовлення предметів озброєння з Віташківського комплексу. *Археологія*, 52, 64—58.
- Скржинская М. В. 2001. *Скифия глазами эллинов*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Топал Д. А. 2014. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова. *Tyragetia* 8 (23), 7—43.
- Топал Д. А. 2015. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия. *МАСП* 13, 54—79.
- Топал Д. А. 2016. Два среднескифских акинака из Бессарабской лесостепи. In: Sîrbu L. et al. (eds.). *Culturi, procese și contexte în arheologie*. Chișinău, 278—285.
- Топал Д. А. 2020. Необычный контекст парадных акинаков Евразии. *Stratum plus* (3), 211—222.
- Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. 2003. *Напад скифів на Трахтемирівське городище*. Київ: ІА НАНУ.
- Хельмут-Крамбергер А. 2015. Хронология и распространение золотых нашивных бляшек в раннескифское время (VIII—VII вв. до н.э.). *Stratum plus* (3), 143—166.
- Черненко Е. В. 1981. *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.
- Черников С. С. 1965. *Загадка золотого кургана*. Москва: Наука.
- Шишлов и др. 2007: Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. 2007. Материальная культура Владимировского могильника. *Исторические записки* 5. Новороссийск, 4—19.
- Alexandrescu P. 1997. Zum goldenen Fisch von Witaszkowo (ehem. Vettersfelde). In: Becker C. et al. (eds.). *Chronos. Beiträge zur Prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa*. Festschrift für Bernhard Hänsel. Internationale Archäologie. Studia honoraria 1. Espelkamp: Marie Leidorf, 683—687.
- Apakidze J. *Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600—700 v. Chr.* PAS 24. Rahden: Marie Leidorf.
- Berzovan A. 2016. Observații privind funcționalitatea unor piese din tezaurul de la Stăncești, comuna Mihai Eminescu, jud. Botoșani. *Cercetări Istorie* 35, 49—59.
- Bothmer, D. 1974. von. The Vettersfelde find. *MMAB* 32 (5). From the Lands of the Scythians: Ancient Treasures from the Museums of the U. S. S. R. 3000 B. C.—100 B. C., 153—155.
- Bouzek J. 1989. La réception scythe de l'art grec. In: Mactoux M. M., Geny E. (eds.). *Mélanges Pierre Lévêque* 3. Anthropologie et société. Paris: Les belles lettres, 27—40.
- Bukowski Z. 1977. *The Scythian influence in the area of Lusatian culture*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Di Natale A. 2014. The ancient distribution of bluefin tuna fishery: How coins can improve our knowledge. *IC-CAT Collective Volume of Scientific Papers* 70 (6), 2828—2844.
- Donici A. 1928. Contribution à l'étude anthropologique des Scythes. In: *Archives suisses d'Anthropologie générale* 1 (5), 321—327.
- Emiliozzi A. 2011. The Etruscan Chariot from Monteleone di Spoleto. *MMJ* 46, 9—132.
- Furtwaengler A. 1883. *Der Goldfund von Vettersfelde*. Winkelmannsfeste der archaeologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43. Berlin: G. Reimer.
- Ginters W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.
- Greenwell W. 1887. *The Electrum Coinage of Cyzicus*. London: Rollin & Feuardent.
- Greifenhagen A. 1982. Centenarium eines Goldfisches. Hundert Jahre Fund von Vettersfelde. *Antike Welt* 13 (3), 3—9.
- Hoffmann H. 1961. The Persian origin of Attic rhyta. *Antike Kunst* 4 (1), 21—26.
- Kacharava D. 2004. A Rich Grave from the Vani Site. *Phasis* 7, 117—127.
- Kossack G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. In: Franke H. (Hrsg.). *Skythika*. München: Beck, 24—86.
- Krause E. 1883. Fundstelle der Vettersfelde Goldsachen. *Zeitschrift für Ethnologie* 15, 488—490.

- Kühn H. 1935. *Die Vorgeschichtliche Kunst Deutschlands*. Berlin: Propyläen.
- Kull B. 2000. Hintergrundbilder und Jenseitskonzeptionen im nicht schrifthistorischen Raum. *EA* 6, 419—469.
- Lo Schiavo F. 2010. *Le fibule dell'Italia meridionale e della Sicilia dall'età del bronzo recente al VI secolo a.C.* PBF. Ab. XIV. Bd. 14. Stuttgart: Franz Steiner.
- Megaw J. V. S. 2005. Early Celtic Art without Scythians? A Review. In: Dobrzańska H., Megaw V., Poleska P. (eds.). *Celts on the Margin. Studies of European Cultural Interaction, 7th century BC — 1st century AD*. Kraków: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 33—48.
- Mehnert G. 2008. *Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext*. Nomaden und Sesshafte 10. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Michel S. 1994. *Der Fisch in der Skythischen Kunst: Zur Deutung Skythischer Bildinhalte*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang.
- Mihăilescu-Bîrliba V., Untaru I. 1971. Notă despre un nou „akinakes” găsit la Agapia. *MA* 3, 441—454.
- Nebelsick L. D. 2003. Ein Kontext für den Goldhort von Witaszkowo/Vettersfelde (A context for the gold hoard from Witaszkowo/Vettersfelde). In: Flahar M., Wohlfeil J. (Hrsg.). *Adolf Furtwängler, der Archäologe*. Schriften der Archäologischen Sammlung Freiburg 8 (2003), 63—79.
- Nebelsick L. D. 2006. Vettersfelde. In: Hoops J. (Hrsg.) *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* 32. Berlin; New York: De Gruyter, 317—330.
- Nebelsick L. D. 2014. “The Vettersfelde (Witaszkowo) Hoard”: history of discovery, identification of the findspot, reconstruction of the hoard’s contents, and its cultural-historical and iconographic context. In: Kobylinski Z. (ed.). *Contextualisation of the Hoard from Vettersfelde*. Zielona Góra: Fundacja Archeologiczna.
- Nebelsick L. D. 2015. Ryba wpuszczona do wody: historyczny i kulturowy kontekst „skarbu z Vettersfelde”. In: Jaszewska A., Michalak A. (red.). *Woda — żywioł ujarzmiony i nieujarzmiony*. Biblioteka Archeologii Środkowego Nadodrza 8. Zielona Góra.
- Nițu A. 1953. Despre unele urme scitice în Moldova. *MCA* 1, 1—11.
- Palade V. 1964. Un pumnal scitic descoperit la Măcișeni (r. Târgu Bujor, R. Galați). *AM* 2—3, 487—489.
- Parzinger H. 2004. Rezension zu: Zbigniew Kobylinski (Hrsg.). *Contextualisation of the Hoard from Vettersfelde/Witaszkowo*. *Germania* 94, 328—331.
- Radcliffe W. 1921. *Fishing from the earliest times*. London: John Murray.
- Redfern D. 2012. *A study of Scythian gold jewellery manufacturing technology and its comparison to Greek techniques from the 7th to 5th centuries BC*. BAR 2424. Oxford: BAR Publishing.
- Redfern D. V. 2000. A technical examination of the Scythian gold hoard from Vettersfelde/Witaszkowo. *EA* 6, 405—418.
- Reinecke P. 1896. Die skythischen Alterthümer im mittleren Europa. *Zeitschrift für Ethnologie* 28, 1—43.
- Schefold K. 1938. Der skythische Tierstil in Südrussland. *ESA* 12, 1—78.
- Topal D., Golec M. 2017. Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia. *Tyragetia* 11 (1) (26), 7—22.
- Vulpe A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien*. PBF. Ab. VI. Bd. 9. München: Beck.
- Windfuhr G. 2006. The Stags of Filippovka: Mithraic Coding on the Southern Ural Steppes. In: Aruz J., Farkas A., Valtz Fino E. (eds.). *The golden deer of ancient Eurasia: perspectives on the steppe nomads of ancient world*. The Metropolitan Museum of Art symposia, New York: Yale University Press, 46—81.

References

- Alekseev, A. Yu. 1991. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 31, 43—56 (in Russian).
- Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The Chronography of European Scythia in 7th—4th Centuries BC)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Alekseev, A. Yu. 2014. In *Istoriia oruzhiia (History of Armament)* 10, 69—74 (in Russian).
- Babenko, L. I. 2009. In Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza (Early Iron Age)*. Kiev; Poltava: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 19—29 (in Russian).
- Bobrinskii, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 14, 1—43 (in Russian).
- Bruiaiko, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope. X—V vv. do R. Kh. (Early Nomads in Europe (10th—5th Centuries BC))*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Guliaev, V. I. 2009. In Kileinikov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 13. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 147—151. (in Russian).
- Iessen, A. A. 1947. *Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomora. Ee predposylki i osobennosti (The Greek Colonization of the Northern Pontic Region: its Premises and Features)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- Kantorovich, A. R. 2018. In *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (27), 101—118 (in Russian).
- Korol'kova, E. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII—IV vv. do n. e.). Problemy stil'ia i etnokul'turnoi pri-*
- nadlezhnosti (Animal Style of Eurasia. the Art of the Tribes of Lower Volga and Southern Ural Regions in the Scythian Epoch (7th—4th Centuries BC). Problems of Style and Ethnocultural Belonging)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).
- Mel'nik, E. N. 1902. In *Trudy KhII arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov)* 12, 673—702 (in Russian).
- Meliukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian Armament)*. Series: Corpus of Archaeological Sources D1—4. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Onaiko, N. A. 1966. In Boltunova, A. I. (ed.). *Kul'tura antichnogo mira (Culture of the Classical World)*. Moscow: “Nauka” Publ., 159—176 (in Russian).
- Piotrovskii, B. B. 1949. *Arkheologiia Zakavkaz'ia s drevneishikh vremen do I tysiacheletia do n. e. (Archaeology of Transcaucasia since Ancient Times to the 1st Millennium BC)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Polidovich, Yu. B., Maliuk, N. I. 2016. In Yablonsky, L. T., Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii (Konstantin Fyodorovich Smirnov and Recent Issues of the Sarmatian Archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 209—215 (in Russian).
- Rostovtzeff, M. I. 1925. *Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and Bosphorus: a Critical Review of the Written and Archaeological Evidences)*. Leningrad: Russian Academy for the History of Material Culture (in Russian).
- Skoryi, S. O. 1985. In *Arkheolohiia (Archaeology)*, 52, 64—58 (in Ukrainian).
- Skrzhinskaiia, M. V. 2001. *Skifiia glazami ellinov (Scythia as Seen by the Hellenes)*. Saint Petersburg: “Aletheia” Publ. (in Russian).
- Topal, D. A. 2014. In *Tyragetia* 8 (23), 7—43 (in Russian).

- Topal, D.A. 2015. In *Materiale po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 13, 54—79. (in Russian).
- Topal, D.A. 2016. In *Sîrbu, L., et al. (eds.). Culturii, procese și contexte în arheologie*. Chișinău, 278—285 (in Russian).
- Topal, D.A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 211—222 (in Russian).
- Fialko, E.E., Boltrik, Yu. V. 2003. *Napad skifiv na Trakhtemirivs'ke horodyshche (Scythian Assault on Trakhtemirivs'ke Fortified Settlement)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Korvin Press" Publ. (in Ukrainian).
- Hellmuth Kramberger, A. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 143—166 (in Russian).
- Chemenko, E.V. 1981. *Skifskie luchniki (Scythian Archers)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Chemikov, S.S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' «skifskoe iskusstvo» (The Mystery of the Golden Barrow. Where and when the "Scythian Art" was Born)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shishlov, A. V., Fedorenko, N. V., Kolpakova, A. V., Kononenko, A. P. 2007. In *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 5. Novorossiisk, 4—19 (in Russian).
- Alexandrescu, P. 1997. Zum goldenen Fisch von Witaszkowo (ehem. Vettersfelde). In Becker, C. et al. (eds.). *Chronos. Beiträge zur Prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa*. Festschrift für Bernhard Hänsel. Internationale Archäologie. Studia honoraria 1. Espelkamp: Marie Leidorf, 683—687.
- Apakidze, J. *Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600—700 v. Chr.* PAS 24. Rahden: Marie Leidorf.
- Berzovan, A. 2016. Observații privind funcționalitatea unor piese din tezaurul de la Stăncești, comuna Mihai Eminescu, jud. Botoșani. *Cercetări Istorice* 35, 49—59.
- Bothmer, D. von. 1974. The Vettersfelde find. *MMAB* 32 (5). From the Lands of the Scythians: Ancient Treasures from the Museums of the, U.S.S.R. 3000 B.C. — 100 B.C., 153—155.
- Bouzek, J. 1989. La réception scythe de l'art grec. In Mactoux, M.M., Geny, E. (eds.). *Mélanges Pierre Lévêque* 3. Anthropologie et société. Paris: Les belles lettres, 27—40.
- Bukowski, Z. 1977. *The Scythian influence in the area of Lusatian culture*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Di Natale, A. 2014. The ancient distribution of bluefin tuna fishery: How coins can improve our knowledge. *ICCAT Collective Volume of Scientific Papers* 70 (6), 2828—2844.
- Donici, A. 1928. Contribution à l'étude anthropologique des Scythes. In *Archives suisses d'Anthropologie générale* 1 (5), 321—327.
- Emiliozzi, A. 2011. The Etruscan Chariot from Monteleone di Spoleto. *MMJ* 46, 9—132.
- Furtwaengler, A. 1883. *Der Goldfund von Vettersfelde*. Winckelmannsfeste der archäologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43. Berlin: G. Reimer.
- Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.
- Greenwell, W. 1887. *The Electrum Coinage of Cyzicus*. London: Rollin & Feuardent.
- Greifenhagen, A. 1982. Centenarium eines Goldfisches. Hundert Jahre Fund von Vettersfelde. *Antike Welt* 13 (3), 3—9.
- Hoffmann, H. 1961. The Persian origin of Attic rhyta. *Antike Kunst* 4 (1), 21—26.
- Kacharava, D. 2004. A Rich Grave from the Vani Site. *Phasis* 7, 117—127.
- Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. In Franke H. (Hrsg.). *Skythika*. München: Beck, 24—86.
- Krause, E. 1883. Fundstelle der Vettersfelde Goldsachen. *Zeitschrift für Ethnologie* 15, 488—490.
- Kühn, H. 1935. *Die Vorgeschichtliche Kunst Deutschlands*. Berlin: Propyläen.
- Kull, B. 2000. Hintergrundbilder und Jenseitskonzeptionen im nicht schrifthistorischen Raum. *EA* 6, 419—469.
- Lo Schiavo, F. 2010. *Le fibule dell'Italia meridionale e della Sicilia dall'età del bronzo recente al VI secolo, a.C.* PBF. Ab. XIV. Bd. 14. Stuttgart: Franz Steiner.
- Megaw, J. V. S. 2005. Early Celtic Art without Scythians? A Review. In Dobrzańska, H., Megaw, V., Poleska, P. (eds.). *Celts on the Margin. Studies of European Cultural Interaction, 7th century BC — 1st century AD*. Kraków: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 33—48.
- Mehnert, G. 2008. *Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext*. Nomaden und Sesshafte 10. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Michel, S. 1994. *Der Fisch in der Skythischen Kunst: Zur Deutung Skythischer Bildinhalte*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang.
- Mihăilescu-Bîrliaba, V., Untaru, I. 1971. Notă despre un nou „akina-kes” găsit la Agapia. *MA* 3, 441—454.
- Nebelsick, L. D. 2003. Ein Kontext für den Goldhort von Witaszkowo/Vettersfelde (A context for the gold hoard from Witaszkowo/Vettersfelde). In Flashar, M., Wohlfeil, J. (Hrsg.). *Adolf Furtwängler, der Archäologe*. Schriften der Archäologischen Sammlung Freiburg 8 (2003), 63—79.
- Nebelsick, L. D. 2006. Vettersfelde. In Hoops, J. (Hrsg.) *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* 32. Berlin; New York: De Gruyter, 317—330.
- Nebelsick, L. D. 2014. "The Vettersfelde (Witaszkowo) Hoard": history of discovery, identification of the findspot, reconstruction of the hoard's contents, and its cultural-historical and iconographic context. In Kobyliński, Z. (ed.). *Contextualisation of the Hoard from Vettersfelde*. Zielona Góra: Fundacja Archeologiczna.
- Nebelsick, L. D. 2015. Ryba wpuszczona do wody: historyczny i kulturowy kontekst „skarbu z Vettersfelde”. In Jaszewska, A., Michalak, A. (red.). *Woda — żywioł ujarzmiony i nieujarzmiony*. Biblioteka Archeologii Środkowego Nadodrza 8. Zielona Góra.
- Nițu, A. 1953. Despre unele urme scitice în Moldova. *MCA* 1, 1—11.
- Palade, V. 1964. Un pumnal scitic descoperit la Măcișeni (r. Târgu Bujor, R. Galați). *AM* 2—3, 487—489.
- Parzinger, H. 2004. Rezension zu: Zbigniew Kobyliński (Hrsg.). Contextualisation of the Hoard from Vettersfelde/Witaszkowo. *Germania* 94, 328—331.
- Radcliffe, W. 1921. *Fishing from the earliest times*. London: John Murray.
- Redfern, D. 2012. *A study of Scythian gold jewellery manufacturing technology and its comparison to Greek techniques from the 7th to 5th centuries BC*. BAR 2424. Oxford: BAR Publishing.
- Redfern, D. V. 2000. A technical examination of the Scythian gold hoard from Vettersfelde/Witaszkowo. *EA* 6, 405—418.
- Reinecke, P. 1896. Die skythischen Alterthümer im mittleren Europa. *Zeitschrift für Ethnologie* 28, 1—43.
- Schefold, K. 1938. Der skythische Tierstil in Südrussland. *ESA* 12, 1—78.
- Topal, D., Golec, M. 2017. Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia. *Tyragetia* 11 (1) (26), 7—22.
- Vulpe, A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien*. PBF. Ab. VI. Bd. 9. München: Beck.
- Windfuhr, G. 2006. The Stags of Filippovka: Mithraic Coding on the Southern Ural Steppes. In Aruz, J., Farkas, A., Valtz Fino, E. (eds.). *The golden deer of ancient Eurasia: perspectives on the steppe nomads of ancient world*. The Metropolitan Museum of Art symposia, New York: Yale University Press, 46—81.

Статья поступила в сборник 15 июня 2020 г.

Denis Topal (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹, National Museum of History of Moldova².

Топал Денис Афанасьевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа», Национальный музей истории Молдовы.

E-mail: denis.topal@gmail.com

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova; ² 31 August St., 121a, Kishinev, MD-2012, Moldova

А. А. Романчук

Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы

Keywords: Old Russian state, Gnezdovo, Ladoga, Scandinavians, Varangians, Slavs, horseshoe fibulae, sundress, toponym, etymology, trade

Ключевые слова: Древнерусское государство, Гнездово, Ладога, скандинавы, варяги, славяне, подковообразные фибулы, сарафан, топоним, этимология, торговля

A.A. Romanchuk

Women's Jewelry and the Origin of Old Russian State: Some Remarks in the Margins of the Issue

The paper presents some thoughts on the issue of archaeological data interpretation (concerning women's jewelry) in the context of processes that led to the formation of Old Russian state. The author critically considers the ideas about the "Scandinavian control on the Baltic-Volga trade route" and "Scandinavian colonies" in the Eastern Europe. The author raises also a question on the initial political status and real role in the formation of the Old Russian state of the emerging trade-specialized settlements in the Ladoga and Gnezdovo.

A.A. Романчук

Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы

В статье представлены некоторые размышления на тему интерпретации археологических данных (женских украшений) в контексте процессов, приведших к образованию Древнерусского государства. Критически оцениваются идеи о «контроле скандинавами Балтийско-Волжского пути» и «скандинавских колониях» в Восточной Европе. Ставится вопрос о первоначальном политическом статусе возникающих торговых поселений в Ладоге и Гнездове и их реальной роли в формировании древнерусской государственности.

Светлана Станиславовна Рябцева была не только прекрасным ученым, но и прекрасным человеком — сочетание, встречающееся реже, чем хотелось бы. На протяжении всех лет нашего знакомства и дружбы тепло ее души созревало меня, как и всех окружающих ее людей. Я очень благодарен ей и за это тепло, и вообще за нашу дружбу. И эти мои наброски на тему, ставшую делом всей ее жизни, — попытка хоть как-то выразить эту благодарность. Мне очень хочется думать, что ей это было бы приятно.

Однако прежде чем начать, я хотел бы сразу оговорить: нижеследующий текст действительно не более чем заметки на полях проблемы. Ни степень моего проникновения в проблематику древнерусских (и вообще) женских украшений, ни допустимый объем текста не позволяют квалифицировать его как-то иначе.

Вместе с тем, я искренне надеюсь, что эти мои замечания и рассуждения будут для заинтересованных читателей небесполезны.

Итак, отправной точкой своих рассуждений я хотел бы сделать один ключевой тезис, повторенный Е. А. Мельниковой в целом ряде очень интересных и важных статей. Собственно говоря, в данном случае она отражает точку зрения весьма обширной, и безусловно доминирующей группы исследователей. И в ее изложении этот тезис звучит даже, пожалуй, наиболее сдержанно и взвешенно.

Я имею в виду тезис о том, что сказание о призвании Рюрика и его братьев отражает «контроль скандинавов» над Балтийско-Волжским путем (Мельникова 2015: 27).

Соответственно этому тезису, рождение Древнерусского государства мыслится как результат становления пересекающих Восточную Европу трансконтинентальных торговых путей (прежде всего Балтийско-Волжского) — в свою очередь, возникших в результате деятельности скандинавов. Стремясь контролировать эти пути и шедшую по ним торговлю, скандинавы, согласно данной точке зрения, и создают в итоге Древнерусское госу-

дарство — в котором, на раннем этапе существования, «элита и профессиональное войско были скандинавскими».

Точками кристаллизации зарождающейся государственности полагаются «эмпории в узловых пунктах магистрали (Хедебю, Бирка, Ладога)» (Мельникова 2015: 20). Характерно также, что Восточная Европа в рамках этой парадигмы предстает перед скандинавами фактически как *terra nullius*, «ничья земля», где скандинавам в первое столетие их продвижения по Балтийско-Волжскому пути «приходилось бороться прежде всего с бескрайними пространствами».

В итоге, несмотря на постоянное упоминание и безусловное признание и роли местных, славянских и финских элит в этом процессе, выстраиваемая парадигма, в которой далее и осмысливается и интерпретируется вся совокупность наличных и вновь обнаруживаемых исторических и археологических данных, фактически скандинавоцентрична.

И закономерно, что эта «скандинавоцентричная парадигма» де факто регулярно приходит к идее о весьма широком, масштабном и массовом проникновении скандинавов в Восточную Европу — вплоть до «скандинавской колонизации», когда Ладога, Гнездово или Тимерево полагаются «скандинавскими колониями».

С позиции вынесенного в заглавие статьи вопроса для нас примечательно, что одним из существенных, даже ключевых, способов аргументации представления о «скандинавской колонизации» в Восточной Европе служит как раз апелляция к женским украшениям.

Именно опираясь на анализ скандинавских женских украшений в Гнездове, Ю.Э. Жарнов пришел к тезису (поддержанному многими) о чрезвычайной многочисленности скандинавов: «в Гнездове погребения скандинавок составляют от 40% (курганы с ингумациями) до 50% (трупосожжения) от общего числа выделенных одиночных погребений женщин» (Жарнов 1991: 215; Ениосова, Пушкина 2016: 259, 288).

Как я уже говорил, мне представляются сомнительными и предложенный Ю.Э. Жарновым подход к подсчету скандинавских погребений, и вообще идея о масштабном проникновении и оседании скандинавов в ареале (будущего) Древнерусского государства¹.

Не повторяясь, здесь я хотел бы сосредоточить внимание на ином аспекте проблемы.

Начнем с того, что, согласно Ю.Э. Жарнову, «женские скандинавские фибулы (в первую очередь овальные) являются надежным индикатором норманнского присутствия в славянской среде вообще и в Гнездове в частности. Принципиальное различие в покрое славянской и скандинавской женской одежды, и особая этносоциальная роль костюма... не позволяют рассматривать женские скандинавские украшения в качестве предметов международной торговли» (Жарнов 1991: 213).

Говоря о «принципиальном различии славянского и скандинавского костюма», Ю.Э. Жарнов имел в виду, что «для славянского костюма (как мужского, так и женского) характерны рубашки, ворот которых застегивался обычно на 1—2 пуговицы» (Жарнов 1991: 210), для скандинавского же — характерно использование фибул.

То есть, и Ю.Э. Жарнов, и даже его критики исходят из молчаливого согласия в тезисе о противопоставлении «фибульной» скандинавской культуры — и «бесфибульной» восточнославянской.

На этом фоне крайне любопытно, что О.В. Орфинская усматривает скандинавское происхождение северорусского комплекса традиционной одежды, конкретно — поликовой рубахи и сарафана: «Поликовая рубаха и сарафан были характерны для скандинавских женщин, которые, вероятно, перенесли его на Русь, где он был воспринят и постепенно трансформировался в северорусский вариант традиционного костюма» (Орфинская 2017: 96).

Однако гипотеза О.В. Орфинской наталкивается, во-первых, на радикальное несоответствие предполагаемого результата (существенное изменение костюма — действительно одного из важнейших этносоциальных маркеров, и притом на обширных пространствах всего северорусского ареала) и реально наблюдаемых (весьма незначительных) по данным археологии, лингвистики и топонимики, равно как и физической антропологии, следов присутствия скандинавов в северорусском (да и вообще русском) ареале².

численность» предполагаемой ею «скандинавской элиты» Древнерусского государства.

² Выводы многих исследователей на этот счет приводились мной ранее; здесь нет ни возможности, ни необходимости повторять. Но любопытно все же представить здесь оценку самой Е.А. Мельниковой: «Ни Томсен, ни Стендер-Петерсен, ни отечественные специалисты по истории древнерусского языка не отмеча-

¹ Кстати, и сама Е.А. Мельникова занимает в этом вопросе весьма, на мой взгляд, адекватную позицию, неоднократно в своих работах подчеркивая «немного-

И, во-вторых, если суть скандинавского женского костюма составляли фибулы, то каким образом эта «суть» была утрачена при формировании (древне) северорусского комплекса?

Действительно, ведь «большая часть находок скандинавского происхождения, известных на территории Древней Руси, была сосредоточена в Гнездове» (Ениосова, Пушкина 2012: 36). В целом, для территории Руси «основная часть находок скандинавского происхождения с поселений сосредоточена на трех памятниках: в Старой Ладоге, на Рюриковом Городище и в Гнездово» (Puškina 1997: 90)³.

В том числе это касается и фибул.

Вне Гнездова в Верхнем Поднепровье находки скандинавских предметов, включая фибулы, единичны (Ениосова, Пушкина 2016: 266, 286). В Новгороде (который очевидно должен был быть эпицентром формирования северорусского костюма) на начало 80-х гг. прошлого века была обнаружена всего одна скандинавская скорлупообразная фибула (Седова 1981: 84). На сегодняшний день в Новгороде «число скандинавских предметов по-прежнему мало» (Гринев 2018: 73).

Поэтому, может, в поисках истоков северорусского комплекса женского костюма лучше бы обратиться к восточным балтам и прибалтийским финнам?

Ведь, как хорошо известно, например, «ливские женщины носили застегивающуюся поясную одежду, которую можно считать переходной формой от нешитой поясной одежды к сарафану на лямках ...Сходную поясную одежду, застегиваемую на плечах, носили в Скандинавии, Финляндии, ... и в Эсто-

нии» (Зариня 1986: 183; по поводу Эстонии смотрите также: Лаул 1986: 194).

Одежда типа «глухого сарафана» (именуемая *амы* или *рукка*) была характерна для женского костюма *води* (Шлыгина 1986: 210); причем «сходные с *амы* формы можно найти и среди русских глухих безрукавных косоклиньных сарафанов. Вероятно, были сходные формы и на территории Карелии и восточной Финляндии. Но ближе всего *амы* к эстонским археологическим материалам» (Шлыгина 1986: 217). Далее, женщины *ижоры* «носили своеобразную одежду из двух полотнищ на лямках, которую старые авторы называют “запонами”...»; сами ижоры именовали эти полотнища соответственно *ааннуа* (большее) и *хурстут* (меньшее) (Шлыгина 1986: 220—221). Любопытно, что термин *хурстут* рассматривается как русское влияние (Шлыгина 1986: 226).

Одежда сходного типа, также именуемая *хурстут*, характеризует и финнов-эвримейсет Привыборгской части Карельского перешейка (Н. В. Шлыгина рассматривает их как исконных жителей региона) (Шлыгина 1986: 223).

Как видим, в поисках истоков северорусского сарафана нет необходимости «плыть в Скандинавию».⁴

И, в отличие от скандинавской версии, восточнобалтско-прибалтийско-финская вполне соответствует и наличию обширного пласта балтской субстратной топонимии в ареале ильменских словен (да и, как хорошо известно, вообще на территории между Днепром и Волго-Окским междуречьем), и улавливаемому у них физической антропологией (С. Л. Санкина) балтскому же субстрату; о финно-угорском субстрате на Северо-Западе и Северо-Востоке древней Руси, полагаю, нет даже необходимости напоминать.

Но еще важнее то, что именно восточные балты и прибалтийские финны стали основным источником тех фибул (а также функционально эквивалентных им булавок), которые были характерны для восточных славян накануне возникновения Древнерусского государства: «преимущественно фибулы были украшениями балтов и финно-угров. В славянских памятниках они встречаются там, где славяне соприкасались с балтским и финно-угорским населением, т. е., на северо-западе

ют ни одного случая фонетических, морфологических или синтаксических инноваций в древнерусском, которые могли бы произойти под влиянием скандинавских языков. Единственная сфера, где взаимодействие этих языков может быть прослежено, — это лексика, т. е., наиболее проницаемая и динамичная область языка» (Мельникова 1984: 66). Но — «...и лексический обмен не был интенсивным и широким». По К. Торнквист (работу которой Е. А. Мельникова отметила как наиболее строгую и объективную) — всего лишь десять слов в древнерусском заимствованы из скандинавских.

Для сравнения: «... длительное завоевание датчанами восточных областей Англии (Danelag), отразившееся в английском языке в виде многочисленных (до 10 % современного лексического фонда) лексических заимствований и ряда морфологических инноваций» (Мельникова 1984: 66). Или: «Завоевание скандинавами Нормандии, оставившее значительные следы в топонимике и лексике области...» (Мельникова 1984: 66).

³ Подробнее: Puškina 1997: 88—90.

⁴ Не говоря уже о том, что поликовая рубаша, как показал ряд исследователей (в первую очередь Н. И. Лебедева), на которых ссылается сама О. В. Орфинская, имеет общеславянский характер и известна в том числе и западным славянам (Орфинская, Степанова 2013: 115—116).

и северо-востоке. В южнорусских землях их почти нет» (Седова 1981: 83).

В Новгороде основную массу фибул X—XI вв. составляют подковообразные (Седова 1981: 84), «по своему происхождению связанные с кругом общевосточных и прибалтийско-финских древностей» (Покровская 1998: 12). Причем, «можно предполагать, что украшения прибалтийского происхождения уже в это время входили в новгородский костюм. Видимо, в X—XI вв. уже существовала сложившаяся традиция в системе украшений, а ее формирование выходит за рамки изучаемого периода (выделено мной. — А.Р.)» (Покровская 1998: 12). В XII веке «в новгородском костюме происходит замена фибул булавами» (Покровская 1998: 12); именно булавы (восходящие к более ранним балтским прототипам) использовались для застегивания наплечной несшитой одежды на территории Эстонии (за исключением о. Сааремаа и о. Муху, где использовались для этой цели тоже фибулы; фибулы же чаще использовались и на территории Финляндии) (Лаул 1986: 194, 199).

Подковообразные фибулы вообще характерны для ареала ильменских словен (Рябцева 2005: 62); для смоленских и полоцких кривичей наблюдается «широкое распространение подковообразных фибул» (Рябцева 2005: 57) — как, впрочем, и для псковских (Рябцева 2005: 60).

Более того, подковообразные фибулы накануне возникновения Древнерусского государства распространяются и много южнее: «нововведением является появление на лукарйковецких и роменских памятниках подковообразных фибул, которые будут существовать и в дальнейшем на древнерусских памятниках» (Рябцева 2005: 35). Для (бывшего) дреговичского ареала характерны «разнообразные подковообразные фибулы» (Рябцева 2005: 48). И — латгальские типы поясных бляшек.

Чрезвычайно важным источником здесь служат данные по латунам, из которых преимущественно изготавливались фибулы и булавы. Как показал анализ А.А. Коновалова (представленный в 1974 году), «в X—XV вв. существовало три зоны распространения сплавов, условно названных «прибалтийской», «новгородско-шведской» и «вятичской». В X—XI вв. «новгородско-шведская» зона не существовала. В этот период Новгород входил в «прибалтийскую» зону. ...Медь смешивали с цинкосодержащими рудами ...Источником цинка... служил каламин, который добывали в районе Верхнего Рейна и Мааса

...На базе этого сырья сложилась традиция изготовления латунных изделий, зафиксированная в восточноприбалтийских землях с первых веков I тыс. н. э. и в Новгороде X—XI вв. ...связи между восточнославянскими племенами и Прибалтикой, а через нее с центрами, экспортирующими медь в виде латунных слитков, сложились задолго до возникновения Новгорода. Новгородские купцы в X—XI вв. включились в традиционную систему связей» (Коновалов 2008: 49)⁵.

Здесь нужно уточнить, что в «прибалтийскую» зону А.А. Коновалов включал и Скандинавию (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 155). Но в отличие от более поздней, «новгородско-шведской», в «прибалтийской» зоне, по мнению А.А. Коновалова, Скандинавия сама получала сырье, необходимое для производства изделий из латуни, через Прибалтику. Шведские медные рудники начали в рамках этой системы связей поставлять металл лишь в конце XI в. (Коновалов 2008: 49); в XII веке же Швеция (где начинается крупномасштабная разработка Фалунского рудника) становится основным поставщиком меди на Северо-Запад Руси (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 156).

Н.В. Ениосова и соавт. сомневаются, что именно Восточная Прибалтика была источником поступления латуней на Русь в эпоху существования «прибалтийской» зоны — поскольку не располагала собственными месторождениями. Однако, если учесть, что типологически, как мы видели выше, те же подковообразные фибулы (а также многие другие украшения) Новгорода восходят именно к восточноприбалтийским, то, по крайней мере, приходится думать, что Восточная Прибалтика была важной составной частью пути, по которому латунь поступала на Северо-Запад (будущей) Руси⁶.

В свете этих данных, как мне кажется, мы должны еще раз задуматься и о том, в каком качестве и как попадали в древнерусский аре-

⁵ Ср. в этой связи: Романчук 2014: 350. Также: Завьялов, Розанова, Терехова 2012: 235, 258.

⁶ Собственно же в бассейн Балтийского моря поступление сырья для производства латуней, очевидно, шло через Юго-Запад Балтики. Вероятно, ключевую роль в этом на определенном этапе существования данной системы связей играли фризы. Их ведущее значение в балтийской торговле до VIII в. включительно подчеркивает, кстати, и Е.А. Мельникова (Мельникова 2012: 248, прим. 44; 2015: 25). Здесь же она указывает на их возможное участие в основании Ладоги.

ал (и, в частности, в Гнездово) собственно скандинавские фибулы⁷.

Для ответа на эти вопросы первостепенное значение имеет, полагаю, то, что большинство находок скандинавских фибул сосредоточено в северных областях территории древней Руси (Puškina 1997: 88—90). То есть, преимущественно в тех областях, где славяне (а также славянизируемое финское население) уже и до этого использовали фибулы⁸.

При этом, как подчеркивала еще В. С. Дедухина, скандинавские фибулы представлены в том числе в рядовых, не-элитных, курганах сельских поселений Северо-Востока Руси.

Весьма важным мне представляется и то, что среди скандинавских фибул на Руси «наиболее яркую и многочисленную группу составляют так называемые скорлупообразные или черепаховидные фибулы» (Андрощук 1999: 89). Полагаю, мы в первую очередь должны спросить себя: чем же объясняется такая любовь населения Древней Руси именно к этой разновидности скандинавских фибул?

А если учесть, что скорлупообразные фибулы представляют собой атрибут скандинавского **женского** костюма, то, как я уже подчеркивал, это заставляет нас задать следующий вопрос: так кто преимущественно двигался на Русь, скандинавы или скандинавские женщины?

Как мне кажется (не отрицая возможности того, что какая-то часть скорлупообразных фибул действительно попала на Русь вместе со скандинавскими женщинами; но подобные объяснения мы должны предлагать, на мой

взгляд, лишь в тех случаях, когда о скандинавском происхождении женщин свидетельствуют и данные погребального обряда — точно так же, как мы это делали бы для любой другой эпохи и культуры), в целом наилучшей интерпретацией имеющихся фактов будет рассматривать значительную часть фибул скандинавских типов (и в первую очередь — скорлупообразные), в (древне)северорусском ареале именно как результат торговли, как импорты⁹.

Такая интерпретация позволяет, кстати, достаточно просто и убедительно объяснять и загадку «археологического исчезновения скандинавов» на Руси в начале XI в. (Жарнов 1991: 220).

Ведь, безусловно, что ни попытка объяснить этот факт «стремительной ассимиляцией норманнов», ни предложенное Ю. Э. Жарновым объяснение («христианизация Руси и Скандинавии») неубедительны. Тогда как принятие в качестве искомого объяснения изменение характера торговых связей, обусловившее прекращение поступления такого рода скандинавских изделий в древнерусский ареал, — не требует от нас никаких неестественных допущений и предположений.

Таким образом, говорить о «скандинавской колонизации» в древнерусском ареале не приходится, полагаю.

Не можем мы говорить, на мой взгляд, и о «контроле скандинавов» над торговыми путями Восточной Европы. Равно как и видеть в Гнездово или Ладоге нечто большее, чем изначально поселения купцов, «торги», возникавшие с разрешения местных, восточноевропейских политий (подробнее: Романчук 2018: 103, прим. 14; см. в этой связи также: Радиньш 2003: 153—155)¹⁰.

⁷ Важным, и зачастую неучитываемым обстоятельством является также то, что мы безусловно должны различать «фибулы скандинавских типов» и «фибулы из Скандинавии» (см. в этой связи также: Комар, Хамайко 2014: 189). Всеми ведь отмечается факт широкого распространения скандинавских типов фибул также на территории Финляндии, Эстонии, в бассейне Даугавы, или по побережью Финского залива.

И для нас, безусловно, имеет чрезвычайное значение, попала ли та или иная фибула скандинавских типов непосредственно с территории Скандинавии — или же через восточнобалтское и прибалтийско-финское посредство. Или же даже — через Юго-Запад Балтики.

⁸ А также, видимо, и характерную несшитую на плечах одежду типа того же ижорского хурстута — переходную к сарафану. Мне лично также представляется вполне правдоподобным предположение, что одежда на лямках возникла не только как стадия перехода к собственно сарафану, но, в определенный период времени, и как субститут несшитой одежды, требовавшей фибул — поскольку даже железные фибулы для той эпохи представляли собой, по всей видимости, отнюдь не общедоступные изделия.

⁹ Кстати, можно ли предположить, что основной путь поступления скорлупообразных фибул в древнерусский ареал шел по Даугаве? В низовьях которой, у ливов, как мы помним, скорлупообразные фибулы стали органичной частью традиционного костюма.

¹⁰ Кстати, в литературе на сегодняшний день укрепилось представление, что древнерусское *Ладога* образовано от исходного финского топонима не напрямую, а через скандинавскую форму *Aldeigja* (Джаксон 2001: 106—107; Васильев 2011: 13). Не располагая сейчас возможностью представить себе весь контекст обсуждений вопроса (в частности, мне не доступны работы И. Микколы), я все же полагаю, что имеющиеся факты склоняют нас к, по крайней мере, необходимости еще раз вернуться к проблеме.

Во-первых, безусловный факт метатезы *ald>lad* действительно препятствует выведению скандинавского *Aldeigja* из *Ладога*. Однако в отношении собственно *Ладога* он свидетельствует лишь о весьма раннем (до метатезы в начальных сочетаниях *oГ, *oЛ в «пуч-

Местные политии Восточной Европы эпохи раннего средневековья, будь то славянские, балтские или финские, очевидно, обладали достаточной мощью и военным потенциалом, чтобы при желании закрыть скандинавам бесконтрольное движение по речным путям.

Наглядной иллюстрацией служит «зона недоступности» для западнобалтских и скандинавских вещей, возникшая на Западной Двине в ареале тушемлинской культуры (Казанский 2010: 104). Или массовое погребение в Сальме (о. Сааремаа), которое интерпретируется как захоронение свеев, «погибших от рук местных жителей-эстов» (Мельникова 2019: 71). Согласно выводам А. Радиныша (и, думаю, вполне убедительным), в IX—XII вв. «жителям низовьев Даугавы удалось удерживать под своим контролем Даугавский путь» (Радиныш 2003: 158).

И не случайно Хаук Длинные Чулки плывет на Русь на одном корабле — отпустив других своих спутников. Не случайно, вообще собиравшиеся для поездок в Восточную Европу отряды скандинавов были невелики, и, как правило, ограничивались одним кораблем (Мельникова 2019: 67).

И это радикальным образом отличается от поведения скандинавов в Западной Европе — где возникают Danelag и Нормандия.

Скандинавы, очевидно, вели себя пропорционально своим военным и демографическим возможностям в конкретном регионе. И если ни свой *Danelag*, ни своя *Нормандия* не возникли и в Восточной Европе, то, явно, что Восточная Европа в раннем средневековье изначально не была *terra nullius*.

Наоборот, можно полагать, что именно восточнославянские торговцы играли не только в торговле по Балтийско-Волжскому пути, но и в балтийской торговле одну из ведущих, ключевых ролей. На эту мысль наводит и известный (известный — но явно недооцениваемый) факт, который сложно интерпретировать как-то иначе.

А именно, то что «др.-рус. тѣргъ... “торг, рынок”... проникает в древнешведский язык, *torg*, откуда попадает в другие скандинавские языки..., что свидетельствует о древности заимствования, а также в западнофинский: *torgi*» (Мельникова 1984: 70). Причем, важный момент: «тѣргъ > *torg*... не только служит обозначением торговых площадей в средневековых шведских городах, но и образует топонимы в качестве географического термина» (Мельникова 1984: 75).

Думаю, этот факт сложно объяснить как-то иначе, чем то, что славянские купцы создавали свои «торги» на территориях свеев и западных финнов.

Литература

- Андрощук Ф. А. 1999. К датировке скандинавских фибул типа Petersen-51. *Vita Antiqua* (1), 89—94.
Васильев В. Л. 2011. Названия на -га в обратном словаре гидронимии Русского Северо-Запада. *Вопросы ономастики* 10 (1), 5—20.
Гринев А. М. 2018. Скандинавский след в материальной культуре раннего Новгорода (по мате-

риалам Неревского раскопа). В: Рыбина Е. А., Ениосова Н. В. (ред.). *Археология Древней Руси: проблемы и открытия*. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва: МГУ, 72—73.

Джаксон Т. Н. 2001. *Austr í Gördum: древнерусские то-*

ке древненовгородских диалектов» (А. А. Зализняк); сравните много более позднее *Альденьга* (Матвеев 2007: 42, прим. 2) формировании уже именно славянского топонима — и, очевидно, первоначально именно в форме *Алдега/Алдога*.

Во-вторых, если пытаться выводить *Ладога* из *Aldeigja*, то безусловно, требует, объяснения и переход финального -*gja* — в -*ga* (при том, что эст. *Emajõgi* дало древнерусское *Омовжа*; поскольку Поволховье — зона расселения ильменских словен, то аналогичный рефлекс следовало бы ожидать и в случае *Aldeigja*).

И здесь, как мне кажется, следует учитывать выводы А. К. Матвеева по поводу топоформанта -*ga* (в топонимике Русского Севера, правда), и, в частности, его предположение (отталкивающееся от идеи Я. Калимы), что «русские (или еще раньше прибалтийские финны) воспринимали конечное **zV* как усеченное обозначение реки, что и вело ко вторичному использованию этого форманта как в финской, так и в русской среде» (Матвеев 2007: 25).

Наконец, в-третьих, в качестве одного из ключевых

в пользу первоначальности скандинавского *Aldeigja* Т. Н. Джаксон предлагала аргумент археологический, согласно которому, славяне в Ладоге появились позже скандинавов; В. Л. Васильев де факто рассматривает это даже как главный (если не единственный) аргумент (Васильев 2011: 13).

Однако, учитывая, что название поселения *Ладога* образовано от одноименной реки (в чем все сегодня согласны), мы должны исходить здесь из времени появления славян не на самом поселении, а в районе реки Ладога. И по современным археологическим представлениям, славяне и на Северо-Западе в целом, и в районе Ладоги появились существенно ранее, чем это предполагалось еще 15—20 лет назад. Поручкой тому, в частности, расположенное в двух километрах от Ладоги (и более древнее) славянское городище *Любша*.

Таким образом, в свете этих фактов мне кажется более предпочтительным выводить славянское *Ладога* непосредственно из финской формы. Впрочем, своей задачей я вижу здесь скорее способствовать возобновлению обсуждения вопроса.

- понимы в древнескандинавских источниках. Москва: Языки русской культуры
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. В: Рындина Н.В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. Москва: Восточная литература, 107—192.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 2012. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. В: Сердюк Е.М., Фарбей А.М. (ред.). *Сугдейский сборник 5*. Киев; Судак: Горобець, 34—85.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 2016. Гнездово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации.
- Жарнов Ю.Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездове. В: Авдусин Д.А. (отв. ред.). *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ, 200—225.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 2012. *Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси*. Москва: Анкил.
- Зариня А.Э. 1986. Одежда жителей Латвии VII—XVII веков. В: Рабинович М.Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 172—189.
- Казанский М.М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.
- Комар А.В., Хамайко Н.В. 2014. Рец.: Ф. Андрощук, В. Зоценко. Скандинавские древности Юга Руси: Каталог. Paris: ACHByz, 2012. — 367 с. *АДИУ* 12 (1), 188—197.
- Коновалов А.А. 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. В: Рындина Н.В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. Москва: Восточная литература, 7—106.
- Лаул С.К. 1986. Одежда эстонцев I—XVII веков. В: Рабинович М.Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 190—207.
- Матвеев А.К. 2007. *Субстратная топонимия Русского Севера III*. Екатеринбург: УрГУ.
- Мельникова Е.А. 1984. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке. *ДГВЕ* 1982, 62—75.
- Мельникова Е.А. 2012. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности. *ДГВЕ* 2010, 240—269.
- Мельникова Е.А. 2015. Возникновение Древнерусского государства в европейском контексте: постановка проблемы. *Вестник РГГУ* 9 (152), 20—34.
- Мельникова Е.А. 2019. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию. *Российская история* (4), 66—81.
- Орфинская О.В. 2017. Русский сарафан и Скандинавия: формирование русского костюма на базе археологических данных. В: Урванцева Н.Г. (отв. ред.). «Свое» и «чужое» в культуре. Материалы XI Международной научной конференции (г. Петрозаводск, 22—24 июня 2017 года). Петрозаводск: ПетрГУ, 96—98.
- Орфинская О.В., Степанова Ю.В. 2013. К вопросу о формировании русской традиционной одежды с поликами. *ЭО* (5), 114—122.
- Покровская Л.В. 1998. *Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография*. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.
- Радиных А. 2003. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов. *Archaeologia Lituanica* (4), 152—160.
- Романчук А.А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* (5), 345—355.
- Романчук А.А. 2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică* XIV (1), 93—107.
- Рябцева С.С. 2005. *Древнерусский ювелирный узор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Шлыгина Н.В. 1986. Архаические формы женской одежды води и ижоры. В: Рабинович М.Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 208—228.
- Puškina T.A. 1997. Scandinavian finds from old Russia. A survey of their topography and chronology. In: Hansson P. (ed.). *The rural Viking in Russia and Sweden*. Örebro: Örebro kommuns, 83—92.

References

- Androshchuk, F.A. 1999. In *Vita Antiqua* (1), 89—94 (in Russian).
- Vasiliev, V.L. 2011. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 10 (1), 5—20 (in Russian).
- Grinev, A.M. 2018. In Rybina, E.A., Eniosova, N.V. (eds.). *Arkheologiya Drevnei Rusi: problemy i otkrytiia (Archaeology of Ancient Rus: Issues and Discoveries)*. Moscow: Moscow State University, 72—73 (in Russian).
- Jackson, T.N. 2001. *Austr í Görðum: drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh (Austr í Görðum: Ancient Russian Toponyms in Ancient Scandinavian Sources)*. Moscow: “Iazyki russkoi kul’tury” Publ. (in Russian).
- Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A., Saracheva, T.G. 2008. In Ryndina, N.V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennyye metally na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu Srednevekov’ia (Non-Ferrous and Precious Metals on the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 107—192 (in Russian).
- Eniosova, N.V., Pushkina, T.A. 2012. In Serdiuk, E.M., Farbei, A.M. (eds.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* 5. Kiev; Sudak: “Gorobets” Publ., 34—85 (in Russian).
- Eniosova, N.V., Pushkina, T.A. 2016. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 2014 (The Earliest States in Eastern Europe: 2014)*, 258—303 (in Russian).
- Zhamov, Yu.E. 1991. In Avdusin, D.A. (ed.). *Smolensk i Gnezdo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnyozdovo (towards a history of the old Russian town))*. Moscow: Moscow State University, 200—225 (in Russian).
- Zavyalov, V.I., Rozanova, L.S., Terekhova, N.N. 2012. *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoi kul’ture Severnoi Rusi (Traditions and Innovations in the Production Culture of Northern Rus)*. Moscow: “Ankil” Publ. (in Russian).
- Zarinia, A.E. 1986. In Rabinovich, M.G. (ed.). *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials to the Historical and Ethnographical Atlas)*. Moscow: “Nauka” Publ., 172—189 (in Russian).

- Kazanski, M.M. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 17—127 (in Russian).
- Komar, A.V., Khamaiko, N.V. 2014. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny* (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 12 (1), 188—197 (in Russian).
- Konovalov, A.A. 2008. In Ryndina, N.V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu Srednevekov'ia* (Non-Ferrous and Precious Metals on the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 7—106 (in Russian).
- Laul, S.K. 1986. In Rabinovich, M.G. (ed.). *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials to the Historical and Ethnographical Atlas). Moscow: "Nauka" Publ., 190—207 (in Russian).
- Matveev, A.K. 2007. *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* (Substrate Toponymy of Northern Russia) III. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Melnikova, E.A. 1984. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1982* (The Earliest States in Eastern Europe: 1982), 62—75 (in Russian).
- Melnikova, E.A. 2012. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 2010* (The Earliest States in Eastern Europe: 2010), 240—269 (in Russian).
- Melnikova, E.A. 2015. In *Vestnik RGGU* (Bulletin of the Russian State University for the Humanities) 9 (152), 20—34 (in Russian).
- Melnikova, E.A. 2019. In *Rossiiskaia istoriia* (Russian History) (4), 66—81 (in Russian).
- Orfinskaya, O.V. 2017. In Urvantseva, N.G. (ed.). «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture ("Mine" and "Theirs" in Culture). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 96—98 (in Russian).
- Orfinskaya, O.V., Stepanova, Yu.V. 2013. In *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review) (5), 114—122 (in Russian).
- Pokrovskaya, L.V. 1998. *Ukrasheniia baltского i finno-ugorskogo proiskhozhdeniia srednevekovogo Novgoroda: sistematizatsiia, khronologiya, topografiia* (Decorations of Baltic and Finno-Ugrian Origin in Medieval Novgorod: Systematisation, Chronology, Topography). PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Radiš, A. 2003. In *Archaeologia Lituanica* (4), 152—160 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 345—355 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2018. In *Revista Arheologică* XIV (1), 93—107 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.)* (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shlygina, N.V. 1986. In Rabinovich, M.G. (ed.). *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials to the Historical and Ethnographical Atlas). Moscow: "Nauka" Publ., 208—228 (in Russian).
- Puškina, T.A. 1997. Scandinavian finds from old Russia. A survey of their topography and chronology. In Hansson, P. (ed.). *The rural Viking in Russia and Sweden*. Örebro: Örebro kommun, 83—92.

Статья поступила в номер 2 апреля 2020 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova¹.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Магистр антропологии. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: ¹ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

А. Е. Мусин

Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси

Keywords: Eastern Europe, Byzantium, translations from Greek, material culture, reception, periodization, historical memory

Ключевые слова: Восточная Европа, Византия, переводная письменность, материальная культура, рецепция, периодизация, историческая память

A. E. Musin

Paradoxes of the Reception of Byzantine Culture in Medieval Rus'

The article analyses the reception of Byzantine culture in medieval Eastern Europe, especially the selection and transfer of its elements and their subsequent transformation, and establishes a correlation between the reception of texts and elements of material culture. The importance of archeology in the study of reception, which is considered as the local materialization of Byzantine culture, is stressed. The regional differentiation of reception and its periodization is proposed as following: 6th—8th, 9th—10th, 11th—13th, 14th—15th centuries. The importance of South Slavic intermediary cultures in the transmission of Byzantine culture to Eastern Europe is emphasized. The author concludes that, despite the political and geographical changes in the Byzantine Empire, the territories that once belonged to it continued to be perceived in Eastern Europe as a "great Byzantium", regardless of their Islamization or Latinization. As a result, the reception of Byzantine culture in Eastern Europe was of a spontaneous and occasional nature. Despite the fact that several Byzantine phenomena which did not preserve in the Mediterranean region were kept nearly intact in Eastern Europe, the general image of Byzantium in the local culture and consciousness turned out to be very limited and specific. In modern times it led sometimes to the abuse of historical memory in social and political life.

A. E. Musin

Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси

В статье дается характеристика рецепции византийской культуры в средневековой Восточной Европе, особенности отбора и перенесения ее элементов и их последующей трансформации. Обосновывается корреляция между рецепцией текстов и элементов материальной культуры. Подчеркивается важность археологии в изучении этого процесса, который рассматривается как местная материализация византийской культуры. Предлагается региональная дифференциация рецепции и ее периодизация: VI—VIII, IX—X, XI—XIII, XIV—XV вв. Подчеркивается важность южнославянских культур-посредниц в трансляции византийской культуры в Восточную Европу. Делается вывод, что, несмотря на политические и географические изменения в Византийской империи, некогда входившие в нее территории продолжали восприниматься как «большая Византия», вне зависимости от их исламизации или латинизации. Обосновывается, что рецепция византийской культуры в Восточной Европе носила спонтанный и окказиональный характер. Несмотря на то, что здесь могли сохраниться явления, утраченные в Средиземноморском регионе, в целом образ Византии, отраженный в культуре и сознании, оказался весьма специфичным, что в Новейшее время привело к злоупотреблению исторической памятью в общественной и политической жизни.

В последние десятилетия в различных областях исторического знания, изучающего восприятие византийской культуры в Восточной Европе эпохи средневековья, было замечено интересное, но противоречивое явление. Древняя Русь XI—XV вв., ее книжность и иконография, сохранили практически неизменным целый пласт византийской культуры IX—XI вв. Тот факт, что тексты и образы продолжали функционировать здесь в местных переводах и изводах, не отменяет главного: в Византии их оригиналы либо вышли из употребления, либо не сохранились

вовсе. Тут можно вспомнить минеи-четьи до-Метафрастовской традиции, предположительно связанные со Студийским монастырем, переведенные в Новгороде и сохранившиеся в Волоколамском монастыре, ряд агиографических произведений, некоторые литургические тексты новгородских берестяных грамот, типикон Студийского монастыря в редакции патриарха Алексия Студита, кожаные пояса Студийского устава с изображением додекаортонна... (Афиногенов 2008; Пентковский 2001; Musin 2010). Из приведенного перечня было бы неверно

заклучить, что описанное явление относится исключительно к церковной культуре, однако именно здесь оно прослеживается наиболее выразительно.

Такая сохранность архаичных элементов должна быть связана с проявлением «закона культурной периферии», согласно которому элементы цивилизации лучше сохраняются не в центрах их создания, а на окраинах культурного влияния. Такие элементы, заимствованные местными общинами от более развитых обществ, рассматривались как образцы, обладавшие высокой степенью авторитета и не подлежавшие изменениям. В цивилизационных центрах местные культурные явления оказывались подвержены влиянию моды и активным трансформациям. Поэтому иногда «утраченную Византию» целесообразно искать за пределами Византии.

Однако ансамбль византийских элементов, сохранившийся в культуре Древней Руси, обладает характерными особенностями, впервые отмеченными на примере переводных текстов. Ф. Томпсон указывал на ограниченный характер рецепции византийской книжности на Руси и сравнил имевшийся здесь корпус переводов с библиотекой провинциального византийского монастыря. Все это могло быть связано с характером «профессиональной миграции» из Византии на Русь, попросту говоря, с низким культурным уровнем греческого духовенства и монашества, отправленных на далекую окраину Вселенского патриархата (Thompson 1978; 1993).

Эти наблюдения, как и мнение исследователя о недостаточности лингвистического критерия для доказательства существования переводов с греческого в домонгольской Руси, были отвергнуты российским академическим сообществом, заметим — не всегда по академическим причинам (Алексеев 1996, Пичхадзе 2011). Более спокойные голоса указывают на справедливую критику Ф. Томпсоном «словарного подхода к происхождению перевода», закономерность реакции на утверждение о «самобытности» древнерусской культуры, необходимость отказа от «атомичности» исследований переводов, повышение внимания к текстологической традиции памятника и его роли в культуре и др. (ср.: Franklin 2002; Буланин 2010). Однако главный вопрос Ф. Томпсона, состоявший даже не в том, кто переводил и в какой стране был сделан перевод, а каков культурно-антропологический механизм и побудительный мотив такого перевода, до сих пор остается без ответа. Сегодня основной итог в области изучения перево-

дной письменности на Руси в некоторой степени подтверждает «провокативную правоту» Ф. Томпсона. Он заключается в признании, что подавляющее большинство произведений переводной древнеславянской письменности возникло у южных славян, а письменность восточных славян с самого начала подражала южнославянским образцам, что заставляет признать отсутствие лексических русизмов древнерусских памятников нормой (Пичхадзе 2011: 7).

Итак, древнерусский перевод — уникален на поприще древнерусской культуры и его становление зависело от болгарской традиции. Все это заново позволяет поставить традиционный вопрос о Древней Руси как объекте влияния Византии. Напомним, что некогда древнерусская культура представлялась одним из испорченных провинциальных вариантов византийской культуры (Буслаев 1866), рассматривалась как результат «трансплантации» базовых византийских элементов и их последующее развитие (Лихачев 1973) или даже как процесс и результат диалога передающей и принимающей культуры (Лотман 1989).

Однако научное сообщество осталось не удовлетворено предлагаемыми концепциями. В целях создания универсальной модели для описания древнерусско-византийского взаимодействия было бы правильнее придерживаться понятия рецепции. Так, В. М. Живов оценивал проникновение византийской культуры на Русь как сложный процесс отбора и трансформации, преобразования элементов византийского происхождения в новую систему, что предполагало не столько исчерпывающий перевод, сколько цитирование воспринимаемой культуры (Живов 2002).

Итак, культурная рецепция предстает многоэтапным процессом, включающим в себя знакомство с «чужой» культурой, выбор и отбор ее элементов, их заимствование, усвоение, использование и последующую трансформацию вплоть до полного переосмысления или изживания. Однако главное в ней — роль воспринимающей стороны. В рамках настоящей статьи хотелось бы высказать некоторые соображения не столько о влиянии византийской цивилизации на древнерусскую культуру, сколько о результатах культурной рецепции. Эти соображения возникли при сравнении различных проявлений культурной активности Восточной Европы родом из Византии, которые напрямую соотносить не принято: книжность и архитектура, ювелирное дело и монетное обращение, богослужение и торговля, право и иконопись.

Важную роль в создании общей методологической базы исследования играет археологический подход, где археология понимается достаточно широко как наука о древнем быте, которая оказывается не столько историей материальной культуры, сколько историей материализации культуры. Не только элементы византийской материальной культуры в Восточной Европе сохранились в археологизированном виде. Византийская устная традиция, письменность и религиозность также материализовались здесь в форме археологических объектов, будь то храм, икона или кодекс. Таким образом, стоит поставить вопрос о византийской материальности, формах ее прямой или опосредованной материализации вне Византии и взаимоотношений между ними, чтобы оценить характер рецепции византийской культуры в Восточной Европе и охарактеризовать новый модуль, в который рецептированные элементы оказались структурированы.

Изначально стоит обратить внимание на главный парадокс «византинизации» Восточной Европы и, как следствие, ее христианизации. В условиях отсутствия организованной миссии Вселенского патриархата в средне-византийскую эпоху (IX—XII вв.) (ср.: Иванов 2003; дискуссию см.: Salamon 2012) главным средством усвоения новой веры и культуры на ранних этапах был выбор «среднего класса» местных обществ в процессе контактов его представителей с Византией (Musin 2012). Элементы византийской веры и цивилизации проникали сюда разными, но почти всегда индивидуальными путями как результат непосредственного знакомства его представителей с Византией, будь то торговля, дипломатия, военные походы, иногда — пребывание в плену и рабстве. Это свидетельствует о миссионерском потенциале византийской цивилизации, основанном на принципе «*veni et vidi*», противостоящем лозунгу организованной миссии — «*compelle intrare*». В глазах представителей восточно-европейских славиний Византийская империя была огромным и цельным организмом, производившим сакральные и социальные ценности.

Однако византийская культура не была однородной. Она состояла из серии региональных культур и литургических провинций и подразделялась на несколько уровней, связанных с социальной стратификацией: официальной, элитарной, клерикальной, монашеской, популярной (Shepard 2012). Такая дифференциация зачастую ускользает от внимания исследователей, где основное внимание привлечено к столичной культуре Константи-

нополя, проводником которой в Восточной Европе мог быть Херсонес (о «корсунском миреже» см., напр.: Корзухина 1958; ср.: Этингhoff 2005: 203—212).

Однако такое невнимание, будучи методологической проблемой современной исторической науки, связанной с диахронией исследования, парадоксальным образом отражает культурную ситуацию эпохи Средневековья. Статус Византии в глазах населения Восточной Европы исключал возможность качественной сортировки ее культурной продукции. Это касалось не только различия уровней и слоев, но и территорий, которые давно могли оказаться за границами Империи. В силу «ментальной картографии» (см.: Downs, Stea 1977) эти области продолжали оставаться для не-византийцев «большой Византией», несмотря на их оккупацию арабами, сeldжуками, латинянами или османами. Оправданием такого восприятия Византии может служить тот факт, что, даже утратив политико-юридическую или церковно-каноническую связь с ней, местное население в той или иной степени сохраняло и развивало базовые принципы византийской культуры. Такому историческому релятивизму соответствует регионализм современных исследований византийской культуры в Центрально-Восточной Европе, не прибегающий к межрегиональным сравнениям (Wołoszyn 2001; Родина 2004; Коваленко 2006; Лавыш 2008; Profantová 2008; Balcárek, 2009; Головкин, Нікольченко 2012).

Существует еще один «картографический феномен», препятствующий цельному видению характера рецепции византийской культуры в Восточной Европе. «Киевоцентричный» подход к истории региона и представление о «пути из варяг в греки» как основном способе доставки византийских ценностей местному населению естественным образом подпитывает «великий миф викингов», до сего времени довлеющий над академическим сознанием (об этом см.: Мусин 2017). Тот факт, что Киев был «назначен» византийцами «митрополией русов», а конунги из рода Рюрика оказались во главе этой митрополии, никоим образом не превращает варягов в главных распространителей византийской культуры в Восточной Европе (ср., однако: Андрощук 2014), несмотря на очевидное социальное и политическое доминирование скандинавов среди местных славиний в X в. Эти славинии определенно могли осуществлять собственные интересы в сношениях с Византией и иметь иные нити контактов, нежели днепровский путь. Характерно,

что подразумеваемый «торговый» характер экспансии варягов в Восточной Европе определил и «торговый подход» к взаимоотношениям Руси и Византии в целом (Гладких 2012), хотя надежные индикаторы коммерческих связей, прежде всего статистика импортов, в работах отсутствуют.

К тому же рецепция Византии славянскими общинами не только началась за несколько столетий до формирования Руси как результата аккультурации скандинавов в восточно-европейской среде, но и обрела в это время свои основные правила, определившие ее характер в Древней Руси, что в дальнейшем не исключало хронологических и региональных особенностей. Речь идет о сложении «буферных зон» и «посреднических» культур и общин, с помощью которых элементы византийской культуры, иногда уже переосмысленные и трансформированные, проникали в Восточную Европу. Как показал целый ряд исследований, определяющие элементы славянского костюма, прежде всего серьги, в т. ч. и так называемого волынского типа, и височные кольца (лунообразные и многолучевые) сложились под воздействием византийских образцов в Центральной Европе, прежде всего в Подунавье, в начальный период славяно-византийских контактов VI—VII вв. Именно этот адаптированный вариант византийской культуры был унаследован Великой Моравией, Болгарией и Сербией и впоследствии, в IX—X вв., различными путями, в том числе через Черноморский регион и Венгрию был перенесен преимущественно в южную часть Восточной Европы (см., например: Рябцева 2005; 2008; 2011; Szmoniewski 2010; Bikić 2016; Duczko 2018). В такой ситуации хорошо известные в книжности и искусстве «первое» и «второе» южнославянские влияния обретают свои отражения в археологическом материале.

Однако на севере Восточной Европы подунавские и причерноморские элементы, проникшие сюда с различными мигрирующими группами VI—VIII вв. (синие крапчатые бусы, В-образные пряжки и др.), не оставили существенного следа в местной культуре, выпав из повседневной жизни с первым поколением их владельцев (Musin 2020; ср.: Мастыкова, Плохов 2010; Плохов 2017). Таким образом, механизмы рецепции на севере и на юге оказываются различными. На севере ситуация соответствует эпизодичности не прямых контактов, связанных с конкретными пользователями византийских по своему происхождению или культурному фону вещей. На юге, в условиях тесных и регулярных контактов, мест-

ные славяне воспринимают некоторые элементы византийского костюма и украшений, что задает перспективу формирования статусных элементов массового славянского, прежде всего — женского костюма конца I — начала II тыс. н. э. В этом процессе важную роль играли индивидуумы, пребывавшие определенное время в Византии или на ее границах и воспринявшие такие элементы как социальные маркеры.

Новые особенности рецепции Византии проявляются к IX—X вв. Их стоит связать с христианизацией и началом регулярных военно-политических и коммерческих контактов Византии с различными политиями Руси. Уже здесь виден характер отбора предметов и явлений. Так, новшества постиконборческой эпохи, например, двухспидные храмы с развитым ритуалом протесиса и персональные прецессионные кресты, отражавшие возросший уровень сознания византийских мирян, не были восприняты древнерусским христианством (Мусин, Тесленко 2015: 215—218, 271—304, 314—315), чей уровень религиозной культуры существенно отличался от Византии. Дополнительные объяснения стоит поискать в области «профессионализации» контактов со стороны греческого клира, стремившегося к контролю над новыми приходскими общинами. Еще одним свидетельством «профессионализации» и даже «бюрократизации» контактов является появление в Восточной и Северной Европе документов, утвержденных печатями протоспафариев середины IX в. (Хедебю, Рибо, Тиссо, Рюриково Городище), а также проникновение сюда медных «херсоно-византийских» монет IX в. и фолисов императора Феофила, достаточно быстро депозировавшихся в культурный слой и в силу собственной ничтожности не участвовавших в обращении (Мусин 2010; ср.: Шевцов 2017). Очевидно, что в данном случае определяющими на этом этапе были политический и военный ресурс Восточной Европы, опережавшие по значению торговые отношения.

Однако в эту эпоху персональное пребывание в Византии еще играло значительную роль в восприятии редких предметов византийской повседневности, иногда заимствованных через Болгарию и Балкано-Подунайский регион и не оказавших существенного влияния на местную культуру. Об этом свидетельствуют, на наш взгляд, находки из Киева, Гнездова, Рюрикова Городища, Новгорода и Ладоги, такие как прорезные и рельефные пряжки, поливная керамика, перстни, замки

(Михайлов 2005; Покровская 2007; ср.: Григоров 2007: 55, 193, таб. 63.; Мурашева, Довгало, Фетисов 2009; Eniosova, Pushkina 2013; Zubkova, Orfinskaya, Mikhaylov 2009; Кудрявцев 2015). Возможно, определенное влияние на местную новгородскую продукцию оказали деревянные композитные византийские гребни (об этом см.: Smirnova 2007).

Характер отбора и восприятия элементов византийской культуры в Восточной Европе вновь меняется в XI в. Количество византийских предметов повседневности уменьшается, что естественным образом может объясняться региональными различиями в одежде. Однако именно в это время импортируются значимые части элитарного костюма, прежде всего — женского головного убора (Рябцева 2005; Жилина, Макарова 2008), подчеркивавшие социальные различия и воспроизводившие свойственный Византии этого времени «ювелирный стиль» (ср.: Bosselmann-Ruickbie 2011; Kiilerich 2014). На уровне рядового женского костюма в моду входят многобусинные кольца, возможно, воспринятые от балканских культур, или претерпевшие местное развитие (ср.: Панченко 2002; Лесман, Рябцева 2013).

Эти особенности хорошо соотносятся с характером рецепции высокой христианской культуры в условиях стабилизации церковных структур: архитектура, иконы, фрески и др. (Комеч 1987; Иоаннисян 2004; Этингф 2005). Изначально эти объекты создавались греческими мастерами, что дало импульс появлению княжеских и епископских странствующих артелей. Однако строительная технология была воспринята лишь частично, что требовало периодических «вторжений» византийских профессионалов (Раппопорт 1994). Проживание греческих мастеров в Восточной Европе подтверждается граффити и ономастикой (Колчин, Хорошев, Янин 1981; Мусин 2006; Евдокимова 2008; Виноградов 2013) и было частью «профессиональной миграции» ремесленников, которая усилилась в конце XII — XIII в., принеся с собой искусство каменной резьбы малых форм (см., напр.: Пуцко 1996), где стегитит заменялся на местный камень — пиррофиллит и серпантинит.

Своя специфика, связанная с «девизантизацией», была и в усвоении книжного дела, где не существовало «длинного цикла» переписывания книг и их переплета в больших скрипториях византийского типа. Все работы без необходимого разделения труда выполнялись группами по 2—3 человека (Уханова 2017). Подобное «упрощение» существовало и в области эмальерного дела, где недостаточ-

ность средств полировки приводила к проблемам сохранения первоначального цвета (Макарова 1975). Производство стеклянных браслетов, компенсировавшее незначительность византийских импортов (1,5% в Новгороде, около 9% в Киеве), также руководствовалось примитивными технологиями без обесцвечивающих и красящих компонентов и предпочитало неорнаментированные формы изделий (ср.: Шапова 1998: 129—131).

Судя по всему, влияние Византии на элитарно-политическую культуру Восточной Европы, в том числе и через дипломатические и династические контакты, было более интенсивно, по крайней мере — в определенные периоды. Количество византийских документов, скрепленных моливдовулами, возрастает с конца XI в. (ср.: Bulgakova 2004), и среди них определенно присутствуют печати коммерциариев (Гайдуков, Исаев, Олейников Богомолов 2019). Мы предполагаем, что это приводит к появлению в Восточной Европе в последней четверти XI в. созданных по византийскому образцу торгово-фискальных пломб, обычно именуемых «пломбами дрогичинского типа». Хронологически это соответствует актуализации на Руси политической идеи «союза архонтов» и замены в эмблематике трехзубца князя Владимира на двузубец его отца и деда. И то, и другое было освящено практикой византийско-русских договоров X в. (см.: Мусин 2018).

К тому же уровню элитарных контактов должно быть отнесено и появление в Восточной Европе (Новогрудок, Новгород, Рюриково Городище, Ярославль, Владимир) расписных стеклянных сосудов XII—XIII вв. (см., напр.: Плохов 2007; Stolyarova, Engovatova 2017). В ряде случаев оказывается затруднительно дифференцировать продукцию византийских и исламских мастерских, представивших единую традицию ближневосточного стеклоделия, которая у местного населения надежно ассоциировалась с Византией. Стоит отметить и поступление сюда восточной глазурованной посуды вплоть до XV в., когда сирийская и египетская посуда становится менее массовой, а количество определенных византийских экземпляров возрастает. Однако в Новгороде и Старой Руссе обнаружены фрагменты лишь от 80 сосудов, что вряд ли свидетельствует о посуде как о товаре (ср.: Коваль 2010). Элитное стекло и керамика предположительно появлялись здесь как результат индивидуальных контактов или дипломатических даров (ср.: Eastmond 2012).

С элитарным уровнем контактов должно быть связано и постоянное поступление в Восточную Европу византийской монеты, которое не закончилось в первой трети XII в. (ср.: Noonan 1980). Появление здесь иперпеллов и выпуклых билонных трахей эпохи Комнинов, а позднее их латинских и «болгарских» имитаций продолжалось вплоть до XIV в. Через Галицию и Волынь они достигали Новгорода и Новгородской земли (Мусин, Гурулева, Остапюк 2017).

В то же время наиболее яркой материализацией «профессиональной» миграции и трансфера религиозной культуры были предметы личного и литургического благочестия, которые были успешно восприняты местной культурой. Речь идет не только о нательных крестах и крестах-реликвариях (Корзухина, Пескова 2003), но и амулетах-змеевиках (Николаева, Чернецов 1991; Spier 1993), в ряде случаев утративших свои первоначальные функции женского оберега. Весьма важную часть материализованной Византии принесло с собой паломничество к святыням Греции и Святой Земли. Стоит упомянуть фрагменты зеленого порфирида (*lapis lacedaemonicus*), зачастую добытые в руинах мозаичных полов средиземноморских храмов и зданий и ставшие на Руси сырьем для изготовления крестов, а также кресты из перламутра и изделия из стеатита — иконки, кресты, реликварии (Мусин 2009). Две последние категории изделий изготавливались непосредственно на территориях крестовосцев, однако, судя по всему, продолжали восприниматься в Восточной Европе как продукт византийской культуры. На этом фоне становится очевидным значение «профессиональной» миграции, клерикальной и монашеской, в перенесении на Русь элементов византийской духовной культуры. Только благодаря ей в Киеве, Новгороде, Москве, Твери и Смоленске сохранились кожаные монашеские пояса студийской традиции с изображением двенадцатых праздников XIII—XV вв. (наряду с переводом типикона), которые не известны археологии Средиземноморского региона (Бобровский, Воронцова 2003; Musin 2010).

Несколько слов стоит сказать о хронологии и распространении амфор, которые традиционно связывают с торговлей вином или маслом (Noonan, Kovalev 1995—1996). Существующие типологии (Volkov 2006, Коваль 2010) в целом согласуются с выделенными в Византии типами, однако центры их производства в основном локализируются в Малой Азии (Günsenin 1993), а поставка зависела от военно-политической ситуации. При

этом наибольшая концентрация амфор прослеживается на юге Восточной Европы, а для XII—XIII вв. — в Галицкой земле (ср.: Зоценко 2001; Веремейчик, Коваль 2005). Возможно, это вновь свидетельствует о контроле над оборотом вина со стороны Киевской митрополии, что вновь побуждает задуматься над наблюдениями Ф. Томпсона о «дозированном характере» деятельности духовенства в процессах импорта на Русь византийской культуры.

Существование социальных групп, известных в летописях и берестяных грамотах — «гречников», предположительно, купцов, торговавших с Византией в конце XI — XII в. (ср.: Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 105—106, 111—112), не исключает существование влиятельных посредников, на что как будто бы указывает транспортировка неких «скляниц» (сосудов с вином, не обязательно стеклянных), а не «корчаг»-амфор. Характерно, что, начиная с конца XIII в., посредническая торговля сосредоточилась в руках итальянских купцов, и вино переливалось в деревянные кадки (Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 160—170).

В конце XIII — XV в. социально-политические изменения в Восточной Европе, в том числе и контроль над контактами с Константинополем со стороны московских князей, сузили окно возможностей для индивидуальных путешествий в Византию. Уровень их элитарности и профессионализации повышается. Византийские «импорты» в это время представлены преимущественно предметами культа и реликвиями, характерными для церковных ризниц и княжеских сокровищниц (Стерлигова 2013). Возможно, однако, проследить их влияние на развитие прикладного искусства и иконографии Московской Руси, значительно трансформировавшей «киевское наследство». В то же время на землях Украины в составе Речи Посполитой продолжали функционировать и получили развитие архаичные иконографические образцы (ср.: Александрович 2017).

Итак, несмотря на динамику византийской культуры, подвижность ее границ или аккумуляцию византийских элементов в иноэтничной, прежде всего — славянской среде, характер их поступления в Восточную Европу и последующего восприятия практически не менялся в IX—XV вв. Возможно предположить, что они продолжали рассматриваться здесь как эманация огромного, привлекательного и недифференцируемого византийского мира (ср.: Franklin 1983). В целом рецепция Византии на Руси носила спонтанный и окказиональный характер. Однако двойная рецеп-

ция через культуры-посредницы и взаимная аккультурация доносили сюда лишь эхо Византии как различные стилистически переосмысленные модули, претендовавшие на византийское происхождение. В результате образ Византии на Руси, в России и Украине оказался не столько иконой, сколько своего рода карикатурой на нее, пресловутой «византийщиной» (ср.: Домановський, Файда 2018), а сама Византия, по как всегда остроумному выражению Жильбера Дагрона (Offenstadt 2008), навсегда осталась «une empire sans héritiers» — «империей без наследников...

Настоящая статья подготовлена по материалам моего доклада «Характер рецепции византийской культуры в Восточной Европе», представленного на международной конференции «Византийское наследие Руси — Украины» в Киеве в 2014 г., а также нашего совместного со Светланой Рябцевой доклада «Хронология и периодизация рецепции византийской моды и аксессуаров одежды в Восточной Европе в VIII—XIV вв.» на XXIII Конгрессе византийских исследований в 2016 г. в Белграде.

Литература

- Алексеев А. А. 1996. Кое-что о переводах в Древней Руси. *Труды Отдела древнерусской литературы* 49, 278—296.
- Александрович В. 2017. Древнейшие образцы и начало бытования иконографии Спаса во славе в искусстве старокиевской традиции. В: Мусин А. Е., Щеглова О. А. (ред.). *В камне и в бронзе*. Сб. ст. в честь А. Песковой. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 43—52.
- Андрощук Ф. 2014. Русь и византийские контакты Скандинавии в XI—XIV вв. *Stratum plus* (5), 199—212.
- Афиногенов Д. Е. 2008. Утраченные византийские источники в древнерусской словесности. *Slavica Slovaca* 43, 29—44.
- Бобровський Т., Воронцова О. 2003. Середньовічні чернецькі шкіряні вироби з тисненнями зображеннями. В: Прибега Л. В. (ред.). *Культурна спадщина Києва: дослідження та охорона історичного середовища*. Київ: АртЕк, 88—96.
- Буланин Д. М. 2010. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950—1300 гг.)». Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буслаев Ф. И. 1866. Общие понятия о русской иконописи. *Сборник на 1866 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее*, 1—106.
- Веремейчик Е. М., Коваль В. Ю. 2005. Византийские амфоры на сельских поселениях Черниговщины. *Наукові записки з української історії* 16, 47—53.
- Виноградов А. Ю. 2013. Заметки о греческих граффити в древнерусских храмах. *Вопросы эпиграфики* 7, 89—105.
- Гайдуков П. Г., Исаев А. А., Олейников О. М., Богомолов А. В. 2019. Раскоп на ул. Обороны, д. 2. *ННЗИА* 32, 76—82.
- Гладких М. И. (ред.). 2012. *1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття): зб. наук. праць*. Київ: СПД ФОП Чальцев.
- Головко О. В., Нікольченко Ю. М. 2012. Візантійський компонент у культурі населення погориння XI—XIII століть за матеріалами літописних міст Дорогубужа і Пересопниці. *Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Філософія, культурологія, соціологія* 3, 40—47.
- Григоров В. 2007. *Метални накити от средновекока България (VII—XI в.)*. София: Фабер.
- Домановський А., Файда О. (ред.). 2018. «Візантійщина»: візантійський цивілізаційний спадок у Центрально-Східній Європі. Харків: Майдан, 2018.
- Евдокимова А. А. 2008. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа. В: Бибииков М. В. (ред.). *Рюриковичи и российская государственность*. Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Москва: Индрик, 465—518.
- Живов В. М. 2002. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси. В: Живов В. М. *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 73—115.
- Жилина Н. В., Макарова Т. И. 2008. *Древнерусский драгоценный убор — слав влияний и традиций IX—XIII вв: художественные стили и ремесленные школы*. Москва: ИА РАН.
- Зоценко В. Н. 2001. Амфорна тара Києво-Подолу XII — початку XIII ст. (прикладом одного розкопу). В: Гладких М. И. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 165—197.
- Иванов С. А. 2003. *Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина?* Москва: Языки славянской культуры.
- Иоаннисян О. М. 2004. Проблема взаимосвязей византийской архитектуры и зодчества Древней Руси (историографический очерк). В: Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти И. В. Дубова*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 194—201.
- Коваленко В. П. 2006. Новые византийские находки из Чернигова и его окрестности. В: Толочко П. П. (ред.). *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX—XI ст. Матеріали міжнар. польового семінару*. Чернігів: Сіверянська думка, 89—103.
- Коваль В. Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси IX—XVII вв.* Москва: Наука.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. 1981. *Усадьба новгородского художника XII в.* Москва: Наука.
- Комеч А. И. 1987. *Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции*. Москва: Наука.
- Корзухина Г. Ф. 1958. О памятниках «корсунского дела»

- на Руси (по материалам медного литья). *Византийский временник* 14, 129—137.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. *Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Кудрявцев А. А. 2015. Замки и ключи византийского происхождения на территории Древней Руси. *ИНЗИА* 29, 226—233.
- Лавыш К. А. 2008. *Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X—XIV вв.)*. Минск: Белорусская наука.
- Лесман Ю. М., Рябцева С. С. 2013. О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе. *Stratum plus* (5), 309—336.
- Лихачев Д. С. 1973. *Развитие русской литературы X—XVII веков: эпохи и стили*. Ленинград: Наука.
- Лотман Ю. М. 1989. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении. В: Вагнер Г. К. (отв. ред.). *Византизм и Русь: сб. ст. памяти В. Д. Лихачевой*. Москва: Наука, 227—236.
- Макарова Т. И. 1975. *Перегородчатые эмали Древней Руси*. Москва: Наука.
- Мастыкова А. В., Плохов А. В. 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее. В: Хвоцкая Н. В., Мусин А. Е. (ред.-сост.). *Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 337—357.
- Михайлов К. А. 2005. Новая находка византийской пряжки на Рюриковом Городище, *ИНЗИА* 19, 209—218.
- Мурашева В. В., Довгало Н. П., Фетисов А. А. 2009. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран*. Сб. ст. в честь А. Н. Кирпичникова. Т. 1. Санкт-Петербург; Москва: Ломоносов, 533—554.
- Мусин А. Е. 2006. К интерпретации граффито с изображением корабля на кирпиче из церкви Успения на Волотовом поле 1352 г. *ИНЗИА* 20, 296—306.
- Мусин А. Е. 2009. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии. В: Беляев Л. А. (ред.-сост.). *Archeologica Avraatica: исследования в области археологии и художественной традиции юдаизма, христианства и ислама*. Москва: Индрик, 231—272.
- Мусин А. Е. 2010. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из Вараг в Греки». В: Хвоцкая Н. В., Мусин А. Е. (ред.-сост.). *Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 35—45.
- Мусин А. Е. 2018. *Corpus fratrum* или «союз архонтов»? Историко-археологический комментарий к моделям власти в Восточной Европе конца XI века. *Stratum plus* (5), 183—206.
- Мусин А. Е., Гурулева В. В., Остапюк А. Д. 2017. Находки латинских и «болгарских» имитаций византийских монет на Вольни и проблемы денежного обращения XIII — начала XIV в. в Восточной Европе. *Минуле і сучасне Волині та Полісся* 63, 281—292.
- Мусин А. Е., Тесленко И. Б. (ред.-сост.). *Древности Семидворья-I. Средневековый двухаксидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы*. Киев: Антиквар.
- Николаева Т. В., Чернецов А. В. 1991. *Древнерусские амулеты-змеевики*. Москва: Наука.
- Панченко М. В. 2002. Многобусинные височные кольца на землях Южной Руси. *Восточноевропейский археологический журнал* 5. URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/050902/panchenko.html>. Дата обращения 25.02.2020 г.
- Пентковский А. М. 2001. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*. Москва: Издательство Московской патриархии.
- Пичхадзе А. А. 2011. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Плохов А. В. 2007. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища. В: Мусин А. Е., Носов Е. Н. (ред.). *У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 166—175.
- Плохов А. В. 2017. Пряжка византийского круга из поселка Любытино в Среднем Поместье. *Новгородский исторический сборник* 17, 3—34.
- Покровская Л. В. 2007. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе. В: Мусин А. Е., Носов Е. Н. (ред.). *У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 280—284.
- Пуцко В. Г. 1996. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII—XIII вв. *Byzantinoslavica* 57, 376—390.
- Раппопорт П. А. 1994. *Строительное производство Древней Руси X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Наука.
- Родина М. Е. 2004. *Международные связи Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи)*. Владимир: Аркаим.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рябцева С. С. 2008. О византийских лунницевидных серьгах VI—VII вв. *Revista arheologică. Serie nouă* (4), 31—39.
- Рябцева С. С. 2011. Лучевые кольца и византийская традиция. *Stratum plus* (5), 165—172.
- Стерлигова И. А. (ред.). 2013. *Византийские древности. Произведения искусства IV—XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: каталог*. Москва: Пинакотека.
- Уханова Е. В. 2017. *Древнерусские скриптории XI — первой трети XII в.* Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Шевцов А. О. 2017. Монеты императора Феофила (829—842 гг.) на территории Гнездовского археологического комплекса. *РА* (1), 141—149.
- Щапова Ю. Л. 1998. *Византийское стекло. Очерки истории*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Этингоф О. Е. 2005. *Византийские иконы VI — первой половины XIII века в России*. Москва: Индрик.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. 2015. *Нового-*

- родские грамоты на бересте XII. Из раскопок 2001—2014 гг. Москва: Языки славянской культуры.
- Balcárek P. 2009. *České země a Byzanc. Problematika byzantského uměleckého vlivu*. Olomouc: Institut sv. Jana Theologa.
- Bikić V. (ed.). 2016. *Processes of Byzantinisation and Serbian archaeology*. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts.
- Bosselmann-Ruickbie A. 2011. *Byzantinischer Schmuck des 9. bis frühen 13. Jahrhunderts: Untersuchungen zum metallenen dekorativen Körperschmuck der mittelbyzantinischen Zeit anhand datierter Funde*. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Bulgakova V. 2004. *Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrusslands*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Downs R., Stea D. 1977. *Maps in minds: reflections on cognitive mapping*. New York: Harper and Row.
- Duczko W. 2018. Post-wielkomorawski fenomen. Wczesnośredniowieczna sztuka złotnicza w Środkowej i Wschodniej Europie. In: Piotrowski W., Grosman A., Gediga B. (eds.). *Inspiracje i funkcje sztuki pradziejowej i wczesnośredniowiecznej*. Wrocław: IAE PAN, 107—119.
- Eastmond A. 2012. Diplomatic gifts: Women and art as imperial commodities in the thirteenth century. In: Saint-Guillan G., Stathakopoulos D. (eds.). *Liquid and Multiple. Individuals and Identities in the thirteenth-century Aegean*. Paris: ACHCByz, 105—133.
- Eniosova N., Pushkina T. 2013. Finds of Byzantine Origin from the Early Urban Centre Gnězdovo in the Light of the Contacts between Rus' and Constantinople (10th — early 11th centuries AD). In: Bjerg L., Lind J., Sindbaek S.M. (eds.). *From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus: Aarhus University Press, 213—256.
- Franklin S. 1983. The Empire of the Rhomaioi as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations. *Byzantion* 53, 507—537.
- Franklin S. 2002. *Writing, society and culture in early Rus, c. 950—1300*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Günsenin N. 1993. Ganos, centre de production d'amphores à l'époque byzantine, *Anatolia antiqua* 2, 193—201.
- Kiilerich B. 2014. Attire and Personal Appearance in Byzantium. In: Sakel D. (ed.). *Byzantine Culture: Papers from the Conference "Byzantine Days of Istanbul"*. Ankara: AKDTYK, 445—448.
- Musin A. 2010. Russian Medieval Culture as an "Area of Preservation" of the Byzantine Civilization. In: Grotowski P.L., Skrzyniarz S. (eds.). *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art*. Warszawa: Polish Society of Oriental Art, 11—46.
- Musin A. 2012. Byzantine reliquarie-crosses in the formation of medieval Christian culture in Europe. In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence 2*. Kraków: IAE PAN, 61—94.
- Musin A. 2020. North-Western Russia in the 1st Millennium AD: new challenges for a traditional archaeological panorama. In: Prine R., Drauschke J. (eds.). *Quo vadis, Frühgeschichtliche Archäologie? Standpunkte und Perspektiven (Berlin, 6.–8. Oktober 2014)*. Tagungsbeiträge der Arbeitsgemeinschaft Spätantike und Frühmittelalter. Bd. 9. Hamburg: Dr. Kovač, 271–307.
- Noonan T.S. 1980. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus. *Byzantine Studies* 7, 143—181.
- Noonan T.S., Kovalev R.K. 1995—1996. Prayer, Illumination and Good Times: the Export of Byzantine Wine and Olive Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times. *Acta Byzantina Fennica* 8, 73—96.
- Offenstadt N. 2008. Gilbert Dagron: Historien d'un empire sans héritiers. *Le Monde*, 1 février. URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2008/01/31/gilbert-dagron-historien-d-un-empire-sans-heritiers_1005671_3260.html. Дата обращения 25.02.2020 г.
- Profantová N. 2008. Byzantské nálezy v 6.-11. stol. v Čechách a na Moravě. In: Charvát P., Maříková-Vlčková P. (eds.). *Země Koruny české a východní Středomoří: ve středověku a novověku*. Praha: Univerzita Karlova, 73—119.
- Salamon M. 2012. Byzantine Missionary Policy. Did It Exist? In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence 1*. Kraków: IAE PAN, 43—54.
- Shepard J. 2012. Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Some Introductory Remarks. In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence 1*. Kraków: IAE PAN, 23—29.
- Smirnova L. 2007. Wooden combs in the light of the history of comb-making Novgorod. In: Brisbane M., Hather J. (eds.). *Wood use in medieval Novgorod*. Oxford: Oxbow, 298—334.
- Spier J. 1993. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 56, 25—62.
- Stolyarova E.K., Engovatova A.V. 2017. Middle Eastern painted glass vessels from Yaroslavl. *Archaeologia Polona* 55, 147—160.
- Szmoniewski B. 2010. Byzantium and the Slavs in the Light of Goldsmiths' Production. In: Entwistle C., Adams N. (eds.). *Intelligible beauty: recent research on Byzantine jewellery*. London: British Museum, 161—172.
- Thomson F. 1978. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and its Implications for Russian Culture. *Slavica Gandensia* 5, 107—139.
- Thomson F. 1993. «Made in Russia»: A Survey of Translations Allegedly Made in Kievan Russia. In: Birkfellner G. (Hrsg.). *Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988—1988, Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988*. Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien 16. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 299—354.
- Volkov I. 2006. Amphorae from Novgorod the Great and comments on the wine trade between Byzantium and Medieval Russia. In: Orton C. (ed.). *The pottery from Medieval Novgorod and its region*. London: UCL Press, 145—159.
- Wołoszyn M. 2001. Byzantinische Fundstücke aus Polen — ausgewählte Probleme. *Byzantina et Slavica Cracovensia* 3, 49—59.
- Zubkova E., Orfinskaya E., Mikhaylov K. 2009. Studies of the Textiles from the Excavation of Pskov. *North European Symposium for Archaeological Textiles* 10, 291—298.

References

- Alekseev, A.A. 1996. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury (Papers of the Department of Old Russian Literature)* 49, 278—296 (in Russian).
- Aleksandrovich, V. 2017. In Musin, A.E., Shcheglova, O.A. (eds.). *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi (In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 43—52 (in Russian).
- Androshchuk, F. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 199—212 (in Russian).
- Afinogenov, D.E. 2008. In *Slavica Slovaca* 43, 29—44 (in Russian).
- Bobrovs'kyj, T., Vorontsova, O. 2003. In Prybyeha, L.V. (ed.). *Kul'turna spadshchyna Kyieva: doslidzhennya ta okhorona istorichnoho seredovyscha (Kiev's Cultural Heritage: Research and Protection of the Historical Environment)*. Kiev: "ArtEk" Publ., 88—96 (in Ukrainian).
- Bulanin, D.M. 2010. *Traditsii i novatsii v interpretatsii russkoi pis'mennoi kul'tury pervykh vekov: zametki k perevodu knigi S. Franklina «Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950—1300 gg.)» (Traditions and Innovations in the Interpretation of the Russian Written Culture of the First Centuries: notes on the translation of the book by S. Franklin "Writing, Society and Culture in Ancient Russia (cca 950—1300)")*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Buslaev, F.I. 1866. In *Sbornik na 1866 g., izdannii Obshchestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom publichnom muzee (Collected Papers of 1866 by the Ancient Russian Art Society at the Moscow Public Museum)*, 1—106 (in Russian).
- Veremeichik, E.M., Koval', V. Yu. 2005. In *Naukovi zapiski z ukrains'koi istorii (Scientific Notes from the Ukrainian History)* 16, 47—53 (in Russian).
- Vinogradov, A. Yu. 2013. In *Voprosy epigrafiki (Issues of Epigraphy)* 7, 89—105 (in Russian).
- Gaidukov, P.G., Isaev, A.A., Oleinikov, O.M., Bogomolov, A.V. 2019. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 32, 76—82 (in Russian).
- Hladkykh, M.I. (ed.). 2012. *1000 rokov vizantiis'koi torgovli (V—XV stolittia) (1000 Years of Byzantine Commerce (5th—15th Centuries))*. Kiev: "Chal'tsev" Publ. (in Ukrainian).
- Holovko, O.V., Nikol'chenko, Yu.M. 2012. In *Visnyk Mariupol's'koho derzhavnoho universytetu. Seriya: Filosofiia, kul'turolohiia, sotsiologiia (Bulletin of the Mariupol State University. Philosophy, Cultural Studies, and Sociology Series)* 3, 40—47 (in Ukrainian).
- Grigorov, V. 2007. *Metalni nakiti ot srednovekovna Balgariya (VII—XI v.) (Metal Jewelry in Medieval Bulgaria (7th—11th Centuries))*. Sofia: "Faber" Publ. (in Bulgarian).
- Domanovs'kyj, A., Fajda, O. (eds.). 2018. «Vizantijs'kychyna»: vizantijs'kyj tsyvilizatsijnyj spadok u Tsentral'no-Skhidnij Yevropi ("Byzantine Tradition": Heritage of the Byzantine Civilization in Central and Eastern Europe). Kharkiv: "Majdan" Publ. (in Ukrainian).
- Evdokimova, A.A. 2008. In Bibikov, M.V. (ed.). *Riurikovichi i rossiiskaia gosudarstvennost' (The Rurik Dynasty and the Russian Statehood)*. Series: Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2005 god (The Earliest States of Eastern Europe 2012). Moscow: "Indrik" Publ., 465—518 (in Russian).
- Zhivov, V.M. 2002. In Zhivov, V.M. *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury (Studies on History and Prehistory of the Russian Culture)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 73—115 (in Russian).
- Zhilina, N.V., Makarova, T.I. 2008. *Drevnerusskii dragotsennyi ubor — splav vliiani i traditsii IX—XIII vv.: Khudozhestvennyye stili i remeslennye shkoly (Old Rus Precious Attire — an Amalgamation of the 11th—13th Centuries Influences and Traditions: Artistic Styles and Craft Schools)*. Moscow: "Grif i K" Publ. (in Russian).
- Zotsenko, V.N. 2001. In Hladkykh, M.I. (ed.). *Mors'ka torhivlya v Pivnichnomu Prychornomor'i (Sea Trade in Northern Black Sea Region)*. Kiev: Kiev National University named after T. Shevchenko, 165—197 (in Ukrainian).
- Ivanov, S.A. 2003. *Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» khristianina? (Byzantine Missionary Work: Can a "Barbarian" be Converted to a Christian?)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Ioannisian, O.M. 2004. In Kirpichnikov, A.N., Sedykh, V.N. (eds.). *Arkheologiiia, istoriia, numizmatika, etnografiia Vostochnoi Evropy (Archaeology, History, Numismatics and Ethnography of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 194—201 (in Russian).
- Kovalenko, V.P. 2006. In Tolochko, P.P. (ed.). *Rus' na perekhrestii svitiv (Mizhnarodni vplyvy na formuvannya davn'orus'koi derzhavy) IX—XI st. (Rus at the Crossroads of Worlds: International Influences on the Formation of the Ancient Russian State, 9th—11th Centuries)*. Chernigiv: "Siverians'ka dumka" Publ., 89—103 (in Russian).
- Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kolchin, B.A., Khoroshev, A.S., Yanin, V.L. 1981. *Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v. (Twelfth Century Mansion House of a Novgorod Artist)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Komech, A.I. 1987. *Drevnerusskoe zodchestvo kontsa X — nachala XII v. Vizantiiskoe nasledie i stanovlenie samostoiatel'noi traditsii (Ancient Russian Architecture of the Late 10th—Early 12th Centuries. Byzantine Heritage and Formation of a Separate Tradition)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Korzukhina, G.F. 1958. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XPONIKA)* 14, 129—137 (in Russian).
- Korzukhina, G.F., Peskova, A.A. 2003. *Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty-relikvarii X—XIII vv. (Ancient Russian Encolpions: Breast Crosses-Reliquaria of 10th—13th Centuries)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences VII. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Kudriavtsev, A.A. 2015. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 29, 226—233 (in Russian).
- Lavysheva, K.A. 2008. *Khudozhestvennyye traditsii vostochnoi i vizantiiskoi kul'tury v iskusstve srednevekovykh gorodov Belarusi (X—XIV vv.) (Artistic Traditions of the Oriental and Byzantine Culture in the Art of Medieval Towns of Belarus in 10th—14th Centuries)*. Minsk: "Belorusskaya nauka" Publ. (in Russian).
- Lesman, Yu.M., Ryabtseva, S.S. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 309—336 (in Russian).
- Likhachev, D.S. 1973. *Razvitie russkoi literatury X—XVII vekov: epokhi i stili (Development of the Russian Literature in the 10th—17th Centuries: Epoch and Styles)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Lotman, Yu.M. 1989. In Vagner, G.K. (ed.). *Vizantiia i Rus': sb. st. pamiati V.D. Likhachevoi (Byzantium and Ancient Rus: Collected Papers in Memory of V.D. Likhacheva)*. Moscow: "Nauka" Publ., 227—236 (in Russian).
- Makarova, T.I. 1975. *Peregrodchatye emali Drevnei Rusi (Ancient Russian Pliques-à-jour)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mastykova, A.V., Plokhov, A.V. 2010. In Khvoshchinskaya, N.V., Musin, A.E. (eds., comp.). *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia E.N. Nosova (Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe. Towards E.N. Nosov's 60th Anniversary)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 337—357 (in Russian).
- Mikhailov, K.A. 2005. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 19, 209—218 (in Russian).
- Murasheva, V.V., Dovgaliuk, N.P., Fetisov, A.A. 2009. In Nosov,

- E.N., Beletskii, S.V. (eds.). *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran* (Corner-Stone. Archaeology, History, Arts and Culture of Russia and Its Neighbours) 1. Saint Petersburg: Moscow: "Lomonosov" Publ., 533—554 (in Russian).
- Musin, A.E. 2006. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologiya* (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology) 20, 296—306 (in Russian).
- Musin, A.E. 2009. In Beliaev, L.A. (ed., comp.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama* (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam). Moscow: "Indrik" Publ., 231—272 (in Russian).
- Musin, A.E. 2010. In Khvoshchinskaya, N.V., Musin, A.E. (eds., comp.). *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia E.N. Nosova* (Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe. Towards E.N. Nosov's 60th Anniversary). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 35—45 (in Russian).
- Musin, A.E. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 183—206 (in Russian).
- Musin, A.E., Guruleva, V.V., Ostapiuk, A.D. 2017. In *Mynule i suchasne Volyni ta Polissya* (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy (Antiquities of Semidvorye-I: Medieval Bi-apsidal Temple in the Yedi-Evler Stow, Alushta, Crimea). Kiev: "Antikvar" Publ. (in Russian).
- Nikolaeva, T.V., Chernetsov, A.V. 1991. *Drevnerusskie amulety-zmeeviki* (Ancient Russian Snake-shaped Amulets). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Panchenko, M.V. 2002. In *Vostochnoevropeiskii arkheologicheskii zhurnal* (East-European Archaeological Journal) 5. URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/050902/panchenko.html> (accessed 25.02.2020) (in Russian).
- Pentkovskii, A.M. 2001. *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi* (Typikon of the Patriarch Alexius Studites in Byzantium and in Russia). Moscow: Moscow Patriarchy (in Russian).
- Pichkhadze, A.A. 2011. *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt* (Translation Activities in Pre-Mongol Rus: Linguistic Aspect). Moscow: "Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi" Publ. (in Russian).
- Plokhov, A.V. 2007. In Musin, A.E., Nosov, E.N. (eds.). *U istokov russkoi gosudarstvennosti* (The Origins of the Russian Statehood). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 166—175 (in Russian).
- Plokhov, A.V. 2017. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik* (Novgorod Historical Collected Papers) 17, 3—34 (in Russian).
- Pokrovskaya, L.V. 2007. In Musin, A.E., Nosov, E.N. (eds.). *U istokov russkoi gosudarstvennosti* (The Origins of the Russian Statehood). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 280—284 (in Russian).
- Putsko, V.G. 1996. In *Byzantinoslavica* 57, 376—390 (in Russian).
- Rappoport, P.A. 1994. *Stroitel'noe proizvodstvo Drevnei Rusi X—XIII vv.* (Construction in Ancient Rus' in 10th—13th Centuries). Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rodina, M.E. 2004. *Mezhdunarodnye svyazi Severo-Vostochnoi Rusi v X—XIV vv. (po materialam Rostova, Suzdalia, Vladimira i ikh okrug)* (International Relations of North-eastern Rus in 10th—14th Centuries: by Materials from Rostov, Suzdal, Vladimir and their Neighborhood). Vladimir: "Arkaim" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2008. In *Revista arheologică. Serie nouă* (4), 31—39 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 165—172 (in Russian).
- Sterligova, I.A. (ed.). 2013. *Vizantiiskie drevnosti. Proizvedeniia iskusstva IV—XV vekov v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya. Katalog* (Byzantine Antiquities: 4th—15th Centuries Works of Art in Collections of the Museums of the Moscow Kremlin. Catalogue). Moscow: "Pinakoteka" Publ. (in Russian).
- Ukhanova, E.V. 2017. *Drevnerusskie skriptorii XI — pervoi treti XII v.* (Ancient Russian Scriptoria of the 11th — First Third of the 12th Centuries). Saint Petersburg: "Al'ians-Arkheo" Publ. (in Russian).
- Shevtsov, A.O. 2017. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (1), 141—149 (in Russian).
- Shchapova, Yu.L. 1998. *Vizantiiskoe steklo. Ocherki istorii* (Byzantine Glass: Essays of History). Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Etingof, O.E. 2005. *Vizantiiskie ikony VI — pervoi poloviny XIII veka v Rossii* (Byzantine Icons of the 6th — First Half of the 13th Centuries in Russia). Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Yanin, V.L., Zaliziak, A.A., Gippius, A.A. 2015. *Novgorodskie gramoty na bereste* (Novgorod Letters on Birch Bark) XII. *Iz raskopok 2001—2014 gg.* (From Excavations of 1984—1989). Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Balcárec, P. 2009. *České země a Byzanc. Problematika byzantského uměleckého vlivu*. Olomouc: Institut sv. Jana Theologa.
- Bikić, V. (ed.). 2016. *Processes of Byzantinisation and Serbian archaeology*. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts.
- Bosselmann-Ruickbie, A. 2011. *Byzantinischer Schmuck des 9. bis frühen 13. Jahrhunderts: Untersuchungen zum metallenen dekorativen Körperschmuck der mittelbyzantinischen Zeit anhand datierter Funde*. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Bulgakova, V. 2004. *Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrusslands*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Downs, R., Stea, D. 1977. *Maps in minds: reflections on cognitive mapping*. New York: Harper and Row.
- Duczko, W. 2018. Post-wielkomorawski fenomen. Wczesnośredniowieczna sztuka złotnicza w Środkowej i Wschodniej Europie. In Piotrowski, W., Grossman, A., Gediga, B. (eds.). *Inspiracje i funkcje sztuki pradziejowej i wczesnośredniowiecznej*. Wrocław: IAE PAN, 107—119.
- Eastmond, A. 2012. Diplomatic gifts: Women and art as imperial commodities in the thirteenth century. In Saint-Guillan, G., Stathakopoulos, D. (eds.). *Liquid and Multiple. Individuals and Identities in the thirteenth-century Aegean*. Paris: ACHCByz, 105—133.
- Eniosova, N., Pushkina, T. 2013. Finds of Byzantine Origin from the Early Urban Centre Gnezdovo in the Light of the Contacts between Rus' and Constantinople (10th — early 11th centuries AD). In Bjerg, L., Lind, J., Sindbaek, S.M. (eds.). *From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus: Aarhus University Press, 213—256.
- Franklin, S. 1983. The Empire of the Rhomaioi as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations. *Byzantion* 53, 507—537.
- Franklin, S. 2002. *Writing, society and culture in early Rus, c. 950—1300*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Günsenin, N. 1993. Ganos, centre de production d'amphores à l'époque byzantine, *Anatolia antiqua* 2, 193—201.
- Kiilerich, B. 2014. Attire and Personal Appearance in Byzantium. In Sakel, D. (ed.). *Byzantine Culture: Papers from the Conference "Byzantine Days of Istanbul"*. Ankara: AKDTYK, 445—448.
- Musin, A. 2010. Russian Medieval Culture as an "Area of Preservation" of the Byzantine Civilization. In Grotowski, P.L., Skrzyniarz, S. (eds.). *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art*. Warszawa: Polish Society of Oriental Art, 11—46.
- Musin, A. 2012. Byzantine reliquary-crosses in the formation of medieval Christian culture in Europe. In Salamon, M., Wołoszyn, M., Musin, A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence 2*. Kraków: IAE PAN, 61—94.
- Musin, A. 2020. North-Western Russia in the 1st Millennium AD: new challenges for a traditional archaeological panorama. In Prine, R., Drauschke, J. (eds.). *Quo vadis, Frühgeschichtliche Archäologie? Standpunkte und Perspektiven* (Berlin,

- 6.–8. Oktober 2014). Tagungsbeiträge der Arbeitsgemeinschaft Spätantike und Frühmittelalter. Bd. 9. Hamburg: Dr. Kovač, 271–307.
- Noonan, T.S. 1980. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus. *Byzantine Studies* 7, 143—181.
- Noonan, T.S., Kovalev, R.K. 1995—1996. Prayer, Illumination and Good Times: the Export of Byzantine Wine and Olive Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times. *Acta Byzantina Fennica* 8, 73—96.
- Offenstadt, N. 2008. Gilbert Dagron: Historien d'un empire sans héritiers. *Le Monde*, 1 février. URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2008/01/31/gilbert-dagron-historien-d-un-empire-sans-heritiers_1005671_3260.html (accessed 25.02.2020).
- Profantová, N. 2008. Byzantské nálezy v 6.-11. stol. v Čechách a na Moravě. In Charvát, P., Maříková-Vlčková, P. (eds.). *Země Koruny české a východní Středomoří: ve středověku a novověku*. Praha: Univerzita Karlova, 73—119.
- Salamon, M. 2012. Byzantine Missionary Policy. Did It Exist? In: Salamon, M., Wołoszyn, M., Musin, A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence* 1. Kraków: IAE PAN, 43—54.
- Shepard, J. 2012. Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Some Introductory Remarks. In Salamon, M., Wołoszyn, M., Musin, A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence* 1. Kraków: IAE PAN, 23—29.
- Smirnova, L. 2007. Wooden combs in the light of the history of comb-making Novgorod. In Brisbane, M., Hather, J. (eds.). *Wood use in medieval Novgorod*. Oxford: Oxbow, 298—334.
- Spier, J. 1993. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 56, 25—62.
- Stolyarova, E.K., Engovatova, A.V. 2017. Middle Eastern painted glass vessels from Yaroslavl. *Archaeologia Polona* 55, 147—160.
- Szmoniewski, B. 2010. Byzantium and the Slavs in the Light of Goldsmiths' Production. In Entwistle, C., Adams, N. (eds.). *Intelligible beauty: recent research on Byzantine jewellery*. London: British Museum, 161—172.
- Thomson, F. 1978. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and its Implications for Russian Culture. *Slavica Gandensia* 5, 107—139.
- Thomson, F. 1993. «Made in Russia»: A Survey of Translations Allegedly Made in Kievan Russia. In Birkfellner, G. (Hrsg.). *Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988—1988, Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988*. Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien 16. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 299—354.
- Volkov, I. 2006. Amphorae from Novgorod the Great and comments on the wine trade between Byzantium and Medieval Russia. In Orton, C. (ed.). *The pottery from Medieval Novgorod and its region*. London: UCL Press, 145—159.
- Wołoszyn, M. 2001. Byzantinische Fundstücke aus Polen — ausgewählte Probleme. *Byzantina et Slavica Cracoviensia* 3, 49—59.
- Zubkova, E., Orfinskaya, E., Mikhaylov, K. 2009. Studies of the Textiles from the Excavation of Pskov. *North European Symposium for Archaeological Textiles* 10, 291—298.

Статья поступила в сборник 28 февраля 2020 г.

Aleksandr Musin (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Мусин Александр Евгеньевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

E-mail: aemusin64@gmail.com

Address: Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

F. Nițu

Jewellery consumption in Wallachia and Moldova, 17th—18th centuries

Keywords: Wallachia, Moldavia, 17th—18th centuries, jewellery consumption, luxury, fashion

Ключевые слова: Мунтения, Молдова, XVII—XVIII вв., потребление ювелирных изделий, роскошь, мода

F. Nițu

Jewellery Consumption in Wallachia and Moldova, 17th—18th centuries

The study explores the evolution of jewellery consumption in Wallachia and Moldova, during the 17th—18th centuries, from the perspective of the luxury consumption at the level of the elite. The documents that were analysed highlight a transition from oriental luxury, introduced through Phanariot rulers to Western luxury, directly inspired by contact with travellers or foreign officers and ambassadors passing through the Principalities, but also indirectly through fashion magazines. On the other hand, we can see that jewellery is closely related to fashion and follows the trends and consumer options in connection to it. They mark the social or political position, but also the cultural values adopted by the elite, which are expressed through in fashion choices. There are jewels that are neutral in terms of western or oriental influence, just as belt clasp (paftale) are directly related to the oriental costume. After the middle of the eighteenth century, we notice a mutation in the dowry sheets regarding the relationship between jewellery and clothing, in favour of the latter; the typology of jewellery is limited, but we find valuable jewellery, adorned with diamonds or diamonds and, also, the number of some of the pieces increases (rings, for example).

Ф. Ницу

Потребление ювелирных изделий в Мунтении и Молдове в XVII—XVIII вв.

Исследуется эволюция потребления ювелирных изделий в Мунтении и Молдове в течении XVII—XVIII вв. в контексте престижного потребления предметов роскоши среди элит. Проанализированные документы демонстрируют переход от предметов роскоши восточного происхождения (традиция, обязанная своим появлением правителям-фанариотам) к предметам роскоши западного происхождения. Побудительными факторами этого перехода были как прямые контакты с западными путешественниками, иностранными офицерами и послами, так и опосредованное влияние со стороны журналов мод. С другой стороны, мы видим, что ювелирные украшения тесно связаны с модой, следуют ее трендам и имеющимся в этой связи у потребителей возможностям выбора. Они маркируют социальное положение или политический статус, а также восприятие элитой культурных ценностей, выраженных через выбор в престижном потреблении. Также необходимо отметить как существование ювелирных изделий, нейтральных с точки зрения дихотомии восточного-западного влияния, так и являвшихся неотъемлемой частью костюма восточного происхождения, как застежки пояса (пафты). После середины XVIII века в списках приданого отмечается изменение количественного баланса между ювелирными украшениями и платьем — в пользу платья. Наборы украшений не очень разнообразны, но среди них мы видим дорогостоящие ювелирные изделия, украшенные алмазами, или просто алмазы. Число некоторых ювелирных изделий (в частности, перстней) возрастает.

Our research proposes an analysis of the Wallachian and Moldavian societies during the 17th—18th centuries, from the perspective of jewellery investments, as a luxury consumption. This approach allows the understanding of some economic, social and cultural behavioral aspects, in a territory that records in the studied time period a transition from Ottoman and Eastern influences to European models and, surely, to modernity.

Thus, we will seek to identify the jewellery consumption mentioned by the dowries, the testaments and recordings of goods or reflected in travel journals, other sources (iconographic, archaeological), the value and the place within the wealth, the forms of investments, the rhythmicity in which some of

them appear, their characteristics depending on the social condition of its owner, in order to understand the values and behaviours which can be identified through this type of luxury consumption.

Luxury is considered to be tightly linked to consumptions, it being an ostentatious consumption in Th. Veblen perspective (Veblen 1899), or the result of excessive and economically unproductive expenses or a way of consolidating the dominance through the use of specific marks (Bourdieu 1984). Henceforth, wealth is an essential condition for accessing luxury and the main sources we will discuss concern especially the social categories with a good and very good economical situation.

The interpretation of jewellery consume in the consumerist paradigm allows us to identify the values which can be associated with these goods, owned by the rich people, their place in different social, cultural and political practices. This way, we can see the reproduction of a group's or communities' social identity. The more compact and impermeable the group is to external influences, the more constant the meaning and value of these goods remains. When the group or the community makes contact with external influence factors, the meaning of these goods begins to change. New behaviors about the acquisition of prestigious goods appear, these objects are charged with new symbolic values. A special mention is worth adding about the significance of using certain precious stones, for which the Europeans develop a series of beliefs and superstitions; so far, there is no analysis dedicated to these aspects in the Romanian territory, due partially to the poverty of sources, but it is hard to believe the Romanians borrowed oriental or occidental models and fashions without also borrowing their original significances. Which of the precious stones bring luck? Which are the precious stones charged with misfortunes? These are questions with answers that would allow the understanding of profound manners of thinking and acting of the premodern Romanian society and, certainly, the frequency in which certain stones appeared in the jewellery ornamentation. Generally, it is thought that precious stones protect oneself from evil spirits, cure some illnesses, ensure strength and indestructibility (the diamond) or maintain one's memory alive (turquoise). Certainly, the most important criteria from the perspective of an expression of wealth and refined taste is the price, thus it is not surprising that in the dowry records made by Constantin Brâncoveanu for his daughters, the diamonds are the main stones, them being rather rare in comparison to other precious stones from the Orient. Likewise, during the 18th century we will meet diamonds and brilliants through the elite's jewellery in the Romanian Principalities. Probably, we can also consider the innovations concerning the process of cutting this stone in the 17th century relevant. Still, until the 19th century, when documents explicitly mentions the presence of brilliants in the decoration of jewellery, in the Romanian countries, the sources talk mostly about the shape, size and colour of diamonds, rarely about their cut. We can consider the fact that the "roze" diamonds, mentioned in Brancoveanu's dowry records, refer to rosette cut of the diamonds, which appeared in the 17th century and assures its highest brilliance level.

The diffusion and the valorization of luxury goods by society led to condemning reactions from both the Church and the State, that are frequently documented until the end of the 18th century, prove that the society are already captivated by this model. Moreover, luxury was also noticed by foreign travelers that pass through the Principalities. The development of production and commerce, the emergence of some changes in distribution and in the level of income led to a larger level of development and diffusion of consumption in Western Europe, that were specific during the last centuries to a small number of people, making the 18th century be considering by researchers the century of luxury.

The *narhs* (maximal fixed prices) from the 18th century try at first to keep the prices low for some of the essential products, but as the consumption excesses grew higher, the Phanariot rulers try to limit the Bucharest prices for larger types of commodities and services, proof that the concern for building an opulent life style became a characteristic of wealthy townspeople.

The boyars, the high clergy and the princely family used the incomes obtain by trade with products from their own domains, to acquire some luxury objects (like the jewellery, different clothing articles, fine shoes, shawls, precious fabrics and fine silk, furs) from import, in the instances when they didn't use the services of their own artisans. Del Chiaro (Călători străini 1983: 380) talked about the fact that, twice a year, the boyars and the ruler used to buy precious objects brought from Venice and Bohemia by Levantine merchants or by the ones from Lipsca (Leipzig). For the Wallachian elite, there also use to be brought silverware from Austria, jewels, precious fabrics and other luxury items from the Ottoman East (Călători străini 1983: 1083). These luxury products are rarely mentioned in custom registers, proof that they weren't regular products, but purchases made by ordering them, maybe even with the payment in advance. In other situations, these objects were made by agents of the ruler or those of the boyars, situations in which they were exempted from custom taxes. The Căineni custom records mention few of these luxury merchandises: cloth, sable and amber (Giurescu 1962: 446).

One century after del Chiaro's narrations, the stories of foreign travelers indicate the diversification of luxury items brought from the European centers. From Vienna, they use to bring velvet, satin, cashmere, mousseline, chevrons and embroidery, jewellery, from Leipzig fine cloth and cashmere, silk fabrics, mousseline, English and Italian silk fabrics, Dutch and Venetian fabrics, accessories from Paris and London, watches from Geneva, accessories made from silver and

gold from Prussia. Russia remained the main supply for furs. From the fairs in Lipsca and Viena, the merchants brought luxury products twice a year, including “a great number of jewels, pearls, watches and other items from gold and silver” (Călători străini 2000: 502, 695; Călători străini 2004: 443). A confirmation of these luxury acquisitions is brought by Baltazar Hacquet, who reported that in 1788—1789, at a fair in Iași, precious stones and pearls were brought from Western Europe (Călători străini 2000: 844).

The increase in luxury consumption became visible in the second half of the seventeenth century in elites; it can be documented by the significant amount of precious metal ornaments, by sumptuous clothing, accessories and other elements of house comfort mentioned by various inventories of preserved goods (Nițu 2006: 89—124).

These documents allow us to observe the changes in the structure of luxury consumption, following the fashion and representing at the beginning of the nineteenth century a sign of the modernization of society at elite levels. Thus, from a luxury consumption characterized mainly by personal items, such as clothing, jewellery and expensive clothing accessories, the interest in consumption has moved during the second half of the eighteenth century to exotic goods, in the field of food consumption (including tableware) or to forms of representation such as housing, carriage and later, household staff (servants). This observation corresponds to the assessments made about the characteristics of consumption at European level, which have gone from ostentation and opulence to refinement, expressed by fewer objects of personal adornment but more accessories that ensure the comfort of the individual.

Among the sources, the dowry records are the richest in information that helps us to reconstruct the typology of clothing consumption, the appearance of new products on the market, the spread of new habits closely related to the models of the time and especially a penchant for luxury and a type of comfort that announces modernity.

Those of the foreign travellers who returned to the Romanian space or lived for a longer period of time as private secretaries of the Phanariot rulers or teachers for the children of the great boyars had the opportunity to see both the gradual orientation towards the Western consumption model and the increase of luxury (Călători străini 2004: 767). However, European luxury was met in the Principalities with manifestations of oriental opulence. Even if they are up to date with European fashion, the Moldavian and Wallachian boyars still fail to convince Charles Frédéric Reinhard, consul general in the Moldavia about the

subtle assumption of European luxury elegance: “as for luxury items, although in Iasi it is read” “*Le Journal des Modes*”, the taste is not refined enough here to distinguish Vienna fashion from Paris fashion” (Călători străini 2004: 274).

In other situations, the travellers were a little more nuanced in their descriptions; for example, Ludwig Kreuchely von Schwerdtberg, who had been in Iasi before 1820 as preceptor of Beizadea Alexandru, the son of Mr. Scarlat Callimachi, summarized what he saw at a ball in Bucharest with the following words: “a lot of luxury, a certain lack of taste, yet elegance and kindness” (Călători străini 2004: 917).

Count d’Hauterive’s reflections on this subject, after living in Moldova for two years at the end of the 18th century, are also relevant; he said that the boyars seemed to want a combination of the brilliance of Asia with the “luxury of Europe” (D’Hauterive 1902: 191) thus assimilating different expressions of ostentatious consumption.

This situation is also specific to a larger area in contact with the Ottoman Empire; as Aleksandra Kontry-Jones remarks, there is no firm separation between East and West, but experiments in different shades and proportions of East and West, related to the level of understanding and assimilation of influences (apud Jasienski 2014: 183).

However, it is the clothing fashion that first attracts attention, which is why these stories focus much less often on jewellery, which completes and ennobles a costume made of luxurious materials.

What information do the documents provide? Those prior to the seventeenth century make rare reference to clothing and jewellery worn by the boyars, even though archaeological discoveries suggest an interest of this elite in clothing and accessories. Instead, land is the main form of wealth preservation, and most of the documents held are based on these types of property transactions. The elite is more mobile (the lord can lose the throne, the boyars in his party can accompany him in exile) and that is why we encounter several cases of investing wealth in movable goods, valuable and easy to transport in times of refuge.

As we advance in the seventeenth century, the fashion of clothing and expensive jewels or tableware radiates from the ruler and his family to the high and even middle boyars, so that in the eighteenth century we meet concerns of establishing wealth according to such models and at the level of rich townspeople.

A document from 1745 shows us the minimum clothing items for a young woman on the verge of marriage: ghiordia (long winter coat) and tivili-chia (short coat), both fur. So, beyond these piec-

es, we can consider that luxury was beginning to make its presence felt (Iorga 1903: 156).

The types of clothes worn by the elites gradually diversified, gaining an oriental influence more and more pronounced in the eighteenth century, both in terms of materials used and in terms of cuts or even the type of clothing. However, all these garments do not always reveal the jewellery, so the iconographic sources most often indicate only the wearing of earrings, chains, necklaces, rings and accessories such as buttons, hat pins, belt clasp (*pafta*). On the other hand, the withdrawal of women from the forefront of public life under the influence of the Ottoman model, deprives us of information on the evolution of women's fashion until the end of the eighteenth century. Dowry sheets and wills, however, testify to a much richer and more diverse range of ornaments and accessories, but also an evolution of jewellery from ostentation and massiveness to valuable pieces through the quality of material and craftsmanship. At the beginning of the 19th century, the ladies of the Principalities refer to European fashion, as a series of accounts indicate; the transition is made gradually, with financial efforts on the part of the spouses, with opposing reactions from the priests, so that the elderly women or the boyars of the third state still wore oriental fashion clothes (Auguste de Lagarde in *Călători străini* 2004: 565). Other accounts complete this picture by stating that European fashion is doubled by the oriental richness expressed in expensive furs, rich shawls and numerous jewellery (William Wilkinson and Robert Porter in *Călători străini* 2004: 640, 811). Therefore, although there was an increasingly visible orientation towards European fashion, the habit but also the richness of oriental materials made the Moldavian-Wallachian elites to swing at the beginning of the 19th century between the Eastern and the Western model.

The narrations of foreign travellers mention jewellery with diamonds and other precious stones (John Petty in *Călători străini* 2000: 669), but much more useful for reconstructing their typology remain wills, dowry records, various inventories of goods. As a typology, we do not find great differences between the jewels mentioned by the documents of the 17th century and those from the end of the 18th century. However, based on the documentary information we had at our disposal, it seems that the clothes started to acquire an increasing numerical and value proportions within the fortunes of the Wallachian and Moldavian elite. Thus, a white shawl from the dowry of Catinca, the daughter of Maria Cantacuzino, was worth 1800 lei, in 1815, i. e. three times more than the diamond engagement ring in the same document (Iorga 1903: 190—191).

Jewellery attested by written, figurative documents, as well as archaeological evidence, adorned the head (diadems, veil needles, earrings and "sărji"), the neck (necklaces or "ghiordane", gold chains, "salbe", pearl strings, pendants or "lefturi") and arms (pairs of bracelets, rings) but there is a richness and diversity including accessories: "sponci" (stitches for clothes), buttons, belt clasps precious stones or pearls embroidered on clothing. Made of gold or gilded silver, jewellery and clothing accessories were adorned with diamonds, emeralds, rubies, sapphires, "balașuri" (a kind of rubies) or pearls, a work that increased not only the value of the pieces but also the magnificent appearance, which marked the social position but also fashion choices. Another observation that emerges from the analysis of the researched documents is that gradually, pins for hair and veil disappeared from fashion, as the head covering acquired an increasingly accentuated oriental influence. Also among the head ornaments, the crowns or diadems worn by the women of the 16—17th centuries were no longer found in the dowry sheets of the young boyaresses from the 18th century; likewise, those strings of money put on the head, a fashion of the seventeenth century, which survived in the folk costume of certain areas, are no longer found in the boyar inventories of the eighteenth century. In fact, the descriptions of foreign travellers often referred to the way the hair is braided and covered with ribbons, flowers, pearls, diamonds or ostrich feathers, as well as the tall, tapered hat that covered the head (Baltazar Hacquet, Alexandre de Langeron, Charles-Joseph de Ligne, Andreas Wolf in *Călători străini* 2001: 830, 915, 937, 1277). Also, the great diversity of chains, necklaces (ghiordane) or "salbe" is no longer found in documents from the middle of the 18th century, most often being mentioned among jewellery, earrings, rings, pearl beads and bracelets, even if among the pieces preserved from the beginning of the 19th century, we will still find necklaces and bracelets. As for the rings, they seem to represent the jewel that dominates the period from the end of the 18th century to the beginning of the 19th; Andreas Wolf counts no less than 10—12 rings with diamonds on the fingers of the great boyars (*Călători străini* 2001: 1277). In fact, diamond rings appear more and more often among the goods of the 19th century. The wide circulation of rings and the spread of their use to less affluent social groups make rich families either offer a large number of rings as dowries or buy diamond rings, which were more valuable.

So, if in the seventeenth century, the most common ornaments found in dowry sheets were earrings, wreath, necklace ("gherdan") or chain, veil (or money to put on the head) and rings,

to which were sometimes added. pearl strings, chains with golden coins (*salbe*), pendants, bracelets, after the middle of the 18th century, we still find earrings, rings, pearl strings and beads, pendants (left), but the belt clasps (which accompanied oriental fashion dresses, with belts worn over the hips). Recordon said at the beginning of the 19th century that the noblewomen “wore all kinds of the most expensive jewellery, such as earrings, necklaces, medallions and rings” (Călători străini 2004: 680).

In addition, also in the early nineteenth century, we find in dowry records (Iorga 1903: 198—200; Iorga 1909: 91—92)) hairpins or brooches (diamond butterfly, diamond flower and a large emerald), either to catch the dress, or perhaps as a hair accessory, as we see in the portrait of Safta Ypsilanti, from the National Museum of Art of Romania.

The earliest engagement ring mentioned by the studied documents is a diamond ring (white colour refers to purity and diamond to durability) mentioned by the 1678 dowry sheet of Catriana, daughter of Toader Iordachi treasurer (Iorga 1904 b: 177—179). In Europe, the diamond engagement ring is attested from the end of the 15th century.

The number of pearl necklaces (“*șiraguri de mărăgăitare*”) mentioned by the dowry records varies quite a lot, as does the size of the pearls or the shape, but they appear in quite large numbers (beads are a type of ornament frequently used in our space and transmitted in folk costume). The most numerous beads appear in dowry sheets drawn up by the Cantacuzino family, either in Moldavia or in Wallachia (Ghițulescu 2001: 260—261; Iorga 1904 b: 177—179); also, Măriuța, Ancuța Brâncoveanu’s daughter, received 23 pearl necklaces as dowries (Lazăr 2015: 489). Likewise, the pairs of earrings appear in number of 4 or 6 in the rich dowry records (Iorga 2011: 46—48), and the rings appear in number of 8—10—12 in these dowry sheets made up of the princely or boyar families (Iorga 1904 b: 177—179, 189—191, 193—194; Ghițulescu 2001: 260—261). However, at the end of her life, a noblewoman could even hold 24 rings (of which 9 with diamonds), as was the case with Măriuța Argetoianu, Constantin Brâncoveanu’s niece (Lazăr 2015: 489—490).

Sometimes, the documents also mention the origin of the jewellery: in 1728, Ilinca Strâmbeanu’s will from Craiova mentioned a pair of gold earrings made in Venice and a pair of diamond bracelets, also from Venice, while in 1730 (Iorga 1905: 264), the dowry sheet of Bălașa, daughter of Iordachi Cantacuzino vel logofăt (Moldova) included a chain made in Țarigrad

(Iorga 1904b: 189—191). Among Măriuța Argetoianu’s jewels was a diamond necklace (“*ghiordan*”) bought from Țarigrad (Lazăr 2015: 489).

However, the fashion musts also applied in the field of jewellery, so that in the dowry sheet of the daughter of a merchant from Oltenia we find, in 1821, a pair of “fashionable” diamond earrings, two diamond rings, two diamond hairpins and a gold chain “fashionable, thick” (Iorga 1913: 48—49).

On the other hand, the mention in documents from the early nineteenth century of rings that had embedded an “antique” (Iorga N. 1904 a: 15), most likely a cameo, suggests the connection to a predominant European current in the time of Napoleon I, who asked to decorate his crown with cameos leading to a real frenzy of imitation of ancient stones.

Conclusions

In the case of the Wallachian and Moldavian society, the documents of the 17—18th centuries allow us to observe a change of tastes, a cultural translation from Eastern to Western fashion in terms of clothing, ornaments, but also other aspects of everyday life. The change of fashion and the interest for other cultural models led to changes in the typology of jewelleries, which had to correspond to other forms of clothing but also to other forms of expression of ladies from high society. Going out in the public sphere, participating at balls, so a more dynamic lifestyle have also changed the preferences for certain pieces of jewellery. These new models produce emulation among a female population increasingly interested in connecting to the forms of expression of the nineteenth century, so we find valuable jewellery and dowry records made by wealthy townspeople since the second half of the 18th century: Ilinca, daughter of the guild leader Mărgărit from Bucharest, in 1761, or the daughter of a merchant from Muntenia, in 1821 (Potra 1982: 218; Iorga 1913: 48—49).

Regarding the Eastern or Western influences on jewellery, the documents do not provide much information, apart from those — rare — on the place where they were made; the techniques of making adornments do not always carry a local imprint, we can, at most, evaluate the way some norms of implementation, specific to the guilds of goldsmiths or jewellers, were respected.

We can therefore appreciate that jewellery was, along with clothing, a constant element of the of luxury consumption pursuits, manifested by the Muntenian and Moldovan elite throughout the seventeenth and eighteenth centuries. Their

analysis allows the observation of the emergence of cultural models in the Principalities and is an important indicator in understanding the mental-

ity of Romanian society in the various stages of its evolution towards modernization of the nineteenth century.

Bibliography

- Bourdieu, P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London; New York: Routledge.
- Călători străini 1983: *Călători străini despre Țările Române* (Foreign travelers about Romanian Countries) 8. Bucharest.
- Călători străini 2000: *Călători străini despre Țările Române* (Foreign travelers about Romanian Countries) X (1). Bucharest.
- Călători străini 2001: *Călători străini despre Țările Române* (Foreign travelers about Romanian Countries) X (2). Bucharest.
- Călători străini 2004: *Călători străini despre Țările Române în secolul al XIX-lea* (Foreign travelers about Romanian Countries in 19th century) I. Bucharest.
- Ghițulescu, C. 2001. Zestrea între normă și practică [Dowries between Legal Norm and Practice. Seventeenth-Century Wallachia]. *Studii și materiale de istorie medie* (Studies and materials of medieval history) XIX, 255—264.
- Giurescu, D. C. 1962. Anatefterul. Condicta de porunci a visteriei lui Constantin Brâncoveanu (Anatefter. The Register of Commandmentes of C. Brâncoveanu's treasury). *Studii și materiale de istorie medie* (Studies and materials of medieval history) V, 353—504.
- D'Hauterive, A. M. B. de Lanautte. 1902. *Memorii despre starea Moldovei la 1787 de comitele d'Hauterive* (Memorandum about Moldavia in 1787 by count d'Hauterive). Bucharest: Institutul de arte grafice „Carol Göbl”.
- Jasienski, A. 2014. A Savage Magnificence: Ottomanizing fashion and the politics of display in early modern East-Central Europe. In: Gülru Necipoğlu (ed.). *Muqarnas. An Annual on the Visual Cultures of the Islamic World* 31. Leiden; Boston: Brill, 173—206.
- Iorga, N. 1903. *Studii și documente cu privire la istoria românilor* (Studies and documents concerning Romanian History) V. Bucharest.
- Iorga, N. 1904a. *Studii și documente cu privire la istoria românilor* (Studies and documents concerning Romanian History) VI. Bucharest.
- Iorga, N. 1904b. *Studii și documente cu privire la istoria românilor* (Studies and documents concerning Romanian History) VII. Bucharest.
- Iorga, N. 1905. *Studii și documente cu privire la istoria românilor* (Studies and documents concerning Romanian History) XI. Bucharest.
- Iorga, N. 1909. *Studii și documente cu privire la istoria românilor* (Studies and documents concerning Romanian History) XVI. Bucharest.
- Iorga, N. 1913. *Studii și documente cu privire la istoria românilor* (Studies and documents concerning Romanian History) XXII. Bucharest.
- Iorga, N. 2011. *Scrisori de femei* (Women letters). Bucharest.
- Lazăr, Gh. 2015. Averele unei descendențe brâncovenești: Maria Argetoianu (The Property of Maria Argetoianu, a Descendant of the Brâncoveanu Family). In: Iacob, D. D. (ed.). *Avere, prestigiu și cultură materială în surse patrimoniale* (Fortune, Prestige and Material Culture in the Patrimonial Sources). Iași: Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, 475—522.
- Nițu, F. 2006. *Prețuri de podoabe și orfevrărie din metal prețios în spațiul românesc secolele XVI—XVII* (Prices of adornment and silverworks form precious metal in the Romanian territory 16—17th centuries). București: Editura Universității din București.
- Potra, G. 1982. *Documente privind istoria orașului București 1634—1800* (Documents concerning the history of Bucharest 1634—1800). Bucharest.
- Veblen, Th. 1899. *Thorstein Veblen The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. [electronic resource]. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/833/833-h/833-h.htm> (accessed 28.07.2015).

Статья поступила в сборник 18 мая 2020 г.

Florentina Nițu (Bucharest, Romania). PhD. University of Bucharest¹.

Ницу Флорентина (Бухарест, Румыния). PhD. Бухарестский университет.

E-mail: florentinanitu@yahoo.com

Address: ¹ Regina Elisabeta Bd., 4-12, sector 5, Bucharest, 030018, Romania

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология Евразийских степей. Казань.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
АИППЗ	— Археология Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В.В. Седова.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН РМ	— Академия наук Республики Молдова. Кишинёв.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АО	— Археологические открытия. Москва.
Археология София	— Археология. Орган на Археологически Институт и Музей. София.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград — Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БАН	— Българската Академия на науките. София.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БСЭ	— Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд.
БФ	— Благотворительный фонд.
ВАС	— Всероссийский археологический съезд.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва; Ленинград.
ВИМ	— Всеукраинский исторический музей. Киев.
ВНИИР	— Всероссийский Научно-исследовательский институт реставрации. Москва.
ВУАН	— Всеукраинская академия наук. Киев.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГД	— Городище, Детинец.
ГИБИ	— Гръцки извори за българската история. София.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
Гос.НИИР	— Государственный научно-исследовательский институт реставрации. Москва.
ГРИ	— Государственное республиканское издательство.
ГРМ	— Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ДБ	— Дмитрий Буланин (издательство).
ДГВЕ	— Древнейшие государства Восточной Европы. Москва.
ДРГ	— Древности Российского Государства. Москва.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия; Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма РАН. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории РАН. Москва.
ИД	— Издательский дом.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИАК	— Известия Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИНМВ	— Известия на народния музей Варна. Варна.
ИНИОН АН СССР	— Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Москва.
ИЯЛИ АН РТ (АНТ)	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
ІУ НАНУ	— Інститут історії України Національної академії наук України. Київ.
ІМФЕ	— Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського. Київ.
КНУ	— Київський національний університет імені Тараса Шевченка. Київ.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград — Санкт-Петербург.
КФАН СССР	— Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.

ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Москва.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии АН СССР — РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Ленинград; Москва.
МНИИЯЛИЭ	— Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики. Саранск.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НАИМ БАН	— Национален археологически институт с музей, Българската Академия на науките. София.
НАН	— Национальная академия наук.
НАНУ	— Национальная академия наук Украины. Киев.
НГМ	— Новгородский государственный музей. Великий Новгород.
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИ	— научно-исследовательский институт.
НИМ	— Национальный исторический музей. София.
НИМБ	— Национальный исторический музей Болгарии. София.
НИЦ ИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь.
НКПКЗ	— Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник. Київ.
НМИУ	— Національний музей історії України. Київ.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород.
ОАВЕиС ГЭ	— Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ОАК, ОИАК	— Отчеты Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ОИРК	— Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ОЛЕАЭ	— [Императорское] Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАМ	— Чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПГПИ	— Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова. Псков.
ПетрГУ	— Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РадВМ	— Рад Војвођанских Музеја. Нови Сад.
РАН	— Российская академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РИМ, РИМ-Варна	— Регионален исторически музей. Варна.
РИЦ	— редакционно-издательский центр.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РСМА	— рентгеноспектральный микроанализ.
РФЛА	— рентгенофлюоресцентный анализ.
РЭМ	— Российский этнографический музей. Санкт-Петербург.
СА	— Советская археология. Москва; Ленинград.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград — Санкт-Петербург.
СИААМЗ	— Староладожский историко-археологический и архитектурный музей-заповедник. Старая Ладога.
СлРЯ XI—XVII вв.	— Словарь русского языка XI — XVII вв. Москва: Наука.
СлРЯ XVIII в.	— Словарь русского языка XVIII в. Ленинград — Санкт-Петербург: Наука.
СОИКМ	— Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара.
СОРЯ XVI—XVII в.	— Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI — XVII веков. Санкт-Петербург.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУКИ	— Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Санкт-Петербург.
СПбГУПТД, СПбГУТД	— Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.
СПбДА	— Санкт-Петербургская духовная академия. Санкт-Петербург.
СРНДРС, 1991	— Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. (Л. Г. Панин). Новосибирск. 1991.

ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
Тр. ПАО	— Труды Псковского археологического общества. Псков.
Труды АС	— Труды археологического съезда.
УАН	— Українська академія наук. Київ.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УДИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Ижевск.
УИВ	— Уральский исторический вестник. Екатеринбург.
УИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Ижевск.
УрГУ	— Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск/Екатеринбург.
ФА ИИМК РАН	— Фотоархив Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ФО НА ИИМК РАН	— Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
ЦАИ	— Центр археологических исследований.
ЦАМ	— Церковно-археологический музей.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив РФ. Санкт-Петербург.
ЦМиАР	— Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва. Москва.
ЧИНИИИСФ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный.
ЧСМ	— культура Черняхов — Сынтана-де-Муреш.
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва.
ЭС Шанского. II-8	— Этимологический словарь русского языка, под ред. Н. М. Шанского. т. II, вып. 8 (1982). Москва: МГУ.
ActMusNap	— Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca.
AM	— Arheologia Moldovei. București.
AMN	— Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca.
Argesis	— Argesis. Studii și comunicări. Pitești.
ArhMed	— Arheologia Medievală. Cluj-Napoca.
ArhMold	— Arheologia Moldovei. Iași.
Banatica	— Banatica. Reșița.
BisOrtRom	— Biserica Ortodoxă Română. București.
BMI	— Bulletin of Historical Monuments. Bucharest.
BSNR	— Buletinul Societății Numismatice Române. București.
BulComMonIst	— Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice. București.
Bull APA	— Bulletin de l'Association Pro Aventico. Avenches.
BulMonIst	— Buletinul Monumentelor Istorice. București.
BulMuzJudTel	— Buletinul Muzeului Județean Teleorman. Alexandria.
CercArh	— Cercetări Arheologice. București.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
EA	— Eurasia Antiqua. Berlin.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FolArh	— Folia Archaeologica. Budapest.
IAE PAN	— Instytut archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk. Warszawa.
ICCAT	— The International Commission for the Conservation of Atlantic Tunas. Madrid.
MA	— Memoria Antiquitatis. Acta Musei Petrodavensis. Piatra-Neamț.
MatCercArh	— Materiale și Cercetări de Arheologie. București.
MCA	— Materiale și cercetări arheologice. București.
MMAB	— The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New York.
MMJ	— Metropolitan Museum Journal. New York.
MN	— Muzeul Național (National Museum). Bucharest.
NAIM BAS	— National Archaeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences. Sofia.
ÖAW	— Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien.
PAS	— Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Rahden/Westf.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde. Stuttgart.
RA	— Revista Arheologică. Chișinău.
RevMonIst	— Revista Monumentelor Istorice. București.
RevMuz	— Revista Muzeelor. București.
RGZM	— Römisch-Germanische Zentralmuseum. Mainz.
SANU	— Srpska akademija nauka i umetnosti. Beograd.
SAV	— Slovenská akadémia vied. Bratislava.
SCIV(A)	— Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie). București.
SCN	— Studii și cercetări de numismatică. București.
SHM	— State Historical Museum. Moscow.
StCercNum	— Studii și Cercetări de Numismatică. București.